

166 за XV 38 9

1898

ИЗВѢСТІЯ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО

ИНСТИТУТА

КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XVI.

Содержаніе.

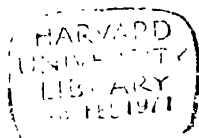
- I. Отчеты о состояніи Института за 189⁴/₅, 189⁵/₆ и 189⁶/₇ учебные годы.
- II. Правила Библіотеки Института.
- III. А. М. Фогель (Некрологъ). *Проф. С. Н. Жданова.*
- IV. П. А. Левицкій (Некрологъ). *Проф. М. Н. Бережкова.*
- V. Опытъ синтаксиса частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *Проф. А. В. Добіаша.*
- VI. Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійской библіотекъ. *Проф. М. Н. Сперанскаго.*

НѢЖИНѢ.

1898

△
P Slav 484.25 (16)

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-филологического
Института Квизи Безбородко Директоръ Ф. Гельбке.

Ukr. 57.

Нѣжинъ. Типо-лит. Венгера, д. Глезера.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Историко-Филологическаго Института
Князя Бзбородко въ Нѣжинѣ
за 189⁴/₅ учебный годъ.

Въ личномъ составѣ Института въ 189⁴/₅ учебномъ году произошли слѣдующія измѣненія:

Ординарный профессоръ *П. И. Люперольскій*, по выслугѣ имъ 35 лѣтъ учебной службы, 23 Апрѣля 1895 г., исключенъ изъ числа штатныхъ профессоровъ Института, при чемъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія ему поручено чтеніе лекцій въ Институтѣ по всеобщей исторіи, въ званіи профессора, въ теченіи 5 лѣтъ.

Преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Институтѣ утверждень, со дня избранія его Конференціей, съ 17 Августа 1894 г., преподаватель нѣмецкаго языка въ Гимназіи состоящей при Институтѣ *Э. Ю. Рихманъ*.

Ченомъ Правленія Института вновь избранъ Конференціа, на одинъ годъ, преподаватель *М. И. Дилеевъ*.

Ученымъ Секретаремъ за истеченіемъ трехлѣтія службы въ той должности ординарнаго профессора *А. М. Фогеля* 18 Мая 1895 г. избранъ Конференціею и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій*.

Всеми лостями вѣйше награждены орденами: Станислава 2 ст. ординарный профессоръ ст. сов. *Фогель* и св. Анны 3 ст. — и. д. экстраординарнаго профессора *Малеванскій*.

Число учащихся въ Институтѣ въ отчетномъ учебномъ году было слѣдующее.

Въ началу года состояло въ I курсѣ 28 студентовъ, во II—18, въ III—17 и въ IV—15 а всего 81 студентъ. Изъ этого числа студентовъ въ теченіи отчетнаго года уволены, для поступленія въ университеты, 1 студента I-го и 1 студентъ II курса. По результатамъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній въ Мая 1895 года—удостоены званія учителя гимназій 18 студентовъ окончившихъ курсъ (5 по классическому отдѣленію, 5 по словесному и 8 по историческому); перевода изъ III въ IV курсъ удостоены 17 студентовъ (4 студента классическаго отдѣленія, 5—словеснаго и 8—историческаго); въ III курсъ переведены изъ II-го 7 студентовъ; изъ I во II курсъ переведены 25 студентовъ; одинъ студентъ I курса оставленъ на второй годъ въ томъ же курсѣ. Изъ переведенныхъ во II курсъ 1 студентъ и изъ переведенныхъ въ III курсъ 3 студентовъ уволились изъ Института для поступленія въ университеты. Такимъ образомъ, въ кону отчетнаго учебнаго года состояли: въ I курсѣ—1 студентъ, во II—24, въ III—14, и въ IV—17 студентовъ.

Объемъ преподаванія, по отдѣльнымъ предметамъ, въ отчетномъ году былъ слѣдующій.

По *Закону Божию*—законоучителемъ свщ. П. Я. Свѣтловымъ, въ III курсѣ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, преподавано Православно-христіанское Догматическое Богословіе, съ апологетическимъ изложеніемъ догматовъ, и съ добавленіями изъ обличенія западно-христіанскихъ инославныхъ исповѣданій.

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора Г. В. Малеванскій излагалъ въ I курсѣ—логику, во II—психологию, въ III—исторію древней философіи (до Аристотеля включительно) и исторію новой философіи (до Канта включительно), при 2 лекціяхъ въ недѣлю въ каждомъ курсѣ.

По *педагогикѣ и дидактикѣ*—предметомъ чтеній преподавателя М. И. Лилеева, въ IV курсѣ, по 2 часа въ недѣлю служили общіе вопросы педагогикѣ и дидактикѣ и методическія замѣчанія по преподаванію главныхъ предметовъ гимназическаго курса; чтеніямъ этимъ былъ предпосланъ историческій очеркъ направленій въ педагогикѣ съ эпохи Возрожденія.

По *греческой словесности*—въ I курсѣ ординарный профессоръ А. В. Добіашъ, при 3 часахъ въ недѣлю, прочелъ

изъ Панегерика Исократы §§ 1—48 и упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Въ I и II курсахъ сводно, при 2 час. въ нед., профессоръ Добіашъ прочелъ 19 пѣсню Одиссеи и, при 1 ч. въ нед., изложилъ изъ научнаго греческаго синтаксиса симасіологію мѣстоименія и падежей. Во II курсѣ проф. Добіашъ, 1 ч. въ нед., руководилъ упражненіями студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій; въ томъ же курсѣ преподаватель *Н. С. Кирилловъ* прочиталъ, при 2 лекціяхъ, изъ VII книги Геродота, гл. 1—56 и 138—213. Въ III и IV курсахъ грамматическими упражненіями въ греческомъ языкѣ руководилъ ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ* (1 часть въ недѣлю—на классическомъ, а 1 часть—на словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ сводно). Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, профессоръ Ждановъ объяснял „Семь прогивъ Эивъ“ Эсхила и подъ конецъ года—„Лягушекъ“ Аристофана, а профессоръ Добіашъ руководилъ, по 2 часа въ недѣлю, семинарію, состоявшую въ толкованіи трагедіи Софокла „Антигона“. Въ классическомъ отдѣленіи IV курса профессоръ Ждановъ, при 2 лекціяхъ, излагалъ исторію греческой литературы. Въ III и IV курсахъ словеснаго и историческаго отдѣленій сводно, 2 часа въ нед., проф. Ждановъ объяснял „Всадниковъ“ Аристофана. Въ классическомъ и историческомъ отдѣленіяхъ III курса сводно, при 2 лекціяхъ, преподаватель Кирилловъ изложилъ государственныя древности Крита, Спарты и Афинъ.

По *римской словесности*—въ I курсѣ, 1 часть въ недѣлю, преподавателемъ *А. Θ. Абрамовымъ* разъяснялись важнѣйшіе отдѣлы латинскаго синтаксиса въ связи съ письменными переводами съ русскаго языка на латинскій; въ томъ же курсѣ, при 2 часахъ въ недѣлю, ординарный профессоръ *А. М. Фогель* объяснял Югурту Саллюстія, предпославъ объясненію очеркъ римской исторіографіи до Саллюстія и біографію автора. Въ I и II курсахъ сводно, при 2 часахъ въ недѣлю, преподавателемъ *Абрамовымъ* переведено и объяснено 568 стиховъ 9 книги Энеиды Виргилія. Во II курсѣ, 2 часа въ недѣлю, проф. Фогель объяснял діалогъ Цицерона *Sato maior de senectute*; студентовъ того же курса, 1 часть въ недѣлю, и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* упражнял въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій (тексты пред-

лагались частью из Ливія, частью из *Römische Geschichte* Шверлера), причемъ разъяснялись подробнѣе нѣкоторые труднѣйшіе пункты латинскаго синтаксиса. Студентамъ классическаго отдѣленія III и IV курсовъ сводно, при 2 лекціяхъ, проф. Турцевичъ переводилъ и объяснялъ *Dialogus de oratoribus* Тацита, предпославъ чтенію введеніе о жизни и сочиненіяхъ Тацита, а профессоръ *Фогель*, при 2 часахъ въ недѣлю, прочелъ исторію римской литературы Цицероновскаго періода и изъ литературы Августова вѣка главу о *Виргиліи*; тѣхъ же студентовъ проф. Фогель упражнялъ, 2 часа въ недѣлю, въ толкованіи одъ Горация, при чемъ студенты по очереди подавали написанные на латинскомъ языкѣ рефераты съ разборомъ, объясненіями и переводомъ назначеннаго профессоромъ стихотворенія Горация; рефераты эти обсуждались въ аудиторіи при участіи самихъ слушателей; тѣ же студенты упражняемы были, по 1 часу въ недѣлю, проф. *Турцевичемъ* въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій (тексты для переводовъ предлагались главнымъ образомъ изъ *Латинской Стилистики Бергера*); одновременно пройдены были главные правила латинской стилистики (по руководству Бергера). Студентамъ III и IV курсовъ словеснаго и историческаго отдѣленій совмѣстно, при 2 лекціяхъ, и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* толковалъ I книгу Ливія, предпославъ толкованію подробное введеніе—о римской историографіи до Ливія, о Ливіи и о критической разработкѣ исторіи царскаго Рима; тѣхъ же студентовъ профессоръ *Фогель*, 1 часъ въ недѣлю, упражнялъ въ латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій. Въ IV курсѣ классическаго и историческаго отдѣленій сводно, при 2 часахъ въ недѣлю, проф. *Турцевичъ* прочиталъ по римскимъ древностямъ курсъ о римскомъ гражданствѣ и народныхъ собраніяхъ.

Изъ *исторіи филологіи*—въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, при 1 часѣ въ недѣлю, профессоромъ *Добіашемъ* изложена исторія филологіи съ эпохи Возрожденія до Винкельмана.

По кафедрѣ *русской словесности*—экстраординарный профессоръ *В. В. Качановскій* преподавалъ въ I и II курсахъ

сводно, 2 часа въ недѣлю, церковнославянскій языкъ, при чемъ слушатели привлекались къ практическимъ занятіямъ по чтенію и объясненію старославянскихъ памятниковъ и уясненію корней словъ; въ III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія сводно, 2 часа въ недѣлю, профессоръ Качановскій излагалъ синтаксисъ русскаго языка, а въ IV курсѣ словеснаго отдѣленія, по 2 ч. въ нед., славянскія нарѣчія западной вѣтви, при чемъ студенты занимались практическимъ изученіемъ этихъ нарѣчій и представляли рефераты, которые разсматривались профессоромъ при участіи студентовъ. Профессоръ *Е. В. Пытуховъ* читалъ въ I и II курсахъ сводно, по 2 ч. въ нед., исторію русской литературы XVII и XVIII вѣковъ, а въ III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія сводно, по 3 ч. въ нед., излагалъ исторію русской литературы XVIII и XIX вв. (вончая Гоголемъ) и руководилъ, 1 часъ въ недѣлю, семинаріемъ: въ первомъ полугодіи семинаріи состоялъ въ чтеніи и разборѣ памятниковъ русской литературы XI—XVII вв., а во второмъ— читались и разбирались рефераты студентовъ III к. написанные на взятыя въ началѣ учебнаго года темы.

По предмету *теоріи словесности*—преподавателемъ *А. П. Кадлубовскимъ* въ III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія сводно, при 2 часахъ въ недѣлю, изложено ученіе о поэтическихъ родахъ въ историческомъ ихъ развитіи,—именно о формахъ поэзіи эпической и лирической.

По *всеобщей исторіи*—въ I курсѣ ординарнымъ профессоромъ *П. И. Люперольскимъ*, при 4 лекціяхъ въ недѣлю, преподана исторія Египта, Вавилоніи и Ассиріи и исторія Греціи до Херонейской битвы, съ обзоромъ источниковъ и пособій по преподааннымъ отдѣламъ исторіи; во II курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій*, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, излагалъ общій курсъ римской исторіи, со введеніемъ—объ ея источникахъ и разработкѣ (изложеніе было доведено до диктатуры Суллы). Въ историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, по 2 часа въ недѣлю, преподавателемъ *М. И. Дилевскимъ* излагались слѣдующіе отдѣлы средней исторіи: начало исторической жизни новыхъ народовъ въ связи съ судьбами римской имперіи, западной и восточной; объединеніе германороманскаго міра и отношеніе его къ

міру грекославянському; западная Европа въ эпоху господства феодальнаго порядка и торжества папской власти; время упадка имперіи и папства и разложенія феодализма. Въ III курсѣ историческаго отдѣленія проф. *Покровский*, при 2 часахъ въ недѣлю, руководилъ семинаріемъ по римской исторіи; въ 1-мъ полугодіи семинарій посвященъ былъ ознакомленію студентовъ съ источниками римской исторіи, во 2-хъ полугодіи разбирались рефераты студентовъ по отдѣльнымъ вопросамъ римской исторіи. Въ IV курсѣ историческаго отдѣленія, 2 часа въ недѣлю, профессоръ *Люперольскій* велъ семинарій по тѣмъ отдѣламъ всеобщей исторіи, какіе избраны были важнымъ изъ студентовъ для самостоятельнаго изученія; представляемые студентами письменные и изустные рефераты подвергались разбору на лекціяхъ.

По *русской исторіи* ординарнымъ профессоромъ *М. Н. Бережковымъ*—въ I и II курсахъ совмѣстно, при 3 лекціяхъ въ недѣлю, преподана исторія Московскаго государства и западной Россіи въ XVII в., исторія Россіи при Петрѣ Великомъ и очеркъ послѣдующей русской исторіи XVIII в.; въ III и IV курсахъ историческаго отдѣленія, сводно, при 1 лекціи въ недѣлю, изложена исторія царствованій Императоровъ Николая I и Александра II, съ обзорніемъ русской исторіографіи отъ Карамзина до Соловьева, и, при 2 часахъ въ недѣлю, читанъ курсъ о русскихъ мемуарахъ XVIII в.; въ связи съ этимъ курсомъ велись практическія занятія студентовъ, по 1 часу въ недѣлю; представленные студентами рефераты по изученію мемуаровъ читались и разбирались въ аудиторіи.

По *географіи* преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* въ III курсѣ историческаго отдѣленія, при 1 лекціи въ недѣлю, изложены изъ общаго землевѣдѣнія отдѣлы: океанографія, гидрографія и метеорологія съ климатологіей; въ IV курсѣ историческаго отдѣленія, при 2 лекціяхъ, сверхъ тѣхъ же отдѣловъ читаны обзорніе формъ горизонтальнаго и вертикальнаго расчлененія суши, съ изложеніемъ теоріи ихъ происхожденія, а также основанія методики географіи.

Въ отношеніи къ изученію *новыхъ языковъ*, изъ коихъ обязательнымъ считается только одинъ, студенты безъ различія курсовъ, раздѣлялись на 2 отдѣленія по каждому языку—

низшее и высшее. По *французскому языку*, у преподавателя *Л. Н. Мишеля*, въ низшемъ отдѣленіи, 2 часа въ недѣлю, объяснялись этимологія и синтаксисъ языка по Грамматикѣ Гоппе, и переводились практическія упражненія изъ той же Грамматики; въ высшемъ отдѣленіи, 2 часа въ недѣлю, переводы, съ грамматическими поясненіями, дѣлались изъ Хрестоматіи Л. Анспаха. По *нѣмецкому языку*—преподаватель *Э. Ю. Рихманъ* въ низшемъ отдѣленіи, при 2 часахъ въ недѣлю, переводилъ статьи изъ 1-й части Хрестоматіи Гретмана и *Geschichte des siebenjährigen Krieges* Архенгольца; въ высшемъ отдѣленіи, по 2 часа въ недѣлю, преподаватель читалъ со студентами изъ „Лаокоона“ Лессинга 13 главъ, обращая при объясненіяхъ особенное вниманіе на нѣмецкую фразеологію. Сверхъ того, преподаватель Рихманъ выдѣлялъ еще 2 часа въ недѣлю для ознакомленія студентовъ, выразившихъ желаніе начать изученіе нѣмецкаго языка, съ основными правилами этого языка.

Въ теченіи учебнаго года по каждому предмету акроаматическаго преподаванія было отъ 2 до 4 собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаваемымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ (кроме приготовленія на дому переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки) состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались *домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ*. Предметами домашняго чтенія служили: въ I курсѣ—по греческому языку (подъ руководствомъ проф. Добіаша) 6 книгъ Анабазиса Ксенофонта, и по латинскому языку (подъ руководствомъ преподавателя Абрамова) въ 1-мъ полугодіи первыя 3 книги *de bello Gallico* Цезаря, во 2-мъ—эпизоды: *Serhalus et Procris*, *Ervsichthon* и *Seux et Alcione* (всего 708 ст.) изъ *Метаморфозъ* Овидія; во II курсѣ: по греческому языку (подъ руководствомъ преподавателя Кириллова)—въ 1-мъ полугодіи Платонова

Апология Сократа, во 2-мъ — II и III книги Илиады; по латинскому языку (подъ руководствомъ проф. Турцевича) — 34 книга Ливія и 8 пѣснь Энеиды Вергилія. Для руководства домашнимъ чтеніемъ производились собесѣдованія, въ I курсѣ еженедѣльно, во II-мъ каждыя двѣ недѣли, попеременно по обоимъ языкамъ. Студенты обоихъ старшихъ курсовъ, подъ наблюденіемъ профессоровъ, сами избирали себѣ для домашняго чтенія произведенія древнихъ авторовъ и по прочитанному произведенію представляли каждое полугодіе письменные рефераты; повѣрка домашняго чтенія состояла въ собесѣдованіяхъ со студентами на основаніи ихъ рефератовъ. (Домашними чтеніями на старшихъ курсахъ руководили: по греческому языку въ III курсѣ проф. Добіашъ, въ IV курсѣ проф. Ждановъ; по латинскому языку—въ классическомъ и словесномъ отдѣленіяхъ III курса и въ IV курсѣ—проф. Фогель, въ историческомъ отдѣленіи III курса—проф. Покровский).

2) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ изъ семинарскихъ занятій. Студенты—классики III и IV курсовъ писали рефераты по греческой словесности и по римской словесности; студенты-словесники III курса—по исторіи русской литературы и IV курса—по славянскимъ нарѣчіямъ; студенты-историки III и IV курсовъ—по всеобщей исторіи и по русской исторіи (при чемъ рефераты по римской исторіи историковъ III курса служили вмѣстѣ и рефератами по латинскому домашнему чтенію). Кроме того, студенты-историки IV курса, подъ руководствомъ профессоровъ, изучали по источникамъ и пособіямъ избранные важными изъ нихъ для спеціальнаго изученія отдѣлы всеобщей исторіи.

3) Студенты III курса писали сочиненія по философіи, на темы, указанныя или одобренныя проф. Малеванскимъ; 11 изъ нихъ представили сочиненія по исторіи греческой философіи, 4 по исторіи новой философіи, 1 по логикѣ и 1 по психологіи.

4) Студенты IV курса писали выпускныя сочиненія. Профессору Добіашу студентъ Колтановскій представилъ диссертацию „О поэтическомъ изображеніи загробной жизни у

Гомера и Вергилия". Профессору Жданову представили сочинения студенты—Алексеевъ на тему: „Жизнь и характеры, изображаемые Теоокритомъ," и Окинчицъ—„О тропахъ въ Эврипидовой Гекубѣ". Профессору Фогелю студентъ Баршевъ представилъ диссертацию: „Q. Fabius Maximus Sanctator sive de vita moribus rebus gestis ejus Livio et Plutarcho auctoribus". Проф. Турцевичу студентъ Малюга представилъ сочинение: „Характеристика сатиры Ювенала (ея достоинства и недостатки)". Профессору Качановскому студентъ Смѣльницкій представилъ „Исслѣдованіе о гайдуцкомъ эпосѣ, по памятникамъ народнаго творчества у болгаръ и сербовъ", Тальвинскій—„Очеркъ жизни и литературной дѣятельности сербскаго поэта Змай Ювана Ювановича" и Александровичъ—„Матеріалы для біографіи и оцѣнки литературной дѣятельности Іосифа-Діонисія Минасовича". Профессору Пѣтухову представлены были сочинения студентами Кунцевичемъ на тему: „Князь А. М. Курбскій, какъ авторъ писемъ къ разнымъ лицамъ", и Федоровымъ—на тему: „Историко-литературный обзоръ русскихъ путешествій въ Іерусалимъ въ XVI и XVII вѣкахъ". Профессору Люперольскому представили диссертации студенты Горбуновъ—„Велисарій, полководецъ Юстиніана В.", Корейша—„Германія Тацита" и Ромасюковъ—„Государственная дѣятельность Оемистокла въ Афинахъ". Проф. Покровскому представлено было студ. Черноусовымъ сочинение „О партіяхъ Ипподрома въ Византіи". Профессору Бережкову представили: студ. Абуладзе—историческое разсужденіе: „Какъ состоялся союзъ Московскаго великаго князя Іоанна III Васильевича съ Менгли-Гиреемъ ханомъ крымскимъ", Фэллеръ—опытъ исторической характеристики: „Татищевъ, какъ дворянинъ", Шабердинъ—опытъ историко-критическаго комментарія къ Разговору о пользѣ наукъ и училищъ Татищева, и Шостацкій—историко-критическій опытъ: „Насколько вѣрно и объективно сочиненіе Шафирова подъ заглавіемъ: Разсужденіе о древнихъ и новыхъ причинахъ къ началу войны шведской?" Лучшія, по отзывамъ профессоровъ, сочиненія представлены были студентами Александровичемъ, Горбуновымъ, Кунцевичемъ и Черноусовымъ.

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ гимназіи происходили подъ ближайшимъ руковод-

статьи: „Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи“ и „Христіанство, какъ свѣтоносная сила въ мірѣ“, и въ „Душеполезномъ Читаніи“— „Источники вражды противъ религіи Креста“, „О значеніи храма въ духовной христіанской жизни“ и „Памяти Царя-Миротворца“.—Профессоръ *Ждановъ* печаталъ свои „Просодическія и критическія замѣтки“ въ „Филологическомъ Обзорѣніи.“—Профессоръ *Березжковъ* напечаталъ въ Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной Коммиссіи статью: „Древнѣйшая книга Крымскихъ посольскихъ дѣлъ.“—Профессоръ *Качановскій* напечаталъ въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“ слѣдующія статьи: 1) Южнославянскіе богатыри, приурочиваемые къ Македоніи; 2) Славянскій „Физиологъ“ сербской редакціи; 3) Генеалогія сербскаго жупана Стефана Немани въ сербскихъ лѣтописяхъ; 4) Южнославянскія записи 1325 и 1430 г.г.; 5) Старопечатныя славянскія изданія; 6) Краледворская рукопись; 7) Особенности говоровъ Каргопольскаго и Вытегорскаго уѣздовъ; 8) Къ вопросу о германскихъ словахъ въ старо-славянскомъ языкѣ (по поводу изслѣдованія Uhlenbeck'a, Die germanischen Wörter im Altslawischen); 9) О счинезіяхъ графа Голенцева-Кутузова; 10) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій; 11) Къ вопросу о происхожденіи украинскаго нарѣчія, 12) Латырь—янтарь, 13) Некрологъ профессора Н. С. Тихонравова, и 14) разборы книгъ и библиографическія замѣтки.—Профессоръ *Пѣтуховъ* напечаталъ „Очерки изъ литературной исторіи Синодизма“.—Преподаватель *Сребницкій* напечаталъ рѣчь: Къ біографіи Георгія Конискаго.

Отчетный годъ былъ первымъ годомъ дѣятельности учрежденнаго въ мартѣ 1894 г. при Институтѣ Историко-Филологическаго Общества. Къ концу отчетнаго года число членовъ Общества было 52.

Предсѣдателемъ Общества состоялъ Г. Директоръ Института, товарищемъ предсѣдателя—профессоръ Пѣтуховъ, секретаремъ—наставникъ студентовъ Кадлубовскій.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 18 засѣданій, въ томъ числѣ 4 торжественныхъ, на которыхъ произнесено было 8 рѣчей, и 12 очередныхъ, на которыхъ сообщено было

17 рефератовъ. Торжественныя засѣданія происходили — по случаю открытія дѣйствій Общества, столѣтія со времени рожденія Грибоѣдова, столѣтія съ кончины архіепископа Георгія Конискаго, уроженца Нѣжина, и 75-тилѣтія со времени основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени Князя Безбородко.

Въ заключеніе перваго года своей дѣятельности Общество постановило издать, на средства, составившіяся изъ членскихъ взносовъ, „Сборникъ“.

Общество имѣетъ свою библіотеку, составляющуюся изъ пожертвованій членовъ Общества, и архивъ, въ основаніе котораго легъ пожертвованный Нѣжинской Городской Думой архивъ бывшаго Нѣжинскаго Греческаго Магистрата.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко въ 1895/6 уч. г.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія
измѣненія.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 18 іюля 1895 г.,
экстраординарный профессоръ Института докторъ русской сло-
весности *Е. В. Пытуховъ* назначенъ ординарнымъ профес-
соромъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 12 декабря
1895 г., магистръ русскаго языка и словесности *М. Н. Сперан-
скій* опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ Института
по русской словесности.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 22 марта 1896
г., экстраординарный профессоръ магистръ славянской фило-
логіи *В. В. Качановскій* назначенъ ординарнымъ профессо-
ромъ Института по русскому и славянскому языкамъ.

Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, отъ
13 августа 1895 г., преподаватель Гимназіи Императорскаго
Человѣколюбиваго Общества въ С.-Петербургѣ ст. сов. *А. И.
Шмукъ* назначенъ на должность преподавателя древнихъ язы-
ковъ въ Институтѣ.

Состоявшій членомъ Правленія Института преподаватель
М. И. Лилевъ вновь избранъ Конференціей на должность
члена Правленія на 1 годъ, съ 8 октября 1895 г.

Всемиловѣйше награждены: Почетный Попечитель
Института, Двора Его Величества Камергеръ ст. сов. графъ

А. А. Мусинъ-Пушкинъ—орденомъ Св. Владиміра 3 ст.; Директоръ Института дѣйств. ст. сов. Ф. Ф. Гельбке—орденомъ Св. Станислава 1 ст.; Инспекторъ и ординарный профессоръ А. В. Добіашъ—чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; профессоръ дѣйств. ст. сов. П. И. Люперсольскій—орденомъ Св. Владиміра 3 ст.; ординарный профессоръ ст. сов. М. Н. Бережковъ—орденомъ Св. Анны 2 ст.; наставники студентовъ и преподаватели: колл. сов. Н. С. Кирилловъ—орденомъ Св. Анны 3 ст. и колл. асс. А. П. Кадлубовскій—Св. Станислава 3 ст., и преподаватель ст. сов. И. А. Сребницкій—Св. Анны 2 ст.

Къ началу 189⁵/₆ учебнаго года состояло въ Институтѣ *студентовъ*: на I курсѣ—1, на II—24, на III—14 и на IV—17. Заявили о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 38 молодыхъ людей (въ томъ числѣ 5 студентовъ университетовъ, 22 воспитанника гимназій и 11 воспитанниковъ духовныхъ семинарій). Приняты въ I курсъ: студентовъ университета 2; по аттестатамъ зрѣлости—безъ повѣрочныхъ испытаній 13 и послѣ повѣрочныхъ испытаній 1; воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по особому установленному для воспитанниковъ духовныхъ семинарій испытанію зрѣлости въ Институтской гимназій,—6, а всего 22 молодыхъ человека; сверхъ того, по распоряженію Г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, принять на словесное отдѣленіе II курса 1 дѣйствительный студентъ Юрьевскаго Университета. Изъ числа студентовъ I курса одинъ въ октябрѣ 1895 г. былъ уволенъ, согласно прошенію, по болѣзни. Къ 1 января 1896 г. въ Институтѣ состояло 78 студентовъ. По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ концѣ 189⁵/₆ уч. г., удостоены званія учителя гимназій 17 студентовъ окончившихъ курсъ (въ томъ числѣ 4 по классическому отдѣленію, 5 по словесному и 8 по историческому); удостоены перевода въ IV курсъ 15 студентовъ (1 классикъ, 5 словесниковъ и 9 историковъ); переведены въ III курсъ 23 студента и во II курсъ—19 студентовъ; оставлены на второй годъ въ томъ же курсѣ 1 студентъ II курса и 3 студента I курса. Одинъ изъ переведенныхъ въ III курсъ студентовъ уволился изъ Института для поступленія въ университетъ. Такимъ образомъ, въ концѣ

1896/7, учебнаго года въ Институтѣ числилось: въ I курсѣ 3, во II-мъ—19, въ III-мъ—22 и въ IV-мъ—15 студентовъ.

Объемъ преподаванія, по отдѣльнымъ предметамъ, былъ слѣдующій.

По *Закону Божію* законоучителемъ свящ. *П. Я. Сеттловымъ* въ III курсѣ (при 2 лекціяхъ въ недѣлю) прочитаны изъ апологетическаго курса Согеріологіи—общее введеніе въ Богословіе, Покерологія, Христорогія и введеніе въ ученіе о дѣлѣ Христовомъ.

По *философіи* и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскимъ* преподаана (при 2 лекціяхъ въ каждомъ курсѣ) въ I курсѣ Логика, во II-мъ—Психологія (ученіе объ ощущеніяхъ, представленіяхъ и болѣе сложныхъ формахъ познавательной функціи), въ III курсѣ—исторія древней философіи и философія Декарта, Лейбница и Канта.

По *педагогикѣ* преподавателемъ *М. И. Дилеевымъ* читана въ IV курсѣ (при 2 часахъ) гимназическая педагогика.

По *греческой словесности*—въ I курсѣ преподаватель *А. И. Шмукъ* упражнялъ студентовъ въ греческой грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій (1 часъ) и объяснялъ Панегиріахъ Исократы, §§ 1—75 (2 часа). Въ I и II курсѣ сводно (при 2 лекціяхъ) преподавателемъ *Н. С. Кирилловымъ* прочитана 5-я и часть 6-й (ст. 119—375) книги Иліады. Во II курсѣ ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ* толковалъ (2 часа въ недѣлю) діалогъ Платона „Горгій“ и руководилъ (при 1 часѣ въ недѣлю) упражненіями въ переводахъ съ русскаго на греческій. Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ* читалъ (2 ч. въ нед.) „Агамемнона“ Эсхила; профессоръ *Добіашъ* излагалъ (1 ч. въ нед.) греческую грамматику, сосредоточивая, теоретическія разсужденія на темѣ: о частяхъ рѣчи съ точки зрѣнія логической и руководилъ (2 часа) семинарію, состоявшею въ интерпретированіи трагедіи Софокла „Эдипъ царь“; въ классическомъ отдѣленіи IV курса профессоръ *Ждановъ* читалъ (2 часа) исторію греческой литературы. Въ классическомъ и историческомъ отдѣленіяхъ III курса и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ греческія государственныя древ-

носта (2 часа). Въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ сводно профессоръ *Ждановъ* объяснялъ Персовъ Эскіа (2 часа въ недѣлю) и упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій (1 часъ).

По *римской словесности*—въ I курсѣ преподаватель *Шнукъ* упражнялъ студентовъ въ латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ (1 часъ въ недѣлю) и объяснялъ *Саллюстія de bello Jugurthino* (2 часа). Въ I и II курсахъ совместно (при 2 часахъ въ недѣлю) ординарный профессоръ *А. М. Фогель* объяснялъ избранныя элегіи (IV, 10; I, 3; 2; III, 10) Овидія. Во II курсѣ преподаватель *Шнукъ* (2 часа въ недѣлю) объяснялъ рѣчь Цицерона противъ Верреса, кн. V (§§ 1—50), и упражнялъ студентовъ (2 часа въ недѣлю) въ латинской грамматикѣ и стилистикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій. Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ совместно профессоръ *Фогель* (2 часа въ недѣлю) объяснялъ XXVII книгу Тита Ливія (главы 1—10) и изложилъ (при 2 часахъ въ недѣлю) исторію римской литературы до-цицероновскаго періода и августова вѣка. Тѣмъ-же студентамъ и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичемъ* (при одномъ часѣ въ недѣлю) прочитанъ былъ курсъ по грамматикѣ (ученіе о временныхъ формахъ латинскаго глагола, съ разсмотрѣніемъ значенія и употребленія временныхъ союзовъ, и о залогахъ); у тѣхъ же студентовъ проф. Турцевичъ (при одномъ часѣ) велъ упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, и (2 часа въ недѣлю) руководилъ семинарскими занятіями по критикѣ, переводу и интерпретаціи одъ Горация. Въ классическомъ и историческомъ отдѣленіяхъ IV курса сводно (при 2 лекціяхъ) проф. *Турцевичемъ* былъ прочитанъ курсъ по римскимъ древностямъ (римскія провинціи и провинціальное управленіе въ періодъ республики и въ первые три вѣка имперіи). Въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ совместно проф. *Фогель* (при двухъ часахъ въ недѣлю) объяснялъ V Филиппику Цицерона (гл. 1—12) и (одинъ часъ въ недѣлю) велъ упражненія въ латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій.

Во II курсѣ профессоръ *Добіашъ* велъ (при одномъ часѣ

въ недѣлю) драктической курсъ о древнихъ языкахъ, какъ наука и какъ предметъ воспитательномъ; въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно (одинъ часъ въ недѣлю) профессоръ Добіашъ изложилъ въ исторіи филологіи періодъ нѣмецкой филологіи, начиная съ Вольфа и кончая Ричлемъ.

По *славянской филологіи*—ординарный профессоръ *В. В. Качановскій* изложилъ въ I курсѣ (при 2 лекціяхъ) старославянскій языкъ и во II курсѣ (также при 2 лекціяхъ) исторію русскаго языка; въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ профессоръ Качановскій (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ очеркъ славянскихъ народныхъ словесностей и руководилъ семинарію по славяновѣднію, состоявшею въ практическихъ занятіяхъ по южнославянскимъ нарѣчіямъ и въ разборѣ представленныхъ студентами рефератовъ по разнымъ вопросамъ славяновѣднія.

По *русской словесности*—занятія экстраординарнаго профессора *М. Н. Сперанскаго*, начатыя съ половины января, продолжались всего два мѣсяца. На I и II курсахъ читанъ былъ профессоромъ Сперанскимъ (при 2 часахъ въ недѣлю) общій курсъ, предметомъ котораго служило введеніе въ исторію русской литературы и общій обзоръ началъ славянскій и русской письменности и памятниковъ XI вѣка. Въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно (при 2-хъ часахъ въ недѣлю) профессоромъ Сперанскимъ изложена исторія изученія русской литературы, начиная съ Сильвестра Медвѣдева и кончая трудами *Θ. И. Буслаева*, *Н. С. Тихомирова* и *А. Н. Веселовскаго*, причемъ особенное вниманіе обращено было на методологическую сторону исторіи науки, вслѣдствіе чего предложенъ былъ разборъ и болѣе извѣстныхъ учебниковъ литературы. Семинарій профессора Сперанскаго на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (2 часа въ недѣлю) состоялъ въ разборѣ, совмѣстно съ аудиторіей, рефератовъ, составленныхъ студентами на темы, предложенныя профессоромъ.

По предмету *теоріи словесности* преподавателемъ *А. П. Кадлубовскимъ* въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (при 2 лекціяхъ) были изложены историческое развитіе теоріи поэзіи и характеристика ея современнаго состоянія.

По *всеобщей исторіи*—въ I курсѣ (при 3 лекціяхъ) проф. *П. И. Люперольскимъ* преподаана исторія Греціи; во II курсѣ (при 2 лекціяхъ) и. д. экстраординарнаго профессора

А. И. Покровский читалъ общій курсъ римской исторіи, со введеніемъ объ ея источникахъ и разработкѣ. Въ историческомъ отдѣленіи III курса преподавателемъ *Лилеевымъ* читанъ былъ (при 2 часахъ) курсъ по средней исторіи; слушатели ознакомлены были съ исторіей, источниками и пособиями по исторіи Франціи, Англіи и Германіи до XIII вѣка включительно; у тѣхъ же студентовъ проф. *Покровский* (2 часа въ недѣлю) руководилъ семинаріемъ по древней исторіи, состоявшимъ въ ознакомленіи съ аристотелевской *полιτεία Ἀθηναίων* и другими источниками аѳинской исторіи и въ разборѣ представленныхъ студентами рефератовъ по изученію *полιτεία Ἀθηναίων*. Въ IV курсѣ историческаго отдѣленія (при 3 лекціяхъ) проф. *Дюперсольскимъ* изложены изъ новой исторіи эпоха реформации и исторія Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ и Франціи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ.

По *русской исторіи* ординарнымъ профессоромъ *М. Н. Бережковимъ* въ I и II курсахъ сводно (при 3 часахъ въ недѣлю) изложенъ общій курсъ русской исторіи кievскаго времени и московскаго удѣльнаго періода до конца XV вѣка; въ историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (при 2 лекціяхъ) прочитанъ специальный курсъ исторіи Петра Великаго, съ обзоромъ источниковъ петровскаго времени и источниковъ XVIII вѣка вообще и съ краткою характеристикой новой русской исторіи. Въ связи съ этимъ курсомъ велись (1 часъ въ недѣлю) семинарскія занятія, состоявшія въ разборѣ письменныхъ отвѣтовъ студентовъ на предложенныя профессоромъ темы.

По *географіи* преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* на историческомъ отдѣленіи III курса (при 1 лекціи въ недѣлю) изложенъ очеркъ развитія географіи какъ науки, и изъ общаго землевѣдѣнія сообщены свѣдѣнія о земной корѣ, о формахъ рельефа суши, вулканахъ, землетрясеніяхъ и вѣковыхъ колебаніяхъ суши. На историческомъ отдѣленіи IV курса (при 2 лекціяхъ) изложено изъ частной географіи и страновѣдѣнія подробное описаніе Европы и въ частности физическое и политическое обзорѣніе Германіи, и изъ методики географіи—обзорѣніе главныхъ методовъ преподаванія географіи, при чемъ особенно подробно былъ разсмотрѣнъ методъ конструктивный.

По *французскому языку*, у преподавателя *Л. Н. Мишеля*,

въ низшемъ отдѣленіи (2 часа въ недѣлю) занятія состояли въ объясненіи этимологіи и синтаксиса языка и переводахъ упражненій изъ Грамматики Голпе; въ высшемъ отдѣленіи (также 2 часа въ недѣлю) переводы съ грамматическими поясненіями преподавателя велись по Хрестоматіи Анснаха.

По *нѣмецкому языку*—въ низшемъ отдѣленіи (2 часа въ недѣлю) студенты подъ руководствомъ преподавателя Э. Ю. Рихмана читали *Geschichte des siebenjährigen Krieges* Архенгольца; въ высшемъ отдѣленіи (также 2 часа) преподаватель читалъ со студентами *Bilder aus der deutschen Vergangenheit, Freytag's*, обращая главное вниманіе на фразеологію; въ особомъ отдѣленіи, образованномъ для студентовъ, начинающихъ ознакомленіе съ нѣмецкимъ языкомъ, преподаватель излагалъ основныя правила нѣмецкаго языка, сопровождая свои объясненія упражненіями въ переводахъ.

Въ теченіи учебнаго года по каждому предмету акроаматическаго преподаванія было до 3 *собесѣдованій* преподавателей со студентами по преподаваемымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ.

Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Студенты I курса прочли, подъ руководствомъ профессора Добіаша, первыя 3 книги Анабазиса Ксенофонта и Платоновскую Апологію Сократа и, подъ руководствомъ Г. Директора Института, первыя 3 книги *de bello Gallico* Цэзаря и *Laelius de amicitia* Цицерона. Студенты II курса прочитали, подъ руководствомъ преподавателя Кириллова, изъ II книги Геродота главы 1—60 и 23 книгу Илиады и, подъ руководствомъ Г. Директора, первую книгу *Метаморфозъ* Овидія и XXI книгу Ливія. Для руководства домашнимъ чтеніемъ устраивались, въ свободное отъ лекцій время, вечеромъ, собесѣдованія—въ I курсѣ еженедѣльно, во II каждая двѣ недѣли, поочередно по греческому и по латинскому языку; повѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго. Въ III и IV

курсахъ студенты, подъ наблюденіемъ профессоровъ (по греческому языку—въ III курсѣ профессора Добіаша и въ IV курсѣ профессора Жданова, по латинскому языку—въ классическомъ отдѣленіи профессора Турцевича и въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ—профессора Фогеля) сами избирали себѣ для домашняго чтенія въ каждомъ полугодіи то или другое произведеніе греческаго и латинскаго авторовъ, и каждое полугодіе представляли рефераты по предмету прачтаннаго ими по тому и другому древнему языку; повѣрка домашняго чтенія производилась посредствомъ собесѣдованій со студентами на основаніи представленныхъ ими рефератовъ.

Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій. Студенты-классики III и IV курсовъ готовили рефераты по греческой и по римской словесности; студенты-словесники III курса—по исторіи русской литературы и IV курса—по славяновѣдѣнію; студенты-историки III курса—по древней исторіи и III и IV курсовъ—по русской исторіи. Кромѣ того, студенты-историки IV курса, подъ руководствомъ профессоровъ, изучали по источникамъ и пособіямъ избранныя каждаго изъ нихъ для спеціального изученія отдѣлы всеобщей исторіи.

Студенты IV курса писали выпускныя сочиненія. Профессору Добіашу представили сочиненія слѣдующіе студенты и на слѣдующія темы: студентъ Бардуновъ—*Persica Ktesia* и ихъ достовѣрность, Ковальскій—Демосоевъ и Эскинъ въ рѣчахъ *περὶ παραπροσειατ.*, Шаланскій—Основная задача въ Политіи Платона. Профессору Фогелю студентъ Малѣевъ представилъ работу подъ заглавіемъ: „Ссылка Овидія (по *Tristia* и *Epistolae ex Ponto*).“ Профессору Качановскому были представлены сочиненія студентами: Азбукинымъ—Кирѣевскій, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе; Борщовымъ—Особенности говора с. Лариновки, Новгородсѣверскаго уѣзда; Ивченкомъ—Быть поляковъ въ царствованіе Августа III по мемуарамъ XVIII вѣка; Воротицкимъ—Протопопъ Аввакумъ и его литературная дѣятельность, и Козленкомъ—Обзоръ звуковъ и формъ говора с. Череповки въ связи съ фонетическими и морфологическими явленіями русскаго языка. Проф. Турцевичу студентъ Акименко представилъ сочиненіе: Клавдій Клавдіанъ, какъ историческій источникъ. Профессору Бережову представлены слѣдующія сочиненія: студентомъ Петро-

вымъ—Новый опытъ о посадникахъ новгородскихъ; Макаровскимъ—Опытъ историко-критическаго разбора Воспоминаній Вигеля; Мироновичемъ—Авторы анекдотовъ о Петрѣ Великомъ; Дядьковымъ—Дѣятельность Редакціонной Комиссіи по составленію крестьянскаго „Положенія“ и по вопросу о крестьянскомъ управленіи въ частности; Тимошеевымъ—Какъ Псковъ сталъ младшимъ братомъ Великаго Новгорода; Яценкомъ—Историческій обзоръ сословно-экономическихъ предложеній въ депутатскихъ наказахъ малороссійскаго шляхетства 1767 года, и Мозолевскимъ—Дѣятельность князя Н. В. Репнина, русскаго посла въ Польшѣ, по диссидентскому вопросу. Лучшія, по отзывамъ профессоровъ, сочиненія принадлежали студентамъ Ковальскому, Шаланскому, Акименку, Петрову и Макаровскому.

Практическія занятія студентовъ IV курса преподаваніемъ въ состоящей при Институтѣ Гимназіи велись въ отчетъ году въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ началѣ учебнаго года, въ продолженіи 6 недѣль, всѣ студенты IV курса посѣщали уроки въ разныхъ классахъ Институтской Гимназіи; затѣмъ было устроено нѣсколько бесѣдъ на которыхъ наставники-руководители, подъ наблюденіемъ Директора и при участіи Инспектора Института, разъясняли студентамъ гимназическіе учебные планы и дѣлали общія руководящія дидактическія указанія. Съ 1 ноября по 1 февраля студенты давали пробные уроки въ гимназіи—по 6 уроковъ каждый, причемъ кромѣ уроковъ по своимъ спеціальнымъ предметамъ, какъ въ младшихъ, такъ и въ старшихъ классахъ гимназіи, студенты классическаго отдѣленія давали уроки по русскому языку, а студенты словеснаго и историческаго отдѣленій—по древнимъ языкамъ; на пробныхъ урокахъ присутствовали и товарищи дававшихъ уроки студентовъ. Пробные уроки подвергались затѣмъ всестороннему обсужденію наставниковъ-руководителей и другихъ присутствовавшихъ на урокахъ лицъ; для этой цѣли устраивались бесѣды, на которыхъ указывались достоинства и недостатки всѣхъ данныхъ студентами уроковъ и въ связи съ тѣмъ подтверждались на примѣрахъ общія дидактическія положенія.

Нѣкоторые профессора и преподаватели, по своему пред-

лету каждый, разбирали со студентами старшихъ курсовъ учебники и учебныя пособія, принятыя въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Округа, 6 декабря 1895 г. въ Институтъ былъ устроенъ студенческой вечеръ; въ вокально-музыкальной части вечера выступали оркестръ и хоръ студентовъ, подъ управленіемъ Г. Инспектора Института; студентъ IV курса Яценко прочелъ рефератъ о Моцартѣ, и студ. III курса Бавринъ— о Надсонѣ.

Конференція Института въ отчетномъ году имѣла 20 засѣданій. Главными предметами занятій Конференція, кромѣ текущихъ дѣлъ, были слѣдующіе. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Конференція занималась, согласно предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, составленіемъ общаго нормальнаго плана занятій въ Институтѣ на всѣ четыре года обученія, съ тѣмъ, чтобы этотъ планъ, въ случаѣ его утвержденія, могъ замѣнить собою представляемые нынѣ въ Министерствѣ планы на каждый учебный годъ. Въ началѣ отчетнаго учебнаго года Конференція обсуждала способы къ устраненію неудобствъ практиковавшагося въ Институтѣ составленія и затѣмъ переписыванія лекцій самими студентами, на основаніи записей, дѣлаемыхъ ими при слушаніи лекцій. Установлены были Конференціею слѣдующіе способы: 1) преподающій составляетъ краткій конспектъ своихъ чтеній, для литографированія или—при небольшомъ количествѣ слушателей—для распространенія между ними путемъ переписыванія; или 2) преподающій указываетъ печатное руководство къ читаемому имъ курсу, при чемъ онъ можетъ сообщать также (для литографированія или переписыванія) свои письменныя поправки и дополненія къ указанному руководству; литографированіе же самыхъ лекцій Конференціею не признано цѣлесообразнымъ. Изъявили желаніе литографировать—и въ отчетномъ году литографировали—конспекты своихъ чтеній профессоры Сперанскій—по исторіи русской литературы, Люперольскій—по исторіи Греціи, Покровскій—по исторіи Рима и Бережковъ—по русской исторіи; проф. Турцевичъ

началь литографированіе текстовъ источниковъ къ читанному имъ курсу римскихъ древностей; по другимъ предметамъ были указаны печатныя руководства и пособія къ курсамъ; законоучитель свящ. Свѣтловъ въ качествѣ руководства къ преподаваемому имъ курсу издалъ I томъ своего „Опыта апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣрученія“.

Въ отчетномъ году вышелъ XV томъ *Извѣстій Института*. Въ составъ этого тома вошли: историческія записки проф. Е. В. Пѣтухова о Гимназіи высшихъ наукъ Князя Безбородко (1820—32) и препод. И. А. Сребницкаго—о Лицеѣ Князя Безбородко (1832—75); Памятная книжка Института (1875—95); Замятка о библіотекѣ Института, проф. А. В. Добіаша; Замятки о рукописяхъ библіотеки Института проф. Пѣтухова; Письма Гоголя къ Прокоповичу, изданныя по подлинникамъ, съ присоединеніемъ писемъ Прокоповича къ Гоголю и двухъ фототипическихъ снимковъ, проф. Пѣтуховымъ; Замятка о картинной галлерей Института, І. Г. Турцевича; Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка, проф. М. Н. Березкова; Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. проф. Березковымъ; О культѣ Весты въ др. Римѣ проф. И. Г. Турцевича, и сочиненія бывшихъ студентовъ Института: профессора Е. Θ. Карскаго—Нарѣчія: домой долой, С. Н. Брайловскаго—С. С. Бобровъ, и И. В. Сербанскаго—Мнеология Слова о полку Игоревѣ.

Внѣ „Извѣстій Института“ профессора и преподаватели Института напечатали слѣдующіе труды: Законоучитель свящ. П. Я. Свѣтловъ: 1) Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣрученія, т. 1; 2) Ученіе Церкви и богословствующій разумъ въ религіозно-христіанскомъ знаніи и 3) Извлеченіе психическимъ вліяніемъ и чудесныя всцѣленія (библейско-апологетическій очеркъ)—объ статьи въ Христіанскомъ Чтеніи (1896 г., кн. 3, 4 и 6); 4) Мысли Гладстона объ искушеніи—въ Православномъ Собесѣдникѣ (1896 г. кн. 2 и 3); 5) Источники ходячаго мифнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума—въ Странникѣ (1896 г., кн. 1 и 2) 6) Анонимныя и псевдонимныя критики—въ Церковномъ Вѣстникѣ (1896 г., № 30), и 7) О повиновеніи царской власти—въ Душеполезномъ Чтеніи (1895 г., кн. 12). Профессоръ С. Н. Ждановъ: Просодическія и критическія замѣтки -- въ

Филологическомъ Обзорѣнн. — Профессоръ *М. Н. Березковъ*:

1) Рецензія на книгу Д. И. Иловайскаго „Смутное время Московскаго Государства“ и 2) Георгій Конискій, какъ проповѣдникъ, — обѣ статьи въ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ, кн. I. Профессоръ *В. В. Качановскій*:

1) Училища и образованіе въ древней Сербіи; 2) Новое произведеніе черногорскаго князя Николая „Князь Арванитъ“; 3) Внучка царя Мурата, дочь попа Ирана-папы Рима, и 4) нѣсколько рецензій и некрологовъ — въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“. — Профессоръ *М. Н. Сперанскій*:

1) совмѣстно съ П. А. Лавровымъ — Письма Шафарика къ Бодянскому и Григоровичу (Чтенія въ Импер. Обществѣ Ист. и Др. Росс. 1895 г.); 2) Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византийское вліяніе на Западѣ (Археолог. Изв. и Зам. 1895 г. № 12); 3) Къ исторіи „Пренія панагіота съ азиатомъ“ (Въ Визант. Временникѣ 1895 г. № 4); 4) Памятники древне-христіанской литературы въ нашей словесности (въ „Починѣ“ Общества Любителей Росс. Слов., кн. II); 5) Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи (въ Р. Филолог. Вѣстникѣ 1896 г.); 6) Сентябрьская минея-четья до-магаревскаго состава (въ Извѣстіяхъ II-го Отд. Импер. Академіи Наукъ, кн. II), и 7) рядъ мелкихъ замѣтокъ и рецензій (въ Археолог. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ за 1895 и 1896 г.). — Преподаватель *И. А. Сребницкій*: Къ біографіи Георгія Конискаго (въ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ, кн. I). — Преподаватель *А. П. Кадлубовскій*: Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи (тамъ-же).

Отчетный годъ былъ вторымъ годомъ дѣятельности состоящаго при Институтѣ *Историко-Филологическаго Общества*.

Къ началу года въ Обществѣ состояло 52 дѣйствительныхъ члена; въ концѣ года — 63.

Предсѣдателемъ Общества состоялъ Директоръ Института Ф. Ф. Гельбеке, товарищемъ предсѣдателя — профессоръ *М. Н. Березковъ*, секретаремъ — наставникъ студентовъ *А. П. Кадлубовскій*.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 9 засѣданій, на которыхъ сообщено было 17 рефератовъ.

Въ апрѣлѣ отчетнаго года Общество издало I томъ Сборника Общества; въ оставъ его, кромѣ отчетовъ и извлеченій изъ протоколовъ Общества, вошли труды дѣйствительныхъ членовъ Общества И. Н. Михайловскаго, И. А. Сребицкаго, Е. В. Пѣтухова, М. Н. Бережкова, А. П. Кадлубовскаго и Е. И. Кашпровскаго.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко въ 189⁶/₇ уч. г.

Въ личномъ составѣ Института произошли слѣдующія
измѣненія.

Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ
20 марта 1897 г. Законоучитель Института магистръ бого-
словія священникъ *П. Я. Свѣтловъ* назначенъ профессоромъ
Богословія въ Университетѣ Св. Владиміра.

Приказами Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣ-
щенія инспекторъ, ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ*
и ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ* оставлены на служ-
бѣ въ занимаемыхъ ими должностяхъ еще на пять лѣтъ, по
выслугѣ ими 25-лѣтняго срока по учебной части Министер-
ства Народнаго Просвѣщенія, первый—съ 26 іюня, второй—
съ 1 іюля 1896 г.

Состоявшій членомъ Правленія Института преподаватель
М. И. Лилевъ вновь избранъ Конференціею на должность
члена Правленія, на одинъ годъ, съ 8 октября 1896 г.

Преподаватель *М. И. Лилевъ* уволенъ Конференціею,
согласно прошенію, отъ должности бібліотекаря Института,
4 іюня 1897 г.; на означенную должность тогда-же избранъ
Конференціею преподаватель *А. И. Шмукъ*.

18 ноября 1896 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе
на увольненіе Инспектора Института ординарнаго профессора
А. В. Добіашъ, по случаю постигшей его болѣзни, въ загра-
ничный отпускъ на 11 мѣсяцевъ. Инспекторъ профессоръ
Добіашъ несъ свои обязанности до конца перваго полугодія
отчетнаго года; во второмъ полугодіи его обязанности по

преподаванію приняли на себя Г. Директоръ Института и ординарный профессоръ С. Н. Ждановъ; членомъ же Правленія, вмѣсто инспектора, на время нахождения въ отпуску А. В. Добіаша, избранъ былъ Конференціею и. д. экстраординарнаго профессора Г. В. Малеванскій.

Наставникъ студентовъ и преподаватель *М. И. Лилевъ* Совѣтомъ Императорскаго Университета Св. Владиміра удостоенъ степени магистра русской исторіи.

Къ началу 1896/7, учебнаго года числились въ I курсѣ 3 студента, во II—19, въ III—22, въ IV—15 студентовъ. Заявили о желаніи поступить въ Институтъ 40 молодыхъ людей, въ томъ числѣ 1 студентъ уволившійся изъ Института по болѣзни въ октябрѣ 1895 г., 2 студента Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института, 3 студента университетовъ, 22 воспитанника гимназій и 12 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Приняты въ I курсъ: бывшій студентъ Института—1; студентовъ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института—2; студентъ университета—1; по аттестатамъ зрѣлости безъ повѣрочныхъ испытаній—16 и послѣ повѣрочныхъ испытаній—2; воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по особому, установленному для воспитанниковъ семинарій, испытанію—4, а всего 26 молодыхъ людей.

16 ноября 1896 года студентъ III курса Нифонтъ Тарховъ въ припадкѣ меланхоліи покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Къ 1 января 1897 г. въ Институтѣ состояли: въ I курсѣ—29 студентовъ, во II—19, въ III—21 и въ IV—15, а всего 84 студента.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ концѣ 1896/7, уч. г., удостоены званія учителя гимназій 15 студентовъ, окончившихъ курсъ (въ томъ числѣ 1 по классическому отдѣленію, 5— по словесному и 9 по историческому); удостоены перевода въ IV курсъ 20 студентовъ III курса (7 классиковъ, 6 словесниковъ и 7 историковъ); 1 студентъ-словесникъ III курса, не державшій по болѣзни переводныхъ испытаній, оставленъ на второй годъ въ томъ же курсѣ; изъ II въ III курсъ переведены 19 студентовъ, и изъ I во II—28 студентовъ. 1 студентъ, переведенный изъ I курса во II,

и 1 студентъ, не выдержавшій переводныхъ во II курсъ испытаній, уволены изъ Института, по прошеніямъ, для поступленія въ университеты.

Изъ 17 студентовъ окончившихъ курсъ въ 1896 г. одинъ (Яценко) освобожденъ былъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія отъ обязательной службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія, для опредѣленія въ военную службу; остальные 16 получили назначенія на учительскія должности: *Бардуновъ*—во Владивостокскую прогимназію по древнимъ языкамъ, *Ковальскій*—въ Луцкую прогимназію по древнимъ языкамъ, *Малъевъ*—въ Оренбургскую гимназію по древнимъ языкамъ, *Шаланскій*—въ Елисаветпольскую гимназію по древнимъ языкамъ, *Азбукинъ*—въ женскую гимназію г. Бейтель въ Кіевѣ по русскому языку и словесности, *Борщевъ*—въ Уманскую гимназію по русскому языку, *Воротнищскій*—въ Плоцкую гимназію по русскому языку, исторіи и географіи, *Ноченко*—въ Благовѣщенскую учительскую семинарію по русскому языку, *Козленко*—въ Павлоградскую гимназію по русскому языку и словесности, *Акименко*—въ Либавскую Николаевскую гимназію по древнимъ языкамъ, *Дядьковъ*—въ Воронежскую прогимназію по исторіи и географіи, *Макаровскій*—въ Тифлисскую 1 гимназію по древнимъ языкамъ, *Мироновичъ*—въ Елисаветпольскую гимназію, *Мозолевскій*—въ Лодзинскую женскую гимназію по русскому языку и словесности, исторіи и географіи, *Петровъ*—въ Юрьевскую гимназію по древнимъ языкамъ и *Тимошевъ*—въ Семипалатинскую прогимназію по исторіи и географіи.

Окончившій курсъ въ Институтѣ въ 1895 году Георгій *Кутисевичъ*, по ходатайству Конференціи, 26 октября 1896 г. причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ должности преподавателя Двинскаго реальнаго училища, и прикомандированъ въ С.-Петербургскому Университету, для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ русскаго языка и словесности, срокомъ на 2 года, съ выдачей ему стипендіи въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ.

По *Закону Божию* законоучитель свящ. *П. Я. Святловъ* излагалъ въ III курсѣ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, изъ апологетическаго курса Сотеріологіи—ученіе о дѣлѣ Христовомъ.

По *Философіи* и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскимъ*—въ I курсѣ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, преподаана, послѣ психологическаго обзорѣнія предшествующихъ логическому мышленію низшихъ ступеней познанія, логика, въ полномъ составѣ; во II курсѣ, также при 2 лекціяхъ, въ первое полугодіе прочитана наиболѣе важная часть психологіи—ученіе о различныхъ функціяхъ познавательной способности, а во второе полугодіе—прочитана исторія философіи до Аристотеля включительно; въ III курсѣ, также при 2 лекціяхъ, прочитана исторія древней философіи, а изъ новой философіи изложены системы Бэкона, Локка, Декарта, Лейбница и Канта.

По *педагогикѣ* преподавателемъ *М. И. Лилеевымъ* читана въ III и IV курсахъ сводно, при 2 лекціяхъ, гимназическая педагогика.

По *греческой и римской словесности*—въ I курсѣ преподаватель *А. И. Шнукъ* объяснялъ рѣчь Лисія κατὰ Ἐρατοσθένους, трагедію Эврипида Ἐκάζη (700 ст.), Саллюстія bellum Catilinae (26 гл.) и избранные отрывки изъ двухъ первыхъ книгъ Овидіевыхъ Fasti (690 ст.); на cadaго изъ названныхъ авторовъ назначено было по два часа въ недѣлю; кромѣ того препод. Шнукъ упражнялъ студентовъ въ устныхъ и письменныхъ переводахъ—1 часъ въ недѣлю съ русскаго на греческій и 1 часъ—съ русскаго на латинскій языкъ. Въ I и II курсахъ сводно, при 2 лекціяхъ, ординарнымъ профессоромъ *С. Н. Ждановымъ* прочитаны изъ сравнительнаго синтаксиса греческаго и латинскаго языковъ—синтаксисъ глагола, ученіе объ отрицаніяхъ и большая часть синтаксиса падежей (падежи именительный, звательный, винительный и родительный). Во II курсѣ въ первомъ полугодіи ординарный профессоръ *А. В. Добіанъ* толковалъ VII книгу Одиссеи, при 2 часахъ въ недѣлю, и, 1 часъ въ недѣлю, излагалъ этимологію Гомера; во второмъ полугодіи—тѣмъ же студентамъ объяснялъ діалогъ Платона „Протагоръ“, 3 часа въ недѣлю, *Г. Директоръ Института*; тѣхъ же студентовъ—въ 1.

полугодіи профессоръ Добіашъ, во 2-мъ Г. Директоръ упражнял, по 1 часу въ недѣлю, въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Въ томъ же курсѣ ординарный профессоръ А. М. Фогель объяснял, при 3 лекціяхъ въ недѣлю, въ первомъ полугодіи III и IV Филиппики Цицерона, во второмъ полугодіи—II книгу Энеиды Вергилія (в. 1—370), и, по 1 часу въ недѣлю, упражнялъ студентовъ въ латинскомъ синтаксисѣ посредствомъ письменныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ. Во II-мъ же курсѣ профессоръ Добіашъ излагалъ въ первомъ полугодіи, при 2 лекціяхъ, исторію классической филологіи. Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, при 2 лекціяхъ, профессоромъ Ждановымъ разбирались Ипполитъ Эврипида; тамъ же и. д. экстраординарнаго профессора И. Г. Турецвичемъ толковалась комедія Плавта *Mossellania* (ст. 1—718), а на двухъ семинарскихъ часахъ у того же профессора обсуждались и исправлялись переводы и объясненія (въ началѣ года устные, а потомъ письменные) избранныхъ мѣстъ изъ первыхъ трехъ книгъ *Анналь* Тацита; этимъ семинарскимъ занятіямъ предпослано было введеніе о произведеніяхъ Тацита, критикѣ и интерпретаціи ихъ. Тѣмъ же студентамъ, при 1-й лекціи, прочитаны были профессоромъ Ждановымъ изъ греческой діалектологіи—фонетика и ученіе о спряженіи, и излагалась, при одной же лекціи, въ первомъ полугодіи профессоромъ Добіашемъ, во второмъ—замѣнявшамъ его профессоромъ Ждановымъ метрика. Въ классическомъ отдѣленіи III курса и. д. в.—о. проф. А. И. Шокровскимъ прочитанъ общій курсъ греческихъ государственныхъ древностей, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, а проф. Турецвичемъ, при томъ же числѣ лекцій, прочитанъ до римскимъ древностямъ курсъ о провинціяхъ и провинціальномъ управленіи времени республики и въ первые три вѣка имперіи. Въ классическомъ отдѣленіи IV курса профессоръ Ждановъ читалъ, при 2 лекціяхъ, исторію греческой литературы. Въ классическомъ и словесномъ отдѣленіяхъ IV курса сводно при 1 лекціи, проф. Турецвичъ переводилъ X книгу изъ Квинтиліана, *Institutio oratoria*; переводу предпослано было введеніе о главныхъ вопросахъ исторіи и теоріи античной прозы и о Квинтиліанѣ. Въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ совмѣстно преподаватель Н. С. Кирилловъ толковалъ рѣчь Демосеена о вѣнѣ (§§ 1—180),

при 2 лекціяхъ въ недѣлю, и велъ письменныя упражненія по греческой грамматикѣ, при 1 лекціи; тамъ же профессоръ *Фогель* объяснялъ XXVII книгу (гл. 1—18) Тита Ливія, при 2 часахъ въ недѣлю, и упражнялъ студентовъ, 1 часъ въ недѣлю, въ латинскомъ синтаксисѣ посредствомъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ.

По кафедрѣ *русской словесности*—въ I и II курсахъ сводно, при 2 часахъ, ординарный профессоръ *В. В. Качановскій* излагалъ исторію русскаго языка; изложеніе сопровождалось практическими занятіями древне-русскими памятниками. Тѣмъ же курсамъ, по два часа въ недѣлю, читанъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ *М. Н. Сперанскимъ* общій обзоръ главнѣйшихъ явленій въ области русской литературы, съ древнѣйшихъ временъ до XIV вѣка. Въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно профессоромъ *Сперанскимъ*, при 2 лекціяхъ, прочитанъ курсъ русской апокрифической литературы, начиная съ объясненія термина „апокрифическій“, исторіи „списка книгъ истинныхъ и ложныхъ“ и кончая обзоромъ литературной исторіи отдѣльных апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній, сохранившихся въ русской литературѣ; у тѣхъ же студентовъ профессоръ *Качановскій*, при 2 часахъ, велъ курсъ по изученію славянскихъ нарѣчій западной вѣтви, состоявшій въ теоретическомъ изложеніи и практическомъ ознакомленіи съ нарѣчійми польскимъ, чешскимъ, словацкимъ и лужицкими (верхнимъ и нижнимъ). Въ словесномъ отдѣленіи III курса профессоръ *Сперанскій*, 2 часа въ недѣлю, велъ практическія занятія по исторіи русской литературы; въ началѣ года, пока студенты готовили рефераты, часы практическихъ занятій посвящены были изложенію началъ палеографической критики; съ конца ноября читались и разбирались рефераты студентовъ на слѣдующія темы: „Роль русскіхъ паломниковъ въ созданіи и развитіи духовнаго стиха“; „Іоаннъ Грозный по историческимъ пѣснямъ“; „Отношеніе въ русской литературѣ и жизни“; „Популярное чтеніе въ XVIII вѣкѣ“; „Значеніе Радищева въ русской литературѣ“; „О Борисѣ Годуновѣ Пушкина“ и „О народности Кольцова“. Въ словесномъ отдѣленіи IV курса профессоромъ *Качановскимъ* веденъ былъ, при 2 часахъ въ недѣлю, семинарій по русскому и славянскому языку; послѣ изложенія о болѣе нормальной постановкѣ преподаванія этихъ предметовъ въ

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, предложено было студентамъ критическое обзорѣніе учебниковъ по этимъ предметамъ; въ аудиторіи прочитаны были также разборы нѣсколькихъ учебниковъ, сдѣланные самими студентами; сверхъ того студентами прочтены были слѣдующіе рефераты: О народной лирической поэзіи; Объ изученіи славянской народной поэзіи; Объ особенностяхъ языка Череевльскаго Лѣтописца; О трудахъ Юрія Крижанича, и О панславизмѣ и Янѣ Колларѣ.

По предмету *теоріи словесности*—студентамъ III курса классическаго и словеснаго отдѣленій преподавателемъ *А. П. Кадлубовскимъ*, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, изложена исторія развитія поэтики, и объяснены ея главные вопросы: о сущности поэзіи, объ отношеніяхъ ея къ прочимъ искусствамъ, о классификаціи ея родовъ и о значеніи установленныхъ въ ея области терминовъ.

По *всеобщей исторіи*—въ I и II курсахъ, сводно, при 4 лекціяхъ въ недѣлю, и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Цокровскимъ* изложенъ общій курсъ римской исторіи, до времени императора Адриана, со введеніемъ—объ источникахъ и разработкѣ римской исторіи. Въ историческомъ отдѣленіи III курса читана преподавателемъ *М. И. Лилевымъ*, при 2 лекціяхъ, средняя исторія въ ея главнѣйшихъ явленіяхъ, причемъ особое вниманіе было обращено на исторію Франціи и Англіи. Въ томъ же курсѣ и отдѣленіи проф. *П. И. Люперольскимъ* веденъ былъ семинарій; предметомъ семинарскихъ занятій служило произведеніе Иродота. Въ началѣ учебнаго года сообщены были профессоромъ свѣдѣнія объ Иродотѣ; въ 1-мъ же полугодіи представлены были студентами и разобраны въ аудиторіи письменные рефераты на тему: „какой смыслъ имѣетъ слово *исторія* въ произведеніи Иродота?“ Во 2-е полугодіе разбирались рефераты студентовъ на слѣдующія темы: „Извѣстія Иродота о древнѣйшей эпохѣ Аттики и Аенія“, „Извѣстія Иродота о Деліфахъ и дельфійскомъ оракулѣ“, „Іонійскія колоніи на малоазійскомъ побережьи—по Иродоту“, „Греческія колоніи на берегахъ Еввентскаго понта по Иродоту“, „Эпоха тиранновъ по Иродоту“, „Роль Спарги въ эпоху персидскихъ войнъ по Иродоту“ и „Государственная дѣятельностьThemistocles по изображенію Иродота“. Въ IV курсѣ историческаго отдѣленія профессоромъ Люперольскимъ изложена была, при 3 лекціяхъ въ недѣлю, новая исторія

до великой французской революціи включительно; тѣмъ же студентамъ, при 1 лекціи, читанъ былъ специальный курсъ исторіи XIX столѣтія, слѣдующаго содержанія: обзоръ учяныхъ трудовъ по исторіи XIX столѣтія; характеристическія особенности нашего столѣтія въ главнѣйшихъ сторонахъ исторической жизни—политической, экономической, социальной, научной и художественной; эпоха Наполеона I; вѣнсій конгрессъ; реставрація Бурбоновъ; іюльская революція и іюльская монархія, и февральская революція.

По *русской исторіи*—въ I и II курсахъ совмѣстно, при 2 часахъ въ недѣлю, ординарнымъ профессоромъ М. М. Березковымъ была изложена исторія западной Россіи въ XIII—XV вв. и исторія Московскаго государства до избранія царя Михаила Романова. Студенты III курса историческаго отдѣленія, при 2 часахъ въ недѣлю, выслушали курсъ русской исторіографіи за XVIII и XIX в. Для студентовъ IV курса историческаго отдѣленія, при 2-хъ также часахъ, былъ данъ обзоръ источниковъ Русской исторіи; рядомъ съ чтеніями профессора шли самостоятельныя занятія студентовъ; ими представлены были для чтенія и обсуждения въ аудиторіи рефераты на слѣдующія темы: „Черты родоваго быта у русскихъ славянъ, на основаніи начальной Лѣтописи, Русской правды и договоровъ съ греками“; „Русская правда сравнительно съ древнерусскими торговыми договорами съ греками и нѣмцами“; „Сравненіе латинскаго проекта договора 1269 года съ нѣмецкимъ текстомъ договора 1270 года у Новгорода съ нѣмецкими городами“; „Грамоты сѣверно-русскихъ городовъ за время междоцарствія 1511—1612 г., какъ источникъ по исторіи земскихъ ополченій“; „Черты быта русскихъ царей XVII вѣка по выходнымъ книгамъ“; „Привазы Московскаго государства по Олеарію и Котошихину“; „Характеристика царя Алексѣя Михайловича по его письмамъ“; „Біографія и характеристика Котошихина“; „Біографія окольничаго Ѳ. М. Ртищева, на основаніи главнѣйше Житія его“; „Первыя письма Петра Великаго, какъ матеріалъ для его характеристики во время азовскихъ походовъ и перваго путешествія въ европейскія страны“; „Описаніе Полтавской побѣды по сочиненію Теофана Прокоповича: Исторія Петра Великаго“; „Разборъ сочиненія князя Б. И. Куракина: Исторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ“; „Путешественныя записки

графа Б. П. Шереметева и графа П. А. Толстаго"; „Антидотъ, сочиненіе Императрицы Екаторины II"; „Переписка Императрицы Екаторины II съ барономъ Гриммомъ"; „Состояніе православныхъ жителей въ Польской Украинѣ въ эпоху предъ паденіемъ Польши“.

По *географіи*—преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* преподаваны—въ историческомъ отдѣленіи III курса, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, общее землевѣдѣніе; въ историческомъ отдѣленіи IV курса, при 1 лекціи, а) изъ методики географіи: обзорѣніе различныхъ методовъ школьнаго преподаванія географіи, въ особенноти аналитическаго, синтетическаго и конструктивнаго, и подробный планъ построенія элементарнаго курса географіи, съ разборомъ учебниковъ, и б) о геологической дѣятельности атмосферы, и обзорѣніе орографіи, гидрографіи и климата Европы.

По *французскому языку* у преподавателя *Л. Н. Мишеля*—въ I курсѣ, при 2 часахъ въ недѣлю, читались, съ грамматическими и фразеологическими объясненіями, статьи изъ *Chrestomathie française* Анспаха; во II курсѣ, также при 2 часахъ, переводилась, съ поясненіями, характеристика Вольтера изъ *Études littéraires sur le dix-huitième siècle* p. *É. Faguet*.

По *нѣмецкому языку* преподаватель *Э. Ю. Рихманъ* читалъ со студентами I курса, при 2 часахъ въ недѣлю, IV книгу сочиненія *Archenholtz'a Geschichte des siebenjährigen Krieges*, а со студентами II курса, также при 2 часахъ, отрывки изъ сочиненія *G. Freytag. Bilder aus der deutschen Vergangenheit*, съ фразеологическими объясненіями. Кроме того, преподаватель *Рихманъ*, при 2 часахъ въ недѣлю, руководилъ занятіями студентовъ, впервые начавшихъ ознакомленіе съ нѣмецкимъ языкомъ; съ этими студентами проходились этимологія и главные законы синтаксиса нѣмецкаго языка, и читались статьи изъ *Хрестоматіи Бёма*.

Въ теченіи учебнаго года по каждому предмету акроматическаго преподаванія было до трехъ *собесѣдованій* преподавателей со студентами по преподааннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія (внѣ аудиторій) *занятія студентовъ*, кромѣ приготовления переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ.

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Студенты I курса прочли въ отчетномъ году, подъ руководствомъ преподавателя Шнука, въ первое полугодіе—II-ую и VII книгу Ксенофоновыхъ *Hellenica* и двѣ первыхъ книги *de bello civili* Цезаря; во второе полугодіе—рядъ отрывковъ изъ первыхъ трехъ книгъ Ксенофоновыхъ *Memorabilia* и I книгу *de officiis* Цицерона. Студенты II курса прочли по греческому языку изъ *Одиссеи* Гомера—въ I-мъ полугодіи, подъ руководствомъ проф. Добіаша, I и II и во 2 полугодіи, подъ руководствомъ Г. Директора, V и XXIII *рапсодіи*; по латинскому языку, подъ руководствомъ профессора Фогеля,—въ первомъ полугодіи I-ю книгу *Энеиды* Вергилія, во второмъ полугодіи—XXII-ю книгу Ливія. Для руководства домашними чтеніями устраивались, въ свободное отъ лекцій время, вечеромъ, собесѣдованія—въ I курсѣ еженедѣльно, во II каждыя двѣ недѣли—поочередно по греческому и по латинскому языку; повѣрка-же домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго. Въ III и IV курсахъ студенты, подъ наблюдениемъ Г. Директора и профессоровъ Добіаша, Жданова, Фогеля, Турцевича, Люперольскаго и Покровскаго, сами избирали себѣ для домашняго чтенія въ каждомъ полугодіи то или другое произведеніе греческой и римской литературы, и каждое полугодіе представляли письменные рефераты по предмету прочитаннаго ими по тому и другому древнему языку; повѣрка домашняго чтенія производилась посредствомъ собесѣдованій со студентами, на основаніи представленныхъ ими рефератовъ.

2) Студенты I и II курсовъ писали и къ концу учебнаго года представили проф. Покровскому сочиненія по римской исторіи. Темы были предложены такія, чтобы, выполняя ихъ, студенты могли приучаться къ точности и отчетливости разсужденія и изложенія; для надлежащихъ отвѣтъ въ на поставленные вопросы требовалось непосредственное знакомство съ текстами источниковъ римской исторіи.

3) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по

предметамъ ихъ семинарскихъ занятій. Студенты-классики III и IV курсовъ готовили въ началѣ года устные, а потомъ письменные рефераты по римской словесности, которые обсуждались на семинарскихъ часахъ у проф. Турцевича; съ наибольшимъ успѣхомъ работалъ студентъ III курса Вавермавъ. — Студенты-словесники III курса писали рефераты по исторіи русской литературы, которые передавались, предварительно ихъ прочтенія въ семинаріи проф. Сперанскаго, выбираемымъ изъ студентовъ-же — участниковъ семинаріи оппонентамъ — такъ что референты и ихъ оппоненты и были главными дѣятелями собесѣдованій при разборѣ рефератовъ — подъ руководствомъ профессора: лучшими рефератами были рефераты студентовъ Логинова и Соболева. — Студенты-словесники IV курса готовили рефераты по вопросамъ славянской филологіи и по разбору учебниковъ русскаго и славянскаго языка для семинаріи проф. Качановскаго. — Студенты-историки III курса готовили устные и письменные рефераты по греческой исторіи для семинаріи проф. Люперольскаго; наибольшее усердіе и разумніе дѣла выказали въ своихъ рефератахъ студенты Поляковъ и Ладянской. — Студенты-историки IV курса писали для семинаріи проф. Бережкова рефераты по русской исторіи (по два реферата каждый).

4) Студенты IV курса писали выпускныя сочиненія. Представленное профессору Добіашу сочиненіе студента *Эмберта* имѣло своимъ предметомъ „Рѣчи въ произведеніи Оукидида“. Профессору Качановскому представилъ вполне удовлетворительное сочиненіе студентъ *Ловеико*, на тему: „Значеніе Юрія Крижанича въ славянской литературѣ,“ — съ особенно обстоятельнымъ разборомъ трудовъ Крижанича въ области языкознанія; тому же профессору представлены были сочиненія — *Зарринимъ* — „О звукахъ и формахъ Суздальскаго Лѣтоисца“ и *Малюгой* — „Значеніе славянской народной поэзіи.“ Профессору Сперанскому были представлены — студентомъ *Марковымъ* превосходно выполненная работа на тему: „Славянофильство и М. П. Погодинъ,“ и студентомъ *Бавринымъ* — работа на тему: „Сентиментализмъ Карамзина.“ Профессору Люперольскому представили весьма хорошія диссертациі студенты: *Картовель* — о „Карлѣ V въ его отношеніи къ реформаціи въ Германіи,“ и *Штейнбергъ* — „Объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи въ эпоху консульства и первой

имперіи". Проф Покровскому представилъ сочиненіе студента *Бонко*— „О роли фратрій въ исторіи государства вѣннскаго.“ Профессору Бережкову подали сочиненія шесть студентовъ; лучшія сочиненія принадлежали *Гошину*, представившему работу о древнерусскихъ торговыхъ договорахъ съ нѣмецкими городами XII и XIII вѣковъ, и *Соловьеву*, работа котораго имѣла задачей „характеристику Императрицы Екатерины II по ея перепискѣ съ барономъ М. К. Гриммомъ“; остальные сочиненія написаны были на слѣдующія темы: студента *Микарова*— Жизнь и дѣятельность князя Б. И. Куракина, на основаніи его сочиненій и официальныхъ бумагъ (опытъ біографіи и характеристики), *Дирдовскаго*— Записки графа А. А. Матвѣева (опытъ критическаго разбора), *Иносова*— Мельхиседекъ Значко-Яворскій (очеркъ жизни и дѣятельности) и *Шуневича-Жчкаго*— Историческія сочиненія Теофана Прокоповича.

Практическія занятія студентовъ IV курса преподаваемы въ состоящей при Институтѣ Гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ.

Съ начала учебнаго года и до конца октября студенты IV курса посѣщали (въ часы, оставленные свободными отъ лекцій) уроки въ Гимназіи наставниковъ-руководителей (по латинскому языку—А. Ѳ. Абрамова, по греческому языку—І. В. Добіаша, по русскому языку и словесности—И. Н. Михайловскаго и по исторіи и географіи—И. А. Сребняцкаго). Въ концѣ октября и въ началѣ ноября были устроены 4 бесѣды, подъ предсѣдательствомъ Г. Директора и съ участіемъ Г. Инспектора, на коихъ наставники-руководители давали студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія, толковали гимназическіе учебные планы съ объяснительными къ нимъ записками Министерства Народнаго Просвѣщенія и разъясняли студентамъ вынесенныя изъ посѣщенныхъ ими уроковъ наблюденія. Затѣмъ студенты давали, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ присутствіи своихъ товарищей, пробныя уроки въ Гимназіи, — по 6 уроковъ каждый; студенты классики давали 5 уроковъ по древнимъ языкамъ (въ старшихъ и младшихъ классахъ) и 1 урокъ по русскому языку (въ младшихъ классахъ); студен

ти-словесники—4 урока по русскому языку и словесности и 2 урока—по древнимъ языкамъ, и студенты-историкъ—2 урока по исторіи, 2 урока по географіи и 2 урока по древнимъ языкамъ. Въ то же время каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю вечернее собесѣдованіе для детальнаго обсужденія данныхъ студентами пробныхъ уроковъ, каждаго въ отдѣльности. По окончаніи пробныхъ уроковъ и частныхъ собесѣдованій по детальному ихъ разбору, устроены были еще 4 общихъ бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами.

Какъ наставники-руководители, такъ и нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей Института разбирали со студентами высшихъ курсовъ, каждый по своему предмету, учебники и учебныя пособія, полезныя для среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, 16-го февраля 1897 г. устроены были въ Институтѣ студенческій вечеръ, въ вокально-музыкальной части котораго выступали хоръ и оркестръ студентовъ, и на которомъ студентъ III курса В. Цвѣтковъ прочелъ рефератъ: „Легенда о Донъ-Жуанъ въ обработкѣ русскихъ писателей.“

Конференція Института въ отчетномъ году имѣла 20 засѣданій.

Фундаментальная *библіотека* Института пополнялась покупкою книгъ по предложеніемъ профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ учебныхъ учреждений и обществъ и учебныхъ заведеній въ обществѣ на „Извѣстія Института“; всего въ отчетномъ году приобрѣтено для фундаментальной библіотеки 377 названій въ 616 томахъ; въ концѣ года въ библіотекѣ состояло названій 21494, томовъ 52285. Въ студенческой библіотекѣ къ 1 января 1898 г. состояло учебныхъ пособій 649 названій въ 7359 томахъ. — Библіотечная коммиссія имѣла въ отчетномъ году 18 засѣданій.

Въ отчетномъ году начато было печатаніе назначенныхъ въ помѣщенію въ „Извѣстіяхъ Института“ сочиненій профессора *Добіаша*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка, и профессора *Качановскаго*—Исторія Сербіи въ XIV и XV столѣтіяхъ, ч. I (обзоръ источниковъ).

Напечатали въ отчетномъ году:

Профессоръ *Ждановъ*—Просодическія и критическія замѣтки (въ Филологическомъ Обзорѣніи).

Профессоръ *Бережковъ*—1) Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская (историческій очеркъ, — въ „Трудахъ IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ“, т. II), 2) Нурь-салтанъ, царица крымская (историко-біографическій очеркъ, — въ Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной комиссіи, № 27) и 3) Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина (рѣчь, — въ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ, т. II).

Профессоръ *Качановскій*—1) Славянская „Кормчая“ и 2) Молитва, съ апокрифическими чертами, отъ злаго дожда (въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, 1897 г., кн. IV и III); 3) Очеркъ жизни и литературной дѣятельности польскаго поэта Адама Мицкевича; 4) Изъ сербскаго эпоса; 5) Памяти Николая Михайловича Языкова; 6) Къ вопросу о литературной дѣятельности въ царствованіе сербскаго царя Стефана Душана, по поводу книги Coquelle'я Le royaume de Serbie (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897 г., февр.); критическіе разборы слѣдующихъ сочиненій: 7) Coquelle, Histoire du Montenegro et de la Bosnie (Журн. М. Н. Пр., 1897 г., февр.); 8) Lippert, Socialgeschichte Böhmens in vor- husitischer Zeit, I; 9) Pisko, Scanderbeg; 10) Pisani, La Dalmatie de 1797 à 1815; 11) Windakiewicz, Mikolaj Rej z Naglowic; 12) Lapôte, L' Europe et le Saint-Siège à l' époque carolingienne, и 13) Джорджевичъ, Матіја Давковичъ, и другія рецензіи и замѣтки—въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“; 14) некрологи: II. А. Кулиша, 15) В. Облака, 16) Д. Матова и 17) А. Н. Майкова.

Профессоръ *Сперанскій*—1) Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и вліяніе русской литературы на югославянскую (въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ),

и 2) Чешско-словацкая этнографическая выставка въ Прагѣ (въ Этнографическомъ Обзорѣніи).

Преподаватель *Кадлубовскій*—Къ вопросу о житіи преподобнаго Авраамія Ростовскаго (въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, 1897 г., 1—2).

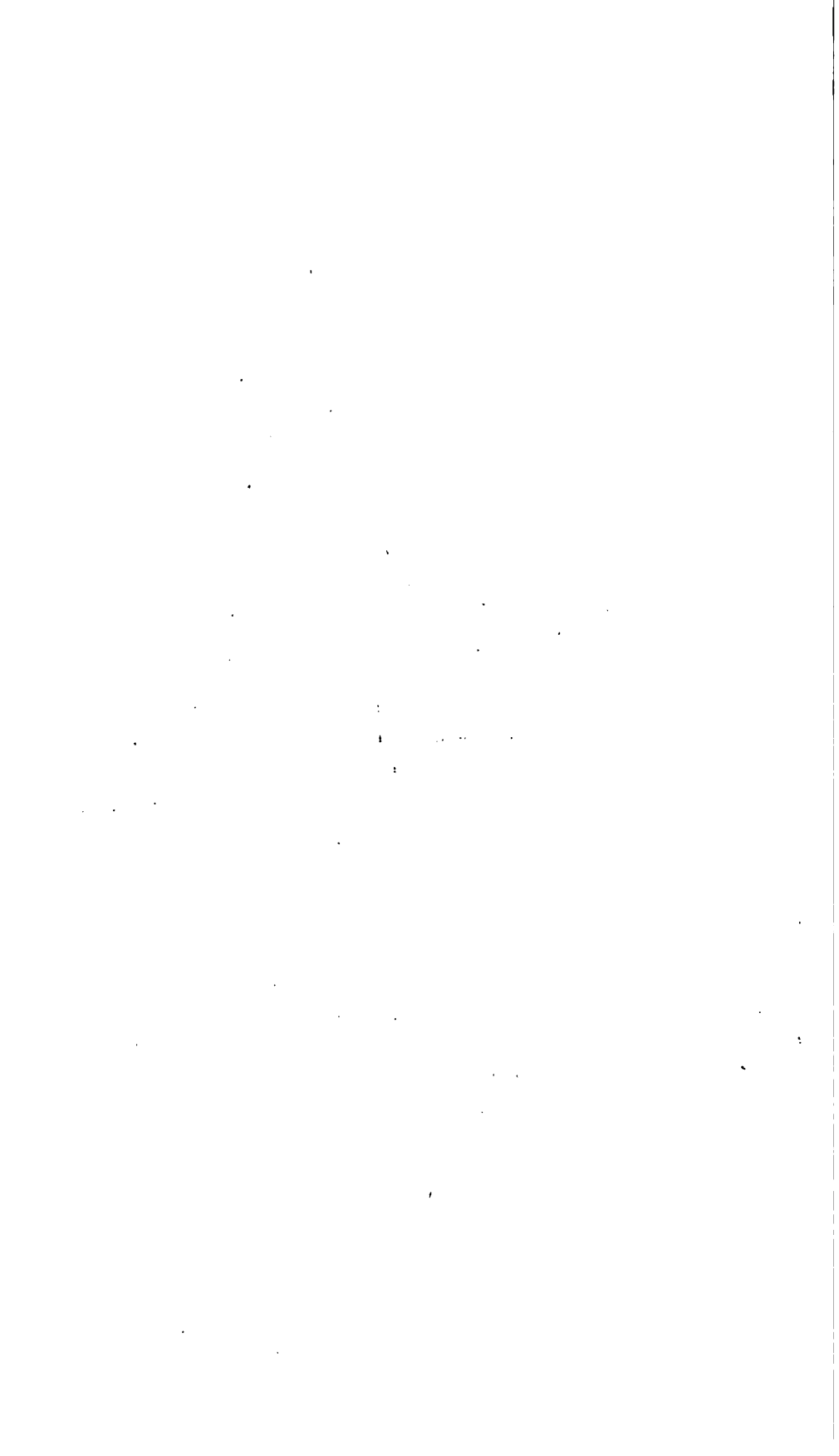
Отчетный годъ былъ третьимъ годомъ дѣятельности состоящаго при Институтѣ *Историко-Филологическаго Общества*.

Въ Обществѣ числилось 66 дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ Общества состоялъ Директоръ Института Ф. Ф. Гельбе, товарищемъ предсѣдателя—профессоръ М. Н. Бережковъ, секретаремъ—преподаватель А. П. Кадлубовскій.

Общество въ отчетномъ году имѣло 8 засѣданій, на которыхъ читаны были слѣдующія 12 сообщеній: *М. Н. Бережкова*—Императоръ Николай Павловичъ, и Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина; *И. В. Галамта*—Объ евреяхъ въ Подоліи; *И. В. Добіаша*—Къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ гимназій по древнимъ языкамъ; *А. П. Кадлубовскаго*—О житіи преподобнаго Пафнутія Боровскаго; *Е. И. Кампровскаго*—О книгѣ И. Побойнина „Торопецкая Старина,“ и О судьбѣ Уставной грамоты князя Ростислава Мстиславича; *И. Н. Михайловскаго*—Литературныя бесѣды въ Нѣжинской гимназій въ 1859—67 гг.; *И. Г. Турцевича*—О значеніи слова *optimus* вообще и въ сочетаніи *optimus maximus*, и О дѣлахъ челоѡеколюбія по поводу праздниковъ и торжествъ у древнихъ римлянъ; *В. Р. Фохта*—О *transitio ad plebem*, и *Н. Н. Харузина*—Древнерусскія имена.

Общество приступило къ печатанію II тома своего Сборника; въ составъ этого тома имѣютъ войдти, кромѣ отчетовъ и протоколовъ Общества, труды дѣйствительныхъ членовъ М. Н. Бережкова, А. В. Добіаша, А. П. Кадлубовскаго, И. Н. Михайловскаго и В. Р. Фохта.

ПРАВИЛА

Бібліотеки Историко-Филологического Института
Князя Безбородко.

*Утверждены Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа
27-го Марта 1896 года.*

§ 1. Библиотекою вѣдаетъ библиотечная Коммиссія, состоящая, по крайней мѣрѣ, изъ 3-хъ преподавателей Института, избираемыхъ Конференціею на 1 годъ. Библиотекарь присутствуетъ въ засѣданіяхъ Коммисіи и имѣетъ въ ней совѣщательный голосъ. Дѣятельность Коммисіи опредѣляется какъ библиотечными правилами, такъ и инструкціею Конференціи, отъ которой зависитъ утвержденіе постановленій Коммисіи.

§ 2. Библиотекарь отвѣчаетъ за цѣлость библиотеки, за порядокъ въ ней, за правильное веденіе Инвентаря и хронологическаго указателя книгъ, отдаваемыхъ въ переплетъ, и исполняетъ постановленія библиотечной Коммисіи, утверждаемая Конференціею, на сколько они его касаются.

§ 3. Въ помощники библиотекарю дается завѣдывающій читальнею изъ наемныхъ писцовъ канцелярѣи. завѣдывающій читальнею подчиненъ библиотекарю въ предѣлахъ инструкціи, вырабатываемой библиотечною Коммиссіею и утверждаемой Конференціею.

§ 4. Книги, приобретаемыя по распоряженію Конференціи путемъ покупки или обмѣна, а также пожертвованныя Институту, Правленіе передаетъ библиотекарю подъ его росписку для немедленнаго внесенія въ Инвентарь. Размѣщеніемъ книгъ въ библиотекѣ и составленіемъ для нихъ карточнаго каталога распоряжается библиотечная Коммиссія.

Примѣчаніе. Правила о поступленіи въ библиотеку жур-

наловъ опредѣляются особымъ постановленіемъ Конференціи о завѣдываніи журналами.

§ 5. Въ бібліотекѣ ведутся:

1) Инвентарь послѣдовательныхъ приобрѣтеній бібліотеки или документальный каталогъ, въ который записываются всѣ рукописи, печатныя и другія изданія, по мѣрѣ поступления ихъ въ бібліотеку, съ означеніемъ, когда и отъ кого, и если отъ книгопродавца, то по какому счету—онѣ поступили, а также цѣны ихъ.

Примѣчаніе 1. Цѣны сочиненій, приобрѣтаемыхъ по пожертвованію или мѣною, означаются по каталогамъ книгопродавцевъ, а если въ оныхъ нѣтъ на то указаній, то по соображеніямъ бібліотечной Комиссіи. Инвентарь разсматривается бібліотечною Комиссіею въ тѣхъ засѣданіяхъ, въ коихъ Комиссія занимается размѣщеніемъ въ бібліотекѣ вновь поступившихъ книгъ.

2) Инвентарь рукописей, отдѣльно отъ перваго Инвентаря (ведется бібліотекаремъ).

3) Алфавитный карточный каталогъ (ведется бібліотечною Комиссіею). Карточки вынимать изъ ящичковъ запрещено.

4) Книга продолженій (ведется бібліотечною Комиссіею).

5) Хронологическій указатель книгъ, отдаваемыхъ въ переплеть.

Примѣчаніе 2. Всѣ книги въ бібліотекѣ должны быть по возможности переплетаемы, а мелкія сочиненія брошюруемы, вновь поступившія книги отдаются въ переплеть непосредственно послѣ внесенія ихъ въ Инвентарь; прежде приобрѣтенныя сочиненія переплетаются постепенно, начиная съ тѣхъ, которыя находятся въ частомъ употребленіи или составляютъ дорогія изданія, или наконецъ находятся въ такомъ видѣ, что пуждаются въ переплетеніи.

6) Провѣрочныя книги для записыванія въ нихъ, по особой формѣ, выдачъ книгъ на домъ. Новыя приобрѣтенія заносятся въ провѣрочныя книги бібліотечною Комиссіею, а записи по выдачѣ книгъ на домъ ведутся бібліотекаремъ.

7) На особыхъ бланкахъ ведутся расписки въ получе-

ніи книгъ, выдаваемыхъ на домъ.

Примѣчаніе 3. Кромѣ алфавитнаго карточнаго каталога, по мѣрѣ возможности, долженъ составляться систематическій печатный каталогъ.

Примѣчаніе 4. Изъ поименованныхъ въ настоящемъ § документовъ книги за №№ 1, 2, 4 и 5 должны быть прошнурованы и скрѣплены печатью Института.

§ 6. Книги размѣщаются въ библіотекѣ по росту. Залы, отведенные для книгъ, обозначаются большими буквами латинскаго алфавита. Шкафы въ залѣ обозначаются: высокіе римскими цифрами, а низкіе, подоконничные, малыми буквами латинскаго алфавита. Нумера полокъ на шкафахъ обозначаются арабскими цифрами. Книги на каждой полкѣ имѣютъ особую нумерацію. На каждой книгѣ ставятся на первомъ листѣ штемпель печати библіотеки Института немедленно при поступленіи ея въ библіотеку и внесеніи ея въ Инвентарь, равно какъ тутъ же проставляется и Инвентарный номеръ книги. На первомъ же листѣ, равно какъ и на корешкѣ, библіотечною Коммиссіею прописывается сигнатура книги послѣ того, какъ книга получила мѣсто въ библіотекѣ.

§ 7. Библіотечкою пользуются слѣдующія лица:

- а) Служащіе по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи.
- б) Студенты Института.
- в) Лица числящіеся на дѣйствительной службѣ въ Институтѣ и Гимназіи по части гражданской.

§ 8. п. 1. Книги, которыя не выдаются изъ библіотеки на домъ, суть:

- а) Рукописи и книги, составляющія библіографическую рѣдкость.
- б) Книги, часто требуемыя, напримѣръ энциклопедіи и ученые словари, если они имѣются только въ одномъ экземплярѣ; по усмотрѣнію библіотечной Коммиссіи, та или иная книга, принадлежащая къ указанной категоріи, можетъ быть помѣщена въ справочномъ отдѣлѣ, находящемся въ читальнѣ.
- в) Новыя книги, не получившія еще помѣщенія въ библіотекѣ.

г) Журналы, поступившіе уже въ библіотеку, но находящіеся еще въ меньшей ея комнатѣ и не приобщенные къ

своимъ названіямъ

Примѣчаніе 1. Исключенія изъ правила, значащагося подъ буквою а), допускаются для преподавателей Института и Гимназіи по особому постановленію Конференціи.

п. 2. Книги, недозволенные цензурою къ общему употребленію, не выдаются вообще никому, кромѣ преподавателей Института.

п. 3. Студентамъ не выдаются кромѣ того на домъ періодическія изданія, книги легкаго чтенія и другія сочиненія, не имѣющія отношенія къ ихъ научнымъ занятіямъ.

Примѣчаніе 2. Периодическія изданія могутъ быть выдаваемы студентамъ на домъ въ особыхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ § 10.

Примѣчаніе 3. Кромѣ того могутъ быть выдаваемы книги, обозначенныя вообще въ п. 1. а) и 1. г.),—а студентамъ и книги, обозначенныя въ п. 3,—въ читальнѣ, открытой для служащихъ по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи, а также для студентовъ, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, съ 3^{1/2} до 9-ти часовъ вечера.

§ 9. Желающіе получить книгу на домъ, являются для этого лично въ бібліотеку. Для выдачи книгъ на домъ служащимъ въ Институтѣ и Гимназіи, бібліотека открыта ежедневно, исключая неприсутственные дни, въ опредѣленные часы, которые, назначаются Конференціею по соглашенію съ бібліотекаремъ. Студентамъ выдача книгъ на домъ производится по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, всегда съ часу до двухъ, за исключеніемъ неприсутственныхъ дней.

§ 10. Число книгъ, выдаваемыхъ на руки студенту, не должно превышать 5 названій и 10 томовъ; исключеніе допускается, когда, по заявленію преподавателя—спеціалиста, студентъ для своихъ рефератовъ и сочиненій нуждается въ особой выдачѣ книгъ, періодическихъ изданій въ томъ числѣ. Заявленіе объ этомъ преподавателя.—спеціалиста выражается подписаніемъ имъ выполненнаго студентомъ бланка для расписки въ полученіи книгъ. Подписывающій бланкъ

преподаватель въ графѣ, отведенной для его подписи, отмѣчаетъ и количество томовъ, получаемыхъ по его заявленію студентомъ.—Лицамъ, служащимъ въ Институтѣ и Гимназіи по гражданской части, не можетъ быть выдаваемо разомъ болѣе 3 томовъ.

§ 11. Срокъ пользованія на дому каждою книгою определяется: для служащихъ по учебной части въ Институтѣ—9 мѣсяцевъ, для служащихъ по учебной части въ Гимназіи—5 мѣсяцевъ; для студентовъ—2 мѣсяца; для прочихъ лицъ—мѣсяць. Если по истеченіи этихъ сроковъ не предъявлено никакихъ требованій, то книга можетъ быть выдана вторично на тотъ-же срокъ тому-же лицу. Если на книгу, выданную студенту или другому лицу, будетъ предъявлено требованіе служащаго по учебной части въ Институтѣ, то она должна быть возвращена немедленно, хотя бы до истеченія срока. Если на книгу находящуюся на рукахъ у кого бы то ни было, представить требованіе не—преподаватель Института, то библиотекарь даетъ ему справку, у кого книга находится, и когда истекаетъ срокъ ея возвращенія, а въ провѣрочной книгѣ, на надлежащемъ мѣстѣ, отмѣчаетъ, если о томъ просить пользующійся бібліотекою, о его желаніи получить книгу по возвращеніи ея въ бібліотеку. При выдачѣ книгъ, на которыя одновременно предъявлено нѣсколько требованій, служащій по учебной части въ Институтѣ имѣетъ преимущество передъ такимъ же служащимъ въ Гимназіи, послѣдній передъ студентомъ, а студентъ передъ прочими лицами, и вообще специалистъ предъ не специалистомъ. Если преподающій въ Институтѣ предъявитъ требованіе на книгу, находящуюся на рукахъ у его товарища, то послѣдній обязывается уступить книгу на 2 или 3 недѣли, по истеченіи каковаго срока книга ему возвращается.

§ 12. Передъ каникулами должны быть всѣ книги возвращены въ бібліотеку для ревизіи. Послѣ ревизіи, на время каникулъ, могутъ быть выданы книги служащимъ по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи, а также студентамъ лишь самыя необходимыя, причемъ студентамъ выдается не болѣе 3 томовъ и не иначе какъ по рекомендаціи преподавателей.

§ 13. Доступъ въ залы, отведенныя для книгъ, имѣютъ только служащіе по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи,

причемъ указанныя лица приглашаются, если приходится имъ вынуть книгу съ полки для занятій въ залѣ, оставить книгу на находящемся тамъ столѣ и не ставить ее на полку.

§ 14. Постороннія лица могутъ пользоваться библіотекою, а также читальнею, не иначе какъ съ разрѣшенія Конференціи, опредѣляющей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ условія такого пользованія, равно какъ и размѣръ залога, вносимаго въ этомъ случаѣ постороннимъ лицомъ въ Правленіе Института.

§ 15. Лицо, утерявшее какое либо сочиненіе, обязано представить оное въ библіотеку или же уплатить показанную въ Инвентарѣ стоимость книги вгеченіе 2 мѣсяцевъ, считая со дня получения требованія библіотечной Коммиссіи о возвратѣ сочиненія. Въ случаѣ невнесенія денегъ въ назначенный срокъ, Правленіе производитъ взысканія: съ служащаго въ Институтѣ и Гимназіи черезъ вычетъ изъ жалованья, съ посторонняго лица черезъ вычетъ изъ залога, со студента требованіемъ вычета изъ жалованья по поступленіи его на службу, а если онъ уволенъ до окончанія курса и на службу не поступаетъ, внесеніемъ долга въ его увольнительное свидѣтельство. За сочиненіе испорченное взыскивается какъ за утраченное. Вопросъ о томъ, признать ли книгу за испорченную или нѣтъ, рѣшаетъ библіотечная Коммиссія по докладу библіотекаря. Если утраченъ № журнала или томъ многотомнаго сочиненія, то Конференція имѣетъ право, если найдеть необходимымъ, назначить взысканіе за годовое изданіе или за все сочиненіе, причемъ испорченные или вообще уплаченные томы выдаются штрафуемому на руки.

§ 16. Ежегодно производится, сейчасъ же въ началѣ каникулъ, общая ревизія Коммиссіею, состоящею изъ Инспектора Института и одного Профессора, назначаемаго Конференціею; о результатѣ ревизіи они доносятъ Конференціи и Правленію. Кромѣ ежегодной ревизіи можетъ быть назначена таковая во всякое время, по усмотрѣнію Конференціи.

А. М. Фогель.

11 октября 1897 г. скончался ординарный профессор Историко-Филологического Института Кн. Безбородко по кафедрѣ римской словесности Андрей Магнусовичъ Фогель. Преждевременная смерть его представляетъ тяжелую утрату для нашего заведенія. Покойный былъ знатокъ своего предмета, превосходный преподаватель, добрый товарищъ, человѣкъ яснаго ума и твердой воли, глубоко проникнутый чувствомъ долга.

А. М. Фогель родился въ 1852 г. въ Валкскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, гдѣ отецъ его занимался сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ арендатора. По смерти его десятилѣтній Андрей былъ взятъ на попеченіе дядей, А. Бруттономъ, который былъ тогда инспекторомъ городского училища въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевѣ). Окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, въ 1869 г., молодой Фогель поступилъ въ Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ, находившійся въ 1867—1872 г. г. подъ управленіемъ И. Б. Штейнмана, по смерти котораго въ 1872 г. оно перешло къ К. В. Кедрову. На старшихъ курсахъ Института Андрей Магнусовичъ занимался специально классической филологіей подъ руководствомъ преимущественно Л. А. Миллера и покойнаго А. К. Наука. По окончаніи курса въ 1873 г. А. М. Фогель былъ назначенъ учителемъ Петербургской Ларинской Гимназіи, но оставался на этой должности не долго: въ 1874 г. окончившій отлично курсъ и подававшій прекрасныя надежды молодой филологъ былъ по ходатайству Конференціи Петербургскаго Историко-Филологическаго Института отправленъ за границу для дальнѣйшаго изученія классической филологіи. Согласно данной инструкціи покойный занимался въ Лейпцигѣ, гдѣ слушалъ Ричля, Ланге, Г. Курціуса и др. Нѣкоторое время онъ преподавалъ русскій языкъ въ существовавшей тогда при Лейпцигскомъ

университетъ русской семинаріи. По возвращеніи въ Россію въ 1876 г. Андрей Магнусовичъ былъ назначенъ въ незадолго предъ тѣмъ открытый въ Нѣжинѣ Историко-Филологическій Институтъ наставникомъ студентовъ и преподавателемъ латинскаго языка. Въ 1883 г. онъ сталъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по кафедрѣ римской словесности, въ 1887 выдержалъ экзаменъ на степень магистра и защитилъ диссертацию (*P. Terenti Afri Eunuchus*, со введениемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ), въ 1888 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1893 получилъ званіе ординарнаго. Будучи наставникомъ и профессоромъ, онъ исправлялъ и другія должности, именно—въ 1876—77 г. бібліотекаря, въ 1888—89 члена Правленія, а въ 1886, 1889 и 1892 г. былъ три раза подрядъ избираемъ Конференціей на должность ученаго секретаря, отъ которой въ 1895 г. вынужденъ былъ отказаться по слабости здоровья. Злой недугъ медленно, но неустанно подтачивалъ силы честнаго труженика. Андрей Магнусовичъ переносилъ его съ большою твердостью и бодростью духа и лишь за немного дней до смерти прекратилъ чтеніе лекцій. Онъ скончался тихо, безъ страданій, среди любимой и любящей семьи и похороненъ на здѣшнемъ греческомъ кладбищѣ, гдѣ обыкновенно находятъ себѣ покой христіанскіе труженики нашего заведенія. *Sit tibi terra levis.*

Представляемъ списокъ печатныхъ трудовъ покойнаго.

О контаминаціи (*Журн. М. Н. Пр.*, апрѣль 1882).

Критическо-эзегетическія замѣтки (тамъ-же, сент. 1883).

Метрическія замѣтки (тамъ-же, дек. 1883).

Vergiliana (тамъ-же, май 1884).

P. Terenti Afri Eunuchus. Со введениемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. Кіевъ. 1884.

Избранныя элегіи Публія Овидія. Съ краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Овидія и съ русскими примѣчаніями. Кіевъ, 1884.

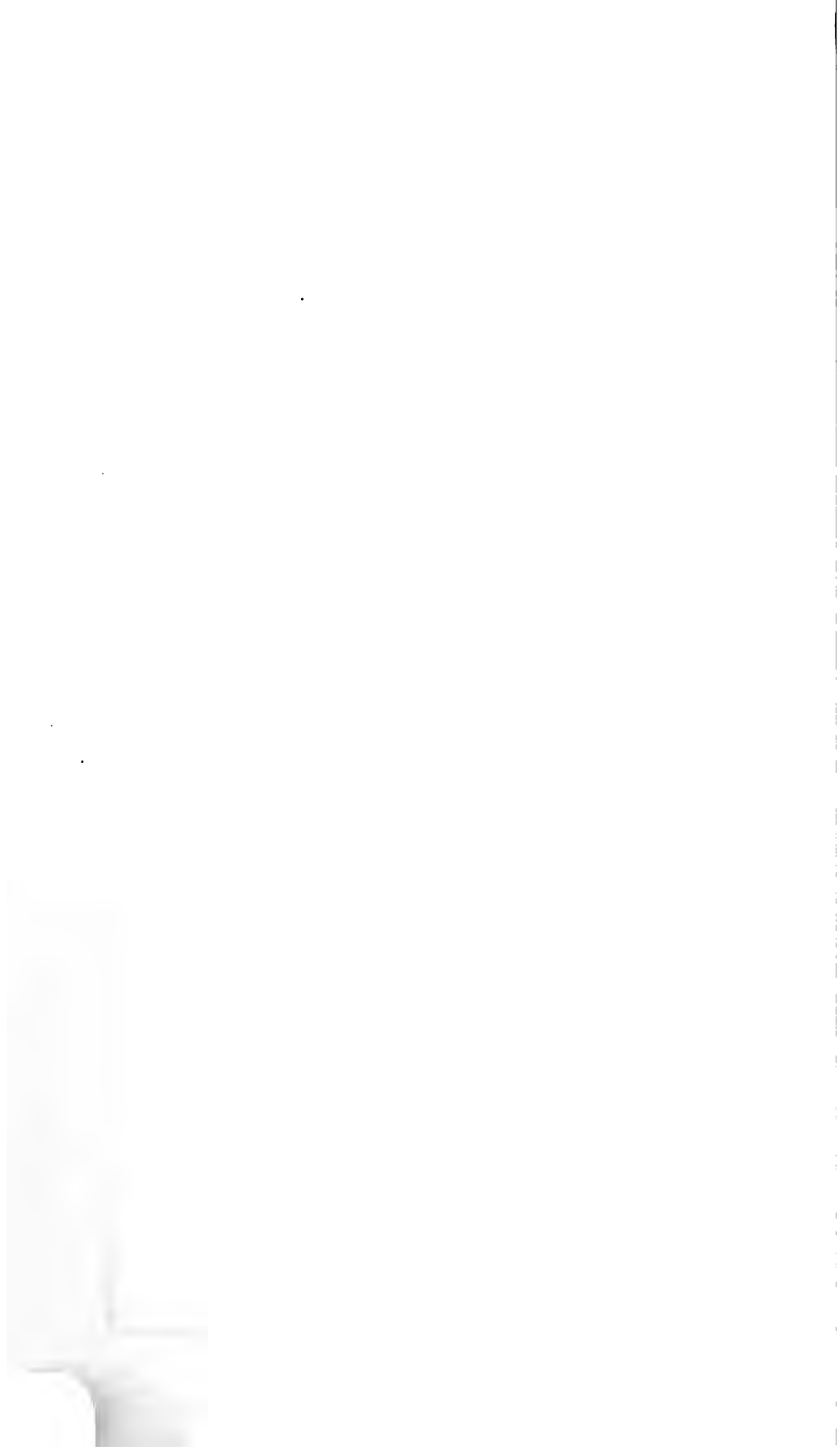
T. Livi ab urbe condita lib. XXX (Извѣстія Института Кн. Безбородко, 1889).

Нѣсколько замѣтокъ въ критикѣ текста XXX кн. Ливія
(Журн. М. Н. Пр., ноябрь 1889).

M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute (Извѣстія Ин-
ститута Кн. Безбородко, 1895).

С. Ждановъ.

И. А. Левицкій.

8 октября 1897 года скончался секретарь Правленія Института Князя Безбородко, коллежскій ассесоръ Иванъ Антоновичъ Левицкій. Дѣятельность скромнаго, честнаго человѣка заставляетъ вспоминать о немъ съ уваженіемъ и вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о преждевременной потерѣ его для институтской службы: онъ умеръ, не достигавъ полныхъ 49 лѣтъ, отъ горловой чахотки.

Онъ былъ уроженецъ Витебской губерніи, по происхожденію дворянинъ; учился въ Витебской гимназій, въ которой окончилъ полный курсъ; затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ, но по недостатку средствъ былъ вынужденъ оставить его на первомъ же году ученія. Тогда, по выдержаніи установленнаго экзамена, Левицкій поступилъ учителемъ математики въ Зміевское уѣздное училище и въ женскую прогимназію въ томъ же Зміевѣ; потомъ перешелъ учителемъ математики и географіи въ Велижское уѣздное училище. Семь лѣтъ продолжалась педагогическая дѣятельность Левицкаго въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ чего, въ 1877 году, онъ поступилъ на службу въ нашъ Институтъ, въ должности сначала бухгалтера и казначея, потомъ, съ 1881 г., въ должности секретаря Правленія, которую и несъ до конца жизни.

Онъ несъ свою должность съ усердіемъ, съ любовью къ служебному дѣлу, съ основательнымъ знаніемъ порядковъ службы и закона. Чѣмъ дальше, тѣмъ опытнѣе онъ становился въ дѣлопроизводствѣ; архивъ Института, архивы Лицея и Гимназій высшихъ наукъ были хорошо ему извѣстны: вотъ почему, когда была нужна какая-нибудь справка, нашъ секретарь скоро и хорошо умѣлъ найтись въ дѣлахъ, поставить каждое новое дѣло въ надлежащую связь съ прежними, по точному смыслу закона, по уставу и практикѣ Института.

Трудолюбіе, дѣловитость, честность пріобрѣли Ивану Антоновичу почтеніе отъ всѣхъ, кто служилъ или сопріасался съ нимъ: Болѣе того: съ любовью, съ крайнимъ сожалѣніемъ провожали его на Нѣжинское греческое кладбище, обычное мѣсто упокоенія нашихъ сослуживцевъ, вдова и дѣти, начальники и сослуживцы по Институту и Гимназіи, студенты, многіе знакомые изъ города: въ Нѣжинѣ хорошо знали секретаря Левицкаго; многимъ людямъ въ часы внѣслужебные онъ помогалъ прямымъ, безкорыстнымъ совѣтомъ по разнымъ дѣламъ; и не однимъ только совѣтомъ онъ готовъ былъ къ добрымъ услугамъ: самъ пройдя трудовую съ лишеніями жизнь, Иванъ Антоновичъ дѣлился деньгами съ нуждающимися лицами изъ своихъ очень умеренныхъ средствъ, т. е. изъ казеннаго жалованья 600 руб. въ годъ. Да простить намъ его скромность за это упоминаніе.

Миръ тебѣ и всегдашняя отъ насъ память, благородный труженикъ!

М. Березковъ.

А. ДОБІАШЪ.

ОПЫТЪ

СИМАСІОЛОГИИ

ЧАСТЕЙ РЪЧИ И ИХЪ ФОРМЪ

НА ПОЧВЪ

ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

ПРАГА.

ТИПОГРАФІЯ Др. ЭД. ГРЕГРА.

1897.

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-филологическаго
Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

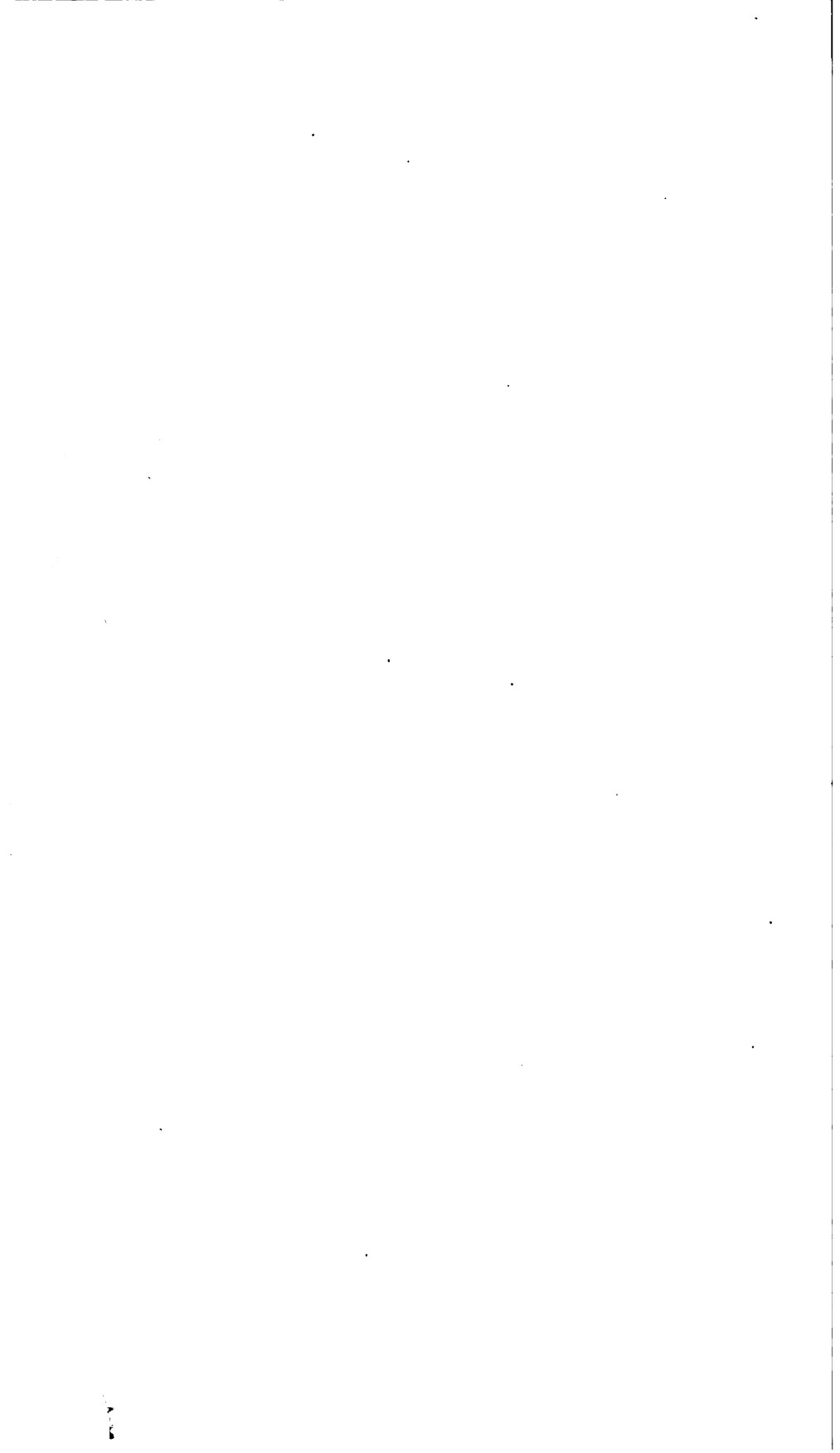
Директоръ Института *Ф. Гельке.*

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Предлагая » Опытъ синасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка«, я не буду распространяться о мотивахъ, которые меня побудили къ постановкѣ и разработкѣ такой темы; это выяснено въ первомъ отдѣлѣ самого изслѣдованія, посвященномъ »опредѣленію задачи«. Исключительная цѣль моего предисловія — обращеніе къ читателю съ просьбою не терять терпѣніе, если онъ при чтеніи постоянно будетъ встрѣчаться съ ссылками на другія мѣста сочиненія, или если, быть можетъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ будетъ находить изложеніе главнаго, а въ самомъ текстѣ — разсужденіе о второстепенномъ. Оба недостатка объясняются тѣмъ, что грамматическія понятія приходилось разъяснять не сразу, а постепенно, очень часто по поводу какого-нибудь частнаго вопроса, и что разные вопросы такъ сцѣплялись одинъ съ другимъ, и часто въ очень сложномъ матеріалѣ, что самый матеріалъ приходилось разбирать въ одно и то же время съ разныхъ сторонъ.

А. ДОВІАШЪ.

Содержаніе.

I. Отдѣлъ:

Опредѣленіе задачи	стр. 1—87
Начала синтаксиса у Гумбольдта: Три метода связыванія элементовъ рѣчи въ одно осмысленное цѣлое и преобладаніе электрирующаго метода въ санскритскомъ и родственныхъ ему языкахъ (2—3); о силѣ, чисто духовной, какъ производительницѣ связыванія «элементовъ», и о синтезѣ, какъ продуктѣ этой силы (3—4). «Предложеніе», какъ болѣе законченный синтезъ (4); глаголь — душа предложенія (4—6); роль союза и относительнаго мѣстоименія въ синтезѣ «сложнаго» предложенія (7). Объ отношеніи внутренняго языка къ внѣшнему (8), о неодинаковости внѣшнихъ языковъ и ихъ недочетахъ (8—10); обозначеніе понятій и связываніе цѣлой рѣчи изъ словъ представляютъ собою двѣ отдѣльныя стороны языка, — какъ внутренняго, такъ и внѣшняго (10—12). Задача синтаксиса опредѣляется какъ уясненіе законовъ, по которымъ изъ отдѣльныхъ словъ, какъ частей цѣлаго т. е. рѣчи, составляется цѣлое т. е. рѣчь (12)	1—12
Синтаксическая система Беккера: Изложеніе системы, представленной Беккеромъ въ видѣ итога его изслѣдованія «организма» языка, а параллельно съ этимъ и критика ея, т. е. указаніе, какъ на неправильность, на подчиненіе «частей рѣчи» «частямъ предложенія», устанавливаемымъ тою, якобы, логическою стороною языка, которая изъ грамматики дѣлаетъ логику (13—21); грамматика не есть логика, а языкъ есть психологическое и историческое явленіе (22—23)	13—23
Ученіе Штейнтала о языкѣ: Опровергая Беккера, Штейнталь является продолжателемъ Гумбольдта (24). Разсужденіе Штейнтала о примѣнности или непримѣнности къ языку слова «организмъ» (25—26). Внутренняя форма языка на ея трехъ ступеняхъ, а именно: — на ступени образованія междометія, какъ выраженія сложной мысли (26—28); — на ступени оноματοпоэтического поименованія предмета, какъ выраженія сужденія (28—31); — на ступени проявленія «психическаго» механизма въ поименованіи предметовъ (31—32). Переходъ корневыхъ словъ, появляющихся на второй ступени внутренней формы языка, къ словамъ, надѣленнымъ суе-	

опксми, и к образованію, при помощи послѣднихъ. формальнаго предложенія (т. е. соединенія въ нѣчто цѣлое, прежде всего, подлежащаго и сказуемаго, а затѣмъ и attributiv'ныхъ и objectiv'ныхъ словъ); при этомъ указывается на взаимодействие, съ одной стороны, внутренняго мышленія на виѣшній видъ (= грамматичность) словъ и, наоборотъ, виѣшняго вида словъ на развитіе внутренняго мышленія, дѣлающагося, такимъ образомъ, грамматическимъ (32—35). Разъясненіе Гербартовскаго мусора, имѣющаго въ виду части рѣчи, и опредѣленіе задачи для лексикографа — выяснять значеніе «корней», и для грамматика — выяснять значеніе суффиксовъ и т. п. (35—36). Общее разсужденіе по поводу ученія Штейнтала и указаніе, какъ на помѣху къ дальнѣйшему развитію его теорій, на традиціонное пониманіе имъ какъ частей рѣчи, такъ и частей предложенія (37—41), вслѣдствіе чего самое отношеніе частей рѣчи къ частямъ предложенія не выяснено, равно какъ не выяснена достаточно «грамматичность» (какъ со стороны виѣшняго вида словъ, такъ и со стороны связаннаго съ ними «грамматическаго» мышленія) subject'овъ, object'овъ etc. (41). Нѣтъ никакихъ разъясненій на этотъ счетъ и у Heuze и у Paul'a (41—44).

25—44

Теорія Потебини о грамматическомъ мышленіи; Наложеніе теорій Потебини, заключающей въ себѣ попытку выяснить, съ точки зрѣнія грамматическаго мышленія, отношеніе между частями рѣчи и частями предложенія (44—54). Общее разсужденіе по поводу этой теоріи, съ указаніемъ, какъ на препятствіе правильному ея развитію, на привлеченіе въ нее частей предложенія какъ категорій, которая якобы должна вести къ выясненію частей рѣчи и сама должна быть черезъ нихъ выяснена (54—59). Отъ такого связыванія частей рѣчи съ частями предложенія не освободился и Дельбрюкъ (60—61) . . . . .

44 - 61

Что такое синтаксисъ? Миклошичъ опредѣляетъ его какъ науку о значеніи частей рѣчи или, какъ онъ выражается, о значеніи разрядовъ словъ и ихъ формъ (62). О неправильномъ исполненіи Миклошичемъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ какъ задачу синтаксиса (62—64). Наукою о значеніи разрядовъ словъ и ихъ формъ или, какъ мы выражаемся, симасіологію частей рѣчи и ихъ формъ не исчерпывается весь синтаксисъ (64—65). Дѣленіе грамматикъ у Reising'a, съ введеніемъ, въ видѣ отдѣльной части грамматикъ, «симасіологіи», имѣющей, однако, лексикальный характеръ, съ примѣсью, быть можетъ, стилистическаго (65—66). Дѣленіе грамматикъ у Шлейхера: — морфологія, наука о функціяхъ и синтаксисъ, причемъ подъ синтаксисомъ разумѣется наука о предложеніи, а наука о функціяхъ должна пзслѣдовать тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ Штейнталь возлагаетъ на лексикографа совместно съ грамматикомъ (66—67). Симасіологія нашего времени есть наука болѣе лексикальнаго характера (67—68). Дѣленіе грамматикъ у Риза; симасіологія частей рѣчи и ихъ формъ получаетъ здѣсь особое мѣсто, но только какъ часть синтаксиса, послѣ которой долженъ слѣдовать высшій синтаксисъ (68—72) . . . . .

62—72

Предварительныя замѣчанія къ синтаксисологіи частей рѣчи и ихъ формъ: Такая синтаксисологія должна быть разрабатываема на почвѣ одного языка, и для этого избранъ мною языкъ греческій (72—73). *Λέξις* (= слово) можетъ сдѣлаться предметомъ изслѣдованія какъ высшая единица, состоящая изъ частей, или какъ низшая, являясь сама частью цѣлаго, т. е. частью рѣчи (73). Опредѣленіе рѣчи; въ связи съ этимъ опредѣляется часть рѣчи, какъ выраженія «представленія», или «отношенія», или, наконецъ, того и другого вмѣстѣ (73—78). Не всякое «представленіе» и не всякое «отношеніе» находятъ себѣ выраженіе въ словѣ; вообще языкъ—бѣдитѣ мысли (78—82). Хотя синтаксисологія синтаксисе имѣетъ дѣло съ словомъ, какъ низшею единицею, однако, не долженъ игнорировать и состава слова (82—83). Отношеніе синтаксической синтаксисологіи къ синтаксисологіи лексической; та и другая изслѣдуетъ «значеніе» (83). Объ употребленіи въ языкѣ одного средства для нѣсколькихъ значеній (83—85). Послѣсловіе 85—87) . . . . .

72—87

II. Отдѣлъ:

Глаголь въ смыслѣ *verbi finiti* . . . . . 88—157

Главныя положенія о глаголь: Глаголь въ смыслѣ *verbi finiti* явл., какъ мы его впредь будемъ просто называть, «глаголь» — является выраженіемъ присужденія чего-то одному изъ трехъ лицъ, какъ «предмету» (88—90). Такъ называемые безличные глаголы оказываются по содержанію дѣйствительно безличными (т. е. предметъ, которому что нибудь присуждается, въ нихъ не выраженъ), а только по формѣ они суть глаголы третьяго лица (90—95). Глаголь, какъ часть рѣчи, служитъ выраженіемъ не только «представленій» (ихъ — два: представленіе того, что присуждается, и лица, которому нѣчто присуждается), но и «отношеній»; послѣднее заключается въ самомъ актѣ присужденія, имѣющаго различныя степени качественности, которыя всѣ сводятся къ «познавательному» и «желательному» сужденіямъ (95—96). Представленіе того, что присуждается лицу, является признакомъ лица, или «дѣйствіемъ», относящимся къ нему», и не только его присужденіе должно быть отнесено къ извѣстному времени, но и само оно представлено въ глаголь въ той или иной, разумѣется, — временной, стадіи своего развитія, что мы называемъ «видовыми оттѣнками» дѣйствія (97—100). Кромѣ того, дѣйствіе представлено въ глаголь присуждающимся лицу въ такомъ или иномъ залоговомъ оттѣнкѣ; залоговыхъ оттѣнковъ дѣйствія — пять, и всѣ они такъ или иначе удовлетворены залоговыми формами глагола (100—110). Наклоненіе выражаетъ не только качественность сужденія, но и время, къ которому относится сужденіе, и извѣстный видовой оттѣнокъ дѣйствія (110). Мнѣніе H. D. Müller'a о значеніи наклоненія и критическій разборъ этого мнѣнія (110—113)

88—113

- Imperativus** является наклонениемъ, въ которомъ выражено желательное сужденіе по отношенію къ будущему времени, притомъ съ видовыми отгѣнками дѣйствія, располагающими для своего выраженія тремя разными грамматическими формами; разъясненіе этихъ видовыхъ отгѣнковъ . . . . . 113—115
- Indicativus** является наклонениемъ, въ которомъ выражено познавательное сужденіе по отношенію къ настоящему, будущему и прошедшему времени, притомъ всегда съ видовыми отгѣнками дѣйствія, располагающими для своего выраженія — въ настоящемъ времени двумя (*praesens* и *perfectum*), для будущаго также двумя (*futurum simplex* и *exactum*), а для прошедшаго тремя разными грамматическими формами (*imperfectum*, *pluperfectum* и *aoristus*); разъясненіе этихъ видовыхъ отгѣнковъ (116—127). Особому обсужденію подвергается *aoristus gnomicus* (127—130) и *indicativus* историческихъ временъ съ *ἄν* (130—133) . . . . . 116—133
- Conjunctivus**, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ встрѣчается исключительно у Омира, служитъ для выраженія познавательнаго, высказаннаго съ сомнѣніемъ, сужденія, относящагося къ будущему времени, притомъ съ тѣми же видовыми отгѣнками дѣйствія, какіе замѣчены въ *Imperativus* (133—136). Такими же, въ сущности, остаются всѣ *Conjunctivus*’ы, которыхъ на общесинтаксической почвѣ конструкцій оказывается пять, а именно: *Conjunctivus finalis* (135—138), *Conjunctivus dubitativus* (138—139), *Conjunctivus imperativus* (139—142), *Conjunctivus conditionalis*, при которомъ часто будущее время сужденія переходить въ «нераскрытое настоящее» (142—143) и *Conjunctivus* съ *μή*, при которомъ также приходится имѣть дѣло съ «нераскрытымъ настоящимъ» временемъ (143—145) . . . . . 133—145
- Optativus**, употребляющійся внѣ всякой зависимости отъ общесинтаксическихъ конструкцій, служитъ для выраженія желательнаго сужденія по отношенію къ будущему времени, съ видовыми отгѣнками *Imperativus*’а; отличается отъ *Imperativus*’а тѣмъ, что въ немъ не обращаемся за исполненіемъ желанія къ опредѣленному лицу (145—146). Такими, въ сущности, остаются: *Optativus conditionalis*, только что послѣдній часто заходитъ съ отгѣнкомъ нераскрытаго факта въ прошедшее время, т. е. будущее время сужденія становится лишь *relativus*’но будущимъ (146—148), и *Optativus finalis*, также относящійся къ *relativus*’но будущему времени (148—149). Особому обсужденію подвергаются, по вопросу о выраженіи въ нихъ желательнаго сужденія, *Optativus potentialis* съ *ἄν* (149—150) и *Optativus orationis obliquae*; послѣдній, впрочемъ, какъ замѣняющій собою *indicativus*’ныя формы и долженствующій, казалось бы, располагать грамматическими формами не для одного будущаго или «нераскрытаго настоящаго», а для всѣхъ временъ, разсматривается особо по вопросу о его видовыхъ отгѣнкахъ дѣйствія: въ виду того, что средствъ для выраженія *indicativus*’ныхъ временъ на дѣлѣ въ немъ нѣтъ, а есть только средства для выраженія видовыхъ отгѣнковъ дѣйствія, онъ долженъ увеличить послѣднія

сравнительно съ Imperativ'омъ, Coniunctiv'омъ и съ преежними подразрядами Optativ'a (150—154)	145—154
Заключеніе о глаголь	154—157

III. Отдѣль:

Общая положенія объ имени	158—239
Имя, какъ названіе предметовъ, внѣ рѣчи и противопоставленіе его въ этомъ отношеніи глаголу, немислимому внѣ рѣчи, такъ какъ онъ всею своею сущностію есть сама рѣчь; указаніе на роды имени, соответствующіе родамъ предметовъ	158—163
То же имя, при переходѣ его въ связанную рѣчь, въ именительномъ падежѣ: Общее замѣчаніе о падежахъ, какъ принадлежности именъ (163—165). Ономатическія предложенія, состоящія изъ одного имени (165). Ономатическія предложенія, состоящія изъ двухъ именъ, изъ которыхъ одно служитъ поименованіемъ предмета, а другое — обозначеніемъ или большаго логическаго объема, въ который входитъ поименованный раньше предметъ съ своимъ меньшимъ логическимъ объемомъ, или вообще его признака, причеиъ оба имени относятся къ одному предмету (165—166). Какъ нужно понимать отношеніе двухъ именъ къ одному предмету, кода внѣ рѣчи оба они служили названіемъ разныхъ предметовъ? (166—168). Психологическія и логи- ческія подлежащее и сказуемое (169—171). Синтаксическія подлежащее и сказуемое (172—176). Ономато-ритмическія предложенія, состоящія изъ одного имени и одного глагола: разборъ ихъ по разнымъ подлежащимъ и сказуемымъ и вы- ясненіе ихъ отношенія къ ономатическимъ предложеніямъ (176—184). Особо подвергается обсужденію вопросъ о согласо- ваніи, замѣченномъ и въ ономатическихъ и ономато-ритмиче- скихъ предложеніяхъ: логическое равенство и отношеніе его къ разнымъ подлежащимъ и сказуемымъ (184—186). О со- гласованіи вообще, поставленномъ не въ связи съ именитель- нымъ падежемъ, и о логическомъ опредѣленіи, въ которомъ опредѣляющее имя исполняетъ роль признаковаго слова по отношенію къ имени опредѣляемому (186—191)	158—191
Признаковое имя, какъ особая грамматическая форма, въ проти- воставленіи существительному, и отношеніе его къ под- лежащимъ и сказуемымъ, равно какъ и къ логическому равен- ству и къ логическому опредѣленію	191—195
Материальное имя вообще, въ противопоставленіи формальному или мѣстоименію (195—197). Дѣленіе материальнаго имени: глаголь- ное имя (infinitivus) и его двусторонность по вопросу о томъ, принадлежитъ ли оно къ существительнымъ или признаковымъ именамъ, а также синтаксическій, а не этимологическій харак- теръ его падежей (197—202); глагольное признаковое имя или такъ называемое participium (202—203); качественное и коли- чественное признаковое, какъ подразряды простаго (т. е. не глагольнаго) признаковаго имени (203—205); выдѣленіе счет- ной части рѣчи (205—207)	195—207

Звательный падежъ и отношеніе его къ именительному падежу 206

Общія положенія о настоящихъ или такъ называемыхъ косвенныхъ падежахъ: Настоящихъ падежей въ именахъ — шесть; разборъ мифнія о постепенности ихъ развитія (209—218). Опровергается теорія о значеніи падежей, стоящая на почвѣ Беккеровскаго «организма» языка (219—222). Опровергается локалистическая теорія (222—225); вдобавокъ къ падежамъ, какъ выражающимъ не-локальныя «отношенія», нужны предлоги, какъ особая часть рѣчи, предназначенная для выраженія прежде всего локальныхъ, а затѣмъ и другихъ «отношеній» (225—234). Какія «отношенія» выражаются самими падежами? — синкретическая теорія Hübschmann'a (235—236); ученіе Дельбрюка о падежахъ (236—238); послѣловіе (238—239) . . . . . 209—239

IV. Отдѣлъ:

Предлоги и опредѣленіе значенія падежей, поскольку послѣдніе находятся въ связи съ предлогами . . . . . 240—341

Опредѣленіе значенія предлоговъ, указывающихъ первоначально на мѣстное отношеніе предмета къ предмету, а затѣмъ вообще служащихъ для «сопоставленія предмета съ предметомъ», причемъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ показанъ въ самомъ предловоомъ оборотѣ (т. е. въ томъ падежѣ, который присоединяется къ предлогу), а другой находится внѣ предлоговаго оборота и долженъ быть часто извлекаемъ изъ признаковаго слова, включая сюда и глаголъ, т. е., собственно ту первую его часть, которая какъ признакъ (дѣйствіе то жъ) присуждается лицу. Значеніе каждаго въ отдѣльности предлога, въ связи съ присоединяющимся къ нему тѣмъ или инымъ падежемъ, опредѣляется по слѣдующему порядку:

1. *ἐν-εἰς-ἐξ* . . . . . 240—249

Эпизодически объясняется:

Отношеніе означенныхъ предлоговъ къ формамъ на *θι-θεν-δι*, причемъ указывается, въ отличіе отъ предлоговыхъ оборотовъ, на просторовое значеніе упомянутыхъ формъ, т. е. на обозначеніе ими предмета какъ простора, гдѣ — откуда появляется —, и куда направляется — дѣйствіе (246—249).

2. *ὄν-μετά* . . . . . 249—260

Эпизодически объясняется:

Accusativus, какъ вещный падежъ, т. е. падежъ, указывающій на отмѣченный въ немъ предметъ, какъ на вещь, которая поступаетъ въ чье нибудь распоряженіе, причемъ цѣль движенія, также иногда обозначаемая этимъ падежемъ, является лишь метафорой перваго значенія (255—259).

3. *πρό-ἀντί-πρός* . . . . . 260—275

Эпизодически объясняются:

Genitivus, какъ генитивскій или родовой падежъ, не имѣющій никакого спеціальнаго отгѣнка (262—264) и употребляющійся при предлогахъ лишь тамъ, гдѣ падежа съ спеціальнымъ отгѣнкомъ

не подыскивается, такъ какъ предлоги, вмѣстѣ съ глаголами, глагольными именами и глагольными признаковыми, — вообще, вмѣстѣ съ глаголовыми словами, — составляютъ особую группу частей рѣчи, требующую къ себѣ, если это оказывается возможнымъ, спеціальнаго падежа, который бы спеціальнымъ образомъ своего значенія шель навстрѣчу ихъ собственному значенію (265—266).

Ablativus, какъ падежъ первоначально этический, т. е. обозначающій предметъ, какъ этическую исходную точку дѣйствія (267—268).

Localis, какъ падежъ первоначально этический, т. е. обозначающій предметъ, какъ этическую сферу, въ которой дѣйствіе вращается, и только лишь благодаря нѣкоторому огрубѣнію сдѣлавшійся падежемъ просторовымъ, наравнѣ съ формою на *θ* (271—273), и заслужившій по этому названіе мѣстнаго падежа.

4. *παρά* . . . . . 275—285

Эпизодически объясняется:

Dativus, какъ падежъ личный, въ противоположность Accusativ'у, какъ падежу вещному; между косвенными падежами онъ исполняетъ такую же роль, какая при другомъ построеніи фразы и въ другой зависности словъ принадлежитъ именительному падежу (277—281).

5. *κατά-ανά* . . . . . 285—301

Эпизодически объясняется:

Ablativus, какъ удалительный падежъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго его развитія, имѣющаго начало въ его этическомъ значеніи (286—287).

6. *ἀμφί-πρός* . . . . . 301—307

7. *ἀπρό-ἐπί* . . . . . 307—313

8. *ὑπέρ-ὀπί* . . . . . 313—315

9. *διὰ* . . . . . 315—316

10. о настоящихъ (?) предлогахъ (?) . . . . . 317—318

Опровергается мнѣніе о «нарѣчности» предлоговъ указаніемъ на весь смыслъ какъ, съ одной стороны, такъ называемаго самостоятельнаго употребленія предлоговъ, т. е. безъ падежей (318—321), такъ и, съ другой, составныхъ съ предлогами словъ, причѣмъ послѣднія раздѣляются на три категоріи: 1. *composita*, заключающія въ себѣ обозначеніе предмета, который въ предлоговомъ оборотѣ показанъ былъ въ падежѣ, присоединяющемся къ предлогу (322—324); 2. *composita*, заключающія въ себѣ иногда обозначеніе предмета, который при предлоговыхъ оборотахъ показанъ былъ внѣ оборотовъ (324—333); 3. *composita*, въ которыхъ предлогъ перестаетъ чувствоваться предлогомъ и служитъ лишь для видоизмѣненія значенія второй части *composita*'а (333—340). Заключение (340—341) . . . . . 318—341

V. Отдѣлъ:

Окончательное опредѣленіе значенія падежей . . . . . 342—410

Славянскій творительный падежъ: Разные типы примѣровъ, въ которыхыхъ встрѣчается творительный падежъ (343—344), причѣмъ

выдѣляются, какъ нѣчто особое, предлоговые съ творительнымъ падежемъ обороты, противопоставляемые въ славянскомъ же языкѣ предловымъ оборотамъ съ мѣстнымъ падежемъ (344 и 345). О такъ называемомъ творительномъ «уподобленіи»: творительный падежъ является здѣсь указателемъ на отмѣченный въ немъ предметъ, какъ на созидающій чей нибудь признакъ или, скорѣе, видъ чьего нибудь признака (345—348). Это значеніе творительнаго падежа оказывается настоящимъ и единственнымъ значеніемъ творительнаго падежа вообще, такъ какъ оно примѣнимо ко всѣмъ типамъ примѣровъ на творительный падежъ (349—351). Противопоставленіе предлоговаго оборота, какъ чего то одного и служащаго прежде всего для сопоставленія предмета съ предметомъ, чистому падежу, какъ чему то другому и служащему прежде всего для дополненія признаковъ словъ, въ томъ числѣ и глагола (351 и 356) . . . . . 342—356

Омировскій падежъ, оканчивающійся на *φιν*, является, собственно, творительнымъ падежемъ (353), но принявъ на себя легко соединяющіяся съ ею значеніемъ функціей личнаго и мѣстнаго падежей при признаковыхъ словахъ (356—360): формы на *φιν*, встрѣчающіяся въ предловыхъ оборотахъ, сводятся также то къ личному, то къ мѣстному, то къ творительному падежамъ (360—366). Определеніе значенія греческаго творительнаго падежа въ согласіи съ значеніемъ творительнаго славянскаго (366) . . . . . 356—366

Личный падежъ: Личный при признаковыхъ словахъ и личный этический; хотя послѣдній относится къ синтаксическому сказуемому, а не къ признаковому слову, но и синтаксическое сказуемое является въ известномъ смыслѣ признакомъ (367). Личный падежъ также зависитъ отъ существительныхъ словъ, указывая тогда на лицо, въ противоположность подчиненной ему вещи, отмѣченной въ падежѣ, отъ котораго зависитъ личный падежъ (367—368) . . . . . 366—368

Значеніе вещнаго падежа до сихъ поръ выяснено въ слѣдующемъ смыслѣ: 1. онъ указываетъ на предметъ какъ на вещь, находящуюся въ чьемъ нибудь распоряженіи; 2. въ предметѣ обозначена имъ цѣль движенія; 3. предметъ отмѣченъ имъ какъ законченный и какъ служащій основаніемъ распоряженій (послѣдній оттѣнокъ выясняется на 316 стр. нашего сочиненія). Всѣ эти оттѣнки представляютъ собою нѣчто единое (369). Въ чистомъ своемъ видѣ, т. е. не въ предловомъ оборотѣ, личный падежъ зависитъ исключительно отъ признаковыхъ словъ, причемъ, въ виду вышесприведеннаго замѣчанія о глаголовыхъ словахъ, слѣдуетъ отдѣлить глаголова признаковыя слова отъ простыхъ (369). Въ зависимости отъ первыхъ, вещный падежъ является указателемъ объекта дѣйствія (369—370), а въ зависимости отъ послѣднихъ — вещнымъ простирательнымъ (371). Между объектами дѣйствія слѣдуетъ различать внѣшній объектъ и внутренній (372). Греческій языкъ допускаетъ послѣ глаголовыхъ признаковыхъ словъ соединеніе двухъ объектовъ

(372), что дает возможность выяснить связь между вещнымъ объекта дѣйствія и вещнымъ простирательнымъ (373—374). Больше отгѣнковъ въ вещномъ падежѣ нѣтъ (374—375), и всё, которое въ немъ есть, сосредоточивается въ опредѣленіи его какъ указателя на предметъ, поступающей дѣлкомъ въ чье нибудь распоряженіе: что значить «дѣлкомъ»? (376). Отступление о психологическомъ вещномъ падежѣ этимологическихъ формъ именительнаго и вещнаго падежа именъ среднего рода и противопоставленіе этихъ формъ формамъ звательнаго падежа, какъ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211 нашего сочиненія (376—377). Чередуваніе вещнаго падежа съ другими падежами и предлогowymi оборотами; послѣднее возможно въ виду того, что признаковое слово, отъ котораго зависятъ чистый падежъ, допускаетъ извлеченіе изъ него имени существительнаго (377—381) . . . . . 369—381

Родовой падежъ, не проявляющій никакого specialнаго отгѣнка послѣ признаковыхъ словъ (381—383), не проявляетъ его и послѣ существительныхъ именъ, съ которыми онъ также соединяется, заявляя и съ этой стороны о себѣ какъ падежѣ «родовомъ», обозначающемъ просто, что нѣчто одно имѣетъ «отношеніе» къ чему то другому (383—386). Чередуваніе родового падежа съ другими падежами и съ предлогowymi оборотами (386—386) . . . . . 381—386

Удалительный и мѣстный падежи. Хотя удалительный падежъ свое этическое значеніе потерялъ и «огрубѣлъ», хотя онъ въ своемъ «огрубѣніи» дошелъ до способности вытѣснять формы на *θε*, но это его огрубѣніе — далеко не такое, какое мы замѣчаемъ въ мѣстномъ падежѣ (386—387), оказавшемся способнымъ, послѣ потери этическаго значенія, не только вытѣснять формы на *θε*, но и принять на себя значеніе предлоговаго съ *ε* оборота (388—389). Въ удалительномъ падежѣ вытѣсненіе формъ на *θε* составляетъ рѣдкость; его настоящее мѣсто при сравнительныхъ степеняхъ (389—391) и при другихъ признаковыхъ словахъ, гдѣ удалительный падежъ указываетъ на удаленіе признака отъ отношенія къ предмету для того, чтобы самому признаку можно было осуществиться (391—394); при такомъ его значеніи родовой падежъ могъ принять на себя его функцію (394). Если мѣстный падежъ, при своемъ огрубѣніи, не исчезъ совсѣмъ, то этимъ онъ обязанъ своей (въ нѣкоторыхъ случаяхъ) этимологической обособленности (394—396) . . . . . 386—396

Дополнительныя къ учению о падежахъ замѣчанія: о genitiv'ѣ absolut'номъ, о падежахъ при глагольномъ имени и о падежахъ при отглагольномъ существительномъ. Такъ называемый genitivus absolutus оказывается обыкновеннымъ родовымъ падежемъ послѣ признаковыхъ словъ (395—396). Двустороннее глагольное имя оказывается признаковымъ постольку, поскольку оно само дополняется падежами по способу признаковыхъ словъ, а существительнымъ — постольку, поскольку само, какъ падежъ, дополняетъ собою другія слова (398—399). Слѣдуетъ разборъ падежей глагольнаго имени, въ которыхъ послѣднее выступаетъ въ роли существительнаго (397—403). Отступление о замѣнѣ

глагольного имени въ этой его роли глагольнымъ признаковымъ (403—405). О конструкціи *accusativi cum infinitivo* (405—407). Указаніе въ отглагольныхъ существительныхъ на ту же двусторонность, какая замѣчается въ глагольномъ имени, и объясненіе тѣхъ падежныхъ дополненій, при которыхъ отглагольное существительное выступаетъ въ роли признаковаго слова (407—408). Заключение о падежахъ (409—410) . . . . . 395—410

VI. Отдѣлъ.

Мѣстоименіе или, что то же, формальное имя . . . . . 411—452

Формальное имя дѣлится, съ одной стороны, какъ матеріальное имя, на существительное и признаковое, а съ другой, — на цѣлый рядъ группъ, а именно: вопросительное (412—413); отрицательное, являющееся только существительнымъ (признаковымъ отрицательнаго итъ) и не имѣющее собственной этимологической темы, а составленное изъ вспомогательныхъ словъ (413—414); неопредѣленное, т. е. энклитированное вопросительное (414—415); обобщающее, составленное изъ вспомогательныхъ словъ (415), диктическое (415—417), анафорическое (417—429) и эпифорическое (429—430), причѣмъ роль анафорическаго исполняетъ также возвратное *οὐ-οἱ-ε* (423—425) и вмѣшавшееся въ борьбу за эту роль совершенно со стороны *αὐτός* (423). Отдѣльно подвергается изслѣдованію анафорико-эпифорическое *ὁ-ἡ-τοῦ*, такъ называемый членъ, съ его шестью значеніями: *ὁ* историческаго намека (431—434), анафорическое *ὁ* въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова (434—436), контекстивное *ὁ* (436—437), раздѣлительное *ὁ* (437—438), *ὁ* синтаксическаго подлежащаго (438) и *ὁ* эпифорическое или грамматическое (438—441). Затѣмъ идетъ мѣстоименіе относительное, вышедшее изъ значенія тождественности и также вмѣшавшееся въ борьбу за роль анафорирования; одновременно съ нимъ разбирается мѣстоименіе соотносительное (441—447). Слѣдуетъ восклицательное мѣстоименіе (447—448), а кончается отдѣлъ о мѣстоименіяхъ разборомъ признаковыхъ формальныхъ именъ *αὐτός* и *ἄλλος* (448—452)

VII. Отдѣлъ.

Частицы и «нарѣчія» . . . . . 453—533

О вопросительной частицѣ. Вопросительная частица противопоставляется вопросительнымъ формальнымъ именамъ (453—455). Не вопросительную частицу, а «нарѣчіе» мы должны усматривать въ *ἄρα-ἄρα* (455—456) и въ *οὐκ οὐκ* (456—457). Вопросительною частицею оказывается *ἤ*, которое употребляется и въ двучленномъ вопросѣ, ослабляясь при этомъ обыкновенно въ *ἥ* (457—460). И *disjunctiv'ное*, и «сравнительное» *ἢ* вышло изъ вопросительнаго *ἤ* (460—464); то же самое нужно сказать объ «утвердительномъ» *ἦ* (464—466). Вопросительная частица *ἤ*

- противопоставляется «нарѣчію» *ei*, которое, представляя собою окаменѣлый падежъ отъ темы *ya* (греческое $\delta\zeta\text{-}\eta\text{-}\delta$), употребляется въ выраженіяхъ желанія, условія и косвенныхъ вопросахъ (466—471) . . . . . 453—471
- Объ отрицательныхъ частицахъ:** разница между *ou* и *μη* выясняется въ томъ смыслѣ, что *ou* слѣдуетъ считать отрицаніемъ говорящаго, а *μη* — отрицаніемъ посторонняго лица. . . . . 471—486
- Объ утвердительныхъ частицахъ.** Послѣ эпизодическаго разъясненія «нарѣчій»:
<i>alla</i>	489—490
<i>ou-ken</i>	490—491
<i>de-de</i>	491—492
<i>ai, auti, autis, eautis, eisautis, autar</i>	492—495
<i>eta</i> и <i>epeta</i>	495—496
<i>klis</i>	496—497
<i>dos</i> и <i>da</i>	497—498
<i>toi</i>	499—500
- указывается на разницу въ значеніи между утвердительными частицами: *μη-μεν* (501), *δη-δέ* (501—503), *γε* (503) и *παρ* (503—504). Примѣчаніе о *θη-θεν* и *μά-νη* (504) . . . . . 501—504
- О соединительной частицѣ.** Хотя соединительныя частицы вообще могли бы выйти изъ утвердительныхъ (504), но греческая частица *καί* во всѣхъ своихъ четырехъ отгѣнкахъ (505—506) является соединительною въ корнѣ (507), а только частица *τε*, употребляющаяся въ соединительномъ значеніи, въ корнѣ оказывается частицею утвердительною (507—508). Частицы *τε* и *καί* противопоставляются «нарѣчію» *τε* (508—510) . . . . . 504—510
- Замечаніе о частицахъ,** какъ части рѣчи, имѣющей отношеніе всегда лишь къ синтаксическому сказуемому и не представляющей собою, въ отличіе отъ «нарѣчій», окаменѣлаго падежа ни отъ темы матеріальнаго, ни отъ темы формальнаго имени 510—513
- О «нарѣчіяхъ» вообще:** Нарѣчія оказываются послѣднимъ членомъ въ ряду частей рѣчи; «союзомъ» нѣтъ (513). «Нарѣчія», происходящія отъ именъ существительныхъ, — матеріальныхъ, не формальныхъ, — и являющіяся сами косвенными падежами существительныхъ (513—514). «Нарѣчія», происходящія отъ простыхъ именъ признаковыхъ и являющіяся субстантивированными косвенными падежами (515—518). «Нарѣчія», относительно которыхъ колеблются, считать ли родоначальниками ихъ матеріальныя существительныя, или простыя признаковыя имена (518—519). Вообще всякое «нарѣчіе» является «окаменѣлымъ» косвеннымъ падежемъ, имѣющимъ характеръ субстантивный (519—521), и родоначальниками ихъ нужно считать вообще существительныя и признаковыя имена, простыя ли, или глагольныя, матеріальныя ли, или формальныя, это безразлично (521—522); слѣдуетъ разборъ нѣкоторыхъ «нарѣчій» (522—526). И тѣ «нарѣчія», которыя этимологически связаны съ предлогами, собственно происходятъ, положимъ не отъ существительныхъ, но — отъ признаковыхъ именъ (527—529). Разборъ отношенія «нарѣчій», этимологически связанныхъ съ предло-

гами, къ самимъ предлогамъ, какъ отдѣльной отъ «нарѣчій» части рѣчи: указывается на то, что предлоги могутъ дополняться разными падежами, тогда какъ «нарѣчія», наравнѣ съ существительными, дополняются родовымъ падежемъ (529 и 530; въ случаяхъ, гдѣ «нарѣчье» дополняется другимъ падежемъ, или даже предлоговымъ оборотомъ, этотъ падежъ или предлоговый оборотъ зависитъ отъ признаковой ея части (531). Разъясняется неправильность употребленія термина «нарѣчія» объ окаменѣлыхъ субстантивныхъ косвенныхъ падежахъ, которыя, по зависимости ихъ отъ другихъ словъ, совершенно уравниены съ живыми косвенными падежами существительныхъ (531—532). Слово «окаменѣлый», принятое въ опредѣленіе части рѣчи, занявшей у насъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ, свидѣтельствуетъ о незаконченности нашей синтаксической теоріи (532—533) . . . . . 513—533

**Списокъ сочиненійъ,
обозначеннымъ въ нашемъ изслѣдованіи
съ сокращеніями ихъ заглавій.**

Aken *ov* u. *μη* = Aken, *ov* und *μη* im Zusammenhange mit den Modalformen (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik: 1858 (Bd. 78) S. 546 folg. — 1859 (Bd. 80) S. 49 u. 129 folg. — 1860 (Bd. 82) S. 204 folg.

Baeumlein Partik. = Untersuchungen über griechische Partikeln von W. Baeumlein, Stuttgart 1861.

Becker Org. = Organism der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik von K. F. Becker, Frankfurt 1827.

Bopp Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen etc. von Franz Bopp, 3. Ausgabe, Berlin 1870.

Bréal Mel. = M. Bréal, *Mélanges de mythologie et de linguistique*, Paris 1877.

Bruchmann Psych. Stud. = Psychologische Studien zur Sprachgeschichte von Kurt Bruchmann in Berlin, Leipzig 1888.

Brugmann Grundr. = Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen etc. etc. von Karl Brugmann und Berth. Delbrück, Strassburg 1886. —

Brugmann Handb. = K. Brugmann, Griechische Grammatik, in Ivan Müller's Handbuch der classischen Alterthumswissenschaft, Band II, 2. Auflage, München 1890.

Curtius Erl. = G. Curtius, Erläuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, Prag 1863.

Curtius Verbum = G. Curtius, das Verbum der griechischen Sprache seinem Baue nach dargestellt, Leipzig 1873—76.

Curtius Grundz. = G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5. unter Mitwirkung von Ernst Windisch umgearbeitete Auflage, Leipzig 1879.

Delbrück Grundr. (смотри выше: Brugmann Grundr.)

Delbrück Synt. Forsch. = Syntaktische Forschungen von Delbrück und Windisch, Halle 1871 folg.

Delbrück Sprachst. = Einleitung in das Sprachstudium, ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung von B. Delbrück, Leipzig 1880.

Ebeling Lex. Hom. = Lexicon Homericum composuerunt F. Albrecht, C. Capelle, A. Eberhard etc. etc., edidit H. Ebeling, Lipsiae 1885 sequ.

Gaedicke Accus. = Accusativ im Veda von Gaedicke, Breslau 1888.

Grimm D. Gramm. = Jac. Grimm, Deutsche Grammatik, neuer vermehrter Abdruck, Gütersloh 1890.

Hartung Casus = J. A. Hartung, über die Casus, ihre Bildung und Bedeutung in der griechischen und lateinischen Sprache, Erlangen 1831.

Hartung Partik. = J. A. Hartung, Lehre von den Partikeln der griechischen Sprache, Erlangen 1832.

Heerdegen Untersuch. = Ferdinand Heerdegen, Untersuchungen zur lateinischen Semasiologie, Heft I, Einleitung, Erlangen 1875.

Heerdegen Grundz. = Ferdinand Heerdegen, Grundzüge der lateinischen Bedeutungslehre (смотри: Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft von Chr. K. Reisig, II. Band, neu bearbeitet von Ferd. Heerdegen Berlin 1890, Seite 39—154).

Hermann Opusc. = Opuscula God. Hermanni, Lipsiae 1827.

Hey Sem. Stud. = Oskar Hey, Semasiologische Studien im 18. Supplementband der Jahrbücher für classische Philologie, Leipzig 1892 (S. 98—212).

Heyse Sprachw. = System der Sprachwissenschaft von K. W. L. Heyse, nach dessen Tode herausgegeben von H. Steintal, Berlin 1856.

Hübschmann Casusl. = H. Hübschmann, zur Casuslehre, München 1875.

Humboldt Kawispr. = Über die Kawisprache auf der Insel Java von Wilh. v. Humboldt, Berlin 1836.

Jolly Infinitiv = J. Jolly, Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München 1873.

Krüger Griech. Spr. = K. W. Krüger, Griechische Sprachlehre für Schulen, Berlin 1842-46.

Kühner Ausf. Gramm. = R. Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 2. Auflage in durchweg neuer Bearbeitung, Hannover 1869-72.

Lange Partik. *ei* = L. Lange, der homerische Gebrauch der Partikel *ei* (Abhandlungen der kön. saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Band IV, Leipzig 1873).

Miklosich Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, Band IV: Syntax, Wien 1874.

Miklosich Et. Wört. = Fr. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen, Wien 1886.

Müller Vorles. = Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, für das deutsche Publicum bearbeitet von Carl Böttiger, autorisirte Ausgabe, Leipzig 1866.

H. D. Müller Indog. Sprachb. = Heinrich Dietrich Müller, der indogermanische Sprachbau in seiner Entwicklung, I, Göttingen 1879.

Mutzbauer Tempusl. = Die Grundlage der griechischen Tempuslehre und der homerische Tempusgebrauch, ein Beitrag zur historischen Syntax der griechischen Sprache von Karl Mutzbauer, Strassburg 1893.

Paul Princip. = Principien der Sprachgeschichte von Hermann Paul, 2. Auflage, Halle 1886.

Потебня Зап. = Записки по русской грамматикѣ А. Потебни, 2ое издание, Харьковъ 1888.

Pott Etym. Forsch. = A. F. Pott, Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Lemgo 1833-36.

Prellwitz Wörterb. = Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen 1892.

Reisig Vorles. = Reisig's Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft, gehalten 182⁶/₇, veröffentlicht durch Haase, Leipzig 1839.

Ries Wis = Was ist Syntax? ein kritischer Versuch von John Ries, Marburg 1894.

Rumpel Casusl. = Th. Rumpel, Casuslehre in besonderer Beziehung auf die griechische Sprache, Halle 1845.

Scherer Kl. Schr. = Wilhelm Scherer, kleine Schriften zur altdeutschen Philologie, herausgegeben von Burdach, Berlin 1893.

K. E. Schmidt Beitræge = Karl Ernst Schmidt, Beitræge zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und Lateinischen, Halle 1859.

Schömann *γενική* = G. F. Schömann: Was bedeutet *γενική πτώσις*? (Höfer's Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache, Band I und II) Leipzig 1845—47.

Schömann Redeth. = Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt und beurtheilt von G. F. Schömann, Berlin 1862.

Steinthal Gramm. etc. = Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhältniss zu einander von H. Steinthal, Berlin 1855.

Steinthal Gesch. = Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern von H. Steinthal, Berlin 1863.

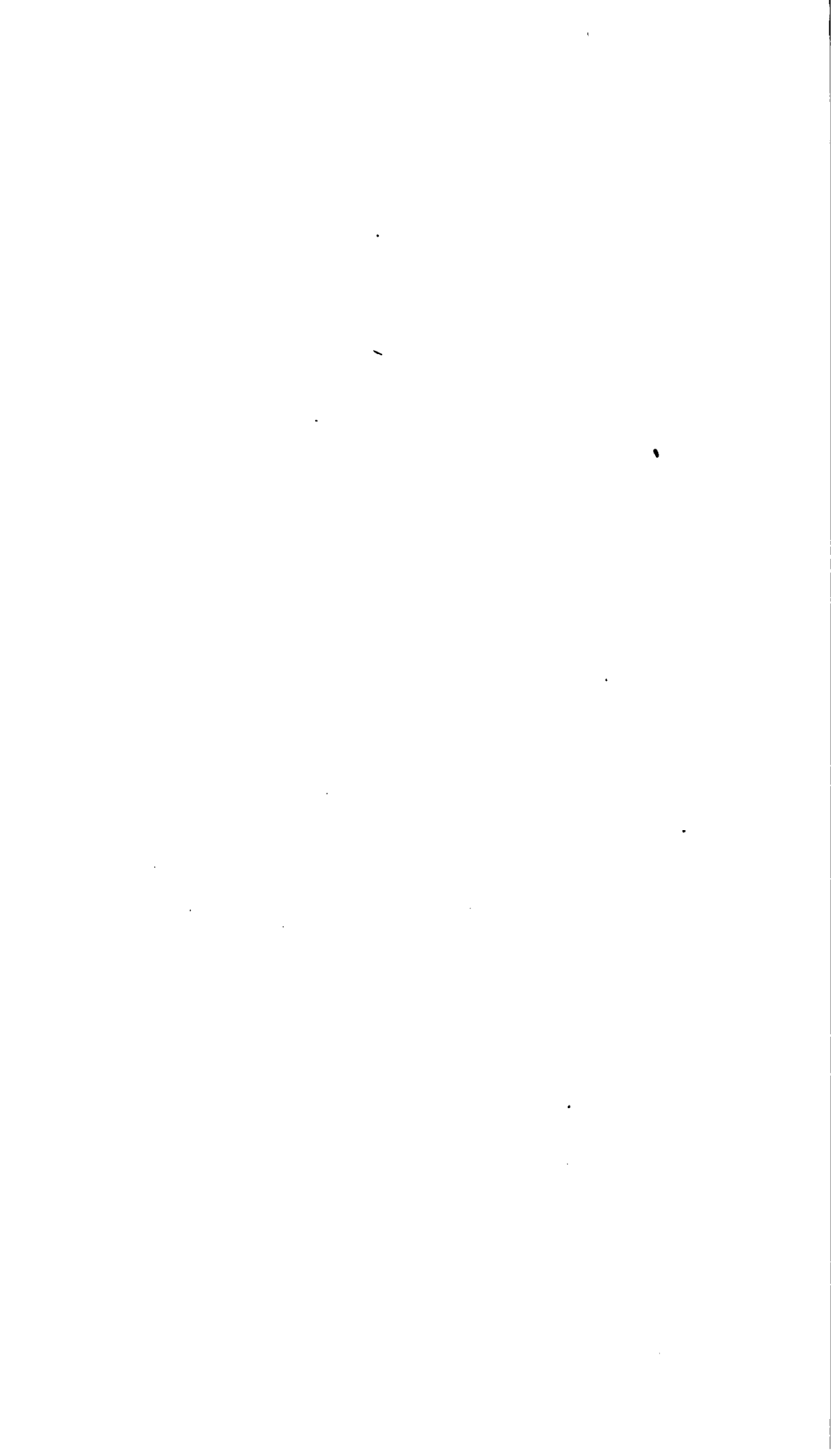
Trendelenburg Accusativus = F. A. Trendelenburg, Accusativi nomen quid sibi velit (Acta societatis graecae, Vol I, edd. Westermannus et Funkhaenel, Lipsiae 1836).

Wegener Untersuch. = Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens von Ph. Wegener, Berlin 1855.

Zierner indogerm. Compar. = Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparation, insbesondere der Comparationscasus der indogermanischen Sprachen und sein Ersatz, von Hermann Zierner, Berlin 1884.

ОПЫТЪ СИМАСІОЛОГИИ
ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ИХЪ ФОРМЪ
НА ПОЧВѢ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

І.

Опредѣленіе задачи.

Языковѣды нашего столѣтія создали великую науку «сравнительнаго языкознанія»: создали ее тѣмъ, что начали изучать санскритскій языкъ, оказавшій услугу ключа къ уразумѣнію «индоевропейскихъ» языковъ. Принявшись затѣмъ за изслѣдованіе не только индоевропейскихъ, но и другихъ языковъ и *языка вообще*, они — въ большей, чѣмъ прежде, степени — ставили изученіе языковъ (да и должны были ставить, если хотѣли оправдать «ключъ» и, вообще, уразумѣть связь явленій въ языкахъ) на почву *историческаго развитія* языка.

Особенно важнымъ для успѣховъ сравнительнаго языкознанія является начавшееся съ первыхъ же поръ рожденія нашей науки привлеченіе къ сравненію *роднаго* языка и разслѣдованіе его на *исторической* же почвѣ. Родной языкъ открыть для всякаго не только въ книжной, но и народной словесности; родной языкъ вообще живо чувствуется всякимъ, а потому не въ примѣръ чужому языку даетъ въ руки изслѣдователю гораздо больше средствъ для *проверки**) добываемыхъ на пути изслѣдованія результатовъ.

*) Wegener, Untersuch. 7: Wie der Physiologe nicht an altaegyptischen Mumien oder an Petrefacten seine Studien machen wird, sondern am lebendigen Thier- oder Menschenleibe, ebenso müssen wir die Gesetze vom Leben und Wachsen der Sprache an den uns 'durchsichtigsten Spracherscheinungen der lebendigen Muttersprache erst kennen lernen, um hieraus den grossen Trümmerhaufen der Überlieferung von den ausgestorbenen Sprachen sichten, ordnen, verstehen zu lernen.

Все это направлеіе въ языковѣдніи не могло не произвести громаднаго переворота во взглядѣ и на ту сторону языка, которая называется синтаксисомъ.

Правда, сравнительное языкознаніе въ самомъ началѣ своего существованія сосредоточилось на *фонетической* и *морфологической* сторонахъ языка. Да и до сихъ поръ наши языковѣды обращаютъ главное вниманіе на выработку законовъ *фонетическихъ* и *морфологическихъ*. Нѣтъ сомнѣній, что уже этими изысканіями косвенно оказана большая услуга и *синтаксису*. Но и *непосредственно* въ синтаксисѣ сравнительнымъ языкознаніемъ сдѣлано немало.

Wilhelm von Humboldt, имѣвшій понятіе не только объ индоевропейскихъ, но и о многихъ другихъ языкахъ, проникшій въ свое время глубже всѣхъ языковѣдовъ во внутренній смыслъ языка вообще, провозгласившій — какъ извѣстно — языкъ не за *продуктъ* дѣятельности человѣческаго духа, а за самую его *дѣятельность*, въ своемъ знаменитомъ введеніи къ *Kawispr.* доводитъ глубокомысленнѣйшее изслѣдованіе этой дѣятельности духа человѣческаго до глубокомысленнѣйшихъ положеній и въ области синтаксиса.

Указавъ, что языки при связываніи «элементовъ» въ одно осмысленное цѣлое пользуются *тремя* методами, а именно: флектирующимъ, агглютинирующимъ и спайнымъ*), онъ находитъ, что тотъ или иной *конкретный* языкъ обыкновенно прибѣгаетъ ко *всѣмъ* имъ — съ *преобладаніемъ*, впрочемъ, какого-нибудь одного изъ нихъ**). Подъ «элементами» Гумбольдтъ разумѣетъ или отдѣльныя *части* слова, и тогда

*) Что слѣдуетъ разумѣть подъ терминами «флектирующій» и «агглютинирующій», — всякому извѣстно. Для выясненія термина «спайный» (*einverleibend*) Гумбольдтъ, между прочимъ, приводитъ выраженіе *o-ni-c-te-taca-c*. Это выраженіе принадлежитъ мексиканскому языку; въ немъ заключаются въ порядкѣ послѣдовательности, слѣдующія части: приращеніе (т. е. указатель прошедшаго времени) + я + это + кому-то + дать + обозначеніе прошедшаго времени. Первая и послѣдняя части являются какими-то скобками, придающими всему выраженію видъ одного какъ-бы слова (См. *Kawispr.* I. 182).

**) *Kawispr.* I. 180: Von allen drei Methoden finden sich in den meisten Sprachen einzelne stärkere oder schwächere Spuren. Wo aber eine derselben bestimmt vorwaltet und zum Mittelpunkte des Organismus wird, da lenkt sie auch den ganzen Bau, in strengerer oder loserer Consequenz, nach sich hin.

«осмысленнымъ цѣлымъ» является *слово*, или же самыя слова, составляющія изъ себя *высшее* осмысленное цѣлое, которое мы назвали бы «рѣчью».

Въ языкахъ «санскритскихъ», какъ ихъ называетъ Гумбольдтъ, т. е. родственныхъ санскритскому, преобладаетъ флектирующий методъ, и многочисленныя флектировки словъ ведутъ къ тому, чтобы слова, какъ *единицы*, возможно больше были приспособлены къ составленію изъ нихъ «предложенія, какъ одного *цѣлаго* (das sorgfältige grammatische Zurichten des Wortes zur Satzverknüpfung; см. Kawispr. I. 180).

Можно сказать, что всякое, хотя бы и самое неполное на первый взглядъ выраженіе, въ которомъ замѣчается какой-нибудь изъ упомянутыхъ методовъ связыванія, есть воплощеніе законченной мысли.*) Конечно, — такъ, приблизительно, разсуждаетъ Гумбольдтъ, — не къ чему были бы всѣ флектировки, агглютинировки и спайки, не будь въ насъ *особой*, чисто *духовной* силы, которая сообщаетъ этимъ внѣшнимъ показателямъ единенія настоящій смыслъ, и которая въ сущности *сама* создаетъ единеніе. Эту духовную силу Гумбольдтъ называетъ *Setzen* (какъ бы *усаживаніе на мѣсто чего то, бродившаго врозь*), создаваемое же ею единеніе внѣшнихъ «элементовъ», — будь это части *слова*, или части какого-нибудь *сложнаго* выраженія, — *Synthesis*’омъ. Замѣчательно высказывается Гумбольдтъ по этому поводу Kawispr. I. 268: *Da die Synthesis, von welcher hier die Rede ist, keine Beschaffenheit, nicht einmal eine Handlung, sondern ein wirkliches, immer augenblicklich vorübergehendes Handeln ist, so kann es für sie kein besonderes Zeichen an den Wörtern geben, und das Bemühen ein solches Zeichen zu finden, würde schon an sich den Mangel der wahren Stärke des Actes durch die Verkennung seiner Natur beurkunden.*

*) Kawispr. I. 179: Jede, noch so unvollständige Aussage, macht in der Absicht des Sprechenden einen geschlossenen Gedanken aus. Подъ «unvollständige Aussagen» Гумбольдтъ разумѣетъ, очевидно, не только «эллиптичскія» и «брахилогическія» выраженія въ родѣ *Quov ego!* или *vonъ отсюда!*, но и всякія, какъ ихъ называли Греки, *φράσεις*, входящія въ составъ такъ называемаго предложенія, въ родѣ *добрый человекъ, рубить лѣсъ* п т. п.

Die wirkliche Gegenwart der Synthesis muss gleichsam immateriell sich in der Sprache offenbaren, man muss inne werden, dass sie, gleich einem Blitze, dieselbe durchleuchtet und die zu verbindenden Stoffe, wie ein Gluth aus unbekanntem Regionen, in einander verschmolzen hat. Dieser Punkt ist zu wichtig, um nicht eines Beispielen zu bedürfen. Wenn in einer Sprache eine Wurzel durch ein Suffix zum Substantivum gestempelt wird, so ist das Suffix das materielle Zeichen der Beziehung des Begriffes auf die Kategorie der Substanz. Der synthetische Act aber, durch welchen, unmittelbar beim Aussprechen des Wortes, diese Versetzung im Geiste wirklich vor sich geht, hat im Worte selbst kein eignes einzelnes Zeichen, sondern sein Dasein offenbart sich durch die Einheit und Abhängigkeit von einander, zu welcher Suffix und Wurzel verschmolzen sind, also durch eine verschiedenartige, indirecte, aber aus dem nämlichen Bestreben fließende Bezeichnung . . . . . Man kann diesen Act überhaupt den Act des *selbstthätigen Setzens durch Zusammenfassung* (Synthesis) nennen. — Мы бы предложили перевести слово *Setzen* словомъ *укладываніе*.

Такимъ образомъ, то, что нѣмцы въ болѣе *тѣсно* смыслѣ называютъ Satz'омъ, а мы — предложениемъ, получаетъ въ устахъ Гумбольдта особенно глубокое значеніе. Это — тоже «укладываніе» (Setzen) «черезъ собираніе водино» (durch Zusammenfassung oder durch Synthesis) чего-то, бродившаго врозь, причеиъ это «уложенное» является здѣсь *въ видѣ болѣе законченномъ*, сравнительно съ какимъ-нибудь «неполнымъ выраженіемъ» (unvollendete Aussage). Am deutlichsten und offenbarsten — говоритъ Гумбольдтъ Kawispr. I. 266 — erkennt man den Act des selbstthätigen Setzens durch Synthesis in der *Satzbildung*.

Душою всего «предложенія» въ санскритскихъ, да и другихъ языкахъ является то флектируемое извѣстнымъ образомъ слово, которое Гумбольдтъ наравнѣ со всѣми, прибѣгающими къ *латинской* терминологіи, называетъ *verbum*. Устанавливая для *verbum* *родовое* наименованіе, Гумбольдтъ не измѣняетъ традиціи и называетъ его «частью

рѣчи» (Redetheil). Если это Гумбольдтъ сдѣлалъ сознательно, то тогда *высшее* цѣлое, являющееся результатомъ «укладыванія черезъ собираніе воедино» (des selbstthätigen Setzens durch Synthesis), должно бы быть, собственно, не предложіе (Satz), а именно, какъ мы выше сказали, рѣчь (Rede).

Душою «предложенія» называетъ Гумбольдтъ данную часть рѣчи по слѣдующимъ соображеніямъ. Verbum рѣзко отличается отъ попомъ и другихъ частей рѣчи, могущихъ попасть въ простое предложіе, тѣмъ, что ему одному «актъ синтетическаго укладыванія присущъ какъ *грамматическая функція*». Само verbum, совершенно наравнѣ съ склоняемымъ попомъ, обязано этому акту своимъ *возникновеніемъ* (т. е. тѣмъ, что въ немъ «слились воедино» корень, суффиксы и пр.). Но въ свою очередь оно, т. е. его *грамматическая форма*, будучи *продуктомъ* синтетической работы, дальше явится ея производителемъ и, захватывая своею сцѣпляющею силою все большій районъ, обниметь ея все предложіе. Такимъ образомъ, между нимъ и остальными словами, попадающими въ простое предложіе, опредѣляется разница, которая не позволяетъ ставить его на одну доску съ ними. Всѣ остальные слова предложія представляютъ собою, такъ сказать, мертвый, еще только подлежащій соединенію матеріалъ, одно verbum является не только живымъ, но и *животворящимъ* средоточіемъ. Когда мы произносимъ слово *есть*, или слово *думаетъ*, — а разница между *есть* и *думаетъ* та, что въ послѣднемъ «бытіе» (т. е. то, что выражено въ *первой части* слова *есть*) соединяется съ нѣкимъ «движеніемъ», переходя, такимъ образомъ, въ выраженіе «дѣйствія» — то въ этихъ двухъ словахъ «слиты воедино» въ одноиъ — «бытіе», а въ другомъ — «дѣйствіе» со *сказуемымъ* (*есть* и *думаетъ* суть «сказуемая»), но *этотъ же* синтетическій актъ (т. е. то обстоятельство, что слова *есть* и *думаетъ* чувствуются нами какъ *сказуемая*) ведетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *подлежащему*. Что значить «ведетъ къ подлежащему»? Это значить, что и «бытіе», и «дѣйствіе» рисуются уже *при своихъ* подлежащему: другими словами, то, что

прежде, до произнесенія словъ *есть* и *думаетъ*, мыслилось только какъ *соединимое*, во время произнесенія ихъ уже *соединено*. Мы не «мыслимъ» больше ударъ + молнію, а сама *молнія* есть то, что ударяетъ. Выражаясь образно, черезъ произнесеніе *verbi* наша мысль выходитъ изъ *мастерской*, гдѣ она только еще *собиралась*, въ *дѣйствительность*, гдѣ она уже закончена.

Эта истина является великимъ открытіемъ Гумбольдта въ языкѣ. Въ настоящее время она, конечно, представляется намъ рутинною, хотя нельзя сказать, чтобы она произвела коренную перемѣну въ системѣ нашего синтаксиса. Вотъ подлинныя слова, въ какихъ эта мысль возвѣщена была ея авторомъ (Kawispr. I. 267): Das Verbum unterscheidet sich vom Nomen und von den anderen, möglicherweise im einfachen Satze vorkommenden „Redetheilen“ mit schneidender Bestimmtheit dadurch, dass ihm allein der Act des *synthetischen Setzens* als grammatische Function beigegeben ist. Es ist ebenso, als das declinirte Nomen, in der Verschmelzung seiner Elemente mit dem Stammworte durch einen solchen Act entstanden, es hat aber auch diese Form erhalten, um die Obliegenheit und das Vermögen zu besitzen, diesen Act in Absicht des Satzes wieder selbst auszuüben. Es liegt daher zwischen ihm und den übrigen Wörtern des einfachen Satzes ein Unterschied, der, diese mit ihm zur gleichen Gattung zu zählen, verbietet. Alle übrigen Wörter des Satzes sind gleichsam todt da liegender, zu verbindender Stoff, das Verbum allein ist der Leben enthaltende und Leben verbreitende Mittelpunkt. Durch einen und ebendenselben Act knüpft er durch das *Sein* das *Prädicat* mit dem *Subjecte* zusammen, allein so, dass das *Sein*, welches mit einem *energischen* Prädicate in ein *Handeln* übergeht, dem Subjecte selbst beigelegt, also das bloss als verknüpfbar *Gedachte* zum Zustande oder Vorgange in der *Wirklichkeit* wird. Man denkt nicht bloss den einschlagenden Blitz, sondern der Blitz ist es selbst, der herniederfährt... Der Gedanke, wenn man sich so sinnlich ausdrücken könnte, ver-

lässt durch das Verbum seine innere Wohnstätte und tritt in die Wirklichkeit über.

Та же сила творящаго языкъ духа (dieselbe Kraft des sprachbildenden Geistes), которая вызвала къ жизни *verbum*, создала и *conjunctiones*. *Conjunctio* (= союзъ), указывая на взаимное отношеніе *двухъ* предложеній, даетъ возможность подвигаться на *высшую* ступень синтеза, — сдѣлать его болѣе сложнымъ (es liegt in der Conjunction ein doppeltes Zusammenfassen, eine verwickeltere Synthesis). Благодаря союзу, предложеніе возвышается до періода, причемъ союзы распадаются на болѣе легкіе (*leichtere*), которые изъ нѣсколькихъ предложеній дѣлаютъ одинъ *многочленъ*, — *многочленъ* или соединительный или различительный (*verbindend und trennend*), — и на болѣе тяжелые или вѣскіе (*schwierigere*), которые подчиняютъ (*machen abhängig*) одно предложеніе другому (Kawispr. I. 292).

Особенную роль въ «синтезѣ» играетъ *pronomen relativum*. Черезъ *pronomen relativum* соединяются между собою два предложенія такъ, что одно изъ нихъ служитъ выраженіемъ *качества* какого-нибудь *nomem*, заключающагося въ другомъ предложеніи (*macht einen blossen Beschaffenheitsausdruck eines Nomens des anderen Satzes*). Такимъ образомъ въ *pronomen relativum* слиты воедино — съ одной стороны *собственное pronomen*, какъ представитель и замѣститель въ *своемъ* предложеніи *nominis*, заключающагося въ другомъ предложеніи, а съ другой — *conjunctio*, *управляющая* этимъ предложеніемъ (*die den Satz regiert*), т. е. опредѣляющая ему мѣсто по отношенію къ другому предложенію (Kawispr. I. 293).

Въ Kawispr. I. 107—117 помѣщено общее разсужденіе объ отношеніи внѣшней, *звуковой* стороны языка и его *грамматическихъ* формъ къ той духовной дѣятельности, которую Гумбольдтъ, какъ то уже отмѣчено, по частному ея проявленію назвалъ *das selbstthätige Setzen*, а въ общемъ называетъ *Kraft des sprachbildenden Geistes*. Это разсужденіе, по крайней мѣрѣ въ первой его половинѣ (стр. 107—112),

до того для насъ важно, что мы считали бы большимъ про-
блѣмой, если бы не помѣстили здѣсь посильное его истолко-
ваніе.

Упомянутое разсужденіе носить заглавіе *innere Sprach-
form*, — заглавіе, показывающее, какіе глубокіе вопросы
рѣшалъ, и притомъ рѣшалъ *первымъ*, Wilhelm v. Humboldt,
хотя *болѣе* соотвѣтствующимъ содержанію разсужденія было
бы заглавіе »объ отношеніи внутренняго языка къ внѣшнему«.

Самое художественное и самое богатое развитіе звука
въ голосовыхъ органахъ человѣка — разсуждаетъ Гум-
больдтъ — не могло бы создать внѣшняго, т. е. *звуковаго*
языка, если бы звукъ не былъ одухотворяемъ внутреннею
идеєю языка (Гумбольдтъ имѣетъ здѣсь въ виду, очевидно,
нѣчто въ родѣ *Платоновской* идеи). Эта идея, или можно
даже сказать »идеи« (die auf die Sprache bezogenen Ideen),
эта чисто »интеллектуальная« сторона языка (*rein intel-
lectueller Theil der Sprache*), есть нѣчто, у чего, такъ сказать,
только лишь въ услуженіи находится *) творящая языкъ
сила (*die Spracherzeugung*), пользующаяся для исполненія
своей задачи звукомъ.

Свойства »интеллектуальной« стороны языка стоятъ
въ зависимости отъ согласія и взаимодѣйствія (*Übereinstim-
mung und Zusammenwirkung*), въ которомъ *ея собственныя*
законы (*die sich in ihr offenbarenden Gesetze*) находятся не
только по отношенію *другъ къ другу*, по и по отношенію къ за-
конамъ *мышленія и чувствованія*.

Въ звукахъ, какъ явленіи »тѣлесномъ и чувственномъ«
(*körperlich und sinnlich*), вполне понятна возможность без-
конечнаго разнообразія, и у разныхъ народовъ звуки раз-
виваются различно. Но и сама »интеллектуальная« сторона
языка, этотъ *внутренній* языкъ, не у всѣхъ народовъ раз-
вивается одинаково. Съ одной стороны, одинаковому развитію
ея мѣшаетъ та творящая внѣшній языкъ сила, которая, на-
ходясь у нея въ услуженіи, не вездѣ и не всегда служитъ

*) Хотя эти слова не сказаны у Гумбольдта прямо, но мы не погрѣ-
шаемъ противъ него, вводя ихъ въ истолкованіе его мысли.

ей съ достаточною вѣрностью и энергіею (Гумбольдтъ тутъ употребляетъ слово *Abstufungen*), что объясняется въ особенности неодинаковостью взаимодействія участвующихъ въ ней факторовъ (*sowohl überhaupt, als in dem gegenseitigen Verhältniss der in ihr hervortretenden Thätigkeiten*). Кроме того не слѣдуетъ забывать, что «интеллектуальная» сторона языка находится въ зависимости не только отъ разума (*Verstand*), но и отъ фантазіи и чувства*), а фантазія и чувство есть нѣчто, что способно индивидуализировать не только народы, но и отдѣльныхъ людей.

Даже тамъ, гдѣ духовная сторона языка зависитъ исключительно отъ разума, даже тамъ она не развивается одинаково. Казалось бы напр., что *modi* въ *verbum* (Гумбольдтъ имѣетъ въ виду выраженія, черезъ которыя отгнѣняется нѣчто одно, что «непрежненно должно случиться», отъ чего-нибудь другого, что «должно бы, судя по всему, случиться», и отъ третьяго, что «можетъ быть, случится» и т. д., словомъ. — выраженія, отгнѣнки которыхъ касаются исключительно только *разсудочной дѣятельности*), — казалось бы, — говорить Гумбольдтъ, — что эти *modi* должны быть развиты во всѣхъ языкахъ одинаково, а между тѣмъ нельзя въ этомъ отношеніи и сравнивать, напр, санскритскій языкъ съ греческимъ.

Вообще языки (разумѣй *внѣшніе*) — не безъ недочетовъ: въ одномъ языкѣ недочетъ такой, въ другомъ иной, и часто случается, что одинъ языкъ долженъ прибѣгать къ *пространному описанію* чего-нибудь, выраженнаго въ другомъ кратко, или что форма одного языка замѣнена въ другомъ формою, совершенно ей не соответствующею и т. д. Причины этихъ явленій разныя. Не послѣднюю роль играетъ въ такихъ несоотвѣтствіяхъ между языками — звукъ. Языкъ, привыкшій уже къ извѣстнымъ звуковымъ сочетаніямъ, — одинъ къ тѣмъ, а другой къ инымъ (звуковая разрозненность въ языкахъ, какъ то уже отмѣчено,

*) Какъ видно изъ настоящаго толкованія, Гумбольдтъ понимаетъ свой терминъ «интеллектуальный» слишкомъ широко. Мы бы въ виду этого толкованія предпочли терминъ «духовная сторона языка».

есть нѣчто вполне естественное), — при новыхъ образованіяхъ находится *подъ вліяніемъ* этой привычки, и если въ одномъ языкѣ или въ одномъ случаѣ эта привычка благоприятствуетъ новому образованію, то въ другомъ она можетъ оказаться настоящимъ тормазомъ для него*). Можетъ случиться и то, — на это *тоже* уже указывалось, — что творящая внѣшній языкъ сила (Spracherzeugung) *сама по себѣ* въ томъ или иномъ случаѣ дѣйствуетъ вяло (собственно сказано: *der ideelle Bau der Form, sein innerer, vollstandiger, in seine verschiedenen Theile gesonderter Organismus entfaltetete sich nicht in hinreichender Klarheit vor dem bildenden Geiste der Nation*), а разъ такая сила *разрѣшила что-нибудь во внѣшнемъ языкѣ слабо, то этого слабого разрѣшенія поправлять уже не приходится, тѣмъ болѣе, что языкъ, повторимъ, вовсе не стѣсняется — разными описаніями и тому подобнымъ возмѣститъ этотъ свой недостатокъ и это слабое разрѣшеніе.**)*

Въ общемъ, соотвѣтствіе между звуковымъ и внутреннимъ языкомъ слѣдующее.

И здѣсь, и тамъ мы можемъ говорить объ »обозначеніи понятій« (Bezeichnung der Begriffe) и о »законахъ связыванія цѣлой рѣчи изъ отдѣльныхъ словъ или о »сочиненіи рѣчи« (Redefugung), какъ о двухъ существенныхъ (hauptsachlichste) отдѣлахъ языка.

Что касается *перваго* изъ упомянутыхъ отдѣловъ, т. е. обозначенія »понятій« (der Begriffe), то, хотя тутъ приходится строго различать *двѣ* стороны дѣла, а именно: исканіе выраженія (Ausdruck) для индивидуальныхъ предметовъ (individuelle Gegenstande), какъ нѣчто *одно*, и обозначеніе такого или иного отношенія, въ которомъ находятся эти предметы, какъ нѣчто совершенно *другое*, однако и предметъ, и отношеніе есть нѣчто такое, о чемъ я, говорящій, долженъ составить такое или иное »понятіе« (вотъ что, собственно, Гумбольдтъ разумѣлъ подъ сло-

*) На это Гумбольдтъ указываетъ не только на стр. 110, но и на стр. 102.

**) И эта мысль не выражена у Гумбольдта непосредственно, а только вытекаетъ изъ его разсужденій.

вомъ *Begriff*, когда онъ говорилъ о »Bezeichnung der Begriffe!*»),* и въ самомъ языкѣ приходится »обозначать« (bezeichnen) именно то, что я о предметѣ или объ отношеніи »понялъ«, причеиъ одинъ народъ или даже одинъ человекъ можетъ понять что-нибудь такъ, а другой иначе. И вотъ, въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ извѣстное »понятіе« о предметѣ и объ отношеніи вызываетъ появленіе того или иного слова, или, выражаясь иначе, въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ »обозначеніе понятій« (Bezeichnung der Begriffe) ведетъ къ словообразованію (Wortbildung), во *внутреннемъ* языкѣ само *составленіе* этихъ понятій (Begriffsbildung) и есть ихъ »обозначеніе«.

Переходя къ другому главному отдѣлу языка, къ «сочиненію рѣчи» (Redefügung), Гумбольдтъ указываетъ на то, что »сочиненіе рѣчи« отражается во *внѣшнемъ* языкѣ прежде всего на *измѣненіяхъ* словъ въ ихъ *формахъ* (Wortbeugung; ииѣются въ виду склоненія, спряженія, степени сравненія и т. п.). Но такъ какъ всякая такая Wortbeugung въ сущности указываетъ на измѣненіе опять таки только »отношенія«, то *внутренняя* форма языка *въ этомъ* отдѣлѣ, т. е. въ »сочиненіи рѣчи«, совпадаетъ съ внутренней формою языка *второй* стороны *перваго* отдѣла, и дѣло сводится опять таки къ »составленію понятія о разныхъ »отношеніяхъ« или, другими словами, къ полному и правильному различенію того, что *нужно* выразить въ языкѣ (die Vollständigkeit und richtige Absonderung des zu Bezeichnenden), въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ приходится слѣдить за *способомъ выраженія* этихъ отношеній (die für solchen Begriff ideell* gewählte Bezeichnung). Прослѣдить за »отношеніями« и за »способомъ ихъ выраженія« не трудно, такъ какъ, гдѣ идетъ рѣчь объ »отношеніяхъ«, тамъ все зависитъ отъ *общихъ* »формъ воззрѣнія« (allgemeine Formen der Anschauung) и отъ того, какъ относящіяся сюда »понятія« (разумѣй такое или иное *пониманіе* этихъ отношеній)

*) Слово *ideell* кажется намъ немного неточнымъ съ точки зрѣнія самого Гумбольдта; не *идея* избираетъ способъ выраженія, а подчиненная ей *творящая* внѣшній языкъ сила.

логически *сгруппировались* между собою (logische Anordnung der Begriffe). Вообще, въ «отношеніяхъ» нужно предположить поддающуюся обзорѣнію систему (ein übersehbares System).

Таково, въ общемъ, разсужденіе Гумбольдта въ первой половинѣ статьи о внутренней формѣ языка. Последними словами онъ какъ нельзя точнѣе опредѣляетъ задачу синтаксиса въ языкахъ вообще, а въ флектирующихъ въ особенности. Уяснить, какъ изъ отдѣльныхъ словъ связывается рѣчь (Redefügung), какія при этомъ связываніи наблюдаются «отношенія», и какъ эти отношенія выражены во *внѣшнемъ* языкѣ, — вотъ первоначальная задача синтаксиса. Но такъ какъ рѣчь связывается изъ *словъ*, и эти слова *также* выражаютъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (въ окончаніяхъ), — а то и *цѣликомъ* (напр. conjunctio), — «отношенія»; такъ какъ въ флектирующихъ языкахъ сами *слова*, вообще, отличаются приспособленностью (Zurichtung) къ тому, чтобы изъ нихъ могла составиться рѣчь: то синтаксисту надлежитъ, за одно съ изслѣдованіемъ самого «сочиненія рѣчи» (Redefügung), сгруппировать самыя слова по упомянутой *приспособленности* ихъ какъ *частей* рѣчи (Redetheile).

Самъ Гумбольдтъ не только не брался, но и не могъ взяться за такое изслѣдованіе. Изъ его же разсужденій явствуетъ, что оно можетъ имѣть успѣхъ только на *конкретной* почвѣ, въ области какого-нибудь *одного* языка (ибо каждый языкъ, по крайней мѣрѣ во *внѣшнемъ* своемъ проявленіи, хозяйничаетъ по своему), а Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ обнимаетъ такую массу языковъ!

Это постоянное пареніе въ высотахъ и невозможность опуститься на конкретную почву произвело то, что Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ блестящихъ разсужденіяхъ о синтаксисѣ не успѣлъ даже выбраться изъ заколдованнаго круга не только традиціонной синтаксической терминологіи, но и традиціонныхъ, связанныхъ съ этою терминологіею, понятій. А между тѣмъ нужно сказать, что эти традиціонныя синтаксическія понятія, какъ они держались при Гумбольдтѣ, и какъ они держатся, по крайней мѣрѣ *въ школѣ*, до сихъ

поръ, представляли и представляют собою даже не сохраненіе, а положительное искаженіе того, чему о «частяхъ рѣчи» и о «сочиненіи рѣчи» учили еще Александрійцы по отношенію къ *греческому* языку. Однакожь, за всѣмъ этимъ введеніе Гумбольдта къ языку *каві* остается до сихъ поръ во *многихъ* отношеніяхъ поучительнымъ для синтаксиста и, во всякомъ случаѣ, *первымъ* опытомъ истолкованія живаго, такъ сказать, «организма» языка.

Сочиненіе, съ которымъ мы только что познакомились постольку, поскольку оно относится непосредственно къ нашему дѣлу, издано, какъ извѣстно, не самимъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, а братомъ его Александромъ, послѣ смерти автора, въ 1836 году, — издано безъ всякихъ перемѣнъ въ редакціи, хотя къ *печати* самъ Вильгельмъ успѣлъ, да и то только кое-какъ, приготовить лишь первую часть.

Если у Гумбольдта положены только *начала* для научнаго синтаксиса, — положены на почвѣ изслѣдованія *языка вообще*, то за девять лѣтъ передъ выходомъ въ свѣтъ его сочиненія появилась книга съ вполне разработанною синтаксическою системою и съ весьма претенціознымъ названіемъ «организма языка». Синтаксическая система разработана здѣсь на почвѣ *нѣмецкаго* языка, причемъ для сравненія, какъ и *подобало* такому труду при вполне развитшемся тогда уже направленіи подобныхъ изслѣдованій, привлекались разные другіе языки, въ томъ числѣ и славянскій. Мы разумѣемъ книгу К. Ф. Becker'a.

Мы не упоминали бы объ этой книгѣ, не будь того обстоятельства, что она положительно завладѣла постановкою *учебнаго* дѣла по изученію языковъ, и уже благодаря этому мѣшаетъ надлежащему развитію *научной* разработки синтаксиса по тѣмъ началамъ, которыя положены для него Гумбольдтомъ.

Беккеръ исходитъ изъ того положенія, что каждое слово въ «организмѣ» языка мыслимо только какъ часть *предложенія*.

Есть слова, — разсуждаетъ онъ, — которыя своимъ этимологическимъ корнемъ обозначаютъ «понятіе» (Begriff),

а своимъ этимологическимъ окончаніемъ указываютъ на такое или иное »отношеніе« (Beziehung), съ которымъ само «понятіе» (Begriff) входитъ въ какое нибудь сочлененіе предложенія, какъ въ его *часть* (zum Satzverhältniss), или въ самое *предложеніе* (Satz), какъ въ нѣчто *цѣлое* (Org. 130).*)

Этимъ словамъ, получившимъ у Беккера названіе *Begriffswörter*, противопоставляется рядъ другихъ словъ, которыя исполняютъ роль лишь этимологическихъ окончаній. т. е. служатъ исключительно только для обозначенія »отношеній« (Beziehungen). Такія слова Беккеръ называетъ формальными (Formwörter) и относитъ къ нимъ:

1. Pronomina; они попали у Беккера въ Formwoerter главнымъ образомъ на томъ основаніи, что одни изъ нихъ, такъ называемыя *личныя* мѣстоименія, въ иныхъ языкахъ и въ *извѣстныхъ* случаяхъ, при »глаголѣ« даже не ставятся, а заключаются въ окончаніи самого глагола (laudo, laudas etc.)

2. Numeralia, какъ опредѣленныя, такъ и неопредѣленныя (напр. *два*, *много* и т. д.); они только ближе опредѣляютъ собою то, что обозначено окончаніями единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ.

3. Praepositiones; являются, *какъ будто*, — а въ многихъ изъ языковъ и во многихъ случаяхъ *несомнѣнно*, — замѣстителями падежныхъ окончаній.

4. Conjunctiones; почему *этотъ* рядъ словъ попалъ въ Formwörter, станетъ яснѣе ниже.

5. Verbum substantivum seu abstractum; является »служебною« частью въ такихъ формахъ, какъ »*laudatus sum*«, или въ такихъ предложеніяхъ, какъ »*die Rose ist roth*« (связка).

6. Наконецъ. къ Formwörter отнесены еще какіе-то (т. е. не какіе-то; школа ихъ прекрасно знаетъ) »вспомо-

*) Такимъ образомъ, у Беккера нужно понимать терминъ *Begriff* не много иначе, чѣмъ у Гумбольдта: въ то время какъ по ученію Гумбольдта, истолкованному въ его статьѣ объ *innere Sprachform*, нужно имѣть »*Begriff*« (понятіе) т. е. нужно такъ или иначе »*begreifen*« (понять) и »*Gegenstand*« (предметъ), и »*Beziehung*« (отношеніе), у Беккера слово »*Begriff*« относится лишь къ тому, что Гумбольдтъ обозначилъ терминномъ *Gegenstand*.

гательные глаголы»; они, по мнѣнію Беккера, замѣняютъ собою разныя окончанія »наклоненій« (*er darf nicht sprechen* « есть *запрещеніе*, и слово *darf* исполняетъ роль, одинаковую съ Imperativ'омъ).

Вотъ какіе Formwörter устанавливаются у Беккера Org. 136—153. Въ принципѣ мы не можемъ имѣть ничего противъ составленія какихъ бы то ни было группъ изъ словъ. Если слово, какъ *низшая* единица, должно быть частью *рѣчи*, то есть частью выраженія законченной *мысли*, то эту роль оно можетъ исполнить только потому, что *само по себѣ* имѣетъ такое или иное »значеніе« (Bedeutung), а въ данномъ случаѣ Беккеръ и руководился »значеніемъ«, когда устанавливалъ „Formwörter“. Но только *у него* все это выдѣленіе der Formwörter получаетъ такой видъ, какъ будто онъ, желая развить передъ читателемъ свою теорію объ »организи́и« языка, предварительно долженъ былъ *освободиться* какъ-нибудь отъ тѣхъ словъ, которыя ему въ этомъ мѣшали, — другими словами, онъ долженъ былъ освободиться отъ того, на почвѣ чего, какъ совершенно правильно учить Гумбольдтъ, только и можно рѣшить одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, а именно, *какъ* изъ низшихъ единицъ составляется цѣлая рѣчь. Ибо этими низшими единицами могутъ быть *только* слова, Беккеръ же, установивъ свои Formwörter, въ *дальнѣйшемъ* разъясненіи своей теоріи какъ будто и *забылъ* совершенно о »словахъ«. Установивъ Formwörter, онъ начинаетъ толковать о *предложеніи* (Satz) и о такихъ или иныхъ *сочлененіяхъ* предложенія (Satzverhältniss), — толковать объ этомъ всемъ, какъ онъ самъ всюду объявляетъ, съ *логической* точки зрѣнія (по его мнѣнію, грамматика есть *логика*), устанавливаетъ какія то *логическія* схемы языка, а въ каждую изъ этихъ схемъ втискиваетъ *различныя* части рѣчи, притомъ въ ихъ *традиціонномъ* видѣ и съ *традиціоннымъ* ихъ пониманіемъ. Онъ не то что *не успѣлъ* провѣрить традицію, а о такой провѣркѣ и не думаетъ. Провозглашенный имъ тезисъ, что при разъясненіи языка надобно исходить отъ предложенія, получаетъ совершенно искаженный смыслъ. Не *слова*, какъ *части* рѣчи, освѣщаются

у него предложеніемъ, какъ законченною рѣчью, а само предложеніе, какъ законченная рѣчь, освѣщается совершенно постороннимъ, »логическимъ«, по его словамъ, началомъ, причемъ части рѣчи играютъ роль только матеріала, затыкающаго, какъ пришлось, пустыя пространства, затыкающаго пустыя кѣтки той рамки, которая совершенно извнѣ наложена на рѣчь.

Впрочемъ, выдѣленіе формальныхъ словъ всетаки немного помѣшало при построеніи его теоріи. Большою тяжекою звучитъ, когда Беккеръ, напр. по поводу выраженія *der Bruder liebt dich*, говоритъ (Org. 184), что въ *dich* надобно усматривать не настоящій, а только прономинальный объектъ, такъ какъ въ этомъ словѣ выражено не »понятіе« (Begriff), а лишь »отношеніе« (Beziehung). Что собственно Беккеръ хотѣлъ сказать настоящею замѣткою, видно изъ сопоставленія ея съ другою замѣткою, помѣщенной Org. 141. Pronomen, — разсуждаетъ здѣсь Беккеръ, — само исполняя роль этимологическаго окончанія, собственно не должно быть флектируемо. Ибо флектировать слово значить: къ »понятію«, обозначенному въ корнѣ слова, присоединить еще нѣчто, могущее обозначить такое или иное отношеніе этого »понятія« къ чему-нибудь другому. А такъ какъ pronomen не есть »понятіе«, а слѣдовательно, и не корень, то не можетъ быть въ немъ флексіи. (Das Pronomen ist, weil es selbst die Natur einer Endung hat, eigentlich keiner Flexion fähig. Ein Wort wird flectirt, indem die Beziehung des Begriffes durch eine Endung an dem Stamm ausgedrückt wird. Da aber das Pronomen keinen Begriff hat und kein Stamm ist, kann es nicht flectiert werden.) Такимъ образомъ. для того чтобы языкъ не погрѣшалъ противъ требованій Беккеровскаго »организма«, нужно бы ему измѣнить выраженіе *der Bruder liebt dich* такъ, чтобы *dich* какъ нибудь вошло въ этимологическое окончаніе слова *liebt*.

На такія разсужденія натолкнулъ Беккера, оказывается. не иной кто, какъ самъ Воргъ. Боппъ, какъ извѣстно, въ своей *Vergl. Gr.* развиваетъ — съ большимъ остроуміемъ, по замѣчанію Беккера (mit vielem Scharfsinn, Org. 153), — такую

теорію. что разныя окончанія въ глагольныхъ формахъ представляютъ собою въ *этимологическомъ* отношеніи, въ сущности, тѣ же *gropomina*, то же *zit* и, вообще, тѣ же *Formwörter*, только уже вполне агглютинированныя къ глагольной темѣ и составляющія съ нею одно *слово*. Правъ ли Боппъ, или нѣтъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ несомнѣнно преувеличиваетъ, какъ въ послѣдствіи выяснила теорія «дифференцировки»*) принятая въ этимологию, — но его «остроуміе», къ сожалѣнію, цѣликомъ осталось при немъ и не оказало никакой услуги Беккеру. Въ томъ то и дѣло, что какое нибудь *ἀνδροπος* составлено изъ *ἀνδρῶπο* и, какъ полагаетъ Боппъ и многіе съ нимъ, слова *ó* — *ί* — *τό* путемъ *агглютинативнымъ*. Но какъ слово *водовозъ*, составленное также путемъ агглютинативнымъ, не даетъ намъ права не считаться съ словомъ *вода* какъ *самостоятельнымъ* словомъ, такъ и слова *erat*, *ó* — *ί* — *τό* и т. п., когда они въ рѣчи *дѣйствительно* появляются какъ самостоятельныя слова, а не какъ *окончанія* въ формахъ *legeram* и др. должны попасть *наравнѣ* со *всеми* остальными словами въ тотъ матеріалъ, о приспособленности котораго къ со-

*) Хотя Дельбрюкъ (Sprachst. 61—101) и не произноситъ самого слова „Differenzierungstheorie“, какъ не произноситъ и простаго „Differenzierung“, и хотя онъ, разбирая различныя теоріи объясненія этимологическихъ формъ, въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, dass das Princip der Agglutination das *einzigste* sei, welches eine verständliche Erklärung der Formen gewährt (стр. 100), тѣмъ не менѣе онъ тутъ же ставитъ вопросъ: Hat sich denn nun die Agglutinationstheorie im *Einzelnen* bewährt? Отвѣтъ на этотъ вопросъ у него подготовленъ цѣлымъ рядомъ основательнѣйшихъ разсужденій и получилъ слѣдующій видъ: Ich möchte kaum glauben, dass der geduldige Leser, welcher mir durch die ganze vorstehende Ausführung gefolgt ist, mit einem *zuversichtlichen* Ja antworten wird; denn im besten Falle hat sich uns für die Einzelanalysen eine gewisse Wahrscheinlichkeit, nicht selten das *kahle non liquet* ergeben. Такое *non liquet* Дельбрюкъ видитъ, напр., въ попыткѣ объяснять окончанія *μα* — *σαι* — *ται* черезъ «удвоеніе *gropomina*» (*μα* = *μα* + *μι* = я меня или я себя) и въ многихъ другихъ формахъ. И такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ агглютинативный путь, провозглашенный Дельбрюкомъ за *единственно* надежный, *не применимъ*; такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ *вообще* unser Material *nicht* ausreicht, um zwischen den verschiedenen Möglichkeiten der Entwicklung, die sich darbieten, eine sichere Wahl zu treffen (стр. 98 : то только и остается сказать, что напр. формы *ίβτημι* и *ίβταμαι* и *αψημι* «дифференцированы», согласно различію ихъ *внутреннему* содержанію, а *какіе*, *внѣшніе* же, элементы кроются въ этой *дифференцировкѣ*, это приходится оставлять *безъ отвѣта*.

ставленію изъ него цѣлой *рѣчи* только и долженъ думать если не изслѣдователь »организма« языка. то по крайней мѣрѣ составитель синтаксической системы, разъ ему съ такою ясностью намѣчена дорога. съ какою это сдѣлалъ Гумбольдтъ своими терминами *Redetheile* und *Redefügung*.

Рамка, въ которую Беккеръ втискиваетъ языкъ, слѣдующая.

Главнымъ »сочлененіемъ предложенія (*Satzverhältniss*) является *prädicativ*'ное. Оно состоитъ изъ *двухъ* элементовъ: сказуемаго, выражающаго нѣкую »дѣтельность« (*Thätigkeit*), и подлежащаго, заключающаго въ себѣ нѣкій »предметъ«, что ли (*Sein*)*). Напр. *der Bruder liebt, die Rose ist roth, der Knabe soll herkommen*.

»Логически« *первымъ* Беккеръ считаетъ въ этомъ сочлененіи »сказуемое« (*Prädicat: liebt, ist roth, soll herkommen*), какъ *привлекаемое* въ отношеніе (*das bezogene*), причеиъ пониманіе чего-нибудь какъ »дѣтельности« (*Thätigkeit*) дано самимъ актомъ *предсцированія*; ибо предсцированіе — по толкованію Беккера — предполагаетъ нѣкое *движеніе* т. е. такое или иное *видоизмѣненіе* того, что въ *одномъ* видѣ привлекается къ *одному* *Sein*, а въ другомъ — къ другому.

»Логически« *вторымъ* въ *prädicativ*'номъ сочлененіи предложенія является »подлежащее (*Subject*), какъ *привлекающее* въ отношеніе (*das beziehende*).

»Логически« *второй* элементъ *prädicativ*'наго сочлененія предложенія, т. е. подлежащее. можетъ заключаться въ окончаніи глагола, напр. *amas*.

Въ примѣрѣ *die Rose ist roth* слово *ist* является связкою: но оно можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ, напр. *der Mann ist hier* (здѣсь слово *ist* имѣетъ значеніе выраженія *befindet sich*).

Все *prädicativ*'ное сочлененіе предложенія можетъ оказаться достаточнымъ для *полнаго* предложенія, и тогда предложеніе называется простымъ.

*) Такимъ образомъ, »Thätigkeit« и »Sein« окъзываются подраздѣленіями того, что выше Беккеръ обозначилъ *однимъ* терминомъ *Begriff*.

Подлежащее prädicativ'наго сочлененія предложенія въ свою очередь можетъ войти въ *новое* сочлененіе (in ein neues Satzverhältniss), именно attributiv'ное. Въ attributiv'номъ сочлененіи является »логически«¹ первымъ само »опредѣленіе«² (Attribut). И »опредѣленіе«³ обозначаетъ нѣкую дѣятельность (Thätigkeit), *привлекаемую* въ отношеніе (bezogen) къ подлежащему, какъ къ предмету (Sein). Какъ Беккеръ представляетъ себѣ эту Thätigkeit въ attribut'ѣ, видно изъ слѣдующаго. Хотя — разсуждаетъ Беккеръ — въ выраженіи *Brief des Bruders* оба слова *Brief* и *Bruder* обозначаютъ *предметы* (das Sein), но все же форма *des Bruders* указываетъ на заключающееся въ ней »Sein«, т. е. на, выражаемый въ ней »предметъ«, какъ на *дѣйствующій* (thätiges; самъ *братъ* пишетъ), а потому и объ *опредѣленіи* можно утверждать, что оно выражаетъ »дѣятельность«⁴ (Thätigkeit; см. Org. 168 и др.). Какъ въ prädicativ'номъ сочлененіи подлежащее могло быть поглощено сказуемымъ (amat), такъ и въ attributiv'номъ — »опредѣляемое«⁵ можетъ быть поглощено опредѣленіемъ (*Gelehrte* вмѣсто *ein gelehrter Mann*; см. Org. 125). Если подлежащимъ въ prädicativ'номъ сочлененіи было преимущественно Substantivum, то опредѣленіемъ въ attributiv'номъ сочлененіи бываетъ, по преимуществу, Adjectivum.

Сказуемое prädicativ'наго сочлененія можетъ *также* войти въ новое сочлененіе, а именно objectiv'ное (Objectives Satzverhältniss). Въ этомъ сочлененіи »логически«⁶ первымъ элементомъ является само »дополненіе«⁷ (Object), поглощающее иногда сказуемое (напр. вмѣсто *er fängt Fische* говорятъ *er fischt*; Org. 126). Въ objectiv'номъ сочлененіи привлекается не *дѣятельность* къ *предмету* (nicht die Thätigkeit zum Sein), какъ это было въ prädicativ'номъ и attributiv'номъ сочлененіи, а *наоборотъ*, предметъ къ дѣятельности. »Дополненій«⁸ можетъ быть *нѣсколько*. Ибо »дополненіе«⁹ составляетъ съ сказуемымъ органическую единицу, и эта органическая единица можетъ принять къ себѣ *новое* дополненіе, срастающееся съ прежнею органическою единицею въ *новую*, способную *опять* принять дополненіе,

напр.: (rühmt) den König; (rühmt den König) allem Volke; (rühmt den König allem Volke) wegen seiner Gerechtigkeit (Org. 183).

»Дополне́нiемъ« бываетъ прежде всего Substantivum, въ томъ или иномъ падежѣ, а то и Pronomen; послѣднее въ такомъ случаѣ обозначаетъ уже не »Begriff«, а »Beziehung«. Но можетъ встрѣтиться въ роли »дополне́нiя« и Adverbium. Въ сущности, Adverbium есть окаменѣлый падежъ того-же Substantivum, или того-же Pronomen. Есть *разныя* objectiv'ныя »отноше́нiя« (Beziehungsverhältnisse), какъ это можно было видѣть на примѣрѣ *rühmt den König allem Volke wegen seiner Gerechtigkeit*; изъ нихъ нѣкоторыя выражаются *только* черезъ Adverbia, другія же не получаютъ своего выраженія въ Adverbium *никогда*. Въ виду послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ выдѣлить, какъ *особую группу* objectiv'ныхъ сочлене́нiй, такъ называемыя adverbial'ныя: времени, мѣста, вообще »обстоятельства« (circumstantiae), и — способа, что ли (Weise—qualitas; см. Org. 267—8).

Больше перечисленныхъ трехъ сочлене́нiй (Satzverhältnisse) въ предложе́нiи не бываетъ; но каждое »опредѣленiе« (Attribut) *само по себѣ* можетъ войти въ новое »objectiv'ное« отноше́нiе, — напр. »das vom Hunde gebissene Kind ruft«, — и каждое »дополне́нiе« (Object) можетъ войти въ новое »attributiv'ное« отноше́нiе, — напр. »er ruft das gebissene Kind«, — а если »опредѣленiе« *послѣдняго* примѣра — т. е. »опредѣленiе« *gebissene* — вступить въ новое »objectiv'ное« отноше́нiе, то выйдетъ »er ruft das vom Hunde gebissene Kind« (Org. 158—9).

Придаточное предложе́нiе есть, въ сущности, выраженный *цѣлымъ предложе́нiемъ* элементъ какого-нибудь сочлене́нiя *главнаго* предложе́нiя: это бываетъ либо »подлежащее« *главнаго* предложе́нiя (dass er hereintrat, erschreckte mich), либо »дополне́нiе« (ich bat ihn, er möge helfen), либо »опредѣленiе« (der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie). Такъ какъ въ *главномъ* предложе́нiи подлежащее выражается преимущественно черезъ Substantivum, дополне́нiе — черезъ Substantivum и Adverbium, а опре-

дѣленіе — черезъ *Adjectivum*, то мы различаемъ: *substantiv'ныя* придаточныя предложенія, *adjectiv'ныя* и *adverbial'ныя* (*Org.* 310—312). Когда мы говоримъ: *dass die Erde sich um ihre Axe bewegt, ist gewiss*, то *Conjunctio dass* указываетъ на все вводимое ею предложеніе какъ на *Substantivum* главнаго предложенія, а потому и *Conjunctio* есть *Formwort*.

Больше всего замѣняются *цѣлыми* (разумѣй *придаточными*) предложеніями всѣ, попадающія въ главное предложеніе въ качествѣ элементовъ такого или иного »сочлененія«, *gerundia*, *gerundiva*, *supina*, *participia*, *infinitivi*, — словомъ, всякія, какъ ихъ Беккеръ называетъ, *participialia*. О *participialia*'хъ много распространяется Беккеръ *Org.* 285—306. Придаточныя предложенія онъ на стр. 306 прямо называетъ аналитическими выраженіями *participialia*'и (*analytische Ausdrücke der Participialien*). Эта фраза Беккера въ школьномъ языкѣ переведена на фразу: всякое *participiale* есть *сокращенное* придаточное предложеніе, и школьники, прекрасно на практикѣ привившіе себѣ сознаніе Беккеровскаго »*analytischer Ausdruck*«, преспокойно »разлагаютъ« выраженіе *онъ читаетъ лежа* на выраженіе *онъ читаетъ, когда онъ лежитъ*. Это ли не порча языка, которою не только наша школа обязана Беккеровскому »организму«, но которою ему обязанъ Беккеръ *самъ*. Ибо и онъ, какъ мы видѣли, считаетъ возможнымъ настаивать на противорѣчащей *всякому* чутью языка фразѣ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*.

Мы не станемъ разсуждать о томъ, насколько приличествуетъ называть синтаксическую систему Беккера результатомъ изслѣдованія des »*Organism*« *der Sprache*. Во всякомъ случаѣ, то, что мы отъ него слышали, есть полная *Desorganisation der Sprache*. Ибо помимо всякихъ »*analytische Ausdrücke*«, помимо всякихъ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*, кто изъ говорящихъ на какомъ бы то ни было языкѣ при произнесеніи выраженія *цвѣтъ волосъ* полагаетъ о томъ, что *волоса* есть »*Thätigkeit*«, а *цвѣтъ* — »*Sein*«? (смотри выше *Brief des Bruders*): на это не на-

толкнеть ни одна »логика«, въ какой дозѣ ни приправлялъ бы ею Беккеръ свою синтаксическую систему. Кстати, на счетъ »логики«, есть ли въ самомъ дѣлѣ грамматика логика, какъ то проповѣдуетъ Беккеръ, и какъ то проповѣдывали всѣ его предшественники, начиная съ схоластиковъ? Ибо и они старались подвести подъ »логическое« начало всѣ части рѣчи (смотри Delbrück, Grundr. III. Einleitung), насилуя ихъ первоначальный смыслъ именно подъ вліяніемъ этого »логического« начала.

Итакъ, есть ли грамматика логика? Самъ языкъ есть несомнѣнно историческое явленіе, такъ какъ онъ, по ученію Гумбольдта, есть сама дѣятельность *духа* человѣческаго, и такъ какъ онъ рождается, развивается и вымираетъ не съ рожденіемъ, жизнью и смертью *одного* человѣка, *одного* организма, а растетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ ростомъ и исчезновеніемъ *цѣлыхъ* *человѣческихъ* *обществъ*, оставляя, быть можетъ, слѣды своего существованія въ языкѣ *другихъ*, такихъ же *человѣческихъ* *обществъ*. Самъ языкъ есть выраженіе *мысли*, выраженіе *человѣческаго мышленія*, а *мышленіе* бываетъ у кого *логичное*, а у кого и *нелогичное*. Но, во всякомъ случаѣ, то и другое есть актъ *психологическій*, а потому и языкъ можно назвать явленіемъ *психологическимъ*. Что же касается *грамматики*, то въ ней, конечно, какъ во всякой наукѣ, должна быть *логика*, или скорѣе *логичность*, но логика ли она *сама*, это большой вопросъ. Скорѣе *математику* можно назвать логикою, нежели *грамматику*. Ибо *математическое* мышленіе должно быть непременно *логичнымъ*, иначе оно перестаетъ быть и *математическимъ*.

Этимъ нашимъ разсужденіемъ мы вовсе не хотимъ сказать, что логика должна быть *совершенно* выведена изъ *грамматики*. Прекрасно выражается на счетъ этого Paul (Princip. 33): In der Opposition gegen eine früher übliche Behandlungsweise der Sprache, wonach alle grammatischen Verhältnisse einfach aus den logischen abgeleitet wurden, ist man soweit gegangen, dass man eine Rücksichtnahme auf die logischen Verhältnisse . . . von der Sprachbetrach-

tung ausgeschlossen wissen will. Das ist nicht zu billigen. Grammatik und Logik treffen zunächst deshalb nicht zusammen, weil die Ausbildung und Anwendung der Sprache nicht durch streng logisches Denken vor sich geht, sondern durch die natürliche, ungeschulte Bewegung der Vorstellungsmassen, die je nach Begabung und Ausbildung mehr oder weniger logischen Gesetzen *folgt* oder *nicht folgt*. Aber auch der *wirklichen* Bewegung der Vorstellungsmassen mit ihrer bald grösseren, bald geringeren logischen Consequenz ist die sprachliche Form des Ausdrucks nicht immer congruent. Auch *psychologische* (въ которыхъ *logische* составляютъ часть) und grammatische Kategorien decken sich nicht. Daraus folgt, dass der Sprachforscher beides (т. е. категорию грамматическую и психологическую, частью которыхъ являются и *логическую*) *auseinander halten* muss, aber *nicht*, dass er bei der Analyse der menschlichen Rede auf psychische Vorgänge, die sich beim Sprechen und Hören vollziehen, . . . *keine Rücksicht* zu nehmen braucht.

Что касается въ частности »логико-грамматическихъ« категорій Беккера, то онѣ, во всякомъ случаѣ, крайне ошибочны. Ибо отъ всякой грамматики, на какомъ бы принципѣ она ни была построена, нужно требовать, чтобы она знакомилась съ средствами языка, съ его схемами и объясняла цѣлесообразность этихъ средствъ и схемъ. Но что пользы для языка, какое пониманіе его выражается въ томъ, если я знаю, что такое то предложеніе есть *adverbial'ное*, т. е. что оно можетъ быть замѣнено, *если это допускаютъ средства языка*, *adverbіемъ*, или чѣмъ нибудь другимъ, могущимъ замѣнить собою *самое adverbіумъ*, опять таки если это *допустятъ средства языка*? И зачѣмъ я, когда говорять напр. *честные люди будутъ всегда видѣть въ его поступкѣ величайшую низость*, — зачѣмъ я долженъ непременно искать подлежащее въ словѣ *люди* (даже не въ *честные люди*; ибо *честные* есть уже »опредѣленіе«), а сказуемое въ *будутъ видѣть*, и почему я не могу признать подлежащимъ *его поступокъ*, а сказуемымъ — *величайшую низость*? Мы уже не говоримъ о томъ, что, при-

нимая даже за подлежащее *его поступокъ* и за сказуемое *величайшую низость*, слѣдовательно нѣчто, что какими-нибудь синтаксическими схемами совершенно даже не можетъ быть предупреждено, мы еще не удовлетворяемъ вполне чистую, *формальную* логику. Ибо о нашихъ «подлежащемъ» и «сказуемомъ» можно сказать то же, что сказалъ Heuse, Sprachw. 391: Der so entstehende Satz hat die Form des Urtheils, ohne deshalb seinem Inhalte nach dem philosophischen Begriffe des Urtheils entsprechen zu müssen. Denn das *logische* Urtheil entspringt aus der *Zerlegung* eines Begriffes und die Verbindung von Subject und Praedicat ist darin eine *wesentliche, nothwendige*; es ist Ausdruck eines Allgemeinen, z. B. *Gott ist absoluter Geist*. Der Satz aber kann bloss aus der Zerlegung einer *subjectiven, einzelnen Anschauung* eines *Factischen* entspringen; er kann einen *Zustand* aussagen, eine *Handlung*, etwas bloss *Zufälliges*, nichts *Nothwendiges*, welches wohl wirklich, aber nicht wahr im höheren Sinne des Wortes ist.

Н. Steinthal, великій ученикъ только что упомянутаго Heuse (къ нему онъ и относится съ большою признательностью), въ своемъ трудѣ Gramm. etc. много занимается Беккеромъ и посвящаетъ ему цѣлыя 105 страницъ этого сочиненія.

Не разбирая, какъ мы, самихъ *результатовъ*, до которыхъ Беккеръ дошелъ въ своемъ «организмѣ» по отношенію къ синтаксису, и ограничиваясь критикою *принциповъ*, которыхъ держится послѣдній въ разработкѣ языка вообще, Штейнталь съ полнѣйшею убѣдительною доказываетъ всю безпринципность этихъ принциповъ, ловя Беккера на каждомъ шагу въ нелогичности его разсужденій, и съ удивленіемъ ставитъ вопросъ: Wie ist es möglich, dass ein Mann einerseits seit Jahrzehenden als Gründer der neuen Grammatik anerkannt wird, und andererseits dir in einem Lichte erscheint, dass du Mühe hast ihn von denen zu unterscheiden, die man geisteskrank nennt (Gramm. etc. VI.).

Самъ Штейнталь въ наукѣ о языкѣ является продолжателемъ Гумбольдта. Указавъ на то, что Гумбольдтъ приобѣщаетъ

къ слову *Organismus* только *иногда*, притомъ въ смыслѣ скорѣе поэтическомъ, чѣмъ философскомъ, и что у Гумбольдта »организмъ« вовсе не выставленъ точкою исхода и руководящею нитью въ разсужденіяхъ о языкѣ (Gramm. etc. 128), какъ то сдѣлано Беккеромъ, не сознающимъ, однако, и не опредѣлившимъ значенія этого слова, Штейнталь высказывается объ этомъ словѣ и объ отношеніи его къ языку слѣдующимъ образомъ (Gramm. etc. 379): Намъ спросятъ, желаемъ ли мы назвать языкъ организмомъ. Но къ чему намъ, спрашиваю я, слово, которое на своей домашней почвѣ никогда яснаго смысла не имѣло и съ давнихъ уже поръ все больше и больше угрожаетъ потерей *всякаго* значенія. Однако, не считаясь и съ этимъ, какой смыслъ можетъ имѣть для насъ слово »органической«? Оно немислимо безъ *противоположности*, безъ »неорганическаго«, и гдѣ же для языка такая противоположность? Въ области языка это слово можетъ имѣть только *переносное* значеніе, такъ какъ языкъ принадлежитъ существенно *духу* человѣческому, есть порожденіе *духа*. Чисто *естественнаго* значенія оно ни въ какомъ случаѣ получить не можетъ. Должно ли оно обозначать, что начало языка кроется въ *естественномъ*, не волею чьей-нибудь вызванномъ процессѣ развитія духа и, еще частнѣе, въ неразложимомъ взаимодействіи тѣла и души? Да будетъ мнѣ позволено надѣяться или, если угодно, возмнить, что я понялъ все относящееся сюда гораздо опредѣленнѣе и изложилъ гораздо основательнѣе, чѣмъ то способно выразить слово »органической«, и что я вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ ходульности, къ которой это слово давало поводъ. Оно *отжило* свой вѣкъ. Вотъ подлинныя слова Штейнталя: Man wird uns fragen, ob wir die Sprache einen Organismus nennen wollen? Was soll uns aber, frage ich, ein Wort, das auf seinem einheimischen Boden niemals einen klaren Sinn gehabt hat und schon seit langer Zeit alle Bedeutung mehr und mehr zu verlieren droht? Doch sehen wir davon ab, welchen Sinn kann für uns das Wort „organisch“ haben? Es kann nicht bestehen ohne seinen Gegensatz, das „Unorganische“, und wo läge für die Sprache ein solcher Gegen-

satz? Das Wort „organisch“ könnte für uns einen übertragenen Sinn haben, denn die Sprache gehört wesentlich dem Geiste, ist ein geistiges Erzeugniß. Eine rein natürliche Bedeutung könnte es sicherlich nicht haben. Soll es uns nun andeuten, dass der Ursprung der Sprache in dem nothwendigen Gange der geistigen Entwicklung liegt? und noch specieller, im Zusammenhange von Seele und Leib? Man gestatte mir die Hoffnung oder, wenn man will, die Einbildung, dass ich diese Punkte viel bestimmter erfasst und gründlicher erörtert habe, als das Wort „organisch“ auszudrücken vermag, und sie zugleich von allen Schiefheiten und Übertreibungen gereinigt habe, zu denen das Wort veranlasst hatte. Dieses Wort hat seine Epoche ausgelebt.

То, что Гумбольдтъ называлъ *innere Sprachform*, Штейнталь (Gramm. etc. 304—314) разъясняетъ слѣдующимъ образомъ*): Человѣкъ видитъ въ душѣ нѣчто, слышитъ и т. д. Это видимое въ душѣ, слышимое и пр. онъ *невольно* »сознаетъ«. Онъ »сознаетъ« не *объектъ*, находящійся *внѣ* его и подлежащій его воспріятію, а »сознаетъ« *именно* это *видимое въ душѣ*, — сознаетъ не *такъ, какъ* онъ видитъ, а само сознание вноситъ въ видимое нѣчто *отъ себя*, невольно какъ-то избирая изъ *видимаго* одно и пропуская другое, такъ что *сознанное не соответствуетъ »видимому«* *) въ душѣ, какъ и видимое въ душѣ, въ свою очередь, не соответствуетъ предмету, который *человѣкъ* воспринимаетъ. Чѣмъ же обнаруживается такое »невольное« сознание? Содроганіемъ нервовъ, улыбкою, выраженіемъ *ужаса* на лицѣ и т. д. и, наконецъ, »невольно« прорывающимся звукомъ.

Всѣ ли звуки, издаваемые *человѣкомъ*, являются обнаруженіемъ одной и той же степени »невольнаго сознания«

*) Читатель, надѣмся, не упрекнетъ насъ за то, что мы и здѣсь, какъ это сдѣлали кое гдѣ относительно Гумбольдта, замѣнимъ иногда точную передачу словъ Штейнтала своимъ истолкованіемъ его мысли. Точная передача словъ Штейнтала не обошлась бы безъ *комментирования* этихъ словъ, и это напрасно увеличивало бы объемъ и безъ-того пространнаго введенія.

*) Быть можетъ, слово *видимый* употреблено здѣсь не кстатя; быть можетъ, подъ »видимымъ« читатель разумѣетъ уже то »сознанное«, которое мы въ нашемъ контекстѣ *отличаемъ* отъ »видимаго«, но у насъ нѣтъ подъ рукою другого слова, *болѣе* подходящаго.

(des instinctiven Bewusstseins)? Нѣтъ. Когда у меня отрѣзываютъ ногу, и я отъ боли кричу и издаю звукъ, то въ этомъ звукѣ, хотя онъ и артикулированный, не сказывается еще та степень »невольнаго сознанія«, которая дала бы ему право называться рѣчью. Но есть другіе звуки, хотя бы тоже чисто »interjectional'ные«, которые невольно прорываются въ моментъ возникновенія у меня *пониманія*, что »вотъ то отрѣзываніе ноги, которое теперь на мнѣ совершается, ужъ очень больно, и какъ я отъ боли неистово кричу!« Такимъ и притомъ вполне еще »interjectional'нымъ« можетъ быть выраженіе »ого!« Такое »ого!« есть уже *рѣчь*.

При чемъ же тутъ, однако, *innere Sprachform*? *Innere Sprachform*, это есть *самосознаніе* (*Selbstbewusstsein*), тоже невольное (*instinctiv*). Это есть сознаніе того, что такой-то, прорвавшійся у меня невольно звукъ имѣетъ такое то *значеніе* (*Bedeutung*), или, примѣняясь къ данному примѣру, что »interjectional'ное« выраженіе »ого« прорвалось у меня какъ символъ мысли »однако это ужъ очень больно, и какъ я неистово кричу!« Самый звуковой комплексъ »ого!« есть *äussere Sprachform*, — есть »выраженіе« (*Ausdruck*); его »значеніе« есть то, что я, произнося слово »ого!«, »представляю« (*Vorstellung*), а *innere Sprachform* есть *сознаніе* »значенія«, выражаемаго въ *внѣшней* формѣ языка (*in der äusseren Sprachform*), — есть нѣчто, *посредничающее* между звукомъ, какъ *внѣшнею формою языка*, и самимъ »представленіемъ« (*Vorstellung*), какъ *матеріею* этой внѣшней формы. Если въ проявленіи звука »ого« мы должны усматривать *обнаруженіе* »акта невольнаго сознанія« или, лучше сказать, *самый* »актъ невольнаго сознанія«, то »*внутренняя форма языка*« есть »невольное сознаніе этого »акта невольнаго сознанія«, — есть, такъ сказать, невольное сознаніе въ квадратѣ. Черезъ *внутреннюю* форму языка, т. е. черезъ установленіе »представленія« какъ *содержанія* внѣшняго звука, *душа* человѣческая (*Seele**) превращается въ *Духъ* (*Geist*), пробуждаясь какъ бы отъ сна.

*) До сихъ поръ — сказали бы напр. Неузе и др. — душа человѣческая почти что не отличалась отъ души иного животнаго.

На первой ступени внутренняя форма языка посредничает между *очень сложнымъ* »представленіемъ« и *очень короткимъ* »выраженіемъ.« Это бываетъ въ interjectional'ныхъ выраженіяхъ, въ родѣ приведеннаго »ого!«, и въ дѣтскихъ выраженіяхъ, въ родѣ *гавъ-гавъ*. Ни *ого!*, ни *гавъ-гавъ* не суть еще »слова«. *Гавъ-гавъ* сознается ребенкомъ какъ выраженіе *очень* сложнаго »представленія«. Внутренняя форма языка упрочиваетъ у ребенка за *гавъ-гавъ* представленіе прежде всего *известной* собаки, — положимъ, большой, черной, подпрыгивающей къ ребѣнку, виляющей хвостомъ, ворчащей и лающей на приближающихся къ нему чужихъ людей и отгоняющей ихъ отъ него. Не безъ основанія можно утверждать, что дѣтское *гавъ-гавъ*, точно такъ же, какъ и interjectional'ное »ого!« суть цѣлыя *предложенія* (мы бы сказали »суть цѣлая *рѣчь*«).

На первой ступени проявленія внутренней формы языка, звукъ стоитъ — можно сказать — *исключительно* на почвѣ *ономатопоэтической*. Штейнталь совершенно правильно указываетъ на то (Gramm. etc. 312), что въ ономатопоэтической сторонѣ языка не слѣдуетъ усматривать первоначально *подражанія* звукамъ внѣшняго явленія,*), такъ какъ *подражаніе* есть нѣчто, совершаемое съ *намыреніемъ*, между тѣмъ какъ »*невольный* актъ сознанія«, обнаруживаемый звукомъ, — а то и прямо въ немъ заключающійся, — предполагаетъ въ звукѣ чистый рефлексъ, — рефлексъ, состоятельность котораго основывается на нѣкоемъ *подобіи* звука самому тому »представленію«, которое въ немъ отражается,**) такъ что голо-

*) Это невозможно уже потому, что въ такомъ случаѣ нужно бы предположить, что человекъ »воспринимать« внѣшніе объекты *исключительно* только при посредствѣ *слуха*, между тѣмъ какъ *первымъ* органомъ чувства остается всетаки *глазъ*.

**) О чемъ-то подобномъ думалъ и Платонъ. Сравни Plato, Crat. 426 d — 427 b: τὸ δ' οὖν ἔω τὸ στοιχεῖον, ὧσπερ λέγω, καλὸν ἔδοξεν βρῦανον εἶναι τῆς κινήσεως τῷ τὰ ὀνόματα τιθεμένῳ πρὸς τὸ ἀφομοιοῦν τῇ φορῇ· πολλαχοῦ γοῦν χρῆται αὐτῷ εἰς αὐτὴν πρῶτον μὲν ἐν αὐτῷ τῷ ἔειν καὶ ἔο ἕ, διὰ τούτου τοῦ γραμματικῆς τὴν φορὰν μιμεῖται, εἴτα ἐν τῷ τρῶμῳ, εἴτα ἐν τῷ τραχεῖ, ἐκὶ δὲ ἐν τοῖς τοιοῖσδε ῥήμασιν οἷον κρούειν, θραύειν, ἐρείκειν, θρούπτειν, κερματίζειν, ἔνυμβειν πάντα ταῦτα τὸ πολὺ ἀπεκάζει διὰ τοῦ ἔω· ἑώρα γάρ, οἶμαι, τὴν γλώτταν ἐν τούτῳ ἥμισυ μένουσαν, μάλιστα δὲ διομένην· διὸ φαίνεται μοι τούτῳ πρὸς ταῦτα καταχρησθῆναι· τῷ δ' αὖ ἐῶτα

совые органы представляют собою въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ зеркала или сѣтчатой оболочки глаза, отражая въ себѣ то, что на нихъ дѣйствуетъ.

На второй ступени, проявленіе внутренней формы языка выступаетъ какъ *поименованіе* »представленія« по его *главному* или *характерному* »признаку«. Тутъ то ужъ появляются *дѣйствительныя* »слова«, обозначающія (опять таки по большей части *ономатопэтически*, въ выясненномъ только что *широкомъ** смыслѣ этого слова) не только *предметы*, — собственно »представленія« о нихъ, — по тѣмъ или инымъ *качествамъ* или *дѣйствіямъ*, «представля-

πρὸς τὰ λεπτὰ πάντα ἃ δὴ μάλιστα διὰ πάντων τοῖς ἄνθρ διὰ ταῦτα τὸ εἶναι καὶ τὸ εἶσθαι διὰ τοῦ ἴωτα ἀπομεινται... ὅτι δὲ ὀλιθάνει μάλιστα ἐν τῷ λάβδᾳ ἢ γλωττᾷ κατιδών, ἀφομοίων ὠνόμασε τὰ τε λεῖα καὶ αὐτὸ τὸ ὀλιθάνειν, καὶ τὸ λεπρόν καὶ τὸ κολλῶδες καὶ τᾶλλα πάντα τὰ τοιαῦτα... τὸ δ' αὖ ἄλφα τῷ μεγάλῳ ἀπέθηκε, καὶ τῷ μέγῃ τὸ ἦτα, ὅτι μεγάλα τὰ γράμματα κ. τ. ἄ. Мысль Платона развиваетъ дальше на почвѣ фактовъ Heuze Sprachw. (115—127), ссылаясь часто на Платона.

*) Такимъ образомъ, и Штейнталь не признаетъ той Bau — wau und Pah — pah Theorie, съ которою Max Müller съ такимъ успѣхомъ борется Vorles. I. 9. Не отвергая при образованіи словъ принципа звукоподражанія и, какъ онъ выражается, »interjectional'ности« *безусловно*, — онъ самъ приводитъ *примѣры* образованія словъ по этому принципу, да и отчего не могъ быть »чистый рефлексъ« на »сѣтчатой оболочкѣ голосовыхъ органовъ« при всей *instinctiv'ности* и звукоподражательнымъ? — Мюллеръ, однако, въ концѣ концовъ задаетъ себѣ вопросъ: Wie wurde die abstracte Idee des Messens durch *má*, die Ide e des Denkens durch *man* ausgedrückt? Wie kam *gá* dazu *gehen*, *stá* — *stehen*, *sá* — *sitzen*, *dá* — *geben*, *mar* — *sterben*, *char* — *wandeln*, *kar* — *thun* zu bezeichnen? На этотъ вопросъ онъ въ поэтически философскомъ настроеніи отвѣчаетъ такъ: Jede Substanz hat ihren eigenthümlichen Klang. Wir können auf die mehr oder weniger vollkommene Structur der Metalle aus ihren Vibrationen schliessen, aus der Antwort, die sie ertheilen, wenn man sie nach ihrem Naturklange fragt. Gold erklingt anders als Zinn, Holz anders als Stein, und verschiedene Klänge entstehen, je nachdem die Erschütterung des Körpers verschieden ist. Ebenso war es mit dem Menschen, dem vollkommensten Organismus unter den Werken der Natur. Auch der Mensch erregt Klänge. Der Mensch war in seinem vollkommenen Urzustande nicht wie die Thiere allein mit dem Vermögen begabt, seine Empfindungen durch Interjectionen und seine Wahrnehmungen durch Onomatopoesie (разумѣнн ономатопэзію въ болѣе *узкомъ* смыслѣ этого слова) auszudrücken, er besass auch das Vermögen, seinen abstracten Vorstellungen einen besser, feiner artikulirten Ausdruck zu geben. Dieses Vermögen hatte er nicht selbst herangebildet. Es war ein Instinct, ein Instinct des Geistes eben so unwiderstehlich, wie jeder andere Instinct (Vorles. I. 339).

ющимися *главными* въ этихъ предметахъ (волкъ — влекущій), но и самыя *дѣйствія* и *качества*, гдѣ, въ свою очередь, въ цѣломъ рядѣ видѣннаго и слышаннаго выступаетъ и «представляется» нѣчто *одно* главнымъ и характернымъ для «поименованія» ихъ.

Настоящее замѣчаніе Штейнталя о «поименованіи» предметовъ, качествъ и дѣйствій по ихъ характернымъ признакамъ мы должны дополнить однимъ, на нашъ взглядъ, очень важнымъ указаніемъ Max'a Müller'a. Мюллеръ, примиряя теорію Locke, Adam'a Smith'a и др., по которой каждое слово было первоначально названіемъ предмета — *индивидуума* и, такъ сказать, *собственнымъ именемъ* этого индивидуума, съ теоріею Leibniz'a, по которой всѣ слова были первоначально *нарицательныя* названія *родовъ*, а не индивидуумовъ, говоритъ такъ (Vorles. I. 331): Всѣ «имена» выражаютъ первоначально *одно* изъ *многихъ* «свойствъ» предмета, и это «свойство», будь это качество или дѣйствіе, есть непремѣнно *общая идея*. Рожденное такимъ путемъ слово было рассчитано первоначально на *однѣ* предметъ, хотя, естественно, почти что одновременно распространилось на весь *родъ*, которому этотъ предметъ принадлежалъ, — принадлежалъ, разумеется, по свойству, выраженному въ самомъ словѣ. Во многихъ случаяхъ слово оставалось *собственнымъ* названіемъ, не поднимаясь никогда до значенія *нарицательнаго имени*. Такъ, *Rhenus* обозначаетъ *текущій* = *рѣка*, но слово это осталось названіемъ *одной* рѣки. *Всякое* наименованіе есть классификація, — есть подведеніе единичнаго подъ родовое, и все, что мы «знаемъ», — эмпирически ли, или научно, — мы знаемъ черезъ зеркало нашихъ *общихъ* идей. *Всякое* «слово» есть первоначально «*сказуемое*» предмета. (Die Nomina drücken ursprünglich eines der vielen Attribute eines Gegenstandes aus, und dieses Attribut, mag es nun eine Qualität oder Thätigkeit sein, ist nothwendiger Weise eine *allgemeine Idee*. Das so gebildete Wort war zuerst nur auf *einen* Gegenstand berechnet, obzwar es naturgemäss fast augenblicklich auf die ganze Klasse ausgedehnt wurde,

welcher dieser Gegenstand angehören schien*) . . . . In vielen Fällen blieb ein Wort . . . der Eigennamen eines Gegenstandes, ohne sich je zu der Würde eines Appellativ's zu erheben. So bedeutet *Rhenus* der Fliessende, der Fluss, aber das Wort blieb an *einem* Flusse haften . . . . Alles Benennen ist Classification, Einordnen des Individuellen unter das Generelle, und alles, was wir entweder empirisch oder wissenschaftlich kennen, kennen wir nur vermöge unserer allgemeinen Ideen . . . . Jedes Wort ist ursprünglich ein *Prädicat* des Gegenstandes.) Но возвратимся опять къ Штейнталю.

Со второю ступенью проявленія внутренней формы языка приходится имѣть дѣло этимологу, собственная задача котораго въ томъ и заключается, чтобы раскрыть, какое »представленіе« внутренняя форма языка соединяла или соединяетъ съ тѣмъ или инымъ »корневымъ« словомъ (*Wurzelwort*). Почему здѣсь упоминается о »*Wurzelwort*«, а не просто о »*Wort*«, — это выяснится скоро. До сихъ поръ говорилось вообще о »словахъ« (*Woerter*); оказывается, что подъ этими »словами« на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка нужно разумѣть *именно* »корневые« слова (*Wurzelwörter*).

И *поименовываніе* — предмета ли, качества ли, или дѣйствія — по *главной* какой-нибудь чертѣ есть, въ сущности, *Satz*. Когда я, замѣчая предметъ, поименовываю его, то я рѣшаю цѣлую, *законченную*, задачу произнесениемъ *одного* слова, такъ какъ это слово и есть само *имя* того, что я *хотѣлъ* поименовать.

Какойнибудь дальнейшей, третьей, ступени проявленія внутренней формы языка собственно нѣтъ.*) Поименовавъ на второй ступени ея проявленія тотъ или другой предметъ словомъ *γυνή* (рождающая), *filius* (сосущій) и т. д., я впо-

*) Впрочемъ, приблизительно то же имѣеть въ виду и Штейнталь, когда онъ говоритъ (*Gramm. etc.* 321): es giebt nur *eine* Vorstellung vom Wolfe und von *jeder* Anschauung (разумѣнн von jeder Anschauung *des* Wolfes), und sie ist das *Allgemeine*, das Wort bezeichnet die *Art*.

***) А гдѣ же та *innere Sprachform*, которая у Гумбольдта соединяла гдѣ только словъ въ цѣлую рѣчь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ ниже.

слѣдствіи — уже, такъ сказать, на *исторической* почвѣ — »сознаю« »характерныя черты«, которыя у »*γνή*« и »*filius*« (собственно, и *здесь* идетъ рѣчь только о »*Wurzelwörter*«) *поважныя* рожденія и сосанія, по оставляю за предметомъ упрочившееся за нимъ названіе, рѣшивъ однако, что подѣ этимъ названіемъ нужно »понимать« нѣчто совершенно другое, чѣмъ я »понималъ« прежде.

Внутренняя форма языка, на *этой* стадіи развитія словъ, сводится къ какой то точкѣ, безъ широты и содержанія (*ohne Ausdehnung und Inhalt*), — къ точкѣ, въ которой просто приводятся въ *соприкосновеніе* значеніе и звукъ (= ассоціація по смежности). Внутренняя форма языка превращается здѣсь въ »психическій механизмъ«, т. е. въ *привычку* соединять со звукомъ такое или иное значеніе, а самосознаніе, которое мы прежде называли »сознаніемъ въ квадратѣ«, является здѣсь не »невольнымъ« (*instinctiv*), а »дѣйствительнымъ« (*wirkliches Selbstbewusstsein*): ибо человѣкъ, перемѣняя значеніе слова, говоритъ себѣ: нѣтъ, *filius*, это не столько сосунъ, какъ у меня прежде *почему-то* выходило, а это, какъ я теперь вижу, младшій членъ моей семьи, по отношенію къ которому я имѣю извѣстныя обязанности и права. Что послѣ перемѣны значенія *первоначальное* значеніе совершенно *забывается*, и что само слово, по отношенію къ внутренней формѣ языка, *цѣликомъ* переходитъ со своимъ значеніемъ на почву »психического механизма«, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

По мысль человѣка развивается и за предѣлы устанавливанія значеній словъ. Также и языкъ развивается за предѣлы образованія словъ. Пельзя сказать, чтобы языкъ на этой ступени своего развитія слѣпо слѣдовалъ за развитіемъ мысли. Получая отъ послѣдняго извѣстное направленіе въ своемъ *собственно* развитіи, языкъ, въ свою очередь, своимъ развитіемъ вліяетъ и на направленіе развитія самой мысли. Можно сказать, что мы »мыслимъ« извѣстнымъ образомъ не *черезъ* языкъ, а *благодаря* языку: *so scheint sich nur die eine Annahme zu empfehlen, dass auch die Sprache*

ein eigenthümliches Denken sei, und sich nach gewissen, nur *diesem* Denken besonders angehörenden, Gesetzen und Kategorien entfalte (Gramm. etc. 224). Это мышление Штейнталь называетъ «грамматическимъ» (собственно, ein Denken, das sich nach grammatischen Gesetzen bewegt*; см. Gramm. etc. 341).

Человѣкъ называетъ извѣстный предметъ, выражая этимъ свое «представленіе» о предметѣ, собакою. Реальный міръ наталкиваетъ человѣка на это «представленіе» очень часто, и каждая новая, *дѣйствительная* собака находится въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ прежняя, какъ по отношенію къ ея качествамъ, такъ и по отношенію къ ея дѣйствіямъ. Человѣку нужно *выразить* эти разныя положенія собаки, и вотъ онъ начинаетъ о *собакахъ* или, скорѣе, о *собакахъ* «говорить». Начинаетъ онъ о нихъ говорить *формальными* предложеніями т. е. выраженіями, состоящими не изъ *одного* слова, какъ прежнія «предложенія» *гавъ-гавъ*, или какъ прежнія «наименованія» предметовъ, провозглашенныя Штейнталемъ тоже за «Satz» (см. выше стр. 31). Въ рѣчи о *собакахъ* или о *собакахъ* сама *собака* является «подлежащимъ» не въ *логическомъ* смыслѣ, а именно въ томъ *грамматическомъ*, въ рамкахъ котораго движется das Denken. Съ другой стороны то, *что* говорится о *собакахъ*, является грамматическимъ «сказуемымъ». И вотъ, нерѣдко, — а такой способъ мышленія можетъ совершаться, дѣйствительно, *именно* только *благодаря* языку, — подлежащее, т. е. это слово *собака*, становится даже не выраженіемъ «представленія», а какою то точкою «приложенія силъ», какииъ то безсодержательнымъ, *пустымъ звукомъ*, къ которому человѣкъ *присоединяетъ* выраженіе «представленія». Когда мы говоримъ *собака лаетъ*, то часто мы желаемъ высказать не больше не меньше, какъ то, что есть

*) Не есть ли это «грамматическое» мышленіе, т. е. мышленіе, которое совершается *благодаря* языку, — не есть ли оно та Гумбольдтовская *innere Sprachform*, которую мы немного выше искали у Штейнтала? Непременно; ибо объ *кѣмъ-то*, объ *этомъ грамматическомъ* мышленіи, можно повторить то же, что приведено изъ Гумбольдта на стр. 3.

на свѣтъ нѣчто, что лаетъ. Другими словами, то »представленіе«, которое на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка выражалось черезъ »поименованіе« предмета. теперь мы выражаемъ черезъ грамматическое сказуемое. И если прежде »корневое слово« было выраженіемъ »представленія«, то предложеніе, это *формальное* предложеніе, въ *данномъ случаѣ*, является выраженіемъ »представленія« о »представленіи«. Меня спрашиваютъ: что ты разумѣешь подь *собакою*? И я отвѣчаю: Подь *собакою* я »представляю« вотъ что: собака *лаетъ*, собака-*животное*, собака-*вѣрное животное*, собака *защищаетъ отъ воровъ* и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *собака* есть *пустой звукъ*, а какъ я »представляю« собаку, это я высказываю *другими* словами, уже не *пустыми звуками*, а выраженіями »представленій« (Gramm. etc. 326—331). Такое »представленіе о представленіи« (Vorstellung der Vorstellung) есть чисто *психологическое* сужденіе. Какъ *простое* »представленіе«, (т. е. простое *поименованіе* предмета), — то же »чисто психологическое«, — возводится въ логическое »понятіе, и какъ »представленіе о представленіи«, это »психологическое сужденіе«, возводится въ »логическое« сужденіе. — объ этомъ Штейнталь много распространяется, но мы этого здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему дѣлу.

Черезвычайно важно для насъ мѣсто Gramm. etc. 347. Въ немъ уже идетъ рѣчь не о »корневыхъ« словахъ, а о словахъ нашего *развитаго* языка. Какая разница между одними и другими, — у насъ все еще осталось не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ подь »словами *развитаго языка*« нужно разумѣть тѣ всевозможныя, надѣленные разными суффиксами и т. п. грамматическія формы, которыя образовались подь вліяніемъ Гумбольдтовской *inpete Sprachform* и Штейнталеваго грамматическаго мышленія. Мѣсто это слѣдующее:

Такъ какъ одно и то же подлежащее приходится соединять съ очень многими сказуемыми и, наоборотъ, одно и то же сказуемое съ очень многими подлежащими; такъ какъ

сужденія, высказываемыя формальными предложеніями, постоянно при этомъ перекрещиваются, т. е. въ однихъ случаяхъ, при сопоставленіи ихъ, *подлежащее* бываетъ общее и *сказуемая* разная, а въ другихъ — наоборотъ: то, благодаря этому постоянному перекрещиванію, предложенія разрѣзаются на части, такъ что слова подлежащаго, а равно и слова сказуемаго, *выпадаютъ*, какъ отдѣльныя *единицы*, изъ того единого и цѣлаго, которое представляло собою сужденіе, выраженное формальнымъ предложеніемъ*). То же самое дѣлается съ »attributiv'ными« и »objectiv'ными« словами. Такимъ образомъ, черезъ постоянное *говореніе*, черезъ говореніе *формальными предложеніями*, въ душѣ человѣка образуется, по остроумному выраженію Herbart'a, какой то *мусоръ* отъ цѣльнаго строенія висящихъ другъ на другѣ сужденій.

Этотъ мусоръ представляетъ собою кучу валяющихся, какъ попало и безъ всякаго порядка, камней и бревенъ, однако со слѣдами ихъ спайки. При этомъ одинъ и тотъ же камень являеть на себѣ слѣды *нѣсколькихъ* спаекъ (камень, вѣдь, въ общемъ строеніи касался *всѣми* своими сторонами другихъ камней), и отдѣльные слѣды спайки повторяются и на другихъ камняхъ. По этому есть возможность совершенно *выдѣлить* »чистый« матеріалъ и *отдѣльно* наблюдать за »спайками« и за *методами* спаиванія. Въ моментъ говоренія, душа всегда обращается къ этому мусору, спаивая изъ него цѣлое знаніе по тѣмъ »спайкамъ, которыя остались на матеріалѣ.

Мусоръ изслѣдуется какъ лексикографомъ, такъ и грамматикомъ. И тотъ, и другой являють дѣло, въ сущности, съ *однимъ* и *тѣмъ же* предметомъ изслѣдованія, а только трактуютъ его не одинаково. Лексикографъ разбираеть мусоръ по его »чистому матеріалу«, хотя и не обходится безъ того, чтобы не указывать на отдѣльныхъ камняхъ или бревнахъ на самыя спайки, а грамматикъ исходитъ въ своемъ изслѣдова-

*) Разсуждающій такъ представляетъ себѣ внѣшнее выраженіе сужденія, т. е. формальное предложеніе, какъ бы *слитымъ* въ неразрывное цѣлое. Оно можетъ слиться въ неразрывное цѣлое *именно* благодаря Гумбольдтовской *innere Sprachform* и Штейнталевскому »грамматическому мышленію« и, конечно, *при помощи* суффиксовъ, префиксовъ и т. п.

ни отъ разсхатриванія *метода* спаиванія, но не можетъ при этомъ не указывать и на матеріаль, на которомъ *находятся* слѣды спаиванія.

Буквально это мѣсто у Штейнталя гласитъ слѣдующее:

Indem dasselbe Subject mit vielen Prädicaten, dasselbe Prädicat mit vielen Subjecten verbunden wird; indem sich die Urtheile durchkreuzen: so zerschneiden sie sich, und Subjects- und Prädicatswörter zerfallen im Bewusstsein aus der Einheit des Urtheils. Eben so ergeht es den Attributen, den Objecten. So bildet sich also durch das Sprechen in der Seele ein „Schutt“, nach einem geistreichen Ausdrucke Herbarts, lauter Material, das ehemals ein Gebäude von an einander hängenden Urtheilen bildete; das Gebäude ist im Laufe der Zeit verfallen und nur die Steine und Balken liegen ohne Ordnung und Zusammenhang durch einander. Jedes Stück dieses Materials aber trägt noch die Spuren seines Zusammenhanges an sich. Nun zeigt aber derselbe Stein einen vielfältigen Zusammenhang, und dieselbe Verbindungsweise zeigt sich an mehreren Steinen und Balken in gleicher Weise. So trennt sich der Stoff, das Material selbst, von der Methode, nach welcher es gefügt war. Zum Sprachschutte gehört also Material und Fugen. Im Augenblicke des Redens greift die Seele immer von neuem nach diesem Schutte, und verwendet das Material, den daran befindlichen Fugen folgend. Das Sprachmaterial wird dargestellt in der Grammatik sowohl, als im Wörterbuche. Beide haben genau genommen denselben Inhalt, aber in verschiedener Weise behandelt. Das Wörterbuch stellt das Material auf und weist an jedem Stücke besonders seine mögliche Fügung auf; die Grammatik geht von der Fügungsweise aus und zeigt, wie alle Stücke gefügt werden müssen (? *мы бы просто сказали: gefügt werden*). Die Praxis hat der Bequemlichkeit wegen dieses Verhältniss, wonach alles zweimal gesagt werden müsste, so umgestaltet, dass sie das Ueberflüssige weglässt und dem Wörterbuche vorzugsweise das Material, der Grammatik vorzugsweise die Fügungsweise zuertheilt.

Приведенное мѣсто, въ связи со всѣмъ предыдущимъ, наводитъ на слѣдующія размышленія.

»Слова«, какъ мы ихъ теперь застаемъ въ какомъ нибудь *вполнѣ развитомъ* языкѣ, эти *камни* со слѣдами спайки, выпавшіе изъ того общаго »строенія-предложенія«, которое Штейнталемъ опредѣлено какъ выраженіе »представленія о представленіи«, не суть то же, чѣмъ могли быть »слова«, которыя на *низшей* ступени развитія языка, исполняя *тоже* роль »предложеній«, хотя и не »формальныхъ«, служили выраженіемъ *непосредственнаго* представленія о чемъ-нибудь. Мы употребляемъ часто и *наши* слова — слова *вполнѣ развитыя* — въ роли »неформальныхъ« предложений; и они, подобно словамъ *первоначальнымъ*, служатъ иногда выраженіями »непосредственныхъ представлений« (ближе объ этомъ въ самомъ нашемъ изслѣдованіи), но мы понимаемъ, что послѣднія могли не имѣть тѣхъ префиксовъ, суффиксовъ и инфиксовъ, какіе имѣютъ слова *вполнѣ развитаго* языка. Первоначальныя слова, выраженія »непосредственнаго представленія«, вполнѣ самостоятельныя и не »выпадавшія« ни откуда, не нуждались въ тѣхъ спайкахъ, о которыхъ мы только что слышали. Первоначальныя слова могли быть *всѣ* похожи на то *gawz-gawz*, которое мы приводили выше, и на слова теперешняго дѣтскаго языка вообще, отличающіяся *именно* отсутствіемъ окончаній и т. п. Въ виду этого, терминъ »корневые слова« (Wurzelwörter), который Штейнталь устанавливалъ тогда, когда онъ объяснялъ внутреннюю форму языка, получаетъ *особый* смыслъ.

Истолковывать эти корневые слова, истолковывать ихъ *значеніе*, Штейнталь предоставляетъ этимологу, считая это его исключительною задачею. Такимъ образомъ этимологъ, исполняя свою задачу, подготавливаетъ почву для лексикографа, если, какъ приходится, судя по всему, предполагать, эти корневые слова вошли въ матеріалъ *вполнѣ развитаго* языка, облѣпившаго этотъ матеріалъ спайками.

У насъ слова *этимологъ*, *этимологія* понимаются немного иначе, чѣмъ ихъ предлагаетъ понимать Штейнталь. У насъ подъ *этимологіею* разумѣютъ то, что обыкновенно

раздѣляется на двѣ части, на морфологію и фонетику т. е. науку о *звукѣ*,*) причеиъ сама морфологія можетъ распа- даться еще дальше на морфологію въ болѣе *тѣсномъ* смыслѣ и на «словообразованіе». Подъ морфологіею въ бо- лѣе *тѣсномъ* смыслѣ мы разумѣемъ разборъ »склоненій« и »спряженій« съ ихъ *формальной, звуковой* стороны, а подъ »словообразованіемъ« — выясненіе того, какъ изъ »этимологическаго корня«, добываемаго уже чисто *научнымъ* путемъ (въ живомъ языкѣ его нѣтъ), образовалась съ зву- ковой же стороны »этимологическая тема« или »основа«, какъ изъ послѣдней, добываемой также чисто научнымъ путемъ, образовалось живое слово, и какъ, наконецъ, изъ двухъ словъ языкъ образуетъ слово *составное*. Что въ эти- мологическихъ корняхъ приходится часто различать пер- вичные отъ вторичныхъ, и что въ этимологическихъ осно- вахъ приходится признавать нѣсколько разрядовъ, разви- вающихся одинъ изъ другого, объ этомъ нечего распростра- няться.

Такимъ образомъ, этимологія, какъ мы ее понимаемъ, является частью той грамматики, которую Штейнталь, толкуя о разборѣ мусора, противопоставляетъ лексикографіи. Эти- мологія, по *нашему* пониманію, устанавливаетъ »фонети-

*) Что такое *фонетика*, опредѣляется яснѣ всего у Wegener'a, указы- вающаго при этомъ и на ближайшія задачи этой науки: Die Erzeugung der Laute im Munde eines Menschen darf eben so wenig zu seinen rein physiologischen Thätigkeiten gerechnet werden, wie die Finger- und Handbewegung des Clavierspielers, die technische Bewegung des Schnitzers, Töpfers, Schreibers u. a. Was man hier physiologisch nennt, ist nichts weiter, als eine mechanisch und automatisch gewordene ursprünglich spontane Bewegung. Das Physiologische bei der Sache ist nur die Natur der Organe, ihre Stellung und Bewegungsform, dagegen der Impuls und die Regelung der Bewegung derselben hat mit der Lautphysiologie nur insofern zu thun, als die Natur der Organe der Intention des Menschen gewisse Schwierigkeiten und Hemmungen entgegensetzt . . . Die physiologischen Bedingungen des Sprechens sind mit Glück und Erfolg in der sogenannten Lautphysiologie oder Phonetik behandelt, welche ihre Untersuchungen selbstverständlich am lebenden Menschen angestellt hat. Dass auch diese Wissenschaft noch in ihren Anfängen steht, scheint mir gewiss. Sie grenzt offenbar die Lautvorgänge noch zu sehr nach den in der alten Gram- matik unterschiedenen Lauten ab, offenbar sehr complicirten Gebilden . . . Viel zu thun bleibt ferner der Lautphysiologie in ihrer Anwendung auf die Sprach- geschichte, richtiger würde diese Aufgabe allerdings der Sprachgeschichte selbst zuzuweisen sein (Untersuch. 4—5.).

ческие законы, какъ они выступаютъ при образованіи Гербартовскаго мусора, разлагаетъ, по возможности, каждый камень и каждое бревно этого мусора на самостоятельныя части, оправдывая свои фонетическіе законы не только тамъ, гдѣ отдѣльныя части *соединяются* (*τιμῶμεν* = *τιμά* + *ομεν*), но и *внутри* той или иной самостоятельной части (въ *ἔρρω-α* и въ *ῥῆ-ιμι* одна и та же самостоятельная часть подвергается *внутри* себя фонетическимъ измѣненіямъ).

Само собою разумѣется, что эти »части« должны быть »частями« всего бревна или камня не только въ фонетическомъ смыслѣ, но, судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось, и въ смыслѣ *симасіологическомъ*, содѣйствуя, каждая *отъ себя*, достиженію того *общаго* значенія (*σῆμασία*), съ которымъ выпавшее изъ строенія бревно вновь входитъ въ создаемое душою »строеніе«. И какъ лексикографъ не можетъ не коснуться »спаяекъ«, такъ и этимологъ не можетъ не коснуться въ своей морфологій, особенно же въ своемъ »словообразованіи«, *симасіологической* стороны частей слова и не можетъ не приготовить почвы для *слѣдующей* части грамматики.

Какая же это дальнѣйшая часть грамматики? Какъ этимологъ склеиваетъ изъ отдѣльныхъ частей »слово«, такъ синтаксистъ долженъ склеивать изъ отдѣльныхъ словъ *рѣчь*. Онъ, »синтаксистъ«, долженъ *прежде всего* обратить вниманіе на *приспособленность* спаяекъ къ тому, чтобы »матеріалъ«, облѣпленный этими спайками, могъ создать новое строеніе, и въ этомъ отношеніи онъ и *находитъ* большую помощь у этимолога, который, если бы даже *совсѣмъ* не касался симасіологической стороны спаяекъ, однако самъ только и можетъ сказать синтаксисту: вотъ *эта* часть слова есть »спайка«. Не напрасно мы въ началѣ введенія говорили, что этимологія, исполняя исключительно *свою* задачу, не могла не оказать громадной услуги синтаксису.

Прекрасное выясненіе получило у Штейнталья то, что Беккера такъ сбило съ толку, именно, что при изслѣдованіи языка, какъ *выраженія мысли*, нужно исходить отъ »предложенія«, отъ »*Satz*а«, отъ »рѣчи«. Мы бы, съ точки зрѣнія

самого Штейнталя, охотнѣе сказали: нужно исходить отъ »грамматическаго мышленія«. Въ самомъ дѣлѣ: рѣчь состоитъ изъ »словъ«, а »слово«, если оно не есть *Wurzelwort*, — тогда оно *само* представляетъ собою »рѣчь«, — оказывается выпавшимъ изъ цѣлаго строенія мусоромъ, цѣлое же строеніе чувствуется »цѣлымъ« *именно* благодаря »грамматическому мышленію«, какъ и съ другой стороны. *опять таки* благодаря »грамматическому мышленію«, каждая часть этого цѣлаго является облѣпленною »спайками«. По этимъ спайкамъ, съ ихъ *симасіологической* стороны, синтаксистъ долженъ *прежде* всего *группировать* »слова«, другими словами, онъ долженъ *прежде* всего заняться *симасіологіею* »частей рѣчи« какъ *разрядовъ* словъ или же, *еще* иначе выражаясь, долженъ *опредѣлить* »части рѣчи« по ихъ роли въ самой *рѣчи*.

Какъ Гумбольдтъ не занялся »опредѣленіемъ« частей рѣчи, такъ не занялся имъ и Штейнталь, хотя послѣдній вполне сознаетъ *необходимость* такой задачи: *wir hätten* — пишетъ онъ *Gramm. etc.* 362 — *oben bei der Darstellung des Satzes die Redetheile der Sprache zu entwickeln gehabt, oder hätten es weiter unten zu thun. Das würde uns aber weiter in das Einzelne geführt haben, als hier unsere Absicht ist darauf einzugehen. Wir setzen also die Redetheile hier voraus.*

Очень жаль, что Штейнталь »предположилъ« части рѣчи, и что и онъ держался по отношенію къ нимъ традиціи. Если бы онъ ихъ не »предполагалъ«, а развернулъ бы этотъ вопросъ самъ, то, вѣроятно, его теорія предложенія получила бы совершенно другой видъ, чѣмъ она его имѣетъ. Хотя Штейнталь довелъ дѣло развитія рѣчи на почвѣ *чисто* психологической отъ »корневыхъ« словъ къ формальному предложенію, а въ этомъ формальномъ предложеніи дошелъ *опять таки* на почвѣ *чисто* психологической до *subject'a* и *praedicat'a*, но *грамматичности* этихъ *subject'a* и *praedicat'a*, т. е. ихъ *внѣшняго облика*, поскольку онъ является выраженіемъ самого »грамматическаго мышленія«, у Штейнталя не видать. Равно не видать и »грамматичности« тѣхъ об-

ject'овъ и attribut'овъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ Гербартовскомъ мусорѣ. Они у него остались тѣмъ же, чѣмъ они были у Беккера, т. е. чѣмъ то, наложеннымъ *извнѣ* на рѣчь, безъ отношенія къ частямъ рѣчи съ ихъ «спайками». Только *логическая* почва въ нихъ — именно почва *формальной* логики — Штейнталемъ *опровергается*, — опровергается убѣдительными доводами въ родѣ слѣдующихъ: Der wesentliche Punkt ist die Unterscheidung zwischen der praedicativen und attributiven Verbindung. Was lehrt also die Logik über diesen Unterschied? Die Logik? gar nichts; sie kennt ihn gar nicht (Gramm. etc. 185). Или: Kommen wir jetzt zum Object. Die Logik kennt weder den Begriff, noch das Wort Object (Gramm. etc. 189). Видно, всѣ эти subject'ы, praedicat'ы, object'ы, attribut'ы чувствуются у нашихъ грамматиковъ какою то тяготяущею надъ языкомъ, традиціонною ли, или *дѣйствительно* внутреннею, *необходимостью*, — необходимостью, съ которою приходится такъ или иначе считаться.

Да, «грамматичность» subject'овъ, object'овъ etc., недостаточно выясненная Штейнталемъ, и установленіе частей рѣчи, совершенно имъ пропущенное, вотъ что на *первомъ* планѣ должно интересовать синтаксиста послѣ прекраснѣйшихъ разъясненій о языкѣ, данныхъ Штейнталемъ. По обоимъ вопросамъ мы находимъ кое что поучительное у самого учителя Штейнталя, Heuse (Sprachw.) и у Paul'я (Princip.); насколько важно для синтаксиста установленіе частей рѣчи, — это во всей силѣ даетъ намъ чувствовать Miklosich; но ни у кого не находимъ ни о грамматичности subject'овъ etc., ни о частяхъ рѣчи столько положительнаго и вѣстѣ съ тѣмъ мѣткаго, какъ у Потемни.

Что касается самого Heuse, то въ его Sprachw. очень много встрѣчается такого, что Штейнталу въслѣдствіи пришлось лишь надлежаще развить въ своей Gramm. etc. И онъ, не избѣгая, однако, разсуждать о «*logische Verhältnisse*» въ языкѣ, почти тѣмъ же путемъ, какъ Штейнталь, доводитъ дѣло до «*формального* предложенія», т. е. до Subject'a и Praedicat'a, а затѣмъ — и это уже *plus* сравнительно съ вы-

ясненнымъ у Штейнтала — переходить къ логическому опредѣленію частей рѣчи, устанавливая и *отношеніе* ихъ къ Subject'амъ etc. (этотъ отдѣлъ сочиненія у него озаглавленъ »System der grammatischen Wortarten«), а въ концѣ, довольно сжато и . . . . довольно *нестѣрно* (стр. 413—417), онъ изслѣдуетъ «слово» въ томъ его ограниченіи, какое оно получаетъ при такой или иной своей формѣ, т. е. въ томъ или иномъ »падежѣ«, въ томъ или иномъ наклоненіи и т. д., для того чтобы войти въ связь съ *другими* словами въ *цѣлой рѣчи* (es wird das Wort betrachtet nach seiner Begränzung durch die Beziehungsform, unter welcher es in den Zusammenhang der Rede eintritt). Для насъ важна *первая* часть этого plus'a, но отдѣльно мы объ ней разсуждать не будемъ *именно* потому, что мы ее находимъ разработанною гораздо лучше у Потетни. Когда будемъ излагать теорію Потетни, упомянемъ, гдѣ это нужно будетъ, и о Heuse.

Не будемъ долго останавливаться и на Paul'ѣ. Да не упрекаетъ насъ читатель за то, что мы отводимъ въ нашемъ введеніи столь скромное мѣсто такому ученому, какъ Paul. Если бы намъ пришлось больше распространяться о самихъ тѣхъ созидательныхъ началахъ языка, степень пониманія которыхъ у Штейнтала главнымъ образомъ отразилась въ теоріи о внутренней формѣ языка, то мы, конечно, имѣли бы дѣло преимущественно съ Paul'емъ, такъ какъ онъ является въ настоящее время лучшимъ знатокомъ и руководителемъ по той мастерской, въ которой, такъ сказать, изготовляется языкъ. Съ Paul'я намъ слѣдовало бы *начать*, если бы мы, думая вращаться въ области *языка вообще*, хотѣли заняться истолкованіемъ *неизмѣняющагося* въ исторически *переходящемъ* и *основнаго* въ *разнообразномъ*; съ Paul'я слѣдовало бы *начать*, если бы мы хотѣли заняться тѣмъ, что собственно Paul своею книгою *впервые* привелъ въ ясность и поставилъ въ правильное отношеніе къ другимъ наукамъ и дисциплинамъ въ теоріи о языкѣ *вообще*. Самое *заглавіе* его книги, чрезвычайно выразительное (*Principien der Sprachgeschichte*), показываетъ ту точку зрѣнія,

на которую сталъ Paul не только по отношенію къ другимъ наукамъ, но и по отношенію къ господствовавшей до него въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ онъ вращается, но неопредѣленной по содержанію, а потому и не выработавшей никакихъ вѣрныхъ методовъ, такъ называемой Sprachphilosophie. Однако, на томъ пути, по которому мы идемъ, и при той цѣли, къ которой мы стремимся, встрѣча съ Paul'емъ не можетъ насъ особенно задерживать здѣсь, въ введеніи. Вопросъ о «грамматичности» subject'овъ, object'овъ и т. д. у него связанъ съ вопросомъ о «грамматическихъ категоріяхъ» вообще, причѣмъ приходится слышать отъ него лишь нѣкоторыя общія замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ: Jede grammatische Kategorie erzeugt sich auf Grundlage einer psychologischen. Die erstere ist ursprünglich nichts, als das Eintreten der letzteren in die äussere Erscheinung. Sobald die Wirksamkeit der psychologischen Kategorie in den sprachlichen Ausdrucksmitteln erkennbar wird, wird sie zur grammatischen. Die Schöpfung der grammatischen Kategorie hebt aber die Wirksamkeit der psychologischen nicht auf. Diese ist von der Sprache unabhängig. Wie sie vor jener da ist, wirkt sie auch nach deren Entstehen fort. Dadurch kann die anfänglich zwischen beiden bestehende Harmonie im Laufe der Zeit gestört werden (Princip. 219). . . . Es ist auch bereits angedeutet, dass geradezu ein Gegensatz zwischen dem psychologischen (logischen) Verhältniss der Satzbestandtheile unter einander und ihrem rein grammatischen Verhältniss entstehen kann (Princip. 235). Все это, какъ уже сказано, слишкомъ обще и требуетъ даже открытія новыхъ методовъ изслѣдованія для того, чтобы могло быть въ окончательномъ своемъ выводѣ или опровергнуто, или признано.

Въ вопросѣ о частяхъ рѣчи мы находимъ у Paul'я изложеніе, и притомъ чрезвычайно обстоятельное, одной лишь отрицательной стороны. Разрушая готовое по этому вопросу, онъ самъ не только не даетъ ничего новаго, но и отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было рѣшеній. Все дѣло сводится у него къ слѣдующему утверженію:

Die übliche Scheidung der Redetheile in den indogermanischen Sprachen, wie sie von den antiken Grammatikern überkommen ist, beruht nicht auf consequent durchgeführten logischen Principien, sie ist vielmehr zu Stande gekommen unter Berücksichtigung sehr verschiedener Verhältnisse. Sie trägt daher den Charakter der Willkührlichkeit an sich. Ihre Mängel lassen sich leicht zeigen. Es würde aber nicht möglich sein, etwas besseres an die Stelle zu setzen, so lange man darauf ausgeht, jedes Wort in eine bestimmte Klasse unterzubringen. Der Versuch ein streng logisch gegliedertes System aufzustellen ist überhaupt undurchführbar. (Paul Princip. 299.)

Проходя пока мимо Миклошича, съ которымъ придется имѣть дѣло ниже, обратимся къ Потевнѣ.

Изъ его »Зап.« для насъ самая важная 10-я статья »введенія (члены предложенія и части рѣчи). На ней мы и остановимся.

Первобытное »слово-предложеніе« — говоритъ этотъ глубокий мыслитель-филологъ (подъ »словомъ-предложеніемъ« нужно разумѣть Штейнталевское *Wurzelwort*, составляющее само по себѣ »Satz«) — есть сказуемое къ невыраженному подлежащему (дѣтское »мама!«). Оно можетъ обойтись безъ опредѣленной грамматической формы (не требуетъ никакого грамматическаго окончанія), между тѣмъ какъ простѣйшее предложеніе нашихъ *развитыхъ* языковъ должно заключать въ себѣ грамматическую форму. Напр. личный глаголь (*verbum finitum*) въ многочисленныхъ языкахъ, каковъ русскій, *сложенъ* по строенію и, хотя имъ *однимъ* можетъ ограничиться предложеніе (глаголь-сказуемое), неизмѣримо удаленъ отъ первобытнаго »слова-предложенія« (»слова-сказуемаго« то — жь) *чистою формальностью**) заключенныхъ въ немъ отношеній къ лицу, не говоря уже о другихъ, возникшихъ позднѣе, категоріяхъ, каковы напр. въ славянскомъ языкѣ совершенность и несовершенность и степень длительности (Зап. 75—76).

*) Какъ понять выраженіе *чистою формальностью?*

Измѣнить «предложеніе», *хотя бы и безъ измѣненія въ немъ мысли*, значитъ измѣнить *грамматическія формы*, которыя, такимъ образомъ, составляютъ *формальное, грамматическое* содержаніе предложенія. Въ языкѣ не только, говоря а priori, не *можетъ быть*, но и а posteriori *нѣтъ* ни одной грамматической *формы* въ смыслѣ грамматической *категоріи*, т. е. въ смыслѣ грамматической *части рѣчи*, которая не могла бы перейти въ другую; нѣтъ ни одной *неподвижной грамматической категоріи* (Зап. 76).

На вопросъ, что такое «глаголь-сказуемое», этотъ «*шпінш*» предложенія, и чѣмъ отличается онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, «имени», прежде всего слѣдуетъ отвѣчать такимъ образомъ: если содержаніе предложенія есть чисто *формальное, грамматическое*, то и свойство составныхъ его членовъ вообще, и въ частности различіе имени и глагола, должно быть только *формальное*, т. е. должно состоять не въ *мысленномъ содержаніи*, а въ *способѣ передачи* (Зап. 81). Глаголь-сказуемое «изображаетъ» (слово *изображаетъ*, очевидно, избрано Потебнею для соотвѣтствія прежнему выраженію *способъ передачи*) признакъ во время *возникновенія* отъ дѣйствующаго лица (Зап. 84).*) — Мы бы сказали, согласно всему тому, что Потебня толкуетъ о *залогахъ* глагола, и во исправленіе выраженія «*возникновеніе признака*», — глаголь, вѣдь, «изображаетъ» признакъ на *всякой* ступени его развитія. — *мы*, я говорю, сказали бы, что глаголь-сказуемое изображаетъ признакъ въ такой или иной стадіи его развитія *на лицѣ* (слово *на* избрано нами въ виду разныхъ *залоговъ* глагола).

Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго, какъ признака во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, легко опредѣляется и *подлежащее*. Потебня разумѣтъ подъ «подлежащимъ» «грамматическую» форму, *прилажи-*

---

*) Heuse. Sprachw. 392: Das verbale Attribut (подъ Attribut'омъ Heuse разумѣетъ слово, служящее для «изображенія» признака вообще) erscheint immer als energisches, sich bewegendes, ein Zeitmoment ausfüllendes oder sich durch die Zeit hin erstreckendes.

вающуюся къ »грамматической» же формѣ глагола-сказуемаго; ибо »грамматическое« предложеніе можетъ »грамматически« *измѣняться*, а *измѣняется* оно »грамматически«, если *иначе* »прилаживаются« другъ къ другу» грамматическія формы, сами »грамматически« *измѣняются*. Опреѣляется же подлежащее слѣдующимъ образомъ: оно есть *вещественное* (ниже будетъ определено слово *вещь*) указаніе на непосредственнаго »производителя« (въ виду разныхъ *залоговъ* глагола мы сказали бы лучше »носителя«) признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93). Въ нашихъ языкахъ единственные падежи (разумѣй *грамматическія формы*), способные выражать подлежащее, суть именительный и звательный (Зап. 94).

Не всякое »имя« можетъ быть грамматическимъ подлежащимъ; имъ можетъ быть только или имя *существительное* (*substantivum*) и вообще всякое субстантивированное слово (Зап. 96), или личное иѣстоименіе.

Имя существительное есть названіе »*грамматической*« субстанціи или вещи, совершенно отличной отъ метафизической. Послѣдняя есть вещь, *сама по себѣ* отдѣленная отъ *всѣхъ признаковъ* и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію *причиною*. Не то мы видимъ въ существительномъ какъ »*грамматической*« субстанціи. Само слово *субстанція* въ данномъ определеніи имени существительнаго очень важно; оно даетъ понять, что имя существительное, какъ особая *грамматическая* форма, способно на то, что въ словѣ »субстанція« *кроется*, другими словами, — позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о »вещи« т. е. *присоединять* къ »вещи« глаголь-сказуемое и другія части предложенія, которыя дальше откроются. Она, эта грамматическая субстанція, въ отличіе отъ метафизической, есть совокупность признаковъ, совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который въ существительномъ *даетъ этимологиически* (Зап. 92—93). Утвержденіе Потемни, что только *одинъ* признакъ въ существительномъ можетъ быть данъ этимологически, напоминаетъ намъ слова Макса Мюллера, приведенныя выше на стр. 30. Уже по одному тому, что

обозначеніе предмета совершается средствомъ, кроющимся *именно* въ языкѣ, т. е. поименованіемъ *одного* изъ его признаковъ, можно опредѣлить существительное какъ названіе *грамматической* субстанціи, хотя больше оправдывается это опредѣленіе тѣмъ, на что указано выше, т. е. что *есть* особая грамматическая форма, которая позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о «вещи».

Личное мѣстоименіе выражаетъ тоже *вещь*, и будучи подлежащимъ, оно есть тоже *вещественное* обозначеніе непосредственнаго носителя признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93—94), но это обозначеніе совершается не путемъ «названія совокупности признаковъ» (собственно, не путемъ какого нибудь *одного, характернаго* признака), а путемъ *указанія на мѣсто нахожденія* вещи по отношенію къ *говорящему**) (Зап. 83).

Грамматическій объектъ («дополненіе») сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ *стремится* быть лишь существительное (стало быть, — добавимъ мы, — и личное мѣстоименіе!) или другая часть рѣчи, употребленная substantive. Разница между субъектомъ и объектомъ та, что субъектъ есть ни съ чѣмъ несогласуемый *именительный* или *звательный* падежъ, а объектъ — несогласуемый ни съ чѣмъ *косвенный* падежъ (итакъ, опять *грамматическая* форма, и уже по одному этому объектъ можетъ быть названъ *грамматическою* категоріею). Это *отсутствіе согласованія* въ объектѣ, черта чисто *грамматическая*, служитъ указаніемъ на то, что онъ, грамматическій объектъ, означаетъ предметъ *внѣшній*, т. е. предметъ, совершенно *иной* по отношенію къ субъекту и *другимъ*, могущимъ попасть

*) Какъ вообще у Потебни, такъ особенно въ усматриваніи *имъ* *указательной* роли личнаго мѣстоименія мы находимъ болѣе правильное пониманіе этой части рѣчи, чѣмъ у Heyse, который рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Die substantivischen Pronomina sind substantivische Formwörter. Ihr ganzer Inhalt ist Form: die Form der Substantialität in ihrer abstracten Allgemeinheit, verbunden mit der formellen Bestimmung der grammatischen Person, welche nichts anderes ist, als der Ausdruck des Verhältnisses, in welchem das Subject (? Heyse, вѣроятно, хотѣлъ сказать *die redende Person*) zu der Rede steht, gleichsam der Rolle, welche es (т. е. этотъ „Subject“) in der Rede spielt. (Sprachw. 392).

въ предложеніе, объектамъ. О *всякомъ* косвенномъ падежѣ существительнаго (или личнаго мѣстоименія) можно сказать, что онъ есть грамматическій объектъ. Даже въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть грамматическій объектъ; или развѣ *домъ отца* все равно, что *отцовскій домъ*? Часто падежъ объекта или »дополненія« прямо *указанъ* »формальнымъ« *значеніемъ* (т. е. значеніемъ, выраженнымъ самою грамматическою *формою*; — форма *люблю* выражаетъ нѣчто другое, чѣмъ форма *любовь*), — падежъ »дополненія«, говорю, *указанъ* формальнымъ значеніемъ »дополняемаго« (напр. *люблю отца*; само *люблю* требуетъ къ себѣ »дополненія«). Но иногда этого не бываетъ (напр. *добродѣтель война*; здѣсь слово *добродѣтель* могло бы быть сказано совершенно самостоятельно, и никто не будетъ спрашивать ни о воинѣ, ни о чемъ-нибудь подобномъ). Такимъ образомъ связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть болѣе тѣсная и болѣе отдаленная (Зап. 115).*)

Грамматическій атрибутъ (»опредѣленіе«) есть названіе признака, представляемаго въ выражающемъ его словѣ, какъ нѣчто данное въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Его грамматическая форма есть *согласованіе*. »Согласуются« не только *имена прилагательныя* (*новая часть рѣчи!*), но и *имена существительныя*, напр. *рѣка-Донецъ*

*) Гораздо уже понимаетъ объектъ Heuse: Ursprünglich ist der verbale Vorgang auf das Subject beschränkt, ohne Beziehung nach aussen: *subjectives* Verbum. Andere Verbalbegriffe hingegen gestatten oder fordern eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subject. Diese begründen die *objectiven* Verba, welche meist später entwickelt sind, als die *subjectiven*, und daher nicht reine Stämme, sondern Ableitungen sind. Genauer nennt man *Transitiva* diejenigen *objectiven* Verba, die eine direkte Beziehung oder Einwirkung auf ein Object als Ziel (im Accusativ) fordern. Hingegen fasst man alle diejenigen *objectiven* Verba, welche zur Ergänzung ihres Begriffes nur eine indirekte Beziehung auf einen Gegenstand (im Genitiv oder Dativ) zulassen, unter der Benennung *Intransitiva* mit den *subjectiven* Verben zusammen . . . . Ob der Gegenstand der Beziehung als indirektes oder direktes Object dargestellt wird, hängt von der besonderen Anschauungsweise der einzelnen Sprache ab, so wie von der jedesmaligen Bildungsweise des Verbums . . . . Man thut daher besser alle Verba, die eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subject in irgend einem Casus obliquus gestatten, als *objective Verba* zusammenzufassen, und dann speciellere Entheilungen nach den verschiedenen Casus zu machen (Sprachw. 339).

(аттрибутъ, но въ которомъ изъ этихъ существительныхъ?). Разница между «аттрибутивнымъ» или «опредѣлительнымъ» прилагательнымъ и между опредѣлительнымъ существительнымъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ приписывается субстанціи не прямо, а черезъ посредство другой субстанціи (Зап. 99).*)

Вообще, опредѣленія субъекта, аттрибута и объекта должны совпадать съ опредѣленіемъ «имени» (Зап. 85).

Подъ «именемъ» слѣдуетъ разумѣть не только имя существительное и прилагательное, но также «причастіе» и «мѣстоименіе».

«Мѣстоименія» распадаются на имена субстанцій (я, ты, онъ, мы, вы, они), соотвѣтствующія именамъ существительнымъ, и на имена признаковъ (тотъ, этотъ, мой, твой), соотвѣтствующія именамъ прилагательнымъ (Зап. 93); субстанціи и признаки обозначаются въ нихъ не черезъ названіе, а черезъ указаніе.

Прилагательное есть *признакъ*, данный въ *чемъ-то*, что безъ помощи *другого* слова, *неприлагательнаго*, остается со стороны содержанія *неопредѣленнымъ* (Зап. 87).

Причастіе есть то же, что прилагательное, только въ немъ признакъ представляется *возникающимъ* (Зап. 87); *возникновеніе* есть черта «глагола» (мы, съ своей стороны,

---

*) Это и нижеслѣдующее (т. е. все то, что Потебня дальше говоритъ объ «именахъ», «мѣстоименіяхъ», «прилагательныхъ» и «причастіяхъ») куда какъ глубже схвачено и проще истолковано, чѣмъ у Heuse, который говоритъ (Sprachw. 402—405): Betrachten wir nun zuerst die Bestimmungswörter des Substantivs. Sie müssen als in der Natur des Substantivs begründet, aus den Elementen und accidentellen Bestimmungen der Substanz entwickelt und als notwendig erkannt werden. Die Substanz hat zuerst eigenthümliche innerliche Qualitäten der Attribute, und das Substantiv daher qualitative Bestimmungswörter, Adjectiva und Participia... Formelle Bestimmungsbegriffe des Subjects (а не des Substantivs?) sind Quantität, Ort, Redeverhältnisse... Die Quantität der Dinge bezeichnen die Adjectiva quantitativa, und zwar dienen für die directe Quantität oder Zahl unterscheidbarer Einzelwesen die Zahlwörter... für die continuirliche Quantität oder Ausdehnung die Masswörter (viel, wenig etc.)... Den Ort eines Gegenstandes im Verhältniss zum Redenden drücken die Pronomina demonstrativa aus... Die Bestimmungswörter für Redeverhältnisse sind abstracter Art und gehen in der Sprache nicht von eigenen Wurzeln aus, sondern sind von Ausdrücken für Anschauungsverhältnisse entlehnt oder gebildet. Sie werden Pronomina adjectiva genannt.

говорили бы опять таки не о возникновеніи, а о нахожденіи признака въ той или иной стадіи развитія).

Если причастія или вообще какія-нибудь выраженія даютъ поводъ говорить о какихъ то «сокращенныхъ предложеніяхъ», то надобно сказать, что этотъ терминъ вообще неудобенъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ошибочной теоріи, что если *логическому* сужденію соотвѣтствуетъ не предложеніе, а грамматическій членъ предложенія, то это произошло лишь вслѣдствіе нѣкотораго помраченія закона, якобы нѣкогда господствовавшаго во всей силѣ, — именно закона, что предложеніе есть то же, что сужденіе. Одно изъ двухъ: или извѣстный отрывокъ рѣчи есть предложеніе, и тогда онъ долженъ заключать въ себѣ *личный глаголь*, хотя бы и *опущенный*, или въ немъ нѣтъ личнаго глагола, а тогда онъ *не есть* предложеніе, а только *его часть* (Зап. 117—118).

Какъ личный глаголь есть тѣмъ самымъ *сказуемое*: какъ «имя» въ *прямомъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть *подлежащее* (подъ терминомъ *несогласуемое* Потебни сводить въ одно substantiva съ «субстантивированными» словами); какъ «имя» въ *косвенномъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть дополненіе: какъ *согласуемое* «имя» въ *любомъ* падежѣ есть *опредѣленіе* *): такъ и «*обстоятельству*» присвоена особая грамматическая форма — *нарѣчіе*. Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ разумѣемъ *признакъ, связуемый съ другимъ признакомъ* и лишь *черезъ его посредство* (напр. *очень большой*) относимый къ подлежащему или дополненію, а самъ по себѣ не имѣющій

*) Читатель самъ сравнитъ это толкованіе Потебни съ слѣдующимъ мѣстомъ у Heuse (Sprachw. 402): Substantiva und Pronomina als Subjectwörter, Verba und Adjectiva als Praedicatswörter sind die wesentlichen Bestandtheile des einfachen Satzes (послѣ этого Heuse толкуетъ объ атрибутахъ, какъ нами сообщено выше на стр. 49; но гдѣ же Objectswörter?.. Если Heuse упоминаетъ объ adjectiv'ахъ какъ о Praedicatswörter, то это относитъ я къ «составнымъ сказуемымъ» Потебни, о которыхъ будетъ сообщено ниже.

съ нимъ никакой связи (Зап. 120).*) Къ нарѣчіямъ принадлежатъ и русскія дѣепричастія (ср. Зап. 121).

Къ глаголу относится нарѣчіе постольку, поскольку оно можетъ находиться при его неопредѣленномъ наклоненіи, напр. *мытъ было* (Потебня хочетъ сказать, что когда говорятъ *я мою хорошо*, то *хорошо* относится собственно не ко всему *я мою*, а только къ заключающемуся въ немъ неопредѣленному наклоненію *мытъ*); и такъ какъ неопредѣленное наклоненіе не можетъ быть атрибутомъ, и такъ какъ, согласно вышесказанному, нарѣчіе есть, въ сущности, атрибутъ атрибута, то ясно, что эта форма (т. е. неопредѣленное наклоненіе), не *будучи тѣмъ*, чѣмъ ее требуетъ къ себѣ нарѣчіе, есть *особая* часть рѣчи, по отношенію къ которой нарѣчіе занимаетъ также *особое* положеніе. Вотъ, что мы могли извлечь изъ замѣтокъ Потебни, помѣщенныхъ Зап. 120.

Когда дополнение, имѣющее, въ свою очередь, *тоже* дополнение (это по теоріи Потебни возможно: въ выраженіи *благодѣтельствовалъ друзей отца* слово *друзей* есть дополнение къ слову *благодѣтельствовалъ*, а *отца* — дополнение къ слову *друзей*, причемъ оба дополненія «прямо указаны формальными значеніями дополняемыхъ», такъ что «связь между дополненіями и дополняемыми — болѣе тѣсная»), — когда, повторяю, дополнение, имѣющее *свое* дополнение, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ *нарѣчіе*,**) напр.: *конѣ приложити конецъ поля Половецкаго* (по представленію Потебни слово *конецъ* есть первоначально дополнение къ слову *приложити*, находясь, конечно, «въ менѣе тѣсной связи» съ нимъ), то тѣмъ самымъ оно стано-

*) Heuse (Sprachw. 408—409): Die Bestimmungsbegriffe des Attributs, sowohl des ruhenden (Adjectivum) als des energischen (Verbum), sind... Adverbia. Подъ Bestimmungsbegriffe Heuse разумѣетъ нѣчто совершенно такое же по отношенію къ атрибутамъ, чѣмъ были выше (смотри стр. 49) Bestimmungen по отношенію къ Substantivum, а въ словѣ *Attribut* заключается и *verbum* на основаніи замѣтки, сообщенной намъ на стр. 45).

**) Тутъ Потебня, несомнѣнно, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если «нарѣчія» суть «признаки признаковъ», то они не имѣютъ права передъ «дополненіями», которыя «изображаютъ нѣчто какъ вещь». На это противорѣчіе, очевидно, натолкнуло Потебню ходячее мнѣніе, что «пред-

вится связкою, *соединяющею* лишь свое прежнее дополненіе (въ данномъ примѣрѣ дополненіе *поля*) съ дополняемымъ (въ данномъ примѣрѣ съ дополняемымъ *приложити*). Связка между дополненіемъ и дополняемымъ есть *предлогъ* (ср. Зап. 123).

Рядомъ съ *простыми* сказуемыми, съ *простыми* дополненіями и т. д. могутъ быть въ языкѣ и *составныя*. При этомъ *имя*, напримѣръ, можетъ быть *частью* »составнаго«
сказуемаго, то есть такого, изъ частей котораго ни одна не можетъ быть названа сказуемымъ. Такъ, хотя, въ выраженіи *морозъ показался невеликъ*, въ глаголь и заключенъ признакъ *казаться*, развиваемый »дѣятельностью подлежащаго«
(мы сказали бы «признакъ, *носителемъ* котораго есть подлежащее»), но *смыслъ предложенія* — не въ этомъ признакъ, а въ томъ, что представляется »возникающимъ«
другой признакъ, признакъ *невеликъ* (Зап. 105: »возникающимъ«
онъ представляется, согласно всѣмъ толкованіямъ Потевни, *именно* при посредствѣ глагола «показался»). Въ случаяхъ »составнаго сказуемаго«
самъ личный глаголь является лишь »связкою«, которую *никакъ* нельзя ограничить, какъ другіе дѣлаютъ, однимъ глаголомъ *есть-былъ* (Зап. 110).

»Составные члены«
предложенія и »ихъ замѣна«
вызвали у Потевни вторую и большую по объему часть его »Зап.«
Этой части мы здѣсь излагать *не станемъ*, такъ какъ она, въ ея *общей* задачѣ. — это, надѣмся, *сейчасъ* будетъ доказано, — составляетъ *отрицательную* съ точки зрѣнія нашего интереса сторону труда Потевни. На *изложенной* нами части его труда вполне оправдываются наши

логи«
суть первоначально »нарѣчія«. Heuze (Sprachw. 411) *опредѣляетъ* предлогъ такъ: Die Praepositionen bezeichnen eine formelle Bestimmung des Ortes, der Zeit und der logischen Verhältnisse, indem sie den Zustand oder das Handeln des Subjects in Beziehung zu einem anderen Gegenstand setzen so dass sie also den Bestimmungsbegriff nicht, wie die Adverbia, für sich allein erschöpfend ausdrücken, sondern nur in Verbindung mit einem Gegenstandsworte, welches sie in Beziehung zu dem Thun des Subjects setzen, und mit welchem verbunden sie einen reichhaltigen concreten Adverbialbegriff ausmachen: vergleiche er ist drinnen, in der Stube. Недостатки этого *опредѣленія* предоставляемъ *познати* самому читателю.

слова, съ которыми мы приступали къ ея изложенію: »грамматичность субъектовъ и пр. онъ *разъяснилъ*, равно какъ принялся и за *группировку* частей рѣчи«. Правда, *группировка* частей рѣчи у него очень ужъ не подробная, и »части рѣчи« устанавливаются лишь постольку, поскольку ихъ установленіе находится въ *связи* съ вопросомъ о »грамматичности« субъектовъ и пр. Но тѣмъ не менѣе и относительно »частей рѣчи« получились *новые* результаты, сравнительно съ традиціею; новымъ, по крайней мѣрѣ, является выдѣленіе »неопредѣленнаго наклоненія« и »причастія«, какъ *особыхъ* частей рѣчи.

Что касается »грамматичности« субъектовъ и пр., то нужно сказать, что не столько разъясненіе »грамматическаго мышленія« послужило у Потебни средствомъ для уразумѣнія »грамматичности частей предложенія«, сколько скорѣе, наоборотъ, разъясненіемъ »грамматичности частей предложенія« осмысляется терминъ »грамматическое мышленіе«. Это вполне понятно: о »грамматичности частей предложенія« можно разсуждать на почвѣ фактовъ, а терминъ »грамматическое мышленіе« есть философскій выводъ.

Разъясненіе »грамматичности« частей предложенія сосредоточено у Потебни на положеніи: въ языкѣ нѣтъ ни одной грамматической *формы*, въ смыслѣ грамматической *категоріи*, которая, *безъ измѣненія смысла*, не могла бы перейти въ другую. Такимъ образомъ, »мыслить« мы можемъ *одно*, а »грамматическое мышленіе« при этомъ можетъ идти по *различнымъ* путямъ, и все зависитъ отъ того, съ какой »категоріи« грамматическое мышленіе *начинается*; ибо къ ней уже потомъ *прилаживаются* остальные. *Всякое* слово въ рѣчи (теорію Потебни о *союзахъ* мы отсюда исключаемъ, какъ ее и раньше не излагали) есть или указательное, или — если такъ можно выразиться — »матеріальное« т. е. обозначающее какой нибудь *признакъ*, — признакъ или *возникающій*«, или — скажемъ — признакъ »состоянія«. *Своею* »грамматическою« формою оно не только въ состояніи »передать« *признакъ* то въ видѣ »возникающаго«, то въ видѣ »состоянія«, но и *черезъ* признакъ, а то и черезъ

указаніе, можетъ »изобразить« нѣчто какъ »вещь«, или какъ »признакъ« вещи (которая, въ такомъ случаѣ, должна быть уже обозначена *другимъ* какимъ нибудь словомъ), или, наконецъ, какъ »признакъ признака«. »Вещь«, т. е. *грамматическая* вещь, можетъ быть поставлена въ языкѣ для того, чтобы »о ней можно было говорить«. или можетъ получить значеніе »дополненія«, болѣе »тѣснаго«, или болѣе »отдаленнаго«. Самую »сложною по строенію грамматическою формою« является личный глаголѣ, изображающій »возникновеніе признака *отъ* лица« (жаль, что Потебня не выяснилъ отношенія этого »лица« къ тѣмъ »вещамъ«, которыя въ рѣчи »изображаются« *другими* словами).

Все это прекрасно, и Потебня является во всемъ этомъ ученіи достойнымъ продолжателемъ Гумбольдта и Штейнтала, которыхъ онъ и ставитъ высоко въ своихъ сочиненіяхъ. Но . . . Разъяснимъ это *но*.

1. Намъ представляется страннымъ, что Потебня такъ настаиваетъ на личномъ глаголѣ въ предложеніи, что онъ его считаетъ *minimum*омъ предложенія и что тамъ, гдѣ его нѣтъ, напр. *не велика бѣда* (ср. Зап. 118), онъ его считаетъ опущеннымъ и подразумеваемымъ. Всѣ грамматико-философы, о которыхъ мы здѣсь упоминали и о которыхъ не упоминали, затрогиваютъ вопросъ объ эллипсисахъ и рѣшаютъ его такъ или иначе. Мы понимаемъ, что *слѣдуетъ* »подразумѣвать« слово тамъ, гдѣ оно въ рѣчи разъ уже встрѣчалось и *повторять* его лишній разъ говорящій *не желаетъ* (долго я искалъ это мѣсто въ сочиненіи и, наконецъ, нашелъ; разумѣй *его*, это *мѣсто*). Мы понимаемъ дальше, что говорящій, нарисовавъ слегка какимъ нибудь словомъ или сложнымъ выраженіемъ ту или иную картину, не распространяется *особыми* словами о ея частностяхъ, *сами* ихъ подразумеывая и предполагая, что ихъ и слушатель подразумеваетъ (оставивъ своихъ друзей на палубѣ, *самъ* отправился внизъ; подразумевай *въ каюту*). Мы понимаемъ что говорящій, самъ привыкшій противопоставлять одну мысль другой и предполагая ту же привычку у слушателя часто, на основаніи этой противоположности, заставляетъ

догадываться о чемъ нибудь, *не выражая* этого (это не я сдѣлалъ; подразумѣвай *это сдѣлалъ кто-нибудь другой*). Мы понимаемъ, что говорящій, въ *риторическомъ* настроеніи, желая произвести эффектъ, останавливается иногда, такъ сказать, на *полусловъ* (я жъ его! и т. п.). Но мы не понимаемъ, что можно *опустить* и *подразумѣвать* такое слово какъ *личный глаголъ*, разъ безъ него не можетъ обойтись ни одно предложение. Прекрасно высказывается на счетъ эллипсисовъ Paul: Misst man allemal den knapperen Ausdruck an dem daneben möglichen umständlicheren, so kann man mit der Annahme von Ellipsen fast ins unbegrenzte gehen. Bekannt ist der Missbrauch, der damit im 16. und 17. Jahrhundert getrieben ist. Indessen war dieser Missbrauch doch nur die weiter gehende Durchführung von Anschauungen, die auch jetzt noch in unseren Grammatiken vertreten sind. Es gilt diesen Massstab aufzugeben und jede Ausdrucksform nach ihrer Entstehung ohne Hineintragung von Etwas Fremdem zu begreifen. Man wird dann die Ansetzung von Ellipsen auf ein minimum einschränken. Oder aber man müsste den Begriff der Ellipse in viel ausgedehnterem Masse anwenden, als es jetzt üblich ist: man müsste zugeben, dass es zum Wesen des sprachlichen Ausdrucks gehört elliptisch zu sein, niemals dem vollen Inhalte des Vorgestellten adaequat, so dass also in Bezug auf Ellipse nur ein *Gradunterschied* zwischen den verschiedenen Ausdrucksweisen besteht (Princip. 263.) . . . Im grossen und ganzen geht ein gewisser haushälterischer Zug durch die Sprachthätigkeit. Es müssen sich überall Ausdrucksweisen herausbilden, die nur gerade so viel enthalten, als die Verständlichkeit für den Hörenden erfordert. Das Mass der angewendeten Mittel richtet sich nach der *Situation*, nach der vorausgehenden Unterhaltung, der grösseren oder geringeren Uebereinstimmung in der geistigen Disposition der sich unterhaltenden (Princip. 262).

2. Дошедши до установленія »составнаго сказуемаго«, Потебня вдругъ вводитъ какое то новое начало въ свои сужденія. Если раньше »члены предложения» приводились

въ соотвѣтствіе съ частями рѣчи, то теперь »составное сказуемое« устанавливается по *общему смыслу* предложенія. »Общій смыслъ« — чрезвычайно шаткій принципъ для установленія »членовъ предложенія« (по «общему смыслу» у насъ на стр. 23 выходило подлежащимъ *въ его по-ступкѣ*, а сказуемымъ — *величайшую низость*), не говоря уже о томъ, что онъ у Потебни сталкивается съ *другимъ* принципомъ (я разумѣю принципъ соотвѣтствія »частей предложенія« »частямъ рѣчи«), тогда какъ *всякая* система требуетъ *одной* точки исхода. Что принципъ *общаго* смысла никакъ не мирится съ тою »грамматичностью« какъ частей предложенія, такъ и частей рѣчи, которой такъ долго держался Потебня, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вообще, кажется намъ, слѣдуетъ разсуждать такъ, что, во фразѣ *морозъ показался невеликъ*, выраженіе *показался невеликъ* или *есть* »членъ предложенія«, а тогда »члены предложенія« нужно устанавливать на какойнибудь другой почвѣ, чѣмъ на почвѣ грамматическихъ формъ, или это *не есть* »членъ предложенія«. а тогда рядъ *установленныхъ* »членовъ предложенія« (подлежащее, сказуемое, дополненіе, определеніе и обстоятельство) *не полонъ* и нужно его *увеличить*, такъ чтобы можно было подвести подъ его категоріи *отдѣльно* слово *показался*, и *отдѣльно* слово *невеликъ*, а чѣмъ его увеличить, — сказать даже трудно. Не говорить же, какъ иногда дѣлаютъ, что само *невеликъ* есть сказуемое, и *показался* есть *связка*, и не признавать же »связку« за особый »членъ предложенія«. Ибо тогда окажется связкою, какъ дѣйствительно у Потебни и выходитъ, и слово *конецъ* въ выраженіи *конецъ поля Половецкаго*, и вообще »связокъ« найдется въ языкѣ *много*, притомъ такихъ, что *грамматичность* формъ *исчезнетъ* какъ точка исхода для определенія »частей предложенія«. Не можетъ быть, слово *конецъ* является не »связкою«, а просто *предлогомъ*? Въ такомъ случаѣ не всѣ »части рѣчи« подойдутъ подъ »части предложенія«, и тогда опять исчезнетъ *соотвѣтствіе между* »частями« рѣчи и »частями предложенія«.

3. Мы затрудняемся сказать *по началу* разсуждений Потебни, устанавливаетъ ли онъ »члены предложенія« съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, или, наоборотъ, »части рѣчи« съ точки зрѣнія »частей предложенія«. Если *составные* »члены предложенія« представляютъ собою нѣчто такое, что Потебню застало — да и всякаго застанетъ — въ рас-
 плохъ, то *простые* »члены предложенія«, казалось бы, слѣ-
 дуетъ устанавливать съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, а не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ: потому ли атрибутъ — при-
 лагательное, что онъ — атрибутъ, или, скорѣе, прилагательное есть атрибутъ потому, что оно — прилагательное? Потому ли объектъ, какъ его толкуетъ Потебня (въ выра-
 женіи *домъ отца* слово *отца* есть, по мнѣнію Потебни, *объектъ*), — потому ли объектъ — существительное, что онъ — объектъ, или существительное есть объектъ потому, что оно — существительное? Потому ли обстоятельство — нарѣчіе, что оно — обстоятельство, или, скорѣе, нарѣчіе есть обстоятельство потому, что оно — нарѣчіе? Да и куда дѣнется вся »грамматичность« »членовъ предложенія«, если мы не будемъ исходить отъ того, что въ нихъ только и есть грамматичнаго, т. е. отъ самой *формы* слова, какъ *части рѣчи*. У Потебни, въ *началѣ* его разсужденія, какъ сказано, не знаешь, что онъ беретъ за исходную точку, часть рѣчи, или часть предложенія. Въ концѣ же онъ *явственно* исходитъ отъ *членовъ предложенія* и результатомъ своимъ доказываетъ всю неправильность своего метода. Въ предлогѣ »къ« никто не станетъ искать »нарѣчіе, потерявшее значеніе *объекта*«, и выяснять предлоги съ точки зрѣнія »членовъ предложенія« — стремленіе напрасное, развѣ войдутъ они въ какой нибудь »составной членъ предложенія«, а о неметодичности »составныхъ членовъ предложенія« мы высказались выше.

4. Объектъ (дополненіе то — жь) Потебня, въ концѣ кон-
 цовъ, опредѣляетъ какъ болѣе или менѣе (»болѣе тѣсная и болѣе отдаленная связь«) вызываемое »формальнымъ *значеніемъ*« дополняемаго (люблю отца.) Не является ли такимъ же »дополненіемъ« и самъ *субъектъ*, и — возьмемъ напр.

фразу *сынъ любитъ отца* — какая, въ сущности, разница между словомъ *сынъ* и между словомъ *отца*, если послѣднее оказывается объектомъ лишь въ томъ смыслѣ, что оно вызвано »формальнымъ значеніемъ« т. е. значеніемъ *формы* слова *любитъ*? Не вызвано ли въ нашей фразѣ и слово *сынъ* формальнымъ значеніемъ слова *любитъ*? Не являются ли, наконецъ, въ *этомъ* же смыслѣ, если не »дополненіями«, то, во всякомъ случаѣ, »дополняемыми« и »прилагательное-аттрибутъ«, и »нарѣчіе-обстоятельство«, когда *первое* своимъ »формальнымъ значеніемъ указываетъ на »признакъ субстанции, выраженной въ *другомъ* словѣ«, а *второе* своимъ *формальнымъ значеніемъ* указываетъ на »аттрибутъ« атрибута, выраженного *другимъ* словомъ? Не есть ли и слово »кз« въ выраженіи *кз отцу* не »ослабленное и перешедшее въ нарѣчіе *дополненіе*« (объектъ), а »дополняемое«, *вызывающее* къ себѣ »своимъ формальнымъ значеніемъ« слово *отцу*? Не есть ли и слово *отца* въ выраженіи *домъ отца* не »дополненіе«, какъ толкуетъ Потебня, прибѣгая къ *натяжкѣ* въ различеніи выражений »*домъ отца*« и »*отцовскій домъ*«, а скорѣе дополняемое, *вызывающее* къ себѣ »своимъ формальнымъ значеніемъ« слово *домъ*? Не состоитъ ли въ *этомъ* же смыслѣ изъ »дополняемаго« и »дополненія« выраженіе *оказался невеликъ*? Не слѣдуетъ ли толкованіе о »болѣе тѣсной и болѣе отдаленной связи дополненій« (объектовъ) замѣнить толкованіемъ, что »болѣе отдаленное *дополненіе*« есть не »дополненіе«, а »дополняемое«, *вызывающее* »своимъ формальнымъ значеніемъ« *дополненіе* (въ выраженіи *добродѣтель воина* слово *воина* есть »дополняемое«), а »болѣе тѣсное дополненіе« есть *дѣйствительное* »дополненіе«, *вызванное* формальнымъ значеніемъ »дополняемаго«? А если такъ, и если Потебня правъ въ томъ (онъ не правъ, какъ видно будетъ изъ нашего изслѣдованія), — если онъ правъ въ томъ, что предположеніе не можетъ обойтись безъ личнаго глагола, и что личный глаголъ есть *минимумъ* всякаго предположенія, то не слѣдовало ли бы опредѣлить »предположеніе« *просто* какъ личный глаголъ съ его »дополненіями« и »дополняемыми«?

Изъ всего нашего разсужденія явствуетъ, что синтаксисту нужно прежде всего разобраться хорошо въ симасіологіи (т. е. понять *значеніе* и »дополняемость», *вызванную* значеніемъ) *частей рѣчи* и ихъ *формъ*, а потомъ только видно будетъ, насколько умѣстны и какими окажутся, если они умѣстны, »члены предложенія«. Какъ *затруднено* въ настоящее время у *всѣхъ* нашихъ грамматиковъ опредѣленіе *значенія* частей рѣчи и ихъ *формъ*, этихъ по истинѣ *»грамматическихъ»* категорій, на которыхъ *дѣйствительно* можно узнать *»внутреннюю форму языка»* Гумбольдта, *»грамматическое мышленіе»* Штейнталя и *»Denkform»* Heuse (Heuse употребляетъ именно *этотъ* терминъ; ср. Sprachw. 391 и др.), — какъ, повторяю, *затруднено* опредѣленіе *значенія* частей рѣчи *именно тѣмъ*, что наши грамматикѣ въ частяхъ рѣчи все сбиваются на *»члены предложенія»*, можно судить по самому Потебнѣ, который, напр., значеніе *одной* изъ ихъ грамматическихъ формъ, именно *творительнаго* падежа, опредѣляетъ слѣдующими терминами;

1. творительный соціативный;
2. » мѣста;
3. » времени;
4. » орудія;
5. » условленный страдательнымъ сказуемымъ;
6. » условленный именемъ и нарѣчіемъ, и творительный отношенія;
7. » причины;
8. » образа дѣйствія;
9. » аппозитивный (appositio estъ особый видъ атрибута);
10. » предикативный;
11. » на мѣстѣ »предикативнаго имени существительнаго» при глаголахъ болѣе энергичности;
12. именительный и творительный предикативныхъ прилагательныхъ.

Гдѣ тутъ можно толковать о какомъ нибудь *началь* для определеіія значенія творительнаго падежа?

Отъ аппріористическаго внесенія въ синтаксисъ «членовъ предложенія» не освободился до сихъ поръ никто. Последній, Delbrück (Grundr. III., конецъ введенія), хотя и провозглашаетъ Satztheil и Redetheil за одно (Grundr. III. 75), однакожь навязываетъ себѣ слѣдующія «категоріи» словъ:

1. Слова, служащія субстратомъ предиката (подъ субстратомъ слѣдуетъ разумѣть, по Дельбрюку, субъектъ, объектъ и, вообще, всѣ «отношенія», выражаемыя *падежами*). Это — substantiva. Такъ какъ substantivum есть не этимологическая, а синтаксическая категорія (называя ее синтаксической, т. е. такую, которая *συντάσσεται*, Дельбрюкъ имѣетъ въ виду именно ея «дополняемость», связанную съ ея «формальнымъ» значеніемъ), то понятно, что въ качествѣ substantiv'овъ могутъ быть употребляемы многіе «разряды» словъ (Wortarten): nomina, pronomina, numeralia и «субстантивированныя» слова.

2. Предикативныя слова: собственное предикативное слово — verbum; но и nomina могутъ функционировать въ роли предикатовъ, напр. οὗκ ἄρα θὸν πολυχοῦρανίη.

3. Атрибутивныя слова. Атрибутивное слово можетъ появляться не только при субстратѣ предиката, т. е. при substantiv'ѣ, но и при предикативномъ словѣ. Собственный атрибутъ substantiv'a есть adjectivum, выступающее и въ nomin'ахъ, и въ pronomin'ахъ (напр. ἐμός), и въ numerali'ахъ. Но атрибутами substantiv'овъ могутъ быть и сами substantiv'a; такъ бываетъ въ приложеніяхъ, а также въ genitiv'ахъ substantiv'овъ (или въ dativ'ахъ). Атрибутами при предикативахъ—глаголахъ являются praepositiones (точнѣе praeverbia, сравни ἐρχάλεω) и adverbia. Наконецъ, атрибутъ можетъ появляться и при *другомъ* атрибутѣ; такъ, adverbium появляется при adjectivum.

4. Связки. Сюда относятся: copula, praepositiones, посредничающія между verbum и падежемъ, и нѣкоторыя частицы. Изъ частицъ принадлежатъ сюда тѣ, которыя имѣютъ значеніе *соединяющихъ* словъ; но къ нимъ можно при-

общить и *исключаютія* частицы, т. е. какое-нибудь *aut*, *ŋ* и т. п.

5. Усилительныя слова (*hervorhebende Wörter*). Сюда относится цѣлый рядъ частицъ.

Что Дельбрюкъ, наконецъ, провозглашаетъ отождествленіе *Satztheil'a* съ *Redetheil'омъ*, это *громадный* шагъ впередъ, который, насколько намъ извѣстно, впервые сдѣланъ только имъ. Но, какъ видно, это отождествленіе получило у него лишь тотъ смыслъ, что «*составныхъ*» частей предложенія нѣтъ, и что какъ члены предложенія, такъ и части рѣчи являются только «*словами*», а затѣмъ «*члены предложенія*» и «*части рѣчи*» остаются *отличными* другъ отъ друга понятіями т. е. отличными другъ отъ друга *началами* дѣленія словъ на разряды, и такъ какъ за *исходную* точку для дѣленія словъ на разряды приняты «*члены предложенія*», то *части рѣчи* при этомъ дѣленіи перекрещиваются. Очень жаль, что ни *infinitivus*, ни *participium* не выступаютъ *самостоятельными* частями рѣчи. Не обращено также никакого вниманія на «*предлоги*», посредничающіе между падежемъ и тѣми частями рѣчи, которыя *не суть* *verbum*, напр. *πέντε ἐπί δέξα, ἀδίκη πρὸς τινα* и т. п. Впрочемъ, о синтаксисѣ этого великаго знатока языковъ трудно себѣ составить надлежащее представленіе, такъ какъ онъ еще не оконченъ.

Недавно появилась книжка *Ries'a*, въ которой авторъ рѣшаетъ вопросъ, что такое синтаксисъ. Указывая на всю ту *безсистемность* (*Systemlosigkeit*), которая держится въ нашихъ синтаксическихъ теоріяхъ благодаря тому, что не выяснена до сихъ поръ достаточно ни задача синтаксиса, ни отношеніе его къ другимъ отдѣламъ грамматики, авторъ распознаетъ въ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ *два* главныхъ направленія. Представителемъ одного остается все тотъ же Беккеръ, а представителемъ другого является *Miklosich*. Ученые перваго направленія — такъ толкуетъ *Riesъ* — исходятъ отъ *значенія*, приписывая ему *грамматическія* формы, а ученые втораго — отъ *грамматическихъ формъ*, приписывая имъ значеніе (*WiS. 9: zunächst ist es der bekannte Widerstreit zweier entgegengesetzter*

Methoden der Forschung, der in Augen springt: das Ausgehen von der Bedeutung, nach deren Ausdrucksform gefragt wird, und umgekehrt das Ausgehen von den vorhandenen Formen, nach deren Bedeutung gefragt wird).

Miklosich (Vergl. Gr. IV. 1) опредѣляетъ синтаксисъ, какъ симасіологію разрядовъ словъ (подъ разрядами словъ онъ понимаетъ *исключительно* части рѣчи) и ихъ формъ (т. е. падежей, наклоненій и т. п.): jener Theil der Grammatik, welcher die Bedeutung der Wortclassen und der Wortformen darzulegen hat, heisst Syntax.

О такой задачь, какую себѣ опредѣлилъ Миклошичь въ своемъ синтаксисѣ, мечтаемъ и мы, сводя всѣ наши разсужденія къ необходимости разъяснить *симасіологію частей рѣчи* т. е. *разбить на разряды* появляющіяся въ рѣчи слова по ихъ значенію, по ихъ *приспособленности* войти «частями» въ осмысленную рѣчь, приче́мъ эта «приспособленность» опредѣлялась бы прежде всего всѣми *этимологическими* измѣненіями (падежами, наклоненіями и т. п.) каждою изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ *измѣненія* эти только и находятъ себѣ оправданіе въ томъ, что каждое изъ нихъ вноситъ *особый* оттънокъ въ мысль. Однакожь опять и опять съ сожалѣніемъ приходится замѣчать, что и Миклошичь, исполняя свою задачу, постоянно находится подъ давленіемъ «членовъ предложенія», которые въ сущности остаются *вездѣ* — мы это видѣли — *Беккеровскими*, какъ бы ихъ ни переворачивали наши грамматикѣ-философы, и уже это *одно* обстоятельство мѣшаетъ Миклошичу *надлежащимъ* образомъ опредѣлить значеніе той или другой Wortclassе, той или другой Wortform. *Надлежащее* опредѣленіе значенія «разрядовъ словъ» и ихъ формъ, повидимому, заключается въ такомъ освѣщеніи дѣла, которое въ каждомъ «разрядѣ словъ» и въ каждой формѣ указывало бы или *однимъ* симасіологическій *центръ*, откуда бы всѣ оттънки исходили какъ радіусы, или, если такого *одного* центра нѣтъ, — историческое *передвиженіе* значенія отъ одного симасіологическаго центра къ другому. Миклошичь, помимо того, что ему мѣшали «члены предложенія, вообще не обнару-

живааетъ особеннаго стремленія къ отысканію *такого* или *такихъ* исторически связанныхъ центровъ. Его синтаксисъ представляетъ собою въ этомъ отношеніи скорѣе магазинъ примѣровъ, сгруппированныхъ подъ цѣлымъ рядомъ ярлыковъ, кое-какъ между собою связанныхъ, а то и вовсе несвязанныхъ. Примѣромъ такого веденія дѣла пусть послужитъ тотъ же творительный падежъ. Миклошичъ его опредѣляетъ такъ (Vergl. Gr. IV. 683): *Wie bei den übrigen Casus, so gehe ich auch bei dem Instrumental von dessen räumlichen Function aus, diese allen übrigen zu Grunde legend (почему?). An die Vorstellung des Raumes, über den sich eine Handlung ununterbrochen erstreckt, schliesst sich die Vorstellung des Werkzeuges und des Mittels an. die dem Casus den Namen Instrumental gab. Diese Vorstellungen erweitern sich zu der des Beisammenseins, auf der ein anderer Name des Casus, Social, beruht. Am weitesten entfernt sich von der ursprünglichen Bestimmung des Instrumental dessen prädicative Anwendung, wo der Instrumental dasjenige bezeichnet, in das ein anderes verwandelt wird oder übergeht, der demnach »local« (значитъ, опять räumlich? — почему онъ въ такомъ случаѣ такъ удаленъ отъ »первоначальнаго значенія?«) aufzufassen ist.*

Послѣ этого »опредѣленія значенія« идутъ слѣдующіе ярлычки, всегда съ массою примѣровъ: Instrumental des Raumes; Instrumental der Zeit; Instrumental des Werkzeuges; Instrumental des Masses; Instrumental bei verba passiva; Instrumental der Art und Weise; Instrumental der Angemessenheit; Instrumental der Verstärkung; Instrumental des Grundes; Instrumental der *Sorge* (!) u s. w.; Instrumental der Beziehung: Instrumental der Absicht; Instrumental der Verbindung; Instrumental des Umstandes; Instrumental der Eigenschaft; Instrumental des Praedicats, indem er bezeichnet: 1. dasjenige, wozu *ich* etwas mache, *worein ich* es verwandle, womit *ich* es benenne; 2. dasjenige, wozu *etwas* gemacht, ernannt, *worein es* verwandelt, wie *es* benannt, wofür *es* gehalten wird u s. w.; 3. die praedicative

Apposition des Subjects oder des Dativ in der Construction des Infinitivus cum Dativo.

Далѣ слѣдуетъ соединеніе творительнаго падежа съ предлогами, причеиъ, напр., объясненіе конструкціи предлога *za* съ творительнымъ падежемъ получаетъ слѣдующій видъ:

Der Instrumental mit der Praeposition *za* bezeichnet:

1. dasjenige, hinter dem etwas ruht (что же тутъ выходитъ на долю самого *za*, и что на долю instrumental'a какъ *падежа* ?); 2. die Zeit, nach der eine Handlung vor sich geht; 3. dasjenige, weswegen etwas geschieht oder nicht geschieht; 4. bei Personen das Beisammensein im Allgemeinen.

Каково бы ни было *исполненіе* задачи у Миклошича, *сама* она поставлена имъ ясно: онъ желаетъ симасіологією »разрядовъ словъ и ихъ формъ« исчерпать *весь синтаксисъ* языка и стоитъ въ этомъ отношеніи на принципѣ, дѣйстви-тельно, вопліи противоположномъ точкѣ зрѣнія Беккера, желавшаго исчерпать синтаксисъ языка истолкованіемъ »сочлененій предложенія«. Съ обѣими точками зрѣнія сжились наши синтаксисты — одинаково философы, какъ и техники — до того, что одни хотѣли бы ихъ примирить, а другіе восклицаютъ: или Беккеръ, или Миклошичъ! (Scherer Kl. Schr. 370).

Ни тотъ, ни другой — отвѣчаемъ мы. Впервыхъ, мы думаемъ, что симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ« выиграетъ, если ее поставитъ совершенно независимо отъ »членовъ предложенія«. Мы думаемъ, — чтобы высказаться прямо, — что если отъ »членовъ предложенія« *совсѣмъ* отказаться, то уясненіе языка отъ этого вовсе не пострадаетъ. Но мы думаемъ также, что симасіологією »разрядовъ словъ и ихъ формъ« *не исчерпывается* весь синтаксисъ. За симасіологією »разрядовъ словъ и ихъ формъ«, какъ совершенно правильно разсуждаетъ Ризъ (WiS 32), слѣдуетъ еще вся музыкальная сторона языка: темпъ, паузы, удареніе, ритмъ, мелодія, *) и хотя намъ, быть можетъ, скажутъ, что нѣко-

*) Немного опредѣленнѣе говорить объ этомъ предметѣ Paul (Princip. 99): Zum sprachlichen Ausdruck von Vorstellungen gibt es folgende Mittel:

торыя изъ этихъ сторонъ или, точнѣе, многое въ нихъ — относится къ *стилистикѣ*, но сама *область* стилистики достаточно ли у насъ раскрыта? Не выяснится ли она лучше, когда не только синтаксисъ тверже будетъ стоять на своей почвѣ, но и другія грамматическія дисциплины будутъ больше упрочены какъ *сами въ себя*, въ своихъ *собственныхъ* задачахъ, такъ и по отношенію другъ къ другу.

Объ этомъ то взаимномъ отношеніи грамматическихъ дисциплинъ много толкуетъ Ризъ въ своемъ сочиненіи, и — надобно ему отдать справедливость — онъ много выяснилъ въ этомъ дѣлѣ черезъ введеніе въ свое толкованіе слова *Bedeutungslehre*, что мы переводимъ словомъ *симасіологія* (да и Ризъ употребляетъ иногда слово *Semasiologie*).

»Симасіологію« ввелъ въ грамматику еще Reisig, поставивъ ее посрединѣ между »этимологіею« и »синтаксисомъ«. Но его »*Semasiologie oder Bedeutungslehre*« имѣетъ чисто *лексикальный* характеръ съ примѣсью, если угодно, стилистическаго элемента. Онъ въ ней толкуетъ о синекдохѣ, о метафорѣ, о метониміи, о чередованіи *transitivности* и *intransitivности* въ значеніи глаголовъ, о важной роли для значенія глаголовъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются, объ основаніяхъ правильнаго выбора словъ по ихъ значенію (*Grundsätze über die Wahl der Wörter nach ihrer Bedeutung*), о »синонимологіи«, о повтореніи въ рѣчи (*Fülle der Rede*) т. е. о *соединеніи* въ рѣчи синонимическихъ словъ Устанавливая такую »симасіологію« какъ *часть* грамматики, Рейзигъ думалъ пополнить пробѣлъ лексикографовъ

---

1. die Nebeneinanderstellung der den *Vorstellungen* entsprechenden Wörter an sich; 2. die *Reihenfolge* dieser Wörter; 3. die Abstufung zwischen denselben in Bezug auf die *Energie der Hervorbringung*, die *stärkere* oder *schwächere Betonung*; 4. die *Modulation der Tonhöhe*; 5. das *Tempo*, welches mit der *Energie* und der *Tonhöhe* im engen Zusammenhange zu stehen pflegt; 6. *Verbindungsörter*, wie Praepositionen, Conjunctionen, Hilfszeitwörter; 7. die *flexivische Abwandlung* der Wörter. *Первый* пунктъ по этому распредѣленію какъ сейчасъ будетъ выяснено, относится къ »симасіологіи этимологическихъ основъ ия темъ«, пункты 6 и 7 — къ симасіологіи »разрядовъ словъ и ихъ формъ«, а пункты 2—5 — къ тому, что въ синтаксисѣ должно *слѣдовать* за этою симасіологіею.

(die Lexica sind hierin sehr mangelhaft und unvollkommen; Vorles. 286) и вообще *выяснить* нѣчто, для чего онъ не находилъ мѣста ни въ этимологіи, ни въ синтаксисѣ, а именно: »развитіе *идей* въ словахъ на почвѣ ассоціаціи въ представленіи (die Grundlage der Ideenentwicklung in den Wörtern ist die Gedankenassociation in der Gemeinschaft der Vorstellungen; Vorles. 286).

Надлежащее выясненіе умѣстности симасіологіи въ грамматикѣ встрѣчаемъ у Schleicher'a. У него симасіологія получаетъ *очень широкій* смыслъ, хотя названа она у него не *Semasiologie*, а *Functionslehre*. Онъ раздѣляетъ всю грамматику (см. Deutsche Spr. 126—127) на Lautlehre, Morphologie, Functionslehre и Syntax. Подъ »Syntax« онъ разумѣетъ »Lehre vom Satzbau«. Что же касается Functionslehre, то она, проникая глубже всего во внутреннюю суть языка (dieser Abschnitt der Grammatik greift am tiefsten ins innere Wesen der Sprache ein), должна, по плану Шлейхера, *выяснить* (выясненіе это можетъ относиться или къ *отдѣльнымъ* языкамъ, а то и къ *языку вообще*), какими функциями или значеніями располагаетъ языкъ въ своихъ »этимологическихъ корняхъ«, и какія *грамматическія* функціи у него имѣются въ распоряженіи, т. е. какія »отношенія« онъ способенъ выразить и *выражаетъ*, образуя изъ этимологическихъ корней этимологическія темы или основы, а изъ этимологическихъ основъ — полныя слова въ ихъ спряженіяхъ и склоненіяхъ (die Functionslehre hat aufzustellen, welche Wurzelfunctionen oder Bedeutungen, und welche Beziehungsfunctioren oder grammatische Functionen in Stammbildung, Declination und Conjugation *die* Sprache, oder eine *gegebene* Sprache besitzt; Deutsche Spr. 126). Если — говоритъ Шлейхеръ, (Deutsche Spr. 127) — этимологическіе корни *div*, *ruk*, *svar*, *bhrag* обозначаютъ *свѣтитъ*, то нужно предположить, что *первоначальная* функція каждаго изъ этихъ корней была *особая*, что каждый изъ этихъ корней имѣлъ какое нибудь *частное* значеніе, и отыскать это *частное* значеніе должна постараться Functionslehre. То же самое нужно сказать и о функцияхъ »отношеній«: если,

напр., въ настоящее время за цѣлою группою различныхъ суффиксовъ утвердилась одна и та же роль обозначенія *дѣятеля* (die handelnde Person, der Thäter), то первоначально каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свою *особую*, только *ему* принадлежащую функцію (на declinati'онныя и conjugati'онныя окончанія Шлейхеръ этой мысли не распространяетъ, да и распространять — казалось бы на первый взглядъ — не приходится, такъ какъ трудно найти въ развитомъ языкѣ такіе случаи, чтобы нѣсколько «окончаній» имѣло одно значеніе; скорѣе *наоборотъ*: чувствуется, что одно «окончаніе» имѣетъ нѣсколько значеній).

Хотя Шлейхеръ въ своей *собственной* Deutsche Spr. не проводитъ Functionslehre во всей ея широтѣ и отдѣляется какъ отъ морфологіи, такъ и отъ Functionslehre нѣсколькими лишь замѣтками (einige Notizen), соединяя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ морфологическимъ указаніемъ и указаніе значенія, но что такое его Functionslehre, — это для насъ вполне ясно по тому *опредѣленію* и *объясненію*, которое онъ даетъ о ней: онъ хотѣлъ въ ней соединить лексикографическую часть (значеніе «корней» и «основъ») съ тою частью, которую мы признаемъ — это вытекаетъ изъ всего нашего разсужденія — за *чисто синтаксическую*. Шлейхеръ, какъ сказано выше, подъ синтаксисомъ разумѣетъ *только* die Lehre vom Satzbau, мы же — повторяемъ — не смотримъ на нашу симасіологію «рядовъ словъ и ихъ формъ» какъ на исчерпывающую *весь* синтаксисъ.

Въ настоящее время подъ «симасіологіею» разумѣютъ обыкновенно Шлейхеровскую Functionslehre «этимологическихъ корней и основъ». У Heerdegen'a — можно сказать, *перваго* изъ ученыхъ, обосновавшаго эту «симасіологію» какъ науку — отразилось это обоснованіе видоизмѣненіемъ Шлейхеровскаго дѣленія грамматики. Онъ дѣлитъ грамматику на слѣдующія части (Untersuch. I. 47):

I. Lehre vom Wort für sich oder Wortlehre.

1. Formenlehre des Wortes für sich, d. i. *Etymologie*.
2. Functionslehre des Wortes für sich — *Semasologie*.

II. Lehre vom Wort als Glied des Satzes oder kurzweg Satzlehre.

1. Formenlehre des Wortes im Satze — *Flexionslehre*.

2. Functionslehre des Wortes im Satze — *Syntax*.

Такимъ образомъ, »симасіологія« есть уясненіе *перемѣнъ* въ значеніи »этимологическихъ корней и основъ«, какъ онѣ даны *исторически* въ томъ или иномъ языкѣ, — уясненіе, сводящееся, по толкованію Heerdegen'a, къ уясненію *общихъ началъ* (allgemeine Principien), на которыхъ зиждутся эти перемѣны, въ родѣ Bedeutungsverengung и Bedeutungsübertragung (Grundz. 65) и другихъ, а по толкованію Hey'a, развивающаго *дальше* научность »симасіологіи«, — къ уясненію историческихъ и психологическихъ *причинъ* »перемѣнъ« (Sem. Stud. 103). Эта »симасіологія« имѣетъ несомнѣнно громадное будущее, несмотря на то, что въ настоящее время разные симасіологическіе опыты »den Zweifel an der Möglichkeit der Semasiologie als eigener wissenschaftlichen Disciplin noch nicht ganz haben zum Schweigen bringen können (Hey Sem. Stud. 83). До какихъ результатовъ можно дойти въ такихъ опытахъ, доказалъ Brugmann въ своихъ »Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen, Leipzig 1894. Надобно только расширить программу этой »симасіологіи« въ самомъ *опредѣленіи* ея такъ, какъ ее расширяютъ и на *практикѣ*, т. е. надобно въ самомъ *опредѣленіи* обозначить, что эта симасіологія разясняетъ не только значеніе »этимологическихъ корней и основъ« въ словахъ *δοξα, ἐπιστήμη* и под., но и значеніе какого-нибудь *μωυ* въ словѣ *ἐπιστήμωυ*, стало быть, вообще симасіологическихъ (т. е. опредѣляющихъ собою значеніе слова) *элементовъ* всякой »этимологической основы.«

Ризъ, не особенно интересующійся *подробною* провѣркою Шлейхеровскаго дѣленія грамматики на четыре части, называетъ его *ошибочнымъ* (Schleichers fehlerhafte Vierteilung der Grammatik, WiS. 80), а самъ дѣлитъ грамматику слѣдующимъ образомъ:

I. ученіе о звукѣ (Lautlehre);

II. ученіе о словѣ (Wortlehre);

III. ученіе о сочетаніи словъ (Lehre vom Wortgefüge).

При этомъ онъ подѣ «сочетаніемъ словъ» разумѣть не только «предложеніе» и «сочетаніе предложеній», но вообще *φράσις* въ древнемъ смыслѣ этого слова (*alle Wortgefüge und nicht nur die Sätze: WiS. 143*) т. е. все, послѣ чего въ рѣчи слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такъ, выраженіе *въ мысли этого человѣка всякій долженъ находить большую правильность* можно, пожалуй, разбить на три *φράσεις*, а именно: 1) въ мысли этого человѣка; 2) всякій долженъ находить; 3) большую правильность (*φράσεις*, впрочемъ, могутъ и *перекрещиваться* другъ съ другомъ: всякій долженъ находить; находить большую правильность, въ мысли долженъ находить и т. д.)

Нѣтъ сомнѣнія, что у Риза *начало* или *основа* дѣленія въ самомъ дѣленіи больше выдержаны, чѣмъ у Шлейхера, и Ризъ дѣйствительно въ правѣ сказать, что *его* части грамматки имѣютъ каждая *своего* героя (*jeder der drei Haupttheile hat seinen eigenen Helden; WiS. 95*), тогда какъ у Шлейхера «герой-слово» (Wort) сейчасъ же въ *первомъ* дѣленіи, т. е. въ дѣленіи на общія *четыре* части, *разрванъ* на двѣ половины.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о *первой* части грамматической системы Риза т. е. объ *ученіи о звукѣ*, считая достаточнымъ то, что сообщено нами на стр. 38; ибо сколько недоумѣній ни вызывало бы опредѣленіе ученія о звукѣ какъ *Lautphysiologie**), *насъ* ученіе о звукѣ непосредственно не касается. Что же касается *второй* части его системы, *ученія о словѣ*, то самъ Ризъ дѣлитъ ее на 1) ученіе о *формѣ* слова (*Lehre von den Formen der Worte*) и 2) ученіе о *значеніи* слова (*Lehre von der Bedeutung der Worte*)**)

Въ ученіе о *формѣ* слова Ризъ вноситъ: а) словообразованіе въ томъ смыслѣ, какъ мы его растолковали на

*) Весьма поучительна въ этомъ отношеніи статья Делбрюка, озаглавленная «Lautgesetze» и помѣщенная имъ въ Sprachst. стр. 101 — 128, — поучительна въ томъ смыслѣ, что *ослабляетъ* всѣ тѣ недоумѣнія, которыя *могутъ* возникнуть при опредѣленіи фонетики, какъ «физиологій звуковъ».

***) См. Ries WiS. 79.

стр. 38 (Wortbildungslehre) и б) флексии (склоненія и спряженія). Хотя въ самой *схемѣ*, помѣщенной у Риза WiS. 83, говорится не о словообразованіи, а о »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten«, но что въ его »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten« нужно усматривать именно наше »словообразование«, видно изъ мѣста WiS. 90, гдѣ онъ толкуетъ, что *собственно* строгаго различія между »словообразованіемъ« и флективными измѣненіями слова провести нельзя (ein durchgreifender Unterschied zwischen den sogenannten flexivischen Wortveränderungen, und den übrigen, die gewöhnlich in die Wortbildungslehre, damit also in die Wortlehre, einbezogen werden, laesst sich nicht aufstellen noch durchführen: dieselben Vorgänge, die der Bildung von Flexionsformen zu Grunde liegen, finden sich auch in den übrigen Wortbildungen wirksam. Aenderungen der Stammvocale, Nasalisierung, Reduplication, Vor- und Nachsyblen u. s. w., sie dienen alle ebenso der Wortbildung wie der Flexion). Да не подумаетъ читатель, что Ризъ, толкуя объ отсутствіи строгаго различія между »словообразованіемъ« и »флективными измѣненіями слова«, противорѣчитъ себѣ и самъ уничтожаетъ то, что создалъ, т. е. подраздѣленіе ученія о *формѣ* слова на двѣ части именно по приведеннымъ двумъ заглавіямъ. Его толкованіе объ »отсутствіи строгаго различія« имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что »словообразованіе« и флективныя измѣненія словъ съ одной стороны не должны быть отдѣляемы другъ отъ друга вставкою какого-нибудь *третьяго* отдѣла грамматики, а съ другой — должны фигурировать въ системѣ грамматики не какъ *два главные*, а только какъ *подраздѣленія одного* главнаго отдѣла; ибо *истолковывать* все разнообразіе, которое въ нихъ *обоихъ* замѣчается, можно только по *одному* началу, именно такъ называемому »этимологическому.«

Согласно дѣленію ученія о *формѣ* слова дѣлится и ученіе о *значеніи* слова на 1. ученіе о значеніи слова по *элементамъ* его образованія и 2. ученіе о значеніи *рядовъ* словъ и ихъ *формъ*. Это, а не другое что *нужно* искать въ *схемѣ* Риза на стр. 79, гдѣ говорится о »Lehr

von der Bedeutung der *Worte*, ihrer *Arten* und *Formen*. На стр. 84 сажъ Ризъ дѣлитъ ученіе о *значеніи* слова на *три* подразряда, а именно: 1. *Lehre von der Bedeutung der Worte*; 2. *Lehre von der Bedeutung der Wortarten*; 3. *Lehre von der Bedeutung der Flexionsformen*. По поводу *перваго* своего подразряда говоритъ Ризъ на той же стр. 84: Hier findet im System der vollständigen Grammatik die Synonymik, die Lehre vom Bedeutungswandel und was sich sonst auf dem Gebiete der Wortbedeutung der bloss *lexikalischen* Darstellung abgewinnen und einer systematischen Bearbeitung unterwerfen lässt, den angemessenen Platz. Такимъ образомъ, подъ *первымъ* своимъ подразрядомъ Ризъ разумѣетъ то, что мы выше назвали »уясненіемъ перешнѣ въ значеніи этимологическихъ корней и основъ«, и что *вообще* теперь разумѣютъ подъ »симасіологіею«. Второй и третій подразряды Риза мы, какъ видитъ читатель, соединили въ *однѣ*, назвавъ его ученіемъ о значеніи *разрядовъ* словъ и ихъ *формъ*. *Первый* подразряд можно бы точнѣе называть, согласно нашему замѣчанію на стр. 68 о задачѣ те-перешней симасіологіи, ученіемъ о »значеніи этимологическихъ корней и *симасіологическихъ* элементовъ »этимологическихъ основъ«.

Третью главную часть, ученіе о *сочетаніи* словъ, Ризъ также дѣлитъ на ученіе о *формъ* этихъ сочетаній и о значеніи ихъ. Эту то третью часть онъ называетъ »син-таксисомъ« (WiS. 142). Стилистику онъ *выдѣляетъ* изъ грамматики, противопоставляя ее не »*синтаксису*« и не ученію о *словъ*, а всей *вообще* грамматикѣ, и усматривая въ ней нѣчто, близкое риторикѣ, метрикѣ, пійтикѣ, вмѣстѣ съ которыми она составляетъ ученіе объ *искусствѣ* въ языкѣ; die objective Stilistik (Ризъ ее отличаетъ отъ субъективной т. е. отъ *стиля писателя, эпохи*) verlässt das rein grammatische Gebiet und tritt zusammen mit Rhetorik, Metrik, Poetik der Grammatik zur Seite und bildet mit diesen einen Theil der allgemeinen Kunstlehre, ist ein Theil der Lehre von den Künsten, deren Ausdrucksmittel die menschliche Rede ist (WiS. 127).

Итакъ, — вотъ что представляетъ собою синтаксисъ по пониманію Риза, постаравшагося раздѣлить всю грамматику такъ, чтобы каждая изъ частей имѣла своего »героя«: синтаксисъ есть наука о *формахъ* и о *значеніи* »сочетаній словъ«. Подробнаго плана такого синтаксиса Ризъ дать не можетъ, хотя и посвящаетъ ему стр. 136—145; онъ только и можетъ говорить о томъ темпѣ и о тѣхъ паузахъ, о которыхъ упоминалъ сначала. Да и трудно проникнуть въ этотъ планъ *) (общая идея, впрочемъ, ясна), пока не раскроется, что можетъ дать симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ«. Хотя въ этой симасіологіи, наравнѣ съ симасіологіею »слова по элементамъ его образованія«, Ризъ считаетъ многое »реальнымъ, матеріальнымъ, лексическимъ (reell, materiell, lexikalisch; WiS. 96), а не чисто »синтаксическимъ« т. е. не *прямо* объясняющимъ приспособленность слова привлекать къ себѣ *другое* слово для сліянія съ нимъ въ одинъ общій смыслъ, однакожъ это можетъ раскрыться яснѣе только тогда, когда сама симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ« будетъ *вполнѣ разработана*.

Предлагая опытъ такой симасіологіи, я не считаю себя приготовленнымъ распространять его на нѣсколько языковъ сразу. Симасіологія не есть этимологія. Если этимологу можно черпать свой матеріалъ изъ *грамматикъ* разныхъ языковъ, то симасіологъ — синтаксисъ долженъ опираться даже въ *подборъ матеріала* на собственное *чутье* языка, а *чутьемъ* въ много языковъ не проникнешь. Я наиѣренъ изслѣдовать симасіологію разрядовъ словъ и ихъ формъ на почвѣ одного *греческаго* языка и думаю, что это не будетъ во вредъ самому дѣлу. Напротивъ, на успѣхъ можно тутъ рассчитывать *именно* на почвѣ *одного* языка; ибо какъ изъ

---

*) Кое что сдѣлано въ *этомъ* »синтаксисѣ« Wegener'омъ въ его *Untersuch.* Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто съ достаточною ясностью — краткими замѣтками ничего не выяснишь — разсуждать о правильности его взгляда на вопросы, возникающіе въ *этомъ* »синтаксисѣ«, и на услуги, которыя ему оказалъ, уже самою правильностью *взгляда* на дѣло, Wegener, не выдѣляя, впрочемъ, этихъ вопросовъ во *вторую*, такъ сказать, — *высшую* часть синтаксиса, а, напротивъ, ставя разсужденіе о нихъ въ *основаніе* синтаксической теоріи.

выясненнаго доселѣ явствуешь, синтаксисологическія студіи надъ разрядами словъ и ихъ формъ должны вести въ *разныхъ* языкахъ къ *разнымъ* результатамъ. Не отказываюсь, конечно, и не могу отказываться отъ привлеченія къ сравненію и другихъ языковъ, гдѣ это найду полезнымъ и для себя доступнымъ.

Много уже сдѣлано для синтаксисологіи *греческихъ* рядовъ словъ и ихъ формъ тѣми *частными* изслѣдованіями (съ ними мы встрѣтимся въ нашемъ *собственномъ* изслѣдованіи), въ которыхъ разработано значеніе того или иного *падежа*, а то и падежей *вообще*, той или иной «частицы» и т. д., но такія *частныя* изслѣдованія не могутъ быть иногда и безъ крупныхъ недостатковъ, разъ они не вытекаютъ изъ *цѣлаго*, а въ какомъ положеніи находилось до настоящаго времени это *цѣлое*, нами достаточно выяснено. Изъ этого выясненія видно, что нашъ «опытъ» не лишній, только бы онъ былъ, хотя въ *общихъ* чертахъ, правиленъ. О степени *правильности* его, конечно, будутъ судить другіе.

Переходимъ къ *исполненію* нашей задачи, сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предупреждаемъ, что очень часто будемъ прибѣгать къ новымъ терминамъ. Къ этому насъ побуждаетъ не притязаніе на какія-нибудь нововведенія въ научной терминологіи, нѣтъ; мы въ этомъ видимъ средство удержать на время чтенія нашего изслѣдованія вниманіе читателя на тѣхъ *понятіяхъ*, которыя придется вырабатывать въ этомъ изслѣдованіи.

Итакъ, слово, какъ мы его знаемъ въ флектирующемъ греческомъ языкѣ, — Александрійцы употребляли терминъ $\lambda\acute{\epsilon}\xi\iota\varsigma$, — можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: либо это высшая единица, подлежащая разложенію на части, либо это низшая единица, сама составляющая часть чего то цѣлаго. Цѣлое, коего частью является слово, есть рѣчь ($\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$), и тогда слово называется *частью* рѣчи ($\mu\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma \lambda\acute{o}\gamma\omicron\upsilon$). Наша задача изслѣдовать слова какъ *части* рѣчи.

Какъ опредѣляется въ общемъ рѣчь, и какъ опредѣляется тогда слово, какъ ея часть? Рѣчь есть выраженіе связной мысли. Но что такое связная мысль? Связная мысль

есть рядъ представлеіій въ такомъ или иномъ ихъ отношеііи. Разсуждають, какъ выяснілось выше, о возведеііи представлеіій въ формально-логическія понятія. Но формально-логическія понятія вводитъ въ определеіе связной мысли не слѣдуетъ. Формально-логическое понятие есть отвлеченіе отъ цѣлаго ряда однородныхъ представлеіій. Человѣкъ »представляетъ« индивидуумъ, а »понимаетъ« родъ индивидуумовъ (*γένος*). Какой нибудь *данный* треугольникъ съ *данною* длиною сторонъ, съ углами *даннаго* числа градусовъ и при *данномъ* порядкѣ слѣдованія угловъ и сторонъ. — треугольникъ, нарисованный на *данной* площади и *даннаго* цвѣта линіями, все это — говоритъ формальная логика — »представить« можно, но треугольника *вообще* »представить« нельзя, его можно только »понять«. Тѣмъ не менѣе, однако, когда *заговорятъ* о треугольникѣ *вообще*, то не остается безучастнымъ ни воображеніе того, *кто* заговорилъ о немъ, ни воображеніе того, *кому* о немъ говорятъ. Въ этихъ случаяхъ безучастность воображенія у слушателя значитъ, что онъ просто не слушаетъ, а у говорящаго, что онъ говоритъ машинально, а оба они — такъ выражаются нерѣдко — »не думаютъ« о томъ, о чемъ идетъ рѣчь.

Да, благодаря способности человѣческаго воображенія быстро перебѣгать отъ одной картины къ другой, выходитъ, что когда заговорятъ о треугольникѣ *вообще*, то и у говорящаго, и у слушателя рисуется въ представлеіи не одинъ, а цѣлый рядъ треугольниковъ, притомъ *извѣстныхъ*, въ вышеозначенномъ смыслѣ этого слова, и срастающихся какъ-бы въ нѣчто одно, пестрое въ его деталяхъ и, благодаря пестротѣ, пожалуй и смутное, расплывчатое. Конечно, этимъ рядомъ *извѣстныхъ* треугольниковъ, рисующихся въ моемъ представлеіи, далеко не исчерпывается *весь* формально-логическій объемъ »понятія« *треугольникъ*, тѣмъ не менѣе, однако, этотъ рядъ достаточно обилень своею численностью, и отдѣльные его члены, отдѣльныя картины достаточно сплетаются другъ съ другомъ въ моемъ представлеіи для того, чтобы *наглядно* понять« (т. е. именно при содѣйствіи *воображенія* почувствовать) всю безконечность группы инди-

видуумовъ, заключающихся въ известномъ *γένος*, другими словами, — чтобы рѣчь и въ области формально-логическихъ понятій не должна была сходить съ почвы »представленiя«. Иногда мы даже подржительно стремимся къ тому, чтобы то пестрое, смутное и расплывчатое, о которомъ упомянуто выше, въ нашемъ воображенiи исчезло и замѣнено было въ *этомъ* же воображенiи *одною*, *ясною* картиною, чтобы все разнообразiе, заключающееся въ какомъ нибудь *γένος*, сведено было въ нашемъ же *воображенiи* къ одному, какъ мы выражаемся, идеальному *представителю* (да, къ *представителю*, стало быть, къ *индивидууму*), — къ представителю реальной дѣйствительности, къ одной *идѣа*, къ чему то *ясно видимо*му (отъ того и названiе *идѣа*) нашимъ *внутреннимъ* глазомъ. Въ обиходномъ языкѣ — а обиходный языкъ въ этихъ случаяхъ является *жиркою*, какъ нужно смотрѣть на дѣло, — въ обиходномъ языкѣ *онъ понялъ*« уравнивается съ выраженiемъ *онъ имѣетъ живое представленiе о дѣлѣ*, *онъ не имѣетъ объ этомъ дѣлѣ никакого понятiя*« все равно что *онъ не имѣетъ о немъ никакого представленiя*«, а если собесѣдники другъ друга *понимаютъ*, то это значить, что они имѣютъ о дѣлѣ одинаковое *представленiе* и т. д. Самыя *отвлеченныя* »понятiя«, какъ доблесть, зло, справедливость, мы такъ или иначе »представляемъ«, — представляемъ или въ видѣ какого-нибудь реального *дѣйствiя*, въ которомъ *обнаруживается* доблесть, зло, справедливость, или въ видѣ какого-нибудь »лица«, путемъ персонификаци. Да и куда - - говоритъ Воескh въ одномъ мѣстѣ своей энциклопедiи — дѣвалась бы вся *художественная* сторона нашего бытiя, всей нашей сущности, если бы мы не «представляли», а только »понимали«. Въ виду всего этого мы не ошибемся, если настоимъ на *прежнемъ* опредѣленiи »связной мысли«, что она есть рядъ *именно* «представленiй» въ такомъ или иномъ ихъ отношенiи, а *рѣчь*, служа главнымъ орудiемъ взаимнаго *общенiя* и взаимнаго *пониманiя* людей, и предполагая, въ виду этой цѣли, говорящаго и слушателя, опредѣляется у говорящаго какъ *отраженiе* его представленiй въ такомъ или иномъ ихъ

отношеніи, тогда какъ у слушателя она должна *будить и вызывать* въ его воображеніи параллельный рядъ *тѣхъ же* представлений и *тѣхъ же* отношеній, какія говорящій имѣлъ въ виду при произношеніи этого вѣдншаго символа мысли. *)

Изложенное разсужденіе ведетъ къ *двумъ* замѣчаніямъ. Вонервыхъ, спрашивается, каковы »отношенія«, въ которыя входятъ въ связной мысли отдѣльныя представленія? Въ общемъ можно различать *чисто сенсуальныя* отношенія, а затѣмъ, опираясь на указаніе Paul'a, сообщенное на стр. 23, отношенія, если не *формально-логическія*, то и не *психологическія*, а скорѣе *психо-логическія*. Предлогъ »къ« обозначаетъ *направленіе куда*, а существительное »городу«, въ выраженіи *къ городу*, обозначаетъ *цѣль* этого направленія. Такое »отношеніе« двухъ »представленій«, чисто *пространственное*, можетъ быть »представлено« *непосредственно* и есть чисто сенсуальное. Но какъ представить *непосредственно* причину, выраженную напр. во *φράσις'ῃ* *εἰς τὸ ἐπὶ τῆς θερμότητος*? Это невозможно, а между тѣмъ причина играетъ такую важную роль въ мысли: она *должна* ее играть, разъ для нея существуетъ особое слово, *именно* слово »причина«. Ее можно представить *только* черезъ »перенесеніе«, и въ такомъ случаѣ она »представляется« какъ *исхожденіе* чего нибудь *одного* изъ чего нибудь *другого*. Подобныя »отношенія« мы назовемъ »*психо-логическими*«. Нечего распространяться о томъ, что »отношенія«, тоже въ концѣ концовъ »представляемыя«, суть, собственно, хотя мы ихъ *противопоставили* и *будемъ* противопоставлять изъ *практическихъ* видовъ »представленій«, —

*) Paul, Princip. 99: Alle Sprachthätigkeit besteht in der Bildung von Sätzen (какъ мы смотримъ на слово *Satz* — мы выяснили выше); der Satz (мы говоримъ »рѣчь«) ist der sprachliche Ausdruck, das Symbol dafür, dass sich die Verbindung mehrerer Vorstellungen oder Vorstellunggruppen (не говорить ли Paul о Vorstellunggruppen въ виду того, на что и мы указывали, разсуждая о треугольникѣ какъ формально-логическомъ понятіи? или у него Vorstellunggruppen, — низшая степень тѣхъ же Verbindungen von Vorstellungen?) in der Seele des Sprechenden vollzogen hat, und das Mittel dazu, die nämliche Verbindung der nämlichen Vorstellungen in der Seele des Hörenden zu erzeugen. Jede engere Definition des Begriffes Satz muss als unzugänglich zurückgewiesen werden.

суть, повторяю, собственно лишь *особый видъ* «представлений».

Второе наше замѣчаніе относится къ слову *символъ*, употребленному нами въ опредѣленіи »рѣчи«. Въ виду всего того, что мы слышали о внутренней формѣ языка и о »грамматическомъ мышленіи«, можно, пожалуй, утверждать, что рѣчь и мысль — одно и то же. Древніе Греки, какъ извѣстно, создали тутъ не *два* слова, а *одно*, именно *λόγος*, обозначающее и *рѣчь*, и *мысль*, а Платонъ говоритъ: Мышленіе, это — рѣчь, которую душа ведетъ сама съ собою о явленіяхъ, ея разсматриваемыхъ. Такъ я сказалъ бы, не какъ *сполннѣ* увѣренный въ этомъ, но мнѣ представляется, что душа, когда она мыслитъ, просто разговариваетъ съ собою, ставя себѣ вопросы и давая на нихъ отвѣты, то положительные, то отрицательные; а когда она, послѣ болѣе или менѣе быстрого обзрѣнія вопроса, остановилась на чемъ нибудь, пришла въ согласіе съ собою и больше не колеблется, то это уже есть ея *готовая* мысль. Такимъ образомъ, *имѣть* готовую мысль есть какъ-бы *объявлять*, а *сама* готовая мысль, это какъ бы *объявленіе*, только объявленіе не другому и не въ слухъ, а объявленіе безъ звуковъ и самому себѣ: τὸ δὲ διανοεῖσθαι λόγον καλῶ, ὃν αὐτῇ πρὸς αὐτὴν ἢ ψυχῇ διεξέρχεται περὶ ὧν ἂν σκοπῆι, ὡς γε μὴ εἰδὼς ἀποφαίνομαι τοῦτο γάρ μοι ἰνδάλλεται διανοουμένη, οὐκ ἄλλο τι ἢ διαλέγεσθαι, αὐτῇ ἑαυτὴν ἐρωτῶσα καὶ ἀποκρινομένη, καὶ φάσκουσα καὶ οὐ φάσκουσα, ὅταν δὲ ὀρίσασα, εἴτε βραδύτερον εἴτε καὶ ὀξύτερον ἐπαίξασα, τὸ αὐτὸ ἤδη φῆι καὶ μὴ διστάζει, δόξαν ταύτην τίθεμεν αὐτῆς ὡστ' ἔγωγε τὸ δοξάζειν λέγειν καλῶ καὶ τὴν δόξαν λόγον εἰρημένον, οὐ μέντοι πρὸς ἄλλον οὐδὲ φωνῇ ἀλλὰ σιγῇ πρὸς αὐτόν (Pl. Theat. 189 e).

Чтобы всетаки *отличить* рѣчь отъ мысли (русскій и другіе языки выработали тутъ *два* слова, а ниже мы это отличіе *установимъ*, — установимъ именно съ *синтаксисологической* точки зрѣнія), скажемъ, во измѣненіе прежняго опредѣленія и въ вниманіе особенно къ *первой* изъ предыдущихъ замѣтокъ, что рѣчь есть *выраженіе* (словомъ *выраженіе* мы отличаемъ *рѣчь* отъ мысли), — есть выраженіе ряда

представленій, въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, или чисто сенсуальномъ, или психо-логическомъ. Чѣмъ же тогда является слово, какъ *часть* рѣчи? Слово, какъ *часть* рѣчи, должно быть въ такомъ случаѣ выраженіе *одного* какого нибудь представленія, а можетъ быть и одной *группы* представленій, какъ ужъ ни придется толковать *Vorstellungsgruppe*, о которой упоминаетъ Paul (смотри на стр. 76 подстрочную замѣтку), или *одного* какого нибудь »отношенія« (чисто сенсуальнаго, или психо-логическаго), а можетъ быть и того и другого, т. е. и «представленія», и »отношенія« *вмѣстѣ*. Эту то двоякую сторону *значенія* частей рѣчи, т. е. »представленіе« и »отношеніе«, мы должны будемъ имѣть въ виду при разборѣ частей рѣчи, разъ мы хотимъ представить *симасіологію* частей рѣчи. Не будемъ, конечно, въ симасіологическомъ изслѣдованіи частей рѣчи, т. е. при объясненіи *значенія* частей рѣчи, — не будемъ, я говорю, избѣгать и *общесимтаксическихъ* терминовъ въ родѣ: такое то слово, какъ часть рѣчи, *зависитъ* отъ другого; такое то слово, какъ часть рѣчи, *пополняется* такимъ-то и т. п. Ибо, разъ слово составляетъ только *часть* цѣлаго, то потому оно и *чувствуется* частью, что »пополняется« другою частью, составляя *вмѣстѣ* съ нею цѣлое, и что оно »виситъ« на другой части, точно звено цѣпи, представляющей въ данномъ случаѣ *именно* это цѣлое.

Нельзя утверждать, — это да будетъ сказано во установленіе различія между рѣчью и мыслью съ *симасіологической* точки зрѣнія, — что каждое »представленіе« и каждое »отношеніе« находятъ себѣ въ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе, или, если и находятъ, то *должно* быть непремѣнно выражено. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ эллипсахъ, о которыхъ разсуждали на стр. 54. Что касается »представленій«, то область ихъ является чѣмъ то до безконечности растущимъ, согласно расширенію нашего, ничѣмъ не останавлимаго и ничѣмъ непредупреждаемаго опыта и согласно развитію нашей фантазіи. Область »представленій« есть нѣчто чрезвычайно живое и текучее, въ чемъ одно другимъ быстро сдѣняется, — нѣчто безпредѣльно разно-

образное, тогда какъ слово и вообще выраженіе представляетъ собою что-то довольно косное, вырабатываемое *медленно* и, какъ дорого стоящій намъ продуктъ, *) бережно укладываемое въ запасъ на случай, если бы оно опять понадобилось. Очень часто случается, что для представленія, совершенно для насъ новаго, для представленія, съ которымъ мы прежде не встрѣчались, мы не находимъ даже *приблизительнаго* выраженія въ нашемъ запасѣ и должны разлагать его на части, чтобы хоть эти *части* какъ нибудь выразить, пока наконецъ кто нибудь не *придумаетъ* для новаго представленія новое «выраженіе», или не «измѣнитъ» **) какъ нибудь стараго выраженія.

Вообще нужно предполагать, *не говоря* уже о языкѣ «кристаллизировавшемся», что языкъ *бѣднѣе* мысли. ***)

*) Это, какъ будто, противорѣчитъ Гумбольдтовскому пониманію языка, какъ *свѣту* души. Мы здѣсь, конечно, имѣемъ въ виду тотъ *кристаллизировавшійся* уже въ извѣстныя формы и вполнѣ *развитой* языкъ, который *прежде всего* подлежитъ нашему разбору, — тотъ языкъ, который Max Müller противопоставляетъ другимъ, находящимся въ первобытномъ состояніи (im Urzustande) и *дѣйствительно* подвергавшимся постояннымъ измѣненіямъ языка, — тотъ языкъ, о которомъ тотъ же Max Müller говоритъ: Die Sprachen hochgebildeter Nationen nähern sich im Gegentheil mehr und mehr einem gewissen Stillstand und scheinen bisweilen ihre Fähigkeit der Umbildung fast gänzlich zu verlieren (Vorles. I. 33). Ihnen hat die Literatur Gebiss und Zaum angelegt (Vorles. I. 52).

**) Bréal (Mél. 304). Nous possédons, il est vrai, des langues artificielles où la seule terminaison du mot indique la place que l'objet désigné occupe dans la classification scientifique: la nomenclature chimique est une sorte de catalogue parlé où tout changement dans la composition d'un corps entraîne un remaniement dans son nom. Mais il faut considérer que parmi la quantité infinie de rapports que peuvent avoir entre eux les objets du monde extérieur la langue de la chimie choisit seulement un petit nombre et néglige de donner une expression aux autres: c'est un idiome qui n'arrive à la précision que par la plus stricte spécialité. Au contraire, le langage *ordinaire* (противопоставляется языку *искусственному, дѣланному, условному*), qui doit suffire à l'universalité de nos connaissances, se dispense avec raison de cette rigueur scientifique et, sans viser à un ordre impossible, il fait entrer les idées nouvelles dans les cadres élastiques qu'il tient des âges précédents.

***) Max Müller, въ оптимистическомъ настроеніи, выражается объ этой бѣдности такъ: Dennoch ist die Sprache für ihren Gatten, den menschlichen Geist, eine sehr brave Hausfrau gewesen; mit Wenigem hat sie treu geschaltet und viel geleistet. Aus einem kleinen Vorrath materieller Wurzeln hat sie den zahllosen Sprösslingen des menschlichen Geistes wohl anständige Kleidung geliefert und keine Idee, keine Empfindung unversorgt gelassen, die wenigen etwa ausgenommen, welche, wie uns einige Dichter versichern, unaussprechlich sind (Vorles. II. 333).

Крайне затруднительно напр. было бы опредѣлить, когда люди, *именно* въ виду бѣдности языка, освоились съ привычкою прибѣгать къ метониміямъ, синекдохамъ и вообще къ »тропамъ«, *) т. е. къ перенесенію словъ отъ одного представленія на другое, такъ или иначе связанное съ первымъ по содержанію. А такъ называемые термины техническіе (мы теперь не говоримъ о научной номенклатурѣ и о химическомъ языкѣ, о которомъ упоминалъ Вгéal), развѣ не представляютъ и они въ цѣломъ рядъ случаевъ перенесеніе слова отъ одного представленія на другое? — пере-

*) Что касается въ частности метафоры, то мы ее исключаемъ изъ теперешняго разсужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прибѣгаютъ для обозначенія предметовъ *духовнаго* міра. Духовный міръ, конечно, служатъ такимъ же богатымъ источникомъ »представленій«, какъ и внѣшній, и слова, относящіяся къ представленіямъ нашего *духовнаго* міра, суть метафоры представленій о *внѣшнемъ* мірѣ. Говорятъ о *мрачномъ* настроеніи человѣка, о *жесткомъ* характерѣ и т. д. Да и самое слово *міръ* (духовный) не есть ли метафора слова *міръ* (внѣшній)? — не является ли метафорою само слово *духъ* (дунуть), и не сталъ ли человѣкъ прибѣгать къ метафорѣ съ той поры, когда *созналъ* въ себѣ духъ, другими словами, — когда *созналъ* себя *человѣкомъ*? О латинскомъ словѣ *spiritus* говоритъ Max Müller (Vorles. II. 332) такъ: Spiritus bedeutete im Lateinischen ursprünglich Hauch, wehende Luft. Als man aber das Lebensprincip im Menschen und im Thiere benennen wollte, so wurde dessen äusseres Merkmal, nämlich der Athem des Mundes, naturgemäss gewählt, um es damit auszudrücken... Wenn man dann wieder wahrnahm, dass noch etwas anderes, nicht das blosse animalische Leben, sondern das, was durch dieses animalische Leben erhalten wurde, zu benennen war, so wurde dasselbe Wort gewählt, um das *geistige* Element im Menschen in seinem Gegensatze zu dem rein materiellen oder animalischen auszudrücken. Какъ сказано, мы *исключаемъ* метафоры духовнаго міра изъ разсужденія о бѣдности языка и приписываемъ появленіе ихъ при обозначеніи предметовъ *этого* міра тому *общему* положенію языка, по которому послѣдній есть выраженіе »представленій« и по которому и *духовный* міръ нужно такъ или иначе »представлять«, — по которому, стало быть, не *слова*, а сами *явленія* духовнаго міра »перепосытся« на чужія имъ »представленія«. Какъ самъ языкъ есть нѣчто *вполнѣ* чувственное т. е. *материальное* (*звуковое*), такъ и выражаемая имъ мысль не сходитъ здѣсь съ почвы, такъ сказать, *чувственной* т. е. съ почвы »представленій«: Alle Elemente der äusseren Sprache sind materiell, sind lautliche Zeichen für Sinnesausdrücke und *nur* für solche, selbst die abstractesten und erhabensten, und darum indessirt die vergleichende Philologie die Schlüsse, zu denen Locke gelangt ist, — т. е. что названія предметовъ *духовнаго* міра суть метафоры *внѣшняго* міра, — *vollständig* (Müller, Vorles. II. 320). Благодаря этому обстоятельству, т. е. тому, что сама мысль не сходитъ съ почвы »представленій«, или, говоря точнѣе, благодаря тому, что сама мысль способна *перейти* во всевозможныхъ случаяхъ на почву »представленій«, больше всего и *сближается* внутренній языкъ съ внѣшнимъ.

несеніе нѣсколько *иного* рода, чѣмъ какъ оно совершается черезъ тропы. *) Подъ словомъ *στρατηγός* грекъ разумѣлъ вообще *вождя войска*, т. е. нѣчто, данное уже самимъ составомъ слова, а потомъ, когда по требованію административныхъ формъ въ Аѳинахъ возникли *известныя* должностныя лица съ *известнымъ* положеніемъ въ обществѣ и въ администраціи, съ *известнымъ* отношеніемъ къ военному дѣлу, то и ихъ называли *общимъ* словомъ *στρατηγός*. **)

Нечего долго останавливаться на томъ, что и »отношенія,« сенсуальныя ли, или психо-логическія, не только *стѣснены* виѣшнимъ языкомъ, — стѣснены въ томъ смыслѣ, что одно и то же »выраженіе« служитъ обозначеніемъ *нѣсколькихъ* отношеній***), но иногда не получаютъ даже *совсѣмъ* никакого выраженія. *Veni, vidi, vici* суть три дѣйствія, слѣдующія *одно за другимъ*. Какое »выраженіе«, въ видѣ *слова* или *части* слова, получило это »временное« отношеніе« указанныхъ дѣйствій? Никакого; одинъ *порядокъ*

*) А тотъ »психическій механизмъ«, о которомъ мы слышали отъ Штейнтала (см. выше стр. 32), не зиждется ли и онъ на перенесеніи слова отъ одного представленія къ другому, и не проявляетъ ли онъ и въ *разныхъ* языкахъ свою силу въ томъ смыслѣ, что въ нихъ *значенія* словъ *мѣняются*; т. е. *одно* представленіе замѣняется другимъ?

**) Не наталкиваемся ли мы въ этомъ разсужденіи о бѣдности языка на возраженіе со стороны того обстоятельства, что, вѣдь, очень часто одинъ и тотъ же предметъ имѣетъ нѣсколько названій (сравни *θάλασσα, πέλαγος, λόγος*)? Нѣтъ. Существованіе синонимовъ въ языкѣ не свидѣтельствуетъ о *богатствѣ* языка. Оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что при воспріятіяхъ предмета въ немъ было усмотрѣно нѣсколько сторонъ, вслѣдствіе чего о немъ создано нѣсколько *идей*, — идей въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ толкуетъ Max Müller въ приведенномъ нами на стр. 30. Если языкъ служитъ не средствомъ для названія *предметовъ*, а выраженіемъ »идей«, т. е. представленій, то, конечно, при всей его бѣдности можетъ случиться, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же явленіе, вызывая въ людяхъ *разныя* представленія, — въ однихъ тѣ, въ другихъ иныя, — можетъ вдругъ получить въ языкѣ *нѣсколько* »обозначеній«. При этомъ »представленія«, выраженные *первоначально* въ этихъ »обозначеніяхъ«, могутъ, при содѣйствіи »психического механизма«, исчезнуть изъ нашего сознанія, и языкъ, благодаря этому, дѣлается изъ бѣднаго богатымъ (сюда относится замѣтка Шлейхера, сообщенная на стр. 66).

***) Кто не знаетъ, напр., что мѣстныя, временныя и причинныя »отношенія« сплошь да рядомъ приходится выражать однимъ и тѣмъ же средствомъ? (сравни выше стр. 76).

слѣдованія » глаголовъ даетъ намъ почувствовать временное отношеніе обозначенныхъ этими глаголами дѣйствій. » *Я не успѣю этого сдѣлать; я теперь боленъ* « суть два заявленія, и вторымъ изъ нихъ обосновывается первое. Какое выраженіе, въ видѣ слова или части слова, получило это » причинное отношеніе « двухъ заявленій! Никакого, развѣ что *тонъ***), т. е. болѣе громкое произнесеніе перваго — и болѣе слабое втораго заявленія даетъ намъ понять, что первое заявленіе содержитъ въ себѣ нѣчто *главное*, а второе — лишь *объясненіе* этого главнаго. Какъ извѣстно, разныя » отношенія « обыкновенно выражаются, *если* вообще выражаются, не *цѣлыми* словами, а лишь *частями* ихъ, т. е. окончаніями, а то и *представками* (удвоеніями, » приращеніями « и т. п.) Какъ это вышло, что языки, при всей своей бѣдности, со степенью своего развитія еще иногда *сокращаютъ* численность *одной* группы средствъ, служащихъ для выраженія » отношеній, « — сокращаютъ именно численность *окончаній*, — это выяснится въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Кстати, *ad vocem окончаніе*. Хотя слово и составляетъ *нижнюю* единицу въ осмысленной рѣчи, тѣмъ не менѣе симасіологъ, разбирающій слова какъ *части* рѣчи, притомъ разбирающій ихъ въ *флектирующемъ* языкѣ, каковъ греческій, не долженъ игнорировать составныхъ частей самихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ**): или $\acute{\alpha} \nu \theta \rho \acute{\omega} \pi \eta$ и $\acute{\alpha} \nu \theta \rho \omega \pi \omicron \nu$ суть два *разныхъ* слова, а тогда группировка словъ въ *ряды*, группировка ихъ, какъ *частей* рѣчи, по ихъ » при-

*) *Вообще* языкъ долженъ прибѣгать для достиженія ясности, (иногда онъ это дѣлаетъ и въ цѣляхъ большей живости, — къ *многимъ* средствамъ помимо словъ и » ихъ частей «, — къ разстановкѣ словъ, интонаціи, мимикѣ, жесту, — къ средствамъ, иногда совершенно для языка постороннимъ (изъ *перечисленныхъ* здѣсь средствъ только *разстановка* словъ и *интонація* имѣютъ непосредственное отношеніе къ языку; ср. выше стр. 65). „Und neben dem Tone her geht die beredte Sprache des Auges, der Mine und des Gestus, der Gefühlsausdruck ist ja nur die weitere Fortsetzung der Reflexe, welche den Sprachton nūancieren, und oft auch die Bewegung von Arm und Hand“. (Wegener, Untersuch. 17.)

**) Намъ скажутъ, что мы » повторяемся «. Нѣтъ; мы дѣйствительно разсуждаемъ о томъ же, о чемъ разсуждали уже нѣсколько разъ, по *немного* съ *другой* точки зрѣнія.

способности прилаживаться къ другимъ, словамъ для составленія *вѣствъ* съ ними одного цѣлаго, будетъ крайне затруднена, или это — одно слово, а тогда *отдѣляется* въ этомъ *одномъ* словѣ *постоянная* его часть отъ части *измѣняющейся*. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что напр. слова *φίλος* и *ἀνθρώπος*, или слова *καλῶς* и *σαφῶς*, при разнородности своихъ *постоянныхъ* частей, представляютъ однородное въ *измѣняющихся* частяхъ. Нетрудно догадаться послѣ всего, доселѣ выясненнаго, что однородное въ *измѣняющихся* частяхъ будетъ служить намъ мѣркою при группировкѣ словъ на разряды, тогда какъ отыскивать однородное въ *постоянныхъ* частяхъ словъ мы предоставимъ тому синасіологу, съ которымъ мы познакомились выше на стр. 68. У этого синасіолога будетъ заключаться »однородное« въ *вещественномъ содержаніи* выражаемыхъ »постоянною« частью словъ »представленій«, насъ же »постоянные« части словъ« будутъ интересовать лишь со стороны того *способа передачи* »представленій, о которомъ толкуетъ Потебня (см. выше стр. 45). Только лишь въ *общихъ* чертахъ коснемся мы *чужаго* для насъ, какъ сейчасъ выяснилось, дѣла, — коснемся его настолько, насколько на нежъ отражается наше собственное изслѣдованіе. Какъ бы ни толковали эти другіе синасіологи о всякихъ измѣненіяхъ значеній въ »постоянныхъ« частяхъ словъ, въ общемъ такіа измѣненія движутся въ предѣлахъ слѣдующихъ трехъ отъѣнковъ:

1. Поэтическаго. Употребляя выраженіе *поэтической*, мы имѣемъ въ виду не *ходячій* смыслъ этого выраженія; поэтическою стороною своего значенія слово, т. е. его »постоянная« часть, вызываетъ въ слушатель то *полное* представленіе, для котораго оно первоначально было *создано* (*ἔποιήθη*),*) не исключая въ данномъ случаѣ и »тро-

*) Эти слова нужно понимать *cum grano salis*. Wegener (Untersuch. 47) совершенно правъ, когда говоритъ: Das Wort *Löwe* hat allem Anschein nach nur *eine* Bedeutung. Die Bedeutung dieses, wie aller Wörter, ist die Summe *aller Vorstellungen*, welche mit ihrer Lautreihe, hier *Löwe*, verbunden werden. — Doch bei und von wem verbunden werden? — Hat wirklich der Zoologe und das Kind, dem man ein Bild des Thieres gezeigt hat, dieselben Vorstellungen

повь*.*) Такимъ образомъ, и въ нашемъ терминѣ »поэтический« заключается *поэтический* оттѣнокъ значенія словъ.

2. Историческаго. Въ эту сторону повернуло слово, когда имъ, какъ готовымъ, воспользовались для выраженія какого-нибудь представленія о какомъ нибудь *культурномъ* явленіи, болѣе сложномъ по *формѣ*, чѣмъ было *общее* первоначальное явленіе, охватываемое словомъ въ его *поэтическомъ* значеніи. Иногда одна культурная форма смѣняется другою, и слово получаетъ такимъ образомъ *нѣсколько* историческихъ значеній. Сколько *историческихъ* значеній должно было послѣдовательно принять на себя, напр., слово *провинція*, начиная съ первой римской провинціи и кончая нашею провинціею—не столицей! Слѣдуетъ также замѣтить, что въ *исторической* сторонѣ синасіологіи словъ та же метонимія и та же синекдоха сыграли весьма важную роль; читатель тутъ припомнитъ постоянно приводимые примѣры о »перѣ« и »чернилахъ«.

3. Фразеологическаго. Хотя этого оттѣнка изъ нашихъ разсужденій пока не видать, но мы упоминаемъ о немъ потому, что, во первыхъ, не хотѣлось бы оставлять начатое неоконченнымъ, а вовторыхъ, мы и въ нашей синасіологіи будемъ съ нимъ имѣть постоянно дѣло. Терминомъ *фразеологическій* мы хотимъ указать на слѣдующее. Слово, встрѣчаясь постоянно только въ *извѣстномъ* сочетаніи, въ *извѣст-*

mit diesem Worte associiert? Hat der Africareisende, welcher mehr als einmal mit dem Löwen in Berührung gekommen ist, oder der Thierbändiger nicht andere Vorstellungen bei diesem Namen, als der stille Leser des Reineke Fuchs?.. So unterscheidet sich der Inhalt der Worte 1. nach dem Gesichtspunkte der Vollständigkeit der associierten Vorstellungen; 2. nach dem der Ordnung der wirklich associierten Vorstellungen; 3. nach der Art und Stärke der Gefühle, welche die Erinnerung unter den associierten Vorstellungen aufspeichert hat. Man darf die beiden ersten Gesichtspunkte zusammenfassend die Gesichtspunkte der Erkenntniss nennen, der dritte ist ethisch und ästhetisch

*) Какъ широко могутъ здѣсь дѣйствовать »тропы«, видно изъ таблицы Tobler'a, подлежаще оцѣненной Bruchmann'омъ (Psych. Stud. 308). Тоблеръ совершенно основательно называетъ »измѣненія значеній« по »тропамъ-*immanente* (очень выразительный и соответствующій нашему пониманію дѣла терминъ) d. h. so, dass die Veränderung aus einer der Sprache selbst innewohnenden, der natürlichen Ordnung der Dinge entsprechenden Anlage zur Entwicklung zu begreifen ist.

номъ »φράσις'ъ«, и составляя въ этомъ φράσις'ъ вмѣстѣ съ другими его членами одно осмысленное цѣлое, — одно какъ-бы слово, — до того уже приспособилось къ этому цѣлому, что, чувствуясь непремѣнною его частью и какъ-бы частью »слова«, *ослаблѣю* въ своихъ поэтическомъ или историческомъ значенiяхъ все то, что въ нихъ, этихъ значенiяхъ, для *даннаго* цѣлаго не важно. Такъ, »неволя« есть нѣчто одно, а »по неволѣ подумаешь« — нѣчто совершенно другое.*)

Еще одно. Будемъ ли мы *вездѣ* разлагать слова на »постоянную« и »измѣняющуюся« части, откладывая первую часть въ сторону, для *другихъ* синтаксисологовъ, или же будемъ имѣть иногда дѣло съ *попытками* словами? Конечно, послѣднее. Впервыхъ, словъ *οὐ, μή, ἤ* и т. п. нельзя даже *разложить* на »части«, и кромя того, хотя въ сдовѣ, напр., *ἀμφί* и можно усмотрѣть и »постоянную«, и »измѣняющуюся« часть, однако это слово *всѣмъ* своимъ составомъ выражаетъ то »отношенiе«, которое мы выше, опредѣляя рѣчь, противопоставили »представленiю«, а потому оно во *всѣхъ* своемъ составѣ и *должно* войти въ *наше* разсужденiе.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчанiй мы приступаемъ къ непосредственному рѣшенiю нашей задачи, помня

*) Это — одно изъ явленiй той *Isolierung*, которая захватываетъ въ языкѣ столь широкiй районъ, и которую такъ прекрасно разъяснилъ Paul (Princip 152—178). Мы не можемъ излагать здѣсь *всего* содержанiя означеннаго отрывка у Paul'я, а сообщимъ только то, что относится непосредственно къ нашему жѣсту: Auf syntaktischem Gebiete (*syntaktisch* понимаетъ здѣсь Paul въ смыслѣ *общемъ*, въ смыслѣ сочетанiя отдѣльныхъ »словъ« въ одно осмысленное цѣлое) haben wir hier zunächst die *Isolierung* der verschiedenen *Bedeutungen* eines syntaktischen Verhältnisses gegen einander. Es werden die syntaktischen Proportionsgruppen nicht gestört (подъ *Proportionsgruppen* Paul разумѣетъ совершенно *одинаковое* отношенiе »элементовъ«, т. е. *значенiй* словъ, въ двухъ *разныхъ* »синтаксическихъ« сочетанiяхъ, если самъ *элементы* въ этихъ *разныхъ* сочетанiяхъ *отпорозны*), so lange jede einzelne Function des Verhältnisses *lebendig* bleibt. Aber jede *Erstarrung* durch *gewohnheitmäßige* Verbindung mit einem bestimmten Worte ist eine *Loslösung* aus dem allgemeinen Proportionsverbande (Princip. 154)... Vieles ist jetzt auf die Verbindung mit *bestimmten* Wörtern beschränkt, während früher vielfach noch eine *freiere* Gebrauchsweise herrschte: zu Grunde gehen, zu runde sein mit etwas etc. (Princip. 156.) Princip. 157 Paul *прямо* сводитъ такiя явленiя »изоляция« къ степени der »uneigentlichen« *Compositionen*.

о великихъ словахъ Платона, обращенныхъ его Сократомъ къ Протарху: Какъ истинно божескій даръ, — такъ представляется мнѣ, — попало это умѣнье къ людямъ откуда то отъ боговъ, и очень ярокъ былъ огонь того Проміея, который тутъ дѣйствовалъ. И вотъ давность, которая была выше насъ и ближе къ богамъ, передала намъ его въ видѣ слѣдующаго откровенія. То ли, другое ли, словомъ все, о чемъ мы говоримъ, какъ о существующемъ, всегда представляетъ собою нѣчто единое и виѣсть съ тѣмъ многое. Будучи многимъ, оно носить въ себѣ одно время и предѣльность, и безпредѣльность. А потому, разъ міръ такъ устроенъ, нужно намъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полагать и искать во всемъ всегда одну идею; ее мы найдемъ непремѣнно. А разъ мы ее схватили, то дальше, т. е. внутри ея самой, слѣдуетъ искать низшія двѣ, если такъ можно дѣлать, а то и три идеи или, быть можетъ, еще больше; затѣмъ каждую изъ этихъ идей, опять — нѣчто единое, — дѣлать такимъ же порядкомъ, пока наконецъ то, что было для насъ съ самаго начала единымъ, не выяснится не какъ единое и виѣсть съ тѣмъ многое и безпредѣльное, а какъ нѣчто, распадающееся на определенное число частей. Мысли же о безпредѣльномъ не слѣдуетъ допускать по отношенію къ этому многому до тѣхъ поръ, пока не произведемъ всего дѣленія, находящагося посреди между единымъ и безпредѣльнымъ; только тогда каждую единичную часть, вышедшую изъ дѣленія, можно пустить и въ безпредѣльное. Вотъ какъ изслѣдовать, познавать и приводить къ познанію другъ друга завѣщали намъ боги. *Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους, ὡς γε καταφαίνεται ἐμοί, ποθὲν ἐκ θεῶν ἐρρίφη διὰ τινος Προμηθεὺς ἄμα φανοτάτῳ τινὶ πυρί. Καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονας ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδοσαν, ὡς ἐξ ἑνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν αἰεὶ λεγομένων εἶναι, πέρασ δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὐτοῖς ζυμφοτον ἐχόντων δεῖν οὐν ἡμᾶς τούτων οὕτω διακεκοσμημένων αἰεὶ μίαν ἰδέαν περὶ παντὸς ἑκαστοῦτε θεμένους ζητεῖν, εὐρήσειν γὰρ ἐνοῦσαν εἴαν οὐν μεταλάβωμεν, μετὰ μίαν δύο εἰ πως εἰσὶ σκοπεῖν, εἰ δὲ μή, τρεῖς ἢ τινα ἄλλον ἀριθμὸν, καὶ τῶν ἐν ἐκείνων*

ἕκαστον πάλιν ὡσαύτως, μέχρι περ ἂν τὸ κατ' ἀρχὰς ἔν μὴ ὅτι καὶ πολλὰ καὶ ἄπειρά ἐστι μόνον ἴδη τις, ἀλλὰ καὶ ὅποσα τὴν δὲ τοῦ ἀπείρου ἰδέαν πρὸς τὸ πλῆθος μὴ προσφέρειν, πρὶν ἂν τις τὸν ἀριθμὸν αὐτοῦ πάντα κατίδη τὸν μεταξὺ τοῦ ἀπείρου καὶ τοῦ ἑνός· τότε δ' ἤδη τὸ ἕν ἕκαστον τῶν πάντων εἰς τὸ ἀπείρον μετέντα χαίρειν ἕαν οἱ μὲν οὖν θεοί, ὅπερ εἶπον, οὕτως ἡμῖν παρέδοσαν σκοπεῖν καὶ μαρθάνειν καὶ διδάσκειν ἀλλήλους (Plat. Phileb. 16 с—е).

Конечно, мы не думаемъ изумлять миръ какими-нибудь новыми открытіями, и указаніе Платона не мы первые принимаемъ къ дѣлу. Его принимали къ дѣлу цѣлые вѣка, и самое дѣло разрослось въ крѣпкую въ своихъ основахъ науку. Мы хотѣли бы только эту науку очистить кое гдѣ отъ выросшихъ на ней искусственныхъ наслоеній, насколько у насъ хватить силъ.

Въ заключеніе предупреждаемъ, что такъ называемыя междометія *исключаются* изъ нашего разсужденія. Тѣ гласные, которые слышны, когда мы плачемъ, стонемъ, смѣемся, хохочемъ; тѣ гласные и согласные чисто лирическаго характера, которые у насъ невольно вырываются, когда мы восхищаемся чѣмъ-нибудь или чувствуемъ отвращеніе при видѣ чегонибудь, когда мы довольны или сердимся; тѣ гласные и согласные, на которые мы переводимъ звуки, издаваемые животными и, при паденіи или какомънибудь другомъ движеніи, предметами, — всѣ эти гласные и согласные *не суть* «части рѣчи». Въ лучшемъ случаѣ они, какъ выяснилось, представляютъ собою каждая въ отдѣльности *цѣлую* рѣчь, притомъ цѣлую рѣчь на той *первой* ступени проявленія внутренней формы языка, съ которою въ предстоящемъ изслѣдованіи мы не будемъ имѣть дѣла: Die Sprache fängt da an, wo die Interjectionen aufhören (Max Müller, Vorles. I. 323).

II.

Глаголь въ смыслъ *verbi finiti*.

Во всемъ *ἄλειρον*, во всей массѣ словъ, въ которыхъ мы усмотрѣли *ἐν* уже тѣмъ, что назвали ихъ, въ ознаменованіе заключающейся въ этомъ *ἐν* »идеи«, частями рѣчи, рѣзко выдѣляется одна — *низшая* сравнительно съ только что упомянутою — *ἰδέα*, въ силу которой уже древними названа часть этого *ἄλειρον* — *ῥήματα*. У насъ употребителенъ *приблизительно* въ смыслъ τῶν »ῥημάτων« терминъ »глаголь«. Древніе, отдѣляя *ὄνομα ῥήματος* (наше »неопредѣленное наклоненіе«) и *μετοχήν* (наше »причастіе« и »дѣе-причастіе«) отъ собственнаго (*ῥήμα**), въ теоріи о частяхъ рѣчи шагнули чрезвычайно удачно. Съ одной стороны, они схватили самую *ἰδέαν*, выраженную терминомъ »ῥήμα«, весьма ясно и *опредѣленно*, а съ другой — открыли этимъ

*) *Μετοχή* выдѣлена древними какъ особая часть рѣчи совершенно твердо. Къ сожалѣнію, нельзя говорить о »твердости« въ ихъ разсужденіяхъ о »неопредѣленномъ наклоненіи« (*τὰ ἀπαρέμφατα ἀμφιβάλλεται εἰ ἄρα εἶσι ῥήματα ἢ οὐκί* — В. А. III. 1274). Съ *належащимъ* пониманіемъ дѣла высказывается объ этомъ вопросѣ Apoll. Dysc. de constr. I. 30: *καὶ ἕνεκα τοῦ τοιούτου οὐ συγκαταθείμην ἂν Τρύφωνι ἀποφαινομένῳ ἐν τῷ περὶ ἄρθρων, ὡς τὰ ἀπαρέμφατα ῥήματα πῆ μὲν ὀνόματά ἐστι τῶν ῥημάτων, δεῦ καὶ ὡς ὀνόματα ἄρθρα προβλαμμένα, . . . χωρὶς μέντοι ἄρθρον λεγόμενα ῥήματα ἂν εἴη . . . Πρόκειται οὖν ὁ λόγος φησικώτατος, ὃς οὐ παρὰ τὰς ἐλλείψεις τῶν ἄρθρων ἢ παραθέσεις ἐξελέγξει τὸ ἅ μὲν εἶναι ὀνόματα, ἅ δὲ μή. Ἀπαξ γὰρ ἐκείνῳ ἐστὶ διαλαβεῖν, ὡς πᾶν ἀπαρέμφατον ὄνομά ἐστι ῥήματος, εἴ γε οἱ ἀπὸ τῆς στοᾶς αὐτὸ μὲν καλοῦσι ῥήμα. Такое разсужденіе, исключающее, казалось бы, всякое колебаніе, не помѣшало, однако, Аполлонію употреблять иногда терминъ »ῥήμα«, когда идетъ дѣло о »неопредѣленномъ наклоненіи« (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называетъ неопредѣленное наклоненіе *γενικώτατον ῥήμα*).*

самымъ возможность *правильнаго* дѣленія и въ дальнѣйшемъ *ἄπειρον*: неправильность перваго шага, конечно, исключала бы эту возможность.

Разсуждая о значеніи словъ, мы различаемъ »представленія« и »отношенія« (см. выше стр. 78). Въ словахъ *ἔγραφον*, *γράφωμεν*, *γράφει*, *γράφετε*, *γράφαιντο*, *γράφεται*, — все это слова, входящія въ объемъ понятія »рѣма«, (*γράφειν*, *γράφω* и т. п. формы исключаются изъ этого объема) — соединены, какъ можно прежде всего замѣтить, обѣ стороны симасіологіи слова, причѣмъ одна изъ нихъ, именно »отношеніе«, есть не сенсуальная, а психо-логическая. Съ психо-логической стороны, слова *γράφωμεν* и др. представляютъ собою *присужденіе**) чего-то кому-то. »Представленій«, противопоставляемыхъ нами »отношеніямъ«, въ нашихъ *ῥήματα* два: въ нихъ обозначено и то, что присуждается, и тотъ, кому что-нибудь присуждается. Тотъ, кому нѣчто присуждается, показанъ въ ихъ окончаніи. Это — или слушатель, или самъ говорящій (*τί ποιεῖς*; *γράφω*), словомъ, это — лица (*πρόσωπα*), разговаривающія между собою, какъ бы дѣйствующія *на сценѣ* (отсюда и терминъ »*πρόσωπα*«: драма у грековъ, съ ея *πρόσωπα*, *древнѣе* грамматики) и не нуждающіяся въ дальнѣйшихъ языковыхъ средствахъ для ихъ обозначенія. Конечно, тѣмъ, кому нѣчто присуждается, можетъ быть не только слушатель и говорящій, но и нѣкто посторонній, а то и *нѣчто* постороннее (*γράφει*, *γράφεται*). Этотъ посторонній и это постороннее, хотя и нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи черезъ посредство, напр., словъ *ἀνὴρ* (*ἀνὴρ γράφει*) и *ἐπιστολή* (*ἐπιστολή γράφεται*), все же *кое-какъ* обозначены и въ окончаніи *τοῦ ῥήματος*, — обозначены именно какъ посторонніе, т. е. не *дѣйствующіе на сценѣ*, — и называются также »лицами«, — терминъ, явля-

*) На стр. 76 мы говорили, что и »отношеніе« представляется. Въ данномъ случаѣ, психо-логическое *присужденіе* можно представить черезъ *личію*, связывающую два »представленія«, или черезъ какое-нибудь →, словомъ, черезъ что нибудь такое, черезъ что представляемъ значеніе самыхъ словъ »отношеніе« — »отношу« (*προσφέρω*).

ющійся »синекдохическимъ« въ томъ случаѣ, когда въ качествѣ такого посторонняго »лица« выступаетъ не *нѣкто*, а *нѣчто* т. е. *предметъ*. »Лицамъ« этимъ присваиваются названія: первое, — это говорящій, — второе, — это слушатель, — третье, — это посторонній; всѣ они представляютъ собою какъ-бы *πρωταγωνιστήν*, *δευτεραγωνιστήν* и *τριταγωνιστήν* въ драмѣ. Такъ какъ »отношеніе«, выражаемое *τοῖς ῥήμασι*, заключается *именно* въ психо-логическомъ *присужденіи*, то »лицо, указанное въ *окончаніи* *τοῦ ῥήματος*, можно назвать психо-логическимъ подлежащимъ, а »присуждаемое«, выраженное въ »этимологической теиѣ«, — психо-логическимъ сказуемымъ.

Есть, впрочемъ, и вполне »безличныя« *ῥήματα*; хотя древніе старались и ихъ подвести подъ »личныя«, толкуя, напр., слово *ἔει* въ смыслѣ фразы *Ζεὺς ἔει*, *) однако это — стараніе *напрасное*. Въ минуту поэтическаго, скажемъ, — *релиознаго* настроенія, выраженіе *ἀστράπτει* всегда можно переводить на фразу *Ζεὺς ἀστράπτει*, можно *переводить* мысль на мысль, но *переводить* мысль на мысль не значитъ еще *отождествлять* мысли. Выраженіе *ἔει*, какъ выраженіе *известной* мысли, просто *отмѣчаетъ* явленіе, *безъ рѣшенія* вопроса о томъ, *откуда* оно взялось, и въ этомъ смыслѣ слова *ἔει*, *ἀστράπτει* и т. под. суть настоящія *безличныя ῥήματα*.

На ст. 31 мы привели разсужденіе Штейнталя, — а на стр. 37 сами разсуждали — о томъ, что простое »именованіе представленія« можетъ составлять *законченную* задачу и можетъ заключать въ себѣ *цѣлую рѣчь*. Эта мысль подлежитъ дальнѣйшему развитію и даже измѣненію. Часто мы видимъ что-то, что-то слышимъ, и задаемъ себѣ вопросъ, что жъ это такое, какъ бы *назвать* это видимое, слышимое; говоря точнѣе, мы спрашиваемъ себя, подъ какое изъ *известныхъ* намъ названій (въ словѣ *известныхъ* заклю-

*) Apoll. Dyc. de constr. II. 101: *ὀρίζομενα γὰρ τὰ ῥήματα κατὰ πρῶτον πρόσωπον καὶ δεύτερον ἀριστοῦνται κατὰ τὸ τρίτον, τοῦ ἀστράπτει καὶ τῶν τοιούτων ὑποστειλλομένων, καθὼς ἡ τοιαύτη ἐνέργεια ἑξαίρετως τῷ Διὶ ἀναπέμπεται.*

чается *измѣненіе* прежней мысли) подвести то представленіе, которое получается отъ даннаго слуховаго или зрительнаго впечатлѣнія. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы произносимъ слова »набатъ!«, »громъ!«. Нѣтъ сомнѣнія, что, произнося эти слова, мы высказываемъ полную *мысль*, — полное *сужденіе*, — высказываемъ эту мысль и это сужденіе иногда послѣ долгихъ колебаній, прислушиваясь нѣсколько разъ къ раздающимся раскатамъ, къ раздающимся ударамъ колокола, изъ опасенія смѣшать грохотъ грома съ грохотомъ ѣдущаго экипажа, или троекратный ударъ набатнаго колокола съ какимъ нибудь другимъ звономъ. Въ окончательномъ сужденіи, высказываемомъ черезъ слова »набатъ!« — »громъ!«, слова *набатъ* и *громъ* являются психологическими *сказуемыми*, однако къ какимъ подлежащимъ? Подлежащими оказываются сами тѣ *представленія*, которыя у насъ получаютъ черезъ чувственныя воспріятія, или, короче говоря, — сами наблюдаемыя *явленія*.*). Такія состоящія изъ *одного* слова сужденія постоянно высказываетъ ребенокъ, когда, при видѣ предмета, старается »опредѣлить« его черезъ присвоеніе ему названія и, нерѣдко протягивая къ самому предмету ручку, восклицаетъ: *икона! лампа!* и т. п. За такія простыя сужденія слѣдуетъ принимать и выраженія *ὄει-ἀστράπτει*; различіе только въ томъ, что »лампа!« есть выраженіе ономатическое (состоящее изъ *ὄνομα*), а *ὄει* — риматическое (состоящее изъ *ῥήμα*).

Намъ возразятъ, что и по *нашему* толкованію слова *ὄει-ἀστράπτει* суть *личныя ῥήματα*, что и *здѣсь* окончанія, относясь къ тому »наблюдаемому явленію«, которое вызвало эти слова, указываютъ въ немъ на нѣчто постороннее. Намъ отошлютъ къ другимъ языкамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ выраженіямъ въ родѣ »es regnet«,

*) Paul (Princip. 104): Wenn der Prinz in Lessings Emilia beginnt: *Klagen, nichts als Klagen!* — *Bitschriften, nichts als Bitschriften!*, so sind das nur lauter Praedicate, das Subject wird durch die Briefe gebildet, die er in die Hand nimmt. . . Für denjenigen, der beim Anblick eines Brandes ausruft *Feuer*, ist die Situation das Subject und der allgemeine Begriff *Feuer Praedicat*.

обозначая словомъ »es« самое явленіе, а словомъ »regnet« — сужденіе о немъ или, какъ мы выражаемся, психо-логическое сказуемое къ нему.*) Нельзя не считаться съ подобнымъ возраженіемъ, хотя все же не слѣдуетъ забывать, что *es regnet* есть выраженіе, принадлежащее *нѣмецкому* языку, а *ὕει* есть слово *греческое*, и что психологія послѣдняго можетъ быть и не одинакова съ психологіею перваго. Быть можетъ, впрочемъ, нѣмецкое *es regnet* не выросло непосредственно на свѣжей психологической почвѣ, а сочинено по *шаблону*, — какъ говорятъ, по »ложной аналогіи«, или *просто* по »аналогіи«, т. е. составлено, безъ особенно яснаго *отчета*, по *образу* того *большинства* риматическихъ выраженій,**) въ которыхъ, дѣйствительно, какъ будто и выступаетъ психо-логическое подлежащее какъ нѣчто *отдѣльное*, а психо-логическое сказуемое какъ нѣчто *тоже* отдѣльное: во фразѣ *ich schreibe* слово *ich* есть какъ будто подлежащее, а слово *schreibe* — какъ будто сказуемое. Я говорю *какъ будто*; ниже выяснится смыслъ этой прибавки.

Безличность τῶν ὑμῶν еще виднѣе на словѣ δέι. Конечно, *нужда*, которая такъ или иначе выражена въ словѣ δέι, можетъ быть »присуждена« *чему-нибудь*, какъ въ γράφει писаніе »присуждается« *кому-нибудь*, притомъ *кому-нибудь постороннему*. Но если при γράφει этотъ посторонній можетъ быть »ближе опредѣленъ« черезъ слово ἀνήρ

*) Въ такомъ случаѣ, »es regnet« относилось бы къ »ὕει«, какъ »ich schreibe« относится къ »γράφω«, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ »лицо« выражено въ одномъ языкѣ особымъ словомъ и окончаніемъ τῶν ὑμῶν (синтаксическая *тавтологія*; съ нею мы будемъ встрѣчаться часто), а въ другомъ — однимъ окончаніемъ τῶν ὑμῶν.

**) Такъ понимаетъ и Paul (Princip. 105): Alle Bemühungen dies es auch als logisches (?) Subject zu fassen und ihm bestimmte Andeutung zu geben haben sich als vergeblich erwiesen . . . Indem der Satz es rauscht auf die normale Form gebracht ist, hat er ein formelles Subject erhalten, welches mit dem psychologischen nichts zu thun hat. Wir müssen eine ältere Stufe voraussetzen, auf welcher der einfache Verbalstamm (итакъ, даже форма безъ всякаго окончанія!) gesetzt wurde . . . Das psychologische Subject ist also in dem Satze es brennt ebenso wenig ausgedrückt, als in dem Satze Feuer. Auch hier findet eine Verknüpfung zweier Vorstellungen statt. Auf der einen Seite steht die Wahrnehmung einer concreten Erscheinung, auf der anderen die schon in der Seele ruhende Vorstellung von Brennen oder Feuer, unter welche sich die betreffende Wahrnehmung unterordnen lässt.

и именно через данную его форму, через форму, как говорят, *»именительного падежа«*, то при *δεῖ* это «что-нибудь» обозначается через форму, как говорят, *genitiv'a*. Мы забѣгаемъ немного *впередъ*, указывая на то, что самъ *внѣшній видъ* выраженія *δεῖ πράξει* вполне опровергаетъ, какъ неумѣстную, *всякую* попытку искать въ *окончаніи* формы *δεῖ* «лицевое» обозначеніе того «что-нибудь», которому *»присуждается«* нужда. Нельзя, однако, усматривать въ словѣ *δεῖ* и того характера, который замѣчается, наравнѣ съ выраженіемъ *»набатъ!«*, въ словѣ *ῥέει*, гдѣ психо-логическимъ подлежащимъ оказывается само «явленіе», ищущее себѣ подходящаго «названія». Разсуждать ли намъ такъ, что въ словѣ *δεῖ* совсѣмъ *не отдѣлено* подлежащее отъ сказуемаго? Такое разсужденіе нельзя назвать лишеннымъ всякаго основанія. Можно бы сказать, что слово *δεῖ* просто *свидѣтельствуетъ* о нуждѣ. Просимъ читателя обратить вниманіе на наше выраженіе: *»свидѣтельствуетъ о нуждѣ«*. Мы не говоримъ: *свидѣтельствуетъ о существованіи или о наличности* нужды. Въ *последнемъ* выраженіи уже какъ будто *разложено* сужденіе на подлежащее и сказуемое, какъ оно разложено, казалось бы, и въ выраженіи *нужда есть* или *нужда на лицо*. Но, — можно бы разсуждать дальше, — какъ нѣтъ разницы въ *смыслъ* между выраженіемъ *»засвидѣтельствовать наличность* нужды» и выраженіемъ *»засвидѣтельствовать нужду«*, и въ *последнемъ* такъ же ясно обозначено движеніе моей мысли, какъ и въ первомъ, такъ и въ словѣ *δεῖ* можно выразить то же движеніе мысли, оставляя *неотдѣленнымъ* подлежащее отъ сказуемаго.

А всетаки такое разсужденіе неправильно. Ниже окажется, что въ выраженіи *нужда на лицо*, если и можно говорить о подлежащемъ и сказуемомъ, то въ совершенно *другомъ* смыслѣ. Чѣмъ въ смыслѣ тѣхъ «психо-логическихъ» подлежащихъ и сказуемыхъ, о которыхъ мы толкуемъ теперь. Намъ кажется, что особенной разницы между *ῥέει* и *δεῖ* нѣтъ. Если *ῥέει* было психо-логическимъ сказуемымъ къ разсматриваемому нами *явленію*, — такими психо-логическими сказуемыми оказываются, въ сущности, *все* «названія» пред-

метовъ и явленій, *отдѣльно* взятыя, т. е. не въ *связной рѣчи* появляющіяся (сравни стр. 30), — то *δεί* есть психо-логическое сказуемое къ разсматриваемымъ *»обстоятельствамъ«*. Если мы выше риматическое выраженіе *ὄει* сравнивали съ ономатическимъ *»набатъ!«*, то теперешнее *δεί* можно сравнить съ ономатическимъ выраженіемъ *»пора!«* *) Въ словѣ *»пора!«* мы также или *»свидѣтельствуемъ«* о порѣ, или, какъ мы только что разсуждали, *»характеризуемъ«* имъ, какъ психо-логическимъ сказуемымъ, разсматриваемыя нами *»обстоятельства«*.

Какъ бы то ни было, мы въ правѣ сказать, что *ῥήμα*, со стороны отмѣченнаго въ немъ *»отношенія«*, — въ данномъ случаѣ не сенсуальнаго, а психо-логическаго, — есть выраженіе сужденія въ трехъ видахъ: 1. выраженіе сужденія, какъ рѣшеніе вопроса, *есть ли то-то, или нѣтъ* этого (*δεί*); 2. выраженіе сужденія, какъ присвоеніе *»представленію«* надлежащаго *названія* (*βροῦτῃ*); 3. выраженіе *присужденія* чего-нибудь какому-нибудь *»лицу«* (*υῶφει*). Въ первыхъ двухъ случаяхъ *ῥήμα* сводится къ безличному. Что *форма*, предназначенная указывать въ своемъ *окончаніи* на что нибудь, какъ на *постороннее* (третье *»лицо«*, — говорили мы выше, — есть нѣчто *постороннее*), следовательно, и какъ на *отсутствующее*, могла послужить выраженіемъ и для *несуществующаго*, это, конечно, свидѣтельствуешь о бѣдности языка, но является вполнѣ позволительнымъ обще-симасіологическимъ тропомъ (о тропахъ смотри выше стр. 80). Если мы обозначимъ черезъ букву *а* то, что въ *ῥήμα* *»присуждается«*, — черезъ букву *б* то *лицо, которому* оно присуждается, а черезъ знакъ *→* психо-

*) Выраженіе *»пора!«* можно произнести *восклицательно*, какъ проносимъ восклицательно и слово *»набатъ!«*. Читатель согласится съ нами въ томъ, что характеръ этихъ восклицаній не одинаковый. Восклицаніе въ словѣ *»набатъ!«* есть выраженіе какой то ошеложенности, тогда какъ въ восклицательномъ *»пора!«* слышится *imperativ'ный* оттѣнокъ. Впрочемъ, мы должны заявить, что восклицанія *не касаются* симасіологич частей рѣчи и ихъ формъ. Они относятся скорѣе къ тѣмъ тонамъ, которые должны быть разсматриваемы въ другой, *высшей* части синтаксиса, установленной нами на стр. 64.

логическое »отношеніе«, выраженное въ ῥήμα, то общія схема τοῦ ῥήματος будетъ $a \rightarrow b$; въ *безличныхъ ῥήματα* б сводится къ нулю.

Перечисленными тремя видами сужденія не исчерпывается вся психо-логическая сторона »отношенія«, выраженного въ ῥήμα. Сама *модальность*, или скорѣе — *квалитативность* сужденія бываетъ различна, и мы можемъ въ этой области построить цѣлую гамму всевозможныхъ оттѣнковъ сужденія. То мы высказываемъ нѣчто съ полною *уверенностью*, какъ силлогистическую *необходимость* (τοιούτων ἄρα, — говоритъ Платоновскій Сократъ въ видѣ *заключенія* изъ всего, раньше сказаннаго, — τοιοῦτων ἄρα πάθος τῷ τυπτομένῳ ἐστίν, οἷον ἂν τὸ τυπτον ποιῆ; πάνυ γε; Plat Gorg. 476 с), то *просто* заявляемъ о чемъ-нибудь, какъ о своемъ *мнѣніи* (εὐ ἔχει ταῦτα), или говоримъ о чемъ-нибудь, какъ о *фактѣ*, слышанномъ или видѣнномъ нами (ἐνίκησαν οἱ ἡμέτεροι σύμμαχοι), то выставляемъ нѣчто не какъ силлогистически *вѣрное*, а только лишь какъ *могущее* быть, пожалуй, *вѣрнымъ* (къ вложенію такого оттѣнка въ сужденіе можетъ вести наша *скромность*, а то и *ироническое** настроеніе; сравни: ἀληθὲς ἂν τοῦτο εἴη), то *сомнѣваемся* въ правильности нашего сужденія и *колеблемся* (быть можетъ, тоже въ силу ироническаго настроенія), высказать ли его, или нѣтъ (μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῆ), то *примѣшиваемъ* къ оттѣнку »познавательнаго« сужденія оттѣнокъ сужденія »желательнаго«, быть можетъ, даже съ *преобладаніемъ* послѣдняго (πάπλα φίλ' οὐκ ἂν δῆ μοι ἐφοπλίσειας ἀπήτην; Od. ζ 57 = быть можетъ, ты дашь мнѣ = не дашь ли, быть можетъ = не далъ ли бы ты), а то и прямо, оставляя познавательный оттѣнокъ совершенно въ сторонѣ, выражаемъ въ нашемъ сужденіи одно *желаніе* (εἶθε τοῦτο γένοιτο), иногда *рѣшительно*, въ смыслѣ *повелѣнія*, обращеннаго къ *другому* (ποιήσον ταῦτα). Всѣ эти

*) Иронію мы понимаемъ здѣсь въ *древнемъ* значеніи этого слова, какъ ее понималъ Теофрастъ въ своихъ »характерахъ«: »иронически« я настроенъ, когда я только *прикидываюсь* незнающимъ (можетъ быть, *тоже* изъ скромности), а на дѣлѣ *уверенъ* въ своемъ знаніи.

оттѣнки квалитативности сужденія, сводясь къ двумъ главнымъ; именно къ »познавательному« и »желательному«*), получаютъ выраженіе прежде всего въ тѣхъ формальныхъ измѣненіяхъ τὸν ἰμμέτων, которыя мы называемъ »наклоненіями.«

Читатель ожидаетъ отъ насъ теперь симасіологію *наклоненій*, въ духѣ разныхъ сочиненій и статей въ грамматикахъ »о наклоненіяхъ«, или »о томъ или иномъ наклоненіи«. Но устанавливать симасіологію »наклоненій« *особнякомъ* было

*) Немного иначе Paul (Princip. 107—109): Ich wachle die Bezeichnung *Aufforderungssätze* als die indifferenteste] (Paul, конечно, стоя не на почвѣ симасіологич. частей рѣчи, долженъ тутъ разсуждать не о ἰμμέ, а о Satz'в). In der Aufforderung ist natürlich Bitte, Gebot und Verbot, Rath und Warnung, Aufmunterung, auch Concession und Ablehnung oder Verbitten enthalten . . . Wir müssen daran noch die Wunschsätze anknüpfen . . . Wir sind jetzt gewohnt den Aussagesatz als den eigentlich normalen Satz zu fassen. Der Aufforderungssatz ist aber ebenso ursprünglich. Den Behauptungs — und Aufforderungssätzen stellt man als eine dritte Klasse die Fragesätze zur Seite. Es lässt sich aber für eine solche Dreitheilung der Sätze kein einheitliches Princip finden, und diese drei Classen können nicht einander coordinirt werden . . . Nicht nur die Behauptungs — sondern auch die Aufforderungssätze haben ihr Pendant in Fragesätzen. Vrgl. lat. *quid faciam* gegen *quid facio*. Man gebraucht dafür den Ausdruck *deliberative Fragen*. Wir können sie geradezu als Fragaufforderungssätze bezeichnen. Что касается *вопросительныхъ* выраженій, то намъ придется ихъ разсматривать ниже. Въ настоящее время мы можемъ только замѣтить, что *вопросительный* оттѣнокъ выражается прежде всего *тономъ*, а тонъ, какъ уже сказано, не составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, развѣ если онъ вызываетъ въ языкѣ появленіе какого нибудь особаго слова, какъ части рѣчи, или какой нибудь особой грамматической *формы* въ той или иной части рѣчи. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы дѣйствительно замѣчали *вопросительный* тонъ (какъ могли замѣтить и *восклицательный* тонъ въ выраженіяхъ εἶθε τοῦτο γίνεοιτο и ποιήσοι ταῦτα). Этотъ *вопросительный* тонъ вызвалъ въ рѣчи слова οὐκ и μή (οὐκ ἀνέφοι πλίσβεας и μή τοῦτο καὶ ὁ ἀποβῆ), и мы понимаемъ, что этотъ *вопросительный* тонъ тѣсно связанъ съ тѣмъ *сомнѣніемъ* и *колебаніемъ*, съ тою *нерѣшительностью* (сомнѣніе есть *вопросъ*), съ которою иногда высказывается сужденіе. — Относительно встрѣчающихся въ приведенномъ разсужденіи Paul'я выраженій *Bitte, Gebot, Warning* и др. мы должны замѣтить, что въ нихъ не видать той строгой *постепенности*, на которой въ этомъ дѣлѣ настаиваемъ мы, и на которой, по нашему мнѣнію, настаивать нужно, такъ какъ »познавательное« и »желательное« сужденія суть нѣчто такое, что только на *полюсахъ* выдѣляется рѣзко, а затѣмъ все больше и больше *сближается*, пока не встрѣтится въ одномъ *общемъ* узлѣ, разорвать который столько же трудно, сколько трудно въ концѣ концовъ разграничить и самую *длительность* души въ познаніи и желаніи: и познаніе есть въ извѣстномъ смыслѣ проявленіе *воли*, и желаніе — проявленіе *разума*.

бы крайне неправильно, такъ какъ она тѣсно связана съ симасіологією *другой* категоріи формальныхъ измѣненій *τῶ ῥήματος*, какъ это видно изъ непосредственно слѣдующаго разсужденія.

Разъясненіе «психо-логическаго отношенія», выраженнаго въ *ῥήμα*, нами *еще* не кончено. Симасіологическая *схема* *τῶ ῥήματος* есть, какъ выше выяснено, *a* → *б*. Если бы мы въ этой схемѣ уничтожили знакъ →, то изъ *б* выйдетъ особое слово: *я, ты, онъ-она-оно*. Что же касается *a*, то выйдетъ ли и изъ него особое слово? Выйдетъ, но какое? Можно ли подставить подъ *a* любой предметъ, помѣщаемый въ пространствѣ *мѣста*? — напр. *столъ, дерево* и т. п. *Онъ* и *дерево*; можно ли изъ этого сдѣлать сужденіе, т. е. можно ли внести въ эти два слова »то психо-логическое отношеніе, какое мы усматривали между *a* и *б* въ *ῥήμα*, а если можно, то выйдетъ ли изъ этихъ двухъ словъ, при *внесеніи* въ нихъ такого »отношенія«, — выйдетъ ли изъ нихъ *ῥήμα*? Въ выраженіи *онъ — дерево* (слово *онъ* можно »опредѣлить ближе« черезъ слово, напр., *дубъ*) дѣйствительно *тоже* присуждается что то чему-то, но *ῥήμα* изъ этого не выйдетъ. А напр. *деревенъетъ* (т. е. *онъ*, напр. *стебель*), это уже *ῥήμα*. Это *ῥήμα* показываетъ, что нѣчто принимаетъ на себя *признакъ дерева*, т. е. что *признакъ дерева* превращается въ *признакъ самого этого »нѣчто«*, причѣмъ »превращеніе« совершается въ пространствѣ *времени* (само *дерево*, какъ сказано, помѣщалось въ пространствѣ *мѣста*), такъ что »деревенъіе« начинается, развивается, доходить до извѣстнаго *состоянія*, затѣмъ это состояніе постепенно разрушается и, наконецъ, исчезаетъ *совсѣмъ*. Эти-то *признаки*, въ ихъ *развитіи* и *исчезновеніи*, — вотъ »представленіе«, обозначенное въ нашей симасіологической схемѣ *τῶ ῥήματος* черезъ *a*. »*Рублю*« есть *тоже ῥήμα*, но присуждаемое здѣсь первому лицу »*рубленіе*« есть ли такой *признакъ*, какимъ было »*деревенъіе*« въ *ῥήμα* »*деревенъетъ*«? Помимо *движенія* въ пространствѣ *времени*, т. е. помимо того, что оно начинается и прекращается, мы »представляемъ« въ »*рубленіи*« и *движеніе*

въ пространствѣ *мѣста**), а потому рубленіе мы называемъ не столько »признакомъ«, сколько скорѣе »дѣйствиємъ«. Мы могли бы его назвать «признакомъ» и, такимъ образомъ, подвести подъ одну категорію съ *деревенѣніемъ*, имѣя въ виду только развитіе его и исчезновеніе въ пространствѣ *времени*, а не соединенное съ нимъ движеніе въ пространствѣ *мѣста*. Съ другой стороны можно бы также признакъ *деревенѣніе* назвать »дѣйствиємъ«, для того чтобы *отличить* его отъ признаковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ не »представляемъ« возникающими и исчезающими въ пространствѣ *времени* (сравни *зеленѣетъ* и *зеленый*). И въ словахъ *есть* — *существуетъ* можно назвать кроющееся въ *первой* ихъ части *a* (разумѣй *a* нашей симасіологической *схемы той* (*ἴματος*)) »дѣйствиємъ«; ибо хотя »существованіе« есть нѣкое *состояніе*, но состояніе можно »представлять« *срединою* того, что съ одного конца начинается. а съ другого — исчезаетъ въ пространствѣ *времени*.

Причемъ же тутъ »психо-логическое отношеніе« симасіологіи *той* (*ἴματος*), которое мы собирались окончательно разъяснить, и разъясненіе котораго намъ помѣшало перейти къ разбору наклоненій? Пока — ни причемъ: пока мы разъясняли членъ *a* нашей симасіологической *схемы a→б*.

Нѣмецкіе ученые назвали *ἴμα* »Zeitwort«. Это — названіе весьма удачное, по слѣдуетъ ли тутъ разумѣть тѣ *моменты* развитія и исчезновенія «дѣйствія», о которыхъ мы говорили какъ объ *общемъ* свойствѣ всего того, что въ нашей симасіологической *схемѣ той* (*ἴματος*) отмѣчено черезъ *a*, и благодаря чему мы это *a* и назвали »дѣйствиємъ«. слѣдуя въ данномъ случаѣ Александрійцамъ, толковавшимъ здѣсь о *πρῶμα*? Нѣтъ. То время, которое выражено въ »Zeitwort'ѣ«, въ *настоящемъ* Zeitwort'ѣ (не въ неопредѣленномъ наклоненіи и не въ причастіи или въ дѣепричастіи, а въ *ἴμα*).

*) Намъ скажутъ, что и *деревенѣніе* есть движеніе, происходящее въ пространствѣ *мѣста*. Но такое движеніе усматриваютъ въ немъ только *физики-философы*; создавшіе же языкъ люди были не физики-философы: это были наблюдатели *простые*, а для тѣхъ *деревенѣніе* было движеніемъ *только* въ пространствѣ *времени*.

есть *прежде всего* элементъ той же психо-логической стороны симасіологіи τῆς ῥήματος. Ῥῆμα съ психо-логической стороны обозначаетъ сужденіе, съ разными отбѣнками его модальности или квалитативности. Но, когда я сужу, — я долженъ относить сужденіе и ко *времени*. Не потому я это долженъ дѣлать, что я въ сужденіи говорю, напр., о *постройкѣ дома*, которая *сама* совершается въ пространствѣ времени, а просто и *прежде всего* потому, что я *сужу*, что я *произношу* сужденіе *вообще*. При этомъ, если это сужденіе *желательное*, напр. *повелѣніе*, то, хотя я его и произношу въ *настоящее время*, однако въ *извѣстномъ* смыслѣ оно относится къ *будущему* времени (мое желаніе *имѣетъ* только еще *исполниться*). Если я въ моемъ *сужденіи* заявляю о *фактѣ*, то, хотя я и заявляю о немъ *въ настоящее время*, но *самый* фактъ относится къ *прошедшему* времени; къ настоящему времени онъ можетъ относиться въ *крайнемъ* случаѣ лишь постольку, поскольку это настоящее для меня уже *раскрыто*, т. е. поскольку это настоящее есть собственно *прошедшее*. Если мое сужденіе *чисто* силлогистическое, то въ смыслѣ времени *опять* выступаетъ нѣчто *новое*: словомъ, — время есть не только въ *общемъ* смыслѣ элементъ психо-логической стороны симасіологіи τῆς ῥήματος, но является чѣмъ то *тѣсно* *связаннымъ* съ *квалитативностью* сужденія. Вотъ почему мы отказывались разбирать симасіологію *наклоненія* *отдѣльно* *отъ* *другой* категоріи формальныхъ измѣненій τῆς ῥήματος; этою *другою* категоріею оказывается время.*) Конечно, относя свое сужденіе, напр. къ *прошедшему* времени, я могу въ этомъ *прошедшемъ* времени обозначить и *моментъ* *развитія* *дѣйствія* въ тотъ промежутокъ времени, къ кото-

---

*) Греческія времена до сихъ поръ основательнѣе всѣхъ разобралъ Mutzbauer (Tempusl.), и мы съ нимъ въ пониманіи ихъ почти что сходимся. Къ сожалѣнію, я онъ, хотя не только подозреваетъ связь временъ съ наклоненіями, но прямо о ней заявляетъ (въ чемъ эта связь, — онъ не разъясняетъ), гдѣмъ не менѣе поставилъ себѣ задачу о временахъ *особнякомъ* (наклоненія онъ обѣщаетъ разобрать въ слѣдующемъ томѣ своего труда) и черезъ то вносить напрасное затрудненіе въ дѣло.

рому я отношу сужденіе.*) Я могу сказать: »тогда строили домъ«, т. е. »въ то время«, къ которому я отношу сужденіе, дѣйствіе находилось не въ *зачаточной* стадіи, не въ стадіи *состоянія*, не въ стадіи *разрушенія*, а на *пути* своего развитія.

Переходитъ ли теперь къ симасіологіи »наклоненій» и, стало быть, въ связи съ нею и къ симасіологіи »временъ«, или еще что нибудь мѣшаетъ? Членъ *б* нашей симасіологической схемы раскрытъ нами достаточно въ самомъ началѣ настоящаго отдѣла; выясненіемъ того, что членъ *б* означаетъ »лицо«, которое иногда нуждается въ »ближайшемъ опредѣленіи« черезъ добавочныя слова (напр., — *ἀνὴρ* и *ἐπιστολή*), и того, что онъ иногда сводится къ нулю, — сказано о немъ все. Нельзя этого утверждать о членѣ *а*. Тѣмъ, что *а* опредѣлилось какъ означеніе »дѣйствія« въ разныхъ стадіяхъ его развитія, оно *не раскрыто* еще *сполна*. А между тѣмъ хотѣлось бы окончательно выяснитъ и его, прежде чѣмъ приступимъ къ подробному изслѣдованію того знака →, который нами поставленъ между нимъ и членомъ *б*.

Извѣстно, что обозначенное буквою *а* »дѣйствіе« называется такъ называемыя »залоговыя« измѣненія риматическихъ формъ. До настоящаго времени вопросъ о залоговъ нельзя не назвать крайне *запутаннымъ* въ нашихъ грамматикахъ. Ученые усердно занимаются разслѣдованіемъ того, какая изъ существующихъ залоговыхъ формъ въ греческомъ языкѣ древнѣе, какая новѣе, но это или мало относится,

*) О различіи временъ *сужденія* и временныхъ отбѣнковъ *дѣйствія* (да, въ этомъ заключается все различіе) первый заговорилъ, какъ извѣстно, Curtius. Ему всѣ и приписываютъ заслугу *установленія* различія въ temporal'ныхъ измѣненіяхъ *обще-глагольныхъ* формъ (т. е. *τοῦ ἑήματος εὐκταῖα* съ неопр. накл. и прич.), придерживаясь, въ общемъ, и его *толкованія* этого различія. Curtius толкуетъ это различіе такъ (Erl. 172): Der Unterschied zwischen Gegenwart, Vergangenheit und Zukunft beruht nur auf dem Verhältniss der Handlung (?) zu dem Sprechenden. Ich nenne diesen Unterschied den der *Zeitstufe*.... Offenbar muss nun aber die Differenz zwischen *γὰρ ὅτι ἔσται*, *γίγνεται*, *γυνοίται* durch ein Wort bezeichnet werden, das sofort andeutet, dass es sich hier um eine *innerhalb* der Handlung selbst liegende Differenz, nicht bloss um das Verhältniss zu etwas *ausser* ihr liegenden handelt. In diesem Sinne wählte ich das Wort *Zeitart*.

или совсѣмъ не относится къ »симасіологии залоговъ«. Больше всего тутъ успѣла раскрыть *русская школа*. Хотя русская школа не столько обращаетъ вниманіе на залоговыя *формы*, сколько скорѣе на *внутреннія* залоговыя различія, но послѣдняя она, признавая *шесть* залоговъ, разработала довольно правильно и тѣмъ облегчаетъ наше симасіологическое изслѣдованіе. Наша симасіологическая задача заключается въ данномъ случаѣ въ рѣшеніи вопроса, сколько вообще *мыслимо* внутреннихъ залоговыхъ различій, и насколько удовлетворяетъ этимъ мыслимымъ различіямъ *языкъ* своими грамматическими формами.

Что такое залогъ? Само слово *залогъ* есть, повидному, довольно неточный переводъ греческаго термина *διάθεσις*. У грековъ, очевидно, этотъ терминъ выросъ на почвѣ вопроса, какъ отзывается, — какъ »располагается« (*διατίθεται*) такое или иное «дѣйствіе» на тѣхъ »лицахъ«, которыя отмѣчаются *окончаніями τῶν ῥημάτων*. Греки очень много толковали о *διάθεσις παθητικῆς*, о *διάθεσις διαβιβαστικῆς*, словомъ, — о томъ, что мы, съ нашей точки зрѣнія, опредѣлили бы какъ *ἐνέργειαν*, которая проявляется —, а въ другихъ случаяхъ — какъ *πάθος*, которое совершается въ душѣ отщепеннаго въ риматическомъ окончаніи »лица«, въ случаѣ отнесенія къ нему такого или иного дѣйствія. Отъ чего зависитъ *ἐνέργεια* или *πάθος* души въ этихъ случаяхъ? Отъ »качества« — отвѣтимъ мы — самого дѣйствія. О качествахъ дѣйствій приходится разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Есть дѣйствія, которыя мы »представляемъ« начинающимися, развивающимися и кончающимися, вообще — *движущимися* въ пространствѣ времени и *совершающимися* на »лицахъ« *пожило чьей бы то ни было воли*. Такими можно »представлять« дѣйствія, напр., *ἀσθενέω* (недомогаю) и др. (въ числѣ ихъ и *εἶμι*).

Другія дѣйствія предполагаютъ непременно »двигателя«, т. е. чью нибудь волю, которая привела бы ихъ въ движеніе во временномъ пространствѣ. Такими »представляемъ« дѣйствія *τρέχω*, *περιπατέω* и т. п. Двигателемъ является при

нихъ само то »лицо«, которому они присуждаются, такъ что не они »совершаются« на »лицахъ«, какъ то было въ первомъ разрядѣ дѣйствій, а сами »лица« ихъ »совершаютъ«.

Третьи предполагаютъ не только двигателя, но еще и предметъ, иногда даже не *одинъ* (ср. *δίδωμι τῷ ἑταίρῳ τὸ ἀργύριον*), на который переводится двинутое имъ, этимъ двигателемъ, дѣйствіе. Кто въ этихъ случаяхъ бываетъ отиѣченъ, какъ »лицо«, въ риматическомъ окончаніи, т. е. бываетъ ли отиѣченъ какъ »лицо« самъ двигатель, или тотъ предметъ, на который переводится дѣйствіе, это — дѣло грамматической *формы τοῦ ῥήματος* и . . . приставляемыхъ къ риматической формѣ такъ называемыхъ »падежей«. Пока мы будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ риматическомъ окончаніи отиѣчается самъ *двигатель*. Предметъ, на который переводится дѣйствіе, отиѣчается тогда то *accusativ'омъ*, то *другимъ* какимъ нибудь »падежемъ«. Когда будемъ разбирать »падежи«, то станеть яснымъ, почему *accusativ'ныя* »дополненія« *τοῦ ῥήματος* должны быть выдвинуты *особо* въ противоположность *другимъ* падежнымъ его дополненіямъ. Пока ограничимся — общеизвѣстнымъ, впрочемъ, — замѣчаніемъ, что на этой противоположности зиждется различіе между такъ называемыми »прямымъ« и »косвеннымъ« переводами дѣйствій.

Какъ на особенность въ дѣйствіяхъ третьяго разряда можно указать, въ четвертыхъ, на тѣ случаи, когда двигатель или »дѣятель« переводить дѣйствіе на самого себя (*λοόμαι*). Такъ какъ двигатель и предметъ, на который переводится дѣйствіе, въ данномъ разрядѣ дѣйствій *совпадаютъ*, то не можетъ быть рѣчи здѣсь о такихъ дополненіяхъ *τοῦ ῥήματος*, о какихъ мы говорили въ предшествующемъ пунктѣ, развѣ что дѣятель *кромя* себя переводить дѣйствіе *еще* на какой нибудь предметъ; ибо сказано выше, что предметъ, на который переводится дѣйствіе, бываетъ иногда *не одинъ* (подробности ниже).

Въ пятыхъ, наконецъ, слѣдуетъ привести тѣ дѣйствія, которыя предполагаютъ *двухъ* дѣятелей или *двѣ стороны*

дѣятелей, совершающихъ дѣйствіе другъ *надъ* другомъ. Такиши можно представлять дѣйствія *μάχομαι, διαλέγομαι* и т. п. Въ риматическомъ окончаніи могутъ быть отмѣчены *объ* стороны дѣятелей (*διαλέγομεθα* = мы бесѣдуемъ *другъ съ другомъ*, или только *одна*, а тогда *ῥήμα* нуждается опять въ дополненіи (*μάχομαι οὐτῷ* или *μαχόμεθα αὐτοῖς* = я *воюю съ нимъ* или *мы воюемъ съ ними*).

Такимъ образомъ, по *качеству* дѣйствія распадаются на *пять* разрядовъ: на *самодвижуціяся*, на *непереводно-движимыя*, на *переводно-движимыя*, на *возвратно-движимыя* (короче, — »возвратныя«) и на *взаимно-движимыя* (— »взаимныя«). Что касается *грамматическихъ* залоговыхъ формъ *τοῦ ῥήματος*, то языкъ ихъ выработалъ три: *activum*,—во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами; *medium*,—во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами, и *passivum*,—въ наклоненіяхъ *aoristi* и *futuri simplicis* (въ *futurum simplex*, впрочемъ, не во *всѣхъ ῥήματα*; списокъ такихъ *ῥήματα* смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 100—102).

*Mediaľ*ныя грамматическія формы служатъ для выраженія »взаимныхъ« и возвратныхъ дѣйствій. Въ русскомъ языкѣ для дѣйствій, *представляющихъся* возвратными или взаимными, имѣются формы: *борюсь, сражаюсь, дѣлаюсь* (такимъ-то), *моюсь* и т. п. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ »возвратныхъ« дѣйствіяхъ часто приходится имѣть дѣло не съ »прямыми« переводомъ, — не съ »прямыми« *возвращеніемъ* дѣйствія къ самому дѣятелю (»прямое« возвращеніе мы видимъ въ словахъ: *дѣлаюсь* = дѣлаю себя, *моюсь* = мою себя, *поворачиваюсь* — поворачиваю себя; то же и въ греческихъ словахъ: *γίγνομαι, λούομαι, τρέπομαι*), а съ »косвеннымъ« переводомъ, — съ »косвеннымъ« возвращеніемъ къ дѣятелю, а именно *dativ'нымъ* (такъ иногда и по русски: сравни »стучится въ дверь = стучить себѣ, для себя; просится = просить себѣ, для себя, молится = молить себѣ, для себя). Грекъ *очень* любитъ вносить въ представленіе, а затѣмъ и въ рѣчь это *dativ'ное* возвращеніе дѣйствія къ дѣятелю (*ποιεῖται* — онъ дѣлаетъ — подразумевай »себѣ«, *ἀπέθετο* — онъ отложилъ себѣ), и это, понятно, не мѣшаетъ ему поставить

рядомъ *другой* предметъ, на который онъ *также* переводитъ дѣйствіе, *помимо* перевода или возвращенія его къ *дѣятелю* (*ἀπέδουτο ἑαυτοῖαν*). Особый оттѣнокъ *dativ'*наго возвратнаго представляетъ собою такъ называемое »динамическое«
возвратное, гдѣ центръ тяжести *именно* въ *dativ'*ѣ, и гдѣ дѣятель является таковымъ лишь настолько, насколько онъ даетъ толчокъ къ дѣйствию, исполняемому однако *другимъ* (*ἐδιδάσχετο* = онъ не самъ обучалъ, а далъ *себѣ* обучать — напимѣръ, сына — *другому* лицу. Сравни русское: »*шилъ себѣ* платье«). Есть кромѣ того, такъ сказать, *genitiv'*ныя возвратныя (*παρέσχεται πολλὰ* = онъ доставилъ *отъ себя* = *своего* много; *ἀπεφήνατο γνώμην* = онъ высказалъ *отъ себя* = *свое* мнѣніе и т. д.). *Accusativ'*ныя возвратныя, сравительно съ *dativ'*ными и *genitiv'*ными, въ греческомъ языкѣ довольно рѣдки, и замѣчательно то, что въ нихъ даже *accusativ'* рельефно не чувствуется; тамъ, гдѣ *accusativ'* рельефно чувствуется, грекъ даже не ставитъ *medium*, а ставитъ *activ* и возвратное мѣстоименіе (такъ и по русски; сопоставь выраженія »поворачивается«, — »моется« и т. д. съ выраженіями »наказываетъ себя«, — »освобождаетъ себя« — *τρέπεται, λούεται, ζήμοι ἑαυτόν, ἐλευθεροῖ ἑαυτόν*.*)

*Medial'*ной формѣ, какъ выразительницѣ »*взаимныхъ*«
дѣйствій, противопоставлять нечего, такъ какъ *сами* взаимныя дѣйствія только и могутъ быть *взаимными* и ничѣмъ другимъ. Совершенно иначе приходится говорить о *medial'*ной формѣ, какъ выразительницѣ »*возвратныхъ*«
дѣйствій, — иначе уже по одному тому, что въ *представленіи* нашемъ самый *возвратъ* дѣйствія къ дѣятелю можетъ исчезнуть, а тогда и въ рѣчи, вмѣсто *medial'*ной формы, появляется *activ'*ная. Уничтожая въ нашемъ представленіи »*косвенный*«
возвратъ, мы его ничѣмъ другимъ замѣнить не можемъ, такъ какъ приходится только или *сознавать*, или *несознавать* то внесеніе личнаго интереса дѣятеля въ дѣйствіе, которое

*) Это все да будетъ сказано въ разъясненіе тѣхъ »подробностей«, на которыя мы намекали, когда были заняты *опредѣленіемъ* »четвертаго разряда дѣйствій.

въ концѣ концовъ только и выражено въ »косвенномъ« возвратѣ (*παρέχομαι αὐτῷ πολλά* = я доставляю ему *изъ своего* много; *παρέσχον αὐτῷ πολλὰ πράγματα* = я ему надѣлалъ много хлопотъ; *ἄρχομαι* = я начинаю *для себя, чтобъ потомъ продолжать*; *ἄρχω* = я первый что-нибудь дѣлаю, а продолжаетъ потомъ другой; *ἀποφαίνομαι γνώμην* = я объявляю свое мнѣніе; *ἀποφαίνω τι* = я объявляю что-нибудь и т. д.). Что же касается *accusativ'ного* возврата, то онъ не только можетъ исчезнуть въ нашемъ представленіи, но можетъ быть замѣненъ переводомъ (конечно, »прямымъ« переводомъ) дѣйствія на какое-нибудь *другое* лицо въ *противоположность* дѣятелю (*λοῦομαι* = моюсь, *λοῦω τινά* = мою кого). Уничтожая *вполнѣ* *accusativ'ный* возвратъ и не замѣняя его переводомъ дѣйствія на *другое* лицо, мы очень часто ничего особеннаго не *выгадываемъ* въ *общемъ* значеніи *τοῦ ῥήματος*. Это особенно замѣтно въ тѣхъ *ῥήματα*, которыя обозначаютъ »движеніе или останавливаніе движенія въ мѣстномъ пространствѣ» (также и въ русскомъ языкѣ нѣтъ особенной разницы между «поворачивайся» и «поворачивай»); мы тутъ *просто* заинтересованы тѣмъ, совершаетъ ли дѣятель, или не совершаетъ такое-то движеніе; а о томъ, что онъ совершаетъ его *надъ собою* (благо и въ *medial'ной* формѣ *accusativ'ный* возвратъ чувствуется не особенно рельефно), мы вовсе не думаемъ (все равно, сказать ли »παύομαι«, или »παύεαι« = »перестань« или »оставь«; сравни »ἔχε« = придержи« и »погоди«). Особенно въ *composit'ахъ*, гдѣ главный интересъ сосредоточенъ на томъ, *въ какую сторону* (она, эта сторона, и показана первою частью *composit'a*) совершается (= познавательное сужденіе) или желательно, чтобы совершалось (= желательное сужденіе) движеніе въ мѣстномъ пространствѣ, *activ'ныя* формы могутъ *вполнѣ* выразить то, что выражаютъ формы *medial'ныя* (*εἰσέβαλε εἰς τὴν πόλιν*; въ чешскомъ, напимѣръ, нарѣчіи говорятъ не »вторгнулся въ городъ«, а »вторгъ въ городъ«). Что *activ'ныя* формы, *противопоставляемыя* *accusativ'но-возвратнымъ* и не *выгадывающія* отъ этого ничего въ своемъ значеніи, приближаются къ *второму*, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ »не-

переводнодвижимымъ«, выражаемымъ *также* *activ'*ными формами, это, кажется, не требуетъ особаго разъясненія.

*Passiv'*ныя формы »ἐτιμήθη«, »ἀπαρνηθήσεται« и т. п. возможны лишь въ »переводно-движимыхъ« дѣйствіяхъ и указываютъ въ своихъ окончаніяхъ на то лицо, на которое переведено (и притомъ переведено не »косвеннымъ«, а, говоря *вообще*, »прямымъ переводомъ«) двинутое дѣятели дѣйствіе. Какъ уже сказано, особыя *passiv'*ныя формы языка выработалъ только въ *aorist'* да еще, хотя не вездѣ, въ *futurum simplex*. Во всѣхъ остальныхъ временахъ и наклоненіяхъ таблица *passiv'*ныхъ формъ пополняется *medial'*ными формами. *Medial'*ныя формы могли сыграть роль *passiv'*ныхъ въ греческомъ языкѣ на такомъ же основаніи, на какомъ и въ русскомъ языкѣ роль *passiv'*ныхъ сыграли формы »продаются« (книги), »замѣчается« (такое-то обстоятельство) и т. д. Въ сущности, это — тѣ же «*accusativ'*но-возвратныя» формы, но только съ нѣкоторымъ, тоже своего рода» динамическимъ« отгѣнкомъ (книги не сами себя продаютъ, а продаетъ ихъ *другой*, — книгопродавецъ*).

*Passiv'*нымъ формамъ опять таки противопоставляются прежде всего *activ'*ныя, но кромѣ того есть основаніе противопоставлять имъ и *medial'*ныя формы съ *genitiv'*но-возвратнымъ и *dativ'*но-возвратнымъ или, выражаясь однимъ терминомъ, »косвенно-возвратнымъ« отгѣнкомъ. Противопоставляя форму *ἠδίκηθη* формѣ *ἠδίκησα*, или форму *ἀπεδείχθη* (*ταῦτα*) формѣ *ἀποδείξομαι* *δύναμις*, мы скажемъ, что въ то время, какъ въ окончаніяхъ формъ *ἠδίκηθη* и *ἀπεδείχθη* отгѣчено лицо, надъ которымъ совершается дѣйствіе (= на которое переведено дѣйствіе; не забудемъ здѣсь именно о »прямомъ«

*) Немного иначе Delbrück Synt. Forsch. IV. 75: Seit alter Zeit haben die Medialformen auch passiven Sinn gehabt, der in dieselben, wie es scheint, auf zwei Wegen einzeln konnte, einmal durch die neutrale und sodann durch die reflexive Bedeutung hindurch. Что значитъ *neutrale Bedeutung*? Мы часто слышимъ о »среднемъ« залогѣ. Принятіе »средняго« залога отразилось и на терминѣ *medium*, какъ обозначеніи *грамматической залоговой* формы. Нужно сказать, что грамматика, примирившаяся съ »среднимъ« залогомъ, прежде всего *этими* закрыла себѣ путь къ *подробному* разбору залоговыхъ отгѣнковъ.

переводѣ), въ окончаніяхъ формъ ἠδίκησα и ἀποδείξομαι и т. п. отгѣчено лицо, которое совершаетъ дѣйствіе. При произнесеніи medial'ной съ косвенно-возвратнымъ отгѣнкомъ или activ'ной формъ, противопоставляемыхъ здѣсь passiv'ной формѣ, мы или чувствуемъ потребность указать и на то лицо, которое было отгѣчено въ passiv'ной формѣ (= на то лицо, на которое переводится дѣйствіе), или же, какъ напримѣръ иногда въ ἠδίκησα (= я совершилъ безправіе), мы этой потребности не чувствуемъ; если ея не чувствуемъ, то эти medial'ныя съ косвенно-возвратнымъ отгѣнкомъ и activ'ныя формы опять таки приближаются ко второму, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ непереводно-движимымъ. Точно такъ же мы и при произнесеніи passiv'ныхъ формъ ἠδικήθητι, ἀπεδείχθη и т. п. либо чувствуемъ потребность указать и на то лицо, которое совершаетъ дѣйствіе (указываемъ мы на него или dativ'омъ, — γέγραπται αὐτῷ — или »предлоговымъ« оборотомъ ἐπὶ τινος, ἐκ τινος, πρὸς τινος), либо мы этой потребности не чувствуемъ; если ея не чувствуемъ, то passiv'ныя формы приближаются по своему значенію къ первому, по качеству дѣйствій, разряду, выражаемому черезъ activ'ныя формы, именно къ »самодвижущимся«. Приближеніе activ'овъ перваго разряда дѣйствій къ passiv'амъ третьаго разряда дѣйствій ведетъ, съ другой стороны, и къ тому, что у самого activ'a получается способность присоединять къ себѣ предлоговые обороты (θνήσκω ἐπὶ τινος, ἐκλίπτω ἐπὶ τινος), и представленіе о »самодвижущихся« дѣйствіяхъ легко переходитъ, не вызывая переищны въ грамматической формѣ τοῦ ῥήματος, къ представленію о дѣйствіяхъ »движимыхъ«.

Изъ разсужденій, приведенныхъ въ настоящей статьѣ о залогохъ, явствуетъ, что отношеніе одного качества дѣйствій къ другому, отношеніе одной залоговой формы къ другой, а также отношеніе качествъ дѣйствій къ залоговымъ формамъ, — все это главнымъ образомъ опредѣляется то отсутствіемъ »прямого« перевода дѣйствія отъ дѣятеля къ другому лицу, то его наличностью, то, наконецъ, взаимностью прямого перевода дѣйствія между двумя дѣяте-

лями. Тамъ, гдѣ такой прямой переводъ на лицо, мы будемъ говорить о *transitiv'ныхъ* дѣйствіяхъ и о *transitiv'ныхъ* ῥήματα, вообще — о *transitiv'ахъ*; для случаевъ, гдѣ его нѣтъ, пусть будетъ имѣть мѣсто терминъ *intransitiva*, а для третьей категоріи въ нашей терминологіи пусть служитъ терминъ *reciproca*. Къ *reciproc'амъ* относится весь вышеупомянутый *пятый* разрядъ дѣйствій и выражающія его *media*. *Intransitiv'ами* *должны* быть: 1. »самодвижущіяся« дѣйствія и выражающіе ихъ *activ'ы* (последніе — или безъ прибавки, или съ прибавкою »предлоговаго« оборота *ἑλότινος*); 2. »непереводно-движимыя« дѣйствія и выражающіе ихъ *activ'ы*; 3. *passiv'ы* и дополняющія ихъ *media* тѣхъ ῥημάτων, которыя обозначаютъ »переводно-движимыя« дѣйствія; 4. *accusativ'но-возвратныя* дѣйствія и выражающія ихъ *media*. *Transitiv'ами* *могутъ* быть: 1. *activ'ы* обозначающихъ »переводно-движимыя« дѣйствія ῥημάτων (они могутъ быть и *intransitiv'ами*, какъ то выше объяснено на *ἀδικέω*); 2. »косвенно-возвратныя« дѣйствія и выражающія ихъ *media* (они могутъ быть и *intransitiv'ами*: сравни *dativ'но-возвратное* *θηράται* = онъ занимается охотою = охотится). Изъ всякаго *intransitiv'a* можно сдѣлать *transitivum*, изъ всякаго *transitiv'a* можно сдѣлать *bitransitivum* (вдвойнѣ *transitiv'ное*) и всякое *reciprocum* можно сдѣлать *reciproce-transitiv'нымъ* 1. — черезъ *любимое* греками (даже въ обыкновенномъ, не высокаго стиля, языкѣ) внесеніе въ текстъ *внутренняго* объекта, т. е. того объекта, который представляетъ собою не *внѣшній* предметъ, существующій *самъ по себѣ*, помимо перехода на него дѣйствія (такимъ »внѣшнимъ« предметомъ будетъ, напримѣръ, »ὁ ἀνὴρ« въ выраженіи »ἀδικέω τὸν ἄνδρα«), а нѣчто такое, что составляетъ только лишь *продуктъ* дѣйствія и возникаетъ, а иногда и исчезаетъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ и исчезновеніемъ дѣйствія (*ζῆ καλὸν βίον, ἀδικεῖ σε μεγάλην ἀδικίαν, λάβας ἑλωβήθη, μαχόμεθα μάχην*; сравни русское »горевать горе«); 2. — черезъ внесеніе въ мысль *factitiv'ности* (я бѣгу — я *заставляю* бѣжать; я узналъ что-нибудь — я *заставилъ* узнать что-нибудь и т. д.). Въ греческомъ

языкъ обыкновенно factitiv'ность не ведетъ къ какимъ-нибудь особеннымъ грамматическимъ формамъ: обыкновенно внесение ея въ мысль вызываетъ появленіе въ языкъ словъ ποιέω или τίθημι (ποιέω αὐτὸν πράττειν и т. п.) Но есть цѣлый рядъ (τημάτων, выработавшихъ въ perfectum, plusquamperfectum и aorist'ѣ такъ называемыя сильную и слабую этимологическія формы. Тогда *слабыя* формы отличаются отъ *сильныхъ* factitiv'ностью своего значенія (ἔδυν = я погрузился, ἔδουσα = я заставилъ погрузиться; ἔγνων = я позналъ, новоіоническое ἀνέγνωσα = я заставилъ познать, я убѣдилъ; ἀνεβίων = я ожилъ, ἀνεβίωσα = я заставилъ его ожить, я привелъ его въ себя, я привелъ его въ сознание; ἐτραπέμην = я обратился, ἐτραπέμαην = я заставилъ обратиться, я обратилъ въ бѣгство; ἐγεγόνην = я сдѣлался такимъ-то, я произошелъ, ἐγεῖνατό με μήτηρ = родила меня мать и т. д.).

Всякая medial'ная и всякая passiv'ная форма, — за исключеніемъ medial'ныхъ формъ, обозначающихъ взаимное дѣйствіе, — должна бы имѣть въ языкъ соотвѣтствующую activ'ную форму. Къ такому заключенію ведетъ все, сказанное выше о залоговыхъ формахъ и ихъ значеніи. Что *обратное* заключеніе (именно — чтобы всякой activ'ной формѣ соотвѣтствовала medial'ная и passiv'ная) не имѣетъ мѣста, — это также ясно изъ предыдущаго. На *практикѣ* не замѣчается, чтобы *всякому* medium и passivum соотвѣтствовало и activum, и въ языкъ выступаютъ такъ называемыя deponentia. Я отношу эту непослѣдовательность только къ *практикѣ* языка; это не значить, что ее слѣдуетъ относить и къ *сознанію употреблявшаго* языкъ, по крайней мѣрѣ, не къ *сознанію первоначальному* (съ развитіемъ языка мало ли гдѣ утратилось первоначальное сознаніе значенія и формъ и словъ, и цѣлыхъ оборотовъ). Надо полагать, что deponentia первоначально такъ и чувствовались съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ принадлежитъ, какъ medi'амъ (если это — medial'ныя deponentia), или какъ passiv'амъ (если это — passiv'ныя deponentia). Русское «онъ мается» чувствуется до сихъ поръ какъ *accusativ'но-возвратное*, хотя «маять кого-нибудь» не говорятъ,

развѣ въ *compositum* »замять лошадь«. Разница между *passiv*'ными и *medial*'ными *deponenti*'ами, въ сущности, небольшая, уже по одному тому, что во многихъ временахъ и наклоненіяхъ *medial*'ныя формы вполнѣ замѣнили собою *passiv*'ныя. Отсюда такое колебаніе въ *agist*'ахъ между *medial*'ными и *passiv*'ными *deponenti*'ами. Замѣчательно, что въ *ῥήματα*, обозначающихъ *чувство*, преобладаетъ *passiv*'ное *deponens*; очевидно, что здѣсь рѣзко выдѣлялся въ сознаніи образовавшаго форму тотъ *динамическій* оттѣнокъ (чувство возникаетъ во мнѣ *помимо* моей воли), который *passiv*'ной формѣ естественно присущъ, и который въ *medial*'ныя формы еще только нужно *особо вносить*, для того чтобы онѣ сдѣлались способными сыграть роль *passiv*'ныхъ («я обрадовался» будетъ »ἡσθην«, я испугался — ἐφοβήθην и т. д.; сюда же относится и ἠβουλήθην = во мнѣ возникло рѣшеніе, φήθην = пришла мнѣ въ голову мысль и т. д.).

Послѣ этихъ замѣтокъ о залогѣ мы перейдемъ, наконецъ, къ обѣщанному разбору *наклоненій*, но непремѣнно въ связи съ разборомъ *временъ*, помня, что наклоненія и времена служатъ прежде всего для удовлетворенія *психологической* стороны *симасіологіи* τοῦ ῥήματος (стало быть, того >, которое значитъ въ нашей схемѣ *a* —> *b*), но что формальныя измѣненія τοῦ ῥήματος, относящіяся къ »времени«, хотя и *должны* обозначать прежде всего время, къ которому судящій относитъ свое сужденіе, однако могутъ захватывать и разные оттѣнки развитія »*дѣйствія*« т. е. члена *a* нашей *симасіологической* схемы.

О наклоненіи *вообще* опредѣленіе всѣхъ до настоящаго времени высказался, сколько намъ извѣстно, Н. D. Müller, *Indog. Sprachb.* Вопросу о наклоненіи онъ посвятилъ въ своемъ сочиненіи первую главу, озаглавивъ ее »zur Syntax der griechischen Modi, ein Fragment« (*Indog. Sprachb.* 1—27). Къ сожалѣнію, онъ не связалъ *симасіологіи* наклоненій съ *симасіологіею* *временъ*, какъ Mutzbauer, въ свою очередь, разбирая *симасіологію* *временъ*, не связалъ ее съ *симасіологіею* наклоненій (см. выше стр. 99). Вотъ его положенія:

Derjenige Modus, der in allen indogermanischen Sprachen nach Form und Bedeutung die grösste Übereinstimmung zeigt, ist der Modus der assertorischen Behauptung... Nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden. So wird man anerkennen müssen, dass das griechische Futurum nur bis zu einem gewissen Grade unter diese Kategorie gehört. Ferner haben in der griechischen Sprache das Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge und in einer gewissen Art von Wunschsätzen ihre indicativische Natur ganz verloren (ср. 2.)

Eine für jede leidlich ausgebildete Sprache nothwendige und darum auch in den indogermanischen Sprachen schon sehr früh ausgeprägte modale Kategorie ist sodann diejenige, welche zum Ausdruck des Wollens dient, — Modus voluntatis. Was wir so benennen, fällt nicht zusammen mit dem Imperativus, obwohl dieser vorzugsweise und fast ausschließlich zum Ausdruck des Willens dient (ср. 3).

Eine ebenfalls für jede gebildete Sprache unentbehrliche und in den indogermanischen Sprachen, wenn auch auf sehr verschiedene Weise, zum Ausdruck gekommene modale Kategorie, die hypothetische Behauptung oder Fallsetzung, bezeichnen wir als Modus fictivus. Man könnte dafür auch die Bezeichnung Conditionalis wählen, wenn diese nicht in den meisten Sprachen an *bestimmte* Formen der hypothetischen Behauptung geknüpft wäre, im Griechischen an Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge, *)... es ist aber auf *diese* Formen der Begriff des Modus fictivus keineswegs zu beschränken (ср. 3).

Endlich bleibt noch eine modale Kategorie übrig, welche genau zu bezeichnen um deswillen so schwer wird, weil der sprachliche Ausdruck für dieselbe ausserordentlich schwankend und mannigfaltig ist. Begrifflich möchte dieselbe wohl am besten definiert werden als Modus der problematischen Behauptung. Da indessen die dafür in den Sprachen

*) Теперь, впрочемъ, любятъ употреблять для этихъ явленій не терминъ *condicionalis*, а терминъ *modus irrealis*.

zur Verwendung kommenden Ausdrücke in der Regel bezeichnen, dass die in diese Form gekleidete Aussage in die Wirklichkeit noch eintreten *könne* oder *gekonnt habe*, so wird dafür der Name *Modus potentialis* um so eher verwandt werden, da derselbe auch sonst schon, wenn auch nicht überall in *diesem* Sinne, unter die Zahl der grammatischen Termine aufgenommen ist (стр. 3).

Andere als diese vier Modalbegriffe wird man in den indogermanischen Sprachen nicht finden, wenn man sich vor dem Fehler zu hüten versteht, gewisse Nüancen modalen Ausdrucks, statt sie unter jene zu subsumiren, als selbstständige Hauptbegriffe hinzustellen (стр. 4).

Den vier gefundenen Modalbegriffen gegenüber stehen nun . . . in der griechischen Sprache vier Modalformen gegenüber . . . — der Indicativus als Modus der assertorischen Behauptung, der Imperativus als Modus voluntatis, der Optativus als Modus fictivus, der Coniunctivus als Modus potentialis . . . Das wird hinsichtlich des Indicativus und Imperativus kaum einem Widerspruche begegnen, die Ansichten dagegen, welche über ursprüngliche Bedeutung des Coniunctivus und Optativus bis jetzt herrschen, stellen sich mit jener Vermuthung in einen scharfen Widerspruch, aber wir hoffen, dass es uns gelingen werde, nicht nur aus der Analyse der Formen, sondern auch aus dem Sprachgebrauche die Richtigkeit derselben zu erweisen (стр. 5).

Въ основаніе всему этому Мюллеръ положилъ слѣдующій методъ: Man hat durch eine Vergleichung der verschiedenen indogermanischen Sprachen festzustellen, welche Modalbegriffe in *allen* zu einer mehr oder weniger scharfen Ausprägung gekommen sind, diese dann als die dem schaffenden Sprachgeiste unbewusst vorschwebenden Ziele der sprachlichen Entwicklung festzuhalten und an ihnen die modalen Formen der Einzelsprache zu messen und in ihren Functionen näher zu bestimmen (стр. 1).

На разборѣ теоріи Мюллера мы долго останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что напрасно Мюллеръ принялъ какой то modus fictivus за »Hauptbegriff«, втиснувъ его

еще вдобавокъ *клинномъ* между »modus der assertorischen Behauptung« и »modus potentialis«, которые, если ихъ ужъ различать, должны быть поставлены *рядомъ*, согласно той лѣстницѣ *квалитативности* сужденія, которую мы выставили на стр. 95. По этой лѣстницѣ только и *можно* устанавливать Hauptbegriffe, а такими являются *только* »познавательное« и »желательное« сужденія. По нимъ мы и будемъ »die modalen Formen der Einzelsprache (въ данномъ случаѣ *греческаго* языка) messen und in ihren Functionen näher bestimmen«. Быть можетъ, мы, принявъ только эти *два* Hauptbegriffe и связавъ ихъ съ симасіологіею временъ, скорѣе, чѣмъ Мюллеръ, предотвратимъ необходимость заявлять, что »не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе такого то склоненія, могутъ ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden«. Во всякомъ случаѣ странно, что языкъ (какъ это рисуеъ Мюллеръ), выработавшій при наличности четырехъ »Hauptbegriffe« четыре *формы*, долженъ вдругъ для удовлетворенія этихъ Hauptbegriffe перескакивать отъ одной формы къ другой.

Присуждая лицу дѣйствіе, какъ личное свое *желаніе*, говорящій употребляетъ прежде всего Imperativ. Что касается вопроса о времени, то самое желаніе, конечно, относится къ моменту произнесенія его говорящимъ, иначе говоря, — къ моменту *рѣчи* (все равно, впервые ли оно возникаетъ въ этотъ моментъ у говорящаго, или же является въ данный моментъ *воспроизведеніемъ*, *прежней* его мысли), но на *фактическое* исполненіе желаемаго говорящій рассчитываетъ не въ *самый* моментъ произнесенія желанія, а только лишь *послѣ* его произнесенія, стало быть, по отношенію къ *самому* моменту рѣчи, — въ *будущемъ* времени. Въ этомъ смыслѣ всякій Imperativ можно считать *будущимъ* временемъ.

Для этого *одного* времени Imperativ'a, которое мы называли *будущимъ*, языкъ располагаетъ *тремя* грамматическими формами: *ἐννοεῖ, ἐννοῖσθαι, πέφηνε*. Въ виду такого или иного вѣшняго вида »основы«, заключающейся въ каждой изъ этихъ формъ, — стало быть, съ точки зрѣнія чисто *эти-*

мологической, — мы употребляемъ для различенія указанныхъ трехъ формъ *этимологическіе* же термины: Imperativus praesentis, Imperativus aoristi и Imperativus perfecti. Съ *симасіологической* точки зрѣнія слѣдовало бы всѣ эти три формы называть *будущими* временами, а такъ какъ ихъ *три*, то каждая изъ нихъ должна служить выраженіемъ такого или иного *видоваго оттѣнка**) этого будущаго времени. Какіе это видовые оттѣнки?

Черезъ употребленіе Imperativus praesentis говорящій выразительно указываетъ на *процессуальность* дѣйствія въ будущемъ, — на прохожденіе его черезъ *цѣлый рядъ моментовъ* его развитія (λέγε = говори). Употребляя Imperativus aoristi, говорящій никакой процессуальности въ дѣйствіи не видитъ. Видѣть ее не позволяетъ ему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ Imperativ'омъ, или его личная *тенденція*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его *одномоментность*, стало быть, — нѣчто совершенно *противоположное* тому ряду моментовъ, на который указывается черезъ Imperativus praesentis (βάλε = брось). Указывая на личную тенденцію говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, выражая свое желаніе черезъ Imperativ, думаетъ единственно о томъ, чтобы дѣйствіе »осуществилось«, видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе дѣлается просто *фактомъ* (εύξαι = помолись = моленіе да будетъ — affirmativus), или въ томъ, что дѣйствіе это доведено *до конца* (ποιήσον = сдѣлай -- finitivus), или, въ третьихъ, въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (προφάνηθι = явись — ingressivus). Что же касается, наконецъ, Imperativus perfecti, то употребляя его, говорящій относитъ свое желаніе даже не къ дѣйствію, а къ тому *состоянію* (непремѣнно *длительному*, ибо »состояніе« = ἔστις, какъ такое, не можетъ быть »одномоментнымъ«), которое является *результатомъ* окончившагося *когда бы то ни было* (когда.

*) Подъ »видовыми оттѣнками« мы разумѣемъ тѣ разныя стадіи развитія дѣйствія, которыя грамматическая форма прихватываетъ къ обозначенію времени какъ принадлежности самого сужденія (см. выше стр. 97 и 100).

— до этого говорящему нѣтъ дѣла) дѣйствія (*πέφηνε* = будь явившимся = будь тут).

Большее сравнительно съ русскимъ языкомъ, въ данномъ случаѣ; стремление греческаго языка къ картинности повлияло на появленіе Imperativi praesentis, т. е. на выраженіе »процессуальности« дѣйствія тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ встрѣчается выраженіе простаго »осуществленія« дѣйствія. Такъ, мы иначе и не говоримъ, какъ »передай ему то-то«, между тѣмъ какъ въ греческомъ сплошь да рядомъ встрѣчаемъ »ἀπάγγελλε τοίνυν αὐτῷ ὅτι . . .« (= ты съ нимъ такъ толкуй . . .)

Если представленіе »осуществленія дѣйствія« легко могло перейти въ представленіе »доведенія дѣла до конца« (= законченности дѣйствія — finitivus), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно Imperativ'омъ aoristi, то съ другой стороны, изъ представленія »процессуальности дѣйствія«, выражаемой черезъ Imperativ praesentis, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію »законченности дѣйствія«, легко могло развиться представленіе »незаконченности дѣйствія«, — представленіе нѣкоторой лишь »попытки« (conatus), и послѣднее съ удобствомъ могло быть выражено черезъ тотъ же Imperativ praesentis. Итакъ, нужна была лишь надлежащая дифференцировка формъ, напримѣръ формъ *λείβου* и *λείθε*, чтобы, влагая въ первую смыслъ »убѣди« (его), вложить въ послѣднюю смыслъ »возьмись увѣщевать (его)«.

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*) влияетъ на появленіе Imperativi praesentis предпочтительно передъ Imperativ'омъ aoristi. По русски говорятъ: »позволь мнѣ сдѣлать то-то«, но рядомъ съ этимъ: »не позволяй ему этого«. Такъ и по гречески: въ положительномъ смыслѣ мы можемъ встрѣтить и »ἔασόν με«, и »ἔα με« (какъ было выше »λείβου« и »λείθε«), но въ отрицательномъ смыслѣ чаще говорятъ »μή ἔα αὐτόν«. Причина очевидна: *μή* влечетъ за собою отбѣнокъ conatus (»позволять и не берись«).

Вотъ все, что мы могли сказать объ Imperativ'ѣ. Перейдемъ теперь къ Indicativ'у.

Черезъ Indicativ говорящій присуждаетъ лицу дѣйствіе въ »познавательномъ« смыслѣ. Самое познание, — что касается вопроса о *времени*, — относится, конечно, къ моменту рѣчи (независимо отъ того, впервые ли оно въ этотъ моментъ возникаетъ у говорящаго, или же въ данный моментъ является »воспоминаніемъ« и воспроизведеніемъ познаннаго раньше), но присуждаемое дѣйствіе, насколько говорящій познаетъ *фактическое* исполненіе его на томъ лицѣ, которому его присуждаетъ, относится къ разнымъ временамъ. Время — три: настоящее, прошедшее и будущее.

Все временное пространство рисуется въ человѣческомъ представленіи, — стало быть, и въ представленіи говорящаго, — безконечною прямою линіею, какою-то прямою дорогою, по которой самъ говорящій какъ-бы шествуетъ. Та часть дороги, которую ему еще предстоитъ пройти, и которая у него передъ глазами, есть будущее время, а та часть, которую онъ уже прошелъ, и которая у него за спиною, есть прошедшее время. Настоящимъ временемъ, разсуждая строго математически, должна бы быть на прямой линіи временного пространства только *точка*. Одна *точка*, строгая *математическая точка*, должна бы собственно отдѣлять прошедшее отъ будущаго. И такъ какъ математическая точка никакого измѣренія и никакого протяженія не имѣетъ, и сама притомъ по линіи временнаго пространства все движется впередъ и никогда не останавливается; такъ какъ *нѣтъ* минуты, *нѣтъ* секунды, *нѣтъ* полусекунды, въ границахъ которой уже не было бы прошедшаго и будущаго, то настоящаго времени въ *реальномъ* мірѣ, собственно говоря, *нѣтъ*, а есть только *математическое* настоящее, безпространственное, притомъ вѣчно движущееся и неостановимое, а потому реально неуловимое, неосязаемое, непредставимое. Даже въ »одномоментныхъ« дѣйствіяхъ (напримѣръ, въ дѣйствіи »бросить«), которыя, строго разсуждая, для своего совершенія во временномъ пространствѣ требуютъ хотя бы *минимальную* линію, но все же *линію*, а не

математическую точку, — даже въ этихъ «одномоментныхъ» дѣйствіяхъ говорящей, насколько онъ ихъ *чувствуетъ* и хочетъ представить слушателю одномоментными, не уловляетъ настоящаго времени (а если и уловляетъ *глазами*, то всетаки не на протяженіи такого временнаго пространства, чтобы успѣть высказаться о немъ, какъ о настоящемъ въ *самой рѣчи*, требующей для себя опять таки *особаго* времени). Вслѣдствіе этого *грамматическія* выраженія «одномоментныхъ» дѣйствій не имѣютъ настоящаго времени (мы говоримъ: «бросилъ, — бросить» и только; когда же мы говоримъ «бросаетъ», то уже *чувствуемъ* и представляемъ дѣйствіе и себѣ, и слушателю «многомоментнымъ»). Но, подобно тому какъ математикъ, разсуждая о своихъ точкахъ, на доскѣ рисуетъ въ это время не точки, а цѣлыя тѣла, имѣющія и длину, и ширину, и толщину, такъ и говорящей растягиваетъ математическую точку настоящаго времени въ цѣлую линію. При этомъ растягиваніи математической точки въ линію говорящей поступаетъ относительно *размѣра* самой линіи совершенно произвольно. Настоящее время самого «желанія» и «познаванія», выражаемаго грамматически въ *наклоненіи той ѱήματος*, начинается и кончается тамъ, гдѣ возникаетъ и доказывается *мысль*, относящаяся къ выраженному въ ѱήμα дѣйствію; но въ дальнѣйшемъ говорящей опредѣляетъ себѣ начало и конецъ настоящаго времени не только тѣмъ временнымъ пространствомъ, которое требуется для произнесенія какой-нибудь одной, а то даже и *нѣсколькихъ* мыслей (— моментъ рѣчи), но идетъ гораздо дальше, растягивая настоящее время на часъ, день и т. д. («сегодня», — говоритъ больной, — «я *чувствую* себя хорошо; вчера мнѣ *было* плохо; не знаю, какъ *будетъ* завтра»). Въ растягиваніи настоящаго времени говорящей доходитъ иногда даже до *безпредѣльнаго*, чѣмъ, конечно, достигаетъ полнаго *уничтоженія* всякаго прошедшаго и будущаго (*πάντα ῥεῖ* = все всегда и вѣчно *движется*). Такимъ образомъ, *настоящее* время есть въ концѣ концовъ произвольная линія во временномъ пространствѣ, для каждаго особаго случая говорящимъ особо устанавливаемая, *прошедшее* время есть

то временное пространство, которое предшествуетъ *начальной* точкѣ, а *будущее* — то, которое слѣдуетъ послѣ *окончательной* точки произвольнаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо устанавливаемаго говорящимъ настоящаго времени.

Для настоящаго времени въ Indicativ'ѣ греческаго языка существуютъ *двѣ* грамматическія формы: praesens и perfectum; для будущаго — также *двѣ*: futurum simplex и futurum exactum, для прошедшаго — три: imperfectum, plusquamperfectum и aoristus. Такъ какъ для каждаго изъ временъ языкъ располагаетъ *нѣсколькими* грамматическими формами, то ими, этими формами, достигаются *видовые* оттънки временъ. *Видовые* оттънки временъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ греческаго Indicativ'a видны изъ слѣдующихъ сопоставленій и замѣчаній.

При сопоставленіи praesentis съ perfectum замѣчается, что perfectum означаетъ настоящее время не дѣйствія, какъ то можно сказать о praesens, а настоящее время состоянія, какъ *результата* *) окончившагося когда бы то ни было

*) Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 34), больше обращая вниманіе, при опредѣленіи значенія Perfect'a, на самое *дѣйствіе* (Indicativus отъ прочихъ наклоненій тутъ не различается), говорить: der Stamm des Perfectum bezeichnet eine mit Intensität vollzogene oder eine vollendete Handlung. Такое опредѣленіе обыкновенно встрѣчается у нашихъ грамматиковъ. Правильнѣе, по нашему, разсуждаетъ Н. D. Müller, который говоритъ такъ (Indog. Sprachb. 6—7): Wir sind berechtigt zum Schluss, dass den sogenannten secundären Endungen (разумѣя *личнымъ* окончаніе *ν-ς-ο-μεν-τε-σαν*) die Geltung *praeteritaler* Endungen zukomme. Dem entsprechend werden wir auch den primären Endungen (т. е. *μι-σι-τε-μεν-τε-ντι*) *temporale* Geltung zuschreiben müssen. Dieselben sind als *praesentische* Endungen anzusehen. Das scheint eine gewagte Behauptung, da dieselben ja nicht bloss dem Praesens, sondern auch dem Perfectum und Futurum dienen. Allein dass das Perfectum gemäss der Bedeutung, welche ihm die *griechische* Sprache, — sicherlich darin mehr als die anderen Sprachen das Ursprüngliche bewahrend, — beilegt, ein Tempus der *Gegenwart* genannt werden muss, ist bekannt und von mir in der Abhandlung über die Syntax der griechischen Tempora genauer nachgewiesen. Obnehin zeigt die Stammbildung des Perfectum *älterer* Bildung (Perf. II) eine nahe Verwandtschaft zu dem Praesensstamme. Denn nicht nur die Reduplication findet sich wenigstens bei einer Classe von Verben auch im Praesensstamme (Мюллеръ имѣетъ въ виду слова какъ-то: *τίθημι, γυγνώσκω, πίπτω* и т. п.), sondern auch die Vocalsteigerung ist dem Perfectum mit den Praesensformen gemein (*πέφυγα—άλοισα, φεύγω—λείπω*; противопоставить слѣдуетъ *ἔφυγον* и *ἔλιπον*) und vergleichen wir z. B. das griechische Per-

(когда, — до этого говорящему дѣла нѣтъ) дѣйствія. Конечно, наше сопоставленіе не относится къ такимъ ῥήματα, какъ εἶμι, κεῖμαι, ἵκω и т. п., въ которыхъ особой грамматической формы perfect'a нѣтъ, и въ которыхъ, въ силу значенія самого praesentis, переходъ отъ одного чего-нибудь, какъ «дѣйствія», къ другому чему-нибудь, какъ »результату дѣйствія« немыслимъ; оно относится къ такимъ ῥήματα, какъ γράφω — γέγραφα, гдѣ γράφω обозначаетъ »пишу«, а γέγραφα — »у меня нѣчто написано«. Въ русскомъ языкѣ значеніе греческаго perfect'a лучше всего уловляется не черезъ формы »я написал« — »я приготовилъ«, а черезъ формы »у меня написано« — »мною приготовлено«, или черезъ формы (ихъ приходится слышать иногда) »онъ вставилъ«, »онъ одѣвшился« и т. п.

Иногда ῥήματα, переходя отъ настоящаго времени »дѣйствія« къ настоящему времени »результата дѣйствія«, не переходятъ къ грамматической формѣ perfecti, а остаются при формѣ praesentis. Такъ, »νικήω« обозначаетъ не только »я беру верхъ надъ врагомъ во время самой борьбы«, но

---

fectum ἵστημι ich stehe mit dem lateinischen Praesens sto ich stehe, so erkennen wir deutlich in dem Perfectum nur eine Modification des Praesens, von dem es sich anfänglich nur dadurch unterschied, dass dieses (das Praesens) die Handlung im Stande einer noch fortdauernder Bewegung (status motivus), jenes die Handlung im Stande der Erstarrung oder Ruhe, mit welcher die Bewegung abschliesst (status quietivus) auffasste (если и Futurum, какъ имѣвшее primäre Endungen, должно быть приурочено къ настоящему времени, то это возможно лишь въ томъ смыслѣ, что значеніе напр. формы ποιήσω мы будемъ толковать черезъ выраженіе »я собираюсь что то дѣлать« — »я имью что то сдѣлать«). Такъ же высказывается о греч. Perfectum и Curtius (Verbum II. 120): Es scheint mir kaum einem Zweifel zu unterliegen, dass der Indicativ Perfecti (да, только объ Indicativ'ѣ идетъ рѣчь, какъ и у Мюллера только о primäre Endungen) vom Haus aus nichts weiter war, als eine besondere Art der Praesensbildung. Mutzbauer (Tempusl. 38) пишетъ: Der Perfectstamm ist in seiner Verwendung durchaus vom lateinischen Perfectum und dem deutschen zusammengesetzten Praeteritum verschieden. Seiner Bildung nach ein reduplicirtes Praesens, bezeichnet er dieser äusseren Verstärkung des Stammes entsprechend zunächst eine intensive Handlung, bietet also eine gesteigerte Bedeutung des Praesens- oder Verbalstammes, z. B. βέβηκα »ich schreite mit gewaltigen Schritten« mit einer Ausnahme stets von Göttern oder grossen Helden gebraucht. Eine gesteigerte Bedeutung kann aber im Zustand der Ruhe uns als ein fertig vorliegender Zustand erscheinen. Und dies ist die zweite Bedeutung des Stammes, z. B. ἔλωλα »ich bin verloren«, τεθνήκα »ich bin todt«.

и »окончательная побѣда за мною« — »я побѣдитель«; »πέμπω« — не только »я отправляю (посольство), но и мною отправлено (посольство); »ἀκούομεν« — не только »мы слышимъ (то-то)«, но и »между нами распространень слухъ (о томъ-то)«; »ἀγγέλλει« — не только »онъ передаетъ (намъ то-то)«, но и »получено черезъ него (такое-то) извѣстiе«; »λέγει« — не только »онъ говорить то-то«, но и »имъ сказано то-то«, »онъ держится такого-то мнѣнiя« и т. д. . . . Въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемся, конечно, съ тѣмъ же явленiемъ: во фразѣ — »въ своемъ сочиненiи онъ пишетъ то-то« мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствиємъ »писать«, а съ *результатомъ* означеннаго дѣствiя, и фразу »οὐδὲν εἴρηκας«, въ коей съ переходомъ »дѣствiя« въ »результатъ дѣствiя« языкъ перешелъ и къ грамматической формѣ *perfecti*, мы всегда вправѣ перевести: »то, что ты говоришь, не имѣетъ значенiя«. Причины такого *неперехода* въ *perfectum* могутъ быть разныя, но всѣ онѣ, конечно, чисто *психологическiя*.*) Мы укажемъ здѣсь на одну, какъ на больше всего бросающуюся въ глаза; говорящiй, присуждая лицу не »результатъ«, а »дѣствiе«, — напр. дѣствiе »онъ говорить« вмѣсто »онъ сказалъ«, — хочетъ тѣмъ обозначить особое *настроенiе* даннаго лица, *все еще* находящагося подъ живымъ *впечатльнiемъ* этого дѣствiя, или же готово, быть можетъ, во всякую минуту *повторить* дѣствiе.

Иногда, какъ извѣстно, *perfecta*, выразительно указывая на то, что дѣствiе кончилось, въ результатѣ чувствуются указателями не *состоянiя*, получившагося отъ окончанiя дѣствiя, а *прекращенiя* или *исчезновенiя* самого дѣствiя: *γέγραφα* — я уже писалъ, теперь больше не пишу.

*) Мы говоримъ здѣсь о причинахъ *психологическxъ*, оставляя въ сторонѣ слово »психо-логическiй«, къ которому мы прибѣгали до сихъ поръ. Какъ читатель могъ замѣтить, мы избрали слово »психо-логическiй« исключительно для обозначенiя той *активной* стороны жизни души, которая проявляется въ *сужденiи* и *разсужденiи*. Всякое же другое проявленiе душевной жизни, иногда чисто *пассивное*, какъ напр. разсѣянность и т. п., такъ и *должно* оставаться »психологическимъ«, или скорѣе *психическимъ*. Всѣ тропы, о которыхъ мы разсуждали на стр. 84, представляютъ собою явленiе *психологическое*, а не *психо-логическое*.

Разница между *futurum simplex* и *futurum exactum* въ будущемъ времени такая же, какъ между *praesens* и *perfectum* въ настоящемъ времени.*)

Черезъ *Indicativus imperfecti* говорящій выразительно указываетъ на прохожденіе дѣйствія въ прошедшемъ времени черезъ *цѣлый рядъ моментовъ его развитія*, или же, какъ мы это и раньше назвали, на *»процессуальность«* дѣйствія въ прошедшемъ времени, — на ту самую процессуальность, которая въ настоящемъ времени сама собою навязывается сознанію говорящаго, когда таиъ, разумѣется, дѣло идетъ именно о дѣйствіи, а не о состояніи. Если говорящій такой процессуальности дѣйствія въ прошедшемъ времени не видитъ, то онъ употребляетъ для обозначенія этого времени *Indicativ aoristi*, а теперь буквально придется повторить объ *Indicativ'нъ aoristi* то, что мы сказали объ *Imperativ'нъ aoristi*, а именно: Видѣтъ процессуальность дѣйствія не позволяетъ говорящему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ *Indicativ'омъ*; или его личная *тенденція*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его *»одномоментность«* (*ἔβαλεν* = онъ бросилъ). Говоря о личной тенденціи говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, присуждая въ *»познавательномъ«* смыслѣ извѣстному лицу извѣстное дѣйствіе въ *»прошедшемъ»* времени, думаетъ единственно объ *»осуществленіи«* его въ прошедшемъ времени, видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе было просто *фактомъ* (*ἔβούλευσεν* = онъ былъ булевтомъ — *aoristus affirmativus*), или въ томъ, что дѣйствіе было доведено до

*) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Futurum liegt bei Homer in drei verschiedenen Bildungen vor: 1. vom Aoriststamm formiert, bezeichnet es die in der Zukunft eintretende oder zum Abschluss gelangende Handlung, z. B. *στήσομαι* »ich werde mich hinstellen« -- »werde hintreten«, *πεπιθήσω* »werde bereden«; 2. das Futurum des Perfectstammes führt einen in der Zukunft liegenden Zustand vor, z. B. *στήξω* »ich werde stehen«; 3. die gewöhnliche Form des Futurum ist die vom Praesens- bez. Verbalstamm gebildete. Dieselbe drückt zunächst eine in der Zukunft vor sich gehende Handlung aus, dann auch als Ersatz des seltenen, schon bei Homer im Absterben begriffenen Aoristfuturum die in der Zukunft eintretende Handlung, z. B. *ἕξομαι* »ich werde liegen« und »ich werde mich hinlegen«.

конца (*ἔποιήσεν* = онъ сдѣлалъ — aoristus finitivus *), или въ томъ, что дѣйствиe *вступило* въ дѣйствительность (*προουφανήθη* = его узрѣли — aoristus ingressivus **). Что же касается, наконецъ, plusquamperfect'a, то, употребляя его, говорящій не имѣетъ въ виду даже никакого дѣйствія въ прошедшемъ времени, а разумѣетъ то *состояніе* въ прошедшемъ времени, которое является *результатомъ* дѣйствія (*παρεδέδωκεσαν τὰ ὄπλα* = въ то прошедшее время, о которомъ идетъ рѣчь, оружіе у нихъ оказывалось сданнымъ побѣдителю ***). Не лишено основанія называть Indicativi imperfecti, aoristi и plusquamperfecti »историческими« формами (кстати, они и по внѣшнему виду *окончаній* соста-

*) Curtius (Erl. 175) даетъ такому употребленію aorist'a названіе aoristus effectivus, причеиъ противопоставляетъ его aorist'у ingressiv'ному и, признавая только эти два оттънка въ aorist'ѣ, обобщаетъ ихъ въ терминѣ *eintretende Handlung*. Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 101 и сл.) говоритъ: Curtius unterscheidet zwei Unterarten des Tempus der eintretenden Handlung, nämlich einmal den ingressiven Aorist... und sodann den effectiven... Es ist den gesammten Gebrauch des Aorist aus dem höheren Begriff der eintretenden Handlung abzuleiten... Ich bleibe bei der bisherigen Annahme, welche den Begriff der eintretenden Handlung an die Spitze stellt... Ich glaube, dass es gut sein wird, die Bezeichnung »eintretende Handlung« beizubehalten, wo aber die Rücksicht auf die Geschmeidigkeit des Ausdrucks es verlangt, parallel damit den Ausdruck »effectuiren« zu gebrauchen. Ich würde also sagen: Der Aorist bezeichnet die *Effectuirung* der Handlung. Затѣмъ, разсматривая *подробности* употребленія aorist'a, онъ на *первомъ* мѣстѣ ставитъ такую формулу: Der Indicativ aoristi *constatirt* die Effectuirung einer Handlung in der Vergangenheit. Es wird durch den Aorist *ἀνίστηνα constatirt*, dass das Weihgeschenk aufgestellt worden ist. Въ послѣднихъ словахъ Дельбрюка мы находим нѣкоторую поддержку для выдѣленія aorist'a affirmativ'наго, какъ *особаю* оттънка; я говорю только *нѣкоторую* поддержку, потому что вообще толкованіе Дельбрюка о значеніи aorist'a не отличается ясностью.

**) Mutzbauer (Tempusl. 40): Es lässt sich die Bedeutung des Praesensstammes (разумѣи Praesens и Imperfectum) mit einer Linie, die des Aoriststammes mit einem Punkte vergleichen. Der Punkt kommt aber für die Anschauung, in *dreifacher* Beziehung in Betracht: 1. Die ganze Handlung des Verbum erscheint als concentrirte, in einem Moment zusammengefasste, so zu sagen als Mittelpunkt; 2. es wird der Anfangspunkt der Handlung; 3. ihr Schlusspunkt herausgehoben.

***) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Plusquamperfectum ist, seiner Zusammensetzung aus dem Perfectstamm mit dem Imperfectum von *ειμι* entsprechend, einfaches Imperfectum dieses Stammes. Nirgends in der griechischen Sprache enthält es die Vorstellung der Vorvergangenheit, wie die formal entsprechenden Formen der deutschen oder lateinischen Sprache, sondern es giebt ausser der auf dem Boden der Vergangenheit gedachten *gesteigerten* Thätigkeit einen auf dem gleichen Boden vorliegenden Zustand.

вляють особую группу въ противоположность Indicativ'амъ praesentis, perfecti, futuri simplicis и futuri exacti); въ самомъ дѣлѣ, выраженное ими »познавательное« сужденіе говорящаго имѣеть дѣло съ тѣмъ, что принадлежитъ уже какъ-бы исторіи.

Видно, что термины »imperfectum« (== недовершенное») и »plusquamperfectum« (== »болѣе чѣмъ довершенное«) не особенно удачны въ смыслѣ *соответствія* разъясненной нами синтаксисологій тѣхъ грамматическихъ формъ, для обозначенія которыхъ они приняты грамматикою. Что касается термина »aoristus«, то онъ установленъ уже *греческими* грамматиками-философами. Оправдывая этотъ терминъ (ἀ — ὀρίζω = не опредѣляю), они учили, что, если бы говорящему вздумалось опредѣлить. (== охарактеризовать *ближе*) дѣйствіе, обозначенное черезъ aoristus, или, говоря по нашему, если бы вздумалось тотъ несложный *видовой* оттѣнокъ aorist'a, который мы разъяснили какъ указаніе на простое »осуществленіе« дѣйствія, какъ нибудь больше *осложнить*, то aoristus сейчасъ исчезнетъ, и вмѣсто него выступаетъ — то imperfectum, то perfectum, то plusquamperfectum. Въ самомъ дѣлѣ, ἐβούλευσε значитъ »онъ *былъ* булевтомъ«; когда мы захотимъ внести сюда оттѣнокъ »процессуальности«, то изъ ἐβούλευσε сдѣлается ἐβούλευε (— онъ *рядилъ* и *судилъ* и вообще *былъ* занятъ дѣлами въ *βουλίῃ*); когда захотимъ сказать, что »дѣйствіе« окончилось, и что оно перешло уже въ »результатъ«, то тогда выйдетъ или βεβούλευκε, если этотъ результатъ относится къ настоящему (— онъ теперь уже не есть булевтъ), или ἐβεβουλεύκει, если этотъ результатъ относится къ прошедшему времени (онъ тогда уже не *былъ* булевтомъ).*)

*) Вотъ, собственно, въ какомъ видѣ желательно бы видѣть σχολію В. А. II. 891, гласящую: ὁ δὲ ἀοριστος κατὰ τὴν ἀοριστίαν τῷ μέλλοντι συγγινῆς ὡς γὰρ τοῦ ποιῶ τὸ πᾶσον τοῦ μέλλοντος ἀοριστον, οὕτω τοῦ ἐποίησα τὸ τοῦ παρῴημένου τοῦ ἄρτι τοίνυν τῷ ἀορίστῳ διδομένου γίνεται παρακείμενος, οἷον ἐποίησα ἄρτι = πεποίηκα τοῦ δὲ πάλαι προσημομένου ὁ ὑπερσυντελεμένος γίνεται, οἷον ἐποίησα πάλαι = ἐπεποίηκεν. Дѣло прежде всего не въ ἄρτι и не въ πάλαι. Ибо, когда мы говоримъ »окно разбито«, то, какъ мы на то уже раньше указывали, никто даже не спрашиваетъ, разбито ли оно *только* что, или *давно*. Точно также не играютъ никакой роли слова

Кто привыкъ смотрѣть на разнообразіе греческихъ *Indicativ'*овъ съ точки зрѣнія такъ называемыхъ «видовъ» русскаго глагола, тотъ постоянно наталкивается въ греческихъ текстахъ на такіе *Indicativi imperfecti*, которыми по духу *русскаго* языка можетъ соотвѣтствовать только лишь »совершенный« видъ, и которые переводу черезъ »несовершенный« видъ никакъ не поддаются. Причина — та, что греческій языкъ въ данномъ случаѣ больше стремится къ картинности, чѣмъ русскій. Это стремленіе повліяло на болѣе частое появленіе въ греческомъ языкѣ *Indicativ'a imperfecti*, т. е. *Indicativ'a*, выражающаго »процессуальность« дѣйствія, а не простое »осуществленіе« его. Въ русскомъ языкѣ, если ужъ говорящій *желаетъ* выставить предъ воображеніемъ слушателя всю процессуальность дѣйствія, то все прошедшее время передвигается въ область настоящаго, и въ рѣчи появляются такъ называемыя *praesentia historica*. Вмѣсто того, чтобы сказать »онъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ мнѣ, что ты находишься въ опасномъ положеніи«, русскій языкъ, желая картинно и живо представить дѣло, прибѣгаетъ къ выраженію: »и вотъ онъ приходитъ и заявляетъ и т. д.«. Греческій языкъ, какъ извѣстно, въ видахъ достиженія болѣе картинности, тоже прибѣгаетъ къ *praesens historicum* (этою то замѣткою и нужно дополнить все то, что мы раньше говорили о *praesens*); но рядомъ съ *praesens historicum* ему для этой же цѣли служить и «процессуальное» *imperfectum*, и въ языкѣ появляется фраза: *Κυρός τε καταληθήσας ἀπὸ τοῦ ἄρματος τὸν Θώρακα ἐνεδύετο καὶ ἀναβάς ἐπὶ τὸν ἵππον* и т. д. (*Хен. Анаб. I. 8. 3*). Для того чтобы выдер-

---

ἄρτι и *πάλαι*, когда мы говоримъ »окно оказалось (въ то время) разбитымъ«. Конечно, въ иныхъ случаяхъ можно, пожалуй, усмотрѣть въ томъ состояніи, которое выражено черезъ *Perfectum*, *Plusquamperfectum*, а также и *Futurum exactum*, нѣчто, начавшееся или имѣющее начаться съ тою моментомъ, когда само дѣйствіе или окончилось, или окончится, — можно усмотрѣть нѣчто, наступающее *сейчасъ* послѣ чего то другого; но тогда и въ *Perfectum*, и въ *Plusquamperfectum*, а равно и во *Futurum exactum*, должно быть »подразумѣваемо« ужъ не *πάλαι*, а всегда только *ἄρτι* или, вѣрнѣе, его синонимъ: письмо *написано* (= только что его написали); письмо было тогда *написано* (въ то время только что его окончили); когда ты *придешь*, то письмо уже будетъ *написано* (= до твоего прихода я успѣю окончить письмо).

жать при переводѣ греческихъ текстовъ русскіе »виды«, привыкли прибѣгать въ такихъ случаяхъ, какой представляетъ наше *ἐνεδύετο*, къ выраженію »сталъ надѣвать«. Но странною выйдетъ фраза: »сталъ надѣвать панцырь и, вскочивъ на лошадь, сдѣлалъ то-то« (въ чемъ странность, — всякій пойметъ сразу). Не лучше ли сказать, что въ греческомъ языкѣ есть *два* средства для изображенія картины, именно *praesens historicum* и »процессуальное« *imperfectum*, а въ русскомъ — только *одно*, именно *praesens historicum*; и не лучше ли тогда ужъ перевести прямо: »надѣваетъ панцырь и, вскочивъ на лошадь, и т. д.«? Полное соотвѣтствіе значеній *praesentis historici* и такого *imperfect'a* оправдывало бы для нашего явленія принятіе »*imperfecti historici*«, какъ *особаго* термина. Но такъ какъ не только рассматриваемое въ данномъ случаѣ, но и *всякое imperfectum* уже названо нами историческимъ по другой причинѣ (по причинѣ принадлежности его виѣствъ съ *aorist'омъ* и *plusquamperfect'омъ* къ одной группѣ, противопоставляемой, при посредствѣ этого термина, другимъ *Indicativ'амъ*), то, пожалуй, можно будетъ обозначить объясняемый въ настоящее время отгѣнокъ *imperfect'a* черезъ терминъ »*imperfectum descriptivum*«.*) Насколько греческій языкъ любитъ свое *imperfectum descriptivum*, видно изъ *вставочнаго*, дошедшаго почти до значенія »частицы«, *imperfect'a* »*ἔφη*«, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ употребляетъ свое »говорить« (— *praesens*). Сравни: »пришелъ ко мнѣ и сказалъ: я, говорить, не могу обижать тѣхъ . . . .« *προσίλθε πρὸς ἐμὲ καὶ ἔλεξεν τάδε· ἐγὼ μὲν δῖ, ἔφη, ...*

*) Mutzbauer (Tempusl. 11.): Das Bedürfniss nach Anschaulichkeit hat zum entscheidenden Moment für die Wahl des Tempus die *Art der Handlung*, die sogenannte *actio* werden lassen. Deshalb werden Imperfectum und Aoristus in der Erzählung neben einander gebraucht, weil Homer nicht beabsichtigt, das zeitliche Verhältniss der verschiedenen Gedanken, ihre Gleichzeitigkeit oder Vorzeitigkeit, lauter reflectirte Begriffe, zu bestimmen, sondern weil es ihm allein darauf ankommt, die Handlung *selbst* dem Hörer anschaulich vorzuführen. Er wählt das Imperfectum, wenn er die Handlung in ihren einzelnen Momenten oder Stufen nach ihrem ganzen Verlauf vor unseren Augen vorübergehen lassen will, den Aorist, wenn dieselbe als in ein Moment zusammengefasst erscheinen soll.

Если представленіе »осуществленія дѣйствія« легко могло перейти въ представленіе »доведенія дѣла до конца« (= »законченнаго дѣйствія« — *aoristus finitivus*), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно *Indicativ'omъ aoristi*, то съ другой стороны, изъ представленія »процессуальности дѣйствія«, выраженной черезъ *Indicativ imperfecti*, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію *законченности* дѣйствія, легко могло развиваться представленіе »незаконченности дѣйствія«, — представленіе нѣкоторой лишь »попытки« (*conatus*), и послѣднее могло быть съ удобствомъ выражено черезъ тотъ же *Indicativus imperfecti*. Итакъ, нужна была надлежащая дифференцировка формъ, на примѣръ формъ *ἔπεισα* и *ἔπειθον*, чтобы, влагая въ первую смыслъ »я (его) убѣдилъ«, вложить въ послѣднюю смыслъ »я взялся увѣщевать его« (повтореніе того же, что сказано нами объ *Imperativ'ѣ*).

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *οὐ*, а не *μή*) вліяетъ на появленіе *Indicativi imperfecti* предпочтительно передъ *Indicativ'omъ aoristi* (говорятъ напр.: »они сдали оружіе«, но наряду съ этимъ: »они оружія не сдавали«). Причина ясна: русское »не«, равно какъ и греческое »οὐ«, влечетъ за собою отгѣнокъ *conatus* = »и сдавать не думали« (тоже повтореніе сказаннаго объ *Imperativ'ѣ*).

Сопоставленіе *aorist'a* и его *finitiv'наго* отгѣнка съ *imperfectum* и его процессуальнымъ значеніемъ ведетъ еще къ одному соображенію. Какъ *imperfectum*, такъ и *aoristus* суть историческіе *Indicativ'ы*, и »познавательное« сужденіе, выраженное ими, вращается, такъ сказать, въ »историческомъ« матеріалѣ. Передавая какое-нибудь сложное историческое событіе, говорящій рассказываетъ его обыкновенно въ хронологической послѣдовательности. Во фразѣ *προσῆλθε πάσαις ταῖς δυνάμεσι πρὸς τὴν πόλιν καὶ ἐπολιόρχει αὐτήν* рассказаны два факта одинъ за другимъ такъ, какъ они слѣдовали въ *дѣйствительности*. Но тутъ поставлены рядомъ *aoristus* и *imperfectum*, первый — со своимъ *fini-*

тивнымъ значеніемъ. а второе — со своимъ значеніемъ процессуальности. Это значитъ, что другъ за другомъ не просто слѣдуютъ два факта, а что за *окончаніемъ* перваго слѣдуетъ *прохожденіе* втораго *черезъ цѣлый рядъ моментовъ*. Тутъ то и годится русское »сталъ« (= »подошелъ къ городу и сталъ осаждать его«). Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что »сталъ осаждать« есть *переводъ* греческаго imperfect'a. Въ словѣ »сталъ« мы должны видѣть не другое что, какъ выраженіе въ русскомъ языкѣ *особымъ словомъ* того, что въ языкѣ греческомъ вовсе не *выражено*, а только лишь *само собою вытекаетъ* изъ *синтаксическаго* присоединенія, при обозначеніи хронологической послѣдовательности событій, къ finitivу processual'a. Выражено только то, что »*окончилось*» подхожденіе къ городу и (затѣмъ) производилась *шагъ за шагомъ* осада его«. (Въ Imperativ'ахъ можно было, конечно, наткнуться на то же явленіе: »*διόχευαι καὶ πρᾶπτε*« значить: »обдумай дѣло, а потомъ его дѣлай«).

Слѣдующія замѣчанія о временахъ Indicativ'a относятся уже не столько къ видовымъ оттѣнкамъ дѣйствія, сколько скорѣе къ *психо-логической* сторонѣ симасіологіи τοῦ ὄψματος.

Особый оттѣнокъ Indicativi aoristi есть такъ называемый aoristus gnomicus. Развитие этого оттѣнка изъ общаго значенія aorist'a уясняютъ черезъ сопоставленіе слѣдующихъ примѣровъ (Krüger Griech. Spr. § 53. 10. 2): Πολλάκις ἔχων τις οὐδὲ ταναχκαῖα ἔνν αἴριον ἐπλούτισ' ὥστε χατέρους τρέφειν. Πολλὰ στρατόπεδα ἤδη ἔπεσεν ἐπ' ἐλασσόνων. Ἀθιμοῦντες ἄνδρες οὐπω τρόπαιον ἔστησαν. Μία ἡμέρα τὸν μὲν καθεῖλεν ἐψόθεν, τὸν δὲ ἤρ' ἄνω.

Послѣдній изъ приведенныхъ только что примѣровъ, гдѣ aoristus выступаетъ дѣйствительно съ *могическимъ* оттѣнкомъ, отличается, между прочимъ, отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ того *πολλάκις* и *πολλά*, а въ отрицательномъ смыслѣ — того *οὐπω*, при которыхъ aorist можно было еще чувствовать въ *общемъ* значеніи aorist'a affirmativ'наго (= *были* такіе то факты, — *не было* такихъ

то фактовъ). Сопоставляя такіе примѣры съ *дѣйствительными* aorist'омъ гномическимъ, хотятъ дать понять, что въ послѣднемъ такое *πολλάκις* или *πολλά* »подразумѣвается«. Но какъ можно »подразумѣвать« такое важное слово какъ *πολλάκις*, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ *греческомъ* языкѣ слово *πολλάκις* не имѣетъ *никакого* вліянія на temporal'ную форму *τοῦ ῥήματος*: *πολλάκις* ἔδωκα значитъ »часто случилось что дашь«, а въ *ἔδωκα* выражено просто я далъ; такъ и *πολλάκις* ἔγραφον *πᾶσαν τὴν νύκτα* = »часто случилось, что пишешь всю ночь«, а *ἔγραφον πᾶσαν τὴν νύκτα* = »я писалъ (сегодня, напр.) всю ночь«.

Я бы болѣе склонялся объяснять гномическій aorist при помощи *русской* фразы »смотришь, одного день поднялъ высоко, а другого съ высоты низринулъ« (переводъ вышеприведенной Еврипидовской сентенціи). Я вижу въ aorist'ѣ гномическомъ *выразительное* указаніе на *эмпиристическую* сторону человѣческихъ *γνώμαι*. Въ *русскомъ* языкѣ, въ приведенномъ переводѣ Еврипидовскаго мѣста, этотъ эмпиризмъ выражень *двумя* средствами, — вопервыхъ, черезъ »смотришь«, а вовторыхъ, черезъ самую передачу наблюденнаго факта, въ *греческой* же фразѣ только лишь *последнимъ* средствомъ.

Franke*) объясняетъ гномическій aorist такимъ образомъ, — и это наиболѣе ходячее объясненіе, — что ein Ereigniss ist *einmal* in der Vergangenheit eingetreten, und *deshalb* kann es immer wieder in Gegenwart Wirklichkeit werden. Своимъ *deshalb* Франке даетъ знать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и *греческій* языкъ, *употребляющій* aoristum gnomicum, имѣютъ въ виду *силлогистическую* сторону человѣческихъ познаній. Но небывалою представлялась бы *силлогистика*, которая основывалась бы на томъ, что нѣчто *einmal* in der Vergangenheit eingetreten ist. А разъ *дѣйствительно* гномическій aorist выражаетъ, что нѣчто *einmal* in der Vergangenheit eingetreten ist, а не

*) Berichte über die Verhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften 1854, стр. 63 и слѣд.

πολλήν, какъ думаетъ Крюгеръ, то нечего силлогистику и припутывать къ объясненію гномическаго aorist'a. Силлогистика въ нашихъ *γνώμαι* ведетъ просто къ появленію въ языкѣ praesentis, а то и futuri, послѣднее особенно часто въ *русскомъ* языкѣ (насилъно жилъ не будешь и др).

Mutzbauer (Tempusl. 31 и сл.), объясняя гномическій aorist, выходитъ изъ омировскихъ *сравненій*, въ которыхъ нѣчто *случайно* происходящее сравнивается съ *всегдашнимъ*, слѣдовательно, *тоже* съ чѣмъ то «гномическимъ», и въ которыхъ это всегдашнее обыкновенно выражается черезъ $\acute{\omega}\varsigma$ δ' $\delta\tau'$ $\acute{\alpha}\nu$ или съ Coniunctiv'омъ praesentis, или съ Coniunctiv'омъ aoristi. По его пониманію, греческій Coniunctivъ есть нѣчто *не имѣющее* времени (zeitloses, стр. 32) и вполне *пригодное* для рисовки этого *всегдашнню* или «гномическаго», такъ какъ при такой рисовкѣ всего только и нужно, что einen Vorgang *anschaulich* machen und die Handlung als *eintretende* (это Coniunctiv praesentis?) oder als ihr Ziel *erreichende* (это Coniunctiv aoristi?) zu bezeichnen. Соответственно этому въ сравненіяхъ, а слѣдовательно и въ гномическихкихъ выраженіяхъ употребляются то Indicativi praesentis, то Indicativi aoristi, причемъ Indicativus aoristi, хотя ему присуще значеніе *прошедшаго* времени, употребляется *просто* по «аналогіи» Coniunctiv'a aoristi, такъ какъ само *настоящее* время, котораго въ Indicativ'ѣ aoristi *нѣтъ*, не располагаетъ средствами для выраженія того же отѣнка, который заключался въ Coniunctiv'ѣ aoristi, и такъ какъ *прекъ вообще* обращаетъ мало вниманія на «временныя отнoшенія» (und da der Grieche überhaupt geringen Wert auf die zeitlichen Beziehungen legt, so ward er durch die *Analogie* des Coniunctivus Aoristi dazu bestimmt, den Indicativ Aoristi . . . zur Bezeichnung der gleichen Art der Handlung zu verwenden, ohne Rücksicht auf die zeitliche Bedeutung der Vergangenheit, die demselben zugleich noch *igen* ist; стр. 35). — Петрудно понять, что разсужденіе Mutzbauer'a звучитъ *натяжкою*, заключающеюся *прежде* *его* въ томъ, что законъ «аналогіи» привлеченъ въ вопросъ *времени* къ такимъ двумъ наклоненіямъ, какъ Indicativ

и *Conjunctiv*, которыя именно въ отношеніи *времени* совершенно расходятся. О времени *Conjunctiv*'а мы будемъ разсуждать ниже.

Да, мы думаемъ, что въ гномическомъ *aorist*'ѣ мы имѣемъ дѣло съ *чистою* эмпиристикою, какъ чѣмъ то совершенно противоположнымъ силлогистикѣ *) и не входящимъ ни въ какую связь съ *последней* (это да будетъ сказано въ возраженіе Franke), — съ эмпиристикою, передающей нѣчто какъ наблюденный *фактъ*, и облекающей въ форму чистаго повѣствованія. Въ сущности, гномическій *aorist* не передаетъ даже общую сентенцію, а воплощаетъ общую мысль *именно* въ пережитый фактъ. Часто мы, желая представить собесѣднику какое нибудь *общее* разсужденіе, вмѣсто этого вспоминаемъ сказку и говоримъ: да, да, лягушка захотѣла сравняться съ воломъ и лопнула. Точно такъ же, вмѣсто *»дѣло мастера боится«* грекъ могъ сказать, въ смыслѣ чисто повѣствовательномъ *»дѣло мастера побоялось«*. И именно *»побоялось«*, а не *»боялось«*, такъ какъ *процессуальность* дѣйствія выражать здѣсь нечего. Въ вышеприведенномъ русскомъ переводѣ *»смотришь, одного день поднялъ высоко...«* да и во фразѣ *дѣло мастера побоялось* приходится даже думать о томъ, что рассказанные въ этихъ выраженіяхъ *факты* стоятъ передъ нашимъ опытомъ какъ *результаты* чего то совершившагося, и не безоснованія можно у потребить въ греческомъ языкѣ и *Perfectum*. Что *Perfecta* дѣйствительно *употребляются* *»гномически«*, на это указываетъ самъ Крюгеръ въ томъ же 53 параграфѣ (10, 2).

Нѣкоторое видоизмѣненіе толкованія симасіологии историческихъ *Indicativ*'овъ вызывается появленіемъ при нихъ слова *ἄν*. По всей вѣроятности, слово *ἄν* имѣетъ общій корень съ словами *ἀπόθεν*, *ἀπό*, *ἀποδί*, *οὐδαμῶς*. Нужно думать, что все это — слова съ *прономинальнымъ* корнемъ такого же *»неопредѣленнаго«* значенія, какое заключаетъ

*) Силлогистика и эмпиристика, какъ два *различныхъ* принципа, сыграютъ нѣкоторую роль въ нашей гаммѣ *оттѣнковъ* *квалитативности* сужденія (смотри выше стр. 96).

въ *εὐκλιτικ*'ахъ: *τις, πῶς, ποτέ* и т. д. *) Такія слова могли принять, конечно, и локальное, и темпоральное, и модальное значеніе, само же *ἄν* есть непременно *модальное* и, присоединяясь къ выраженіямъ полнаго сужденія, т. е. къ *ῥήματα*, указываетъ на *возможность* сужденія. Я говорю »*возможность* сужденія«, а не »сужденіе о возможности«. Если присужденіе кому-либо *писанія* облекается въ выраженіе *γράφει*, то присужденіе ему *возможности* облекается въ выраженіе *δύναται*. А тутъ рѣчь идетъ не о присужденія *возможности*, а о возможности = вѣроятности = правдоподобности самого *сужденія*. Такимъ образомъ, выраженія »*οὐκ ἄν ἐρεῖδου*«, — »*ἀπεκρίνατο ἄν*« и т. д. обозначаютъ: »можно было думать, что онъ не будетъ говорить *лжи*« — »можно было ожидать, что онъ отвѣтитъ« и т. д. Въ болѣе *широкихъ* контекстахъ этотъ общій смыслъ нашего оборота развивается въ два *отдѣльно* другъ отъ друга стоящіе отгѣнка. »Судя по всему«, — такъ приходится иногда рассуждать — »можно было ожидать, что коль скоро наступило бы такое-то обстоятельство, онъ *непременно* *отвѣтитъ* такъ-то«.оборотъ »*ἀπεκρίνατο ἄν*« служитъ тогда выраженіемъ сужденія, »относящагося къ *прошедшему* времени и высказаннаго *на всякій случай*, т. е., на случай, если бы въ *прошедшемъ* времени получило мѣсто то обстоятельство, которымъ говорящій *обусловливаетъ* осуществленіе въ *прошедшемъ* времени своего сужденія. Это —

*) Читателю извѣстно все разногласіе между этимологами относительно производства такъ называемыхъ »частницъ« *κεν* и *ἄν*, принимаемыхъ обыкновенно за слова *разнаго* происхожденія и вызывающихъ, *именно* благодаря предположенію о *неодинаковости* ихъ происхожденія, массу разсужденій по части ихъ *сиптоматическаго* отношенія. Такія маленькія словца, какъ *κεν* и *ἄν*, легко этимологизируются какъ кому угодно; въ концѣ концовъ каждый этимологъ, въ подобныхъ случаяхъ, ищетъ опоры для своей этимологій въ томъ, какъ онъ лично понимаетъ значеніе словъ. Мы, руководясь также *личнымъ* пониманіемъ значенія словъ *κεν* и *ἄν*, предпочитаемъ *предложенную* этимологію слова *ἄν*, причеиъ допускаемъ, что оно, пожалуй, и *сокращено* изъ какого-нибудь *ἀνα* или чего нибудь подобнаго. Мы считаемъ, такимъ образомъ, *ἄν* за слово *одинаковаго* происхожденія съ словомъ *κεν* — въ томъ смыслѣ, что у *обоихъ* ихъ этимологическій корень — *прономинальный*, съ такъ называемымъ »*неопредѣленнымъ*« значеніемъ (въ словѣ *κεν*, какъ извѣстно, большинство этимологовъ ищетъ корень *κα*, появляющійся въ »*неопредѣленныхъ*« *προποσιν*'ахъ *τις ali-quis* и др.).

одинъ отгѣнокъ, и по этому отгѣнку оборотъ ἀπεκρίνατο ἄν называютъ »итеративнымъ«, — терминъ немного неудачный, такъ какъ рѣчь идетъ не о повтореніи явленія въ прошедшемъ времени, а о сужденіи именно на случай, — на случай, котораго могло и не быть на самомъ дѣлѣ. Если бы шелъ вопросъ о дѣйствительной итеративности, тогда въ языкѣ появится imperfectum, а именно imperfectum простое, безъ всякаго ἄν. Ибо imperfectum, какъ форма, указывающая на »многомоментность« дѣйствія, способно было, *) если языкъ не нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ другому какому-нибудь средству (къ какому-нибудь πολλὰκις напр.: сравни также омировскій риматическій суффиксъ σκ), выразить и »повторяемость« въ прошедшемъ времени, какъ къ тому способно и praesens по отношенію къ настоящему, а futurum simplex по отношенію къ будущему времени. Интересно мѣсто Хсп. Anab. IV. 2. 16: καὶ παρὰ τὴν ζώνην μαχαίριον εἶχον, ᾧ ἔσφαττον, ὧν κρατεῖν δύναντο, καὶ ἀποτέμνοντες ἄν τὰς κεφαλὰς ἔχοντες ἐπορεύοντο = которою убивали всякаго, кто . . ., и тогда могли отрѣзать и голову и . . .

Итакъ, одинъ отгѣнокъ Indicativi историческихъ временъ съ ἄν есть выраженіе познавательнаго сужденія въ прошедшемъ времени »на случай«. Другой отгѣнокъ виденъ изъ слѣдующаго контекста: »Можно было думать при другихъ условіяхъ, чѣмъ настоящія, что ты не будешь говорить лжи (= ты могъ не говорить лжи), но теперь (νῦν δὲ) ты противъ ожиданія ужъ слишкомъ хитришь, а потому и неудивительно, что говоришь или говоришь**) ложь. Такимъ

*) Mutzbauer (Tempusl. 28): In wie weit in späterer Zeit der griechischen Sprache das Imperfectum seine ursprüngliche Natur modificiert hat, in wie weit es dazu gekommen ist, als Tempus der . . . Wiederholung . . . empfunden zu werden, darüber kann ich ein abschliessendes Urtheil nicht abgeben, da sich meine Sammlungen nicht auf diese Periode erstrecken. Doch ist dies immerhin möglich (въ Омирѣ опъ этотъ отгѣнокъ Imperfect'a отрицаетъ; да Омиръ въ немъ и не нуждался, такъ какъ онъ располагалъ своимъ итеративнымъ σκ : φεύγειν = »pflegte zu fliehen«, verlaufende Handlung: ἐπαίξασκεν = »pflegte darauf loszuspringen«, Schlusspunkt; см. Mutzbauer, Tempusl. 25).

**) Обыкновенно утверждаютъ, что въ »противоположной« мысли Imperfect'у съ ἄν соответствуетъ только настоящее время. Это неправда. Mutzbauer (Tempusl. 7) замѣчаетъ: So wird überall das Imperfectum verwendet in irre-

образомъ, оборотъ οὐκ ἄν ἐψεύδοι служить выраженіемъ сужденія, *противорѣчащаго* дѣйствительности, причеиъ правильность этого сужденія поставлена въ зависимость отъ условія, также противорѣчащаго дѣйствительности. По этому отгѣнку оборотъ историческихъ Indicativ'овъ съ ἄν называютъ *modus irrealis* (*modus недѣйствительности*); дѣло, конечно, не въ »недѣйствительности«, а *именно* въ противорѣчи дѣйствительности«. Какимъ образомъ самое *условіе*, которое противорѣчитъ дѣйствительности, могло подлежать передачѣ черезъ историческіе Indicativ'ы, — а это, кажется, *послѣдній* отгѣнокъ этихъ Indicativ'овъ, съ которымъ приходится синасіологу имѣть дѣло, — это мы можемъ выяснитъ не теперь, а при другомъ случаѣ, ниже.

Настоящихъ замѣтокъ, быть можетъ, достаточно для надлежащаго усвоенія синасіологіи грамматическихъ формъ Indicativ'a и его временъ. Если когда-нибудь въ греческомъ текстѣ встрѣтится такое явленіе, котораго мы не предупредили предложенными замѣтками, — если въ *живомъ* греческомъ языкѣ придется наталкиваться на какую-нибудь Indicativ'ную форму, полного соответствія которой въ *живомъ* же русскомъ языкѣ нѣтъ подъ рукою, то, надѣемся, нетрудно будетъ, нисколько не отступая, а напротивъ, *непосредственно* исходя отъ *уясненныхъ* нами значеній той или иной Indicativ'ной формы, самому дойти до сознанія того *психологическаго* мотива (другого мотива, кромѣ *психологическаго*, для объясненія такихъ случаевъ и быть не можетъ), которымъ языкъ руководился при употребленіи *данной* формы.

alen Bedingungssätzen der Vergangenheit oder in den dieselben vertretenden Satzgefügen, wo die lateinische und deutsche Sprache ihr *Plusquamperfectum* setzen. Ein Paar Beispiele mögen dies zeigen:

П. т. 271: οὐκ ἄν δὴ ποτε θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι ἐμοῖσιν
 Ἄτρείδης ὄρινε διάμπερε, οὐδέ κε κούρη
 ἦγε ἐμεῦ ἀκροτοῦ ἀλλὰ ποθεὶ Ζεὺς
 ἦθελ' Ἄργείοισιν θάνατον πολλέσσι γυνέσθαι.

Выраженію ἦγε ἄν, конечно, нужно въ *данномъ* случаѣ противопоставить мысль *увелъ*, а не *уводитъ*. Да и нѣтъ основанія, почему непременно Imperfect'у съ ἄν нужно бы противопоставлять *настоящее* время: οὐκ ἄν ἐψεύδοι значить »ты могъ не говорить лжи«, οὐκ ἄν ἐψεύσθῃ — »онъ могъ не сказать ложь, οὐκ ἄν ἐψευσμένοι ἦμεν — »мы могли оказаться не *сказавшими* лжи« и только; а что слѣдуетъ »*противопоставлять*«, это дѣло болѣе *широкаго* контекста.

Нечего распространяться, напр., о явленіяхъ въ родѣ »*Ti ou kai Prodikon kai Ippian ekaleσαμεν, ina epakousousin hmin*« (Plato, Protag. 317a; смыслъ: »въ такомъ случаѣ позвать бы намъ и Продика, и Иппія, чтобы они послушали насъ«). Психологическій мотивъ появленія въ греческомъ языкѣ формы »*ekaleσαμεν*« ясенъ. То поощреніе, — тотъ совѣтъ, который въ діалогѣ Платона одинъ изъ собесѣдниковъ даетъ присутствующему обществу, въ греческомъ языкѣ сообщенъ въ формѣ удивленія: почему же то, что кажется этому собесѣднику самымъ подходящимъ, не было уже *давно* исполнено.

Перейдемъ къ Coniunctiv'у.

На правильное уясненіе симасіологии Coniunctiv'a наводятъ насъ случаи его употребленія, встрѣчающіеся *исключительно* у Омира, вслѣдствіе чего мы можемъ принять терминъ »омировскій Coniunctiv'«, какъ *особый* терминъ для обозначенія этихъ случаевъ. Я имѣю въ виду мѣста какъ то: *ei emoi ou tisousi boon epikhe' amoihn, dusomai eis' Aidaou kai en vekyvesoi phainw* (Od. μ 382); *oupw toious idou aneras oudē idwmai* (Il. α 262) и др. Слова *phainw—idwmai*, очевидно, выражаютъ »познавательное« сужденіе, относящееся къ *будущему* времени. Но для »познавательнаго« сужденія въ будущемъ времени у насъ уже есть другія грамматическія формы, именно Indicativi futuri simplicis и futuri exacti, и трудно предположить, чтобы языкъ, не такъ богатый въ концѣ концовъ разнообразіемъ своихъ формъ, какъ богата разнообразіемъ оттѣнковъ сама мысль, вдругъ сталъ бы проявлять такую роскошь, что для одного и того же оттѣнка мысли выработалъ бы двѣ, *ничѣмъ* другъ отъ друга по значенію своему не отличающіяся грамматическія формы. Поэтому мы должны постараться разыскать *разницу* значенія между futurum simplex и exactum съ одной стороны и между »омировскимъ Coniunctiv'омъ« — съ другой. Разница эта напрашивается здѣсь сама собой: она можетъ заключаться единственно въ томъ, что черезъ futurum simplex и exactum я, говорящій, высказываю свое сужденіе по отношенію къ будущему времени *съ увѣренностью*, а

через Conjunctiv высказываю то же съ нѣкоторымъ сомнѣ-
ніемъ: »οὐδὲ ἴδωμαι« будетъ по русски: »и врядь ли увижу«.

Итакъ, »омировскій Conjunctiv« есть *будущее* время *познавательнаго* сужденія, высказаннаго съ сомнѣніемъ, причесть, такъ какъ Conjunctiv'овъ у насъ *три* («этимологическіе» термины для нихъ: Conjunctivus praesentis, Conjunctivus aoristi и Conjunctivus perfecti), различіе между ними по отношенію къ »познавательному« сужденію будетъ такое же, какое мы установили между Imperativ'ами по отношенію къ »желательному« сужденію (смотри выше стр. 114). Заявляемъ, что такимъ остается Conjunctivus во *всѣхъ* случаяхъ его употребленія. Это поняли уже греки, называя наше наклоненіе »*дистактиχή*« (*διστακτικός* = сомнѣніе).*) Латинскій терминъ »Conjunctivus« представляетъ собою нѣчто слишкомъ вышнее. Имъ имѣлось въ виду указать на то обстоятельство, что наше наклоненіе появляется обыкновенно (далеко не всегда) въ соединеніи (*conjungo*) съ подчиняющими одно предложеніе другому союзами. На то же указываетъ и греческій терминъ »*ὑποτακτική*«, работавшійся рядомъ съ терминомъ »*διστακτική*«. Замѣчательно, что этимологическая форма греческаго Conjunctiv'a, представляющаго *почти* тотъ же Indicativ (хотя и *ограни-*

*) О существованіи этого выразительнѣйшаго термина у древнихъ сообщаетъ намъ Аполлоній Дисколъ, хотя самъ онъ относится къ нему не особенно сочувственно. Вотъ его слова (de constr. III. 264): *ἐξῆς ῥητέον παρὶ τῆς ὑποτακτικῆς ἐκκλίσειω, ἣν τινες καὶ διστακτικὴν ἀποφαίνονται ἀπὸ τοῦ ἐξ αὐτῆς δηλουμένου, . . σαφές γάρ ἐστι τὸ ἐὰν γράφω καὶ τοῦτοις ἄμοια διστακτικὸν τοῦ ὡς ἐβουμένον πράγματος σημαίνει ἀλλ' ἴσως ἀντιτίθεται τὸ μηδὲ αὐτὰ ἔχειναι τῆς ἐννοίας τοῦ διστακτοῦ, τὸν δὲ παρακλίμενον σύνδεσμον αἰτιῶν γίνεσθαι τῆς διστακτικῆς ἐννοίας.* Нѣтъ сомнѣнія, что »*ἄν*« усиливаетъ собою *διστακτικός*; но чтобы *отъ него* только зависѣлъ дистактический смыслъ фразы *ἐὰν γράφω*, или даже, какъ Аполлонію хотѣлось бы утверждать, *отъ* всего *ἐὰν*, это едва ли такъ. Ужъ не потому ли Аполлоній здѣсь спорить что онъ вообще любитъ спорить? Наши теперешніе грамматикѣ тоже недоумѣваютъ на счетъ греческаго Conjunctiv'a, какъ и Аполлоній. Замѣчательно уклончивый отвѣтъ по этому вопросу даетъ Brugmann (Handb. II. 190): Als Grundbedeutung des Conjunctivs wird jetzt gewöhnlich mit Delbrück die des Willens, des machtbewussten Begehrens angesehen, aus der sich *allerdings* alle Functionen ohne Zwang entwickeln lassen. Der Conjunctiv enthielt *immer* eine Hinweisung auf Verwirklichung des *im Sinn liegenden*, ein Moment, das dem Optativ in der Regel abgieng. Затѣмъ Бругманъ различаетъ *три* значенія: 1. die voluntative Bedeutung; 2. die deliberative Bedeutung и, наконецъ,

ченный во временномъ отношеніи, такъ какъ онъ имѣеть исключительно только *futural*'ное значеніе), даже своими *окончаніями* похожа на *Indicativ* (только такъ называемая »соединительная гласная« въ *Conjunctiv*'ѣ — долгія, да у Омира и то не вездѣ). — Остальные случаи употребленія *Conjunctiv*'а (*кромя*, стало быть, »омировскаго« *Conjunctiv*'а) можно раздѣлить на пять симасіологическихъ группъ. Группы эти — слѣдующія.

1. *Conjunctivus finalis* (*ἔλεγον ταῦτα, ὅπως μάθῃτε...*) Въ сущности, усматриванье цѣли въ разбираемыхъ нами въ настоящее время случаяхъ вытекаетъ непосредственно лишь изъ *общаго* впечатлѣнія, получаемого не отъ одного *futural*'наго значенія *Conjunctiv*'а (это *futural*'ное значеніе не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ вмѣсто *Conjunctiv*'а можно прямо и *встрѣтитъ* въ нашихъ случаяхъ *Indicativus futuri*), но вмѣстѣ съ этимъ отъ синтаксической, а стало быть, *непремѣнно ужъ и психо-логической* »подчиненности« выраженія, въ которомъ находится самъ *Conjunctiv*, *другому* выраженію. Фраза *ἔλεγον ὑμῖν ταῦτα, ὅπως μάθῃτε* обозначаетъ, собственно, если разбирать слово за словомъ, »я говорилъ вамъ это (такимъ образомъ), какимъ (= *ὅπως*) вы *авось* поймете«. Чѣмъ же собственно отличается нашъ *Conjunctiv* самъ по

---

3. die futurische Bedeutung, т. е. нашъ »омировскій *Conjunctiv*« (порядокъ, какъ видно, *совсѣмъ* не »историческій«!) Еще болѣе перѣшительно высказывается самъ Дельбрюкъ (*Synt. Forsch.* IV. 116): Endlich habe ich als Grundbegriff des *Conjunctiv*s den Willen, als Grundbegriff des *Optativ*s den Wunsch angenommen. Ich gebe jetzt zu, dass ich nicht vermag den Begriff des Willens oder einen anderen Grundbegriff mit der Form des *Conjunctiv*s in einen etymologischen Zusammenhang zu bringen, und auch die Analyse der *Optativ*form steht nicht so fest, dass ich an ihr ein syntaktisches Gebäude errichten möchte. Es bleibt also nur übrig, die Grundbegriffe aus der Betrachtung der Gebrauchsweisen zu gewinnen, wenn man nicht vorzieht, auf diesen Versuch überhaupt zu verzichten. Unternimmt man den Versuch der Darstellung von einem Grundbegriff aus, so wird man sich, glaube ich, immer noch am meisten durch meine Formulierung Wille und Wunsch befriedigt fühlen. Eine andere Möglichkeit wäre, in beiden Modi den *futurischen* Sinn zu finden, und zwar im *Conjunctiv* die Bezeichnung der nahen, im *Optativ* die der ferneren Zukunft. *Бланкъ* къ истинѣ понялъ *Conjunctiv* H. D. Müller, придерживаясь своего »*potentialis*« (смотри выше стр. 112). Der griechische *Conjunctiv* — говорятъ онъ *Sprachb.* 17 — ist also der *Modus potentialis* der Gegenwart, der aber als solcher auch die Zukunft mit umfasst.

себя от «омировскаго» Conjunctiv'a? Пичёмъ, за исключеніемъ именно психо-логической его подчиненности *другому* выраженію *другого* сужденія. Быть можетъ, стануть оспаривать въ нашемъ Conjunctiv'ѣ значеніе «познавательнаго» сужденія и захотятъ въ немъ усматривать значеніе сужденія «желательнаго»: быть можетъ, первое будутъ оспаривать въ виду того, что при нашемъ Conjunctiv'ѣ, когда высказывается *отрицательная* цѣль, въ языкѣ появляется *μή* а не *οὐ*. Конечно, нельзя не согласиться съ тезисомъ, что появленіе въ языкѣ слова *μή* или слова *οὐ* зависитъ, между прочимъ, отъ познавательнаго или желательнаго характера рѣчи, но это только *между прочимъ*, и зависимость эта касается только характера *рѣчи*, т. е. того *общаго* впечатлѣнія, которое должна произвести на насъ *вся* фраза, а вовсе не симасіологіи *наклоненія*. Ужъ трудно оспаривать за *Indicativ'*омъ значеніе именно познавательнаго сужденія, а между тѣмъ тотъ же *Indicativ*, когда замѣняетъ собою нашъ *final'ный* *Conjunctiv*, получаетъ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*.*) Вообще, симасіологія словъ *μή* и *οὐ* представляетъ собою нѣчто до того своеобразное и до того сложное, что въ синтаксисѣ, строящемся на *симасіологической* почвѣ, она должна получить *особое* мѣсто и не можетъ быть рѣшаема совмѣстно съ симасіологіей *наклоненій*, такъ какъ съ послѣднею, какъ окажется, она имѣетъ *очень мало* общаго. Отказываясь отъ дальнѣйшаго связыванія симасіологіи отрицаній съ симасіологією *наклоненій* и *τοῦ ἕρματος* вообще (если въ настоящемъ отдѣлѣ замѣтокъ придется имѣть дѣло съ *οὐ* или *μή*, то мы появленіе такого или иного отрицанія просто будемъ принимать къ свѣдѣнію), мы дѣлаемъ въ данномъ случаѣ исключеніе только потому, что пришлось затронуть самый *вопросъ* объ отношеніи одной симасіологіи къ другой. Очевидно, языкъ руководится въ постановкѣ отрицанія при *final'номъ* *Conjunctiv'ѣ* не *значеніемъ* самого

*) Въ виду *этого* и подобныхъ ему случаевъ употребленія *Indicativ'a*, *между прочимъ*, Н. D. Müller и *нашею* нужнымъ (см. выше стр. 111) заявить, что nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden.

Conjunctiv'a, а тѣмъ упомянутымъ выше цѣльнымъ впечатлѣніемъ *всей* фразы (это бываетъ не только при отрицаніяхъ, но и вообще часто въ языкѣ); *) это цѣльное впечатлѣніе *всей* фразы, пожалуй, *дѣйствительно* опредѣляется въ концѣ концовъ, какъ *желаніе* чего-нибудь *достигнуть* или чему-нибудь *воспрепятствовать* (соотвѣтственно этому въ нашихъ фразахъ появляется рядомъ съ final'нымъ Conjunctiv'омъ и Optativus finalis; но объ Optativ'ѣ рѣчь впереди, и тогда придется снова вернуться и къ Conjunctivus finalis). Остается еще замѣтить, что къ final'ному Conjunctiv'у, въ видахъ усиленія (синасіологическая тавтологія!) того нерѣшительнаго тона, которымъ говорящій выражаетъ свое сужденіе черезъ Conjunctiv, языкъ прибавляетъ еще выражающее «возможность» слово *ἄν* (*ὡς ἄν μάθῃς, ἄκουσον* = чтобы ты *авось, можетъ быть*, понялъ, ты послушай).

2) *Conjunctivus dubitativus* (*οἴσθα, διότι θαυμάζεις, ἢ εὐὸ σοι εἶπω*). То присужденіе дѣйствія, которое при употребленіи Conjunctiv'a *вообще* говорящій высказываетъ всегда съ *нерѣшительностью* въ познавательномъ смыслѣ по отношенію къ *будущему* времени, въ *данномъ* случаѣ онъ относитъ къ *самому себѣ* (*Conjunctivus dubitativus* имѣетъ мѣсто лишь въ *первомъ* лицѣ). Черезъ это въ нашемъ Conjunctiv'ѣ говорящій рисуется передъ слушателемъ колеблющимся не только въ *присужденіи* дѣйствія, но, разъ онъ это дѣйствіе присуждаетъ *себѣ*, и въ *самомъ* своемъ *дѣйствіи*. Представленіе такого колебанія усиливается въ глазахъ слушателя *вопросительнымъ характеромъ* выраженія, заключающаго въ себѣ dubitativ'ный Conjunctiv. Вопросительный характеръ есть такая же *condicio sine qua non* для dubitativ'наго Conjunctiv'a въ помѣщающихъ его

*) Ужъ нѣчто не станетъ отрицать, что напр. обороты *βαρέως φέρω — πρὸς φέρω* должны бы, по смыслу заключающихся въ нихъ *ἤματι*, дополняться Accusativ'омъ; а между тѣмъ, благодаря общему впечатлѣнію, производимому каждымъ изъ этихъ оборотовъ во *всей* его сложности, языкъ свернулъ въ падежномъ дополненіи на дорогу словъ *ἄχθομαι, ἕαθυμι* и т. п., и поэтому появляются — правда, *рядомъ* съ Accusativ'омъ, — выраженія *«βαρέως φέρω τοῖς παροῦσι»* (Хеп. Авав. I. 3. 3) — *πρὸς φέρουσι ἐπὶ τοῖς γυνομένοις* (Dem. 58. 55).

въ себѣ *выраженія*тъ, какою является первое лицо въ его собственномъ грамматическомъ *окончаніи*. Черезъ этотъ характеръ *выраженій* самое *присужденіе* оставляется подъ вопросомъ, который не только еще *долженъ* такъ или иначе *рѣшить* самъ говорящій, но къ рѣшенію котораго онъ, говорящій, привлекаетъ очень часто и *слушателя*. Привлекая *слушателя* къ рѣшенію вопроса, я могу вызвать въ немъ опять—таки не только *познавательное*, но и *желательное* сужденіе. Поэтому то напѣ Conjunctiv и соединяется такъ часто съ ἵμῶν'ами βούλοσθε, θέλειс и др. (Θβ. βούλοσθε, δωδεκίτην ἡμᾶс εἰσφέρειν; *желаніе* слушателя въ данномъ случаѣ выражено не черезъ какое-нибудь *наклоненіе*, а черезъ особое *слово*, черезъ особое ἵμα).

3) *Conjunctivus imperativ'nyj* (ἴωμεν — μηδὲν πλέον αὐτῷ γένηται). Въ выраженіи »ἴωμεν« я, говорящій, обращаюсь собственно къ *другимъ*, и черезъ отождествленіе другихъ съ собою (это отождествленіе и дѣлаетъ возможнымъ появленіе въ языкѣ *перваго* лица множ. числа) выставляю себя лишь *иниціаторомъ* и *соучастникомъ* того дѣла, которое я приказываю совершить *другимъ*. Никто не сомнѣвается, что русское »пойдемъ« есть, по *собственному* его значенію, *Indicativus futuri*, служащій для *категорическаго* заявленія о чемъ—то, — для выраженія *познавательнаго* сужденія о томъ, что то—то будетъ. Если форма, служащая для *категорическаго* заявленія о томъ, что то—то будетъ, психологически могла быть перенесена на *желаніе*, чтобы то—то было (это бываетъ часто: такъ, учитель иногда говоритъ ученикамъ: »сначала прочитаете текстъ, а потомъ и т. д.«), то тѣмъ паче это могло случиться съ греческимъ *Conjunctiv'омъ*, служащимъ не для *категорическихъ* заявленій о будущемъ, а заявленій *нерѣшительныхъ*, сопровождаемыхъ *сомнѣніемъ* на счетъ осуществимости заявляемаго. Форма »ἴωμεν« не обозначаетъ собственно »пойдемъ«. а равняется русскому »пойдемъ, можетъ быть« = »пойдемъ, что—ли«.

Укажутъ, быть можетъ, и на то, что въ »ἴωμεν« слышится отгѣнокъ *вопроса*, и припомнятъ по этому поводу

Conjunctivus dubitativus. Но если этотъ оттѣнокъ и слышится въ *ἴωμεν*, то онъ въ выраженіи *μηδὲν πλεον αὐτῷ γένηται* совсѣмъ заглушается (заглушается, впрочемъ, благодаря внесенію новаго, сравнительно съ прежнимъ, элемента, именно — отрицанія), и во всякомъ случаѣ слышенъ этотъ оттѣнокъ лишь настолько, насколько онъ данъ самимъ понятіемъ *неръшимости*, выражаемой въ Conjunctiv'ѣ; формально, какъ бы то ни было, въ Imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ онъ не поставленъ. — Выходить изъ всего, что нашъ Conjunctivus сталкивается въ языкѣ съ Imperativ'омъ.

Разъ мы сопоставляемъ Imperativ'ный Conjunctiv съ самимъ Imperativ'омъ, то нужно замѣтить, что въ первомъ лицѣ множественнаго числа возможенъ *только* Conjunctiv, и языкъ даже не выработалъ никакой Imperativ'ной формы для этого случая. Въ виду того, что въ этомъ Conjunctiv'ѣ я, говорящій, выставленъ инициаторомъ и *соучастникомъ* дѣла, самъ Conjunctiv не безъ основанія получаетъ названіе Conjunctivi adhortativi = Conjunctivus поощренія.*) Усиливается онъ черезъ Imperativi: *ἄγετε, φέρε* и т. д. (такъ и по русски: «давайте, пойдемъ»). Conjunctiv перваго лица *единственнаго* числа былъ бы невозможенъ (ибо «приказывать» самому себѣ я не могу, развѣ, если *раздвою* себя на два лица, — одно, *которое* приказываетъ, а другое, *которому* приказываютъ), — Conjunctiv перваго лица *единственнаго* числа, я говорю, былъ бы невозможенъ, если бы не было того обстоятельства, что приказаніе можетъ относиться къ *другимъ* лицамъ, а ко мнѣ лишь пассивная сторона дѣйствія (*μη ἀδικήσῃ*), или что *поощреніе*, на которое мы указывали при разъясненіи формы *множественнаго* числа,

*) H. D. Müller (Sprachb. 19.): Bei dem adhortativen Gebrauch der ersten Person Pluralis darf nicht ausser Acht gelassen werden, dass in der Regel derjenige, welcher sie gebraucht, gar nicht in der Lage sein wird, einen auch die übrigen Personen bindenden und zwingenden Entschluss auszusprechen. Er kann nur einen Vorschlag machen und muss es dahin gestellt sein lassen, ob die anderen seinem Vorschlage beitreten werden oder nicht. Es ist also auch hier nur eine gewisse *Wahrscheinlichkeit* vorhanden, dass die Thätigkeit *werde realisirt werden*. Ursprünglich würde demnach z. B. *ἴωμεν* etwa dem deutschen *wir gehen wohl, wir könnten wohl gehen* ziemlich genau entsprechen.

я вижу въ *δρῦναι* для себя. Это то поощреніе прямо и выражено въ русскомъ оборотѣ »дай — лягу«; сравни греческіе примѣры: — *φέρ' ἀναλάβω* — *ἐπίσχετ' αὐδὴν τῶν ἔσωθεν ἐχμάθω* — *λέγε δι' ἴδω*. — *μὴ τρέσης μιάσματος τοῦμοῦ μετασχεῖν, ἀλλ' ἐλευθέρως θάνω*. Не замѣчаетъ ли тутъ читатель связи съ Conjunctiv'омъ final'нымъ, особенно же въ виду такой фразы, какъ Платоновское »*λέγε δι' ἴδω*« или какъ Soph. Trach. 802: *πόρθημευσον ὡς τάχιστα μηδέ αὐτοῦ θάνω* (= и не давай умирать здѣсь; собственно: и да не будетъ того, что я, быть можетъ, здѣсь уму).*)

Что касается второго и третьяго лица, то въ *aorist'н* при отрицаніи, обыкновенно (не вездѣ) появляется Conjunctiv, въ остальныхъ же случаяхъ, *еще обычные* (но тоже не всегда**), — Imperativ. Эта то наша замѣтка находится въ связи съ сказаннымъ объ imperativ'ѣ на стр. 126. Тамъ мы разъяснили, что появленіе отрицанія при Imperativ'ѣ влечетъ за собою Imperativ'ную форму *praesentis*. Оттѣнок сопатус, какъ мы тогда говорили, удобно влагается въ самый Imperativ, какъ выраженіе, — при соединеніи съ нимъ отрицанія, — прямаго »запрещенія« самой *затѣи* такого или иного дѣла. Не то приходится утверждать о нашемъ »imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ«, и не о сопатус можетъ быть въ этой формѣ рѣчь, когда она соединена съ отрицаніемъ. Если Conjunctivus imperativ'ный *дѣйствительно* связанъ съ Conjunc-

*) Немного иначе H. D. Müller (Sprachb. 18). Was zunächst die erste Person Sg. betrifft, so ist es klar, dass wenn ich durch den Gebrauch dieser die Vollziehung irgend einer Thätigkeit, deren Subject ich selbst bin, als möglich oder wahrscheinlich ausspreche, ich damit auch ausdrücke, dass es meine Absicht sei, dieselbe eventuell zu realisiren; denn jene *Wahrscheinlichkeit* beruht doch nur auf einem noch nicht völlig zum Durchbruch gekommenen — gewissermassen noch zögernden — Entschlusse. Anschaulich wird uns dies, wenn wir z. B. *ἴω* übersetzen: *ich gehe wohl, ich gehe vielleicht, ich möchte wohl gehen* — Ausdrücke, welche auch im Deutschen zunächst potentialen Sinn haben, aber doch ungefähr so viel bedeuten wie *ich will gehen*, nur dass beim Gebrauch des letzteren Ausdrucks eine kategorische Willenserklärung abgegeben wird, die man beim Gebrauch der ersteren auszusprechen vermeidet.

**) Что ни то, ни другое не есть *вседашнее*, а только лишь »обыкновенное« явленіе, въ этомъ можно убѣдиться у Kühner'a Ausf. Gramm. II. 202-3.

tiv'омъ final'нымъ*), то выраженное въ немъ желаніе чего-нибудь *достигнуть* сводится. при отрицаніи, къ желанію чему-нибудь *воспрепятствовать* т. е. воспрепятствовать »осуществленію« чего-нибудь, а потому при отрицаніи умѣстенъ именно aorist, какъ форма, указывающая *прежде всего* на »осуществленіе« дѣйствія.

4. *Conjunctivus condicionalis* (ἐὰν ἔχομεν χρήματα, ἔξομεν φίλους — ἦν ἐγγὺς ἔλθῃ θάνατος, οὐδεὶς βούλεται θνήσκειν. — τοῦτοις μάλιστα ἐθέλουσι πείθεσθαι, οὓς ἂν ἡγῶνται βελτίστους εἶναι. — ἂν γνῶς τί ἐστὶ ἀνθρώπος ἡδίων ἔσει). Читатель догадывается, что ἂν, прибавляемое здѣсь къ союзу или вообще къ слову, играющему роль союза, представляет собою лишь *второе* симасіологическое средство (опять симасіологическая тавтологія!) для обозначенія того же, что намѣчено самимъ Conjunctiv'омъ. Въ аттической прозѣ, — въ языкѣ, стало быть, конверсаціонномъ, привыкшемъ уже къ шаблоннымъ *схематизмамъ* и менѣе *сознательно* относящемся къ своимъ собственнымъ средствамъ, — это ἂν сдѣлалось почти обязательнымъ; въ оми-

*) H. D. Müller, не устанавливая никакого особаго Conjunctiv'a final'наго, точно также какъ не устанавливаетъ и Conjunctiv'a condicional'наго, вѣроятно, изъ боязни впасть въ противорѣчіе съ дѣленіемъ греческихъ наклоненій, сообщеннымъ нами на стр. 112, думаетъ, что *настоящее* «μη» и *настоящій* Conjunctiv связаны съ *тѣмъ* «μη» и съ *тѣмъ* Conjunctiv'омъ, которые мы ставимъ ниже подъ 5 --ымъ пунктомъ, и для которыхъ онъ предлагаетъ терминъ *Warnungsausdruck*, причѣмъ напр. *μη τε καὸν ἔξωβι καὶ ἡμέας ἐξελάσσειν* (Od. π. 308) онъ объясняетъ такъ (Sprachb. 24): „sie möchten (könnten) wohl etwas Schlimmes thun und uns . . . treiben . . .“ Das vorausgeschickte *μη* dient also, ähnlich wie in den indirekten Fragesätzen nur dazu, die durch den Conjunctiv ausgedrückte Möglichkeit von vorn herein gewissermassen in Sicht zu stellen und dadurch stärker hervorzuheben . . . Kurz, *μη* hat hier so gut wie bei der Einführung indirekter Fragesätze indefinite Bedeutung, dient nicht der Verneinung, sondern der Hervorhebung und Bekräftigung der *Wahrscheinlichkeit*. Что касается самого final'наго Conjunctiv'a, то онъ и *его* подводитъ подъ этотъ *Warnungsausdruck* (это, конечно, возможно лишь въ *отрицательныхъ* final'ныхъ выраженіяхъ. Такъ, на стр. 25 у него сказано: Es wird auch unsere Erklärung dadurch nicht beeinträchtigt, dass solche abhängige Sätze mit *μη* und dem Conjunctiv Aoristi oft scheinbar finalen Sinn ausdrücken und in solchen Fällen *μη* sich auch durch *damit nicht* übersetzen lässt. Z. B. Od. ω. 24 *ἀλλ' ἴωμεν, μη φθίωσι περιωδιόντες ἐπινοί* kann man übersetzen „lasst uns gehen, *damit* jene *nicht* zuvorkommen“; eben so gut aber kann man den zweiten Satz als unabhängigen Hauptsatz fassen in dem Sinne „es könnten jene wohl gar zuvorkommen.“

ровскомъ и поэтическомъ языкѣ. болѣе вольномъ и болѣе *сознательно* относящемся къ каждому слову, которое произносится, можно и встрѣтить *ἄν*, — respective *κεν*, — но *очень часто* можно и не встрѣтить его. — Въ нашемъ Conjunctiv'ѣ придется обратить вниманіе на одно обстоятельство. Что его можно и *слѣдуетъ* переводить будущимъ временемъ, — всякому извѣстно («буде узнаешь = въ случаѣ, если узнаешь, — а можетъ выйти и такъ, что не узнаешь, — то «... = »ἐὰν γινῆς«). Но часто приходится переводить и настоящимъ временемъ («кто изъ насъ, быть можетъ, думаетъ, что надобно иначе разсуждать, тотъ ошибается = ὅστις ἄν οἴηται«). Мы уже говорили, что, строго разсуждая, настоящаго времени нѣтъ. Въ русской фразѣ «кто изъ васъ, быть можетъ, думаетъ» и *есть* настоящее время, и *нѣтъ* его. Настоящее — оно по формѣ, а будущее оно — постольку, что какъ *настоящее*, т. е. какъ *фактъ*, въ настоящее время вполнѣ *сознаваемый* и *познаваемый* говорящимъ, оно *вовсе не раскрыто*. Въ приведенной русской фразѣ я говорю только *на случай*; быть можетъ этого случая и не окажется, а если окажется, то только въ *будущемъ* времени. Да, мы имѣемъ основаніе говорить о *нераскрытомъ настоящемъ времени*, какъ о чемъ то особенномъ, и языкъ *имѣетъ* основаніе отнестись къ такому *нераскрытому* настоящему времени, какъ къ *будущему*. Грамматика относитъ такой *condicional'ный* Conjunctivъ подъ особый терминъ *iterativ'a*. Но объ этомъ *iterativ'ѣ* мы должны повторить то же, что говорили объ *iterativ'ныхъ* историческихъ Indicativ'ахъ съ *ἄν* (смотри выше стр. 132).

5. *Conjunctivъ* съ *μή*, или лучше, — *μή* съ *Conjunctiv'омъ* (*μή*, τοῦτο κακῶς ἀποβῆι — *μή*, ταῦτα οὕτως ἔχη). Слово *μή* есть въ данномъ случаѣ чисто риторическое, а именно *риторически-вопросительное* (*μή*, τοῦτο κακῶς ἀποβῆι = не выйдетъ ли это худо), и *усиливаетъ* собою оттѣнокъ сомнѣнія, намѣченный самимъ *Conjunctiv'омъ*. Я говорю о *риторически-вопросительномъ* *μή* и противопоставляю его *пря-мому* вопросу, въ которомъ требуется отъ слушателя *от-вѣтъ*, между тѣмъ какъ при нашемъ *μή* и при внесеніи

въ него вопросительнаго тона, обращеннаго къ слушателю, послѣдній дѣлается лишь *соучастникомъ* недоумѣнія говорящаго. Это — съ одной стороны; съ другой — риторически-вопросительное *μή* нужно противополжить *дѣйствительному* отрицанію, относящемуся къ *содержанію* сужденія. Если бы *содержаніе* сужденія въ разбираемыхъ нами »Conjunctiv'ахъ съ *μή*« было *дѣйствительно* отрицательное, тогда должно появиться въ текстѣ кромѣ *μή* еще и *οὐ* (*μή τοῦτο οὐ κατορθώσῃς* = не выйдетъ ли такъ, что ты этого дѣла, быть можетъ, не исправишь). Далѣе: если бы само *сомнѣніе*, вносимое уже *начальнымъ* словомъ оборота, именно словомъ *μή*, — еслибъ это сомнѣніе захотѣлось говорящему уничтожить, то въ языкѣ появится *οὐ μή* (*οὐ μή τοῦτο γένηται* = *нѣтъ* того опасенія, что это, быть можетъ, случится = »не бывать этому«; этотъ оборотъ, какъ *выразительно* уничтожающій черезъ *οὐ* всякое сомнѣніе, обозначенное въ языкѣ черезъ *μή* и черезъ Conjunctiv, *сильныя* простой фразы »этого не будетъ«). Въ виду того, что само *μή* вноситъ въ рѣчь отгѣнокъ сомнѣнія и при Conjunctiv'ѣ является *вторымъ* синтаксическимъ средствомъ для выраженія одного и того же отгѣнка, мы можемъ встрѣтить при *μή* и Indicativus будущаго времени, такъ что отгѣнокъ сомнѣнія, выраженный было и въ Conjunctiv'ѣ, всецѣло передвигается на *μή* (*μή σιμφορὰ γενήσεται τὸ πρᾶγμα*). Этотъ Indicativ дѣлается при *μή* обязательнымъ, конечно, тамъ, гдѣ языкъ не *выработалъ* особаго наклоненія для познавательнаго сужденія съ отгѣнкомъ сомнѣнія, — т. е. въ прошедшемъ времени (*μή δὲ πάντα νικητέα εἶλεν*). Что же касается *настоящаго* времени, то при *μή* съ Conjunctiv'омъ мы опять таки имѣемъ дѣло лишь съ »*нераскрытымъ*«, *фактически*, »*настоящимъ* временемъ« (*μή ἤμῃς γενακίῃ ὁ σοφιστής* = не окажется ли = не будетъ ли тутъ обмана со стороны софиста). О *дѣйствительномъ* настоящемъ времени можно заговорить лишь въ томъ случаѣ, когда самый фактъ уже *прошелъ*, и мы считаемся въ нашей мысли не съ нимъ, съ фактомъ, а съ его *результатомъ*, который и *начинается* съ момента

окончания факта, проходя *дѣйствительно* через *настоящее* время. Языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ $\mu\acute{\iota}, \acute{\eta}\mu\alpha\rho\tau\acute{\iota}\chi\alpha\mu\epsilon\nu$ (т. е. опять таки Indicativ) = не сдѣлана ли тутъ ошибка, — хотя теорія допускаетъ и *здѣсь* Conjunctiv (на практикѣ его трудно найти; $\mu\acute{\iota}, \acute{\eta}\mu\alpha\rho\tau\iota\chi\acute{o}\tau\epsilon\varsigma\ \acute{\omega}\mu\epsilon\nu$ будетъ имѣть смыслъ »не *окажется* ли, что тутъ сдѣлана ошибка?«

Остается разобѣраться Optativ.

Optativus, какъ то сознано было уже составителями *термина* для этой грамматической формы (по гречески — $\epsilon\acute{\upsilon}\chi\tau\iota\chi\acute{\eta}$), есть наклоненіе *желательнаго* сужденія. Въ виду разныхъ симасіологическихъ отбѣнковъ Optativ'a, мы можемъ толковать о выраженіи *чистаго* желательнаго сужденія, какъ о первомъ *оттѣнкѣ* Optativ'a, и назвать его по этому отбѣнку »Optativus *κατ' ἐξοχήν*«. Сравни: $\acute{\omicron}\lambda\omicron\iota\mu\iota\nu$ — да погибну я — $\epsilon\acute{\iota}\theta\epsilon\ \acute{\omicron}\lambda\omicron\iota\mu\iota\nu$ ($\epsilon\acute{\iota}\theta\epsilon$ есть *второе* симасіологическое средство для выраженія того же желанія). Отъ Imperativ'a отличается »Optativus *κατ' ἐξοχήν*« тѣмъ, что въ Imperativ'ѣ говорящій обращается за исполненіемъ своего желанія къ *другимъ*, а въ Optativ'ѣ онъ лишь *передъ* другими высказывается о своемъ желаніи, ища исполненіе его *помимо* ихъ. Какъ Imperativ, такъ и Optativ, являясь выраженіемъ желанія *говорящаго* (мы нарочно подчеркиваемъ слово »говорящаго« въ виду слѣдующаго ниже), есть всегда или »будущее«, или же, — скажемъ теперь, — »нераскрытое настоящее« время (»нераскрытое настоящее« можно найти и въ Imperativ'ѣ: сравни фразу »ну, пиши же, пиши!«), и сохраняеть въ своихъ разнообразныхъ грамматическихъ формахъ (»этимологическіе« термины для нихъ: Optativus praesentis, Optativus aoristi, Optativus perfecti) тѣ же *видовые* отбѣнки времени, какъ и Imperativ. Внося въ толкованіе *видовыхъ* отбѣнковъ времени Optativ'a терминъ »нераскрытое настоящее«, — тоже, въ сущности, будущее, — мы можемъ противопоставить этому термину лишь терминъ »раскрытое настоящее« (представляя себѣ нѣчто раскрытое какъ *фактъ*), т. е. *грамматически*, — а затѣмъ и *психо-логически* — »прошедшее« время (относящійся къ *настоящему* времени

результатъ факта можетъ быть также представленъ *нераскрытымъ* для говорящаго, и въ языкѣ встрѣчается тогда Optativ perfecti. Сравни фразу »εἰ σεσωσμένος εἶη = о если бы въ будущемъ оказалось, что онъ спасенъ«). Относить желаніе къ чему-нибудь уже прошлому — по меньшей мѣрѣ напрасно (сдѣланнаго не передѣлаешь). Поэтому мы въ языкѣ употребляемъ въ такихъ случаяхъ выраженія *познавательныя* сужденія и говоримъ »ἀλλ' ὄφειλε Κῆρος ζῆν (слѣдовало жить Киру = жить было Киру), или же, передавая желаніе не черезъ наклоненіе, а черезъ особое слово εἶθε, прибавляемъ къ »εἶθε« Indicativ'ы историческихъ временъ, и выходитъ фраза »εἶθε ταῦτα ἐγένετο«. Этотъ Indicativ мы имѣли въ виду на стр. 133. Имѣли мы тамъ въ виду, собственно, только Indicativus *condicionalis*. Но условіе, противорѣчащее дѣйствительности, есть въ сущности *желаніе*, противорѣчащее дѣйствительности; пожалуй, можно рядомъ съ *condicional'нымъ* Indicativ'омъ принять еще, какъ *особый* терминъ, Indicativus optativ'ный. — Другіе отгѣнки Optativ'a, кромѣ разъясненнаго Optativ'a κατ' ἐξοχήν, суть слѣдующіе:

1. *Optativus condicionalis* (εἰ ταῦτα γένοιτο = если бы это случилось, то...). Въ сущности, Optativus condicionalis есть тотъ же »Optativus κατ' ἐξοχήν«, какъ былъ только что упомянутый Indicativus condicionalis тождественъ съ Indicativ'омъ optativ'нымъ. Optativus condicionalis отличается отъ Optativ'a κατ' ἐξοχήν развѣ только »подчиненностью« тому, что выражено въ аподозисѣ, и мы бы его не выставляли за *особое* явленіе въ языкѣ, если бы не было одного обстоятельства.

Дѣло въ томъ, что рядомъ съ *condicional'нымъ* Optativ'омъ языкъ выработалъ, какъ мы видѣли, и *Conjunctivus condicionalis*. Въ виду того, что Conjunctivus condicionalis, какъ *наклоненіе*, выражаетъ *познавательное* сужденіе и, въ силу этого, указываетъ въ условіи на нѣчто, чего говорящій »на всякій случай« *ждетъ* въ будущемъ или »нераскрытомъ настоящимъ«, языкъ воспользовался *condicional'нымъ* Optativ'омъ, выражающимъ, какъ наклоненіе, простое *желаніе*, для указанія на условіе лишь *теоретическаго* характера.

Во фразѣ »*εἰ τοῦτο γένοιτο*« я не указываю на что-нибудь такое, къ осуществленію чего я *готовлюсь* (не передаю русское »буде это случится«), а выражаю простую *fictionem*, — нѣчто такое, что не только въ настоящемъ *не раскрыто*, какъ фактъ, но раскрытіемъ чего, какъ факта, я вовсе и не интересуюсь, такъ какъ заинтересованъ только правильностью опять таки лишь »теоретическаго« вывода изъ такого условія (»положимъ«, разсуждаемъ мы, — »этотъ уголъ — прямой; — прямой ли онъ въ дѣйствительности, до этого намъ дѣла нѣтъ, но *положимъ*, что онъ прямой; — что изъ этого выйдетъ?«) Съ оттънкомъ »нераскрытаго факта« — замѣчательно! — забирается нашъ Optativъ въ область *прошедшаго* времени, доводя чрезъ то до конца параллель съ *condicional'нымъ Conjunctiv'омъ*: тамъ гдѣ Conjunctivus *condicionalis* по отношенію къ нераскрытому настоящему или будущему времени заслужилъ — по нѣкоторому недомыслию, какъ оказывается (см. выше стр. 143) — название *iterativ'наго Conjunctiv'a*, тамъ въ области *прошедшаго* *) времени употребляется Optativus, уступая мѣсто Conjunctiv'у въ области настоящаго и будущаго. Мы говоримъ напримѣръ: *εἰ τις αὐτῷ καλῶς ὑπερετήσειεν, οὐδενὶ πῶλοντε...* (по русски — тоже замѣчательно! — употребляется въ нашихъ случаяхъ *другое* наклоненіе желанія, именно Imperativ: »служи ему кто-нибудь, — тогда онъ вотъ что дѣлалъ«; въ русскомъ языкѣ, впрочемъ, употребленіе Imperativ'a не ограничивается этими случаями).

Если въ Conjunctiv'ѣ *condicional'номъ* проза сдѣлала для себя обязательнымъ *ἄν*, то при Optativ'нъ *condicional'номъ* она его систематически изгоняетъ, хотя въ *Омирѣ* мы его

*) Mutzbauer (Tempusl. 23.): Ebenso wird fälschlich dem Optativ in denselben Sätzen (о Conjunctiv'ѣ онъ въ этомъ отношеніи высказывается неясно и неопредѣленно) die Bedeutung einer unbestimmten *Frequenz* zugeschrieben, die er nicht hat.... Vgl. Thuk. II. 49: καὶ ὅποτε ἐς τὴν καρδίαν στήριξαι ὁ πόνος, ἀνίστασθαι τε αὐτὴν »sobald das Leiden den Magen befahl, kehrte es denselben um«. Der Optativ bezeichnet bloss den Eintritt der Handlung, der Indicativ die nach und nach sich vollziehende Umkehrung, während es dem Hörer überlassen bleibt, zu denken, dass dies jedesmal bei der Senche im bestimmten Fall geschah.

встрѣчаемъ и приишемъ его появленіе, конечно, *опять* таки симасіологической тавтологіи. Сравни Od. o. 545:

Τηλέμαχ' εἰ γάρ κεν σὺ πολὺν χρόνον ἐνθάδε μίμνους
Τόνδε δ' ἐγὼ κομῶ, ξενίων δέ οἱ οὐ ποθὶ ἔσται (другіе

примѣры смотри Lange Partik. εἰ 493—520).

2) *Optativus finalis* (въ синтаксически подчиненныхъ выраженіяхъ). Что къ понятію цѣли прекрасно идетъ наклоненіе *желательнаго* сужденія, на это мы указали на стр. 138. Но тамъ же было указано и на столкновение — въ *final'номъ* значеніи — *Optativ'a* съ *Conjunctiv'омъ*. Въ чемъ же разница между этими наклоненіями? Дѣйствіе, представляемое въ *final'ной* роли, предполагаетъ какое-нибудь *другое* дѣйствіе (поэтому и *Conjunctivus finalis*, и *Optativus finalis* синтаксически *подчинены*), при совершеніи котораго оно само имѣется непременно въ виду *именно* какъ цѣль, т. е. какъ нѣчто, что только лишь должно *послѣдовать* за этимъ другимъ дѣйствіемъ. Согласно съ этимъ, въ *ῥήμα*, имѣющемъ *final'ное* значеніе, мы можемъ толковать всегда, конечно, о *будущемъ* времени, но это будущее время вполнѣ опредѣляется, какъ будущее, не съ момента *рѣчи*, а съ момента того *»другого«* дѣйствія, при которомъ наше *ῥήμα* получило *final'ное* значеніе. Съ момента *рѣчи* это будущее можетъ оказаться иногда и *прошедшимъ*: если я, изучая исторію, *»познаю«* и передаю слушателю теперь, по истеченіи слишкомъ 2000 лѣтъ, что въ Аѳинахъ Драконъ написалъ законы для того, чтобъ и подсудимые знали, чѣмъ руководятся судьи, то дѣйствіе *»знать«* представляется, конечно, *будущимъ* съ момента дѣйствія *»написать«*, но съ момента моей *рѣчи* оно относится къ *прошедшему* времени. Словомъ, при *final'ныхъ ῥήματα*, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приходится различать *absolut'ное futurum*, которое и съ момента *рѣчи* является *будущимъ*, отъ *relativ'наго futurum*, которое лишь съ момента дѣйствія является *будущимъ*, а съ момента *рѣчи* представляется *прошедшемъ*. И не былъ ли нашъ *»iterativ'ный«* *Optativus conditionalis* такое же *relativ'ное futurum* («и вотъ, по тогдашнимъ условіямъ, скажи кто-нибудь, когда-нибудь въ *будущемъ*, то-то,

то непремѣнно выходило тогда вотъ что?)? Что же касается нашихъ *final'nyxъ* Conjunction'a и Optativ'a, то спрашивается. гдѣ болѣе уместно предположить у говорящаго недоумѣніе (= опасніе. колебаніе). что цѣль, *можетъ быть*, будетъ достигнута, но, чего добраго, останется и *недостигнутою* (Conjunctivus finalis). и гдѣ онъ, говорящій, склоненъ болѣе выставить цѣль просто какъ желаніе, быть *можетъ*. даже не свое, а *вообще* дѣйствующаго лица, на какое бы въ текстѣ ни было указано (Optativus finalis)? Что вызываетъ *скорѣе* чувство сомнѣнія и даже страха, дѣйствительное ли, absolut'ное, будущее, или только relativ'ное, недѣйствительное? — Конечно, absolut'ное, а потому Conjunctivus finalis приходится встрѣчать при absolut'номъ — а Optativus finalis при relativ'номъ »будущемъ цѣли«. Иногда при relativ'номъ будущемъ говорящій прямо таки чувствуетъ потребность выставить желаніе (цѣль), имѣвшееся въ виду при такомъ то дѣйстви, *недостигнутымъ* и противорѣчащимъ тому, что на дѣлѣ было, и тогда, согласно приведенному на стр. 146, появляется въ языкѣ optativ'ный *Indicativ* (я хотѣлъ было сдѣлать то-то, чтобъ вы поняли, но . . . — ἠβουλόμην τοῦτο ποιῆν, ἵνα ἔγνοτε, νῦν δὲ . . .)

3. *Optativus potentialis* съ ἄν (*φαίη, ἄν* и т. д.). Будущее время въ нашемъ Optativ'ѣ почувствовать нетрудно (и въ русскомъ языкѣ. вмѣсто »это, пожалуй, такъ и есть«, *мы можемъ* сказать »да, это такъ и *будетъ*«); труднѣе почувствовать въ немъ наклоненіе *желательнаго* сужденія; въ этомъ виновато прежде всего ἄν, такъ какъ оно, подерживая представленіе *возможности осуществленія факта*, навязываетъ фразѣ вмѣстѣ съ этимъ представленіемъ и характеръ *познавательнаго* сужденія. Но, если принять во вниманіе, что Optativus potentialis часто выражаетъ передъ слушателемъ *скромность* (иногда и пронию, но иронія есть притворное незнаніе, — притворная скромность), и что выражать скромность значить, какъ говорятъ, не »настаивать« на чемъ-нибудь, а представлять то или другое лишь какъ свое *desiderium*, то и можно до нѣкоторой степени винкнуть въ смыслъ Optativ'a въ нашихъ случаяхъ, и ужъ конечно

вполнѣ объяснить себѣ прибавку къ этому Optativ'у слова *ἄν**) съ его ролью указывать лишь на *возможность*, а не на прямую, раскрытую дѣйствительность.

4. *Optativus orationis obliquae*. Косвенная рѣчь, это — передача говорящимъ слушателю не *своего* собственного »познавательнаго« или »желательнаго« сужденія, вообще не *своего λόγος'α*, а *λόγος'α чужаго* лица. При этой передачѣ говорящій можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать слушателю на чужой *λόγος*, какъ на нѣчто, отвѣтственности за *правильность* чего онъ на себя не принимаетъ; другими словами, онъ можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать на *субъективность* мысли, передаваемой имъ отъ имени чужаго лица. Я говорю, что потребность эту онъ *можетъ* почувствовать: это не значить, что она при передачѣ чужой мысли у говорящаго ео ipso появляется. При *непоявленіи* ея, косвенная рѣчь не имѣетъ никакого вліянія на наклоненія *τοῦ ῥήματος*; въ противномъ же случаѣ представленіе о такомъ же лишь *desiderium* чужаго лица, — *desiderium* съ точки зрѣнія самого говорящаго, не *руководящаго* ни за что. — о какомъ мы говорили въ potential'номъ Optativ'ѣ, становится *руководящимъ* для выбора наклоненія въ косвенной рѣчи, т. е. для появленія въ ней Optativ'a. Но тогда, если ужъ роль Optativ'a — выражать субъективность мысли (рѣчь идетъ, конечно, о *познавательныхъ* сужденіяхъ — »хотя и *desideri'ахъ* только« — въ чужой мысли), послѣдовательность требуетъ, чтобы

*) Какъ въ выраженіи *εἶθε ἐγένετο ταῦτα* только слово *εἶθε* придадо фразѣ характеръ желанія, хотя *ἐγένετο* было формою *познавательнаго* сужденія; какъ въ *ἴνα* номъ *μὴ ταῦτα γένηται* характеръ желанія »*драматически*« выраженъ только черезъ *μὴ*, а *γένηται* остается формою *познавательнаго* сужденія: такъ и въ фразѣ *τοῦτο γένοιτο ἄν* только *ἄν* придаетъ выраженію характеръ *познания*, а *γένοιτο* остается формою *желательнаго* сужденія. Да не подумаетъ читатель, что мы позволяемъ себѣ въ этихъ нашихъ объясненіяхъ какую нибудь натяжку. Возможность соединенія *познавательныхъ* выраженій съ *желательными* для достиженія въ общемъ контекстѣ *одного* какого нибудь изъ этихъ отгѣнковъ, — возможность эта становится *виднѣе*, если самое соединеніе устроится при помощи болѣе *крутыхъ* синтаксическихъ комплексовъ: »*ο* *если бы случилось такъ*, что, вотъ, — человекъ пришелъ, поговорилъ по душѣ и т. д.«; это выраженіе, кажется намъ, *способно* выяснитъ собою *степень* такой »*возможности*«.

Optativ не оставался наклоненіемъ лишь будущаго или »не-раскрытаго« настоящаго времени, но чтобы онъ располагалъ формами для *всѣхъ* временъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ какъ бы замѣняетъ собою Indicativum orationis rectae. Для какихъ же временъ? Конечно, не для настоящаго, прошедшаго и будущаго, такъ какъ эти времена измѣряются лишь моментомъ рѣчи *говорящаго*, а казалось бы, — для *современности, преждевременности и послѣвременности*, т. е. для такихъ временъ, которыя измѣряются моментомъ рѣчи того лица, отъ имени котораго я, говорящій, передаю рѣчь («онъ мнѣ говорилъ, что онъ пишетъ»; слово »пишетъ« указываетъ не на *настоящее* время, а на *современность* глаголу »говорилъ«).*) На дѣлѣ выходитъ иначе. Греческій языкъ не столько располагаетъ optativ'ными формами для выраженія *современности, преждевременности и послѣвременности*.**) сколько скорѣе употребляетъ свои Optativ'ы въ oratio obliqua по слѣдующимъ *видовымъ* отгѣнкамъ времени.

а) Этимологическія формы Optativi praesentis и perfecti, — послѣдняя съ отгѣнкомъ обозначенія *результата дѣйствія*, — указываютъ на *длительность* какъ »современную«, такъ и »преждевременную«.***) Во фразѣ »Тю-

*) Такъ понимаетъ п Бругманъ (Berichte der philos. hist. Classe der kbn. sächs. Gesellschaft der Wissensch. 1863, стр. 174) и Paul (Princip. 228). Послѣдній довольно далеко заходитъ въ разборъ временъ вообще, и именно въ связи съ наклоненіямъ. Нельзя, впрочемъ, сказать, что его толкованіе правильно. Много можно бы ему возразить, хотя онъ, признавая, въ общемъ, что die modalen und temporalen Verhältnisse nicht unabhängig von einander sind (стр. 231), совершенно согласно съ нами утверждаетъ, что der Imperativ seiner Natur nach immer futurisch ist, desgleichen der Conjunctiv und Optativ, soweit sie bezeichnen, dass etwas geschehen soll (?) oder gewünscht wird.

**) Mutzbauer (Tempusl. 9): Die Darlegung zeigt gewiss so viel, dass die homerische Sprache das zeitliche Verhältniss der Handlungen zu einander, mag dies nun die Beziehung zum früher Geschehenen, oder die Vorstellung der . . . Gleichzeitigkeit sein, . . . nicht bezeichnet hat. Überhaupt hat niemals in der griechischen Sprache das Bestreben, die zeitlichen Beziehungen der Gedanken zu einander klar zu legen, bestimmenden Einfluss auf den Gebrauch der Tempora gewonnen.

***) Разъ онъ указываетъ и на современность, и на преждевременность (почему не упоминается здѣсь о послѣвременности, это выяснится ниже), то это значитъ, что современность, преждевременность и т. д. не суть категоріи, по которымъ различаются »временныя« формы Optativ'a.

σαφέρνῃς διέβαλλε τὸν Ἄϊρον πρὸς τὸν ἀδελφόν, ὡς ἐπιβουλεύοι αὐτῷ» форма »ἐπιβουλεύοι« должна быть понята въ смыслѣ *современности* по отношенію къ ῥήμα »διέβαλλε«, между тѣмъ какъ въ известномъ »ἔλεγον, ὅτι τυχεύουσιν φρούρανα συλλέγοντες κάπειτα κατίδοιεν γέροντα« (Хен. Апаб. IV. 3. 11) форму »τυχεύουσιν« слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *преждевременности* по отношенію къ ῥήμα »ἔλεγεи«.

б) Этимологическая форма Optativi aoristi указываетъ на одномоментность« (съ ея finitiv'нымъ, affirmativ'нымъ, и ingressiv'нымъ отгѣнками), — на одномоментность какъ современную, такъ и преждевременную. Во фразѣ ἔλεγεи, ὅτι τοῦτο οὐκ ἐπὶ κακῷ τῆς πόλεως γένοιτο можно понимать форму γένοιτο въ смыслѣ *преждевременности* по отношенію къ ῥήμα »ἔλεγεи«, но не исключается возможность толковать приведенную фразу и въ такомъ смыслѣ, что »то, что случилось во время ея объясненій съ нами, онъ провозглашалъ за безвредное для города«.

в) Этимологическія формы Optativi futuri simplicis и futuri exacti (тутъ то онѣ, эти futural'ныя формы Optativ'a, встрѣчаются въ первый и послѣдній разъ, причеиъ форма futuri exacti, конечно, — съ отгѣнкомъ обозначенія *результата дѣйствія*), обыкновенно принимаются за указатели *послѣвременности*, какъ чего то, противопоставляемаго *современности* съ одной, и *преждевременности* съ другой стороны. Такого взгляда на дѣло держался и я, пока не выяснилъ себѣ того, что во »временныхъ« измѣненіяхъ риматическихкихъ формъ нужно строго различать времена, какъ *психологическую сторону* симасіологін τοῦ ῥήματος, — ту сторону, которая въ принятой нами схемѣ *a*—*b* обозначена черезъ >, — и »видовые отгѣнки« *дѣйствія*, которое въ нашей схемѣ обозначено черезъ букву *a*. Современность, преждевременность и послѣвременность, — все это, хотя и представляетъ собою времена *relativ'ныя*, а не *absolut'ныя*, т. е. времена, измѣряемая не говорящимъ, а тѣмъ, *отъ имени* кого говорящей передаетъ мысль, тѣмъ не менѣе относится къ *психологической* сторонѣ симасіологін τοῦ ῥήματος, и ииѣ всегда казалось страннымъ, съ какой стати въ optatio obliqua, когда

Optativi praesentis, aoristi и perfecti, какъ »временныя« формы, не имѣютъ *никакого* дѣла съ этою психо-логическою стороною симасіологіи τοῦ ῥήματος, различаясь между собою только по видовымъ отгѣнкамъ дѣйствія, вдругъ должны съ нею считаться Optativi futuri simplicis и exacti.

Объяснить все это дѣло чрезвычайно трудно, но мы попытаемся, насколько возможно, истолковать его. Всѣ Optativ'ы, вплоть до Optativ'a orationis obliquae, были съ психо-логической стороны симасіологіи τοῦ ῥήματος *futural'*ными съ точки зрѣнія времени, къ которому относится сужденіе, и выраженіями желанія съ точки зрѣнія *квалитативности* сужденія. Эти два вопроса только и *рѣшаются* психо-логическою стороною симасіологіи τοῦ ῥήματος (смотри выше стр. 110). Нѣтъ сомнѣнія, что Optativus orationis obliquae свою *futural'*ность, т. е. способность выражать извѣстное время, къ которому относится сужденіе, *потерялъ*, оставаясь, какъ показатель *desiderii*, только при способности выражать *квалитативность* сужденія. Видовыя отгѣнки дѣйствія у насъ до сихъ поръ были: *вступленіе* въ дѣйствительность (ingressiv'ность), процессуальность, а то и простая affirmativ'ность, законченность (finitiv'ность), переходъ дѣйствія въ *состояніе* (мы прибѣгли къ термину »результатъ« дѣйствія), *исчезновеніе* (βεβούλευχε значить »пересталъ быть булевымъ«): а гдѣ же *противоположность* »исчезновенію«? — гдѣ же тотъ моментъ, когда »дѣйствіе« только еще *собирается* вступить въ дѣйствительность? При общей *futural'*ности Imperativ'a, Conjunctiv'a и Optativ'a его нечего было особо отмѣчать, потому что онъ былъ данъ самую *futural'*ностью этихъ наклоненій. Но когда эта *futural'*ность исчезла. — а это произошло *именно* въ Optativ'ѣ orationis obliquae, то его *пришлось* отмѣтить особо, и тогда и *приодились* этимологическія формы Optativ'a futuri simplicis (въ дѣйствительность тутъ »собирается« вступить само *дѣйствіе*) и Optativ'a futuri exacti (въ дѣйствительность тутъ собирается вступить *состояніе* какъ *результатъ* дѣйствія).*)

*) Что съ *этимъ* моментомъ, т. е. съ тѣмъ, когда дѣйствіе или его результатъ только еще *собирается* вступить въ дѣйствительность, — что

Читатель, навѣрно, подмѣтилъ, что то же самое придется повторить при ὄνομα ῥήματος (при такъ называемомъ »неопредѣленномъ наклоненіи«). ὄνομα ῥήματος, не выражающее сужденія, не имѣетъ и времени, которыхъ требуетъ психо-логическая сторона сужденія. Временныя измѣненія его формъ относятся только къ видовымъ отбѣнкамъ дѣйствія; и вотъ, когда по контексту все дѣйствіе относится къ futur'у (напр. βούλεται πράττειν), тогда ὄνομα ῥήματος представляетъ только формы πράττειν, πράξει, πεπραγέναи (только въ смыслѣ симасиологической тавтологии встрѣчается иногда βούλεται πράξειν), а когда этой futural'ности въ контекстѣ нѣтъ, тогда выступаетъ наряду съ упомянутыми тремя формами еще и форма πράξειν. То же самое мы видимъ и въ μετοχή (въ »причастіи«).

Изложеннаго, кажется намъ, достаточно, чтобы почувствовать въ ῥήμα все богатство средствъ для выраженія разныхъ отбѣнковъ мысли и все его преимущество передъ остальными частями рѣчи. Это преимущество τοῦ ῥήματος доходить даже до полной его самостоятельности — въ томъ смыслѣ, что его одного, какъ выраженія присужденія чего то чему то, и какъ выраженія такой или иной *квалитативности* сужденія, относящейся къ такому или иному времени, совершенно достаточно для выраженія довольно сложной мысли, особенно, разъ само присуждаемое »что-то«, т. е. самъ присуждаемый »признакъ« или »дѣйствіе«, надѣлено и залоговыми отбѣнками, и способностью выступать въ ῥήμα въ разныхъ моментахъ своего развитія: δεῖ, ἔει, γράφω и т. д., это все — цѣлая рѣчь. Трудно было придумать для ῥήμα болѣе удачный терминъ: слово ῥήμα образовано отъ основы ῥε, появляющейся въ εἶρηκα, ἐρρήθη и др., — образовано оно такъ, какъ образовано γραμμα (= писанное — писаніе) отъ γραφ, и значить *реченное, реченіе, рѣчь*. Въ русской терминологіи мы остаемся при терминѣ *глаголь*, исключая изъ него, какъ къ тому

съ этимъ моментомъ вполнѣ совпадаетъ »послѣвременность«, и что, стало быть, она не могла имѣть мѣста при Optativ'ахъ praesentis, aoristi и perfecti. само собою разумѣется.

ведеть все наше изслѣдованіе, »неопредѣленное наклоненіе« и »причастіе«.

Но преимущество »глагола« передъ другими частями рѣчи замѣчается еще и въ *другомъ* отношеніи. Какъ уже сказано на стр. 58, для тѣхъ, которые въ »глаголѣ« видятъ minimum »предложенія« и думаютъ, что »предложеніе не можетъ обойтись безъ »глагола«, мы можемъ опредѣлить »предложеніе«, какъ *глаголъ съ его симасіологическими дополненіями*. Правда, »предложеніе« есть нѣчто, предѣлы чего обозначаются довольно крупными »паузами«, а слѣдить за »паузами« есть дѣло другого, *высшаго* синтаксиса, который мы установили на стр. 64, и который долженъ слѣдовать за нашею симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ; но отчего не захватить изъ этого синтаксиса то, что изъ нашей симасіологіи вытекаетъ непосредственно, тѣмъ болѣе что опредѣленіе »предложенія« имѣетъ и для насъ нѣкоторое значеніе: оно *указываетъ на предѣлы нашей задачи*. Вообще же наше настоящее разсужденіе ведеть къ двумъ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

1. И выраженія »пора!« — »набатъ!« были законченною рѣчью и заставляютъ насъ рядомъ съ риматическими или глагольными предложеніями признавать и ономатическія (сравни объ этомъ выше стр. 91.) Ниже мы убѣдимся, что ономатическія предложенія не ограничиваются выраженіями, состоящими изъ *одного* слова, а что они допускаютъ и »осложненіе«.

2. Выраженія »молчать!« »на плечо!« представляютъ изъ себя тоже законченную рѣчь, суть тоже выраженія, сопровождающіяся крупною паузою, суть тоже предложенія, но . . . . . Что *глагольного* характера они не имѣютъ, это читатель видитъ съ перваго разу. Однако и ономатического характера усматривать въ нихъ нельзя. Въ выраженіи »на плечо!« хотя и встрѣчается *бѣгоа*, именно слово *плечо*, но оно не имѣетъ ни того *самостоятельнаго* положенія, какое мы должны приписать *бѣгоа* въ выраженіи »пора!«, ни той *господствующей* роли, въ силу которой оно захватывало бы къ себѣ другія симасіологическія допол-

ненія, напротивъ, оно *само* зависитъ симасіологически отъ *другого* слова, — отъ слова »на«. Что же касается выраженія »молчать!«, то останется ли оно, какъ *ὄνομα ῥήματος*, въ *ὄνοματ'αхъ*, или нѣтъ (все это выяснится ниже), тѣмъ не менѣе, однако, характеръ »предложенія« оно получаетъ *только* благодаря его *imperativ'ному* тону. Нельзя не замѣтить, что этотъ *imperativ'ный* тонъ вложенъ въ наше выраженіе *извиль*, что онъ вовсе не данъ самую грамматическую *формю* слова *молчать*, и что, не будь этого тона, слово *молчать* будетъ чувствоваться *вырваннымъ* изъ цѣльной рѣчи, — будетъ чувствоваться, правда, »частью« рѣчи, но частью рѣчи *неопредѣлимюю*, такъ какъ *самой рѣчи* нѣтъ на лицо. Это не то, чѣмъ было выше слово »пора!« (см. стр. 94.). Последнее и *пожимо* восклицательнаго тона было выраженіемъ *сужденія*; наше же »молчать!« представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ Wegener (Untersuch. 68—9) говоритъ: So wenig die Gesellschaft bestehen kann, wenn ihre Glieder von ihren rein selbstischen Zwecken beherrscht werden, ebensowenig die auf der Gesellschaft ruhende Sprache; denn die Sympathie ist die fundamentalste Voraussetzung alles Sprachverständnisses. Keine Mutter würde das Weinen des Kindes als Aufforderung verstehen, ihm zu helfen. Niemand würde das weinerlich gesprochene »Butterbrod«, »meine Stiefeln« als *Imperativ* fassen . . . . Aber ebensowenig wäre Sprachverständnis möglich, wenn uns der selbstische Trieb fehlte, wenn wir nicht bei jeder sprachlichen Aeusserung eines Anderen nach dem Zweck derselben fragten . . . . *So veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten.* Der Massstab und das Schema, nach den Beides geschieht, sind unsere eigenen Zustände des Begehrens und der *Gefühls-erregung*.

Вотъ этотъ *selbstischer Trieb* съ одной — и *Sympathie* съ другой стороны дѣлають часто незаконченную, въ сущности, рѣчь *законченною*, обставляя ее *пожимо* плача,

о которомъ упоминаетъ Wegener, и *помимо* всевозможныхъ друицъ »Gefühlserregungen«, особою *интонировкою произношенія*. Мы уже упоминали о такой рѣчи на стр. 3. въ примѣрахъ »*Quos ego!*« и »*вонъ отсюда!*« ее мы должны усматривать и *здѣсь*, не только въ выраженіи »*молчать!*«, но и въ выраженіи »*на плечо!*«, и не безъ основанія, какъ оказывается, мы ее на стр. 3. назвали »брахилогическою«. Такая »брахилогическая« рѣчь, дѣлающаяся »рѣчью« только благодаря *тону*, слѣдить за которымъ не наше дѣло, не можетъ составлять предметъ *нашего* изслѣдованія, а относится къ *высшему* синтаксису: въ *нашемъ* изслѣдованіи мы будемъ двигаться *только* въ предѣлахъ глагольныхъ и онomatическихъ »предложеній«. А потому *исключаемъ* изъ нашего изслѣдованія такія явленія, какъ *φεῦ τῆς ἀνοίας!*«, *ἢ Ζεῦ βασιλεῦ, τῆς λεπτότητος τῶν φρενῶν!*« (Aristoph. Nub. 153), »*τῆς τύχης τὸ ἐμὲ νῦν κλιθέντα δεῦρο τυχεῖν!*« (Хер. Суг. II. 2. 3.), »*Ζεῦ ἄνα Τιλέμαχόν μοι ἐν ἀνδράσιν ὄλβιον εἶναι* (Od. ρ 354), »*δεινὸν γε τὸν κήρυκα τὸν παρὰ τοὺς βροτοὺς οἰχόμενον, εἰ μὴδέποτε νοστήσει πάλιν*« (Aristoph. Av. 1269), »*ὡς ἔπος εἰπεῖν*«, »*ὀλίγου δεῖν*« и т. д. Пусть тотъ *высшій* синтаксистъ, когда въ предѣлахъ *полмоῖ* рѣчи будетъ опредѣлена сямасіологія частей рѣчи и ихъ формъ, — пусть онъ займется вопросомъ, какъ могла такая то часть рѣчи или такая то ея форма примириться съ »паузою« и съ »тономъ« и составить, *благодаря* этой паузѣ и этому тону, *законченную* рѣчь. Мы же теперь послѣ разбора *многихъ* перейдемъ къ *новой* части рѣчи.

III.

Первый отдѣлъ объ имени (номен).

Какая часть рѣчи должна занять *второе* мѣсто въ разсматриваемомъ нами *ἄλειρον*, это не требуетъ никакихъ глубокомысленныхъ разсужденій и соображеній. *Ὀνόματα* сами напрашиваются на это второе мѣсто. Древнимъ философамъ — грекамъ, когда они еще только приступали къ рѣшенію задачи, за которую взялись мы, и *эта* часть рѣчи до того бросалась въ глаза своею *круглостью* сравнительно съ остальными словами, что они, ставя ее по вѣсу *рядомъ и наравнѣ* съ глаголамъ,*) все остальное находили возможнымъ отмѣтить однимъ *сборнымъ* терминомъ

*) Schoemann'y (Redeth. 28 п сл.) не правятся указанія, съ которыми постоянно приходится встрѣчаться у греческихъ грамматиковъ (Шеманъ приводитъ самыя мѣста изъ нихъ), и которыя гласятъ, что (см. напр. Apoll. Dyc. de constr. I. 12) τοῦ ῥήματος ἀναγκαιῶς πρόκειται τὸ βῆμα, ἐπεὶ τὸ διατίθεσθαι καὶ τὸ διατίθεσθαι ὀνόματος ἴδιον, τοῖς δὲ βήμασιν ἐπίκειται ἡ θέσις τῶν ὀνομάτων, ἐξ ὧν ἡ ἰδιότης τοῦ ῥήματος. По поводу этого и подобныхъ мѣстъ Шеманъ находитъ нужнымъ доказывать древнимъ *die Priorität des Verbum vor dem Nomen*. По нашему мнѣнію онъ это дѣлаетъ напрасно. Указаніе древнихъ не относится здѣсь къ степени *важности синтаксическаго значенія* одной изъ этихъ частей рѣчи преимущественно *передъ* другою, а просто имѣть въ виду нѣкоторый *внѣшній порядокъ* въ *перечисленіи* частей рѣчи: въ рѣчи, *соединяющей ῥήμα* съ *βῆμα*, мы, какъ *будто* (да опять таки *только* какъ будто; сравни выше стр. 92) *высказываемся* о предметѣ (о *βῆμα*), а потому можно разсуждать такъ, что сначала долженъ быть на лицо самый предметъ, а потомъ только можно о немъ высказываться. Этотъ *внѣшній порядокъ* частей рѣчи Аполлоній (de constr. I. 13—18) *устанавливаетъ* такъ: *βῆμα. ῥήμα* (неопредѣленное наклоненіе не выставлено въ этой статьѣ какъ *особая* часть рѣчи), *μετοχή* (ἀπὸ μετέχουσα καὶ τοῦ ὀνόματος καὶ τοῦ ῥήματος), *ἄρθρον, ἀντωνυμία, πρόθεσις, ἐπίρρημα* и *ὀυδέσμος*. Аполлоній очень озабоченъ въ указанной статьѣ тѣмъ, чтобы такъ или иначе обосновать этотъ *внѣшній порядокъ* *перечисленія*. Когда же идетъ вопросъ о степени *важности синтаксическаго значенія* частей рѣчи, то тогда Аполлоній, сравнивая *одну* части рѣчи съ *масками* звукаи слова, а другія — съ *согласными*, выражается слѣдующимъ образомъ (de constr. I. 9): αἱ μὲν γὰρ

»ἄφρον« (средство для склеиванія) или »σύνδεσμος« (союз.*) Въ нашемъ дѣлѣ является важною задачею не столько — *замѣтить ὄνομα* какъ отдѣльную часть рѣчи, сколько скорее — опредѣлить ея *границы* и произвести надлежащее дѣленіе внутри ея самой.

Если глаголь, двоякостью выраженныхъ въ немъ »представленій« (а и б) и всею психо-логическою стороною своей симасіологій, прямо насъ окунаетъ въ цѣльную рѣчь; если глаголь или самъ есть рѣчь, или, по крайней мѣрѣ, представляетъ собою *остовъ* рѣчи, на который, какъ мы замѣтили въ концѣ предыдущаго отдѣла, все остальное въ рѣчи опирается; если глаголь, выражаясь короче, мыслимъ *только* въ рѣчи: то *ὄνομα* отличается отъ глагола *именно тѣмъ*, что оно мыслимо *между прочимъ* — а можетъ быть и *прежде* всего — *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли, понимая связную мысль какъ *сужденіе* и *разсужденіе*. Я говорю »между прочимъ« въ виду того, что на стр. 91-4 мы выясняли слова »набатъ!«, »пора!« и т. п., какъ выраженія *рѣчи*, и притомъ *цѣльной*, не нуждающейся ни въ какихъ пополненіяхъ. Цѣльную рѣчь мы усматривали въ словахъ »набатъ!« и пр. тогда, когда присвоеніе *названія* такому или иному явленію или же засвидѣтельствованіе *существованія* чего нибудь составляло *задачу* для мыслящаго, было *предметомъ* сужденія, такъ что *разрѣшеніе* этой задачи, т. е. дѣйствительное *поименованіе* явленія или дѣйствительное *засвидѣтельствованіе* чего нибудь, — то и другое совершается черезъ *произнесеніе* слова, — представляло собою самое *сужденіе*. Въ массѣ случаевъ, однако, не бываетъ того, чтобы произнесеніе единичнаго слова — глаголь, съ его психо-логическою стороною симасіологій, тутъ *исключается* — было *внѣстѣ* съ тѣмъ и выраженіемъ сужденія.**)

αὐτῶν (разумѣй частей рѣчи) — τρόπον τινὰ τῶν φωνηέντων ἦται εἶδι, καθάπερ ἐπὶ τῶν ῥημάτων (вотъ, что здѣсь на первомъ мѣстѣ!) Ἰβτιν ἐπινοῆσαι, ὀνομαίων, ἀπονομιῶν, ἐπιρρημάτων.

*) Объ этомъ — впрочемъ, *общезвѣстномъ* — вопросѣ можно справиться хотя бы у Steinthal'я (Gesch. 255).

**) Исключеніе тутъ могутъ составлять *отвѣты* (τὶ τοῦτο γράφεις: ἐπιτολήν). Но отвѣты составляютъ *синтаксическое продолженіе* вопросовъ.

Въ массѣ случаевъ произнесение слова является простымъ *отраженіемъ* того, что рисуется въ представленіи говорящаго, — простымъ виѣшнимъ символомъ внутренней картины. Въ массѣ случаевъ произнесение слова является не чѣмъ то искомымъ для представленія, чѣмъ то *окончательно формулирующимъ* представление, какъ это было въ выраженіяхъ *»набать!«* и *»пора!«*, а чѣмъ то *даннымъ вмѣстѣ* съ представленіемъ и прорывающимся наружу въ силу потребности *души* нашей, живущей въ *тьмѣ*, воплотить свои переживания въ эти виѣшніе символы. Короче говоря, въ массѣ случаевъ мы, произнося слово, не *вопросъ* рѣшаемъ, а только *»выражаемъ«* то, что рисуется въ нашемъ представленіи, точно математикъ, который, *»представляя«* треугольникъ, въ это время проводитъ линіи руками по воздуху или чертитъ треугольникъ на доскѣ.

Какъ же мы опредѣлимъ въ такомъ случаѣ *ὄνομα*, предполагая, что оно есть не выраженіе сужденія, а отраженіе представленія, образующагося притомъ *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли? Пока мы его можемъ опредѣлить, какъ виѣшний символъ *»представлений«* о личностяхъ или, выражаясь короче, — какъ виѣшній символъ *самыхъ* личностей, а также предметовъ и всякихъ явленій виѣшняго и нашего внутренняго міра, словомъ, — всѣхъ тѣхъ *ὄντα*, о которыхъ Платонъ разсуждаетъ *прежде* всего въ Софистѣ. Когда мы — сказано въ Софистѣ (смотри, между прочимъ, 250 а и сл.) — произносимъ фразу *κίνησις καὶ στάσις ἔστιν* (движеніе и стояніе существуетъ), то тутъ есть *три ὄντα*: 1. *κίνησις*, 2. *στάσις*, а 3. та *οὐσία*, — то *существованіе*, которое мы, въ данной фразѣ, черезъ слово *ἔστιν* приписываемъ и движенію, и стоянію.***) Точно также, — ска-

*) Plat. Soph. 250 а и сл.:

Εἶεν δὲ, κίνησιν καὶ στάσιν ἂν οὐκ ἐναντιώτατα λέγεις ἀλλήλοις:

Πῶς γὰρ οὐ;

Καὶ μὴν «εἶναι» γέ ὁμοίως φης ἀμφότερα αὐτὰ καὶ ἐκάτερον:

Φημί γὰρ οὐν.

Ἄρα κενεῖσθαι λέγων ἀμφότερα καὶ ἐκάτερον, ὅταν «εἶναι» συνη-

ρῆς;

Ὁὐδαμῶς.

жемъ мы въ подражаніе Платону, — когда говорятъ *ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακρίβουται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν*, то здѣсь выступаютъ *шесть ὄντα*, а именно: 1. *знаніе*, 2. *истина*, 3. *разъясненіе*, 4. *мнѣніе*, 5. *ложь*, а 6. — *οὐ ὄν* Платонъ усмотрѣлъ бы у насъ въ самомъ *ὄντα*, точно такъ же какъ выставляють наряду съ »понятіемъ« *лошади, дерева* и т. д. и »понятіе« *самого понятія*. Сами *ὄντα*, перечисленные здѣсь при помощи ихъ внѣшнихъ символовъ, т. е. при помощи *τῶν ὀνομάτων*, представляютъ собою, каждое въ отдельности, нѣчто вполне *самостоятельное*. Они никакого сообщенія другъ съ другомъ не ищутъ и стоятъ рядомъ какъ *столбы*, которые *можно* соединить, если кому захочется, въ *связной мысли*. Соответственно этому ихъ внѣшніе символы, *ὀνόματα*, чувствуются каждое про себя чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, *не нуждающимся* ни въ какомъ дополненіи, но *поддающимся*, если кто захочетъ, соединенію въ *связной рѣчи*. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говорили, что *ὀνόματα* мыслимы и *внѣ* рѣчи, *внѣ* связной мысли, и вотъ въ какомъ смыслѣ мы искали ихъ опредѣленія, когда мы говорили, что они въ этомъ опредѣленіи должны фигурировать не »какъ выраженія сужденія«, а какъ стоящія *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли.

Приведенное разсужденіе ведетъ прежде всего къ двумъ примѣчаніямъ, изъ которыхъ каждое въ отдельности, въ свою очередь, должно послужить исходною точкою наблюденій, немаловажныхъ въ предпринятой нами задачѣ.

Въ поискахъ нашихъ за логическимъ объемомъ термина *ὄντα* мы руководились тѣмъ, чтобы »личности«, т. е. сами *носители* мысли или *мыслящія* существа, не выступали *исподвужоющими* въ этомъ объемѣ, а чтобы они скорѣе

Ἄλλ' ἰστέονα σημαίνεις, λέγων αὐτὰ ἀμφότερα «εἶναι»;

Καὶ πῶς;

Τρίτον ἄρα τι παρὰ ταῦτα τὸ ὄν ἐν τῇ ψυχῇ τιθεῖς, ὡς ὑπ' ἐκείνου τὴν τε στάσιν καὶ τὴν κίνησιν περιοχόμενῃ συλλαβῶν καὶ ἀπιδὼν αὐτῶν πρὸς τὴν τῆς οὐσίας κοινωνίαν, οὕτως «εἶναι» προβαίπεις ἀμφότερα;

Κινδυνεύομεν ὡς ἀληθῶς τρίτον ἀπομαντεύεσθαι τι τὸ ὄν όταν «κίνησιν καὶ στάσιν εἶναι» λέγωμεν.

составляли минимальную его часть. Въ дѣйствительности оно такъ и есть, но совершенно иначе рисуется дѣло въ *представленіи* этихъ носителей мысли, на которое мы такъ наираемъ въ нашемъ изслѣдованіи. Мы говоримъ здѣсь не о томъ періодѣ придумыванія словъ вообще, а τῶν ὀνομάτων въ частности, когда люди, при совершенно уже установившемся типѣ языка, начали вводить новыя слова для новыхъ предметовъ и явленій просто по образцу уже готовыхъ словъ, такъ сказать, по *шаблону*, не только не вдумываясь особенно, но и не думая вдумываться въ тотъ процессъ, черезъ который получился самый шаблонъ, и замѣнивъ *сознательное* отношеніе къ дѣлу болѣе или менѣе *безсознательною рутинною*. Итакъ, не объ этомъ періодѣ образованія словъ идетъ рѣчь. Но ему предшествовалъ иной, хотя и лежащій въ сѣдой доисторической давности, а потому трудно поддающійся изслѣдованію, но несомнѣнно *глубоко* поэтической періодъ самого *творчества* языка, когда люди, надо думать, не только сами являлись живыми и «личностями», но оживляли и олицетворяли всю окружающую ихъ природу — точно такъ же, какъ оживляли и олицетворяли все то, чѣмъ они въ удовлетвореніе своихъ *духовныхъ* потребностей наполняли свой *внутренній* міръ. Вотъ тутъ то всякое подлежавшее наименованію ὄν (былъ ли то οὐρανός, бурный ли потокъ, или какая нибудь πόλις, какая нибудь ἀρετή, какое нибудь яблоко) представлялось людямъ то производителемъ или вообще активной *силою* (иногда даже не плодотворною и сѣющею, а просто разрушительною), то женою, оплодотворяемою, раждающею, или обнаруживающею другія свойства, присущія только ей, въ противоположность мужчинѣ, то, наконецъ, произведеніемъ или плодомъ. Это поэтическое настроеніе творцовъ слова отпечатлѣлось и въ языкѣ, въ самихъ ὀνόματα, дифференцировавшихъ своими окончаніями роды: мужескій (γένος ἀρσενικόν), женскій (γένος θηλυκόν) и «ни тотъ, ни другой» (γένος οὐδέτερον — neutrum).*) Какое значеніе имѣетъ это примѣчаніе для насъ,

*) Известна статья Grimm'a (D. Gramm. III. 311—363), въ которой этотъ великій ученый, выясняя «естественный» родъ въ цѣломъ рядѣ названій

увидимъ ниже; пока пусть оно такъ и остается примѣчаніемъ. Нелишне прибавить еще одно: не всякій языкъ олицетворяетъ одно и то же явленіе одинаково; различіе въ народныхъ мировоззрѣніяхъ отразилось и здѣсь, и въ различныхъ языкахъ высшіе символы для однихъ и тѣхъ же явленій не всегда соотвѣтствуютъ другъ *другу* по родовымъ окончаніямъ.

Второе наше примѣчаніе касается слѣдующаго. *Ἐπιστήμη*, — говорили мы, — *ἀλήθεια, διακρίβωσις, δόξα, ψεῦδος, ὄντα*, — все это *ὀνόματα τῶν ὄντων* и чувствуются каждое само по себѣ тѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, не нуждающимся ни въ какомъ дополненіи, но находящимся *внѣ* связанной рѣчи, точно такъ же, какъ сами *ὄντα* находятся *внѣ* связанной *мысли*. Связная мысль изъ этихъ *ὄντα* и, соотвѣтственно этому, связанная рѣчь (или *просто* »рѣчь«, такъ какъ мы подъ »рѣчью« *именно* разумѣемъ выраженіе связанной мысли) вышла у насъ такая: *ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακρίβουται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν*. Въ этой »рѣчи« *ὀνόματα διακρίβωσις* и *ψεῦδος* превратились въ глаголы. Это значить, что явленія, которыя были прежде обозначены черезъ слова *διακρίβωσις* и *ψεῦδος*, отнесены теперь къ извѣстному времени и, какъ »дѣйствія«, имѣющія начало, развитіе и конецъ, присуждены — съ *познавательнымъ*, въ данномъ случаѣ, отгѣнкомъ — извѣстнымъ »лицамъ« въ извѣстномъ »заголовкомъ« къ нимъ отношеніи. »Лицами«, которымъ присуждены эти »дѣйствія«, при *ближайшемъ ихъ опредѣленіи* (въ глаголахъ *διακρίβουται* и *ψεύδεται* они *просто* отмѣнены какъ *постороннія* бесѣдующимъ) оказываются *ἐπιστήμη*, и *δόξα*. При этомъ сами слова »*ἐπιστήμη*« и »*δόξα*« не поддались въ *связной* рѣчи никакимъ измѣненіямъ и остались, какъ выражались греки, *ὄρθαι*, т. е. такими, какими они были *внѣ* связанной *рѣчи*, когда исполняли

предметовъ на почвѣ олицетворенія (стр. 315—355), высказывается о »грамматическомъ« родѣ (т. е. о томъ, гдѣ за олицетвореніемъ услѣдить нельзя) слѣдующимъ образомъ (114): Das grammatische Geschlecht ist eine, aber im frühesten Zustande der Sprache schon vorgegangene Anwendung oder Übertragung des natürlichen auf alle und jede Nomina.

роль наименованій τῶν ὀντων, находившихся, въ свою очередь, *внѣ* связной мысли. Затѣмъ, при составленіи изъ нашихъ ὀντα связной рѣчи оказалось нужнымъ вставить такія слова какъ: ἦ, μέν, τήν, περί, τῶν, δέ, αὐτῶν, которыя мы, по примѣру древнихъ, назовемъ пока какими то ἄρθρα или σύνδεσμοι. Что же касается словъ ἀλήθεια и ὀντα, то они, хотя и остались въ связной рѣчи тѣми же ὀνόματα, тѣми же наименованіями τῶν ὀντων, какъ ими остались и ἐπιστήμη, и δόξα, но, въ сравненіи съ послѣдними, немного измѣнились, — измѣнились, очевидно. потому, что на нихъ отразилась та transitivityность слова διακριβοῦται, на которую мы указывали въ статьѣ о залогахъ (стр. 108). Они уже не стоятъ въ связной рѣчи ὀρθῶς, какъ слова ἐπιστήμη, и δόξα, а »покосились«, какъ выражались древніе (εἰς πλάγιον ἐκλίθη),*) подѣ влияніемъ слова διακριβοῦται, причеиъ одно изъ нихъ покосилось подѣ этимъ влияніемъ при посредствѣ ἄρθρα περί.**). О разныхъ »паденіяхъ« (такъ еще выражались греки) τῶν ὀνομάτων, т. е. о падежахъ (πτώσεις), — о томъ, какія отношенія выражаются тѣмъ или инымъ падежемъ, намъ и придется распространиться въ настоящее время и оставить неоконченнымъ »опредѣленіе границъ« τοῦ ὀνόματος (словомъ ὀντα ихъ окончательно не опредѣлишь) и дѣленіе τοῦ ὀνόματος внутри ego самого. Такъ ужъ сплетается вопросъ съ вопросомъ.

Приступая къ рѣшенію вопроса о значеніи падежей, мы прежде всего должны отмѣтить, что и та форма τοῦ ὀνόματος, въ которой ὀνομα стоитъ ὀρθῶς, названа древними πτώσις. Такъ и математикъ, когда обѣ стороны угла вытянулись въ одну прямую линію, и когда собственно никакого »угла«, никакого *уклона* сторонъ нѣтъ, говоритъ объ »углѣ«

*) Смотря схолиа къ грамматикѣ Діонисія Тракийскаго (В. А. II. 862. 5), гдѣ само слово ὀρθῶς объясняется такъ, что ὀνομα, которое стоитъ ὀρθῶς, ὀπτο πλάγιος ἐκλίθη.

**) Читателю можетъ показаться страннымъ различіе отгѣнковъ »при посредствѣ« и »подѣ влияніемъ«. Оно будетъ оправдано въ пятомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

(объ углѣ 180°).*) Надежъ. въ которомъ *ὄνομα* стоитъ *ὀρθῶς*, — древнѣе тутъ толковали объ *ὀρθῶς, πῶς* — названъ *ὀνομαστικῆ* (именительный). Нѣтъ сомнѣнйя, что это названіе очень приличествуетъ нашему падежу *прежде* всего въ виду той его роли, о которой мы только что упоминали, т. е. роли вѣднѣяго символа *τῶν ὀντων*, когда послѣднѣя находятся *внѣ* связной рѣчи. Мы сами, разсуждая о такой ихъ роли, постоянно прибѣгали къ выраженію *наименованія* (= «поименованія» = «названія») *τῶν ὀντων*. Какой же смыслъ, спрашивается, приобретаетъ именительный падежъ въ «рѣчи»?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ прежде всего тѣ выраженія *набатъ!* и *пора!*, которыя *сами по себѣ* представляютъ «рѣчь». Насколько здѣсь «именительный» падежъ — въ своей роли, читатель можетъ усмотрѣть изъ нашихъ разсужденій объ этихъ выраженіяхъ на стр. 90—4: Въ выраженіи *набатъ!* все дѣло *заключалось* въ «поименованіи» явленія, а что «засвидѣтельствовать» пору *можно* черезъ ея «поименованіе» (раньше мы говорили: черезъ произнесеніе слова «пора»), это съ *психологической* точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнью.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ употребленія именительнаго падежа въ «рѣчи» мы переходимъ уже къ выраженіямъ *посложнѣе*, т. е. къ выраженіямъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ одного слова. Мы имѣемъ въ виду сложныя выраженія, все еще *чисто* ономастическія, въ родѣ: *орелъ* — *хищникъ*, *ясень* — *дерево* и т. п. Если мы прибѣгаемъ и здѣсь къ русскимъ прилѣбрамъ, а не къ греческимъ, то это объясняется тѣмъ, что греческій языкъ вообще относится не особенно благо-

*) Древнѣе любилъ поднимать вопросъ: *πῶς δ' οἶόν τε εἶσιν τὴν ὀνομαστικὴν ἐν θεῖαν»* καὶ (= и въ то же время) «*πῶς οἶον*» *λίγεσθαι*, и отвѣчали на него слѣдующимъ образомъ (В. А. II. 861): *Καθὸ γὰρ πέπτωμεν ἀπὸ τοῦ κοινῶ εἰς ἰδιότητα* (имѣется въ виду, очевидно, внесеніе именительнаго падежа въ «рѣчь», т. е. въ *связную* рѣчь, и приведеніе его въ известное отношеніе къ другимъ словамъ рѣчи), *ὀνομάζεται πῶς οἶον καθὸ δὲ πεσοῦθα ἔμεγε καὶ ἔσθη. ὡσπερ ἦν ἐν τῷ γενεῶν* (т. е. при появленіи ихъ *внѣ* «рѣчи»), *καλοῖτο ἂν ὀρθῶς . . . ὡσπερ εἶαν τις λάβῃ γραφεῖον καὶ ἀφ' ἑἰς γῆν καὶ ὀρθῶν βετῆ, καθὸ μὲν πέπτωμε ἀπὸ τῆς χειρὸς, δοκεῖ πεπτωμένα, καθὸ δὲ πεδὸν ἔσθη, λέγεται ὀρθῶν*

склонно къ *ономатической* рѣчи, хотя не безусловно изгоняетъ ее (сравни: *ὄχι ἀγαθὸν πολυκοιρανίη*).

Фразу *орелъ—хищникъ* можно понимать двояко: или она обозначаетъ, что предметъ, *»поименованный«* въ первомъ словѣ (въ словѣ *орелъ*), *принадлежитъ* къ хищникамъ. т. е. что логическій *объемъ* этого перваго слова составляетъ *часть* логическаго объема слова *хищникъ*, или же при произнесеніи ея *совсѣмъ* не обращается вниманіе на отношеніе логическихъ объемовъ тѣхъ *ὀνομάτων*, которыя вошли въ ея составъ. Въ послѣднемъ случаѣ соединены въ цѣльную рѣчь два *ὀνόματα* просто для того, чтобы первое изъ нихъ, слово *орелъ*, *»поименовывало«* предметъ, а второе отмѣчало бы собою присуждаемые этому предмету *признаки*, поскольку они *выражены* въ этомъ второмъ *ὀνομα*, какъ *названіи ὄντος*, совершенно *отличнаго* отъ *перваго ὄν* т. е. отъ того *предмета*, которому эти признаки присуждаются. Поймемъ ли мы нашу фразу по первому толкованію, или по второму, въ томъ и другомъ случаѣ два *ὀνόματα* относятся къ одному предмету, и, какъ изъ самого толкованія явствуетъ, именительный падежъ въ словѣ *орелъ* нисколько не уклоняется отъ своей *первоначальной* роли, а почему слово *хищникъ* попало въ именительный падежъ, это выяснится ниже.

Итакъ, во фразѣ *»орелъ—хищникъ«* два *ὀνόματα* относятся къ одному предмету. Не вызываетъ ли это толкованіе какого нибудь недоумѣнія, и остаются ли въ нашей фразѣ *оба ὀνόματα* тѣмъ же, чѣмъ они были *внѣ* рѣчи, т. е. названіями *настоящихъ ὄντων* или, какъ мы сказали на стр. 160., *внѣшними символами* внутренней картины? (что выраженія *»набать!»* и *»пора!»* *не суть* такіе внѣшніе символы внутренней картины, на это уже указано на той же стр. 160.). Для уничтоженія всякаго недоумѣнія мы спросимъ: чувствуется ли какая нибудь разница между выраженіями *собака — другъ человеку* и *собака дружественна человеку*? Разница, несомнѣнно, *есть*, и довольно большая. Мы не можемъ пока разяснять въ подробностяхъ симиасиологическое положеніе въ рѣчи слова *дружественный*, но и непосредственнаго чутья достаточно, чтобы на основаніи этой разницы удер-

жать толкованіе фразы *собака — другъ чловѣку* въ слѣдующихъ границахъ: Слово *другъ* было внѣ рѣчи поименованіемъ *представленія* объ извѣстномъ предметѣ. »Представленіе« это, если позволено выразиться образно, *оболочка*, которую душа накладываетъ на предметъ и на явленіе, когда съ ними знакомится. Слово »другъ« *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета, — *одного* ли *реальнаго*, или *цѣлой группы* однородныхъ *реальныхъ*, или одного *идеальнаго*, *отвлеченнаго* отъ группы реальныхъ, это *рѣшительно* все равно, — слово »другъ«, повторяю, *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета по той оболочкѣ, которую на него наложила душа, знакомясь съ нимъ. Такимъ, утверждаемъ мы, осталось слово *другъ* и въ нашей фразѣ *собака — другъ чловѣку*, и за такое признаетъ его всякій, если съ надлежащею чуткостью сопоставитъ нашу фразу съ фразою *собака — дружественна чловѣку*. Такимъ же »поименованіемъ предмета по его оболочкѣ« представляется въ разбираемой нами фразѣ и слово *собака*. До тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсуждать о фразѣ *собака — другъ чловѣку* въ такомъ смыслѣ, что въ ней два *двѣмата*, »собака« и »другъ«, встрѣчаются въ одной математической *точкѣ*, до тѣхъ поръ не теряется сознание о нихъ какъ о *настоящихъ двѣматахъ*, т. е. какъ о названіяхъ *τῶν ὄντων*. Но, когда мы заговоримъ о нихъ, что они »относятся къ одному предмету«. то тогда это сознание теряется, и мы поневолѣ должны видѣть въ одномъ *поименованіе* предмета, а въ другомъ обозначеніе его признака. А между тѣмъ, послѣднее есть только психологическое *перенесеніе* (тоже своего рода *метафора*) представленія о встрѣчѣ чего то одного съ чѣмъ то другимъ въ одной математической *точкѣ* на »присужденіе чего то одного чему то другому«.

Такимъ образомъ, когда мы во фразѣ *орелъ — хищникъ* и тому подобныхъ явленіяхъ языка будемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *двѣматахъ* къ одному предмету«, то такъ и будемъ знать, что это, въ сущности, *метафорическое* выраженіе. Это, впрочемъ, только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разбираемыхъ нами явленіяхъ не обращается никакого

вниманія на логическій объемъ словъ. Когда же въ нихъ логическій объемъ имѣется въ виду, то мы, конечно, и тутъ можемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *δύοματα* къ одному предмету«, по немного въ другомъ смыслѣ. Во фразѣ *орелъ—хищникъ*, когда она передаетъ мысль, что орелъ есть *одинъ* изъ хищниковъ, представляется *одно ѳν*, завернутое въ оболочку наименованіемъ *орелъ*, *внутри* другого *ѳτος*, опять таки *настоящаго ѳτος*, завернутаго въ оболочку наименованіемъ *хищникъ*, причеъ *первое ѳν* занимаетъ во второмъ только лишь небольшое пространство.

Не знаемъ, удалось ли намъ достаточно выяснитъ то, въ чемъ мы убѣждены, т. е. что во фразѣ *орелъ—хищникъ* мы и въ *рѣчи* имѣемъ дѣло съ *настоящими δύοματα* какъ названіями *дѣйствительныхъ ѳτων*. *дѣйствительныхъ* »предметовъ«, понимая подъ »предметами« и *личности*, и *явленія* — явленія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра.*)

Итакъ, процессъ образованія *сложнаго* ономатического сужденія, представляя его *отвлеченно*, заключаетъ въ себѣ три момента: символы двухъ внутреннихъ картинъ, прорывающіеся въ *рѣчь ѳρϑῶς*: встрѣча ихъ, стоящихъ все еще *ѳρϑῶς*, въ одной математической точкѣ: наконецъ, сознаніе отнесенія ихъ къ одному предмету, при которомъ одно изъ нихъ блѣднѣетъ въ своемъ значеніи самостоятельнаго и начинаетъ чувствоваться признаковымъ словомъ, тогда какъ другое продолжаетъ стоять какъ названіе *настоящаго ѳτος*. Однако, не всѣ моменты этого процесса остаются живыми въ сознаніи говорящаго. Живо ощущается имъ только послѣдній, и поэтому напр. во фразѣ *орелъ—хищникъ* именительный падежъ слова *орелъ* кажется *естественнымъ*, а именительный слова *хищникъ* — чѣмъ то, подлежащимъ объясненію.

*) Что касается выраженій »громъ!« и »пора!«, то въ нихъ *δύοματα* предстаютъ передъ нами только еще, такъ сказать, на пути своего образованія. Ими душа наша только еще накидываетъ оболочку (на явленіе *природы* въ выраженіи »громъ!« и на *ситуацію* въ выраженіи »пора«), — ту оболочку, въ которую предметъ долженъ быть уже облеченъ, для того чтобы *ѳτος* могло быть *настоящимъ ѳτος*, т. е. внѣшнимъ символомъ *представленія* о предметѣ или, говоря короче, названіемъ предмета.

Пониманіе фразы *орелъ—хищникъ* въ томъ толкованіи, гдѣ не обращается вниманіе на логическіе объемы словъ, даетъ намъ право сопоставить ее съ глаголомъ *хищничаетъ*. Есть ли вообще какая нибудь разница въ смыслъ между выраженіемъ *орелъ—хищникъ* и глаголомъ *хищничаетъ*? Разница есть, но небольшая. »Хищничаетъ« значить, что третье лицо *онъ* — ближе его можно опредѣлить черезъ слово *орелъ* — принимаетъ на себя признаки хищника, обнаруживающіеся на немъ въ пространствѣ времени (сравни выше стр. 97), а въ выраженіи *орелъ—хищникъ* приписываются орлу признаки, которые мы или совершенно не представляемъ въ пространствѣ времени, или же, если ихъ и можно представить, то въ данномъ случаѣ, при данномъ способѣ выраженія мы отвлекаемъ ихъ отъ этого пространства. Эта небольшая разница не вызываетъ никакой необходимости усматривать въ выраженіи *орелъ—хищникъ* какія нибудь другія подлежащее и сказуемое, чѣмъ мы ихъ усматривали въ глаголь *хищничаетъ*: и здѣсь подлежащее и сказуемое остаются тѣми же »психо-логическими,« причемъ подлежащимъ является *орелъ*, а сказуемымъ — *хищникъ*.

Что же нами руководило, когда мы, не имѣя вовсе въ виду логическіхъ объемовъ словъ *орелъ* и *хищникъ*, объявили вдругъ слово *орелъ* за подлежащее и слово *хищникъ* за сказуемое, а не наоборотъ? Почему не признали слово *хищникъ* за »поименованіе« предмета, а слово *орелъ* за »обозначеніе признаковъ черезъ названіе той бытос, носящаго эти признаки«? Въ глаголь »хищничаетъ« нельзя смѣшать психо-логическаго подлежащаго съ психо-логическимъ сказуемымъ, потому что каждое изъ нихъ выражено грамматически совершенно особо. Но почему мы вдругъ во фразѣ *орелъ—хищникъ* усматривали въ словѣ »орелъ« *настоящій* именительный падежъ, а въ словѣ *хищникъ* что-то, еще подлежащее объясненію? Почему не »хищникъ« былъ этимъ *настоящимъ* именительнымъ падежемъ? Тонъ, что ли, навелъ насъ на это, или разстановка словъ? Но вѣдь и при *другомъ* тонѣ и при *другой* разстановкѣ выйдетъ то же самое. Мы можемъ прекрасно сказать: хищникъ—*орелъ* (подразумѣвай,

напр., *а не овца*), и всетаки мы въ словѣ *хищникъ* будемъ видѣть указаніе на *признаки*, а въ словѣ *орелъ* — указаніе на *предметъ*. Поднятый нами вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшить *можно*, но, конечно, ужъ *никакъ* не на почвѣ симасіологій частей рѣчи и ихъ формъ, и разрѣшеніе его повело бы насъ *очень* далеко.*) Да будетъ намъ позволено въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ психо-логическое подлежащее *нельзя* отличить отъ психо-логическаго сказуемаго кромѣ какъ непосредственнымъ — такъ кажется на первый взглядъ — чутьемъ, — да будетъ намъ позволено говорить не о психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, а *просто*, какъ говорили раньше, объ « отнесеніи *двухъ ѓнѳматъ* (при *ѓнѳматъ* это только и *можетъ* случиться) къ одному *предмету*. »

Другое дѣло, когда фраза *орелъ—хищникъ* вырастаетъ на почвѣ разбора *логическихъ объемовъ* словъ, входящихъ въ ея составъ. Тогда, конечно, подлежащимъ будетъ слово съ *меньшимъ*, а сказуемымъ — слово съ *большимъ* логическимъ объемомъ. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что *эти* подлежащее и сказуемое — совершенно другого рода, чѣмъ психо-логическія сказуемое и подлежащее *глаголовъ* и *тѣхъ* ономатическихъ выраженій, въ которыхъ мы не только не ищемъ никакихъ отношеній въ логическихъ объемахъ словъ, но иногда не имѣемъ *основанія* искать ихъ, какъ это было напр. въ вышеприведенной фразѣ *собака — другъ человѣку*. Когда мы выше толковали о словѣ *другъ*, а по поводу его объ *ѓнѳ*, то мы говорили, что все равно, ищемъ ли мы *ѓнѳ* въ *одномъ* реальномъ предметѣ, или въ группѣ однородныхъ реальныхъ предметовъ, или въ *идеальномъ* предметѣ, какъ *отвлеченіи* отъ реальныхъ. Но *другъ* есть непременно *идеальный* предметъ, отвлеченный не столько отъ реальныхъ *предметовъ*, сколько скорѣе отъ разныхъ видовъ *дружбы*,

*) Обращаемъ вниманіе на то, что затрудненіе, о которомъ идетъ рѣчь, существуетъ только для *слушателя*, а никакъ не для *автора* рѣчи. Последній, конечно, прекрасно знаетъ, какое слово у него служитъ указаніемъ на *предметъ*, и какое — указаніемъ на *признаки*, но только не *распознаетъ*, повидимому, *внѣшними* средствами для того, чтобы и слушатель не затруднялся.

насколько она проявляется на реальных предметахъ, въ данномъ случаѣ на личностяхъ. Да наконецъ, большой еще вопросъ, отвлеченіе ли это? Не есть ли это *просто* душевный *поступать*? Въ глаголахъ, равно какъ и во фразахъ *собака* — *другъ человеку*, мы просто, какъ мы прежде всегда выражались, присуждаемъ что-то чему-то, руководясь при этомъ *исключительно* только опытомъ, то болѣе правильнымъ, то менѣе правильнымъ, а то и совсѣмъ неправильнымъ. Собака есть одно *бы*, другъ — другое, и опытъ намъ говоритъ, что оба *быта* могутъ *встрѣтиться* въ одной математической точкѣ. Не такимъ представляется дѣло въ случаяхъ, гдѣ обращается вниманіе на логическій объемъ: тутъ не просто что-то присуждается чему-то на основаніи *опыта*, а самъ опытъ, для того, чтобы *можно* было «присуждать», переводится еще на *мотивъ* присужденія, — на мотивъ чисто *логическаго* характера, а потому не лишнимъ будетъ *отличить* подлежащее и сказуемое *этихъ* случаевъ отъ психо-логическихъ подлежащаго и сказуемаго *глаголовъ*. Для указанной цѣли предлагаемъ прибѣгнуть къ терминамъ «*логическія* подлежащее и сказуемое».

Терминъ «*логическія* подлежащее и сказуемое» обоснованъ разборомъ *вещественнаго* содержанія словъ, того *вещественнаго* содержанія, на которое мы указывали на стр. 83. Хотя мы за *вещественнымъ* содержаніемъ словъ слѣдить не обязаны, но за нимъ не будетъ слѣдить, съ цѣлью опредѣлять подлежащее и сказуемое, и тотъ синтаксологъ, о которомъ мы говорили на той же стр. 83. Оно должно сдѣлаться предметомъ изслѣдованія синтаксиса, который, какъ нами на то указывалось уже не разъ, долженъ слѣдовать за синтаксологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Мы бы и не виѣшивались въ чужое дѣло, если бы установленіе логическихъ подлежащаго и сказуемаго не нужно было для синтаксологіи частей рѣчи. Читатель догадывается, что мы, *между прочимъ*, имѣемъ здѣсь въ виду: появленіе или не-появленіе въ рѣчи такъ называемаго «члена» (*ὁ-ῆ-τό*) часто находится въ связи — не *непосредственной*, впрочемъ, какъ ниже увидимъ — съ логическими подлежащимъ и ска-

зуемымъ. Та же необходимость, тотъ же «членъ» и многое другое заставляетъ насъ, однако, установить еще *третій* видъ подлежащаго и сказуемаго. На *эти* подлежащее и сказуемое встрѣчаются указанія у нашихъ ученыхъ, хотя послѣдніе не сознаютъ или, по крайней мѣрѣ, не опредѣляютъ разницу между ними и первыми двумя парами. точно также какъ не сознаютъ и не опредѣляютъ разницу между первой парю и второю.*)

Wegener (Untersuch. 20) говоритъ: Das Subject ist das interesselose Bekannte, die Aussage das Interessirende Neue. При этомъ нашъ ученый приводитъ примѣръ *dein Vater hat es gesagt*, въ которомъ, по его толкованію, если произнести слова «*dein Vater*» съ удареніемъ, то *dein Vater* будетъ именно das Neue und Interessirende, и хотя это — das grammatische Subject (?), но logisch (?) оно — Praedicat.

Дѣло въ томъ, что коль скоро «рѣчь», т. е. выраженіе полной и связной мысли, перепахнула за предѣлы *одного* слова, стало быть за предѣлы выраженій *ѣи — деі — набать!* — *пора!* — *урафу*, то сейчасъ, уже при составѣ ея изъ *двухъ* словъ, одно слово интонируется сильнѣе, а другое слабѣе. При этомъ самое *распредѣленіе* сильнаго и слабого тона вовсе не находится въ зависимости отъ *категорій* словъ, а появляется по *объѣмъ* комбинаціямъ *аб* и *ба*. Выраженіе «учитель учить» можно интонировать такъ, что *сильный* тонъ появляется въ однихъ случаяхъ на словѣ *учитель*, а въ другихъ -- на словѣ *учить*. При интонаціи «*ἀνδρεία ἐπαινεῖται*» подразумевается какое нибудь *καὶ οὐκ ἀθυμία* (*ἀνδρεία ἐπαινεῖται καὶ οὐκ ἀθυμία*), а при интонаціи «*ἀνδρεία ἐπαινεῖται*» — какое нибудь *καὶ οὐ ψεύεται* (*ἀνδρεία ἐπαινεῖται καὶ οὐ ψεύεται*).**) Въ обоихъ случаяхъ слово со *слабымъ* тономъ представляеть

*) Во пазбжаніе возможныхъ недоразумѣній, мы должны оговориться, что наши три вида подлежащаго и сказуемаго не суть конкретныя группы, *исключающія* одна другую, т. е. не составляютъ одного логического ряда, а представляютъ собою разныя точки зрѣнія на предметъ.

**) Это не *эллипсисъ*; сравни объ этомъ выше стр. 54.

собою нѣчто *данное* для разсужденія, — нѣчто, какъ-бы между собесѣдниками *условленное* и произносимое или, вообще, *опредѣляемое* черезъ »рѣчь« *лишь во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній*, а слово съ *сильнымъ* тономъ говорящей произноситъ съ цѣлью *объявить* слушателю что нибудь *отъ себя*, и если *слабо* интонируемая словомъ сообщалось нѣчто *данное* въ разсужденіи, то черезъ *сильно* интонируемое слово сообщается нѣчто *искомое* въ разсужденіи.

По мѣрѣ *осложненія* рѣчи, т. е. по мѣрѣ *осложненія* и развитія самого *разсужденія*, слова *меньше* сложныхъ выраженій, фигурировавшія въ нихъ въ роли указателей *искомаго*, переходятъ постепенно въ составъ указателей *даннаго*, предоставляя свою прежнюю роль *новымъ* словамъ. Сравни, напримѣръ, слѣдующія выраженія (слова съ *сильнымъ* тономъ мы въ нихъ подчеркиваемъ): онъ *сказалъ*; онъ *сказалъ это*; онъ *сказалъ это кстати*; онъ *сказалъ это очень кстати*; онъ *сказалъ это ему* и т. д.

Нельзя утверждать, чтобы въ сложной рѣчи »искомое« *сосредоточивалось* всегда въ *одномъ* словѣ. Въ выраженіи »если онъ это сдѣлалъ, то я вамъ долженъ сказать, что онъ этимъ *затруднилъ* чрезвычайно насъ, не сознавая этого« *всѣ* подчеркнутыя слова сообщаютъ »искомое«. Wegener на той же 20. стр. своихъ Untersuch. и въ другихъ мѣстахъ замѣняетъ свой »logisches Subject«, выражающій, по его толкованію, das Bekannte, Interesselose, терминомъ »Exposition« *(= ознакомленіе съ ситуациею, предшествующее объявленію новаго)*. Если мы угадываемъ причину этой замѣны, и если побудило Wegener'a къ ней то обстоятельство, что терминъ »Subject« *скорѣе пригоденъ* охарактеризовать *одно слово*, тогда какъ »Exposition« *можетъ быть* отнесено къ *очень* сложному выраженію, то ему слѣдовало подумать и о какой нибудь замѣнѣ термина »logisches Prädicat«.

Нельзя утверждать и того, что въ рѣчи все *данное* скопляется въ *одномъ* мѣстѣ, а все *искомое* въ *другомъ*. Въ выраженіи »я не думаю, чтобы ты могъ справиться съ *этимъ* дѣломъ« *сильно* интонируемая слова распределены по *трѣмъ* мѣстамъ. Сильно-ударяемая слова не только пере-

плетаются съ слабо-интонируемыми, но и подвергаются известному подчиненію *между собою*. Въ выраженіи «если онъ такъ *храбръ*, то его *похвалятъ*» сильно-ударяемыя слова относятся другъ къ другу такъ, что слово *храбръ* можно интонировать не такъ сильно, какъ слово *похвалятъ*, и тогда *вся* фраза «если онъ такъ *храбръ*» по интонаціи подчинена фразѣ «то его *похвалятъ*».

Paul, не подозрѣвая различія въ *видахъ* разныхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, дошелъ до установленія подлежащаго и сказуемаго въ «предложеніи» (какъ онъ до него дошелъ, — мы здѣсь излагать не будемъ), а затѣмъ, *совершенно* въ духѣ Wegener'овскихъ «Exposition» и «logisches Praedicat», продолжаетъ такъ (Princip 111.): Jede andere Art der Satzerweiterung geschieht dadurch, dass das Verhältniss von Subject und Praedicat mehrmals auftritt. Entweder es verbinden sich gleichzeitig zwei Glieder mit einem dritten, d. h. es treten zwei Subjecte zu einem Praedicate, oder zwei Praedicate zu einem Subjecte, was sich etwa durch die Formel (a + (b) + c) ausdrücken liesse, oder es tritt *eine Verbindung* von Subject und Praedicat als Subject oder als Praedicat zu einem weiteren Gliede, was sich durch die Formel (a + b) + c) ausdrücken liesse. Auch dieses weitere Glied kann natürlich wieder zusammengesetzt sein . . . . Много поучительнаго въ этомъ отношеніи, но и вмѣстѣ съ тѣмъ много такого, съ чѣмъ трудно согласиться, можно найти у Paul'я въ статьѣ «Verschiebung der syntaktischen Glieder» (Princip. 235—254).

Изъ только что сообщеннаго можно понять, какая сложная задача предстоитъ тому синтаксису, который долженъ слѣдовать за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ, и который долженъ изслѣдовать «тонъ, темпъ, паузы, и вообще музыкальную часть языка» (смотри выше стр. 64). Для насъ не требуется, чтобы вся эта сложная задача была передъ нами вполне раскрыта и разрѣшена. Намъ нужно различать *данное* и *искомое* въ предѣлахъ очень коротенькихъ *фрагментъ*, а для этого требуется только *установить*

самое различіе, для *установленія* же его вполне достаточно *сообщеннаго*.

Итакъ, отличіе *искомаго* отъ *даннаго* выражается непремѣнно *тономъ*, который мы назовемъ *синтаксическимъ*, такъ какъ появленіе его обусловлено составомъ рѣчи (τῷ συντάκτικῶ θαι τὸν λόγον) по крайней мѣрѣ изъ *двухъ* словъ. Терминомъ *синтаксическій* мы достигаемъ подлежащаго противопоставленія *даннаго* тона всевозможнымъ ὀξύτον'амъ, παροξύτον'амъ и прочимъ »удареніямъ« *слововъ* въ словахъ. То, что *выражается* этимъ синтаксическимъ тономъ, мы могли бы называть такъ, какъ называли до сихъ поръ, — »*искомымъ*«, въ противоположность »данному«. Но такъ какъ »искомое« и »данное« *вообще* постоянно сталкиваются, а часто и *совпадаютъ* съ подлежащимъ и сказуемымъ, какъ »психо-логическими«, такъ и »логическими«, то мы и здѣсь установимъ термины: *синтаксическое* »подлежащее«, указывающее на *данное*, и *синтаксическое* »сказуемое«, указывающее на *искомое*.

Да, мы будемъ различать *три* пары подлежащихъ и сказуемыхъ, и хотя онѣ *всѣ*, въ сущности, психо-логическія, какъ и вся рѣчь, въ качествѣ выраженія сужденія и разсужденія, есть психо-логическая, но въ частности мы будемъ усматривать — въ психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ присужденіе вообще признака предмету, въ логическихъ — отнесеніе меньшаго логическаго объема къ большему, а въ синтаксическихъ — отнесеніе даннаго къ искомому. Первая изъ этихъ паръ, которая нами установлена на почвѣ присужденія признака предмету, можетъ быть, какъ до сихъ поръ выяснилось, или глагольная, или ономатическая: въ глаголѣ γράφω присуждается признакъ, обозначенный въ буквѣ *α* его синасіологической схемы, лицу, обозначенному въ буквѣ *β* этой схемы, въ выраженіяхъ ἔει — δεῖ — *набатъ!* — *пора!* присуждается »признакъ« *явленію, не выраженному въ языкѣ,**) а въ ономатическомъ выраженіи *собака* — *другъ* *человѣку* два ὀνόματα отнесены къ одному предмету, такъ

*) Сравни выше стр. 91.

что одно изъ нихъ *поименовываеъ* предметъ, а другое указываетъ на его *признаки*. Какое изъ *ὀνόματα* »именовываеъ«, и какое принимаетъ на себя »признаковую« роль, это въ нихъ грамматически не показано, какъ то было въ глаголѣ; грамматически въ нихъ показано *только* отношеніе ихъ къ одному *предмету*, — тѣмъ, что съ однимъ изъ нихъ, поставленнымъ въ *разсмотрѣнныхъ* доселѣ случаяхъ въ *настоящемъ* т. е., соответственно его *роли, именительномъ* падежѣ, второе въ падежѣ согласуется,*) и если бы *ὄνομα, именующее* предметъ или, вообще, *указывающее* на предметъ, почему-либо попало въ *другой* какой-нибудь падежъ, то »признаковое« *ὄνομα* сейчасъ за нимъ послѣдуетъ. Къ »согласованію«, впрочемъ, мы еще вернемся, равно какъ вернемся и къ »ономатической рѣчи«. А теперь перейдемъ къ новому и *последнему* случаю появленія именительнаго падежа въ рѣчи, предпославъ небольшое, но весьма важное для дальнѣйшаго, примѣчаніе: Нетрудно понять изъ всего, выясненнаго о подлежащихъ и сказуемыхъ, что только въ »психо-логическихъ« и логическихъ сказуемыхъ можно толковать о *настоящемъ* сужденіи въ смыслѣ »присужденія« признака предмету, въ то время какъ въ *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ можно лишь говорить объ »отнесеніи« чего-то къ чему-то.

Последній случай появленія именительнаго падежа въ рѣчи представляютъ собою выраженія въ родѣ *διδάσκαλος διδάσκει, παῖς παιδεύεται, Σωκράτης διαλέγεται* и т. п. Какова функція именительнаго падежа въ *этихъ* выраженіяхъ?

Непосредственный отвѣтъ на нашъ вопросъ подсказанъ на стр. 89: Именительный падежъ *τοῦ ὀνόματος*, приставаемый въ рѣчи къ глаголу, служить, какъ названіе *τοῦ ὄντος*, ближайшимъ опредѣленіемъ того »лица«, на которое въ общемъ уже указано въ самомъ глаголѣ какъ на носителя *ἐνεργείας* или *πάθους*, отмѣченныхъ въ залоговыхъ

*) Что такая внѣшняя схема, какъ *одинаковость* падежей въ двухъ *одинаковыхъ* частяхъ рѣчи, какъ нельзя лучше могла изобразить отношеніе обѣихъ частей рѣчи къ одному предмету это само собою разумѣется.

оттѣнкахъ глагола и, вообще, какъ на носителя *признака*, представляемаго нами во временномъ пространствѣ. Что »ближайшее опредѣленіе лица«, такого же *ὄντος*, какъ и само *ὄνομα*, лучше всего совершается черезъ »поименованіе« той *ὄντος*, и что, стало быть, и здѣсь именительный падежъ остается въ своей *коренной* роли, это опять таки съ *психологической* точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но не *прямой* отвѣтъ на нашъ вопросъ насъ можетъ останавливать здѣсь. Насъ останавливаетъ скорѣе разборъ *другихъ* отвѣтовъ, которые обыкновенно на него *даются*. Говорятъ здѣсь о »грамматическомъ« подлежащемъ. Уже на стр. 58 мы разсуждали о томъ, что »грамматическое подлежащее« есть, въ сущности, такое же синтаксическое дополненіе глагола, какъ многія другія. »Грамматически« т. е. грамматическою *формою* выражено здѣсь не подлежащее, а *именительный падежъ*, который тѣмъ и отличается отъ другихъ синтаксическихъ дополненій глагола, что только »поименовываетъ« *τὸ ὄν*, тогда какъ *другія* синтаксическія дополненія въ *другихъ* падежахъ *кромя* поименованія выражаютъ еще другія »отношенія«. Итакъ, терминъ »грамматическое подлежащее« ни для чего не нуженъ. Гораздо лучше оттѣняется функція словъ *διδάσκαλος*, *παῖς* и *Σωκράτης* въ нашихъ примѣрахъ отъ *другихъ* словъ, попадающихъ въ рѣчь, черезъ терминъ »именительный падежъ при глаголахъ«. Въ немъ *ясно* и совершенно *достаточно* отмѣчено, что данная форма назначена для *поименованія* чего то, *подлежащаго* поименованію при глаголахъ, а отмѣчать что-нибудь другое не только не нужно, но и не слѣдуетъ, такъ какъ нѣтъ той системы (я разумѣю *настоящую* систему, единую въ ея *началахъ*), въ которой *другое* какое нибудь обозначеніе этого именительнаго падежа находило бы себѣ мѣсто. Кто изъ читателей считаетъ нужнымъ возразить намъ здѣсь тѣмъ, что при глаголахъ бываютъ иногда *два* именительныхъ падежа, и что надобно же какъ нибудь *отличить* одинъ отъ другого, тому мы отвѣтимъ если не сейчасъ, то скоро.

Намъ скажутъ: Какъ же это нѣтъ системы, въ которую »именительный падежъ при глаголѣ« вошелъ бы съ какимъ нибудь другимъ терминомъ, въ особенности съ такимъ терминомъ, какъ »грамматическое подлежащее«? Куда, въ такомъ случаѣ, дѣвалось »грамматическое мышление«, и не на *его* ли почвѣ выросъ терминъ »грамматическое подлежащее«? Хотя Paul и говоритъ (эту его замѣтку мы помѣстили выше на стр. 23), что грамматическія и психологическія категоріи не покрываютъ другъ друга, но въ данномъ случаѣ тотъ, кто напираетъ на терминъ »грамматическое подлежащее« на почвѣ »грамматическаго мышленія«, въ сущности настаиваетъ на терминѣ »подлежащее« на почвѣ »мышленія« и нѣбеть въ виду психо-логическую сторону синтаксиса самого глагола, къ которому именительный падежъ *τοῦ ὀνόματος*, какъ мы уже сказали, только лишь *приставляется*. Подъ угломъ зрѣнія психо-логической стороны синтаксиса глагола иные, дѣйствительно, если и оставляютъ въ сторонѣ слово *грамматическій*, толкуютъ здѣсь то о *психологическомъ* (мы сказали бы непременно психо-логическомъ), то о *логическомъ* подлежащемъ, то о подлежащемъ вообще, но и *это* совершенно неправильно. Объ этой неправильности мы предупреждали читателя на стр. 92 и 149, обѣщавъ въ свое время оправдать прибавку слова, къ которому мы тогда прибѣгали, т. е. прибавку слова *какъ-будто*. Приступаемъ къ оправданію этого слова.

Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе *Σωκράτης διαλέγεται* представляетъ собою »осложненную« рѣчь въ сравненіи съ выраженіемъ *διαλέγεται*. Само *διαλέγεται* есть нѣчто, что нами превращено въ схему *а*—>*б*. На стр. 97 мы рассуждали о деревенѣннн, о рубленіи, а на стр. 163 о *διακρίβωσις* и *ψευδος*, и не трудно понять даже *безъ* этихъ нашихъ рассужденій, что изъ всякаго глагола можно извлечь *ѡнома*, что буква *а* въ нашей схемѣ можетъ быть принята за обозначеніе *τοῦ ὄντος*, соотвѣтственно чему и слово »дѣйствіе« (*πράγμα*), подъ которое мы подводили всякое *а*, есть *ѡнома*, какъ имъ, т. е. *ὀνόματι*омъ, представляется и слово *признакъ*, которое у насъ на стр. 98 чередовалось

съ словомъ *δῆλωση*. Такимъ же *ὄν*, какъ дѣйствіе или признакъ, является, какъ уже раньше сказано, и «лицо», обозначенное въ нашей схемѣ черезъ букву *б*. Такимъ образомъ, въ глаголъ присуждаются другъ другу два *ὄντα*, не иначе, какъ присуждались другъ другу два *ὄντα* и въ оно-матическомъ выраженіи *собака — другъ человѣку*, съ тою лишь разницею, что въ глаголъ *грамматически ясно выражено*, что чему присуждается, а въ приведенномъ оно-матическомъ выраженіи просто «два *ὄντα* отнесены къ одному предмету».

Къ выраженію *διαλέγεται*, съ его схемою *а—>б* и съ ономатическимъ значеніемъ *объихъ* буквъ, вдругъ соединяется новое *ὄνομα*, «*Σωκράτης*». Съ какою изъ этихъ буквъ оно вступаетъ въ *прямое* «отношеніе»? Непремѣнно съ *б*. Каково это «отношеніе»? Признакъ, что ли, выраженъ въ словѣ *Σωκράτης* по отношенію къ тому лицу, которое отиѣчено буквою *б*? Въ такомъ случаѣ *Σωκράτης* было бы даже не подлежащимъ, а психо-логическимъ *сказуемымъ* къ психо-логическому подлежащему *б*, хотя — толковать здѣсь о сказуемомъ было бы странно; скорѣе *б*, какъ мы будемъ пока выражаться, «указываетъ» на предметъ, а *Σωκράτης* его «называетъ», — называетъ, конечно, но его *признаку*, въ томъ *смыслѣ*, какъ мы объ этомъ говорили на стр. 30, или по его «оболочкѣ», какъ мы о томъ говорили на стр. 167. Но можетъ быть, слово *Σωκράτης* вступаетъ въ какое нибудь отношеніе къ *б* на почвѣ «логическихъ *объемовъ*» словъ? Въ этомъ смыслѣ можно тутъ толковать не о логическихъ *подлежащемъ* и *сказуемомъ*, а скорѣе о «логическомъ равенствѣ», — терминъ для насъ не лишній въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, хотя терминъ «*ближайшее опредѣленіе лица*», къ которому мы прибѣгали раньше, способенъ выразить въ *данномъ* случаѣ то же самое. Остается разоб- рать отношеніе слова *Σωκράτης* къ *б* еще съ точки рѣшнія *синтаксическихъ* подлежащаго и сказуемаго. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ видно изъ выше изъясненнаго, не связаны *никакою* грамматическою формою *опредѣляются исключительно* «контекстомъ». Они суть

вмѣстѣ съ этимъ и *въ связи* съ этимъ категоріи, мыслимы только въ *сложной* рѣчи, какою является въ данномъ случаѣ наше выраженіе *Σωκράτης διαλέγεται*. Но тогда никто не скажетъ, *которое* изъ словъ, вошедшихъ въ составъ этого выраженія, представляетъ подлежащее, и которое — сказуемое. Въ однихъ случаяхъ выйдетъ *»даннѣмъ«*, т. е. подлежащимъ, *Σωκράτης*, и *»искомѣмъ«*, т. е. сказуемымъ, *διαλέγεται* (*Σωκράτης διαλέγεται, καὶ οὐ σοφίζεται*), а въ другихъ наоборотъ (*διαλέγεται Σωκράτης, καὶ οὐ Πρωταγόρας*).*) Вотъ отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые въ нашемъ выраженіи провозглашаютъ слово *Σωκράτης* за такое или иное подлежащее. Укажемъ еще на одно: фраза *Σωκράτης διαλέγεται* представляетъ собою грамматически до того компактное выраженіе, что *»лицо«*, отмѣченное въ глаголѣ, стало быть, членъ *б*, чувствуется какимъ то крючкомъ, за который уцѣпляется слово *Σωκράτης*. Да и нѣтъ ли тутъ тоже своего рода *»согласованія«* между *б* и *Σωκράτης*, похожаго на согласованіе въ выраженіи *орелъ — хищникъ* и показывающаго, что *б* и *Σωκράτης* *»относятся — правда, немного иначе — къ одному предмету?«* Только и разницы, что *б* не есть особое слово.

Вернемся теперь опять къ ономатическому выраженію *орелъ — хищникъ*. Въ немъ и ему подобныхъ усматриваютъ

*) Если рѣчь состоитъ изъ одного *υράφω*, которое не допускаетъ *»ближайшаго опредѣленія«* лица черезъ *δύομα* (по крайней мѣрѣ, мы о такомъ *»ближайшемъ опредѣленіи«* не можемъ разсуждать *теперь*), то въ ней, какъ состоящей изъ одного слова, не можетъ быть рѣчи о *»синтаксическомъ«* *тонѣ*, и хотя въ *υράφω* заключаются два *бгта*, *а* и *б*, но сама *звуковая* сторона почти цѣликомъ поглощена членомъ *а*, т. е. его психо-логическимъ сказуемымъ, а потому оно только и можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *синтаксическимъ* сказуемымъ. Если бы пришлось передвинуть синтаксическое сказуемое на *б*, то нужно бы выразить *б* еще разъ особымъ словомъ, и тогда появилось бы въ рѣчи выраженіе *υράφω έυώ*, а еще лучше *έυώ τίμη ή υράφω*. Такимъ образомъ, въ выраженіи *υράφω έυώ* психо-логическимъ сказуемымъ оставалось бы то *а*, которое кроется въ схемѣ глагола *υράφω*, а сказуемымъ *»по контексту«* было бы нѣчто совершенно другое. Такъ и въ выраженіяхъ *пора есть — набать есть — пора на лицо*, если бы кто-нибудь ихъ *потребовалъ*, или если бы языкъ на нихъ *рѣшился*, слова *пора* и *набать* оставались бы психо-логическими сказуемыми, т. е. они оставались бы обозначеніемъ *»черты«* разсматриваемыхъ явленій или обстоятельствъ, а слова *есть* и *на лицо* были бы *синтаксическими* сказуемыми (сравни объ этомъ выше стр. 93).

эллипсисъ и говорятъ, что *орелъ* — *хищникъ* поставлено вѣсто *орелъ есть хищникъ*. Слово *есть* называется въ такихъ случаяхъ *связкою*, стало быть, тоже какимъ то *ἄρθρον* или *σύνδεσμος* въ древнемъ *общежъ* смыслѣ этого слова. Въ греческомъ языкѣ, дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ появленіе слова *ἐστίν* представляется чѣмъ-то нормальнымъ, а отсутствіе его — явленіемъ рѣдкимъ, и это, съ точки зрѣнія греческаго языка *рѣдкое* явленіе — въ *русскомъ* языкѣ какъ будто взяло *верхъ* надъ нормальнымъ. Изъ этого, тѣмъ не менѣе, вовсе не вытекаетъ необходимость привлекать въ качествѣ объясненій эллипсисы. Положимъ, сужденіе, которое дѣйствительно *выражено* во фразѣ *орелъ — хищникъ*, должно быть приурочено, разъ оно *сужденіе*, къ извѣстному *времени* и должно носить характеръ такой или иной *квалитативности* (смотри выше стр. 99). То же самое, въ сущности, слѣдовало намъ сказать и о сужденіяхъ *»набатъ!«* и *»пора!«* Но нельзя же не принять во вниманіе слѣдующаго: На стр. 95. мы установили цѣлую гамму тоновъ съ точки зрѣнія квалитативности сужденія. Нельзя сказать, чтобы приведенныя тамъ *»возможность«* или *»сомнѣніе«* были *жиркою* для того тона, который мы назвали *»заявленіемъ о фактѣ«*; напротивъ *последній* долженъ быть камертономъ для всѣхъ остальныхъ. То же самое мы утверждали на стр. 117-8 и о времени: не будущее или прошедшее время является точкою исхода для установленія настоящаго времени, а наоборотъ, настоящимъ временемъ измѣряется и прошедшее, и будущее. Что же изъ этого всего слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что *настоящее* время и *простое заявленіе о чемъ нибудь какъ о фактѣ* могутъ оставаться *не выраженными*, какъ всегдашнія единицы, которыя *опредѣляютъ* собою все остальное. Такъ и математикъ, пишущій $3a$, $2a$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ не пишетъ, однако, въ то же время ни $1a$, ни $\frac{1}{1}$. Конечно, если бы въ нашу фразу *орелъ — хищникъ* пришлось внести какой нибудь изъ отгѣнковъ, или временныхъ, или квалитативныхъ, которые *измѣряются* этими единицами, то пришлось бы *ужь непременно* прибѣгнуть къ слову, обладающему способностью выразить эти отгѣнки. Этимъ словомъ оказыва-

ется *глагольная* форма, и тогда пришлось бы говорить *Μυκῆνη ἢ πόλις* — ἔστω *Κίμων στρατηγός* и т. п.: выражать же самыя *единицы* и прибѣгать для нихъ къ слову *ἐστίν* зависѣло, такъ сказать, отъ *желанія* языка.

Какъ же мы теперь разберемъ выраженіе *Μυκῆνη ἢ πόλις* или, скажемъ, то *Μυκῆνη ἐστὶ πόλις*, которое появится въ языкѣ, въ случаѣ если онъ »пожелаетъ« выразить свою *мѣрку* времени и квалитативности сужденія, и какъ мы выведемъ слова *ἢν-ἐστίν* изъ того сборнаго термина *ἄρθρον*, который только свидѣтельствуетъ о недоконченности симасіологической классификаціи частей рѣчи? Въ выраженіи *Μυκῆνη ἐστὶ πόλις* слово *ἐστίν* — несомнѣнный *глаголь*, (на это указываетъ вся его форма), и — несомнѣнное синтаксическое *подлежащее* въ этомъ *сложномъ* выраженіи т. е. нѣчто *данное* для того, чтобы къ нему *приискивать* другое. Хотя данное и искомое въ *сложныхъ* выраженіяхъ опредѣляются *тономъ*, — данное произносится съ *слабымъ* тономъ, а искомое съ *сильнымъ*, — и хотя слѣдить за тономъ мы отказываемся, но въ настоящемъ случаѣ *слабый* тонъ отразился на удареніи этого «даннаго» какъ слова (*ἐστίν* здѣсь превратилось въ *ἐγκλιτικ*ическое), а потому мы, не опасаясь выйти изъ рамки своей задачи, провозглашаемъ смѣло слово *ἐστίν* за синтаксическое *подлежащее*. Такимъ образомъ, въ нашемъ *сложномъ* выраженіи »отнесены«*) къ »существованію« и *πόλις*, и *Μυκῆνη*: существуетъ *городъ*, существуютъ *Микены*, причеъ и городъ, и Микены суть именительные падежи, прибавляемые къ глаголу, съ тѣмъ чтобы ближайше опредѣлить «лицо», обозначенное въ окончаніи »глагола«. Вотъ, что мы *пока* можемъ сказать о нашемъ *сложномъ* выраженіи съ *симасіологической* точки зрѣнія. При этомъ мы еще разъ убѣждаемся, какъ легко могло быть пропущено слово *ἐστίν*, если не приходилось особовыражать ни время, ни квалитативность сужденія: относить къ »существованію« Микены и городъ можно было черезъ простое *произнесеніе* самихъ словъ »*Μυκῆνη*« и »*πόλις*«.

*) Сравни выше стр. 176. строку 23.

Но каково же въ этомъ сложномъ выраженіи отношеніе между самими словами *Μυκῆνη* и *πόλις*? Съ симасіологической точки зрѣнія можно опять таки утверждать лишь то, что *Μυκῆνη* и *πόλις* суть согласующіяся *ὀνόματα*, относящіяся къ одному предмету, такъ что *одно* изъ нихъ, — какое, это симасіологією частей рѣчи опредѣлить трудно,*) — должно быть психо-логическимъ *сказуемымъ*, т. е. *признаковымъ* словомъ, а другое — психо-логическимъ *подлежащимъ*, т. е. должно *поименовывать* предметъ. Если обратить вниманіе на *логическій объемъ* словъ, — въ данномъ случаѣ это *возможно*, — то *Μυκῆνη* будетъ логическимъ *подлежащимъ*, а *πόλις* — логическимъ *сказуемымъ*.

Намъ возразятъ, что мы напрасно приводили въ отношеніе къ слову *ἔστιν* и *πόλις*, и *Μυκῆνην*, и что слѣдовало ставить »въ зависимость« отъ *ἔστιν* (терминъ »зависимость« намъ *позволенъ*; сравни выше стр. 78.) только *одно* изъ этихъ *ὀνόματα*, а второе уже »зависитъ« отъ *перваго*. Удовлетвореніе этого возраженія ввело бы насъ въ крайнее затрудненіе: мы не знали бы, устанавливать ли намъ эту зависимость въ смыслѣ фразы *есть городъ-Микены*, или въ смыслѣ фразы *есть Микены-городъ*. Въ выраженіи *Ἀπόλλων νομίζεται θεός* никто не усумнится въ томъ, что и *Ἀπόλλων*, и *θεός* «зависятъ» отъ *νομίζεται*. Мы вообще думаемъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ симасіологическою контаминаціею,**) какъ мы ее на дѣлѣ и провели, уравнивая выраженіе *Μυκῆνη ἔστι πόλις* съ выраженіемъ *существуетъ городъ — существуютъ Микены*. Если бы мы гдѣ нибудь въ греческой литера-

*) Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, *имѣется* *прямая* примѣта, по которой *мы* *можемъ* опредѣлять, какое изъ этихъ словъ - психо-логическое подлежащее, и *какое* — психо-логическое сказуемое. Согласно разсужденію, сообщенному на стр. 30., мы можемъ дѣлить *ὀνόματα* на собственные и нарицательныя. Понятно, что если встрѣтятся на *одномъ* предметѣ *собственное* *бюма* съ *нарицательнымъ*, то *названіемъ* предмета будетъ *собственное* *бюма*, а нарицательное исполнитъ роль *признаковаго* слова. Впрочемъ, это только при *известной* тенденціи рѣчи; ниже увидимъ, что при *другой* тенденціи рѣчи выйдетъ *совершенно* *наоборотъ*.

**) Что контаминація — явленіе въ языкѣ обычное, это прекрасно *доказываетъ* Paul въ своихъ Princip., посвящая ей особую *статью* подъ *заглавіемъ* «Über Contamination» стр. 132—151.

турѣ могли найти оборотъ »*Ἀπόλλων νομίζεται ὡς θεός*«, то въ немъ была бы *разрѣшена* эта контаминація; ибо мы могли бы тогда *смѣло*, не рискуя, какъ ниже увидимъ, вносить въ дѣло какіе бы то ни было »эллипсисы«, — мы могли бы смѣло истолковать этотъ оборотъ черезъ »*Ἀπόλλων νομίζεται οὕτως, ὡς θεός νομίζεται*«. На дѣлѣ такого оборота въ греческой литературѣ не находишь (это объясняется, вѣроятно, чистою случайностью, а можетъ быть и недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ памятниками), но зато постоянно встрѣчаешь *равносильную*, въ данномъ случаѣ, фразу *χρῆται Σωκράτει ὡς φίλῳ*, т. е. *χρῆται Σωκράτει οὕτως, ὡς φίλῳ χρῆται*. Насколько въ разбираемыхъ нами случаяхъ *оба ὀνόματα одинаково* »зависятъ« отъ глагола, видно, между прочимъ, также изъ фразы *αἱ Θῆβαι Αἰγυπτος ἐκαλέετο* (Herod. 2. 15), въ которой наши возражатели несомнѣнно примутъ за »сказуемое«, — слѣдовательно за нѣчто, что уже, по смыслу ихъ возраженія, должно »зависѣть« не отъ глагола, а отъ *другого ὀνομα*, — слово *Αἰγυπτος*, а между тѣмъ языкъ, не имѣя возможности согласовать въ *числѣ* свой глаголъ съ *обоими ὀνόματα*, предпочелъ *здѣсь* согласовать его въ числѣ съ *нимъ*, со »сказуемымъ«.*)

Окончимъ тутъ же *общій* вопросъ о »согласованіи«. Всѣ наши разсужденія, поскольку мы въ нихъ до сихъ поръ касались этого вопроса, сводятся къ тому, что согласованіе есть грамматическая схема, въ которой черезъ одинаковость падежей достигается отнесеніе *двухъ*

*) Не такъ свободно языкъ могъ распорядиться въ выраженіи *ἄνθρωποι εἰμεν ἡμεῖς* или *ἄνθρωποι εἰμεν*. И этотъ оборотъ представляетъ собою контаминацію изъ *ἄνθρωποι εἰσιν* и *ἡμεῖς εἰμεν*. При сведеніи *этихъ* двухъ выраженій въ одно, *словамъ ἡμεῖς* и *ἄνθρωποι* пришлось, конечно, согласоваться въ падежѣ, причемъ одно должно было »обозначить« предметъ (*ἡμεῖς* есть *формальное* существительное), а другое — исполнять роль *признакового* слова. Такъ какъ *общимъ* словомъ въ *контаминированномъ* выраженіи оказалось нѣчто, что въ *отдельныхъ* выраженіяхъ фигурировало не въ *одинаковой* формѣ (разъ было *εἰμεν*, а другой — *εἰσιν*), и такъ какъ *признаковое* слово »лицъ« не имѣетъ (признакъ можетъ быть присуждаемъ *есть* »лицамъ«), то при *выборѣ* одной изъ *этихъ* формъ *общаю* слова для контаминированнаго выраженія языку пришлось считаться съ »*ἄνθρωποι*«, какъ *признаковымъ* словомъ, и приладять форму *общаю* слова къ *ἡμεῖς*.

ὁνομασίῳ къ одному предмету въ томъ смыслѣ, что одно изъ нихъ *называетъ* предметъ, а другое отмѣчаетъ собою *признакъ* предмета; это совершается или на почвѣ психо-логическаго подлежащаго къ сказуемому, или на почвѣ *логическихъ объемовъ* словъ. Въ послѣднемъ случаѣ слово съ *меньшимъ* логическимъ объемомъ представляетъ собою «логическое» подлежащее и названіе предмета, а слово съ *большимъ* объемомъ — «логическое» сказуемое и признакъ. Отношеніе «логическаго» равенства нами до сихъ поръ въ «согласованіи» не замѣчено, развѣ если принять за «согласованіе» то «ближайшее опредѣленіе», черезъ *ὄνομα*, личнаго окончанія *ἰαγολα*, которое установлено нами въ выраженіи *Σωκράτης διαλέγεται*.

Если отношеніе логическаго равенства до сихъ поръ не замѣчено въ согласующихся *ὄνοματα*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ. Мы его видимъ въ примѣрѣ *вѣчность* — *безвременность*. Примѣняя къ нашему примѣру объясненіе выраженія *собака* — *другъ человеку*, сообщенное на стр. 171, мы скажемъ, что здѣсь имѣются два *ὄντα*, какъ имѣются и два названія *τῶν ὄντων*. Если мы тамъ толковали о встрѣчѣ двухъ *ὄντα* въ одной математической точкѣ, то здѣсь мы можемъ толковать о непосредственномъ *совпадении* двухъ *ὄντα* въ одно: то, съ чѣмъ душа наша знакоилась подъ оболочкою *вѣчность* или *непрерывность* времени какъ съ *однимъ* «предметомъ», и то, съ чѣмъ она же знакоилась подъ оболочкою *безвременность* или *отсутствіе времени* какъ съ *другимъ* «предметомъ», мы послѣ продолжительнаго размышленія находимъ возможнымъ *отождествить*, и это *отождествленіе* и выражено во фразѣ *вѣчность* — *безвременность*. Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *отождествленія* двухъ *ὄντων*, можно и при логическомъ равенствѣ двухъ согласующихся *ὄνομασίῳ* говорить объ «отнесеніи ихъ къ одному предмету».

При логическомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было различіи названія предмета и *признаковаго* слова. Согласно съ этимъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ нибудь подлежащемъ и сказуемомъ въ смыслѣ

или обще-психо-логическомъ, или логическомъ. Тутъ можетъ быть рѣчь только о *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ. Притомъ, если мы вернемся опять къ нашему примѣру о вѣчности и безвременности, то увидимъ, что въ немъ, какъ и во фразѣ *Σωκράτης διαλέγεται*, нельзя опредѣлить, какое изъ этихъ словъ будетъ синтаксическимъ сказуемымъ, и какое — подлежащимъ. Въ однихъ случаяхъ окажется *вѣчность* »даннымъ и *безвременность* »объявляемымъ«, а въ другихъ — наоборотъ.

Вообще въ согласующихся *ὀνόματ'ахъ*, насколько мы съ ними до сихъ поръ познакомились, можетъ быть рѣчь въ однихъ случаяхъ о логическомъ равенствѣ, въ другихъ о точномъ распредѣленіи между ними *логическихъ* подлежащаго (*названіе предмета*) и сказуемаго (*признаковое слово*), въ третьихъ о точномъ распредѣленіи между ними психо-логическихъ сказуемаго и подлежащаго (опять *признакъ* съ одной стороны, а съ другой — *названіе предмета*), но никакъ не о точномъ распредѣленіи между ними *синтаксическихъ* сказуемаго и подлежащаго. Послѣднія, не имѣя *сами* по себѣ никакого отношенія къ различію *названія* предмета и *признака*, во *всѣхъ* трехъ случаяхъ могутъ быть распредѣлены между согласующимися *ὀνόματ'ами* то такъ, то иначе. Это въ томъ случаѣ, когда изъ нихъ *однихъ* составлена цѣлая рѣчь. А когда согласующіяся *ὀνόματα* входятъ въ рѣчь только лишь какъ *часть* ея, то распредѣленіе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго можетъ даже *совсѣмъ* ихъ не коснуться, развѣ что они *оба вмѣстѣ* будутъ составлять либо синтаксическое подлежащее, либо синтаксическое сказуемое; можетъ, впрочемъ, случиться и такъ, что *оба вмѣстѣ* войдутъ въ рѣчь какъ *часть* синтаксическаго подлежащаго или синтаксическаго сказуемаго.

Случаевъ, гдѣ согласующіяся *ὀνόματα* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, мы, положимъ, не разбирали, за исключеніемъ очень неважнаго въ этомъ отношеніи выраженія *Μυκῆνη ἦν πόλις*. Но судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, наше *общее* разсужденіе о положеніи ихъ

въ согласующихся *дво́мат'*ахъ вѣрно. Впрочемъ, не это положеніе насъ теперь интересуесть; насъ интересуесть другое.

Случай, гдѣ согласующіяся *дво́мата* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, представляетъ собою выраженіе за *Москвою-рѣкою*; ибо это выраженіе опредѣляетъ *мѣсто* на вопросъ *идь*, а опредѣленіе мѣста на вопросъ *идь* не есть законченная рѣчь. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ сказано, могутъ *совсѣмъ* не коснуться здѣсь согласующихся именъ, т. е. могутъ оказаться въ *законченной* рѣчи распределенными вовсе не между *ними*. Если бы они ихъ коснулись, то тогда »за *Москвою-рѣкою*« будетъ противопоставлено какой нибудь *другой* рѣкѣ, а »за *Москвою-рѣкою*« будетъ противопоставлено *Москвѣ-городу*. Затѣмъ мы можемъ поставить синтаксическій тонъ на словѣ *за*, причеъ уже *все* »*Москвою-рѣкою*« будетъ синтаксическимъ подлежащимъ (*мѣсто* за *Москвою-рѣкою* будетъ тогда противопоставляться *мѣсту* *передъ* *Москвою-рѣкою*), или на *всемъ* *Москвою-рѣкою*, причеъ *все* »*Москвою-рѣкою*« будетъ синтаксическимъ *сказуемымъ*, и *мѣсто* за *Москвою-рѣкою* будетъ противопоставляться, если проводить дѣло интонаціи съ *точностью*, *мѣсту*, напр., за *Курскомъ-городомъ*. Наконецъ, въ выраженіи напр. »у насъ, за *Москвою-рѣкою*, совершенно *зверское убійство*« наши согласующіяся имена войдутъ только какъ *часть* въ сложное синтаксическое подлежащее, въ выраженіи »это случилось за *Москвою-рѣкою*, *недалеко отъ вашего дома*« они войдутъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое сказуемое, а въ выраженіи »*много* *разной ругляди* поплыло тогда по *Москвѣ*, -- *рѣкѣ*, *протекающей по слѣдующимъ пунктамъ столицы*« одно входитъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое подлежащее, а другое, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое *сказуемое*. Впрочемъ, возможность *последняго* изъ приведенныхъ трехъ выраженій обусловлена такъ называемымъ »приложеніемъ« (appositio), приложеніе, въ свою очередь, обусловлено синтаксическою *паузою*, а слѣдить за паузою не *наше* дѣло и устанавливать въ частности »*приложеніе*«, какъ особую грамматическую категорію, *пока*, по крайней мѣрѣ, *ничего*.

Итакъ, не это все насъ теперь интересуетъ, и мы бы не распространялись такъ о распредѣленіи синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго при согласующихся *дво́матахъ* въ *сложной* рѣчи, если бы это не понадобилось намъ для рѣшенія *новаго* вопроса. Этотъ *новый* вопросъ требуетъ, чтобы *случаи* такого распредѣленія были развернуты передъ нами *всѣ*. Всѣ ли они развернуты? По отношенію къ *Москва-ръкѣ*, повидимому, да. Но *Москва-ръка* представляетъ собою примѣръ тѣхъ согласующихся именъ, гдѣ одно относится къ другому какъ психо-логическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему. Изъ за *логическихъ* подлежащаго и сказуемаго особаго вопроса возбуждать не стоитъ, такъ какъ они представляютъ собою въ концѣ концовъ лишь *вариантъ* психо-логическихъ. Но гдѣ же примѣръ на логическое равенство? Предлагаемъ читателю *самоу* провести нашъ примѣръ *вѣчность* — *безвременность* по всѣмъ тѣмъ случаямъ распредѣленія синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго, по которымъ мы только что провели примѣръ *Москва-ръка*.

А теперь перейдемъ къ рѣшенію обѣщаннаго *новаго* вопроса. И въ *сложной* рѣчи согласующіяся *дво́мата*, конечно, продолжаютъ »относиться къ одному предмету, но... Рѣчь есть выраженіе сужденія и рассужденія. Когда оба *дво́мата* сами составляли это выраженіе сужденія и рассужденія, то одно изъ нихъ должно было быть *непремѣнно сказуемымъ* (о *подлежащемъ* я теперь не говорю), выросло ли это сказуемое на почвѣ логической или психо-логической, или даже, при логическомъ равенствѣ, на почвѣ синтаксическаго тона. Такъ ли это должно *непремѣнно* быть, когда оба *дво́мата* составляютъ только *часть* рѣчи? Проводя примѣръ логическаго равенства по всѣмъ синтаксическимъ *тонамъ*, какъ мы провели *Москву-ръку*, мы увидимъ, что выраженіе *вѣчность* — *безвременность* или *дѣйствительно останется* тѣмъ, чѣмъ оно было *внѣ* сложной рѣчи, или что *одно* изъ этихъ словъ лишнее, и дѣлается такъ называемымъ *epitheton ornans*.

Что же касается случаевъ логическаго *неравенства*, стало быть, — нашего выраженія *Москва-рѣка*, въ которомъ *въ* сложной рѣчи одно слово должно было исполнять роль »признаковаго«, а слѣдовательно, и *сказуемаго*, — все равно, на психо-логической ли почвѣ, или на логической (повторяю : о подлежащемъ здѣсь рѣчь не идетъ), — то психо-логическая и логическая почвы только въ *одномъ* случаѣ даютъ возможность говорить о словѣ *рѣка*, какъ »сказуемомъ«, по отношенію къ *Москва*, какъ подлежащему. Это именно тамъ, гдѣ слово *рѣка* попало въ »приложеніе« : тамъ только »присуждается« признакъ, выраженный въ словѣ *рѣка*, слову *Москва*, какъ *собственному имени* предмета. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ выраженіе *Москва-рѣка* чувствовалось какъ будто *однимъ* словомъ. Мы не скажемъ, что все это выраженіе служило »названіемъ предмета« : ибо терминъ »названіе предмета« пригодится намъ для различенія нѣкоторыхъ *оттѣнковъ* среди самихъ словъ, попавшихъ въ это выраженіе. Мы скажемъ, что выраженіе *Москва-рѣка* въ нашихъ случаяхъ служило всѣмъ своимъ составомъ для »обозначенія« предмета, причемъ предметъ, иногда, противопоставлялся *другому* предмету. *Москва-рѣка* противопоставлялась *Москвѣ-городу*, выраженіе *рѣка-Донецъ* употребляется для противопоставленія *рѣкѣ-Дону*, а когда *Донецъ-рѣка* противопоставляется *Курску-городу*, то прибавочныя слова *рѣка* и *городъ* чувствуются въ обоихъ выраженіяхъ даже лишними. *), и это обстоятельство, въ сопоставленіи съ необходимостью или. по крайней мѣрѣ, умѣстностью прибавочныхъ словъ въ раньше приведенныхъ примѣрахъ, служить немаловажнымъ доказательствомъ того, что въ нихъ *оба ѳрматы* поставлены *именно* для »обозначенія« предмета.

Чтобы не терять времени, скажемъ прямо, что дѣло идетъ объ установленіи »логическаго опредѣленія«. Есть *два* Москвы : *Москва-рѣка* и *Москва-городъ* **). Для того,

*) чувствуются лишними и, если появляются въ рѣчи, составляютъ опять своего рода epitheta ornantia.

**) Пожалуй, примѣръ о *Москвѣ* покажется здѣсь неудобнымъ. Трудно безъ натяжки говорить о *родовомъ* понятіи Москвы вообще, распадающемся

чтобы отличить одинъ предметъ отъ другого, нужно *раздѣлить* чѣмъ нибудь логическій объемъ слова *Москва*. Чѣмъ же его раздѣлить? Указаніемъ на отличительную черту или *признакъ* каждаго изъ предметовъ, а въ другихъ случаяхъ — и *группы* предметовъ, составлявшихъ *часть* этого объема. Разъ идетъ рѣчь объ указаніи на черту или признакъ, то слово, исполняющее эту роль, будетъ опять таки *признаковымъ* словомъ, какъ оно было въ обще-психо-логическомъ и логическомъ *сказуемыхъ*, а тогда *второе* изъ »согласующихся« *двоица* все же останется при терминѣ »непосредственнаго *названія* предмета«. Вотъ почему мы выше нашли нужнымъ толковать о случаяхъ не »названія«, а »обозначенія предмета всѣмъ составомъ согласующихся *двоицѣтъи*«.

Признаковое *двоица*, появляющееся при логическомъ опредѣленіи, назовемъ »логическимъ опредѣляющимъ«, а второе *двоица* — »логическимъ опредѣляемымъ«. Нельзя сказать, чтобы говорящій, считаясь съ логическимъ объемомъ опредѣляемаго, думалъ въ то же время и о логическомъ объемѣ опредѣляющаго. Въ выраженіи *Москва-рѣка*, когда оно *цѣликомъ* служитъ для обозначенія *предмета*, говорящій вовсе не обращаетъ вниманія на то, что рѣкъ на свѣтѣ *много*, а просто *общемою* »идеєю« отмѣчаетъ признакъ *одной* части логическаго объема слова *Москва*. Въ выраженіи *рѣка-Донецъ*, когда оно *цѣликомъ* служитъ обозначеніемъ *предмета*, отличаемаго, въ данномъ случаѣ, отъ другихъ рѣкъ, логическимъ опредѣляемымъ является *рѣка*, а логическимъ опредѣляющимъ — слово *Донецъ*, стало быть нѣчто, въ чемъ »отличительный« признакъ« отмѣченъ вовсе даже не общемою идеєю, а чѣмъ то, составляющимъ исключительную принадлежность *одной* рѣки, т. е. ея *собственнымъ именемъ*. Вотъ та тенденція, которую мы имѣли въ виду на стр. 183, указывая на то, что и *собственное имя* мо-

на *видовыя* — рѣки и города. Тутъ былъ бы удобнѣе примѣръ *землиничка-яюлка* и *мода-смородина* или что нибудь подобное. Но для соответствія Потебневскому *рѣкъ-Донцу* (см. стр. 48-49) мы останемся при нашемъ примѣрѣ, тѣмъ болѣе, что съ интересующей насъ точки зрѣнія, нѣкоторая искусственность его не внесетъ несправильности въ наши выводы.

жетъ послужить въ роли *признакового* слова. Эту тенденцію оказывается »логическое опредѣленіе«^{*)})

Подведемъ итоги нашему разсужденію о согласующихся *ὀνόματ'α*хъ. Согласующіяся *ὀνόματα* всегда относятся къ одному предмету. За исключеніемъ случаевъ логическаго равенства, занимающихъ *особое* положеніе и достаточно выясненныхъ, одно изъ нихъ есть всегда *названіе* предмета, а другое — *признаковое* слово. *Признаковое* слово относится къ *названію* предмета или какъ логическое опредѣляющее къ логическому опредѣляемому, или какъ психологическое сказуемое къ психологическому подлежащему, или какъ логическое сказуемое къ логическому подлежащему. *Синтаксическое* сказуемое, не знающее вообще предѣловъ въ широтѣ контекстовъ, въ короткихъ контекстахъ можетъ совпасть съ логическимъ опредѣляющимъ (а тогда и синтаксическое подлежащее совпадаетъ съ логическимъ опредѣляемымъ), такъ какъ логическое опредѣляющее появляется въ рѣчи въ силу необходимости *отличать* одинъ предметъ отъ другого, а тамъ гдѣ мы *отличаемъ*, тамъ и *интонируемъ* рѣчь, выставляя *интонируемое* въ рѣчи, какъ *ея искомое*.

Изыкъ выработалъ особыя слова въ родѣ *καλός* — *καλή* — *καλόν* и т. п., которыя своею способностью къ *известнымъ* формальнымъ измѣненіямъ обнаруживаютъ свое предназначеніе къ тому, чтобы »согласоваться«. Измѣняясь не только по падежамъ и числамъ, но и по родамъ, они такъ и жадутъ того, чтобы быть приуроченными къ какому нибудь *известному* роду, — къ названію *предмета*. Поэтому они исполняютъ въ »согласованіи«^{*)} роль не *названій* предметовъ, а *признаковыхъ* словъ. Признаковыми ихъ дѣлаетъ не въ меньшей степени ихъ способность из-

*) Установленіе »логическаго опредѣленія«, между прочимъ, важно для растолкованія синтаксиса слова *δ-ή-τό*, и притомъ уже *непосредственно*, а не такъ, какъ мы это отмѣтили о логическомъ сказуемомъ на стр. 171. Конечно, »логическаго опредѣленія«^{*)} нельзя было установить внѣ связи съ установленіемъ логическаго сказуемаго. Въ логическомъ сказуемомъ идея рѣчи о »присужденіи«^{*)} большаго логическаго объема меньшему, а въ логическомъ опредѣленіи — объ *ограниченіи* логическаго объема.

мѣняться въ формальномъ отношеніи и по *степенямъ*. Этимъ они приближаются къ *глагольнымъ* признакамъ, т. е. къ тѣмъ признакамъ—дѣйствіямъ», которыя въ глаголь присуждаются какъ психо-логическія сказуемыя »лицу«, и которыя, нося на себѣ отпечатокъ той или иной стадіи своего *развитія* на этомъ »лицѣ«, только лишь съ бѣльшею детальностью и съ бѣльшею подвижностью проводятъ въ своихъ формальныхъ измѣненіяхъ то же, что выражается въ такъ называемыхъ положительной, сравнительной и превосходной степеняхъ.

Если *ὄνομα*, какъ мы съ ними до сихъ поръ познакомились, *внѣ* рѣчи чувствовались чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ, ни въ какомъ дополненіи не нуждающимся, а только *поддающимся* внесенію въ рѣчь и связную мысль, то слова *καλός* — *καλή* — *καλόν* и т. п., поставленные *внѣ* рѣчи, чувствуются прямо изъ нея *вырванными*, — чувствуются тѣмъ Гербартовскимъ мусоромъ, который *внѣ* рѣчи носитъ на себѣ слѣды спайки (см. выше стр. 35). Если *ὄνομα* были *внѣ* рѣчи всегда *названіями* предметовъ — названіями ихъ по ихъ *признакамъ*, т. е. выраженіями *представленій* о предметахъ или, говоря образно, названіями той *оболочки*, въ которую душа наша завертываетъ самый предметъ, когда съ нимъ знакомится, и если только лишь *въ* рѣчи они *иногда*, по нѣкоторому ослабленію сознанія ихъ первоначальнаго симасіологическаго значенія, дѣлались выраженіями оболочки не какъ *представительницы*, для души, самого *предмета*, а выраженіями ея, *именно* какъ оболочки, то слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. уже *внѣ* рѣчи чувствуются выраженіями оболочки какъ таковой. Если *ὄνομα* въ *самой* рѣчи, будучи выраженіями »оболочки какъ таковой«, могли при этомъ быть или логическими опредѣляющими, или психо-логическими сказуемыми, или, наконецъ, *логическими* сказуемыми, то слова *καλός* — *ή* — *όν* и т. п. могутъ исполнять только *первыя* двѣ роли. Да, только *первыя* двѣ роли. Ибо *ὄνομα*, въ роли *логическаго* сказуемаго, дѣлалось выраженіемъ признака только лишь благодаря извѣстному отношенію *его* логическаго

объема къ логическому объему *другого ѳвоца*, тогда какъ слова *καλός — ή — όν* уже *сами по себѣ* — »признаковыя« слова, а потому на *логическій* ихъ объемъ, на которомъ только и зиждется установленіе логическаго сказуемаго, *нечего* обращать вниманіе, тѣмъ болѣе, что его въ сущности въ нихъ *нѣтъ*. Когда говорятъ напр. *дерево — красиво* (*καλόν*), то не только никто не думаетъ, — какъ думалъ въ выраженіи *орелъ-хищникъ* или *орелъ есть хищникъ*, — о томъ, что есть еще на свѣтѣ красивые *дома*, красивые *камни* и т. д., но если бы и *хотѣлъ* думать, то будетъ ли онъ въ такомъ случаѣ думать о логическомъ объемѣ слова *καλός*? Не будетъ ли онъ тогда размышлять скорѣе о логическомъ объемѣ того, что должно быть въ языкѣ выражено словами *красивые предметы*, иначе говоря, — не будетъ ли онъ тогда размышлять о *части* логическаго объема слова *предметъ*?

Слова, грамматически *особо* приноровленныя къ согласованію, Александрійцы называли *тоже όνόματα*, но въ отличіе отъ первыхъ они для нихъ установили терминъ *ἐπιθετικά*, называя тогда первыя — *όνόματα οὐσιαστικά*. У насъ, вслѣдъ за Александрійцами, слова *καλός — ή — όν* и т. п. называютъ »прилагательными именами«, противопоставляя ихъ именамъ »существительнымъ«. Если терминъ »имена существительныя«, представляющій собою переводъ греческаго *όνόματα οὐσιαστικά*, вполне соотвѣтствуетъ *правильному* пониманію охватываемой имъ группы словъ, какъ *наименованій*, особенно *внѣ* рѣчи, *τῶν ὄντων* или *τῶν οὐσίῶν*, — зато терминъ »прилагательныя« — *слишкомъ* общъ. Въ немъ *правильно* отмѣчено, что обнимаемая имъ слова *немыслимы* внѣ рѣчи, какъ мыслимы »имена существительныя, что они получаютъ смыслъ только черезъ приложеніе ихъ къ *другимъ* словамъ, но такихъ словъ, получающихъ смыслъ только черезъ »приложеніе« ихъ къ другимъ — *очень* много: такимъ можетъ быть какое нибудь *ἐξ*, о которомъ, конечно, *никто* не думалъ, когда созидалъ терминъ »имена прилагательныя«. Да мыслимо ли и какое нибудь *ἄνθρωπον* иначе, кромѣ какъ въ *приложеніи* къ другимъ

словамъ, а оно, вѣдь, принадлежитъ къ «именамъ *существительнымъ*». Мы, согласно всему выясненному, находимъ для нашихъ *καλός - ἡ - όν* и под. единственно правильный противовѣсъ «*существительнымъ* именамъ» въ терминѣ «*признаковыя*» слова. Назовемъ ли мы признаковыя слова также «именами»?

Имена существительныя исполняютъ часто, какъ мы видѣли, роль признаковыхъ словъ. Если языкъ, выработавъ особыя грамматическія формы для признаковыхъ словъ, тѣмъ не менѣе, однако, не избѣгаетъ употребленія именъ существительныхъ для той же цѣли, то это только доказываетъ конечно, большую *тонкость* языка въ различеніи *категорій* словъ, необходимыхъ для выраженія мысли, по вмѣстѣ съ тѣмъ и *легкость*, съ которою мыслящій человекъ переносится, какъ мы выше выразились, отъ оболочекъ какъ *представительницъ* предметовъ, къ оболочкамъ какъ таковымъ. Съ другой стороны, кому не извѣстно, что слова *φίλοι, ἀγαθόν, καχόν* и т. д. употребляются въ смыслѣ названій *настоящихъ όντα* или *οὐσίων*, въ смыслѣ русскихъ словъ *друзья, благо, зло*? Такъ и въ примѣрѣ *οὐκ ἀγαθόν πολυχοιρανίη* (см. выше стр. 166) слово *ἀγαθόν*, отказываясь отъ своего грамматическаго *plus'a* сравнительно съ именемъ существительнымъ, то есть отъ согласованія по *роду*, тѣмъ самымъ переходитъ въ имена существительныя, исполняя, конечно, въ *данномъ* случаѣ роль психо-логическаго *сказуемаго* *). Да и не вполне ли *естественъ* переходъ признаковыхъ словъ въ имена существительныя уже по одному тому, что и имена существительныя обозначаютъ *οὐσίας* *собственно* черезъ «поименованіе» ихъ признака? Да и можемъ ли мы ручаться за то, что

*) Да, примѣры подобнаго рода мы объясняемъ именно такъ, а вовсе не черезъ «подразумѣваніе» какого-то *τι*. Конечно, мысль, выраженная нашею фразою, могла быть передана и словами *καχόν τι πολυχοιρανίη*, но, во первыхъ, *καχόν* есть нѣчто одно, а *καχόν τι* — нѣчто другое, и вторыхъ, мы еще не знаемъ, освободить ли насъ такая передача мысли отъ толкованія слова *καχόν* въ смыслѣ имени существительнаго; мы еще не знаемъ, слѣдуетъ ли *καχόν τι* понимать *непрѣменно* въ смыслѣ *нѣчто злое*, или же можно въ немъ усматривать и русское *нѣкое зло*. Быть можетъ,

слова, которыя мы теперь принимаемъ за имена существительныя, не проявляютъ присущаго людямъ стремленія цѣпляться за старое, послѣ того какъ установилась новизна, — въ данномъ случаѣ отдѣленіе *особыхъ* признаковыхъ словъ отъ именъ существительныхъ. На словахъ *тепло*, *Курскъ* и т. п. мы ясно видимъ, что они вышли изъ *признаковыхъ* словъ. Въ виду всего этого мы и *признаковыя* слова будемъ называть «именами», тѣмъ больше, что самое слово «имя», т. е. «поименованіе», не есть настолько узкое слово, которое требовало бы особенной осторожности.

Извѣстно, что *всякое* признаковое имя можно «превратить», какъ обыкновенно *выражаются*, «въ имя существительное *черезъ прибавленіе къ нему* слова $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ (*οἱ ἐπιστήμονες* и т. д.). Въ чемъ тутъ собственно дѣло, мы узнаемъ впоследствии. Пока мы хотѣли бы узнать, что такое въ *общемъ* само $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$, которому, какъ говорятъ, признаковыя слова обязаны этимъ «превращеніемъ»?

У Александрійцевъ слово $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ фигурировало до послѣдняго времени подъ названіемъ *τοῦ ἄρθρου*, т. е. *связующаго* отдѣльныя слова въ цѣльную рѣчь (у насъ его вслѣдъ за греками, — переводъ нашъ, впрочемъ, немого неточенъ, — называютъ «членомъ»). Этимъ мы не хотимъ сказать, что слово $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$ не нашло себѣ у грековъ болѣе опредѣленнаго мѣста среди остальныхъ частей рѣчи. Напротивъ, Александрійцы только *называли* это слово по установившейся традиціи, но *понимали* его совершенно иначе. Какъ его собственно понимали Александрійцы, а во главѣ ихъ Аполлоній Дисколъ, къ какой части рѣчи они его причисляли, и къ какой его вслѣдъ за ними причисляютъ наши грамматики, на это читатель отвѣтитъ самъ, но мы бы

противъ нашего толкованія фразы *οὐκ ἄγαθὸν πολυκοιρανίη*, т. е. *противъ* пониманія въ ней слова *ἄγαθὸν* за имя *существительное*, возражать намъ указаніемъ на выраженіе *βέλτιον φίλια*. Намъ скажутъ, что въ выраженіи *βέλτιον φίλια* слово *βέλτιον* есть сравнительная степень, за которую мы же сами ухватились какъ за нѣчто такое, что въ *особенности* отличаетъ признаковыя слова отъ именъ существительныхъ. Но въ *данномъ* случаѣ *ἀμεῖον* отличается отъ *ἄγαθόν*, какъ напр. слово *книжница* отъ *книга*, а послѣднія слова суть несомнѣнно имена *существительныя*.

хотѣли предупредить его отвѣтъ небольшимъ *общимъ* разсужденіемъ.

Σοφία, σοφός суть имена, одно существительное или, какъ греки говорили, *οὐσιαστικόν*, а другое признаковое. Но что такое *ἐγώ, τοῦτο, τοιοῦτος*? Это, собственно, не «имена», такъ какъ они ничего не «поименовываютъ» и не имѣютъ никакого *матеріальнаго* содержанія. Слова *ἐγώ, τοιοῦτος, οὗτος, ἐκεῖνος* только *направляютъ* глазъ слушателя, — иногда глазъ чисто духовный, т. е. *память*, къ чему то, имѣющему еще *наполнить* его воображеніе живымъ представленіемъ, причемъ *ἐγώ, οὗτος* и *ἐκεῖνος* ведутъ къ *οὐσία*, а *τοιοῦτος* ведетъ къ *признаку τῆς οὐσίας*. Греки называли эти слова «*ἀντωνυμίας*», а наши грамматикѣ вслѣдъ за ними называютъ ихъ «*мѣстоименіями*» т. е. словами, употребляющимися *вмѣсто* именъ. Строго разсуждая, это совершенно правильно, и мы сами нисколько не намѣрены *избѣгать* въ нашемъ изслѣдованіи терминовъ *мѣстоименіе, мѣстоименный, проτοпінальный* и т. п., такъ какъ, повторяемъ, всѣ эти слова, въ сущности, ничего не «поименовываютъ», но... Какъ математикъ различаетъ *физическій* шаръ, сдѣланный изъ дерева, мѣди и т. д. отъ математической *схемы* для шара, имѣющей еще быть *наполненною* какимъ нибудь веществомъ, и не избѣгаетъ при этомъ называть и самую *схему* «шаромъ», такъ и мы не сдѣлаемъ ошибки, если, различая *матеріальныя*, такъ сказать (т. е. *наполняющія* наше воображеніе *живымъ, вещественнымъ* содержаніемъ) имена отъ ихъ, какъ-бы. *схемъ*, назовемъ и *последнія* «именами», — именами, разумѣется «*формальными*», въ противоположность «*матеріальнымъ*». *) Къ этимъ то *формальнымъ* именамъ принадлежитъ и *ὁ-ή-τό*.

*) Вмѣсто термина «*матеріальныя имена*» читатель, быть можетъ, предложитъ терминъ «*реальныя*». Этого намъ не хотѣлось бы. Реальное, *res*, есть въ сущности только *οὐσία*, представляетъ ли она, какъ мы выше разсуждали, индивидуумъ, или *κρῆνη* индивидуумовъ, или *ιδεαλίαν* представителя индивидуумовъ, или, наконецъ, идею какъ чисто душевный нашъ *ποσῦμα*. *Σοφία, ἀνθρώπος, Σωκράτης, ἔχθρα* — все это -- *res*, все это — *ὄντα* по Платоновской терминологіи, и слово *реальный* (= *вещественный*), которымъ читатель хотѣлъ бы обнять и существительное, и признаковая *неформальность*,

Раздѣливъ »имя« съ одной стороны на существительное и признаковое, а съ другой — на матеріальное и формальное, мы подвергнемъ окончательному разбору еще *одинъ* вопросъ, прежде чѣмъ приступать къ прерванному разсужденію о падежахъ, а именно, какъ далеко, т. е. на какія *λέξεις* и на какія категоріи *τῶν λέξεων* простираются *матеріальныя* существительныя и признаковыя. Въ общихъ чертахъ этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ до насъ. Особенно много имъ занимается Schömann Redeth. Мы хотѣли бы только кое-гдѣ строже *формулировать* это рѣшеніе, съ *симиологической* точки зрѣнія, и кое-гдѣ его исправить.

Больше всего затрудненій въ нашемъ вопросѣ представляетъ та категорія *τῶν λέξεων*, которую наша грамматика называетъ infinitiv'ами.

Разсматривать infinitiv'ы *внѣ* связной рѣчи мы пока не будемъ. Что же касается *связной рѣчи*, то прежде всего бросаются въ глаза тѣ случаи появленія infinitiv'овъ, въ которыхъ послѣдніе чувствуются не только »именами« *вообще*, но прямо именами *существительными*. Въ случаяхъ этихъ можно различать, *въ общемъ*, три типа: 1) *βούλομαι παιδεύειν*; 2) *παιδεύειν καλόν*; 3) *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν*.

Въ первомъ типѣ, будетъ ли infinitiv »зависѣть« отъ глагола, какъ въ приведенномъ примѣрѣ *βούλομαι παιδεύειν* (= желаю воспитыванія), или отъ какого нибудь признаковаго имени ((*ἡδιστος πίνειν* = весьма пріятенъ для питья), или отъ имени существительнаго (*ἐν ᾧρᾳ ἐστὶ τοῦ παιδεύεσθαι* = онъ въ порѣ воспитыванія), — вездѣ infinitiv чувствуется въ роли косвеннаго падежа, вездѣ онъ имѣетъ значеніе русскаго такъ называемаго *отглагольнаго* существительнаго, вездѣ онъ есть дѣйствительное названіе »вещи«

мы предпочли бы сохранить для однихъ *существительныхъ*, какъ формальныхъ, такъ и неформальныхъ, въ противоположность *признаковымъ* именамъ. Мы бы это сдѣлали тѣмъ охотнѣе, что при сведеніи термина »существительное« къ слову *существо* или *суть* для *сущности* выгадывается для пониманія дѣла гораздо меньше, чѣмъ при сведеніи термина *вещественный* къ слову *вещь*. Но терминъ *существительное* уже освященъ вѣками, а толковать, что напр. Сократъ есть *вещь*, какъ то кажется намъ *страннымъ*, хотя съ той точки зрѣнія, съ которой намъ *приходится* разсматривать »Сократа«, это толкованіе было бы правильно.

вообще (въ томъ смыслѣ, какъ мы толковали слово «вещь» въ непосредственно предшествующемъ подстрочномъ примѣчаніи), а въ частности, совершенно наравнѣ съ именемъ существительнымъ, оканчивающимся на *σις* (напр. *παιδευσις*), — представляетъ собою названіе «явленія въ пространствѣ времени». Въ подробностяхъ мы этого типа разбирать не можемъ, такъ какъ о «косвенныхъ» падежахъ не было еще рѣчи.

Въ примѣрѣ *παιδεύειν καλόν* (примѣръ этотъ допускаетъ слово *ἔστιν*, но можетъ обойтись и безъ него) признаковое имя *καλόν*, какъ *согласующееся* имя, есть психологическое сказуемое къ слову *παιδεύειν*, само же *παιδεύειν* есть или психо-логическое подлежащее къ слову *καλόν*, если фраза обходится безъ *ἔστιν*, или «ближайшее опредѣленіе» лица, показаннаго въ глаголѣ *ἔστιν*, если послѣднее дѣйствительно *появляется* во фразѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно есть, несомнѣнно, «*поименованіе*» вещи вообще, а въ частности — «*поименованіе*» явленія въ пространствѣ времени», есть *именительный падежъ* и имя *существительное*. Въ сущности, этого примѣра не слѣдовало бы даже *отдѣлять* отъ «перваго типа» явленія въ рѣчи *infinitiv'ovъ*, не будь того обстоятельства, что намъ по ходу изслѣдованія пришлось оторвать именительный падежъ отъ косвенныхъ падежей.

Разсмотримъ теперь примѣръ *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν*. Если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко ослаблялось сознание слова *хищникъ* какъ названія *τοῦ ὄντος, τῆς οὐσίας* или, какъ мы теперь имѣемъ возможность сказать, «вещи»; если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко чувствовалось слово *хищникъ* въ роли простаго *признакового* имени, въ роли поименованія одной лишь *оболочки* для предмета, поименованнаго въ *другомъ* словѣ. то со словомъ *πράττειν* во фразѣ *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν* дѣло стоитъ совершенно иначе. По русски можно бы передать смыслъ этой фразы словами *воспитывать значить хлопотать = воспитывать*, это — *хлопотать*. Трудно какъ то отвязаться отъ представленія. что *πράττειν* въ данной фразѣ *есть*

такое же поименованіе »вещи« вообще, а явленія въ пространствѣ времени *въ частности*, какъ и *παιδεύειν*. Если тутъ можно разсуждать о »подлежащемъ« и »сказуемомъ«, то только на почвѣ *логическиѣхъ объемовъ* (логическій объемъ той *παιδεύειν* — меньше, а той *πράττειν* — больше), и тогда *πράττειν* будетъ *логическимъ* сказуемымъ къ *παιδεύειν*, какъ къ *логическому* подлежащему, и всю фразу можно сопоставлять съ выраженіемъ *орелъ — хищникъ* лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы объ этомъ выраженіи разсуждали на стр. 168, когда въ немъ подлежащее и сказуемое устанавливались на почвѣ *логическиѣхъ объемовъ*. А если фразу *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν* перевести на выраженіе *τοῦτό ἐστι παιδεύειν*, то тутъ даже не можетъ быть рѣчи *ни о какомъ* подлежащемъ и сказуемомъ (кромя развѣ *синтаксическаго*); тутъ замѣчается просто *логическое равенство*, а тогда подавно *παιδεύειν* будетъ *поименованіе* вещи т. е. *имя существительное* (смотри выше стр. 185), а *τοῦτο* будетъ при немъ хотя и не *поименованіе* вещи, но все же *существительное*, — *существительное формальное*. Кроме того и *τοῦτο*, и *παιδεύειν* будутъ *именительныѣ падежи*. Этотъ типъ примѣровъ надобно *непрерывно* выдѣлнить особо, такъ какъ въ немъ *infinitiv*, на почвѣ *обще-синтаксической*, т. е. на почвѣ »согласованія«, легко могъ перейти въ *признаковое* слово, а между тѣмъ оказывается, что онъ держится своего *οὐσιαστικескаго* значенія тверже, чѣмъ само слово *хищникъ*, т. е. чѣмъ само »матеріальное *существительное*«.

Въ приведенныхъ трехъ типахъ появленія *infinitiv*'а въ связной рѣчи мы толковали о разныхъ падежахъ *infinitiv*'а, то о »косвенныхъ«, то объ *именительномъ*. Извѣстно, что съ *этимологической* точки зрѣнія на греческій *infinitiv* *смотрятъ* какъ на *косвенный* падежъ, то такой, то иной. Извѣстенъ въ этомъ отношеніи основательный трудъ Jolly (*Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen*, München 873). Въ свое время мы къ этому труду вернемся, а пока *общимъ* весьма *важное* для насъ наблюденіе Дельбрюка, *ссылающееся* на то, что всѣ эти разсужденія объ *этимоло-*

логическиѣ падежахъ греческаго infinitiv'a для насъ не имѣютъ *никакого* значенія. Дельбрюкъ говоритъ (Synt. Forsch. IV. 122): Es sind also auch diese griechischen Infinitive genau so wie die indischen zu beurtheilen (т. е. должны считаться съ *этимологической* точки зрѣнія тѣмъ или инымъ падежемъ), nur dass die Entwicklung in Griechenland noch einen Schritt weiter gegangen ist, insofern jede Erinnerung an die Substantivnatur von »*Formen*« wie »*δόμεναι*« *geschwunden* ist, sie also im Bewusstsein der Sprechenden gänzlich auf die verbale Seite herübergezogen sind . . . Über die Etymologie . . . können wir nicht mit solcher Sicherheit urtheilen . . . doch ist es wahrscheinlich, dass der Infinitiv auf — dhyai Dativ, der auf — sani Localis eines Substantivums sei. Jedenfalls aber war schon *in der Grundsprache jeder innere Zusammenhang dieser Bildungen mit irgend welchen Nominalstämmen verloren*, sie waren bereits in der Grundsprache da angekommen, wo wir im Griechischen *δόμεναι* u. s. w. finden.

Такимъ образомъ, мы можемъ разсуждать о «падежахъ» infinitiv'a не на почвѣ *этимологической*, а лишь на почвѣ *обще-синтаксической*. Это не то, что слово *ἄνθρωπος*. Слово *ἄνθρωπος* было именительнымъ падежемъ въ *этимологии*, такимъ оно осталось и въ синтаксической *симаσιологии* т. е. въ симасіологiи «частей рѣчи и ихъ формъ» (*синтаксической* мы ее называемъ въ противоположность симасіологiи, установленной на стр. 68), такимъ оно остается и въ самомъ *синтаксисѣ*, т. е. въ самой *связной рѣчи*. Поэтому синтаксическую симасіологiю именительнаго падежа слова *ἄνθρωπος* можно было вести *отъ этимологии* и переводить ее на почву *обще-синтаксическую*. Въ infinitiv'ахъ, какъ видно, нужно падежную симасіологiю вести *отъ обще-синтаксическаго* ихъ положенія, а съ *этимологиею* ихъ приходится даже не считаться.

Въ виду этого особаго положенія infinitiv'овъ естественно рождается вопросъ: Не чувствуются ли они *существительными* только лишь потому, что они на почвѣ *обще-синтаксической* понадаютъ въ такой или иной падежъ? Не

случилось ли съ ними и съ ихъ ролью quasi-«существительныхъ» нѣчто похожее на то, что случается съ *дѣйствительными* «матеріальными» существительными, когда они чувствуются *признаковыми* именами *только* лишь благодаря тому, что попали въ «согласованіе»? Infinitiv, въ концѣ концовъ, представляетъ собою *полное* выдѣленіе въ особое слово того *a*, которое попало у насъ въ глагольную синтаксическую схему *a* → *b*. Мы говоримъ «полное» въ томъ смыслѣ, что infinitiv заключаетъ въ себѣ обѣ синтаксическія стороны, которыя мы открыли въ свое время въ *a*: онъ имѣетъ и *залоговыя* отгѣнки, и отгѣнки «видовыя» т. е. отгѣнки, указывающіе на разные моменты въ *развитіи* дѣйствія (сравни выше стр. 97). Этого не имѣли ни слова *деревенные* и *рубленіе*, о которыхъ мы говорили на стр. 98, ни слова *διακρίθωσις* и *φεῦδος*, о которыхъ мы говорили на стр. 163. Разъ infinitiv представляетъ собою *полное a*, то это *полное a* есть настоящая *часть* глагола, есть дѣйствительно тотъ особый *признакъ* (см. выше стр. 100), который черезъ линію →, т. е. въ такой или иной «квалитативности» и въ томъ или иномъ *времени* (см. выше стр. 110) присуждается «лицу», обозначенному въ нашей схемѣ черезъ *b*.

Въ виду всего этого мы назвали бы его скорѣе *признаковымъ* именемъ. Да и не чувствуется ли оно *внѣ* рѣчи такія же «вырванныя изъ рѣчи», какъ чувствовалось слово *καλός* — *καλή* — *καλόν*? О *ποιεῖν*, *ποιῆσαι*, *πεποιημένοι*, *ποιήσειν*, *ποιείσθαι* и т. д. трудно, сказать, что это *внѣ* рѣчи «столбы», стоящіе самостоятельно и *не нуждающіеся* ни въ какихъ пополненіяхъ, но *поддающіеся соединенію*, какъ то мы утверждали въ свое время объ *ὀνόματ'α*хъ, оказавшихся потомъ «матеріальными именами существительными.» Да и въ *самой* рѣчи, не приходится ли постоянно прибѣгать къ такъ называемой конструкціи *Accusativi cum infinitivo*, въ которой *Accusativ* обозначаетъ «лицо», принимающее на себя выраженный въ *Infinitiv'ѣ* «признакъ»? Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время распространиться объ этой конструкціи и должны

ждать болѣе *удобнаго* для разъясненія всего этого вопроса случая.

Да, при разборѣ трехъ типовъ появленія infinitiv'a въ связной рѣчи онъ оказался существительнѣе, чѣмъ само существительное, а теперь онъ оказывается какъ будто *исключительно* признаковымъ словомъ. Древнiе, какъ на то указано уже не разъ, назвали его *ὄνομα ῥήματος*. Мы, въ виду его двусторонности не причислимъ его ни къ *признаковымъ*, ни къ *существительнымъ* именамъ, а назовемъ его *просто*, по примѣру древнихъ, *»глагольнымъ именемъ.«*

Несомнѣнными именами, и притомъ несомнѣнно *признаковыми*, являются participia. Слово *»participium«* есть переводъ греческаго *μετοχή*. Терминомъ *μετοχή* греки хотѣли указать на то, что слова, охватываемыя этимъ терминомъ, *»причастны«* (*μετέχει*) съ одной стороны къ глаголу,* такъ какъ они, наравнѣ съ глаголомъ, измѣняются по залогамъ и «видовымъ отгѣнкамъ дѣйствiя». Съ другой стороны они, измѣняясь еще и по падежамъ, причастны и къ *имени*, — разумѣется *признаковому*, такъ какъ кромѣ падежей имѣютъ роды и, совершенно наравнѣ съ словомъ *καλός-ή-όν* и под., *»ждутъ* того, чтобы быть приуроченными къ *известному* роду, — къ известной *οὐσίᾳ*, къ известной *»вещи«*. И они *»особо выработаны языкомъ для того, чтобы согласоваться«*, а въ согласованiи могутъ исполнять роль *только* лишь психо-логическихъ сказуемыхъ и логическихъ опредѣлений (сравни выше стр. 192).**) И они черезъ присоеди-

*) Dionysius Thrax (A. В II. 659): *μετοχή ἐστὶ λέξις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ιδιότητος.*

**) Говорятъ о какихъ то причастiяхъ причины, дѣли, условiя, времени и проч. Все это не касается насъ и не касается синтаксиса частей рѣчи, а касается паузъ, тоновъ, темповъ и вообще широкаго контекста. Если мы въ синтаксисѣ глагола толковали о разныхъ Conjunction'ахъ final'ныхъ, conditional'ныхъ и т. п., то это нужно было сдѣлать потому, что *единое* значенiе Conjunction'a не видно было сразу, и его пришлось извлекать изъ разныхъ контекстовъ. Здѣсь же оно сразу замѣтно. И во фразѣ *ορμα-хищника* боится можно толковать слово *хищника* какъ *причинное* слово, особенно если его прочесть среди паузъ, — если его прочесть, какъ мы разсуждали на стр. 187., *аррositional'но*. Для насъ же слово *хищника* есть *»согласующееся«* имя существительное со всѣми тѣми послѣдствiями, которыя *выяснены* нами въ «согласованiяхъ». Такъ и во фразѣ *κακῶς ἐποίησεν ὁ ἀνὴρ ὑράφω*

неніе слова $\delta\text{-}\eta\text{-}\tau\acute{o}$ »превращаются« въ существительныя. Есть между ними и такія, которыя и безъ $\delta\text{-}\eta\text{-}\tau\acute{o}$ дѣлаются существительными, чѣмъ напоминаютъ то $\phi\acute{\iota}\lambda\omicron\iota$ и $\acute{\alpha}\gamma\alpha\theta\acute{o}\nu$ и пр., о которомъ мы говорили на стр. 194.*) Словомъ, отъ *простыхъ* признаковъ они отличаются *только* своею измѣняемостью по залоговымъ**) и видовымъ отгѣнкамъ »дѣйствія« (признака тожъ; сравни выше стр. 98), а потому мы правильно поступимъ, если ихъ въ отличіе отъ *простыхъ* признаковъ именъ назовемъ *глагольными* признаковыми именами.

Итакъ, мы установили съ одной стороны имя *матеріальное* и *формальное*, не разбиравъ, впрочемъ, послѣдняго въ подробностяхъ, а съ другой — *простое* существительное, *простое* признаковое, глагольное имя и глагольное признаковое. Въмѣсто этого грамматика предлагаетъ намъ имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, а затѣмъ

мы считаемъ выраженнымъ не болѣе, не менѣе, какъ только слѣдующее: «плохо сдѣлалъ человекъ, признакомъ котораго было (слово *было* помѣщаемъ здѣсь согласно стр. 151., пункту а.), что у него дѣйствіе *γράφειν* находилось (слово *находилось* мы помѣщаемъ здѣсь на томъ же основаніи, на какомъ раньше помѣстили слово *было*) въ такой то стадіи своего развитія и въ такомъ то, по отношенію къ нему, залоговомъ отгѣнкѣ». При этомъ слово *γράφειν* есть психо-логическое *сказуемое* по отношенію къ $\delta\ \acute{\alpha}\nu\eta\rho$: причину можно въ немъ усматривать только по *общему* контексту.

*) На такое существительное указываетъ Аполлоній Дясколь (de constr. I. 75): *ἐντεθεὶς οὐδὲ συνάγεται, ὡς τὸ ἐρωμένη ὀνομαστικῆν ἔχει σύνταξιν ἴδου γὰρ χωρὶς ἄρθρου φανέν... τὶς ἐρωμένη ἐστὶ θέωνος; ὡς εἰ καὶ φαίη τις τὶς δοῦλη ἐστὶ θέωνος; ἢπερ οὐ παρακολουθήσει ἐν μετοχῇ* (сравни русское *возлюбленная*).

**) Да, именно *измѣняемостью*, т. е. flexiv'ностью. Другія »имена« этой измѣняемости не обнаруживаютъ, хотя мы въ нихъ *тоже* влагаемъ то *transitiv'ность*, то *intransitiv'ность*, т. е. тѣ два главныхъ отгѣнка, въ которыхъ въ концѣ концовъ сосредоточиваются залоговыя измѣненія (сравни стр. 108); такъ, *убійственный* мы чувствуемъ въ *transitiv'номъ*, *милый* въ *intransitiv'номъ*, а греческое *φοβερός* (= пугающій — боішійся) въ *томъ* и *другомъ* смыслѣ. Такъ и *убійца* и *утопленникъ* чувствуются одно въ *transitiv'номъ*, а другое въ *intransitiv'номъ* смыслѣ. Извѣстно, что именно *греческіи* простыя матеріальныя имена, въ особенности *признаковыя*, любятъ допускать *transitiv'ное* толкованіе *совмѣстно* съ *intransitiv'нымъ*; примѣръ такого *совмѣстнаго* толкованія представляетъ наше *φοβερός*. Кому приходится комментировать греческихъ поэтовъ, тотъ наталкивается *постоянно* на такіе случаи, и стойтъ привыкнуть къ этой *нѣбности* греческихъ словъ, т. е. къ этой *способности* ихъ, внѣ флексіи измѣняться по двумъ *главнымъ* залоговымъ отгѣнкамъ, *чтобы* избѣгнуть *большаго* затрудненія въ комментированіи.

уже не »имена«, а причастіе и неопредѣленное наклоненіе. Зато она выдвигаетъ еще одно »имя«, это — имя *числительное*. Куда же мы дѣняемъ имя числительное?

Мы говоримъ, что »есть нѣчто *μέγα*«, что »есть нѣчто *μικρόν*«, и эти *μέγα* и *μικρόν* являются *признаками* этого »нѣчто«, выражаемыми въ обоихъ случаяхъ черезъ *признаковые* имена. Но это »нѣчто« мы можемъ воспринять какъ составленное изъ нѣсколькихъ, быть можетъ, даже совершенно *одинаковыхъ* частей. Такою *сразу* представляется намъ *толпа*, или что нибудь подобное. Тогда *μέγα* превращается въ *многочисленное*, а *μικρόν* — въ *малочисленное*, и эта *многочисленность* или *малочисленность* является *опять* таки »*признакомъ*« толпы, и, соотвѣтственно этому, выражающія ее слова *πολύ* (иногда *ἄπειρον*) и *ὀλίγον* (иногда даже *ἕν*) будутъ *признаковыми* именами. Въ общемъ, качество (о которомъ *до сихъ поръ* шла рѣчь въ признаковыхъ словахъ) и количество представляются настолько нераздѣльными среди тѣхъ »категорій«, о которыхъ, какъ извѣстно, еще Платонъ толкуетъ какъ о *врожденныхъ* нашей душѣ, а не извлекаемыхъ ею изъ опыта (это доказывается въ »*Θεετίτῃ*«), что мы и въ »вещахъ« всегда невольно ищемъ *вмѣстѣ* то и другое. Но количество, заключающееся собственно въ величинѣ *измѣреній* »вещи«, значить въ чемъ-то геометрическомъ, легко превращается въ нѣчто арифметическое т. е. число. При этомъ мы можемъ сказать не только *многочисленная толпа*, *στράτευμα πολύ*, *στράτευμα ὀλίγον*, но рядомъ съ этимъ и *στρατιῶται πολλοί*, *στρατιῶται ὀλίγοι* и т. д. Разница между *στράτευμα πολύ* и *στρατιῶται πολλοί* заключается въ томъ, что въ имени существительномъ *στράτευμα* мы, представляя толпу чѣмъ то единымъ, выражаемъ наше представленіе черезъ имя *единственного* числа, тогда какъ во фразѣ *στρατιῶται πολλοί* мы уже *сами* именемъ существительнымъ указываемъ на то, что это *единое* представляется намъ *раздробленнымъ* на *нѣсколько*, и притомъ совершенно *одинаковыхъ*, частей. Слова же *πολλοί*, *ὀλίγοι*, *πολλαπλάσιοι* должны оставаться здѣсь такими

же »признаковыми« именами, какъ были *πολύ, ὀλίγον, ἄπειρον, ἕν*, и какъ было *μέγα* и *μικρόν*. Такими же признаковыми является цѣлый рядъ количественныхъ словъ, обнаруживающихъ свою принадлежность къ этой части рѣчи уже во внѣшнемъ своемъ видѣ. Таковы:

всѣ слова, указывающія на повтореніе въ »единомъ« сотенъ (*διακόσιοι, τριακόσιοι* и т. д.);

слово *μύριοι* съ его повтореніями (*δισμύριοι* и т. д.);

не только слово *εἷς*, но и *δύο, τρεῖς* и *τέσσαρες*, указывающія на *малую* численность;

слова *πᾶς* и *ὅλος*, изъ которыхъ первое указываетъ на полноту »единого« какъ на его »признакъ«, если мы это единое представляемъ *раздробленнымъ* на части, а второе — на цѣльность его, если мы въ немъ ищемъ *геометрическое* количество;

дроби этого *πᾶς* и *ὅλος*, какъ то *ἡμισυ, ἡμιόλιον* (= полуторное) и т. д. *)

Другая сторона дѣла, совершенно отличная отъ указанія на численность чего нибудь какъ на *признакъ* его, есть *счетъ* этой численности. »Вотъ тамъ я вижу« — говоритъ *разскащикъ*, употребляя *признаковое* имя — *πολλοὺς ἀστέρας*. »*Πόσους*«, — спрашиваетъ его *собесѣдникъ*, приобѣгая къ *формальному* признаковому слову, только еще *ищущему* матеріальнаго содержанія, а *разскащикъ*, вмѣсто того, чтобы *сразу* опредѣлить требуемое отъ него число, начинаетъ считать, произнося при этомъ, если онъ русскій, слова: *разъ*, — даже не пользуется при счетѣ *выработаннымъ* »*признаковымъ*« словомъ *одинъ — одна — одно*, — *два, три, четыре, пять, шесть, семь* и т. д. Слова *два — три — четыре* суть, также какъ и греческія *δύο τρεῖς τέσσαρες*, по внѣшнему виду, слова *признаковыя*; что же касается словъ *пять — шесть — семь* и т. д., то они сбиваются, по внѣшнему виду, на простыя существительныя, но на практикѣ русскій языкъ иногда ихъ согласуетъ на подобіе *признаковыхъ* словъ (напр. *семью ударами*), а иногда употребляетъ какъ насто-

*) Математики по этому же пути выработали признаковыя имена: *επίτερον* = $1\frac{1}{3}$ = $\frac{4}{3}$ = 4:3, *επιτέταρον* = $1\frac{1}{4}$ = $\frac{5}{4}$ = 5:4 и т. д.

яція имена существительныя (напр. *семь ударовъ*, все равно что *куча розъ*), словомъ, рѣшается на какой-то компромиссъ, разсматривать который, во всякомъ случаѣ, дѣло для насъ совершенно постороннее, такъ какъ мы заняты не русскимъ, а греческимъ языкомъ. Греческія *πέντε* — ἑξ — ἑπτά и т. д., вплоть до самого *ἑκατόν*, непохожи по внѣшнему виду ни на имена существительныя, ни на имена признаковыя, и если ихъ приходится уотреблять въ связной рѣчи, то грекъ, совершенно какъ если бы они стояли *вне* рѣчи, *прибрасываетъ* ихъ, не считаясь ни съ какою конструкціею, къ названіямъ тѣхъ «вещей», численность которыхъ ему приходится опредѣлять: *ὄρω ἀστέρων πέντε* — вижу звѣзды, *счетомъ*, — грекъ прямо прибавляетъ иногда слово *ἀριθμῶ*, какъ бы давая знать, что онъ перестаетъ излагать связную мысль и начинаетъ считать, — итакъ «вижу» — говорить грекъ — «звѣзды, счетомъ разъ, два, три, четыре, пять».

Да, въ такъ называемомъ числительномъ имени мы должны непременно выдѣлить, какъ нѣчто особое, *счетную* часть рѣчи,*) все же остальное причислить къ «простому признаковому имени», причемъ, пожалуй, «простое признаковое имя» можно дѣлить на качественное и количественное, относя къ послѣднему и чисто-числовыя *εἷς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες, διακόσιοι, τριακόσιοι, ... χίλιοι, δις χίλιοι... μύριοι, δις μύριοι...* Замѣчательно, что грекъ выработалъ признаковыя *количественныя* т. е., въ частности, признаковыя *числовыя* имена *только* при численной *неопредѣленности* (*ὀλίγοι, πολλοί, ἄπειροι*), при очень *низкихъ* единицахъ, которыя можно замѣтить *сразу*, не занимаясь отдѣльно счисленіемъ и не прерывая изъ за этого связную рѣчь (*εἷς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες*; дальше грекъ не пошелъ: гдѣнибудь, конечно, *нужно* было остановиться; латинскій языкъ остановился на *трехъ*), и при очень *высокихъ* единицахъ, съ одной стороны *вполнѣ закруленныхъ* (слово *μύριοι*, — правда, не съ *этимъ* удареніемъ, но это чисто *экономическая* часть языка, — употребляется даже въ значеніи

*) Это разсужденіе о *счетной* части рѣчи нуждается въ дополненіи, но до этого дополненія мы доберемся не скоро.

неопредѣленнаго числа), и съ другой — предполагающихъ, по ихъ громадности, какъ-бы *предварительное*, т. е. *предшествующее* изложенію связной рѣчи, занятіе счисленіемъ и *предварительную группировку* «вещей» по сотнямъ, тысячамъ и мириадамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ каждой «счетной части рѣчи» можно сдѣлать «простое существительное имя» (*ἑβδομάς* — *δεκάς* и т. д.), также предполагающее *предварительное занятіе* счисленіемъ. *Признаковымъ* именемъ можетъ сдѣлаться каждое слово, обозначающее число, въ качествѣ «*порядковаго*». Это вполнѣ понятно. Нѣчто подобное мы увидимъ въ предлогахъ, до которыхъ мы скоро дойдемъ. Тамъ *тоже* изъ *ἀντί* дѣлается *ἐναντίος* (стоящій *лицомъ къ лицу* съ чѣмъ нибудь). И отъ такъ называемыхъ «нарѣчій» могутъ образоваться признаковыя слова: отъ *ἐκίς* (далеко) образуется *ἐκαστος* (дѣже съ окончаніемъ превосходной степени = стоящій *совершенно* отдѣльно отъ другою = *въ отдѣльности* каждый). Такъ и отъ *πέντε* («счисленіе» должно быть здѣсь *тоже* предварительно готово) образуется признаковое *πέμπτος* (= стоящій *пятымъ* въ ряду другихъ или по мѣсту, или по времени, или по степени достоинства), а то и *πέμπταῖος* (= приходящій на пятый день). Замѣчательно, что *πρῶτος* образовано не отъ *εἶς*, а отъ предлога *πρό* (= *передъ* къ чѣмъ нибудь): *πρῶτος*, какъ извѣстно, есть *превосходная степень* отъ *πρό* (= стоящій на *самомъ* *переднемъ* мѣстѣ). — Что такое *ἄπαξ*, *δίς* и т. д., т. е. къ какой части рѣчи относить *эти* *λέξεις*, мы пока разбирать не можемъ. Читатель самъ ихъ отнесетъ къ такъ называемымъ «нарѣчіямъ».

Итакъ, рядомъ съ *простыми* существительными именами, *матеріальными* или *формальными*, съ *простыми* признаковыми именами, *матеріальными* или *формальными*, съ глагольнымъ именемъ, съ глагольными признаковыми именами, мы будемъ еще различать какъ *особое μέρος λόγου* «счетную часть рѣчи» (не «имя»). Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему разсужденію падежей.

Непосредственно послѣ именительнаго падежа, нами уже оконченнаго, слѣдуетъ *звательный* (*κλιτική*). Звательный падежъ стоитъ цѣликомъ *внѣ* рѣчи. Имъ говорящій опредѣляетъ *собесѣдника*, для того чтобы, опредѣливши его, начать и самую рѣчь къ нему. Конечно, чтобы *опредѣлить* собесѣдника, для этого можно *просто* «назвать его по имени» т. е. «поименовать его»; такъ дѣлаетъ въ школѣ учитель, вызывая ученика. Поэтому въ очень многихъ случаяхъ звательный падежъ даже *не отмѣченъ* этимологически какъ падежъ *особый*, и сходится съ именительнымъ, точнѣе говоря, — *замѣняется* имъ. Можно разсуждать и наоборотъ: психологически было бы вполнѣ понятно, если бы форма, которою мы «зовемъ» и *привыкли* звать какое нибудь лицо, опредѣляя его какъ собесѣдника, — если бы эта форма оставалась неизмѣненною и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы просто должны бы «поименовать» это лицо. Другими словами, психологически было бы вполнѣ понятно, если бы звательный падежъ употреблялся и въ роли именительнаго. Говорятъ же напр. «у собаки такая то *кличка*», вмѣсто «у собаки такое то *имя*», а слово *кличка* указываетъ на употребленіе въ языкѣ *звательнаго*, а не *именительнаго* падежа. Такъ, можетъ быть, малорусское *ванько* (= одноконный извощикъ, собственно уменьшительное отъ *Ваня*) есть форма *звательнаго* падежа.*) Что и звательный падежъ не есть *настоящій* падежъ, что и онъ не «надаеть» передъ другими словами, этого относительно его, какъ стоящаго *именно внѣ* рѣчи, никто отрицать не станетъ.

Приступаемъ къ весьма сложному отдѣлу, къ симасіологии *настоящихъ* падежей.

*) Аполлоній Дисколъ (de constr. III. 214.) сообщаетъ намъ объ употребленіи зательнаго въ смыслѣ именительнаго, какъ объ *ἔθος Μακεδονικόν ἢ Θεσσαλικόν (ἢ κλιτικὴ ἀντ' εὐθειῶν παραλαμβάνεται κατὰ Μακεδονικόν ἔθος ἢ Θεσσαλικόν)*, и въ качествѣ примѣра такого употребленія приводитъ форму *Θυίστα* вмѣсто *Θυίστης* изъ Омира. Наши этимологи (сравни Brugmann, Handb. II. 117) тоже считаютъ форму *μητίτα* и т. п. за *зательный падежъ* (indem man diese als nominativisch gebrauchte Vocative ansehen kann).

Настоящихъ надежей греки насчитывали у себя *три* и называли ихъ *γενική*, *δοτική*, *ἴστοι ἐπισταλτική* и *αἰτιατική*, *πῶσις*. Но этимологи, сопоставляя окончания греческихъ падежей съ окончаниями санскритскихъ, совершенно вѣрно замѣчаютъ, что то, что обыкновенно называется *δοτική*, *πῶσις*, въ сущности представляетъ собою этимологическую смѣсь изъ *собственной* *δοτική* — изъ *собственного* «дательнаго» — и, выражаясь латинскимъ терминомъ, изъ *local'a*. Такъ, дѣйствительнымъ дательнымъ оказываются лишь формы *οἴῳ* — *γλώσσῳ*, а формы *ποδί* — *χώραιον* — *ὄχοισιν* и *ποσίῳ* суть *local'y*.*)

Съ другой стороны, греческія формы *λύχοιο* и *μενε(σ)ος* находятъ себѣ въ санскритскомъ склоненіи вполне соответствующіе, съ *этимологической* точки зрѣнія, *genitiv'y* *vrkasya* и *manasas*. Но санскритское *as*, равняющееся греческому *ος*, появляется въ нѣкоторыхъ группахъ санскритскихъ склоненій и въ *ablativ'ь**)* (*удалительномъ* падежѣ). Другими словами, въ санскритскомъ языкѣ въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій *ablativ* исчезъ, и функцію его принялъ на себя *genitiv*. Можно предположить, что и *греческая* *γενική*, прихватила къ себѣ функцію *чужаго* падежа, — функцію *ablativ'a*.

Такимъ образомъ, по *нѣкоторымъ* даннымъ можно утверждать, что греческія *αἰτιατική*, *γενική* и *δοτική* соответвуютъ этимологически, — а слѣдовательно, надо думать, и *синасологически*, — санскритскимъ *accusativ'y*, *genitiv'y-ablativ'y*, *dativ'y-local'y* и — скажемъ еще — *instrumental'y*, *если* Бругманъ правъ въ объясненіи формы *λύχοις*, которое мы сообщили въ только что приведенномъ подстрочномъ примѣчаніи. Но даже если онъ не правъ, то и тогда въ нашемъ тезисѣ измѣнять нечего. Извѣстны омировскія формы, оканчивающіяся на *φι*. Имъ находятъ этимоло-

*) Объ этомъ — общезвѣстномъ, впрочемъ вопросъ смотри Brugmann Handb. II. 121 и 128. Тутъ же, однако (на стр. 128.), Бругманъ указываетъ и на то, что форма *λύχοις* не произошла изъ *λύχοεσι*, а что это форма *instrumental'a pluralis*. Въ такомъ случаѣ *также* *называемая* *δοτική* была бы смѣсь изъ *dativ'a*, *local'a* и *instrumental'a*.

***) Brugmann Handb. II. 119—120.

гическое соотвѣтствіе въ санскритскомъ instrumental'ѣ.*) Впослѣдствіи эти формы исчезли, и ихъ функцію приняла на себя — такъ, по крайней мѣрѣ кажется съ перваго взгляда — *именно dotikhî*: такимъ образомъ, она по отношенію къ instrumental'у занимаетъ такое же положеніе, какъ *уеихî* по отношенію къ ablativ'у.

Въ славянскомъ языкѣ мы находимъ столько же падежей, сколько и въ санскритскомъ, за исключеніемъ удалительнаго падежа (ablativ'a), котораго въ первомъ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи славянскій языкъ послѣдовательно провель у себя то, что, какъ сказано, въ санскритскомъ языкѣ замѣчается лишь въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій: славянскій »родительный«
принялъ на себя *вездѣ* функцію удалительнаго падежа.

Иначе распорядился своими падежами *латинскій* языкъ. Если греческій соединилъ въ одну форму съ одной стороны genitiv и ablativ, а съ другой — dativ, local и instrumental, — зато латинскій, повидимому, слилъ въ одну форму local, ablativ и instrumental, назвавъ свою форму ablativ'омъ.

Въ общемъ, на вопросъ о симасіологическомъ соотвѣтствіи падежей, въ указанныхъ четырехъ языкахъ отвѣчаетъ, — казалось бы съ перваго взгляда, — слѣдующая таблица:

греч.	<i>aitiatikhî</i>	<i>dotikhî</i>			<i>уеихî</i>	
		┌───┴───┐				
слав.	винит.	дат.	предл.	творит.	родит.	
					┌───┴───┐	
санскр.	accus.	dat.	local.	instrum.	ablat.	genit.
			┌───┴───┐			
лат.	accus.	dat.	ablat.		genit.	

По поводу приведенной таблицы нельзя обойтись безъ *одного* замѣчанія. Мы указали на то, что даже въ санскрит-

*) Окончаніе *phi* Бругманъ *рѣшительно* провозглашаетъ за окончаніе instrumental'a: Grundr. I. 267; II. 626, 637, 715, 717, 719, 794. Что касается того обстоятельства, что въ окончаніи *phi* не различены единственное и множественное числа, то Бругманъ, вполнѣ соглашаясь съ Дельбрюкомъ (Synth. Forsch. IV. 61), объясняетъ это устарѣlostью даннаго окончанія или вообще данной формы даже для *омировскаго* языка (es war die Form auf *phi*, wie die Beziehung derselben auf Singular und Plural zugleich zeigt, schon für homerische Dichter eine Antiquität; Handb. II. 212).

скомъ языкѣ, въ которомъ больше всего развита численность падежей, *ablativ* съ *genitiv*'омъ этимологически отождествляются. Это касалось, однако, только *нѣкоторыхъ* этимологическихъ темъ (тема *açva*, напр., образуетъ особую форму для *genitiv*'а, *açvasya*, и особую для *ablativ*'а, *açvát*) и только *единственного* числа. Во множественномъ числѣ *рѣшительно* вездѣ замѣчается этимологическое отождествленіе уже не *genitiv*'а съ *ablativ*'омъ, а *ablativ*'а съ *dativ*'омъ (какъ въ *dativ*'ѣ, такъ и въ *ablativ*'ѣ мы находимъ въ множественномъ числѣ окончаніе *bhūas*). Что же касается *двойственного* числа, то этимологическая дифференцировка падежей даже въ санскритскомъ языкѣ достигаетъ высшей степени упрощенности. Мы не говоримъ уже о полнѣйшемъ этимологическомъ сходствѣ *nominativ*'а, *vocativ*'а и *accusativ*'а. Оно наблюдается — то въ болѣе узкой комбинаціи (*nominativ* съ *vocativ*'омъ), то въ *такой* же полнотѣ — и въ единственномъ и множественномъ числахъ какъ санскритскаго, такъ и, подавно, другихъ языковъ. Это сходство имѣетъ причину чисто *психологическую*, какъ то отчасти уже выяснено (относительно отождествленія *nominativ*'а съ *vocativ*'омъ), отчасти же выяснится и позже (относительно отождествленія *accusativ*'а съ *nominativ*'омъ въ среднемъ родѣ); не осталась безъ вліянія на него и морфологическая случайность. Судить о морфологической случайности въ *санскритскомъ* языкѣ мы не считаемъ себя компетентными, но въ греческомъ языкѣ мы ее видимъ ясно: такъ, форма *nominativ*'а множественнаго числа *πόλεις* — совершенно другого происхожденія, чѣмъ такая же форма *accusativ*'а множественнаго числа.

Итакъ, насъ интересуеетъ въ двойственномъ числѣ, въ *настоящее* время, не сходство *nominativ*'а, *vocativ*'а и *accusativ*'а, — изъ нихъ, собственно, одинъ *accusativ* и есть настоящій падежъ, — насъ интересуеетъ въ двойственномъ числѣ сліяніе другихъ падежей. Если санскритскій языкъ въ *единственномъ* числѣ кое-гдѣ отождествилъ *genitiv* съ *ablativ*'омъ, — зато въ двойств. числѣ онъ отождествилъ *genitiv* съ *locativ*'омъ (окончаніе тутъ вездѣ *os*); что же каса-

ется замѣченнаго въ множественномъ числѣ отождествленія *dativ'a* и *ablativ'a*, того же *ablativ'a*, который сливается въ единственномъ числѣ съ *genitiv'омъ*, то оно въ *двойственномъ* числѣ распространяется и на *instrumental* (окончаніе для *dativ'a*, *ablativ'a* и *instrumental'a* въ двойственномъ числѣ *bhuyam*). Такимъ образомъ оказывается, что *genitiv*, *dativ*, *local*, *ablativ* и *instrumental* этимологически между собою перемѣнились въ *разныхъ* комбинаціяхъ, и что изъ *всѣхъ* косвенныхъ т. е. *настоящихъ* падежей одинъ только *accusativ* остается *вне* слиянія съ другими *косвенными* или *настоящими* падежами. Въ *греческомъ* языкѣ двойственное число располагаетъ для *всѣхъ* этихъ настоящихъ падежей, за *исключеніемъ* опять таки *accusativ'a*, только *одною* *общей* формою.

Къ какому же заключенію ведетъ тотъ фактъ, что этимологически сдѣшались между собою съ одной стороны *всѣ* настоящіе падежи кромѣ *accusativ'a*, а съ другой — *accusativ* съ *nominativ'омъ* и *vocativ'омъ*? Сказать ли намъ, несмотря на вышеприведенную — правда, неоконченную — замѣтку о *психологической* причинѣ этимологическаго отождествленія *одной* изъ этихъ группъ, именно *nominativ'a*, *vocativ'a* и *accusativ'a*, — сказать ли намъ, что *всѣ* сдѣшавшіеся другъ съ другомъ падежи первоначально были *чѣмъ* то *однимъ*, и что только *впослѣдствіи* они дифференцировались этимологически, быть можетъ, иногда и не во *всѣхъ* типахъ склоненія, но *синасіологически* ужъ *непремѣнно* *всюду*? Съ мнѣніемъ о *постепенномъ* развитіи падежей мы дѣйствительно встречаемся въ литературѣ, но находить ли оно себѣ поддержку въ этимологическомъ сдѣшеніи падежей, и какъ вообще слѣдуетъ смотрѣть на это мнѣніе?

О постепенномъ развитіи падежей опредѣленнѣе *всѣхъ* говоритъ Н. D. Müller (Sprachb. 333—353).*) *Da scheint mir* — разсуждаетъ онъ — *nur soviel für sicher gelten*

*) *Поднять* былъ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, Курциусомъ; смотри „zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung“, *Abhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, phil. hist. Classe* 5. (1867). стр. 187 и слѣд.

zu müssen, dass die Entwicklung der Casusflexion nicht der allfrühesten Periode der Sprachbildung angehört . . . Auch das muss von vornherein für wahrscheinlich gelten, dass die Casusformen nicht alle auf einmal entstanden sind, sondern sich erst nach und nach entwickelt haben. Später als die Casus des Sing. sind meiner Ansicht nach die pluralischen Casusformen entstanden, aus dem einfachen Grunde, weil der Pluralis selbst einer verhältnissmässig späten Periode anzugehören scheint (333). Auch die singularischen Casus sind in ältere und jüngere zu scheiden. Als die ältesten müssen natürlich die gelten, welche für die Bildung des Satzes durchaus unentbehrlich sind. Das ist zunächst der Nominativ, denn dieser dient zur Bezeichnung des Subjectes und ohne Subject kann kein Satz zu Stande kommen. Sodann der Accusativ, soweit derselbe zur Bezeichnung des reinen Objecta dient, also mit Ausschluss seiner Functionen zur Bezeichnung des Ziels und der räumlichen und zeitlichen Erstreckung. Denn so lange es keinen Ausdruck für das Object gab, konnten die Verbalbegriffe nur intransitiv gebraucht werden, was dem Gedankenausdruck sehr enge Grenzen gesetzt haben würde.

Mit diesen beiden Casus konnte sich die Sprache lange Zeit begnügen, da, wenn etwa andere Casusverhältnisse ausdrücklich zu bezeichnen waren, dem Accusativ Pronominaladverbia als Präpositionen oder damals wohl als Postpositionen hinzugefügt werden konnten . . . So lange aber nun diese beiden Casus bestanden, bedurfte es zu ihrer Unterscheidung gar keiner lautlichen Mittel, es genügte dazu . . . schon die Verschiedenheit der Stellung vor oder hinter dem Prädicate (335). Als nun aber die übrigen Casus anfiengen sich zu entwickeln, da gab der Accusativ nach und nach an diese diejenigen Functionen ab, für deren specielle Bezeichnung dieselben geschaffen waren . . . Werfen wir die Frage auf, für welches Casusverhältniss eine besondere suffixale Form zu schaffen die Sprache zunächst sich gedrungen fühlen musste, so wird ohne Zweifel das Verhältniss des attributiven Genitivs ge-

nannt werden müssen. Denn um dieses Verhältniss zu bezeichnen, bot die *Stellung* im Satze kein ausreichendes Mittel . . . Andererseits ist es nicht zu verkennen, dass die Sprache, so lange ihr eine Form für den attributiven Genitiv fehlte, selbst für höchst einfache Gedanken, wenn sie Zweideutigkeit vermeiden wollte, zu einer schwerfälligen Breite sich gezwungen sah, die auf die Dauer nicht zu ertragen gewesen wäre (345).

War nun aber die Genitivform einmal geschaffen, so hinderte nichts dieselbe auch noch anderweitig zu verwerthen. Zunächst konnte sie nach allen den Verbalbegriffen, die sich aus der Kategorie der Possessivität entwickeln, auch zur Bezeichnung des Objects dienen . . . (347). Es war der Genitiv der erste und längere Zeit hindurch der einzige suffixale Casus und konnte, eben so wie vorher der Accusativ, so lange die Casusbildung noch nicht vorgeschritten war, alle casuellen Abhängigkeitsverhältnisse . . . vertreten (352).

Загѣвъ Мюллеръ строить схему предложенія, для того чтобы доказать постепенность перехода корней *формальнаго* значенія къ значенію *матеріальному* (den Übergang der *Pronominal*wurzeln zu *Begriffswurzeln*), и это все дѣлается съ цѣлью выставить тезисъ, что падежи, окончанія которыхъ суть собственно корни *формальнаго* значенія, — что эти падежи, »mit Ausnahme des Vocativs, der aber eigentlich gar kein Casus ist, ihre Functionen *nur innerhalb des Satzes üben können*, der Satz aber, *dessen Hauptelement das Prädicat ist*, konnte eine wenn auch noch so elementare Form erst dann gewinnen, *als die Pronominalwurzeln schon anfiengen sich in Begriffswurzeln umzuwandeln*.

Во всемъ этомъ разсужденіи нѣтъ, кажется, ни одного положенія, которое не вызывало бы массу недоумѣній. На выясненіи этихъ недоумѣній мы не станемъ останавливаться. Скажемъ одно: заниматься *постепеннымъ развитіемъ* падежей значитъ забираться въ темныя области *палеонтологій* языка, гдѣ окажешься, пожалуй, безъ почвы подъ ногами. Единственно доступная почва здѣсь не можетъ имѣть строго *фактическаго* характера, а должна оставаться при характерѣ

обще-философскою; на обще-философской почвѣ, однако, раскрывается нѣчто *совершенно противоположное* тому, что проповѣдуетъ Мюллеръ. Естественно предполагать, что если число »представленій«, какъ мы о нихъ, въ противоположность »отношеній«, толковали на страницахъ 74-6, — если число »представленій«, долженствовавшихъ найти выраженіе въ языкѣ, было сначала невелико, а потомъ все увеличивалось съ развитіемъ *человѣческаго опыта* прежде всего, и *человѣческой мысли вообще*, — зато тѣхъ »отношеній« между »представленіями«, которыя пришлось дифференцировать языку, — а сюда принадлежать и »отношенія«, выражаемыя надежами, — было больше *именно* сначала, а только впоследствии они упростились и сведены были къ немногимъ. Естественно полагать, что *именно сначала* эти »отношенія« напрашивались представленію мыслящаго челоѣка какъ нѣчто *совершенно* разнообразное, одно съ другимъ *никакой* связи не имѣющее, а только *впослѣдствіи* то, что прежде стояло порознь и одиноко, что представлялось различнымъ, оказывалось *близкимъ* и *примыкающимъ* одно къ другому. Что численность этимологическихъ формъ эволюціею языка сокращается, это не вымыселъ, а постоянно наблюдаемая живая *дѣйствительность*, и эта живая дѣйствительность говоритъ за насъ, а не за Мюллера. Такъ бываетъ, пожалуй, и съ »представленіями«, которыя вызываются окружающимъ насъ непосредственно *физическимъ* міромъ: что сначала »представлялось« намъ какъ *поллá*, то впоследствии оказывается *éу*. Но нельзя не указать на *большую* разницу между *полú* *физическаго* міра и между *полú* »отношеній«. Въ вопросъ объ »отношеніяхъ« челоѣкъ никогда съ такимъ *полú* дѣла не имѣлъ, если разумѣть то *подавляющее* своею многочисленностью и своимъ разнообразіемъ *полú*, которое *нашелъ* онъ, какъ нѣчто *готовое* и *ожидавшее* его при вступленіи въ физическій міръ, и среди котораго онъ является только наблюдателемъ, вѣчно колеблющимся, до безконечности мѣняющимъ свои взгляды и теряющимся отъ невозможности справиться съ этимъ разнообразіемъ сущаго. И если онъ, какъ мы раньше указали,

кое когда въ *поллā* и усматриваетъ *éu* (на этомъ и основываются и логическія равенства, и логическія опредѣленія и логическія сказуемая, о которыхъ мы разсуждали выше), то это не освобождаетъ отъ встрѣчи съ новыми «представленіями» и отъ необходимости искать и новыя *выраженія* для этихъ представлений.

Да, не такимъ представляется намъ *полū* въ вопросѣ объ «отношеніяхъ.» Тутъ человѣкъ былъ не наблюдателемъ чего то ви́шняго, существующаго безъ него и помимо него, тутъ онъ былъ *творцомъ* новаго, — творцомъ, который рѣшалъ свои вопросы какъ бы *разъ на всегда* въ той мѣрѣ, въ какой его понуждала необходимость, выступающая не извнѣ, но изъ *самой сущности его мысли*. И вотъ отдѣльные факты сталкиванія съ этою необходимостью, факты, отмѣчаемые имъ въ *данномъ* случаѣ, т. е. въ вопросѣ о *падажахъ*, не болѣе, не менѣе какъ *флексією* слова, должны были казаться сначала гораздо болѣе разрозненными, чѣмъ впоследствии. Надо думать, что и въ санскритскомъ, и во всякомъ другомъ флектирующемъ языкѣ первоначально *всѣ* падежи были разнородны по формамъ, и только *впоследствии* нѣкоторые изъ нихъ слились въ одну форму. *) Крошкѣ *соединимости* «отношеній», слиянію формъ, вѣроятно, немало способствовали или, точнѣе говоря, самую соединимость «отношеній» *черезъ* слияніе формъ немало поддерживали: ви́шнее *созвучіе* окончаній, излишняя *длиннота* той или иной формы, *авторитетъ* виновника этимологической упрощенности и другія, трудно поддающіяся разысканію и опредѣленію причины. Нельзя не подчеркнуть, хотя бы и лишній разъ, что упрощеніе касалось *именно* формъ, а не самой мысли. Сама мысль, при позднѣйшей формальной упрощенности языка, могла *не переставать* различать тѣ отѣнки, которые были выражены различіемъ формъ *до* упрощенія ихъ, и которые она же сама признавала соединимыми. Я говорю *«могла не переставать.»* Это не значить, что *не*

*) Очень можетъ быть, что не всѣ падежи даже нами раскрыты: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen ist noch nicht abgeschlossen (Delbrück Synt. Forsch. IV. 62).

переставала. Иногда эти оттѣнки могли такъ сростись, что сознание ихъ первоначальной розни могло исчезнуть. Однако и тутъ, если сама *внутренняя* необходимость, т. е. *сущность* мысли не удерживала эту рознь постоянно на виду, заставляя сознавать первоначальные оттѣнки въ «отношеніяхъ», то оставался еще одинъ факторъ. Это — характерность оборотовъ, т. е. постоянно повторяющихся, уже застывшихъ *извѣстныхъ* сочетанія *извѣстныхъ* словъ, — сочетанія, которыми она дорожила какъ своимъ историческимъ достоинствомъ, и которыя она всегда чувствовала въ *извѣстномъ* смыслѣ, хотя бы и при немного измѣнившейся *внѣшней* формѣ какого нибудь изъ вошедшихъ въ это сочетаніе элементовъ.

Мы слышимъ возраженіе. Намъ скажутъ, что флексіи, какъ онѣ замѣчаются не только въ падежахъ, но *вообще* въ языкѣ, все же не появились *всѣ сразу*, и что если различіе «отношеній», какъ оно выражено въ падежахъ, и было, такъ сказать, *врождено* въ мыслящую душу человѣка, то оно долго могло быть выражаемо какъ нибудь иначе, чѣмъ падежными флексіями. И въ дѣтскомъ языкѣ — скажутъ намъ — мало ли какія «отношенія» получаютъ такое или иное выраженіе *совершенно* безъ флексіи. Если такъ, то мы согласны, что Мюллеръ правъ, какъ правы всѣ, которые ставятъ подобный вопросъ. Но тогда они правы *именно* только въ *постановкѣ* вопроса, а не въ его рѣшеніи. Рѣшать его вообще врядъ ли возможно. Мало ли недочетовъ въ такомъ языкѣ, какъ дѣтскій, и мало ли какъ онъ отъ нихъ отдѣляется; объ этихъ недочетахъ только и можно повторить то, что мы сообщили изъ Wegener'a на стр. 156. по другому поводу: *es veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten*. Во всякомъ случаѣ, мы изслѣдованіемъ дѣтскаго языка *не занимаемся*. Мы къ нему можемъ присматриваться, если возникаетъ какое нибудь недоумѣніе по уразумѣнію *развитаго* языка, но предметомъ нашего изслѣдованія все же остается *онъ*, языкъ *развитой*, языкъ,

развившійся именно по флектирующей системѣ, и у насъ вопросъ о постепенной дифференцировкѣ падежей не имѣетъ мѣста.

Если это такъ, то къ чему насъ интересовала поддержка или неподдержка теории о постепенномъ развитіи падежей наблюденнымъ нами выше этимологическимъ смѣшеніемъ падежныхъ формъ? Мы имѣли въ виду слѣдующее. Очень можетъ быть, — мы продолжаемъ разсуждать на той же обще-философской почвѣ, — что множественное число, какъ то признаетъ и Мюллеръ, *позднѣе* единственнаго. Очень можетъ быть, что такими словами какъ *толпа, бабье, стрѣтевма* языкъ сначала *обходился* безъ множественнаго числа. Если и приходилось заниматься счисленіемъ *отдѣльныхъ* единицъ чего нибудь цѣлаго, то, какъ мы уже указывали на то по поводу числительнаго имени, «счетная часть рѣчи» оставалась какъ будто *внѣ* языка, *внѣ* связной мысли, а тѣ «неопредѣленные» количественно — или численно-признаковыя слова могли съ полнымъ удобствомъ присоединяться и въ *единственномъ* числѣ къ словамъ *толпа* и *стрѣтевма*, указывая на *многочисленность* или *малочисленность* этой толпы и этого *стрѣтевма*. Быть можетъ, что двойственное число развилось *еще* позднѣе множественнаго, и тутъ открывается чрезвычайно интересная сторона дѣла, говорящая опять таки больше въ нашу пользу, чѣмъ въ пользу Мюллера: Множественное число, въ общемъ, имѣетъ — это мы наблюдали только надъ *санскритскимъ* языкомъ — меньше этимологическихъ падежныхъ варіацій, чѣмъ единственное; а двойственное, — это мы подмѣтили и на греческомъ языкѣ, — еще меньше, чѣмъ множественное. Не значитъ ли это, что во время образованія множественнаго числа падежныя отношенія уже *сливались*, и что это сліяніе пошло еще дальше во время образованія двойственнаго числа? Мы тутъ не думаемъ ничего рѣшать, мы ставимъ только вопросъ.

Но возвратимся къ нашей непосредственной темѣ и спросимъ: какія же «отношенія» выражались первоначально и продолжали выражаться въ греческомъ языкѣ падежами? — *настоящими* или такъ называемыми косвенными падежами?

По этому вопросу выработана цѣлая теорія, извѣстная подъ именемъ локалистической.

Существуетъ, впрочемъ, еще другая теорія по вопросу о значеніи падежей. Это — теорія, стоящая на почвѣ Беккеровскаго »Organism der Sprache«. Ее не безъ неимоверныхъ натяжекъ старается провести черезъ всю область фактическихъ данныхъ греческаго языка Kühner во *второмъ* изданіи своей *Ausf. Gramm.* (первоначально онъ былъ *тоже* локалистъ). Впрочемъ, Kühner, какъ онъ самъ о томъ заявляетъ (*Ausf. Gramm.* II. 249), въ данномъ случаѣ шелъ лишь по стопамъ *другихъ, настоящимъ* же авторомъ этой теоріи является Rumpel, возставшій въ своей *Casusl.* противъ локалистовъ.

Кюннеръ опредѣляетъ значеніе падежей слѣдующимъ образомъ. *Sowie das attributive Satzverhältniss zur näheren Bestimmung des Subjectes oder überhaupt eines Substantivbegriffes* (смѣшана часть предложенія съ частью рѣчи) *dient, so dient das objective Satzverhältniss zur Ergänzung oder näheren Bestimmung des Prädicats.* Unter Object verstehen wir hier im weiteren Sinne alles das, was dem Prädicate gleichsam gegenübersteht (objectum est), d. h. auf das Prädicat bezogen wird »und dasselbe *ergänzt* oder bloss näher *bestimmt*« (повтореніе того же). Die objectiven Beziehungen... bezeichnet die Sprache a) durch die Casus; 2. durch die Präpositionen in Verbindung *mit* den Casus; 3. durch den Infinitiv; 4. durch das Particip (какъ это?); 5. durch das Adverb (248).

Der Accusativ bezeichnet die unmittelbare Ergänzung (das *unmittelbare Object*) eines Verbs (а куда же дѣвался »Prädicat«? — или Verbum и Prädicat одно и то-же? — и не долженъ ли Кюннеръ подъ »Verbum« понимать и Infinitiv, *также* дополняющійся Accusativ'омъ, — тотъ Infinitiv, который выше самъ попалъ у него въ »Object'ы«?), und zwar zunächst Ergänzung eines *transitiven* Verbs, sodann auch eines *intransitiven* Verbs und »*intransitiven*« (это — что?) Adjectivs (развѣ Adjectiv всегда есть Prädicat?). Такова одна формулировка явленій (см. Kühner, стр. 249).

Sowie der Accusativ zunächst die unmittelbare Ergänzung (das unmittelbare Object) eines transitiven Verbs ausdrückt, so dient der Genitiv zunächst dazu den Begriff eines Substantiv (Subject'a, что ли? — и тогда, стало быть, Genitiv является Attribut'омъ?) qualitativ oder wesentlich (это — что?) zu bestimmen. Sowie aber der Gebrauch des Accusativ sich erweiterte, und auch intransitive Verben und Adjective ihr unmittelbares Object im Accusative zu sich nehmen, so geschah diess auch bei dem Genitive und er wurde auch gebraucht, um ein *Adjectiv* (какой? — »transitiv'ный« или »intransitiv'ный« и въ какой его. роли? — въ роли Prädicat'a или Attribut'a? — и куда дѣвался тутъ Subject, который, очевидно, Кюнерь выше подразумѣвалъ или *долженъ* былъ подразумѣвать, чтобы остаться вѣрнымъ »системѣ«, подъ Substantiv'омъ) — итакъ, um ein *Adjectiv* näher zu bestimmen (а гдѣ же остался Genitiv послѣ Verbum?). Такова *вторая* формулировка явленій (см. у Кюнера стр. 284).

Während der Accusativ und der Genitiv sich nur auf einzelne Satzglieder beziehen, indem jener das Prädicat ergänzt, dieser *das Subject oder Object oder Prädicat* (этого всего мы выше не слышали) näher (*qualitativ*; а гдѣ же осталось »wesentlich«?) bestimmt, bezieht sich der Dativ auf die ganze *Satzsubstanz* (т. е. Subject, Object, Prädicat, Attribut, — все это *виѣсть*?)*) und dient zur näheren Bestimmung derselben. Im Gegensatze zu dem Accusative, dem Casus des unmittelbaren Objectes, kann der Dativ der Casus des *entfernteren* oder *mittelbaren Objectes* genannt werden; denn während der Accusativ den Gegenstand ausdrückt, der in unmittelbarer Beziehung zu dem Prädicate steht und dasselbe ergänzt, bezeichnet der Dativ den Gegenstand, der zu der im Satze ausgedrückten Handlung (развѣ Satz, или какъ выше сказано, »Satzsubstanz« служить для выраженія einer Handlung?) nur eine *mittelbare* Beziehung hat. Такова *третья* формулировка явленій (смотри у Кюнера стр. 347). А гдѣ же во всѣхъ этихъ формулировкахъ осталось Ad-

*) У Румпеля, какъ ниже увидимъ, подъ »Satzsubstanz« разумѣется Subject, соединенный съ Prädicat'омъ.

verbum съ его падежами? Объ Infinitiv'ѣ и Participium'ѣ мы уже не говоримъ, такъ какъ у Кюнера, несмотря на то, что онъ отождествляетъ Verbum съ Prädicat'омъ, они входятъ въ Verbum.

Такой видъ приняла на себя, въ примѣненіи къ *дѣйствительности*, т. е. въ примѣненіи къ *фактамъ*, та, казалось бы, простая и весьма стройная теорія, которую, для освѣщенія падежей, предложилъ Rumpel.

Rumpel говоритъ (Casusl. 127 и сл.): Den Accusativ, den Träger des Objects, erkennen wir als ein nothwendiges Postulat des Transitivums . . . Mit der Entwicklung des Transitivums aus dem Intransitivum tritt das Bedürfniss eines Objects ein; Subject und Intransitivum gestaltet sich in Subject, Transitivum und Object. Indem aber in dieser Gestaltung *das* in *zwei* gesonderte Glieder (Transitiv und Object) aus einander getreten ist, was zuerst in dem *einen* Intransitiv lag, hat *der Gedanke* (т. е. то, что выражается Satz'омъ) die Möglichkeit, sich mehr zu individualisiren, *konkreter* zu werden, als es dort möglich war. Das substantzartige, auf sich *selbst* bezogene Intransitivum hat sich dirimirt, das Prädicat stellt sich dar in einem Transitivum und dem ihm zugehörigen Object . . . Auch das Subject hat sein Sein mehr entwickelt und besondert; vergleiche *Cajus stirbt* und *der Sohn liest das Buch* . . . Soll nun der Gedanke des letzten Satzes eine bestimmtere Gestalt gewinnen, so muss ich entweder *den Sohn* oder *das Buch* näher bestimmen. Soll diese nähere Bestimmung durch ein Substantivum geschehen — und diese Seite der Entwicklung des Satzes durch *Substantiva* betrachten wir unserer Aufgabe gemäss hier *allein* (тутъ Румпель разсуждаетъ вѣрно; ибо падежъ привязанъ *прежде всего* къ существительному) — so ist es nur durch einen Genitiv möglich . . . Dass das Verbum auch in dem Genitiv eine nähere Bestimmung erhalten kann, gilt für unsere gegenwärtige Betrachtung soviel als die Verbindung des Transitiv mit dem Object. Es bleibt jetzt nur noch die Möglichkeit übrig, dass Subject und Prädicat als Einheit gedacht, d. h. als Satzsubstanz noch eine nähere Bestim-

mung durch das Substantiv erhalte, in der Weise also, dass dieses Substantiv sich weder vorzugsweise dem Substantiv als Subject oder Object, noch dem Verbo anschliesse, sondern dieser als *Einheit* gedachten Verbindung des Subjects und Prädicats. Dieser Casus ist der Dativ (Ablativ), als dessen nothwendige Voraussetzung wir demnach die *Satzsubstanz* zu betrachten hätten. Затѣмъ Румпель разъясняетъ, что *больше* падежей языку не нужно.

Подробно разбирать учение Румпеля мы не станемъ. Изъ самого того способа, какимъ его пришлось Кюнеру примѣнять къ фактамъ, можно убѣдиться въ его несостоятельности. Кромѣ того мы должны его объявить несостоятельнымъ и потому, что весь Беккеризмъ съ самаго начала объявленъ нами такимъ же. Займемся подробнѣе разборомъ локалистической теоріи.

Локалистическая теорія, какъ извѣстно, подробно разработана Hartung'омъ (Casus)*) и въ свое время находила очень много приверженцевъ. Да и не встрѣчаемся ли мы съ нею до сихъ поръ? Оно и понятно. Мыслящее существо *прежде всего* видитъ нѣчто, слышитъ и осязаетъ, причемъ видимое, слышимое и осязаемое, являясь въ видѣ представленія и служа источникомъ его мысли, прежде всего усваивается или «сознается» въ такомъ или иномъ *локальномъ* отношеніи.

Говорятъ, что человѣкъ «живетъ» въ пространствѣ *мѣста* и *времени*. Это значить, что онъ «представляетъ» все въ указанныхъ двухъ пространствахъ, но *собственно* говоря, второе, т. е. пространство времени, въ нашемъ представленіи не располагаетъ другими средствами, кромѣ тѣхъ же локальныхъ. Нами уже сказано было на стр. 176, что время представляется человѣку линіею, стало быть, — *мѣстнымъ* протяженіемъ, раздѣленнымъ подвижными границами на три части, изъ коихъ одна есть настоящее, вторая — прошедшее, а третья — будущее. Такимъ образомъ,

---

*) Въ сущности, локалистика — теорія давняя; сравни: И. В. Петушиль, о падежахъ, Харьковъ 1885 (стр. 15 и сл.).

временныя отношенія являются въ нашемъ представленіи метафорою отношеній мѣстныхъ.

А причину, — чтобы возвратиться къ тому же предмету, о которомъ мы разсуждали на стр. 76., — развѣ не »представляемъ« мы *тѣми же* средствами? Не рисуется ли она нашему воображенію чѣмъ то, отъ чего нѣчто »исходить« или »пронистекаетъ«, не рисуется ли она *точкою*, отъ которой *движется* и какъ-бы *удаляется* въ пространство *мыста* (времени то-жъ), само то другое, что мы, по отношенію къ *причинѣ*, называемъ »слѣдствіемъ«?

Такимъ образомъ, мѣстныя отношенія являются въ человѣческой мысли, какъ что — то *коренное* и какъ — бы *первоначальное* не только *само по себѣ* (естественно полагать, что человѣкъ, наблюдая внѣшній міръ, развиваетъ сначала способность *локализовать*, а потомъ уже начинаетъ и *темпорализировать*), но и какъ опора разныхъ метафоръ для представленія другихъ, уже *не мѣстныхъ*, отношеній.

Кромѣ указаннаго обстоятельства, локалистовъ поддерживада въ ихъ теоріи трица греческихъ настоящихъ падежей, — трица, которая не только своимъ числомъ, но и массою случаевъ *дѣйствительнаго* употребленія, какъ нельзя больше шла на встѣчу удовлетворенію *именно* трехъ вопросовъ, представляющихся какъ будто главными въ опредѣленіи мѣстныхъ отношеній. Это — вопросы *гдѣ*, *откуда* и *куда*. На вопросъ *гдѣ* представляется отвѣчающею *δοτικῆ*, на вопросъ откуда — *γενικῆ*, а на вопросъ куда — *αιτιατικῆ*. На дѣлѣ оказывается, что вся эта локалистика была не болѣе, не менѣе какъ увлеченіемъ, противъ котораго выступаютъ вѣскія вопервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ.*)

Вопервыхъ, если *δοτικῆ*, *γενικῆ* и *αιτιατικῆ* *дѣйствительно* отвѣчали первоначально на вопросы *гдѣ*, *откуда* и *куда*, то зачѣмъ понадобились языку еще особыя формы съ окончаніями *φι* --- *φευ* — *δε*? Не выступаетъ ли ясно

*) Итакъ, *еще* однимъ возраженіемъ больше противъ локалистовъ. Мы, впрочемъ, въ нашемъ возраженіи поворачиваемъ въ совершенно иную сторону, *чѣмъ* другіе ихъ противники.

изъ нашихъ разсужденій, что языкъ вообще не склоненъ образовывать двѣ этимологическія формы для обозначенія одного и того же, а напротивъ, готовъ скорѣе *сокращать* число этимологическихъ формъ, если то оказывается возможнымъ, т. е. если какая нибудь форма, черезъ примѣненіе къ ней того или иного тропа, не усмотрѣннаго, быть можетъ, раньше, или вообще черезъ открытіе «близости» двухъ отношеній, способна принять на себя функцію *другой* этимологической формы. Правда, *впослѣдствіи* греческій языкъ тоже «сокращалъ», и его «сокращеніе» коснулось именно формы на $\vartheta\iota$ (менѣе формъ на $\vartheta\epsilon\nu$ и $\delta\epsilon$), но какой тутъ «тропъ» былъ примѣненъ къ дѣлу, и какая вообще близость отношеній была открыта, это *большой* вопросъ, который и придется имѣть въ виду при изслѣдованіи падежей.

Восторыхъ, если греческій языкъ въ своихъ трехъ падежахъ (забудемъ на время о ихъ этимологическомъ происхожденіи, показывающемъ, что ихъ собственно больше, чѣмъ три; забудемъ и о существованіи формъ на $\vartheta\iota$ — $\vartheta\epsilon\nu$ — $\delta\epsilon$), — если онъ былъ способенъ черезъ примѣненіе метафоръ и другихъ троповъ выводить временныя, причинныя и, можетъ быть, еще какія-нибудь другія «отношенія» изъ локальныхъ, то почему не сдѣлали того же, а напротивъ, развили у себя столь много падежей языка славянскій и санскритскій, восходящіе вмѣстѣ съ греческимъ къ *одному* праязыку? Почему же самъ греческій языкъ не провелъ своего дѣла до конца и образовалъ еще какую то форму на $\varphi\iota\nu$, функцію которой уже *впослѣдствіи* приходилось перенимать другому падежу? Или падежъ на $\varphi\iota\nu$ былъ *тоже* первоначально локальный, и вмѣсто *трехъ* падежей нужно принимать въ греческомъ языкѣ *четыре*, такъ что на какой нибудь изъ *трехъ* главныхъ вопросовъ въ греческомъ языкѣ первоначально отвѣчали два падежа сразу? Такъ, дѣйствительно, объясняетъ дѣло Hartung, который и въ латинскихъ *четыреехъ* падежахъ видитъ вопросы *идь, куда* и *откуда*, но его объясненіе не можетъ не звучать *большою* натяжкой. Не станемъ разбирать этой натяжки, она вытекаетъ изъ сущности дѣла. Есть *три* главныхъ вопроса, представляющіе собою строгій и *вполнѣ*

законченный логическій рядъ, въ который не вложись ничего четвертаго, могущаго выступить какъ выдающійся оттѣнокъ въ одномъ изъ этихъ вопросовъ. А если бы что нибудь такое нашлось, то зачѣмъ долженъ оттѣняться *особымъ* падежомъ только *одинъ* вопросъ, и почему это недостушно и для другихъ двухъ?

Въ третьихъ, наконецъ, нельзя не упрекнуть локалистовъ въ томъ, что они недостаточно внимательно обсудили вопросъ: какую, въ самомъ дѣлѣ, роль приходится играть локальности въ *мысли*, и съ какими собственно задачами нужно было справляться языку въ виду этой ея роли? Только послѣ удовлетворительнаго отвѣта на *этотъ* вопросъ, собственно, — на вторую его половину, можно рѣшить, *какъ* языкъ *на дѣлѣ* справился съ этими задачами, и тогда локалистическая теорія, какъ сейчасъ видно будетъ, рухнетъ сама собою.

Какъ уже выяснено въ свое время, отдѣльныя части временнаго пространства опредѣляются *настоящимъ* временемъ, настоящее же время, въ свою очередь, опредѣляется *прежде всего* моментомъ рѣчи, стало быть, — чѣмъ то, чего нѣтъ нужды отмѣчать *особымъ* словомъ, *особымъ* средствомъ языка, и что достаточно отмѣчено самимъ *фактомъ* говоренія, самимъ *произнесеніемъ* мысли. Затѣмъ все, что мы *пожимаемъ* въ той или иной части временнаго пространства, съ тѣмъ или инымъ видовымъ оттѣнкомъ *развитія дѣйствія*, — все что мы *хотимъ* или почему-либо *должны* обозначить въ языкѣ съ такою или иною временною особенностью, мы выражаемъ прежде всего черезъ *глаголъ*, т. е. черезъ ту часть рѣчи, которая въ самихъ своихъ этимологическихкихъ формахъ располагаетъ всевозможными средствами для того, чтобы дѣйствительно *выразить* эту временную особенность.

Конечно, время *чего нибудь*, *представляемаго* во временномъ пространствѣ, можно измѣрять не только моментомъ рѣчи (дождь идетъ, — идетъ въ то время, когда я *произношу* самую эту мысль, — дождь шелъ, пойдетъ дождь), но и, говоря *вообще* и имѣя въ виду не *одну oratio obliqua*,

какъ то было выше на стр. 151.. какииъ нибудь *событіемъ*, также представляемымъ во временномъ пространствѣ (когда мы сидѣли дома, то шелъ дождь, — шелъ какъ разъ въ это время). Какъ ни затруднительно отыскать въ греческомъ глаголѣ *особыя* средства для выраженія современности, преждевременности и послѣвременности.*) тѣмъ не менѣе, однако, всякій знаетъ, что и для *этихъ* отгнковъ языкъ не нуждается въ какиихъ нибудь *особыхъ* словахъ, которыя должны бы добавляться еще къ *имѣющимся* этимологическимъ формамъ глагола, и вопросъ только въ томъ, дѣйствительно ли оба событія, время которыхъ измѣняется другъ черезъ друга, — дѣйствительно ли они оба *выражены* глаголами.

Другое дѣло, когда событіе, когда *поѣздки*, служащее опорой для временнаго опредѣленія чего нибудь другого, выражено *именемъ*; конечно, это будетъ непременно имя *существительное*, — матеріальное ли, или формальное (какое нибудь *тоѣто*), это рѣшительно все равно (о *глагольномъ* имени мы здѣсь говорить не *будемъ*, — отчасти по причинѣ его двусторонности, отчасти потому, что оно только осложнило бы наше разсужденіе *понапрасну*, такъ какъ результатъ долженъ получиться одинаковый какъ *при* немъ, такъ и *безъ* него). Возьмемъ случай, гдѣ событіе, служащее опорой для измѣренія временной особенности чего нибудь другого, выражено черезъ существительное *эпоха* (напр., эпоха *возрожденія*). Благодаря этому существительному, языкъ становится въ новое, сравнительно съ прежнимъ, положеніе. Въ чемъ заключается это положеніе, мы выяснимъ скоро, а пока ограничимся заявленіемъ, что оно, въ смыслѣ *сложности*, является *крайнимъ* предѣломъ всѣхъ тѣхъ возможностей, съ которыми языку приходится считаться при *обозначеніяхъ* временныхъ отгнковъ и отношеній.

Совершенно иначе приходится разсуждать, когда *дѣло* идетъ о *мѣстномъ* пространствѣ: что составляло *крайній* предѣлъ и конечную сложность при обозначеніяхъ *времен-*

*) Сравни объ этомъ выше ту же стр. 151, подстрочное примѣчаніе.

ныхъ отношеній, съ того при обозначеніяхъ отношеній *мѣстныхъ* приходится *начинать*.

Прежде всего замѣтимъ, что если временное пространство рисовалось въ нашемъ представленіи безпредѣльною *линіею*, то мѣстное пространство должно рисоваться какимъ то безпредѣльнымъ *шаромъ*, т. е. чѣмъ то, идущимъ въ безконечность по *всѣмъ тремъ* измѣреніямъ. Затѣмъ, если безпредѣльная линія временнаго пространства сразу и какъ-бы сама собою распадается въ нашемъ представленіи *на три* части, то раздѣлится ли самъ собою на части безпредѣльный шаръ *мѣстнаго* пространства? Найдёмъ ли мы въ этомъ шарѣ что-нибудь, похожее на »моментъ рѣчи, отмѣчаемый самимъ *фактомъ* говоренія«, — найдёмъ ли въ пустомъ шарѣ что-нибудь, что раздѣляло бы его такъ, какъ моментъ рѣчи раздѣляетъ линію временнаго пространства? Нѣтъ, и уже поэтому безпредѣльный шаръ даже *не можетъ служить* мѣрою для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Но, быть можетъ, мы этотъ безпредѣльный шаръ какъ-нибудь *ограничимъ*; быть можетъ, мы его сведёмъ къ какому-нибудь шару *извѣстнаго* радіуса, къ какой-нибудь плоскости, *тоже* ограниченной, къ *линіи* предѣльной, или даже къ *точкѣ*? Тогда пришлось бы этотъ шаръ, эту плоскость, линію и точку *опять* гдѣ-нибудь помѣщать, *опять* въ чемъ-то предѣльномъ, и это предѣльное въ *новомъ* предѣльномъ, и такъ до безконечности, словомъ, мы очутились бы опять въ безпредѣльномъ шарѣ и все-таки оставались бы безъ *мѣры* для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Мы не говоримъ уже о томъ, что эти всѣ пустыя пространства пужно бы въ рѣчи обозначить какимъ-нибудь *особымъ* словомъ, и что въ этомъ случаѣ никакіе глаголы не освободили бы насъ отъ приискиванія этихъ особыхъ словъ, какъ они освобождали отъ необходимости отмѣчать особымъ словомъ линію *временнаго* пространства.

Да, какъ уже сказано, при обозначеніяхъ мѣстныхъ отношеній языкъ долженъ начинать съ того, чѣмъ онъ при обозначеніяхъ отношеній временныхъ кончалъ. Какъ тамъ, *измѣрялось* время одного событія черезъ время другого, —

это можно утверждать объ опредѣленіи временныхъ отношеній *вообще*, ибо и *фактъ говоренія*, черезъ который измѣряется время, есть *событіе*, только событіе, не нуждающееся въ томъ, чтобы его отмѣчать особымъ словомъ, — какъ тамъ, повторяю, измѣрялось время одного событія черезъ время другого, — я говорю *»событія«*, т. е. чего то, что само *помѣщается* въ пространствѣ времени, — такъ и здѣсь мѣсто чего нибудь одного измѣряется мѣстомъ чего нибудь другого, причемъ, разумѣется, и измѣряющее и измѣряемое должны представлять собою нѣчто, что дѣйствительно *помѣщается* въ пространствѣ мѣста. Рѣка и лѣсъ, домъ и садъ, *вотъ* предметы, настоящія *οὐσίαι*, черезъ которыя можно опредѣлить отношенія въ мѣстномъ пространствѣ, и разъ это *οὐσίαι*, то въ языкѣ опредѣляется мѣсто *всегда* уже при помощи именъ существительныхъ, и опять таки скажемъ, что если при обозначеніяхъ временныхъ отношеній мы *эпохою* кончили, то при обозначеніяхъ отношеній мѣстныхъ мы съ *сада* начинаемъ, т. е. начинаемъ съ имени существительнаго, да не съ одного, а съ двухъ сразу. Можно, пожалуй, разсуждать, что во фразѣ *мальчикъ играетъ въ комнатѣ* приводится въ мѣстное отношеніе слово *играетъ* къ слову *комната*, но играть долженъ *кто-нибудь*, а потому и въ этой фразѣ обозначеніе мѣстнаго отношенія сводится къ двумъ *οὐσίαι* (мальчикъ и комната), которыя *сами*, и притомъ *объ*, представляются нами въ мѣстномъ же пространствѣ.

Спрашивается: какіе оттѣнки приходится отличать при сопоставленіи двухъ, представляемыхъ въ пространствѣ мѣста, предметовъ и при опредѣленіи черезъ это сопоставленіе мѣстныхъ отношеній? Очень разнообразны: то предметъ мыслимый въ мѣстномъ пространствѣ, находится *передъ* домомъ, то *за* домомъ, то *надъ* домомъ, то *подъ* домомъ, то въ самомъ *домѣ*, то, вообще, *у* дома или, какъ говорятъ, *около* дома, то *между* домами, то *придвигается* къ дому, то *отодвигается* отъ дома, словомъ, оттѣнковъ здѣсь столько, — и притомъ они дѣйствительно разнообразны и *не поддаются* переводу одного на другой черезъ какую

нибудь метафору, — что языку никакъ не справиться съ ними при помощи однихъ своихъ падежей, даже въ томъ благопріятномъ случаѣ, если они, какъ это видимъ въ санскритскомъ языкѣ, встрѣчаются въ бóльшемъ числѣ; не говоримъ уже о троицѣ греческихъ падежей, не говоримъ о томъ, что эта троица оказалась состоятельною лишь благодаря сведенію нѣсколькихъ «отношеній» къ одному, — сведенію, которому, какъ сказано, оттѣнки *мъстныхъ* отношеній не поддаются.

Языку, такимъ образомъ, понадобились слова новыя, новая часть рѣчи, которую древніе греки сначала подводили подъ общій, сборный терминъ *ἄρθρα* или *σύνδεσμοι*, но потомъ, весьма правильно, выдѣлили подъ особый, весьма выразительный терминъ *προθέσεις* = предлоги.

Я говорю, что предлоги *понадобились* языку; ихъ дѣйствительно замѣнить нечѣмъ, — нечѣмъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, *готовомъ уже* языкѣ, который мы изслѣдуемъ, и въ тѣхъ *готовыхъ уже* языкахъ, которые мы привлекаемъ къ *сравненію*. Когда языкъ еще только созидался, то мало ли какъ онъ могъ распорядиться. Онъ могъ дѣйствительно создать столько падежей, сколько бы ихъ понадобилось въ-замѣнъ всѣхъ этихъ предлоговъ, но онъ распорядился иначе, и прибѣгъ *именно* къ предлогамъ. Положимъ, можно напр. сказать, что предлогъ *въ*, встрѣтившійся у насъ въ выраженіи *въ дождь*, указываетъ на *средину*. Слово *средина* есть уже *имя*, есть поименованіе *τῆς οὐσίας*, чего то *самостоятельно* мыслимаго *внѣ* рѣчи и только *поддающаяся* соединенію въ связной мысли, — есть *имя существительное*, есть *названіе* *внѣ* рѣчи того, на что предлогъ *въ* въ рѣчи только *указываетъ*. Разъ такое названіе нашлось, то можно *имѣ* или, точнѣе говоря, какимънибудь его падежемъ, замѣнить предлогъ. Такъ, *вмѣсто* *въ саду* русскіе говорятъ, хотя все же съ нѣкоторымъ новымъ оттѣнкомъ, *среди сада*; *среди* есть несомнѣнно *падежъ* имени *существительнаго*, — существительнаго *среди*, образованнаго по аналогіи существительныхъ *глубь*, *ширь* и др. Но есть такіе предлоги, — между приведенными выше они со-

ставляютъ большинство, которые *»указываютъ въ рѣчи«* на нѣчто, чему *»внѣ рѣчи названія«* не приищешь. Какъ напр. назвать именемъ существительнымъ то, на что указываетъ предлогъ *надъ* въ выраженіи *надъ домою*?

А теперь мы и можемъ вернуться къ нашей *»эпохѣ (возрожденія)«,* чтобы окончить, чего мы раньше не досказали. Если средства, которыми наше воображеніе располагаетъ для представленія *самого временнаго пространства,* въ сущности одинаковы съ тѣми, черезъ которыя мы представляемъ пространство мѣста; если линія, черезъ которую мы представляемъ *самое время,* есть та же геометрическая величина, какъ пустой шаръ или иное въ этомъ родѣ, черезъ что мы представляемъ самое пространство мѣста: то и временныя *»отношенія«,* т. е. такое или иное сопоставленіе *событій,* помѣщаемыхъ въ пространствѣ времени (сравни выше стр. 226), могутъ быть выражены черезъ тѣ же синтаксическія схемы, *если только* сами событія обозначены черезъ имена существительныя, а не при посредствѣ *глаголовъ*; я говорю *»при посредствѣ«* глаголовъ, а не *»черезъ«* глаголы, такъ какъ глаголъ *кромя* событія или *»дѣйствія«* отмѣчаетъ въ себѣ еще и лицо, которому это событіе присуждается, и служить выраженіемъ самого *присужденія,* съ отнесеніемъ его къ тому или иному времени и съ обозначеніемъ той или иной его *квалитативности.* Такихъ именемъ существительнымъ является наша *»эпоха (возрожденія)«. А* потому мы и при измѣреніи времени *одного* событія черезъ время другого можемъ употребить предлоги и сказать: *до* эпохи (возрожденія) случилось *то-то,* *въ* эпоху (возрожденія) случилось *то-то* и т. д. Для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній необходимы были *два* имени существительныхъ, такъ какъ требовались для этого и двѣ *обѣи;* здѣсь *второе* существительное не есть *conditio sine qua* поп. Хотя въ приведенныхъ нами примѣрахъ и можно, пожалуй, найти второе существительное, — во *»фразѣ въ эпоху возрожденія случилось то-то«* слово *то-то* есть формальное имя *существительное,* — но мы могли бы также сказать *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ та-*

комъ то направленіи); ибо предлогъ ставится и при обозначеніи *временныхъ* отношеній только при *одномъ* существительномъ, не иначе какъ и при обозначеніи *мѣстныхъ* отношеній, а потому тутъ только *одно* существительное и необходимо, *второе* же событіе можетъ перейти въ глаголь, *) т. е. въ такую часть рѣчи, въ которую ужъ никакъ не можетъ перейти предметъ, представляемый въ *мѣстномъ* пространствѣ, другими словами, — въ которую ужъ никакъ не можетъ превратиться *второй* предметъ, необходимый при опредѣленіи *мѣстныхъ* отношеній. **) Разумѣется, во фразѣ *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ такомъ то направленіи)* само опредѣленіе *временныхъ* отношеній, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, относится не ко *всему* глаголу *развилось*, а только къ слову *развитіе*, т. е., чтобы возвратиться къ нашей синтаксической схемѣ глагола, къ члену *а* этой схемы, даже, пожалуй, безъ залоговыхъ и видовыхъ ея отгѣнковъ.

Вотъ гдѣ, собственно, языкъ получаетъ *настоящее* средство для обозначенія преждевременности, современности и послѣвременности; это — въ самихъ *предлогахъ*, когда хоть *одно* изъ сопоставляемыхъ между собою «дѣйствій» или событій выражено именемъ *существительнымъ* (*до* эпохи, *въ* эпоху, *μετὰ τὴν κατὰστασιν*). Сопоставляя событіе съ событіемъ, мы часто думаемъ не только о *временныхъ* отношеніяхъ этихъ событій, но еще и кое о чемъ другомъ, и предлоги, такимъ образомъ, дѣлаются невольными выразителями этого другого. Что же мы вносимъ еще въ такое сопоставленіе событія съ событіемъ? Это —

1. при отгѣнкѣ преждевременности *причинная* связь, т. е. психо-логическая ***) *последовательность* (*послѣ*

*) Въ переводѣ на языкъ механическихъ правилъ это значитъ, что предлоги могутъ встрѣчаться и *послѣ глаголовъ*.

**) На стр. 97 мы, — выражаюсь брахилогически, — не изъ дерева дѣлали глаголь, а только изъ его признаковъ.

***) Мы сказали бы «логическая», но логика, *формальная* логика, «причины» не знаетъ. Греческихъ примѣровъ я тутъ не привожу потому, что мы греческихъ предлоговъ еще не разбирали.

этихъ словъ я ожидаю отъ него самаго правильнаго отношенія къ дѣлу), а то и психо-логическая *непоследовательность* (*послѣ* этихъ словъ, дышащихъ честностью, онъ совершилъ такое грубое *въроломство*).

2. При отгнѣнкѣ современности — также причинная связь *обоихъ* родовъ (*закипѣла* у него работа *при* спокойномъ настроеніи духа; какъ это онъ, *при* свойственной ему энергіи, выказалъ такую *неръшительность* въ данномъ дѣлѣ!), но кромѣ того и представленіе »сопутствующаго обстоятельства,« т. е. чего то, *подчиненнаго* главному событію и придающаго послѣднему извѣстную окраску (эти слова были сказаны при большомъ стеченіи народа), а то и просто представленіе »образа« дѣйствія (эти слова были сказаны съ раздраженіемъ).

3. При отгнѣнкѣ послѣвременности — опять таки *причинная* связь, которая въ данномъ случаѣ сводится къ представленію *цѣли*, если само послѣвременное событіе еще не исполнилось (*жѣропріятія къ уничтоженію* зла), или же къ представленію *слѣдствія*, если послѣвременное событіе уже исполнилось (онъ *трудился съ* большою пользою для дѣла); возможно тутъ и представленіе *предѣловъ* »образа« дѣйствія (онъ *занимается до* изнеможенія).

Конечно, временныхъ отгнѣнковъ гораздо меньше, чѣмъ отгнѣнковъ мѣстныхъ, которыхъ такъ много, что даже предлоговъ не хватаетъ для ихъ обозначенія. Хорошо еще, если въ языкѣ находится слово, *поименовывающее* то отношеніе, которое нужно выразить въ мѣстномъ отгнѣнкѣ. Выше мы нашли слово *среди*, падежемъ котораго можно было замѣнить до *нѣкоторой* степени или, точнѣе говоря, съ *нѣкоторымъ плюсомъ* въ отгнѣнкѣ, *существующій* предлогъ. Въ иныхъ случаяхъ выступили такія »названія« отношеній, что въ предлогѣ языкъ даже не ощущалъ нужды и *не выработалъ* ихъ, полагаясь на имена существительныя, т. е. на эти »названія отношеній«. Примѣръ такого явленія представляетъ русское *кругъ* въ выраженіи *кругомъ стола*. Въ большинствѣ же случаевъ, — особенно, когда нужно выразить болѣе сложный отгнѣнокъ, — приходится сочетать тотъ же

предлогъ съ именемъ существительнымъ. Такъ, говорятъ *вблизи* (въ + близъ) *стола*, *около* (о + коло) *стола*, *посреди* (по + средь) *стола*, а то даже *вдали отъ* (въ + даль + отъ) *стола*. Сочетаютъ и предлогъ съ предлогомъ; сравни *изъ-подъ стола*. Этимъ же приемомъ пользуется языкъ (нужды особенной въ этомъ не было, но разъ приемъ вырабатался въ одномъ случаѣ *по необходимости*, то почему же имъ не воспользоваться и для другихъ случаевъ), — пользуется, повторяю, и для обозначенія *временныхъ отѣнковъ*: *по окончаніи войны*, *во время войны* и т. д.

Мы слышимъ возраженіе: оборотъ *по окончаніи* не есть то же самое, что выраженіе *около*; слово *окончаніе* есть самостоятельное и *дѣйствительное* имя существительное, а слово *коло* въ смыслѣ *самостоятельнаго* имени существительнаго *не употребляется*. Да, не употребляется, но и только, а *предположить* его во всякомъ случаѣ можно, дальнѣйшее же можетъ быть выяснено лишь въ концѣ нашего изслѣдованія, когда мы дойдемъ до такъ называемыхъ «нарѣчій».

До сихъ поръ мы говорили о сопоставленіи, при посредствѣ предлоговъ, предметовъ, мыслимыхъ въ *мѣстномъ* пространствѣ, и событій или дѣйствій, мыслимыхъ въ *временномъ* пространствѣ. А если сопоставить *качество* съ *качествомъ*, или *количество* съ *количествомъ*, или *число* съ *числомъ*, не въ видѣ *признаковъ* чего нибудь и не въ формѣ признаковыхъ именъ, а какъ *объясъ*, *самостоятельно* мыслимыя и выраженныя черезъ имена *существительныя*; если сопоставить напр. доброту (одного человѣка) съ добротой (другого), или широту (одного предмета) съ широтою (другого), вообще *геометрическую* величину съ *геометрическою* же величиною, или пятерку съ сотнею: то представимо ли, чтобы доброта-широта-такое то число стояли *надъ* другими добротой-широтою-числомъ, или *подъ* ними, или шли съ ними рядомъ, или *за* ними, или *приближались къ* нимъ, или *удалялись отъ* нихъ? Конечно — да, и не только доброта-широта-число могутъ быть *измѣряемы другъ черезъ друга* при посредствѣ предлоговъ, но и сами *люди*, сами *пред-*

метъ, сами *кучи* могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Такъ далеко заходить метафористика предлоговъ, придуманныхъ первоначально для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній.

Да, мы такъ такъ не избѣгли этихъ крайне деликатныхъ вопросовъ о *»постепенномъ развитіи«* если не падежей, то частей рѣчи, и хотя мы не рискуемъ утверждать, что предлоги были выработаны языкомъ раньше другихъ частей рѣчи, но мы въ правѣ сказать, что предлоги удовлетворяютъ самую *примитивную* потребность въ движеніи человѣческой мысли; ибо локализованіе есть нѣчто, что у человѣка, кажется, не только предшествуетъ темпорализованію, но вообще, какъ у ребенка, такъ и, надобно полагать, въ *»историческомъ«* человѣкѣ развивается и развивалось очень рано и чуть ли не сразу во *всей* той сложности, которую мы нарисовали. быть можетъ, и не сполна, на стр. 228. Согласно тому, что предлоги должны были быть, такъ сказать, изготовлены на скорую руку, чтобы удовлетворить насущную и первую потребность человѣка, — согласно этому они и носятъ характеръ *неразвитыхъ*, если такъ можно выразиться, словъ. Какое нибудь *за*, или *по*, *въ*, *о*, *на* и т. д. не имѣютъ ни *мальйшаго* признака флексіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ они чувствуются какими то *чисто* указательными словами, чуть ли не требующими, чтобы ихъ сопровождалъ жестъ, *»наглядно«* показывающій то мѣстное отношеніе, которое ими самими выражено. И конечно, разъ *они* были на лицо, то въ падежахъ, какъ выразителяхъ *мѣстныхъ* отношеній, языкъ *не нуждался*, а если онъ все-таки выработалъ падежи, то это значитъ, что они ему были нужны для чего то другого. Для чего?

Теорію Руншеля мы отвергли. Теорію Hartung'a тоже. Другіе теоретики представляютъ намъ по вопросу о падежахъ какую то смѣсь изъ локалистики и Беккеризма, быть можетъ, и съ прибавленіемъ еще чего то *третьяго*, но во всякомъ случаѣ желательно было бы — и отъ локалистики, и отъ Беккеризма *совсѣмъ* освободиться. При этомъ нужно

замѣтить, что упомянутая смѣсь проявляется въ теоріи о падежахъ не въ томъ смыслѣ, что одинъ падежъ опредѣляется съ Беккеровской точки зрѣнія, другой съ локалистической, третій съ третьей, а что въ каждомъ отдѣльномъ падежѣ проведены *разныя* начала. Это разнообразіе началъ доводитъ до слѣдующаго разсужденія: Es ergiebt sich von selber, — говоритъ Курціусъ (Erl. 160), — dass wir uns vor allzu scharfen Definitionen der einzelnen Casus und vor dem Wahne zu hüten haben, als bestände die Wissenschaftlichkeit der Darstellung darin, die Mannigfaltigkeit des Gebrauchs durch gewaltsame Mittel auf eine strengfesthaltene eng umgränzte Einheit zurückzuführen. *Плечевное* состояніе der wissenschaftlichen Darstellung!

Лучше всего сирѣвается съ этимъ разнообразіемъ Hübschmann. Онъ накладываетъ на всѣ падежи схему очень строго выдержанную и простую. Разобравъ всю исторію теоріи падежей, начиная отъ греческихъ грамматиковъ-философовъ и вплоть до нашего времени, онъ говоритъ (Casusl. 131-7): Die Casus zerfallen in grammatische und nicht grammatische. Erstere sind Nominativ, Accusativ, Genitiv, letztere Locativ, Dativ und Instrumental. Zu welchen von beiden der Dativ seiner ursprünglichen Bedeutung nach gehört, ist noch zweifelhaft. Durch den Nominativ wird das Nomen als Subject des Satzes bezeichnet . . . Der Accusativ giebt das Wort in seiner allgemein abhängigen, obliquen Stellung im Satze, durch die es ganz allgemein als zum Prädicat gehörig bezeichnet wird. Welcher Art diese Zugehörigkeit sei, welche die logisch bestimmte Beziehung des Nomens zum Verbum sei, wird durchaus nicht angedeutet und ist aus der grammatischen Form schlechterdings nicht zu ersehen . . . Im Genitiv erscheint etymologisch der Nominalbegriff nicht rein an sich, sondern in *Beziehung* und zwar in enger Beziehung zu *etwas Anderem*. Dieses Andere ist ein Demonstrativ-Pronomen und deutet als solches naturgemäss auf ein Nomen (стало быть, когда я говорю *дерева*, то слово *дерева* имѣетъ отношеніе къ словамъ *то-то*, *вотъ это*, *вотъ что*, и эти слова *то-то* и т. д. указы-

вають на какое нибудь *кусокъ*, *ростъ* и т. п.). Je nachdem dieses Nomen gesetzt ist oder nicht, erscheint der Genitiv als adnominal oder adverbial, ist aber doch *eigentlich adnominal* (стало быть, если я говорю *дай хлѣба*, то слово *хлѣба*, хотя и зависитъ отъ глагола *дай*, но *собственно* имѣетъ отношеніе къ слову, напр, *кусокъ*) . . . . Die nicht-grammatischen Casus, Locativ, Ablativ, Instrumental dienen zum Ausdruck des *Wo*, *Woher*, *Womit* in räumlicher, zeitlicher und übertragener Beziehung . . . Der Dativ könnte in einigen seiner Gebrauchsweisen sehr gut als Wohincasus gefasst werden. Er würde dann den neben den Casus des *Wo* und *Woher* uns fehlenden Casus des *Wohin* ersetzen und seinen Gegensatz im Ablativ finden . . . . In anderen Fällen erscheint freilich der Dativ als der Casus, welcher ausdrückt, dass dem Nomen die Aussage des Prädicats oder des ganzen Satzes gelte, und es ist schwierig diese Bedeutung aus der des *Wohin* plausibel herzuleiten.

Какъ видно, Hübschmann справляется со всѣмъ разнообразіемъ въ теоріи падежей такимъ образомъ, что для однихъ онъ отводитъ Беккеровское, а для другихъ локалистическое начало. Мы сказали, что онъ справился съ нимъ *хорошо*. Но послѣ нашихъ разсужденій, я думаю, всякій скажетъ, что онъ сдѣлалъ въ сущности то же, что дѣлають съ гнилымъ зданіемъ, когда подставляютъ подъ него *подпорки*. Только *подпорки* у него хороши, а зданіе осталось гнилымъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что если бы пришлось эту теорію провести по всѣмъ *фактамъ*, то съ нею выйдетъ почти то же самое, что вышло у Кюнера съ приименіемъ къ фактамъ теоріи Румпеля.

Послѣдній синтаксистъ нашего времени, Дельбрюкъ, весьма обязанный многимъ изъ своего ученія о падежахъ, какъ на то самъ указываетъ, знаменитому Рāpini и постоянно ссылающійся на высокоцѣнимое имъ сочиненіе своего же ученика Gädicke (Assiv.), высказывается о падежахъ такъ (см. Grundr. III. 182—188):

Der Ablativ bezeichnet den Ausgangspunkt der Handlung.

Der Locativ bezeichnet das *in innerhalb* des Raumes.

In den Instrumentalis trat derjenige Substantiv-begriff, *mit dem zusammen* der Träger der Handlung diese vollzog.

Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на слова Дельбрюка, относящіяся къ Dativу (Grundr. III. 185): Ich habe K. Z. 18. 100 ff. ausgeführt, dass die Grundlegung des Dativs sei: die körperliche Neigung nach etwas hin, und habe deutlich zu machen gesucht, wie dieser Casus oder eigentlich die in ihm enthaltene *Präposition* wohl in der Urzeit entstanden sein möchte. Da ich jetzt *ein entschiedenes Misstrauen gegen glottogonische Hypothesen* hege (ими вообще злоупотребляютъ въ области синтаксиса) und nicht mehr glaube, dass sich aus den Casus Präpositionen loslösen lassen (да *предлоги* ли, въ самомъ дѣлѣ, падежныя окончанія?), so fällt diese Darlegung jetzt für mich nicht mehr ins Gewicht. *Auch von einer allgemeinen Vorliebe für lokalistisch gefärbte Erklärungen*, die ich damals wohl hatte, *weiss ich mich jetzt frei*; und ich sehe mich daher jetzt bei der Entscheidung zwischen den beiden Möglichkeiten der Auffassung lediglich auf eine Befragung der Überlieferung angewiesen. Diese aber scheint mir für die *geistige* Auffassung zu entscheiden. Es spricht für sie der Umstand, dass in den Dativ ganz überwiegend *Personen* treten.

Въ Genitiv'ѣ Дельбрюкъ различаетъ употребленіе при глаголахъ и употребленіе при именахъ. При глаголахъ, по его мнѣнію, Genitiv имѣетъ мѣсто, wenn der Verbalbegriff nicht auf den *vollen* Umfang des Substantivs bezogen werden sollte (стр. 187.), а о Genitiv'ѣ при именахъ онъ выражается такъ (стр. 333.): Von der Kategorie des partitiven Genitiv kann sich der sonstige adnominal Genitiv entwickelt haben. Wer mir in dieser Auffassung nicht folgen mag, wird wenigstens so viel zugestehen, dass es nicht angeht, zum Verständniss des adnominalen Genitiv einen allgemeinen schattenhaften Begriff der Zugehörigkeit an die Spitze zu stellen, aus dem dann die einzelnen Gebrauchsweisen zu deduciren wären.

In den Accusativ tritt derjenige Substantivbegriff, welcher von dem Verbalbegriff *am nächsten und vollständigsten betroffen wird*. In dieser Fassung liegt zugleich ein

Gegensatz gegen andere Casus angedeutet, und zwar in dem Worte *betroffen* der Gegensatz gegen Nominativ (въ Nominativ'ѣ Дельбрюкъ видитъ нѣчто, что не есть *betroffen*, а само »*betrifft*«), im *nächst* gegen Dativ (на Dativ указывается черезъ это противопоставленіе какъ на »*дальнѣйшее* дополненіе«), im *vollständigst* gegen Genitiv (имѣется въ виду *partitiv'ность* Genitiv'a).

Итакъ, — нѣчто, какъ *точка исхода* для дѣйствія; *внутреннее пространство* того или иного »нѣчто« (нельзя сказать, чтобы тутъ имѣлся въ виду вопросъ *идь*; на вопросъ *идь* можно отвѣтить и указаніемъ на *поверхность* и мало ли еще чѣмъ); нѣчто, какъ *содѣйствующее* дѣятелю; нѣкто (in den Dativ treten ganz überwiegend *Personen*), какъ *имѣющій* »*дальнѣйшее отношеніе*« къ дѣйствию (собственно, тутъ сказано не къ *дѣйствию*, а *zum Verbalbegriff*); нѣчто въ *частичномъ* своемъ видѣ (это, впрочемъ, сказано о Genitiv'ѣ не съ достаточною твердостью, по крайней мѣрѣ, не съ достаточною твердостью въ случаяхъ *adnominal'наго* положенія Genitiv'a): нѣчто, какъ *непосредственно и сполна затроутое* дѣйствіемъ (von dem Verbalbegriff), — вотъ формулировки Дельбрюка для выясненія значеній Ablativ'a, Locativ'a, Instrumental'a, Dativ'a, Genitiv'a и Accusativ'a. Тутъ *впервые*, т. е. впервые въ разработкѣ всѣхъ падежей *вмѣстѣ*, всей падежной *системы*, нѣтъ ни Беккеризма, ни локалистики.

Нельзя сказать, чтобы спекулятивная сторона въ трудѣ Дельбрюка была особенно развита. Что же касается самихъ *фактовъ*, т. е. того *фразеологическаго* матеріала, который имѣеть отношеніе къ опредѣленію значенія падежей, то употребленіе *предлоговъ* съ тѣмъ или инымъ падежемъ у Дельбрюка *совсѣмъ* не принято во вниманіе, когда онъ рѣшаетъ эту важную симасіологическую задачу. Дельбрюкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ такъ, какъ поступаютъ обыкновенно составители грамматикъ. Предлоги и у него разбираются тогда, когда задача объ опредѣленіи значенія падежей уже рѣшена. Мы намѣрены съ предлоговъ и ихъ падежей *начать*. Съ одной стороны мы думаемъ черезъ

это воздержаться отъ локалистическихъ увлеченій въ теоріи *падежей*, такъ какъ локалистику, судя по всѣмъ нашимъ разсужденіямъ, вполне удовлетворяютъ *сами предлоги*, а съ другой — группа предлоговъ — очень невелика, по численности своей совершенно опредѣленна, слѣдовательно, — и вполне *обозрима*, а это чрезвычайно важно для самихъ падежей. Намъ представляется, что если мы пойдемъ по намѣченному здѣсь плану, то все наше дѣло сведется къ формулѣ математическаго уравненія $A = b \times x$. Буква A въ этой формулѣ обозначаетъ общую мысль, выраженную предлогомъ и его падежемъ, и эту общую мысль, кажется намъ, легче будетъ усвоить въ *предлоговыхъ* оборотахъ, чѣмъ въ остальномъ фразеологическомъ матеріалѣ, — легче будетъ его усвоить въ нихъ опять таки по *обозримости* ихъ фразеологическаго матеріала.*) Подъ буквою b въ нашей формулѣ отмѣчены *сами предлоги*, легко опредѣлимые *помимо* падежей (раньше сказано, что предлоги какъ будто въ падежныхъ флексіяхъ и не нуждаются). Такимъ образомъ, буква x въ нашей формулѣ легко можетъ оказаться *настоящимъ* x , то есть *дѣйствительно однимъ* только *«неизвѣстнымъ»* во всемъ уравненіи, и очень можетъ быть, что намъ удастся кое-гдѣ хоть отчасти *рѣшить* это неизвѣстное. Правильнѣ ли будетъ нашъ результатъ или нѣтъ, но мы предупреждаемъ, что онъ будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной, чѣмъ у Дельбрюка.

Итакъ, мы не окончили еще *одной* части рѣчи и переходимъ къ другой. Такъ насъ ведетъ самое дѣло. Поэтому мы и назвали настоящей отдѣлъ *первымъ* отдѣломъ объ имени. За разборомъ предлоговъ послѣдуетъ *второй* отдѣлъ объ имени. Переходимъ къ предлогамъ.

---

*) Этотъ фразеологическій матеріалъ прекрасно подготовленъ всевозможными словарями, начиная съ капитальнѣйшаго труда Н. Etienne.

Предлоги.

'Εν — εἰς — ἐξ. 'Εν указываетъ на нахождение чего-нибудь въ предметѣ, εἰς, — на движеніе — опять таки *»чего нибудь«* — въ предметъ, а ἐξ — на движеніе чего нибудь изъ предмета. Во всѣхъ трехъ случаяхъ самъ предметъ, — а къ названію его, т. е. къ его имени *существительному*, и присоединяется тотъ или иной изъ нашихъ трехъ предлоговъ, — оказывается *»помѣщающимъ«* въ себѣ то *»что-нибудь«*, о которомъ мы въ каждомъ изъ этихъ случаевъ упоминали рядомъ съ *»предметомъ«*.

Если *»помѣщающимъ«* предметомъ является рядъ индивидуумовъ, то *»помѣщаемое«* представляется чѣмъ-то, *разрѣзающимъ* этотъ рядъ: ἐν ἀνδράσι = среди мужей, εἰς ἀνδράς = среди мужей, ἐξ ἀνδρῶν = изъ среды мужей.

Если *»помѣщающій«* предметъ является плоскостью (такую напр. можетъ представляться земля), или линією (напр. какое-нибудь *»событіе«*, совершающееся во *временномъ* пространствѣ; точно также напр. подъ πόντος Εὐξείνως можно разумѣть не море, а *берегъ* моря, т. е. линію), то *»помѣщеніе«* на немъ относится къ *центру* или, лучше сказать, не къ *краю* этой плоскости и не къ конечной точкѣ этой линіи: ἐν τῆ γῆ = на землѣ, ἐκ τῆς γῆς = съ земли, εἰς τὴν γῆν = на землю, ἐν τῷ δειπνῳ = во время обѣда, πόλις οἰκουμένη ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ = городъ, устроившійся на Евксинскомъ пунктѣ, т. е. на его берегу.

Но »предметъ«, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можетъ представляться и точкою. Тогда вообще о »помѣщеніи« трудно говорить (ибо какъ можетъ »помѣщать« въ себѣ что нибудь точка?), и ἐξ указываетъ просто на »предметъ« какъ на terminus a quo, а εἰς — на »предметъ« какъ на terminus ad quem (предлогъ ἐν до такого *ослабленія* или, лучше сказать, полного *уничтоженія* представленія о »помѣщеніи« не дошелъ). Такъ, говорятъ напр.: ἐκάλυψε νεκὸν εἰς πόδας ἐκ κεφαλῆς (П. ψ 168) = съ головы до ногъ; ἐκ φρονιμίας = отправляясь отъ легкомыслія = вслѣдствіе легкомыслія; ἐκ δεῖπνου = съ обѣда = послѣ обѣда; εἰς ἑσπέραν = до (самаго) вечера. Точкою представляется, несомнѣнно, та цифра, которою мы опредѣляемъ крайній предѣлъ какого нибудь числа, когда мы его не провѣрили и не сосчитали по единицамъ (εἰς χιλίους = до тысячи = не больше тысячи = около тысячи). Представленіе точки, повидимому, вызывалось у грековъ всѣми тѣми случаями въ родѣ »ἀμέλεια εἰς τὸ πρᾶγμα«, въ которыхъ εἰς чувствуется въ значеніи русскаго »касательно чего нибудь« (русское *касательно*, думаемъ, вполне способно нарисовать ту картину, которую въ данномъ случаѣ рисуетъ греческое εἰς).

При ἐξ ставится γενική, при ἐν — δотική, а при εἰς — αἰτιατική πτώσις. Было бы опрострачиво выводить изъ этого заключеніе, что γενική, обозначаетъ *удаленіе*, δотική — *спокойствіе* и αἰτιατική — *придвиженіе*. Удаленіе, спокойствіе и придвиженіе обозначены самими предлогами ἐξ, ἐν и εἰς, а если при одномъ изъ нихъ стоитъ такой, а при другомъ иной падежъ, то это обстоятельство имѣетъ для насъ лишь тотъ смыслъ, что γενική, δотική и αἰτιατική идутъ своими значеніями, такъ сказать, *навстрѣчу* предлогамъ и, съ своей стороны, содѣйствуютъ нарисованію *общей* картины, вызвавшей появленіе *предлога*. Они идутъ, — такъ нужно разсуждать *пока*, чтобы не сдѣлать ошибки, — *навстрѣчу* предлогамъ не иначе, чѣмъ идутъ имъ *навстрѣчу сами глаголы*, появляющіеся при нихъ. Можно ли сказать, что »ἐπαίζον« въ выраженіи »ἐπαίζον ἐν τῇ παλαίστρᾳ« есть глаголъ

спокойствія? И если бы мы, позволивъ сбить себя предлогомъ *ἐν*, даже и рѣшились согласиться съ этимъ, то насъ бы застала врасплохъ фраза *ἔπαιζον εἰς τὴν ἐσπέραν*. А въ выраженіи *ἦλθον ἐκ τῆς πόλεως*, можно ли *ἦλθον* назвать глаголомъ удаленія? Хорошо, если *ἦλθον* осложнится въ *ἐξῆλθον*; но стоитъ послѣдному появиться въ сочетаніи *ἐξῆλθον εἰς τὴν πόλιν* (*ἐξέπεσον εἰς τὰ ὄρη*), и мы опять въ недоумѣніи. Кстати замѣтимъ, что этихъ глаголовъ можетъ и не оказаться. Сравни *οἱ ἐν τῇ πόλει*, *οἱ ἐκ τῆς πολέμιαις γῆς* = *нѣкіе люди* (это выражено въ формальномъ существительномъ *οἱ*; объ этомъ, впрочемъ, ниже), *πρεβυβαιούσι ἐν* (это выражено въ *ἐν*) *ποροῦν*, — *исшедшіе изъ* (это выражено въ *ἐκ*) *непріятельской земли*.

Да, изъ того, что падежи своими значеніями *идутъ* навстрѣчу предлогамъ ради достиженія *общей* картины, не нужно пока *ничего* извлекать для *опредѣленія* этихъ значеній. Есть даже случаи, гдѣ мы недоумѣваемъ, какъ *понять* эту общую картину, и падежи, несмотря на то, что *идутъ* навстрѣчу предлогамъ и могли бы насъ освободить отъ этого недоумѣнія своимъ значеніемъ, молчатъ, — по крайней мѣрѣ, *пока*. Мы не знаемъ, напр., какъ толковать извѣстное омировское *τρὶς δὴ τίχτει μῆλα τελεσφόρον εἰς ἐνιαυτόν* (Od. δ 89). Или *ἐνιαυτός* есть точка, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *окончаніе* года, а тогда *εἰς ἐνιαυτόν* имѣетъ значеніе *вышеприведеннаго εἰς ἐσπέραν* (= три раза до окончанія года), или это *линія*, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *полный* годъ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, *εἰς*, обозначая вхожденіе троекратнаго рожденія въ эту линію, получило бы отъ *падежа* слова *ἐνιαυτός*, т. е. отъ самой *αἰτιατικῆς*, нѣчто весьма *цѣнное* для *нарисованія* общей картины, а именно, что *все* протяженіе линіи, намѣченной словомъ *ἐνιαυτός*, только *три* раза имѣетъ *соприкосновеніе* съ *τόχοις*; другими словами, *αἰτιατικῆς* обозначала бы, что выраженнымъ въ ней предметомъ, во *всемъ* его *объемѣ* и *цѣлкомъ* распорядилось *извѣстнымъ* образомъ то явленіе, которое указано *внѣ* τῆς αἰτιατικῆς. Въ самомъ дѣлѣ, если

принять *ένιαυτός* за линію, то вся фраза несомнѣнно имѣть смыслъ русскаго *три раза въ годъ* «*ροждаются μήλα*», т. е. *на всемъ протяженіи происходитъ нечто три раза*, и внесеніе въ общую картину представленія о *всемъ* протяженіи ужъ никакъ не было бы вызвано предлогомъ *εις*, а выпало бы на долю *именно* «идущей ему на встрѣчу» *αἰτιατικῆς*.

Все это разсужденіе объ *έν* — *εις* — *έξ* ведетъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ :

Предлоги *έν* — *εις* — *έξ*, говорили мы, прибавляются къ названіямъ *предметовъ*, т. е. къ именамъ существительнымъ. Умѣстность предлоговъ *исключительно* только передъ существительными вытекала также изъ всѣхъ разсужденій, помѣщенныхъ выше на стр. 228. А между тѣмъ здѣсь мы наткнулись на фразу *εις χιλίους* (*εις χιλίους έγένοντο οί στρατιώται*), гдѣ *εις* прибавлено къ *признаковому* слову. Что появленіе этого признаковаго слова не подрываетъ общаго положенія о предлогахъ, выяснитъ нетрудно. Какъ мы на стр. 231 извлекли изъ слова *развилась* слово *развитіе*, такъ и здѣсь изъ слова *χιλίοι* можно извлечь то, чего въ русскомъ языкѣ даже *извлекать* не нужно, такъ какъ въ немъ *нѣтъ* другого слова кромѣ *существительнаго* «тысяча». На стр. 207. мы указывали на то, что *всякое* число, даже если оно не принадлежитъ къ *признаковымъ* словамъ, а относится къ «*счетной*» части рѣчи, можетъ превратиться въ *существительное*, совершенно наравнѣ съ словами *добрый*, *красивый*, превращающимися въ *доброта*, *красота*. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что во фразѣ *εις χιλίους έγένοντο οί στρατιώται* самый *предѣлъ*, выраженный въ словахъ *εις χιλίους*, касается «числа» какъ *таковаго*, а вовсе не числа какъ *признака*. А если бы кому нибудь захотѣлось отнести его, этотъ предѣлъ, *именно* къ признаку, то онъ его долженъ отнести къ признаку *чего нибудь*, и тогда не можетъ не примѣнить къ примѣру, вызвавшему настоящее разсужденіе, той формулировки, которую мы сообщили на стр. 233.: не только доброта — широта — число могутъ быть измѣряемы

другъ черезъ друга при посредствѣ предлоговъ, но и сами люди, сами предметы, сами кучи могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Другими словами, если фраза οἱ στρατιῶται ἐρένοντο εἰς χιλίους (разумѣй στρατιώτας) не заставила слушателя (точнѣе: во время произнесенія ея не успѣла заставить) извлечь изъ «χιῖλοι» число какъ таковое, то онъ долженъ отнести предлогъ εἰς къ существительному στρατιώτας*) и относитъ его съ такимъ же правомъ. съ какимъ во фразѣ наши ученики довели себя до хорошихъ учениковъ всякій отнесетъ предлогъ до къ существительному учениковъ (положимъ, такой фразы никто не говоритъ, но общему смыслу языка она не противорѣчитъ).

То «что-нибудь», которое при посредствѣ предлога сопоставляется съ предметомъ, присоединяющимъ этотъ предлогъ къ своему «существительному», — должно быть также ὄν, хотя бы это ὄν пришлось извлекать изъ глагола, что и наблюдается въ вышеприведенныхъ примѣрахъ на ἐν — εἰς — ἐξ: съ головы до ногъ идетъ χάλυψις; до вечера тянется παιδίά; въ городъ и въ горы двинулись они, т. е. «лица» формъ ἡλθον и ἐξέπεσον; въ городѣ находятся и изъ непріятельской земли «исходятъ» οἱ, а это, какъ сказано, формальное существительное; до ἐναντός, — если «ἐναντός» принять за точку, — до ἐναντός, говорю, «доходятъ» разы (въ нашемъ примѣрѣ этихъ «разовъ» трое, но ихъ могло быть или больше, или меньше), а если «ἐναντός» принять за линію, то въ немъ опять помножаются «разы» (да, слово τρίς, какъ увидимъ въ отдѣлѣ о такъ называемыхъ «нарѣчіяхъ», есть имя существительное, и мы нарочно прибѣгли здѣсь къ русскому разъ — раза — «разы»,** такъ какъ и оно есть существительное). Словомъ, вездѣ мы или находимъ, или можемъ извлечь — определенное существительное, являющееся не-

*) Хотя слово στρατιώτας и «подразумѣвается», но это — не эллинизмъ (ср. стр. 54).

** Эти «разы», въ свою очередь, относятся въ нашемъ примѣрѣ τρίς τέτα: εἰς ἐναντόν къ «рожденію».

обходимымъ спутникомъ того, которое приставлено къ предлогу. Только въ примѣрѣ *ἔπαιζον ἐν τῇ παλαίστρᾳ* мы не знаемъ, помѣщать ли въ палестрѣ играющихъ, стало быть, — *лицо*, показанное въ *ἔπαιζον*, или игру. Тамъ и на стр. 228. у насъ возникло недоумѣніе, помѣщать ли въ комнатѣ *мальчика*, или его дѣйствиіе. Положимъ, тамъ мы склонялись къ тому, что *комната*, какъ предметъ, помѣщающійся въ пространствѣ *мѣста*, можетъ быть сопоставлена съ *такимъ же* предметомъ (въ данномъ случаѣ съ *личностью*), а не съ *дѣйствиємъ*, представляемымъ въ пространствѣ *времени*, но правы ли мы были? И да, и нѣтъ. Что событіе можетъ быть »измѣряемо« *только* событіемъ, качество *только* качествомъ и т. д., это, конечно, совершенно правильно. Но не забудемъ, что напр. предлогъ *εἰς*, въ извѣстныхъ случаяхъ (именно, когда »предметъ« при немъ представляется *точкою*), выражаетъ *просто* »касательство«, и хотя и тутъ, строго говоря, *физическаго* тѣла (т. е. чего то, помѣщаемаго въ пространствѣ *мѣста*) можетъ касаться *опять* только *физическое* тѣло, событія — *только* событіе, качества — *только* качество и т. д., и хотя въ выраженіи, напр., *ἀμύλητα εἰς τὸν ἄνθρωπον* сама *ἀμύλητα* должна быть *лицетворена* для того, чтобы самое выраженіе могло состояться, но кто же, произнося его, *думаетъ* о подобномъ лицетвореніи? Не забудемъ, что и предлоги имѣютъ въ языкѣ свою *исторію*, и сознание ихъ *первоначальной* роли могло быть *ослаблено*. Въ этомъ *ослабленномъ* значеніи можно связать посредствомъ предлога »игру« (дѣйствиіе, помѣщающееся въ пространствѣ *времени*) съ »комнатою« (предметомъ, помѣщающимся въ пространствѣ *мѣста*), но это, такъ сказать, *вторичное* явленіе языка. Склоняясь связывать »*мальчика*« съ »комнатою«, мы *больше* считались съ *первоначальною* ролью предлоговъ.

Она заключалась въ удовлетвореніи примитивной потребности — опредѣлять *мѣстныя* и, пожалуй, временныя отношенія. Въ началѣ, конечно, эта роль ихъ сознавалась *живо* и *исключительно*, и всякое »отношеніе« *x*, *y*, *z* . . ., стоявшее *вне* опредѣленія *указанныхъ* двухъ отношеній,

казалось, не допускало употребленія предлоговъ. требуя *другихъ* средствъ для своего выраженія. Такая исключительность, конечно, обусловлена тѣмъ, что »отношенія« х, у, z... выступили также, какъ *примитивная* потребность, *одновременно* съ поводомъ. который вызвалъ къ жизни предлоги. когда творецъ языка не успѣлъ, такъ сказать, опомниться и привыкнуть къ мысли, что х, у, z... *соединимы* съ опредѣленіемъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній и могутъ быть *также* удовлетворены предлогами. Нѣтъ сомнѣнія, что х, у, z... въ постепенномъ развитіи человѣческой мысли *дѣйствительно* не заставили себя долго ждать.

Человѣку приходилось сопоставлять *физическое* тѣло съ *физическимъ* тѣломъ, событіе съ событіемъ. чтобы опредѣлить мѣстныя и временныя отношенія: *οὐρανὸν* онъ сопоставлялъ съ *γῆ*, для того, чтобы можно было сказать, что *οὐρανός* находится *надъ* *γῆ*, а *γῆ* находится *подъ* *οὐρανός*. А если вдругъ ему пришлось замѣтить, что на *οὐρανός*ъ или *въ οὐρανός*ъ (*οὐρανός* есть шаръ, или плоскость) что нибудь *»дѣлается«* или *»происходитъ,«* — если вдругъ у него являлось желаніе помѣстить на *»предметъ«*, представляемомъ имъ въ пространствѣ *мѣста*, событіе, представляемое имъ въ пространствѣ *времени*, — если *подъ οὐρανός*омъ онъ начиналъ представлять не *физическое* тѣло, имѣющее быть сопоставляемымъ съ *физическимъ* тѣломъ, а *мѣстный просторъ* для *временнаго дѣйствія*. что тогда? Тогда это могло показаться ему *новою* задачею для языка, и если гдѣ было мѣсто формамъ *οὐρανόςτι, οὐρανόςθεν, οὐρανόςνδε*,*) то именно здѣсь: *οὐρανόςτι* обозначало просторъ; *идѣ* происходитъ дѣйствіе, *οὐρανόςθεν* — просторъ, *откуда* ъеи, а *οὐρανόνδε* — просторъ, *куда* человѣкъ *поднимаетъ* свои *молящія* взоры, т. е. куда направляется и стекается его *»дѣйствіе«*. Да, мы думаемъ, что вопросы *идѣ-куда-откуда* прежде всего не искали удовлетворенія

*) Замѣчательно, что языкъ воспользовался для образованія *формы* на *δε* готовою *αιτιατική* *πῶςτι*, хотя не всегда, какъ это видно на *формѣ* *οἴκαδε*. Или и *οἴκα* есть *αιτιατική* *πῶςτι*, образованная отъ предполагаемаго Nominativ'a *οἶξ*? Такъ думаетъ Бругманъ (Grundr. II. 449.).

въ *обыкновенныхъ* падежныхъ формахъ. Но мы думаемъ также, что вопросы *идь-куда-откуда* не имѣли непосредственнаго отношенія и къ предлогамъ. Ибо хотя *εἰ* указываетъ на »пробываніе«, *εἰς* на »продвиженіе« и *εἴ* на »удаленіе«, однако, если бы эти »пробываніе«, »продвиженіе« и »удаленіе« имѣли непосредственную цѣлью удовлетвореніе вопросовъ *идь-куда-откуда*, и если бы въ такомъ удовлетвореніи состояло назначеніе *предлоговъ*, то, впервыхъ, языкъ не имѣлъ бы надобности въ другихъ предлогахъ кромѣ трехъ *указанныхъ*, и, ввторыхъ, не было бы того явленія, что напр. »οἱ κατὰ χθονός« обозначаетъ »тѣ, что подѣ землею«, а »κατὰ στήθος βαλεῖν« — »ударить по груди«; другими словами, на помощь предлогамъ не должны были бы являться *падежи*, которыми достигается не столько *ответъ* на вопросъ *идь* или *куда*, сколько скорѣе *спеціальный* оттѣнокъ, котораго даже не имѣешь въ *виду*, когда ставишь вопросы *идь-куда-откуда*. Вотъ объ этомъ то *развѣтвленіи* вопросовъ *идь-куда-откуда* на *всевозможные* оттѣнки можно сказать, что оно имѣетъ »*непосредственное* отношеніе«, — однако, не только къ предлогамъ, но и къ *падежамъ*, которые къ нимъ присоединяются. Что же касается *самыхъ* этихъ вопросовъ *безъ* развѣтвленія ихъ на оттѣнки и внѣ *возможности* такого развѣтвленія, то они имѣютъ мѣсто *только* при обозначеніи вышеразъясненныхъ отношеній *простора* къ *дѣйствию*. Ихъ *три*, и на нихъ отвѣчаютъ *три* грамматическія формы. Такова наша, если не *ἐπισημήν*, то *δοξα* о формахъ εἰ-εἰεν-εἴ. И игра въ *комматъ*, и *παίδι* въ *палестрѣ*, какъ »дѣйствія« въ »просторѣ«, должны бы вызвать въ языкѣ форму εἰ — *собственно*. А *несобственно*?

Какъ уже выше сказано (стр. 215), то, что творецъ языка первоначально считалъ *разнороднымъ*, впоследствии *оказалось* сводящимся къ однородному, и языкъ *когда сокращать* свои средства. Сокращенію, однако, естественно *предшествуетъ* борьба за существованіе. Формы языка, изъ *которыхъ* какая нибудь одна оказывается лишнею, *вытѣсняя* другъ друга, стараются каждая занять господствующую роль,

и, такимъ образомъ, языкъ, хотя въ общемъ бѣдный, въ моментъ борьбы оказывается обладающимъ нѣсколькими средствами для выраженія »одного и того же«, — роскошь, которую онъ сохраняетъ на долго, быть можетъ, и на всегда. Такъ случилось и здѣсь. Представленіе одного предмета какъ *простора*, а другого — какъ *дѣйствія*, было сведено къ представленію »сопоставленія предмета съ предметомъ« вообще, причемъ и *предлоги*, съ своей стороны, *тоже* понемногу привыкали къ новой роли — сопоставлять не физическое тѣло съ физическимъ тѣломъ (ради опредѣленія *жѣстныхъ* отношеній), и не событіе съ событіемъ (ради опредѣленія отношеній *временныхъ*), а именно »предметъ« съ »предметомъ« вообще, такъ что, *дѣйствительно*, въ выраженіи *ἀμέλεια εἰς τὸν ἄνθρωπον* о *разнородности* обозначенныхъ здѣсь »предметовъ« и о необходимости *привести* ихъ къ одному знаменателю путемъ *тропа* не нужно было и думать. Такимъ образомъ, рядомъ съ *Τροίηθεν* появлялось *ἐκ Τροίης*, рядомъ съ *οὐρανόθι* — *ἐν οὐρανῷ*, а вмѣсто того, чтобы говорить *παλαίστρῃθι*, говорили *παίζεν ἐν παλαίστρῃ*. Болѣе того: сами формы *Τροίηθεν* и *οὐρανόθι*, борovníя за свое существованіе, подчинились роли »*надежей при предлогахъ*«, и рядомъ съ *ἐκ Τροίης* появляется *ἐκ Τροίηθεν*, рядомъ съ *πρὸ οὐρανοῦ* — *οὐρανόθι πρὸ* и т. д. Даже тамъ, гдѣ *предлоговъ* нѣтъ, появляются наши формы: *σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω χωομένης* (II. 9. 477).

Замѣчательное явленіе представляетъ въ этомъ случаѣ форма на *δε*. Въ формѣ *οὐρανόνδε* Омиръ уклонился отъ первоначальной ея роли *именно* лишь въ томъ смыслѣ, что обозначеніе *простора* для *дѣйствія* перевелъ на обозначеніе *сопоставленія предмета съ предметомъ*, что, съ *другой* стороны, *также* при ослабленіи сознанія первоначальной роли, выражалось при посредствѣ *предлога*. Въ виду этого, сознавая, что въ *первой* части формы *οὐρανόνδε* онъ имѣетъ дѣло съ *готовымъ* падежемъ, Омиръ придаетъ *второй* его части, т. е. самому *δε* роль *предлога* и какого-нибудь *новаго* предлога къ формѣ »*οὐρανόνδε*« не прибавляема,

т. е. не дѣлаетъ того, что мы выше замѣтили въ выраженіи ἐκ Τροίης εἶν, или даже въ οὐρανόφι πρό (тутъ есть нѣкоторая *разница* между прибавленіемъ предлога πρό и предлога ἐκ; читатель, надѣмся, опредѣлитъ эту разницу самъ). Если мы и встрѣчаемъ II. τ. 118 и π. 188 такое выраженіе какъ ἐξάγαγε πρό φόωςδε (= вывелъ = про- изъ-велъ *на свѣтъ*), то предлогъ πρό относится не къ φό- ωςδε, а къ глаголу ἐξάγαγε.*)

Σύν — μετά. Σύν указываетъ на то, что предметы, сопоставляемые при помощи этого предлога, съ *разныхъ концовъ****) сходятся въ одинъ пунктъ.

Въ предложенномъ опредѣленіи значенія предлога σύν мы уже, согласно выясненному, толкуемъ о »сопоставленіи предметовъ вообще,« не считаясь съ первоначальною ролью предлоговъ. И хотя нетрудно вдуматься при предлогѣ σύν и въ его первоначальную роль, т. е. роль показателя сопоставленія физическихъ тѣлъ для обозначенія *мѣстнаго* отношенія (тогда σύν, какъ указывающее на собираніе предметовъ съ *разныхъ* концовъ, вызываетъ представленіе *движенія*, какъ его вызывалъ предлогъ εἰς), но обыкновенно мы при σύν думаемъ даже не о »сопоставленіи предметовъ вообще«, т. е. не объ отнесеніи какого *удно* предмета, напр. *качества*, къ какому *удно* предмету, напр. *событію*, а о *сдѣланіи* чего нибудь, имѣющемъ въ виду извѣстную *цѣль*. Мы могли бы сказать, что σύν указываетъ на соеди-

*) Это выраженіе, какъ извѣстно, надѣлало уже древнимъ комментаторамъ много хлопотъ (смотри Homeri Ilias ed. La Roche, adnotatt. crit. ad π. 188 и τ. 118, а также Ebeling Lex. Hom. sub voce δε). Наши комментаторы не затрудняются отнести πρό къ ἐξάγαγε (Pierron, Faesi и др.). Конечно, немного необычна postpositiv'ная постановка предлога πρό. Но намъ кажется, что если Омиръ могъ сказать ἐν ἄριζον ἀπ' ἔντα (II. μ. 195), τίθη πάρα πάβιν ἰδωδύη (Od. ε. 196), εἰ μὲν κε λίπω κάτα τεύχεα καλά (II. ρ. 91) ἔδατε νιζόντες ἀπο βροτόν (II. η. 425), τότε δ' ἴδη ἔχευ κάτα γαῖα (разумѣй *его*, Протеспілая; II. β. 699), то онъ могъ сказать и ἐξάγαγε πρό *выѣсто* προεξάγαγε, тѣмъ болѣе, что соединять »проекъ« какъ-бы въ *одно* слово Омиръ не привыкъ (у него встрѣчаются только соединенія παρ' εἰ, ἔπεξ, ἀπεξ, διεξ). О предлогахъ при глаголахъ мы, впрочемъ, будемъ разсуждать ниже.

**) На выраженіи »съ *разныхъ* концовъ« мы настаиваемъ; оно нагляднѣе всего выступаетъ въ глагольныхъ сопроіівахъ; сравни *δυνέρχονται, δυνάου* и т. д.

неніе »предметовъ,« и что это соединеніе преслѣдуетъ извѣстную *цѣль*.

Какая можетъ быть *цѣль* въ соединеніи предметовъ? Единственно та, чтобы эти »предметы« дѣйствовали *заодно*. И такъ какъ они должны »дѣйствовать« заодно, то это должны быть не столько »предметы,« сколько скорѣе и преимущественно *лица*. Я говорю »преимущественно« въ виду того, что нельзя отрицать и возможность соединенія *неодушевленныхъ* предметовъ — прутьевъ напр. — въ *одинъ пучекъ*, причѣмъ *цѣль* выражена *именно* въ словахъ »въ *одинъ пучекъ*«: прутья должны *составлять* *одинъ пучекъ* («составить изъ себя нѣчто *цѣлое*« значить *тоже*, какъ бы, »дѣйствовать заодно«).

Падежъ, приставляемый къ *σύν*, бываетъ всегда *δοτικῆ*. Поддерживая своимъ значеніемъ значеніе слова *σύν*, или, какъ мы раньше выражались, *идя навстрѣчу* слову *σύν* для того, чтобы создать *вмѣстѣ* съ нимъ одну *общую* картину. онъ и долженъ съ своей стороны внести въ эту общую картину то, чего не могъ внести въ нее самъ предлогъ. Предлогъ *σύν* могъ указывать *только* на соединеніе предметовъ, т. е. *только* на движеніе ихъ съ *разныхъ* концовъ въ *одинъ пунктъ*, иначе онъ пересталъ бы быть предлогомъ (просимъ читателя вдуматься въ его *первоначальную* роль, какъ мы ее обрисовали выше), сама же *цѣль*, т. е. *дѣйствованіе* заодно, очевидно, выражена *τῇ δοτικῇ*.

Мы сказали выше, что »дѣйствующими заодно« должны быть преимущественно *лица*. Нѣтъ сомнѣнія, что »олицетвореніе«, къ которому мы должны прибѣгнуть, чтобы *оправдать* это наше положеніе о лицахъ, на дѣлѣ практикуется при *σύν* въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ примѣрѣ »ἡ κτήσις τῶν πιστῶν ἔστιν οὐδαμῶς σὺν τῇ βίᾳ, ἀλλὰ μᾶλλον σὺν τῇ εὐεργεσίᾳ« (Хен. Сугор. I. 3. 17) *βία* и *εὐεργεσία* рисуются настоящими *помощниками* въ дѣлѣ приобрѣтенія друзей.

Иначе нужно смотрѣть на предлогъ *μετά*. Остановившіеся на этимологіи этого слова хотѣли усматривать въ немъ связь съ греческимъ *μέσος* (Hartung Casus 39, Pott Etym.

Forsch. II. 151). слѣдовательно, и съ латинскимъ *medius*, а послѣднее, въ свою очередь, приводится въ связь съ русскимъ *межа* (Curtius Grundz 332). Но въ *общемъ* такая этимологія не находитъ поддержки. Чаше и несомнѣнно правильнѣе — слова *μέσος*, *medius*, *межа* принимаются за *особую* группу, не имѣющую ничего общаго съ *метá* (Miklosich, Et. Wört. 185), самое же *метá* одни считаютъ этимологически связаннымъ съ нѣмецкимъ *mit* (Delbrück Grundr. III. 734, Curtius Grundz. 209), а другіе рассматриваютъ еще иначе (Ebeling Lex. Nom. sub voce *метá*). Связано ли *метá* съ словомъ *mit* или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, оно указываетъ не на *собираніе съ разныхъ концовъ*, а только лишь на *сосѣдство* предмета съ предметомъ, причемъ мы слово *сосѣдство* понимаемъ въ болѣе *широкомъ* смыслѣ, когда предметъ не только дѣлается *смежнымъ* другому предмету, но и *врывается* въ него, раздвигая его по обѣимъ сторонамъ.

Что касается *надежей* при словѣ *метá*, то тутъ наблюдаются два рода явленій, рѣзко обособленные другъ отъ друга. Случай *перваго* рода, это — тѣ, когда *«сосѣдніе»* въ какомъ бы то ни было смыслѣ предметы представляются идущими или находящимися *вмѣстѣ, съ самаго начала*, такъ что о моментѣ, когда они *стали* сосѣдними, нѣтъ и помину. Въ этомъ случаѣ у *Омира* (а у позднѣйшихъ поэтовъ, вѣроятно, лишь въ видѣ поэтическихъ *архаизмовъ*), встрѣчается не только та *уєихі*), которую мы видимъ у прозаиковъ, но и наряду съ нею *δοτιхі*). Поневолѣ призадумываешься, не чувствовалось ли въ старину какое нибудь *различіе* между этими надежами при *метá*, и не объясняется ли сведеніе ихъ у прозаиковъ къ *одному* надежу, быть можетъ, даже не обычнымъ стремленіемъ къ *«упрощеніямъ»*, а прямо таки потерей *сознанія* этого различія?

Замѣчательно, что у *Омира* *δοτιхі*), встрѣчается вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о *«смежности»*, а *именно* о нахожденіи предмета *среди* другихъ, причемъ эти другіе располагаются по обѣимъ сторонамъ *врывающагося* въ нихъ предмета. Такъ, у *Омира* считается уже разъ на всегда установившимся оборотомъ

μετὰ χερσὶν ἔχειν (напр. πιδάλιον, ср. Od. γ 286); известны также омировскія выраженія ὅς κεν ἐπ' ἤματι τῷδε πέσῃ μετὰ ποσσὶ γυναικὸς (II. τ. 110), μετὰ γαμφιλήσιν, μετὰ γαμφιτῆσι γένυσι и т. п.

О томъ значеніи τῆς δοτικῆς, о которомъ мы толковали при σύν. въ приведенныхъ омировскихъ примѣрахъ нѣтъ и помину, какъ не могло быть рѣчи о немъ при ἐν. Это вполне понятно, такъ какъ греческая δοτικὴ есть не *одина* падежъ, а сборная форма для *нѣсколькихъ* падежей (см. выше стр. 209).

Искать ли намъ при μετὰ и ту δοτικὴν, которую мы замѣтили при σύν, и которую мы пока будемъ называть »δοτικὴ при σύν«? Конечно, искать ее мы должны *прежде всего* у того же Омира, такъ какъ *прозаическій* языкъ при предлогѣ μετὰ совершенно вывелъ *всякую* δοτικὴν изъ употребленія. Не провозгласить ли за »δοτικὴν при σύν« тотъ dativ, который встрѣчается въ примѣрѣ ὄφρα δ' ἐγὼ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον (II. ι. 352), и не толковать ли его въ такомъ смыслѣ: »*обокъ* съ Ахейянами и *вмѣстѣ* съ Ахейянами, *дѣйствуя* съ ними *заодно*«? Трудно, конечно, возражать тому, кто настаивалъ бы на толкованіи нашего примѣра въ смыслѣ »*посреди* Ахейянь« и уравнивалъ бы его съ вышеприведеннымъ μετὰ χερσὶν. Есть даже соображеніе, по которому *последнее* толкованіе заслуживаетъ предпочтенія, но объ этомъ соображеніи рѣчь впереди.

Съ примѣромъ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, равно какъ и съ выраженіемъ μετὰ χερσὶν (отгѣнокъ dativ'a въ μετὰ χερσὶν мы будемъ называть, *тоже* только пока, »δοτικὴ при ἐν«), — интересно сравнить мѣсто изъ Одиссея (π. 140): ἦ καὶ Λαέρτη ἀντὶν ὁδὸν ἰγυεὸς ἔλθω δυσμόρῳ, ὅς τειῶς μὲν Ὀδυσσεὸς μέγ' ἀχεύων ἔργα τ' ἐπόπτευσθε, μετὰ δμῶων τ' ἐνὶ οἴκῳ πῖνε καὶ ἴσθε, ὅτε θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι ἀνῶροι. Въ этомъ мѣстѣ, *вопреки*, мы не усматриваемъ отгѣнка »δοτικῆς при ἐν«: поэтъ, вовсе не думая *выразительно* рисовать картину, будто Лаэртъ въ качествѣ *чужаго* элемента ворвался въ средину слугъ, такъ что они очутились *по обѣимъ сторонамъ* его, просто указываетъ

»на сосѣдство« (я не говорю — »на сосѣдей«) или, какъ выражаются по русски, *на среду*, въ которой находился Лаэртъ. Далѣе нѣтъ здѣсь и того отгѣнка »δοτικῆς при ὄν«, который мы, — правильно ли, нѣтъ ли, — замѣтили въ примѣрѣ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον, и которымъ объясняли появленіе dativ'a послѣ μετά. Очевидно, важнымъ мотивомъ для появленія такой »δοτικῆς при ὄν« нужно считать *равноправность* »дѣйствующихъ заодно лицъ«: если наше толкованіе примѣра μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον было правильно, то ἐγὼ μετ' αὐτῷ будетъ по русски »мы вмѣстѣ съ нимъ«, т. е. «я да онъ, какъ *одинаковые дѣятели*«, тогда какъ ἐγὼ μετ' αὐτῶν обозначаетъ просто »я, находясь *по сосѣдству* съ ними« = »я, находясь въ такой то *средѣ*«, а эта мысль, какъ сказано, только и *выражена* въ нашемъ μετὰ δμῶν πῖνε καὶ ἡσθε Λαέρτις. Нечего говорить, что если мы ослабимъ представленіе *равноправности* дѣятелей, то μετὰ τινος, при его смыслѣ »по сосѣдству съ кѣмъ«, окажется совершенно достаточнымъ для обозначенія *совмѣстной* съ кѣмъ нибудь *дѣятельности*, и что омировское μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον безъ *особеннаго* ущербa для смысла могло перейти въ утвердившееся *впослѣдствіи* »μετ' Ἀχαιῶν ἐπολέμου».

Изъ нашихъ разсужденій нетрудно усмотрѣть, что языку не было особенной надобности *удерживать* μετά съ δοτικῆς. Вмѣсто μετά съ »δοτικῆς при ἐν« можно было прямо ставить ἐν (μετὰ χερσίν — все равно, что ἐν χερσίν = *межъ рукъ*, какъ ἐν ἀνδράσι = *среди мужей*), а то и μεταξὺ (что, какъ ниже увидимъ, относится къ *совершенно* другой части рѣчи, чѣмъ μετά), или же *сложный* оборотъ ἐν μέσῳ (ἐν μέσῳ τῶν ποταμῶν). Что же касается оборота μετά съ »δοτικῆς при ὄν«, то его не только можно было замѣнить самимъ ὄν, но, какъ сказано, перевести, безъ *особеннаго* ущербa для дѣла, на оборотъ μετά съ γενική. Извѣстенъ громадный трудъ Tycho Mommsen'a »Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpo-

sitionen«.) Вопросъ тутъ идетъ о *σύν, μετά* и *ἔμα*. Объ *ἔμα* намъ самимъ пока рано разсуждать. Что же касается *σύν* и *μετά*, то мы вполне понимаемъ, что, когда конструкціи *μετά* съ *δοτικῆ* исчезли, выборъ оборота *σύν* съ *δοτικῆ* и *μετά* съ *γενικῆ* вполне зависѣлъ отъ вкуса времени и лицъ: *σύν* — таковъ результатъ изслѣдованія Mommsen'a, сообщенный имъ на 1ой же страницѣ — *gehört in guter Zeit fast nur der edlen Dichtersprache und dem Xenophon an, während μετά cum Genitivo fast nur bei Prosaikern zu finden ist oder in solchen Dichtern und Dichterstellen, welche sich der Prosa nähern.*

Остается разсмотрѣть *другіе* случаи падежныхъ конструкцій при *μετά*. Мы имѣемъ въ виду соединеніе предлога *μετά* съ *αιτιατικῆ*.

Можно различить *четыре* типа въ общей семьѣ тѣхъ явленій, гдѣ *μετά* соединяется съ *αιτιατικῆ*. Представителями этихъ типовъ могутъ послужить: 1. *πέμπειν μετά Κύρον — ἔναи μεθ' ὕδαρ*; 2. *μετά δειπνον* въ смыслѣ *послѣ обѣда*; 3. *μετά θεοῦς ψυχῆ θεϊότατον*; 4. *τοῖσι δὲ θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι ὄρνειν μετά πληθύν* (II. β. 142).

Въ примѣрахъ перваго типа говорится о *приближеніи* лица въ смежность съ предметомъ, съ тѣмъ чтобы этотъ предметъ поступилъ *весь* въ *полное* распоряженіе приближающагося къ нему лица. Какъ при *σύν*, обозначающемъ соединеніе предметовъ, *цѣль* этого соединенія выражена была «*δοτικῆ*» при *σύν*«, такъ и при *μετά*, обозначающемъ смежность предметовъ, *цѣль* этой смежности выражена *тῆ* *αιτιατικῆ*. Этою цѣлью въ *αιτιατικῆ* оказывается *поступленіе предмета цѣликомъ въ чью нибудь власть*. Это, повидимому, и есть значеніе *τῆς αιτιατικῆς πτώσεως самоῦ по себѣ*. Его можно прослѣдить и выше, не только въ примѣрѣ *τρίς δὲ τίχτει μήλα τελεσφόρον εἰς ἐνι-*

*) Трудъ этотъ, наконецъ, появился въ законченномъ видѣ въ 1895 году. Это единственный трудъ о предлогахъ, который удостоенъ Дельбрюкомъ упоминанія въ его Grundr., причемъ онъ выставленъ als ein Muster geschichtlicher Bearbeitung, wie sie allen Präpositionen zu Theil werden sollte (Grundr. III. 645.)

αὐτόν, когда мы принимаемъ ἐν αὐτός за линію, но и вообще во *всѣхъ* »εἰς«: если εἰς указываетъ на движеніе *внутрь* предмета, то αἰτιατικῇ, съ своей стороны, выставляетъ обозначенный ею предметъ какъ нѣчто, поступающее въ *распоряженіе* движущагося *внутрь* его *лица* или »олицетвореннаго« предмета.

Мы вовсе не намѣрены отвергать и такое толкованіе τῆς αἰτιατικῆς, въ силу котораго она, напр. во фразѣ εἰς τὴν γῆν ἔπεσεν ἡ λίθος, обозначаетъ также *цѣль движенія*. Но, съ другой стороны, не думаемъ этимъ толкованіемъ поддерживать локалистовъ; напротивъ, принимая его, мы еще больше *разрушаемъ* ихъ теорію. Вопросъ въ томъ, является ли »*поступленіе предмета въ чье-нибудь полное распоряженіе*« метафорою *цѣли движенія*, или же, наоборотъ, послѣднее нужно считать метафорою перваго? Рѣшить этотъ вопросъ на *исторической* почвѣ опять таки трудно. Исторія греческаго языка раскрыта передъ нами вообще лишь въ *послѣдней*, сравнительно очень небольшой стадіи его развитія, когда нашъ и подобные ему вопросы не только давнымъ давно были рѣшены, но, быть можетъ, при стремленіи языка *сократить* средства для выраженія мысли, даже перепутались между собою. Рѣшать нашъ вопросъ можно только на почвѣ *обще-философской*, а исходя отъ нея, нужно предположить, что *цѣль движенія* есть метафора *поступленія предмета въ чье-нибудь распоряженіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, живя, долженъ былъ прежде всего не только питаться, но и *сознавать*, что онъ питается, и *какъ* онъ питается. Онъ долженъ былъ срывать плоды съ деревьевъ, вырывать корни изъ земли, убивать животныхъ, иногда особо *приготовлять* для себя пищу, чтобы не принимать ее сырымъ, дѣлить ее съ другими, класть въ ротъ, жевать, проглатывать; неужели же, проглатывая все это, — неужели, проглатывая напр. кусокъ мяса, онъ въ это время воображалъ, что производитъ какое то движеніе, на подобіе какого нибудь путешествія, и что проглатываемый кусокъ мяса есть конечная *цѣль* этого путешествія?

Правдоподобнѣе предположить, что человекъ, не только самъ одушевленный, но и одушевлявшій всю природу, видѣлъ и въ себѣ, и кругомъ себя не движеніе и цѣль, а дѣятелей и подлежащее обработкѣ, побѣдителей и побѣждаемое, разрушителей и разрушаемое, жидителей и матеріалъ, сносимый и обрабатываемый для строенія. Человекъ видѣлъ, что одно животное *ловитъ* другое и *пожираетъ* его, что животное *грызетъ* кору, *разрушаетъ* и *уничтожаетъ* то, что встрѣчается ему по пути, — иногда *просто* по дикости, а иногда и затѣмъ, чтобы *само*му не быть уничтоженнымъ, чтобы *само*му существовать. Солнце, по его представленію, производило не движеніе лучей, цѣлью которыхъ былъ онъ, человекъ, а просто его *грѣло*, морозъ его *леденилъ*, дождь его *мочилъ*, вѣтеръ его *обвѣвалъ* и т. д. Вѣроятно, онъ очень рано научился охотиться, и тутъ то онъ пускалъ стрѣлы, конечно, »въ звѣря« (онъ выражался тутъ какъ-нибудь въ *этомъ* родѣ: простая *αιτιατική*) не годилась, такъ какъ рѣчь идетъ не о *дѣйствіи*, цѣль котораго — уничтоженіе или созиданіе, а о придвиженіи *предмета* къ предмету, т. е. стрѣлы къ звѣрю), причемъ ему удавалось самого *звѣря* (тутъ уже наступаетъ простая *αιτιατική*) и *застрѣлить*. Трудно исчерпать всѣ тѣ случаи, которые у *самаго* первобытнаго человека, *сознающаго*, конечно, что въ немъ и кругомъ него дѣлается, вызывали представленіе не *движенія* и его *цѣли*, а *дѣйствія* и »объекта« этого дѣйствія.

Дѣйствія, конечно, многочисленны и разнообразны. Одно изъ этихъ дѣйствій есть движеніе въ грубомъ значеніи этого слова, т. е. дѣйствительное переходеніе, въ пространствѣ времени, *съ мѣста на мѣсто*. И какъ движеніе въ этомъ смыслѣ есть особый *видъ* дѣйствія, такъ *цѣль* *движенія*, т. е. тотъ предметъ, къ которому нѣчто придвигается, могло представляться особымъ *видомъ* »объекта« дѣйствія. *Ищу*, *ловлю* можно принять за такое движеніе, а то, что я ищу или ловлю, представляетъ *цѣль* движенія. На томъ же основаніи, на которомъ русскій говоритъ *ловлю звѣря*, грекъ могъ сказать *ἵεναι πόλιν*, и римлянинъ — *eo*

Ромат. На томъ же основаніи и *εις*, «указывающее» на движеніе во-внутрь чего нибудь или изъ какой нибудь точкѣ, — выражено ли при немъ это движеніе еще какимъ нибудь *λέγει* или нѣтъ, это все равно, — могло соединиться съ *αἰτιατικῆς*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ *цѣль* движенія представляетъ собою метафору «объекта дѣйствія» или, какъ мы выше выразились, «поступленія предмета цѣликомъ въ чье нибудь распорядженіе». Падежъ, указывающій на нѣчто какъ на «объектъ» дѣйствія, и есть наша *αἰτιατικῆς πτῶσις*. Едва ли греки, придумывая для него терминъ *αἰτιατικῆς*, имѣли въ виду глаголь *αἰτιάομαι*, и неправильно поступили латинскіе грамматикіи, переводя греческое *αἰτιατικῆς* черезъ *accusativus*.*) Скорѣе греки исходили отъ слова *αἰτία*, обозначающаго причину, т. е. причину дѣйствія**)= пред-

*) Однако, къ *αἰτιάομαι*, наряду, впрочемъ, еще съ другимъ словомъ, именно съ словомъ *αἰτίομαι*, прибѣгали и схолиасты Діонисія Θρακίηςкаго для объясненія термина *αἰτιατικῆς*. Смотри В. А. II. 862: *κατὰ αἰτίασις φησὶ (разумѣй Діонисій) ἴτοι αἰτίαν, ἐπεὶ περ αὐτοῦ μὲν οἱ λαβεῖν τι ἢ αἰτιώμενοι ταύτην προφερόμεθα, ὡς ἂν εἴποις αὐτοῦμαι δε δοῦναι μοι βιβλίον καὶ πάλιν αἰτιώμαι Ἀρίσταρχον*. Конечно, если такъ разсуждаетъ схолиастъ, то это еще не значить, что такъ думалъ самъ изобрѣтатель этого термина. Черезъ объясненія схолиастовъ мало ли что могло не только измельчать, но и совершенно потерять свой первоначальный, хотя бы очень глубокий смыслъ. Такова ужъ судьба всего, что переходитъ въ традицію не въ видѣ *полной, конструктивно раскрытой* теоріи, а въ видѣ простаго термина. — По поводу термина *αἰτιατικῆς* Штейнталь указываетъ (Gesch. 622) на *Аполлонія Дискала*, объясняющаго (de constr. I. 9) оборотъ *δι' Ἀπολλωνίου* словами *ὡς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος*. Но если Штейнталь, приводя это мѣсто изъ Дискала, имѣлъ въ виду какую нибудь связь между словомъ *αἴτιος* и *αἰτιατικῆς*, то онъ сильно ошибается. Словами *ὡς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος* Дискалъ объясняетъ не терминъ «*αἰτιατικῆς*», даже не значеніе *Accusativ'a*, а просто предлогъ *διὰ*, имѣя въ виду два разныхъ оборота этого предлога, — оборотъ съ *Accusativ'омъ* и оборотъ съ *Genitiv'омъ*: *διὰ Ἀπολλωνίου* — разсуждаетъ Дискалъ тутъ же — имѣеть смыслъ *ὡς εἰ γνώσκοντος Ἀπολλωνίου*, а смыслъ оборота *διὰ Ἀπολλωνίου* такой, «какъ если бы сказать, что онъ виноватъ». Когда Дискалъ дѣйствительно занятъ *Accusativ'омъ*, а не предлогомъ *διὰ* (смотри de constr. III. 283—290, гдѣ онъ разбираетъ весь фразеологическій матеріалъ *Accusativ'a*), то онъ, не разъясняя нисколько термина этого падежа, постоянно только указываетъ на *παθητικῆς διὰ-φάσις*, какъ на вѣчто, имѣющее объяснять значеніе его.

***) Такъ понимаетъ дѣло и Trendelenburg (*Accusativus* 123), опредѣляя *Accusativ* какъ *casus, qui ad actionis effectum indicandum ratur est, ut eum non accusativum, sed potius effectivum vel causativum reddi oportuerit*. Быть можетъ, эту *αἰτία* имѣеть въ виду самъ Діонисій Θρακίηςкій, когда гово-

метъ или объектъ дѣйствія. Мы бы назвали *αἰτιατικὴν πτῶσιν* *вещнымъ* падежемъ, указателемъ *мертвого материала* для дѣйствія.*)

Итакъ, »вещный падежъ«, какъ мы его впредь будемъ называть, возможенъ и при *ἰέναι* (*ἔναι Τροίην*), не измѣняя своему значенію. Это не значитъ, что *εἰς* съ *вещнымъ* падежемъ *равняется* простому *вещному* падежу. *Εἰς* съ *вещнымъ* падежемъ, какъ *предлоговый оборотъ*, остается *средствомъ* для сопоставленія предмета съ предметомъ, а *простой* *вещный падежъ* остается падежемъ *объекта дѣйствія*. Во фразѣ *ἴασι ἐκεῖνοι εἰς τὴν πόλιν* приводятся въ извѣстное, — *мѣстное*, въ данномъ случаѣ, — отношеніе предметы *ἐκεῖνοι* и *πόλις*, причемъ *вещный падежъ πόλιν*, какъ падежъ *объекта дѣйствія* и *цѣли* движенія, идетъ навстрѣчу *предлогу εἰς*, который, съ своей стороны, *указываетъ* на движеніе *внутрь*, — на движеніе, которое въ нашей фразѣ *еще разъ*, въ болѣе *общемъ* смыслѣ, *безъ* *отгѣнка* »внутри«, выражено *словомъ ἴασι*. Во фразѣ же *ἦσαν πόλιν* падежъ *πόλιν*, какъ падежъ *объекта дѣйствія* и *цѣли* движенія, своимъ значеніемъ идетъ навстрѣчу *самому дѣйствию*, заключающемуся въ *ἦσαν* и *ищущему*, по самой своей *сущности*, этого *объекта дѣйствія* или этой *цѣли* движенія. Конечно, вся разница заключается тутъ скорѣе въ *путяхъ*, которыми шла мысль въ каждой изъ этихъ фразъ, а не въ *результатъ*, который въ *обѣихъ* фразяхъ въ *данномъ* случаѣ получается *одинаковый*.

Мы предупреждали читателя, что въ нашемъ толкованіи *вещнаго падежа*, какъ *выразителя цѣли* движенія, *приобрѣтается* *вѣснѣй* *плюсъ*, разрушающій *локалистическую теорію* падежей. Въ *самомъ дѣлѣ*, если *цѣль* движенія есть только *метафора* »объекта дѣйствія«, и даже не *метафора*, а *просто*,

рпгъ (В. А. II. 636): λέγεται δὲ ἡ μὲν ὀρθὴ ὀνομαστικὴ καὶ εὐθεῖα, ἡ δὲ γενικὴ κτητικὴ καὶ πατρικὴ, ἡ δὲ δοτικὴ ἐπισταλτικὴ, ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ' αἰτίαν, ἡ δὲ κλητικὴ προβαγορευτικὴ (Trendelenburg, Accusativus 123: itaque ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ' αἰτίαν nihil aliud significat nisi effectivum vel causativum ad causae rationem esse dictum).

*) Отъ представленія чего нибудь, какъ *причины дѣйствія*, къ *представленію* того же, какъ *предмета* или *объекта дѣйствія*, — недалеко.

какъ въ послѣдствіи оказалось, *отдѣльный видъ* »объекта дѣйствія«; если въ вещномъ падежѣ объ отвѣтѣ на вопросѣ *куда*, какъ о *первоначальномъ* значеніи падежа, не можетъ быть рѣчи, то какъ же другіе падежи будутъ отвѣчать на вопросы *идѣ* и *откуда*? Вопросы *куда*, *идѣ* и *откуда*, какъ сказано, составляютъ *полный* логическій рядъ, а разъ *однимъ* изъ членовъ этого ряда не имѣеть мѣста въ объясненіи падежей, то его теряютъ и другіе два члена. *) Они, съ одной стороны, *не могутъ* имѣть мѣста въ »обыкновенныхъ« падежахъ, а съ другой — могутъ его *не имѣть*, такъ какъ для нихъ выработались *особыя* формы *θι-θεν-δε*. Мы говоримъ, повторяю, о *первоначальномъ видѣ* организаціи языка, а не о томъ его состояніи, когда понятія съ понятіями перемѣшивались.

Возвратимся къ нашему *μετά* съ вещнымъ падежемъ и къ его »четыремъ типамъ.« *Μεθ' ὕδαρ ἰέναι*, какъ сказано, значить »идти въ смежность съ водою, чтобы завладѣть ею.«

Въ примѣрѣ »τοῖσι δὲ θυμὸν ἐνὶ στήθεσσι δρῖεν πᾶσι μετὰ πληθύν« (II. β. 142) слово *μετά* — немного забѣгаемъ впередъ — употреблено такъ, что безъ особеннаго ущерба для смысла можно бы поставить и *κατά*. Если бы было поставлено *κατά*, то это указывало бы на *поверхность* всей толпы, и вещный падежъ былъ бы вполне понятенъ, такъ какъ *именно* *весь* предметъ попадалъ бы въ распоряженіе какъ самого *κατά* (и *ἐνιαυτός* попадаетъ *весь* въ распоряженіе предлога *εἰς* въ примѣрѣ »εἰς ἐνιαυτόν τίχτει τρὶς μῖλα«, если подъ *ἐνιαυτός* понимать линію), такъ и того »предмета«, съ которымъ »πληθύς« сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά* (здѣсь этимъ предметомъ является само *δρῖεν*). Въ нашемъ примѣрѣ сказано »*μετὰ πληθύν*,« т. е. выражено не »по поверхности всей толпы,« а »по сосѣдству со всею толпою«, и имѣется въ виду *воздѣйствіе τοῦ δρῖεν* *θυμὸν*, исходившаго отъ Агамемнона и *проходившаго* по всему этому »сосѣдству«.

*) Со временемъ, впрочемъ, придется нѣсколько *ослабить* это разсужденіе.

Въ *μετὰ δειπνον* (временное «послѣ») и въ *μετὰ θεοῦς ψυχῇ θειότατον* («послѣ», указывающее на порядокъ слѣдованія одного предмета за другимъ по степени ихъ важности) вещный падежъ чувствуется въ смыслѣ указателя на нѣчто законченное, готовое, отходящее какъ-бы на задній планъ, смежно съ чѣмъ выступаетъ на сцену другое. Связь этого значенія вещнаго падежа съ только что объясненнымъ пока усмотрѣть трудно; придется выждать новаго случая. Перейдемъ къ другимъ предлогамъ.

Πρό — *ἀντί* — *πρός*. Предлогъ *πρό* указываетъ на помѣщеніе чего нибудь *передъ* тѣмъ предметомъ, къ названію котораго онъ приставленъ, будь это въ смыслѣ *мѣстномъ*, или *временномъ*, или въ смыслѣ предпочтенія по *качеству*, или, наконецъ, въ смыслѣ счѣтнаго *порядка слѣдованія*. Падежъ ставится при этомъ предлогъ генической (*πρώσις γενική*).

Съ этимъ же падежемъ соединяется и предлогъ *ἀντί*. Для того, чтобы установить разницу въ значеніяхъ словъ *πρό* и *ἀντί*, нужно *олицетворить* предметы, которые «составляются» при посредствѣ этихъ предлоговъ, и тогда получается слѣдующее: при *πρό* лицо стоитъ или движется *передъ* другимъ лицомъ такъ, что глаза обоихъ направлены въ *одну* сторону (именно въ ту, въ которую направлено само *движеніе*, если только о движеніи идетъ рѣчь; сравни *πρό τῆς φάλαγγος ἀναβαίνει ὁ στρατηγός*), а при *ἀντί* лицо стоитъ *въ упоръ* другому (*ἀντί τῆς φάλαγγος ἔστηκε ὁ στρατηγός*). Метафористика въ словѣ *ἀντί*, конечно, другая, чѣмъ въ *πρό*. Становясь *въ упоръ* кому нибудь, я могу составить *ему* *противовѣсъ* (на чашкахъ *вѣсовъ* *пря* кладется *ἀντί* = въ *противовѣсъ* *грузу*), а *противовѣсъ* переходитъ въ *равенство* (сравни *compositum ἀντίθεος* = богоравный) и въ способность *замѣнить* что нибудь (*ἀντί τούτου* = *вмѣсто* этого).

Съ предлогомъ *ἀντί* слѣдуетъ сравнить предлогъ *πρός*. Не напрасно этимологи отождествляютъ греческое *πρός* съ славянскимъ *противъ* (Brugmann Grundr. I. 491). Но если *ἀντί* обозначало *въ упоръ*, то *πρός* — гораздо *слабѣе*.

Ἀντί относится къ πρὸς, какъ латинское *adversus* къ *versus*. Не въ упоръ стоимъ мы къ лицу, когда появляется въ латинскомъ языкѣ слово *versus*, не битѣся хотимъ мы съ этимъ лицомъ, не парализовать его дѣйствія, не равняться съ нимъ, не замянуть его, а просто «поворачиваемся лицомъ» въ такую то сторону, къ такому то предмету. Въ этомъ смыслѣ, — въ смыслѣ *ослабленнаго*, сравнительно съ ἀντί, значенія, — можно бы съ греческимъ πρὸς сопоставить не столько русское *противъ*, сколько скорѣе *супротивъ* (метафористика этого *супротивъ* видна будетъ изъ отдѣльныхъ примѣровъ). — Такъ какъ слово πρὸς соединяется и съ γενική, и съ δοτική, и съ вещнымъ падежомъ, то на немъ придется остановиться подольше.

Что касается явленій употребленія предлога πρὸς съ γενική, то ихъ можно обозрѣть по слѣдующимъ примѣрамъ: 1. ὡπερ Χαλκίς τῆς Εὐβοίας πρὸς τῆς Βοιωτίας κεῖται, οὕτω Χερσοννήσου κεῖται πρὸς τῆς Θράκης ἢ Καρδιανῶν πόλις (Dem. 23. 182); 2. πρὸς τῶν ἐχόντων, ὦ Φοῖβε, τὸν νόμον τίθης (Eur. Alc. 57); 3. Κροίσος ἐλπίας πρὸς ἑωυτοῦ τὸν χρησμὸν εἶναι (Herod. 1. 75); 4. πρὸς ἀνδρὸς ἢ τέκνων φοβουμένη (Soph. Trach. 149); 5. πρὸς ἄλλης ἴστον ὑφαίνεις (Il. ξ 207); 6. πρὸς παίδων καὶ γυναικῶν καὶ θεῶν ἱκετεύω ὑμᾶς καὶ ἀντιβόλῳ, ἐλεήσατέ με (Lys. 4. 20); 7. οὐκ ἦν πρὸς τοῦ Κύρου τρόπου ἔχοντα μὴ δίδόναι (Xen. Anab. I. 2. 11); 8. Καλλίας μοι δοκεῖ πρὸς Πρωταγόρου εἶναι (Plat. Prot. 336 d); 9. ὅτι δίκαιόν ἐστι καὶ πρὸς θεῶν καὶ πρὸς ἀνθρώπων τοῦτο πράξαι (Xen. Anab. I. 6. 6); 10. Ἀθηναῖον ὄντα καὶ τὰ πρὸς πατρός καὶ τὰ πρὸς μητρός (Dem. 57. 17); 11. οὐ πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ θρηνεῖν (Soph. Ai. 579); 12. τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ λαβοῦσα ἐκτησάμην (Soph. El. 1295); 13. μὴ τις δόλος με πρὸς κασιγνήτου κτάνη (Eur. Phoen. 362); 14. λέγεται πρὸς σοφῶν.

Толковать приходится эти примѣры слѣдующимъ образомъ.

1. Въ какомъ омыслѣ Евбейская Халкида находится супротивъ Веотіи (= обращена къ Веотіи), въ какомъ Херсонисская Кардія находится *супротивъ* Θракіи.

2. Ты, Фебъ, даешь законъ *супротивъ* имущихъ = поворачиваясь къ имущимъ = въ пользу (?) имущихъ. Вотъ метафористика слова *πρός*: если *ἀντί* обозначало *враждебное* отношеніе, то *πρός* указываетъ на отношеніе совершенно *противоположное*. Ярче выступаетъ это »отношеніе«
въ непосредственно *следующемъ* примѣрѣ.

3. Крезъ полагалъ, что предсказаніе дано *супротивъ* него, что оно имѣетъ въ виду *εἰο* = дано *въ пользу* его.

4. Она боится *супротивъ* мужа и дѣтей = поворачивая свои взоры къ мужу и дѣтямъ, она начинаетъ чувствовать страхъ = передъ мужемъ и дѣтьми ей страшно.

5. Ты ткешь пряжу *супротивъ* чужой = во вниманіе (?) къ чужой, — въ то время когда должна бы (?) ткать чужая, — по приказанію (?) чужой.

6. Умоляю васъ, *супротивъ* дѣтей, женъ и боговъ, сжалитесь надо мною! = въ виду = ради дѣтей, женъ и боговъ.

7. Не было *супротивъ* характера Кира, когда самъ имѣлъ, не давать другимъ = не мирилось съ характеромъ Кира.

8. Каллій, кажется, сталъ *супротивъ* Протагора = обращается къ Протагору = держитъ сторону Протагора.

9. Сдѣлать то, что *супротивъ* боговъ и людей справедливо = что справедливо передъ богами и людьми.

10. Онъ Аѳинянинъ и *супротивъ* отца, и супротивъ матери = онъ Аѳинянинъ и со стороны отца, и со стороны матери.

Приостановимъ пока толкованіе примѣровъ. Во всѣхъ тѣхъ, которые мы разъяснили до сихъ поръ (нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ *пятый* примѣръ, если, то есть, принять толкованіе «*по приказанію*»), — во всѣхъ ихъ представленная къ *πρός γενική, πτωσίς* ничего не прибавляетъ отъ себя къ общей картинѣ, выраженной всѣмъ этимъ предлоговымъ оборотомъ. Въ ней, въ этой *γενική, πτωσίς*, не чувствуется никакого *спеціального* оттѣнка, — ничего, похожего на то, на что мы указывали въ вещномъ падежѣ

вообще, а въ *δοτικῇ* — тамъ, гдѣ она соединялась съ *σύν*; всѣмъ разнообразіемъ, которое мы замѣчали въ нашихъ примѣрахъ, мы обязаны метафористикѣ самого *πρός*. То же самое мы должны сказать о *γενικῇ πτώσει* при *πρό* и *ἀντί*. Въ предлогѣ *μετά* мы также можемъ увидѣть, что коль скоро нѣтъ мѣста специальному отгѣнку, вызываемому вещнымъ падежемъ, коль скоро *μετά* съ одною *δοτικῇ* совѣзмъ исчезло, будучи замѣнено предлогомъ *ἐν* съ *δοτικῇ*, а въ *μετά* съ другою *δοτικῇ* ослабленъ былъ специальный отгѣнокъ самой *δοτικῇ*, на сцену тотчасъ выступила *γενικῇ πτώσει*. Въ этомъ отношеніи *γενικῇ πτώσει* представляется истинно геническою, родовою, сравнительно съ вещнымъ падежемъ и, если не со всякою *δοτικῇ* вообще (пока, по крайней мѣрѣ, утверждать что нибудь подобное было бы опрометчиво), то во всякомъ случаѣ съ «*δοτικῇ* при *σύν*».

Это то *родовое*, противоположное специальному (*γενικόν*, противоположное τῷ *εἰδικῷ*), греки, повидимому, и имѣли въ виду, когда созидали терминъ для нашего падежа. Латинскіе грамматикѣ едва ли поняли грековъ, назвавъ этотъ падежъ Genitiv'омъ. Да и сами греки утратили это пониманіе. Діонисій Θρακίης сообщаемъ, что *γενικῇ* называется также *κτητικῇ* и *πατρικῇ*, а схолиастъ не нашелъ замѣтить по этому поводу ничего иного, кромѣ того, что *τὴν πτώσιν ταύτην εἶλε* (разумѣй *Διονυσίου*) *κτητικὴν καὶ πατρικὴν, ὅτι πᾶν κτητικόν ἢ πατρωνυμικόν ἀπὸ γενικῆς ἐστὶ καὶ εἰς αὐτὴν ἀναλύεται* (В. А. II. 862). Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 62), толкуя о такъ называемомъ »притяжательномъ« мѣстоименіи, указываетъ на то, что *πᾶσα κτητικὴ ἀντωνυμία μετὰ τοῦ κτήματος εἰς γενικὴν ἀναλύεται*, и объясняетъ это τῇ *κτητικῇ ἐννοίᾳ τῆς γενικῆς πτώσεως*, а при разборѣ значенія *τῆς γενικῆς πτώσεως* по фразеологическому материалу (de constr. IV. 290-4) ограничивается указаніемъ на ту же *κτητικὴν ἐννοίαν* (по поводу оборотовъ *ἀρχω τινός* и т. п.) и на *αὐτοπάθειαν* въ genitiv'ныхъ дополненіяхъ въ противоположность τῇ *ἐνεργείᾳ* въ accusativ'ныхъ дополненіяхъ (сравнивается оборотъ *φιλῶ σε* съ оборотомъ *ἐρῶ σου*).

Присцианъ (V. 13. 72), правда, перевелъ слово *γενική* словомъ *generalis*, но объясненіе, которое онъ даетъ по этому поводу, — неправильно (*generalis esse videtur hic casus, ex quo fere omnes derivationes et maxime apud Graecos solent fieri*). Неправильно оно потому, что ставить дѣло на *этимологическую* почву, между тѣмъ какъ терминъ *γενική*, очевидно, — терминъ *давній* (иначе онъ не былъ бы такъ плохо понятъ греческими грамматиками-техниками) и принадлежитъ стойкамъ, а стойки были философами-синтаксистами, а не этимологами. Schömann (*γενική* I. 84), по нашему, совершенно правъ, понимая *γενικήν πτωσίω* въ томъ смыслѣ, что *der Genitiv das Allgemeine der Casusbedeutungen in sich vereinige* (разумѣй значенія *косвенныхъ* или, какъ мы выражаемся, *настоящихъ* падежей). Напрасно Schmidt (Karl Ernst) возстаетъ противъ такого пониманія термина *γενική*. Schmidt, самъ смѣшивая «родовой» падежъ (такъ мы его будемъ называть и впредь) съ Ablativ'омъ, т. е. съ *чужою* функціею, которую родовой падежъ только *присоединилъ* къ своей *собственной*, обращаетъ вниманіе на то, что 1. *die γενική πτωσίω* mit Präpositionen verbunden wird, die sich *auf den Ausgang* beziehen; 2. *die γενική πτωσίω* mit Adverbien *dieses Sinnes* (т. е. съ нарѣчіями, обозначающими *Ausgang*) dergestalt wechselt, dass man von Worten derselben Form nur um ihres *Stammes* willen in einem Falle sagt, sie seien Adverbien, die das *Woher* angehen; im anderen — sie seien Genitive; 3. die sogenannten partitiven Genitive ebenfalls das aussprechen, *aus dem ein anderes kommt*. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній онъ полагаетъ, что черезъ *γενική πτωσίω* обозначается нѣчто, *aus dem etwas hervorgehe* (Beiträge 328), и призываетъ разныхъ комментаторовъ древней грамматико-философской терминологіи, даже Глику, во свидѣтели того, что стойки имѣли въ виду при *γενική πτωσίω γένος* — *γέννημα* — *das Werden*.

Все это разсужденіе, быть можетъ, читатель найдетъ правильнымъ и только въ одномъ потребуеъ отъ насъ объясненій. *Εἰς* — скажутъ намъ — въ большинствѣ случаевъ

тоже не приобретаетъ ничего въ присоединяемомъ къ нему вещномъ падежѣ, какъ не приобретало *πρός* въ своемъ *родовомъ* падежѣ. *Εἰς*, обозначая движеніе *внутрь* предмета, этимъ самымъ рисовало съ достаточною интенсивностью и картину *завладѣванія* предметомъ, и вмѣсто вещнаго падежа съ удобствомъ могъ быть поставленъ при немъ падежъ родовой.

Такое возраженіе отчасти справедливо, но *только* отчасти. Если бы вмѣсто *εἰς* поставить *εἶσω*, то, дѣйствительно, оборотъ *εἰς τῆν γῆν* сейчасъ превратится въ *εἶσω τῆς γῆς*. Но дѣло въ томъ, что *εἶσω* — не предлогъ (какая часть рѣчи *εἶσω*, объ этомъ ниже), а *εἰς* — предлогъ. Такъ и слово *убилъ*, само своимъ *значеніемъ* предполагающее *объектъ дѣйствія* и *тоже*, въ сущности, ничего не выгадывающее изъ присоединенія къ нему *вещнаго* падежа, все же, однако, дополняется именно *этимъ* падежемъ, тогда какъ слово *убійца* принимаетъ къ себѣ падежъ *родовой*. Вообще, когда *есть* на лицо падежъ съ специальнымъ оттѣнкомъ, и этотъ же специальный оттѣнокъ выраженъ въ словѣ, *»требующемъ«* вообще падежа, то языкъ распоряжается и такъ, и иначе: онъ или *повторяетъ* этотъ специальный оттѣнокъ въ падежѣ и вообще *поддерживаетъ* значеніемъ падежа значеніе слова, присоединяющаго къ себѣ этотъ падежъ, или же дѣйствительно, какъ то требуется возражающими, ставитъ общій родовой падежъ. Но при этомъ языкъ строго различаетъ части рѣчи. При простыхъ существительныхъ именахъ, напр., онъ ставитъ общій родовой падежъ, а при глаголахъ, глагольныхъ *именахъ*, глагольныхъ *признаковыхъ* и, какъ оказывается, при *предлогахъ* — *повторяетъ* въ падежѣ тотъ специальный оттѣнокъ, который обозначенъ въ *дополняемыхъ* этимъ падежомъ и *поименованныхъ* здѣсь частяхъ рѣчи. Разумѣется, если въ значеніи *дополняемаго* слова *совсѣмъ* нѣтъ этого специального оттѣнка, и въ *пополняющемъ* его падежѣ онъ является *плюсомъ*, *необходимымъ* для общей картины, то не имѣетъ мѣста само *возраженіе*, вызвавшее настоящее объясненіе, а слѣдовательно, нечего считаться и съ *»объясненіемъ«*.

Предупреждаемъ, впрочемъ, что это объясненіе — не полно, что оно дано *только* ad hoc. А теперь будемъ продолжать разборъ нашихъ четырнадцати примѣровъ на *πρός* съ *γενική* (смотри выше стр. 261).

Изъ приведенныхъ на стр. 261 примѣровъ остались неразобранными четыре: *οὐ πρὸς σοφοῦ ἱατροῦ θρηνεῖν, τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον, δόλος πρὸς κασιγνήτου κτείνει με, λέγεται πρὸς σοφῶν*. Какъ же ихъ толковать? Оставаясь при томъ способѣ толкованія, который мы примѣнили къ другимъ десяти примѣрамъ, мы получимъ слѣдующія выраженія: *супротивъ* мудраго врача нѣтъ плача (со стороны, обращенной къ мудрому врачу, плача нѣтъ); я испытывала радость *супротивъ* тебя (со стороны, обращенной къ тебѣ, я получила радость — у тебя я нашла радость для себя); коварство, что *супротивъ* брата, убиваетъ меня; *супротивъ* мудрецовъ (съ той стороны, которая обращена къ мудрецамъ) ходять разсужденія. Правильно ли будетъ это толкованіе? Отвергать его нѣтъ основанія, хотя, кажется, въ немъ не съ достаточною ясностью передана та, несомнѣнно *закрывающаяся* въ нашихъ примѣрахъ, сторона мысли, что *плачь* (*θρηνεῖν*), *радость* (*ἡδοναί*), *коварство* (*δόλος*) и *разсужденія* (*τὸ λέγεσθαι*) исходятъ *непосредственно* отъ *врача* (*ἱατροῦς*), отъ *тебя* (*σύ*), отъ *брата* (*κασιγνήτος*) и отъ *мудрецовъ* (*σοφοί*). Скажутъ, что наше исканіе болѣе яснаго выраженія *этой* стороны мысли есть не болѣе, не менѣе какъ желаніе навязать родовому падежу, — во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, — функцію другого падежа, — желаніе, объясняемое, быть можетъ, тѣмъ, что мы сами уже слишкомъ привязались къ мнѣнію о принятіи имъ на себя функціи Ablativ'a, а теперь не можемъ дожидаться появленія въ немъ этой функціи, хотя сами еще не знаемъ, что такое, собственно, этотъ Ablativ и, если мы его примемъ, — внесетъ ли онъ въ наши примѣры искомую нами «ясность»^{*}).

^{*} Главнымъ, конечно, во всемъ этомъ разсужденіи остается вопросъ, нужна ли эта «ясность». Греческое *ἔλαβον πρὸς σοῦ τὸ δεῖνα* мы можемъ перевести по русски «я взялъ у тебя то-то», и никто не будетъ искать того *непосредственною удаленія* предмета отъ лица *ты* (*σύ*), внесеніе котораго въ мысль мы именно и имѣемъ въ виду, когда думаемъ объ ablativ'ной функціи родового падежа.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ablativ? *Настоящій* Ablativ, т. е. дѣйствительная этимологическая форма Ablativ'a, сохранилась въ греческомъ языкѣ, какъ то признано этимологами,*) въ формахъ καλῶς, σαφῶς, ἀκριβῶς и т. п. Что эти формы суть имена *существительныя*, это мы въ свое время докажемъ. Что же онѣ могли обозначать при *первоначальной организаціи* языка? Удаленіе предмета отъ предмета? Для этого существовали предлоги, соединяющіеся либо съ *родовымъ* падежемъ, либо съ падежомъ *»спеціальнымъ«*, смотря по тому, *нуженъ ли* имъ, или *не нуженъ* въ общей картинѣ какой нибудь спеціальный отгѣнокъ, котораго сами предлоги выразить *не могутъ*, а иногда — въ зависимости отъ того, *имѣется ли*, или *не имѣется* въ падежахъ тотъ спеціальный отгѣнокъ, который сами они *выражаютъ*. Но, быть можетъ, Ablativ обозначаетъ *»исхождение событія изъ простора«*? Для этого первоначально существовали формы на θεῖν, а когда онѣ исчезли, то роль ихъ переняли опять таки *предлоги*, при которыхъ *»исхождение событія изъ простора«* превратилось въ *»удаленіе предмета отъ предмета«*. Единственное, что могъ выражать Ablativ при *первоначальной организаціи* языка, это — *этическое* начало дѣйствія: ποιεῖ καλῶς значить *»онъ дѣйствуетъ, исходитъ отъ прекраснаго«*. Конечно, когда въ послѣдствіи грамматическія средства *перепутывались* между собою и, въ связи съ этимъ, *перемѣнивались* между собою и *понятія*, для которыхъ эти грамматическія средства первоначально были предназначены, легко могло статься, что

*) Brugmann (Grundr. I. 589): Inwieweit im Griechischen die Adverbia der Art und Weise wie τῶς, ὡς, οὕτω, οὕτως, καλῶς, nach deren Analogie die Formen von Nicht — ο — Stämmen wie Διαφοροῦτως, βαρείως σαφῶς geschaffen waren, hierher (т. е. къ Ablativy singularis) gehören, oder instrumentalis singularis auf idg. o waren, ist schwer zu sagen, da die Bedeutung sich ebenso gut aus ursprünglicher ablativischer Function als auch aus ursprünglicher instrumentaler Function ableiten lässt. — Delbrück (Grundr. III. 559): Sodann stelle ich hierher (т. е. къ Ablativy singularis) die Formen auf ως. Ich weiss wohl, dass noch lautliche Bedenken bestehen, aber die Uebereinstimmung des Gebrauches zwischen τὰδ (а это несомнѣнный Ablativ, въ которомъ Дельбрюкъ, какъ сообщено на стр. 236, видитъ den Ausgangspunkt der Handlung) und τῶς, γὰρ und ὡς scheint mir zwingend.

первоначальное значеніе Ablativ'a, именно «этическая исходная точка дѣйствія», такъ сказать, *огрубѣло*, если только это огрубѣніе *нужно было* языку (*τοῦτο μέντοι οὐχ ὡς εἰδῶς ἀποφαίνομαι, ἀλλ' ἰνδάλλεται μοι ἡ γλῶσσα τοιοῦτό τι παθεῖσα*, сказалъ бы Платонъ).

Нужно ли оно? — въ этомъ весь вопросъ. При предлогѣ «πρός» особенной надобности въ немъ нѣтъ. Да и вообще ея въ греческомъ языкѣ *пока* не видать. Въ славянскомъ языкѣ она какъ то больше бросается въ глаза. Предлогъ «съ» дополняется разными падежами: говорить «съ *нимъ* не справиться», «огурецъ съ *гору*» и «летитъ съ *крыши*». О «творительномъ» падежѣ въ *первой* фразѣ мы пока разсуждать не можемъ, фразу *огурецъ съ гору* мы понимаемъ такъ, что огурецъ, поставленный *тѣсно возлѣ* (= съ) горы, занимаетъ *всю* высоту горы (потому и вещный падежъ), а *летитъ съ крыши* есть ужъ не «этическая точка исхода» дѣйствія, а несомнѣнное *удаленіе* предмета отъ предмета. Это удаленіе внесено въ рѣчь не *предлогомъ* «съ», такъ какъ этотъ предлогъ указываетъ *только* на отсутствіе промежутка между однимъ предметомъ и другимъ; оно внесено несомнѣнно *падежемъ*, именно *родовымъ* падежемъ «крыши», а это значить, что въ *славянскомъ* языкѣ *нужно* признать за *родовымъ* падежемъ, кромѣ его обще-родоваго характера, еще и специальный, а именно «огрубѣвшій» ablativ'ный отгѣнокъ. Если его почему-нибудь необходимо будетъ признать за *греческимъ* родовымъ падежемъ,^{*)} то казалось бы, что его можно примѣнить и къ нашимъ четыремъ примѣрамъ съ *πρός*: *οὐκ ἔστι θριβεῖν πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ* = не ожидаешь плача *отъ* мудраго врача;^{**)} *ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον* = я получила удовольствіе *отъ* тебя; *δόλος πρὸς κασιγνήτου κτείνει με* = коварство, исходящее *отъ* брата, убиваетъ меня; *λέγεται πρὸς σοφῶν* = разсужденія исходятъ *отъ*

*) Предлогъ *ἐξ* на эту необходимость *не указываетъ*: указывая *самъ* на удаленіе предмета отъ предмета, онъ *не нуждается* въ специальномъ, «огрубѣвшемъ» ablativ'номъ отгѣнкѣ падежа.

**) Собственно: не ожидаешь плача *супротивъ* мудраго врача и *отъ* него; первое (*супротивъ*) пришлось бы видѣть въ *предлогѣ*, а второе (*отъ*) — въ *падежѣ*.

мудрецовъ. Тогда и выражение *πρός ἄλλης ὑφαίνεις* (II. ξ 207), если его толковать въ смыслъ »ткень *по приказанію* чужой«, представляло бы примѣръ *ablativ'naго* отгѣнка родоваго падежа (твоя работа идетъ *отъ* чужой). Не можемъ умолчать о томъ, что соображеніе, на которое мы намекали при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* (стр. 252), выступаетъ и здѣсь, и что въ виду *ego* едва ли можно будетъ согласиться на »огрубѣвшій« *ablativ'ный* отгѣнокъ въ нашихъ примѣрахъ. Сообщить это соображеніе будетъ болѣе умѣстно ниже.

Но *πρός* соединяется еще и съ *δοτική*. Въ примѣрахъ на *πρός* съ *δοτική* мы должны различать *три* типа явленій: *ἄσέν με πρὸς ἑταροῖσι κακοῖσιν ἕννος σχέτλιος* (Od. x. 68); *ὡς ὁ Λαῖος κατασφαγεῖν πρὸς τριπλαῖς ἀμαξίτοῖς* (Soph. Oed. r. 130); *μὴ πὼς μ' ἐκβαίνοντα βάλῃ λίθῳι ποτὶ πέτρῃ κῦμα μευ' ἀρπάξαν* (Od. ε. 415).

Въ первомъ примѣрѣ, пожалуй, опять таки можно было бы усмотрѣть »*δοτικὴν* при *σύν*«, какъ мы ее усматривали въ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*: сбилъ меня сонъ *супротивъ* злыхъ товарищей и *наравнѣ* съ ними (*супротивъ* достигалось бы *предлогомъ*, а *наравнѣ* — падежемъ). Обыкновенно передаютъ разбираемый нами предлоговый оборотъ черезъ русское *вдобавокъ къ чему* (*πρὸς τούτῳ* = *вдобавокъ къ* этому, т. е. *кромя* этого). Конечно, выраженіемъ *вдобавокъ къ чему* какъ нельзя лучше указывалось бы на »добавляемое«, какъ на совершенно *равноправное* съ »*полняемымъ*« этою »добавкою«. Но тутъ *опять* выступаетъ то же »соображеніе«.

Въ другихъ двухъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ на *πρός* съ *δοτική* (Soph. Oed. r. 130 и Od. ε. 415) нѣтъ отгѣнка »*δοτικῆς* при *σύν*«, а есть отгѣнокъ »*δοτικῆς* при *ἐν*«. Когда мы устанавливали терминъ »*δοτικὴ* при *ἐν*«, — терминъ лишь *временный*, — то мы еще не знали того чрезвычайно важнаго положенія, что предлоги принадлежать къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если *имѣется* падежъ съ специальнымъ отгѣнкомъ, выражаемымъ самими ими, то они соединяются съ *этимъ* падежемъ, а не съ общимъ

родовымъ. Если въ выраженіи $\epsilon\nu\ \tau\eta\ \gamma\eta$ нѣтъ отгѣнка $\cdot\ \delta\omicron\tau\iota\chi\eta\varsigma$ при $\sigma\acute{\upsilon}\nu$, и если $\epsilon\nu$ *всетаки* соединяется съ $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$, а не съ общимъ *родовымъ* падежомъ ($\epsilon\nu\ \tau\acute{\omicron}\varsigma$, какъ *нарѣчіе*, соединилось бы уже съ общимъ *родовымъ* падежемъ), то это значитъ, что, $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$ при $\epsilon\nu$ заключаетъ въ себѣ тотъ же *спеціальный* отгѣнокъ, на который указывается и въ $\epsilon\nu$. Мы здѣсь имѣемъ въ виду *local'ную* функцію греческой $\delta\omicron\tau\iota\chi\eta$ (сравни выше стр. 210.).

Что такое *localis*? Гдѣ сохранилъ его греческій языкъ въ его *настоящемъ*, *этимологически самостоятельномъ* видѣ, и каково его *первоначальное* значеніе? Слова $\omicron\iota\chi\omicron\iota$, $\chi\alpha\rho\mu\alpha\iota$, — вотъ *этимологически самостоятельные local'ы*. Но эти слова *симасіологически* чувствуются какъ указатели *простора*, *идѣ* что нибудь происходитъ, а это, казалось бы, не *настоящая* ихъ функція, а функція *чужая*, перенятая ими (вслѣдствіе *стремленія къ сокращенію* грамматическихъ средствъ) отъ *собственно-просторовыхъ* формъ на $\Phi\iota$. Такимъ образомъ, формы $\omicron\iota\chi\omicron\iota$, $\chi\alpha\rho\mu\alpha\iota$ и т. п. оказываются не особенно выгодными при опредѣленіи *первоначальнаго* значенія *local'a*. Другихъ словъ, *болѣе удобныхъ*, положительно не находишь въ греческомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, — не съ перваго разу.

Въ славянскомъ языкѣ имѣется во всѣхъ группахъ склоненія. *особый*, *этимологически отчеканенный localis*, но только мы, чувствуя его лишь во вторичной роли, обыкновенно даже *не называемъ* его *мѣстнымъ* падежемъ, а *примѣняемъ* къ нему терминъ *предложный падежъ*. Въ такой роли (т. е. въ роли падежа, соединяющагося съ *предлогами* и употребляющагося *исключительно* для *сопоставленія предмета съ предметомъ*) даже *не желательнo* его изслѣдовать, такъ какъ мы тутъ не находимъ *характерныхъ чертъ*, которыми онъ въ *свою очередь* шелъ бы навстрѣчу *предлогамъ* для *пополненія* той картины, которую долженъ нарисовать *весь предлоговый оборотъ*. Мы говоримъ — *нѣтъ характерныхъ чертъ*, кромѣ, пожалуй, одной: это — та, которая отличаетъ *старинный славянскій local*, употреблявшійся *самостоятельно* т. е. *безъ предлоговъ*. Въ ста-

рину говорили *Кыевъ, лѣтъ* и т. д. Но это опять таки не больше, не меньше какъ то же *просторовое* значеніе греческихъ *χαμαί οἶχοι* и т. п. *) Этимъ *просторовымъ* значеніемъ, т. е. самимъ тѣмъ *идѣ*, которое въ немъ заключается, нашъ »предложный« падежъ *дѣйствительно* идетъ навстрѣчу предлогамъ (напр. *въ рѣкъ*), точно также какъ *вещный* падежъ часто шелъ навстрѣчу предлогамъ своимъ *куда* (напр. *въ рѣку*), однако это »куда« было лишь *метафорой* »объекта дѣйствія«, а »идѣ« можетъ ли быть выведено какъ метафора чего-нибудь?

Но, можетъ быть, намъ слѣдуетъ принимать это просторовое значеніе на вопросъ *идѣ* за *первоначальное* значеніе local'a? Нѣтъ. Тогда мы очутились бы въ томъ же заколдованномъ кругу, изъ котораго уже нѣсколько разъ старались выйти. Тогда и между остальными падежами пришлось бы отыскивать такіе, въ которыхъ просторовыя значенія на вопросы *куда* и *откуда* можно бы провозгласить за первоначальныя (вопросы *идѣ, куда* и *откуда* не могли не пользоваться »первоначально« однородными средствами языка. **) Но такихъ падежей, — не говоря о томъ, что, найди мы ихъ, формы на *ἔι-θεν-δε* потеряли бы всякій смыслъ, — положительно *нѣтъ*. Не провозглашать же просторовое значеніе на вопросъ *откуда* за первоначальное въ Ablativ'ѣ, такъ какъ, напр., въ *славянскомъ* языкѣ — Ablativ'a не то что »первоначально«-*простороваго*, а вообще *никакого* нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ склоненіяхъ славянскаго языка *не видать* особыхъ формъ Ablativ'a, а въ *просторовомъ* смыслѣ на вопросъ *откуда* онъ *всегда* прибѣгаетъ къ предлогамъ. А между тѣмъ, будь просторовое значеніе *первоначальнымъ* значеніемъ Ablativ'a, — этотъ *про-*

*) Въ *просторовомъ* значеніи можно встрѣтить въ греческомъ языкѣ даже »этимологически неотчеканенные« local'ы. Сравни: *Ἀήλω δὲ νέον ἔρνος ἀνερχόμενον ἐσόρκα* (Od. ξ. 224). Собственно, даже не знаешь, принимать ли *Ἀήλω* за просторъ, тѣмъ происходило *ἀνέρχεσθαι*, или даже за нѣчто, что *спалма* равняется предлоговому обороту, и въ чемъ *просто* „составляется предметъ съ предметомъ“, т. е. *νέον ἔρνος* съ *Ἀήλω*.

**) Вторично предупреждаемъ, что этотъ аргументъ придется въ свое время *ослабить*, или, по крайней мѣрѣ, *видоизмѣнить*.

сторовой Ablativ непременно отыскался бы въ славянскомъ языкѣ, разъ послѣдній имѣеть такіе local'ы, какъ *Кыевъ*, съ просторовымъ значеніемъ. — Что же касается простороваго значенія на вопросъ *куда*, то въ лучшемъ случаѣ ему можно отвести въ греческомъ языкѣ падежъ *вещный*, съ его оттѣнкомъ »цѣли движенія«, а въ славянскомъ — dativ (Новугороду). Но можно ли его провозгласить за первоначальное значеніе этихъ падежей? Обстоятельство, что на вопросъ *куда* отвѣчаютъ въ двухъ родственныхъ языкахъ разные падежи, не служитъ ли прямымъ доказательствомъ того, что просторовое значеніе на вопросъ »куда« навязано падежамъ (иначе языки сошлись бы въ выборъ падежа). Мы уже не говоримъ о томъ, что вопросъ о метафористикѣ, какъ мы его поставили на стр. 255, былъ бы неразрѣшимъ.

Славянскій языкъ, преимущественно чешское нарѣчіе, представляетъ цѣлую группу характерныхъ local'овъ. Это — формы *dobře, věrně, blaze* и т. д. *) Хотя ихъ грамматика называется »нарѣчіями«, но мы о нихъ должны повторить то же, что сказали на стр. 267 о греческихъ формахъ *καλῶς* и др., являющихся, substantiv'ными *ablativ'ами*. Не имѣлъ ли первоначально и *localis* этического смысла? Если *καλῶς ταῦτα εἰποῖη* се значить »онъ это сдѣлалъ, исходя отъ прекраснаго«, то *он slouží věrně* могло бы обозначать: онъ служитъ, *вращаясь въ области* вѣрности. Конечно, это этическое значеніе могло впослѣдствіи опять таки »огрубѣть«, да и *огрубѣло* на дѣлѣ, перейдя въ просторовое значеніе, и даже, быть можетъ, въ значеніе, составлявшее первоначально функцію *предлоговыхъ* оборотовъ, какъ это мы замѣтили на выраженіи *ἀγλῶ νόον ἔρνος ἀνερχόμενον ἐνόησα* (смотри подстрочное примѣчаніе на стр. 271). Въ этомъ »огрубѣвшемъ« видѣ мы можемъ назвать, пожалуй, нашъ падежъ падежемъ »мѣстнымъ.«

*) Delbrück (Grundr. III, 573): Locativische Adverbien von Adjektiven liegen zwar auch in den von mir herangezogenen slavischen Sprachen vor, sind aber besonders häufig im čechischen; затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ примѣры въ родѣ нашихъ *добръ* и др. (сравни также Miklosich Vergl. Grammat. IV. 652.)

Этотъ то мѣстный падежъ мы и встрѣчаемъ въ *δοτικῇ*, при *ἐν* *). Въ другихъ двухъ примѣрахъ на *πρός*, приведенныхъ на стр. 269, мы также должны усматривать мѣстный падежъ, и притомъ *необходимый*, вносящій въ мысль нѣчто новое отъ себя, а не то что «*поддерживающій*» лишь своимъ значеніемъ значеніе предлога, какъ это было при *ἐν*: Ὡς ὁ Δάϊος κατασχαρεῖν πρός τριπλαῖς ἀμαξιτοῖς значить «*супротивъ* перекреста и *на* немъ», и то же самое мы видимъ въ *μή με βάλῃ ποτὶ πέτρῃ χῶμα*. Мы бы не отличали втораго примѣра отъ перваго, если бы не то обстоятельство, что на *πέτρῃ* можно смотрѣть еще какъ на *цѣль движенія*, и тогда придется объяснить, почему здѣсь поставленъ не вещный падежъ, а мѣстный.

Дѣло въ томъ, — это извѣстно. впрочемъ, читателю и безъ нашего объясненія, — что часто при выраженіяхъ движенія языкъ въ симасіологическихъ ихъ дополненіяхъ указываетъ не на *цѣль*, а на *результатъ* этого движенія. Такъ и по русски говорятъ *куда ты кладешь книгу*, и рядомъ съ этимъ встрѣчается выраженіе *идь ты положилъ книгу* (*куда ты двгалъ это* и *идь ты двгалъ это* и т. д.).

А теперъ сообщимъ и соображеніе, о которомъ мы уже нѣсколько разъ предупреждали читателя, и на которое въ первый разъ наткнулись при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμζον* (стр. 252). Правильно ли, что мы въ предлоговый оборотъ, имѣющій *одну* падежную форму, вносимъ *два* симасіологическихъ отгѣнка? Правильно ли, что въ *μετά* съ *dativ'омъ* и въ *πρός* съ *dativ'омъ* мы искали — то *мѣстный* падежъ, то «*δοτικῇ*» при *σύν*», а *πρός* съ *genitiv'омъ* сводили то къ *родовому* падежу, то къ «*огрубѣвшему*» *ablativ'ному* отгѣнку? Если при *ἐν* соединяющійся съ нимъ *dativ* былъ падежемъ *мѣстнымъ*, а при *σύν* — совершенно другимъ падежемъ, то это вполне понятно: само *ἐν* и само *σύν* искали себѣ падежей согласно своему *собственному* смыслу, и если эти искомые ими и *неодинаковые* падежи встрѣтились въ одной *этимологической* формѣ, то это чистая

*) Теперъ ясно, что *δοτικῇ* при *ἐν* есть не *собственная* *δοτικῇ*, а *мѣстный* падежъ, функція котораго *приняла* на себя *δοτικῇ*.

случайность, не приводящая въ языкѣ ни къ какимъ недоразумѣніямъ, такъ какъ всякія недоразумѣнія разрѣшаетъ именно »собственный« смыслъ самихъ предлоговъ. Русское »отъ« требуетъ »огрубѣвшаго« ablativ'наго отгѣнка, русское »у« требуетъ родоваго падежа, и никто никогда не смѣшаетъ этихъ падежей, если ему придется сопоставить выраженіе *отъ брата* съ выраженіемъ *у брата*. Но чтобы известная падежная форма, приуроченная къ известному предлогу получала въ однихъ выраженіяхъ одно, а въ другихъ — другое значеніе, это едвали возможно. Тогда предлоговый оборотъ не составлялъ бы нѣчто совершенно самостоятельное въ языкѣ, находящее оправданіе для своего появленія лишь въ предметъ (стало бы, въ существительномъ, — извлеченномъ ли, или дѣйствительно данномъ, — это другой вопросъ), съ которымъ отиѣченный при самомъ предлогѣ предметъ »сопоставляется«, а зависѣлъ бы въ своей синасиології, т. е. въ своихъ синасиологическихъ отгѣнкахъ, отъ какихъ нибудь другихъ словъ. Проверимъ еще разъ толкованіе четырехъ, а то даже пяти примѣровъ на *πρός*, въ которыхъ мы искали »огрубѣвшій« ablativ'ный отгѣнокъ на стр. 268–9. Не былъ ли тамъ навязанъ этотъ отгѣнокъ родовому падежу словами *ожидаетъ, получила, исходящій* и *по приказанію, исходящему отъ*...? Не имѣютъ ли всѣ эти *ожидаетъ* и подобныя (они даны то въ текстѣ, а то лишь въ контекстѣ) --- не имѣютъ ли они для предлога и для его падежа такъ же мало значенія, какъ имѣли глаголы *ἦλθον* и другіе для *εἰς* и его вещнаго падежа? (смотри выше стр. 242). И кто будетъ искать въ выраженіи *я отнялъ книгу у брата* »огрубѣвшій ablativ'ный отгѣнокъ« даже въ томъ случаѣ, если тутъ идетъ рѣчь не о »сопоставленіи« *книги* съ братомъ, а о »сопоставленіи« *отнятія* съ братомъ (въ русской фразѣ »отними это у брата« рисуется *отнятіе* происходящимъ у брата)? Въ виду всего этого мы не можемъ настаивать на »огрубѣвшемъ ablativ'номъ отгѣнкѣ« въ нашихъ пяти случаяхъ появленія Genitiv'a при *πρός*. Что касается нашего предлога искать въ нѣкоторыхъ случаяхъ при *πρός* и *μετά*

»δοτικῆν при σύνα, то о нихъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда мы ближе познакомимся съ самою этою *δοτικῆν*.

Остается разобрать *πρὸς* съ вещнымъ падежемъ. Эти явленія не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно, а потому ограничимся толкованіемъ типичныхъ примѣровъ:

πρὸς ἡδονήν = супротивъ удовольствія, *достигая* его, или *стремясь* къ нему = *ради* удовольствія.

πρὸς τί ταῦτα λέγεις = супротивъ чего и *желая* чего *достигнуть*, ты это говоришь?

πρὸς τὰ πάτρια ἔθνη ζῆν — жить супротивъ старинныхъ обычаевъ, *достигая* ихъ = *подражая* имъ = жить *по* обычаямъ старины.

ἐβουλεύοντο πρὸς τὴν παροῦσαν συμφοράν = они разсуждали супротивъ (= въ виду) настоящаго интереса, *разрабатывая* его въ своихъ разсужденіяхъ = они разсуждали *соотвѣтственно* настоящимъ интересамъ.

πρὸς ἑσπέραν = супротивъ вечера, съ *достиженіемъ* вечера, или, по крайней мѣрѣ, съ *стремленіемъ* къ нему.

ἔλεγε πρὸς ἐμέ — говорилъ супротивъ меня, *запрощая* меня словами.

ὀρχεῖσθαι πρὸς αἰλόν — плясать супротивъ флейты, принимая во вниманіе и *въ руководство* весь ритмъ и всю мелодію, какую даетъ флейта.

ἄλιστον τὸ πλῆθος λέγεται ἀπολέσθαι ὡς πρὸς τὸ μέγεθος τῆς πόλεως (Thuc. 3. 113) — говорятъ, погибло число людей, *неумовѣрное* супротивъ величины города, принимая во вниманіе эту величину *всю, отъ начала до конца*.

Παρά. Этотъ предлогъ указываетъ на помѣщеніе чегонибудь *возмѣ* предмета. При отсутствіи всякихъ постороннихъ оттѣнковъ этотъ предлогъ долженъ, судя по прежнему, соединяться съ *родовымъ* падежемъ. И, дѣйствительно, мы его встрѣчаемъ въ этомъ сочетаніи (Soph. Antig. 1124: *Βαχχεῦ, Βαχχᾶν μητρόπολιν καί τε ὄν παρ' ἑργῶν Ἰσμετινοῦ ὁ ἐέθρον* и др.). Родовой падежъ послѣ *παρά* встрѣчается особенно часто при названіяхъ тѣхъ предметовъ или, въ *данномъ* случаѣ, скорѣе *лицъ*, у которыхъ мы чтонибудь *бе-*

режь, узнаемъ и т. п.: *τάδ' εἴσεται Κρέων ἄλλου παρ' ἀνδρός*. Послѣ данныхъ нами разъясненій мы не станемъ здѣсь искать »огрубѣвшаго« ablativ'наго отгѣнка, какъ его ищутъ нѣмецкіе грамматикѣ, руководясь своимъ оборотомъ »von Jemandem etwas lernen«. Русскій оборотъ *учится у кого*, — оборотъ *цѣльный, не нуждающійся* ни въ какихъ пополненіяхъ (назову ли я предметъ, которому я учусь, или нѣтъ, это для »оборота« все равно), — показываетъ намъ, что *у кого* »зависитъ«, отъ *учится*. Переводя это на нашъ языкъ, мы скажемъ, что здѣсь »сопоставляется« *ученіе* съ лицомъ, у котораго я учусь, а не предметъ, *которому* я учусь, и не лицо, *которое* учится. Ученіе это представляется происходящимъ *возль**) лица, у котораго я учусь, въ его, какъ бы, *сосѣдствѣ*, а потому и поставлено въ *греческомъ* языкѣ *παρά* съ родовымъ падежемъ на *общемъ* основаніи.

Παρά соединяется съ *мѣстнымъ* падежемъ, когда приходится обозначать не столько нахождение предмета *возль* предмета, сколько скорѣе то, что предметъ *примыкаетъ* къ предмету; сравни: *ὀρμίζεσθαι παρά Χερρονήσῳ* (Xen. Anab. V. 10.2), *τηλαυγεί παρ' ὄχθῳ ἴστο* (Soph. Trach. 524) и др. Иногда *παρά* съ мѣстнымъ падежемъ просто обозначаетъ мѣстное пространство, *гдѣ* что нибудь происходитъ (*παρά βοιωτῶ φύειν*; Soph. Oed. Col. 1158); что предлоговый оборотъ получилъ *просторовое* значеніе, это не должно удивлять читателя послѣ всего, *разъясненнаго* нами.

Въ объясненіи явленій, гдѣ *παρά* соединяется съ падежною формою dativ'a, очень часто приходится думать о *собственной* *δοτικῇ*. Когда говорятъ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς*, то *παρ' αὐτοῖς* чувствуется какъ-то равносильнымъ простому *αὐτοῖς* (будешь безчестнымъ *у нихъ*, для *нихъ*, *въ ихъ глазахъ*; *αὐτοῖς* есть *формальное* существительное), а простое *αὐτοῖς* мы назвали бы, по принятому

Нѣмецкое *lernen von Jemandem etwas* представляетъ дѣло иначе; тамъ само то *etwas*, которому я учусь, рисуется *переходящимъ* къ учащемуся отъ лица, у котораго онъ учится.

въ грамматикѣ, въ данномъ случаѣ очень *мягкому* выраженію, *этическимъ* dativ'омъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *этический* dativus представляетъ собою одинъ изъ отгѣнковъ *собственной* δοτικῆς (не искать же въ «ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς» *жесткого* падежа, а *instrumentalis*,* хотя нами еще не разобранъ, но въ *общемъ* онъ долженъ обозначать предметъ какъ нѣчто такое, *чѣмъ* что нибудь совершается, а это тоже къ нашему «ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς» не примѣнимо).

Что такое *собственная* δοτικῆς? Это — та же δοτικῆς, которую мы до сихъ поръ называли «δοτικῆς» при σὺν (ибо и при σὺν ни о *мѣстномъ* падежѣ, ни объ *instrumental'ѣ* не можетъ быть рѣчи), и которая до сихъ поръ выступала какъ указатель *дѣятеля* (мы говорили, что это преимущественно *лицо*, а не *неодушевленный предметъ*), *равноправного* съ другими дѣятелемъ. Но этимъ ея значеніе не исчерпывается.

Говоря о глаголѣ, мы неоднократно называли или *могли* называть предметъ, стоящій при немъ въ *именительномъ* падежѣ, носителемъ той ἐνεργεία или того πάθος, которыя отгѣчены въ *залоговомъ* отгѣнкѣ глагола. *Именительный* падежъ, этотъ «ближайшій *опредѣлитель* лица, обозначеннаго въ *окончаніи* самого глагола», и находящійся, какъ мы въ свое время выяснили, въ *отношеніи логическаго равенства* съ *лицомъ* глагола (смотри выше стр. 179), — *именительный* падежъ, какъ *выразитель носителя* τῆς ἐνεργείας или τοῦ πάθους, въ *риматическомъ* предложеніи можетъ встрѣтиться только *разъ*, такъ какъ *риматическое* предложеніе имѣетъ только *одинъ* глаголъ съ *однимъ* лицомъ въ *окончаніи* (случай, гдѣ *нѣсколько* *именительныхъ* падежей или *нѣсколько* глаголовъ *соединены* между собою черезъ какое-нибудь καὶ или ἤ, *исключаются* изъ *настоящаго* разсужденія).

А если вдругъ понадобятся для *осуществленія* дѣйствія, *выраженнаго* въ глаголѣ, *два* носителя τῆς ἐνεργείας (о πάθος мы пока *умалчиваемъ*), — если понадобятся *два* дѣятеля или, *скажемъ*, — въ *виду множественнаго* числа глагола, — *двѣ*

* В греческой падежной формѣ dativ'a, какъ выяснено на стр. 210, только и могутъ заключаться три падежа: *собственная* δοτικῆς, *жесткий* падежъ и *instrumentalis*.

сторонъ дѣателей? Взаимно-движимое дѣйствіе (смотри выше стр. 103) потому, вѣдь, только и мыслимо, что дѣатель переводитъ свое дѣйствіе на другое лицо, а это лицо, въ свою очередь, переводитъ свое дѣйствіе на дѣателя. Словомъ, »взаимно-переводное« дѣйствіе мыслимо только при *двухъ* дѣателяхъ или при *двухъ* сторонахъ дѣателей. Положимъ, взаимно-переводное дѣйствіе можетъ обойтись *именительнымъ* падежемъ: во фразѣ *οἱ φίλοι διαλέγονται* слово *οἱ φίλοι* можетъ выражать *объ* стороны дѣателей. Но если бы мы пожелали выразить въ именительномъ падежѣ нашей фразы только *одного* изъ дѣателей или *одну* изъ сторонъ, то должны будемъ сказать: *Σωκράτης διαλέγεται τοῖς συνοῦσι, οἱ Ἀθηναῖοι μάχονται τοῖς Λακεδαιμονίοις; τοῖς συνοῦσι* и *τοῖς Λακεδαιμονίοις* суть, несомнѣнно, *собственные* *δοτικαί*.

Все это разсужденіе представляетъ собою лишь болѣе подробное изложеніе того, что сказано нами на стр. 253. Имъ мы ничего новаго не выгадываемъ для *собственной* *δοτικῆς* сравнительно съ тѣмъ, что о ней уже сообщено: *δοτικῆς* и въ *взаимныхъ глаголахъ* указываетъ на лицо, какъ на *равноправное* съ лицомъ, показаннымъ въ »именительномъ падежѣ при глаголѣ« (объ этомъ терминѣ сравни выше стр. 177): мы говоримъ здѣсь о »лицѣ«, такъ какъ носитель *τῆς ἐνεργείας* есть непременно *лицо*, или *олицетворенный* предметъ.

А теперъ возьмемъ случай, гдѣ въ именительномъ падежѣ при глаголѣ обозначенъ носитель *τοῦ πάθους*. Чѣмъ же тогда обозначить самого дѣателя, если его *нужно* почему либо опредѣлить? Хотя и говорятъ »ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται ὑπὸ Ξενοφῶντος« (дѣло переводится на »сопоставленіе предмета съ предметомъ«, т. е. на сопоставленіе писанія съ Ксенофонтомъ, отъ котораго самое писаніе *удаляется*), однако *рядомъ* съ этимъ мы слышимъ »ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι«. *Dativ* *Ξενοφῶντι* является здѣсь указателемъ не *равноправнаго* съ кѣмъ нибудь другимъ дѣателя, а *просто* »дѣателя«, на котораго, въ силу особаго приѣма въ конструкціи предложенія, нельзя было указать *именительнымъ* падежемъ.

Есть ли dativ, появляющійся во фразѣ ἐπιστολῆ γέγραπται Ξενοφῶντι, *собственная dotikh*, или нѣтъ? Едва ли. Русское выраженіе »письмо написано Ксенофонт~~омъ~~« скорѣе указываетъ на *instrumentalis*. О *собственной dotikh* мы могли бы въ нашей фразѣ толковать тогда, если бы она получила смыслъ »письмо написано Ксенофонту« (= для Ксенофонта). Но тогда Ксенофонтъ былъ бы ужъ носителемъ не τῆς ἐνεργείας, а чего то, что совершилось помимо всякаго участія съ его стороны, т. е. онъ былъ бы носителемъ настоящаго πάθους. Онъ былъ бы такимъ же носителемъ πάθους, какимъ онъ является во фразахъ μέλει μοι τοῦ δεῖνα, δεῖ μοι τοῦ δεῖνα (вообще въ *безличныхъ глаголахъ*) ἐγέμετο μοι ταῦτα и т. п.

Выходитъ, что *собственная dotikh* въ риматическихъ предложеніяхъ обозначаетъ носителя и ἐνεργείας и πάθους, другими словами, что она между *косвенными* падежами можетъ оказать глаголу такую же услугу, какъ »*именительный* падежъ при глаголѣ«. Она появляется при глаголѣ либо какъ *помощница* именительному падежу (когда нужно указать на *двѣ* стороны дѣятелей), либо — вслѣдствіе какой нибудь синтаксической необходимости. — *вмѣсто* именительнаго падежа (при μέλει μοι и под.), либо, вообще, чѣмъ то *въ родѣ* именительнаго падежа (γίγνεται μοι τοῦτο). Она, хотя и »падаетъ«. но ея »паденіе« не является такимъ ἕπτιον, какимъ оно оказалось въ *вещномъ* падежѣ (гдѣ, такъ сказать, съ предметомъ можно было дѣлать что угодно) а представляетъ лишь небольшое уклоненіе. происшедшее отъ случайнаго обстоятельства: въ предложеніи нѣтъ *мыста* для того, чтобы она стояла ὀρθῶς, какъ именительный падежъ.

Что касается *этической dotikh*, то она не имѣетъ того непосредственнаго отношенія къ глаголу, о которомъ мы говорили до сихъ поръ, но этииъ только *расширяетъ* роль *собственной dotikh* въ рѣчи. Если *dotikh* при глаголѣ указываетъ на носителя ἐνεργείας или πάθους, выраженныхъ въ *сагомъ* глаголѣ, то въ *этической dotikh* указываетъ, какъ извѣстно, на *главнаго судью*, на носителя, какъ бы той мысли, которая выражена во *всей рѣчи*, заключающей

въ себѣ эту *δοτικὴν*. И въ *δοτικῇ* при глаголѣ, и въ этической *δοτικῇ* — предметъ, выраженный падежемъ, рѣзко выступаетъ какъ *лицо*, т. е. какъ нѣчто *одушевленное*. Лицомъ по преимуществу являлся предметъ и въ *δοτικῇ* при *οὖν*. и эту олицетворенностью предмета нашъ падежъ отличается *положительно* отъ всѣхъ косвенныхъ падежей. О ней, какъ о преобладающей, нельзя говорить ни въ *родовомъ* падежѣ, ни въ «огрубѣвшемъ» *ablativ'номъ* его отгннкѣ, если таковой придется признавать за греческимъ родовымъ (до сихъ поръ не было въ немъ надобности), ни въ *instrumental'ѣ* (хотя въ *Ξενοφῶντι γέγραπται* — признанное нами за *instrumentalis* *Ξενοφῶντι* оказывается *лицомъ*, но все же *instrumentalis* долженъ оставаться выразителемъ того, *чѣмъ*, а не *тѣмъ* что нибудь дѣлается). Что же касается *вещнаго* падежа, то онъ составляетъ въ этомъ отношеніи *прямую противоположность* нашей *δοτικῇ*. Когда я говорю *ζημιῶ αὐτόν*, то не представляется ли наказываемый *именно* вещью, съ которою я, какъ мы выразились выше, дѣлаю, что мнѣ угодно. Съ другой стороны, когда говорятъ *этому дѣлу не можешь*, то не представляется ли самое дѣло *чѣмъ* то *главнымъ* въ отнесенной къ нему мысли? — не является ли оно *тоже*, какъ бы, носителемъ *πάθος*, совершаемаго черезъ дѣйствіе *помогать*, и въ то же время *руководящимъ* понми дѣйствіями, — такъ сказать, *хозяйномъ* ихъ, точно *одушевленное* существо, имѣющее свои интересы, которые я соблюдаю. Мысль о *руководствѣ* и *хозяйничаніи* мы прибавили по *двумъ* причинамъ. Съ одной стороны это нужно было прибавить по *существо*. Ибо и въ этомъ *хозяйничаніи* и *руководствѣ* проявляется, да и прямо *чувствуется* «личность» лица, показаннаго въ *δοτικῇ*, не иначе чѣмъ она проявляется и *чувствуется* въ этомъ падежѣ, когда я въ немъ указываю на кого нибудь, *съ тѣмъ* я *борюсь*, *кому* я (форма *кому* есть *собственная дотикῇ*) «*противодѣйствую*». Съ другой стороны нужно было упомянуть о «*хозяйничаніи*», о «*соблюденіи интересовъ*», — съ этою цѣлью мы говорили и о «*противодѣйствіи*», — чтобы выяснить *полную* противоположность *τῆς δοτικῆς* *вещному* падежу.

Если бы мы не упоминали объ этихъ обстоятельствахъ, если бы мы, въ толкованіи фразы *ἐποῦ δὲ οὐκ ἔστιν ἵνα βοηθήσῃς*, оставались при одномъ терминѣ «носителя τῆς πάθους», то намъ можно было бы возразить, что и въ *ζῆμιώ τδν παῖδα*, стало быть, и въ *вещномъ* падежѣ, παῖς является «носителемъ τῆς πάθους», хотя болѣе правильно и болѣе согласно съ значеніемъ падежей будетъ, если мы *здесь* на παῖδα будемъ смотрѣть именно какъ на вещь; носителемъ τῆς πάθους, т. е. чѣмъ то главнымъ, на чемъ все сосредоточивается, и настоящей личностью будетъ παῖς только во фразахъ ὁ παῖς ἐζῆμιώθη и ταῦτα ἐρένετο τῷ παιδί.

Греки, назвавъ всякую падежную форму dativ'a «δοτικὴ» или «ἐπιδοτικὴ», повидимому, при созиданіи этого термина имѣли въ виду глаголы δίδωμι и ἐπιστέλλω, которые имъ показались представителями глаголовъ, дополняющихся этою падежною формою. Это — терминъ, несомнѣнно, болѣе слабый и менѣе философскій, чѣмъ другіе термины, характеризующіе падежи. Но также несомнѣннымъ оказывается и то, что этимъ терминомъ падежная форма dativ'a обозначена какъ *собственная δοτικὴ*. Ибо и δίδωμι, и ἐπιστέλλω предполагаетъ *двухъ дѣятелей*: когда я даю, то другой *принимаетъ*, и когда я «поручаю», то другой исполняетъ. Мы, на основаніи всего сказаннаго, назвали бы собственную δοτικὴν *личнымъ* *) падежемъ, въ противоположность *вещному*. Не будемъ конечно, терять изъ виду того, что для оправданія этихъ терминовъ нужно часто олицетвлять одно и олицетворять другое.

Что же теперь дѣлать съ примѣромъ ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς? Признавать ли въ немъ личный падежъ, или нѣтъ? То соображеніе, что *известная* падежная форма,

*) Усматриваніе въ собственной δοτικῇ *личною* преимущественно падежа мы встрѣчаемъ и у Дельбрюка (см. выше стр. 237.), и не только у него, но еще раньше. Жаль только, что это осталось безъ послѣдствій для опредѣленія *значенія* этого падежа. Kühner (Ausf. Gramm. II. 349) замѣчаетъ: Dass der Dativ recht eigentlich der Personencasus ist, geht aus der Erscheinung vor, dass es Sprachen giebt, die, wenn eine Person Gegenstand eines sonst transitiven Verbs ist, den Dativ gern statt des Accusativ gebrauchen.

приуроченная къ *известному* предлогу, едва ли можетъ раздвигаться въ своей падежной синтаксисологии. говорить *противъ* личнаго падежа въ нашемъ примѣрѣ, такъ какъ признаніе за *dativ'ною* формою *другого* падежа, именно *мѣстнаго*, при предлогѣ *παρά* является синтаксисологическою *необходимостью*. Не переводить же *ὁρίσασθαι παρά Χερρονήσου* или *ἴστο παρ' ὀχθῆς*, или *παρὰ βωμῶ θύειν* (см. стр. 276) на *личный* падежъ! Но нельзя ли *наоборотъ*? — нельзя ли то, изъ за чего мы въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* думали о *личномъ* падежѣ, вывести изъ значенія *мѣстнаго* падежа? *Мѣстный* падежъ оказался *огрубнѣемъ* *этической почвы*, на *которой* совершается —, или *этической области*, въ *которой* вращается дѣйствіе. Другими словами, *мѣстный* падежъ указывалъ на предметъ какъ на *ничто* такое, къ чему что нибудь другое непосредственно *примыкаетъ*, — съ *чѣмъ* что нибудь другое непосредственно *связывается*. Такъ было при *ἐν*, такъ было и въ *μετὰ χερσῖν*, и въ *πρὸς τριπλαῖς ἀμαξιτοῖς ἐσφάγη*, и въ *παρὰ βωμῶ θύειν*. Если толковать о *локальности* въ *мѣстномъ* падежѣ, то эту *локальность* придется принимать въ *ограниченномъ* смыслѣ. И въ выраженіи *птица надъ крышею* есть *локальность*, но это — не *локальность*, вытекающая изъ *«огрубнѣнія»* *этической почвы*, на *которой* что нибудь совершается или *этической области*, въ *которой* что нибудь вращается. О такой *локальности* можно толковать лишь въ выраженіяхъ *«труба на крышѣ»*, *«стропила непосредственно подъ крышею»* и т. п. И не выходитъ ли то, изъ за чего мы думали въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* о *личномъ* падежѣ, *метафорой* такой *локальности*? Если какое нибудь лицо является *главнымъ судьей* въ чемъ нибудь, или распорядителемъ и вообще *хозяйномъ* чего нибудь, или просто, какъ мы говорили, *носителемъ τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, то не сосредоточивается ли на немъ или *въ немъ* все то, о чемъ оно судить, *чѣмъ* оно распоряжается, *носителемъ* чего оно является? И не есть ли само *выраженіе* *«сосредоточиваться на комъ или въ комъ»* — не есть ли и оно *метафора локальности мѣстнаго* падежа, и не свидѣтель-

ствуетъ ли и оно о томъ, какъ легко *»личность«* лица перевести на локальность *мъстнаго падежа*?

Да, мы думаемъ, что въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* мы имѣемъ дѣло только съ локальностью, — съ локальностью *мъстнаго падежа*, съ локальностью *метафоризованною*, и что *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* слѣдуетъ толковать: ты будешь безчестенъ въ ихъ *сосѣдствѣ*, непосредственно примыкающемъ къ нимъ. И въ *πρὸς ἑταροῖσι χαχοῖσιν ἕπνος* (см. стр. 269) мы должны видѣть простое *примыканіе* чего то къ чему то. Что касается *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*, то и его, конечно, можно перевести на *мъстный падежъ*, какъ мы это на стр. 252 и сдѣлали, хотя не знаемъ, не свернуло ли тутъ *μετά* на путь *аналогіи* съ словомъ *σύν*. Эта *»аналогія«*, — эта *ложная* аналогія, которая такъ часто беретъ верхъ надъ явленіями языка, это *забвеніе собственной* роли предлога *μετά* въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, пожалуй, способно *ослабить* соображеніе, что *извѣстная* падежная форма, приуроченная къ *извѣстному* падежу, не должна бы симасіологически раздваиваться. Но если и въ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* мы имѣемъ дѣло съ *мъстнымъ падежемъ*, то *единственнымъ* случаемъ явленія *личнаго падежа* при предлогахъ остается до сихъ поръ *только* случай съ *σύν*. При *σύν* мы отъ *личнаго падежа* не можемъ отказаться, такъ какъ въ *личномъ падежѣ* мы видимъ здѣсь, какъ о томъ въ свое время толковали, лучшее и *необходимое* пополненіе *предлога*, для достиженія той *общей* картины, которую рисуетъ *весь* предлоговый оборотъ.

Возвратимся къ предлогу *παρά*. При немъ осталось разобрать еще *только* *вещный падежъ*. Какъ въ *πρὸς* съ *вещнымъ падежемъ*, такъ и здѣсь не придется открывать ничего новаго по вопросу о падежахъ, и вся наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы исчерпать, по возможности, всю *метафористику* этого предлоговаго оборота.

ἔρχεται παρὰ Πρωταγόραν становится возлѣ Протагора, дѣлая Протагора *целью* движенія.

παρὰ ποταμόν — возлѣ рѣки, *отъ начала ея до конца*, то есть, *отъ начала до конца на извѣстномъ разстояніи* — *вдоль* рѣки.

παρὰ τὴν ἐκείνου ἀρχήν = *вдоль* его начальствованія, *отъ начала до конца* = *во все время* —, а то и просто «*во время*» — его начальствованія (*разстояніе* тутъ можно *сократить*, какъ его можно было *сократить* а при παρὰ ποταμόν).

ταῖς ἐκ τῶν νόμων τιμωρίαις παρ' αὐτὰ τὰ ἀδικήματα χρῆσθαι (Dem. 18. 13) = *наказанія*, *вытекающія изъ законовъ*, *примѣнять* *вдоль* преступленій, *рядомъ*, *параллельно* съ преступленіями = *сейчасъ*, не откладывая ихъ.

παρὰ τὴν δόξαν = *вдоль* ожиданія, *не встрѣчаясь* нигдѣ съ нимъ, *минуя* его = *противъ* ожиданія.

παρὰ τὴν Βαβυλῶνα παρίεναί = *идти все лишь возлѣ* Вавилона = *обоити* Вавилонъ.

παρὰ τέτταρας ψήφους μετέσχε τῆς πόλεως (Isocr. 3·37) = *минуя* четыре голоса = *пѣжимо* ихъ = *не будь* четырехъ голосовъ, онъ могъ попасть въ распорядители общественныхными дѣлами.

ἕκαστος οὐ παρὰ τὴν ἑαυτοῦ ἀμέλειαν οἶεται βλάψειν (Thuc. 1.41) = *каждый* думаетъ, что вредъ возникнетъ не *вдоль* его безпечности, что вредъ, если возникнетъ, то не *рядомъ*, не *черезъ* его собственную безпечность.

ὀνομάζειν τι παρὰ τι (Plat. Crat. 339 a) = *поименовать* что *нибудь* *вдоль* чего *нибудь* = *рядомъ* съ чѣмъ *нибудь* = *соотвѣтственно* чему *нибудь* (русское *соотвѣтственно* предполагаетъ *параллельность*, а *параллельность* указываетъ на *линію*, *вдоль* которой что *нибудь* идетъ).

παρὰ τὰ ἄλλα ζῶα ὡπερ θεοὶ οἱ ἄνθρωποι βιοτεύουσιν (Xen. Memorab. I. 4·14) = *рядомъ* съ остальными животными = *сравнительно* съ остальными животными *люди* *живутъ* словно боги.

ὡς παρ' οὐδέν ἄγειν τὸ πρᾶγμα (Soph. Ant. 35.) = *вести* дѣло такъ, какъ оно ведется *рядомъ* ни съ чѣмъ = *вести* дѣло такъ, какъ оно ведется *сравнивая* его ни съ чѣмъ = *считать* дѣло *ничѣмъ*, *считать* его *пустымъ*.

παρά μῆνα τρίτον = всегда *рядомъ* съ третьимъ мѣсяцемъ, *минуя* остальные два = каждый третій мѣсяць.

παρ' ἐνιαυτόν = *минуя**) годъ = *черезъ* годъ, каждый *второй* годъ (это не значить, что нѣчто должно происходить *весь* второй годъ; тутъ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, вопросъ идетъ *только* объ опредѣленіи времени; ближе объ этомъ при предлогѣ *κατά*).

παρ' ἡμᾶρ = всегда *рядомъ* съ днемъ = что день, то дѣло = ежедневно (*здѣсь* *παρά* указываетъ опять на *прикосновенность* »дѣла« къ времени**).

Κατά — ἀνά. *Κατά* указываетъ на движеніе чего-нибудь *сверху внизъ*. Для рѣшенія вопроса о *падежахъ* при *κατά*, мы должны имѣть въ виду *четыре* разныхъ »отношенія.«

1. Если верхъ и низъ является верхомъ и низомъ *одного и того же* предмета, такъ что движеніе, указанное въ словѣ *κατά*, совершается *по* предмету, т. е. по его *поверхности, сверху до низу*, то *κατά* согласно всему, что выяснено до сихъ поръ о падежахъ, должно соединяться съ *вещнымъ* падежемъ. Конечно, для того, чтобы поверхность имѣла *верхъ и низъ*, она не должна быть непремѣнно вертикальною или покатую. И поверхность *моря*, совершенно

*) Однако, что же это такое? Въ однихъ случаяхъ *παρά* указываетъ на то, что дѣло *касается* линіи временнаго пространства, а въ другихъ, что оно *минуется* ее. Таково ужъ свойство метафористики, приводить въ *многихъ* случаяхъ къ двумъ совершенно противоположнымъ результатамъ. Славянское *запамтовать* имѣетъ и такой смыслъ, что нѣчто *зашло* за память, т. е. осталось *въ* памяти, и такой, что нѣчто *зацѣпилось* за память, т. е. *удержалось* въ памяти. Разнообразіе смысла въ нашемъ *παρά* зависить отчасти отъ вопроса, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мысленно противопоставляется тому *возлѣ*, на которое указано въ самомъ *παρά*. »Возлѣ« подчеркиваетъ или отбѣнокъ *»не вдали* отъ предмета», а тогда *παρά* указываетъ какъ бы на *соприкосновеніе* чего нибудь съ предметомъ, или «отбѣнокъ» — *не въ самомъ предметѣ*, а тогда въ *παρά* отрицается *соприкосновеніе* съ предметомъ. Такъ и чешское *vedle* (= *возлѣ*): то говорятъ *vedle toho se musíš fídit* (= *этимъ ты долженъ руководиться*), то — *jdí vedle* (= *обойди*).

**) И объ этомъ примѣрѣ будетъ еще рѣчь при предлогѣ *κατά*. Вопросъ относительно послѣднихъ трехъ примѣровъ — не только въ томъ, что въ нихъ не *весь* день, *весь* годъ и *весь* мѣсяць заняты *тѣмъ* или инымъ дѣломъ; здѣсь еще нужно выслнить самую *distributiv'ность* т. е. пониманіе ихъ въ смыслѣ *каждый* день, *каждый* второй годъ, *каждый* третій мѣсяць.

горизонтальную и ровную, грекъ представлялъ себѣ, соотвѣтственно зрительному воспріятію, вдали отъ берега *выше*, а на самомъ берегу *ниже*.

Объясненное нами *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ подается сличенію съ тѣмъ *παρά*, которое, соединяясь съ такимъ же падежемъ, имѣло значеніе русскаго «вдоль чего-нибудь». Разница та, что 1. *παρά* рисуеъ лишь *параллельность* двухъ линій или площадей, а при *κατά* нѣчто одно *покрываетъ* собою другое; 2. при *παρά* само *направленіе* движенія можетъ идти и *сверху* внизъ, и *снизу* вверхъ, а при *κατά* — только *сверху* внизъ: *παρά τὸν ποταμόν* относится одинаково къ направленію *по теченію* рѣки и *противъ* ея теченія (*просто* «вдоль берега»), а *κατά τὸν ῥόον* обозначаетъ непременно *по теченію* рѣки.

2. Если предметъ, съ которымъ что нибудь сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, самъ находится *наверху*, такъ что движеніе этого «чего-нибудь» превращается въ *удаленіе* отъ этого предмета, то *κατά* должно соединяться съ *родовымъ* падежемъ. Возникаетъ вопросъ: усматривать ли въ этомъ *родовомъ* падежѣ простое *отрицаніе* занятія *однимъ* предметомъ *всей* поверхности другого предмета, слѣдовательно нѣчто *дѣйствительно* лишь *не спеціальное* и «родовое», или же мы должны наконецъ все таки *признать* за родовымъ падежемъ функцію «огрубѣшаго» *ablativ'a*? Во вниманіе къ *четвертому* пункту нашихъ замѣтокъ о *κατά*, долженствующему разобрать четвертый видъ «отношеній», которыя выражаются при помощи этого предлога, мы рѣшаемся во *второмъ* пунктѣ толковать объ «огрубѣшемъ» *ablativ'ѣ*, называя его *удалительнымъ* падежемъ (сравни выше стр. 268).*)

Верхнее положеніе предмета, отъ котораго что нибудь удаляется, приходится иногда чувствовать такъ же слабо,

*) Читателю, надѣмся, нетрудно будетъ убѣдиться, когда онъ разсмотритъ нашъ четвертый пунктъ, что *κατά* въ сочетаніяхъ *второго* типа никакъ нельзя свести къ *κατά* въ сочетаніяхъ *четвертого* типа, т. е. съ нимъ никакъ нельзя сдѣлать того, что мы сдѣлали съ *нѣкоторыми* оборотами предлоговъ *πρός* и *παρά*, оставляя ихъ при обще-родовомъ падежѣ (см. стр. 274 и 276). Конечно, разъ мы признаемъ удалительный падежъ, или, говоря точнѣе,

какъ чувствуется высшее положеніе дальней части моря. И по русски говорятъ одинаково »сошелъ съ горы« и »прибирай со стола«, хотя только въ первомъ примѣрѣ движеніе сверху внизъ чувствуется рѣзко, тогда какъ во второмъ мы въ сущности выражаемъ то же, что достаточно могло бы быть обозначено простымъ словомъ *прочь*, безъ особеннаго даже *отчеканиванія* движенія внизъ. Сравни слѣдующіе греческіе примѣры:

βῆ δὲ κατ' Ἰδαίων ὄρεων εἰς φύλοπιν ἀνῆν (II. п. 677) = съ Идейскихъ горъ внизъ въ страшное сраженіе.

Καὶ ἐρρίπτεον ἔωντοὺς κατὰ τοῦ τείχεος κάτω (Herod. 8. 53) = со стѣны внизъ. Здѣсь *низъ* обозначенъ еще особымъ словомъ *κάτω* (симасіологическая тавтологія!). Слово *κάτω* есть *другая* часть рѣчи, чѣмъ *κατά*; оно имѣетъ такое же этимологическое отношеніе къ *κατά*, какъ *εἶσω* къ *εἰς* (сравни выше стр. 265).

ψυχὴ κατὰ χθονὸς ᾗχετο (II. ψ. 100) = съ земли внизъ = *подъ* землю = въ подземное царство.

κατὰ τῆς γῆς ἐπιδύομαι ἐπὶ τῆς αἰσχύνῃς (Xen. Anab. VII. 8. 11) = съ земли внизъ = *подъ* землю = *сквозь* землю проваливаюсь отъ стыда.

Если мы въ толкованіе этого и предыдущаго примѣра внесли русское *подъ*, то этимъ хотѣли указать на способность фразы выразить дальнѣйшее *смысловіе* того, что она непосредственно должна выражать своимъ составомъ словъ (*тоже* своего рода *метонимія*, только не метонимія слова, а метонимія фразы): то что *двинута* съ предмета внизъ, *можетъ* — это еще не значить, что непременно *должно* — очутиться *подъ* предметомъ. Нечего, кажется, особенно распространяться о томъ, что движеніе *подъ предметъ* и нахожденіе *подъ предметомъ* не можетъ быть разсматриваемо, въ данномъ случаѣ, какъ нѣчто двойное, долженствующее

— разъ мы признаемъ за обще-родовымъ падежемъ еще и функцію удалительную падежа, то эта функція должна быть нами принята и по отношенію къ предлогу *εἰς*, такъ какъ самъ предлогъ *εἰς* указываетъ на удаленіе и предлоги принадлежать къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если могутъ найти спеціальнй падежь того же отгвѣтка, какой выраженъ въ нихъ самихъ, непременно съ нимъ соединяются.

отразиться на *падежъ* слова *κατά*: то и другое *одинаково* представляеть собою только *метонимию* фразы, стало быть нѣчто, *не выраженное* и могущее *оставаться* не выраженнымъ въ самой фразѣ и въ самомъ падежѣ слова *κατά*. Только при помощи *метонимии* фразы выраженіе *οἱ κατά χθονός θεοί* получаетъ значеніе »боги, что подъ землею«.

κατά χειρός ἦν τὰ πρίσματα (Pheresg. Chir. fig. 7) = дѣла шли съ рукъ. т. е. не съ рукъ *внизъ*, а съ рукъ *прочь*.

κατά ὠπτοῦ — *κατά πρόσωπου* = съ тылу — съ фронту. Чтобы понять эти обороты, нужно предположить, что *ὠπτοῦ* и *πρόσωπου* обозначаютъ здѣсь не тылъ и лицо самого *человѣка*, самого *войска*, а въ силу метониміи *слова* (здѣсь идетъ рѣчь о *ней*, а не о метониміи *фразы*) — ту мѣстность, которая находится гдѣ то *вдали* за тыломъ и гдѣ то *вдали* отъ глазъ или отъ »лица« *человѣка* и всего *войска*.

Есть *нѣкоторое* основаніе отнести сюда же и такіе примѣры, какъ *ὁ καὶ μέγιστος ἐστὶ καθ' ὁμῶν εὐχώμιον* и *ψεύδεται κατά τινος* (обыкновенно, какъ извѣстно, эти примѣры заключаютъ въ себѣ *talit sensum*). Относить ихъ къ *удалительному* падежу, т. е. ко *второму* пункту нашихъ замѣтокъ заставляеть насъ русскій провинціализмъ »смѣяться съ кого-нибудь«. Смѣхъ въ данномъ случаѣ представляется удаляющимся *внизъ* съ того лица, »съ« *котораго* смѣются. Мы говоримъ здѣсь лишь о »*нѣкоторомъ*« *основаніи* относить подобныя явленія ко *второму* типу, потому что трудно возражать тѣмъ, которые захотѣли бы связать ихъ съ слѣдующими *ниже* примѣрами. Для того, чтобы рѣшиться на какую нибудь *одну* изъ этихъ возможностей, у меня не хватаетъ *чувства* языка.

3. Предметъ, съ которымъ что нибудь сопоставляется при посредствѣ *κατά*, можетъ помѣщаться и *внизу*. Помѣщающимся внизу можетъ представляться тотъ, *надъ* кѣмъ мы смѣемся, — *надъ* кѣмъ мы произносимъ *εὐχώμιον* (иначе бы и русское *надъ* не имѣло смысла). Нечего говорить, что этотъ *низъ*, о которомъ мы толкуемъ въ данномъ пунктѣ нашихъ замѣтокъ, можетъ оказаться иногда такимъ же осла-

бленными, какииъ былъ верхъ въ предшествующихъ прииѣрахъ, и какою была покатость при *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ.

Разъ предметъ помѣщенъ *внизу*, то *движеніе* сверху внизъ, показанное словомъ *κατά*, превращается въ движеніе къ предмету. При этомъ самъ предметъ опредѣляетъ собою или только *направленіе* движенія (то, что движется, не попадаетъ непремѣнно въ предметъ, а идетъ только въ ту сторону, гдѣ предметъ находится), или непосредственную *цѣль* движенія. Съ такимъ различіемъ движенія мы встрѣчаемся здѣсь *впервые*, и понятно, что если языку пришлось *выражать* это различіе, то онъ для *непосредственной* цѣли движенія долженъ былъ избрать *вещный* падежъ, а тогда,

4., для обозначенія движенія по *направленію* къ предмету, — къ предмету, находящемуся *внизу*, — у языка остается въ распоряженіи лишь общій *родовой* падежъ.

Итакъ, мы не избѣгли *симасіологическаго* раздвоенія *извѣстной* падежной формы, приуроченной къ *извѣстному* предлогу: *genitiv'ная* форма при *κατά* оказывается во *второмъ* пунктѣ удалительнымъ падежемъ, а въ *четвертомъ* — родовымъ. Но не забудемъ, что если *κατά* *χθονός* въ однихъ случаяхъ должно обозначать *съ земли внизъ*, а въ другихъ — *по направленію къ землѣ*, то все различіе заключается *именно* въ положеніи земли, а на это положеніе не указываетъ ни *κατά*, ни *genitiv'ная* форма *χθονός*; это положеніе внесено въ предлоговый оборотъ *извнѣ*, и оно и управляетъ какъ *симасіологіею* *предлога*, такъ и *симасіологіею* присоединенной къ нему *падежной формы*. Нѣтъ сомнѣнія, что соображеніе о *симасіологическомъ раздвоеніи* падежной формы не имѣетъ значенія, разъ самъ предлогъ *κατά* *растроился* (предметъ находится то вверху, то внизу, то и верхъ, и низъ относительно къ предмету).

Обозрѣвая прииѣры, относящіяся къ 3^{му} и 4^{му} пунктамъ нашихъ *правилъ*, мы сразу замѣчаемъ въ греческомъ языкѣ нѣкоторую, — не скажемъ, неточность, а — вольность, или скорѣе — отсутствіе *педаггизма*. Если вышеприведенные *ἐυχόμενον κατ' ὀρέων* и *ψεύδουσθαι κατά*

τινος и т. п. принадлежать сюда, то, конечно, можно было представлять дѣло такъ, что похвала, ложь и т. д. попадаютъ въ хвалимаго, оклеветываемаго, а между тѣмъ грекъ представляетъ, что похвала и ложь произносятся только по направленію или, какъ мы выражаемся, по адресу когонибудь. Мнѣ кажется, что именно выраженіе по адресу способно передать и *выяснить*, на сколько возможно — *передвиженіе* представленія о затрогиваніи хвалимаго похвалю къ представленію о простомъ »отнесеніи« похвалы къ хвалимому. Что же могло повліять на это передвиженіе представленія отъ »затрогиванія« къ простому »отнесенію«? Полное устраненіе *локальности*? (Мы говоримъ здѣсь не о локальности *жѣстнаго* падежа, о которой толковали на стр. 282, а о той *общей* локальности, для которой первоначально были придуманы предлоги). Едва ли. Тогда вообще появленіе какого бы то ни было предлога въ рѣчи потеряло бы *всякій* смыслъ. Не объ *устраненіи* локальности можетъ быть здѣсь рѣчь, а о ея *метафоризированіи*. Конечно, въ мысли, выраженной въ κατὰ νηδύος ἔμμε φέρουσα (Ap. Rh. 4. 1328), можно вскрыть и *дѣйствительную* локальность, но тогда пришлось бы, можетъ быть, употребить даже не предлогъ κατὰ (или возможенъ оборотъ κατὰ νηδύν? — κατὰ θυμόν = по всей области той души — дѣйствительно встрѣчается), а скорѣе предлогъ ἐν (ἐν νηδί φέρουσα ἔμμε = во чревѣ носила васъ). Разъ, однако, сказано κατὰ νηδύος, то это *метафоризированная* локальность, и »отнесеніе« предмета къ предмету (въ данномъ случаѣ — предмета φέρειν къ предмету νηδύς, ибо при сопоставленіи ἔμμε съ νηδύς трудно не думать о *дѣйствительной* локальности) является *результатомъ* этой метафоры. Въ чемъ тутъ дѣло? Врядъ ли мы ошибаемся, утверждая, что представленіе простаго »отнесенія« предмета къ предмету, въ данномъ случаѣ, сводится къ представленію чего то *высшаго* по отношенію къ чему то *низшему*. Если я а »отношу« къ б, то б можетъ представляться мнѣ чѣмъ то, лежащимъ *внизу*, а а — *придвигающимся* къ нему *сверху*. А разъ б представляется лежащимъ *внизу*, то и

оправдывается предлогъ *κατά*, равно какъ оправдывается и *родовой* падежъ, такъ какъ — ня это указано уже выше — *»отнесение«* можетъ представляться метафорою движенья *по направленію* къ предмету. Простое *»отнесение«* предмета къ предмету мы видимъ еще въ примѣрахъ: *ᾄμνε κατ' ἐξωλείας* (Dem. 21. 119), *καθ' ἡμῶν ὀμνύνα οἰκ ἤθελε* (Dem. 29. 26) и, вообще, *ὀμνύναι κατά τινος*; *εὐχῆν ποιήσασθαι κατά χιλίων χιμάρων* (Ag. Equ, 659); *κατά παντός τοῦ χρόνου σκέψασθε* (Dem. 22. 72); *κατά κόρης πατάσσειν, κατά σκοποῦ τοξεύειν* и т. п.

Дѣйствительное *направленіе*, т. е. представленіе *дѣйствительной, не метафоризированной локальности*, съ указаніемъ притомъ на предметъ какъ на *не-окончательную* *цѣль* движенья, мы видимъ въ примѣрахъ: *κατά χθονός ὄμματα πήξας* (Pl. γ. 217), *βᾶτε κατ' ἀντιθύρων ὅσον τάχιστα* (Soph. El. 1433), *τὸν κοιορτὸν εἶδε κατά τῶν ἰδίων φερόμενον* и т. д. Сюда же мы относимъ и примѣры въ родѣ *μύρον κατά τῆς κεφαλῆς καταχέαντες* (Plat. Resp. 3. 398 a), *κατά τοῦ πυρός σπένδειν* (Plat. Critias 120 a) и под. Ибо хотя то, что льется, должно *прежде всего* затронуть самый предметъ, показанный при *κατά*, но оно льется и дальше: *καταχέαντες κατά τῆς κεφαλῆς* не значить *»лить на голову«*, а *»лить по головѣ внизъ«*, по чешски — *»líti přes hlavu«*. Это то *přes* (= *черезъ*), предполагающее *продолженіе* движенья еще *послѣ* того, какъ затронуть былъ предметъ, *по направленію* къ которому нѣчто было двинуто (*именно по направленію къ предмету, а не въ самый* предметъ, иначе о *продолженіи* движенья за предѣлами предмета не могло бы быть рѣчи), — это *přes* я вижу и въ примѣрѣ *κατά τοῦ πυρός σπένδειν*. Да и по русски, когда приказываютъ *»пустить струю воды по огню«*, то хотя и рассчитываютъ на то, что струя должна *затронуть* огонь, но въ языкѣ указываютъ только на *направленіе вообще*. Меня чрезвычайно затрудняетъ омировское *κόπος κατά σπέιους κέχυτο μευάλ' ἤλιθα πολλή* (Od. ι 330). Неужели и это мѣсто нужно понимать въ смыслѣ чешскаго *přes sluj*, т. е. *черезъ* пещеру и дальше? А можетъ быть, здѣсь идетъ дѣло о простомъ

»отпесеніи« предмета къ предмету? Или самый *текстъ* невѣренъ и требуетъ исправленія? Во всякомъ случаѣ, если тутъ указывается на *κόλρον*, разбросанную по *всей* пещерѣ, отъ начала до конца, то это мѣсто относится къ *первому* пункту нашихъ »правилъ«, и естественнѣе было бы ожидать *вещный* падежъ.*)

Указаніе на предметъ какъ на окончательную *цѣль* движенія, съ внесеніемъ притомъ, во фразу, представленія *локальности*, мы видимъ въ примѣрахъ *κατὰ στήθος βαλεῖν*, *κατ' ἀσπίδα βαλεῖν*, а также въ *στὰς κατὰ τὰς πύλας* (Хен. Апаб. V. 2. 16) и въ *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγέροντο* (Хен. Апаб. IV. 3. 21). Трудно возражать тому, кто въ *στὰς κατὰ τὰς πύλας* хотѣлъ бы усматривать смыслъ »сталъ *вдоль* воротъ« (*κατὰ* было бы тогда ослаблено въ *παρά*). Что же касается примѣра *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγέροντο*, то отнесеніе его сюда лучше всего объясняется нѣмецкимъ »*sich auf den Weg machen*«. Нѣмецкое »*sich auf den Weg machen*« представляетъ самый путь чѣмъ то, находящимся *ниже* дѣйствія, относящагося къ пути, а разъ путь представляется *ниже*, то оправдывается и *κατὰ*. Такъ пришлось бы объяснять и *στὰς κατὰ πύλας*, если оно принадлежитъ сюда, а не къ *первому* пункту нашихъ »правилъ«.

Остается разобрать всю метафористику и вообще фразеологию въ »*κατὰ*« *перваго* пункта, — въ томъ *κατὰ*,

---

*) Если бы это выраженіе принадлежало болѣе позднему языку, а не омировскому, то мы были бы готовы думать о томъ, что предлогъ, допуская по значенію падежей столько разнообразія въ своей конструкціи, наконецъ шаблонизировался въ *исподствующую* статистически конструкцію съ ослабленіемъ сознанія значенія падежей, хотя, — замѣчательно! — эта шаблонистика предлоговыхъ конструкцій наступила въ греческомъ языкѣ очень поздно, можно сказать, — лишь въ византійскій періодъ, и если *Grimbacher*, въ своемъ введеніи къ исторіи византійской литературы, не смущается тѣмъ, что такой или иной предлогъ въ византійскій періодъ сталъ появляться не съ тѣми конструкціями, какъ прежде, то онъ, конечно, съ своей точки зрѣнія правъ, мы же должны дорожить тѣмъ, что *классическій* періодъ безо всякихъ грамматикъ, а можетъ быть, скорѣе, *благодаря* отсутствію грамматикъ, до послѣдняго времени сохранилъ величайшую *чуждость* къ своему языку (даже въ *предлоговыхъ* конструкціяхъ).

которое мы сопоставляли съ παρά. Метафористика его и вообще фразеологія — широка и трудно объяснима.

ἴρωες κατὰ τὴν¹ χώραν ἰδρυμένοι (Luc. 1. 25) = по всей странѣ, *сверху до-низу* или, при ослабленномъ представленіи покатоности, *отъ начала до конца*.

κατὰ δῆμον = по всему народу, *отъ начала до конца* = во всемъ народѣ.

εἴ τι μὴ ὀρθῶς πράττω κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ (Plat. Gorg. 489 a) = въ теченіе моея жизни (само выраженіе *въ теченіе* достаточно объясняетъ, что тутъ рѣчь идетъ о *протяженіи*, — такомъ же протяженіи, какъ въ κατὰ δῆμον).

κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον = въ это время; κατὰ τοῦτον τὸν πόλεμον = во время войны; ἀδελφῶν δύο μίαν καθ' ἡμέραν ἀποκτονοῦντε (Soph. Ant. 55) = въ теченіе одного дня = въ одинъ день; τίς τὸν πλανιτῆν Οἰδίπουν καθ' ἡμέραν τὴν νῦν σπανιστοῖς δέξεται δωρήμασιν (Soph. Oed. C. 3.) = кто приметъ меня въ этотъ день. На всѣхъ этихъ примѣрахъ придется подольше остановиться.

Въ выраженіяхъ κατὰ τὴν χώραν, κατὰ δῆμον и κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ мы толковали вещь на падежъ, какъ то было дано самимъ значеніемъ падежа, въ смыслѣ указателя на площадь или линію, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь. Въ *только* что приведенныхъ примѣрахъ это выдерживается не вездѣ. Даже первое κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον не обязательно толковать въ смыслѣ *во все это время, отъ начала до конца*, а въ примѣрѣ Soph. Oed. C. 3. прямо *нельзя* впадать такого смысла, что Эдина будутъ принимать *весь* день, *отъ начала до конца*. Въ чемъ тутъ дѣло? Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь *только* объ *опредѣленіи* времени. Оно могло быть опредѣлено *минутою* (говорять *въ эту минутою*), *часомъ* (говорять *въ этотъ часъ*), а въ данномъ случаѣ *днемъ* (сказано *въ этотъ день*). Но чѣмъ бы время ни опредѣлялось, всегда оно, какъ время, будетъ представляться *протяженіемъ*, и именно это *протяженіе*, само по себѣ, вызываетъ въ языкѣ, кажется, *прежде*

всего появленіе предлога *κατά*, а затѣмъ и появленіе вещнаго падежа. *Κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν τοῦτο γενήσεται* значить: »по этой линіи, если идти по ней сверху вниз (да, именно *внизъ*, а не *до-низу*, какъ было, быть можетъ въ другихъ вещныхъ падежахъ при *κατά*), ты встрѣтишься съ *этимъ* явленіемъ.« Русскій языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ тоже вещный падежъ (въ *этотъ* день, въ *этой* части). При выборѣ вещнаго падежа, очевидно, русскій языкъ руководился тѣмъ же мотивомъ, какъ и греческій языкъ при выборѣ своего оборота »*κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν*.« Вообще русское »въ этотъ день« — очень похоже на греческій оборотъ, только *предлогъ* тутъ другой. Если бы русскій языкъ не считался съ протяженіемъ *самимъ по себѣ*, то его предлогъ »*въ*« долженъ бы соединяться съ падежемъ *мѣстнымъ*, а не *вещнымъ*. Это мы можемъ провѣрить на греческомъ языкѣ, который при предлогѣ, *соответствующемъ* русскому »*въ*«, не принимая »протяженія« въ расчетъ, а выражая простое сопоставленіе предмета съ предметомъ« (при этомъ простомъ сопоставленіи оказался одинъ предметъ *внутри* другого), говорить, напр., не *εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*, а *ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ*. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы и думаемъ, что, если русскій языкъ, считаясь съ единицею времени какъ съ »протяженіемъ«, началъ при обозначеніи этого »протяженія« прямо съ падежа, примѣняя къ нему *потомъ* уже предлогъ, какъ *пришлось*,*) то греческій языкъ началъ именно съ предлога. Предлогъ, соответствующій русскому »*въ*«, не представлялся ему такимъ выразительнымъ, какъ *κατά*. Послѣдній, рисуя движеніе *сверху внизъ*, гороздо больше былъ способенъ обозначить искомую картину »протяженія«, и вещный падежъ *единицы* времени, по которой это протяженіе *идетъ*, опредѣлялся уже, какъ-бы, *самъ собою*. То же самое мы видимъ въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ предлога *παρά* (стр. 285); только

*) Въ чешскомъ яз., да и *ц.-славянскомъ*, въ подобныхъ случаяхъ употребляется даже *простой* вещный падежъ безъ *всякаго* предлога: говорить *l'ento den* (= сей день) и т. д.

тамъ рисовалось »протяженіе« не сверху внизъ, а просто отъ одной точки къ другой.*)

Перейдемъ къ *другимъ* примѣрамъ. На очереди теперь оборотъ *αὐτὸς καὶ ἑαυτόν*. По русски говорятъ »самъ по себѣ.« Слово »по,« конечно, *способно* указывать на площадь, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь, а потому вещный падежъ въ данномъ греческомъ оборотѣ можно выяснитъ и при посредствѣ русскаго перевода. Но для *лучшаго* его выясненія сопоставимъ его съ выраженіемъ *κατὰ σφέας μάχονται* (II. β. 366). *Κατὰ σφέας μάχονται* значить: сражаются, *не соединяясь* съ другими въ одинъ *общій* рядъ = сражаются, составляя, *отъ начала до конца*, рядъ исключительно изъ *однихъ* себя. Такъ и *αὐτὸς καὶ ἑαυτόν* обозначаетъ: онъ самъ, составляя, *отъ начала до конца*, нѣчто *цѣлое* изъ *себя* самого.

Примѣромъ *κατὰ σφέας μάχονται* можно объяснить — объяснить черезъ *сопоставленіе* съ нимъ — еще и *другое* явленіе языка: вмѣсто *κατὰ σφέας* можно поставить *καὶ ἑνα*. *Μάχονται καὶ ἑνα* значить: они сражаются, такъ что *одинъ* составляетъ нѣчто *цѣлое*.

Много толкуютъ о *distributiv'ности* значенія слова *κατά*: *κατ' ἑθνη*, *κατὰ τριακσίους* = поплеменно, по триста. *Distributiv'ность* заключается въ данномъ случаѣ въ *одинаковости рядовъ*. Спрашивается: указываетъ ли *κατά* на *весь* эти ряды, рисуя линію »сверху до низу« по отношенію ко *всѣмъ* имъ, т. е. *съ перваго до послѣдняго*, или же оно поставлено для обозначенія *одного* ряда, рисуя линію *отъ начала* этого ряда до его *конца*? Судя по обороту

*) Намъ скажутъ, что въ примѣрѣ изъ Софокла *κατὰ τήνδε τήν ἡμέραν* мы имѣемъ дѣло съ третьимъ типомъ нашихъ примѣровъ, и что то *δέχεσθαι*, — тотъ приемъ, о которомъ здѣсь говорятъ Эдипъ, и который въ данномъ случаѣ сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, »попадаетъ« въ *ἡμέραν*, причемъ она представляется лежащею *внизу*. Словомъ, стануть сравнивать нашъ примѣръ съ вышеприведеннымъ *κατὰ στήθος βαλεῖν* (сравни стр. 292). Въ такомъ случаѣ аналогія съ *παρά*, о которой мы здѣсь толкуемъ, потеряла бы весь смыслъ, а ея нужно непремѣнно держаться не изъ за *κατά*, но и изъ за самого *παρά*; ибо иначе *παρ' ἑνἑαυτόν*, *παρὰ τρεῖτον μῆνα*, *παρ' ἡμᾶρ* было бы необъяснимо. А разъ *παρά* допускаетъ только *изложенное* объясненіе, то нечего отступать отъ него и при *κατά*.

μάχονται καθ' ἑνα и по связи его съ выраженіями *μάχονται κατὰ σφέας* и *αὐτὸς καθ' ἑαυτόν*, слѣдуетъ рѣшить нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что *κατὰ* относится къ обозначенію *одного* ряда. Но изъ чего же тогда можно заключить, что этихъ рядовъ нѣсколько? Въ оборотѣ *μάχονται καθ' ἑνα* это ясно видно изъ противопоставленія множественнаго числа *μάχονται* единственному числу *καθ' ἑνα*. Въ другихъ случаяхъ это выражается множественнымъ числомъ, стало быть, — указаніемъ на *повтореніе* самихъ тѣхъ *единицъ*, которыя составляютъ каждая по себѣ рядъ (говорятъ »*κατ' ἑθνη*«, а не »*κατ' ἑθνος*«, причеиъ рядъ состоитъ изъ *одного ἑθνος*). Иногда это достигается черезъ внесеніе въ текстъ слова *ἕκαστος* (*καθ' ἕκαστην ἡμέραν*). Но по большей части приходится объ этомъ догадываться при помощи *другого* соображенія. Что это за соображеніе?

Distributiv'no, какъ извѣстно, понимается и *κατ' ἡμέραν* (*μάχονται κατ' ἡμέραν* = сражаются день за днемъ). Мы уже рассуждали о томъ, что въ *κατ' ἡμέραν* не нужно впадать непременно тотъ смыслъ, будто *все ἡμέραν* занято извѣстнымъ дѣйствиемъ, но что *ἡμέραν* есть только единица *времени*, опредѣляющаяся въ *данномъ* случаѣ *днемъ*, но могущая опредѣляться также и *часомъ* и т. д. Все зависитъ отъ подчеркиванія или неподчеркиванія представленія *единицы*. Когда Софокловскій Эдипъ говоритъ *τίς με δέξεται καθ' ἡμέραν τὴν νῦν*, то онъ выражаетъ не больше, не меньше какъ вопросъ: »кто меня приметъ въ тотъ промежутокъ времени, который я опредѣляю, или который опредѣляетъ сама ситуация *нынѣшнимъ днемъ*«? Въ *distributiv'nomъ* же *μάχονται κατ' ἡμέραν* я вижу слѣдующее: сражаются *извѣстное* время, причеиъ *единицу* времени, т. е. ту единицу, которою *измѣряется* время, составляетъ *день*. Такъ я толкую и три примѣра, оставшіеся *неоконченными* разборомъ на стр. 285): о »*παρ' ἡμέραν*« я бы повторилъ то же, что сказано о »*κατ' ἡμέραν*«; *παρὰ τρίτον μῆνα* указываетъ на то, что *единицу*, которою *измѣряется* время, составляетъ *третій* мѣсяцъ, а въ *παρ' ἐνιαυτόν* этою единицею

оказывается время по *прошествіи* года, т. е. *второй* годъ. Это толкованіе, конечно, непримѣнимо къ выраженію *μάχονται κατὰ τριαχοσίους*, такъ какъ *τριαχοσίους* есть число, опредѣленіе котораго обходилось *безъ* такихъ *случайныхъ* единицъ, какими являются *день* или *часъ* при опредѣленіи *времени*. Первое впечатлѣніе отъ оборота *μάχονται κατὰ τριαχοσίους* — такое, какъ будто *κατά* рисуется верхъ и низъ не *одного* ряда, а *всей* группы, составившейся изъ рядовъ (много, впрочемъ, зависитъ отъ того, какъ *поставлены* эти ряды, одинъ ли за другимъ, или одинъ *возмъ* другого). Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, то *μάχονται κατὰ τριαχοσίους* составляетъ *полную* аналогію обороту *κατ' ἡμᾶρ*. Если въ *κατ' ἡμᾶρ* все заключалось въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи *единицы*, то здѣсь все заключается въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи *линій*; *μάχονται κατὰ τριαχοσίους* значить: сражаются, при чемъ *линія*, по которой, согласно предлогу *κατά*, нужно идти, составляетъ число 300 (подразумѣвается, что этихъ *линій* *нѣсколько*).

Переходимъ къ разбору дальнѣйшихъ примѣровъ.

Διονίσῳ μὲν νῦν τῷ ἐκ Σεμέλης τῆς Κιάδμου λεγομένῳ γενέσθαι κατὰ ἐξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστα ἔστι ἐς ἐμὲ (Herod. 2. 145) = я считаю тутъ *лѣтъ*, *начиная съ* *перваго* и *идя все ниже*, приблизительно (приблизительность здѣсь выражена *прежде всего* словомъ *μάλιστα* = скорѣе всего = едва ли больше, или меньше, чѣмъ) 1600.

οὐ γὰρ ἦν κατὰ τὴν πόλιν (Plat. Theaet. 142a) = не было его по *всему* городу = не было его въ городѣ.

οἱ δὲ Πέρσαι ὡς εἶδον ἐπιφανείσαν τῶν Σκυθέων τὴν ἵπλον, ἐπίρσαν κατὰ στίβον αἰεὶ ὑπαρόντων (Herod. 4. 122) = шли по *всей* *линии* слѣдовъ = по слѣдамъ; такъ и *κατὰ πόδα* = по *всей* *линии* движенія ноги = вслѣдъ за кѣмъ (или выражено тутъ просто *по ногѣ*, т. е. *накрывая* ногу?)

κατ' ἄλλους δ' αὖ τοιαύδε ἔλεγεν (Xen. Cyrop. VII. 1. 12) = по *рядамъ* другихъ, *отъ начала* *рядовъ* до *конца*, раздавались такія то слова.

κατὰ τοὺς Λακεδαιμονίους ἔστησε Πέρσας (Herod. 9. 31.) = по *линии*, гдѣ стояли Лакедемоняне, онъ поставилъ Персовъ.

Примѣръ изъ Софокла (Antig. 761), гдѣ сказано ἄραγε τὸ μῖσος (т. е. Антигону), ὡς κατ' ὄμματ' αὐτίκα παρόντι θνήσκη πλησία τῷ νυμφίῳ, представляетъ собою, если ходячее толкованіе — правильно,*) метафору предыдущаго примѣра. Чѣмъ были выше ряды Лакедемонянъ, тѣмъ являются здѣсь ὄμματα νυμφίου, а передъ этими ὄμματα стоитъ умирающая Антигона; она должна умереть *на глазахъ* жениха. И *русское* выраженіе «на глазахъ» рисуетъ почти такую же картину: «на глазахъ» значить, какъ бы, «на всей площади взоровъ». Впрочемъ, κατ' ὄμματα можно принять и за усиленіе слова αὐτίκα. Можетъ быть, рѣчь идетъ просто о *быстромъ исполненіи* дѣйствія: «αὐτίκα κατ' ὄμματα» значило бы тогда «сейчасъ, такъ чтобы нельзя успѣть и *глазъ отвернуть*». Въ этомъ случаѣ, конечно, нужно бы примѣнить къ «κατ' ὄμματα» второе толкованіе выше приведеннаго κατὰ πόδα = какъ бы — *накрывая* глаза. У меня не развито чувство языка настолько, чтобы *настаивать* на предложенномъ толкованіи даннаго мѣста. Противъ *перваго* толкованія, какъ будто, говоритъ вся разстановка словъ. При *второмъ* толкованіи я нахожу болѣе естественнымъ тотъ *отвѣтъ*, который влюбленный сынъ даетъ Креонту: «не такъ быстро это исполнится, какъ тебѣ, отецъ, хотѣлось бы, и въ *моемъ* присутствіи (т. е. пока я буду свидѣтелемъ твоихъ поступковъ съ нею) она не умереть»; такъ я понимаю слова: οὐ δῆτ' ἔμοιγε (разумѣй ἔμοιγε κατ' ὄμματα = не *моихъ* глазъ касается та *быстрота*, о которой ты говоришь), τοῦτο μὴ δόξης ποτέ, οὔθ' ἦδε ὀλίγαι πλησία.

κατὰ θυμόν = по *всей* области сердца = въ сердцѣ.

ἐμῆδιζον κατ' ἄλλο μὲν οὐδέν, κατὰ δὲ τὸ ἔχθος τῶν Θετταλῶν (Herod. 8. 30) = *руководясь* не другимъ чѣмъ.

*) Schneidewin — Nauck: Die Leidenschaftlichkeit Kreons haengt die Ausdrücke κατ' ὄμματα πλησία παρόντι τῷ νυμφίῳ.

какъ только враждою = не почему либо другому, какъ только вслѣдствіе вражды къ Θεσσαλίѣцамъ. Само слово *руководясь* предполагаетъ представленіе *параллельности* чего съ чѣмъ, а разъ идетъ рѣчь о *параллельности*, то умѣстно не только *παρά* съ вещнымъ падежемъ, но и сравненное нами съ нимъ выше *κατά*.

κατ' ὁμῶς τὰς Ἀπόλλωνος δότε πέρασιν (Soph. Oed. C. 102) = *руководясь* волею Аполлона = *согласно* волѣ Аполлона.

κατὰ τάχος = быстро. Рядомъ съ *»поступаетъ хорошо«* говорятъ *»поступаетъ по хорошему«*; такъ и въ выраженіи *κατὰ τάχος* слышится *»по быстрому«*. Слово *»по«* въ данномъ случаѣ, кажется, достаточно объясняетъ весь смыслъ предлога *κατά* и вещнаго падежа при немъ.

πρσχεόμενον αὐτῷ κατὰ τὴν μητέρα (Thuc. I. 127) = приближеннаго къ нему или родственнаго ему *по* матери.

ὁμολογῶ οὐ κατὰ τοῦτους εἶναι ῥήτορι (Plat. Apol. 17, b) = я согласенъ, что я — ораторъ не *по* ихнему = что я — не ораторъ, *соответствующій* (опять параллельность) тому, что *они* представляютъ изъ себя, какъ ораторы.

τοῦργον τόδε μείζον ἂν εἴη ἢ κατ' ἐμὴν ῥώμαν (Soph. Tr. 1018) = дѣло это — выше, чѣмъ *по* моимъ силамъ = чѣмъ *соответствуетъ* моимъ силамъ.

κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον = *соответственно* тому же расчету.

τὰ κατὰ τὸν πόλεμον = все, относящееся къ войнѣ; *πόλεμος* представляется здѣсь *площадью*, которая вся занята вещами, обозначенными здѣсь словомъ *τά*.

Такова фразеологія предлога *κατά* съ вещнымъ падежемъ, когда онъ, этотъ предлогъ, имѣетъ отношеніе къ *первому* пункту нашихъ *»правилъ«* о немъ. Разборомъ этой фразеологіи мы заканчиваемъ и разборъ всего *κατά*. Что касается предлога *ἀνά*, составившаго у насъ вмѣстѣ съ *παρά* одну группу, то на немъ не придется долго останавливаться. Предлогъ *ἀνά* указываетъ на *нахожденіе* чего нибудь (*κατά* былъ предлогъ *движенія*) на *верху* предмета и, какъ *истый* предлогъ, т. е. какъ такая часть рѣчи, которая пользуется

оттѣнками падежей для *повторенія* въ нихъ того же, что выражено въ ней сѣмой, должно дополняться *мѣстными* падежами.

На дѣлѣ, конструкція *ἀνά* съ *мѣстными падежами* встрѣчается *только* у Омира. Если же мы ее кое-гдѣ встрѣчаемъ и у болѣе позднихъ поэтовъ, то они уже пользуются ею скорѣе какъ поэтическимъ архаизмомъ. Проза къ этой конструкціи не прибѣгаетъ, такъ какъ нашла другіе предлоги, которые способны передать то же. Изъ разобранныхъ до сихъ поръ — такимъ замѣстителемъ слова *ἀνά* можетъ являться предлогъ *ἐν*. Что *ἐν* могло собою замѣнить *ἀνά* только по стремленію къ *упрощенности* средствъ языка, всякому понятно: *ἐν* могло указывать на *поверхность*, и притомъ лишь подѣ тѣмъ условіемъ, если самъ предметъ къ названію котораго приставляется *ἐν*, представлялся »поверхностью« *или плоскостью*, тогда какъ *ἀνά*, указывая на *верхъ* предмета, — хотя бы то былъ верхъ горизонтально растущаго *дерева* и т. под. предметовъ, — только черезъ этотъ *верхъ* можетъ указывать и на *поверхность*. Сравни: *στέμματ' ἔχων ἐν χερσὶν ἠκισβόλου Ἀπόλλωνος χρυσέῳ ἀνὰ σκήπτρῳ* (II. α. 15); *εὐδε ἀνὰ Γαργάρῳ ἄκρῳ* (II. ξ. 352); *κιφαλήν πῆξαι ἀνὰ σκολόπεσοι* (II. σ. 177); *ἀθηρηλοῖδὸν ἔχειν ἀνὰ φαίδιμῳ ὄμφῳ* (Od. λ. 128); *ἄρματα δ' ἄν βομοῖσι τίθει* (II. θ. 441) и др.

По *ἀνά* встрѣчается и съ *вещными падежами*. *Вещный падежъ* тогда прибавляетъ нѣчто *отъ себя* для созданія той общей картины, которая должна быть выражена *всѣмъ оборотомъ*. Онъ указываетъ на то, что *вся* площадь предмета, поставленнаго при *ἀνά*, занята чѣмъ-нибудь, а такъ какъ само *ἀνά* обозначаетъ *только* верхъ, который является *конечною* цѣлью приведенія въ отношеніе двухъ предметовъ, то всею конструкціею предлога *ἀνά* съ *вещнымъ падежемъ* подчеркивается, что *вся* площадь занята чѣмъ-нибудь по направленію *снизу до верху*. Такимъ образомъ, *ἀνά* съ *вещнымъ падежемъ* составляетъ полную противоположность обороту *κατά* съ *вещнымъ падежемъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднемъ идетъ рѣчь не о *цѣли*

движенія, а именно о занятіи чѣмъ нибудь *всей* площади или *всей* линіи *сверху до низу*. Тамъ, гдѣ покатость площади слишкомъ замѣтна и *должна* быть замѣчена, тамъ эта противоположность отзывается и на различіи *смысла* обоихъ сопоставленныхъ нами здѣсь оборотовъ. Такъ, *κατά ῥόον* обозначаетъ *по теченію* рѣки, а *ἀνὰ ῥόον* — противъ теченія. Если же покатость площади и *направленіе* этой покатости не имѣетъ значенія въ общей картинѣ, то *ἀνά* и *κατά* въ разсматриваемыхъ нами оборотахъ *совпадаютъ* по выраженному въ нихъ смыслу: въ общемъ. *ἀνά* встрѣчается здѣсь рѣдко, и нѣтъ ни одного фразеологическаго явленія, въ которомъ *рядомъ* съ *ἀνά* нельзя бы встрѣтить и *κατά*. Сравни: *ἀνὰ τοῦτον τὸν χρόνον* и *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον*;* *ἀν' ἑκάτον ἄνδρας* и *κατὰ τριακοσίους ἄνδρας* (въ смыслѣ *distributiv'номъ*): *ἀν' ἑκάστην ἡμέραν* и *καθ' ἑκάστην ἡμέραν* (тоже *distributiv'но*): *ἡ ὁδὸς ἀνὰ διηκόσια στάδια συμβέβηται* (Herod 4. 101) и *Διονύσιον γενομένῳ κατὰ ἑξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστα ἐστὶ ἐς ἐμέ*** *ἀνὰ στόμα ἔχειν* (II. β. 250) и *κατ' ὄμματα θυήσκει*: *ἀνὰ θυμόν* и *κατὰ θυμόν*; *ἀνὰ τάχος* и *κατὰ τάχος* и т. д.

Ἀμφί — περί. Въ предлогѣ *ἀμφί* видятъ этимологическую связь съ *ἄμφω* (такъ, Бругманъ, Grundr. II. 520, осторожно умалчивая объ *ἀμφί* какъ *надежныя* формы, — извѣстна склонность этимологовъ искать въ предлогахъ *надежныя* формы, — признаетъ »ein etymologisches Neben-einander von ἀμ - φί und ἄμ - φω) и, согласно съ этимъ, толкуютъ данный предлогъ въ смыслѣ *съ обѣихъ сторонъ* = *съ той и другой стороны*.

»*Съ той и другой стороны* какого нибудь *круглаго столба*« значить »*кругомъ столба*«. Но и фраза »*съ той и*

*) Здѣсь сопоставляется не то *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον*, о которомъ мы толковали на стр. 293, а то, которое относится къ *первому* пункту нашихъ четырехъ замѣтокъ о *κατά*, т. е. когда *дѣйствительно* *χρόνος* представляется линіею, *цѣликомъ* занятою чѣмъ нибудь.

***) На стр. 297 мы толковали о томъ, что приблизительность выражена «прежде всего» словомъ *μάλιστα*. Но выраженіе приблизительности можно, пожалуй, найти и въ самомъ предлогѣ *κατά*, а слѣдовательно, и въ сопоставленномъ съ нимъ *ἀνά*. Такъ и *εἰς χίλιους* обозначало приблизительность, однако, благодаря лишь *закрученности* цифры (сравни выше стр. 241).

другой стороны какой нибудь *многосторонней* площади — часто получает смысл *»кругомъ* площади. Въ послѣднемъ случаѣ мы какъ бы закрываемъ глаза на *многосторонность*, и *»закругляемъ* самую площадь; это бываетъ *именно* и *особенно* тамъ, гдѣ площадь имѣетъ больше —, или меньше *четырёхъ* сторонъ (даже *четыре* стороны площади мы любимъ *»закруглять*,« если не имѣемъ дѣло съ квадратомъ или oblong'омъ).

При столбѣ, площади и тому подобнымъ предметамъ — кругъ, какъ мы его выяснили, т. е. кругъ какъ метонимія *»обѣихъ сторонъ*«, рисуется *горизонтально*, и этимъ, быть можетъ, въ случаѣ метониміи, слово ἀμφί и отличается отъ περι, которое намѣчаетъ скорѣе *шаръ* или *окружность вертикальную*, проходящую въ своемъ зенитѣ и вообще въ *верхней* своей части *надъ* предметомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, становится понятнымъ, почему περι, во фразѣ напр. περι δή σε βροτῶν ἀνίζοι' ἀπάντων (П. ν 374), получаетъ значеніе *»надъ смертными*« = *»выше смертныхъ*« (ἀμφί до такого значенія не дошло). Такимъ образомъ, въ стихѣ θυε δ' ἄρ' ἀμφ' ἀκτὰς περι τ' ἀμφί τ' χύματα μακρὰ (Нес. Theog. 848) можно бы усматривать картину *»около основанія* волнъ (ἀμφί) и по ихъ *поверхности* (περί)«.

Не во *всѣхъ* случаяхъ сочетанія словъ περι и ἀμφί можно *настаивать* на этомъ различіи. Есть случаи такого ихъ сочетанія, гдѣ ἀμφί возвращается къ своему *первичному* значенію *»съ обѣихъ сторонъ*«, а περι указываетъ тогда *просто* на *«окружность»*, безъ обозначенія ея положенія. Такъ, быть можетъ, слѣдуетъ толковать мѣсто ἡμεῖς δ' ἀμφί περι κρήνην ἱεροῦς κατὰ βωμοῦς ἔρδομεν ἀθανάτοισι τελέησας ἐκατόμβας καλῆ ὑπὸ πλατανίστῳ, ὄθεν ῥέειν ἀγλαὸν ὕδωρ (П. β 305) = съ обѣихъ сторонъ *кругомъ* источника, по *всей* линіи жертвенниковъ. Или мы въ *данномъ* мѣстѣ имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ *τιησις*'омъ (ο *τιησις*'ѣ — рѣчь впереди), и ἀμφί слѣдуетъ отнести къ глаголу ἔρδομεν? Тамъ, гдѣ *нѣтъ* разбираемаго нами *»сочетанія*«, тамъ ужъ, *конечно*, можетъ

поблекнуть или даже *совсѣмъ* исчезнуть представление о *различіи* положенія круга, т. е. представление вертикальности въ *одномъ*, а горизонтальности въ *другомъ* предлогѣ, и тогда *περί* и *ἀμφί* до того *уравниваются* между собою, что могутъ *замѣнять* другъ друга, *кромя* значенія *»выше«*, въ которомъ *»περί«* *возстановливаетъ* свой первоначальный смыслъ, и до котораго, какъ сказано, слово *ἀμφί* не дошло.

Что касается падежей, то прежде всего слѣдуетъ указать на умѣстность обще-*родоваго* падежа при предлогѣ *περί* въ исключительно *ему* принадлежащемъ значеніи *»выше чего-нибудь«*: *περὶ δὲ θεῶν καὶ ἀνθρώπων ἐστὶ Ζεὺς* = Зевсъ — выше боговъ и людей (сюда же относится извѣстный оборотъ *περὶ πολλοῦ ποιῆσθαι*).

Удалительный падежъ при *περί* и *ἀμφί* не имѣетъ мѣста, такъ какъ само представление *»окружности«* не *мирится* съ представлениемъ удаленія чего нибудь *прочь отъ* предмета.

Мыслимъ ли при *»περί«* и *»ἀμφί«* *личный* падежъ? Повидимому, да. Ибо какое вообще *»сопоставленіе предмета съ предметомъ«* можетъ быть *выражаемо* предлогами *περί* и *ἀμφί*? Или *»нахождение«*, а то и *»обхождение«* чего нибудь *кругомъ всего* предмета, или *нахождение* чего нибудь на *части* окружности предмета. Въ первомъ случаѣ всѣ права — за *вещнымъ* падежемъ, во второмъ же случаѣ не исключена возможность представлять себѣ *»лицо«*, *»около«* котораго я нахожусь, *руководящимъ* моими дѣйствіями, *также* находящимися *»около«* него (русское слово *около* я въ данномъ объясненіи разумѣю именно въ смыслѣ *нахождения на части* окружности = *вблизи*). Но *нахождение на части* окружности можетъ быть понято и *особымъ* образомъ. Самъ *предметъ*, къ названію котораго приставлено *ἀμφί-περί*, можетъ представляться шаромъ или кругомъ, а тогда *»окружностью«* могутъ оказаться его *собственная* поверхность и его *собственные* края, и *»находиться на части* окружности» будетъ обозначать *»находиться на немъ«* или *»находиться непосредственно при немъ«*. Выразить отношеніе на предметъ или *непосредственно при* предметъ

является функцией *мъстнаго* падежа, а разъ мы признаемъ при предлогахъ *ἀμφί-περί* *мъстный* падежъ, то, согласно соображенію, выясненному на стр. 273., нѣтъ мѣста при нихъ падежу *личному*. Тогда, конечно, все то, что даетъ такой или иной поводъ думать о *личноѣ* падежѣ при нашихъ предлогахъ, должно быть истолковываемо какъ метафора »локальности« падежа *мъстнаго* (см. выше стр. 282). Наконецъ, нахождение на *части* окружности можетъ получить смыслъ нахождения гдѣ нибудь *подальше* отъ предмета, и тогда выступаетъ *родовой* падежъ. Это — *тоже* локальность, но локальность *родоваго* падежа. И она можетъ быть метафоризирована, и тогда *родовой* падежъ обозначаетъ ту или иную *общую* связь предмета съ предметомъ или, какъ мы выразились по поводу нѣкоторыхъ случаевъ при *κατά* (см. стр. 290-1), указываетъ на »отнесеніе« предмета къ предмету.*) Такова *теорія* о падежахъ предлоговъ *ἀμφί-περί*, насколько она вытекаетъ изъ всего, разъясненнаго до сихъ поръ. Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ она оправдывается на практикѣ.

οἱ περὶ Ἡράκλειτον, οἱ ἀμφὶ Πρωταγόραν = школа Ираклита, ученики Протагора. Языкъ тутъ, очевидно, нѣсколько поэтизируетъ, представляя главныхъ лицъ окруженными *со всѣхъ сторонъ* (какъ бы облѣпленными) ихъ приверженцами.

ὥσπερ προβάτια μεσημβριάζοντα περὶ τὴν κρήνην εἶδειν (Plat. Phædr. 259 a). И тутъ немного спозитировано (= *ведь*, куда ни посмотришь = *кругомъ* источника), такъ какъ кое гдѣ, особенно гдѣ *вода* мѣшаетъ (*κρήνη*, *вѣдь*, въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ колодезешъ или озерцомъ), этихъ *пробатіа* нѣтъ (смѣшно было бы — отъ воображенія, которое *руководитъ* языкомъ, требовать *математической* точности).

*) Кто сказалъ бы, что »отнесеніе« предмета къ предмету не должно быть объясняемо путемъ метафоры такой или иной *локальности*, а должно вытекать непосредственно изъ значенія самого *родоваго* падежа, тому мы отвѣтимъ разсужденіемъ, изложеннымъ на стр. 290 по поводу предлога *κατά*: тогда бы появленіе предлоговъ *περί-ἀμφί* въ рѣчи теряло *всякій* смыслъ.

ἀμφί Σικελίαν τρόπαια στήσαντες (Plat. Men. 242 c) = по всей Сициліи *κρυσμα*; здѣсь сама *Сицилія* представлена кругообразною площадью (= по всѣмъ *окрайнамъ* Сициліи), тогда какъ выше, при *κρήνη*, нужно было особо *обводить* кругъ.

τρίποδας γὰρ εἰκόσι πάντας ἔττευχεν ἐστάμεναι περὶ τοῖχον εὐσταθέος μεγάροιο (II. σ. 374); сама *στήνα* представлена кругообразною *μικίєю*.

αὐτὸς δ' ἐν μέσῳ τούτων τὴν διαίταν ποιησάμενος τὸν μὲν ἀμφὶ χειμῶνα χρόνον διῆγεν ἐν Βαβυλῶνι ἑπτὰ μῆνας (Xen. Сугор. VII. 6. 22) = время, обхватывающее *всю* «зиму», *семь мѣсяцевъ*.

Сюда же мы относимъ и то *περὶ* — *ἀμφί*, которое обозначаетъ *приблизительность*. *Настоящiе* предлоги «приблизительности» — *именно* эти, а не предлоги *εἰς*, *κατὰ* и *ἀνά*, при которыхъ представление приблизительности вытекало только изъ закругленности цифръ (см. стр. 301). Мы имѣемъ здѣсь въ виду выраженiя какъ то: *περὶ τούτων τὸν χρόνον*, *) *ἀμφὶ τεσσαράκοντα ἔτη*, *ἀμφὶ πλήθουσαν ἀγοράν* и т. п. Здѣсь, очевидно, *οὗτος ὁ χρόνος*, *τεσσαράκοντα ἔτη* и *πλήθουσα ἀγορά* противопоставляются, какъ *центръ*, — своей *окръжности*: — не *части* окружности (*части* окружности можно противопоставить *другую* часть окружности), а *именно* «цѣлой» окружности (потому и *поставленъ* вещный падежъ).

περὶ δεῖπνον πένοντο (Od. δ 624); *αἱ νομοθεσίαι καὶ τὸ ὠφέλιμον περὶ τὸ μέλλον ἐστί* (Plat. Theaet. 179 a) и др. Здѣсь представлено *вращающимся* — въ одномъ случаѣ *πένεσθαι* кругомъ *всего* «*δεῖπνος*», а въ другомъ — *νομοθεσίαι* и *ὠφέλιμον* кругомъ *всего* «*μέλλον*».

Присмотримся къ мѣсту изъ Иродота 7. 61: *περὶ μὲν γὰρ κεφαλῆσι εἶχον τήρας καλομένους, περὶ δὲ τὸ σῆμα*

*) Что только лишь *περὶ* и *ἀμφί* суть *настоящiе* предлоги пр близзности, видно изъ того, что эту «приблизительность» можно отнести въ такому выраженiю какъ *περὶ τούτων τὸν χρόνον*; выраженiя «*εἰς τούτων τὸν χρόνον*», «*κατὰ* или *ἀνά τούτων τὸν χρόνον*» такого смысла не допускаютъ, такъ какъ въ нихъ не только закругленной, но и *вообще* никакой *формы* нѣтъ.

κιδῶνας χειρῶν τούτους ποικίλους, περὶ δὲ τὰ σκέλεα ἀναξυρίδας. Здѣсь мы встрѣчаемъ »περὶ« и съ *вещнымъ*, и съ *мѣстнымъ* падежами. Какая тутъ разница? Можно указать на то, что σῶμα (понимается тѣло безъ *оконечностей*) и σκέλεα окутаны одѣяніемъ *совсѣмъ*, а χεφαλή — только *сверху*. Но выставять *это* различіе за мотивъ для появленія въ одномъ случаѣ *вещнаго*, а въ другомъ — *мѣстнаго* падежа было бы, можетъ быть, слишкомъ педантично, хотя такое же отношеніе предмета къ предмету, о которомъ мы толкуемъ въ τήρας περὶ κεφαλῆσι, замѣчается и въ известномъ κρέα ἀμφ' ὀβελοῖσιν ἔπειραν и въ πεπτῶτα τῶδε περὶ νεορράντῳ ξίφει (Soph. Ai. 828). Не *возобладало* ли тутъ (т. е. и въ περὶ κεφαλῆσι, и въ ἀμφ' ὀβελοῖσι, и въ ἀμφὶ ξίφει) — не *возобладало* ли тутъ *просто* представленіе *обозначенія мѣста* надъ представленіемъ *нахожденія* чего-нибудь кругомъ *всего* предмета (все же и мечъ, и вертелъ, и голова находятся *по-среди* сопоставляемыхъ съ ними предметовъ)? Только *возобладаніемъ* — въ однихъ случаяхъ желанія *просто* обозначить *мѣсто*, а въ другихъ — представленія о »нахожденіи чего нибудь *кругомъ* предмета« можно объяснить то *чередованіе* мѣстнаго съ *вещнымъ*, которое замѣчается въ выраженіяхъ εἰπὼν ἀμφ' Ὀδυσσῆι (Od. ξ 364; слова, на которыя указываетъ глагольное признаковое εἰπὼν, »помѣщаются,« какъ бы, на Одиссеѣ) и περὶ σίτια λέγεις (Plat. Gorg. 490 с; слова вращаются *кругомъ* такого то предмета). Такъ чередуются и обороты »φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περὶ τινά« (страхъ — борьба вращаются *кругомъ* кого) съ оборотами »φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περὶ τινί« (страхъ — борьба помѣщаются *на* комъ) и т. д. Вполнѣ понятно, что не можетъ быть никакого чередованія мѣстнаго падежа съ *вещнымъ* въ такихъ примѣрахъ какъ χεῖται νεκρὸς περὶ νεκρῶ (Soph. Ant. 1240), ἀμφ' αὐτῶ ἦριπε (Il. δ 493) и под., гдѣ предметомъ можетъ быть захвачена *только* часть »окружности« другого предмета, и гдѣ περὶ и ἀμφὶ могутъ указывать *только* на сосѣдство, разумѣется, въ смыслѣ *тѣснаго примыканія* предмета къ предмету.

Чередованіе надежей при φοβεῖσθαι περί, μάχεσθαι περί и другихъ доходитъ даже до родового надежа: въ выраженіи «φοβεῖσθαι περί τινος» мы видимъ уже не обращеніе страха *кругомъ* кого нибудь, и не помѣщеніе страха *на комъ*, а простое «отнесеніе» страха къ кому (φοβοῦμαι περί αὐτῶν = а боюсь *на-счетъ* ихъ). Родовому надежу *неметафоризированной* локальности мы *не находимъ* яркаго примѣра. Случайность — это? Едва ли: языкъ тутъ прибѣгалъ къ *другимъ* средствамъ (къ какому нибудь ἐγγύς, или къ чему нибудь подобному).

Ἀπό — ἐπί. Группа ἀπό — ἐπί напоминаетъ собою ту, съ которой мы *начали* разборъ предлоговъ, именно группу ἐξ — ἐν — εἰς. Правда, въ послѣднюю вошли *три* предлога, но въ сущности они сводятся къ двумъ. Наши этимологи совершенно правильно указываютъ на то, что εἰς есть только измѣненное ἐν. Бругманъ (Grundr. II. 590) даже говорить такъ: jedenfalls aber halte ich daran fest, dass nach Analogie von ἐξ die Form ἐνς (=εἰς) neben ἐν entstanden war. Если дѣйствительно ἐν относится къ ἐνς, какъ ἐκ къ ἐξ, то языкъ выказалъ въ ἐν и εἰς только лишь свойственную ему экономію, въ силу которой онъ двумя *случайными* внѣшними видами одной и той же *формы*, одного и того же *слова*, воспользовался для разныхъ синасіологическихъ ролей. Какія это разныя роли? Разъ εἰς указываетъ на *движеніе* чего нибудь внутрь предмета, то ἐν, обозначая *нахожденіе* внутри предмета, является *выражителемъ* лишь результата *того же* «движенія.» Можно сказать, что по синасіологической роли — εἰς относится къ ἐν, какъ praesens къ perfectum (сравни выше стр. 118).

Ἀπό отличается отъ ἐξ, а ἐπί — отъ εἰς — ἐν *тѣмъ*, что при ἐξ — εἰς — ἐν имѣлась въ виду *внутренность* предмета, а при ἀπό — ἐπί имѣется въ виду его *поверхность*. Ἀπό указываетъ на удаленіе *отъ* предмета, ἐπί — или на *движеніе* къ предмету (сравни εἰς), или на *результатъ* этого движенія (сравни ἐν). Ἀπό соединяется *сеида съ* удалительнымъ надежемъ, а ἐπί — или съ *вещнымъ*

(сравни εἰς), или съ *мъстнымъ* (сравни ἐν). Не придется ли измѣнить эту теорію при разборѣ фактовъ?

Фразеологія предлога ἀπό — проста и не представляетъ никакихъ затрудненій. Ὀλωλας, ὃ παῖ, μητρὸς ἀρπασθείσα ἀπο (Eur. Нес. 513) = оторванная *отъ* матери; ἀφ' ἵππων μάχεσθαι = сражаться, направляя свои дѣйствія *отъ* коня вдаль; ἵπποι ἀπὸ ποταμοῦ Σελλήεντος (II. β 839) = прибывшіе *отъ* рѣки; μένων ἀπὸ ἧς ἀλόχοιο (II. β 292) = вдали *отъ* жены; ἀπὸ τρόπου λέγεις (Plat. Rep. 470 b) = вдали *отъ* = въ разрѣзъ съ чѣмъ; ὀλίγοι ἀπὸ πόλλων (Thuc. 7. 87) = немногіе, отдѣльно *отъ* многихъ = немногіе *изъ* многихъ (все равно, что ἐκ πολλῶν); ἀπὸ δειπνου θωρήσονται (II. θ 53) = *послѣ* обѣда (все равно, что ἐκ δειπνου); ἀφ' οὗ (= ἐξ οὗ) γε ἀνθρώποι γεγόναμεν (Plat. Phäd. 76 c) = начиная *съ* того времени, какъ...; ἀφ' οἷσθ' ἀφ' ὧν (все равно, что ἐξ ὧν) εἰ (Soph. Oed. r. 415) = *отъ* кого ты производишь; ὄναρ ἀπὸ Διός (Xen. Anab. III. 1. 12) = исходящій *отъ* Зевса = посланный Зевсомъ; τὰ ἀπὸ σεῦ (Herod. 7. 101) = исходящее *отъ* тебя = твое мнѣніе; ἐπράχθη ἀπ' αὐτῶν οὐδὲν ἀξιόλογον (Thuc. 1. 17) = *отъ* нихъ = съ ихъ стороны = ими; οἱ ἀπὸ Πλάτωνος = школа Платона; οἱ ἀπὸ σκηνῆς = актеры; ἀπὸ στόματος = *отъ* устъ = изъ устъ = изустно = устно; ἀπό τινος ζῆν = жить *отъ* чего = жить чѣмъ; καλεῖσθαι ἀπό τινος = поименованіе, исходящее *отъ* чегонибудь = имѣющее *основаніе* въ чемънибудь.

Слѣдуетъ разборъ фразеологій слова ἐπί и его метафористики.

1. Ἐπί съ *вещнымъ* надежемъ.

παρεῖναι ἐπὶ τὰς θύρας τοῦ βασιλέως (Xen. Anab. III. 3. 12) = прибыть *къ* дверямъ, а метонимически = прибыть *къ* «двору» = къ дворцу (царя).

ἐπὶ δεξιᾶ — ἐπ' ἀριστερά = направо — *направо* (къ этому обороту придется еще вернуться).

ἐπ' ἡῶ (Od. η 288) = до утра: ἐπὶ χρόνον τινά = до известнаго времени, т. е. до известной *точки* времени; ἐπὶ πολὺν χρόνον = до той *точки*, когда исполнится *мног*

времени. Едва ли тутъ подѣ πολλὸς χρόνος слѣдуетъ разумѣть *μικίον*, по которой нѣчто движется (тогда бы языкъ употребилъ »κατὰ πολλὸν χρόνον«, а лучше »ἀνὰ πολλὸν χρόνον«), или *ἐξ* которой нѣчто вмѣщается (тогда бы появилось *εἰς*; смотри наше толкованіе примѣра *τρὶς τίχτει μῆλα εἰς ἐνιαυτόν* на стр. 242.).

ὁ δ' ἐπ' ἐννέα κείτο πέλεθρα Τιτυός (Od. λ 577) = до той точки, гдѣ кончаются девять плеуровъ.

ἐπὶ πολλοὺς τεταγμένοι (Хен. Anab. IV. 8. 11) = построившіеся до большаго числа, т. е. до извѣстнаго числа, а не *дальше*, такъ что, когда это число исполнилось, то начинается *новый* рядъ (понимается *distributiv'но*; сравни выше стр. 297.).

ἐπὶ τινα ἵναи = идти на кого нибудь (во *враждебномъ* смыслѣ).

ἐπὶ τοῦτο ἦλθομεν (Хен. Anab. II. 5. 22) = мы на это пошли = мы *за* этимъ пришли.

ἐπὶ στάθμην ἴθυεν (Od. ε 245) = онъ выпрямилъ кѣ ватерпасу = *приноровилъ* кѣ ватерпасу = выпрямилъ *по* ватерпасу.

2. Ἐπί съ *мѣстнымъ* падежемъ.

ἐπὶ βωμῶ καίειν (Od. θ 240) = жечь *на* жертвенникѣ.

οἱ ἐπὶ θαλάσῃ οἰκοῦντες (Хен. Сугор. VII. 4. 9) = живущіе *на* морѣ = на *берегу* моря.

ἐπὶ γῆ πέσε τανταλωθεῖς (Soph. Antig. 134) = палъ, такъ что лежалъ *на* землѣ.

ἦχε δ' ἐπ' Ἀργείοισι κακὸν βέλος (II. α 382) = послалъ, такъ что почилъ *на* Аргивянахъ.

ἐπὶ τοῖς δικασταῖς λέγειν (Dem. 19. 243) = говорить *на* судьяхъ (русскіе говорятъ: *на* людяхъ и смерть красна) = говорить *передъ* судьями. И здѣсь »личность« *лицѣ*, слушающаго и судящаго, выводится путемъ метафоры изъ локальности *мѣстнаго* падежа.

ἐπὶ δὲ δακρύοις μόνη κάθημαι (Eug. Iph. Aul. 1176) = сижу *на* слезахъ (русскіе говорятъ »я *въ* слезахъ«). Быть *можетъ*, впрочемъ, что *это* мѣсто слѣдуетъ толковать въ смыслѣ ниже объясняемаго ἐφ' ᾧτ.ε.

οὕτως οὕτε τι λέγομεν ἐπὶ τῇ χύλικι οὐτ' ἐπάδομεν, ἀλλ' ἀτεχνῶς ὥσπερ οἱ διψῶντες πτόμεθα (Plat. Symp. 214. b) = *при* (ослабленное *на*) бокалъ вина мы не говоримъ рѣчей и не поемъ.

βοῦς ἐπὶ Πατρόκλῳ πέφηνεν (Il. ψ 776) = *на* Патроклъ онъ основывалъ закалываніе быковъ = *въ честь* Патрокла онъ это дѣлалъ.

ἐπὶ τῷ θεωρικῷ τεταγμένος (Dem. 18. 55) = поставленный *при* чемъ = поставленный *надъ* чѣмъ.

τοσαύτας μὲν αὐτοῖς εὐθυμίας παρεῖχεν ἐπὶ τῷ δείπῳ (Xen. Cyrop. I. 12. 12) = *на* обѣдѣ = *за* обѣдомъ.

γέλῳπα γενέσθαι ἐπὶ τῇ παρησίᾳ αὐτοῦ (Plat. Symp. 222 c) = *при* его смѣлой рѣчи = *надъ* его смѣлою рѣчью.

πιστὰ δ' ἤξιον γενέσθαι καὶ τοὺς Κᾶρας ὁμόσαι ἀδόλως τε δέξασθαι εἰς τὰ τεῖχη σφᾶς καὶ ἐπ' ἀγαθῷ τῷ Κύρον καὶ Περσῶν (Xen. Cyrop. VII. 5. 3) = принять ихъ безъ коварства и основывая это *на* благѣ Кира и Персовъ = *къ добру* Кира и Персовъ.

αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο ἐπὶ τούτοις = *на* этомъ, какъ *на основаніи* = *на* этомъ основаніи = *на* этихъ условіяхъ состоялся договоръ. Вообще, изъ локальности *мысленаго* падежа путемъ *метафоры* выводится совершенно ясно (нѣкоторыя метафоры *не поддаются* опредѣленію, а если и поддаются, то это — особая, чрезвычайно сложная задача) — выводится совершенно ясно не только «личность» лица, но и causal'ность. Мы разумѣемъ causal'ность въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. имѣемъ въ виду нѣчто, что не только *предшествуетъ* обусловленному, или *сопровождаетъ* обусловленное, но и является *целью* чего нибудь. Такъ, ἐφ' ᾧ τε (ὅς — ἧ — ὅ есть *формальное* существительное, а почему прибавлено къ нему *τε*, объ этомъ ниже) имѣеть значеніе «*на томъ основаніи, чтобы*» = «*съ тѣмъ чтобы*», т. е. обозначаетъ цѣль. Быть можетъ, и вышеприведенное ἐπὶ δακρύοις μόνῃ κάθημαι слѣдуетъ толковать *финально*: я здѣсь сижу одна *для* слезъ. Въ какихъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ идетъ рѣчь о causal'ности въ объясненіи

момъ нами широкою смысломъ, читатель, надѣмся, отыщеть самъ.

οὐκ ἂν ἐπὶ τῷ βίῳ παντὶ βούλοιο ἀκοῦσαι (Хер. Метог. II. 2. 8) = на всей жизни онъ построитъ нежеланіе слушать = всю жизнь онъ готовъ отдать, чтобы не слушать.

ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι. По чешски говорятъ: to jest na mně = это на мнѣ = это зависитъ отъ меня = это въ моей власти. Рядомъ съ ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι говорятъ ἐν τῷ θεῷ τὸ τοῦτου τέλος ἢ οὐκ ἐν ἐμοί (Dem. 18. 193). Русскій, положимъ, не говоритъ »это дѣло въ богѣ« въ смыслѣ »это дѣло зависитъ отъ бога« (рѣчь идетъ о личности лица), но за то онъ говоритъ »все дѣло тутъ въ методѣ«. Въ послѣднемъ выраженіи, впрочемъ, дѣло идетъ не о »личности« лица, а о *causalности* въ широкому смыслѣ этого слова (все дѣло *основывается* на методѣ), хотя — поневолѣ призадумываешься, не есть ли въ концѣ концовъ »личность« лица, на сколько она выведена у насъ путемъ метафоры изъ *локальности* мѣстнаго падежа, и *causalность*, какъ она у насъ теперь выясняется, — не есть ли это — одно и то же? Русскіе говорятъ не только »все дѣло въ методѣ«, но и »все дѣло въ учительѣ«.

ὅρτο πολὺν πρῶτος μὲν ἀναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων, τῷ δ' ἐπὶ Τυδείδης ὅρτο κρατερός Διομήδης (II. η 163) = а при немъ, присоединяясь къ нему = *вслѣдъ* за нимъ поднялся Діомидъ.

Но ἐπί соединяется и съ родовымъ падежемъ (не съ удалительнымъ, конечно). О родовомъ падежѣ при ἐπί нужно повторить то же, что выяснилось о родовомъ при »хатѣ« въ четвертомъ пунктѣ: либо предметъ, отмѣченный въ родовомъ падежѣ, служитъ указателемъ не *цѣли* движенія, какъ то было въ ἐπί съ *вещнымъ* падежемъ, а только лишь *направленія* или *стороны*, въ которую нѣчто движется, либо въ родовомъ падежѣ выражено простое »отнесеніе« предмета къ предмету (второе есть метафора перваго).

Первое мы видимъ въ оборотѣ ἢ ἐπὶ Βαβυλῶνος ὁ δόξ, который отличается отъ оборота ἢ ἐπὶ Βαβυλῶνα

ὁ δὲ οὖν τῆμῃ, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о путешествіи въ Вавилонъ, а въ другомъ — о путешествіи въ иное мѣсто, приче́мъ, однако, *дорога* въ это иное мѣсто та же, что идетъ *на* Вавилонъ. Русскій языкъ, для достиженія того же различія, идетъ, какъ извѣстно, совершенно инымъ путемъ: оставляя въ томъ и другомъ случаѣ вещный падежъ въ роли указателя *цѣли* движенія, онъ подбираетъ для *разныхъ* значеній лишь разные предлоги, — тѣ предлоги, къ которымъ мы прибѣгли и въ нашемъ объясненіи (говорять »ѣхать *въ* Москву« и »ѣхать *на* Москву).*)

Простое »отнесеніе« предмета къ предмету мы видимъ въ примѣрахъ ἢ ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ μάχη, ἐπὶ μαρτύρων (въ смыслѣ русскаго *при свидѣтеляхъ*), ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος (въ смыслѣ русскаго *при* Кирѣ), ἐπὶ πάντων ὀργιζεσθαι (изъ-за всего сердиться), въ distributiv'номъ ἐπὶ τεσσάρων τάξασθαι и т. д. Если бы тутъ не было *метафоры* (мы разумѣемъ метафору локальности *родового* падежа, *на* сколько она въ немъ мыслима *при* предлогѣ »ἐπί«**). если бы тутъ была *дѣйствительная* локальность, то, конечно, появились бы другіе падежи. Интересно прослѣдить за чередованіемъ падежей въ выраженіяхъ: γίγας ἐπ' ὄμοις γηγενῆς ὄλην πόλιν φέρων (Eur. Phoen.

*) Читатель, быть можетъ, спроситъ, почему грекъ говоритъ ἐπὶ δεξιᾶ — ἐπ' ἀριστερά, а не ἐπὶ δεξιῶν — ἐπ' ἀριστερῶν. Все зависѣло отъ того, гдѣ эти δεξιᾶ и ἀριστερά начинались. Если бы они представлялись гдѣ нибудь *вдали*, то, конечно, естественнѣе было бы ἐπὶ δεξιῶν (= по направленію къ находящемуся гдѣ нибудь вдали, по *правую* сторону, *льву* или чему нибудь подобному). Но δεξιᾶ представлялась греку начинающимся въ ближайшемъ *сосѣдствѣ* чего нибудь или кого нибудь, а потому и установился оборотъ ἐπὶ δεξιᾶ (въ русскомъ языкѣ — *такому же* представленію о *началѣ* τῶν δεξιῶν соотвѣтствуетъ оборотъ »нидѣ *въ-право*«, противоположный обороту »нидѣ *на-право*«; въ послѣднемъ оборотѣ τὰ δεξιᾶ представляются *вдали*).

**) Эта прибавка необходима. Ибо въ *самомъ* родовомъ падежѣ никакого локальнаго значенія нѣтъ; онъ приставленъ къ ἐπί потому только, что то *частное* отношеніе при »сопоставленіи предмета съ предметомъ«, на которое весь предлоговый оборотъ долженъ указать, *спеціального падежа не имѣетъ*. Такимъ образомъ, локальность родового падежа здѣсь и вездѣ, гдѣ мы о ней говорили, оказывается чѣмъ то, что внесено въ *родовой падежъ* самимъ *предлогомъ*, т. е. тѣмъ, что *родовой падежъ сочетался* съ предлогомъ, который *самъ по себѣ* локаленъ по первоначальной организаціи языка.

1131; действительная локальность) и ἐπεὶ οὕτως ἦεν ἐπ' ὧμου χειρὶ φέρειν ἑτέρῃ (Od. x 170; простое »отнесение предмета къ предмету«), ἐπὶ νηί (на корабль) и ἐπὶ νηός (съ кораблемъ; я имѣю здѣсь въ виду известный русскій провинциализмъ »прѣхаль съ такимъ-то поѣздомъ«; въ этомъ провинциализмѣ действительная локальность не выражена, а указано только на общую связь прѣбытія и поѣзда), ἐφ' ἵππῳ (на лошади) и ἐφ' ἵππου (по чешски *koňto*) и т. д.

Ἵπερ — ὑπό. Ἵπερ указываетъ на то, что нѣчто находится или проходитъ *надъ* предметомъ, его самого *не касаясь* (разъ оно *не касается* предмета, то *мѣстный* падежъ невозможенъ). Если рѣчь идетъ *только* о томъ, что то то *находится*, или даже *происходитъ* выше предмета, то кромѣ *родоваго* падежа при ὑπέρ ставить нечего: χιτωνίσκους ἐνεδεδύχεσαν ὑπερ γονάτων (выше колѣнъ — Хер. Анаб. V. 4. 13); καὶ ἐτοιμὰ ἐστὶν ὑπερ τούτων διαμύχεσθαι τὰ ἀσθενέστατα τοῖς ἰσχυροτάτοις (слабѣйшее съ сильнѣйшимъ готово вести борьбу до конца *надъ* этимъ, т. е. *изъ-за* этого — Plat. Symp. 207b); τοῖς δὲ ἀλοπιφισαμένοις ἠδέως ἂν διαλεχθεῖν ὑπερ τοῦ γερονότος τουτοῦ πράγματος (радъ бы завести бесѣду *надъ* случившимся = радъ бы побесѣдовать *о* случившемся — Plat. Apol. 39e); ἐπὶ δὲ μνήσασθε ἕκαστος παίδων ἢδ' ἀλόχων, καὶ κτήσιος ἢδὲ τοκήων ἡμῖν ὅτεω ζώουσι καὶ ᾧ κατατεθνήκασι. τῶν ὑπερ ἐνθάδ' ἐγὼ γουναίζομαι οὐ παρεόντων (надъ ними, не присутствующими, стоя, умоляю васъ = *отъ имени изъ* умоляю васъ — II. o 665) и т. д.

Другое дѣло, если что нибудь не только проносится *надъ* предметомъ, но проходитъ всю параллель его верхней грани или, какъ мы выражаемся, проносится *черезъ* него. Если тутъ нужно выразить *оттѣнокъ преодоленія* предмета, то этотъ *оттѣнокъ* можетъ быть выраженъ *только* вещнымъ падежемъ: οὐκ ἔστιν ὑπερ ἄνθρωπον (»не идетъ *черезъ* чело-вѣка« въ смыслѣ »не есть сверхъ силъ чело-вѣка« = *не преодо-льваетъ* чело-вѣка — Plat. Leg. 839 d); ὑπερ τὰ τεσσαράκοντα ἔτι; (за сорокъ лѣтъ, *преодо-львая* эту цифру,

переходя за ея предѣлы): ὑπὲρ μοῖραν (переходя за предѣлы мѣры = устраняя мѣру).

При *отсутствіи* отгѣнка преодоленія *нѣтъ* нужды уклоняться отъ родоваго падежа: ἔλκε δὲ μιν δουρὸς ἐλὼν ὑπὲρ ἀντιγὸς (= тащилъ его черезъ ἀντιξ — II. п. 406). Мы говоримъ »нѣтъ нужды«. Это не значитъ, что языкъ *лишенъ* возможности перейти къ вещному падежу, такъ какъ тутъ можетъ почувствоваться и повліять на конструкцію представленіе — если не преодоленія, то, по крайней мѣрѣ, *обхватыванія всего предмета* движеніемъ черезъ него; сравни примѣръ ἐγχείη δ' ὑπὲρ νότου ἐνὶ γαίῃ ἔσται ἱεμένῃ, (II. v. 279) съ примѣромъ ὑπὲρ ὄμον ἀριστερὸν ἤλυθε ἀκωκῆ ἔρχεος οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν (II. ε 16.)

Что касается предлога ὑπό, то мы будемъ здѣсь *очень* кратки, такъ какъ пришлось бы буквально повторять то же, что мы разъясняли при ἐπί. И ὑπό указываетъ на придвиженіе чего нибудь къ предмету, или на *результатъ* такого движенія, только что при ἐπί это движеніе идетъ скорѣе по горизонтальному направленію, тогда какъ при ὑπό оно идетъ *снизу* къ предмету, а если сверху, то — *подъ* предметъ. Конечно, не всякій примѣръ на ἐπί найдетъ себѣ соотвѣтствіе въ примѣрахъ на ὑπό, но *отсутствіе* такого соотвѣтствія читателю нетрудно будетъ опредѣлить *самоу*. Новое здѣсь, сравнительно съ ἐπί, одно: ὑπό можетъ указывать также на движеніе *изъ* *подъ* предмета. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ пассивныя конструкціи: ὑπ' αὐτοῦ ἐπράχθη значитъ »изъ-подъ него«, т. е. *изъ* *подъ* его дѣятельности или власти или вообще энергіи вышла такая то *πραξίς*. Появляющійся здѣсь genitivus есть *удалительный* падежъ, и такимъ образомъ мы опять очутились тамъ, гдѣ мы были при κατὰ: genitivusная форма при ὑπό имѣетъ значеніе и *родоваго* (ὑπὸ τῆς γῆς = *подъ* *землю*, притомъ *дальше* отъ земли, а не *непосредственно* *подъ* нею; послѣднее должно бы быть выражено черезъ ὑπὸ τῆ γῆ) и *удалительнаго* падежа; разница въ *положеніи* »сопоставляемыхъ черезъ ὑπό предметовъ« (въ ὑπὸ τῆς γῆς нѣчто на-

ходится *ниже* земли, а въ ἔπ' αὐτοῦ ἐπράχθη πράξις представляется идущей *вверхъ* отъ αὐτόσ), внесенная *извне* въ предлоговую конструкцію, позволяетъ genitiv'ной падежной формѣ *раздвоиться* симасиологически.

Διά. Этотъ предлогъ указываетъ на движеніе чего *нибудь* *сквозь* предметъ. И на этомъ предлогѣ долго *останавливаться* нечего, такъ какъ метафористика его — очень проста, а объясненіе *падежей* при немъ не представляетъ затрудненія. Предметъ, *сквозь* который что *нибудь* движется, представляется, употребляя *физическій* терминъ, *проводникомъ* этого «чего *нибудь*», и нѣтъ падежа, который бы соотвѣтствовалъ этому представленію, кромѣ *обще-родоваго*: сравни: διὰ θώρακος τιρώσκειν, διὰ νήσου ἰών (Od. μ 335) и др. Идетъ ли движеніе *за* предѣлы того предмета, *сквозь* который оно совершается (τιρώσκειν διὰ θώρακος), или *остаётся* въ предѣлахъ «проводника» (διὰ νήσου ἰών), это — рѣшительно все равно и не можетъ имѣть на конструкцію особеннаго вліянія. Въ метафористикѣ этого предлога представляются характерными выраженія въ родѣ διὰ τοῦ ἐρωτᾶν διδάσκειν (ἐρωτᾶν является здѣсь *существительнымъ*; сравни стр. 200) и т. п. Русское выраженіе «обученіе совершается *путемъ* спрашиванія» достаточно выясняетъ данную метафору.

Есть нѣсколько случаевъ появленія *вещнаго* падежа при предлогѣ *διά*: θεῖός μοι ἐνύπτιον ἦλθε ὄνειρος ἀμβροσίην διὰ νύκτα (Il. β 57). *Ἀμβροσίη* νύξ представляется здѣсь *средою*, отдѣляющею *ὄνειρον* отъ героя, и ее долженъ былъ *преодолѣть* *ὄνειρος*, пока дошелъ до Агамемнона. Вотъ этотъ *оттѣнокъ преодолеванія*, очевидно, вызвалъ появленіе *вещнаго* падежа. Сравни: ἔστιν δὲ σκοπιῖν ἐς παυπαλόεσσαν ἀνελεῖσθαι, καὶ μοι εἰσατο καπνὸς ἀπὸ χθονὸς εὐρωδείης Κίρκης ἐν μεγάροισι διὰ θυρῶν πυκνὰ καὶ ἔλιγν (Od. κ 150) и др.

Особенно выдѣляется *διά* съ *вещнымъ* падежемъ, обозначающее *причину*: διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευομένους ἐν τῇ ἀλγαρχίᾳ δημοκρατία γίγνεται (Lys. 25. 27); διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακὰ и т. д. Сопоставляя эти примѣры съ вы-

шеприведеннымъ διδάσκειν διὰ τοῦ ἐρωτᾶν, мы видимъ большую разницу. Тамъ διδάσκειν дѣйствительно проходило черезъ ἐρωτᾶν и совершалось въ самомъ ἐρωτᾶν, здѣсь же τὰ κακὰ только лишь *подготавливаются* черезъ τοῦτο (тоже проходить сквозь тоῦτο, иначе необъяснимо было бы само διὰ, но проходить черезъ него только лишь въ своемъ зародышѣ), а какъ *осязаемыя* κακὰ они являются уже по окончаніи того, что ихъ подготавливало, а потому τοῦτο въ примѣрѣ »διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά« является истымъ *antecedens* по отношенію къ κακά. Наше διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά напоминаетъ намъ то μετὰ съ вещнымъ падежемъ (μετὰ τοὺς θεοὺς θεϊότατον ἢ ψυχὴ — μετὰ τὸν δειπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν; см. стр. 260), которое рисовало картину *окончанія* чего нибудь одного для того, чтобы наступило другое. Когда мы толковали о примѣрахъ μετὰ τοὺς θεοὺς — μετὰ τὸν δειπνον, то недоумѣвали, какъ связать значеніе вещнаго падежа въ *этихъ* примѣрахъ съ его *общимъ* значеніемъ. Въ настоящее время эта связь — намъ ясна; ее помогло выяснить именно »διὰ« съ вещнымъ падежемъ, обозначающее причину, — помогло ее выяснить своею картиною *подготовленія исподволь* того, что потомъ слѣдуетъ: въ *оконченномъ*, т. е. въ δειπνος (μετὰ τὸν δειπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν), въ *тоῦτο* (διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά), въ οἱ ἀδίκως πολιτευόμενοι (διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευόμενους), въ θεοὶ (μετὰ τοὺς θεοὺς θεϊότατον ἢ ψυχὴ), — во всемъ этомъ мы должны усматривать нѣчто, чѣмъ, въ его *готовомъ* видѣ, такъ сказать, »распорядилось« то, что за нимъ *послѣдовало* и имъ подготавливалось. Μετὰ τοὺς θεοὺς ἢ ψυχὴ θεϊότατον значить: *счеты съ богами* должны быть окончены, для того чтобы *ψυχὴ* оказалась самую божественною.

Мы считаемъ разборъ отдѣльныхъ предлоговъ и *падежей* при нихъ оконченнымъ. Всѣ остальные слова, котбрыя причисляются къ предлогамъ, не могутъ подлежать такому разбору, какъ видно изъ слѣдующихъ соображеній.

ἄνευ представляет собою *отрицательный* предлогъ, такъ какъ оно *отрицаетъ* »сопоставленіе предмета съ предметомъ«. Его можно назвать предлогомъ лишь на такомъ основаніи, на какомъ нуль, *отрицаніе* числа, называютъ числомъ. Для теоріи падежей оно не представляетъ никакого интереса: являясь отрицаніемъ не какого нибудь *частнаго* отношенія предмета къ предмету, а отношенія *вообще*, оно соединяется съ *родовымъ* падежемъ. Но, быть можетъ, мы въ немъ должны усматривать не *отрицаніе* отношенія, а *удаленіе* предмета отъ предмета, и на этомъ основаніи примемъ соединяющуюся съ нимъ *γενικῆν* за *удалительный* падежъ? На это трудно отвѣтить опредѣленно, и вообще объ *ἄνευ* легче было бы разсуждать, если бы оно было больше раскрыто этимологически.*)

Не раскрыты для насъ этимологически и »предлоги« *ἐνεκα* (съ родовымъ**) и *ὡς* (съ вещнымъ падежемъ). Кромѣ того, я ни тотъ, ни другой предлогъ не чувствую *непосредственно*. Первый я чувствую черезъ замѣняющее его «*πρὸς χάριν*» съ родовымъ, а второй — черезъ *πρός* съ вещнымъ падежемъ.

Ἄχρι τινός и *μέχρι τινός* разбирать пока довольно трудно, такъ какъ *ἄχρι* и *μέχρι* почему то употребляются не только въ качествѣ »предлоговъ«, но и въ качествѣ »союзовъ« (*ἄχρι ἂν τοῦτο γένηται, μέχρι ἂν τοῦτο γένηται*), а до »союзовъ« мы не скоро дойдемъ.

Точно также нелегко раскрыть теперь и *ἅμα*, исполняющее, кромѣ роли »предлога«, еще какъ будто и роль »частицы« (*ἅμα μὲν — ἅμα δέ*).

Впрочемъ, всѣ эти *ἄνευ*, *ἐνεκα*, *ὡς*, *ἄχρι*, *μέχρι* и *ἅμα* наша грамматика называетъ *ненастоящими* пред-

*) Brugmann (Grundriss II. 615) принимаетъ его за этимологически связанное съ русскимъ *возъ*, Bartholomae (Bezzenger's Beiträge XV. 16) указываетъ на связь его и слова *ἄτερ* съ санскритскимъ *zanitar* (= прочь, въ сторону), но обыкновенно его сопоставляютъ съ *отрицательными* словами: съ греческимъ *α* (privativum) = *αυ-α πη*, съ латинскимъ *in* (privativum) и съ нѣмецкимъ *un* (privativum). Смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce *ἄνευ*.

**) Разныя попытки объяснять этимологію этого слова смотри Ebeling Lex. Nom. sub voce *ἐνεκα*.

логами, противопоставляя ихъ *настоящимъ* т. е. тѣмъ, которые мы разобрали, и подчеркивая при этомъ противопоставленіи то обстоятельство, что только *разобранные* нами предлоги, *пожиже* способности соединяться съ падежами, обладаютъ еще способностью входить въ *композици* словъ (*κατάδιλος συνέρχεται* и т. д.)

Относительно происхожденія предлоговъ существуетъ теорія, что всѣ они, какъ »настоящіе,« такъ и »ненастоящіе« первоначально были »нарѣчіями«. Это утвержденіе основывается на случаяхъ появленія предлоговъ въ рѣчи въ совершенно *самостоятельномъ* значеніи, т. е. *безъ* падежей при нихъ. И въ самомъ томъ обстоятельстве, что предлоги выступаютъ въ *compositis* ахъ, видятъ доказательство ихъ »*самостоятельнаго*« значенія и »нарѣчности*«. Объ отношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ« мы пока разсуждать не можемъ, такъ какъ сами до »нарѣчій« еще не дошли. Что же касается случаевъ »*самостоятельнаго*« значенія предлоговъ, т. е. того, на чемъ »нарѣчность« *основывается*, то вотъ эти случаи:

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῆσι μέγα βρίθουσαν ἀλωῆν, καλήν, χρυσεῖν, μέλανες δ' ἀνὰ βότρυνες ἦσαν (. . . а на нихъ, т. е. на этихъ *σταφυλαί*, было то-то — II. σ. 562).

*) Это — общепринятый взглядъ. Его выражаетъ напр. Curtius (Erl. 168) словами: Für das Verständniss der Rection der Präpositionen ist nichts wichtiger, als die unumstösslich feststehende Thatsache, dass alle Präpositionen ursprünglich Adverbien waren. Kühner говоритъ такъ: Sämmtliche eigentliche Präpositionen sind ursprünglich Ortsadverbia, d. h. sie bezeichnen die Ortsbezeichnung einer Handlung In der homerischen Sprache verwalten dieselben fast alle noch eine doppelte Function, die ursprüngliche, als Ortsadverbia, und die hieraus hervorgegangene, als Präpositionen, indem sie die Ortsbeziehung eines Substantivs bezeichnen (затѣмъ слѣдуютъ примѣры изъ Омира въ родѣ *περὶ δ' ἄντυγα μάλλε φαεινῆν*, словомъ, въ родѣ тѣхъ, къ разбору которыхъ мы и собираемся приступить въ настоящее время; смотри Kühner Ausf. Gram. II. 445). А дальше: Die Präposition erscheint endlich in Verbindung mit einem Verb. In diesem Falle tritt sie zwar nicht wie in dem ersten als selbstständiges Adverb auf, hat aber adverbiale Bedeutung (тамъ же стр. 459). Теперь, впрочемъ, взглядъ о »нарѣчности« предлоговъ очень ослабленъ Дельбрюкомъ. Дельбрюкъ признаетъ предлоги за *особую* часть рѣчи, только сознаетъ, что ebensowenig wie eine scharfe Definition des Adverbiums, ist eine genaue Abgränzung gegen das Gebiet der Präpositionen einerseits und der sog. Partikeln andererseits möglich (Grundr. III. 536). Де-

ὀπτήσας δ' ἄρα πάντα φέρων (разумѣй *Εὐμείη*) παρέ-
 θηκε Οδυσσῆι . . . αὐτὸς δ' ἀντίον Ἴξεν, ἐποτρύνων δὲ προ-
 σιύδα (. . . самъ же сидѣлъ къ нему лицомъ къ лицу . . .
 Od. ξ. 79). Простое ἀντί даже не встрѣчается; скажемъ,
 что это — простая случайность, и что здѣсь слово ἀντίον
 могло быть замѣнено словомъ ἀντί.

τὸν δ' (т. е. Диомида) ἐκίχανον ἐκτὸς ἀπὸ κλισίης σὺν
 τεύχεσιν, ἀμφὶ δ' ἑταῖροι εὐδον (. . . вокругъ него сидѣла
 дружина — II. κ. 151).

οὐ μὲν γάρ τι κακὴ γε (разумѣй ἡ νῆσος), φέροι δὲ
 κεν ὄρια πάντα . . . ἐν μὲν γάρ λειμῶνες ἄλλος πολιοῖο παρ'
 ὄχθας ἑδρηλοὶ μαλακοί . . . ἐν δὲ ἄρσις λείη (. . . на немъ,
 на островѣ, встрѣчается то-то — Od ι 132).

αὐτὸς δ' ἐς θάλαμον κατεβήσατο κηῶεντα κέδρινον, ὑπό-
 ροφον, ὃς γλήνεα πολλὰ κεχάνθει ἐς δ' ἄλοχον Ἐκάβην
 ἐκαλέσσατο (св него позвалъ . . . II. ω 193).

Θρήικες δ' ἐπὶ μὲν τῆσι κεφαλῆσι ἀλωπικέας ἔχοντες
 ἐστρατεύοντο, περὶ δὲ τὸ σῶμα κιθῶνας, ἐπὶ δὲ χειρᾶς
 περιβεβλημένοι ποικίλας (на хитонахъ = поверхъ хитоновъ
 . . . Herod. 7. 75.).

ἴζοντο πρῶτος μὲν ὁ Σιδωνίων βασιλεύς, μετὰ δ' ὁ
 Τύριος (смержно съ нимъ . . . Herod. 8. 67.).

тальный разборъ предлоговъ идетъ у него въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) prä-
 verbia (т. е. предлоги, относящіеся къ verba finita: ὑπό τε τρόμος ἔλλαβε
 γυνία); 2) предлоги при падежахъ; 3) случаи, идѣ предлогъ можетъ быть при-
 влеченъ и къ verbum finitum, и къ падежу (τοῖσιν δ' ἐγὼ μεθ' ὀμίλειον); 4)
 предлоги въ качествѣ «нарціи» или «частицы» («нарвіе»: οἱ περὶ μὲν βου-
 λην Δαναῶν, περὶ δ' ἴστε μάχεσθαι; «частица»: μετὰ δὲ — πρὸς δὲ = затѣмъ);
 5) предлоги въ соpositiᾶхъ. Итакъ, и у Дельбрюка ошурпругъ предлоги
 въ роли «нарціи», только не на первомъ мѣстѣ. Въ общемъ, Дельбрюкъ
 представляетъ себѣ историческое развитие предлога въ слѣдующемъ видѣ
 (Grundr. III. 664): die ältere Aufgabe der Präpositionen war, die Handlung
 des Verbums nach Massgabe des ihnen inwohnenden Sinnes näher zu be-
 stimmen. Trat nun zu dem so bestimmten Verbum ein geeigneter Casus, so
 konnte sich zwischen ihm und der Präposition ein näheres Verhältniss ent-
 wickeln, bei dem die Präposition den Sinn des Casus sehr erheblich modifi-
 zieren konnte. У насъ получается и получится какъ разъ обратное, такъ
 какъ мы вышли отъ мысли о необходимости предлоговъ прежде всего для
 обозначенія «мѣстныхъ отношеній». Читатель самъ обесудитъ, идѣ больше
 правды.

λέκτο μυχῶ δόμου ὑψηλοῖο· παρ' δὲ γυνή δέσποινα
λέχος πόρσυνε καὶ εὐνήν (рядомъ съ нимъ . . . Od. η 347).

αἴγλη δ' οὐρανὸν ἴκε, γέλασσε δὲ πᾶσα περὶ χθῶν
(вокругъ того мѣста, о которомъ идетъ рѣчь . . . Il. τ 362).

ἑσταότες περὶ Πατρόκλην πρὸ δὲ δούρα τ' ἔχοντο (не-
редъ собою = впереди отъ себя . . . Il. ρ 355).

Θλάσσειν οἱ κοτύλην, πρὸς δ' ἄμφω ῥήξει τένοντε
(= συμπρωσεῖς τοιοῦθι δυνάστειν и вдобавокъ къ нему . . .
Il. ε. 307).

ᾧλοντο γὰρ Πολυνείκης μὲν πορθῶν τήνδε γῆν, ὁ δὲ
'Ετεοκλῆς ἀντιστάς ὑπέρ (. . . противоставъ ему надъ зе-
млею = съ защитою земли — Soph. Antig. 518).

ἔνθα μοι ἵπποι δώδεκα θήλειαι, ὑπὸ δ' ἡμίονοι ταλα-
εργοὶ ἀδμήτες (подъ нимъ, т. е. подъ кобылами . . . Od.
η 636).

βέλος εἰς κεφαλὴν δῦ, σὺν δ' ἵππους ἐτάραξεν (вмѣстѣ
съ нимъ онъ . . . Il. θ 85).

τὴν δ' (разумѣй корабль) εἰς ὄρμον προέρεσσαν ἐρετ-
μοῖς, ἐκ δ' εὐνάς ἔβαλον (изъ него, т. е. изъ корабля . . .
Il. α 436).

Πριαμίδης μὲν ἔπειτα κατὰ στήθος βάλεν ἰῶ θώρηκος
γύαλον, ἀπὸ δ' ἔπτατο πικρὸς οἰστός (отъ свода щита . . .
Il. ν 537).

Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаются *всѣ* предлоги
»самостоятельно«, т. е. *безъ* падежей, за исключеніемъ *διὰ*
и *κατά*, но и ихъ »самостоятельное« употребленіе можно
вполнѣ доказать на такихъ явленіяхъ какъ *ἔλκε δι' ἐκ προ-*
θύροιο (Od. σ 101 = *черезъ* подворотню и дальше *изъ* нея;
падежъ *προθύροιο* зависитъ только отъ *ἐξ* и есть па-
дежъ *удалительный*, а *διὰ* своего падежа, т. е. *родового*,
не имѣетъ) и *καδ' δ' ἐκ πασσαλόφι κρέμασσειν φόρμιγγα*
λίγεια (Od. θ 67) = *съ* *воздей* — какъ латинское *pendere*
ex aliqua re — *внизъ* *подъ* гвозди. Но при всей »само-
стоятельности«, наши предлоги, впервыхъ, вполнѣ сохра-
няютъ то значеніе, которое имъ, и *именно* имъ, а не па-
дежамъ, принадлежало и при сочетаніи ихъ съ падежами,
а вовторыхъ, то существительное, котораго они потребовали

бы какъ предлоги, либо упомянуто гдѣ нибудь тутъ же, вблизи, либо, какъ выше въ примѣрѣ *γέλασσε δὲ πᾶσα περὶ χθών*, подразумѣвается изъ общаго контекста. Если поставить вопросъ, что было естественнѣе для предлоговъ, — перейти ли отъ такого «самостоятельнаго» употребленія къ обычному, несамостоятельному, или же наоборотъ, то этотъ вопросъ, кажется, слѣдуетъ рѣшить во *второмъ* смыслѣ, такъ какъ только *привычка* языка на *дѣль* употреблять падежи при предлогахъ дѣлаетъ возможнымъ и ихъ *подразумѣваніе*, а *подразумѣваніе* ихъ, кажется, въ нашихъ примѣрахъ — *необходимо*.

Мысль, которую мы защищаемъ въ приведенномъ разсужденіи, — очень проста, и мы просимъ читателя не влагать въ наши слова больше того, что въ нихъ заключается. Приведеннымъ разсужденіемъ мы не защищаемъ ни *предложность* предлоговъ, ни ихъ нарѣчность (мы, какъ уже сказано, не можемъ этого сдѣлать просто потому, что о «нарѣчійхъ» еще ничего не знаемъ). Мы хотимъ сказать только то, что если послѣ какого нибудь слова, — предлога ли, или иной части рѣчи, — что нибудь подразумѣвается, — будь это падежъ, или что либо другое (вѣдь падежъ или его подразумѣваніе не предполагаетъ непременно наличность предлога *; и послѣ *существительнаго* можетъ подразумѣваться падежъ **), — то это подразумѣваніе вытекаетъ изъ привычки *дѣйствительно соединять* со словомъ то, что въ томъ или другомъ случаѣ «подразумѣвается». ***) Эта мысль, высказанная здѣсь въ общемъ видѣ, получаетъ примѣнительно къ нашему разсужденію о предлогахъ *такой* смыслъ, что «самостоятельное употребленіе» предлоговъ, разъ оно предполагаетъ подразумѣваніе при нихъ падежей, не можетъ играть той «роли *аргумента*» въ вопросѣ объ от-

* Придется всетаки забѣжать впередъ и сказать, что въ приведенномъ выше примѣрѣ слово *ἀπὸ* ужь никакъ не есть предлогъ, а есть «нарѣчіе»; между тѣмъ и послѣ *μεῖο* подразумѣвается падежъ.

***) Послѣ *за спиною* всегда будетъ подразумѣваться отвѣтъ на вопросъ *чьей*.

****) Сопоставъ сказанное на стр. 54.

ношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ«, какою ему обыкновенно навязываютъ.

Разсмотримъ теперь *composita*, въ составъ которыхъ входятъ предлоги. Прежде всего заявляемъ, что напрасно толкуютъ о композиціяхъ въ *глаголахъ* какъ чезъ то *особомъ*, ниѣющемъ выяснитъ историческое развитіе предлога. Чѣмъ отличается слово *συνάγω*, какъ предлоговая композиція, отъ слова *συναγωγή*, или — слово *παράνομέω* отъ слова *παράνομος*?) Вообще же, по интересующему насъ дѣлу слѣдуетъ раздѣлить предлоговыя композиціи на три категоріи.

На первомъ мѣстѣ поставимъ *composita*, составляющіяся изъ предлога и того или иного *надежа*, который въ предлоговомъ *оборотѣ* долженъ бы быть приставленъ къ предлогу какъ вторая *часть* оборота. Такъ составлены *composita*:

ἀμφιβόμος (Eur. Troad. 562) = совершаемый около жертвенника; сказано о *σφαγαί*.

ἀντήλιοι (Soph. Ai. 805) = находящіеся противъ солнца; сказано объ *ἀγκῶνες*.

ἀπόπτολις (Soph. Oed. r. 1000) = находящійся далеко отъ города.

διαπόντιος (Aesch. Choëph. 352), сказано о *γῆ* = земля, къ которой проникнешь только »сквозь« море = заморская земля.

ἔκδημος (Xen. Cyrop. VIII. 5. 12.) = вышедшій изъ дима = находящійся за предѣлами своей *общины*.

ἐνδημος (Aesch. Suppl. 682) = находящійся въ *общинѣ*, въ своемъ *отечествѣ*.

На предлогъ *εἰς* трудно подыскать примѣръ. Затрудненіе это объясняется тѣмъ, что *εἰς* — этимологически тожест-

*) Намъ возразятъ, что *συναγωγή* или *παράνομος* могло появиться только тогда, когда само *συνάγω* или *παράνομέω* уже утвердились въ языкѣ какъ одно слово. Надѣмся, изъ нижеприведеннаго нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что настоящее возраженіе не можетъ имѣть для насъ никакого значенія или, по крайней мѣрѣ, — не такое, какое могутъ ему придавать тѣ, которые выдѣляютъ глагольныя композиціи для *своихъ*, нами не признаваемыхъ, дѣлей.

венно съ *ἐν*, и что различіе между *движеніемъ* внутрь и *нахожденіемъ* внутри для нашихъ *composit'овъ* какъ то теряеть значеніе (сопоставь выше стр. 307). Такое слово, какъ *σχοραχίζειν* (собственно *εἰσχοραχίζειν* = посылать къ ворону = посылать къ черту) представляется намъ словомъ слишкомъ *дьяланнымъ*, — словомъ, созданнымъ на *кожической* почвѣ, хотя его употребляетъ и Димосеентъ, въ значеніи синонима слову *προπληλαχίζειν* (см. Dem. 11. 11.).

ἐπιχώριος = туземный (встрѣчается у Пиндара, Эсхила, Софокла, и позже).

κατάγειον (Plat. Resp. 532 b) = подземелье.

μεταδήμιος (Od. ♪ 293) = находящийся *среди* народа, т. е. — *дѣма*, въ общинѣ.

παρانونέω = поступаю *противъ* закона.

περιανχένιος (Herod. 3·20) = носимый вокругъ шеи; сказано о *στρεπτός*.

προθύριον = собственно *преддверье*.

προσδῶριος (собственно *ποτιδῶριος*, Od. ι 234) = относящийся къ *δῶριον*: сказано объ *ἄβριμον ἄχθος ἔλας ἀζαλέης*, которое принесть въ пещеру Полифимъ.

συνάδελφος (Xen. Memor. II. 3. 4) = имѣющій *единоутробныхъ* (братьевъ и сестеръ).

ὕπεράχιος (Herod. 6. 20) = находящийся надъ горами.

ἐποζύγια = подъяремный = вьючный скоть.

Всѣ эти *composita* производятъ впечатлѣніе словъ, основывающихся на предлоговыхъ *оборотахъ*, какъ на чемъ то, уже практиковавшемся въ языкѣ и вполне установившемся до образованія самихъ *composit'овъ*. Что предметъ, который въ предлоговомъ оборотѣ долженъ быть выраженъ въ самомъ *надежъ* этого оборота, заключается въ *composit'ѣ*, это нами уже сказано. Что же касается *другого* предмета, который въ предлоговомъ оборотѣ, какъ служащемъ для «сопоставленія предмета съ предметомъ, необходимъ», то этотъ *другой* предметъ въ нашихъ *composit'ахъ* или намѣченъ (а то

и прямо обозначенъ *) окончаніемъ, или долженъ быть показанъ *по мимо* composit'овъ. **)

Для опредѣленія второй категоріи composit'овъ онять таки нужно выходить изъ предлоговыхъ оборотовъ и ихъ роли »сопоставленія предмета съ предметомъ.« Въ этой категоріи *оба* сопоставляемые предмета получаютъ свое выраженіе *внѣ* composit'овъ. Въ *лучшемъ* случаѣ, войти въ этимологическую основу composit'a можетъ *тотъ* изъ »сопоставляемыхъ« предметовъ, который въ *предлоговомъ* оборотѣ былъ обозначенъ не *падежемъ* оборота, какъ въ *первой* категоріи, а *внѣ* всего предлоговаго оборота. Эта категорія composit'овъ — самая многочисленная. Вотъ ихъ примѣры:

1. Ὄστε μὲ κουράων ἀμφήλυθε θήλυς αὐτή (Od. ζ. 122). Ἀὐτὴ и ἐγὼ приводятся здѣсь въ *мѣстное* отношеніе. И αὐτή, и ἐγὼ, — оба эти предмета показаны *внѣ* composit'a, а compositum состоитъ изъ выраженія »дѣйствія«, *приводящаго* ихъ въ мѣстное отношеніе, и изъ предлога, вызывающаго появленіе вещнаго падежа *μὲ* такъ, какъ онъ вызывалъ бы его, если бы стоялъ самъ *внѣ* composit'a, *непосредственно* передъ *μὲ*. Я говорю »непосредственно« не въ смыслѣ *разстановки словъ*, — разстановка словъ можетъ быть и болѣе *свободная*, — а въ томъ смыслѣ, что онъ *одинъ* вызывалъ бы тогда вещный падежъ, между тѣмъ какъ теперь получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ, присоединенный къ выраженію »дѣйствія«, вызываетъ его *совмѣстно* съ послѣднимъ. Соединиться съ выраженіемъ »дѣйствія« въ *одно* слово очень приличествовало нашему предлогу, такъ какъ онъ *отмѣчаетъ* то отношеніе, въ которое поставлены ἐγὼ и αὐτή, а *толчекъ* этому отношенію дало само »дѣйствіе« (съ этимъ сопоставъ наше разсужденіе на стр. 241-2).

2. Τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν, ὦ τάλαινα παῖ, ὄρις ὅπως πολώχρως κύκνος (Eur. Bacch. 1364). Если бы этотъ при-

*) Слово, напр., περιαιχέτιος, какъ слово *признаковое*, своимъ окончаніемъ лишь *намѣчаетъ* предметъ, который находится *περὶ αἰχίνα*, въ словѣ же *προθύριον*, какъ *существительномъ*, окончаніемъ прямо *обозначено* то, что находится *πρὸ θυρώ.*

**) Сравни *περαιαιχέτιος στρεπτός* и *«βοραινίζεν τινα».*

иѣръ былъ вполнѣ похожъ на предыдущій, то нужно бы читать $\tau\acute{\iota}\ \mu'\ \acute{\alpha}\mu\phi\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota\varsigma\ \chi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\varsigma$. Какъ ни чувствовалось бы $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ »принадлежащимъ« къ дѣйствию $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$, все же можно было бы тогда сказать, что $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\varsigma$ вызвано словомъ $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ (въ предыдущемъ примѣрѣ соотвѣтствующаго вещнаго падежа не было, ибо $\eta\lambda\upsilon\theta\epsilon$ было *intransitivum*, тогда какъ $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ — *transitivum*), а $\mu\epsilon$ вызвано предлогомъ $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$, указывающимъ на »мѣстное отношеніе« $\tau\acute{\omega}\nu\ \chi\epsilon\iota\rho\acute{\omega}\nu$ къ лицу, выраженному въ $\mu\epsilon$.

То, что мы *желали* встрѣтить, подводя нашъ примѣръ подъ предыдущій, на дѣлѣ встрѣчается у того же Еврипида *Elect.* 1231, гдѣ сказано: $\acute{\iota}\delta\acute{\omicron}\upsilon$, $\phi\acute{\iota}\lambda\alpha\nu\ \tau\epsilon\ \kappa'\ \omicron\upsilon\ \phi\acute{\iota}\lambda\alpha\nu\ \phi\acute{\alpha}\rho\epsilon\alpha\ \sigma\acute{\epsilon}\ \gamma'\ \acute{\alpha}\mu\phi\iota\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\mu\epsilon\nu$. У Еврипида *Hercl. fur.* 465 сказано даже такъ: $\sigma\tau\omicron\lambda\eta\nu\ \tau\epsilon\ \theta\eta\rho\acute{\omicron}\varsigma\ \acute{\alpha}\mu\phi\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\epsilon\ \sigma\tilde{\omega}\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$, т. е. предлогомъ $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ вызванъ не *вещный* падежъ, а *мѣстный* (сравни- выше стр. 303-4).

Чему же обязанъ примѣръ, вызвавшій настоящее разсужденіе, своимъ $\chi\epsilon\rho\acute{\sigma}\iota\nu$ вмѣсто $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\varsigma$? Очевидно, тому, что предлогъ $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ не только »принадлежитъ« по смыслу къ дѣйствию $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$, какъ *отмѣчающій* отношеніе, къ которому $\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\omega$ дало толчекъ, по прямо таки *внутренно* слился съ нимъ въ одно слово, и хотя мы еще не разбирали *instrumental'a*, но, по *общему* представленію о немъ, въ словѣ $\chi\epsilon\rho\acute{\sigma}\iota\nu$ нужно усматривать *ego, instrumental'*. Но за всѣмъ тѣмъ слово $\acute{\alpha}\mu\phi\iota$ остается въ своей *силѣ*, какъ указатель отношенія предмета къ *предмету*. Не будь его, нѣтъ мѣста и слову $\mu\epsilon$ ($\kappa\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\iota\varsigma\ \mu\epsilon\ \chi\epsilon\rho\acute{\sigma}\iota\nu$ имѣеть *совсѣмъ* другой смыслъ), а если вмѣсто $\chi\epsilon\acute{\iota}\rho\alpha\varsigma$ появилось $\chi\epsilon\rho\acute{\sigma}\iota\nu$, то и въ *обыкновенномъ предлоговомъ* оборотѣ *второй* изъ »сопоставляемыхъ« предметовъ *не зависитъ* отъ предлога; въ *данномъ* случаѣ онъ, какъ сказано, *зависитъ* отъ чего то, что *вмѣстѣ* съ предлогомъ *внутренно* слилось въ *одно*, но это, какъ видно, *не пожелало* самому *предлогу* выказать *все* свое значеніе, которое онъ имѣеть въ *обыкновенномъ предлоговомъ* оборотѣ.

Мы слышимъ возраженіе. Въ $\sigma\tau\omicron\lambda\eta\nu\ \acute{\alpha}\mu\phi\acute{\epsilon}\beta\alpha\lambda\epsilon\ \sigma\tilde{\omega}\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$, скажутъ намъ, напрасно отнесено $\sigma\tilde{\omega}\ \kappa\acute{\alpha}\rho\alpha$ къ од-

ному ἀμφί; оно зависитъ отъ всего »ἀμφέβαλεν«, и если въ ἀμφιβάλλεις με χερσίν еще кое-какъ можно допустить, что ἀμφί »сохранило все значеніе, которое оно имѣетъ въ обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ,« то этого нельзя сказать объ »ἀμφέβαλε σφ̄ κάρα στολήν«. Мы не имѣемъ ничего противъ этого возраженія. Дѣйствительно, бываетъ, что предлогъ сливается *внутренно* съ выраженіемъ дѣйствія до того тѣсно, что самъ не можетъ повліять на конструкцію такъ, какъ повліялъ бы внѣ этого условія. Такъ, въ ἔρχομαι διὰ πύλωνъ появляется *родовой* падежъ, а въ διέρχομαι πύλας — *вещный*. Въ ἀμφιβάλλω στολήν σφ̄ κάρα — »σφ̄ κάρα« нужно бы признать за *личный* падежъ, если оно зависитъ отъ всей композиціи*). Но нѣтъ сомнѣній, что и *здесь* предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету; ибо не будь *его* во фразѣ διέρχεσθαι πύλας, то и слово πύλας не только не заручится *вещнымъ* и *другимъ*, какимъ угодно, падежемъ, но *совсѣмъ исчезнетъ* изъ фразы.

3) ὡς οἱ γε ἀμφίεπον τάφον Ἑκτορος ἰπποδάμοιο (Π. ω. 804). Чѣмъ отличается этотъ примѣръ отъ двухъ предыдущихъ, т. е. отъ ἀμφήλυθέ με αὐτή и отъ ἀμφιβάλλεις με χερσίν? Въ предыдущихъ примѣрахъ въ само compositum не входило ни то, *что* черезъ предлогъ приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, ни тотъ предметъ, къ *которому* оно приводится въ отношеніе (послѣдняго и не могло быть, иначе самое compositum пришлось бы отнести не ко второй, а къ *первой* категоріи, — къ словамъ παρανομέω и т. д.). Настоящій же примѣръ представляетъ собою тотъ *крайній* случай, который мы имѣли въ виду

*) Это разсужденіе вызываетъ вопросъ: какія изъ compositivovъ слѣдуетъ считать *болѣе* ранними: тѣ, въ которыхъ предлоги еще *имѣютъ* вліяніе на конструкцію, или тѣ, въ которыхъ предлоги *до того* слились съ выраженіемъ дѣйствія, что даже потеряли вліяніе на конструкцію? Казалось бы, болѣе ранними нужно считать *первыя*. Если это такъ, то это плохо мѣрится съ мнѣніемъ Дельбрюка, которое мы сообщили на стр. 319, и которое гласитъ, будто сначала предлогъ видоизмѣнялъ значеніе *малога*, а затѣмъ, когда этотъ глаголь (видоизмѣненный предлогомъ) пріпнялъ къ себѣ приспособленный его значенію падежъ, то и между *предлогомъ* и этимъ *падежемъ* устанавливалось извѣстное симасіологическое отношеніе.

при самомъ *опредѣленіи* второй категоріи *compositiv*овъ: то, что приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, вошло въ *compositum*, ибо въ *данномъ* примѣрѣ окружаетъ *τάφον* *Ἐκτορος* дѣйствіе *ἔπειν*.

Намъ скажутъ, что въ нашемъ примѣрѣ не *ἔπειν* окружаетъ *τάφον* *Ἐκτορος*, а окружаютъ его *οἱ γε*, производя при этомъ дѣйствіе *ἔπειν*. Мы не имѣемъ ничего и противъ такого возраженія, хотя оно можетъ вызвать только *колебаніе*, но не можетъ претендовать на рѣшеніе вопроса *непретѣжно* въ свою пользу. Въ состояніи такого колебанія мы могли оказаться часто, когда разбирали отдѣльные предлоги съ ихъ падежами, особенно послѣ разсужденія, изложеннаго нами на стр. 244–5. Мы сами уже поднимали однажды подобный вопросъ, именно на стр. 276, но тамъ мы *нашимъ* мотивъ, въ силу котораго къ *сопоставленію* предметовъ, обозначаемому *предлогомъ*, можно было отнести *дѣйствіе*, а не лицо, *производящее* его. Въ *настоящемъ* примѣрѣ такого мотива не найти, а потому и колебанія не избѣгнуть. Разбирая нашъ и ему подобные примѣры съ узко-*симаσιологической* точки зрѣнія, мы скажемъ, что отъ *ἀμφίεπον* съ одной стороны *зависитъ* *οἱ γε*, а съ другой — *τάφον*, причемъ на *падежъ* слова *τάφον* *не потеряло* еще *вліяніе* само *ἀμφί*; затѣмъ отъ *τάφον* *зависитъ* *симаσιологически* *Ἐκτορος*, а съ *Ἐκτορος* *симаσιологически* связано, какъ *согласующееся*, слово *ἰπποδάμοιο*. Но узко-симаσιологической точкѣ зрѣнія мы въ самомъ *основаніи* противопоставляемъ *обще-синтаксическую*, — ту *обще-синтаксическую* точку зрѣнія, которою *опредѣляются* паузы, ритмъ и т. д., и которою у насъ *опредѣлились* *синтаксическія* *подлежащее* и *сказуемое* (смотри выше стр. 175). Читатель разсмотритъ еще разъ все наше разсужденіе о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ и убѣдится въ томъ, что все дѣло тамъ *заключается* въ психо-логическомъ синтезѣ, — въ синтезѣ, доводящемъ дѣло до цѣлой *лѣстницы* степеней *подчиненія*, причемъ *подчиняется* не слово слову, а мысль мысли. Не знаю, вездѣ ли, — это дѣло *высшаго* синтаксиса, — но во *многихъ* случаяхъ я вижу *полную* зави-

симость всѣхъ этихъ паузъ и ритма именно отъ психо-логического синтеза и отъ *разныхъ степеней подчиненія* одной части мысли другой. По мысли относятся *οἷ γε* и къ *ἔπον*, и къ *τάφον*, точно такъ же, какъ и само *ἔπον* имѣетъ отношеніе къ *τάφον*, и психо-логическій синтезъ, внося въ эти слова извѣстныя степени подчиненія, можетъ комбинировать различно. Въ выраженіи *гуманное обращеніе отца* — слова *гуманное* и *отца* синасиологически одинаково зависятъ отъ слова *обращеніе*, представляя собою схему $\alpha \backslash^{\alpha} / \beta$. Но психо-логическій синтезъ, на *общесинтаксической* почвѣ, можетъ превратить эту схему или въ $\alpha (\alpha / \beta) =$ *гуманное (обращеніе отца)*, причеиъ *ритмически* слова *обращеніе отца* будутъ составлять нѣчто одно, въ противоположность слову *гуманное*, или въ схему $(\alpha \backslash^{\alpha}) \beta =$ (*гуманное обращеніе*) *отца*, причеиъ *пауза* будетъ поставлена между словомъ *отца*, какъ чѣмъ то *однимъ*, и словами *гуманное обращеніе*, какъ чѣмъ то *другимъ*. Въ итогъ отъ обоихъ психо-логическихъ синтезовъ получится въ *данномъ* случаѣ одно и то же. Такъ и въ *οἷ γε ἀμφίεπον τάφον* можетъ войти въ скобку или *дѣйствіе* = у нихъ (*ἔπειν* окружило) *τάφον*, или дѣйствующее лицо = *ἔποντες* (они окружили) *τάφον*, и результатъ будетъ одинаковый.

Итакъ, для насъ рѣшительно все равно, войдетъ ли въ *сопоставленіе* предметовъ слово *ἔπειν*, или слово *οἷ γε*; для насъ важно, что то и другое — *возможно*. Если въ *сопоставленіе* предметовъ войдетъ *οἷ γε*, то нашъ примѣръ, по *интересующему* насъ вопросу, будетъ совершенно одинаковъ съ *ἀμφίηλυθέ με ἄυτή*, а если туда войдетъ *ἔπειν*, то онъ будетъ представлять *особый* типъ *соприситовъ* *второй* категоріи. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, остается *τάφον*, а на этомъ *τάφον* слово *ἀμφί* обнаруживаетъ всю свою силу какъ *предлогъ*: не будъ *ἀμφί*, не будетъ и *τάφον*.

4. *τοιούτων μέντοι καὶ ἐγὼ οἶδα ὅτι πάθος πάθουσι ἀν εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον* (Plat. Gorg. 522 b). Судя по прежнему, казалось бы, что здѣсь нужно встрѣтить не *εἰς*

δικαστήριον, а простой вещный падежъ δικαστήριον. На дѣлѣ этотъ простой вещный падежъ встрѣчается; такъ, мы читаемъ: Φρυγίην (Π. γ 184), τεῖχος (Π. χ 56), πόλιν (Soph. Oed. C. 913), ἄλλοος (Soph. Trach. 1167), δόμους (Eur. Alc. 563), τὴν γραφήν (= подать жалобу, Lys. 18. 105), μένος ἀνδρας εἰσέρχεται (Π. ρ 157) и т. д. Встрѣчается даже личный падежъ, что также вполне понятно, такъ какъ представляетъ собою полную аналогію примѣру ἀμφέβαλε στολήν σφ̄ κάρα, если въ немъ κάρα, какъ мы рассуждали на стр. 326-7, не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ предлога ἀμφί, а стоитъ въ зависимости отъ всего composit'a или, говоря точнѣе, отъ того общаго представленія, которое оно рисуется какъ одно слово (сравни замѣтку ο βαρέως φέρω на стр. 138). Личный падежъ при εἰσέρχομαι встрѣчается: Plat. Lys. 218 с (εἰσῆλθέ μοι ὑποψία; общее впечатлѣніе отъ слова εἰσῆλθε — то же, что отъ ἐγένετο), Plat. Theaet. 147 с (εἰσῆλθε αὐτοῖς διαλεγόμενοις = пришло имъ на мысль во время бесѣды), Plat. Resp. 330 d (εἰσῆλθεν αὐτῷ δέος καὶ φροντίς) и др.

Опять возраженіе: Не слѣдуетъ, скажутъ намъ, отличать падежъ μοι въ какомъ нибудь εἰσῆλθέ μοι ὑποψία отъ падежа με хотя бы даже въ первомъ примѣрѣ ἀμφήλυθέ μ' ἀϋτή, такъ какъ и въ этомъ примѣрѣ все же въ концѣ концовъ, какъ мы сами признали, слово με чувствуется зависящимъ отъ всего compositum, слѣдовательно, тоже зависеть отъ общаго представленія, рисуемаго всѣмъ composit'омъ какъ однимъ словомъ. Укажутъ на то, что именно ἀμφιβάλλω а не простое βάλλω, чувствуется по отношенію къ με transitiv'нымъ, и вызываетъ къ себѣ με не потому, что въ него вошло ἀμφί, а потому, что оно — transitivum. Намъ предложить сопоставить русскія выраженія «ходить (идти) черезъ рѣку» и «переходить рѣку» (въ данномъ случаѣ черезъ и пере — одно и то же), и заставить насъ убѣдиться въ правильности возраженія. Все это такъ, но, присмотрѣвшись ближе къ причинѣ transitiv'ности слова ἀμφήλυθεν, мы должны сказать, что оно —

transitivum по отношенію къ *με* лишь *постольку*, поскольку въ немъ само »*ἀμφί*« — transitivum, и слово *με* въ »*ἀμφή-λυθεν*« всетаки зависить *прежде всего* отъ *ἀμφί*.

Однако, — чтобы возвратиться къ нашему *εἰς ἡλθον* *εἰς διχαστήριον*, — почему же въ немъ и ему подобныхъ примѣрахъ появляется не *простой* падежь, а предлогъ? Какъ извѣстно, предлогъ этотъ бываетъ не только *одинаковый* съ предлогомъ composit'a, но и *синонимичный* ему (какое нибудь *παρά τινα*, ср. Plat. Gorg. 456 b, *πρός τινα*, ср. Xen. Hell. V. I. 33, и т. д.). Такъ и въ русскомъ языкѣ: *поддѣлаться подъ характеръ, примѣниться къ характеру* и т. д. *Почему* это все такъ? Мотивовъ тутъ можетъ быть два. Одинъ мотивъ — тотъ, что предлогъ самого composit'a не то что »теряетъ вліяніе на дальнѣйшую конструкцію«, какъ было напр. въ *διέρχομαι πύλας*, а вовсе не *предназначенъ* для того, чтобы служить сопоставленію предмета съ предметомъ. Его задача — просто *видоизмѣнять* значеніе того слова, которое слилось съ нимъ въ compositum: *εἰς ἡλθον* — почти то же самое, что простое *ἡλθον*, только *направленіе**) движенія, выраженнаго въ *ἡλθον*, ближе опредѣлено въ *εἰς*. Въ этомъ случаѣ наше *εἰς ἡλθον* вовсе не принадлежало бы ко второй, а къ *нижеследующей*, третьей категоріи composit'овъ.

Другое, что можно усмотрѣть въ появленіи *новаго* предлога *послѣ* composit'a, это — *симасіологическая тавтологія*. Что же достигается такою тавтологією? Къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ привлечь и русскій языкъ. Сопоставивъ обороты »переходить *черезъ* рѣку« и вышеприведенное »переходить рѣку«, мы видимъ, что *первое* выраженіе даетъ чувствовать слушателю всю *детальность* картины движенія, — каждый, такъ сказать, *шагъ* перехода по *длинной* поперечной линіи отъ одного берега къ другому, тогда какъ во *второмъ* выраженіи рѣка рисуется простымъ *объектомъ* дѣйствія.

*) *Вотъ* къ чему ведетъ die ältere (?) Aufgabe der Präpositionen die Handlung des Verbums nach Massgabe des ihnen innewohnenden Sinnes näher zu bestimmen: къ появленію *новаго* предлога въ симасіологическомъ дополненіи глагола! (сравни подстрочныя замѣтки на страницахъ 319 и 328).

Въ иныхъ случаяхъ симасіологическая тавтологія указываетъ на *дѣйствительное* движеніе, а простой падежъ придаетъ всему обороту *метафорическое* значеніе; сравни *εἰσβαίνω εἰς ναῦν* (Herod. 3. 41) и *εἰσέβην κακὰ* (Soph. Oed. C. 997).

На приведенныхъ четырехъ приѣмахъ можно даже и остановиться при разсматриваніи второй категоріи *compositivorum*, такъ какъ ими исчерпаны *всѣ* типы этой категоріи. Во *всѣхъ* ихъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ — то *входитъ* въ *compositum* (*ἄμφιπλον*), то *не входитъ*, а затѣмъ, что касается *симасіологическихъ дополненій* такихъ *compositivorum*, то въ нихъ можно различать *три* случая: или симасіологическое дополненіе *compositivum* остается то же, какъ если бы *части* *compositivum* были не частями, а отдѣльными словами, или симасіологическое дополненіе *compositivum* *измѣняется* сравнительно съ тѣмъ, когда части *compositivum* являлись отдѣльными словами, или, наконецъ, наступаетъ симасіологическая тавтологія; *quartum non datur*.

Однако, почему же мы въ этой категоріи *compositivorum* приводили одни *глаголы*, глагольные имена (мы толковали о *compositivum* *перейти*) и глагольные *признаковыя* (*εἰσελθών*), и почему въ предыдущей категоріи преобладали у насъ *простыя* признаковыя и существительныя? Это вполне понятно. Въ первой категоріи предметъ, *къ которому* что-нибудь приводится въ отношеніе, находился въ самомъ *compositum*, а потому *надежда*, требуемаго *обыкновенно* предлогомъ, все равно нельзя было выдержать въ симасіологическомъ дополненіи этого *compositivum*. Во второй же категоріи предметъ этотъ уже во *всякомъ* случаѣ *всегда* находился *внѣ* *compositivum*, а потому интересно было прослѣдить, насколько въ *названіи* этого предмета удерживается *надежъ*, который требуется предлогомъ въ *обыкновенныхъ* предлоговыхъ оборотахъ? За этимъ можно было слѣдить *только* въ глаголахъ, въ глагольныхъ именахъ, и глагольныхъ признаковыхъ. Впервыхъ, тамъ какъ-то *свободнѣе* разлагалось *compositum* на *части*, — извѣстно, что въ старину предлогъ даже *внѣшне* — *совершенно* от-

дѣлялся при посредствѣ такъ называемаго tmesis'a* (какое нибудь ἀμφίπτουχῆ ужъ никакъ нельзя τέμνειν**), а важнѣе всего — то, что *существительныя* въ вопросѣ о симасіологическомъ дополненіи составляютъ *особый* разрядъ словъ, представляя въ этомъ отношеніи *полную* противоположность предлогамъ (сравни выше стр. 265), и потому предлогъ, вошедшій въ ихъ композицію, ужъ *никакъ* не можетъ оказать вліянія на дальнѣйшую конструкцію. Ихъ симасіологическое дополненіе есть по преимуществу, какъ ниже окажется, *родовой падежъ*, или предлоговый оборотъ. По *предлоговому* обороту въ *нашей* категоріи словъ пришлось бы имѣть дѣло съ тою же симасіологическою *тавтологією* (εἰσβολὴ εἰς τὴν χάραν), а *родовой падежъ* (δὸς χειρὸς φίλημά μοι σῆς σωματὸς τ' ἀμφίπτουχᾶς — Eur. Ion) своимъ *геническимъ* характеромъ прямо таки сводитъ къ нулю тотъ интересъ, который представляли собою *composita-глаголы*, глагольныя имена и глагольныя признаковыя. Что же касается простаго *признаковаго*, то оно, *прежде всего*, должно *согласоваться*, а вовсе не «симасіологически дополняться» падежами, откуда и выходятъ въ *нашей* категоріи *composit'овъ* такія явленія, какъ ἀμφιάλος Ἰθάκη (= Иоака, кругомъ которой — море) ἀμφιέλισσα ναῦς (= корабль, по обѣимъ сторонамъ

*) Греческій или, точнѣе, омировскій tmesis представляетъ собою совершенно то же, что нѣмецкій (der Nebel *hülle* den Wald *um* и др.); только что нѣмецкій tmesis, по крайней мѣрѣ, какъ мы его видимъ въ *теперешнемъ* нѣмецкомъ языкѣ, связанъ извѣстною разстановкою словъ, тогда какъ омировскій tmesis, *кажется*, ничѣмъ не связанъ, развѣ только *метрическими* соображеніями, но это — соображенія слишкомъ внѣшнія. Въ какой мѣрѣ мы правы относительно того, что въ ἀμφίπτουχῆ μὲ слово μὲ зависитъ *прежде всего* отъ ἀμφί, засвидѣтельствуетъ всякій, кто практиковался въ комментированіи Омира: часто не знаешь, усматривать ли въ предлогѣ tmesis, или принимать его за *отдѣльное* слово, а падежъ относитъ *исключительно* къ нему.

**) Разъ въ такихъ словахъ нѣтъ tmesis'a, то ихъ образованіе нужно ставить хронологически, конечно, *послѣ* образованія глагольныхъ композицій (сравни выше подстрочное примѣчаніе на стр. 322). Но какое изъ этого можно вывести заключеніе? Единственно опять таки то, что предлоги *чѣмъ* дальше, *тѣмъ* больше *срастались* съ другими словами, *теряя* вліяніе на конструкцію, но мысль, будто предлоги, находясь въ композиціяхъ, *приминались* извѣстныя падежа, затѣмъ сами на этомъ основаніи *устанавливали* себя отношеніе къ падежамъ, *отдѣляясь* понемногу отъ композицій (въздъ это утверждаетъ Дельбрюкъ), — *эта* мысль не *находитъ* поддержки въ *шодобныхъ* явленіяхъ.

котораго — извилины) и т. д. Опять таки и *эти composita* не представляютъ для насъ никакого интереса, развѣ только тѣмъ, что и въ нихъ предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету (объ этомъ, впрочемъ, упомянуть нечего: это само собою заключается во второй категоріи *composit'ovъ*, какъ *таковой*).

Третью категорію, наконецъ, составляютъ такіа *composit'a*, въ которыхъ первая часть, т. е. самъ предлогъ, служитъ лишь для отгнѣненія значенія второй части. Сюда относятся явленія въ родѣ слѣдующихъ.

Ἀμφιβολία = бросаніе *туда и сюда* = незнаніе, куда итти, что дѣлать = затруднительное положеніе (*ἀμφιβολίη ἔχεσθαι* — Herod. 5·74; то же — *ἀμφιγυνοίω*).

Ἀμφιδάκρυτος (сказано о *πόθος*, Eur. Phoen. 330) = тоска, вызывающая *кругомъ*, т. е. *всюду и всегда*, слезы = слезообильная.

Ἀναβακχεύω (*ματέρως αἶμα σᾶς, ὃ σ' ἀναβακχεύει* — Eur. Or. 338) = какъ бы, изъ-подъ спуда вдругъ *вверхъ* выбросить = возбудить въ тебѣ вакхическое настроеніе.

Ἀναβάλλω (*ἀναβάλλομαι τοι ἐς τρίτην ἡμέρην ἀποκρίνεσθαι* — Herod. 5·49) = то, что должно идти своимъ теченіемъ, вдругъ поднять *вверхъ* и *возбросить* = возложить на кого-нибудь или на что-нибудь, — въ данномъ случаѣ, какъ-бы, возложить на *третій* день = отложить.

Ἀνάγω (*μυθρεῖς ἀλλοδαποῖσι, γυναῖκ' εὐειδέ' ἀνηγες ἐξ ἀπίης γῆς* — II. γ 48) = на ту поверхность, откуда что нибудь исчезло, подъ которую что нибудь провалилось, *возвести* = *возвратить*.

Ἀναίρειω = то, что спокойно лежало на поверхности, поднять *вверхъ* = *взобрать* = *прибрать*, чтобы тамъ этого не было, иногда просто — уничтожить.

Ἀνακαλύπτω (противоположно слову *καλύπτω*) = *воз-крыть* = *вскрыть* = поднять *κάλυμμα* *вверхъ*.

Ἀνακλίνω = *возлечь на* что нибудь (*ποτὶ γαίῃ ἀνακλίσεις* II. δ. 113), причемъ само *κλίνειν* противопоставляется или стоянію, или сидѣнію *прямо* (прежнее *вверхъ* ослабленца

здѣсь въ простое *на*, какъ оно употреблено нами *именно* въ оборотѣ »возлечь *на* чтонибудь«).

Ἀνακάμπτω = воз-гнуть = взгнуть; κάμπτω противопоставляется нахожденію въ *прямой* линіи, а все »ἀνακάμπτω« противопоставляется слову ἐγκάμπτω (= *вогнуть* = гнуть во-внутрь), такъ что ἀνακάμπτω получаетъ значеніе »гнуть концы линіи *назадъ*, чтобы середина ея выступила *впередъ*«.

Ἀναμνησῶ = *воспоминать* = вывести въ памяти на-ружу.

Ἀναγινώσκω = *воспознавать* = невѣдѣніе превратить въ вѣдѣніе (обыкновенно употребляется о прочтеніи *написаннаго*).

Ἀναπτύσσω (напоминаетъ почку, вскрывающуюся = ἀνακαλυπτομένην въ цвѣтокъ) = то, что было сложено въ складки, развернуть — расправить.

Ἀναρρέω (противопоставляется слову καταρρέω, т. е. теченію по линіи *внизъ*) = течь по линіи *вверхъ* = течь *назадъ*.

Ἀντιφелῶ = ставлю свою поддержку *лицомъ къ лицу* съ поддержкою другого = отплачиваю поддержкою за поддержку (слова ἀντίθεος = становящійся *лицомъ къ лицу* съ богомъ = богоравный и ἀντίδουλος = уравнивающимъ раба = замѣняющій раба — отноятся не сюда, а къ *первой* категоріи compositivъ: ἀντίθεος = ὃς ἀντὶ θεοῦ, ἀντίδουλος = ὃς ἀντὶ δούλου ἐστίν).

Ἀντιστάτης = стоящій противъ кого *нибудь*, *тоже* стоящаго противъ = противникъ.

Ἀπογηράσκω (Theogn. 821) = *отстариться* (сравни русское *отцвѣль цвѣттокъ*) = отдѣлаться отъ состарѣнія = *окончательно* состарѣть.

Ἀπαγορεύω — *буквально* русское »отказать« = запретить, а то и »отказаться«, въ смыслѣ »перестать что *нибудь* дѣлать« = утомиться (сравни ἀπογυγνώσκω = не признавать — отчаяваться).

Ἀποκριβῶσαι = *окончательно* выяснить (сравни русское »отдѣлка«).

Ἀπόμυμι = отдѣляться отъ присяги = совершить наконецъ присягу.

Ἀπαγγέλλω = отвѣстить = передать вѣсть = объявить (*отвѣститъ* по русски не говорятъ, но *отвѣтитъ* говорятъ, — съ тѣмъ же значеніемъ предлога *отъ*).

Διαδιάσχω = насквозь провести извѣстное дѣйствіе, въ смыслѣ *полноты*; то же — *διαδικάζω* = разсудить.

Διάβροχος (Eur. Vasch. 1051) = насквозь промокшій.

Διαδάχνω = прокусить.

Διάδοχοι = перенимающіе отъ кого чтонибудь. Здѣсь не хватаетъ у меня чутья языка для того, чтобы рѣшить, имѣется ли въ виду *полнота* перениманія, т. е. перениманіе чегонибудь во всѣхъ его деталяхъ, или, быть можетъ, рисуется картина двухъ лицъ, стоящихъ рядомъ, причѣмъ отъ одного изъ нихъ вещь переходитъ къ другому *черезъ* промежутокъ, находящійся между ними; на послѣднее указываетъ *русское* »перенять«, въ которомъ »пере« равняется слову *черезъ*.

Διαζεύγνυμι = распрячь; русское »раз« является здѣсь метафорой слова »сквозь« въ томъ смыслѣ, что, *проникая* сквозь извѣстную среду, мы какъ то *разрѣзаемъ* эту среду на двѣ половины.

Διακρίνω = различаю.

Διαβάλλω = разбросать = уничтожить цѣльность; мы говоримъ »разнести когонибудь« = оклеветать.

Διάκειται = развернуться передъ кѣмъ въ обѣ стороны = быть расположеннымъ къ кому-нибудь.

Διακοσμέω = въ нѣчто спутанное проникнуть и произвести *распорядокъ*.

Διαφέρω = провести черту между двумя вещами и *тоже*, какъ бы, *разнести* ихъ = различать.

Διαφέρομαι = какъ бы, *разнести себя* съ кѣмънибудь = поссориться.

Διαλέγομαι = разсуждаю съ кѣмънибудь = *разговариваю* = нѣчто, что первоначально представлялось только, быть можетъ, въ *туманѣ*, разбирается по *частямъ*, и проводятся опредѣленные границы между частями.

Ἀλλεῖπω χρόνον = оставляю (*λείπω*) промежъ чего нибудь (*διά*) время, — оставляю его въ томъ смыслѣ, что не пользуюсь временемъ = упускаю время.

Ἐσαχοῦω = вслушиваюсь = внимательно слушаю = слушаюсь.

Ἐμβαλλω εἰς τὴν πόλιν = бросаюсь въ городъ, *εμβῶ* (такъ можно бы толковать и вышеприведенное *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*, если *εἰσελθὼν* относится къ третьей категоріи *composit'овъ*).

Ἐκκαθαίρω = *извнутри* = *совсѣмъ* вычистить.

Ἐνδίδωμι = дать себя *въ руки* чему нибудь = поддаться = уступить.

Ἐμμένω = *тутъ же* (*ἐν*) остаюсь = *твердо* стою.

Ἐλλείπω — *ἐκλείπω* — *ἐπιλείπω* = отставать (*λείπω*) *во-внутри* (*ἐν**) и не идти въ уровень — отставать *во-внѣ* (*ἐκ*) и не идти въ уровень — *приотставать* (какъ *ἐπίσχες* = *придержи*; трудно проникнуть въ метафору этого русскаго *при* и греческаго *ἐπί*) = *недоставать*.

Ἐπαγγέλλω = *обращаясь къ кому нибудь*, объявляю = объявляю *публично*. Впрочемъ, *ἐπί* можетъ имѣть здѣсь еще другое значеніе; оно можетъ указывать на *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь, какъ это замѣчается въ выраженіяхъ *ἐπιγενομένου θέρους* (= когда *вслѣдъ* за другимъ временемъ *появилось* *θέρους*, когда *θέρους* *смыслило* *χειμῶνα*, когда наступило *θέρους*).

Ἐπαγείρω = *къ мѣсту* собирать = собирать въ одно.

Ἐπαίρω (*ὄρθωθεὶς δ' ἄρ' ἐπ' ἀγκῶνος, κεφαλὴν ἐπαίρας, Ἀτρείδην προσέειπε* — II. κ 80) = *принаравливаясь къ чему нибудь*, поднять.

Ἐπαίτω (*ἴππον δέ τοι ἀτὸς δώσω, τὴν ἀρόμην· εἰ καὶ νύ κεν οἴκοθεν ἄλλο μείζον ἐπαίτῃσας* — II. ψ 593) = *вдобавокъ къ чему попросить* = *припопросить*.

Ἐπαίνω = *по данному случаю αἰνεῖν*. Возможность толковать *ἐπί* въ *composit'ахъ* въ смыслѣ *по данному*

*) Математическій «эллипсъ», какъ извѣстно, уже древнимъ грекамъ былъ знакомъ какъ линія, «отстающая отъ параболы *вовнутри* параболы» по эксцентритету.

случаю открываетъ широкое поле эгимъ composit'амъ, и *дѣйствительная* многочисленность ихъ обнаруживаетъ лишь большую склонность греческаго языка къ composit'амъ; ибо особеннаго ничего не *выглядывается* черезъ нихъ: ἐπαινέω обозначаетъ почти то же, что простое αἰνέω.

Ἐπακούω = прислушиваться.

Ἐπιβουλεύω = мыслить, направляясь *противъ* кого-нибудь (въ враждебномъ смыслѣ) = злоумышлять.

Καταπίπτειν = по всей поверхности = окончательно (а можетъ быть, и до-низу = до основанія = основательно) жечь = сжечь.

Κατηγόρειω = говорить съ высоты внизъ = говорить »съ-высока« = унизительно = говорить *противъ* кого-нибудь.

Μεθίστημι = смежно ставлю что-нибудь сравнительно съ *прежнимъ* положеніемъ этого »чего-нибудь« = переставляю.

Относить ли сюда μετέχω τινί τινος? Τινί есть здѣсь *личный* падежъ, и если мы на стр. 253 и 283 толковали слово μετά правильно, то μετέχω, представляя собою слѣды *омировскаго* употребленія слова μετά съ *личнымъ* падежемъ, могло бы относиться со всею своею конструкціею къ типу ἀμφιβάλλεις με χερσίν *второй* категоріи composit'овъ (какъ въ ἀμφιβάλλεις με χερσίν слово χερσίν зависѣло отъ *всего* ἀμφιβάλλεις, такъ и здѣсь τινός зависить отъ *всего* μετέχω, иначе было бы τί — »ἔχω τί« — а не τινός). Однако, этому толкованію противорѣчитъ оборотъ μεταδίδωμι τινί τινος. Очевидно, оба эти оборота составлены по *одному* шаблону, а μεταδίδωμι τινί τινος относится *непремѣнно* къ *третьей* категоріи composit'овъ. Μεταδίδωμι значитъ »даю такъ, чтобы данное было *смежнымъ* или *совмѣстнымъ* съ *моимъ*« = даю *часть* чего-нибудь (такъ и μετέχω = имѣю *часть* чего-нибудь). Разъ слово μετά метафоризировалось въ *часть**),

*) Со внесеніемъ въ мысль представленія *части* уничтожается возможность того »сопоставленія предмета съ предметомъ«, которое было *обозначимо* предлогомъ «μετά» въ предлоговомъ *оборотѣ*.

то все *compositum* принадлежить сюда. Такимъ образомъ личный падежъ *τινί* въ *μετέχω τινί* пришлось бы объяснять такъ, какъ онъ объясняется въ *διαλέγομαι τινί* = я разговариваю и онъ разговариваетъ; я имѣю часть и онъ имѣетъ часть (въ *μεταδίδωμι τινί τινος* личный падежъ *τινί* зависитъ непосредственно отъ *δίδωμι*).

Относить ли сюда *παραβάλλομαι ψυχῆν* = не щадить жизни = жертвовать жизнью (*οὐδέ τι μοι περίκειται, ἐπεὶ πάθον ἄλγεα θυμῷ αἰεὶ ἐμὴν ψυχὴν παραβαλλόμενος, πολεμίζειν* = II. 1 332)? Едва ли. Весь оборотъ заимствованъ изъ игры, гдѣ *возьмъ* (*παρά*) игровой доски клалась ставка. Эту ставку представлена въ нашей фразѣ *вся жизнь*, а игрою представлено дѣйствіе *πολεμίζειν*. Предлогъ *παρά* не выходитъ здѣсь изъ рамки »сопоставленія предмета съ предметомъ«, а потому наше выраженіе слѣдуетъ отнести ко *второй* категоріи *composit'овъ*.

Παρεγέμετο или *παρῆν εἰς Σάρδεις* (Хен. Anab. I. 2, 3) мы толкуемъ какъ *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*: тутъ можно толковать и о второй, и о третьей категоріи *composit'овъ*.

Παρανέω = *возьмъ* чего нибудь одобрять = *въ виду* чего нибудь одобрять = поощрять.

Παρακούω = слушать *возьмъ*, *минуя* то, что *слѣдуетъ* слушать = *ослышаться*.

Что касается примѣра *περιεγέμετο τούτου τοῦ πάθους* (Herod. 5. 46 = онъ *обошелъ* это несчастіе = онъ сталъ *выше* этого несчастія), то мы его отнесемъ ко *второй* категоріи *composit'овъ*. Къ »*περιγεγέσθαι ἐκ τῶν μεγίστων*« (Thuc. II. 49) мы отнесемъ, какъ къ *παρῆν εἰς Σάρδεις*. Къ *третьей* категоріи *composit'овъ* *несомнѣнно* относится выраженіе *περιεγέμετο* въ смыслѣ »онъ остался въ *живыхъ*.«

Περιεργάζεσθαι = трудиться *излишне*, *больше чѣмъ* слѣдуетъ (Dem. 32.28: *εἰ δὲ σεσηκοφάντηκας, οὐ περιεργάζομεθα* = не суетимся *излишне* изъ за того, что . . . = не обращаемъ вниманіе на то, что . . .). Метафора *излишне* получается изъ того же *выше*, о которомъ мы упоминали

въ предыдущемъ примѣрѣ, и которое въ предлоговомъ оборотѣ замѣчено было во фразѣ *περὶ δὲ ἐστὶν θεῶν καὶ ἀνθρώπων* (ср. стр. 303). Такъ и *περιουσία* = излишекъ — достатокъ — благосостояніе.

Περικαλλής = кругомъ хорошъ = вполне хорошъ (или и тутъ слѣдуетъ примѣнить *выше*?)

Προαιρεῖσθαι μᾶλλον τι ἢ τι = избрать скорѣе то-то, чѣмъ то-то; собственно = *впередъ* взять, какъ бы *раньше* взять — предпочесть.

Προεἰπεῖν = говорить *впередъ*, въ смыслѣ *прямо*, какъ бы *прямо отъ устъ*, — латинское *profere* = объявить (*πόλεμον προεἰπεῖν* = объявить войну).

Προίημι и *προδίδωμι* = пустить *впередъ* = пустить *отъ* себя = выпустить изъ рукъ = предать.

Προσαιτέω = *вдобавокъ* къ чему просить = приприсивать.

Προσαρκεῖ = *въ виду* того-то хватается, почти то же, что простое *ἀρκεῖ*.

Συλλέγω = съ разныхъ концовъ въ одно мѣсто *λέγω* = собираю.

Συνεργάζομαι = *confero* = съ разныхъ сторонъ принимаюсь за дѣло, къ одному свожу; *λίθοι οὐ συνεργάζομενοι* (Thuc. 1.93) = не сработанные = не обработанные ваятельски.

Сюда мы не отнесемъ выраженіе *σύνοιδα ἐμαυτῷ* = сознаю за собою. Здѣсь указывается на двухъ я, одного *дѣйствующаго*, а другого *знающаго* объ этихъ дѣйствіяхъ; эти два я *сопоставляются* между собою, и весь оборотъ принадлежитъ ко *второй* категоріи *composit'овъ*. Во фразѣ *σύνοιδά σοι* выражено *и ты знаешь, и я знаю*. фраза *συγγυνώσκω τινί* (= извиняю кого) выражаетъ собственно: другой смотритъ на свое дѣло известнымъ образомъ, и я смотрю на него *такъ же*.

Ἐπεφρονεῖν = *презирать* (собственно: идти *мыслью*, *τῇ φρονήσει*, черезъ что нибудь.)

Ἐπίσοφος = *премудрый* = стоящій *надъ* обыкновенною мудростью (въ сущности, это слово относится къ *первой* категории composit'овъ, такъ какъ ἐπίσοφος = ἐπὶ σοφίας).

Ἐπορεύω = *исподъ смѣяться*, — какъ бы, не *на поверхность*, не *открыто* = *подсмѣиваться*.

Ἐπίω = *исподъ вести дѣло*, чтобы оставаться *незамычаннымъ*.

Ἐπιτεύω = *подсматривать, нѣтъ ли чего* (— *совершенно русское »подозрѣвать«*).

Ἐποπερχάζω = *исподъ и исподволь румяниться* = *созрѣвать* (παροιθε δὲ τ' ὄμφρακὲς εἶσιν, ἄνθος ἀφρείδσαι, ἕτεραί δὲ ἐποπερχάζουσι — Od. 1, 324).

Ἐποχωρέω = *идти внизъ* — не оставаться на *поверхности* = *уступать* — *идти назадъ*.

Такова — третья категория composit'овъ. Весь этотъ разборъ composit'овъ, равно какъ и разсматриваніе примѣровъ на стр. 318-20, все это было вызвано стремленіемъ провѣрить мнѣніе о »самостоятельномъ значеніи предлоговъ«, т. е. объ употребленіи ихъ *безъ* надеждъ, и связываемый съ этимъ вопросъ о ихъ »нарѣчности«. Мы видѣли, что вездѣ предлоги такъ или иначе, т. е. съ сохраненіемъ вліянія на конструкцію или безъ него, оставались тѣмъ, чѣмъ они были въ обыкновенныхъ предлоговыхъ оборотахъ, только въ *последней* категоріи composit'овъ они эту роль потеряли совершенно, и если гдѣ, то только здѣсь и можно говорить о »самостоятельномъ« значеніи предлоговъ, — т. е. »самостоятельномъ« въ томъ смыслѣ, въ какомъ, пожалуй, это *могло* бы послужить доказательствомъ ихъ »нарѣчности«, насколько о нарѣчности *издали* можно говорить *намъ, не разсмотрѣвшимъ* еще нарѣчій. Но читатель согласится съ нами въ томъ, что:

1. Метафористика предлоговъ въ *третьей* категоріи composit'овъ пошла гораздо дальше метафористики предлоговыхъ оборотовъ и всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые мы разсмотрѣли на стр. 318-20., а также первыхъ двухъ категорій composit'овъ. Если въ примѣрахъ, разсмотрѣнныхъ на стр. 318-20, и въ первыхъ двухъ категоріяхъ composit'овъ метафористика

осталась та же самая, что и въ предлоговыхъ оборотахъ, — за то въ третьей категоріи она и тоньше, и разнообразнѣе, а главное, — *фразеологичнѣе*, т. е. тѣснѣе связана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ значеніемъ того слова, съ которымъ предлогъ вошелъ въ *compositum*. Разнообразіе въ метафорахъ тутъ таково, что его едвали можно исчерпать (мы останавливались лишь на болѣе крупныхъ явленіяхъ), а тонкость ихъ доходить до того, что въ нее въ очень многихъ случаяхъ даже трудно проникнуть.

2. Свою опору метафористика третьей категоріи имѣетъ въ *разныхъ* падежахъ предлоговыхъ оборотовъ. Такъ, *ἐπιβουλεύω* опирается своимъ значеніемъ на *ἐπί τινα* (*ίέναι ἐπί τινα*), а *ἐπαितέω* — на *ἐπί τινι*; *καταπίμπρημι* — на *κατά τινα*, а *κατηγορέω* — на *κατά τινος*; *παραίνέω* — на *παρά τινι*, а *παρακούω* — на *παρά τινα* и т. д.

Уже этихъ двухъ аргументовъ совершенно достаточно для того, чтобы въ *третьей* категоріи *compositivovъ* усматривать не доказательство *первоначальной* »нарѣчности« *или вообще чего то первоначального, а вѣнецъ и предѣлъ симасіологическаго развитія предлоговъ, какъ части рѣчи, вышедшей въ своемъ симасіологическомъ развитіи отъ роли опредѣлять мѣстное отношеніе между двумя предметами, представляемыми въ мѣстномъ же пространствѣ.*

Второй отдѣлъ объ имени: падежи.

Мы опредѣлили значеніе предлоговъ, какъ *особой* части рѣчи, и вѣсть съ тѣмъ установили и значеніе падежей, насколько послѣдніе имѣли отношеніе къ предлоговымъ оборотамъ.

Въ славянскомъ языкѣ, который нужно привлекать къ сравненію уже изъ-за одного того, что разныя значенія разсмотрѣнныхъ нами предлоговъ и приставляемыхъ къ нимъ падежей мы истолковывали не только черезъ сильное *опредѣленіе* этихъ значеній, но и черезъ *переводъ* на одно изъ славянскихъ нарѣчій, — въ славянскомъ языкѣ не оказывается ничего такого, что *противорѣчило* бы нашему пониманію значенія падежей и предлоговъ, или что было бы *новостью* сравнительно съ *греческимъ* языкомъ. Если славянское *къ* соединяется съ *личнымъ* падежемъ, а не съ *вещнымъ*, какъ греческое *πρός τινα*, то это объясняется нѣкоторою своеобразностью представленія, на почвѣ котораго выросъ данный славянскій предлоговый оборотъ: то, къ *чему* я приближаюсь, первоначально *) представлялось славянину *лицомъ* (безъ *олицетворенія* тутъ не обойтись), совершенно *равноправнымъ* мнѣ, дѣтелю, и, какъ бы, *выжидающимъ* меня, чтобы я съ нимъ *поравнялся*.

*) Дѣло, конечно, идетъ именно о первоначальномъ представленіи; впоследствии, когда оборотъ утвердился, представленіе это могло ослабѣть.

Въ славянскомъ языкѣ только одно непонятно для насъ, а одно — ново. Непонятенъ для насъ оборотъ *по городу*, т. е. *по съ личнымъ* падежемъ (въ чешскомъ языкѣ, — что естественнѣе, — »по« *всегда* встрѣчается съ падежемъ *мѣстнымъ* *), а ново — частое употребленіе предлоговъ съ *творительнымъ* падежемъ.

Съ первымъ явленіемъ слависты такъ или иначе справляются, и объясненія ихъ по данному вопросу излагать здѣсь нечего, такъ какъ для *греческаго* языка мы ими воспользоваться не можемъ. Что же касается употребленія въ славянскомъ языкѣ предлоговъ съ *творительнымъ* падежемъ, то это явленіе для насъ — чрезвычайно важно, какъ и вообще важенъ для насъ *весь* славянскій творительный падежъ, потому что на немъ, какъ стоящемъ совершенно *особнякомъ*, гораздо виднѣе все то, что въ греческомъ языкѣ слито съ другими падежными функциями. На славянскомъ творительномъ падежѣ (до сихъ поръ мы употребляли латинскій терминъ *instrumentalis*) мы и остановимся.

Терминъ »творительный« — очень *выразителенъ*; онъ довольно *точно* указываетъ на значеніе того падежа, для котораго онъ придуманъ. Въ какомъ состояніи находится синтаксическая славянскаго творительнаго падежа, видно было на страницахъ 59 и 63. Кромѣ сообщеннаго на указанныхъ страницахъ дѣленія этого падежа существуютъ еще другія. Для насъ, впрочемъ, — важно не столько *дѣленіе падежа*, сколько возможная полнота въ *типахъ* примѣровъ, на основаніи которыхъ мы могли бы опредѣлить его синтаксическую. Типы эти слѣдующіе (они заимствованы по большей части изъ учебника Буслаева »Ист. грамм. русск. яз.«):

1. рубить *топоромъ*; здѣсь видятъ падежъ *орудія* (сравни выше на стр. 325. фразу *τὶ μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν*).

*) Славянскія нарѣчія, употребляя *по съ мѣстнымъ* падежемъ, обозначаютъ своимъ падежемъ только нахожденіе *одного* предмета на *поверхности* другого, а то обстоятельство, что предметъ занимаетъ *всю* площадь другого предмета, осталось *невыраженнымъ* въ падежѣ. Вещнымъ падежемъ въ *данномъ* случаѣ (не *вообще* ли въ предлогахъ?) славянскій языкъ воспользовался *только* для обозначенія *цѣли* движенія (идти *по* воду; сравни выше стр. 265).

2. это написано мною (сравни выше на стр. 279 фразу *γέγραπται Ξενοφῶντι*);
3. *своимъ характеромъ* онъ напоминаетъ мнѣ моего знакомаго;
4. отъ такого-то города до такого то можно идти все *лѣсами* (говорятъ тутъ о творительномъ *мѣста*);
5. *весною* все цвѣтеть (творительный *времени*);
6. ѣхать *пароходомъ*;
7. изъ лѣса выбѣжали волки *цѣлыми стаями*;
8. идти *шагомъ* (въ пунктахъ 6, 7 и 8 видятъ творительный *образа дѣйствія*);
9. свая торчитъ изъ воды *острымъ концомъ*;
10. мяса тутъ — четыре пуда *вѣсомъ*;
11. высокъ *ростомъ*;
12. хорошъ *собою* (въ пунктахъ 10, 11 и 12 говорятъ о творительномъ *качества и отношенія*);
13. истекаетъ *кровью*;
14. отъ него несетъ *водкою*; посыпало *градомъ*;
15. этотъ продуктъ пахнетъ *чеснокомъ*;
16. пролетѣлъ *стрѣлою* (падежъ *уподобленія*);
17. идолъ сталъ болванъ *болваномъ*;
18. онъ служить *управляющимъ*;
19. онъ оказывается *хорошимъ человекомъ*;
20. мы видѣли полкъ *возвращающимся* съ пятью знаменами;
21. Ломоносовъ былъ *рыбакомъ*;
22. еще *ребенкомъ* она лишилась матери (говорятъ тутъ о творительномъ *опредѣленія*);
23. при предлогахъ: *за городомъ, надъ городомъ, подъ городомъ, передъ городомъ, между городомъ и селомъ*;
24. особымъ явленіемъ представляется предлогъ *съ* съ творительнымъ падежемъ.

Наблюденія надъ всѣми этими явленіями ведутъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ и выводамъ.

Если выраженія *за городомъ, надъ городомъ, подъ городомъ, передъ городомъ, между городомъ и селомъ* отвѣчаютъ въ общемъ на вопросъ *гдѣ* (о вопросѣ *гдѣ* мы раз-

суждаемъ въ данномъ случаѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его выяснили на стр. 282), то мы ихъ должны строго отличать отъ выраженій *въ городъ, на горъ, при мнѣ, о маслеицѣ* (во временно́мъ значеніи), *говорить о чело-вѣкѣ, по лесѣхъ* (равняется русскому *по лѣсамъ*). И послѣднія выраженія отвѣчаютъ на вопросъ *гдѣ*, и встрѣчающійся въ нихъ мѣстный падежъ остается тѣмъ же, какимъ онъ въ концѣ концовъ оказался въ *греческихъ* предлоговыхъ оборотахъ: непосредственная *близость* и *прикосновенность* двухъ предметовъ, для «сопоставленія» которыхъ служить всякій предлоговый оборотъ, рѣзко бросается въ глаза въ предлоговыхъ оборотахъ съ падежемъ *мѣстнымъ*, если ихъ сличить съ таковыми же оборотами съ *творительнымъ* падежемъ. Даже въ выраженіи *между городомъ и селомъ протекаетъ такая то рѣка* (представлена*) рѣка хотя и *врывающагося* въ отиѣченный даннымъ выраженіемъ промежутокъ, но все же проходящую черезъ него такъ, что *не затрогиваетъ* ни *города*, ни *села*.

Въ примѣрахъ *пахнетъ чеснокомъ, пролетѣлъ стрѣлою, пронесся вихремъ* и т. п. говорятъ объ «уподобленіи». Говорить объ «уподобленіи», это значить — имѣть въ виду сопоставленіе двухъ *предметовъ* и указаніе на ихъ качественную или количественную *одинаковость*. Въ греческомъ языкѣ, — точно также какъ и въ русскомъ, — когда уподобляются два *предмета*, выраженные каждый не цѣлою мыслью, т. е. не «описаніемъ», а однимъ *словомъ*, именемъ *существительнымъ*, оба существительныя обыкновенно приставляются другъ къ другу въ одномъ и томъ же падежѣ, т. е. *согласуются*. При этомъ, чтобы *одинъ* изъ согласующихся падежей не чувствовался въ роли психо-логическаго сказуемаго къ другому, какъ психо-логическому подлежащему (сравни выше стр. 176.), а чтобы въ нихъ обоихъ *сразу* было замѣтно названіе двухъ *разныхъ* предметовъ, въ рѣчь вставляется слово $\omega\sigma\pi\epsilon\rho$, или *postpositiv'ное* $\omega\varsigma$ (въ русскомъ языкѣ

*) Сравни примѣры на *мѣстѣ* съ *мѣстнымъ* падежемъ на стр. 262, гдѣ предметъ «представленъ» *стрикасающимъ* съ тѣмъ, посреди чего онъ находится.

слова какъ, словно, точно): *ὁ δὲ πατὴρ ὡς ἴλιος ἦν* (онъ, словно отецъ, былъ нѣженъ).

О такомъ ли уподобленіи идетъ рѣчь въ примѣрахъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ, птица пролетѣла стрѣлою, лошадь пронеслась вихремъ* и т. п.? Весь вопросъ въ томъ, «сопоставляются» ли или, говоря общѣе, приводятся ли въ «отношеніе» въ нашихъ примѣрахъ — хлѣбъ съ чеснокомъ, птица съ стрѣлою, лошадь съ вихремъ, или нужно смотрѣть на дѣло какъ нибудь иначе? Очевидно, — иначе, въ противномъ случаѣ выраженія *пахнутъ чеснокомъ* (безъ слова *хлѣбъ*), *пролетѣть стрѣлою* (безъ слова *птица*), *пронестись вихремъ* (безъ слова *лошадь*) не чувствовались бы сами по себѣ оборотами *цѣльными*, совершенно въ одинаковой степени съ оборотами *рубить дерево, читать книгу* и т. п.: какъ въ *последнихъ* оборотахъ слова *дерево* и *книгу* зависятъ *вполнѣ* и исключительно отъ словъ *рубить* и *читать*, дополняя ихъ смыслъ, такъ и въ первыхъ — слова *чеснокомъ, стрѣлою, вихремъ* служатъ дальнѣйшимъ разъясненіемъ смысла словъ *пахнуть, пролетѣть, пронестись*.

Что значить *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Правильному пониманію этого выраженія, — я разумѣю правильное пониманіе съ *симаціологической* точки зрѣнія, — повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что когда думаешь о значеніи здѣсь творительнаго падежа, — непременно какъ то считаешься съ вопросомъ о наличности, или неналичности самого чеснока въ хлѣбѣ. А между тѣмъ само *выраженіе* не даетъ *никакого* повода къ тому, чтобы *ставитъ* подобный вопросъ, точно также какъ не даетъ къ этому *никакого* повода выраженіе «въ хлѣбѣ *слышенъ* запахъ чеснока» (въ *последнемъ* выраженіи говорится о наличности въ хлѣбѣ *запаха*, но никакъ не о наличности тамъ *чеснока*).

Что значить *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Это значить, что запахъ въ хлѣбѣ *созданъ* чеснокомъ. Какъ же это *созданъ*? Вѣдь, если *созданъ*, то созидающее *должно* быть или, по крайней мѣрѣ, должно *было* когда нибудь быть на лицо, а между тѣмъ, когда мы произносимъ эту фразу, то

часто думаемъ о томъ, что *самого* чеснока въ хлѣбѣ *именно* нѣтъ и никогда *не было*, и если ужъ *допустить* наличность чего нибудь. *касающагося* чеснока, то это могутъ быть развѣ только его *признаки, отвлеченные* отъ самого предмета. Какіе, спросимъ мы, признаки? *Запахъ*, — отвѣтятъ намъ. Въ такомъ случаѣ, не переимѣнить ли намъ наше толкованіе и не сказать ли, что *запахомъ* чеснока созданъ запахъ въ хлѣбѣ? Это мы можемъ сдѣлать, но тогда выйдетъ фраза »хлѣбъ пахнетъ *запахомъ* чеснока«. Такъ нерѣдко и говорятъ, хотя много отъ этого осложненія не выгадывается, какъ не выгадывается ничего во фразѣ »онъ разыгрываетъ *роль* барина« (т. е. разыгрываетъ то, что *служитъ признакомъ* барина) въ сравненіи съ простою фразою »онъ разыгрываетъ *барина*. И здѣсь ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ *не ижтется* въ виду наличность самого *барина*.

На стр. 170—1 мы разсуждали о томъ, что имя существительное обозначаетъ или реальный индивидуумъ, или представителя *группы* реальныхъ индивидуумовъ, или *отвлеченіе* отъ реальныхъ индивидуумовъ, какъ »логическое *понятіе*«, или, наконецъ, душевный *постулатъ*. Когда мы говоримъ *онъ разыгрываетъ барина*, то подъ *бариномъ* мы разумѣемъ *совокупность признаковъ*, заключающихся въ этомъ словѣ, какъ выраженіи *логическаго понятія*; во фразѣ же »онъ разыгрываетъ *роль* барина« признаки отмѣчены въ самомъ словѣ *роль*, а слово *баринъ* обозначаетъ представителя *группы* извѣстныхъ лицъ. Не примѣнить ли намъ что нибудь подобное и къ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*? Положимъ, при словѣ *баринъ* легче подняться до »логическаго *понятія*«, чѣмъ при словѣ *чеснокъ*. Произнося слово *баринъ*, мы сейчасъ думаемъ о словѣ съ *болѣе* широкимъ логическимъ объемомъ: мы сейчасъ думаемъ о *человѣкѣ вообще*, и въ немъ *различаемъ* людей, носящихъ признаки *барина*, отъ людей *иныхъ*, словомъ, — мы *индивидуумъ* или *представителя* индивидуумовъ опредѣляемъ, такъ сказать, *черезъ* примѣненіе къ нему самой *совокупности признаковъ* или черезъ отнесеніе къ нему самого »логическаго *понятія*«. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ,

что въ подобныхъ случаяхъ въ нашей мысли «логическое понятіе» какъ-то идетъ *впередъ*, а индивидуумъ — *за нимъ*.

Не такъ легко подняться до «логическаго понятія» при словѣ *чеснокъ*. Не имѣя или, лучше сказать, *не лица* случая при произнесеніи слова *чеснокъ* примѣнить признаки чеснока къ болѣе *широкому* логическому объему, въ которомъ *кромя* чесноку находилось бы еще что нибудь другое, мы обыкновенно подъ словомъ *чеснокъ* разумѣемъ только или *индивидуумъ*, или *представителя* индивидуумовъ. Но развѣ нѣтъ возможности и при *такихъ* условіяхъ внести представленіе «созиданія» въ творительный падежъ слова *чеснокъ*, даже если бы *чеснокъ* отсутствовалъ? Фраза *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*, разбирая ее всю съ симасіологическою *точностью*, выражаетъ слѣдующее: *всякій* чеснокъ (чеснокъ. какъ *представитель* индивидуумовъ) создастъ тотъ *признакъ* (признакъ *пахнуть*, разумѣй — «*дѣйствіе*» съ его *заговыми* и «*видовыми*» отгѣнками), который я, говорящій, съ *извѣстною* квалитативною сужденія и съ отнесеніемъ къ *извѣстному* времени присуждаю лицу, выраженному въ *окончаніи* глагола, и ближайше опредѣленному *именительнымъ* падежемъ при глаголѣ (падежемъ *хлѣбъ*). Теперь, кажется, достаточно выяснено то, съ чего мы *начали* настоящее разсужденіе: вопросъ о томъ, на лицо ли, или не на лицо чеснокъ, нашею фразою совсѣмъ *не рѣшается*: это — дѣло контекста. Иногда прямо такъ и говоримъ: этотъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*; развѣ овъ туда положень?

Да, въ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* мы имѣемъ дѣло съ *настоящимъ* «творительнымъ» (очень выразительный терминъ!) падежемъ: этотъ падежъ указываетъ на отмѣченный имъ предметъ какъ на *творящій*, какъ на *созидающій* извѣстный признакъ, какъ на *придающій* извѣстный видъ тому, что только лишь въ *общемъ* намѣчено самимъ *признаковымъ* словомъ (глаголѣ, вѣдь, *тоже* можно назвать «*признаковымъ*» словомъ, по крайней мѣрѣ, — *первую* его *часть*; сравни стр. 98): *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* значить «чеснокъ придаетъ *извѣстный* видъ запаху хлѣба».

Нетрудно провести только что определенное значеніе творительнаго падежа по всѣмъ 24 типамъ примѣровъ, приведеннымъ выше:

1. Хотя и «рубить» *человѣкъ*, но *непосредственно* «созидаетъ» рубленіе *топоръ*, въ данномъ случаѣ — *извѣстный* топоръ, *извѣстный экземпляръ**) топора, придавая рубленію *извѣстный* видъ (рубленіе какимъ-нибудь *ломомъ* оставить *другіе* слѣды).

2. Въ примѣрѣ *это написано мною* прямо само «созидаетъ» и «придающее» писанію *извѣстный* видъ *лицо* поставлено въ творительномъ падежѣ; поставлено оно такъ вслѣдствіе *синтаксической невозможности* ставить его въ именительномъ падежѣ, такъ какъ послѣдній занятъ уже *другимъ* «носителемъ» писанія (словомъ *это*), носящимъ его, т. е. *писаніе*, въ данномъ случаѣ въ *пассивномъ* смыслѣ.

3. Хотя и «напоминаетъ» *мнѣ* моего знакомаго *онъ*, но *непосредственно* «производитъ» и вызываетъ во мнѣ это *напоминаніе его характеръ*.

4. Лѣса, — *извѣстные* въ данномъ случаѣ лѣса (а не «представители» группы предметовъ), — *извѣстные* потому, что они приурочены къ *извѣстному мѣсту* (нужно на этомъ настаивать?), «созидаютъ» *извѣстный* видъ ходьбы или путешествія отъ такого-то города до такого-то.

5. *Весна* есть то время, которое представлено «созидательнымъ» появленіемъ *цвѣтовъ*, дающимъ въ себѣ *цвѣтенію мѣсто*.

6. *Пароходъ* есть предметъ, опредѣляющій «видъ» или *способъ* ѣзды, — *способъ*, ему *одному* только принадлежащій.

7. «Цѣлыя» *стаи* представлены чѣмъ то, что только и *можетъ* создать тотъ «видъ» или ту картину, которая замѣчается въ «бѣгѣ» или вообще въ *движеніи* волковъ;

*) Это, какъ выше сказано, дѣло *контекста*. Фраза «это сработано какъ будто топоромъ» *легко* превращается по *одинаковости* мысли во фразу «это топорная работа», и тутъ мы уже переходимъ на ту же почву, на какой мы находились при разборѣ фразы *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*: только *топоръ* *можетъ* создать такую работу, какъ настоящая.

то же самое можно сказать въ 8-омъ примѣрѣ о *шагъ* по отношенію къ движенію человѣка, или животнаго.

9. *Конецъ* свая есть то, *благодаря* чему свая и торчить изъ воды = что непосредственно и *производитъ* »торчаніе«, придавая ему *извѣстный* видъ.

10. *Въсь* — *въшеніе* есть нѣчто, *результатомъ* чего являются четыре пуда.

11. *Ростъ* есть то, *благодаря* чему и можно сказать, что тотъ то »высокъ« или »низокъ«; *ростъ* »созидаетъ« высоту, *его* она *касается*.

12. *Самъ* *человѣкъ* — т. е. его *наружность* — выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать, красивъ ли онъ, или нѣтъ.

13. *Кровь* есть то, что *непосредственно* »производитъ« истеченіе.

14. *Водка* и *градъ* выставлены чѣмъ то, что *непосредственно* »производитъ« дѣйствіе *нести* (= нестись; сравни стр. 105) и *посыпать* (= посыпаться); *водка* и *градъ* придаютъ этимъ дѣйствіямъ особый »видъ«; *они* опредѣляютъ ихъ »качество« и *содержаніе*.

17. *Болванъ*, *настоящій* болванъ (т. е. нѣчто, понятое въ смыслѣ логическаго *отвлеченія*, не смѣшанное съ признаками чего нибудь посторонняго), выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать объ идолаѣ, что онъ болванъ.

18: *Управляющій*, въ смыслѣ »логическаго понятія«, выставленъ чѣмъ то, что опредѣляетъ собою особый *видъ* службы.

19. *Человѣкъ*, а именно *хорошій* *человѣкъ* (слово *хорошій* есть здѣсь »согласующееся« имя; сравни стр. 192), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *оказываться*.

20. *Полкъ*, именно *возвращающійся* полкъ (слово *возвращающійся* составляетъ »согласующееся имя« къ *пропущенному* и подразумеваемому изъ *контекста* слову *полкъ*; ср. стр. 54.), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *видѣть* (я видѣлъ полкъ *возвращающима* съ пятью знаменами полкомъ).

21. *Рыбакъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», «создаётъ» бытіе Ломоносова, придавая ему, этому бытію, особый «видъ» и опредѣляя его *содержаніе* (сопоставъ толкованіе данной фразы съ толкованіемъ фразы *Μικτήν ἦν πόλις* на стр. 182).

22. *Ребенокъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», только и можетъ создать ту *особую* картину дѣйствія *лишилась*, которая нарисована во фразѣ *еще ребенкомъ лишилась матери* (нечего толковать здѣсь о «пропускѣ» слова *будучи*; во фразѣ *будучи ребенкомъ, она лишилась матери* языкъ прибѣгъ къ *другимъ* симасіологическимъ средствамъ, хотя и выразилъ ту же мысль: въ ней *ребенокъ*, въ смыслѣ «логическаго понятія», опредѣляетъ собою *содержаніе бытія*, самое же бытіе, въ формѣ глагольнаго *признаковаго*,* отнесено къ слову *она*).

23. *Городъ* выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *надъ*, или *подъ*, или *передъ*, или *за*; *городъ* и *село* представлены чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *между*; такъ и въ 24^{омъ} примѣрѣ на *друга* указано какъ на кого то, *благодаря* кому я — *не одинъ*.

Таковъ — славянскій творительный падежъ. Только теперь въ первый разъ пришлось разбирать падежъ во *всемъ* его объемѣ, тогда какъ раньше мы разбирали падежи *только* при предлогахъ. Въ чемъ же собственно заключается то *добавочное*, на что приходится наталкиваться при разборѣ падежа во *всемъ* его объемѣ, и противопоставлять ли намъ, въ виду этого *добавочнаго*, падежи при *предлогахъ* падежамъ. «зависящимъ» отъ *другихъ* словъ, или же правильнѣе будетъ противопоставлять *простые* падежи «предлоговымъ оборотамъ», какъ чему то слитому въ одно?

* Слово *будучи* есть «дѣепричастіе». Мы о «дѣепричастіяхъ» на стр. 202 не разсуждали, такъ какъ дѣепричастія греческаго языка не касаются; въ общемъ, и *они* — глагольныя признаковыя пмена, но для того, чтобы *отрадать* ихъ, какъ *особую* часть рѣчи, и чтобы выяснитъ ихъ отношеніе къ «причастіямъ», потребовалось бы далеко уклониться отъ нашего *прямаго* дѣла.

Служили ли предлоги для опредѣленія тѣхъ мѣстныхъ отношеній, ради которыхъ они были первоначально придуманы, или вмѣшались въ роль *простороваго* опредѣленія, или, наконецъ, приспособились къ разнымъ *метамъ*, — вездѣ они оставались указателями *сопоставленія предмета съ предметомъ* и, согласно этому, появленіе ихъ въ рѣчи *собственно* должно бы быть обусловлено *двумя* именами существительными, матеріальными ли, или формальными, это все равно. Но если существительное, непосредственно *зависящее* отъ предлога, было *дѣйствительною* *condicio sine qua* пои для предлога, то *второе* существительное часто приходилось извлекать изъ *несуществительныхъ*. Изъ какихъ именно? Обыкновенно мы его извлекали изъ глагола, т. е. *собственно* изъ того *дѣйствія*, которое какъ *признакъ* (см. выше стр. 98.) присуждается лицу, обозначенному въ его окончаніи. Но если какое нибудь *ἀμελεία* (*ἀμελεία εἰς τι*) приходится извлекать изъ *ἀμελέω* (*ἀμελέω εἰς τι*), то, разумѣется, эта *необходимость* извлекать его для оправданія *двухъ* существительныхъ при предлогѣ не менѣе касается и словъ *ἀμελῶν* (*ἀμελῶν εἰς τι*) и *ἀμελής* (*ἀμελής εἰς τι*), словомъ, — касается и *признаковыхъ* словъ, какъ *простаго*, такъ и глагольнаго (о глагольномъ *имени* мы тутъ не упоминаемъ, такъ какъ изъ него, въ виду его двусторонности и въ виду возможности понять его за *существительное*, извлекать нечего; сравни стр. 202). Конечно, никто изъ *употребляющихъ* языкъ, произнося фразу *ἀμελής εἰς τι*, на дѣлѣ *не думаетъ* о какихъ нибудь *извлеченіяхъ*, а просто чувствуетъ *εἰς* *зависащимъ* отъ слова *ἀμελής* какъ чего то *цѣлаго*. Такимъ образомъ, *извлеченіе* оказывается необходимымъ *дѣйствительно* только, какъ мы раньше выразились, *для оправданія* *двухъ* существительныхъ при предлогѣ; точнѣе говоря, оно необходимо для того, кто хочетъ выяснить, какъ предлоги *могли* понемногу переходить изъ *первоначальнаго* своего положенія въ *зависимость* отъ *признаковыхъ* словъ (въ *признаковыхъ* слова мы включаемъ здѣсь и глаголъ, относящійся къ нимъ, *собственно*, только *первою* своею

частью, своимъ *и*, на которое мы указывали на стр. 94., и которое мы также можемъ назвать *признаковымъ*); предлоги *могли* переходить отъ первоначальнаго своего положенія къ зависимости отъ *признаковыхъ* словъ *только* черезъ »извлеченіе«, о которомъ, однако, *употреблявшій* языкъ впоследствии, когда *привыкъ* къ новымъ оборотамъ, могъ и *забыть*.

Въ виду сказаннаго мы можемъ утверждать, что предлогъ и поставленный при немъ падежъ могутъ »зависѣть« *и* отъ имени существительнаго, *и* отъ признаковаго слова, включая въ признаковое слово также *глаголь*. А если падежъ, о которомъ мы только что упоминали какъ поставленномъ *при* предлогѣ, — если онъ остается *безъ* предлога, то отъ чего онъ можетъ »зависѣть«? Разсмотрѣвъ еще разъ всѣ 22 типа употребленія творительнаго падежа (23^й и 24^й примѣры сюда не относятся), мы должны сказать, что падежъ въ нихъ, — въ этотъ падежъ опять таки могутъ попасть *только* *) имена существительныя, какъ было и при предлогахъ, — служить синасіологическимъ пополненіемъ *исключительно* лишь *признаковыхъ* **) словъ (включая сюда и глаголь). Въ примѣрѣ *идолъ сталъ болванъ болваномъ* именительный падежъ *болванъ* есть психо-логическое *сказуемое*, и какъ таковое исполняетъ роль *признаковаго* слова, а что касается примѣра *четыре пуда въсомъ*, то слово *въсомъ* относится къ слову *четыре*, а не къ слову *пуда*. ***) Последній примѣръ напоминаетъ намъ то *ἀριθμῷ* (= *счетомъ*) въ примѣрѣ *πέντε ἀριθμῷ*, о которомъ мы разсуждали на

*) Слово *только* — немного неточно; слѣдовало сказать »*прежде всего*«, такъ какъ къ *этимъ* именамъ существительнымъ могутъ присоединиться *»согласующіяся«* имена, а *согласующіяся* имена, если будутъ исполнять роль напр. логическихъ опредѣленій (сравни стр. 189 и 192.), должны тогда *имѣть* съ своимъ »опредѣляемымъ« *составлять* нѣчто *одно* по тому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсужденіи.

**) Выраженія, какъ »управленіе *городомъ*« и т. п., какъ будто *противорѣчатъ* этому утверженію (творительный *городомъ* зависѣтъ здѣсь отъ имени *существительнаго*), но о нихъ рѣчь *впереди*.

***) Даже если мы говоримъ *пудъ въсомъ*, то слово *въсомъ* относится здѣсь къ слову *одинъ*, не то что пропущенному, а *выраженному* или, скорѣе, *заключающемуся* въ формѣ *единственнаго* числа слова *пудъ*.

стр. 206.) и хотя къ слову *счетомъ* или *въсомъ*, какъ мы это видѣли на *»πέντε ἀριθμῶς«*, можетъ присоединиться *»счетная«* часть рѣчи, но эта *счетная* часть рѣчи составляетъ, какъ по формѣ, такъ и по значенію, нѣчто *особое* сравнительно съ признаковыми словами *только* тогда, когда мы дѣйствительно *заняты* счетомъ, а когда счетъ *конченъ*, и она появляется въ рѣчи какъ *результатъ* счета, то она, оставаясь лишь по *формѣ* счетною частью рѣчи, по *значенію* должна превратиться въ *признаковое* слово.*)

Мы не знаемъ еще, *вездѣ* ли падежи, разъ они не входятъ въ предлоговый оборотъ, будутъ *»зависѣть«* отъ *признаковыхъ* словъ, но *пока* это — такъ, а провѣрка этого положенія относительно *другихъ* падежей должна быть поставлена въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи *особою* задачею. Однако, — скажетъ читатель, — зачѣмъ принимать на себя такую задачу, и не слѣдуетъ ли при самомъ *творительномъ* падежѣ опять таки *»извлекать«* изъ признаковыхъ словъ имена существительныя, и *ими* оправдывать появленіе въ рѣчи падежей, какъ мы это дѣлали при предлогахъ? Повторяемъ, что при предлогахъ мы это дѣлали *только* съ цѣлью выяснить *переходъ* отъ *первоначальной* ихъ роли къ *»зависимости«* отъ *признаковыхъ* словъ, здѣсь же не видимъ ни *малѣйшаго* повода къ чему нибудь подобному. Да и не вытекаетъ ли эта зависимость творительнаго падежа *именно* отъ *признаковыхъ* словъ, — не вытекаетъ ли она изъ *сущности* самого творительнаго падежа? Въ самомъ дѣлѣ, если творительный падежъ указываетъ на предметъ какъ на *созидающій* нѣчто, то не есть ли самое *созиданіе* нѣкое *движеніе*, и хотя это движеніе требуетъ предмета, на которомъ бы оно происходило, но само *созидаемое* или *движимое*, — само τὸ κινούμενον или, скорѣе, сама κίνησις, какъ сказалъ бы Платонъ, не есть ли только *признакъ* этого предмета? (Когда мы говоримъ дерево срублено топоромъ, то топоръ *»создалъ«* это рубленіе *на* деревѣ).

*) Вотъ какое дополненіе, по вопросу о *счетной* части рѣчи, мы имѣли въ виду на стр. 206.

И не были ли въ этомъ отношеніи и сами *предлоги*, дополняемые падежами, чѣмъ то въ родѣ *признаковыхъ* словъ, такъ какъ и они, указывая то на *κίνησιν*, то на *στάσιν*, вѣняли послѣ себя *падежи*, и не была ли эта *κίνησις* или *στάσις* *признакомъ* того »чего нибудь«, что »*сопоставлялось* съ предметомъ, поставленнымъ въ зависящемъ отъ нихъ падежѣ?*)

Въ виду того, что послѣ *признаковыхъ* словъ появляются съ одной стороны *падежи*, а съ другой — предлоговые обороты какъ нѣчто слитое въ *одно*; въ виду того, что послѣ существительныхъ, — такъ, по крайней мѣрѣ выяснялось до сихъ поръ, — не могутъ появляться падежи, но зато могутъ появляться *предлоги* съ падежами; въ виду того, — мы немного забѣгаемъ впередъ, — что *кромя* существительныхъ и признаковыхъ словъ *нѣтъ* частей рѣчи, которыя могли бы вызывать къ себѣ падежи; въ виду того, что предлогъ можетъ перейти изъ предлоговаго оборота въ *compositum*, и тогда вмѣсто предлоговаго оборота наступаетъ простой падежъ; въ виду того, что этотъ простой падежъ можетъ даже *чередоваться* въ такихъ случаяхъ съ *новымъ* предлоговымъ оборотомъ (сравни »*εἰσιέναι λόγον*« и *εἰσῆλθε εἰς δικάστηριον*«); въ виду всего этого гораздо правильнѣе, или по крайней мѣрѣ *практичнѣе* будетъ — про-

*) Опять мы наткнулись на Дельбрюковскія *praeverbia* (сравни стр. 319. и 326.). Если, — скажетъ читатель, — предлоги суть нѣчто въ родѣ *признаковыхъ* словъ, и если мы допускаемъ зависимость этихъ *quasi* »признаковыхъ« словъ не только отъ именъ существительныхъ (*ἀμέλεια εἰς ταῦτα*), но и отъ *настоящихъ* признаковыхъ словъ (*ἀμέλις εἰς ταῦτα*), то слѣдовательно...? »Слѣдовательно« — хочеть сказать читатель, — »эти *quasi* признаковыя слова служатъ симасіологическимъ *дополнениемъ* настоящихъ признаковыхъ словъ (не забудемъ, что въ число этихъ »настоящихъ« признаковыхъ словъ включены и *κλάω*, и что, стало быть, какое нибудь *ἀμέλις εἰς ταῦτα* въ данномъ случаѣ нужно трактовать совершенно такъ же, какъ и *ἀμέλις εἰς ταῦτα*), а потому они принадлежатъ прежде всего къ нимъ, въ видѣ ли »*praeverb'ii*«, или »*postverb'ii*«, это *рѣшительно* все равно«. Для того, чтобы убѣдиться, что такое »слѣдовательно« не *имѣетъ* для насъ значенія, стоить лишь повторить то, на что мы уже указывали: зависимость предлоговъ отъ признаковыхъ словъ есть нѣчто болѣе *внѣшнее* (въ *ἀμέλις εἰς ταῦτα* мы только *привыкли* не думать объ *ἀμέλεια*) и нѣчто, развившееся только *спослѣдствіи*.

тивопоставлять »простые *падежи*« предлоговымъ оборотамъ какъ чему то, слитому въ *одно*.

Вотъ все, что мы могли сказать о славянскомъ творительномъ падежѣ и *по поводу* его.

И въ греческомъ языкѣ былъ когда то творительный падежъ; это — омировскія формы, оканчивающіяся на *φιν*. Нельзя сказать, чтобы омировскій творительный падежъ и славянскій совершенно покрывали другъ друга. Почему это такъ, читатель догадывается.

Въ греческомъ *Dativ'н*, согласно его *этимологической* двойственности, а можетъ быть и тройственности (ср. стр. 209), мы и съ *симаціологической* стороны признаемъ соединеніе нѣсколькихъ падежей: личнаго, мѣстнаго и творительнаго, и хотя послѣдній оправдался пока лишь на *трехъ* примѣрахъ (*τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν, — τοῦτο γέγραπται Ξενοφῶντι, — πέντε ἀριθμῶ*), но всѣ эти примѣры, какъ видно изъ только что разобраннаго *славянскаго* творительнаго падежа, оказываются представителями довольно *крупныхъ* явленій употребленія этого падежа, заключаютъ въ себѣ три *разныхъ* отгѣнка его значенія, а выяснять *другіе* отгѣнки до настоящаго времени еще не было случая. Такое соединеніе *трехъ* падежей въ *одной* грамматической формѣ вполне понятно: »лицо«, какъ *дѣятель* или вообще *носитель* дѣйствія или признака (=личный падежъ), »область«, въ *которой* вращается дѣйствіе, или »просторъ«, *гдѣ* нѣчто »развивается« (=мѣстный падежъ; о дальнѣйшемъ »огрубнѣннѣ« мѣстнаго падежа упоминать здѣсь нечего, такъ какъ мы его замѣтили пока *только* въ предлоговыхъ оборотахъ), »предметъ«, *благодаря* которому нѣчто получаетъ извѣстный видъ (=творительный падежъ), — все это отгѣнки, до того близкіе другъ къ другу, что стоитъ только внести *олицетвореніе* въ »область« или »просторъ« и »предметъ«, обозначенные мѣстнымъ и творительнымъ падежами. другими словами, — стоитъ только *расширить* районъ того олицетворенія, безъ котораго не обходится самъ *личный* падежъ, какъ *исчезнетъ* вся разница въ падежахъ, и всѣ они сольются въ одно, — до того сольются

въ одно, что если они не дифференцированы этимологически, то иногда и не знаешь, къ какому изъ нихъ склониться. Какъ, наир., толковать выраженіе *Θεσμοφορίοις ηἰστεύομεν* (Aristoph. Aves 1519)? Толковать ли его въ смыслъ *творительнаго* падежа, какъ славянское »Θεσμοφορίями (сравни *лѣтомъ*) мы постимся«, или въ смыслъ падежа *жѣстнаго*, какъ славянское »Θεσμοφορίѣхъ (сравни опредѣленіе времени черезъ формы *зимъ, лѣтъ*) мы постимся«? Трудно рѣшиться на чтонибудь одно и опровергать другое.

Греческій творительный на φιν долженъ былъ сойти со сцены, какъ не »аттической« и какъ не имѣющій достаточно средствъ для обозначенія чиселъ. Въ Омирѣ, гдѣ онъ еще въ употребленіи, мы его застаемъ въ послѣдней стадіи *борьбы* съ этимологическою формою Dativ'a, и, какъ *борющийся*, онъ принимаетъ на себя *всю* симасіологическія функціи, на которыя претендуетъ греческій Dativ: мы его видимъ не только въ *собственной* роли, но и въ роли *жѣстнаго* и *личнаго* падежей. Вотъ почему греческій падежъ на φιν и славянскій творительный не могутъ покрывать другъ друга.

Роль *личнаго* падежа въ формахъ на φιν является несомнѣнно въ слѣдующихъ выраженіяхъ Омира: *Θεβφιν μήστωρ ἀτάλαντος**) (Π. η 366, ξ 318, ρ 477, Od. γ 110, 409); *ἀγλατήφιν πέποιθώς* и вообще при *πέποιθα* (Π. ζ 510, ο 267, δ 325, μ 135, 153, 256, χ 107, δ 303, Od. φ 315); *οἱ μὲν ναῦφιν ἀμυνόμενοι**)* *μετὰ Βοιωτῶν ἐμάχοντο* (Π. ν 700); *ὡς φρήτηρ φρήτηφιν ἀρήγη* (Π β 363).

*) На стр. 277-9 мы слѣдили за личнымъ падежемъ только при *маюлахъ*, которые лишь въ *первой* своей части заключаютъ признаковое слово. Но есть много *простыхъ* признаковыхъ словъ (о *маюлахъ* признаковыхъ и глагольномъ имени ужъ нечего говорить, разъ сами *маюлы* соединяются съ личнымъ падежемъ), которыя предполагаютъ непременно равноправное положеніе *двухъ* лицъ, обнаруживающееся въ томъ, что одинъ другому либо *содѣйствуетъ*, либо *противодѣйствуетъ*, и одно изъ нихъ и *показано* въ личномъ падежѣ. Сравни *κοινός, ἐναντίος, χρήσιμος, βλαβερός, φίλος* и т. д.

**) *ἀμύνω* = отражаю; *ἀμύνω τινά τιτι* = отражаю кого въ пользу чьѣнибудь (= *личной* падежъ); *ἀμυνόμενοι ναῦφιν* = *защищая* (въ своемъ интересѣ; это выражено въ *медіальной* формѣ глагольнаго признаковаго) корабля.

Мѣстный падежъ мы усматриваемъ въ примѣрахъ: βούς ἀγέληφι μέγ' ἔξοχος ἔπλετο πάντων (Π. β 480); ἤντε ταῦρον ἔπεφνε λέων ἀγέληφι μετελθών (Π. π 487); δόρυ, ὃ οἱ κλισίηφι λέλειπτο (Π. ν 168); ὃς που φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρον εἶβει (Π. τ 323); τὸ δὲ καίεται ὑποθ' ὄρεσφι σταθμῶ ἐν αἰπόλω (Π. τ 376); πολλὰ δὲ καὶ καθύπερθε μελαθρόφιν ἐξεκέχυντο (Od. θ 279); πρὶν κατὰ Ἴλιόφι κλυτὰ τείχεα λαὸν ἐέλσαι (Π. φ 323)*)

Очень важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень незатруднительный вопросъ придется рѣшить прежде, чѣмъ перейти къ перечисленію примѣровъ на *собственный* творительный падежъ въ формахъ на *φιν*. Наше толкованіе выраженія *Ἴλιόφι τείχεα* противорѣчитъ тому утверженію, будто *простые* падежи зависятъ исключительно отъ *признаковыхъ* словъ. Да и относительно другихъ примѣровъ на мѣстный падежъ трудно возражать тому, кто захотѣлъ бы усматривать зависимость формы на *φιν* отъ имени *существительнаго*. Колебаніе, вызываемое этими примѣрами, совершенно тождественно съ тѣмъ, на которое мы наткнулись на стр. 271. Въ Π. π 487, напр., трудно защищать зависимость *ἀγέληφι* отъ *μετελθών*; *ἀγέληφι* съ совершенно одинаковымъ удобствомъ можетъ быть истолковано какъ дополненіе слова *λέων* (левъ *въ стадѣ*). Все это вполне понятно. Того *первоначальнаго* значенія, которое мы на основаніи *славянскаго* языка предположили для мѣстнаго падежа, именно *этического*, въ *греческомъ* языкѣ, насколько онъ для насъ раскрытъ, на дѣлѣ *не видать*; оно *исчезло*. Что

*) Последнее мѣсто приводить какъ примѣръ *genitív'nao* значенія формы на *φιν* (Brugmann Handb. II. 211; Nauck предлагаетъ здѣсь *Ἴλιόο*). Согласно съ этимъ комментаторы переводятъ «къ стѣнамъ Трои». Fäsi даже приводитъ въ подтвержденіе правильности такого перевода мѣсто изъ Одиссеи μ 45; πολλὸς δ' ἄμφ' ὀστέφιν δις ἀνδρῶν πυθομένων. Необходимости такого толкованія мы здѣсь не видимъ; *ὀστέφιν* можно принять за *творительный* падежъ (= многочисленный костями = *кости* «созидать» многочисленность), какъ мы его встрѣчаемъ въ выраженіи «πολλὸς ἦν τοῖς ἐπαίνοισι καὶ ἐπαχθῆς» (Aeschin. 33. 29), а *τείχεα Ἴλιόφιν* я сопоставляю съ выраженіемъ *τὰ τροπαῖα τὰ Μαραθῶνι* (Plat. Menex. 240 d) и перевожу «къ стѣнамъ, что въ Трѣѣ».

славянскій языкъ представляетъ какъ этическую область, въ которой вращается дѣйствіе (blahosklonně), то въ греческомъ языкѣ рисуется этическою опорой, отъ которой отпроявляется дѣйствіе (εὐνοικῶς). Сполна ли нами разъясненъ мѣстный падежъ на стр. 271-3 или нѣтъ, мы еще не знаемъ, но изъ того, что до сихъ поръ разъяснено, мы видимъ, что греческому мѣстному падежу, разъ онъ потерялъ первоначальное значеніе, только и оставалось, если ему вообще было суждено жить, держаться простороваго значенія на вопросъ *гдѣ*, а отъ простороваго значенія къ значенію *предпологоваго* оборота было недалеко, какъ то можно было замѣтить уже на стр. 271. Словомъ, то, что мы на стр. 271 только чуяли въ мѣстномъ падежѣ, на дѣлѣ оправдалось въ Ἰλιόφι τείχεα, и примѣнять къ мѣстному падежу соображеніе, по которому простыя падежи должны бы зависѣть исключительно лишь отъ признаковыхъ словъ, совсѣмъ даже не приходится, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи занимаетъ особое положеніе: онъ слишкомъ »огрубѣлъ« въ своемъ значеніи.

Слѣдуютъ примѣры собственнаго творительнаго падежа въ формахъ на φιν: ἀναγκάϊφι δαμέντες (II. v 143); βίηφι ἐδάμασσε и вообще βίηφι что-нибудь произвести (II. π 826, φ 501, σ 341, φ 367; Od. α 403, ι 406, 408, 476, μ 210); ἴφι ἀνάσσειν и вообще ἴφι что-нибудь произвести (II. α 38, 452, ζ 478, α 151, ο 720, δ 287, ε 606, μ 367, σ 14, φ 486, γ 375, τ 417, φ 208, Od. λ 284, ρ 443. σ 57, 156); ὄσσε δακρυόφι πλήσθειν (II. ρ 696. ψ 397, Od. δ 705, τ 472, κ 248, υ 349); δεξιτερῆφι λαβεῖν (II. π 734, σ 477, χ 80, Od. τ 480); сюда же мы относимъ и Od. μ 45 (πολλὺς δ' ἀμφ' ὄστεόφιν θῖς ἀνδρῶν πυθομένων) и, непременно, выраженіе: ἐν χειρὶ θῆσω δύω ἴππους αὐτοῖσιν ὄχεσφιν (II. θ 290, λ 699).

Что касается послѣдняго примѣра, то онъ напоминаетъ намъ обороты, встрѣчающіеся, какъ извѣстно, очень часто и въ аттическомъ нарѣчій (τῶν νεῶν τινὰς ἀναδούμενοι εἶλλον κένας, μίαν δ' αὐτοῖς ἀνδράσιν εἶλλον, Thuc. 2. 90, и др.). Мы видимъ здѣсь то же, что встрѣчаемъ и въ сла-

вѣнскомъ языкѣ, напр., въ выраженіи *онъ отправился туда всею* (= даже = самою) *семьею*: семья, вся семья, создаетъ здѣсь картину *отправленія*, придавая ей *особый видъ*. Какъ въ русскомъ языкѣ слово *всею*, въ оборотѣ *всею семьею*, является лишь «согласующимся именемъ» и психологическимъ *сказуемымъ* къ слову *семьею*, такъ и въ греческомъ языкѣ слово *αὐτοῖσιν* не есть *интегральная* часть оборота. Что греческій языкъ могъ обойтись безъ *αὐτοῖσιν*, доказываетъ примѣръ »βῆ καλέων Ἀγαμέμνονα ἵπποισιν καὶ ὄχεσφι« (Od. δ 533).

Къ собственному творительному падежу мы причисляемъ и ὄσσε δακρυόφιν τέρσοντο (Od. ε 152), какъ и въ чешскомъ языкѣ говорятъ *tím hříchem on jest čist* (указывается на такое, въ данномъ случаѣ *отрицательное*, дѣйствіе грѣха, благодаря которому нѣкто «чистъ» т. е. *свободенъ* отъ грѣха).

Кромѣ того форма на *φιν* встрѣчается въ слѣдующихъ *предлоговыхъ* оборотахъ.

ἐξ (ἐξ εὐνήφι и др.): Π. γ 368, λ 44. ι 572, ο 580, ρ 101, ψ 347, ξ 150, Od. γ 405, δ 307, β 2, ϑ 67, 105, ω 83).

ἀπό (ἀπ' ἐσχαρόφιν и др.): Π. κ 458, ϑ 300, 309, ν 585, π 246, φ 113, ο 313, π 773, ω 268, ν 588, ξ 214, λ 374, κ 347, λ 351, Od. η 169, τ 389, μ 414, ο 552, ξ 134. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій, данныхъ мною на стр. 324., Π. β 794; δέυμενος, ὀππότε ναῦφι ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί (= двинулись бы отъ кораблей).

κατά: κάτεισιν κατ' ὄρεσφι (Π. λ 493); χείμαρροι ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες (Π. δ 452). Предметъ тутъ поставленъ наверху, а *κατά* указываетъ на удаленіе отъ него *другого* предмета *внизъ* (смотри выше стр. 286).

διά: διὰ στήθεσφιν ἐλαύνειν δόρυ (Π. ε 41, 57, ϑ 259, λ 448, χ 284, Od. χ 93); ὡς δὲ κύνες περὶ μῆλα θυσιωσῶσιν ἐν αὐλῇ θηρὸς ἀκούσαντες, ὅς τε καθ' ἕλλην ἔρχεται δι' ὄρεσφι, πολὺς δ' ὀριμαγδὸς ἐπ' αὐτῷ ἀνδρῶν ἠδὲ κινῶν. ἀπὸ τέ σφισιν ἕπνος ὄλωλεν, ὡς τῶν νήδυμος ἕπνος ἀπὸ βλεφάροισιν ὄλώλει (Π. κ 185).

σύν (σὺν ἴπλοισι; σὺν ὄχεσφι): П. δ 297, ε 219, ι 384, μ 119, χ 22, ψ 518, π 811.

ἐν (ἐν χειρὶ δεξιτερῆφι): П. ο 284, Od. ο 148.

ὕπό, на вопросъ *идь*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (ὕπο κράτεσφι и др.): П. τ 404, κ 156, ο 614, θ 136, ψ 130, ν 23, ϑ 41, ω 576, ψ 7.

ἐπί, παρὰ, πρὸς и ἀμφί, на вопросъ *идь*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (ἐπ' ἐσχαρόφι, ἀμφ' ὀστεόφι, παρ' αὐτόφι, πρὸς κοτυλιδονόφι и др.): П. ν 308—9, ϑ 474, μ 302, ν 42, υ 140, ψ 147, 640. τ 255, π 281, ε 28, 794, ϑ 565, ε 107, μ 91, κ 30, 257, 261, ο 3, μ 225, σ 305, Od. ε 59, γ 353, ν 74, ο 284, ε 433, λ 607, π 145, μ 45, ξ 498. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій на стр. 324, П. κ 496 (ὄναρ κεφαλῆφιν ἐπέστυ) и Od. υ 94 (παρεστάμεναι κεφαλῆφιν).

Всѣ эти предлоговые обороты можно раздѣлить на *три* группы. Группируются они по самимъ *предлогамъ*, которые въ нихъ приставлены къ формѣ на φιν. Первую группу составляютъ предлоги σύν, ἐν, ὑπό, ἐπί, παρὰ, πρὸς и ἀμφί. При σύν форма на φιν исполняетъ роль *личнаго*, а при остальныхъ — роль *мѣстнаго* падежа. Замѣчательно, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые могли соединяться съ личнымъ и мѣстнымъ падежами, за исключеніемъ омировскаго ἀνά съ мѣстнымъ падежемъ и омировскаго же μετά съ мѣстнымъ падежемъ (съ περι тутъ нечего считаться, разъ есть ἀμφί, точно также какъ нечего считаться и съ омировскимъ μετά съ личнымъ падежемъ, разъ есть σύν).

Вторую группу составляютъ предлоги ἐξ, ἀπό и κατά. Если бы не было формы на φιν, то эти предлоги будутъ соединяться съ *удалительнымъ* падежемъ. Замѣчательно опять то, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые обыкновенно дополняются удалительнымъ падежемъ, за исключеніемъ предлога ὑπό, у котораго *удалительный* падежъ и *такъ* появляется въ *исключительныхъ* случаяхъ такъ называемыхъ *passiv'ныхъ* конструкций. Слѣдуетъ ли изъ явленія формы на φιν при ἐξ, ἀπό, κατά заключать, что

форма на *φιν* приняла на себя функцію и *удалительнаго* падежа? А ргіогі этого отвергать нельзя. Мы знаемъ, сколько падежныхъ функцій обняла собою форма двойственнаго числа на *οιν* (сравни объ этомъ стр. 218*); мы знаемъ что и *латинскій* языкъ соединилъ значеніе удалительнаго и творительнаго падежей въ *одну* форму (предметъ, *благодаря* которому нѣчто происходитъ, и предметъ, *отъ котораго* нѣчто «удаляется» или *исходитъ*, могли быть дѣйстви-тельно отиѣчены однимъ и тѣмъ же грамматическимъ средствомъ). Форма на *φιν* могла пойти по слѣдамъ формы на *οιν* тѣмъ больше, что она, не имѣя надлежащихъ средствъ для обозначенія единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ, скорѣе походить. — мы забѣгаемъ немного впередъ, — на всеобъемлющее «нарѣчіе». *Сильнымъ* препятствіемъ такому синасіологическому расширенію формы на *φιν* служитъ то обстоятельство, что она, появляясь самостоятельно, т. е. *безъ* предлога, *нигдѣ* въ роли удалительнаго падежа не выступала**). Не слѣдуетъ ли при предлогахъ *ἐξ* — *ἀπό* — *κατά* принять по отношенію къ формѣ на *φιν* объясненіе, на которое насъ наводитъ славянскій языкъ своими *надъ горюю, подъ горюю, передъ горюю* и т. д.? Нѣтъ ли здѣсь *творительнаго* падежа? Не имѣетъ ли какое нибудь *потамοι κατ' ὄρεσφι ῥέοντες* того смысла, что рѣки текутъ внизъ *благодаря* горамъ? Конечно, такое *благодаря* можно внести въ толкованіе *всякаго*, а если не всякаго, то очень *многихъ* предлоговъ. И *εἰς γῆν* можно толковать въ смыслѣ «нѣчто пошло вовнутрь, *благодаря* землѣ, и, такимъ образомъ, и *εἰς* могло соединиться съ творительнымъ падежемъ. Но языкъ не эксплуатировалъ столь широкое *благодаря* безъ нужды. Если мы

*) Въ виду этого явленія мы а ргіогі не можемъ отвергать принатіе на себя формою на *φιν* и той роли *родоваго* падежа, которую усматриваютъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ *Ἰλιόφι τείχεα*.

**) Бруманъ (Handb. II. 211) приводитъ примѣръ *ablativ'*наго ея значенія *безъ* предлога изъ II. β 794: *ἀπὸ τῶν καὶ φιν ἀφοριθῶντες Ἀχαιοί*. Мы, какъ читатель замѣтилъ въ нашемъ спискѣ примѣровъ формы на *φιν* при предлогѣ *ἀπό*, объясняемъ появленіе здѣсь формы на *φιν* непосредственнымъ вліяніемъ предлога *ἀπό*.

ἐξ ἐϋνῆφι и т. п. понимаемъ правильно, если это *дѣйстви-*
тельно творительные падежи, то выходитъ замѣчательное
сопоставленіе омировскаго языка со славянскимъ. Славянской
 языкъ, оставивъ при предлогахъ функцію удалительнаго па-
 дежа за *обще-родовымъ* падежемъ (*отъ* города, *изъ*
 города), воспользовался *меньше* »родовымъ« *благодаря* (такое
благодаря представляетъ собою въ концѣ концовъ нѣчто
болѣе специальное, чѣмъ *обще-родовой* падежъ) для обо-
 значенія *тоже* чего то *отдаленнаго*, но отдаленнаго
 въ смыслѣ нахождения *идь-нибудь* (*за* городомъ отвѣчаетъ
 на вопросъ *идь*). Омировскій же языкъ, оставивъ »отдаленное
 въ смыслѣ нахождения *идь-нибудь*« за *обще-родовымъ* па-
 дежемъ (*περὶ θεῶν ἐστὶ καὶ ἀνθρώπων*), воспользовался
 нашимъ »благодаря« для *тѣхъ* случаевъ удаленія, которые
 предназначенны для нихъ *спеціальныи* падежъ, именно
удалительныи, совершенно *потеряли* въ языкѣ (по крайней
 мѣрѣ, какъ выяснено на стр. 267, потеряли его въ именахъ
существительныхъ).

Особнякомъ стоятъ у насъ *διὰ στήθεσφι ἐλαύ-*
νειν ὄρου и *ἐν αὐλῇ θηροδς ἀκούσαντες, ὅστε*
ἔρχηται δι' ὄρεσφι, составляя *третью* группу предлого-
 выхъ оборотовъ съ формою на φιν. Разсуждая о предлогѣ
διὰ и его падежахъ, мы указывали на то (стр. 315), что
διὰ должно *всегда* соединяться съ родовымъ падежемъ,
 остается ли предметъ въ *предѣлахъ* своего »проводника«,
 или выходитъ за его предѣлы. Конечно, не будь случайно
 родовой и удалительный падежъ соединены въ *одной* грам-
 матической формѣ, то можно бы примѣнить *удалительныи*
 падежъ къ тому случаю, когда предметъ, *проникши* черезъ
 свою »среду«, *удаляется* отъ нея.*) Въ нашихъ примѣрахъ,
 какъ въ *διὰ στήθεσφι*, такъ и въ *δι' ὄρεσφι*, пред-
 метъ *дѣйствительно* идетъ за предѣлы своей »среды«:
 грудь представлена *прозенною* копьемъ, а звѣрь съ *горъ*
 проникаетъ въ *αὐλήν*. Если не заходить въ симасіологическомъ

* Смыслъ настоящаго нашего замѣчанія читатель пойметъ, припомнивъ
 :казанное на стр. 273-4.

расширеніи формы на *φιν* такъ далеко, какъ это дѣлають, навязывая ей даже функцію *родоваго* падежа, то омировскій языкъ *дѣйствительно* окажется располагающимъ *особыми* формами — для *родоваго* съ *одной* стороны и... что теперь сказать, — для удалительнаго съ *другой*? — Нѣтъ. По нашему мнѣнію повторяется здѣсь то, на что мы указывали въ формахъ на *φιν* при предлогахъ *ἐξ*, — *ἀπό* — *κατά*: въ *διὰ στήθεσφιν* и въ *δι' ὄρεσφιν* мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *творительнымъ*, *замѣняющимъ* собою удалительный падежъ.

Къ разбору формы на *φιν* мы привлекли *всю* мѣста Илиады и Одиссеи, въ которыхъ эта форма встрѣчается. Мы это *могли* сдѣлать, благодаря капитальному труду »Ebeling Lex. Ном.«; мы это *должны* были сдѣлать, въ виду крайне противорѣчивыхъ, читателю *известныхъ*, толкованій этой формы: нѣтъ ни одной падежной формы, насчетъ которой существовала бы такая разногласица въ нашихъ грамматикахъ, какъ насчетъ формы на *φιν*. Лишь нѣкоторые случаи ея употребленія остались у насъ неразсмотрѣнными: мы не знаемъ, принять ли въ нихъ форму на *φιν* за *мѣстный*, или за *творительный* падежъ (и въ *Θεομοφορίοις* мы колебались между мѣстнымъ и творительнымъ падежами). Случаи эти — слѣдующіе:

1. *ἀπλότατος γενεῆφιν; γενεῆφι νεώτατος; βίηφι δὲ φέρτεροι ἦσαν; μήτι* (т. е. *μήτι*) *τοὶ δρῦτομος μέρ' ἀμείνων ἢ ἐ βίηφι* (лучшій въ силѣ, или *силою*?); смотри П. ι 58, § 112, φ 439, ψ 315, Od. § 6, μ 246, φ 371.

2. *ἄμα δ' ἡοῖ φαυνομένηφι* (П. ι 618, μ 682, ω 600. Od. δ 407, ζ 31, 222, μ 24, ξ 266, ο 396, π 270, ρ 435). Мы не знаемъ еще, считается ли съ *ἄμα* какъ съ *предлогомъ*, или принять его за »нарѣчіе«. Рѣшить этотъ вопросъ придется ниже. Во всякомъ случаѣ *ἄμα* указываетъ здѣсь на *современность*. Если это — *предлогъ*, то *ἡοῖ* могло бы быть творительнымъ (= *благодаря* зарѣ, нѣчто оказалось *ἄμα* т. е. *современнымъ*), а то даже и *личнымъ* падежемъ (по аналогіи слова *σύν*). Если же *ἄμα* слѣдуетъ принимать за »нарѣчіе«, то опять возникаетъ вопросъ, счи-

тять ли его за *самостоятельное*, то есть, какъ бы, за *вставку* въ рѣчь, или падежъ ἤοι зависить отъ него какъ *нарѣчiя*. Въ первомъ случаѣ ἤοι является или *мѣстнымъ* падежемъ (= на зарѣ, одновременно), или *творительнымъ* (= зарею, одновременно; какъ мы говоримъ *»ночью«*), а во второмъ нужно разсуждать *опять* иначе (ниже все *выяснится*).

3. ἦντε κίρκος ὄρεσφι, ἐλαφρότατος πετεινῶν, ῥηιδίως οἴμισε μετὰ τρήρωνα πέλειαν. — ὡς δ' ὅτε νεβρόν ὄρεσφι κύων ἐλάφιοιο δίηται. — Τρωῆες ἔπον ὡς εἶτε δάφοινοι θῶες ὄρεσφι ἀμφ' ἐλαφον κεραὸν βεβλημένον (въ горахъ, или *горами*; какъ мы по русски говоримъ *идетъ мѣсомъ* *). Смотри II. λ 474, χ 139, 189.

4. εἶλετο δ' ἄλκιμον ἔγχος, ὃ οἱ παλάμηφι ἀρήρει (въ длани или *дланью*?) Смотри II. γ 338, π 139, Od ρ 4.

5. Ἐκτωρ μὲν κεφαλῆφι ἐπεὶ λάβεν, οὐχὶ μεθίει, (II. π 762). Слѣдуетъ ли тутъ *κεφαλῆφι* толковать въ смыслѣ *»ухватилъ его, какъ бы, на головѣ«*, или скорѣе въ смыслѣ *»ухватилъ его головою«*, какъ мы говоримъ *»возьми палку въ руки этимъ концомъ«*.

6. καὶ βάλεν οὐδ' ἀφάμαρτε, τιτυσκόμενος κεφαλῆφι ἀκρην καθ' ἰκρύθα (II. λ 350). Равняется ли это мѣсто фразѣ *»принаравливаясь (= прицѣливаясь) къ нему тамъ, гдѣ у него голова«*, или скорѣе фразѣ *»головою прицѣливаясь къ нему«*, какъ мы, пожалуй, могли бы сказать *»неприятельскія войска приближались къ городу съверною его стороною«****) вѣсто *»съ сѣверной его стороны«* или *вообще »съ сѣверной стороны«* (Дельбрюкъ, Synt. Forsch. IV. 61, принимаетъ наше *κεφαλῆφι* опять таки за *genitiv*, об-

*) Аттическое нарѣчiе въ *такомъ* смыслѣ творительнаго падежа не употребить; но аттическое нарѣчiе омировскому языку — не указать.

**) Эта фраза по *общему* смыслу творительнаго падежа, столь глубоко вошедшаго въ славянскую фразеологiю, *возможна*: *съверная сторона* города есть то, что опредѣляетъ собою картину приближенiя. О глубокомъ захватыванiи *греческаго* творительнаго падежа въ *греческую* фразеологiю трудно говорить опять таки потому, что онъ *этимологически* не дифференцированъ; разъ онъ не дифференцированъ *этимологически*, то, какъ могъ читатель замѣтить особенно на нашихъ шести примѣрахъ, постоянно сбиваешься на мѣстный падежъ.

wohl, — думаетъ онъ, — hier allenfalls der Localis zu vertheidigen wäre).

Разобравъ формы на *φιν*, мы могли бы окончательно раздѣлаться и съ тѣми падежами, которые представлены названною формою. Для этого нужно бы только поосмотрѣться, нѣтъ ли еще *помимо* формъ на *φιν* какого-нибудь матеріала для творительнаго, мѣстнаго и личнаго падежей, и затѣмъ подвести всему итоги. Для *творительнаго* падежа мы *помимо* формъ на *φιν* ничего новаго не находимъ (аттической языкъ, какъ мы уже однажды замѣтили, скорѣе склоненъ *ослабить* его фразеологическую роль), формулировка его значенія достаточно установлена самимъ *терминомъ* »творительный« падежъ, а потому мы считаемъ все разсужденіе о немъ *оконченнымъ*. Мы остались передъ читателемъ въ долгу лишь по отношенію къ *славянскому* творительному падежу въ выраженіи »управленіе *городомъ*«. Это явленіе мы не поставили бы себѣ въ счетъ, не имѣй оно непосредственнаго отношенія къ *греческому* языку. Во всякомъ случаѣ, *разобрать* его придется не сейчасъ.

Что касается *мѣстнаго* падежа, то окончить разборъ его *здѣсь* мѣшаетъ *одно* обстоятельство. Мы сказали, что онъ, благодаря своему »огрубнѣнію«, выходитъ изъ коленъ зависимости отъ признаковыхъ словъ. Нѣчто подобное должно было случиться и съ »огрубнѣвшимъ« *удалительнымъ* падежемъ. Интересно ихъ въ этомъ отношеніи сопоставить, и такъ какъ мы до удалительнаго падежа *еще* предлоговъ еще не скоро доберемся, то придется и *мѣстный* падежъ пока оставить *неоконченнымъ*.

По отношенію къ *личному* падежу мы встрѣчаемъ *помимо* формъ на *φιν* новый матеріалъ. Мы разумѣемъ явленія въ родѣ слѣдующихъ: *ἕμινους θεοῖς καὶ ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς παραδεκτέον εἰς πόλιν* (Plat. Resp. 607 a); *τὰ Ταντάλου ἐστιάματα θεοῖς ἄλιστα κρίνω* (Eur. Iph. Taur. 388); *ὦ Θήβαισιν εὐίπποις ἄναξ* (Eur. Phoen. 17); *ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ἐξήγγειλέ μοι* (Eur. Or. 363); *θησαυρὸν βελέεσσιν* (Aesch. Prom. 981).

Когда мы разсуждали о личном падежѣ по поводу предлоговыхъ оборотовъ, то роль его выяснялась въ смыслѣ указыванія на »лицо«, какъ на *равноправное* съ другимъ по отношенію къ какому нибудь *дѣйствию* (стало быть, — *признаку*), — какъ на носителя *τῆς ἐνεργείας* и *τοῦ πάθους* (стало быть, — оиять *признака*, какъ его предполагаетъ само слово *носитель*), — какъ на встрѣчающее въ другихъ либо поддержку, либо противодѣйствіе своимъ *начинаніямъ*; словомъ, — во всѣхъ этихъ отбѣнкахъ личный падежъ, если онъ не попадалъ въ предлоговый оборотъ, могъ въ силу своего значенія »зависѣть« *исключительно* только отъ *признаковыхъ* словъ, что и оправдалось при разборѣ формъ на *φιν*, имѣющихъ значеніе *личнаго* падежа. Что касается «*этическогого*» *личнаго* падежа, гдѣ лицо представлено главнымъ судьей »въ какой нибудь мысли«, то онъ, положимъ, *не зависитъ* отъ »признаковаго слова«, но . . . Представляя лицо главнымъ судьей въ мысли, *этической* личный собственно относится къ *той* части выраженія цѣлой мысли, которая представляетъ собою нѣчто »*объявляемое*« по отношенію къ *другой* ея части, какъ къ чему то »данному«. Другими словами, — *этической* личный относится къ »*синтаксическому* сказуемому« (во фразѣ «*τοῦτο μοι οὐδενός ἄξιόν ἐστι*» *этической* личный *μοι* относится къ подчеркнутымъ словамъ). И не является ли *синтаксическое* сказуемое чѣмъ то, *аналогичнымъ признаку*? — не составляетъ ли рѣчь изъ »*дѣйствія*« и »*признаковъ*« для того, чтобы потомъ въ цѣломъ раздѣлиться, такъ сказать, на »*сложное дѣйствіе*« (*синтаксическое* подлежащее) и на »*сложный признакъ*« (*синтаксическое* сказуемое)?

Какъ послѣ всего этого отнести къ только что приведеннымъ примѣрамъ употребленія *личнаго* падежа? Кюнеръ (Ausf. Gramm. II. 374) считаетъ »*несомнѣннымъ*«, что эти явленія произошли отъ нѣкотораго *сокращенія* фразъ (*dieser Gebrauch ist ohne Zweifel aus einer Verkürzung eines Satzes hervorgegangen*). Въ одномъ мѣстѣ онъ вставляетъ *πεποιημένα* (*ἐγκώμα τοῖς ἀγαθοῖς πεποιημένα*), въ другомъ — *δοθέντα* (*θεοῖσιν ἐστιάματα δοθέντα*), въ третьемъ и чет-

вертомъ — даже ὧν (ὡ Θήβαισιν εὐίπποις ἀναξ ὧν,* ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ὧν ἐξηγγελέ μοι), а въ пятомъ не находить, что вставить. Читатель видитъ, что внесение въ ὁ ναυτίλοισι μάντις слова ὧν, даже при благо-склонномъ отношеніи къ эллипсисамъ, звучитъ большою нѣтяжкою.

Предлоговые обороты служили »первоначально« для сопоставленія предмета съ предметомъ, простые падежи — для выраженія отношенія предмета къ признаку. Такая теорія была бы весьма стройною, если бы она оказалась хоть въ основаніи выдержанною. Но въ такомъ случаѣ мыслима — еще одна потребность, которая могла выступить передъ языкомъ, какъ подлежащая съ его стороны удовлетворенію, — потребность, совершенно однородная съ только что перечисленными: это — »сопоставленіе« не предмета вообще съ предметомъ вообще, а »сопоставленіе« или, прямѣе, — подчиненіе »вещи«, какъ видового понятія »предмета,« другому его »видовому« понятію, — »лицу«. Явленія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, суть явленія не омировскаго языка. Это, пожалуй, краткій, но только не »сокращенный«, какъ говоритъ Кюнерь, способъ выраженія, развившійся въ языкѣ уже впоследствии, но, во всякомъ случаѣ, основывающійся на сильномъ и живомъ чутьѣ τῆς δοτικῆς именно какъ падежа »личнаго«. Конечно, въ разсматриваемыхъ нами явленіяхъ нужно опять таки кое гдѣ — съ одной стороны олицетвореніе (Θησαυρὸν βελέεσσιν; сравни наше списокъ книгамъ, гдѣ книги являются чѣмъ то главнымъ, у чего списокъ находится какъ-бы въ услуженіи), а съ другой — и »овеществленіе« (Θήβαισιν ἀναξ; тутъ Θῆβαι рисуются главными), но ни олицетвореніе, ни овеществленіе не является чѣмъ нибудь такимъ, чего слѣдовало бы избѣгать при объясненіи падежей. **)

*) Тогда бы ἀναξ было психо-логическимъ сказуемымъ къ слову σύ, какъ психо-логическое сказуемое исполняло бы роль признакового слова и личный падежъ вошелъ бы въ колею, предназначенную ему намп.

**) Сюда же мы относимъ и такъ называемые »притяжательные« dativъ, встрѣчавшіеся, какъ извѣстно, больше всего у Иродота; мы разумѣемъ выраженія въ родѣ οἱ δὲ σφί βόες, οἱ δ' ὑμῖν μάγος и т. п.

Перейдемъ къ разсматриванію *другихъ* падежей, поскольку они появляются *внѣ* предлоговыхъ оборотовъ, и поскольку они у насъ остались невыясненными *по поводу* предлоговыхъ оборотовъ. Начнемъ съ *вещнаго* падежа.

Значеніе вещнаго падежа выяснилось до сихъ поръ въ такомъ смыслѣ, что онъ указываетъ или на поступленіе выраженнаго имъ предмета *цѣликомъ* въ чье нибудь распоряженіе, или на полную его *законченность*, необходимую для того, чтобы можно было *на основаніи* ея распоряжаться дальнѣйшимъ (*μετὰ τῶν δέιπνων* и т. д.; смотри стр. 316), или на движеніе къ нему какъ къ *цѣли*. Что во всѣхъ этихъ отбѣнкахъ вещный падежъ остается чѣмъ то однимъ и тѣмъ же, это — надѣмся — доказывать дальше нечего.

Заявляемъ напередъ, что *весь* вещный падежъ *внѣ* предлоговъ зависитъ *исключительно* отъ признаковыхъ словъ. Въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя сейчасъ выяснятся, практичнѣе будетъ *отдѣлить* отъ *глаголовыхъ* признаковыхъ *словъ* (т. е. отъ самого *глагола*, глагольнаго *признаковаго* имени и «двусторонняго» глагольнаго *имени*) *простомя* признаковыя имена.

Глаголовыя признаковыя слова *ищутъ* къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя «объекта» дѣйствія, т. е. того, что *поступаетъ* въ чье нибудь распоряженіе, благодаря тому особому *свойству* самого *дѣйствія*, о которомъ мы упоминали на стр. 257-8: есть дѣйствія, для осуществленія которыхъ представляется намъ необходимымъ нѣчто въ родѣ *мертваго матеріала*, надъ которымъ они проявляли бы свою силу. Это *свойство* дѣйствій тѣсно связано съ залоговыми отбѣнками, и по этой связи мы установили на стр. 108 терминъ *transitiva*. Я говорю, что *transitiva* ищутъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своего *значенія*, такъ что въ этомъ отношеніи вещный падежъ *дѣйствительно*, какъ мы раньше выражались, идетъ имъ *навстрѣчу*. Я не понимаю того утвержденія, которое такъ часто приходится слышать, будто *всѣ* глаголы были сначала *intransitiv'ными*, а только *впоследствии* нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались *transitiv'ными*. Я думаю, по этому вопросу только и можно сказать то,

что сказано мною на стр. 107.: говорящій въ однихъ случаяхъ *чувствуетъ* потребность указать на объектъ, а въ другихъ ея не чувствуетъ; но чтобы этому чувству можно было навязать какую нибудь хронологическую постепенность *развитія*, этого я не вижу.

Итакъ, глаголыя признаковыя слова требуютъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своей *transitivности*. Какъ широко понималъ грекъ *transitivность*, видно на глаголахъ *φεύγω*, *φοβέομαι*, *αἰσχύνομαι* и т. п., дополняющихся *тоже* вещнымъ падежемъ. Казалось бы, что разъ существуетъ удалительный падежъ, то какому еще падежу дополнять собою такіе глаголы, какъ не ему. А между тѣмъ грекъ понимаетъ ихъ по своему. Когда онъ говоритъ *θάνατον οἱ εὐδαιμόνες φεύγουσι*, то, очевидно, представляетъ *θάνατον* вовсе не чѣмъ то такимъ, *отъ чего* *οἱ εὐδαιμόνες* черезъ *φεύγειν* отворачиваются, а предметомъ, которымъ такъ *распоряжаются*, — который такъ *забираютъ въ руки*, — противъ котораго *принимаютъ такія* мѣры, чтобы не понести отъ него вреда, и чтобы онъ миновалъ *ихъ* (и русское *миновать* дополняется вещнымъ падежемъ, только въ *русскомъ* языкѣ *θάνατος* и *οἱ εὐδαιμόνες* помѣнялись ролями).*)

Что глаголыя признаковыя слова, обозначающія *движеніе* и требующія къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя *цѣли* этого движенія, суть не болѣе, не менѣе какъ тѣ же *transitiva*, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій послѣ сказаннаго на стр. 256-7.

Простыя признаковыя имена, не надѣленные залоговыми отбѣнками, а слѣдовательно, *грамматически* никакой ни *transitivности*, ни *intransitivности* *не выражающія* (внутренно мы *любимъ* влагать и, когда это возможно, *дѣйствительно влагаемъ* въ нихъ такой или иной залоговой

*) Кто считается здѣсь съ *заломъ* словъ *φοβέομαι* и *αἰσχύνομαι* и находитъ вещный падежъ послѣ нихъ страннымъ по *залоговому* положенію, того мы отсылаемъ ниже къ обороту *ἐρωτηθεῖς τι*, гдѣ послѣ *развѣта* встрѣчается *тоже* вещный падежъ, и именно вещный падежъ *объекта* дѣйствія.

оттѣнокъ; сопоставъ *τιμωρὸς φόρου*, Soph. Elect. 14, съ *ἔντιμος θεῶν*, Soph. Antig. 77), лишаются права на грамматическое выраженіе вещнаго падежа какъ *объекта дѣйствія* (вмѣсто него они принимаютъ къ себѣ всеобъемлющій *родовой падежъ*), но зато мыслимо соединеніе ихъ съ *другимъ* вещнымъ падежемъ. Мы имѣемъ въ виду выраженія въ родѣ *χολός ἐστι τὸν ἕτερον πόδα* и т. п. Выраженіе *χολός ἐστι τὸν ἕτερον πόδα* значить: онъ хромотъ, причеиъ эта хромота *простирается* на одну ногу.*)

Въ приведенной русской метафразировкѣ греческаго выраженія мы хотѣли обозначить словомъ *простирается* внутреннюю связь только что установленнаго оттѣнка вещнаго падежа съ вещнымъ «объекта дѣйствія»: и въ этомъ оттѣнкѣ — предметъ *πούς*, показанный въ вещномъ падежѣ, чувствуется находящимся въ *распоряженіи* чего то, именно въ распоряженіи самого признака *χολός*. Ниже, впрочемъ, эта связь раскроется глубже.

Только что установленный оттѣнокъ принято отлѣчать терминомъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος*. Этотъ терминъ схватываетъ нашъ вещный падежъ слишкомъ односторонне**) и вслѣдствіе этого разрываетъ связь его съ другими оттѣнками вещнаго. *Обычный* терминъ, «вещный *отношенія*», — невыразителенъ, такъ какъ «*отношеніе*» — слишкомъ *общее* слово. Мы бы его назвали вещнымъ «простираательнымъ». Впрочемъ, не въ терминахъ дѣло; мы общали ближе раскрыть связь между *этимъ* вещнымъ и вещнымъ «объекта дѣйствія».

*) Само собою разумѣется, что и имена *существительныя*, если принимаютъ на себя роль *признаковыхъ* словъ, т. е. если попадаютъ въ тотъ или иной падежъ по *согласованію*, могутъ присоединять къ себѣ такой вещный падежъ. Какое нибудь *βραβύς ἐστι* всегда способно соединяться съ вещнымъ падежемъ, хотя *примѣръ* подыскать трудно. Скорѣе всего можно тутъ встрѣтить вещные падежи *малюльмихъ именъ* (*θαβμα ἰδίσθαι* = это — гудо, причеиъ чудо *простирается* на *ἰδίσθαι*), но о падежахъ *малюльмихъ именъ* рѣчь еще впереди.

**) Собственно, подѣ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος* понимаютъ гдѣто еще *болѣе* частное, чѣмъ объясняемъ мы. Подѣ него подводятъ *пригѣры* какъ *ὑπερὸς σε πόδας νίφει* (Gaedicke Accus. 263), въ которыхъ встрѣчаются два *вещныхъ падежа*, — одинъ, обозначающій *дѣло* (*σε*), а другой, указывающій на его *часть* (*πόδας*).

Сопоставляя русскій вещный падежъ съ греческимъ, мы находимъ, между прочимъ, *два* особенности въ греческомъ языкѣ.

1. Греческій языкъ въ большей степени, чѣмъ русскій, прибѣгаетъ къ *внутреннему* объекту дѣйствія. Въ какомъ смыслѣ нужно различать внѣшній и внутренній объекты дѣйствія, на это было указано въ статьѣ о залогахъ: первый существуетъ *помимо* дѣйствія, а второй представляетъ собою результатъ дѣйствія (стр. 108) и, такъ сказать, *лишь въ идеѣ* »поступаетъ въ распоряженіе дѣятеля« *во время* исполненія имъ самого дѣйствія. Геометрическимъ мѣстомъ находенія столь частыхъ »*внутреннихъ* объектов дѣйствія« *служитъ* отвлеченіе въ *οὐσίαι* самого *δῆλυστῆρα*, соединяющагося съ такими объектами. Таковы объекты во фразахъ *ἀμαρτάνω ἀμαρτήμα* и т. д., приведенныхъ на той же стр. 108. Они, въ сущности, ничѣмъ не отличаются, *какъ* »объекты«, отъ тѣхъ *οὐσίαι*, которыя, вовсе не будучи извлечены изъ самихъ признаковыхъ словъ, тоже, однако, обозначаютъ *результатъ* дѣйствія (*ποιῶ ἄγυα* и др.).

2. Греческій языкъ, не въ примѣръ русскому, не стѣсняется ставить послѣ глаголовыхъ признаковыхъ словъ *два* вещныхъ падежа рядомъ, если дѣйствительно *два* »объекта дѣйствія« *съ* разныхъ сторонъ подступаютъ къ глаголовому признаку, оба *одинаково* оправдываясь на *общесимасіологической* почвѣ. *Ἄιτέω σε* на обще-симасіологической почвѣ — вполне уместно, равно какъ вполне уместно на *той же* почвѣ и *ἄιτέω χρήματα*; по этому совершенно правильнымъ является оборотъ *ἄιτέω σε χρήματα* (въ русскомъ языкѣ, хотя и *можно* сказать порознь *прошу тебя* и *прошу книгу*, но, соединивши оба выраженія въ одно, говорятъ »я попрошу у тебя эту книгу«). Въ *ἄιτέω σε χρήματα* оба »объекта« *являются* *внѣшними*; въ *ἔρωτῶ σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα* одинъ объектъ *оказывается* *внѣшнимъ*, а другой — *внутреннимъ*.

Если бы я, желая выразить ту же мысль, какая *заключается* въ *ἔρωτῆσά σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα*, *задумалъ*,

однако, представить *σὺ* не *вещью*, которою я распоряжаюсь, а настоящимъ носителемъ *τοῦ πάθους*, и сказалъ бы *σὺ ἤρωτήθης*, — что станетъ тогда съ *τοῦτο τὸ ἐρώτημα*? Оно удержится въ вещномъ падежѣ, но останется ли тогда и »объектомъ дѣйствія«? И да, и нѣтъ. Да — потому, что *не могло же* оно измѣнить своего отношенія къ тому дѣйствию, которое его вызвало (оно было »объектомъ« дѣйствія какъ *результатъ*, *производимый* этимъ дѣйствиемъ, и такимъ осталось и теперь); нѣтъ — потому, что глаголѣ выступаетъ уже не въ актив'ной *формѣ* (форма *ἤρωτήθης* выражаетъ *πάθος*, а какъ можетъ «*πάθος*» *производить*« что нибудь?). Въ томъ то и дѣло, что только лишь *форма* иѣшается въ данномъ случаѣ провозгласить *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* за »объектъ дѣйствія«; но у насъ остается *еще* средство удержать сознание о *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* какъ о *настоящемъ* »объектѣ дѣйствія«. Это — извлечение изъ »патетической« *формы* »энергическаго« *слова*. Такое извлечение, аналогичное тому, къ какому мы прѣбгали при предлоговыхъ оборотахъ, практиковалъ самъ *употреблявшій* языкъ, пока »не привыкъ« къ созданному имъ приему и *не забылъ* о необходимости *дѣлать* самое извлечение*). И вотъ, кто *забылъ* о ней, кто *потерялъ*, быть можетъ, сознание о *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* какъ о *настоящемъ* »объектѣ дѣйствія«, кто находится уже подъ вліяніемъ этой болѣе *вышней«* зависимости *вещнаго падежа* отъ *passiv'ной формы*, тому придется понять нашъ вещный падежъ какъ »простира- тельный«: ты былъ спрошенъ, причеиъ спрашиваніе *»прости- ралось«* на такой то вопросъ. Да и самое *χωλὸς τὸν ἕτερον πόδα* развѣ нельзя перевести на *κεχωλωμένος τὸν ἕτερον πόδα*? Конечно, можно, а если еще *κεχωλωμένος τὸν πόδα* перевести на *χωλῶ σε τὸν πόδα*, то *чѣмъ χωλῶ σε τὸν πόδα* отличается отъ *αἰτέω σε χρήματα**)*, и *чѣмъ* — *простираемый* вещный отъ *вещнаго* »объекта дѣйствія«?

*) Вотъ — отвѣтъ на поставленный выше вопросъ относительно *вещнаго падежа* послѣ *passiv'ныхъ формъ αἰχύνουμαι* у др.

***) Отвѣтъ на этотъ вопросъ обнаружить, какъ искусственно устано- влено понятіе *τοῦ σχήματος καθ' ὅλον καὶ κατὰ τὸ μέρος*, и съ какою *насла-*

Теперь ясно, насколько тѣсно связанъ »простира-
тельный«
вещный съ вещнымъ »объекта дѣйствія«. Положимъ,
эту связь удалось выяснитъ только благодаря тому, что
простое признаковое удалось перевести на признаковое гла-
головое. Но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ это не удастся,
тѣмъ не менѣе связь останется та же самая. Такова, на пр.,
фраза: *ὀλίγοι τὸν ἀριθμὸν οἱ τὴν ἀνδρείαν ἔχοντες* = немного
тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, причѣмъ признакъ *не-
многие* простирается на *численность*.*)

Говорятъ еще о вещномъ времени (*τὸν λοιπὸν χρόνον*
ἦρχεν ὁ δαίνα) и о вещномъ, — не знаю, какъ его назвать,
во всякомъ случаѣ его *отличаютъ*, — о вещномъ »мѣры«. —
что или (*βαθὺς πέντε πόδας*). Но если мы пойдемъ такъ
далеко въ различеніи падежныхъ отгѣнковъ, и если въ *τὸν*
λοιπὸν χρόνον будемъ усматривать вещный времени,
а въ *βαθὺς πέντε πόδας* — вещный мѣры, то въ *φι-
λοῦσι τοὺς παῖδας* мы должны усматривать вещный *чело-
вѣческихъ* возрастовъ, а въ *ἤμαρτε μέγα ἀμάρτημα*
вещный *ошибокъ*. *Ὁ λοιπὸς χρόνος* есть, конечно,
извѣстное пространство времени, и *πέντε πόδας* — извѣстная
мѣра. Но то и другое поставлено въ вещномъ падежѣ не
потому, что одно — время, а другое — мѣра, а потому, что
ὁ λοιπὸς χρόνος, что бы оно ни обозначало, человѣка
ли, дубъ ли. или время, *все* поглощено дѣйствіемъ *ἄρχω***).

_____

ственностью оторванъ этотъ незначительный отгѣнокъ отъ единого значенія
падежа.

*) (Скажутъ, что при признакѣ *немногие* указаніе на принадлежность
этого признака къ *численности* — совершенно лишнее и можетъ быть объяснено
только, какъ синтаксическая тавтологія. Принятіе или непринятіе синтаксис-
логической тавтологіи въ многихъ случаяхъ зависитъ отъ того, какъ далеко
идетъ дифференціация мысли. Въ перефразировкѣ «если сосчитать (*τὸν ἀριθ-
μὸν*) тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, то ихъ немного (= прострвая при-
знакъ храбрцовъ на *численность*, нужно выразитъ этотъ признакъ словомъ
немногие) никакой тавтологіи нѣтъ. Кстати замѣтимъ, что въ нашемъ примѣрѣ
падежъ *τὸν ἀριθμὸν* можетъ быть замѣненъ падежемъ *τῶ ἀριθμῶ*.
Въ *ἀριθμὸν* выражено, что признакъ »немногие«
простирается на *численность*, а въ *ἀριθμῶ*, что признакъ этотъ *получается* отъ *численности*. Какъ
видно, въ результатѣ выходитъ одна и та же мысль.

***) Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть разница, по вопросу о »зна-
ченіи«
падежа, между фразами *ὁν проначальствовалъ все остальное время, онъ*
проработалъ всю ночь, онъ прочиталъ всю книгу и онъ исписалъ всю тетрадь?

и что на *πέυτε πόδες*, что бы оно ни обозначало, *протирается* признакъ *βαθύς*. Первое есть вещный *объекта дѣйствія*, а второе— *вещный протирательный*.

Мы слышимъ возраженіе. Въ *ὁ λοιπὸς χρόνος* указывается на то, что выраженная въ немъ *οὐσία* поглощена вся извѣстнымъ дѣйствіемъ, а въ какомъ нибудь *νίψω σε πόδας* только *πόδες* »поглочены« дѣйствіемъ, но никакъ не *σε*. А между *тѣмъ* и *се* поставлено въ вещномъ падежѣ. Стало быть, нужно различать случаи, гдѣ имѣется въ виду указать на *весь* предметъ, отъ случаевъ, гдѣ указывается на предметъ *просто* какъ на »объектъ, что ли, *дѣйствія*.« Это, утверждаемъ, — не возраженіе, а необходимое *пополненіе* нашихъ замѣтокъ, требующее, однако, нѣкотораго разъясненія. Мы съ самаго *начала* говоримъ о томъ, что вещный падежъ указываетъ на предметъ, поступающій *цѣликомъ* въ чье нибудь распоряженіе. Слово »цѣликомъ« имѣетъ *три* значенія, являющіяся тропами другъ друга. »Цѣликомъ« значить : 1. — что я могу дѣлать съ предметомъ, что хочу (= онъ для меня представляетъ, какъ мы, кажется, неоднократно выражались, *мертвый матеріалъ*); 2. — что ни одна часть предмета не остается незатронутою; 3. — что предметъ долженъ быть законченъ для того, чтобы могъ поступить въ мое распоряженіе. Это то »цѣликомъ« во *всѣхъ* своихъ значеніяхъ (последнее значеніе примѣнимо къ оборотамъ *μετὰ τὸν δεῖπνον τοῦτο ἐποίησα* и *διὰ τὴν νόσον* въ *причинномъ* значеніи) выясняетъ и весь вещный падежъ, выставляя его *чѣмъ* то *единымъ*.

Мы *кончили* вещный падежъ. Этимологи указываютъ на то, что *δῶρον*, *ἄρθρον* и т. п. суть формы не *именительнаго* падежа, а падежа вещнаго, наравнѣ съ *οἶκον*, *ἄνθρωπον* и т. д. *) Мы въ свое время раздѣлили предложенія на ономатическія и риматическія. Ономатическимъ,

*) Brugmann (Handb. II. 119): Casuszeichen Nom. u. Acc. sg. neutr. *m* bei den *o*-Stämmen (*ζυγόν* — jugum etc.) war etymologisch mit dem Accusativzeichen *m* der geschlechtigen Stämme identisch.

— говорили мы, — греческій языкъ не въ примѣръ языку русскому, не особенно сочувствуетъ. Что же касается предложеній риматическихъ, то въ нихъ именительный падежъ (я не говорю здѣсь о *»согласующемся«* именительномъ; *»согласующимся«* можетъ быть всякій падежъ), — долженъ обозначать или дѣятеля, или вообще *носителя* того дѣйствія, которое указано въ глаголѣ. Средній родъ, — конечно, *естественный*, какимъ былъ сначала всякій средній родъ (сравни стр. 162), — *не можетъ* быть, собственно, носителемъ дѣйствія, — не можетъ исполнять никакого ζῶ, περιπατέω, ζημιόμαι, λούομαι, διαλέγομαι (тутъ на лицо *всѣ* пять залоговъ), не можетъ быть *»первымъ«* лицомъ, а долженъ быть *просто* *»вещью«*. Такимъ образомъ, хотя *»по конструкціи предложенія«* средній родъ часто долженъ играть роль именительнаго падежа, все равно, какъ всякій глаголъ долженъ имѣть *»лицо«*, хотя онъ — иногда и безличный (ἕει, δεῖ и т. д.), но *психологически* онъ могъ быть понять и въ этихъ случаяхъ за вещь, на которую *простирается* дѣйствіе, и форма для *грамматическаго* именительнаго падежа или, точнѣе, для падежа, понадобившагося для *связной* рѣчи, могла быть заимствована отъ вещнаго падежа той же *связной* рѣчи, а затѣмъ могла быть употребляема и для простаго поименованія *внѣ* *связной* рѣчи. Въ другихъ случаяхъ языкъ распорядился иначе. Мыслящій человекъ, давая поименованіе безполной οὐσία, т. е. составляя для нея *»поименовательный«* падежъ *внѣ* *связной* рѣчи, не отмѣтилъ ея поименованія *никакимъ* окончаніемъ (напр. τὸ βρέφος) и уже *этимъ* наложилъ на самую οὐσία печать чего то *безхарактернаго*, — не *»лица«*, а опять таки *»вещи«*, и форма, отмѣчавшая нѣчто при самомъ *поименованіи* его *внѣ* *связной* рѣчи какъ *»вещь«* (эго достигалось отсутствіемъ *»родоваго«* окончанія), могла, сама будучи формою *»поименовательнаго«* падежа, съ удобствомъ перейти въ роль того падежа, гдѣ *все* въ силу его *собственного* значенія дѣлается *вещью*, — въ роль падежа *вещнаго*. Звательнаго падежа въ среднемъ родѣ совсѣмъ не было: ибо какъ можно было звать (καλεῖν) то, что въ самомъ

поименованіи отиѣчено было какъ нѣчто мертвое? Не такъ мы смотримъ на формы βασιλεῦ, Ζεῦ и т. д., также не имѣющія окончанія, но въ то же время представляющія собою истинные *звательные* падежи. Въ этихъ формахъ мы видимъ отпечатокъ чего то *недоконченнаго*, недоконченнаго *нарочно* и имѣющаго сейчасъ же окончиться, когда оно войдетъ въ связную мысль, — отпечатокъ чего то, если такъ можно выразиться, *interjectional'наго*, чего то, стоящаго еще въ *преддверіи* рѣчи, такъ какъ оно лишь *устанавливаетъ* собесѣдника, съ которымъ еще только *придется* завести рѣчь, когда онъ будетъ установленъ. Это небольшое уклоненіе пусть будетъ помѣщено здѣсь въ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211, а теперь вернемся опять къ *очереднымъ* вопросамъ.

Какъ предлоги присоединяли къ себѣ разные падежи, и черезъ то достигались такіе или иные отгѣнки въ предлоговыхъ оборотахъ, такъ и признаковыя слова, принимающія къ себѣ по *одному* отгѣнку вещный падежъ, могутъ по какому нибудь *другому* отгѣнку дополняться совершенно иначе. Иногда даже трудно говорить объ *отгѣнкахъ*; часто это — просто разные *мотивы*, нисколько даже *не отражающіеся* на общемъ смыслѣ вызваннаго ими оборота.

Прежде всего относительно *простыхъ* признаковыхъ именъ нужно замѣтить, что представленіе *простиранія* легко замѣняется представленіемъ *принадлежности*, и тогда вмѣсто вещнаго простирательнаго наступаетъ всеобъемлющій родовый падежъ: ἐπιστήμων ταῦτα значитъ *свѣдущій*, причемъ свѣдѣнія его *простираются* на это, а ἐπιστήμων τούτων значитъ: *свѣдущій*, причемъ свѣдѣнія его имѣютъ *отношеніе* къ этому. Кромѣ того, изъ ἐπιστήμων могла быть *извлечена* οὐσία; тогда — то, *въ чемъ* я — ἐπιστήμων, есть *другая* οὐσία, и фраза могла быть сведена къ *сопоставленію* предмета съ предметомъ, т. е. могла перейти во фразу ἐπιστήμων περὶ τούτων или περὶ ταῦτα. Нечего говорить, что ἐπιστήμων можетъ *просто* свидѣтельствовать о томъ, что у того то *есть* свѣдѣнія,

безъ отношенія къ тому, чего эти свѣдѣнія касаются, и тогда, конечно, въ языкѣ не выступаетъ *никакого* дополненія.

Что касается *многоловыхъ* признаковыхъ словъ, то и при нихъ, не говоря опять таки о томъ, что они могутъ остаться безъ *всякаго* дополненія, можно встрѣтиться какъ съ »извлеченіемъ« изъ дѣйствія *τῆς οὐσίας*, — и тогда появляются предлоговые обороты (*ἀδίκηω πρός τινα*, *ὀφείζω εἰς τινα*), такъ и съ замѣною представленія »объекта дѣйствія« представлениемъ простаго »отношенія« предмета къ дѣйствию, — и тогда наступаетъ вмѣсто *вещнаго* падежа *родовой*. *θαυμάζω*, напр. (= съ удивленіемъ смотрю), встрѣчается и съ дополненіемъ *ἀνδρείαν* и съ дополненіемъ *τῆς διανοίας τούτου* (Lys. 3. 44). Намъ скажутъ, что въ *θαυμάζω τούτου τῆς διανοίας* мы имѣемъ дѣло не съ *собственнымъ* родовымъ падежемъ, а съ удалительнымъ его отгѣнкомъ, и будутъ толковать нашъ примѣръ въ смыслѣ »я удивляюсь, *отправляясь* отъ чего то«. Отрицать ли намъ это а *priori*, или нѣтъ, этого мы еще не знаемъ, такъ какъ сами *не имѣемъ* пока надлежащаго понятія объ удалительномъ падежѣ въ *греческомъ* языкѣ. Во всякомъ случаѣ, *латинскій* языкъ, имѣющий *особую* *ablative* ную форму и *не соединяющій* этимологически *Ablativ*'а съ *Genitiv*'омъ, употребляетъ въ похожемъ на наше *θαυμάζω* случаѣ *именно* *родовой* падежъ. Съ одной стороны встрѣчаемъ фразу *ita sum animo affectus, ut non queam satis neque comminor omnium nostrum condicionem neque huius eventum fortunatque miserari* (Cic. Mur. 27. 55), а съ другой — *audite, quaeso, iudices et aliquando miseremini sociorum* (Cic. Verr. III. 28 *). Такъ и *греческое* *ὀλοφύρομαι* встрѣчается то съ *τοκέας* (Thuc. 2. 44.), то съ *Ἐκτορος* (П. χ 169).**

*) Что здѣсь въ одномъ мѣстѣ — *miserari*, а въ другомъ — *misereri*, это не имѣетъ для *нашего* случая никакого значенія, какъ можно усмотрѣть изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ словарь Forcellini sub voce *miseri*.

**) Понятно, что какое нибудь *θαυμάζω*, лишаясь *transitiv*'ности, т. е. права на *вещный* падежъ, не лишается черезъ это способности появляться въ *развѣвѣ* (*θαυμάζομαι* = *мнѣ* удивляются). Вообще замѣчается, что появленіе *развѣв*'а въ *греческомъ* языкѣ *вовсе* не обусловлено *transitiv*'ностью

Когда мы при $\theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\zeta\omega\ \tau\iota\nu\acute{\omicron}\varsigma$ замѣняемъ — *формально* вещный падежъ родовымъ, а *внутренно* — представление предмета, какъ *объекта* дѣйствія, представлениемъ простой *принадлежности* предмета къ дѣйствию, то мы, въ сущности, больше ничего не дѣлаемъ, какъ только *импортируемъ* ту «полноту» распоряженія предметомъ, на которую указываетъ вещный падежъ. Но иногда отъ появленія при глагольных признаковыхъ словахъ родового падежа *вмѣсто* вещнаго получается такое впечатлѣнiе, какъ будто выражено не простое *импортирование* «полноты распоряженія предметомъ», а прямое *отрицанiе* этой полноты и указанiе на отгѣнокъ *частичности*. Сюда относятся мѣста: *Ἐταροὶ λίσσοντο ἔπασσιν τυρῶν ἀλυμένους ἔνασι πόλιν* (Od. ι 224); *πάσσειν ἀλὸς θείοιο* (Π. ι 214); *μή πω τις λωτοῖο φαγῶν νόστοιο λάθηται* (Od. ι 102); *ἄλεισον μετὰ χειρῶν ἐνώμα, ὄφρα πίοι οἴνοιο* (Od. χ 10) и др. Такъ и по русски говорятъ *дай воды, дай хлѣба*. То же я вижу и въ мѣстѣ Π. π 508: *Γλαύκῃ αἰὼν ἄχος γένετο φθογγῆς αἰόντι* (не *весь* звукъ доходить до его ушей), и сопоставляю данное мѣсто съ Π. κ 531: *πρῶτος κτύπον αἶεν, γὰρ весь κτύπος слышенъ*. Фразеологически потомъ установилось, что, когда идетъ рѣчь о выслушиваніи *звука*, который *вообще* представляется теряющимся и ослабѣвающимъ въ воздухѣ, ставили *родовой* падежъ (*ἀκούω τινός* $\xi\delta\omicron\nu\tau\omicron\varsigma$, а то и просто *ἀκούω τινός* безъ *всякаго* глагольнаго признаковаго, такъ что не $\xi\delta\omicron\epsilon\iota\nu$ представлялось источникомъ звуковъ, а самъ *τις*), а *вещный* падежъ при *ἀκούω* получилъ такое значеніе, какое онъ получаетъ при *λέγω*. *Λέγω αὐτόν* значитъ: *онъ* является объектомъ моего

actív'a, и греческій языкъ въ этомъ отношеніи *явно* отмѣтилъ у себя то, о чемъ мы говорили уже на стр. 372-3, т. е. что *носитель* *πάθους*, указаніе на котораго ведетъ часто къ *развѣтной* формѣ, есть нѣчто *совершенно* другое, чѣмъ «*вещь*», указаніе на которую ведетъ къ появленію вещнаго падежа, и что одно отъ другого совершенно не зависитъ. Извѣстно, напр., что *ἄρχω* по извѣстному мотиву, о которомъ рѣчь ниже, въ actív'ѣ всегда дополняется genitív'ною формою, и въ то же время появляется *ἤρχομαι* въ смыслѣ «*ими управляю*», причѣмъ эти *они* выставлены *настоящими* носителями *τοῦ πάθους*. Вотъ почему мы, заговоривъ въ статьѣ о залогахъ о *развѣтныхъ* формахъ обращались такъ осторожно съ терминомъ «*прямой переводъ*».

λέγειν (ὅπερ καὶ λέγω = что я въ данномъ случаѣ и раз-
умною = о чемъ въ данномъ случаѣ я и говорю; τοῦτ' ἄρ'
ἐκείνó ἐστι, ὅπερ καὶ ἔλεγον = объ этомъ была рѣчь). Такъ
и ἀκούομεν αὐτοῦς νικήσαντας имѣеть смыслъ: мы
слышимъ о нихъ, побѣдившихъ (νικήσαντας есть согла-
сующеся имя; ср. стр. 202) = мы слышимъ о нихъ, что
они побѣдили.

Спрашивается: та *частичность*, которую мы усматри-
ваемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ, составляетъ ли она непо-
средственную симасиологическую задачу родового падежа,
или же вытекаетъ только лишь изъ совершающагося въ нашей
мысли *противопоставленія* родового падежа вещному? Дру-
гими словами: въ *данномъ* родовомъ падежѣ имѣемъ ли мы
дѣло только съ *отрицаніемъ* »полноты распоряженія пред-
метомъ«, или съ *частичностью*, какъ чѣмъ то положитель-
нымъ? Въ виду всего, что мы слышали о родовомъ падежѣ
и имѣемъ еще услышать, я рѣшалъ бы этотъ вопросъ
въ *первомъ* смыслѣ: что нибудь *положительное* родовымъ
падежемъ не *выражено*.

Вещный падежъ чередуется при глагольных призна-
ковыхъ словахъ и съ *личнымъ*. Κελεύω, какъ и латинское
jubeo, соединяется обыкновенно съ *вещнымъ* падежемъ, и *по-
лучающій* приказаніе представляется въ такомъ случаѣ *вещью*,
которою я, повелѣвающій, распоряжаюсь. Но это предста-
вленіе легко могло перейти въ другое (по русски *всегда* го-
ворятъ »повелѣваю кому«): на *получающаго* приказаніе
можно смотрѣть какъ на *помощника* мнѣ, повелѣвающему.
Такъ читаемъ у Омира: τά γέ δῃ νοέοντι κελεύεις (Od.
ρ 193); ἀμφιπόλοισι κέλευε ἔργον ἐποιχεσθαι (Il. ζ 491);
ἀλλήλοισι κέλευον ἀπτεσθαι νηῶν (Il. β 151). Во всѣхъ
этихъ примѣрахъ слово κελεύω получаетъ такой же смыслъ,
какой имѣеть слово ὀμοκλέω въ ὀμόκλεον ἀλλήλοισι
(Il. ο 658 = какъ бы, »приговаривали другъ другу« = по-
ощряли другъ друга) и κέλομαι въ πρόσω ἴεσθε καὶ
ἀλλήλοισι κέλεσθε (Il. μ 274). Вещный падежъ чере-
дуется съ *личнымъ* и при ποιέω. Ποιέω τινί τι значить:
дѣлать кому нибудь что нибудь, такъ чтобы этотъ кто-ни-

будь, какъ *лицо*, могъ такъ или иначе *отнестись* къ дѣлаемому мною, т. е. либо имъ воспользоваться, либо принять его на себя какъ *пѣдохъ*. *Ποιέω τινά τι* значить «*трактовать* кого нибудь такъ или иначе». Сравни еще: *λοιδορέω τινά* (Aristoph. Equ. 1271: *λοιδορήσαι τοὺς πονηροὺς οὐδὲν ἐστὶ ἐπίφθονον*) = ругать *кого*; *λοιδοροῦμαι τινι* (Aristoph. Pl. 456: *τί λοιδορεῖ ἡμῖν παρελθούσ' οὐδ' ὄτιοῦν ἀδικουμένῃ*) = наговорить *кому* дерзостей; *ὠφελέω τινά* = поддерживать *кого* (нравственно); *βοηθέω τινί* = помогать *кому* и т. д.

Чередованіе вещнаго падежа съ *творительнымъ* видно на *ἀριθμόν* и *ἀριθμῶ*, упомянутомъ на стр. 374 въ подстрочномъ примѣчаніи. Также можно указать на *θει*. Пиндаръ (Ol. 7. 50) говоритъ *πολὺν ὕσσε χρυσόν** (дождь сыпалъ золото), а у Иродота (1. 87) встрѣчаемъ *ὑσαι ὑδατι λαβροτάτῳ* (какъ *мы* говоримъ «*посыпало градомъ*»).

О чередованіи или нечередованіи вещнаго съ мѣстнымъ и удалительнымъ пока говорить рано. Перейдемъ къ *родовому* падежу.

Родовой падежъ является родовымъ въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ замѣчается, что, хотя онъ и служить, наравнѣ съ другими косвенными падежами, симасіологическимъ дополненіемъ какъ глаголовыхъ признаковыхъ словъ, такъ и простыхъ признаковыхъ именъ, хотя въ немъ, выражаясь иначе, наравнѣ съ другими косвенными падежами обозначено «отношеніе» извѣстной *οὐσίας* къ извѣстному признаку, но само это отношеніе не имѣетъ никакого *спеціального* оттѣнка въ родѣ тѣхъ, какіе мы находимъ въ другихъ падежахъ. До какого разнообразія доходитъ здѣсь языкъ, — разнообразія, не поддающагося *рѣшительно* никакому другому объединяющему опредѣленію кромѣ того, которое можно назвать развѣ только простымъ *констатированіемъ* отношенія *τῆς οὐσίας* къ признаку, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

*) Transitiiv'ное пониманіе слова *ὑσαι* могло отразиться и на предметѣ, который *промокаетъ* отъ дождя или вообще *орошается* дождемъ (*ἐκ τῆς Θήρης*; Herod. 4. 151).

ἐπιταχύνετον τῆς ὁδοῦ τοὺς σχολαίτερον προσιόντας (Thuc. 4. 47.) = *поторопите, по вопросу о пути, тѣхъ которые . . .*

Μαυνησία προσφέρει πενήκοντα τάλαντα τοῦ ἐν-αυτοῦ (Thuc. 1. 138.) = *имѣя въ виду годъ, она приноситъ . . .*

οὐδεὶς με ἠρώτηκε καιὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτῶν (Plat. Georg. 448 a) = *считаюсь съ большими числомъ лѣтъ, я могу сказать, что никто меня не спрашивалъ . . .**

ὦ μακάριοι σφω τῆς θαυμαστῆς φύσεως (Plat. Euthyd. 303 c) = *счастливыцы, если принять во вниманіе характеръ . . .*

αὐτὸς ἀντίον ἴξεν Ὀδυσσεὺς θείοιο τοίχου τοῦ ἐτέρου (Π. ι 218) = *сидѣлъ, избравъ для этого другую стѣну. θέειν πεδίοιο (Π. ζ 507) = бѣжать, причемъ къ означенному въ словъ »бѣжать« движению приводится въ отношеніе равнина. Однороднымъ съ θέειν πεδίοιο является извѣстное πρήσσειν ὁδοῖο (Od. γ 476, ο 47, 219, Π. ω 264).*

τὸν ἄνδρ' ἐπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς τῆςδε μὴ εἰσδέχεσθαι (Soph. Oed. г. 236) = *не принимать, поскольку это касается этой земли.*

ἵπλος ἦν κακοφυγῆ, τὸν ἵπλον κακίζομεν τῆς δὲ γυναικός, εἰ καχοποιῆ, ἴσως δικαίως ἂν ἡ γυνὴ τὴν αἰτίαν ἔχοι (Хер. Оес. 3. 11) = *что же касается женщины . . .* Въ этомъ примѣрѣ не подберешь даже слова, отъ котораго бы »зависѣлъ« падежъ *γυναικός*; къ нему относится скорѣе цѣлая мысль, выраженная нѣсколькими словами, и по вопросу о зависимости его отъ признака нужно бы повторить то же, что мы сказали объ этическомъ личномъ на стр. 367.

Увеличивать число этихъ примѣровъ нечего. Изъ нихъ видно, что совершенно неосновательна была бы попытка отыскивать какое нибудь *положительное* значеніе родового

*) Особенно при отрицаніяхъ греческій языкъ любитъ ставить родовые падежи тѣхъ *οὐδῶν*, которыя обозначаютъ пространство времени: *οὐ μαχίται δέκα ἡμέρας* = не завяжетъ сраженія въ продолженія десяти дней.

падежа *), и что та *частичность*, о которой мы разсуждали по поводу родоваго падежа на стр. 380, есть *дѣйствительно* нѣчто, что не заключается въ самомъ *родовомъ* падежѣ, а вытекаетъ лишь изъ *противопоставленія* ему падежа *вещнаго*.

Но родовой падежъ оказывается »родовымъ« и въ томъ отношеніи, что онъ »зависитъ« не только отъ признаковыхъ словъ, но и отъ именъ *существительныхъ*. Входя въ зависимость отъ именъ *существительныхъ*, онъ, такимъ образомъ, пригоденъ для »сопоставленія предмета съ предметомъ« и исполняетъ *одинъ*, онять такъ *генически*, то, что въ другихъ случаяхъ, согласно такому или иному *спеціальному* отгѣнку »сопоставленія«, выражается такимъ или инымъ *предлоговымъ оборотомъ*. Въ этомъ отношеніи родовой падежъ является, такъ сказать, предверьемъ къ тѣмъ *сopposit'a*мъ, которыя составлены не изъ предлоговъ и ономато-риматическихъ темъ, а исключительно изъ послѣднихъ. Мы имѣемъ въ виду такія *сopposit'a*, какъ напр. *ἀστυγείτων, ἡμεροδρόμος, δημοουρός, τειχομαχία* и т. п.

Обыкновенно различаютъ четыре отгѣнка въ родовомъ падежѣ, когда онъ зависитъ отъ имени *существительнаго*: 1. *genitivus possessivus* (*οἱ Μένωνος; οἱ* есть здѣсь *формальное* имя *существительное*); 2. *genitivus subjectivus* и *objectivus* (*εἶνοια Ἀθηναίων* = *расположеніе, оказываемое Афинянамъ*, или *расположеніе, оказываемое Афинянами*); 3. *genitivus quantitatis* и *materiae* (*ἄλλος δένδρων, στέφανος θαλλοῦ, στατήρ χρυσοῦ*); 4. *genitivus partitivus* (*νεανίσκοι τῶν ἠπλέων*).

Въ сущности всѣ эти *genitiv'y* — *possessiv'ные*, т. е. всѣ они обозначаютъ такую или иную *принадлежность* одной *οὐσία* къ другой, такъ что *первый* терминъ является указывающимъ на нѣчто *общее*, а остальные три указываютъ на

*) Напрасно жалуется Дельбрюкъ (Grundr. III. 181), dass die Lehren der indischen Grammatik den Genitiv nur negativ definieren. Дельбрюкъ сознаетъ, что нынѣшняя грамматика не въ состояніи einen einheitlichen Grundbegriff für den Casus aufzustellen; мы же находимъ, что въ этомъ „отрицательномъ“ опредѣленіи родоваго падежа и заключается то Einheitliches, котораго ищетъ Дельбрюкъ.

частности этого »общаго«, — на частности, бросившіяся только *случайно* въ глаза: въ терминѣ *genitivus partitivus* указывается на *логическую* принадлежность одной *οὐσία* къ другой (на вхожденіе логическаго объема одной *οὐσία* въ логическій объемъ другой); термины *genitivus subjectivus* и *objectivus* созданы на чисто *синтаксической* почвѣ и вышли изъ превращенія въ *глаголы* тѣхъ именъ существительныхъ, *отъ которыхъ* »зависитъ«¹ родовой падежъ; терминъ *genitivus quantitatis* основанъ на *сенсуальной* сторонѣ значенія того существительнаго, которое дополняется родовымъ падежемъ (вѣсь, счетъ, количество), а терминъ *genitivus materiae*, хотя его обыкновенно группируютъ съ *genitivus quantitatis* въ одно, однако представляетъ собою нѣчто совершенно особое и основанъ на *сенсуальной* сторонѣ *отношенія* обоихъ существительныхъ, какъ дополняющаго, такъ и дополняемаго (вѣнокъ и вѣточка; отношеніе вѣнка и вѣточки такое, что вѣнокъ *сдѣланъ* изъ вѣточки). А можетъ быть, и *genitivus possessivus* указываетъ на нѣчто *частное*? — можетъ быть, имъ хотятъ указать на то, что *οὐσία*, обозначенная въ томъ существительномъ, *отъ котораго* »зависитъ«² родовой падежъ, составляетъ *собственность* другой *οὐσία*? Въ такомъ случаѣ и *этотъ* терминъ основанъ на *сенсуальной* сторонѣ *отношенія* обоихъ существительныхъ. Не слѣдуетъ ли тогда *все* перевести на *сенсуальную* сторону *отношеній* между дополняющимъ и дополняемымъ существительными? Это было бы самое правильное *principium divisionis* (его мы *вообще* держались при опредѣленіи значеній падежей), но какъ же потомъ произвести по этому *principium* самую *divisionem*? И куда мы дѣнемся съ явлениями *Τροίης πτολίεθρον, χρῆμα συός*, или съ такимъ примѣромъ, какъ *αἱ ταφαὶ εἰσι εἰδώντι ἀριστερῆς χειρός* (Herod. 2. 169)? Не лучше ли просто сказать, что *οἱ* такъ или иначе *принадлежатъ* Менону, что *εὐνοια* такъ или иначе *принадлежитъ* Аоніянамъ, что *ἄλλος, στέφανος, στατήρ* и *καπίσκοι* такъ или иначе *принадлежатъ* рощѣ, вѣточкѣ, золоту и всадникамъ, что *πτολίεθρον, χρῆμα, ταφαὶ* такъ или иначе *принадлежатъ* Троѣ, свиньѣ и правой рукѣ?

Не объявить ли *всю* эти genitiv'ы за possessiv'ные, — за possessiv'ные въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ указанія на то, что нѣчто одно »относится« къ чему то другому, а какъ оно относится, — это оставить *безъ отвѣта*, т. е. искать *единство* значенія родового падежа опять таки въ *отрицательной* сторонѣ и признать *его*, этотъ родовой падежъ, именно въ *этомъ* смыслѣ »родовымъ«.

Такъ какъ для появленія въ рѣчи родового падежа достаточно простаго *игнорирования* тѣхъ *спеціальныхъ* отгѣнковъ, которые могли бы быть выражены черезъ другіе падежи или черезъ предлоговые обороты, то нечего задумываться надъ чередованіемъ *родового* падежа съ *разными* предлоговыми оборотами и со *всѣми* падежами. Чередованіе родового падежа съ *предлоговыми* оборотами имѣетъ мѣсто прежде всего тамъ, гдѣ родовой падежъ зависитъ отъ имени *существительнаго*, т. е. гдѣ *непрѣменно* уже идетъ рѣчь о сопоставленіи *предмета* съ *предметомъ*: вмѣсто *νεανίσχοι τῶν ἱππέων* можно сказать »νεανίσχοι ἐκ τῶν ἱππέων«, вмѣсто *εὐνοια Ἀθηναίων* встрѣчаемъ »εὐνοια παρ' Ἀθηναίων«, а то и »εὐνοια πρὸς Ἀθηναίους« и т. д. Да и не только съ *предлоговыми* оборотами можетъ чередоваться такой родовой падежъ, но также и съ тѣмъ *личнымъ* падежемъ, который »подчиняетъ вещь лицу« (см. выше стр. 368): вмѣсто *εὐχόμενα τοῖς ἀγαθοῖς* даже *чаще* употребляется *εὐχόμενα τῶν ἀγαθῶν*. Что же касается родового падежа, зависящаго отъ *признаковыхъ* словъ, то чередованіе его съ *предлоговыми* оборотами можно выяснитъ на »*ἔντιμος πρὸς θεῶν*« вмѣсто Софокловскаго *ἔντιμος θεῶν* (ср. стр. 371), о чередованіи его съ *вещнымъ* падежемъ мы уже говорили *выше* (стр. 377), *личный* падежъ рядомъ съ родовымъ мы видимъ напр. при словѣ *ἑταῖρος* (*ἑταῖρός τινος* и *ἑταῖρός τι*; сопоставь *ἑταρίζω τινί* П. ω 335), а *творительный* рядомъ съ родовымъ встрѣчается напр. при словѣ *πλήρης* (*τὸ φρόνιμον καὶ ἀρετῆς πλήρες* — Plat. leg. 897 b — и *μιγάσιν Ἑλλησι βαρβάροις δ' ὁμοῦ πλήρεις ἔχουσα πόλεις* — Eur. Bacch. 18). И хотя мы мѣстнаго падежа еще

не окончили, тѣмъ не менѣе нечего откладывать указаніе на родовой *οίχιας* въ смыслѣ *жѣстнаго* падежа, а что касается, наконецъ, *удалительнаго* падежа, то родовой падежъ принимаетъ даже *всю* его функцію *на себя*.

Объ удалительномъ падежѣ мы предположили, что онъ первоначально указывалъ на этическую область, отъ которой отправляется дѣйствіе. Затѣмъ мы его встрѣтили при предлогахъ, которымъ онъ, »огрубѣвъ«, »помогаетъ въ обозначеніи *удаленія предмета отъ предмета*« (смотри объ этомъ стр. 268). Спрашивается: въ состояніи ли онъ *самъ* обозначать удаленіе? Ставя этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду *прежде всего* рѣшить, можетъ ли удалительный падежъ *безъ помощи* предлоговъ указывать на удаленіе предмета отъ предмета, подобно тому какъ *жѣстный* падежъ, *безъ помощи* предлоговъ (сравни τὰ Μαραθῶνι τροπαία стр. 358), былъ способенъ указывать на нахожденіе предмета въ предметѣ? Отвѣтъ получается *отрицательный*: самъ удалительный падежъ въ именахъ существительныхъ этимологически *не обособленъ*, какъ обособленъ въ нихъ хоть *до некоторой степени* падежъ *жѣстный*, а какое нибудь τὰ Ἰλίου τείχεα мы можемъ толковать всегда лишь въ смыслѣ *родоваго*, и *никогда не* въ смыслѣ *удалительнаго* падежа.

Удалительный падежъ, *неспособный самъ*, *безъ предлоговъ*, указывать на удаленіе предмета отъ предмета, въ то же время, однако, способенъ на такое явленіе, какъ βάλει μιν ἰφ τείχεος ὑψηλοῖο (II. β 511). Хотя въ данномъ примѣрѣ удалительный падежъ и зависитъ отъ признаковаго слова, что ему, въ качествѣ *простаго* падежа, *вполнѣ* приличествуетъ, но всякій видитъ, что имъ въ сущности выражено здѣсь не больше, чѣмъ *могло быть выражено* *формою* на θευ, которая, *конечно*, обозначая »просторъ. *откуда* исходитъ *дѣйствіе*,« имѣла мѣсто *прежде всего* *возлѣ признаковыхъ* словъ, какъ и само дѣйствіе, предполагая *дѣятеля*, является *признакомъ* этого дѣятеля. Такимъ образомъ, въ βάλει μιν τείχεος ὑψηλοῖο удалительный падежъ выказалъ лишь способность *вытѣснить форму* на θευ, и нельзя сказать, чтобы далеко ушелъ въ *очу-*

βῆνι« значенія отъ *μῆστια* падежа, который и до своего *τὰ Μαραθῶνι τροπαία*, т. е. и до своей зависимости отъ именъ *существительныхъ*, дошелъ только благодаря своей способности вытѣснять формы на *θι* или, какъ мы выражаемся, благодаря своему *просторовому* значенію (ср. стр. 272 и 359).

Нѣтъ сомнѣнія, что аналогія, которая только что получилась между мѣстнымъ и удалительнымъ падежами относительно *»огрубѣнія«* въ ихъ значеніи, есть только *кажущаяся*. На дѣлѣ между обоими падежами — *громадная* разница. Уже то обстоятельство, что удалительный падежъ, хотя бы и съ своимъ *»огрубѣвшимъ«*, т. е. *просторовымъ* значеніемъ на вопросъ *откуда*, не можетъ зависѣть отъ имени существительнаго, сильно отодвигаетъ удалительный падежъ отъ *μῆστια* и придвигаетъ его къ *другимъ* косвеннымъ падежамъ. Но кромѣ того есть еще два соображенія, которыя уничтожаютъ *всякую* мысль о какомъ бы то ни было сближеніи мѣстнаго падежа съ удалительнымъ.

Вопервыхъ, *»огрубѣвшее«* *просторовое* значеніе *продержалось* въ удалительномъ падежѣ недолго. Приведенное выше *βάλει μιν ἐφ' τείχεος ὑψηλοῖο* составляетъ и у Омира рѣдкость, а въ аттической прозѣ подавно должно быть замѣнено предоговымъ оборотомъ,*) гдѣ уже разсужденіе объ *»огрубѣвшемъ«* *просторовомъ* значеніи *не имѣетъ мѣста*, если только самъ *простой*, т. е. не съ *предлогами* встрѣчающійся удалительный падежъ развилъ еще какіе нибудь *другіе* синасиологическіе отбѣнки *помимо* простороваго.***) Не то мы видимъ въ мѣстномъ падежѣ. Не только

*) Подъ *»предлоговые обороты«* я подвожу въ данномъ случаѣ и явленія въ родѣ *ἐξ ἡλας ὀδόντας γυαθμῶν* и т. п.; ибо, хотя *ἐξ* попало въ *составителн*, но падежъ *γυαθμῶν* находится подъ его *непосредственнымъ* вліаніемъ (сравни выше стр. 324).

**) Если бы мы при такомъ условіи захотѣли усматривать *»огрубѣвшее«* *просторовое* значеніе и въ *предлогахъ* съ удалительнымъ падежемъ *оборотахъ*, то что же тогда мѣшало въ какомъ-нибудь *εἰς γῆν* усматривать *также* *»огрубѣвшее«* *просторовое* значеніе, — а именно *»огрубѣвшее«* *просторовое* значеніе на вопросъ *куда*? Но какъ о чемъ нибудь подобномъ не пришлось говорить въ какомъ бы то ни было предоговомъ съ *сезималъ* падежемъ *оборотахъ*, а *всегда* въ такихъ *оборотахъ* вещный падежъ шелъ на-

у Омира, но и въ аттическомъ языкѣ мы находимъ частые примѣры на зависимость его, въ его *огрубѣвшемъ* значеніи, какъ отъ имени существительнаго, такъ и отъ признаковаго: »Τὰ Μαραθῶνι τροπαῖα« взято изъ Платона, στήλας δὲ στήσαι Ὀλυμπίασι καὶ Πυθοῖ καὶ Ἴσθμῶ καὶ Ἀθήναις« сказано у Фукидида (5. 18), ἢ δὲ οἰκοὶ πόλις πλέον δίκη σέβοιτο ἄν« встрѣчается у Софокла (Oed. C. 759) и т. д. Конечно, просторовое значеніе формъ на *θι-θεν-δε* вообще перенимали *предлоговые* обороты (ср. стр. 248); просторовое значеніе формы на *θι* въ *частности* перенялъ предлоговый оборотъ съ *ἐν*. Такимъ образомъ, наши мѣстные падежи съ »огрубѣвшимъ« просторовымъ значеніемъ вполнѣ равняются предловымъ оборотамъ съ *ἐν*. Они на дѣлѣ и *чередуются* постоянно съ этими предловыми оборотами, а что предлоговые обороты не могли ихъ *вытѣснить*, этимъ они обязаны *именно* этимологической обособленности *нѣкоторыхъ* своихъ формъ. Разъ имѣлась въ языкѣ форма Ἴσθμοῖ рядомъ съ Ἴσθμῶ, то выраженіе ἐν Ἴσθμῶ представлялось возникшимъ въ языкѣ и на дѣлѣ и *возникло* и *вошло* въ языкъ, такъ сказать, совершенно другою *дорогою*, чѣмъ возникло и вошло въ языкъ Ἴσθμοῖ съ своимъ *просторовымъ* значеніемъ. И такъ какъ оба они вошли въ языкъ съ двухъ совершенно *противоположныхъ* сторонъ, то и встрѣтились вполнѣ *упрочен-*

встрѣчу предлогамъ своимъ *общимъ* значеніемъ (напр. въ выраженіе εἰς ὄφρα, если оно *вообще* чувствовалось въ *просторовомъ* значеніи, т. е. если оно *вообще* замѣняло собою форму ὄφρα ὅδε, это *просторовое* значеніе было внесено самимъ предлогомъ εἰς, а не *вещнымъ* падежемъ, и было внесено во *весь* предлоговый оборотъ, а не въ *вещный* падежъ), такъ не придется говорить о чемъ нибудь подобномъ и въ предловыхъ съ *удалительнымъ* падежемъ оборотахъ, если — повторяемъ — удалительный падежъ *самъ по себѣ* дѣйствительно *развилъ* какіе нибудь другіе синтаксическіе отбѣнки *кромѣ* простороваго. Да и самый просторовый отбѣнокъ въ βάλει μιν ταίχης ἐψηλοῖο, засвидѣтельствованный нами какъ явленіе *исключительное*, нужно ли въ такомъ случаѣ особенно *подчеркивать* какъ *отдѣльный моментъ* въ развитіи значенія удалительнаго падежа? Если удалительный падежъ *развилъ* другіе синтаксическіе отбѣнки, то не обстоитъ ли дѣло съ просторовымъ значеніемъ нашего примѣра приблизительно такъ, какъ оно об. тояло съ *важнѣмъ* нибудь ἴσαι Τροίην на стр. 258? Какъ тамъ мы ни о какомъ просторовомъ значеніи не думали, такъ, быть можетъ, не слѣдуетъ думать о немъ и здѣсь.

ными и не желавшими уступить другъ другу господство въ языкѣ. Затѣмъ, разъ Ἰσθμοῖ и οἶχοι и т. п. удерживали за собою право обозначать то же самое, что обозначаетъ ἐν οἴχῳ и ἐν Ἰσθμῷ, то за ними пошли и обыкновенныя δοτικαί, не нуждаясь даже въ сознаниі, что нѣкоторыя изъ нихъ первоначально и были, собственно, мѣстными падежами: и слова Ἰσθμῷ, Ἐλευσίνι, Ραμνοῦντι, Δελφοῖς, Πλαταιαῖς держатся огрубѣвшаго простороваго значенія словъ οἶχοι, Ὀλυμπίασι и т. д.

Вовторыхъ, мѣстный падежъ кромѣ «огрубѣвшаго» простороваго значенія ничего въ себѣ не развилъ*) (если не считать того темпрога'наго значенія, которое замѣчается въ τῆ δὲ τῆ νυκτί, τῆ δὲ ὑστεραία, ἐκείνη τῆ ἡμέρα, Παναθηναίοις, Διονυσίοις и т. п.**), тогда какъ удалительный падежъ развилъ въ себѣ другіе, довольно крупные симасіологическіе отгѣнки.

Болѣ крупные симасіологическіе отгѣнки удалительнаго падежа суть:

Удалительный падежъ при сравнительныхъ степеняхъ и вообще при признаковыхъ словахъ, обозначающихъ стоять выше или ниже другого. Такъ, по гречески говорятъ χρεῖπτον ἐστὶ σοῦ (по сербски «онъ же ячи од тебе» = онъ — сильнѣе отъ тебя), ἤπλάται σοῦ (Thuc. 4. 37) и т. д.

*) Въ пригѣрахъ -ἐπλίμεν Βορέην ἀνέμῳ ἀκραίῃ καλῷ (Od. § 253) и -ἐπλάν Βορέην ἀνέμῳ ἀπτήμερον νηὸς ἐξανύσῃ ἐκ τῆς ὑστερίας εἰς τὴν ἡμετέραν (Herod. 6. 139) мы усматриваемъ творительный падежъ. Выраженія τῷ θεῷ κακῆ αἰῶν τέκον ἐν μυῦροισιν (Il. α 418) и извѣстное ἀγαθῆ τύχῃ заключаютъ въ себѣ или личные, или творительные падежи.

**) Мы можемъ его не считать, во первыхъ, потому, что съ точки зрѣнія языковыхъ средствъ темпрога'ное значеніе вообще не представляетъ собою, какъ на то уже указывалось (сравни особенно стр. 230.), ничего отличнаго отъ loca'наго, а вовторыхъ и потому, что мы даже не знаемъ, не представляютъ ли Διονυσίοις и прочее — творительный падежъ, какъ это выяснено на стр. 357. по поводу выраженія Θεομοφοῖσις. Если рядомъ съ τῆ δὲ τῆ νυκτί говорятъ ἐν νυκτί, и въ ἐν νυκτί заключается несомнѣнно мѣстный падежъ, то это не мѣшаетъ слову νυκτί въ первомъ оборотѣ быть творительнымъ падежемъ: «этой ночью» есть одно, а «въ ночи» — другое (первое рисуетъ картину причинности = благодаря ночи нѣчто случилось, второе же — картину помпещеніи чего нибудь въ чемъ нибудь), хотя въ результатѣ, т. е. для общей мысли, получается отъ того и отъ другого нѣчто совершенно одинаковое.

Ziemer (indogerm. Compar. 5) совершенно правильно борется съ мнѣніемъ, будто латинская ablativ'ная форма, встрѣчающаяся при сравнительныхъ степеняхъ, есть instrumentalis; онъ всѣмъ своимъ сочиненіемъ какъ нельзя тверже обосновываетъ положеніе, что падежъ *сравнительной* степени есть *удалительный* падежъ. На стр. 8. своей книги онъ указываетъ на »отдѣленіе« какъ на нѣчто такое, что въ *данномъ* случаѣ выражено самимъ *падежемъ*. При этомъ онъ разумѣетъ не отдѣленіе »предмета отъ предмета« (такое »отдѣленіе« вызвало бы появленіе *предлога*, какъ мы его и *видимъ* въ сербскомъ языкѣ, который *дѣйствительно* свелъ оборотъ при сравнительной степени къ представленію *удаленія одного* изъ сравниваемыхъ предметовъ отъ *другого*: я отъ тебя удаленъ тѣмъ, что я сильнѣе), а отдѣленіе *признака*, который »въ *неравной* степени долженъ быть *отвлеченъ* отъ сравниваемого предмета и долженъ быть мыслимъ какъ *отличный* отъ признака *послѣдняго*« (es kann dieser Casus derjenige sein, welcher sonst die *Trennung* bezeichnet und im Vergleichungssatze angiebt, dass die Eigenschaft ungleichen Grades astrahiert werden muss *weg* von dem verglichenen Gegenstande, dass sie gedacht wird im *Unterschiede* von derselben). Мы бы сказали, придерживаясь, какъ основнаго, того *этического* значенія, въ силу котораго удалительный падежъ указывалъ на выраженное въ немъ какъ на точку *отправленія* для *дѣйствія*, — мы сказали бы, что напр. *πρεσβύτερος εἰμι σοῦ πέντε ἔτεσι* значить: для того, чтобы моя старость оказалась *больше*, для того, чтобы она получила извѣстный *ростъ*, нужно этому росту отправиться отъ *тебя*, какъ начала своего развитія, причемъ *ростъ* этотъ (т. е. *предѣлы* его развитія) опредѣляется (= »созидается«, какъ мы выражались, опредѣляя значеніе творительнаго падежа) пятью годами.*) Такъ и Фукидидов-

*) Къ оборотамъ сравнительныхъ степеней любятъ присоединять выраженіе *ἀρχὴ τινός* въ смыслѣ *я начальную надъ кѣмъ* (слово *начальную* уравниваютъ съ фразою *я выше стою*). Это, по моему мнѣнію, неправильно. Въ указанномъ выраженіи падежъ *τινός* долженъ же быть одинаковъ съ падежемъ *τοῦ αὐτοῦ* выраженія, когда оно имѣетъ значеніе *я начинаю что-нибудь* (въ смыслѣ *я первый что-нибудь дѣлаю*), а въ послѣднемъ случаѣ это,

ское ἀξιολογώτατος ἐστὶ πάντων τῶν προγεγενημένων πολέμων (удалительный падежь, какъ извѣстно, можетъ встрѣтиться и при *превосходной* степени) я толкую: Пелопоннсская война — самая замѣчательная, причежь *точкою* *отправления* для измѣренія *высоты* этой замѣчательности ея служатъ всѣ *прежде* бывшія войны. Вносить въ толкованіе нашихъ примѣровъ »отдѣленіе« (Trennung) я несогласенъ потому, что »отдѣленіе« предполагаетъ предварительное *соединеніе*, а тутъ ни о какомъ предварительномъ *соединеніи* не можетъ быть и рѣчи; кромѣ того, если какое нибудь *sejunctio* (= отдѣляю) или *discrepo* (Zielerг вноситъ въ толкованіе нашего удалительнаго и слово *Unterschied*) соединяются съ удалительнымъ падежемъ, то это не даетъ намъ еще никакого права утверждать (это — *постоянная* ошибка нашихъ синтаксистовъ при опредѣленіи значенія падежей), что эта *sejunctio* или *discrepantia* выражена въ *самомъ* удалительномъ падежѣ.

На второмъ мѣстѣ мы поставимъ выраженія ἔρημός τινος, ἐλεύθερός τινος, γυμνός τῶν ὀπλων и т. п. Не есть ли здѣсь »*τινός*« *родовой* падежь? Въ этомъ вопросѣ нельзя найти ничего страннаго: »я свободенъ *относительно* чего нибудь« представляется фразою, вполне способною передать то, что мы чувствуемъ при произношеніи оборота ἐλεύθερός εἰμί τινος, развѣ что мы не знали бы, свободенъ ли я »*относительно*« чего нибудь въ томъ смыслѣ, что я *могу* этимъ заняться, или въ томъ, что мнѣ *не придется* больше этимъ заниматься. Но такія недоумѣнія возникаютъ *часто* и исчезаютъ только потому, что мы *привыкаемъ* за *данною* фразою считать только *одно*, а не *другое* значеніе. Что значить *помочь* *бѣдѣ*? — помочь ей, чтобы она *осуществилась*, или, чтобы ея *не было*?*) Все это, впрочемъ, несомнѣнно, *собственный* *родовой* падежь. Оба эти значенія имѣютъ свой сямасіологическій центръ въ выраженіи »я полагаю *начало* по отношенію къ *кому* *нибудь* (= начальствую), или по отношенію къ *чему* *нибудь* (= я *первый* что нибудь *дѣлаю* = я *начинаю* *дѣлать*, чтобы другой продолжалъ; если я *начинаю* и самъ же *продолжаю*, т. е. если я *начинаю* что нибудь *для* *себя*, то грекъ говорить — это вполне понятно — ἀρχομαι τινος).

*) Что значить »*для* *скуки*«? Значить ли это, чтобы *разогнать* *скуку*, или чтобы ее *напнать*?

чемъ, — напрасныя разсужденія. Что въ *ἐλεύθερός τινος* мы имѣемъ дѣло именно съ удалительнымъ падежемъ, а не съ собственнымъ родовымъ, доказываетъ чередованіе этого оборота съ выраженіемъ *ἐλεύθεροι ἀπ' ἀλλήλων εἰδίς*. (Plat. leg. 832), причѣмъ внесеніе въ текстъ предлога *ἀπό*, соединеннаго съ несомнѣннымъ удалительнымъ падежемъ. ни на волосъ не поколебало того общаго представленія, которое было нарисовано простымъ *ἐλεύθερός τινος*. *) Какъ же намъ опредѣлить это общее представленіе? Сопоставивъ удалительный падежъ нашихъ выраженій съ самимъ тѣмъ родовымъ падежемъ, о возможности принять который въ эти выраженія только что была рѣчь, мы должны сказать, что, если родовой падежъ указываетъ на связь предмета съ тѣмъ признакомъ, послѣ котораго родовой падежъ появился въ рѣчи, то удалительный падежъ указываетъ на отсутствіе этой связи. Если же сопоставимъ удалительный настоящихъ выраженій съ удалительнымъ послѣ сравнительныхъ степеней, то выходитъ, что въ послѣднемъ представленъ признакъ только отпращивающимся и удаляющимся отъ предмета, — собственно (въ виду только что приведеннаго сопоставленія съ родовымъ падежемъ), удаляющагося отъ отношенія къ предмету, — для того чтобы онъ самъ, т. е. этотъ признакъ, могъ осуществиться, а въ первомъ — признакъ представленъ удаленнымъ отъ отношенія къ предмету, т. е. не имѣющимъ съ нимъ никакой связи. Для того, чтобы и здѣсь представленъ былъ признакъ удаляющимся, нужно бы превратить — *γυμνός τινος* въ *γυμνὸς τινά τινος*, *ἐλεύθερός τινος* въ *ἐλευθερὸς τινά τινος* и т. д., и тогда разница между этими выраженіями и удалительнымъ послѣ сравнительной степени будетъ заключаться только въ степени и характерѣ образности

*) Я хочу указать въ чередованіи фразы *ἐλεύθερός τινος* съ фразой *ἐλεύθερος ἀπό τινος* на то, на что можно указать и въ чередованіи чешскаго *prosti všeho* (= свободенъ отъ всего) и *prosti ode všeho* (въ русскомъ языкѣ трудно подобрать примѣръ). Поставленъ ли въ приведенномъ примѣрѣ предлогъ *отъ*, или не поставленъ, картина въ томъ и другомъ случаѣ нарисована одна. Это не то, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло на стр. 389. при чередованіи выраженія *ταὐτῇ τῇ νυκτί* съ выраженіемъ *ἐν νυκτί*.

самого удаленія, — въ степени и характерѣ образности, зависящей не столько отъ симасіологіи удалительнаго падежа, сколько скорѣе отъ значенія тѣхъ признаковыхъ словъ, которыя вызываютъ его появленіе въ рѣчи.

Да, удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, для того чтобы самому можно было осуществиться, — вотъ симасіологическій центръ, на которомъ остановился удалительный падежъ послѣ того, какъ его *этическое* значеніе отошло въ симасіологію такъ называемыхъ «нарпчій» (*καλῶς* и т. д. не считаются уже именами существительными). Въ этомъ смыслѣ можно считать признаками и *предлоги*, дополняющіеся удалительнымъ падежемъ (сравни выше стр. 355.), и если иногда и самъ *предлогъ* обозначаетъ удаленіе, — положимъ, съ нѣкоторымъ еще *добавочнымъ* отгѣнкомъ (*ἐξ* — удаленіе *изнутри* и т. д.), и если, такимъ образомъ, *предлогъ* въ мѣстѣ съ удалительнымъ падежемъ указываютъ на «удаленіе удаленія» отъ предмета, то это — явленіе, совершенно похожее на тотъ *внутренній объектъ дѣйствія* (стр. 372.), который ведетъ къ выраженіямъ *шутить шутку, πόλεμον πολεμεῖν* и т. д.*) Такъ иногда и *настоящія* признаковыя слова (напр. *καλύω τινός*, или даже *καλύω ἀπὸ σοῦ*; см. Хер. Сугор. I. 3. 11.) сами указываютъ на удаленіе.

Это удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, конечно, не можетъ сравняться по тонкости съ самимъ *этическимъ* значеніемъ, но и не представляетъ собою того *огрубленія*, какимъ было *просторовое* значеніе. Что «удаленіе отъ отношенія», предполагающее «нахожденіе въ отношенія» или «въ связи», иногда доходитъ до непризнаванія *когда бы то ни было* связи съ предметомъ, доказываютъ выраженія *ἀμελέω τινός, ἀμαρτάνω τινός, ἐνδεής εἰμί τινός* и др., составляющія полную противоположность выраженіямъ *ἐπιμέλωμαι τινός, στοχάζομαι τινός, μεστός εἰμί τινός* и т. д., въ которыхъ на эту связь

*) Какъ *πόλεμον πολεμεῖν* нужно понимать въ смыслѣ *πόλεμον πολεῖν*, такъ и въ нашемъ выраженіи «удаленіе удаленія» идетъ рѣчь о *совершеніи удаленія*.

указывается, и въ которыхъ *τινος* представляет собою *родовой* падежъ. Впрочемъ, на *ἀμαρτάνω τινός* и пр. можно взглянуть и такъ, что они, какъ *отрицанія* выражений *τυγχάνω τινος*, должны соединяться съ *тѣмъ же* падежемъ, съ какимъ соединяются *положительныя* выраженія, т. е. съ *родовымъ* (какъ *ποιέω* дополняется съ *вещнымъ*, такъ и *οὐ ποίεω*): такъ и *φεύγω* дополнялось съ *вещнымъ* наравнѣ съ *διόχω* (сравни выше стр. 370.).

Какъ могъ *родовой* падежъ принять функцію удалительнаго падежа *на себя*, — это становится понятнымъ изъ всѣхъ замѣчаній объ *отношеніи* одного падежа къ другому, на которыя приходилось наталкиваться въ самомъ разборѣ *примпровъ* на удалительный падежъ. Къ этимъ замѣчаніямъ мы прибавимъ еще одно. *Εἰμί τινος* обозначаетъ «я есмь принадлежность чья нибудь», и слово *τινος* есть *родовой* падежъ. *Γίγνομαι τινος* значитъ «я становлюсь принадлежностью чьей нибудь»; но стоитъ въ какомъ нибудь *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος γίγνομται παῖδε δ'ὐο* представить *παῖδας* въ положеніи *самостоятельномъ*, стоитъ представить ихъ, такъ сказать, *равноправными* съ Даріемъ и Парисатидою, какъ сейчасъ почувствуются *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος* въ *удалительномъ* падежѣ, какъ указатель лицъ, *отъ* которыхъ исходятъ *παῖδες*.

Изъ всего видно, что удалительный падежъ есть *настоящій, крупный* падежъ, и что съ нимъ и сравниваться нельзя падежу мѣстному, который, потерявъ *первоначальное* значеніе, развилъ *дѣйствительно* «огрубѣвшее», и *сильно* огрубѣвшее *просторовое* значеніе, и при этомъ *просторовомъ* значеніи еле *удерживается* въ такомъ сосѣдствѣ, какое ему доставляетъ предлоговый оборотъ *ἐν τινι*. *Настоящее* его мѣсто — при *предлагать*, которые его *просторовымъ* значеніемъ пользуются для *нарисованія* картины *близости* и *непосредственной прикосновенности* одного предмета къ другому.

Мы говоримъ, что мѣстный падежъ, когда онъ не стоитъ *возлѣ* предлога, т. е. когда не попадаетъ въ *предлоговый*

оборотъ, сохраняется въ положеніи неустойчиваго равновѣсія. Его держать, какъ уже сказано, его этимологическая *обособленность*. Однако, и эта этимологическая обособленность должна же была въ *свою* очередь за что нибудь цѣпляться: форма не устоитъ, если ее не поддерживаютъ синтаксическая надобность. Формы на *ἔι-θεν-δε*, исчезая, конечно, были замѣняемы *предлоговыми оборотами*, но такъ какъ онѣ были сами падежами, то немудрено, что хоть *одну* изъ нихъ принялъ подъ свое покровительство *самостоятельный* падежъ, благо ему самому *у себя дома* нечего было дѣлать. Какъ ни настаивали мы на равноправности вопросовъ *идь-куда-откуда*, однако, мысль объ этой равноправности приходится ослабить (объ этомъ мы предупреждали на стр. 259 и 271). Вопросы *куда* и *откуда* дѣйствительно представляютъ собою нѣчто равнозначашее и стоятъ другъ противъ друга, какъ бы, на одной доскѣ. Но вопросъ *гдѣ* могъ быть понятъ за нѣчто, не только стоящее въ центрѣ, но и возвышающееся надъ остальными двумя, — могъ быть понятъ за вопросъ о *мѣстѣ какъ' ἐξοχήν* и могъ быть удовлетворенъ языкомъ *помимо* двухъ остальныхъ, что и было сдѣлано при посредствѣ падежа *мѣстнаго*, когда тотъ освободился отъ своей *собственной, этической* функціи.

Разставаясь съ мѣстнымъ и удалительнымъ, а черезъ послѣдній и съ родовымъ падежами, мы сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе о такъ называемомъ Genitiv'ъ absolut'номъ. *Κύρου βασιλεύοντος* (имя, какъ *названіе лица*, а при немъ согласующееся признаковое глагольное), есть, очевидно, *собственный* родовой, а не *удалительный* падежъ. *Κύρου βασιλεύοντος ἐστασίαζον* значить: они бунтовались, причеиъ ихъ мятежъ имѣлъ отношеніе къ царствовавшему Киру. Въмсто *Κύρου βασιλεύοντος* говорятъ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* (примѣры приводить нечего; ихъ находится особенно много у Иродота). Что и *ἐπὶ* соединено здѣсь съ *собственнымъ* родовымъ, разъяснено на стр. 312. *Общее* представленіе, нарисованное *простымъ* «*Κύρου βασιλεύοντος*», не колеблется черезъ внесеніе въ текстъ предлога *ἐπὶ* (сравни выше стр. 392, подстрочное примѣ-

чаніе). Разница между *ἑστασίαζον Κύρου βασιλεύοντος* и между *ἑστασίαζον ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* та, что *Κύρου βασιλεύοντος* есть симасіологическое дополненіе признака, заключающагося въ *ἑστασίαζον*, а въ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* сопоставляется *царствующій Киръ съ мятежемъ* какъ съ *οὐσία*, — стало быть, разница, имѣющая для той стадіи развитія языка, въ которой эти выраженія чередуются, значеніе лишь теоретическое.

Если въ латинскомъ языкѣ употребляется *Ablativus absolutus*, то это не есть доказательство *противъ* нашего пониманія греческаго *genitiv'a absolut'наго*. Вопервыхъ, еще неизвѣстно, представляетъ ли собою латинскій *Ablativus absolutus* *собственный* удалительный (*Cygo regnante seditionabantur* = бунтовались, причеиъ мятежъ, *по времени*, »отправлялся« отъ царствовавшаго Кира), или *мѣстный* (мятежъ помѣщается въ Кирѣ *царствующемъ*), или даже *творительный* (въ смыслѣ выраженія *это случилось зимою*). Кроме того, въ такъ называемомъ *absolut'номъ* употребленіи падежа языки *вообще* разошлись: славянскій языкъ употребляетъ *absolut'но личный* падежъ (этотъ падежъ обозначаетъ тогда лицо, которое въ немъ отмѣчено, какъ *носителя дѣйствія*, совершающагося *при* немъ). Греческій языкъ, впрочемъ, употребляетъ *absolut'но*, какъ извѣстно, еще и *вещный* падежъ, а именно *вещный простирательный*: *ἡμῖν ἐξὸν ζῆν μὴ καλῶς ἀξιούμεθα μᾶλλον τελευτᾶν* (Plat. Menex. 346 d) = *касательно* того, что намъ можно жить нечестно, мы предпочитаемъ умереть.

Мы *кончили* опредѣленіе значенія *отдѣльныхъ* падежей. Остается сдѣлать нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о падежахъ *вообще*. Прежде всего о падежахъ *вообще при глагольномъ имени*.

На стр. 202 мы разсуждали о глагольномъ имени какъ объ амфибіи: оно — не то *существительное*, не то — *признаковое*. Теперь мы по вопросу объ двусторонности глагольнаго имени можемъ говорить гораздо опредѣленнѣе. *Признаковымъ* глагольное ния является постольку, поскольку оно

дополняется падежами по способу *признаковых* словъ. *Существительнымъ* оно является, поскольку оно *само*, какъ *падежъ*, дополняетъ собою *другія* слова. Говоря о *падежной* его роли, или, что — то же, о роли его какъ имени *существительнаго*, мы имѣемъ въ виду *здѣсь* прежде всего *косвенные* падежи. Такъ какъ о нихъ на стр. 197-8 пришлось упоминать лишь вскользь, то теперь займемся ими *подробнѣе*.

Что падежи греческаго глагольнаго имени суть только *синтаксическіе* и притомъ — *тѣ же самыя*, какъ и при другихъ именахъ (т. е. именительный, вещный и проч. *), и что разныя *этимологическія* соображенія къ ихъ опредѣленію припутывать нечего, на это уже указано на стр. 200.

Кюннеръ не допускаетъ въ глагольномъ имени, когда оно стоитъ *безъ* «члена», никакихъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и вещнаго. Разбирая случаи, гдѣ глагольное имя употребляется, съ его точки зрѣнія, въ роли «Object'a» («дополнение Prädicat'a» то жъ), этотъ ученый говоритъ (Ausf. Gramm. II. 578): Der Infinitiv muss auch bei solchen Verben, **) welche ihr substantivisches Object im Genitive zu sich nehmen, wie *ὀρέγομαι, γλιχομαι, ἐπιθῦμι*, als Accusativ aufgefasst werden, da der Infinitiv ohne Artikel nur ein ergänzendes Object, nicht aber die Beziehungen des Genitivs oder Dativs bezeichnen kann. Sollen diese Beziehungen ausdrücklich bezeichnet werden, so muss der Genitiv oder Dativ des *Artikels* zu dem Infinitive hinzutreten, wie

*) Я не говорю о *славянскомъ* глагольномъ имени. Славянское глагольное имя должно представлять собою по вопросу о падежахъ нѣчто *особое* сравнительно съ греческимъ языкомъ (нѣчто чрезвычайно интересное, но *насъ* непосредственно не касающееся), уже по одному тому, что оно не только не принимаетъ никакого «члена» съ тою легкостью, съ какою его принимаетъ *греческое* глагольное имя, но даже *воспротивилось* всякой подобной попыткѣ. Выраженія въ родѣ «о еже пособити и покорити» такъ и остались переводомъ съ греческаго и не привились къ славянскимъ *наречіямъ*.

**) А гдѣ же остались *простыя* признаковыя слова въ родѣ *ῥᾶδιος, χαλᾶρος, ἡδύς*, которыя тоже, вѣдь, исполняютъ роль «Prädicat'a», и которыя Кюннеръ *помѣстилъ* же въ своей статьѣ «объ Infinitiv'ѣ какъ Object'ѣ»?

diess regelmässig der Fall ist, wenn Beziehungsverhältnisse durch den Infinitiv mit *Präpositionen**) ausgedrückt werden.

Мы не знаемъ, что мѣшаетъ Кюннеру во фразѣ *χάριν δοῦναι τήνδε κωλύει τί σε* (Eur. Iph. Taur. 507) принять *δοῦναι* за удалительный падежь, разъ въ *κωλύω τινά τινος* слово *τινος* есть *дѣйствительный* удалительный падежь, и разъ рядомъ съ *простымъ* »*δοῦναι*« встрѣчается »*τοῦ δοῦναι*« (*κωλύω τοῦ καίειν ἐπιόντας* — Xen. Anab. I. 6. 2.)?**) А во фразѣ *ᾧραν εἶχον παιδεύεσθαι* (Isae. 9. 28.), что мѣшаетъ принять *παιδεύεσθαι* за *родовой* падежь, разъ оно зависитъ отъ имени существительнаго, и разъ рядомъ съ *παιδεύεσθαι* встрѣчается *τοῦ παιδεύεσθαι* (*αὐτῇ αὐ ἄλλῃ πρόφασις ἦν αὐτῷ τοῦ ἀθροίζειν* — Xen. Anab. I. 1. 7.)? Въ видѣ *синтаксическаго* характера (въ разрѣзъ съ *этимологическимъ происхожденіемъ*) падежей глагольнаго имени, — въ виду той легкости, съ какою глагольное имя то принимаетъ къ себѣ слово *ὁ-ή-τό*, то отъ него отказывается, я сказалъ бы, что *глагольное* имя, — все равно, что съ *ὁ-ή-τό*, что *безъ* него, — допускается во *всѣхъ* падежахъ. Это, впрочемъ, сказано только въ *принципѣ*, а на дѣлѣ . . .

Нечего, конечно, искать глагольное имя въ *звательномъ* падежѣ, такъ какъ *немыслимо* обращаться къ *дѣйствию*, какъ къ своему *собесѣднику*. Не думаемъ также, чтобы грекъ могъ чувствовать глагольное имя въ *мѣстномъ* па-

*) Быть можетъ, предлоги въ особенноти нуждались въ словѣ *ὁ — ἡ — τό* потому, что если бы сказать напр. *ἐν νοεῖν* вмѣсто *ἐν τῷ νοεῖν*, то *ἐν νοεῖν* легко могло бы быть понято въ смыслѣ *στροφῆς* »*ἐννοεῖν*«.

**) Что дѣлать съ *отрицательнымъ* глагольнымъ именемъ при *κωλύω* (*εἰ πρὸς θεοῦ κωλύομεθα μὴ καθεῖν ἢ βούλομεθα* — Eur. Ion. 391; *τί μ' ἀνδρῶν πολέμιον ἐχθρόν τ' ἀφείλον μὴ κραεῖν τόξοις ἐμοῖς* — Soph. Philoct. 1303), — на это отвѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ, разница между *κωλύω ποιεῖν* и *κωλύω μὴ ποιεῖν* — та, что въ *κωλύω ποιεῖν* указывается на предметъ, отъ котораго я удаляю кого нибудь, а въ *κωλύω μὴ ποιεῖν* указывается на цель, которую я имѣю въ виду *достигнуть* при этомъ удаленіи. Но какъ объяснить *падежное* положеніе такого *μὴ ποιεῖν*, — я не знаю. Единственно возможнымъ я считаю принять *μὴ ποιεῖν* за *вещный* »*простирательный*«; *κωλύω μὴ ποιεῖν* значить: я мѣшаю, причѣмъ моя помѣха *простирается* на *предметъ*.

дежъ*), — въ томъ мѣстномъ падежѣ, который, забывъ о первоначальной роли, держался только *простороваго* значенія. Ибо какъ можно *дѣйствіе*, выраженное глагольнымъ именемъ, представить *просторомъ*, въ которомъ что-нибудь *происходитъ* или даже *находится* (до послѣдняго оттѣнка доходитъ мѣстный падежъ въ приведенномъ выше τὰ Μαράθῳνι τροπαίᾳ). Такимъ образомъ, мѣстный падежъ глагольного имени можетъ встрѣтиться только при *предлогахъ***), требующихъ его для удовлетворенія ихъ *собственныхъ* потребностей, и тогда непременно, какъ уже выяснено выше въ подстрочномъ примѣчаніи, должно при немъ быть поставлено ὁ-ή-τὸ. Въ *личномъ* падежѣ представить себѣ глагольное имя довольно трудно потому, что понятіе *дѣйствія*, выраженнаго въ глагольномъ имени, какъ-то не мирится съ понятіемъ *лица*, выраженнаго въ личномъ***) падежѣ. Что же касается, наконецъ, *творительнаго* падежа, то не слѣдуетъ забывать слѣдующаго. Дѣйствіе, какъ оно дано въ глагольномъ имени со всѣмъ его симасіологическимъ богатствомъ, приспособлено къ тому, чтобы быть чѣмъ нибудь признакомъ (смотри выше стр. 201). Въ силу значенія творительнаго падежа оно, это дѣйствіе, должно бы въ немъ являться чѣмъ то, созидающимъ *признакъ*

*) Съ *этимологической* точки зрѣнія, какъ извѣстно, часто говорятъ о глагольномъ имени какъ о *мѣстномъ* падежѣ.

***) Неужели толковать напр. ἡδὸς βυβίνας черезъ «пріятный въ собесѣдованіи»? Мы принимаемъ βυβίνας за вещный простирательный: пріятный, причемъ пріятность *простирается* на то-то.

***) Jolly (Infinitiv) останавливается на стр. 216 на *dativ'ныхъ* infinitiv'ахъ и причисляетъ къ нимъ такія явленія, какъ извѣстное омировское βῆ δ' ἰβνας или ἔτροφέ μιν πῆμα γενέσθαι, гдѣ въ глагольномъ имени по *общему* контексту можно усматривать выраженіе цѣли. При этомъ Jolly приводитъ нѣсколько *этимологическихъ* dativ'ныхъ infinitiv'овъ изъ санскрита. Нѣтъ сомнѣнія, что усмотрѣнная здѣсь цѣль могла бы, дѣйствительно, прижнуть къ общему значенію *личною* падежа: πῆμα γενέσθαι, достигаемое черезъ *трѣфитъ*, могло представляться какимъ то *главнымъ* «лицомъ», которому *подчинено*, или въ услуженіи котораго *находится* *трѣфитъ*. Но что цѣль можетъ быть свободно приѣтна и къ *вещному* падежу, въ этомъ тоже никто не будетъ сомнѣваться послѣ изложеннаго на стр. 369 (если санскритскіе infinitiv'ы, выражающіе эту цѣль, суть *этимологическіе* dativ'ы, то это для *греческаго* языка не имѣетъ значенія; мы опять таки указываемъ выше на стр. 200).

чего нибудь или кого нибудь. Въмѣсто этого оно предпочитаетъ принять *на себя* вполне оформленный видъ признаковаго *глагольнаго* имени, присоединяясь къ названію *того предмета*, чей признакъ оно »созидаетъ«. Русское *его обучаютъ* черезъ спрашиваніе будетъ по гречески *διδάσχεται ἐρωτώμενος*. А если бы конструкцію *διδάσχεται ἐρωτώμενος* пришлось *дѣйствительно* переводить на творительный падежъ, то, такъ какъ первая конструкція считается *нормальною*, нужно *уклоненіе* отъ этого *нормальнаго* сдѣлать *выразительнымъ* *), а эта *выразительность* уже требуетъ ставить не простое »ἐρωτᾶν« или ἐρωτᾶσθαι **), а »τῷ ἐρωτᾶν« или τῷ ἐρωτᾶσθαι (скорѣе, впрочемъ, »διὰ τοῦ ἐρωτᾶν« или διὰ τοῦ ἐρωτᾶσθαι). Переводить подобныя фразы на творительный падежъ приходится особенно тогда, когда »созидающее« дѣйствіе (въ данномъ случаѣ дѣйствіе ἐρωτᾶν) *не можетъ* сдѣлаться признакомъ того, чей признакъ оно »созидаетъ«. Оно *не можетъ* сдѣлаться его признакомъ тогда, когда оно по концепціи мысли дѣлается признакомъ чего — нибудь *другого*, и когда возникаетъ такъ называемый accusativus cum infinitivo (διδάσχεται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν).

Такъ называемая конструкція accusativi cum infinitivo требуетъ съ нашей стороны особаго разъясненія. Это разъясненіе, кстати, пополнить съ одной стороны нашу теорію падежей, а съ другой — общесимасіологическую обрисовку

*) Конечно, глагольное имя, какъ по вопросу объ *οὐσία* и признакъ было чѣмъ то лишь *обще-номинальнымъ*, ни въ ту, ни въ другую сторону грамматически не отчужденнымъ, такъ и по вопросу о падежахъ представляетъ собою нѣчто лишь *обще-падежное*, грамматически ни въ какую сторону не опредѣляющееся, а потому и *нуждающееся* въ особомъ средствѣ, въ видѣ слова *ὁ-ή-τό*, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы съ большею *отчетливостью* хотимъ выразить въ немъ тотъ или иной падежъ. Мы немного забѣгаемъ впередъ, но скоро выяснится, что напр. τῷ ἐρωτᾶν обозначаетъ: *вотъ чѣмъ, спрашиваніемъ*.

**) Залоговыя формы могутъ тутъ чередоваться. Сравни »πότερα παρὰ σοὶ ἔδωκε θεομόρτον ἔστι πικρὸν ἢ τὸ ἐν Ἀσκληπιῷ« (Xen. Memor. III. 13. 3) и »Βορυσθίνης πίνεσθαι ἢ διστός ἐστιν« (Herod. 4. 53). Въ первомъ примѣрѣ можно дополнить къ »πικρὸν« вешний падежъ »ἔδωκε« (дополнить его нужно изъ *именительнаго* падежа ἔδωκε; сравни стр. 54), а во *второмъ* примѣрѣ сказано »πίνεσθαι« въ виду самаго *именительнаго* падежа »Βορυσθίνης«.

глагольного имени. Мы предлагаем обратиться до пониманія конструкціи accusativi cum infinitivo слѣдующимъ образомъ.

Въ λέγω σε κατορθῶσαι πάντα мы никакой конструкціи accusativi cum infinitivo не видимъ. Мы видимъ здѣсь просто два вещныхъ падежа, се и κατορθῶσαι, одинаково зависящихъ отъ λέγω. Вся фраза построена по образцу фразы αἰτέω σε χρήματα, о которой мы разсуждали на стр. 372. Λέγω σε κατορθῶσαι значитъ: я говорю о тебѣ и я говорю объ исправленіи, — объ исправленіи въ смыслѣ переводно-движимаго дѣйствія (см. стр. 103), въ моментъ его окончанія (см. ст. 153-4). Что это дѣйствіе касается такъ или иначе самого се, — это грамматически не выражено, какъ не было выражено и въ αἰτέω σε χρήματα, что деньги долженъ дать ты; *) все это подразумѣвается изъ общаго контекста.

Λέγω ποιῆσαι πάντα - λέγω ποιεῖν πάντα — λέγω πεποιχέναι πάντα значитъ: я говорю объ окончательномъ сдѣланіи всего — я говорю о дѣланіи всего —

*) Что мы въ объясняемъ намъ λέγω σε κατορθῶσαι слово се принимаемъ не за подлежащее infinitiv'a, а за синтаксическое дополнение глагола λέγω, это — не новость; на это указывалъ Аполлоній Дисколь при такъ называемыхъ προαιρετικῶν (= глаголахъ, выражавшихъ желаніе). Такъ, de construct. III. 245 читаемъ: Καὶ τὰ προαιρετικὰ δὲ τῶν ῥημάτων τὰ τῆς διαθέσεως ἔχει συντείνοντα κατ' αἰτιατικὴν πτῶσιν ἐπὶ πάντα τὰ ῥήματα . . . βούλομαι σε γράφειν, βούλομαι σε Λιονύσιον φιλεῖν. Новость нашего объясненія заключается въ томъ, что мы и глагольное имя ставимъ въ непосредственную зависимость отъ глагола λέγω. Мы въ этомъ отношеніи вполне сходимся съ Paul'em, который говоритъ (Princip. 247): Entsprechend ist die Entstehung des acc. c. inf. zu erklären. Der Inf. ist ursprünglich ein zweites Object zum regierenden Verbum. So verhält es sich noch bei unserem ich heisse ihn aufstehen, ich lasse ihn arbeiten etc. Объясненія се и κατορθῶσαι за два вещныхъ падежа, одинаково зависящихъ отъ слова λέγω, мы достигаемъ совершенно правильнаго отношенія, въ вопросѣ о падежахъ, между λέγω σε κατορθῶσαι πάντα и между сὺ λέγῃ κατορθῶσαι πάντα. Первое относится къ послѣднему, какъ на стр. 373 относилось ἤρωτήσά σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα къ сὺ ἤρωτήθης τοῦτο τὸ ἐρώτημα, т. е. и въ сὺ λέγῃ κατορθῶσαι πάντα слово κατορθῶσαι останется вещнымъ падежемъ. Jolly, съ полною основательностью опровергающій всевозможные приемы нашихъ грамматиковъ въ толкованіи конструкціи accusativi cum infinitivo (Infinitiv 244—253), самъ на стр. 257 останавливается на такомъ толкованіи примѣра ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται ἵναί, что въ немъ ἐμὲ есть синтаксическое дополнение слова λίσσονται, а ἵναί есть infinitivus „exegeticus.“

я говорю о состояніи какъ результатъ сдѣланія всего.*) Какъ это понять? Сказано ли тутъ, что я говорю о ποιησαι, ποιειν и πεποιηχέναι какъ о *понятіяхъ*, — быть можетъ, также какъ о своемъ *желаніи*, или сказано, что я говорю о ποιησαι, ποιειν и πεποιηχέναι какъ о наименованіяхъ дѣйствительныхъ фактовъ?**) Понять можно и такъ, и иначе. Если тутъ имѣется въ виду фактъ, то къ кому относится его совершеніе или намѣреніе его совершить? ***) Очевидно, къ тому, кто показанъ въ λέγω (я говорю, что я сдѣлалъ или собираюсь сдѣлать все). Такъ

*) Если я въ русскомъ языкѣ употребляю *предложный* оборотъ послѣ слова *говорить* (я говорю о чемъ нибудь), а въ греческомъ языкѣ поставленъ *осищный* падежъ, то на это несоответствіе языковъ уже указано на стр. 379 и 380, гдѣ мы разсуждали объ оборотѣ λέγω αὐτόν.

**) Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ то разсужденіе объ именахъ существительныхъ на стр. 170-1, въ которомъ мы на одномъ полюсѣ ставили имя существительное какъ наименование *дѣйствительнаго* предмета-идеи-душа, а на другомъ — имя существительное какъ названіе душевнаго *постулата*, и разъ мы такой вопросъ ставимъ о глагольномъ имени, то послѣднее выступаетъ какъ *настоящее* имя *существительное*, что ему вполнѣ и *приличествуетъ*, если оно занимаетъ положеніе *падежа*.

***) Нѣтъ сомнѣнія, что въ глагольномъ имени, какъ выраженія душевнаго *постулата* (= «понятія» — «желанія»), кроется нѣкая *futural'ность* по отношенію къ оправданію его на *дѣйствительномъ* фактѣ, тогда какъ въ глагольномъ имени, какъ наименованіи *дѣйствительнаго* факта, этой *futural'ности* нѣтъ. По этому понятно, что въ первомъ случаѣ возможны только *три* формы глагольнаго имени (*ποιειν, ποιησαι и πεποιηχέναι*), а во второмъ нужны *всѣ пять* (т. е. добавленіе формъ *ποιησειν и πεποιηχότα ἴσθαι*; сравни выше стр. 153-4). Впрочемъ, глагольное имя часто принимаетъ къ себѣ «частицу» *ἄν*. Принимаетъ ли оно ее, какъ выраженіе *понятія* дѣйствія, или какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта? Очевидно, — какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта, и «частица» *ἄν* указываетъ тогда на *возможность* осуществленія. Представленіе *возможности* осуществленія заключаетъ въ себѣ представленіе *будущаго* яви, въ крайнемъ случаѣ, *нераскрытаю* еще *настоящаго* времени *самого* осуществленія, а потому «частица» *ἄν*, выражающая уже *сама по себѣ* эту возможность и эту будущность, *исключаетъ* (синтаксисъ тутъ не прибѣгаетъ къ синтаксической тавтологіи) постановку *futural'ныхъ* формъ глагольнаго имени (*οἶμαι σ' ἄν κατορθῶσαι* = я думаю о тебѣ, я думаю о возможности исправленія, = я думаю, что ты, можетъ быть, исправись; *οὐκ ἄν οἶμαι αὐτοὺς ἀμαρτάνειν* = я не думаю о нихъ, я не думаю о возможности ошибки = сдѣлали они ошибаются = тутъ ошибки-то съ ихъ стороны «не будетъ»). Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ лишь о *возможности* осуществленія дѣйствія, то это наводитъ на представленіе чего то *обусловленнаго*, чего-то зависящаго отъ осуществленія *другаго* дѣйствія, а потому встрѣчаемъ глагольное имя съ «частицею» *ἄν* совершенно такъ же, какъ ставятся *Indicativ'ы* съ *ἄν*, объясненные на стр. 131-3.

и прежнее λέγω σε κατορθῶσαι πάντα указывает на *фактъ* (я говорю, что ты *исправилъ* все), иначе бы стояло λέγω σοι κατορθῶσαι πάντα (= я говорю тебѣ объ исправленіи всего, разумѣй: объ исправленіи, какъ о *моемъ желаніи*). Οὐ λέγω ποιῆσαι ταῦτα = я *не утверждаю* сдѣланіе этого (я говорю, что я этого *не сдѣлаю*); λέγω ὑμῖν μὴ ποιεῖν ταῦτα = я говорю вамъ о *недѣланіи* этого* (я говорю вамъ *не дѣлать* этого).

Да будетъ намъ позволено уклониться въ сторону. Интересно прослѣдить тѣ случаи, гдѣ въ языкѣ сталкивается употребленіе глагольнаго имени съ употребленіемъ глагольнаго *признаковаго*. Какъ названіе *дѣйствительнаго факта*, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ признаковымъ при глаголахъ какъ то: ἀκούω, ὁρῶ, πυνθάνομαι, ἀσθάνομαι, γυνώσκω, φαίνεται, εἰδρίσκω, δείκνυμι, ἀγγέλλω, словомъ — при глаголахъ, обозначающихъ *познавать* или *объявлять* о *познанномъ*, и выходитъ, что глагольное *признаковое* выражаетъ непосредственное впечатлѣніе предмета, къ которому оно отнесено синтаксически, на наши *чувства*. Между тѣмъ какъ глагольное *имя* указываетъ на нѣчто, какъ на результатъ нашего *внутренняго* соображенія (ὁρῶ αὐτὸν τρέχοντα = я вижу его бѣгущимъ; ὁρῶ αὐτὸν νικῆσειν = я убѣждаюсь насчетъ него, я убѣждаюсь въ побѣдѣ въ будущемъ = я убѣждаюсь, что онъ побѣдитъ). Разница эта вытекаетъ изъ самого значенія сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Глагольное признаковое, обозначающее *признакъ*, какъ онъ «реализируется» на предметѣ, и ожидающее себѣ всю свою формую непосредственнаго отнесенія его къ самому предмету, словомъ, — обозначающее *praedicativ предмета*, скорее можетъ вызвать представленіе о предметѣ, какимъ онъ *непосредственно* является передъ нашими органами познанія (= передъ органами чувствъ), чѣмъ это можетъ сдѣлать глагольное имя. Последнее входитъ въ рѣчь лишь въ роли такого или иного падежа имени

*) Почему въ одномъ случаѣ поставлено отрицаніе οὐ, а въ другомъ μή, — выясняется ниже.

существительнаго, стало быть, — падежа, стоящаго въ непосредственной зависимости отъ глаголовъ ὄρω, εὕρισκω и т. д., то есть отъ глаголовъ *познавать* или *объявлять о познаваемомъ*, и, согласно съ этимъ, выражаетъ дѣйствіе, составляющее *само по себѣ*, а вовсе не какъ praedicativъ какого-нибудь предмета, объектъ »познанія«.*)

Какъ названіе »понятія дѣйствія«, глагольное имя становится съ глагольнымъ признаковымъ при глаголахъ какъ то: μέμνημαι (μέμνημαι ἐν ποιήσας = я помню, что я хорошо сдѣлалъ; μέμνημαι ἐν ποιεῖν = я не забываю дѣлать добро), ἐπιλανθάνομαι (ἐπελαθόμεν εἰπὼν ταῦτα = я забылъ, что я сказалъ это, ἐπελαθόμεν εἰπεῖν = я забылъ сказать), ποιέω (ποιέω αὐτὸν γελῶντα = я изображаю его, — на сценѣ, напрѣмъ, — смѣющимся, ποιέω αὐτὸν γελᾶν = я заставляю его смѣяться), ἀσχύνομαι (οὐκ ἀσχύνεσθε ταῦτα ποιοῦντες = не стыдно ли вамъ, что вы такъ поступаете, ἀσχύνομαι ταῦτα ποιεῖν = мнѣ стыдно дѣлать это = я не хочу этого дѣлать), περιορῶ (περιορῶ αὐτὸν διαφθείροντα = мнѣ дѣлать нѣтъ, что онъ портитъ; οὐκ εἰσιεῖν ἔφασαν περιοφθεοῦσθαι οὐδένα = они говорили, что зорко будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не вошелъ), ἀποκάμνω (ἀποκάμνω τοῦτο ποιῶν = меня эта работа утомляетъ; ἀλέκαμε ἑαυτὸν σώζειν = онъ усталъ спасать себя) и др. Разницу и тутъ формулировать нетрудно, и формулировать ее опять таки слѣдуетъ на основаніи симасіологіи сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Въ то время, какъ глагольное *признаковое* указываетъ на *дѣйствительность*, какъ она появляется на самомъ томъ предметѣ, къ названію котораго оно синтаксически отнесено, глагольные имена указываютъ здѣсь, въ роли *падежей*, опять таки, конечно, на »объекты« дѣйствій, выраженныхъ въ самихъ тѣхъ глаголахъ, которые *требуютъ* этихъ падежей; но эти »объекты« суть здѣсь объекты *отвлеченные* (или, какъ мы раньше выразились, *душевные постулаты*),

*) Что и глагольное *признаковое* можетъ (не въ этихъ, конечно, случаяхъ) прини мать къ себѣ »частицу« δε, и что эта частица имѣетъ при немъ такое же значеніе, какъ при глагольномъ имени, — объ этомъ нечего распространяться.

как их допускает само значение глаголов *μέμνημαι*, *ἐπιλανθάνομαι* и других, выше приведенных, а не объекты действительности, как ее. эту действительность, раньше предполагало значение глаголов «познавать» и «объявлять о познанным». А теперь вернемся опять къ разъясненію конструкции *accusativi cum infinitivo*.

Какъ истолковать примѣръ *εἶναι τιμὰς γονέων ἐχρόνους καλὸς θησαυρός* (Plat. Menex. 297 b)? *Εἶναι* есть, конечно, *именительный* падежъ, а съ *психологической* точки зрѣнія можно толковать о немъ и какъ о *вещномъ* падежѣ (сравни выше стр. 376). Если мы до сихъ поръ не говорили объ «*accusativ'ъ cum infinitivo*» какъ объ *особой* конструкции (во фразѣ *λέγω σε κατορθῶσαι πάντα* — читатель, надѣмся, въ этомъ убѣдился — объ *особой* такой конструкции говорить не нужно), то придется заговорить теперь. Такъ и въ вышеприведенномъ (стр. 400) примѣрѣ *διδάσχεται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν* мы не обошлись безъ этого термина. Тамъ же мы разсуждали о томъ, что глагольное имя вслѣдъ своимъ симасіологическимъ богатствомъ *приспособлено* къ тому, чтобы быть *присужденнымъ* какому нибудь предмету какъ признакъ. А если этотъ предметъ не усматривается изъ контекста.*) то *долженъ же* языкъ располагать средствомъ *какъ нибудь* его обозначить.***) Что значитъ *какъ нибудь*? Это значитъ какимъ нибудь *падежемъ*. Какимъ падежемъ? Именительный падежъ это не можетъ быть, такъ какъ *въ речи* онъ употребляется или какъ простое *наименованіе* предмета (о согласованіи я тутъ не говорю), или какъ ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи глагола.

*) Въ *λέγω σε κατορθῶσαι*: онъ усматривается по нашему толкованію изъ *контекста*, т. е. изъ того *се*, которое приставлено къ *λέγω* какъ непосредственное его симасіологическое дополнение.

**) Не противорѣчимъ ли мы себѣ? То, что само глагольное имя занимаетъ положеніе падежа, мы всегда объясняли его способностью выступать въ роли *существительнаго*, а теперь оно въ *томъ же* положеніи должно выступить въ роли, такъ сказать, *признаковаго* слова по отношенію къ тому предмету, которому оно присуждается. Итакъ, не противорѣчіе ли это? Нѣтъ. И въ *согласованіи* имя существительное, *оставаясь* существительнымъ и *оставаясь* падежемъ, дѣлалось, *какъ-бы*, признаковымъ словомъ.

Славянскій языкъ разрѣшилъ всю задачу черезъ *личный* падежъ (быть ему тѣмъ то), и это вполне понятно, такъ какъ личный падежъ есть указатель *носителя* дѣйствія, а указать на носителя дѣйствія именно и *требуется* для разрѣшенія этой задачи. Греческій языкъ распорядился *иначе*. Наша фраза имѣетъ несомнѣнно такой смыслъ: бытіе, *простирающееся* на почитаніе, — а это почитаніе *имѣетъ отношеніе* къ родителямъ и имѣетъ быть *исполняемо* потомками*), — все это — прекрасный кладъ. Итакъ, мы въ нашемъ *τιμὰς*, которому *присуждается* дѣйствіе, выраженное въ глагольномъ имени *εἶναι*, видимъ вещный *простираемый*.

Мы совершенно согласны съ Jolly (Infinitiv 247), что къ примѣру »Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι« *непримѣнимо* толкованіе »die Leute erzählen das Gesagt-haben am Xerxes.« Jolly совершенно правильно замѣчаетъ, что при такомъ толкованіи легко было бы перейти на конструкцію *λέγεται Ξέρξεα εἶπαι* (es wird erzählt das Gesagt-haben am Xerxes), но трудно — на конструкцію *Ξέρξεης λέγεται εἶπαι* (какъ мы перешли на эту конструкцію, читатель видѣлъ въ подстрочномъ примѣчаніи о фразѣ *σὺ λέγῃ κατορθῶσαι* на стр. 401). Jolly не одобряетъ и того толкованія примѣра *Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι*, въ которомъ прибѣгаютъ къ Accusativ'у des Sichbeziehens, des Sicherstreckens. Мы его въ *этомъ* примѣрѣ *также* не одобряемъ, но въ примѣрѣ *τιμὰς εἶναι καλὸς θεσσαυρός* онъ позволяетъ намъ прибѣгнуть къ вещному des Sichbeziehens или, какъ мы выражаемся, къ вещному простираемому, тѣмъ болѣе, что то толкованіе, которое предлагаетъ онъ, опять не одобряемъ мы. Установивъ, какъ мы выше видѣли, infinitivum exhegeticum въ примѣрѣ *ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται λέγειν*, который мы *также* не одобрили, Jolly продолжаетъ (Infinitiv 257): Auch an einzelnen Verba kann man bei Homer

*) А можетъ быть, *ἐκγόνοισ* «зависитъ» отъ *καλὸς θεσσαυρός*? Это рѣшилъ бы *живой* языкъ, который поставилъ бы въ такомъ случаѣ иначе «паузу» (поставилъ бы ее между *γονέων* и *ἐκγόνοισ*, а не между *ἐκγόνοισ* и *καλὸς θεσσαυρός*).

oft verfolgen, wie aus der gewöhnlichen Accusativconstruction, in der der Accusativ das directe Object, der Inf. der epegetische ist, allmählich der eigentliche Accus. c. inf. hervor- geht, wobei der Accusativ aus der Abhängigkeit von dem Hauptverbum losgelöst und als Subject des Infinitiv erscheint. So ist ἐμὲ μὲν ἔταροι λίσσονται λέναι sicherlich älter als der echte Accus. c. inf. in II. v 510—511; ὃς δὲ κ' ἀνήνηται καὶ τε στερεῶς ἀποείπη, λίσσονται δ' ἄρα ταίγε Δία Κρονίωνα κιοῦσαι τῷ ἀάτην ἄμ' ἔπεσθαι, ἵνα βλαφ- θεὺς ἀποτίση, wobei die Sache, welche verlangt wird, nicht die Person, von welcher etwas verlangt wird, das Subject des Infinitivs enthält. Ist im ersten Beispiel der Infinitiv noch ganz der epegetische, so stellt dagegen im zweiten der hier mit dem Accusativ enger verbundene Infinitiv (почему онъ вдругъ enger verbunden съ точки зрѣнія Jolly, который и въ λίσσονται ἐμὲ λέναι, своимъ терминомъ »epegetisch«, такъ »узко« соединилъ вещный падежъ съ глагольнымъ именемъ?) einen Nebensatz dar (гдѣ же тутъ мѣсто придаточному предложению?*)).

Съ окончаніемъ разбора конструкціи accusativi cum in- finitivo можно бы считать оконченнымъ и разборъ падежей, если бы не было за нами небольшого долга. Мы имѣемъ въ виду тѣ славянскія выраженія въ родѣ *занятіе чьмъ ни- будь* и т. п., о которыхъ мы предупреждали на стр. 366, и всѣ связанныя съ подобными выраженіями явленія грече- скаго языка.

Слова *занятіе, подписываніе* и т. п. даже съ *этимоло- гической* точки зрѣнія составляютъ особую группу такъ

*) Paul, который, какъ мы видѣли, готовъ былъ вмѣстѣ съ нами усматривать въ *λέγω σε κατ' ὄψιν* два независимыхъ другъ отъ друга »объекта« слова *λέγω*, объясняетъ себѣ переходъ отъ *подобныхъ* примѣровъ къ *настоящему* accusativу cum inf. такимъ образомъ (Princip. 198-9): Der accus. c. inf. konnte jedenfalls nur neben einem transitiven Verbum stehen, so lange der Accusativ noch als direct von dem Verbum finitum abhängig empfunden wurde. Nachdem aber die Auffassung sich so *verschoben* hatte, dass der accus. c. inf. als ein abhängiger Satz und der Accusativ als *Subject* desselben gefasst wurde, war es möglich die Construction weit über ihre ur- sprünglichen Gränzen auszudehnen.

называемыхъ отглагольныхъ *существительныхъ*. Они этимологически *произведены* отъ глагольныхъ именъ *занять, подписывать* и т. д. По значенію *одинаковыми* съ ними. т. е. такими же отглагольными существительными, чувствуются, хотя немного *иначе* этимологически составленныя, слова *отдача, переправа* и т. п.

Уже на стр. 197 мы сравнивали отглагольная существительныя съ глагольными именами. И они оказываются симасіологическими амфибіями, какъ глагольныя имена, т. е. занимая по падежамъ положеніе именъ существительныхъ, по *дополненіямъ* уравниваются съ *признаковыми* словами. Разница та, что 1. глагольныя имена не такъ *отчеканены* этимологически въ роли надежей и въ роли существительныхъ, какъ слова *занятіе* и пр., и, 2., отглагольныя существительныя, какъ не надѣленные прежде всего *залоговыми* отгѣнками, симасіологически могутъ дополняться не какъ *глагольныя* признаковыя (т. е. не могутъ принимать къ себѣ вещнаго «объекта дѣйствія»: см. стр. 370-1), а только лишь какъ *простыя* признаковыя слова.

И въ *греческомъ* языкѣ есть отглагольныя существительныя, дополняющіяся, какъ простыя *признаковыя* слова. Это — слова, оканчивающіяся на *σις* и другія, направившіяся по ихъ слѣдамъ въ отношеніи симасіологическаго дополненія. Въ общемъ, это *особое* симасіологическое дополненіе *отглагольныхъ* существительныхъ есть явленіе — довольно позднее, и далеко не выдержано такъ систематически въ *греческомъ* языкѣ, какъ въ славянскомъ. Сравни: *ἀναχοίφισις* *κακῶν*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Soph. Oed. г. 218); *ἀμπνοᾶς* *ἔξειν* *πόνων*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Eur. Iph. Taur. 92); *ξίμμαχοι* *ἐγενόμεθα* *οὐκ ἐπὶ καταδουλώσει τῶν Ἑλλήνων Ἀθηναίοις*, въ смыслѣ *личнаго* падежа (Thuc. 3. 10); *ἰσχὺς εἰς τε δρόμον καὶ εἰς τὰς ἄλλας πάσας κινήσεις τῷ σώματι*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Plat. leg. 631 c); *τὰ γὰρ δόλω τῷ μὴ δικάῳ κτήματα*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Soph. Oed. C. 1027) и др.

Кажется, нами исчерпано все, относящееся къ опредѣленію значенія падежей. Выходить, — чтобы вкратцѣ повторить добытые нами *внѣшніе* результаты какъ настоящаго, такъ и предыдущаго отдѣла нашего изслѣдованія, — выходитъ, что въ такой или иной падежъ можетъ попасть только *существительное*, или *матеріальное*, или *формальное* (признаковое слово попадаетъ въ него лишь по закону согласованія). Попавшее въ такой или иной падежъ *существительное* — служить синасіологическимъ дополненіемъ или *существительною* же слову, или *признаковаго* слова, или *предлога*, — предлога то *самостоятельнаго* (*βαίνω κατά τινος*), то тѣснѣе связаннаго съ другимъ словомъ (*καταβαίνω τινος*).

Дополненіемъ *существительнаго* слова — существительное можетъ служить, когда оно стоитъ въ *родовомъ* падежѣ, а то и въ *мѣстномъ* (последнее оказалось возможнымъ вслѣдствіе особаго процесса *развитія* мѣстнаго падежа), и кроиъ того въ *личномъ*; находясь въ *личномъ* падежѣ, оно относится къ *дополняемому* слову, какъ названіе *лица* къ названію *вещи*.

Дополненіемъ *признаковаго* слова (положеніемъ *признаковыхъ* словъ пользуются отглагольныя существительныя и глагольныя имена, первыя — положеніемъ *простыхъ*, а вторыя — положеніемъ *многихъ* признаковыхъ словъ) — *существительное* можетъ служить *всегда*, въ какой бы падежъ оно ни попало. При этомъ въ *творительномъ* падежѣ оно обозначаетъ орудіе, «*созидающее*» признакъ. въ *удалительномъ* падежѣ — предметъ, отъ котораго *удаляется* признакъ, *прерывая* отношеніе къ нему, въ *мѣстномъ* падежѣ — просторъ, гдѣ *развивается* признакъ, въ *вещномъ* — вещь, которая требуется какъ *матеріалъ* для *проявленія* признака, въ *личномъ* падежѣ — лицо, являющееся такимъ или *инымъ* носителемъ признака, а въ *родовомъ* — какое угодно отношеніе обозначенной имъ *οὐσία* къ признаку.

Дополняя собою *предлоги*, существительное слово входитъ черезъ эти *предлоги* въ такое или иное отношеніе къ *другому* слову, причеиъ это другое слово можетъ быть

или существительнымъ, или признаковымъ. Если это другое слово оказывается *признаковымъ*, то въ принципѣ, для того чтобы *оправдать* предлогъ, слѣдуетъ изъ него извлечь *οὐσίαν*, если только предлоги должны оставаться при своей первоначальной роли, для которой они *понадобились* языку, т. е. при «сопоставленіи предмета съ предметомъ»; но такъ какъ извлечение *της οὐσίας* есть нѣчто лишь *мысленное* и въ языкѣ ничѣмъ особеннымъ *не выраженное*, то языкъ въ концѣ концовъ могъ приучить употребляющихъ его обходиться и *безъ* этихъ извлеченій. Другими словами, предлоговые обороты могли принять на себя задачу дополнять и *признаковая* слова, *увеличивая* собою, такимъ образомъ, средства синтаксическаго дополненія признаковыхъ словъ. И вотъ, мы думаемъ, что когда языкъ *привыкъ* или, скорѣе, приучилъ *употреблявшихъ* его дополнять признаковыя слова *предлоговыми оборотами*, такъ что сами предлоги стали появляться непосредственно *возлѣ* этихъ признаковыхъ словъ, тогда именно и *могли* предлоги связываться съ самими *признаковыми* словами, могли образоваться *composita* изъ предлоговъ. Разсмотримъ еще разъ всѣ *composita*, приведенныя нами на стр. 333-40) и мы увидимъ, что это *все* — *признаковыя* слова (или же — *отглагольныя* существительныя, то настоящія, съ *этимологической* точки зрѣнія, то отглагольныя больше по *значенію*; по вопросу о падежахъ, какъ выяснилось, они — *тѣ же* признаковыя слова), *возлѣ* которыхъ — а въ *связищеніи* съ которыми и *подавно*, — предлоги первоначально даже не имѣли мѣста. Такимъ образомъ мы въ развитіи предлоговъ ставимъ *послѣднимъ* то, что Дельбрюкъ ставитъ начальнымъ.

VI.

Мѣстоименія.

Наши разсужденія о частяхъ рѣчи, если исключить отсюда предлоги, занимающіе въ рѣчи болѣе *служебную* роль, вращались до сихъ поръ все въ терминахъ *»признаковое«* слово и *»имя существительное«*. Глаголь оказался *соединеніемъ* признаковаго слова и . . . . *существительнаго* (положимъ, не матеріальнаго, а *формальнаго*), что же касается глагольнаго *имени*, то оно заняло какое то неопредѣленное положеніе *между* существительнымъ именемъ и признаковымъ словомъ.

Если глаголь, это соединеніе признаковаго слова съ существительнымъ, представляя собою до *извѣстной* степени *цѣлую* рѣчь, то *признаковое* слово *всегда* можно называть *кускомъ* рѣчи. Оно, будучи произнесено *внѣ* рѣчи, чувствуется *вырваннымъ* изъ нея. *Имя существительное*, — мы разумѣемъ *простое* имя существительное (такъ мы его въ свое время и *называли* въ отличіе отъ двусторонняго *глагольнаго* имени и тѣхъ *»формальныхъ«* именъ существительныхъ, которыми мы до сихъ поръ подробно не занимались), — оказалось *внѣ* рѣчи, въ своемъ именительномъ падежѣ, наименованіемъ *всего*, что входитъ въ матеріалъ комбинированной мысли, насколько это *»все«* можетъ быть облечено въ *»предметъ«* т. е. въ нѣчто, получающее въ нашемъ представленіи такой видъ, какой получаютъ въ немъ *человѣкъ, звѣрь, домъ, дерево* и прочее, и имѣющее *естественный*,

а то и *воображаемый* мужескій, женскій или «средній» родъ. Эти «предметы», долженствующіе только еще *войти* матеріаломъ въ комбинируемую мысль, на дѣль могутъ въ нее войти не только въ видѣ *тѣхъ* же именъ существительныхъ, но и въ видѣ *разныхъ* частей рѣчи: *доброта* можетъ войти въ комбинируемую мысль въ видѣ слова *добрый*, *рубленіе* — въ видѣ глагола *рублю*, *внутренность* — въ видѣ предлога *въ* и т. д. Такое имя существительное въ своемъ именительномъ падежѣ чувствуется *въ* рѣчи чѣмъ то вполне самостоятельнымъ, чѣмъ то *не вырваннымъ* изъ рѣчи, и это и есть его *характеристикόν*, отличающее его *прежде* всего отъ *признакового* слова.

Материальнымъ существительнымъ и признаковымъ словамъ мы противопоставили въ свое время *формальные* существительныя и признаковыя. Ихъ основательно называютъ «*мѣстоименіями*», а не «*именами*», такъ какъ они ничего не «*поименовываютъ*», т. е. ничему *имени* или *названія* не даютъ. Они представляютъ пустыя формы, еще только *имѣющія* наполниться содержаніемъ. Это—то пониманіе ихъ, какъ *формъ* для содержанія, дало намъ въ свое время поводъ назвать и *ихъ* «*именами*», несмотря на только что приведенное соображеніе. Ихъ симасіологією мы теперь и займемся.

На первомъ мѣстѣ мы должны поставить *вопросительныя* формальныя имена, которыми говорящій только *ищетъ* то предметъ, то признакъ, давая этимъ понять, что *самъ* еще не знаетъ, какииъ, такъ сказать, *физическимъ* содержаніемъ наполнится тотъ шаръ, тотъ кубъ или вообще та форма, которую онъ строитъ пока лишь *математически*. Такими *вопросительными* формальными именами являются: *τίς* при исканіи одушевленныхъ предметовъ, *τί* при исканіи неодушевленныхъ предметовъ, *ποῖος* при исканіи качественныхъ признаковъ, *πόσος* при исканіи *арифметически* количественныхъ признаковъ, *πηλίκος* при исканіи *геометрически* количественныхъ признаковъ,*) хотя *обыкновенно*

*) Nicom. Geras. (Astius) pg. 69: οὐτε περί ἀπλῶς μέγεθος οὐτε περί ἀπλῶς πλήθος οὐσταίη ἄν ποτε ἐπιστήμη, ἀλλὰ περί τι ἀπ' ἀμοιβῶν ἀφορισμένον, ἀπὸ μὲν πλήθους περί τὸ πόσον, ἀπὸ δὲ μεγέθους περί τὸ πηλίκον...

слово *πηλίκος* употребляется при исканіи «возрастнаго» признака.

Такимъ образомъ, *вопросительныя* формальныя имена, — какъ это и должно быть въ соотвѣтствіе *материальнымъ* именамъ, — распадаются на «*существительныя*» (*τις-τί*) и *признаковыя* (*ποῖος - πόσος - πηλίκος*). При этомъ существительное *τις - τί* дифференцируется въ *πότερος* тогда, когда мы ищемъ одушевленный или неодушевленный предметъ не въ массѣ, а между двумя данными. Слово *πότερος*, видоизмѣняясь по родамъ, уже этимъ самимъ, т. е. этою внѣшнею формою, дѣлается *признаковымъ* словомъ. Оно и понятно: разъ мы ищемъ что нибудь между двумя «*данными*», отличающимися прежде всего по *признакамъ* (такимъ «*признакомъ*» можетъ оказаться иногда и само *название*, присвоенное каждому изъ нихъ), то и слово, при посредствѣ котораго мы *ищемъ* одно изъ этихъ двухъ «*данныхъ*», могло быть *признаковымъ*.

Отвѣтами на приведенныя слова могутъ быть, конечно (мы ихъ поставимъ на *первомъ* мѣстѣ), *отрицательныя* «*οὐτις-μήτις*» (*οὐδεῖς - μηδεῖς*).*) Но отрицательныя слова представляютъ собою *composita* изъ тѣхъ же *вопроситель-*

διὸ εἶδιν μέθοδοι ἐπιστημονικαὶ αἱ διευκρινήσουσι πάν τὸ περὶ τοῦ πόσου ὄνυμα, ἀριθμητικὴ μὲν τὸ περὶ τοῦ καθ' αὐτό, μουσικὴ δὲ τὸ περὶ τοῦ πρὸς ἄλλο· πάλιν δὲ ἐπεὶ τοῦ πηλίκου τὸ μὲν ἔστιν ἐν μουσῇ καὶ στάσει, τὸ δὲ ἐν κινήσει καὶ περιφορᾷ, διὸ ἕτεροι κατὰ τὰ αὐτὰ ἐπιστήμαι ἀκριβώσουσι τὸ πηλίκον, τὸ μὲν μένον καὶ ἡμεῶν γεωμετρία, τὸ δὲ φερόμενον καὶ περιπολοῦν βραχυκινή.

*) Что сказать о разницѣ между *οὐτις* и *οὐδεῖς*? *Οὐτις* заключаетъ въ себѣ формальное *существительное*, а въ *οὐδεῖς* вторая часть оказывается *признаковымъ* именемъ (см. стр. 205). Но было бы крайне неправильно утверждать на этомъ основаніи, что слѣд *composita* суть — первое существительное, а второе — признаковое. *Οὐδεῖς*, отрицая лишь какую бы то ни было *численность* предметъ, въ сущности отрицаетъ самые *предметы* (а вовсе не признаки), а потому въ результатѣ совершенно равняется слову *οὐτις*. Такимъ образомъ, *настоящихъ* признаковыхъ греческій языкъ не *выработалъ* въ отрицательныхъ формальныхъ именахъ. Оно и понятно: Если не отрицается *предметъ*, т. е. если *признается* существованіе предмета, то какъ можно отрицать его признакъ? (рѣчь идетъ объ отрицаніи не какого-нибудь *опредѣленной* признака, а признака *вообще* т. е. чего то, безъ чего самъ предметъ *немыслимъ*. А съ другой стороны, если *не признается* существованіе предмета, то зачѣмъ отрицать его *признакъ*? — зачѣмъ не отрицать прямо самый предметъ?

нѣтъ *) формальныхъ словъ (такъ и по русски: *никто, никакой*; въ греческомъ, впрочемъ, еще и *οὐδείς* = *ни одинъ*) и изъ отрицаній, а объ отрицаніяхъ рѣчь еще впереди. Затѣмъ можно отвѣчать *материальными* именами, какъ существительными, такъ и признаковыми, и такимъ путемъ сразу «наполнить содержаніемъ» поставленныя для этой цѣли и *ищущія* этого содержанія формы. Не исключается, однако, возможность отвѣчать на *вопросительныя* формальныя имена *опять* лишь *формальными* именами.

Изъ такихъ *ответныхъ* формальныхъ именъ мы должны на первомъ мѣстѣ поставить имена «неопредѣленныя». Мы разумѣемъ слова, въ которыхъ говорящій даетъ знать, что вопросъ, поставленный словами *τίς - τί* и пр., *не* разрѣшается въ какую нибудь положительную сторону, а такъ и *остается* вопросомъ. Это-то «остается вопросомъ» греческій языкъ и выразилъ въ своихъ «неопредѣленныхъ» формальныхъ именахъ, воспользовавшись для нихъ тѣми же *вопросительными* именами и только *энклимировавъ***) послѣднія по возможности т. е. поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія: *εἴ τις λέγει* (такъ и по русски: *если кто говоритъ*); *καὶ μὴν ὅτι γ' ἦν ὁ σοφίστης τούτων πότερον, διωμολογημένον ἡμῖν ἐν τοῖς πρόσθεν ἦν* (Plat. Soph. 264 d); ***) *ποσόν τι ὄν* (Plat. Soph. 245. d; здѣсь слово «*ποσόν*» усилено словомъ *τι*, т. е. къ *признаковому* «неопредѣленному» приставлено еще *существительное* «неопредѣленное», такъ что признакъ показанъ въ языкѣ *опи-*

*) Вызванное этою замѣткою недоумѣніе будетъ сейчасъ разрѣшено.

**) Да, «неопредѣленныя» формальныя имена суть, въ сущности, *вопросительныя*. Этимъ и разрѣшается недоумѣніе, вызванное, быть можетъ, нашимъ замѣчаніемъ, что *οὐτός* составлено изъ отрицанія и «*вопросительнаго*» слова. Если языкъ *энклимировалъ* эти *вопросительныя* слова для того, чтобы они сдѣлались «неопредѣленными», то въ этомъ только выраженъ нѣкоторый *психологическій μεταθεσις* отъ постановки прямого вопроса къ «оставленію чего нибудь подъ вопросомъ».

***) Напрасно, кажется намъ, не хотѣть признавать «неопредѣленною» (т. е. *quasi* энклитическою) *πότερος* въ противоположность *вопросительному* (т. е. выражающему непосредственную постановку вопроса) *πότ'ερος*. Кюнеръ (Ausf. Gramh. II. 1020) въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, усматриваетъ какой то риторическій приемъ (*rhetorische Wendung*) и предлагаетъ напр. *наше* мѣсто понимать такъ: «что соизвѣсть былъ *что изъ двухъ?* — это

рающимися на предметъ, хотя ни признакъ, ни предметъ не опредѣлены); οὐχοῦν καὶ ποιοῦν τινα αὐτὸν τὸν λόγον εἶναι δεῖ (Plat. Soph. 262 e; точно также должно было употребляться и πηλίχος τις, но примѣра для этого, — должно быть, по случайности, — не отыскивается*).

Отъ «неопредѣленныхъ» формальныхъ именъ слѣдуетъ отличать «обобщающія», которыми говорящій даетъ знать, что ему все равно, какъ бы ни рѣшился вопросъ, поставленный словами τις-τί и пр., и что онъ болѣе опредѣленнаго его рѣшенія не ищетъ. Отдѣльныхъ словъ для такого, какъ мы выразились, «обобщенія» нѣтъ; языкъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ къ сопроsit'амъ (русскій языкъ даже къ цѣлымъ предложеніямъ: кто бы онъ ни былъ, кому бы то ни было и т. д.). Composita эти суть: ὅστις-οὔν, ὅστιςδήποτε, ὅποσοῦν и т. д. Разъяснять эти сопроsitа здѣсь трудно, такъ какъ мы до сихъ поръ не знаемъ ни οὔν, ни δή, ни ποτέ, равно какъ не знаемъ еще отношенія словъ ὅστις-ὅποιος и пр. къ словамъ τις-ποιός и т. д.

Отвѣчать на вопросы τις, ποῖος и т. д. мы можемъ и указательными формальными именами. Имя, — и не только имя, но и сопровождающимъ ихъ жестомъ, — говорящій направляетъ глазъ собесѣдника, да и свой собственный, на самый предметъ или на самый признакъ, чтобы черезъ непосредственное ощущение наполнить представленіе искомымъ содержаніемъ. Греки придумали для этихъ словъ

нами раньше признано (вмѣсто: «что соесть — что нибудь одно изъ двухъ, — это нами раньше признано»). Неопредѣленное значеніе, вообще, признають только за ἕτερος. Но ἕτερος или ἄτερος, происшедшее изъ ἕν+τερος (Brugmann Grundr. II. 181), относится къ вопросительному πότερος и къ неопредѣленному ποτέρος, какъ εἰς относится къ вопросительному τις и къ неопредѣленному τις (οὐ+τις=οὐδ+τις). Намъ кажется, что не слѣдуетъ игнорировать замѣтку Фотія, который говоритъ (Lex. II. 101): πότερον, τὸ πῶςτις, βαρύτερος, δευτέρως δὲ ποτερός = ἄτερος.

*) Быть можетъ, будутъ настаивать на томъ, что «неопредѣленное» τις не есть существительное, а представляетъ нѣчто двустороннее, т. е. нѣчто, могущее оказаться и признаковымъ. Быть можетъ, признаковымъ его найдутъ въ выраженіи ἀρετῆς τις, руководясь при этомъ русскимъ выраженіемъ «малая добродѣтель». Мы думаемъ, что это не такъ, хотя обосновавъ свое мнѣніе мы можемъ лишь вполслѣдствіи.

терминъ »δεικτικά«. Такими диктическими словами являются: *ἐγώ, σύ.* *) *ὅδε, οὗτος, ἐκεῖνος, τοιόςδε, τηλικόςδε* и *τοσόςδε*. Слова *ὅδε, τοιόςδε, τηλικόςδε* и *τοσόςδε* представляютъ соп-
posita изъ *δέ* (мы подозреваемъ, что это *δέ* — то же-
ственно съ *δή*, найденнымъ нами въ *ὅστιςδήποτε*; объ
этомъ, впрочемъ, ниже) и изъ словъ *ὁ* — *τοῖος* — *τηλι-
κος* — *τόσος*, оказывающихся *общими* какъ для *дикти-
ческаго*, такъ и для *другихъ* отбѣнокъ формальныхъ именъ,
о которыхъ рѣчь впереди.

Словами *τοιόςδε, τηλικόςδε* и *τοσόςδε* говоря-
щій направляетъ глазъ собесѣдника (*δείκνυται*) на *признаки*
предмета, словомъ *ἐγώ* — на *себя*, чтобы собесѣдникъ *от-
личилъ* его среди другихъ присутствующихъ,**) словомъ *σύ*
— на самого слушателя, чтобы тотъ понялъ, что именно
онъ, а не ктонибудь другой изъ присутствующихъ,***)
долженъ быть собесѣдникомъ, наконецъ, словами *ὅδε, οὗτος*
и *ἐκεῖνος* — на посторонній предметъ, чтобы собесѣдникъ
не смѣшалъ его съ какимънибудь *другимъ* постороннимъ
предметомъ.†) При этомъ, какъ извѣстно, *ὅδε* указываетъ
на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 104—105: *αἱ μέντοι ἀντωνυμίαι εἰς οὐδὲν ἄλλο ἀποβλέπουσι διὰ τῆς ἐν αὐταῖς ἐγκειμένης δειξέως ἢ εἰς τὴν ὑποκειμένην οὐσίαν... διὸ καὶ τὰ γένη οὐκ ἐκκοπτόμενα ἰδίως τέλει κατάλληλον ἔχει τὴν ἐν τοῖς τριῶν γένοι θέσιν διὰ μιᾶς συλλαβῆς, εἴ γε καὶ ἡ ἐξ αὐτῶν δειξίς αὐτὸ μόνον οὐσίαν περιφαίνει... ὡς ἔχει ἡ ἐγὼ (следовательно и σύ). Итакъ, уже Аполлоній Дисколъ ставилъ слова *ἐγὼ* и *σύ* въ одну группу съ дикти-
ческими *ὅδε, οὗτος* и *ἐκεῖνος*.*

**), Отличать его съ особенною тщательностью отъ другихъ присутствующихъ приходится, когда онъ *начинаетъ* говорить, и когда онъ на-
ходится въ *молчѣ*; въ этомъ, впрочемъ, помогаетъ ему голосъ, раздающійся отъ него, жести, къ которому онъ тутъ же прибѣгаетъ, быть можетъ, на-
конецъ, и сообщеніе своего имени, которое онъ иногда прибавляетъ къ слову *ἐγὼ*.

***), Это также бываетъ тогда, когда собесѣдникъ находится въ *молчѣ*, и когда только еще *начинаютъ* обращаться къ нему съ рѣчью: *вспомога-
тельная* средства тутъ тѣ же самыя, развѣ что локализованіе голоса, раздающагося отъ говорящаго, не имѣетъ здѣсь значенія.

†) И здѣсь приходится прибѣгать къ тѣмъ же вспомогательнымъ средствамъ. Эти средства увеличиваются въ данномъ случаѣ способностью словъ *ὅδε* — *οὗτος* — *ἐκεῖνος* измѣняться по *родамъ* (мужескому, женскому и «среднему») и черезъ то обозначать родъ самихъ *предметовъ*, на которые они направляютъ глазъ собесѣдника. Нельзя сказать, что способ-

самого говорящаго (иногда оно присоединяется къ самому *ἐγώ*, какъ *εἰς* усилительное средство: *τόνδε ἐμέ*), *οὗτος* — на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ собесѣдника (вышеприведенному *τόνδε ἐμέ* соответствуетъ здѣсь *οὗτος σύ*), а *ἐκεῖνος* — на предметъ удаленный отъ бесѣдующихъ, *посторонній* для нихъ, но тѣмъ не менѣе *присутствующій*, иначе направлять *глазъ* на него было бы трудно.

Слова *ἐγώ* — *σύ* называютъ *личными* мѣстоименіями, а вышедшія изъ ихъ родовыхъ падежей признаковыя *ἐμός* — *ός**) — личными *притяжательными*, причемъ въ «третьемъ» лицѣ фигурируютъ въ качествѣ тѣхъ и другихъ мѣстоименій слова: *οὗ-οὐ-ἐ*, *αὐτοῦ-αὐτῶ-αὐτόν*, *μιν*, *ιν*, *ός-οφέτερος*. Отчего у насъ эти слова не оказались въ одной группѣ съ *ἐγώ* и *σύ*?

Отъ *δεικτικόν* древніе отличали *ἀναφορικόν*, понимая *ἀναφορὰν* въ смыслѣ ссылки на раньше сказанное.***) Если диктическими словами говорящій направлялъ *внѣшній* глазъ на предметъ или признакъ, съ цѣлью ближе познакомиться съ нимъ своего собесѣдника, а можетъ быть, и познакомиться съ нимъ самому, то анафорическія слова съ тою же цѣлью направляютъ нашъ *умственный* глазъ на что нибудь. Направленіе *умственного* глаза на предметъ или

ность измѣняться по родамъ дѣлаютъ наши слова *признаковыми*, какъ то можно было утверждать выше о *πότερος*. Въ «родѣ» нашихъ словъ, какъ сказано, отмѣченъ именно родъ *предметовъ*, на которые они указываютъ. Вообще *признаковыми* формальными именами въ настоящей группѣ оказываются только слова *τοῖόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοβόςδε*.

*) *Εμός* есть родовой падежъ и указываетъ, что *признакъ* или *предметъ* (родовой падежъ можетъ зависѣть отъ того и другого) имѣетъ такое или иное «отношеніе» ко *мнѣ*, т. е. къ предмету, обозначенному въ самомъ родовомъ падежѣ. Если въ это «такое или иное отношеніе ко мнѣ» входитъ не *признакъ*, а именно *предметъ*, то оно (въ данномъ случаѣ это отношеніе *дифференцировалось* въ *принадлежность* «мнѣ») можетъ представиться *признакомъ* самого этого предмета, и буде языкъ настолько эластиченъ, чтобы перейти въ *признаковое* слово (что имѣетъ мѣсто въ данномъ случаѣ), то онъ это *дѣлаетъ* (впрочемъ, какъ извѣстно, не *всегда*, хотя бы вышеозначенныя *условія* такой замѣны были налицо).

**) Apoll. Dysc. de constr. I. 98—9: *εἰ γε ἰδίωμα ἀναφοράς προκαταλελυμένον πρόβωπον δυνάρα γυφίδος . . . καὶ οὕτω μερίζονται (αἱ ἀντωνυμίαι) εἰς δεικτικὰς καὶ ἀναφορικὰς.*

признакъ находить себѣ опору въ томъ, что мы не только держимъ въ памяти и въ представленіи предметъ или *признакъ* предмета, разъ о немъ была рѣчь, — анафорическое слово заставляетъ насъ тогда *вспомнить* все, что объ этомъ предметѣ или признакѣ говорилось въ другомъ мѣстѣ, — но любимъ помогать своими *собственными* познаніями автору рѣчи, разъясняющему намъ что нибудь, и онъ, считаясь съ этимъ, анафорическими словами заставляетъ насъ *порыться* въ этихъ познаніяхъ, чтобы *яснѣе* стало, о какихъ собственно предметахъ или признакахъ идетъ рѣчь.

Анафорически употребляются *не совсѣмъ* тѣ же слова, которыя употреблялись диктически. Нѣкоторыя изъ прежнихъ словъ нѣсколько *видоизмѣняются* при анафорическомъ ихъ употребленіи, но есть и такія, которыя появляются здѣсь *впервые*, и которыхъ въ *δείξις* не было.

Такъ какъ *все* настоящее разсужденіе объ анафорическихъ словахъ вызвано было непосредственно вопросомъ, касающимся *»личныхъ«* мѣстоименій, — *»личными«* они называются въ соотвѣтствіи съ тѣми *»лицами«*, которыя выражены въ окончаніяхъ глаголовъ (ср. стр. 89.), — то прежде всего замѣтимъ, что *признаковыя* формальныя имена не имѣютъ къ *»лицамъ«* *никакого* отношенія. Они могутъ быть употребляемы о *всѣхъ* лицахъ.*) Что же касается въ частности нашихъ *диктическихъ* признаковыхъ *τοῖόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσοόςδε*, то въ *анафорическомъ* смыслѣ, — когда на признакъ указывается какъ на запечатлѣвшійся *въ памяти* собесѣдниковъ, — вмѣсто нихъ употребляются слова *τοιοῦτος*, *τηλικοῦτος* и *τοσοῦτος* (въ эпическомъ языкѣ простыя *τοῖος*, *τηλικός* и *τόσος*). А теперь перейдемъ къ *»личнымъ«* мѣстоименіямъ.

Спрашивается: употребляются ли анафорически слова *ἐγώ* и *σύ* послѣ того, какъ говорящій познакомилъ собесѣдника съ *собою* и опредѣлил себѣ его самого? Это — отвѣтимъ мы — вполне зависитъ отъ настроенія говорящаго. Дѣло въ томъ, что говорящій и собесѣдникъ, обозначаемые черезъ *ἐγώ* и *σύ*, вплоть до *окончанія* бесѣды находятся

*) Сравни подстрочное примѣчаніе на стр. 184.

другъ у друга *на глазахъ*, въ *буквальномъ* смыслѣ этого слова, а потому говорящій воленъ или *указать* (*δείξει*) на себя и на собесѣдника лишній разъ и *обратить* еще разъ свои взоры на него, требуя отъ него того же (тогда *ἐγώ* и *σὺ* непременно произносятся съ *удареніемъ*), или же говорить о себѣ и о собесѣдникѣ какъ уже вполне установившихся и запечатлѣвшихся въ представленіи и памяти. Въ послѣднемъ случаѣ употребляются слова *ἐγώ* и *σὺ*, поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія, *энклитически* и *безъ* *) именительнаго падежа. Почему безъ этого падежа, — вполне понятно. Падежи словъ *ἐγώ* и *σὺ* въ такихъ случаяхъ приходится вставлять въ рѣчь почти *исключительно* ради *синтаксической полноты*. Разговорившись съ собесѣдникомъ, я иногда вставляю фразу: *ὄλερ σοι ἔλεον*. Это энклитическое *σοι* само собою подразумевается и составляетъ, по отношенію къ *ὄλερ ἔλεον*, то, что мы въ свое время назвали «*синтаксическимъ подлежащимъ*» (см. стр. 173.). Въ *именительномъ* падежѣ, достаточно обозначенномъ въ *глаголь* (*ἔλεον* = я говорю**), простая синтаксическая полнота *не нуждается*.

*) Съ удареніемъ, а слѣдовательно и съ именительнымъ падежемъ употребляются въ *этомъ* случаѣ слова *ἐγώ* и *σὺ* при *противопоставленіи*, или *действительно* выраженномъ (не я, а ты), или *мысленномъ* (это сдѣлалъ я; подразумевается: а не кто нибудь другой). Что это противопоставленіе ведетъ въ сущности къ «*синтаксическому сказуемому*» (сравни стр. 173.), само собою разумѣется. На появленіе ударенія, а слѣдовательно и именительнаго падежа, вліяетъ, впрочемъ, и разстановка словъ: когда рѣчь *начинается* съ «*личнаго мѣстоименія*», т. е. когда оно поставлено на *первомъ* мѣстѣ не только въ *началѣ*, но и вообще въ какомъ нибудь *отрывкѣ* рѣчи, слѣдующемъ послѣ *паузы*, то оно не можетъ употребляться энклитически, такъ какъ ему не на что опереться своимъ удареніемъ. Быть можетъ, впрочемъ, слѣдуетъ признавать еще одинъ мотивъ ударенія и появленія личнаго мѣстоименія въ *именительномъ* падежѣ. Быть можетъ, слѣдуетъ признавать въ языкѣ интонацію, если такъ можно выразиться, чисто *музыкальную*. Сравни Od. μ 156: *ἀλλ' ἐρίω μὲν ἐγών, ἵνα εἰδότες ἦ με Φάτωμιν, ἦ καὶ ἀλευβάμενοι θάνατον καὶ κῆρα φύοιμιν* (тутъ я не вижу ни противопоставленія, ни синтаксическаго сказуемаго вообще, а *ἐγών*, кажется мнѣ, поставлено просто для того, чтобы былъ соблюденъ какой то ритмическій *пигегусъ* въ рѣчи).

**) Употребленіе именительнаго падежа и падежей вообще въ «*личныхъ*» мѣстоименіяхъ очень ограничено сравнительно съ простыми существительными. Прежде всего «*личныя*» мѣстоименія не имѣютъ *звательнаго* падежа.

Что касается *третьяго* грамматическаго лица, т. е. *неодушевленныхъ* предметовъ, а также *лицъ, не исполняющихъ* роли собесѣдниковъ, то надобно различать *два* случая: или это третье грамматическое лицо находится *здѣсь*, на мѣстѣ разговора, или оно — гдѣ то далеко отъ бесѣдующихъ, такъ что послѣдніе его *не видятъ*. Въ первомъ случаѣ опять таки говорящій воленъ, *заговоривъ* о немъ и *установивъ* его какъ *предметъ* разговора, въ дальнѣйшей рѣчи или лишній разъ *указать* на него, при посредствѣ тѣхъ же словъ *ὅδε, οὗτος* и *ἐκεῖνος*, или же говорить о немъ, какъ *запечатлѣвшемся* уже въ памяти собесѣдниковъ, и тогда появляются *анафорическія* формальныя слова, а именно: 1. для *»синтаксической полноты«* и *безъ* именительнаго падежа — слова (они *тоже* — энклитическія, насколько это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія): *οὐ — οἱ — ἐ, μὴ — ἢ, αὐτοῦ —*

Въ сущности, вопросъ о звательномъ падежѣ касается *одного* только *οὐ* — *ὀμείβῃ*, а ему, конечно, звательнаго падежа не нужно, такъ какъ оно самямъ *именительнымъ* падежемъ, въ силу его *диктическаго* значенія, опредѣляетъ собесѣдника. Что же касается именительнаго падежа всѣхъ *вообще* «личныхъ» мѣстоименій, то, несомнѣнно, онъ, наравнѣ съ *простымъ* именемъ существительнымъ, можетъ быть «ближайшимъ» опредѣлителемъ лица, показаннаго въ окончаніи глагола, но тогда это уже во *всякомъ* случаѣ *синасіологическая тавтологія*, сопряженная съ *интонаціею* личнаго мѣстоименія и вызванная какимъ нибудь однимъ изъ мотивовъ, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Затѣмъ, относительно того именительнаго падежа и падежей вообще, которые появляются въ рѣчи въ силу *согласованія*, нужно сказать, что «личныя» мѣстоименія не могутъ исполнять никакой роли *признаковыхъ* словъ (ибо какъ можетъ «личное» мѣстоименіе исполнять роль того, что, какъ выше сказано, никакого лица не имѣетъ?). Они могутъ быть либо психо-логическими, а то и логическими *подлежащими* (только не логическими *предъ-лежащими*; ибо мыслимъ ли логическій объемъ какого нибудь *ἐγώ* или *σύ*, которое представляетъ чистую форму и не имѣетъ матеріальнаго содержанія?), либо могутъ попасть въ логическое равенство (вышеприведенное *οὗτος σύ* есть также логическое равенство). Во *всѣхъ* случаяхъ согласованія личное мѣстоименіе должно служить *опорою* слову, которое съ нимъ согласуется, и это обстоятельство способно оказаться достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы само личное мѣстоименіе произносилось съ удареніемъ (конечно, какое нибудь *ἀνθρώπος εἶμι* въ этой опорѣ не нуждается, такъ какъ лицо показано въ окончаніи глагола, и ударяемое *ἐγώ* появляется здѣсь опять таки только тогда, когда оно вызвано однимъ изъ приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи мотивовъ). Вся настоящая замѣтка будетъ вполне понятна, если читатель припомнитъ сказанное объ именительномъ и звательномъ падежахъ и о согласованіи вообще въ третьемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

αὐτῷ - αὐτόν* : 2. при *противопоставленіи* или вообще при *интонаціи* (съ *именительнымъ* падежемъ): изъ прежнихъ диктическихъ *два* (οὗτος и ἐκεῖνος), съ различіемъ въ значеніи, которое скоро будетъ выяснено, а затѣмъ слова *ὁ - ἡ - τό* (сравни: ἐγὼ μὲν... οἱ δέ), *ὅς*, а также ударяемое *οὗ - οἱ - ἔ* (именительнаго падежа тутъ *нѣтъ*; нѣтъ его, впрочемъ, только въ *единственномъ* числѣ; во множественномъ выработана форма σφ εἶς).

Слѣдовало бы теперь перейти къ разсужденію объ анафорическихъ формальныхъ словахъ, употребляющихся объ *отдаленныхъ* отъ собесѣдниковъ и *не находящихся* на ихъ глазахъ предметахъ. Но, быть можетъ, практичѣе будетъ предварительно попытаться, насколько возможно, выяснить вопросъ относительно того *богатства* и *разнообразія* анафорическихъ словъ, съ которыми мы только что познакомились. Казалось бы на первый взглядъ, что ихъ столько не нужно. Быть можетъ даже, нѣкоторое ихъ «излишество» найдетъ себѣ оправданіе въ томъ, что не всѣ они — «анафорическія».

Мы понимаемъ появленіе *рядомъ* съ словами *οὗτος* и *ἐκεῖνος* еще и простаго *ὁ - ἡ - τό***). Ибо какъ бы въ концѣ концовъ ни разъяснилось различіе словъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, они, какъ и русскія *этотъ - тотъ*, должны быть подъ рукою для большей ясности на тотъ случай, когда «предметомъ разговора» сдѣлалось не одно третье грамматическое лицо, а *два* (вотъ тебѣ *дворецъ*, и вотъ тебѣ *хата*; эта имѣетъ такіе то признаки, а тотъ — такіе то). Тамъ, гдѣ не *приходится* дѣлать различіе между *нѣсколькими* предметами третьяго грамматическаго лица, — тамъ могло имѣть мѣсто простое *ὁ*. Такъ, у Омира постоянно употребляется *ὁ* въ смыслѣ русскаго *онъ* (т. е. тотъ, о комъ идетъ рѣчь = кто сдѣлался предметомъ разговора); вышеприведен-

*) Извѣстно разсужденіе древнихъ о томъ, что *αὐτόσ*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слѣдовало бы *энклинировать*, какъ энклинируются трохейческія *φ η κ ε, ε β τ ι* и т. д.

**) Мы говоримъ «простое» *ὁ - ἡ - τό* въ виду того, что слово *οὗτος*, какъ ни трудно уяснить его образованіе, этимологически является лишь *осложненіемъ* того же *ὁ*. См. Brugmann Grundriss II. 767 и 775.

ное $\epsilon\upsilon\omega\mu\epsilon\nu \dots \omicron\acute{\iota} \delta\acute{\epsilon}$ значить: »съ одной стороны я, а съ другой тѣ третьи грамматическія лица, о которыхъ зашла рѣчь« и т. д. (иногда $\omicron\acute{\iota} \mu\epsilon\nu \dots \omicron\acute{\iota} \delta\acute{\epsilon}$ употребляется *раздѣлительно*: »одни изъ тѣхъ, о которыхъ зашла рѣчь . . . другіе же« . . . *; объ этомъ, впрочемъ, ниже).

Мы понимаемъ дальше, что кромѣ »различительныхъ« $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma - \epsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ и кромѣ »безразличнаго« $\acute{\omicron} - \acute{\eta} - \tau\acute{\omicron}$ могло понадобится для третьяго грамматическаго лица *еще* одно слово, *тоже* »безразличное.« Славянскій языкъ выработалъ для этой цѣли *рядомъ* съ вышеприведеннымъ *онъ* (въ русскомъ языкѣ склоняютъ не *онъ*, а *онѣй - оною - оному* и т. д.) еще *и - ѡ - ѡ - его - ему*. Одно слово могло быть предназначено для вызова въ слушатель болѣе *напряженнаго* воспоминанія о предметѣ, рѣчь о которомъ разъ уже *зашла* и потомъ, черезъ нѣсколько мгновеній, опять *возобновляется*, а другое могло служить *дѣйствительно* лишь, какъ мы раньше сказали, для *синтаксической полноты*«, не нуждаясь въ именительномъ падежѣ и указывая на предметъ какъ на нѣчто, что *само собою* подразумевается, о чемъ *напомянуть* особенно нечего (*онъ*, т. е. лицо, о которомъ зашла рѣчь, *пришелъ*; *и вотъ я сказалъ*, разумѣй *ему*). Если мы славянское *онъ* сопоставляли съ греческимъ $\acute{\omicron} - \acute{\eta} - \tau\acute{\omicron}$ (**), то славянскому *и - ѡ - ѡ* отвѣчало бы греческое $\mu\iota\nu - \nu\iota\nu$. Последнее этимологи прямо признаютъ за редуцированную форму отъ темы *и* (латинское *is*). и принимаютъ его за сокращенное *и - и - и* и *и - и - и*. (***) Но это слово сохранилось только въ вещномъ падежѣ, слѣдовательно, на него нужно смотрѣть больше какъ на *ока-жельность*«, образовавшуюся отъ того, что въ ту роль,

*) Быть можетъ, эта замѣтка вызываетъ недоумѣніе; быть можетъ, читатель понимаетъ $\omicron\acute{\iota} \mu\epsilon\nu \dots \omicron\acute{\iota} \delta\acute{\epsilon}$ въ смыслѣ »различительныхъ« $\omicron\upsilon\tau\omicron\varsigma - \epsilon\chi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ (эти — тѣ). Это недоумѣніе будетъ скоро устранено.

**) Только отчего тогда $\acute{\omicron} - \acute{\eta} - \tau\acute{\omicron}$ не имѣетъ въ нѣкоторыхъ формахъ удареній, разъ оно служитъ вызовомъ *напряженнаго* воспоминанія? И это выяснится скоро.

***) Смори Curtius Grundz. 543. Иначе, впрочемъ, разъясняетъ его Brugmann Grundr. II. 770, хотя и онъ приводитъ его въ этимологическую связь съ латинскимъ *is - ea - id*. Предупреждаемъ читателя, что къ *и* придется еще вернуться.

которую оно исполняло при своей жизни, вмѣшалось другое слово. Этимъ другимъ словомъ въ омировскомъ языкѣ явился синасіологическій сосѣдъ нашего *цѣ - цѣ*, именно само слово *ὁ - ἦ - τὸ*, которое, будучи первоначально этимологически, а слѣдовательно и *синасіологически* ослабленнымъ *οὐτός* (*οὐτός*, какъ сказано, есть *»различительное«* слово, а *ὁ - ἦ - τὸ* — *»безразличное«*), проявило лишь *градицію* этого ослабленія, когда опустилось на степень славянскаго *его - ему - ею*. Однако, у того же Омира, *наряду* съ *ὁ - ἦ - τὸ*, а впослѣдствіи какъ *полный* побѣдитель надъ самимъ *ὁ - ἦ - τὸ* (побѣдить его было легко, такъ какъ сама борьба съ нимъ велась изъ за роли, ему, въ сущности, *чужой* и имъ только *присвоенной*), выступаетъ въ значеніи славянскаго *его - ему - ею* слово *αὐτοῦ - αὐτῶ - αὐτόν*. Оно, какъ ниже окажется, вмѣшалось въ борьбу слова *ὁ - ἦ - τὸ* съ темою *ya* (т. е. съ тѣмъ, отъ чего у насъ осталось *μιν* и *τιν*) *совершенно* со стороны, но — *duobus certantibus tertius gaudet*.

Роль *»безразличнаго«* анафорическаго слова по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, — касалась ли эта *»безразличность«* вызова болѣе *напряженнаго* воспоминанія, или только *»синтаксической полноты.«* — послужила ареною борьбы и для слова *οὐ-οἶ-ε'*, благо слово *ὁ-ἦ-τὸ*, какъ *неударяемое* въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ, мало было способно вызывать это *напряженное* воспоминаніе, и сама тема *ya*, служившая для синтаксической полноты, охотно уступала мѣсто *всякому* слову, заявившему на эту роль притязаніе. Слово *οὐ-οἶ-ε'*, — такъ имѣ представляется дѣло, — имѣло первоначально другое назначеніе. Оно этимологически связано съ латинскимъ *sui - sibi - se* и съ славянскимъ *себя - себя*. Нетрудно понять, что залоговая возвратность, т. е. переходъ дѣйствія туда же, откуда оно вышло, представлялась явленіемъ, стоящимъ въ задачахъ языка *особнякомъ*, и что для этого явленія языкъ считалъ себя обязаннымъ выработать *особыя* слова. Нетрудно понять, что это явленіе и вызванная имъ задача особенно рѣзко давали себя чувствовать по отношенію къ *третьему* грамматическому

лицу. Ибо первое лицо есть всегда *одно* (это — *самъ говорящій*), второе *тоже* одно (это — *собесѣдникъ*), а только третьихъ грамматическихъ лицъ въ самой несложной рѣчи *нѣсколько*. и тутъ то больше всего могла выступить потребность отличить въ языкѣ, что дѣйствіе въ *залоговомъ* отношеніи переходитъ среди всѣхъ внесенныхъ въ рѣчь третьихъ лицъ *именно* на то лицо, о которомъ идетъ рѣчь какъ *производитель* даннаго дѣйствія. Другими словами, «возвратное» мѣстоименіе (считать ли его «анафорическимъ»?) имѣетъ наибольшій *raison d'être* въ *третьемъ* грамматическомъ лицѣ, и если славянскій языкъ его обобщилъ на *всю* грамматическія лица, то другіе языки могли распорядиться по своему. Мы подозреваемъ, что и въ греческомъ языкѣ *οὐ-οἱ-ἐ* было первоначально «возвратнымъ», *) относясь при этомъ только къ третьему грамматическому лицу, и что оно уже *по этому* не имѣло возможности образовать именительный падежъ, такъ какъ переходъ дѣйствія къ *именительному* падежу — *немыслимъ*.

Въ *письменномъ* греческомъ языкѣ мы застаемъ слово *οὐ-οἱ-ἐ* съ самаго начала (у *Омира*) въ борьбѣ за роль «безразличной» анафоры въ области третьяго грамматическаго лица. Она, эта роль, ему *вполнѣ* приличествовала, такъ какъ была лишь расширеніемъ его *собственного* значенія, встрѣчающагося *также* довольно часто у *Омира*: слово, обозначающее первоначально, что *дѣйствіе* оказывается въ *переходѣ* своемъ при томъ же лицѣ, отъ котораго оно вышло какъ отъ своего *производителя*, легко могло выразить, что *рѣчь* остается въ *продолженіи* своемъ при томъ же грамматическомъ лицѣ, которое было и раньше предметомъ *разговора*. Тамъ, гдѣ приходилось вызывать «напряженное» воспоминаніе о третьемъ грамматическомъ лицѣ, или вообще «интонировать» его, тамъ оно употреблялось съ удареніемъ, а гдѣ о третьемъ лицѣ говорилось лишь для

*) Возвратность, въ сущности, не есть *анафоризмъ*, — не есть «примыканіе о предметѣ, съ которымъ мы предварительно познакомились», а потому мы бы *исключили* слово *οὐ-οἱ-ἐ* изъ числа анафорическихъ словъ, по *первоначальному* значенію.

синтаксической полноты. тамъ оно появлялось *энклитически*. Для правильнаго функціонированія въ *первомъ* изъ указанныхъ здѣсь двухъ случаевъ ему недоставало именительнаго падежа, хотя, какъ сказано, въ *множественномъ* числѣ оно его *создало*. — создало *нарочно* для этого случая (я разумѣю форму $\sigma\varphi\epsilon\acute{\iota}\varsigma$). Въ *послѣднемъ* *мировскомъ* языкѣ — въ случаяхъ *энклитиса* возобладало всюду вѣдѣвшееся въ борьбу за роль третьяго грамматическаго лица $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon$ — $\alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}$ — $\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$, а въ случаяхъ *интонаціи* стали входить въ употребленіе болѣе *сложныя*, сравнительно съ $\delta\text{-}\eta\text{-}\tau\acute{o}$, а слѣдовательно и болѣе вѣскія $\omicron\tilde{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ и $\epsilon\tilde{\kappa}\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ съ симасіологическими отгѣнками, которые все еще у насъ не выяснены. Тогда то слово $\omicron\tilde{\upsilon}\text{-}\omicron\tilde{\iota}\text{-}\acute{\epsilon}$ возвратилось къ своей *первоначальной* роли. къ роли *возвратнаго* мѣстоименія *третьяго* грамматическаго лица. Въ этой роли оно, для *усиленія* своего значенія, стало принимать къ себѣ слово $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$, — не то «энклитическое» $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\text{-}\alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}\text{-}\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$, о которомъ была только что рѣчь, а то *первоначальное* $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ ($\xi\eta\mu\omicron\acute{\iota}\ \epsilon\alpha\upsilon\tau\omicron\nu$ = онъ наказываетъ *самого* себя), о которомъ рѣчь впереди. Не незнакома греческому языку — и та *общевозвратная* (относящаяся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ) роль слова $\omicron\tilde{\upsilon}\text{-}\omicron\tilde{\iota}\text{-}\acute{\epsilon}$, которую мы видимъ въ славянскомъ *себя-себѣ*.*)

Нельзя сказать, чтобы всѣми приведенными разсужденіями достаточно былъ выясненъ вопросъ о «богатствѣ»

*) Это общевозвратное значеніе слова $\omicron\tilde{\upsilon}\text{-}\omicron\tilde{\iota}\text{-}\acute{\epsilon}$ развилось, какъ извѣстно, въ Александрійское время, но и въ классической литературѣ оно встрѣчается нерѣдко (списокъ мѣстъ смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 497-7). Что же касается самого Омира, то у него кое гдѣ встрѣчается притяжательное $\acute{\iota}\omicron\varsigma$ въ общевозвратномъ смыслѣ ($\sigma\upsilon\ \delta\acute{\epsilon}\ \varphi\rho\epsilon\beta\acute{\iota}\ \eta\delta\epsilon\nu\ \lambda\alpha\nu\theta\eta\varsigma$ — II. τ 174; $\delta\acute{\omega}\mu\alpha\sigma\iota\ \omicron\acute{\iota}\delta\epsilon\ \alpha\nu\acute{\alpha}\sigma\sigma\omicron\iota\varsigma$ — Od. α 402; $\delta\tau\prime\ \epsilon\pi\iota\mu\eta\sigma\alpha\acute{\iota}\mu\epsilon\theta\alpha\ \sigma\epsilon\acute{\iota}\omicron\ \omicron\acute{\iota}\sigma\iota\nu\ \epsilon\nu\acute{\iota}\ \mu\upsilon\gamma\acute{\alpha}\rho\omicron\iota\sigma\iota$ — Od. δ 192. $\omicron\tilde{\upsilon}\tau\omicron\iota\ \epsilon\gamma\omega\upsilon\epsilon\ \eta\varsigma\ \gamma\alpha\acute{\iota}\eta\varsigma\ \delta\upsilon\tau\alpha\mu\alpha\iota\ \gamma\lambda\upsilon\kappa\epsilon\rho\acute{\alpha}\tau\epsilon\rho\omicron\nu\ \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\ \acute{\iota}\delta\omicron\upsilon\theta\alpha\iota$ — Od. ι 28). Само личное « $\omicron\tilde{\upsilon}\text{-}\omicron\tilde{\iota}\text{-}\acute{\epsilon}$ » употреблено у Омира въ *общевозвратномъ* смыслѣ только разъ, а именно II. κ 398: $\varphi\acute{\upsilon}\xi\iota\nu\ \beta\omicron\upsilon\lambda\epsilon\upsilon\omicron\iota\tau\epsilon\ \mu\epsilon\tau\acute{\alpha}\ \beta\acute{\rho}\iota\beta\iota\nu$. Аристархъ не принимаетъ этого стиха и этимъ даетъ знать, что онъ вообще не признаетъ за темою *πσα* общевозвратности въ *омирскомъ* языкѣ. Мы также думаемъ, что *общевозвратность* темы *πσα* слѣдуетъ считать за *послѣдній* фазисъ симасіологическаго развитія этой темы, а не за *первоначальный*, какъ то приходится иногда слышать особенно о *славянскомъ* «себя-себѣ». Если Аристархъ, не признающій стиха II. κ 398, въ то

и разнообразіи анафорическихъ словъ», перечисленныхъ на стр. 420-1. Мы предупреждали читателя, что постараемся его выяснить лишь настолько, насколько это *возможно* пока-мѣсть. Въ дальнѣйшемъ придется его еще касаться, а теперь перейдемъ къ анафорѣ *отдаленныхъ, не* находящихся на виду говорящаго и слушателя, предметовъ.

Вопервыхъ, *отдаленнымъ* предметомъ можетъ быть *только* третье грамматическое лицо (нельзя же представить отдаленными отъ собесѣдниковъ самихъ *собесѣдниковъ*). Во-вторыхъ, это можетъ быть *именно* только «предметъ», а не *признакъ*; нельзя же говорить о какомъ то отдаленномъ *признакѣ* (можно говорить о признакѣ *отдаленнаго предмета*, но не объ *отдаленномъ признакѣ**). В-третьихъ, на отдаленный предметъ нельзя *указать* (δείξει): къ нему примѣнимы *только* анафорическія, а не диктическія слова. Что же это за анафорическія слова и какова ихъ симасіологія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ — общезвѣстенъ. Только ради *систематичности* мы приводимъ его въ видѣ нѣсколькихъ *правиль*.

1. Если мы *впервые* заговорили объ отдаленномъ предметѣ, — отдаленномъ ли по мѣсту, или по времени, — то анафорическое слово при немъ**) мыслимо *только* въ смыслѣ приглашенія нашего слушателя порыться въ своихъ соб-

---

же время мпрится съ общезвратностью *притяжательнаго* (Od. δ 192 онъ, повидному, считаетъ неподлиннымъ только лишь потому, что при ἐπιμηθεῖα, т. е. при множественномъ числѣ самихъ *владѣльцевъ τῶν μετάρων*, онъ ожидаетъ не οἶβιν, а σφέτεροι βιν), то вопросъ еще, *есть ли* это общезвратность? Какъ наше слово *свой*, даже если бы мы его не чувствовали общезвратнымъ, легко переходитъ въ значеніе *собственный*, — значеніе, гдѣ о какомъ бы то ни было лицѣ и *помимо* нѣтъ, такъ и греческое ἴδιος — σφέτερος могло перейти въ значеніе ἴδιος помимо *всякой* общезвратности.

*) По этому *признаковымъ* анафорическія слова не измѣняютъ того положенія, которое мы имъ опредѣляли на стр. 418.

**) Мы говоримъ «при немъ». Слѣдовало сказать «при его *названіи*»; ибо и къ *анафорическимъ* формальнымъ существительнымъ присоединяются (по понятной читателю причинѣ это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ при *диктическихъ*) сами *названія* предметовъ (сравни стр. 416). Что эти «названія» предметовъ, т. е. эти *материальныя* существительныя, находятся въ «*логическомъ равенствѣ*» съ *формальными* существительными (въ такомъ же логическомъ равенствѣ, на какое мы указывали въ οὗτος οὗ на стр. 420), — само собою разумѣется.

ственныя познаніяхъ объ этомъ предметѣ и черезъ то и съ своей стороны посодѣйствовать пониманію нашей мысли, дополняя сказанное нами о предметѣ своимъ знаніемъ его. Анафорически употребляется здѣсь то же слово, которое въ *диктическомъ* значеніи относилось къ *постороннимъ* для собесѣдниковъ и принадлежащимъ *третьему* грамматическому лицу предметамъ. Это — слово *ἐκεῖνος* (*ἐκεῖνος ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος** = та, отдаленная отъ насъ и известная тебѣ, слушатель, — быть можетъ даже «знаменитая», — Пелопоннесская война).

2. Если мы *сами* говорили о предметѣ раньше, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, *возвращаемся* къ нему, то черезъ *ἐκεῖνος* можемъ приглашать слушателя вспомнить не только то, что онъ *самъ* знаетъ о данномъ предметѣ, но наряду съ этимъ, а можетъ быть *исключительно* — то, что мы сами ему о немъ *сообщили*.

3. Быть можетъ, мы заговорили о предметѣ *только что*, и тогда обращаемъ вниманіе слушателя на это сказанное черезъ *οὗτος* (описавъ сраженіе, или вообще *познакомивъ* такъ или иначе съ сраженіемъ, авторъ часто потомъ продолжаетъ: *αὐτὶ, οὗν ἡ μάχη* = и вотъ это, только что описанное сраженіе). Впрочемъ, и въ *этихъ* случаяхъ у говорящаго можетъ возникнуть желаніе подчеркнуть *именно* отдаленность предмета (отдаленность или по мѣсту, или по времени, а то даже *по отсутствію интереса* къ предмету), и тогда вмѣсто *οὗτος* снова появляется *ἐκεῖνος* (*καὶ ἐκεῖνῃ τῇ νύκτι πάσαν ἔφευγον* = и ту злополучную, только что описанную ночь всю провели въ бѣгствѣ). Обыкновенно, однако, какъ уже раньше на то указано по отношенію къ *присутствующимъ* предметамъ третьяго грамматическаго лица (стр. 421), слова *οὗτος* и *ἐκεῖνος* употребляются и здѣсь съ «*различительнымъ*» значеніемъ. Они встрѣчаются, когда приходится анафорировать два предмета *сразу*, причемъ вообще «*οὗτος*» употребляется о болѣе *близкомъ* —, а *ἐκεῖνος* — о болѣе *отдаленномъ* предметѣ, въ какомъ

*) Почему здѣсь рядомъ съ *ἐκεῖνος* еще и *ὁ*, — выяснится ниже.

бы смыслѣ ни приходилось толковать эту »близость« и »отдаленность«, — по мѣсту ли, или по времени, или даже по *интересу*, а то и просто по самой *ссылкѣ*. Въ послѣднемъ случаѣ *ἐκεῖνος* анафорически указываетъ предметъ, приведенный *подальше* отъ мѣста ссылки, а *οὗτος* — тотъ, который *поближе* къ этому мѣсту (сравни русское: »встрѣтишь друзей и недруговъ: *ты* поддержишь тебя, а *эти* постараются сбить тебя съ толку«; что при такой *близости* анафорически указываемыхъ предметовъ сами анафорическія слова не нуждаются въ присоединеніи къ нимъ *названій* этихъ предметовъ, — само собою разумѣется).*)

Анафорировать можно только что упомянутый предметъ и черезъ *ὁ*. Слово *ὁ*, конечно, не можетъ принять на себя того *»различительнаго«* характера, который съ удобствомъ влагается въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, и могло встрѣчаться только тамъ, гдѣ приходилось анафорировать *одинъ* предметъ, а не два сразу.**) Оно, такъ сказать, могло *замѣнять* собою слово *οὗτος* въ томъ его значеніи, въ какомъ мы о немъ упоминали въ *началѣ* предыдущаго третьяго пункта. Такъ оно употреблялось у *Омира*. Но впоследствии въ качествѣ замѣны слова *οὗτος* оно встрѣчается все рѣже. Одинъ изъ случаевъ *такого* его употребленія представляетъ собою *οἱ μὲν . . . οἱ δέ*. Было бы ошибочно утверждать, что въ данномъ оборотѣ слово *ὁ* принимаетъ на себя *»различительное«* значеніе. Если тутъ *можно* толковать о *»различительности*, то она выражена въ самихъ *μὲν* и *δέ*. Въ самомъ дѣлѣ, *οἱ μὲν . . . οἱ δέ* ведетъ къ переводу *»вышеприведенные предметы съ одной стороны . . . вышеприведенные предметы съ другой стороны«*. Что значитъ здѣсь *»съ одной и съ другой стороны«*? Это значитъ, что *»вышеприведенные предметы«* или, точнѣе, вышеприведенная *группа* предметовъ — дѣлится на двѣ *половины* (такъ и *встрѣчается* *»οἱ μὲν . . . οἱ δέ«*: много у него недруговъ; одни преслѣдуютъ его а другіе...).

*) Всѣмъ этимъ мы и отвѣчаемъ на вопросъ, возбужденный по поводу словъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος* на стр. 421.

**) Конечно, за слово *ὁ-ή-τό* опять таки цѣпляются здѣсь всѣ тѣ формальныя имена, о которыхъ мы говорили на стр. 422-3.

Кромѣ того, конечно, »съ одной стороны« и »съ другой стороны«, выраженное въ *μέν* и *δέ*, сводится къ замѣтѣ оборотомъ *οἱ μὲν . . . οἱ δὲ* »различительныхъ« *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, но это лишь до *нѣкоторой* степени и въ *извѣстномъ* смыслѣ. Ибо какой изъ »вышеприведенныхъ« предметовъ анафорируется въ этихъ случаяхъ, выраженіемъ *οἱ μὲν*, и какой — выраженіемъ *οἱ δέ*, это не дано такъ ясно въ самихъ выраженіяхъ, какъ это было дано въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, а должно быть усматриваемо изъ *общаго* контекста.*)

Слово *ἀναφορά* — очень выразительный терминъ, но ему слѣдовало противопоставить *ἐπιφοράν*. Съ такимъ же правомъ, съ какими наши формальныя имена указываютъ на »вышесказанное« или вообще на »раньше узнанное«, они могутъ указывать и на »нижеслѣдующее«. Правда, это »нижеслѣдующее« должно слѣдовать *непосредственно* послѣ произнесенія самого формальнаго слова, и, такимъ образомъ, *ἐπιφορά* можетъ составить pendant лишь той анафорѣ, въ которой мы имѣемъ дѣло съ »только что упомянутымъ«, и притомъ *безъ* »различительнаго« характера, такъ какъ *предупреждать* формальнымъ именемъ мы можемъ только объ *одномъ* »нижеслѣдующемъ«, а не *двухъ* сразу. Эпифорически употребляется *только* — по отношенію къ »предметамъ« *ὁ δὲ—ἢ δὲ—τό δὲ*, а по отношенію къ »признакамъ« — *τοιοῦς δὲ—τηλικῶς δὲ—τοσοῦς δὲ**), что вполне понятно, такъ какъ то, о чемъ говорящій желаетъ *предупредить* слушателя формальнымъ словомъ, онъ самъ, какъ бы, пред-

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 422. въ подстрочномъ примѣчаніи. Когда мы читаемъ у Ксенофонта (Сугор. VIII. 4. 14.): *χαλεπότερόν ἐστιν εὐρεῖν ἄνδρα τ' ἀγαθὰ καλῶς φέροντα ἢ τὰ κακά: τὰ μὲν γὰρ ἔβριον τοῖς πολλοῖς, τὰ δὲ σωφροσύνην τοῖς πάντι ἐμποιοῖ*, то здѣсь сказано *только*: вышеприведенное *съ одной стороны* есть источникъ преступности для большинства, вышеприведенное *съ другой стороны* есть источникъ воздержанія отъ преступленій для всѣхъ; къ чему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отнести »вышеприведенное«, — это можно усмотрѣть лишь изъ *контекста*.

*) Слова *ὁ δὲ—τοιοῦς δὲ—τηλικῶς δὲ—τοσοῦς δὲ* не употребляются никогда *анафорически*. Этому утверженію, какъ будто, противорѣчатъ нѣкоторыя мѣста особенно часто приходится ихъ встрѣчать у Иродота, — гдѣ *ὁ δὲ* и пр. относятся къ »вышесказанному«. Что это противорѣчіе — *только* кажущееся,

видить собственными глазами, считаетъ это, пока оно не сообщено слушателю, своею *собственностью*, а потому и можетъ употребить диктическое слово *перваго лица* (сравни выше стр. 416-7). Иногда, положимъ, говорятъ такъ: *τοῦτο γε δὴ μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο, ἢ τοῦ ἡγεμόνος κάκωσις καὶ ἀμέλεια* (Хен. Анаб. IV. 6. 3). Не противорѣчитъ духу греческаго языка и такая фраза: *ἀλγεινότατον θάνατον θανεῖν πρόθυμός εἰμι ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ ἢ με ἐλευθερώσει τοῦτου τοῦ καχοῦ*. Это не значить, что *οὗτος* или *ἐκεῖνος* употребляются *эпифорически*. Оба слова въ *данныхъ* примѣрахъ относятся къ синтаксически *зависимымъ* выраженіямъ. Во *второмъ* примѣрѣ мы имѣемъ дѣло даже не съ эпифорою, и не съ анафорою, а просто съ *соотносительностью*, о которой рѣчь впереди, а въ *первомъ* сама синтаксическая *зависимость* представляетъ собою нѣчто, что допускаетъ и *другую* разстановку, и тогда слово *τοῦτο* (въ другихъ случаяхъ можетъ появиться и *ἐκεῖνο* и *τοιοῦτο* и пр.) окажется и *внѣшне* анафорическимъ, какъ имъ было *внутренне* при *данной* разстановкѣ (какъ извѣстно, грекъ даже *предпочитаетъ* въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, разставлять слова такъ: *ἢ τοῦ ἡγεμόνος κάκωσις καὶ ἀμέλεια, τοῦτο μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο*).

Самымъ *краткимъ* анафорическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эпифорическимъ формальнымъ именемъ оказывается слово *ὁ-ἡ-τό*. Хотя настоящая статья находится въ связи съ замѣткою объ анафорическомъ *ὁ-ἡ-τό*, помѣщенной на стр. 428, но тамъ мы имѣли въ виду, какъ читатель могъ догадаться, *самостоятельное* *ὁ*, не въ соединеніи съ *материальнымъ* именемъ, — то же *ὁ*, о которомъ мы упоминали на стр. 421. Въ настоящей же статьѣ мы намѣрены разоб-
брать то *ὁ*, которое соединяется съ *материальнымъ* име-

доказать нетрудно. Мы думаемъ, что въ *данномъ* случаѣ *ὁ δὲ* и пр. является чисто диктическимъ. Когда говорятъ по русски *онъ мнѣ сказалъ, что онъ способенъ къ этому дѣлу, а вѣдь сказать такую вещь, согласиться, значить недоверять себѣ*, то, произнося слово *этакую*, совсѣмъ даже не *думая*, о томъ, что о предметѣ *«только что упомянуто»*, а просто *предводитъ* его такъ сказать (*также* — своего рода метафора!), предъ глаза слушателя.

немъ и даже, какъ окажется, съ другими словами, и которое обыкновенно называютъ »членомъ«. Какъ извѣстно, оно доходить до симасіологическихъ тонкостей, съ которыми чрезвычайно трудно справиться. Еще въ 1877 г., въ моихъ »Исслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія«, я задался вопросомъ о значеніи этого слова и до сихъ поръ не нашелъ въ самой *фактической* сторонѣ языка ничего, что противорѣчило бы теоріи, изложенной въ упомянутомъ сочиненіи. Позволяю себѣ вкратцѣ *повторить* эту теорію, дополнивъ ее тѣмъ, что для нея вытекаетъ изъ *всей* системы симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ.

Принимая слово $\delta - \eta - \tau\acute{o}$ за формальное *существительное* (какимъ было и $\acute{o}\delta\epsilon - \acute{o}\dot{\iota}\tau\omicron\varsigma - \acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma$), а не за формальное *признаковое* имя, я различаю *шесть* отгѣнковъ въ его значеніи. По этимъ отгѣнкамъ я его называю: 1. δ историческаго намека; 2. δ анафорическое въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова; 3. δ контекстивное; 4. δ раздѣлительное; 5. δ синтаксическаго подлежащаго; 6. δ эпифорическое или грамматическое. Разъяснимъ эти термины.

1. δ историческаго намека отличается, конечно, прежде всего *краткостью* отъ того $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma$, которое мы на стр. 427. толковали въ смыслѣ »тотъ, отдаленный отъ насъ и извѣстный тебѣ, слушатель, предметъ«. По своей краткости оно не можетъ чувствоваться настолько выразительнымъ, какъ само $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma$, а потому при желаніи *подчеркнуть* извѣстность и *отдаленность* оно *замѣняется* *) словомъ $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma$. Когда мы излагаемъ что — нибудь нашему

*) Мы говоримъ »замѣняется«. Это значить, что если появляется $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma$, то нѣтъ мѣста слову δ , и наоборотъ. Такъ было дѣйствительно *въ старину*. Впоследствии, однако, языкъ сдѣлалъ для себя обязательнымъ — не только $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma$, но и $\acute{o}\dot{\iota}\tau\omicron\varsigma$ и $\acute{o}\delta\epsilon$ какъ въ ихъ анафорическомъ (respective эпифорическомъ), такъ и диктическомъ и *всякомъ* вообще значеніи *усиливать* словомъ δ . Мы въ этомъ видимъ явленіе, аналогичное русскому *этомъ-то*. Положимъ, грекъ привыкъ прибѣгать къ такому усиленію *только* передъ *матеріальными* существительными ($\acute{\epsilon}\chi\epsilon\dot{\iota}\nu\omicron\varsigma \delta \acute{\rho}\acute{o}\lambda\omicron\mu\omicron\varsigma$), а не при *самостоятельномъ* употребленіи формальныхъ существительныхъ, т. е. не въ тѣхъ случаяхъ, когда *формальное* существительное *обходится*, при обозначеніи предмета, безъ *напоминанія* само о предметѣ (сравни выше стр. 416 и 426, подстрочныя примѣчанія) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный подстрочнымъ же примѣчаніемъ на стр. 427.

собесѣднику, то въ нашей рѣчи постоянно чередуются *намеки*, въ которыхъ мы рассчитываемъ и опираемся на *собственные* познанія собесѣдника, съ *непосредственными* изложеніемъ, въ которомъ мы сообщаемъ *отъ себя* имѣющее быть для собесѣдника *новостью*. Намекомъ можетъ являться *одинъ* какой нибудь «историческій терминъ» (*ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος***), или цѣлая сложная рѣчь. Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ мы слышимъ, напримѣръ, такую рѣчь: »Когда *это* ввалились французскія *то* полчища въ Москву *то*, въ двѣнадцатомъ *то* году, тогда...«, а теперь говорящій начинаетъ излагать нѣчто *отъ себя*. Въ приведенномъ »сложномъ« историческомъ намека слово *это* принадлежитъ, какъ бы, къ *цѣлой мысли*, а затѣмъ авторъ рѣчи употребляетъ при отдѣльныхъ именахъ слово »то« совершенно *произвольно*, прибавляя его къ *какому угодно* имени (даже иногда къ *глаголу*!) и уснащая имъ весь историческій намекъ до стилистической тяжеловатости. Греческій языкъ не прибѣгаетъ въ сложныхъ историческихъ намекахъ къ такому средству какъ русское *общее* »это« (когда *это* ввалились), но затѣмъ онъ свое *ὁ - ἡ - τὸ* ставитъ совершенно такъ же, какъ русскій свое *то* (только къ *глаголу* онъ его не прибавляетъ, такъ какъ *его ὁ - ἡ - τὸ* слишкомъ еще чувствуется »именемъ«, *склоняющимся* и имѣющимъ *родовыя* окончанія). Сравни Thus. 1. 9.: *Ἀγαμέμνων τέ μοι δοχεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων* (= Агамемнонь дѣйствовалъ какъ возвышающійся надъ остальными своимъ *моуществомъ*, своимъ *вліяніемъ*; это Фукидидъ объявляетъ *отъ себя*) *καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδάρεω ὄρχοις κατείλημμένους τοὺς Ἑλένης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον ἀγεῖραι* (= а не потому онъ осуществилъ извѣстный тебѣ,

**) Принимая *ὁ* за формальное *существительное*, мы видимъ въ *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* логическое равенство. '*Ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* значить: извѣстный тебѣ *предметъ*, Пелопоннискская война. Да не подумаетъ читатель, что здѣсь слово *ὁ* - *эпифорическое*. Если бы *ὁ* было *эпифорическимъ*, то выраженіе *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* должно бы обозначать: *вотъ* какой предметъ, Пелопоннискская война. Но въ данномъ примѣрѣ слово *ὁ* поставлено не какъ *предупреждающее* о томъ, что послѣдуетъ, а какъ *предполагающее* извѣстнымъ то, что послѣдуетъ.

читатель, похоть, что, какъ ты знаешь и какъ тебя учили. повель какихъ то жениховъ Елены, связанныхъ какими то клятвами Тиндара; это — историческій намекъ.) Что слово $\acute{o}$ - η - $\tau\acute{o}$ можетъ употребляться здѣсь и при *собственныхъ* именахъ (особенной нужды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ собственное имя *само* достаточно «припоминаеть» предметъ). — это доказываютъ примѣры, какъ $\tau\eta\varsigma$ Ἰδης τοῦ ὄρους (Thuc. 8. 108.) и др.

Разставаясь съ $\acute{o}$ историческаго намёка, мы не можемъ не сдѣлать одного весьма важнаго указанія, которое, впрочемъ, касается всего $\acute{o}$ вообще, а не одного его *настоящаго* отгѣнка. Въ выраженіи $\acute{o}$ $\text{Πελοποννησιακὸς πόλεμος}$ слово Πελοποννησιακὸς есть *признаковое* и относится къ слову πόλεμος какъ его «логическое опредѣленіе» (сравни стр. 190). Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ логическаго равенства, съ которымъ, какъ то выяснено въ непосредственно предшествующей подстрочной замѣткѣ, мы здѣсь имѣемъ дѣло (*другая* его сторона представлена самимъ $\acute{o}$), состоитъ изъ понятія съ болѣе широкимъ логическимъ объемомъ (πόλεμος) и изъ слова *суживающаго* этотъ логическій объемъ. Другими словами, *материальныхъ* именъ, которыми здѣсь обозначенъ предметъ, два, а не одно. На вопросъ, къ которому изъ нихъ *собственно* «относится» *) $\acute{o}$, къ слову ли πόλεμος , или къ слову Πελοποννησιακὸς , мы должны отвѣтить, что къ слову Πελοποννησιακὸς ; ибо оно, какъ суживающее логическій объемъ слова « πόλεμος ,» *главнымъ* образомъ опредѣляетъ предметъ. Соответственно этому опредѣляется и постановка слова $\acute{o}$. Говорятъ; « $\acute{o}$ $\text{Πελοποννησιακὸς πόλεμος}$ » (= *известная* тебѣ, *Пелопоннсская* война, **) « $\acute{o}$ πόλεμος $\acute{o}$ $\text{Πελο-$

*) Т. е. какъ это «относится»? — что значить «относится»? — Это значить, что съ однимъ изъ этихъ словъ само $\acute{o}$ должно вступить въ отношеніе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго.

**) Въ этомъ переводѣ даннаго примѣра мы уже не считаемся съ логическимъ равенствомъ, заключающимся въ немъ, какъ не считались съ нимъ и въ постановкѣ *вопроса*, вызващаго этотъ переводъ (мы спрашивали о томъ: къ какому слову *относится* слово $\acute{o}$, а не о томъ, къ чему слово $\acute{o}$ *составляетъ* одну *сторону* логическаго уравненія). Если бы мы *считались* съ логи-

πονησιαχός (= известная тебѣ война, известная Пелопоннесская*) и πόλεμος ὁ Πελοποννησιαχός (= война, а именно известная тебѣ Пелопоннесская). Совершенно иначе мы относимся къ примѣру οἱ Ἑλένης μνηστῆρες. *И здѣсь говорятъ о родовомъ падежѣ Ἑλένης какъ о «логическомъ опредѣленіи.» Уже по объясненіямъ на стр. 384 читатель можетъ догадаться, что мы толкованіе о «логическомъ опредѣленіи» въ данномъ примѣрѣ постараемся устранимъ. Слово Ἑλένης не есть *признаковое* слово, а потому усматриваніе въ немъ «логическаго опредѣленія» неумѣстно. Οἱ Ἑλένης μνηστῆρες значить: *Извѣстные тебѣ, собесѣдникъ, люди, имѣющіе отношеніе къ Еленѣ (= οἱ Ἑλένης; въ другихъ случаяхъ могло бы дальнѣйшаго матеріальнаго существительнаго и не быть), а именно женихи (подразумѣвай ея).***)

2. Анафорическое ὁ въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Подъ нимъ мы разумѣемъ то ὁ, которое заставляетъ слушателя вспомнить о предметѣ, что говорилось о немъ

чeskимъ равенствомъ, то должны бы переводить, какъ переводили раньше: извѣстный тебѣ, собесѣдникъ, предметъ мужскаго рода (ὁ), то есть, Πελοποννησιαχός πόλεμος. Мы имѣемъ основаніе думать, что съ логическимъ равенствомъ въ концѣ концовъ не считались сами греки; она въ данномъ и ему подобныхъ выраженіяхъ понемногу привыкли усматривать въ словѣ ὁ интернальную часть выраженія, какъ чего то компактно слитаю, и не только не разображивали въ немъ двухъ половинъ, какъ того требовало «логическое равенство,» но вообще чувствовали все выраженіе въ слѣдующей синтетической (сравни стр. 327-8) зависимости: известная тебѣ, собесѣдникъ (Пелопоннесская война). Въ частности, т. е. касательно самого слова ὁ, мы хотимъ всѣмъ настоящимъ разсужденіемъ указать на то, что греки понемногу привыкли усматривать въ словѣ ὁ *признаковое* слово (= извѣстный тебѣ, собесѣдникъ, такой то предметъ, обозначенный матеріальнымъ существительнымъ), чѣмъ, конечно, первоначально слово ὁ не было.

*) Здѣсь, повидимому, греки не терли сознанія о двухъ половинкахъ выраженія. Конечно, и тутъ не чувствовалось само ὁ какъ одна изъ этихъ половинокъ (ибо тогда вышло бы ихъ въ настоящемъ выраженіи чѣмъ четыре). Разбивая данное выраженіе на двѣ половинны, мы ставимъ въ одну ὁ πόλεμος, а въ другую, въ смыслѣ appositionis, ὁ Πελοποννησιαχός.

**) Въ концѣ концовъ, конечно, можно было опять таки привыкнуть чувствовать Ἑλένης въ «смыслѣ» признаковаго слова (οἱ Ἑλένης μνηστῆρες = Елены женихи) и смотрѣть на все выраженіе «οἱ Ἑλένης μνηστῆρες» такъ, какъ привыкли смотрѣть, по вопросу о синтетической зависимости (сравни пред. отдѣленіе подстрочное примѣчаніе), на выраженіе ὁ Πελοποννησιαχός πόλεμος.

выше. И оно могло быть замѣнено болѣе широкими анафорическими словами $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\iota\upsilon\omicron\varsigma$), само присоединяясь къ нимъ, — по крайней мѣрѣ въ болѣе позднемъ, сравнительно, языкѣ, — какъ ихъ усиленіе. Оно употребляется то самостоятельно (сравни, напр., выраженіе $\pi\rho\delta\ \tau\omicron\upsilon$ = передъ тѣмъ, т. е. передъ вышесказаннымъ; ** сюда же относится и разъясненное на стр. 428–9 $\omicron\iota\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \dots\ \omicron\iota\ \delta\acute{\epsilon}$), то въ соединеніи съ матеріальнымъ именемъ *существительнымъ* ($\tau\acute{\alpha}\ \pi\alpha\iota\delta\iota\alpha$ *** = вышеупомянутыя дѣти: при *собственно* имени его опять таки употреблять не нужно), а то и передъ матеріальнымъ *признаковымъ* именемъ ($\omicron\iota\ \acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ = вышесказанные люди, т. е. отступившіе).

Приведенное $\omicron\iota\ \acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ представляет собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ (они могутъ встрѣтиться и въ другихъ симасіологическихъ отбѣнкахъ слова δ), о которыхъ говорятъ, что въ нихъ черезъ прибавленіе слова δ признаковое имя превращается въ существительное. Разсуждающіе такъ представляютъ себѣ, что само δ принимает на себя всю substantiv'ную функцію и *вполнѣ* освобождаетъ отъ нея присоединяющееся къ нему признаковое слово. Мы съ этимъ несогласны.†) По первоначальному смыслу конструкторіи, $\omicron\iota$ представляет одну сторону логическаго уравненія, а $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ — другую (мы же переводили: вышеупомянутые люди, т. е. отступившіе), и каждое изъ нихъ, *отдѣльно* взятое, должно исполнять *самостоятельно* роль *существительнаго*. Отъ этой роли слову $\acute{\alpha}\nu\alpha\chi\omega\rho\acute{\eta}$ —

*) Положимъ, слова $\delta\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\kappa\epsilon\iota\upsilon\omicron\varsigma$ составляютъ здѣсь нѣкоторый *минусъ* въ сравненіи съ короткимъ δ , такъ какъ отбѣнокъ *близости* и *отдаленности*, въ какомъ бы мы смыслѣ ни *толковали* эту близость и отдаленность (сравни стр. 428), простое δ обозначить не можетъ.

**) Въ прибавленіи *матеріальнаго* существительнаго, какъ *вспомогательнаго* средства для обозначенія предмета, слово δ здѣсь особенно не нуждается, такъ какъ о *самомъ* предметѣ говорилось *только что*.

***) И здѣсь нужно предположить *постепенный* переходъ отъ логическаго равенства (= вышеприведенные предметы средняго рода, именно дѣти) къ пониманію выраженія $\tau\acute{\alpha}\ \pi\alpha\iota\delta\iota\alpha$ въ смыслѣ компактно слитаго оборота, въ которомъ $\tau\acute{\alpha}$ чувствуется *приглаженнымъ* словомъ.

†) Вообще, о способности слова δ «превращать» признаковыя имена въ существительныя можно разсуждать, по нашему мнѣнію, лишь въ *шестомъ* его симасіологическомъ отбѣнкѣ, о которомъ рѣчь впереди.

σαντες отказываться *не приходится*: на стр. 194–5 мы выяснили, что *вообще* признаковому имени *легко* перейти въ роль существительнаго.

Не ошибаемся ли мы, и не слѣдуетъ ли въ οἱ ἀναχωρήσαντες усматривать первоначально не логическое равенство, а отношеніе слова οἱ, какъ психо-логическаго подлежащаго, къ ἀναχωρήσαντες, какъ психо-логическому сказуемому? Не злоупотребляли ли мы *вообще* логическимъ равенствомъ въ объясненіи конструкцій съ ὁ? Если бы ἀναχωρήσαντες было *сказуемымъ* по отношенію къ слову οἱ, то тогда бы все οἱ ἀναχωρήσαντες обозначало: вышеприведенные люди; они *отступили* (= они — *отступившіе*). »Слитое затѣмъ въ одно *компактное* цѣлое«, оно *дѣйствительно* могло бы производить такое впечатлѣніе, что ὁ *превращаетъ* признаковое имя (т. е. сказуемое, *выраженное* признаковымъ именемъ) въ существительное, такъ какъ это *«компактное* цѣлое« вышло бы изъ фразы: τῷ, что *отступили*. Но едва ли это все такъ. Если бы это было такъ, т. е. если бы *ἀναχωρήσαντες* было *сказуемымъ* къ слову *οἱ*«, то тогда въ *«вышесказанномъ»*, на которое все *οἱ ἀναχωρήσαντες* служить намекомъ, не могло бы быть рѣчи объ отступленіи какъ чертѣ, черезъ которую собесѣдникъ *знакомился* съ предметомъ. А между тѣмъ вся сущность выраженія οἱ ἀναχωρήσαντες, какъ *намекъ* на *«вышесказанное»*, въ томъ и заключается, что слушатель черезъ *ἀναχωρεῖν* *знакомился* съ предметомъ. Разъ это такъ, то въ самомъ *намекѣ* слово ἀναχωρήσαντες, можетъ быть только *поименованіемъ* предмета (стало быть, — *существительнымъ*), а не *сказуемымъ* предмета (стало быть, — *не признаковымъ* словомъ).

3. Контекстивное ὁ. Если авторъ рѣчи заговорилъ о какомъ нибудь предметѣ (напр. корабль), или о какой нибудь картинѣ (напр. кражѣ), то *необходимыя части* этого предмета (мачта, паруса и пр.) и *необходимыя элементы* этой картины (воръ, краденныя вещи и т. д.) сразу рисуются въ нашемъ представленіи, хотя бы говорящій и *не упоминалъ* о нихъ особыми словами, а потому тамъ, гдѣ дѣло наконецъ

δοξοῦσθαι до упоминанія о нихъ, онъ можетъ говорить о нихъ, какъ о *находящихся* въ представленіи слушателя, не *внося* въ него —, а изъ него ихъ *вызывая* и, такъ сказать, *ссылаясь* на нихъ, какъ на «вышеупомянутые».*) Такъ и въ случаяхъ, гдѣ что нибудь представляется «самоподразумѣвающимся» *продолженіемъ* начатаго, языкъ прибѣгаетъ къ контекстивному *ὁ*. Послѣ *πρῶτον μὲν* (= сперва; конечно, *сперва* есть «нарѣчіе»; но мы скоро докажемъ, что «нарѣчія» суть собственно имена существительныя), слѣдуетъ *τὸ δὲ δεύτερον* (= а тамъ, дальше).

4. Раздѣлительное *ὁ*. Заговоривъ или *собираясь* говорить о какой нибудь *группѣ* предметовъ, авторъ рѣчи можетъ опереться на *врожденное* какъ ему, такъ и его слушателю стремленіе различать, сопоставлять, дѣлить, классифицировать и можетъ *вызывать* въ слушатель это *идущее* ему на встрѣчу стремленіе, указывая на *часть* группы «раздѣлительнымъ» *ὁ*. Когда говорятъ *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*, то этимъ хотятъ сказать: ты знаешь, какъ обыкновенно различаютъ родителей; такъ вотъ, изъ нихъ хорошіе *то*** (подразумѣвай *γονεῖς*) поступаютъ такъ то. Если гдѣ, то именно *здесь*, при «раздѣлительномъ» *ὁ*, умѣстно соединять съ существительнымъ *признаковое* имя въ качествѣ «логическаго опредѣленія»***). При этомъ, можно сказать, само *ὁ* *помогаетъ* ему исполнять его роль, такъ какъ «логическое опредѣленіе» *дѣлитъ* логическій объемъ предмета, а *ὁ* *вызываетъ* на это дѣленіе †). Нечего особенно рас-

*) Чтобы я *здесь* слово *ὁ* было «замѣняемо» словами *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, на это мы не имѣемъ примѣра подъ рукою; *принципиально* этого отвергать нельзя.

**) Надобно замѣтить, что русское «то» сопровождается греческое *ὁ* во *всѣхъ* его синтаксическихъ отгнѣнкахъ, за исключеніемъ *последняго* т. е. *шестого*.

***) Сравни стр. 192.

†) Это — не то, что было въ *ὁ Πυλοποννησιακὸς πόλεμος* на стр. 433-4., или что могло бы быть въ другихъ синтаксическихъ отгнѣнкахъ слова *ὁ*, если бы туда попало «логическое опредѣленіе». Въ *ὁ Πυλοποννησιακὸς πόλεμος* на стр. 433-4, слово *ὁ*, хотя и «относимость» къ «логическому опредѣленію», по ея *непосредственной* роли представляла собою *нѣчто совершенно* другое, чѣмъ какую бы то ни было *помощь* логическому опредѣленію исполнять его роль. Разумѣется, когда признаковое слово *не*

пространяться о томъ, что напр. *οἱ ἐπιστήμονες*, или то же *οἱ ἀγαθοί*, когда къ нему *не* приставлено существительное, или когда къ нему *не* приставленъ родовой падежъ (какъ было выше *τῶν γονέων*), изъ котораго можно бы *подразумѣвать* существительное къ нему, не даетъ опять таки ни *малѣйшаго* повода видѣть въ *ὁ* нѣчто, »превращающее«¹ признаковое *ἐπιστήμονες* или *ἀγαθοί* въ *существительное*; *οἱ ἐπιστήμονες* или *οἱ ἀγαθοί*, если въ немъ *οἱ* — »раздѣлительное«, значить: бери *часть* предметовъ *мужескаго* рода (= людей); бери *знающихъ* — *хорошихъ*. Другими словами, — по *первоначальной* конструкціи (мы *опять* имѣемъ здѣсь дѣло съ логическимъ равенствомъ), слова *ἐπιστήμονες* и *ἀγαθοί* исполняютъ роль существительныхъ просто по *склонности* признаковыхъ исполнять эту роль.

5. *Ὁ* синтаксическаго подлежащаго (разумѣй, *ὁ* того существительнаго имени, которое попадаетъ въ синтаксическое подлежащее, или того *признаковаго* имени, которое, исполняя роль логическаго опредѣленія, *помогаетъ* существительному имени опредѣлить предметъ *). Такъ какъ синтаксическое подлежащее излагаетъ *данное*, въ противоположность *искомому*, то понятно, что »данное«, какъ метафора *«извѣстнаго»*, можетъ быть отмѣчено словомъ *ὁ*.

6. Эпифорическое или грамматическое *ὁ*. Эпифорическое значеніе слова *ὁ* — вѣтъ всякаго сомнѣнія. Если эпифорически могло употребляться слово *ὁδε*, которое представляетъ собою осложненное *ὁ* (сравни выше стр. 416.), то почему не

исполняютъ роли »логическаго опредѣленія«, и когда *ὁ* къ нему вообще *не* »относится«² (приходится ли понимать это »отношеніе«³ въ смыслѣ примѣра *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος*, или въ смыслѣ выраженія *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*), то признаковое должно стоять *внѣ* конструкціи слова *ὁ*, по какому бы мотиву послѣднее ни появлялось въ рѣчи: *ὁ μέγας πόλεμος* значить: изъ войнъ та, что *великая* — ты се, эту *великую* войну, знаешь, — а *μέγας ὁ πόλεμος* значить: ты, читатель, знаешь эту войну; она, — *надобно тебѣ сказать*, — великая.

*) На стр. 173. мы разсуждали о томъ, что въ синтаксическое подлежащее можетъ попасть весьма сложное выраженіе, а потому появленіе при немъ слова *ὁ* находится въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находилось *ὁ* историческаго намека (сравни выше стр. 342; а анафорическое и контекстивное *ὁ* развѣ не можетъ попасть въ тѣ же условія? — конечно да!)

могло употребляться въ томъ же значеніи и простое *ὁ*? Какъ между *ὁδε* и тѣмъ »нижеслѣдующимъ«, о которомъ само *ὁδε* предупреждаетъ, находится пауза (въ теперешней орѳографіи мы ее привыкли отмѣчать черезъ двоеточіе; сравни русское *онъ сказалъ нижеслѣдующее: я, говоритъ онъ, не долженъ . . .*), такъ нужно предположить паузу и для объясненія *первоначальной* конструкціи эпифорическаго *ὁ*. Другими словами, между эпифорическимъ *ὁ* и тѣмъ, о чемъ оно предупреждаетъ, слѣдуетъ предположить отношеніе логическаго равенства. Эпифорическое *ὁ* оказалось удобнымъ:

а) При глагольномъ имени (*τὸ παιδεύειν, τοῦ παιδεύειν* и т. д.). До сихъ поръ мы сопротивлялись всякому толкованію слова *ὁ* какъ превращающаго несуществительное въ *существительное*. На стр. 397. мы указывали на то, что глагольное имя исполняетъ роль такого или иного падежа, слѣдовательно, — роль *существительнаго*, благодаря *синтаксическому* своему положенію. Мы понимаемъ, что если слово *ὁ* добралось до *эпифорическаго* значенія, т. е. до роли простаго *предупрежденія* о томъ, что послѣдуетъ ниже, то глагольное имя могло имъ воспользоваться для того, чтобы самому выйти изъ своей »двусторонности« и сдѣлаться *настоящимъ* существительнымъ. Ибо *ὁ*, находящееся въ логическомъ *равенствѣ* съ тѣмъ, о чемъ оно предупреждаетъ, возводитъ предупреждаемое въ то положеніе, которое принадлежитъ ему самому, т. е. въ положеніе имени *существительнаго*. Если бы само глагольное имя было *неоспоримымъ* существительнымъ, то оно никакого *предупрежденія* о себѣ не искало бы. *Τοῦ παιδεύειν* значить: вотъ чего, — *воспитыванія*.

б) При *признаковыхъ* именахъ, какъ простыхъ, такъ и глагольныхъ (*τὸ ἀλγεῖνόν — οἱ εὐτυχοῦντες*). Хотя признаковыя имена *легко* переходили въ роль существительныхъ, но разъ *установилось* въ эпифорическомъ *ὁ* средство, *помогающее* имъ въ этой роли, то они имъ воспользовались. Не навернись эта помощь, мы бы ихъ встрѣчали чаще въ со-

вершено *самостоятельною* *) видѣ въ роли существительныхъ. Такъ оно оказывается въ *славянскихъ* языкахъ, гдѣ этой помощи нѣтъ.

в) При *всякой* части рѣчи, т. е. при *каждомъ* словѣ, когда оно должно быть, какъ Платонъ выражается (Soph. 250 с), *ὄνομα ὀνόματος*, т. е. когда оно должно служить наименованіемъ или того *звуковаго* комплекса, или того *значенія*, которое въ немъ заключается. *Τὸ ἐν* значитъ: 1. слово *ἐν*, какъ *звукъ*; 2. то *внутри*, которое выражено въ словѣ *ἐν*; сравни *τὸ ἄνθρωπος*, *τὸ ὑράφω* и т. д. Вмѣсто отдѣльныхъ словъ могутъ наступить и *сложныя* выраженія; сравни *τὸ ἐὰν ποιήσῃς* и т. д.

г) Въ оборотахъ какъ то: *οἱ ἄνω*, *οἱ κάτω* и т. д. *Οἱ ἄνω* обозначаетъ: вотъ кто; они *наверху*. Выраженіе *наверху* въ данномъ переводѣ представляетъ собою синтаксическое сказуемое къ слову они, которое только *извлекается* изъ самого *вотъ кто*, передающаго эпифорическое *ὁ*. Такимъ образомъ *οἱ ἄνω* является *брахилогическимъ* выраженіемъ, въ которомъ *ἄνω* представляетъ сказуемое, хотя и не формальное (т. е. не — «согласуемое»).** Сказуемое къ чему? Въ концѣ концовъ къ слову *οἱ*. И вотъ, для того чтобы оно изъ сказуемаго сдѣлалось *поименованіемъ* предмета, оно должно быть предупреждено словомъ, которое бы его *подняло* на такую высоту; это и *достигается* словомъ *ὁ*, *уравнивающимъ* его съ собою, какъ именемъ *существительнымъ****) Вмѣсто *ἄνω* могутъ здѣсь появиться *сложныя* выраженія. Сравни *οἱ ἐν Ἀσίᾳ* и т. д.

*) Мы не согласны съ тѣмъ, что говоритъ Wegener по поводу *der Adelige, der Schwarze* и т. д. См. смотри *Untersuch.* 83: Hier ist deutlich, dass das Adjectivum die Qualität bezeichnet, der Artikel die Substanz. Если бы это было такъ, то къ чему — такая разстановка, и почему бы не утвердился скорѣе разстановкѣ *schwarze der*?

***) Уже на стр. 367. мы указывали на отношеніе синтаксическаго сказуемаго къ сказуемому психо-логическому и логическому.

****) Такое же брахилогическое выраженіе, «*поднимающее*» сказуемое (въ данномъ случаѣ — сказуемое «*формальное*», т. е. не синтаксическое), мы видимъ въ томъ *ἀρετή τις*, о которомъ упоминали на стр. 415 въ подстрочномъ примѣчаніи. По первоначальной конструкціи, *ἀρετή τις* значитъ: *нѣчто*; это *нѣчто* есть *добродѣтель*.

Такъ какъ эпифорическое $\acute{o}$ употребляется исключительно для того, чтобы слова и выраженія, о которыхъ оно предупреждаетъ, чувствовались существительными, притомъ въ положеніи того или иного надежа, то мы его назвали также »грамматическимъ«.

Слѣдуетъ разборъ слова $\acute{o}\zeta - \eta - \acute{o}$. Разборъ этого слова на очереди уже потому, что и оно, какъ на то указано на стр. 420-1., причастно къ роли *анафоризованія* третьяго грамматическаго лица, наряду съ сильными и въ нѣкоторыхъ случаяхъ »различительными« $\acute{o}\upsilon\tau\omicron\varsigma$ и $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$, съ болѣе слабымъ и »безразличнымъ«, но все же нуждающимся въ именительномъ падежѣ $\acute{o} - \eta - \tau\acute{o}$, съ »возвратнымъ« $\acute{o}\acute{\iota} - \acute{o}\acute{\iota} - \acute{\epsilon}$ и съ употребляющимся только для »синтаксической полноты« $\mu\upsilon\nu$ и $\nu\upsilon$ *).

Что сказать объ $\acute{o}\zeta - \eta - \acute{o}$? Мы его знаемъ по преимуществу какъ »относительное мѣстоименіе«. Но »относительность« и вообще синтаксическая »подчиненность предложеній« ($\acute{\epsilon}\pi\acute{o}\tau\alpha\zeta\iota\varsigma$) считается тѣмъ что, развившимся въ языкахъ лишь *впослѣдствіи*, и возражать противъ этого общепринятаго положенія не приходится. Этимологи сопоставляютъ слово $\acute{o}\zeta - \eta - \acute{o}$ съ славянскимъ и м ш ю .*) Такимъ образомъ оно этимологически связано съ $\mu\upsilon\nu - \nu\upsilon$. О $\mu\upsilon\nu - \nu\upsilon$ мы рассуждали какъ о чемъ то, *не нуждающемся* въ именительномъ падежѣ, такъ какъ оно употребляется лишь для синтаксической полноты. А между тѣмъ въ $\acute{o}\zeta - \eta - \acute{o}$ встрѣчается именительный падежъ. Примирить это противорѣчіе можно лишь тѣмъ, что темъ »уа« вообще припишемъ не столько роль *анафоризованія*, сколько скорѣе указанія на *тождественность*. Если мы признаемъ, что н ш ю обозначаетъ не »вышеупомянутый«, а »опять онъ-она-оно« (это — большая

*) Слѣдовало бы тутъ упомянуть и объ $\acute{\alpha}\upsilon\tau\omicron\upsilon - \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{\omega} - \acute{\alpha}\upsilon\tau\acute{o}\nu$, но мы уже предупреждали о томъ, что оно вмѣшалось въ роль анафоризованія третьяго грамматическаго лица *совершенно* со стороны. Мы и разборъ его помѣщаемъ лишь въ концѣ синтаксической формальныхъ именъ.

**) Brugmann (Grundriss II. 771.: Relativum $\acute{\upsilon}\alpha\varsigma$; griechisch $\delta\zeta - \eta - \delta$ ... Die Identitat mit dem anaphorischen $\acute{i}\omicron$ und $\acute{i}$ (нмѣется въ виду *именно $\mu\upsilon\nu - \nu\upsilon$* , равно какъ славянское н ш ю , а также латинское is) ist nicht zu bezweifeln.

разница: первое заставляет *вспоминать*, а второе — *не удаляться* от предмета, о которомъ идетъ рѣчь*), то поймемъ, что именительный падежъ, — именительный *интонируемый*, какимъ и является $\delta\varsigma$ - η - δ , въ языкѣ не лишній: указывать на *тождественность* предмета съ тѣмъ, о которомъ шла до сихъ поръ рѣчь, нужно иногда и съ подчеркиваніемъ. Очень долго держался въ греческомъ языкѣ оборотъ η δ' $\delta\varsigma$.**) Мы его переводимъ: говорилъ онъ-же.

Да, *тождественность* предмета, — вотъ симасіологическій центръ слова $\delta\varsigma$ (при этомъ оно было *существительнымъ*, а не *признаковымъ*), отъ котораго, по моему развѣтвлялись уже дальнѣйшіе его симасіологическіе отѣтки. Самое же развѣтвленіе мы себѣ представляемъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, слово $\delta\varsigma$, какъ указывающее на *тождественность*, перешло въ *анафорическое* значеніе по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, вступая такимъ образомъ въ борьбу съ δ - η - $\tau\acute{o}$, причѣмъ выгода была на его сторонѣ въ *тѣхъ* случаяхъ, гдѣ δ - η - $\tau\acute{o}$ не имѣло ударенія.***) Ибо въ *ударяемомъ* именительномъ падежѣ анафорическое слово третьяго грамматическаго лица нуждалось не только въ *тѣхъ* случаяхъ, когда, какъ мы говорили на стр. 422., приходилось вызывать въ слушатель болѣе *напряженное* воспоминаніе о предметѣ, но и по другимъ

*) Это совершенно не противорѣчитъ сказанному о *ми* на стр. 422, и мы, такимъ образомъ, *исключаемъ ми* изъ числа анафорическихъ словъ, какъ въ свое время исключили, по *первоначальному* значенію, слово *оѵ* - *οἶ* - *ε*.

**) Бругманъ, впрочемъ, не думаетъ, что $\delta\varsigma$ въ оборотѣ η δ' $\delta\varsigma$ тождественно съ «относительнымъ» $\delta\varsigma$. Vielleicht — говоритъ онъ Grundriss II. 774 — gab es auch bereits im Urindogermanischen ein *was*; vergleiche altindisch *kaḥ*, griechisch $\delta\varsigma$ (η δ' $\delta\varsigma$), lateinisch *ip - sua* neben *ipse*.

***) Собственно, тутъ идетъ вопросъ объ *одной* лишь формѣ $\delta\varsigma$ (что эта форма у Омпра *часто* употребляется «вмѣсто» δ , — читателю извѣстно). Что же касается формъ η - δ - $\alpha\acute{\iota}$ у Омпра, то не знаешь, принадлежать ли онѣ слову $\delta\varsigma$, или слову δ , такъ какъ встрѣчаешь и слово δ , → основательно ли, итъ ли, — *интонируемымъ*, когда *вообще* удареніе анафорическаго слова *третьяго* грамматическаго лица почему илбудь нужно (для *множественнаго* числа омпрвскій языкъ, какъ извѣстно, выработалъ *особиля*, *ударяемымъ же*, формы отъ δ - η - $\tau\acute{o}$; мы разумѣемъ формы $\tau\acute{o}$ ι - $\tau\acute{\alpha}$ ι ; см. Brugmann Grundriss II. 767). Этому, сознаемся, *поверхностно* (глубже мы не успѣли проникнуть въ вопросъ), замѣткою мы ограничиваемся въ разрѣшеніе недоумѣнія, вызваннаго подстрочнымъ примѣчаніемъ на стр. 422.

мотивамъ, о которыхъ мы на стр. 419., въ подстрочномъ примѣчаніи, разсуждали по отношенію къ *другимъ* двумъ грамматическимъ лицамъ.

Съ другой стороны и *главнымъ* образомъ, слово $\delta\varsigma$ повернуло отъ значенія *тождественности* къ значенію «относительности». «Относительность» слова $\delta\varsigma$, какъ извѣстно, очень развита уже у Омира. И замѣчательно: какъ «возвратность» слова $ο\tilde{\upsilon} - ο\tilde{\iota} - \epsilon\tilde{\iota}$ легко могла сдѣлаться и въ концѣ концовъ *сдѣлалась* общею для *всѣхъ* грамматическихъ лицъ (смотри наше разсужденіе на стр. 425.), такъ и «относительность» слова $\delta\varsigma$, вышедшая изъ *тождественности* (тождественность, *сама по себѣ*, не есть что-нибудь, что должно непременно относиться къ *третьему* грамматическому лицу), доводитъ до такихъ явленій какъ: $\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu, \delta\varsigma \gamma\epsilon \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$.*)

Какъ по *первоначальному* значенію, въ силу котораго $\delta\varsigma$ указываетъ на *тождественность* предмета, нельзя было назвать его анафорическимъ, такъ и о его «относительности» нельзя сказать, что это — *ἀναφορά*. Анафора есть *возстановленіе предварительнаго* знакомства съ предметомъ, а слово « $\delta\varsigma$ » *очень часто* является началомъ рѣчи, въ которой мы впервые *знакомямся* съ предметомъ (сравни: многіе люди любятъ только того, кто имъ оказываетъ благодѣяніе). Вообще, «относительность» есть не болѣе, не менѣе какъ синтаксическое выраженіе того, что одна мысль психологически подчинена другой, причемъ рѣчь, начинающаяся съ $\delta\varsigma$, является синтаксически «*подчиняемымъ*», опирающимся не на *предварительное* знакомство съ предметомъ, а просто на синтаксически «*подчиняющее*». Пунктуальною конструкціею мы должны считать, напр., такую: $\omicron\upsilon\delta' \nu\acute{\iota}\delta\varsigma \text{Καλαϊῆρος ἐλήθητο συνθεοσίαν τάων, ἄς ἐπέτελλε βοῆν ἄγαθὸς Διομήδης}$ (Π. ε 320). Словомъ, «относительное» формальное имя ищетъ къ себѣ «*соотносительнаго*» фор-

*) Какъ $\delta\varsigma$ вмѣшивалось въ роль слова $\acute{\alpha}$ по отношенію къ *анафорическому* предмету, такъ $\acute{\alpha}$ вмѣшивалось въ «относительность» слова $\delta\varsigma$. Примеры изъ Омира приводить нечего. Только въ pendant къ нашему $\acute{\alpha}\kappa\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu, \delta\varsigma \gamma\epsilon \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$ приведемъ мѣсто изъ Илиады (β 262): $\text{Κλεθεῖ μεν ὃ χθιζὸς θεὸς ἱλυθῆς ἡμίτερον δ᾽ᾶ}$.

мальнаго имени. Роль »соотносительныхъ« исполняютъ и могли исполнять тѣ же анафорическія δ^* (у Омира — очень часто, вполсѣдствіи — *рѣже*), $\text{o}\dot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ и $\text{\epsilon}\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$.**) Извѣстно, что не вездѣ эта, какъ мы выразились, »пунктуальность« соблюдается (въ какомъ нибудь $\text{\alpha}\chi\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu\ \delta\varsigma\ \eta\lambda\theta\epsilon\varsigma$ даже нельзя ее соблюсти, такъ какъ $\delta\text{-o}\dot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma\text{-}\epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ относятся къ третьему грамматическому лицу, а тутъ идетъ рѣчь о $\text{o}\dot{\upsilon}$ ***), и что не всякое $\text{o}\dot{\upsilon}\tau\omicron\varsigma$ или $\text{\epsilon}\kappa\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$, которое появляется при $\delta\varsigma$, есть »соотносительное« †).

Русскія »относительныя« слова вышли изъ *вопросительныхъ*. Русское *кто съѣтъ, тотъ жнетъ* значить: отвѣтивъ на *вопросъ, кто съѣтъ*, ты опредѣлишь жнущаго. Если русское вопросительное могло перейти въ относительное, то греческое относительное, въ свою очередь, могло перейти въ вопросительное, разумѣется, — въ вопросительное синтаксически *подчиненное* (въ такъ называемомъ косвенномъ вопросѣ). Сравни Herod. 9. 71.: $\gamma\epsilon\nu\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\varsigma\ \lambda\acute{\epsilon}\sigma\chi\eta\varsigma$,

*) Не сказать ли намъ, въ такомъ случаѣ, особенно въ виду примѣра $\text{b}\upsilon\nu\theta\upsilon\beta\iota\acute{\alpha}\omega\nu\ \tau\acute{\alpha}\omega\nu$, $\acute{\alpha}\varsigma\ \epsilon\pi\acute{\iota}\tau\alpha\lambda\lambda\epsilon\ \Delta\iota\omicron\mu\acute{\eta}\theta\eta\varsigma$, что δ при относительномъ $\delta\varsigma$ функционируетъ вовсе не какъ »соотносительное«, а просто какъ эпифорическое, *предупрежденіе* о предметѣ, съ которымъ мы знакомимся въ выраженіи, начинающемся съ $\delta\varsigma$? Этого сказать нельзя. *Не всегда* выраженіе, начинающееся съ относительнаго слова, дѣйствительно впервые знакомитъ съ предметомъ (да, не всегда, а только, какъ выше сказано, *очень часто*). Въ примѣрѣ *я о нихъ не могу вспоминать съ благодарностью, о нихъ, которые мнѣ надѣлали столько али* не можетъ быть рѣчи о первомъ знакомствѣ съ предметомъ въ »относительномъ« предложеніи. Вообще, если въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ желательно удержать термины $\acute{\alpha}\nu\alpha\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$ и $\epsilon\pi\iota\phi\omicron\rho\acute{\alpha}$, то это возможно развѣ въ томъ смыслѣ, что относительныя и соотносительныя слова »анафорируютъ и эпифорируютъ« не *предметы*, а *друзья друга*. Разъ они вестакъ что нибудь анафорируютъ или эпифорируютъ, то и понятно, почему *анафорическія* слова δ и пр. могли принять на себя роль »соотносительныхъ«.

**) Разницу между *отдельными* соотносительными словами — опредѣлить затрудняюсь.

***) Читатель знаетъ о такъ называемыхъ »attractiones«, въ коихъ »относительное« $\delta\varsigma$ своимъ надеждемъ подчиняется тому, отъ чего оно синтаксически зависить, и уже этимъ заявляетъ о своей подчиненности, не ища никакаго соотносительнаго слова (сравни греческое $\lambda\upsilon\beta\omicron\upsilon\beta\alpha\iota\ \phi\ \lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\iota\varsigma$ и русское *упомятъ чьмъ Богъ послалъ*).

†) Thus. I. 10: $\text{N}\omicron\mu\acute{\iota}\zeta\epsilon\upsilon\nu\ \delta\acute{\epsilon}\ \tau\eta\nu\ \sigma\tau\alpha\tau\epsilon\iota\alpha\nu\ \epsilon\kappa\epsilon\iota\nu\eta\nu\ \mu\upsilon\gamma\acute{\iota}\sigma\tau\eta\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \gamma\epsilon\nu\theta\epsilon\alpha\iota\ \tau\acute{\omega}\nu\ \pi\rho\acute{\sigma}\ \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma$, $\eta\nu\ \epsilon\iota\kappa\acute{\omicron}\varsigma\ \epsilon\pi\acute{\iota}\ \tau\acute{\omicron}\ \mu\epsilon\acute{\iota}\zeta\omicron\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\ \tau\omicron\nu\ \pi\omicron\iota\eta\tau\eta\nu\ \kappa\omicron\beta\eta\mu\theta\omicron\alpha\iota$ (здѣсь $\text{\epsilon}\kappa\epsilon\iota\nu\eta\ \eta\ \eta\mu\acute{\epsilon}\rho\alpha$ есть чисто анафорическое; рѣчь идетъ о походѣ противъ Трои, съ которымъ Оукидидъ знакомилъ читателя и раньше).

ὅς ἀριστος γένοιτο. Извѣстно, что слово »ὅστις« *) очень часто употребляется въ косвенномъ вопросѣ (извѣстны Аристофановскія выраженія: τίς γὰρ εἶ; ὅστις; — τί δ' αὐ λέγω; ὅτι; — τί ποιεῖς; ὅτι ποιεῖ; **) и т. д.

Относительными признаковыми являются οἷος, ὅσος и ἡλίχος. Роль соотносительныхъ къ нимъ исполняютъ слова τοιοῦτος, τοσοῦτος и τηλικούτος (въ »эпическомъ« языкѣ простыя τοῖος, τόσος и τηλίχος).

Я не знаю, какъ смотрѣть на слова ὀποῖος, ὀπηλίχος и ὀπόσος: вышли ли они этимологически изъ относительныхъ οἷος - ἡλίχος - ὅσος, или изъ вопросительныхъ ποῖος - πηλίχος - πόσος? Другими словами, мнѣ неизвѣстно, считать ли ихъ первоначально относительными, или вопросительными, разумѣется, — косвенно - вопросительными, такъ какъ въ »прямыхъ« вопросахъ они ненужны и не употребляются. Для языка, конечно, это — все равно. Ибо они и въ качествѣ относительныхъ могли встрѣчаться какъ косвенно - вопросительныя (они по большей части такъ и встрѣчаются), и въ качествѣ вопросительныхъ не должны чуждаться, — мы это нашли въ русскомъ языкѣ, — роли относительныхъ (καὶ δύναμιν δὲ οἶδα ὅτι ὀπόσῃν ἂν δύνηται ἔχων, πάρεσται σοι; Хер. Сугор. VI. 1. 45.).

Въ роли относительныхъ, а не вопросительныхъ, — слова ὀπόσος, ὀποῖος и ὀπηλίχος входятъ въ тѣ composita, — теперь мы имѣемъ возможность разсмотрѣть ихъ поближе, — которыя мы на стр. 415. назвали »обобщающими«. То οὖν, которое встрѣчается въ ὅστις οὖν,

*) Несомнѣнно, что относительное ὅστις — первоначальное, чѣмъ »косвенно — вопросительное«. Будучи предупреждено соотносительнымъ, какъ ему, относительному, приличествуетъ, оно, по моему мнѣнiю, обозначаетъ: тотъ нѣкто, кто (въ русскомъ переводѣ я только передвинулъ слово »τις« къ соотносительному слову, что, кажется, должно быть позволено, при той тѣсной связи, которая существуетъ между относительными и соотносительными).

**) Такимъ образомъ »τί ποιεῖς; ὅτι ποιεῖ;« можно бы комментировать, согласно предыдущей замѣткѣ, черезъ слѣдующія выраженія: »что ты дѣлаешь? то нѣчто, что я дѣлаю? Въ сущности, все вопросительное значенiе, которое вышло изъ относительныхъ словъ, заключается въ тонѣ, придаваемомъ всему выраженiю, — въ тонѣ, такъ сказать, обще-синтаксическомъ, а не составляющимъ принадлежность самого формальнаго слова, какъ это было въ вопросительномъ »τίς« — »τινος« и т. д.

ὁ ποσοσοῦν и т. д., этимологи принимаютъ за вещный падежъ отъ темы *awa* *) (славянское «овы о десную, овы о шую»). *Awa* есть анафорическая тема, и само οῦν, являющееся уже, какъ вещный падежъ, окаменѣлостью, а не *полнымъ*, т. е. не по *всѣмъ* падежамъ склоняющимся формальнымъ существительнымъ, обозначало бы тогда: простираясь на «упомянутое» **) въ данномъ случаѣ. О словѣ δή, которое встрѣчается въ ὅστις δή ποτε, рѣчь еще впереди, но мы не ошибемся, если его пока по *смыслу* сопоставимъ съ русскимъ *ужь* (ήδη было бы тогда расширенное δή). Такой смыслъ мы ясно видимъ въ выраженіи ἐπειδή δέ (= а разъ *ужь* это такъ, то . . .); *потѣ* есть «нарѣчіе», обозначающее *когда нибудь* (и о немъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди).

Такимъ образомъ, выраженіе напр. ἄλλην ἤντιναοῦν τέχνην или ἤντινα δή ποτε τέχνην обозначаетъ: «*другую науку, нѣкую ту, которую въ данномъ случаѣ*» или: «*другую науку, которую ужь* (= несомнѣнно) *когда нибудь* (= какъ нибудь***). Во всемъ этомъ замѣчается нѣкоторый брахилогизмъ. Такой же брахилогизмъ мы встрѣчаемъ въ известномъ оборотѣ ὅς καὶ ὅς (Herod. 48. 68: τὰς βασιλείας ἰστίας ἐλιώρηκε ὅς καὶ ὅς). Ὅς καὶ ὅς значитъ: *тотъ который да тотъ который*. Брахилогизмъ заключается здѣсь въ томъ, что слово *который*, это начало синтаксически подчиненной рѣчи, остается безъ *продолженія*. †)

*) Новѣйшіе этимологи не затрагиваютъ этого слова, но мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что говорить объ этомъ словѣ Боппъ Vergl. Gramm. II. 176: Zum zendischen Demonstrativum *awa* und altslavischen *owo* . . . ziehe ich auch das griechische οῦν, welches durch seinen Gebrauch deutlich auf prominalen Ursprung hindeutet und durch seine Endung sich als Accus. masc. oder Nom.-Accus. neutr. zu erkennen giebt.

**) Съ какимъ частнымъ отгѣнкомъ тема *awa* вошла въ другія анафорическія слова, или она вошла въ греческій языкъ изъ другого языка съ отгѣнкомъ, *имѣвшимся* уже въ греческихъ анафорическихъ словахъ (и это можно предположить!), на это отвѣтить трудно.

***) Что темпоральное *когда-нибудь* могло перейти въ модальное *какъ-нибудь*, это выяснится въ слѣдующемъ отдѣлѣ изслѣдованія.

†) Брахилогически употребляется, уже въ болѣе позднемъ языкѣ, п раздѣлительное οἱ μὲν . . . οἱ δὲ (Dem. 18. 71: πόλις Ἑλληνίδας ἄς μὲν ἀναίρων, εἰς ἄς δὲ φυγάδας κατὰουον; сравни русское: *которые поуничтожатъ, а въ ко-*

Сама рѣчь, которой мы ждемъ послѣ *который*, должна бы въ данномъ случаѣ знакомить насъ ближе съ *предметомъ*, намѣченнымъ въ соотносительномъ *томъ* и въ относительномъ *который*.*) Выходить, что весь брахилогизмъ есть не болѣе, не менѣе какъ прекращеніе рѣчи, такъ сказать, на полусловѣ, съ цѣлью оставить невыясненнымъ предметъ, на выясненіи котораго рѣчь прекратилась. Разница между брахилогизмомъ относительныхъ и обобщающихъ формальныхъ словъ та, что при первыхъ говорящій выяснять предметъ не желаетъ или не умѣетъ, а при вторыхъ — выясненіемъ этимъ не интересуется. Насколько это *отсутствіе* интереса въ *обобщающихъ* формальныхъ словахъ *выражено* прибавками *οὐν-δέ-ποτέ*, — сказать трудно. Да врядъ-ли оно въ нихъ и выражено; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что и простое *ὅστις* употребляется въ смыслѣ «обобщающемъ».

Особеннымъ отбѣнкомъ въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ является восклицательный.**) Онъ имѣетъ мѣсто исключительно въ *признаковыхъ* относительныхъ и соотносительныхъ, такъ какъ восклицаніе въ данномъ случаѣ есть выраженіе *удивленія*, а удивляться мы можемъ предмету изъ за его *признаковъ*. Когда говорятъ *ὅσα ἡμᾶς εἰργασται κακὰ* или *οἷα ἡμᾶς εἰργασται κακὰ*, и произносятъ эту фразу съ восклицательнымъ тономъ (тонъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не данъ здѣсь *самимъ* словомъ *ὅλος*, а вносится въ него и во всю фразу *извне*), то слово *ὅλος*, *именно* черезъ внесеніе въ него восклицательнаго тона, *оторвано* отъ своего соотносительнаго *τοῖος*. Не будь

торыя такъ повводилъ былицовъ; собственно = съ одной стороны онъ *поуничтожалъ* города тѣ, которые . . . , а съ другой — повводилъ былицовъ въ тѣ, которые . . .).

*) Такъ же мы себѣ объясняемъ *τόν καί τόι*, *замѣняющее*, какъ извѣстно, оборотъ *δς καί δς*. *Τόν καί τόν* чувствуется здѣсь въ значеніи *эпифорическомъ* (= *нижеслѣдующій да нижеслѣдующій*), но само эпифорируемое не выяснено, и, такимъ образомъ, *τόν καί τόν* остается *тоже*, какъ бы, безъ *продолженія*.

**) Греческій языкъ *никогда* не употребляетъ въ восклицаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, *вопросительныхъ* *ποῖος* и т. д. Извѣстны отнесшіяся сюда выраженія съ особою *разстановкою* въ родѣ *θαυμαστὰ ἤλικα* и т. п.

оно отъ него оторвано, и имѣй оно возможность опереться на τοῖος, то само «τοῖος» оказалось бы для него, быть можетъ, не единственною опорой. Слово τοῖος должно бы тогда быть частью сложнаго выраженія, и въ этомъ сложномъ выраженіи слово οἶος, быть можетъ, получило бы свое дальнѣйшее объясненіе. Фраза ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακὰ, заключающая въ себѣ одно относительное слово, произнесенная восклицательно и не связанная ни съ какою другою рѣчью, вызываетъ на вопросъ: а сколько, въ самомъ дѣлѣ, бѣдствій онъ причинилъ намъ? И вотъ, этотъ вопросъ остается въ рѣчи безъ отвѣта. Отвѣтъ только подразумевается, и подразумевается, опять таки подъ вліяніемъ восклицательнаго тона, съ которымъ была произнесена фраза, въ слѣдующемъ видѣ: подумай, слушатель и удивляйся, какъ удивляюсь я.*) Въмѣсто ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακὰ можно бы сказать и соотносительное «τοσαῦτα ἡμᾶς εἴργασται κακὰ» (= столько бѣдствій онъ намъ причинилъ!, и мы всетаки готовы забыть все), и тогда опять τοσαῦτα будетъ оторвано отъ своего относительнаго οἶος, и результатъ для мысли останется тотъ же самый.**)

Остается разобрать αὐτός и ἄλλος.

Симасіологическихъ отгѣнковъ слова αὐτός -- нѣсколько. Они видны изъ слѣдующихъ примѣровъ.

1. τοὶ δὲ φθινύθουσιν ἔδοντες οἶκον ἐμόν. τάχα δὴ με διαφραίσουσι καὶ αὐτόν (Od. α 251); предметъ, въ данномъ случаѣ лицо, противопоставляется тому, что ему принадлежитъ.

2. ὤλεσε τιλοῦ νόστον Ἀχαιῶδες, ὤλετο δ' αὐτός (Od. ψ 23); противопоставляется «переходъ дѣйствія отъ дѣятеля на предметъ» сосредоточенію «дѣйствія на самомъ дѣятелѣ».

3. ἀλλ' οὐ μοὶ Τρώων τόσσον μέλει ἄλλος ὀπίσσω, οὐτ' αὐτῆς Ἐκάβης (Il. ζ 450); указывается на предметъ, въ дан-

*) Иногда къ этому отвѣту побуждаетъ какое-нибудь ὄρας и т. п. (ὄρας, ὄβοι ἰσμέν! = ты видишь, какая масса насъ!).

**) Я не знаю, какъ понять примѣры въ родѣ αἵματος εἰς ἀγαθοῖο οἶα ἀγορεύεις (Od. δ. 611); слѣдуетъ ли здѣсь «извлекать» изъ οἶα соотносительное слово (въ тебѣ хорошая кровь *суля по тому, что ты говоришь*), или же читать οἶα ἀγορεύεις восклицательно (въ тебѣ хорошая кровь; *какъ ты великолѣпно говоришь!*).

номъ случаѣ на лицо, какъ на *первый* членъ въ ряду другихъ, — какъ на *главный*, сосредоточивающій на себѣ весь интересъ по отношенію къ тому, о чемъ идетъ рѣчь.

4. κατ' αὐτοὺς ἐδίνεον, κατὰ μέσσοις (Od. δ 18); противопологается предметъ его ближайшему сосѣдству.

5. αὐτοὶ ἐσμεν; исключается содѣйствіе чье бы то ни было въ какомъ нибудь дѣлѣ.

6. τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἐφίκει (Od. δ 655); съ выразительностью указывается на правильность *выбора* предмета (= ему, и именно ему, а не кому нибудь другому).

7. ζῆμοι ἐαυτὸν; выразительно указывается на возвратъ дѣйствія *къ тому же* лицу, отъ котораго оно вышло.

8. τῆ μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δὲ μ' ἔτρεφες αὐτῆ (Od. τ 482); указывается на *тождественность* предмета (въ данномъ случаѣ *лица*) въ *разныхъ* (въ данномъ случаѣ противорѣчащихъ другъ другу) положеніяхъ. Эта тождественность можетъ выступить *логическимъ опредѣленіемъ* имени существительнаго, привлекающимъ раздѣлительное ὁ: τὸν αὐτὸν τρόπον значить: изъ способовъ тотъ, который тождественъ съ другимъ.

Наконецъ, 9. αὐτοῦ - αὐτῷ - αὐτόν стало понемногу употребляться вмѣсто *μν-ιν* «для синтаксической полноты» по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу (см. стр. 423).

Больше указанныхъ *деяти* симасіологическихъ отгѣнковъ слово αὐτός не имѣетъ; это выяснилось въ нашихъ «Исслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія» (Кіевъ 1877). Гдѣ же, спрашивается, симасіологическій центръ этихъ отгѣнковъ? На это мы отвѣтимъ *двумя* замѣчаніями.

Вопервыхъ, во всѣхъ отгѣнкахъ, за исключеніемъ *девятого*, развившагося впоследствии, мы видимъ αὐτός относящимся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ и исполняющимъ роль не указателя предмета, а психо-логическаго сказуемаго или даже логическаго опредѣленія къ слову, обозначающему предметъ. Стало быть, слово αὐτός есть слово *признаковое*. Если въ *девятомъ* отгѣнкѣ оно чувствуется прямымъ указателемъ *предмета*, то это объясняется ослабленіемъ со-

знанія его первоначальной роли. По первоначальному его значенію долженъ быть и *здѣсь* прибавленъ, или по крайней мѣрѣ »подразумѣваемъ«¹ прямой указатель предмета. Какъ $\sigma\upsilon\ \delta\grave{\epsilon}\ \mu\prime\ \epsilon\tau\epsilon\phi\epsilon\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\eta\grave{\iota}$ заключаетъ въ себѣ такого указателя, а слово $\alpha\upsilon\tau\eta\grave{\iota}$ выражаетъ при немъ нѣчто, что можно передать русскимъ именно — *самъ*, такъ и въ $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\phi\eta$, хотя » $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ «² чувствуется въ смыслѣ *самостоятельнаго* слова (такъ и русское »*сама*«³ — »*сама*«⁴ чувствуется въ значеніи *хозяйки-хозяйки*), но, по первоначальному, оно не есть »ближайшій опредѣлитель лица, показаннаго въ окончаніи глагола«, какииъ было $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\lambda\omicron\varsigma$ во фразѣ $\delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\alpha\lambda\omicron\varsigma\ \delta\iota\delta\acute{\alpha}\sigma\chi\epsilon\iota$ (ср. стр. 176-7.), а представляетъ психо-логическое *сказуемое* къ этому лицу ($\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\phi\eta$ значить по первоначальному: *самъ* »онъ«⁵ сказалъ, какъ и $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota\ \epsilon\pi\omicron\iota\eta\sigma\alpha\mu\epsilon\nu$ значить: *сами* »мы«⁶ это сдѣлали). И какъ въ $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\phi\alpha$ нужно *собственно* при $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$ подразумѣвать »онъ«, такъ и $\epsilon\acute{\omega}\rho\alpha\ \tau\omicron\nu\ \alpha\upsilon\delta\omicron\rho\alpha\ \kappa\alpha\iota\ \epsilon\lambda\epsilon\gamma\epsilon\nu\ \alpha\upsilon\tau\tilde{\omega}$ приходится толковать: видѣлъ врага и сказалъ *именно* (ему) = сказалъ *самому* (подразумѣвай *ему*) = сказалъ *не иному кому нибудь* (подразумѣвай *а ему*) = *сказалъ* [ему] *же*.

Второе наше замѣчаніе касается прежде всего *этимологии* слова $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$. Относительно ея наши этимологи не могутъ придти ни къ какому соглашенію (смотри Ebeling Lex. Nom. sub vocibus $\alpha\upsilon\tau\omicron\varsigma$, $\alpha\upsilon$). Мы, руководствуясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* этого слова, считаемъ его за превосходную степень отъ слова $\alpha\upsilon$. Если $\pi\rho\tilde{\omega}\tau\omicron\varsigma$ могло быть *superlativ*’омъ къ слову $\pi\rho\acute{\omicron}$, то и противъ *нашего* *superlativ*’а возражать не приходится. $\alpha\upsilon$ указываетъ на *возвращеніе* къ прежнему, на обращеніе *назадъ*, на *неудаленіе* отъ извѣстнаго пункта.*) Оно имѣетъ значеніе русскаго *опять*. Разница — та, что русское *опять* есть *матеріальное* слово (связано этимологически съ словомъ *пяти*), а въ греческомъ $\alpha\upsilon$ мы никакого *матеріальнаго* содержанія не видимъ. Оно, кажется намъ, рисуетъ только

*) Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы вернемся къ $\alpha\upsilon$.

линію поворачиванія и недвиженія впередъ. По этому мы слово αὐτός считаемъ *формальнымъ*, а не *материальнымъ* словомъ. Оно, согласно своему этимологическому происхожденію, очень *выразительно* (superlativ!) указываетъ, что не слѣдуетъ нисколько удаляться отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Мы просимъ читателя *разсмотрѣть* еще разъ всѣ девять симасіологическихъ оттѣнковъ разбираемаго нами слова, и онъ найдетъ *вездѣ* выдержаннымъ именно *это* значеніе. Такимъ значеніемъ оно *очень* близко подходитъ къ значенію слова ὅς, какъ указателя *тождественности*, отличаясь отъ него рѣзко только въ томъ, что ὅς указывало *предметъ*, тождественный съ другимъ, а αὐτός указываетъ *только* на движеніе впередъ, тогда какъ *предметъ*, къ которому это движеніе относится какъ его признакъ, долженъ быть по *первоначальному* выражень *особымъ* словомъ. Мы были правы, когда говорили, что αὐτός виѣшалось въ борьбу за роль указателя *третьяго* грамматическаго лица *совершенно* со стороны.

На ἄλλος мы долго останавливаться не будемъ. Оно составляетъ прямую противоположность слову αὐτός. Если αὐτός указывало, что слѣдуетъ оставаться непосредственно при предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь, то ἄλλος есть *отрицаніе* этого указанія. Ἄλλος обозначаетъ: *не тотъ* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, — о которомъ ты, слушатель, думаешь. Какъ αὐτός было *признаковымъ* словомъ, такъ и ἄλλος мы считаемъ *признаковымъ*, и какъ *признаковое* оно должно бы соединяться *собственно* съ *существительнымъ*. Такъ оно, впрочемъ, *обыкновенно* употребляется. *Обыкновенно* говорятъ не ἄλλος, а ἄλλος τις. Особенно замѣчательно — употребленіе слова ἄλλος въ сопосит'ѣ ἀλλήλων-ἀλλήλοισ-ἀλλήλους, обозначающемъ: не тотъ не того — не тотъ не тому = другой другого — другой другому = другъ друга — другъ другу. Русское *другой* должно *собственно* двигаться между *двумя* предметами (для *нѣсколькихъ* предметовъ мы располагаемъ въ русскомъ языкѣ *словомъ иной*), а потому оно соотвѣтствуетъ не столько греческому ἄλλος, сколько скорѣе слову ἕτερος. Ἐτερος

(сравнительная степень) есть, такимъ образомъ, только *видоизмѣненіе* слова ἄλλος. Извѣстно толкованіе этимологовъ, сводящихъ и ἕτερος (ἄτερος), и ἄλλος къ отрицательному ἄν (ἀναίδης и пр.); сравни, однако, стр. 415. *)

Послѣ разъясненія формальныхъ именъ и именъ вообще слѣдовало бы перейти къ разбору той части рѣчи, которую называютъ »нарѣчіемъ«. Въ общемъ, геометрическое мѣсто для отыскиванія »нарѣчій« — извѣстно. »Нарѣчія« суть окаменѣлые падежи тѣхъ же *именъ*, какъ матеріальныхъ (σάφως отъ σαφής, γνύξ отъ γόνυ), такъ и формальныхъ (οὕτως отъ οὗτος, ἄλλως отъ ἄλλος = не такъ, не по *насто-ящему*). Вопросъ только въ томъ, гдѣ они *начинаются* (слово πολύ, въ выраженіи πολὺ ἡδίων, считаютъ уже »нарѣчіемъ«, хотя »окаменѣлости« падежа, какъ будто, еще *не видать*), и гдѣ *кончаются*. Опредѣлить ихъ начало будетъ легко, такъ какъ нами опредѣленъ самый *полюсъ*, къ которому они приближаются своимъ *началомъ*. Хорошо бы опредѣлить предварительно и *тотъ* полюсъ, гдѣ они *кончаются*. Этими полюсами должны быть »союзы« или, какъ говорятъ »частицы«. Перейдемъ къ разбору »частицъ«.

*) Часто мы передвигаемъ отрицательное значеніе слова ἄλλος на положительное. На ἐτέρῃ χειρὶ (т. е. ἐτέρῃ; см стр. 415) мы правильно смотримъ какъ на выраженіе русскаго »одною (какою нибудь) рукою« но соответственно этому ищемъ и въ φιλοῦσι ἀλλήλους нѣчто, что можно передать словами »одниъ другого любить«. Если бы мы въ толкованіи послѣдняго выраженія держались *отрицательнаго* значенія слова ἄλλος, то мы много выгадали бы въ *пониманіи* самого выраженія. Для разъясненія моей мысли я выхожу отъ фразы ἄλλος ἄλλον βιάζεται. Понимая *отрицательно* слово ἄλλος, я въ данной фразѣ нахожу выраженнымъ слѣдующее: на комъ бы ты, слушатель, ни остановился, всегда найдешь *другою*, кто *насилуетъ*, и на комъ бы ты ни остановился какъ *насилуемый*, всегда найдешь *другого*, о которомъ можно сказать то же. Черезъ такое толкованіе чувствуется лучше та *беспорядочность* картины, та *неразборчивость* въ ней, которая и *нарисована* въ данномъ выраженіи. И какъ здѣсь гораздо лучше понимается неразборчивость и пестрота картины, если мы держимся *отрицательнаго* значенія слова ἄλλος, такъ въ φιλοῦσι ἀλλήλους чувствуется лучше *взаимность* при *томъ же* условіи. Φιλοῦσι ἀλλήλους значить: они любятъ, причемъ любящій не есть непременно и *только* тотъ, на которомъ ты, слушатель, быть можетъ, остановился, а *другой*, и о *любимомъ* можно сказать то же. Конечно, то, что мы здѣсь сказали о *взаимности* при словѣ ἄλλος, можно бы примѣнить: и къ *двойственности* при словѣ ἕτερος. Ἐτέρῃ χειρὶ можетъ обозначать: *рукою*, причемъ ты, слушатель, не останавливайся непременно на одной; есть еще *другая*.

VII.

Частицы и „нарѣчія“.

Рѣчь есть выраженіе связной мысли, а связная мысль есть сужденіе и разсужденіе. Сужденіе, это — окончательное *рѣшеніе* чего нибудь. Ему предшествуетъ спрашиваніе, *исканіе*. Спрашивать мы можемъ въ связной мысли о какой нибудь *одной* части ея, установивъ всѣ остальные: *τίς λέγει, τίνα ἀδικεῖτε, ποῖον τὸ ἔργον ἐποίησαν* и т. д. »Спрашивать *объ одной* части мысли, установивъ остальные«, значитъ (если перенестись отъ *мысли* къ *рѣчи*, какъ ея *выраженію*): искать какого нибудь одного *слова*,*) установивъ остальные. Это *одно* слово есть непрежѣнно какое нибудь *имя*, — или существительное, или признаковое. Ибо до сихъ поръ другихъ частей рѣчи у насъ не было. О предлогахъ не спрашиваютъ (спрашиваютъ *идѣ*, а отвѣтъ на это получается: *надѣ* водою, *подѣ* водою и т. д.), а если *кромѣ* имени ищется еще глаголь, то глаголь является выраженіемъ *цѣлой* мысли, и разъ мы ищемъ только *часть* мысли, то мы можемъ спрашивать только о его *а*, или о его *б*; въ первомъ случаѣ мы спрашиваемъ *τί ποιεῖ*, и получаемъ отвѣтъ *γράφει* а во второмъ — *τίς γράφει*, и получаемъ отвѣтъ *οὗτος*, или *ἀδελφός*, или что нибудь подобное. На *счетную* часть рѣчи мы смотримъ въ этомъ случаѣ какъ на *признаковое* имя (см. стр. 354) и спрашиваемъ о ней

---

*) Отчего только *одною*? Конечно, можно искать и нѣсколько словъ *сразу*, но объ этомъ ниже.

признаковымъ же «*пѳоσι*». «Нарѣчій» мы, положимъ, еще не разбирали, но въ общемъ и *они* суть *имена* (ихъ окаменѣлые падежи), соответственно чему мы и спрашиваемъ о нихъ *именами* же (*формальными* и окаменѣлыми ихъ падежами): о словѣ *καλῶς* мы спрашиваемъ словомъ *πῶς* и т. д. Выходить, что если приходится искать какую нибудь *часть* мысли, то мы, ища, въ сущности, какое нибудь *имя*,*) можемъ это осуществить черезъ *имена* же, — имена формальныя, а въ частности вопросительныя. *Исполнивъ* эту задачу и *отвѣтивъ* на вопросы, мы получаемъ въ рѣчи синтаксическія *сказуемыя*, а части мысли, напередъ установленныя, играютъ при нихъ роль синтаксическихъ подлежащихъ.

Случаямъ, въ которыхъ какая нибудь *одна* часть мысли не установлена и *ищется*, мы должны противопоставить случаи, гдѣ *вся* мысль напередъ установлена, а только извѣстная ея часть, — та, которая потомъ должна сдѣлаться синтаксическимъ *сказуемымъ*, — подвергается *колебанію*. Во фразѣ *орелъ-хищникъ* мы можемъ подвергнуть колебанію *вторую* ея часть (орелъ, ты думаешь, *хищникъ*?), или *первую* (ты *орла* считаешь хищникомъ?), въ примѣрѣ *τὴν τοῦ ἀπείρου λέγεις φύσιν* (Plat. Phil. 25 d) подвергается колебанію слово *ἀπείρου* и т. д. Въ *глаголь* мы можемъ подвергнуть колебанію только его *а* (*οἶμι* = ты такъ *думаешь*?); ибо если бы почему либо нужно было подвергнуть колебанію *б*, то это повело бы къ выдѣленію этого *б* въ особое слово, такъ какъ *подвергаемое* колебанію должно быть *интонируемо* (*σύ ταῦτα οἶμι* = ты такъ думаешь?; сравни выше стр. 180.**)

*) Это еще не значить, что намъ *отвѣтятъ* непременно именемъ; отвѣтъ можетъ получиться въ формѣ какого нибудь *сложнаго* выраженія.

**) Можно подвергнуть колебанію и самую *качественность* сужденія и *время* сужденія, выраженныя въ глаголь (да и отчего не подвергнуть колебанію и *залоговой* и *видовой* отгвѣтки глагола?). Но такое колебаніе, пожалуй, трудно отмѣтить обычною интонаціею, хотя невозможнымъ этого считать нельзя. Впрочемъ, чаще всего въ подобныхъ случаяхъ *прибѣгаютъ къ особымъ выраженіямъ* (иногда съ противопоставленіемъ одного отгвѣтка другому) въ родѣ: *вѣрно* это? — быть можетъ, ты это говоришь *такъ только*? Или: это твое *убѣжденіе*? — быть можетъ, это только твое *желаніе*? Или: это *было* уже? — быть можетъ, это еще только *будетъ*? и т. д.

До какой широты доходить намѣченное въ такихъ колебанияхъ »синтаксическое сказуемое«,*) можно усмотрѣть изъ примѣра »τὸν θεὸν ἐλέγομεν που τὸ μὲν ἄπειρον δεῖσαι τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρασ« (отвѣтъ πάνυ μὲν οὖν. — Plat. Phileb. 23 с), гдѣ изъ »намѣченнаго синтаксическаго сказуемаго« можно исключить только слова θεὸν ἐλέγομεν (θεὸν ἐλέγομεν есть синтаксическое подлежащее).

Во *всѣхъ* случаяхъ, гдѣ *часть* мысли, напередъ вполнѣ установленной, подвергается колебанію, самое колебаніе выражается *тономъ*. Тонъ насъ не касается. Но нѣтъ ли и слова, — нѣтъ ли »частицы«, въ родѣ русскаго »ли«, которая бы въ такихъ случаяхъ такъ или иначе**) присоединялась къ намѣченному синтаксическому сказуемому?

Такую »частицу«, имѣющую значеніе русскаго »ли«, хотятъ видѣть въ ἄρα. Но ἄра не можетъ быть этою частицею. Этимологи *вѣрно* замѣчаютъ, что ἄра есть въ сущности то же ἄρα, которое, будучи этимологически связано съ ἀραρίσχω и съ ἄρθον***), указываетъ на такую или иную (обыкновенно *причинную*), *связь* одной мысли съ другою. Ἄра, повидимому, есть »нарѣчіе«, образованное на подобіе словъ ὄχα, τάχα и пр., есть »окаменѣлый падежъ«, обозначающій »въ связи« — »слѣдовательно« (и русское *слѣдовательно* всякій назоветъ »нарѣчіемъ«, а

*) Можно довести до известной широты »намѣченное синтаксическое сказуемое« и въ *первыхъ* случаяхъ, когда мы *спрашиваемъ* объ именахъ, но тогда приходится *комбинировать* самыя тѣ *формальныя* имена, при посредствѣ *которыхъ* мы спрашиваемъ: τίς τίνα καὶ πῶς εἶ ποιεῖ (это пусть будетъ отвѣтомъ на вопросъ возбужденный на стр. 451. подстрочнымъ примѣчаніемъ).

**) Я говорю »такъ или иначе« потому, что такое слово, такая »частица« можетъ быть присоединена опять только къ *слову*, а не ко *всему* »намѣченному синтаксическому сказуемому«. *Какъ* въ этомъ случаѣ распоряжается *языкъ*, какое слово избираетъ онъ для присоединенія къ нему »частицы«, какъ *располагаетъ* онъ слова, чтобы »частица« чувствовалась относящеюся ко *всему* »синтаксическому« сказуемому, — это опять такъ дѣло не «симиологии частей рѣчи и ихъ формъ».

***) Это — *прямая* этимология (см. Curtius Grundz. 341. Prellwitz Wörterb. и др.). Бруманъ *не приводитъ* этой этимологіи; онъ только указываетъ (Grundr. I. 231) на связь нашего слова съ однозвучнымъ словомъ въ *литовскомъ* языкѣ и опредѣляетъ его какъ Partikel zur Bezeichnung der natürlichen Folge und dergleichen.

именно окаменѣлымъ *вещнымъ* падежемъ). Такимъ образомъ, фраза *ἄρα τοῦτο ἐγένετο* значить: стало быть, *это* случилось?*) Другими словами, *ἄρα*, т. е. собственно *ἄρα*, — составляетъ ли вмѣстѣ съ *τοῦτο* «намѣченное синтаксическое сказуемое», или принадлежитъ вмѣстѣ съ *ἐγένετο* къ синтаксическому подлежащему, — входитъ *всѣмъ* своимъ значеніемъ въ составъ «напередъ установленной мысли», а если его *удареніе* нѣсколько другое, то въ этомъ нужно видѣть только отраженіе того *общаго* вопросительнаго тона, который *часть* мысли подвергаетъ колебанію, и кромѣ котораго здѣсь никакого *другого* «вопросительнаго средства» *нѣтъ*.

Далѣе, въ видѣ вопросительной частицы выдвигаютъ *οὐκοῦν*. *Οὐκοῦν* представляетъ собою не одно, а *два* слова. Они могутъ появляться въ мысли, подвергающейся колебанію, не только *оба* вмѣстѣ (*οὐκοῦν αἰσχροῦν τοῦτο* = а не правда ли, что это позорно?), но и *порозомъ* (*οὐ τοῦτο αἰσχροῦν ἐστι; βούλει οὖν καὶ Σωκράτει τῷδε ἀνακοινώσομεν τὸν λόγον*), однако, ни то, ни другое не можетъ быть тѣмъ словомъ, котораго мы ищемъ. *Οὐ* нами уже выяснено на стр. 445–6. какъ «нарѣчье», и при томъ его значеніи, которое тамъ, правда, лишь въ *общихъ* чертахъ намѣчено, можно о немъ повторить по отношенію къ *теперешнему* вопросу то же, что нами сказано объ *ἄρα*. Что же касается *οὐ*, то оно, конечно, есть не во-

*) Правда, *ἄρα* часто появляется, между прочимъ, и въ самомъ *началь* рѣчи. Такъ, Платоновскій діалог Alc. II. прямо *начинается* со словъ «ὦ Ἀλκιβιάδη, ἄρα γε πρὸς τὸν θεὸν προβεβήμενος πορεύει». Но это — начало, какое мы часто встрѣчаемъ и въ *русскомъ* языкѣ. Не будетъ ошибки, если мы *данное* мѣсто діалога переведемъ: такъ чтожъ? Алкивиадъ! — мы . . и т. д. Ужъ никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что слово *такъ* («нарѣчье», т. е. окаменѣлый падежъ къ формальному имени *тогда*), *тоже* обозначаетъ «связь съ предыдущимъ». Это «предыдущее» здѣсь только подразумевается, и самое «подразумеваніе» психологически объясняется тѣмъ, что прежде обращенія къ слушателю говорящій *соображалъ* кое о чемъ, и что обращеніе его къ слушателю является слѣдствіемъ и продолженіемъ этихъ соображеній. Кромѣ *такъ* въ приведенной русской фразѣ помѣщено и формальное вопросительное имя *что(жъ)*. Такъ и въ греческомъ языкѣ часто предупреждается мысль, подвергающаяся колебанію, словомъ τ[ὲ] δ[ὲ] τ[ὲ] δ[ὲ] (τί δὲ — ἵκανόν τ' ἀγαθόν; Plat. Phil. 20 d). Объяснять умѣстность этого слова *здесь* мы считаемъ лишнимъ; впрочемъ мы къ нему еще вернемся.

просительное слово, а просто отрицаніе. Вопросительнымъ словомъ его можно назвать въ нашихъ случаяхъ лишь въ томъ смыслѣ*), что появленіе его въ мысли, подвергающейся колебанію, есть *отраженіе* самого колебанія (а не что нибудь, придающее самимъ собою характеръ вопроса данному выраженію). Ибо, подвергая мысль колебанію, я могу проявить это черезъ внесеніе въ ея выраженіе *отрицанія*. Это дѣлается вполне *сознательно*, такъ какъ колебаніе въ томъ и состоитъ, что мысль, чего добраго, можетъ *разрѣшиться* отрицательно.***) Говорятъ нерѣдко о «риторическомъ» значеніи нашего οὐκ (ἀρ' οὐκ περὶ φρονήσεως ἦν καὶ ἡδονῆς ἡμῖν ἐξ ἀρχῆς ὁ λόγος, ὁπότερον αὐτοῖν αἰρετέον. Plat. Phil. 18. e), но «риторичность» въ данномъ случаѣ есть *ироничность*, — есть особое настроеніе говорящаго, въ силу котораго онъ лишь *для вида* подвергаетъ колебанію то, что *для себя* считаетъ *вѣрнымъ*****) Эту ироничность можно иногда и *найти* въ οὐκ, но въ другихъ случаяхъ ея вовсе *нѣтъ* въ немъ. Что наряду съ οὐκ встрѣчается въ нашихъ случаяхъ и μῆ, а также μῶν (= μὴ οὐν, какъ οὐκοῦν), а то и μῶν οὐν (составъ слова μῶν, повидимому, уже *не сознавался*, когда стали прибавлять къ нему οὐν), или μῶν μῆ (μῶν μὴ μακρὸς ὁ λόγος. Plat. Soph. 263 a — μῶν οὐ у Еврипида Med. 733), — это все извѣстно, и разницу между οὐκ и μῆ выяснимъ ниже.

Остаются слова ἦ и εἰ. ἦ, †) по нашему мнѣнію, есть *истинно* вопросительная «частица». Сводитъ ее къ «нарѣчію»

*) Въ этомъ смыслѣ мы и μῆ на стр. 143. назвали «вопросительнымъ».

***) Отъ этихъ случаевъ нужно различать другіе, гдѣ сама мысль, которую я подвергаю колебанію, есть *отрицательная*. Тогда языкъ либо *разстала* иначе слово οὐκ (τοῦτο ἀρ' οὐκ ἀγαθόν ἐστι; — это, стало быть, не есть благо?), или ставитъ въ началѣ οὐκοῦν (οὐκοῦν τοῦτο ἀγαθόν ἐστι; — *в*такъ, это не есть благо?).

****) На стр. 143 мы назвали μῆ «риторически — вопросительнымъ» въ нѣсколько *другихъ* смыслѣ; ниже мы *вернемся* къ этому μῆ.

†) Обыкновенно различаютъ «ἦ-ἦ» и «ἦ-ἦ». Последняго не этимологизируютъ, а первое приводятъ въ связь съ латинскимъ *ve* и санскритскимъ *vā* (Brugmann Grundr. I. 537 и II. 776). Prellwitz (Wörterb. sub voce

нѣтъ основанія, какъ нѣтъ основанія сводить къ «нарѣчію» русское «ли»: ἢ παρ' ἐκείνου φαίνει (Plat. Prot. 309 b = отъ него ты идешь, что ли?). Извѣстно постоянное сопро-вожденіе мысли, передаваемой слушателю, словами ἢ γάρ = такъ, что ли? (о γάρ — ниже).

Если вопросительный тонъ (мы говоримъ о *тонѣ*, а не о *значеніи*, которое остается *всегда* себѣ вѣрнымъ), — если вопросительный тонъ ослабѣваетъ, то наступаетъ орфо-графія ἢ. Это бываетъ прежде всего въ такъ называемомъ «двусленномъ» вопросѣ: ὦ ξεῖνοι, τίνας ἐστέ; πόθεν πλεῖσ' ὄυρά κέλευθα; ἢ τι κατὰ πρῆξιν ἢ μασιδίως ἀλάλησθε οἶά τε ληιστῆρες ἐπέω ἄλλα, τοί τ' ἀλῶνται ψυχὰς παρθέμενοι. κακὸν ἀλλοδαποῖσι φέροντες; (Od. ι 252) = кто вы, откуда вы? — за дѣломъ ли какимъ њибудь љдете, такъ ли только скитаетесь по морю? Вопросительнаго тона не *нужно* было *особенно* подчеркивать въ ἢ, такъ какъ онъ достаточно отмѣченъ раньше въ словахъ τίνας и πόθεν (кто прочтетъ правѣльно все мѣсто по русски, тотъ *убѣдится* въ ослабленіи тона послѣ *первыхъ* вопросовъ); но что самъ *вопросъ* тянется *до конца* мѣста, — это не подлежитъ ни *малѣй-шему* сомнѣнію. Омиръ, впрочемъ, — въ *усиленіи* вопро-сительнаго тона всякій воленъ, — ставить и здѣсь *про-тяжное* ἢ, особенно если на то наталкиваютъ *метрическія* требованія: ὦ μοι ἐγώ, τέων αὔτε βροτῶν ἐς γαῖαν ἱκάνω; ἢ ρ' οἱ γ' ἐβριστάι τε καὶ ἄγριοι οὐδὲ δίκαιοι, ἢ ἐ (тоже одинъ видъ *протяжнаго* ἢ, который и *нуженъ* былъ по *ме-трическимъ* соображеніямъ) φιλόξενοι, καὶ σφιν νόος ἐστὶ θεουδής (Od. ζ 119).

Обыкновенно «двусленный» вопросъ вводится словомъ *пότερον*: οἱ φαίνονται καὶ λέγοντες, ἂ μὴ ἴσασι, καὶ πράτ-τοντες, πότερά σοι δοκοῦσι ἐπὶ τοῖς τοιοῦτοις ἐπαίνου μάλλον

ἢ ἐ) говорить: ἢ-ἢ = *oder*, aus ἡFέ, altindisch vā oder . . . Мы, руководясь непосредственнымъ чувствомъ *значеніи* обонхъ словъ, не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что это — *одно* слово. Такъ, впрочемъ, полагаетъ и Bergmann (Opusc. I. 209) и Bäumlein. Послѣдній говоритъ (Partik. 125): wir können es *nicht für unmöglich* erklären, dass ἢ aus dem *ver-sichernden* oder *fragenden* (итакъ, *два* значенія!) ἢ hervorging.

ἢ ψόρου τυγχάνειν; (Хен. Мемог. II. 6. 16) = чего из двухъ, по твоему, они заслуживаютъ: похвалы скорѣе, поощренія ли? Два вопроса, заключающіеся здѣсь, представляются »предметами обсуждения«, и на оба »предмета« указывается *предварительно* словомъ *πότερον*, какъ и прежде (см. стр. 456. подстрочное примѣчаніе), въ »*τί δὲ, ἕκαστον τ' ἀγαθόν*»; *одинъ* вопросъ, т. е. *одинъ* предметъ обсуждения, предупреждался словомъ *τί*. Не было бы ничего неестественнаго въ томъ, если бы и въ нашемъ *двучленномъ* вопросѣ оба вопроса приняты были за *одинъ* предметъ »обсужденія« и также предупреждены словомъ *τί* (*τί δὲ, τρέφεται καὶ γίγνεται ἐκ τούτου καὶ ἀρχεται τὸ τοῦ παντός πῦρ ἐπὶ τοῦ παρ' ἡμῖν πυρός ἢ τοῦναντίον ἐπ' ἐκείνου τὸ τ' ἐμὸν καὶ τὸ σὸν καὶ τὸ τῶν ἄλλων ζώων ἅπαντα ἴσχει ταῦτα*; — Plat. Phil. 29 с). Нечего распространяться о томъ, что ни *τί*, ни *πότερον* не слѣдуетъ толковать по *первоначальному* ихъ смыслу за принадлежность *перваго* члена этого двойнаго вопроса, а что они являются чѣмъ то *самостоятельными*, и *первый* членъ вопроса при нихъ остается безъ *всякой* вопросительной »частицы« (онъ можетъ оставаться безъ частицы и тогда, если бы никакого *τί* и никакого *πότερον* не было: *οἶσθα οὖν ὃ μέλλεις νῦν πράττειν, ἢ σε λανθάνει*; — Plat. Prot. 313 b). Конечно, при *привычки* предупреждать *двучленный* вопросъ словомъ *πότερον*, сознание его какъ *самостоятельнаго* могло иногда и *ослабнуть*, и могли появляться такія фразы какъ *τινες κατήρξαν, πότερον Ἕλληνες μάχης ἢ παῖς ἐμός* (Aesch. Pers. 351). До такого ослабленія не могло дойти *τί* просто потому, что оно, въ силу своего значенія, никакого отношенія собственно къ *двучлену* не имѣетъ (раньше сказано, что оно могло предупреждать собою *двучленный* вопросъ какъ *одинъ* »предметъ обсуждения«). Если оно иногда и *чувствуется* *срастающимся* съ *первымъ* членомъ въ нѣчто единое, и если вышеприведенное *τί δὲ τρέφεται καὶ γίγνεται* и т. д. мы могли прочесть такъ, что между *τί δὲ* и *τρέφεται* не нужно было дѣлать почти никакой паузы), то это ведетъ только къ тому, что *второй* членъ вопроса не получаетъ

даже значенія члена, а чего то *добавочнаго*, въ *первоначальномъ* планѣ мысли вовсе не *заключавшагося* (чтоже, онъ питается нашимъ огнемъ? — а можетъ быть нашъ огонь питается имъ?).

Что *второй* членъ какого бы то ни было «двучленнаго» вопроса (я не говорю теперь объ *обоихъ* членахъ, *предупрежденныхъ* какимъ нибудь *общимъ* вопросомъ, въ родѣ вышеприведеннаго *τίνας ἐστὶ — πόθεν πλέιτε**), — что *второй* членъ какого бы то ни было двучленнаго вопроса *ослабляетъ* въ себѣ вопросительный тонъ сравнительно съ *первымъ* членомъ, можно опять таки провѣрить на *правильномъ* прочтеніи какого нибудь *русскаго* двучленнаго вопроса. Это ослабленіе вопросительнаго тона во *второмъ* членѣ влечетъ за собою *непремѣнное* появленіе особаго вопросительнаго слова (разъ *тонъ* ослабленъ, то чѣмъ же остается отиѣтитъ вопросъ, какъ не *словомъ*?). Такимъ образомъ, если *первый* членъ, при его еще *сильномъ* вопросительномъ тонѣ, могъ иногда оставаться *безъ* вопросительнаго слова (мы это выше видѣли), то во *второмъ* членѣ должно *непремѣнно* появиться *η*, хотя бы и *не протяжное* (т. е. не *η̄*). Въ *русскомъ* языкѣ *обыкновенно* (это не обязательно; сравни: не знаю, правда ли это, нѣтъ ли) во *второмъ* членѣ ставится *или*. Слово *или* представляетъ собою *compositum* изъ *и* (= *те, και*) + *ли*. Этими «и», въ общемъ обозначающимъ *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь (объ этомъ ниже), только и *отмѣченъ* второй членъ вопроса какъ *второй*, т. е. какъ *плюсъ* къ чему то другому. Это же явленіе мы видимъ въ *греческомъ* *η̄ και*, появляющемся довольно часто (сравни Od. α 175, δ 712 и др.).

Надъ появленіемъ слова *η̄* въ двучленѣ, *не имѣющемъ* характера вопроса, нечего долго останавливаться; оно вполне понятно, и вполне согласно съ *вопросительнымъ* значеніемъ слова *η̄*. Въ самомъ дѣлѣ: двучленъ, *не имѣющій* характера вопроса, прежде всего можно раздѣлить на *conjunctivный*

*) Да и само *πόθεν* и *τί δέ*, чѣмъ оно не «предупредительный общій вопросъ», если оно дѣйствительно *чувствуется* самостоятельнымъ, а не *сросшимся* съ *первымъ* членомъ вопроса.

(онъ хватается и за то, и за другое) и disjunctiv'ный. Въ disjunctiv'номъ двучленѣ и *появляется ἢ*. Да и не есть ли disjunctio *сама по себѣ* нѣкоторый вопросъ? — не могла ли она быть понята въ такомъ смыслѣ, что я, говорящій, *не рѣшаю и оставляю подѣ вопросамъ*, въ ту ли или другую сторону повернетъ самое *рѣшеніе* этого вопроса? Русскій языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ *или-или*. Несомнѣнно, что въ этомъ *или* слово «и» указываетъ на двучленъ *вообще*, а «ли» остается *вопросительнымъ* словомъ. Оборотъ *или панъ, или пропасть* значить: Можетъ быть *и* то, *и* другое; первое *ли* выйдетъ, второе *ли*, — не знаю. Такъ и греческій языкъ рядомъ съ *ἢ-ἤ* употреблялъ когда то *ἢτε-ἢτε* (П. ρ 42: *ἢ τ' ἀλλῆς ἢ τε φόβου*). Двучленъ вообще, хоть conjunctiv'ный, хоть disjunctiv'ный, можетъ быть или *заранѣе* обдуманъ говорящимъ, или является результатомъ лишь какой то *поправки*, какого то *дополненія* къ чему то, казавшемуся раньше *законченнымъ*. Такое впечатлѣніе не-*обдуманнаго* заранѣе двучлена производить фраза: онъ не *захочетъ* этого сдѣлать; да и *неподготовленъ* онъ вовсе къ этому (противопоставь фразу: онъ и *не захочетъ*, и *не сможетъ* этого сдѣлать). Мы не думаемъ утверждать, что *обдуманный* заранѣе conjunctiv'ный двучленъ ведетъ къ употребленію въ *объихъ* его частяхъ слова «и». Простое «онъ не захочетъ и не сможетъ этого сдѣлать», также могло появиться при *обдуманномъ* заранѣе двучленѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что не-*обдуманный* заранѣе двучленъ ведетъ *непрежненно* къ отсутствію въ первомъ членѣ слова «и». Такъ и въ disjunctiv'номъ двучленѣ *ἢ* можетъ появиться только *разъ*, при *второмъ* членѣ (*ὡς δὲ λέων ἐν βοσὶ θορῶν ἐξ αὐχένα ἄξῃ πόρτιος ἢ ἐ βοός, ξέλοχον κάτα βοσκομένων*. — П. ε 162), но особенно должна повліять на такое явленіе *неподготовленность* двучлена (*εἰ τινά που θῆριον ἔλοι ἐσχατόντα, ἢ τινα καὶ φῆμιν ἐν Τρώεσσι πύθοιτο* = а то, чего добраго, и . . . П. κ 207). Въ этихъ случаяхъ второй членъ очень приближается къ характеру *вопроса*. *Формальнымъ* вопросомъ этотъ второй членъ является въ такихъ выраженіяхъ какъ *τοῦτο καὶ ὡς*

ἀποβήσεται. ἢ οἶμι σύγε... (= или ты думаешь, что...? сравни, что выше сказано о «добавочномъ» членѣ въ примѣрѣ τί δὲ τρέφεται καὶ γίγνεται πῦρ...).

Особеннымъ отгѣнкомъ слова ἢ является *сравнительный* отгѣнокъ въ примѣрахъ βελτίων ἢ ἐγώ и т. п. *Замѣчательны* эти слова, употребляющіяся въ сравнительныхъ степеняхъ! Латинскій языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ *quam*. *Quam* есть окаменѣлый падежъ слова *qui-que-quod* и имѣетъ въ данномъ случаѣ *относительное* значеніе, опираясь на извлекаемое изъ него *соотносительное* слово (ср. стр. 443-4). *Major sum, quam tu* значить: какъ ты старъ, такъ я *старше**). Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ *тоже* слышится иногда *какъ*, но чаще употребляется *чѣмъ*, оказывающееся также *относительнымъ* словомъ. *Я старше, чѣмъ ты* значить: благодаря чему ты старъ, благодаря тому я старше. Но русскій языкъ употребляетъ *еще* одно слово при сравнительныхъ степеняхъ. Это — слово *нежели*, и имъ русскій языкъ даетъ намъ ключъ къ разъясненію греческаго сравнительнаго ἢ. Иродотовское (впрочемъ, не *исключительно* Иродотовское) ἐποίησα ταχύτερα ἢ σοφώτερα значить: мой поступокъ былъ болѣе поспѣшнѣйшій а можетъ быть онъ — болѣе умный? (Подразумѣвается *не думаю*; другими словами, фраза ἢ σοφώτερα чувствовалась первоначально выраженіемъ *риторическаго* вопроса, возбуждающаго только *слушателя* подумать о содержаніи его,

*) — поскольку ты *старъ*, постольку я *старше*. Это разсужденіе напоминаетъ намъ статью Schoemanna: über die Comparativpartikeln der griechischen und verwandten Sprachen (Höfers Zeitschrift 1853, pag. 131 seq). Schömann приводит нѣкоторыя мѣста, гдѣ и въ греческомъ языкѣ при comparativ'ахъ употребляется ὡς. Онъ указываетъ на то, что случаевъ такого употребленія было бы гораздо больше, если бы комментаторы и издатели, не справляющіеся съ такимъ ὡς и не понимающіе его (онъ его толкуетъ приблизительно такъ же, какъ мы), не успѣли замѣнить его словомъ ἢ. Употребленіе слова ὡς въ сравненіяхъ наводитъ Шемана на мысль, не есть ли и ἢ этимологически то же самое, что ὡς, т. е. не есть ли ἢ, *вмѣсто* ἢ (тонкое придыханіе часто чередуется съ густымъ), -adverbial'ная- форма отъ ὄς - ἢ - ὄ. Съ послѣднимъ мы согласиться не можемъ, такъ какъ тогда не получается синтаксическое единство во всѣхъ случаяхъ употребленія если не *всего* ἢ - ἢ, то по крайней мѣрѣ одного ἢ (дальше мы не намѣрены распространяться объ этой мысли, предоставляя *читателю* проверить ее по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы разсуждаемъ объ ἢ).

и рѣшеннаго самимъ говорящимъ въ *отрицательномъ* смыслѣ*). Такъ и фразѣ *πρεσβύτερος εἰμι σοῦ* я придаю первоначальный смыслъ: я старше, или можетъ быть ты такъ старъ? Русское *я занимался усерднѣе нежели ты*, по моему мнѣнiю, обозначало первоначально: я занимался усерднѣе; *не — уже* (= же) — ли ты занимался такъ усердно? Чешскiй языкъ *пропускаетъ* вопросительное »ли« и выражается такъ: *on myslil o tom více než ty* = онъ думалъ объ этомъ больше; *не ты же* объ этомъ такъ думалъ!

При такомъ объясненiи сравнительнаго ἤ приходится чувствовать самую сравнительную степень въ томъ »*absolut'номъ*« значенiи, на которое наши грамматики указываютъ, какъ на *особый* оттѣнокъ comparativ'a. Да и не является ли absolut'ное значенiе comparativ'a первоначальнымъ? Иначе трудно было бы объяснить, почему, напр., славянскiе языки съ такими натяжками образуютъ у себя *превосходную* степень. И не въ absolut'номъ ли значенiи нужно толковать тотъ comparativ, который принимаетъ къ себѣ удалительный падежъ? (сравни выше стр. 390). Конечно, въ концѣ концовъ *потерялось* сознание *вопросительнаго* значенiя слова ἤ въ нашихъ случаяхъ. При *вопросительномъ* значенiи оно *оторвано* отъ comparativ'a (между нимъ и comparativ'омъ приходится дѣлать паузу), между тѣмъ какъ мало по малу привыкали его считать непремѣнною принадлежностью comparativ'a, такъ что оно *срослось* съ нимъ въ одинъ *компактный* оборотъ, и самъ comparativ получилъ значенiе »не-absolut'наго«. Немного еще чувствуется вопросительный оттѣнокъ сравнительнаго ἤ въ оборотѣ *οὐδέν· ἄλλ' ἢ τοῦτο* (= ничего другого, *развѣ только* это), но чрезвычайно трудно его внести напр. въ выраженiе *μείζω καὶ ἢ ὥστε ἀνιχλαίειν* = большiя дѣйствiя = чѣмъ чтобы ихъ (можно было) оплакивать = большiя, чѣмъ въ такой степени, *въ какой* бы ихъ оплакивать (ὥστε есть

*) Иногда вопросъ этотъ — вовсе не риторическiй. Какое нибудь *παυτερος ἢ μακρότερος* (сравни чешское *on jest širší než delší*) прямо чувствуется въ *такомъ* смыслѣ, что длинна съ толщиною можетъ *поспорить*, и что еще неизвѣстно, что надъ чѣмъ возьметъ верхъ.

относительное »нарѣчіе«, опирающееся на *соотносительное* слово; оно образовано отъ »относительнаго« $\delta\varsigma - \eta - \delta$ съ прибавленіемъ къ нему $\tau\epsilon$, какъ и къ самому $\delta\varsigma$ — у Омира *очень* часто — прибавляется $\tau\epsilon$; объ этомъ ниже*).

И, притомъ всегда съ *протяжнымъ* удареніемъ, употребляется также въ смыслѣ *утвердительной* »частицы«, т. е. для подкрѣпленія *правильности* отнесенія синтаксическаго сказуемаго къ синтаксическому подлежащему: $\epsilon\iota \delta\epsilon \epsilon\pi\omicron\varsigma \Pi\eta\lambda\eta\acute{\alpha}\delta\epsilon\omega \phi\acute{\upsilon}\lambda\alpha\zeta\epsilon\nu, \eta \tau' \acute{\alpha}\nu \upsilon\pi\acute{\epsilon}\chi\phi\upsilon\upsilon\epsilon \chi\eta\omicron\alpha \kappa\alpha\chi\eta\nu \mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\nu\omicron\varsigma \theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\omicron$ = то онъ *навѣрно* избѣгъ бы смерти. Разъ η всегда при этомъ отгѣнкѣ появляется съ *протяжнымъ* удареніемъ, то самый отгѣнокъ долженъ былъ выйти изъ того *неослабленно-вопросительнаго* η , съ котораго мы *начали* разбор нашей частицы.**)

*) Итакъ, еще одно объясненіе сравнительнаго η , — еще одно къ тѣмъ многимъ, по поводу которыхъ Ziemer (indogerm. Compar. 150) восклицаетъ: quot capita, tot sententiae. Ziemer, въ своей собственной sententia, во многихъ отношеніяхъ разсуждаетъ правильно, и я многимъ ему обязанъ, но онъ не вникъ въ возможность выходить при своихъ объясненіяхъ отъ *вопросительнаго* η . Онъ его и не считаетъ »первоначально« — *вопросительнымъ*, а принимаетъ его за »betuerndes«: es müsste uns die schwerer wiegende Rücksicht auf die Thatsache, dass das interrogative η aus dem asseverierenden η nach ziemlich gleichförmiger Annahme der Sprachforscher, gleichwie $\acute{\alpha}\rho\alpha$ aus $\acute{\alpha}\rho\alpha$ hervorgegangen ist, stutzig machen und davor warnen, den Ursprung des η nach Comparativ in ein so entlegenes Gebiet wie das des betuernden η zurückzuführen. Die Form η , in welcher Bedeutung sie auch auftritt, muss demnach für unsere Frage ganz aus dem Spiele bleiben (indogerm. Compar. 160.).

**) Да, именно такъ, а не наоборотъ, т. е. не *вопросительное* вышло изъ *утвердительнаго*. Въ этомъ мы расходимся съ Hermann'омъ, который говоритъ (Opusc. I. 209): Particula comparativa nihil aliud est quam η . mutato cum significatione accentu. Illud η proprie significabat profecto . . . Manente hoc significatione in interrogationibus usurpari incipiebat . . . leniter hinc deflexit significatio, ut indicaret *an forte* . . . Haec dubitantis interrogationis significatio traducta est deinde etiam ad alias formulas, ut *πότερον-η* . . . Indidem talia sunt, ut $\eta\mu\acute{\iota}\nu \acute{\alpha}\nu\alpha\kappa\lambda\iota\nu\alpha\iota \pi\upsilon\kappa\iota\nu\omicron\nu\acute{\nu} \nu\acute{\epsilon}\phi\omicron\varsigma \eta\delta' \epsilon\pi\iota\theta\epsilon\iota\nu\alpha\iota$, id est sive — sive. Neque $\eta\delta\acute{\epsilon}$, et significans, aliam habet originem, quod initio erat *vel etiam*. Sed nudum η quum esset *an forte*, mox etiam *vel et aut* significare coepit ($\eta \tau\acute{\iota}\omicron\nu$, $\eta \acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\tau\omicron\varsigma$), quia hoc ipsum est interrogantis, et quasi semet, utrum hoc, an illud malit interrogantis. Itaque multo usu factum est, ut η simpliciter *aut* significaret. et ibi quoque usurparetur, ubi omnis interrogatio abesset . . . Iam vero unde est, quod hanc particulam significare volunt *quam?* Verum est, eam *se esse* interpretandam, quum latine loquimur: falsum est autem, hanc significationem inesse huic particulae. Nam praeterquam, quod nihil inter se commune aut cognatum habent harum particularum significationes, ne opus quidem est, ut quum η *quam* notare videtur, a propria ejus potestate discedamus. Commodè

мы рассуждаемъ слѣдующимъ образомъ. Вопросительное *ῆ* есть, конечно, выраженіе колебанія. Чьего? Прежде всего, — колебанія самого говорящаго, задающаго себѣ вопросъ, такъ ли онъ рассуждаетъ. Затѣмъ, — говорящаго и слушателя *совмѣстно, отождествленныхъ* въ данномъ случаѣ самимъ говорящимъ (сравни фразу: «не *это* ли мы должны принять въ руководство?»; подъ *мы* нужно разумѣть *я да ты*). Но вопросъ, заключающійся въ *ῆ*, можетъ быть обращенъ исключительно къ *слушателю*. Мы сплоснь да рядомъ сопровождаемъ наши *категорическія* заявленія слушателю выраженіями «не правда ли?» — «а?» , или какимъ то смѣшаннымъ звукомъ, состоящимъ изъ *ж* и *н* и сопровождающимся вопросительнымъ *тономъ*. И этими средствами мы хотимъ не только привлечь слушателя къ *соглашенію* съ тѣмъ, въ чемъ мы сами убѣждены, но и, устремляя часто при этомъ на него свой испытующій взглядъ, уничтожить въ немъ *всякое* колебаніе относительно того, что говоримъ. Такое «*ж(н)?*», которое мы произносимъ въ этихъ случаяхъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ: какъ ты думаешь? — я *вѣрно* говорю. Такой же смыслъ имѣетъ и греческое «утвердительное» *ῆ*. Потому то оно и употребляется при клятвахъ и обѣщаніяхъ, такъ какъ клятвы и обѣщанія носятъ на себѣ *именно* характеръ, такъ сказать, *публичности* и желанія

enim ea etiam in comparatione locum habet: *ἔτοι βίλτερόν ἐστι κατ' ὄφρα θῆρας ἐναίρειν ἀγροτίρας τ' ἐλάφους, ἢ κρείσσοσιν ἴφι μάχεσθαι* id est proprie: *melius sane est feras occidere; an forte dimicare cum fortibus melius est?* Confirmat hanc interpretationem formula, quam Latini a Graecis acceperunt, rectius ea utentibus: *πρόθυμος μᾶλλον ἢ σοφώτερα* . . . Haec si recte disputavimus, nulla est ellipsis in talibus locis ut *ἐπεὶ νεφέλην ἔρετα Ζεὺς Τρωσὶν δὴ βόλεται δοῦναι κράτος, ἢ ἔπερ ἡμῖν*. Nam id proprie dictum est: *Jupiter Trojanorum vult victoriam esse; an ille eam nostram esse vult?* Относительно *перваго* положенія о переходѣ *утвердительною* значенія въ вопросительное мы несогласны съ Нерманн'омъ потому, что 1. вопросительному значенію, столь *развѣтвленному* свое значеніе, гораздо приличнѣе стоять во главѣ, чѣмъ утвердительному, остающемуся *безъ* симасіологическаго движенія; 2. утвердительныхъ «частицъ» и *помимо* *ῆ* греческій языкъ развилъ много, какъ ниже окажется; 3. вопросительная «частица» была *нужна* языку для *самыхъ примитивныхъ* его потребностей (тонъ — тономъ, но полезно и *предупредить* этотъ тонъ какимъ нибудь средствомъ, тѣмъ болѣе, что въ многихъ случаяхъ онъ можетъ установиться и обнаружиться только съ *теченіемъ* рѣчи, а никакъ не на самомъ первомъ *словѣ*).

уничтожить *всякое* недоумѣніе въ томъ, *передъ* кѣмъ я «клянусь».

Остается рассмотреть *εἰ*. *Εἰ* употребляется въ синтаксически подчиненныхъ *вопросахъ* (въ двучленныхъ — *εἰ-ἤ*, а то и *εἴτε-εἴτε*, соответствующее, по вопросу о *τε*, русскому *и + ли — и + ли*), въ «предложеніяхъ, выражающихъ *условіе*», и въ выраженіяхъ *желанія* (*εἰ τοῦτο γένοιτο, εἰ τοῦτο ἐγένητο*). Что изъ вопросительнаго значенія легко вывести и условное, и желательное, — это лучше всего доказываетъ русскій языкъ, который во *всѣхъ* трехъ случаяхъ употребляетъ «*ли*». *) Оно и понятно: условіе, а также желаніе есть нѣчто, чего я самъ *не рѣшаю*, а только на *основаніи* чего я рѣшаю, оставляя *осуществленіе* этого основанія *открытымъ*, т. е. подъ *вопросомъ*. **)

Если бы греческое *εἰ* *дѣйствительно* было первоначально *вопросительнымъ*, то разница между *ἤ* и *εἰ* заключалась бы въ томъ, что *εἰ* принадлежало бы исключительно синтаксически *подчиненнымъ* предложеніямъ, а *ἤ* было бы вопросительное *общее*. Но тогда нужно бы признать синтаксическую подчиненность столь же давнюю, сколь давнимъ представляется и само *εἰ*. Такъ какъ и *условіе* связано съ синтаксическою подчиненностью, то и *условное* значеніе слова *εἰ* нельзя считать первоначальнымъ. Въ виду этого, не слѣдуетъ ли принять за первоначальное значеніе слова *εἰ* — *желательное*? Такое значеніе 1. — могло бы оказаться *нужнымъ* греческому языку, такъ какъ желательное наклоненіе относится только къ *будущему* времени, а желаніе, относящееся къ *прошедшему* времени, *кромя εἰ* выразить нечѣмъ: 2. — не являлось бы излишнимъ нагроможденіемъ *средствъ*,

*) Хотя въ *условныхъ* предложеніяхъ русскій языкъ употребляетъ обыкновенно *если* (иногда слышишь и *ли*; въ чешскомъ языкѣ *postomně* li), но извѣстно, что *если* разлагается, въ сущности, на *есть-ли*. Такъ и желательное «*если бы я зналъ все, что знаютъ другіе!*» можно свести къ простому «*ли*».

**) Особенно замѣчательны случаи, гдѣ условіе прямо *исключается* изъ матеріала, имѣющаго для меня, т. е. для моего *рѣшенія*, такое или иное значеніе. Это бываетъ при *двучленныхъ* условіяхъ. Замѣчательны они прежде всего тѣмъ, что тутъ русскій языкъ употребляетъ *простое* «*ли*», а не *если*: то ли случится, дру.ос ли (= *εἴτε-εἴτε*), все равно я поступаю такъ то.

такъ какъ ѣ осталось бы тогда *единственнымъ* вопросительнымъ; 3. — было бы способно, не въ меньшей степени, чѣмъ вопросительное, развѣтвиться въ *остальные* два, т. е. въ условное*) и въ «косвенно вопросительное»**). Вопросъ только въ томъ, есть ли это «частица», а не «нарѣчіе».

Да, представляетъ ли *εἰ* «частицу»? Такое утверждение прежде всего подрывается словомъ *ἐλεῖ*. *Ἐλεῖ* есть несомнѣнно расширенное *εἰ* и употребляется по *большой* части (но *только* «по большей части») *причинно*. Намъ не вѣрится, чтобы *первая* часть слова *ἐλεῖ* была тождествена съ предлогомъ *ἐπί*,***) да если бы это и было такъ, то *ἐπί* ничего «причиннаго» въ *ἐλεῖ* не внесетъ. *Ἐλεῖ* можетъ быть *причиннымъ* лишь постольку, поскольку *εἰ* является *условнымъ*. Ибо причина и условіе есть нѣчто *почти* одно и то же; разница только въ томъ, что я съ *причиною* считаюсь какъ съ *фактомъ*, а осуществленіе условія я оставляю «подъ вопросомъ». Да, но если условное *εἰ*, хотя бы и расширенное въ *ἐλεῖ*, однако расширенное такъ, что само расширеніе ничего *причиннаго* въ него *не внесло*, — если это *εἰ* допускало *причинное* значеніе т. е. указаніе

*) Сравни стр. 146.

***) Когда я колеблюсь, утверждать ли что нибудь, или нѣтъ, то самое это «что нибудь» можетъ *дѣйствительно* быть разсматриваемо какъ мое *desideratum*. Замѣчательно, что при *одночленномъ* косвенномъ вопросѣ (двучленный, какъ болѣе *сложное* выраженіе, надо думать, развѣлся позднѣе, когда косвенно вопросительное значеніе *утвердилось* уже какъ *особый* отгѣнокъ, отличный отъ другихъ двухъ), *εἰ* никогда не употребляется съ тѣмъ *отрицаніемъ*, на которое мы *тоже* указывали какъ на выраженіе колебанія (смотри выше стр. 467). Мы можемъ сказать «*οὐκ οἶδα, εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν* и *только*. Какое нибудь «*ὅτι τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν*»; не *вмѣщается* въ «косвенно вопросительную» схему, приближающую къ *εἰ*. Если «*ὅτι τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν*», какъ выраженіе *колебанія*, можно чувствоваться выраженіемъ *отрицанія* того, что я «думалъ бы», но не рѣшаюсь высказать *прямо* (такое впечатлѣніе можетъ *произвести* выраженіе «это не есть благо?», если въ немъ нѣтъ «*риторическаго*» отгѣнка), то въ *εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν* выражено, что я «*желаю* бы» въ томъ-то видѣть благо, а только *не знаю* (*οὐκ οἶδα*) объ этомъ ничего положительнаго.

****) Такую этимологію предлагаетъ Etymologicum Magnum (*ἐκ τῆς ἐπί προθέσεως καὶ τοῦ εἰ βυβαλλοῦ βυυδέσμου*); ее поддерживаетъ Curtius (Grundz. 266, sub voce *ἐπί*): der adverbiale Gebrauch von *api* findet sich im gr. *ἐπί* wieder, wo *ἐπί* die vorausgenommene Partikel des Nachsatzes im Sinne von *dann* ist.

на что нибудь какъ на *фактъ*, то оно не могло вырости изъ «желательнаго» значенія, и врядъ ли тогда и желательное значеніе слова *εἰ* было первоначальнымъ. *Ἐπεὶ*, — какъ, впрочемъ, и *εἰ*, — чувствуется «относительнымъ» словомъ, ищущимъ къ себѣ «соотносительнаго», и если «соотносительнымъ» къ *εἰ* нужно признать *εἶτα*, то «соотносительнымъ» къ *Ἐπεὶ* должно быть *ἔπειτα*. Эта «соотносительность» наводитъ на мысль, не есть ли *εἰ* «окаменѣлый падежъ» относительнаго формальнаго имени, стало быть, не есть ли оно «нарѣчіе»? Мы не можемъ одобрить съ *симасіологической* точки зрѣнія, производство его отъ темы *γα*, встрѣчающейся въ *возвратныхъ* формальныхъ именахъ. Хотя этимологи на этомъ производствѣ не особенно настаиваютъ, но въ подкрѣпленіе его приводятъ то обстоятельство, что у Омира первый слогъ слова *ἔπει* — долгій, что объясняютъ какъ слѣдъ первоначальнаго накопленія *согласныхъ звуковъ* послѣ начальнаго *ε* въ самомъ словѣ *ἔπει*.*) Не есть ли въ такомъ случаѣ *εἰ* и *ἔπει* какой нибудь окаменѣлый падежъ темы *γα*, встрѣчающейся въ *μιν* и въ *ὄσ-ῆ-δ*,***) и не слѣдуетъ ли долготу въ *ἔπει* объяснять какъ слѣдъ первоначальной *positionis*, вызванной тѣмъ, что послѣ начальнаго *ε* въ *ἔπει* слѣдовали за собою согласные звуки *p* и *j*?***)

Если бы это было такъ,†) тогда бы все, что мы до сихъ поръ слышали объ *εἰ*, получило совершенно другой

*) Curtius Grundz. (396, sub voce *οἰ-οἶ-ε*): Hierher gehört mit Sicherheit lat. *si* und höchst wahrscheinlich gr. *αἰ-εἰ*, daher hom. *επει* mit langer, aus *επφι* erklärbarer erster Sylbe.

**) Эту этимологию предлагаемъ не мы первые. Ее предлагаетъ и Воргъ (Vergl. Gramm. III. 484): das griech. *εἰ* könnte als Verstümmelung von *εἶ* gefasst und somit mit *yadi* vermittelt werden, wozu es sich ungefähr verhalten würde, wie z. B. *φῆρε* zu *bharāti*.

***) Если бы все это было такъ, то не суть ли приведенныя на стр. 445 слова *ὄπειος* и др. первоначально «относительнымъ», и не относятся ли *этимологически* слово *οἶος*, съ его начальнымъ *ο* и густымъ придыханіемъ, къ слову *ὄπειος*, какъ *εἰ*, съ его начальнымъ *ε* и слабымъ придыханіемъ, относится къ *επει*? Не слѣдуетъ ли дальше омировскую орфографію *ὄπειος* объяснять такъ, что второе *π* есть ассимилированный къ первому *π* звукъ, происшедшій изъ первоначальнаго звука *j*?

†) Нѣкоторое затрудненіе, при производствѣ слова *εἰ* отъ темы *γα*, возникаетъ относительно того, какъ могло *εἶτα*, коего первая часть заключаетъ

смыслъ, и выяснилось бы многое, что при прежнемъ толкованіи слова εἰ должно было вызывать недоумѣніе. Тогда:

1. — Желательное εἰ было бы *собственно* «восклицательнымъ», какъ ему вполнѣ приличествуетъ въ качествѣ «окаменѣлаго падежа» *относительнаго* формальнаго имени (εἰ τοῦτο γένοιτο = кабы = какъ бы это случилось!).

2. — Какое нибудь «условное» εἰ ἂν ἐθέλῃς, δῶσω пришлось бы толковать: въ какомъ случаѣ (= если) ты захочешь, въ такомъ (= то) я тебѣ дамъ то-то. Такъ и εἰάντε ἐθέλῃς εἰάντε μή, ποιῶσι значило бы: и въ томъ случаѣ, въ которомъ (= если) захочешь, и въ томъ, если не захочешь, я сдѣлаю то-то.

3. — «Косвенно» вопросительная роль слова εἰ развила бы изъ относительной на томъ же основаніи, на какомъ и относительныя формальныя имена исполняли эту роль.

4. — «Причинное» ἐπεὶ могло бы *дѣйствительно* знакомить съ «фактомъ», какъ и «относительныя» предложенія часто знакомятъ съ «предметомъ» (сравни выше стр. 443).

5. — Понятна была бы «коррективная» роль слова ἐπεὶ: οὐ γὰρ λαθεῖν τῶν ἀρθρώπων τοὺς δυναμένους ἐν ταῖς πόλεσι πρόττειν, ὧνπερ ἕνεκα ταῦτ' ἐστὶ τὰ προσχήματα, ἐπεὶ οἱ γέ πολλοὶ ὡς ἔπος εἰπεῖν οὐδὲν ἀσθάνονται (Plat. Prot 317 a) = причемъ (= «при этомъ, конечно» = хотя) толпа ничего не смыслить.

6. — Продотовское ἐπεῖτε вмѣсто ἐπεὶ оказалось бы вполнѣ аналогичнымъ тому «относительному» ὅστε, которое такъ часто встрѣчается у Омира.

Въ себѣ *ту же* «относительную» тему *ya*, исполнять роль «соотносительнаго» слова, стало быть, — ту роль, которую при ὅς и другихъ исполняютъ *аналогически* слова οἷτος, τοιοῦτος и пр.? Мы не знаемъ ничего о *второй* части слова *εἶτα*; мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ эта вторая часть *способна* была сдѣлать изъ «относительнаго» слова «соотносительное». Но если бы даже *этой* способности въ ней не было, то развѣ сама тема *ya* не могла быть и «соотносительною»? Относительность есть синтаксическая *подчиненность*, и какъ слово ὅς первоначально не указывало на синтаксическую подчиненность, а просто обозначало «*онъ же*», такъ и *εἶτα* могло оставаться при *первоначальномъ* значеніи темы *ya* и могло обозначать «*тутъ же*».

7. — Значеніе слова *ἔπειτα* получило бы правильное истолкованіе. *Ἐπειτα*, какъ соотносительное къ «причинному» *ἐπεὶ*, должно обозначать: вслѣдствіе этого = вслѣдъ за тѣмъ. Переведенное на временное, оно должно получить смыслъ *«тотчасъ послѣ этого»*. Такое значеніе дѣйствительно *замѣчается* въ *ἔπειτα*. Извѣстно Софокловское τ' *ἔπειτα καὶ τὸ μέλλον καὶ τὸ πρὶν ἐπικρατεῖ νόμος ὄδῃ* (Antig. 611). Изъ соединенія слова *ἔπειτα* съ выраженіемъ τὸ μέλλον мы можемъ усмотрѣть, что *ἔπειτα* вовсе не имѣетъ смысла русскаго *«въ будущемъ когда нибудь»*, а указываетъ на непосредственно слѣдующее послѣ «настоящаго» момента. Оно, какъ временное, по отношенію къ будущему есть то же самое, что *ἄρτι* по отношенію къ прошедшему времени.*) Кому неизвѣстно Омировское *ἔπειτα*, которое постоянно встрѣчается въ смыслѣ *тогда же*, а то и простаго аподотического *«то»*? Только изъ значенія *«вслѣдъ за настоящимъ моментомъ»* развилось значеніе *«впредь»* = въ будущемъ.

L. Lange, въ самомъ введеніи своего объемистаго сочиненія »Partikel *εἰ*«, подвергаетъ обстоятельной критикѣ ученіе нашихъ грамматиковъ, которые, различая желательное, условное и вопросительное значеніе слова *εἰ*, ставятъ во главѣ всѣхъ отбѣнковъ то вопросительный, то желательный, то условный. Самъ онъ, прежде всего, не ставитъ себя въ зависимость ни отъ какихъ *этимологическихъ* соображеній, въ частности же, отъ болѣе *принятаго* производства слова *εἰ* отъ темы *swa*. Онъ говоритъ: Wir' könnten erst aus der vermittelst der Beobachtung des ältesten Sprachgebrauchs ermittelten Grundbedeutung feststellen, wie jene Bildung des Stammes *swa* aufzufassen sei, während es unmethodisch sein würde aus einer vorgefassten etymologischen Interpretation jener Bildung heraus den Gebrauch der Partikel beurtheilen zu wollen. На основаніи подробнѣйшаго разбора всѣхъ случаевъ употребленія слова *εἰ* у Омира, онъ доходитъ до

*) *ἄρτι*, очевидно, происходитъ отъ темы *ἀρ* и значить: *въ связи съ настоящимъ = не отрываясь отъ настоящаго = не отрываясь отъ настоящаго по отношенію къ прошедшему времени (значеніе «связилось») = только что.*

слѣдующаго вывода (стр. 565): Es ist kein Grund vorhanden den Satz zu bezweifeln, dass *ei* eine *interjectionale* Partikel sei, gleich geeignet zur Einleitung von Wünschen und Fallsetzungen. Этотъ выводъ онъ строитъ преимущественно на тѣхъ приведенныхъ у него на стр. 523 явленіяхъ, гдѣ *αἰ γάρ* употребляется *совершенно самостоятельно* и *нисколько не связано* съ конструкціею слѣдующей за нимъ рѣчи: *αἰ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἄπολλον, οἷος Νήριχον εἶλον . . . τοῖος εἶών τοι χθιζός . . . ἐφροσάμεναι καὶ ἀμόνευιν ἄνδρας μνηστῆρας* (Od. ω 376). Какъ же намъ отнестись къ этому и подобнымъ примѣрамъ? Если въ нашемъ примѣрѣ *αἰ γάρ* употреблено самостоятельно, то такъ же самостоятельно употреблено въ немъ и глагольное имя. Какъ мы относимся и *должны*, кажется, относиться къ самостоятельному употребленію глагольнаго имени, — выяснено нами на стр. 157. Точно такъ же мы должны отнестись здѣсь и къ *αἰ γάρ*. Изъ факта его *interjectional'наго*, какъ говоритъ Lange, употребленія не слѣдуетъ, что оно есть междометіе. Его *interjectional'ное* положеніе вызвано такимъ же *риторизмомъ*, какимъ вызвано и самостоятельное употребленіе глагольнаго имени. Оно, по нашему мнѣнію, должно быть не точкою *отправленія* при опредѣленіи симасіологіи слова *ei*, а чѣмъ то, на что должно быть обращено вниманіе уже *въ концѣ*, когда *ei* выяснено въ *связной* рѣчи, и что составляетъ задачу *высшаго* синтаксиса, слѣдующаго *за* симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Такимъ образомъ, разсужденіе Lange не можетъ насъ уклонить отъ нашего мнѣнія, по которому мы считаемъ *ei* за окаменѣлый падежъ относительнаго формальнаго имени *ὄς-ῆ-ὄ*, а не за *частицу*.

Выходитъ, что изъ всѣхъ словъ, которыя мы до сихъ поръ разбирали, и которыя такъ или иначе связаны съ *вопросительнымъ тономъ* *намѣченныхъ синтаксическихъ сказуемыхъ*, только *одно* оказалось *вопросительною частицею* (да большіе ихъ языку не нужно было); это — *частица* *ῆ*.

Но на вопросъ требуется *отвѣтъ* и, вообще, *разсужденіе* по поводу вопроса. Въ вопросѣ мы установили *два*

вида: мы или спрашиваемъ о чемъ нибудь, напередъ нами не установленномъ, или подвергаемъ лишь *колебанію* «на-мѣченное синтаксическое сказуемое». Въ первомъ случаѣ спрашиваемъ *именами*, а согласно съ этимъ и *отвѣчаемъ* именами, призахватывая къ нимъ иногда, въ видѣ повторенія или ради полноты рѣчи, и другія слова, встрѣтившіяся въ вопросѣ (*τί γράφεις; — ἐπιστολήν γράφω*). На *установленное* же напередъ «синтаксическое сказуемое» мы *отвѣчаемъ* прежде всего *да* или *нѣтъ*. Для «да» имѣется въ греческомъ языкѣ утвердительная «частица» *vai* (*vaxi*), а для «нѣтъ» — *oix* (*oixi*). Но мы можемъ *отвѣчать* и *полною* рѣчью, и тогда въ особой *утвердительной* частицѣ крайней необходимости *нѣтъ* (ты это *сдѣлалъ?* — сдѣлалъ!). Нельзя того же утверждать объ *отрицательной* частицѣ, и тутъ то мы наталкиваемся на постоянное чередованіе отрицательнаго *oix* съ отрицательнымъ *μη*. Какая между ними разница?

Говорятъ, что *μη* употребляется въ отрицательныхъ *понятіяхъ* (*οἱ μὴ εὐτυχοῦντες*), а *oix* — при отрицаніи факта (*ταῦτα οὐκ ἐγένετο*). Говорятъ, что *μη* относится къ отрицательному *желанію* (*μη τοῦτο γένοιτο*), а то и къ *запрещенію* (*μη λέγε*), а *oix* — къ отрицательному *сужденію* (*τοῦτο δ' οὐκ ἐστι ἀγαθόν*).*) Говорятъ, втретьихъ, что *μη* встрѣчается въ *условіяхъ*, а *oix* — въ *сужденіяхъ*, высказываемыхъ на основаніи этихъ условій (*ἐὰν μὴ ὄψῃ, οὐ συυχωρήσω*). Все это, *въ общемъ*, такъ,**) но вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, а именно: 1. не *пропущенъ* ли какой нибудь симасіологическій *оттѣнокъ*? 2. гдѣ — симасіологическій *центръ* для *оттѣнковъ* каждой изъ отрицательныхъ частицъ *въ отдѣльности*? 3. какъ относится центръ одной къ центру другой?

*) Въ переводѣ на нашъ языкъ это значить, что *μη* употребляется о *желательныхъ*, а *oix* — о *познавательныхъ* сужденіяхъ.

**) Къ этимъ тремъ положеніямъ сводить все дѣло Акен, разобравшій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи объ *oix* и *μη* разные случаи *употребленія* отрицательныхъ частицъ и «постаравшійся» привести *прежнія* толкованія *ѣтихъ* случаевъ къ «надлежащей мѣрѣ». Но для того, чтобы *оправдать* эти положенія (особенно при его тенденціи — всѣ эти «факты», «условія», «сужденія», «желанія» и «запрещенія», а соответственно этому и самыя *μη* и *oix*,

Если вопросительное *ἴ*, равно как и *τῆ* «вопросительная» отрицания, о которых мы рассуждали на стр. 457., относились къ «*наимъченному*» синтаксическому сказуемому, то въ «*отвѣтномъ*» выраженіи, *вызванномъ* вопросомъ и заключающемъ въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, отрицательная частица не только должна «*относиться*» къ этому сказуемому, но составляетъ его *главную часть*, такъ какъ весь вопросъ о «*наимъченномъ*» синтаксическомъ сказуемомъ въ томъ и заключался, принять ли его въ смыслѣ положительномъ или отрицательномъ. и если потомъ оказывается *послѣднее*, то отрицаніе и составляетъ всю *суть* той «*новости*», которою опредѣляется синтаксическое сказуемое (сравни выше стр. 173.). На фразу *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ θεῖνα* мы можемъ смотрѣть какъ на отвѣтное выраженіе даже въ *томъ* случаѣ, если бы никакого вопроса *не предшествовало*. Примѣняя сюда указаніе Платона, сообщенное на стр. 77., мы можемъ сказать, что *всякое* выраженіе, заключающее въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, а не такое, которое «*поставлено лишь подъ вопросомъ*», можно считать отвѣтомъ на вопросъ. И если фраза *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ θεῖνα* «отвѣчаетъ» на вопросъ, касающійся *одинаково* словъ *ἐρευνήσας* и *κωλύσει*, и притомъ такъ, что оба эти слова чувствуются членами *одного* синтаксическаго сказуемаго, и по интонаціи какой нибудь одинъ *не подчиненъ* другому, то *οὐκ* относится къ *обоимъ* имъ *одинаково*, представляя собою «*суть*» того же синтаксическаго сказуемаго, и тогда вся фраза получаетъ слѣдующій смыслъ: *не будетъ того, чтобы онъ выслѣживалъ то-то и потомъ воспренятствовалъ* этому. Мы уже на

приводить въ непосредственную связь съ наклоненіями *ιαολα*) онъ долженъ: 1. глагольные *имена* и глагольные *признаковыя* очень часто разлагать на *цѣлыя предложенія*, что съ *синасіологической* точки зрѣнія — неправильно (глагольные признаковыя и т. д. *не суть* «сокращенныя придаточныя» *предложенія*); 2. разныя формы наклоненій *перетолковывать* и принимать, напр., *Indicativ* за выраженіе *желаній* и т. д., словомъ. — дѣлать съ наклоненіями то же самое, что дѣлаетъ съ ними Н. D. Muller (см. выше стр. 113); 3. игнорировать въ некоторыхъ случаяхъ, не подходящие ни подъ одно изъ этихъ положеній (таковы, напр., *οὐ τοῦτο ἀλλ' ἐκείνο* и др.).

стр. 173. указывали на то, какъ далеко можетъ идти *одно* синтаксическое сказуемое. Соответственно этому и всякая отрицательная частица, — стоитъ ли она въ «отвѣтномъ» выраженіи и относится къ «дѣйствительному», — или имѣетъ лишь «вопросительное» значеніе и относится къ «намѣченному» синтаксическому сказуемому (это въ концѣ концовъ — безразлично) — можетъ простереть свое вліяніе на *большой* объемъ текста! Сравни: *εἰ μὴ τὸ κέρδος κερδαίνει δικαίως καὶ τῶν ἀσέπτων ἔρξεται* (Soph. Oed. r. 889 = *если не будетъ того, что онъ будетъ добиваться своихъ выгодъ справедливымъ путемъ и будетъ воздерживаться отъ грѣшного*); или: *ἐὰν δὲ μὴ ποιῶσι Φωκεῖς ἃ δεῖ καὶ παραδιδῶσι τοῖς Ἀμφικτύοσι τὸ ἱερόν* (Dem. 19. 49.) и др.

Но съ отрицательными частицами, когда онѣ входятъ въ «отвѣтное» выраженіе, или, собственно, съ его «дѣйствительнымъ» синтаксическимъ сказуемымъ, можетъ произойти перемѣна. Будучи въ «вопросительномъ» выраженіи *намѣченнымъ* сказуемымъ, оно въ *отвѣтномъ* выраженіи легко можетъ сдѣлаться синтаксическимъ подлежащимъ, и тогда синтаксическимъ сказуемымъ остается одно *отрицаніе*, какъ *главная* часть отвѣта. «Ты такъ *думаешь*»? — спрашиваетъ собесѣдникъ, интонируя слово *думаешь* какъ синтаксическое сказуемое. *Отвѣчающій* на этотъ вопросъ можетъ принять слово *думаешь* за нѣчто, уже *условленное* между нимъ и его собесѣдникомъ, — условленное въ качествѣ *предмета* разговора, о которомъ онъ долженъ только такъ или иначе *высказаться*, и можетъ сказать: «я такъ *не* думаю», интонируя только слово *не* какъ «синтаксическое сказуемое». Такъ, во всѣхъ «отрицательныхъ *понятіяхъ*» частица *μὴ*, если она *вообще* появляется и не замѣняется какимъ нибудь отрицательнымъ *префиксомъ* въ родѣ *ἀφαρprivativum*, относится къ своему слову, какъ синтаксическое сказуемое къ синтаксическому подлежащему*). Въ выраженіи

*) Это, конечно, не мѣшаетъ отрицательной частицѣ *имѣть* съ синтаксическимъ подлежащимъ сдѣлаться въ *свою* очередь подлежащимъ для *новаго* синтаксическаго сказуемаго (см. объ этомъ стр. 173).

οἱ μὴ εὐτυχοῦντες, какъ противоположномъ выраженію *οἱ εὐτυχοῦντες*, должно быть выдвинуто черезъ интонацію именно слово *μή*. Что такое вообще то «отрицательное понятие», которымъ объясняютъ появленіе въ рѣчи частицы *μή*, а не *οὐ*? «Отрицательное понятие» есть выраженіе черезъ отрицаніе чего нибудь *положительнаго*. Фраза «городъ Орелъ — не столица» только отрицаетъ нѣчто, а положительное подлежитъ еще исканію. Во фразѣ «всѣ города не — столицы имѣютъ особый уставъ» то положительное, что раньше приходилось еще искать, дано въ самомъ *отрицаніи*: разумѣются *всѣ* города, *за исключеніемъ* столицъ.

Итакъ, гдѣ — *центры* симасіологіи словъ *οὐ* и *μή*, и какъ относятся эти центры другъ къ другу?*) Другими словами, — какая разница между *οὐ* и *μή*?

Въ виду того, что *οὐ* и *μή* въ однихъ случаяхъ имѣютъ отношеніе къ синтаксическимъ *сказуемымъ* (то — «наимѣченнымъ», будучи сами *вопросительными*, то — «дѣйствительнымъ», будучи сами ихъ главною *частью*), а въ другихъ, сами представляя собою синтаксическое сказуемое, прибавляются къ другимъ выраженіямъ, какъ къ своимъ синтаксическимъ подлежащимъ**), мы должны присмотрѣться, нѣтъ ли въ языкѣ такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ сказуемыхъ или такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ подлежащихъ, при которыхъ одинъ разъ встрѣчалось бы *οὐ*, а другой — *μή*.

*) *Первый* изъ вопросовъ, поставленныхъ нами на стр. 472., мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, такъ какъ отвѣтили на него тамъ же въ подстрочномъ примѣчаніи.

**) Итакъ, чтобы не оставаться въ долгу передъ Акеп'омъ и другими, «наклоненіе» не есть категорія, съ которою вообще можно бы связывать отрицательныя частицы, и которая въ частности могла бы выяснить появленіе какой нибудь *одной* изъ нихъ въ отличіе отъ *другой*. Къ ней, къ этой категоріи, не ведетъ ни *настоящее* наше разсужденіе о частицахъ вообще (и *η* имѣло отношеніе не къ наклоненіямъ, а къ синтаксическому сказуемому), ни разборъ наклоненій во *второмъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія. Наклоненіе есть *одно* слово, а *οὐ* и *μή* могутъ относиться къ нѣсколькимъ словамъ *заразъ*. Когда же *οὐ* и *μή* относятся къ *одному* слову, то *этими* *одними* словомъ можетъ не *оказаться* наклоненіе (точно также какъ наклоненіемъ могло не *быть* ни одно изъ тѣхъ «нѣсколькихъ» словъ, къ которымъ «всѣмъ *заразъ*» относилось *οὐ* или *μή*). «*Ἄρ' ἐκάλε μέ τις;*» — спрашиваетъ

У Платона (Resp. 581 e) читаемъ: *ὅτε δὲ οὖν ἀμφισβητοῦνται ἐκάστου τοῦ εἶδους αἱ ἡδοναὶ καὶ αὐτὸς ὁ βίος μὴ ὅτι πρὸς τὸ κάλλιον καὶ αἰσχίον ζῆν μὴδὲ τὸ χεῖρον καὶ ἄμεινον, ἀλλὰ πρὸς αὐτὸ τὸ ἡδίον καὶ ἀλυπότερον, πῶς ἂν εἰδείμεν, τίς αὐτῶν ἀληθέστατα λέγει;* Сопоставивъ это мѣсто съ выраженіемъ *οὐχ ὅπως χάριν αὐτοῖς ἔχεις, ἀλλὰ μισθώσας σαιτὸν κατὰ τούτῳι πολιτείει* (Dem. 19. 131.), мы едва ли можемъ установить какую нибудь разницу между вторымъ *οὐ* и первымъ *μὴ* кромѣ той, что во второмъ мѣстѣ говорящій высказывается *прямо, отъ себя*, а въ первомъ — prohibitiḃno, предупреждая *собесѣдника* не впасть въ ошибку: во второмъ *οὐ* слышится смыслъ фразы *»я не думаю, что . . .«*, а въ первомъ *μὴ* — смыслъ фразы *»не думай (или не думайте), что . . .«* *).

На стр. 457. мы приводили примѣръ (изъ Платона) *»ἄρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;*» *Οὐ* въ данномъ случаѣ было *»вопросительнымъ«*. Оно, какъ на то указано на той же стр. 457., сталкивается съ вопросительнымъ *μὴ*. *»Вопросительное«* *μὴ* мы ближе разясняли на фразѣ *μὴ τοῦτο καθῶς ἀποβῆ*, на стр. 143 **). Какъ же опредѣлить *здесь* разницу между *οὐ* и *μὴ*? Въ *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λό-*

говорящій. *»Οὐδεὶς«* или *»οὐτις«* — отвѣчаютъ ему, и слово *οὐ* относится *здѣсь только* къ *εἰς* или къ *τις*. Хотя мы при разборѣ наклоненій въ общемъ, отказывались разсматривать вопросъ объ *οὐ* и *μὴ*, но читатель могъ понять изъ нашего отказа, да и самъ знаетъ, что появленіе въ рѣчи *такого-то* наклоненія *не влечетъ* за собою появленіе *такого-то* отрицанія, и если о наклоненіяхъ заявляютъ, что *»не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе такого-то наклоненія, могутъ ohne weiteres auch begrifflich darunter subsumirt werden* (см. стр. 112), то этимъ наша грамматика обязана, между прочимъ, и *неправильному* связыванію наклоненій съ отрицательными частицами. Изъ наклоненій одинъ imperatiḃno влечетъ за собою *accida* *ужь* частицу *μὴ*, а не *οὐ*. Почему, — выяснится ниже.

*) Такъ рассуждаетъ и Aken. Составивъ изъ примѣровъ, похожихъ на наши, особую *»группу«* и озаглавивъ ее *»über die verkürzten Substantiv-sätze mit οὐχ ὅτι — μὴ ὅτι«*, онъ говоритъ (*οὐ* и *μὴ* Bd. 82. S. 264): *mit Ausnahme etwa eines Falles besteht überall ebensowohl die Möglichkeit einen Urtheils —, wie einen Begehrungssatz zu supplieren, ein non puto oder ne puto.*

**) Въ *»ἄρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;*» *οὐ* относилось *только* къ *περὶ φρονήσεως* какъ къ своему синтаксическому сказуемому. Точно также и въ *»μὴ τοῦτο καθῶς ἀποβῆ«* слово *μὴ* *можетъ* оказаться относимымъ *только* къ слову *καθῶς*. Если при немъ появляется Conjunctiv, то это не зна-

γος: « — будетъ ли *οὐ* риторическимъ, или нѣтъ, — я, говорящій, требую *прямого* отвѣта отъ собесѣдника, — требую его *для себя*, чтобы, быть можетъ, на основаніи его строить *дальнѣйшее* разсужденіе. Во фразѣ *μη τοῦτο κακῶς ἀπορήσεται* я, какъ сказано на стр. 144., дѣлая своего собесѣдника лишь *соучастникомъ* моего недоумѣнія, не столько прошу его отвѣтить *мнѣ* (въ *этомъ* смыслѣ мы назвали *μή* на стр. 143 *«риторически — вопросительнымъ»* *), сколько скорѣе предоставляю *ему самому* рѣшить себѣ поставленный мною вопросъ, *предупреждая* его съ своей стороны, чтобы онъ не сдѣлалъ ошибки: *μη τοῦτο κακῶς ἀπορή* значить: *смотри*, не выйдетъ ли это худо.

Слѣдуетъ сопоставленіе фразы *εἰ μὴ δὴ τὸν μισθὸν* съ II. ω 296: *αἶψα δ' οἰωνόν, τῷ πύσυνος ἐπὶ νῆας ἰησ Δαναῶν ταχὺπάλων· εἰ δέ τοι οὐ δώσει ἐὼν ἄγγελος εὐρύοπα Ζεὺς, οὐκ ἂν ἔγωγε σ' ἔπειτα ἐποτρύνουσα κελόϊμι, νῆας ἐπ' Ἀργείων ἰέναι*. Въ обоихъ случаяхъ можно принять отрицательную частицу за синтаксическое сказуемое къ слѣдующему за нею глаголу *δίδομι* (съ его симасіологическими дополненіями), какъ къ синтаксическому подлежащему. Разница между *οὐ* и *μή* можетъ заключаться лишь въ томъ, что въ *«οὐ δώσει ἐὼν ἄγγελος»* я, говорящій, такъ сказать, *самъ* предпрѣшаю возможность предзнаменованія въ *отрицательномъ* смыслѣ, тогда какъ въ *«εἰ μὴ δὴ τὸν μισθὸν»* я оставляю для себя вопросъ объ осуществленіи отказа въ

читать, что *μή* связано съ Conjunction'омъ (Conjunction, какъ выяснено на стр. 144., не есть нѣчто *обязательное*). Это *значитъ* только (указаніемъ на *отсутствіе* связи слова *μή* съ Conjunction'омъ мы *видоизмѣняемъ* и имѣемъ возможность только лишь *теперь* видоизмѣнить ту формулировку, которую мы установили на стр. 143, разсуждая о *«μή съ Conjunction'омъ»*, — формулировку, предполагавшую *связь* одного съ другимъ), — это, повторяю, *значитъ* только, что и Conjunction преслѣдуетъ *ту же* цѣль, какую преслѣдуетъ *μή*; они связаны другъ съ другомъ лишь постольку, поскольку *оба*, съ одною и тою же *тенденціею*, хотя и съ разныхъ *концовъ* въ смыслѣ симасіологическихъ средствъ (Conjunction'омъ я высказываю свое собственное *недоумѣніе*, словомъ *μή* я съ этимъ недоумѣніемъ обращаюсь къ *собесѣднику* съ *предупредительною* цѣлью), примыкаютъ къ *одному* слову *κακῶς*, если, разумѣется, слово *κακῶς* *дѣйствительно* выступаетъ какъ синтаксическое *сказуемое*.

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 457. подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выдачѣ денегъ открытымъ, предоставляя, такъ сказать, самому *слушателю* разрѣшить его, какъ ему заблагоразсудится. »*Εἰ οὐ δώσει ἄγγελον*« значить: я предположу, что Зевсъ *не* дастъ тебѣ благопріятнаго предзнаменованія. »*Ἐὰν μὴ δῶ τὸν μισθόν*« значить: если бы для тебя выяснилось, что онъ *откажется* выдать жалованіе.

Приведенныхъ трехъ сопоставленій достаточно для постановки тезиса, что *οὐ* есть отрицаніе, которое говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя (последнее мы прибавляемъ въ виду нашего толкованія фразы *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος*), а въ *μὴ* онъ имѣетъ въ виду *другое* лицо, произнося его *для* него. Спрашивается: какое это — «другое» лицо? Нужно ли подъ «другимъ» лицомъ разумѣть «второе» *грамматическое* лицо, стало быть, — *собесѣдника*, или, вообще, *всякаго* «посторонняго»? До сихъ поръ (т. е. въ нашихъ разсужденіяхъ по поводу приведенныхъ *трехъ* сопоставленій) не было особеннаго основанія относить *μὴ* къ кому-нибудь другому, какъ только ко *второму* грамматическому лицу, но изъ нижеслѣдующаго явствуетъ, что оно есть отрицаніе, относящееся къ постороннему лицу *вообще*.

При повелительныхъ наклоненіяхъ, *если* они *имѣютъ* съ отрицаніемъ составляютъ синтаксическое сказуемое, или *по отношенію* къ отрицанію являются синтаксическими подлежащими, *всегда* появляется *μὴ*, а не *οὐ*. Это вполне понятно, такъ какъ съ *повелительнымъ* наклоненіемъ (это — *единственное* наклоненіе въ этомъ родѣ) я *всегда* обращаюсь къ *другому* (повелительное наклоненіе *перваго* грамматическаго лица *не имѣетъ*), и всегда — въ «*предостерега- тельномъ* смыслѣ.*) Но *виѣсть* съ тѣмъ становится понятнымъ и то, что этотъ «другой» можетъ оказаться и *третьимъ* грамматическимъ лицомъ (повелительное наклоненіе имѣетъ формы и для *этого* лица), и что *μὴ* имѣетъ отношеніе къ постороннему лицу *вообще*.

Всякаго рода «предостереженія», если бы они даже *не отразились* на наклоненіи (таковы — «предостереженія».

*) Вотъ — отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 476 подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выражаемая *Conjunctiv'омъ imperativ'нымъ*; смотри стр. 139 и сл.)^{*)}, влекутъ за собою появленіе отрицанія *μή*. Что »предостереженія«, выражаемая *Conjunctiv'омъ imperativ'нымъ*, хотя и не избѣгающимъ формы *перваго* грамматическаго лица, никакого отношенія къ этому лицу *не имѣютъ*, — выяснено на стр. 140—1. Но затѣмъ они свободно прилѣпляются *и* ко второму, *и* къ третьему грамматическимъ лицамъ, а потому и *μή* нужно провозгласить за отрицаніе *посторонняго* лица вообще.

Всякаго рода *желаніе*, даже если бы оно не отразилось на наклоненіи (сравни стр. 138 и 146) влечетъ за собою появленіе въ рѣчи отрицанія *μή*. Нѣтъ сомнѣнія, что на »желаніе« языкъ могъ посмотрѣть какъ на нѣчто, исполненіе чего самъ *желающій*, т. е. самъ говорящій, ждетъ *со стороны*, и это было вполне законнымъ мотивомъ для появленія *μή*. Я говорю »со стороны«. Это значитъ, что *μή*, появляющееся въ выраженіяхъ желанія**), имѣетъ отношеніе не только ко *второму*, но и къ *третьему* грамматическому лицу. Мы даже часто выражаемся такъ: »не дай Богъ, чтобы это случилось!«, а слово *Богъ* есть *третье* грамматическое лицо.

Отрицаніе, обращенное *вообще* къ постороннему лицу, и, согласно съ этимъ, появленіе отрицательной частицы *μή*, мы видимъ и въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1. Въ извѣстномъ »*οὐ σιωπήσει καὶ μηδὲν ἐρεῖ*«; Данную фразу мы раздѣляемъ на двѣ половины, изъ коихъ въ первой я, говорящій, *отъ себя* »подвергаю колебанію« ожидаемое***) мною *σιωπᾶν*, а во второй высказываюсь *prohi-*

*) За выраженія »предостереженія«, не только *не отражающіяся* на наклоненіи, но и *не имѣющія* наклоненія, нужно провозгласить обороты *μή τοῦτο* (= не это!) и т. п.

**) Опять таки и выраженія желанія могутъ не имѣть *никакого* наклоненія. Вышеприведенное *μή τοῦτο* можетъ быть принято и за выраженіе *желанія*.

***) Это »ожидаемое« психологически могло почувствоваться и какъ »желаемое« (сравни на стр. 139 наше разсужденіе по поводу обращенія учителя къ ученикамъ). *Ὁὐ σιωπήσει* значитъ: не выйдетъ того что ты будешь молчать? Понимая *οὐ* въ смыслѣ *риторически* вопросительнаго, мы влагаемъ въ эту фразу смыслъ: я *думаю*, ты будешь *молчать*. Въ русскомъ

bitiv'no *) не только по отношенію ко второму (фраза οὐ σιωπήσεις καὶ μηδὲν ἐρεῖς была, конечно, также возможна), но и по отношенію къ третьему грамматическому лицу.

2. Въ выраженіяхъ ὅτι μή, ὅσον μή, ὅτε μή: τοῖσι δὲ Μιλησίοισι οὐδαμοὶ Ἰώνων τὸν πόλεμον συνεπελάφρυνον, ὅτι μή Χίοι = никто изъ Іонянъ не помогаль, развѣ что укажетъ кто нибудь (т. е. вообще «ностороннее» лицо) на Хіосцевъ.**)

Замѣчательны слѣдующія мѣста: Σχολῆ γὰρ ἂν τι ἄλλο φθορὰν μὴ δέχοιτο, εἰ τό γε ἀθάνατον αἰδίων ὄν φθορὰν δέξεται; (Plat. Phaed. 106 d). Πῶς γὰρ ἂν λέγων τις τοῦτο, ὃ λέγει, μὴ τὸ ὄν λέγων; (Plat. Crat. 429 d). Πῶς οὖν μήτε ψεύσομαι φανερώς μήτ' ἐπιорκεῖν δόξας πάνθ' ἄ

выраженіи «ты не будешь молчать?» (буквальный перевод греческаго οὐ σιωπήσεις) слышится всегда нѣкоторая рѣзкость въ обращеніи, которая, какъ извѣстно, не есть condicio sine qua non для греческаго оборота. Въ этомъ отношеніи разбираемые нами греческіе обороты οὐ δῶκε и т. п. можно бы скорѣе сравнить съ русскимъ «не угодно ли прочесть» и т. д.

*) Эту вторую половину, т. е. это μηδὲν ἐρεῖ, можно сравнить съ тѣмъ же μή τοῦτο κακῶς ἀποβή. Μηδὲν ἐρεῖ значить: и пусть онъ подумаетъ, не выйдетъ ли такъ, что онъ будетъ говорить (по общему контексту, т. е. по соединенію обѣихъ половинокъ въ одно цѣлое, подразумѣвается мысль: этого говоренія съ его стороны я бы не желалъ).

**) Намъ скажутъ, что ὅτι μή Χίοι, дополненное ранѣшесказаннымъ συνεπελάφρυνον, имѣетъ характеръ условнаго предложенія (ὅτι μή = εἰ μή), и что на этомъ основаніи поставлено здѣсь μή, а не οὐ. «Условное» предложеніе не есть категорія, объясняющая собою μή. Мы на стр. 477 видѣли, что въ «условномъ» предложеніи появляется и οὐ, и μή. Конечно, чаще въ немъ встрѣчается μή, однако, не потому, что это — условное предложеніе, а потому, что оно либо переводится на выраженіе желанія (между прочимъ, сравни и стр. 146), — желаніе же является, какъ мы немного выше увидѣли, съ действительнымъ мотивомъ для μή, — либо, какъ мы на стр. 466 объясняли, имѣетъ смыслъ вопроса (открытаго со стороны говорящаго), рѣшеніе котораго «предоставляется другому лицу». Раньше мы (на стр. 478) рассуждали о «предоставленіи рѣшенія этого вопроса слушателю». Теперь мы видимъ, что слѣдуетъ говорить не о «слушателѣ», а о постороннемъ лицѣ вообще. Только «открытымъ вопросомъ», предоставляемымъ на рѣшеніе «постороннему лицу», объясняется μή послѣ θανατῶν. Сравни: θανατῶν γε λέγεις, εἰ κῦνα μὲν... ἐπιγῶν πρᾶγμιν, τὸν δὲ ἀδελφὸν οὐκ ἐπιχειρεῖς... (Хел. Memor. II. 3. 9) и θανατῶν εἰ μή φανερόν ἐστιν αὐτοῖς... (Хел. Memor. I. 1. 13). Въ первомъ мѣстѣ говорящій отрицаетъ ἐπιχειρεῖν отъ себя, а во второмъ — сказано: его удивляло, что имъ не было ясно, если это действительно такъ (на дѣлѣ ли это такъ, или нѣтъ, — это пусть рѣшаетъ кто нибудь другой).

βούλομαι διαπράξωμαι; (Dem. 19. 320). Τίς ἄν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίη καὶ μὴ βίη τε καὶ ὀμίλῳ; (Herod. 3. 127). Τί ἄν λέγοντες εἰκὸς ἢ αὐτοὶ ἀποκνοίμεν ἢ μὴ βοήθοοίμεν; (Thuc. 6. 18). Εἰ ἄρα τις ἐνόησειεν ἐν ταύτῃ τῇ πόλει τῶν νέων, τίνα ἄν τρόπον ἐγὼ μέγα δυναίμην καὶ μηδεὶς με ἀδικοῖ, ἢ αὐτῇ, ὡς ἔοικεν, αὐτῷ ὁδὸς ἐστὶν εὐθὺς ἐκ νέου ἐθίζειν αὐτὸν τοῖς αὐτοῖς χαίρειν καὶ ἀχθεσθαι τῷ δεσπότῃ (Plat. Gorg. 510 d).

Всѣ эти мѣста ставятъ въ одну группу, какъ подтверждающія собою «кажущуюся замѣну слова οὐ словомъ μή», и объясняютъ μή всевозможными натяжками. *) Мы ставимъ примѣръ изъ Иродота (τίς ἄν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίη καὶ μὴ βίη τε καὶ ὀμίλῳ) особо и видимъ въ μὴ βίη выражение желанія (= только бы не насиліемъ и...). Въ остальныхъ же примѣрахъ мы видимъ въ μὴ не столько обращеніе говорящаго къ «постороннему лицу», сколько скорѣе передачу говорящимъ отрицанія чего-нибудь отъ имени другого лица, стало быть, — нѣчто, имѣющее связь съ косвенною рѣчью. Такое μὴ мы видимъ и въ Апологіи Платона (27 d): τίς ἄν ἀνθρώπων θεῶν μὲν παῖδας ἡγοῖτο εἶναι, θεοὺς δὲ μὴ (разумѣй ἡγοῖτο εἶναι; или надо строить фразу θεοὺς δὲ ἡγοῖτο μὴ εἶναι? — едва ли) = кто же скажетъ, когда дѣти боговъ признаются, чтобы (какъ, быть можетъ, вы, судьи, обо мнѣ утверждаете) самихъ боговъ не было. Соединеніе отрицанія чего-нибудь отъ себя съ отрицаніемъ, относящимся ко второму лицу, мы находимъ Plat. Prot. 319 b: ὄθεν δὲ αὐτὸ ἡγοῦμαι οὐ διδαχτὸν εἶναι μηδὲ ἐπ' ἀνθρώπων παρασκευαστὸν ἀνθρώποις, δίκαιός εἰμι εἰπεῖν = почему я думаю, что это не есть изучимо, и что этого, какъ ты объявляешь, люди не могутъ преподавать людямъ, — я въ правѣ разъяснить.

*) Смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 746. До какой натяжки Кюнеръ доходитъ въ объясненіи нашихъ примѣровъ, видно на цитатѣ изъ Федона (106 d): Die Negation μή soll hier nicht die Behauptung negieren, sondern den infinitivischen Begriff des δέχεσθαι. Die ganze Ausdrucksweise des Satzes beruht auf einer Brachylogie, die sich etwa so auflösen lässt: σχολῆ γάρ ἄν τι ἄλλο λέγοιτο φθορὴν μὴ δέχεσθαι, εἰ... δέχεται.

Изъ сообщеннаго мы усматриваемъ нѣкоторое *расширеніе* функціи слова *μή*. Если прежде мы формулировали *οὐ* какъ отрицаніе, произносимое говорящимъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* какъ отрицаніе, произносимое имъ *для* другого лица, то теперь оказывается, что *μή* можетъ получить смыслъ отрицанія, произносимаго говорящимъ и *отъ* имени другого лица. Другими словами, — *μή* оказывается синтаксическимъ средствомъ для отгненія «косвенной рѣчи». Что оно *не есть* нѣчто обязательное въ косвенной рѣчи, точно также, какъ не былъ обязательнымъ въ косвенной рѣчи и Optativ (ср. стр. 150), и что самъ Optativus orationis obliquae не влечетъ за собою появленіе отрицанія *μή*, равно какъ и *наоборотъ* (*μή* въ oratio obliqua и Optativ суть два самостоятельныя, другъ отъ друга независящія средства, и языкъ свободенъ прибѣгать то къ одному изъ нихъ, то къ другому, а то ихъ оба *совсѣмъ* игнорировать) — это само собою разумѣется.

Еще одно. Въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ изъ Платона замѣчается *разница*. Въ первомъ примѣрѣ судьи думаютъ, что Сократъ *не признаетъ* боговъ, и Сократъ эту мысль такъ и *передаетъ* отъ имени судей. Во второмъ примѣрѣ Протагоръ думаетъ, что люди *могутъ* преподавать добродѣтель людямъ, и Сократъ отрицаніемъ *μηδέ* ему противорѣчить. Во второмъ примѣрѣ отрицаніе *μή* имѣетъ то болѣе узкое *prohibitiv'ное* значеніе, съ котораго мы *начали* разборъ даннаго отрицанія. Затѣмъ всѣ примѣры, приведенные на стр. 480-1. (исключаю *разобранный* уже примѣръ изъ Иродота З. 127), заключаютъ въ себѣ *μή* *простой* orationis obliquae и имѣютъ слѣдующій смыслъ: Какъ же, вы думаете, это — не настоящее? — Какъ же, вы думаете, я не окажусь лжецомъ? — Чѣмъ мы будемъ мотивировать свое отступленіе, или, — какъ вы думаете? — свой отказъ въ помощи? Если кто поразсудитъ, почему у меня такая *сила*, что *де* никто меня не обидитъ, то . . . .

Итакъ, въ окончательной формулировкѣ выходитъ, что *οὐ* говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* — *отъ* посторонняго лица и *для* посторонняго лица. Остается

разобрать нѣкоторые случаи употребленія этихъ отрицаній, не измѣняющіе поставленной формулировки, но крайне затрудняющіе нашихъ грамматиковъ.

Особенно затруднительнымъ представляется имъ объясненіе отрицательныхъ частицъ, когда онѣ «относятся» къ глагольному имени, т. е. когда онѣ, — такъ сказали бы мы, — попадаютъ въ положеніе синтаксическихъ *сказуемыхъ* по отношенію къ глагольнымъ именамъ какъ синтаксическимъ *подлежащимъ*, или составляютъ *вмѣстѣ съ ними* синтаксическое сказуемое. Акен, подъ давленіемъ всей той пестроты, которую онъ усмотрѣлъ въ относящихся сюда явленіяхъ, только и нашелъ возможнымъ сказать, что *μή* beim Infinitiv ist wegen der abstracten Bedeutung des letzteren *wenigstens niemals falsch*. Не менѣе затрудняетъ объясненіе отрицательныхъ частицъ при глагольныхъ *признаковыхъ*. Мы разсуждаемъ въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ.

На стр. 402. мы установили глагольное имя, какъ выраженіе осуществленія факта, и противопоставили его глагольному имени, какъ «выраженію понятія, быть можетъ, даже желанія». Если мы сопоставимъ эти отгѣнки съ установленными нами отгѣнками имени существительнаго (глагольное имя, въ силу своей «двусторонности», вообще можетъ быть сопоставляемо съ именемъ *существительнымъ*), то тутъ выступитъ любопытная параллель. Вспомнимъ, что въ существительныхъ мы различали выраженія реальныхъ индивидуумовъ, ихъ *грунтъ, идеальныхъ* индивидуумовъ, какъ *отвлеченій* отъ реальныхъ, и душевныхъ *постулатовъ* (см. выше стр. 167. и 170—1). Что было въ существительныхъ выраженіемъ реальныхъ индивидуумовъ, то въ глагольныхъ именахъ является выраженіемъ осуществленія *факта*; что было въ существительныхъ *отвлеченіемъ* отъ индивидуумовъ, или душевнымъ *постулатомъ*, то въ глагольныхъ именахъ выступаетъ «понятіемъ», или выраженіемъ *желанія*. Превративъ какое нибудь *λέειν* въ «отглагольное существительное» *λέσις* (см. выше стр. 408.), не назовемъ ли мы и *λέειν* въ однихъ случаяхъ названіемъ не *индивидуума*, а осуществляющагося *факта*, а въ другихъ — названіемъ не *от-*

влеченія отъ индивидуумовъ или душевнымъ постулатомъ, а понятіемъ или, быть можетъ выраженіемъ желанія? Если Фукидидъ въ извѣстномъ своемъ *διὰ τὴν οὐ λύσιν τῆς γεφύρας*, отрицая *фактъ* разрушенія моста (другими словами, — отрицая реальный *индивидуумъ*, выраженный въ *данномъ* случаѣ въ «*существительно-мъ*» *λύσις*), употребилъ на *общемъ* основаніи (Фукидидъ тутъ отрицаетъ нѣчто *отъ себя*) отрицаніе *οὐ*, то это же отрицаніе должно быть поставлено и при глагольномъ имени, если говорящій отрицаетъ *фактъ отъ себя*. Грекъ *дѣйствительно* говоритъ: *φημί οὐκ εἶναι ταῦτα* и т. д.*) Рѣдкое, сравнительно, появленіе отрицанія *οὐκ* при глагольныхъ именахъ объясняется:

1. Передвиженіемъ отрицанія отъ глагольнаго имени къ слову, отъ котораго глагольное имя «зависитъ». Вмѣсто «*φημί οὐκ εἶναι ταῦτα*» говорятъ «*οὐ φημί ταῦτα εἶναι*».**)

2. Сведеніемъ «отрицанія факта»***) къ «отрицательному понятію». Что такое «отрицательное понятіе», — мы выяснили на стр. 475. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія, что «отрицательное понятіе» требуетъ *именно* частицы *μή*, а не *οὐ*. Ибо если я, говорящій, черезъ какое нибудь «города — нестолицы» опредѣляю *положительный* объемъ логическаго понятія, то я, такъ сказать, обращаюсь къ *собесѣднику*, чтобы *онъ самъ* раскрылъ «*положительное*» содержаніе того, что я обрисовываю только съ *отрицательной* стороны. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія и о томъ, что если «отрицаніе факта», т. е. отрицатель-

*) Такъ и при признаковыхъ *малолыныхъ*, все равно что при *простыхъ* признаковыхъ, появляется *οὐ*, если я, говорящій, отрицаю *признакъ* на реальныхъ индивидуумахъ: *Ἀημοθένης, οὐ καλύσας* . . . и др.

**) Что глагольнаго *признаковаго* этотъ пунктъ не касается, — это, кажется, не требуетъ никакихъ объясненій.

***) Рѣчь идетъ, конечно, объ «отрицаніи факта» *отъ имени говорящаго*. Последняго обстоятельства никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, такъ какъ иначе и при отрицаніи *факта* можетъ наступить *μή*. Во фразѣ *καὶ εἰ τις γολέμιος ἐγένετο, ἀπειθαμένον Κύρον ἐπίστευε μηδὲν ἂν παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν* (Хен. Анаб. I. 9.), хотя *μή* отнесено къ слову *ἔν*, а не къ глагольному имени, но всякій пойметъ, что и *μή παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν ἂν τι* (здесь *μή* отнесено къ *παθεῖν*) было бы *вполнѣ* правильно, и это *μή* объясняется только «косвенностью» рѣчи, *закрывающей* его въ себѣ.

ная частица *πλὸς* глагольное имя, представляет собою оборотъ, состоящій изъ *δουξ* словъ и такъ и *чувствуемый* за два слова, то »отрицательная *понятія*«, т. е. *μή* (въ данномъ случаѣ именно *μή*, а не *οὐ*) *плюс* глагольное имя, чувствуются за одно слово, причеиъ *μή*, какъ на то въ свое время указано, играетъ роль отрицательной *представки* въ родѣ *α privativum* и др. *) Сводить »отрицание факта« къ отрицательному понятію« заставляетъ при глагольномъ имени грамматическое *ὀ*. Известно, что когда глагольное имя соединено съ грамматическимъ *ὀ*, то *всегда* уже появляется отрицаніе *μή*, а не *οὐ*. Это вполне понятно. Хотя, напр, *τὸ πρότερον* были первоначально два совершенно самостоятельныя слова (см. выше стр. 439), но въ концѣ концовъ они должны были чувствоваться за нѣчто *нераздельное*, какъ бы за слово *одно*, и если посреди этого »слова« появлялось отрицаніе, то и оно попадало въ положеніе *части* слова, т. е. попадало въ положеніе »отрицательной *представки*«, и тогда уже дѣлается *естественнымъ* появленіе частицы *μή***). Во фразѣ *διὰ τοῦ μή λέγειν πολλὰ διεπράττετο*, положимъ, нечего особенно обращаться къ слушателю, чтобы онъ раскрылъ *положительное* содержаніе *отрицательнаго* выраженія, какъ это въ свое время выяснялось на выраженіи города — нестолицы (положительнымъ содержаніемъ отрицательнаго выраженія *μή λέγειν* является *только οὐπλάν*), тѣмъ не менѣе, оно, какъ *чувствуемое* за одно слово, представляет собою *именно* отрицательное понятіе, а не отрицаніе *факта*, хотя бы по *общему* контексту и подразумевалось, что »достигающее чего нибудь *лицо*« фактически *не* говорить (если бы въ нашей фразѣ *διὰ τοῦ μή λέγειν πολλὰ διεπράττετο* вмѣсто *διὰ τοῦ μή*

*) Если *Θουκιδιδῆς*, при отрицаніи факта, сказалъ *διὰ τὴν οὐ λέγειν τῆς γενέσεως*, то »отрицательное понятіе« должно бы вести къ обороту *ἢ μή λείπει*. Но *ἢ μή λείπει* не говорить; вмѣсто этого употребляется какое нибудь *τὸ μή λέγειν* или другое, болѣе сложное (такъ называемое *описательное*) выраженіе. Отрицательное понятіе къ слову *ἀνεμος* будетъ *ἠρημία*, къ слову *αἰδομένη* — *ἀναίδονη* и т. д.

***) Такъ и *признаковыя* *маленькия*, сливающимся съ своимъ грамматическимъ *ὀ* въ одно слово, принимаютъ, какъ отрицательныя *понятія*, частицу *μή* а не *οὐ*; *τόν μή εὐτυχούτα* и т. д.

λέγειν появилось цѣлое предложение, или даже признаковое глагольное, то вмѣсто μή наступить οὐ: οὐ λέγων πολλά διεπράττετο.)

Не меньшій поводъ приводить отрицанiе факта къ отрицательному понятiю даютъ выраженiя въ родѣ ὁ δὲ ἄπαρνός ἐστι μὴ νοσέειν (Herod. 3. 66). Указываютъ здѣсь на накопленiе отрицанiй, считая μὴ лишнимъ. Съ точки зрѣнiя переводящихъ это выраженiе на родной языкъ и разлагающихъ его на два предложенiя, другими словами, — съ точки зрѣнiя негреческаго языка, это, пожалуй, такъ. Но въ греческомъ языкѣ ὁ δὲ ἄπαρνός ἐστι μὴ νοσέειν представляетъ собою одно предложенiе, такъ какъ въ немъ — одно ὄψημα, и, повидимому, μὴ νοσέειν есть вещный »простираемый«. Кажется, мы не ошибаемся, толкуя все Иродотовское выраженiе слѣдующимъ образомъ: онъ отнѣживается, причемъ это отнѣживанiе простирается на »неболѣнiе«. Какъ въ выраженiи шутитъ шутку въ словѣ шутку заключается лишь выраженiе »понятiя«, а словомъ шутитъ указывается на превращенiе этого понятiя въ дѣйствительность, такъ и въ μὴ νοσέειν заключается лишь »отрицательное понятiе«, а словами ἄπαρνός ἐστι указывается на дѣйствительное отрицанiе.*)

Отъ »отрицательнаго понятiя« мы отличаемъ при глагольномъ имени (къ глагольному признаковому это не имѣетъ никакого отношенiя) »отрицанiе понятiя«. Когда говорятъ λέγω σοί μὴ ποιῆν ταῦτα, то μὴ ποιῆν чувствуется за два слова, причемъ λέγειν вовсе не есть выраженiе »осуществляющагося факта«. Если »осуществляющiйся фактъ« въ глагольныхъ именахъ былъ уравниваемъ съ реальнымъ индивидуумомъ именъ существительныхъ, то, какъ уже сказано. »отвлеченiю отъ реальныхъ индивидуумовъ«, или »душевному постулату«, выражаемому иногда именами существительными,

*) Не вездѣ, конечно, можно примѣнить данное объясненiе, какъ и не вездѣ наши грамматикки могутъ считать μὴ »лишнимъ«. Въ какомъ нибудь δύναιμι μὴ λέγειν — дѣйствительность, къ которой отрицательное понятiе имѣетъ »отношенiе«, заключается не въ дѣйствительномъ отрицанiи (сопоставленiе съ фразою шутитъ шутку здѣсь непримѣнимо), а именно въ δύναιμι (неговоренiе я могу принять на себя).

при глагольномъ имени нужно противопоставить »понятіе«. Въ *λέγω σοι μή ποιῆν ταῦτα* отрицается »понятіе«. Съ другой стороны не нелогично будетъ противопоставить глагольное имя, какъ выраженіе *осуществляющагося* факта, глагольному имени, какъ выраженію лишь *желаемаго* факта. Выходить, что »понятіе« и »предметъ желанія« при глагольномъ имени представляютъ лишь двѣ стороны одной и той же сущности. Потому то мы на стр. 402. и *соединили* оба эти термина, когда разбирали глагольное имя. Такъ какъ въ »понятіи« заключается *желаніе*, то, на основаніи замѣчанія на стр. 474-5, придется *отрицать* это »понятіе« или желаніе черезъ *μή*, а не черезъ *οὐ**).

Кажется, нами *исчерпаны* явленія, относящіяся къ употребленію *οὐ* и *μή*. Осталось лишь одно: это — крайне затрудняющее нашихъ грамматиковъ *μή οὐ*, появляющееся одинаково при глагольныхъ *именахъ* и при глагольныхъ *признаковыхъ*. Мы имѣемъ въ виду такіе типы явленій, какъ: *οὐκ ἀπαρνοῦμαι μή οὐ ταῦτα ποιῆσαι; οὐ γὰρ ἄν μακρὰν ἴχθυον αὐτὸς μή οὐκ ἔχων τι σύμβολον* (Soph. Oed. r. 221); *οὐ δύναμαι μή οὐκ εἰπεῖν ταῦτα* и т. д. Что на появленіе, повидимому, *лишняго οὐ* рядомъ съ *μή* передъ *ποιῆσαι*, *ἔχων* и *εἰπεῖν* повліяло *именно* отрицаніе *οὐκ* передъ самими глаголами, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію**). Его я объясняю при помощи *чешскаго* языка. Въ чешскомъ языкѣ говорятъ: *já mohu, aniž* (= а + ни + же) *bych mluvil; já vysledím, aniž bych měl zač se uchopiti* и т. д., а при *от-*

*) Если у Еврипида (Med. 73.) сказано *ὁ μέντοι μῦθος ἐὶ σαφῆς ὅδε οὐκ οἶδα, βουλοίμην δ' ἄν οὐκ εἶναι τάδε*, то *οὐ*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести не къ *εἶναι*, а къ *βουλοίμην ἄν* (= »я не хотѣлъ бы, чтобы . . .«; *разстановка* не представляетъ ничего необыкновеннаго: *βούλεται μὲν, ἐθέλει δ' οὐκ* — *известно*). — Другая замѣтка, относящаяся къ данному разсужденію, касается того *κωλύω μή ποιῆν*, которое мы объясняли на стр. 398. Повторять этого объясненія мы здѣсь не станемъ; скажемъ только, что и въ *κωλύω μή ποιῆν* слово *μή* вызвано усматриваніемъ въ »понятіи« *κωλύω* желанія. Впрочемъ, трудно *возражать* тому, кто въ данномъ случаѣ приметъ *μή ποιῆν* не за отрицаніе *понятія*, а за »отрицательное *понятіе*«.

***) Слѣдуетъ, быть можетъ, указать еще на то, что иногда отрицаніе *μή* производятъ вліяніе на дальнѣйшія отрицанія, превращая *οὐ* въ *μή*. Такую »assimilationem« я вижу, напр., Xen. Memorab. I. 2. 39: *φαίην δ' ἄν ἔγωγε μηδεμίαν εἶναι παιδεύειν παρὰ τοῦ μή ἀρέσκοντος*. Выраженіе *παρὰ*

рицательныхъ глаголахъ, не измѣняя смысла зависящихъ отъ этихъ глаголовъ выраженій, чехъ *непременно* (въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, *μή*, *οὐ* въ нашихъ примѣрахъ не есть нѣчто обязательное) скажетъ: *já ne mohu, aniž bych ne mluvil*; *já ne vysledím, aniž bych ne měl zač se ushopítí* и т. д. Въ чешскомъ языкѣ это «лишнее» не чувствуется чистымъ повтореніемъ отрицанія *ne* передъ синтаксически «высшими» глаголами *mohu* и *vysledím*. Оно чувствуется *такимъ же* повтореніемъ.*) какое мы видимъ вообще въ славянскихъ языкахъ въ выраженіяхъ: я не могу ничего дѣлать**) вмѣсто «я не могу дѣлать что бы то ни было», или вмѣсто того «*ich kann nichts machen*», какое встрѣчается въ нѣмецкомъ языкѣ.***)

Перейдемъ къ «утвердительнымъ» частицамъ. Въ общемъ, языку, казалось бы (смотри выше стр. 472.), не нужно никакихъ другихъ утвердительныхъ частицъ, кромѣ *vai-vaixi*. Тѣмъ не менѣе, онъ выработалъ ихъ нѣсколько для

τοῦ μή ἀρέσκοντος, указывающее не на реальныя индивидуумы, очевидно, повляло на то, что и въ *μηδενίαν* говорящій не отрицаетъ нѣчто *прямю* отъ себя.

*) Kvěčala (Beiträge zur Erklärung und Kritik des Sophocles IV. — Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philos.-histor. Classe: 1869, Band I. Heft 1., стр. 70) толкуетъ эти явленія иначе. По его толкованію, выраженіе *οὐ κολῶν σε μή οὐκ ἀπίσται* слѣдуетъ разложить на два предложенія, причѣмъ второе, сведенное въ данномъ выраженіи къ обороту *μή οὐκ ἀπίσται*, есть то же *μή οὐκ ἀπίσται*, о которомъ мы рассуждали на стр. 144. Такимъ образомъ, вся фраза выражаетъ: насчетъ опасенія (*μή*), что ты не уйдешь (*οὐκ ἀπίσται*), я тебѣ не мѣшаю (*οὐ σε κολῶν*). Изъ всего этого получается смыслъ: я тебѣ не мѣшаю не уходить. Возражая Квицалѣ, мы спрашиваемъ: къ кому относится опасеніе? Къ говорящему? = насчетъ моего опасенія? Тогда это толкованіе теряетъ всякій смыслъ. А можетъ быть его слѣдуетъ отнести къ собесѣднику? Тогда теряетъ смыслъ сопоставленіе оборота *μή οὐκ ἀπίσται* съ предложеніемъ *μή οὐκ ἀπίσται*. Ибо въ *μή οὐκ ἀπίσται* опасеніе относится только къ говорящему, хотя само превращеніе, выраженное въ немъ, обращено къ собесѣднику, почему и поставлено *μή*.

**) Это славянское повтореніе отрицанія, касающееся тѣхъ случаевъ, когда простое *не* осложняется въ рѣчи въ какое нибудь *никто* или *никогда* (т. е. отражается на появленіи отрицательныхъ мѣстоименій и «нарѣчій»), замѣчается, какъ извѣстно, и въ греческомъ языкѣ, хотя тамъ оно проведено сравнительно, не съ такою послѣдовательностью.

***) Нельзя сказать, чтобы «повтореніе» отрицанія въ разъясняемыхъ нами примѣрахъ на «*μή* *οὐ*» въ греческомъ языкѣ стояло *особнякомъ*, не говоря уже о случаяхъ, отмѣченныхъ въ предыдущей подстрочной замѣткѣ. Сравни *Od. γ 27: οὐ γὰρ οἷον οὐ δε θεῶν ἀίητι γενέσθαι*.

всевозможныхъ отгѣнковъ. Кромѣ *καί-καίχι* мы видимъ ихъ еще пять: *γε, δὲ, θί, μί, и περ*. Насчитываютъ ихъ больше, какъ и вообще »частицъ« насчитываютъ очень много, но намъ нетрудно доказать, что весь тотъ плюсъ, который вносится обыкновенно въ число »частицъ«, относится къ »нарѣчіямъ«, т. е. къ окаменѣлымъ падежамъ *именъ*, по преимуществу именъ *формальныхъ*, и что кромѣ »утвердительныхъ« пяти частицъ остается весьма небольшое число *настоящихъ* частицъ, составляющихъ особую категорію рядомъ съ »утвердительными«. Разберемъ все то, что обыкновенно относятъ къ »частицамъ«.

Ἀλλά. Это, несомнѣнно, — окаменѣлый падежъ множественнаго числа отъ слова *ἄλλος*, обозначающій, что рѣчь и мысль »простирается« (*ἄλλά* есть вещный падежъ »простираемый«; см. стр. 371) *не на то*, чего она касалась до сихъ поръ, а *на другія* (множественное число!) *вещи*. Мы относимъ *ἄλλά* къ »нарѣчіямъ« и считаемъ его »окаменѣлымъ« падежемъ не потому, что оно чувствуется въ »зависимости« не отъ *одного* слова, а *вообще* (читатель, надѣясь, съ нами согласится) — отъ »синтаксическаго сказуемаго« (въ такой »зависимости« мы находимъ и »живые«, не-»окаменѣлые« падежи; сравни выше стр. 367), но по другой причинѣ, о которой — рѣчь впереди. Смыслъ слова *ἄλλά* можно передать фразою: »простираясь на другое« = »обратимся къ другому«. Обыкновенно этимъ »другимъ« бываетъ нѣчто *положительное*, противопоставляемое *прежнему отрицательному* (*οὐ σιγήσω, ἀλλ' ἐρώ*), или *наоборотъ* (*ἐρώ, ἀλλ' οὐ σιγήσω*; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, чаще говорятъ *ἐρώ καὶ οὐ σιγήσω*). Къ этому »противопоставленію отрицательнаго положительному« слово *ἄλλά* до того привыкло, что часто присоединяетъ отрицаніе *къ себѣ*, составляя съ нимъ, какъ бы, *одно* слово; извѣстенъ оборотъ *οὐ μί,ν ἀλλά*, обозначающій: »впрочемъ, *нѣтъ*; *оставимъ* это и перейдемъ къ *другому*«. Однако, часто бываетъ и такъ, что при посредствѣ слова *ἄλλά* *одна* положительная мысль противопоставляется другой, *также* положительной. — въ смыслѣ *ли возраженія* (это — то такъ: *но только* я долженъ

вотъ что сказать), или въ смыслѣ указанія на что-нибудь, представляющееся болѣе *главнымъ* и болѣе *интереснымъ*, чѣмъ предыдущее* (*ὡς τριέτες μὲν . . . ἔπειθεν Ἀχαιοὺς, ἀλλ' ὅτε τέταρτον ἦλθεν ἔτος* — Od. β 107). Кроме того, *ἀλλά* часто употребляется, если говорящій желаетъ *прекратить* всякій разговоръ какимъ-нибудь *рѣшимельнымъ* заявленіемъ: *ἀλλά φημί* = »ну хорошо, хорошо; оставимъ этотъ разговоръ; я согласенъ« (переходъ слова *ἀλλά* отъ предыдущаго значенія къ настоящему *психологически* — вполнѣ понятенъ). Во фразѣ — *οὐ δὲ δὴ μοι ἀλλὰ τοῦτο εἶπέ* слово *ἀλλά* опирается на *подразумываемое* »противопоставленіе«: если не все, однако (хоть) это скажи! Словомъ *ἀλλά* часто даемъ знать, что *оставляемъ* и *прекращаемъ* раздумье и рѣшаемся на что-нибудь *положительное*: *ἀλλ' ὄφελε Κῦρος ζῆν* = »эхъ, что тутъ толковать! — жить было Киру, и все!«. Согласно этому, *ἀλλά* употребляется, когда мысль появляется *вдругъ*, какъ бы, — *со стороны, врываясь* при этомъ въ *другое* теченіе мыслей: *ἀλλὰ τί τοῦτο εἶπον* = однако, что же это я сказалъ?

Объ *ἄν-кен* мы особенно распространяться не наиѣрены. *Ἄν-кен* является »нарѣчіемъ« (= окаменѣлымъ падежемъ *мѣстоименной* темы), и сообщеннаго о немъ на стр. 131 — вполнѣ достаточно. Замѣчательно, что *ἄн-кен* относится, кажется, *исключительно* только къ глагольнымъ именамъ, къ глагольнымъ признаковымъ и глаголамъ. Это значить, что оно, обозначая »возможность сужденія«, поскольку послѣднее выражено въ самомъ *глаголѣ* (ср. стр. 131), въ сущности указываетъ на возможность *осуществленія* дѣйствія, какъ мы о томъ упоминали при глагольныхъ именахъ и при глагольныхъ признаковыхъ на стр. 402 и 404. Другими словами, оно почему-то (*почему*, — на это отвѣтить я затрудняюсь) выработалось какъ »нарѣчіе«, имѣющее отношеніе *исключительно* только къ »дѣйствию«, какъ къ своему синтаксическому сказуемому, — къ тому дѣйствию,

*) Упомянувъ о »возраженіи« и объ »указаніи на нѣчто болѣе интересное«, мы имѣемъ въ виду, между прочимъ, выдвинуть слово *ἀλλά* въ отличіе отъ слова *δέ*, о которомъ рѣчь впереди.

которое представлено въ языкѣ съ своими видовыми и за-
логовыми отгѣнками. Ибо и въ *глаголь* оно, въ сущности,
относится къ одному лишь *а* нашей риматической схемы
(сопоставь стр. 180, подстрочное примѣчаніе).

Нечего распространяться и объ *ἄρα*, достаточно вы-
ясненномъ въ смыслѣ »нарѣчія« на стр. 455–6.

Ἄτε есть несомнѣнное »нарѣчіе«, образованное отъ
формальнаго имени *ὄς* и присоединившее къ себѣ то же *τε*,
которое у Омира столь часто присоединяется къ самому *ὄς*
(смотри выше стр. 469). *Ἄτε* представляет собою такой
же вещный падежъ (вещный »простираемый«) *множе-*
ственного числа, какой мы въ *единственномъ* числѣ нахо-
димъ въ *другомъ* »нарѣчіи«, — въ нарѣчіи *ὅτι*, образован-
номъ отъ *ὄστις*, а то и — въ простомъ *ὄ*, образованномъ
отъ того же *ὄς* (Od. γ 146: *νήπιος, οὐδὲ τὸ ἦδη, ὃ οὐ*
πεῖσεισθαι ἔμελλεν = не зналъ того, что она не думала
угождать ему). *Единственное* число *ὅτι-ὄ* (сравни русское
что) является »нарѣчіемъ« *относительнымъ* (см. выше
стр. 443–4), опирающимся на *соотносительное* слово. *Οἶδα,*
ὅτι ἡ ἀρετὴ ἀγαθὸν ἐστὶ значить: у меня есть убѣж-
деніе *по известному вопросу; по смыслу его* я объявляю
добродѣтель за благо.*) За такое же относительное »на-
рѣчіе«, опирающееся на *соотносительное* слово, нужно
признать и *ἄτε*. Что касается *значенія* слова *ἄτε*, то оно
ближе всего подходит къ »нарѣчію« *ὥς*, образованному
также отъ *ὄς*.***) Появившись довольно поздно (впервые
— у Пиндара), оно сначала употреблялось, напр. во фразѣ
ἄτε ἀλέκτωρ (Pind. Ol. 12. 20), совершенно такъ же, какъ

*) Я не могъ подыскать болѣе подходящихъ выраженій для передачи
той »соотносительности«, на которой нужно *настаивать* при объясненіи
слова *ὅτι*, кромѣ предложенныхъ мною »по известному вопросу« и »по
смыслу его.« Она въ нихъ, конечно, показана только *внутренно* (слова *из-*
вестному и *его* въ этихъ выраженіяхъ опираются другъ на друга), а не
внѣшне. Если бы мы ее хотѣли выразить и *внѣшне*, то только и оставалось
бы сказать »у меня есть свѣдѣнія *относительно того, что* добродѣтель —
благо«, т. е. пришлось бы употребить выраженіе, въ которомъ, по крайней
мѣрѣ во второй его *половинѣ* именно въ самомъ словѣ *что*, »простира-
тельный« отгѣнокъ слова *ὅτι*, какъ *надежа*, не былъ бы такъ нагляденъ.

**) (Смотри Lex Hom. sub voce *ὥς*.)

ὡς (ἄτε ἀλέκτωρ = какъ пѣтухъ = точно пѣтухъ = »въ такомъ смыслѣ, въ какомъ« пѣтухъ), но въ послѣдствіи, какъ извѣстно, въ силу *экономіи* языка утвердилось въ болѣе *спеціально*мъ значеніи »объективно — причиннаго« слова (Herod. 5. 83: ἄτε δὲ ἐόντες διάφοροι ἐδηλέοντο αὐτούς = такъ какъ они были враждебны къ нимъ, то ихъ истребляли; *прямо*е соотвѣтствовала бы фраза: *поелику* они были враждебны къ нимъ, *потолку* истребляли ихъ), въ то время какъ слово ὡς оставалось при своемъ »*общемъ*« значеніи и, принимая на себя въ силу этого »*общаго*« значенія, *между прочимъ* и роль »причиннаго« слова, сдѣлалось въ *противоположность* слову ἄτε »*субъективно-причиннымъ*« (οὐκ ἐποίησαν τοῦτο ὡς χαλεπὸν ὄν = не сдѣлали этого, такъ какъ *де* это было трудно).

Ἄν, αὐτε, αὐθις (αὐτις), ἐξαῦτις, εἰσαῦθις, αὐτάρ (ἀτάρ).
Объ этимологіи и о »значеніи« слова *αὐ* мы упоминали на стр. 450-1. Примыкая *этимологически* къ *мѣстоименной* темѣ, оно является несомнѣннымъ »нарѣчіемъ«. Указывая своимъ »*значеніемъ*« на то, что отъ предмета не слѣдуетъ удаляться, а слѣдуетъ при немъ оставаться, или къ нему, если мы отъ него удалились, вернуться, оно въ самомъ обозначеніи »предмета«, — состоитъ ли это обозначеніе изъ одного, или нѣсколькихъ словъ, — находить себѣ то »*синтаксическое* сказуемое«, съ которымъ связано появленіе въ рѣчи *всѣхъ* »нарѣчій« (а также частицъ *), до сихъ поръ нами разобранныхъ. Слова *αὐτε*, *αὐθις* (αὐτις), *ἐξαῦτις*, *εἰσαῦθις* и *αὐτάρ* (ἀτάρ) представляютъ собою лишь *этимологически* расширенное, а *синасиологически* видоизмѣненное (эту видоизмѣненность, впрочемъ, иногда довольно трудно *опредѣлить*) *αὐ*.

Что касается слова *αὐτε*, то мы не знаемъ, искать ли въ немъ то *те*, которое, какъ уже на то не разъ указы-

*) Это нужно понимать cum grano salis. Какъ мы видѣли на отрицаніяхъ, — а тоже самое можетъ случиться и съ *другою* »частіцею«, равно какъ и съ »нарѣчіемъ«, — часто можетъ сама »*частіца*« и само »*нарѣчіе*« обратиться въ *синтаксическое* сказуемое, а тогда *его* синтаксическое сказуемое дѣлается синтаксическимъ *подлежащимъ* по отношенію къ нему.

валось, присоединяется къ »относительнымъ« словамъ (какъ къ именамъ, — сравни ὅς τε, — такъ и къ »нарѣчіямъ«, сравни ἄτε), или же мы должны усматривать въ немъ τε, появляющееся въ »нарѣчіяхъ« ὅτε (ὅτε образовано несомнѣнно отъ »относительнаго« формальнаго имени ὅς), τότε, ποτε, и т. д. Мы даже не знаемъ, въ какомъ отношеніи находится первое τε, имѣющее значеніе русскаго »и« (о немъ рѣчь впереди), къ этому второму τε*). Во всякомъ случаѣ, то »водоизмѣненіе« значенія, которое αὖте получило черезъ присоединеніе къ себѣ τε, не поддается опредѣленію.

*) Этимологи видятъ въ обонхъ τε нѣчто одно (Curtius Grundz. 487; Дельбрюкъ, впрочемъ, въ своемъ Grundr., умалчиваетъ о τε, появляющемся въ ὅτε, а говоритъ только о τε, появляющемся въ ὅς τε, ὅστε, ἐφ' ἧτε, уравнивая его, по значенію, съ нѣмецкимъ und). Симасиологи въ этомъ отношеніи идутъ за этимологами (смотри Christ, der Gebrauch der griechischen Partikel τε mit besonderer Bezugnahme auf Homer, Sitzungsberichte der philos. hist. Classe der Münchener Akademie 1880 стр. 25 и сл., и Kvičala, über die Partikeln τίς и τε, Zeitschrift für die österr. Gymnasien 1864. стр. 313 сл. и 393 сл.). Такъ, Квичала говоритъ (стр. 394): Die ursprüngliche Bedeutung des τε (ка) war also die indefinite, und zwar je nach Umständen die locale »irgendwo«, oder temporale »irgendwann«, oder modale »irgendwie«. Je nach Umständen sagen wir, denn die specielle Färbung des τε richtete sich nach dem Worte, mit welchem es in Verbindung trat: z. B. τίς τε local (wer da), τότε, ὅτε, ἐπίτε temporal, ὅστε modal (не есть ли само ὅς modal?). Въ томъ же духѣ разсуждаетъ и Христъ, только что онъ выводитъ всѣ отгѣнки этого одного τε не изъ »indefinit'наго«, какъ Квичала, а изъ »двучленного«, что ли, значенія (korrelative Bedeutung), — того двучленного значенія, которое мы видимъ въ русскомъ »то скажетъ одно, то-другое«. Видно, опредѣлять симасиологическій центръ такихъ »частицъ« можно различно, несмотря на то, что оба автора держатся положенія, въ силу котораго den genügendsten Aufschluss über die ursprüngliche Geltung der Partikel τε und somit die einzige sichere Grundlage für eine wissenschaftliche Darstellung der Gebrauchsweisen derselben die Etymologie bietet (Квичала стр. 394), или, какъ говорятъ Христъ (стр. 27), der Gebrauch der Partikel τε mit schwer entwirrbaren (то то и есть!) Fragen der Etymologie zusammenhängt. Мы намѣрены ниже выводить всѣ отгѣнки слова τε изъ утвердительнонаго значенія и будемъ, кажется, тоже правы, но только, — предупреждаемъ, — не собираемся разсуждать о всемъ τε, а исключимъ изъ нашего разсужденія непременно ὅτε, τότε, ἄλλοτε и т. д. Мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что какоенибудь ποτε есть одно слово (τε въ немъ представляетъ падежное окончаніе), тогда какъ въ ὅστε, ἐπίτε. ὅστε и др. мы ихъ должны усматривать два, а одно изъ нихъ есть само τε. Что касается, въ частности, слова αὖτε, то оно свободно можетъ быть объясняемо и какъ compositum изъ двухъ словъ (αὖ + »утвердительноное« τε; сравни русское опять — таки) и какъ падежная форма. Въ этомъ смыслѣ и οὐρανόςъ было »падежемъ« (ср стр. 246), и если οὐρανόςъ, какъ »падежь«, могло отвѣчать на вопросъ где,

Αὐτάρ — *ἀτάρ* представляет собою compositum изъ *αὐτε* и объясненнаго на стр. 455-6. *ἄρα**)). Если *αὐτάρ-ἀτάρ* приставляется обыкновенно къ синтаксическимъ сказуемымъ, составляющимъ противоположность чему нибудь, или, выражаясь иначе, — если *само αὐτάρ-ἀτάρ указываетъ* на эту противоположность, то это вовсе не противорѣчитъ основному значенію того *αὐ*, изъ котораго *вышло* наше *αὐτάρ-ἀτάρ*. И простое *αὐ* пригодно было и употребляется для обозначенія такой противоположности. Сравни Хер. Анаб. I. 10. 10: *ὡς δὲ εἶδον οἱ Ἕλληνες ἐγγύς τε ὄντας καὶ παρατεταγμένους, αὐθις παιανίσαντες ἐπῆσαν πολὶ προθυμότερον ἢ τὸ πρόσθεν οἱ δ' αὖ βάρβαροι οὐκ ἐδέχοντο, ἀλλ' ἐκ πλείονος ἢ τὸ πρόσθεν ἔφειγον* = а варвары *тутъ же* (= а варвары *при этомъ*; въ русскомъ разговорномъ языкѣ часто слышится: а варвары *опять*: по чешски: а *opět* *barbaři*, въ смыслѣ простаго «варвары *же*») пуще прежняго бѣжали. Какая, въ сущности, разница между этимъ *αὐ* и между *αὐτάρ*, встрѣчающимся въ II. α 133? Мѣсто II. α 133 гласитъ: *ἢ ἐθέλεις, ὄφρ' αὐτὸς ἐχῆς γέρας, αὐτάρ ἐμ' αὐτως ἦσθαι δευόμενον* = или ты требуешь себѣ самому почета. (а) я чтобы *тутъ же*, въ связи съ этимъ (сравни русское разговорное «*опять же* я чтобы») сидѣлъ такъ только, безъ почета? Извѣстно, что этимологически *укороченное αὐτάρ*, именно *ἀτάρ*, развило способность,

то и *ἄλλοτε*, а съ нямъ и *αὐτε*, могло, какъ «падежъ», отвѣчать на вопросъ *когда* (обыкновенное *опять*, *вспять*, которое заключается *одинаково* и въ *αὐ* и въ *αὐτε*, могло быть выведено въ *αὐτε* изъ временнаго значенія = назадъ по отношенію къ *времени* = *опять въ это время*). Если языкъ находилъ нужнымъ выдѣлить въ *οὐρανόθι* мѣстно-просторовую функцію какъ нѣчто *особое*, то онъ могъ сдѣлать то же самое и съ временно-просторовою функціею: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen (т. е. сколько ихъ на дѣлѣ было) ist noch nicht abgeschlossen, — говоритъ Делбрюкъ Synt. Forsch. IV. 62 (сравни стр. 216).

*) Относительно *αὐτάρ* это — *принятая* этимологія. Что же касается *ἀτάρ*, то его Бругманъ (Grundriss II. 177) уравниваетъ съ тѣмъ *ἀταρ*, которое, какъ на то указано на стр. 317, въ свою очередь приводить въ связь съ *ἀνευ*. Мы, руководясь непосредственнымъ чутьемъ значенія слова *ἀτάρ*, сходнаго съ значеніемъ самого *αὐτάρ*, не думали бы, что этимологически слѣдуетъ *отрывать* одно отъ другого. Что въ *ἀτάρ* звукъ *υ* (= *f*) безслѣдно пропадаетъ, противъ этого этимологи не могутъ имѣть ничего особеннаго.

наравнѣ съ *ἀλλά** (см. стр. 490.), предупреждать собою какія нибудь *новыя* мысли, появляющіяся *вдругъ, тутъ же* (слово »*тутъ же*« я и *избралъ* для объясненія *появленія* такого *ἀτάρ*). Сравни Хер. Анаб. IV. 6. 14.: *μένοιοεν γὰρ αὐτοῦ μᾶλλον ἀφροοὶ οἱ πολέμοι ἀτάρ τί ἐγὼ περὶ κλοπῆς συμβάλλομαι.*

И слово *αὐθις* (*αὐτις*) представляется мнѣ какимъ то (неизвѣстно какимъ **) »окаменѣлымъ« падежемъ отъ той же мѣстоименной темы, отъ которой произошло *αὐτός*. Такимъ образомъ, *ἐξαυτις* и *εἰσαυθις* были бы какими то »*сложными нарѣчіями*«, такъ какъ они являлись бы полными *предлогосыми оборотами* (предлогъ *plus* »надежь«). Такимъ же »сложнымъ нарѣчіемъ« оказывается и русское *опять-вспять*, состоящее несомнѣнно изъ предлога (о — воз) и формы, этимологически связанной съ словомъ *пята*. *Ἐξαυτις* и *εἰσαυθις*, впрочемъ, употребляются не такъ часто, причемъ различіе ихъ значенія можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ: *ἀλλ' ἴθι νῦν προκαλέσσαι ἀριτίφιλον Μενέλαον ἐξαυτις* (= снова — еще разъ) *μαχέσασθαι ἐναντίον* (II. γ 432); *πολλὰ δ' ἀπεθέμην ἀσπάσματα εἰσαυθις* (— *наново — опять* когда нибудь), *ὡς ἤξουσα ἐς Ἄργος αὐτὸ πάλιν* (Eur. Iph. T. 377).

О словахъ *εἶτα* и *ἔπειτα* нечего распространяться послѣ разъясненій на стр. 468–9. Укажемъ лишь на одно, Если *εἶτα* и *ἔπειτα* признаются за »нарѣчія« *соотносительными* къ относительнымъ »нарѣчіямъ« *εἰ* и *ἐπεὶ* (въ какомъ случаѣ, — въ такомъ случаѣ), — если они указываютъ на причинную связь т. е. на причинную послѣдовательность (они могутъ указывать и на *временную* послѣдовательность, и на

*) Это-то употребленіе слова *ἀτάρ*, вѣроятно, и *дало* поводъ этимологамъ уравнивать *ἀτάρ* съ *ἀταρ*. Какъ *ἀταρ* отдѣляется одно отъ другого, такъ и въ *ἀτάρ*, предупреждающемъ *вдругъ* появляющуюся мысль, видятъ указаніе на *отдѣленіе* отъ стараго чего то *новата*, съ прежнимъ ничѣмъ не связаннаго.

**) Не есть ли *θις* въ словѣ *αὐθις* нѣчто тождественное съ окончаніемъ слова *οὐρανόςθι*, и не слѣдуетъ ли *αὐθις* понимать первоначально въ »*мыслепросторовомъ*« значенія? (тогда бы оно указывало »первоначально« на удаление отъ *мѣста* — на возвращеніе къ *мѣсту*).

последовательность въ простомъ *перечисленіи*; такъ и русское *затѣмъ* = *επειτα* имѣетъ значеніе простаго *вовторыхъ* или *втретьихъ* и т. д.), то естественнымъ является и такое ихъ употребленіе, какъ *καθ' οἱ κάκιστοι τῶνδ' ἀκούσαντες . . . προύθεντο τὴν τυραννίδα*; (Soph. Oed. C. 418). = и несмотря на это, они могли предложить? = и *послѣ этого* они могли предложить? Вообще выраженіе причинной «*последовательности*» можетъ сдѣлаться выраженіемъ причинной «*непоследовательности*» (сравни объ этомъ стр. 231—2.).

* *Ἐμπης* — *ἐμπας* — *ἐμπαν* — *ἐμπα*. Принадлежность этого слова къ «сложнымъ нарѣчіямъ» (и *здесь* замѣчается предлогъ, какъ замѣчался въ словахъ *ἐξαυτίς* и *εἰσαυθίς*) — совершенно ясна. По *составу* своему оно соотвѣтствуетъ русскому «*во всякомъ случаѣ*». Оно появляется въ рѣчи либо по поводу *одной* какой нибудь мысли, когда я хочу обозначить, что *всегда* буду на ней настаивать, несмотря на какія бы то ни было «*возраженія*» (сравни фразу: онъ, во всякомъ случаѣ, — *добрый* человекъ), либо по поводу *двухъ* мыслей, изъ коихъ одна *заключаетъ* въ себѣ, то «*возраженіе*», которое раньше только *подразумывалось*. Въ *последнемъ* случаѣ наше «*нарѣчіе*» ставится либо при «*возраженіи*» и вообще при выраженіи той мысли, которая противорѣчить главному «*утвержденію*», либо непосредственно передъ «*утвержденіемъ*». Сравни примѣры: *Τὸ δ' ἄρ' ἀναίξαντ' Ὀδυσσεὺς καὶ φαίδιμος υἱὸς ἐσφόρεον κόρυθας . . . παροῖθε δὲ Παλλὰς Ἀθήνη, χρύσειον λύχρον ἔχουσα, φάος περικαλλές ἐποίει· δὴ τότε Τηλέμαχος προσεφώνεεν ὃν πάτερα αἴψα »ὦ πάτερ, ἦ μέγα θαῦμα τὸδ' ὀφθαλμοῖσιν ὀρῶμαι· ἔμπης μοι (= какъ себѣ хотите, а мнѣ*) *τοιχῶν* *μεγάρων* *καλαί* *τε* *μεσόδμα* *εἰλάτιναι* *τε* *δοκοὶ* *καὶ* *κίονες* *ὑπὸς* *ἔχοντες* *φαίνοντ'* *ὀφθαλμοῖς* *ὡσεὶ* *πυρὸς* *αἰθομένοιο**

*) Такъ я объясняю здѣсь слово *ἐμπας*. Я знаю, что его здѣсь толкуютъ въ смыслѣ русскаго «*во всѣхъ отношеніяхъ*» (*ganz und gar*), но при такомъ толкованіи слово *ἐμπας* не представляется въ достаточной степени синтаксисологически *единнымъ*: значенія «*во всѣхъ отношеніяхъ*» и «*во всякомъ случаѣ*» (безъ *последняго* значенія нельзя обойтись въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ употребленія слова *ἐμπας*) трудно соединить другъ съ другомъ.

ἢ μάλα τις θεὸς ἔνδον, οἱ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν (Od. τ 37). — Τῷ οὐ νεμεσίζομαι Ἀχαιοὺς ἀσχαλίαν παρὰ νηυσὶ κορωνίσιν ἀλλὰ καὶ ἔμπις (= но и при этомъ, какъ себѣ хочешь) ἀσχρόν τοι δηρὸν τε μένειν κενεὸν τε νέεσθαι (Il. β 297). — Νέστορα δ' οὐκ ἔλαθεν ἰαχὴ πίνοντά περ ἔμπις (Il. § 1.: здѣсь ἔμπις поставлено при мысли, *противорѣчащей* »утвержденію«).

Ὅμως. Устанавливать значеніе этого несомнѣннаго »нарѣчія« не приходится. Нужно его только надлежаще связать съ значеніемъ того ὁμός (= равный, одинаковый, общій; сравни ὁμῆ πελωριμένον αἴση, ὁμὰ φρονεῖν, ὁμὸν λέχος), удалительный надежемъ котораго оно является. Появляясь въ рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда одна мысль противорѣчить другой, слово ὁμως указываетъ, что извѣстная мысль имѣетъ свою силу *все равно* = *все одинаково* (вотъ на какомъ русскомъ оборотѣ можно выяснить связь слова ὁμός съ »нарѣчіемъ« ὁμως), какъ если бы этого противорѣчія не было. Какъ ἔμπις, такъ и ὁμως ставится и при мысли, которая *противорѣчитъ* главной, и непосредственно передъ своимъ »синтаксическимъ сказуемымъ«. Сравни: »μέγας δὲ πλευρὰ βοῦς ἐπὶ σμικρᾶς ὁμως μάλιστα (=*для большаго быка все равно и малой плети достаточно*) ὄρθος εἰς ὄδον πορεύεται« (Soph. Ai. 1253) и »κλῆθι μου, νοσῶν ὁμως« (Soph. Trach. 1115; здѣсь ὁμως приставлено къ *противорѣчащей* мысли). Что рядомъ съ ὁμως употребляется въ одинаковомъ значеніи и ὁμοίως, это — извѣстно (Herod. 7. 121: οἱ μὲν δὲ πιεζόμενοι ὁμοίως τὸ ἐπιτασσόμενον ἐπετέλεον).

Съ ὁμός, какъ извѣстно, этимологически связываютъ ἴμα. Такимъ образомъ и ἴμα обозначало бы »одинаково« — »обще« — »совмѣстно« — »одновременно«. Такъ оно и оправдывается во всѣхъ случаяхъ своего появленія. Сравни: ἄνουσ τε καὶ ἀγαθὸς ἴμα (= *безумный и добрый въ то же время*; соединяются черезъ ἴμα* два признака,

*, Что ἴμα, обозначающее *общность, совмѣстность, одновременность*, могло соединять и двѣ *противорѣчащія* другъ другу мысли, — понятно изъ всего, что сказано нами выше о ὁμως. Да и нужно ли для этого ἴμα?

противорѣчающіе другъ другу): *λυπείται τε ἅμα καὶ χαίρει* (и печалится *въ одно и то же время*.*) и радуется): *φεύγοντες ἅμα ἐπίτρουσχον* (= отступая, они *въ то же время* наносили раны): *ἅμα ἀποθνήσκοντος τοῦ ἀνθρώπου διασχεδάννυται ἡ ψυχὴ* (= *въ одно и то же время*, когда умираетъ человѣкъ, душа . . .): *ἅμα μὲν τοῦτο, ἅμα δὲ ἐχεῖνο* (= одинаково и это, одинаково и то = отчасти это, отчасти то) и т. д. Какъ извѣстно, *ἅμα* употребляется и съ *παδε-жемъ*, — падежемъ (за таковой мы его должны признать *въ концѣ концовъ***) *личнымъ*, т. е. съ такимъ же, съ какимъ появляется и *οὖν*: *ἅμ' ἡοὶ φαινομένη* = одинаково = одновременно 'съ зарею. Причислить ли его изъ- за этого къ предлогамъ (ср. стр. 317).? Нѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно появляется *безъ* падежа, въ немъ нѣтъ ни *тѣни* того «подразумѣванія падежей», которое мы замѣтили въ *дѣйствительныхъ* предлогахъ, когда они «употребляются самостоятельно» (сравни примѣры на стр. 318—20), точно также какъ *ἅμα* не проявляетъ той способности къ «композиціямъ», на которую въ *предлогахъ* указывалось нами на стр. 322—340. *ἅμα* оказывается истымъ «нарѣчіемъ». Если при немъ и появляется симасіологическое *падежное* дополненіе, то на такое дополненіе — вообще *способны* «нарѣчія» (объ этомъ — рѣчь впереди). Мы готовы думать, что то *οὖν*, которое, какъ извѣстно, иногда присоединяется къ *ἅμα*, есть не болѣе, не менѣе какъ замѣна *простаго* падежа, съ полнымъ правомъ стоящаго при *ἅμα*, *предлоговымъ оборотомъ*, — тѣмъ предловымъ оборотомъ, который мы видимъ въ *русскомъ* языкѣ («одно- временно съ зарею» вмѣсто «одновременно зарѣ»***).

Всѣе «соединительное» слово годится для «соединенія» двухъ *противорѣчающихъ* другъ другу мыслей. Извѣстно омирское *δοῖς ὀλίγη τε φίλη τε* = подарокъ и малъ, да милъ (= хоть онъ и малъ, а дорогъ).

*) Здѣсь *ἅμα* отнесено, по вопросу о *разстановкѣ* словъ, не къ *присоединенной*, а къ «присоединяющей» мысли. Сравни сказанное выше о *постановкѣ* словъ *διως* и *ἐμπης*.

**) Сравни выше стр. 364—5.

***) См. выше стр. 355.

Объ *одъ* нечего распространяться послѣ объясненій на стр. 446.

Той. Слово *той* оказывается этическимъ личнымъ падежемъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ *мои* объяснено было на стр. 367. *Именительный* падежъ къ нему есть слово *оу*, обозначающее *собесѣдника*. Если при *той* собесѣдникъ и не является «главнымъ судьей» въ томъ синтаксическомъ сказуемомъ, къ которому «частица» (?) *той* приставлена, то онъ черезъ *той* дѣлается хоть *соучастникомъ* мысли, *выраженной* въ немъ, — соучастникомъ, совершенно *равноправнымъ* (потому и личный падежъ) съ самимъ *авторомъ* мысли. Такъ чувствуется и чешское *to vám byla rodívaná* — *to ti je krásné* (= вотъ, знаете ли, было зрѣлице! — вотъ, *знаешь ли*, прелесть!). На стр. 367 мы слово *мои* объясняли какъ *живой* падежъ. *Той* приходится признавать за падежную «окаменѣлость» и, слѣдовательно, — за «нарѣчіе» (а вовсе не за «частицу») по слѣдующимъ соображеніямъ: 1. само *τ* во формѣ *той* есть «окаменѣлость» (форма *той*, какъ форма *живаго* падежа, относится къ *старинному, омировскому* языку); 2. *значение* слова *той* является *тоже* не чѣмъ то *живымъ*, вполне *сознаваемымъ*, а «окаменѣлымъ», такъ какъ *той* часто употребляется, когда *авторъ* мысли обращается не къ одному, а къ *нѣсколькимъ**) лицамъ**); 3. слово *той* входитъ въ композиціи *каіτοι, τοῖμαρ, τοῖμαροῦν, μέντοι, τοῖμαρτοι, ἤτοι***)*, что съ *живымъ* падежемъ не слу-

*) Наряду съ *той*, конечно, можетъ появиться и *живое* «ὄμιν (ἀπο-
βόταροι ὄμιν γενήσονται οἱ γένοι — Plat. Resp. 546 e; или здѣсь ὄμιν слѣдуетъ
объяснять иначе?)

***) Да и не есть ли вообще «окаменѣлость» *значенія* и крайнее затруд-
неніе *проникнуть* въ *значеніе* хотя бы *этимологически* вполне раскрытаго
падежа, — не есть ли это одна изъ *главныхъ* причинъ, почему слово *атро-*
фируется въ своемъ *значеніи* имени (помен) и дѣлается «нарѣчіемъ»?
Не это ли была причина, почему мы и *δτι* и *ἀλλά* не приняли за *попіна*
и *объявили* ихъ «нарѣчіями»? Не слѣдуетъ ли по этой же причинѣ *объявить*
и *λόταρον λόταρα* за «нарѣчіе» (см. выше стр. 458-9), такъ какъ оно, *преду-*
прежая о *двучленномъ* *вопросѣ*, *едва ли* *ингурируетъ* въ *роли* *именитель-*
наго падежа, а въ *роль* его, какъ *вещнаго* падежа (очевидно, — «*простира-*
наго»), трудно *проникнуть*?

***) Изъ этихъ композицій пока для насъ доступны *ἤτοι* и *каіτοι*.
Въ *ἤτοι* само *ἤ* является то «*утвердительнымъ*» (смотри стр. 464-5; Беккеръ

чилося бы (последнее соображеніе, впрочемъ, находится въ связи со вторымъ).

По исключеніи разобранныхъ и оказавшихся «нарѣчіями» λέξων, остаются прежде всего перечисленныя на стр. 489. μήν (ослабляется морфологически въ μέν*), δή (ослабляется морфологически въ де**), θήν (ослабляется морфологически въ θεν [?], какъ видно изъ δήθεν [?]), γε

писать въ этомъ случаѣ ἤ τοι = право), то двучленнымъ (см. стр. 461; особенно въ позднѣмъ греческомъ языкѣ употребляется постоянно ἔτοι - ἔτοι вмѣсто простаго ἤ - ἤ). Конечно, во всякомъ объявленіи, обращенномъ къ слушателю, мы его дѣлаемъ соучастникомъ нашей мысли, а потому мало гдѣ можетъ появляться τοι; но особенно умѣстнымъ оно оказывается въ ἔτοι, при «утвердительномъ» значеніи частицы ἤ (особо распространяется объ этомъ послѣ объясненій на стр. 464-5 нечего), и при καίτοι. Καίτοι (= и вотъ тебѣ), какъ извѣстно, появляется при мысли, находящейся въ противорѣчій съ прежнею (= однако), или заключающей въ себѣ главную суть всего, высказываемаго въ томъ болѣе широкомъ контекстѣ, который вызвалъ слово καίτοι (καίτοι — а суть то въ томъ, что . . .). Нѣтъ сомнѣнія, что въ обомъ случаяхъ имѣется особенное основаніе привлечь слушателя къ участию въ моей мысли, что и достигается черезъ τοι.

*) См. Ebeling Lex. Nom. sub voce μέν.

**) Объ этимологической связи словъ де и дѣ наши этимологи не такъ распространяются, какъ о связи словъ μέν и μήν. Дѣ связываютъ съ ἔδη, но относительно этимологической корни слова дѣ существуетъ большое разногласіе: одни видятъ въ немъ тотъ же корень, какъ въ словѣ dies, другіе сопоставляютъ его съ латинскимъ jam (см. Ebeling Lex. Nom. sub voce дѣ). Что же касается слова де, то обыкновенно о немъ умалчиваютъ, или приводятъ его въ невозможную связь съ греческими діс и δεύομαι (Hartung Partik. I. 161 и Bäumlein Partik. 88). Bäumlein даже находитъ нужнымъ возражать Klotz'у, Rost'у и Krüger'у, которые, руководясь непосредственнымъ чувствомъ, принимаютъ де, какъ, по нашему, и съмѣшанъ его принимать, за ослабленное дѣ. Возражаетъ онъ тѣмъ, что де niemals in dem ersten Satze steht, und sich immer auf etwas Vorangegangenes bezieht. Вообще, этимологизировать какъ де, такъ равно и дѣ — чрезвычайно трудно, и всякій примѣняетъ не значеніе этихъ словъ къ ихъ этимологіи, а этимологію къ ихъ значенію, насколько последнее имъ чувствуется. Обращаемъ вниманіе на диссертацию Rob. Linke (de particulae де significatione affirmativa apud Sophoclem, Halis Saxonum 1873), въ которой онъ указываетъ на такіе примѣры какъ εὶ δε κε μή δάωβιν, ἐγὼ δε κε αὐτὸς εἶμαι (II. α 137), или καλῶ δ' ἀρωγὸς τὰς αἰε τε παρθένους αἰε δε ὀρώσας πάντα τὰν βροτοῖς πάθη (Soph. Ai. 835), въ которыхъ де можетъ имѣть только «утвердительное» значеніе. Это то «утвердительное» значеніе слова де, по нашему, и есть основное. Имъ то оно прежде всего и связано съ дѣ, которое также — «утвердительное». Мы имѣемъ нѣкоторое право утверждать такъ потому, что рассматриваемъ всѣ «частицы» въ системѣ, а въ этой системѣ дѣ имеетъ значенію ни для слова дѣ, ни для слова де — нѣтъ мѣста. Считаю де за ослабленное дѣ, мы также руководимся аналогією словъ μήν и μέν. По нашему, μήν: μέν = дѣ: де.

и *περ*. Чтобы и ихъ, или по крайней мѣрѣ *часть* ихъ. принимать за «нарѣчія», на это не даетъ намъ права никакое этимологическое соображеніе. Съ большею, сравнительно, увѣренностью этимологизируютъ слово *περ*, связывая его то съ словомъ *περί*, то съ словомъ *πέρας*,*) но съ этими этимологіями мы *никакъ* не можемъ согласиться въ виду того *значенія*, которое мы усматриваемъ въ *περ*. и которое со значеніемъ словъ *πέρας* и *περί* не имѣетъ *ничего* общаго.

Всѣ эти «частицы» нами уже на стр. 489. названы *утвердительными*. Онѣ выражаютъ разные оттѣнки *общепризнательнаго* *ναι*, которое, кстати сказать (сопоставь стр. 472), встрѣчается *не только* «самостоятельно», но и въ *связной рѣчи*, относясь, конечно, какъ *всѣ* «частицы», къ *синтаксическому сказуемому* (*ναι δὲ ταῦτα γε πάντα κατὰ μοῖραν ἔειπες* — Od. v 37). Разбирать ихъ значеніе по всевозможнымъ случаямъ ихъ *появленія* въ рѣчи мы не намѣрены, да это — едвали и возможно. Мы опредѣлимъ это значеніе согласно непосредственному чувству, выработанному долготѣннымъ опытомъ. Оно представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. Черезъ *μήν* и ослабленное *μέν* говорящій даетъ знать, что онъ *допускаетъ* или *принимаетъ* ту часть мысли, къ которой эти частицы приставлены, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ онъ намѣренъ *считаться*. *Καὶ μὴν τετελεσμένον ἔσται* значитъ: и я допускаю, что это будетъ исполнено.

2. *Δή* и ослабленное *δέ* выставляетъ свое синтаксическое сказуемое какъ нѣчто *рѣшенное безповоротно*. Осязательнѣе дѣлается значеніе частицы *δή* въ словѣ *ἤδη*, состоящемъ, очевидно, изъ «утвердительнаго» *ἤ* (смотри выше стр. 464-5) и *δί***). *Ἦδη* является преимущественно *временнымъ* (= уже), указывая на нѣчто какъ на *законченное, готовое* (даже при *imperativ* ахъ: *ἤδη σὺ μαρτύριον* = ты *ужь* не откладывай, смотри, чтобы *τὸ μαρτυρεῖν* наконецъ было осуществлено), простое же *δή* обозначаетъ больше

*) Смотри Ebeling Lex. Hom. sub voce *περ*.

**) Смотри Prellwitz Wörterb. sub voce *δή*.

законченность «квалитативную»,*) которая и будетъ понятна, если выйти отъ «законченности» во времени (*τοῦτο δὲ εἶ ἔχει* = это то ужъ непременно = безповоротно — хорошо).

Такимъ образомъ, *ослабленное μέν*, соединенное съ *ослабленнымъ δέ*, обозначало бы въ *ослабленномъ* видѣ то, что въ *усиленномъ* видѣ можно передать словами: это, *допустимъ* (= *μήν*), — такъ, но тогда ужъ непременно (= *δή*) нужно принять во вниманіе и вотъ что. Что за словомъ *μέν* не должно непременно слѣдовать *δέ*, это всякому извѣстно: *ἐκείνος μὲν ξυχωρεῖ* = онъ, положимъ, ничего не имѣетъ противъ. Такъ и, наоборотъ, не всякому *δέ* должно непременно предшествовать *μέν*: *ἤτουν τοὺς ἑταίρους, οἱ δὲ οὐκ ἐπέθεοντο*: просили друзей, а ужъ тѣ**) — не согласились.

У Омира *μέν-δέ* соединяется съ *ἦ* и даетъ *ἦμέν-ἦδέ*. По нашему, въ этомъ *ἦ* слѣдуетъ усматривать «утвердительный» его отгѣнокъ. *ἦμέν-ἦδέ* значить: не правда ли, собесѣдникъ, мы съ тобою *допустимъ* это; но ужъ слѣдующее, не правда ли, нужно непременно сказать.***) Также и въ омировскомъ *ιδέ* видятъ лишь иначе произнесенное

*) Называя ее квалитативною, мы имѣемъ въ виду ту квалитативность сужденія, о которой говорили на стр. 95.

**) Въ этой фразѣ, впрочемъ, *δέ* чувствуется больше временнымъ. Въ ней слово *δέ* имѣетъ своимъ синтаксическимъ сказуемымъ только *οἱ*; это видно изъ того, что *οἱ δέ*, *αὐτὸς* взятое, представляетъ собою видъ *εὐκατα* контекста *цѣльный оборотъ*. Чувствуемое «больше временнымъ», *δέ* могло бы быть лучше передано словами: «а чтобы ужъ перейти къ лицамъ, обозначеннымъ черезъ *οἱ* . . .». Не обьявлять ли намъ, въ виду этого *δέ* и въ виду «временнаго» *ἦ* *δὴ*, временное значеніе основнымъ въ словахъ *δὴ-δέ*? Нѣтъ. Временное значеніе предполагаетъ не «частицу», а *падежъ* — *падежъ «ожалельный»* отъ какого нибудь формальнаго имени (такимъ «падежемъ» было *δέ*, *τότε* и др.), а въ *δὴ-δέ* трудно найти такой «падежъ». Благодаря этому quasi временному значенію, слово *δέ* утвердилось въ томъ симасіологическомъ отгѣнкѣ, который, какъ извѣстно, чаще всего практикуется въ *δέ*. Этотъ отгѣнокъ мы опредѣлили бы какъ «переходъ къ новому», — какъ «указаніе на другую сторону вопроса, о которомъ разсуждается въ рѣчи» (сопоставъ это опредѣленіе слова *δέ* съ подстрочнымъ примѣчаніемъ о словѣ *ἀλλά* на стр. 490).

***) Такое толкованіе этимологій словъ *ἦμέν-ἦδέ* напрашивается само собою. Его мы встречаемъ и у Ваумлеин'а Partik. 137).

ἦ + δε. *) Что *ιδέ*. наравнѣ съ *ἦδέ*. могло перейти въ значеніе простаго *καί*, это выяснится ниже.

Чрезвычайно трудно объяснить слово *δίτα*. **) Что «частица» могла сбиться на какое нибудь другое произношеніе. — что изъ *ι* могло сдѣлаться *ι* въ словѣ *ιδέ*, — что изъ *δί* могло сдѣлаться *δαί* ***). — все это понятно: «частица» именно не есть ничто морфологически *сознанное* и *твердое*, чтобы не могло подвергаться перемѣнамъ. Что «частица» могла соединиться съ какимъ нибудь другимъ словомъ въ одну *λέξις*, — является ли это другое слово «нарѣчіемъ» (*δίλου*), или такую же «частицею», — въ этомъ я *тоже* не вижу ничего страннаго, какъ и постараюсь доказать ниже. Но слово *δίτα* имѣетъ видъ какого то этимологическаго *расширенія*, какого то особаго «*надежа*» къ слову *δί*, а измѣняться по *надежамъ* «частицъ» уже *совсѣмъ* не подобаешь. Остается предположить, что аттическое нарѣчіе (*δίτα*, вѣдь, оказывается *аттическимъ* словомъ), смѣшавши, какъ и мы любимъ смѣшивать, «частицу» съ «нарѣчіемъ», произвольно образовало *δίτα*, увлекаемое аналогіею «нарѣчія» *εἶτα*.

3. Черезъ частицу *γε* говорящей указываетъ на то, что высказываемое имъ синтаксическое сказуемое, къ которому онъ *относитъ* *γε*, есть *минимум* того, что онъ могъ бы сказать, если бы не боялся сдѣлать *ошибку* въ своемъ сужденіи. Не напрасно переводятъ *γε* оборотомъ *по крайней мѣрѣ* (*τοῦτό γε ἀλλ' ἄλλος ἐστι* = не знаю, какъ другое, но это, *по крайней мѣрѣ*, — вѣрно). Такъ и *γάρ*, въ общемъ предупреждающее, что мысль, къ которой оно приставлено, должна *объяснить* другую, и состоящее изъ *γε* и *ἄρα*, собственно значить: по крайней мѣрѣ (*γε*), въ связи съ *данною* мыслью (*ἄρα*), нужно сказать, что . . .

Περ указываетъ на *точность* выраженія той мысли (того синтаксическаго сказуемаго), къ которой оно относится.

*) Prellwitz Wörterb.: Im Ablaut zu *ἦδέ* (= und) steht *ιδέ*. Prellwitz, впрочемъ, объясняетъ самое *ἦ* въ словахъ *ἦμιν-ἦδέ* черезъ приведеніе его въ связь съ ютскою «соединительною частицею» *jah*.

**) Prellwitz, Wörterb., принимаетъ *δίτα* за *compositum* изъ *δί* и *εἶτα*.

***) Prellwitz Wörterb.: *δαί*: *δί* = dor. *αἰ*: dor. *ἦ* (wenn).

Видиѣ оно дѣлается въ compositivъ ὅσπερ, которое только и возможно въ сравненіяхъ, и обозначаетъ »точно такъ же, какъ«.

О словахъ $\theta\eta\nu - \theta\epsilon\nu^*$ — $\theta\epsilon^{**}$ (?) затрудняюсь сказать что — нибудь опредѣленное. такъ какъ ихъ непосредственно не чувствую.

Равно не рѣшаюсь утверждать что — нибудь положительное о словахъ $\mu\acute{\alpha}$ и $\nu\acute{\iota}$, принадлежащихъ, вѣроятно, тоже къ утвердительнымъ »частицамъ« (а можетъ быть, это — междометія?) и употребляющихся въ клятвенныхъ выраженіяхъ ($\mu\acute{\alpha}$ τὸν κύνα, $\nu\acute{\iota}$ τὸν πατέρα).

Послѣ утвердительныхъ частицъ слѣдуютъ соединительныя. Трудно отрѣшиться отъ мысли, что, если disjunctio въ двучленѣ выражалась при посредствѣ *вопросительной* »частицы« η , conjunctio могла бы быть выражена при помощи *утвердительныхъ* частицъ. Русскій языкъ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ именно такъ, хотя и не *исключительно*. Несомнѣнно, что частица *да* есть *утвердительная*, а между тѣмъ она употребляется и въ смыслѣ соединительной: и, да ты, да онъ. Это — вполне понятно. Соединительный двучленъ (а также и многочленъ) можетъ рисоваться въ нашемъ представленіи какою то *неожиданностью*, которая требуетъ именно »подтверженія«. Что извѣстное дѣло будетъ исполнено *къмъ — нибудь*, — ожидаетъ *всякій*: но если *кромъ* этого »кого нибудь« выступаетъ *еще* дѣятель, то совершенно естественнымъ является выраженіе: я это могу сдѣлать: *да*, ты — тоже. Теперь мы понимаемъ, почему утвердительное $\eta\delta\acute{\epsilon} - \acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}$ могло перейти въ значеніе »соединительной частицы«. Но русскій языкъ располагаетъ еще и *настоящею* »соединительною« частицею: это — частица »и«. Въ греческомъ языкѣ *кромъ* стариннаго $\eta\delta\acute{\epsilon} - \acute{\iota}\delta\acute{\epsilon}$ имѣются частицы *καί — τε*. Причислить ли ихъ, или какую — нибудь одну изъ нихъ, къ »утвердительнымъ, или онѣ обѣ — *настоящія* соединительныя»? Увидимъ.

*) Prellwitz Wörterb.: $\theta\eta\nu$ (doch wohl): $\theta\epsilon\nu - \mu\eta\nu: \mu\acute{\epsilon}\nu$.

***) Не слѣдуетъ ли и $\theta\epsilon$, появляющееся въ $\acute{\iota}\theta\epsilon$, принять за ослабленное $\theta\eta\nu$?

Въ словѣ *καί* мы должны различать *четыре* значенія.

1) — *просто-соединительное*. При этомъ двучленъ можетъ быть обозначенъ, какъ находившійся въ *первоначальномъ* планѣ мысли: *καί οὐ*, *καί ἡμεῖς* (ср. стр. 401.). Присоединеніе втораго члена къ первому, какъ *не* находившееся въ первоначальномъ планѣ мысли, а потому требующее *особенной* выразительности, можетъ потребовать и *накопленія* частицъ (сравни *καί δὲ καί* = *да ужъ непремѣнно и то-то*). Въ *отрицательномъ* смыслѣ, если двучленъ имѣлся въ виду при *первоначальномъ* составленіи плана мысли, встрѣчается *τε-οὔτε*, *οὔτε-τε*, *οὔτε-οὔτε*. въ противномъ же случаѣ языкъ присоединяетъ къ *οὐ* (въ извѣстныхъ случаяхъ — къ *μή*) утвердительную частицу *δέ* (*οὐδέ-μήδέ*; *οὐδὲ ἡμεῖς ἰδυνάμεθα ταῦτα ποιῆν* = *да и мы не могли этого сдѣлать*).

2. — *καί*, указывающее на «соотвѣтствіе». Устанавливая этотъ терминъ, мы имѣемъ въ виду явленія въ родѣ *ὄλεο καί ἔλεον* = о чемъ я *и* говорилъ (сравни русскую фразу: а потому, *какъ я и говорилъ*, вы не можете надѣяться на успѣхъ). Греческимъ «*καί*» и русскимъ «*и*» говорящій въ данномъ случаѣ «присоединяетъ» то, что онъ въ *настоящее* время утверждаетъ, къ чему нибудь, упомянутому въ *другой* части его рѣчи. Въ отрицательномъ смыслѣ появляется то *οὐδέ* (*μήδέ*), которое въ *первомъ* синтаксическомъ отбѣнкѣ слова *καί* было обязательно, когда двучленъ *не* находился въ первоначальномъ планѣ говорящаго (какъ и *здѣсь* о какомъ нибудь готовомъ *планѣ* двучлена не можетъ быть и рѣчи): *ὄλεο οὐδ' ἤμελλον φάσαι* = какъ я и отрицалъ.

3. — *καί gradativ'ное*. Если *вообще* *καί* вызывается необходимостью указать вмѣсто чего нибудь *одного* на «рядѣ» (= на нѣсколько «членовъ»), то въ данномъ случаѣ этотъ рядъ *подразумѣвается*, а слово *καί* указываетъ или на *первый*, или на *последній*, стало быть, вообще на *крайній* его членъ. Сравни: и лучшіе люди ошибаются — и худшій человѣкъ не безъ достоинства. Въ отрицательномъ смыслѣ *третій* разъ появляется то же *οὐδέ*.

4. — *καί* восклицательное: *πῶς δὲ καὶ στρατὸς τοσοῦτος πεζὸς ἤρυσεν περᾶν* (Aesch. Pers. 721); *ἴδωμεν, τί ποτε καὶ λέγομεν* (Plat. Gorg. 455 a). Въ чешскомъ языкѣ употребляется въ подобныхъ случаяхъ слово *taky*. Чешское *taky* я иначе не чувствую, какъ въ смыслѣ слова *тоже*. Такъ, говорятъ: *to je taky odprověď!* И въ русскомъ языкѣ слышится фраза: вотъ *тоже* отвѣтъ?! Вместо *to je taky odprověď* я могу сказать: *to je zas odprověď*, а *zas* соотвѣтствуетъ греческому *αὐτὲ*. Въ греческомъ языкѣ въ выраженіяхъ удивленія, — а о нихъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, — часто встрѣчается *αὐτὲ*: *Τίπτε' αὐτ' αἰγιόχοιο Διὸς τέκος εἰλήλουθας* (II. α 202) = *cos to zas dítě egidodržavného Zevsa přišla?* Намъ скажутъ, что здѣсь слово *αὐτὲ* относясь къ *τίποτε* (а можетъ быть, и ко всему *τίποτε εἰλήλουθας*), какъ къ своему синтаксическому сказуемому. поставлено лишь съ тою цѣлью, чтобы воображеніе »держалось того предмета (т. е. того синтаксическаго сказуемаго), къ которому *αὐτὲ* относится, и не удалялось отъ него« (ср. стр. 492.). Это значитъ другими словами, что, такъ какъ данное синтаксическое сказуемое должно выражать нѣкое *недоумѣніе*, то *αὐτὲ* приставлено съ тою цѣлью, чтобы воображеніе, прикованное черезъ него къ этому синтаксическому сказуемому, больше *свыкнулось* съ самимъ »недоумѣніемъ«. Можетъ быть, это и такъ: я, руководясь чешскимъ *zas*, готовъ усматривать въ настоящемъ *αὐτὲ* выраженіе »повторенія«. Вообще въ выраженіяхъ удивленія есть основаніе считаться съ *жизненными опытомъ*. »Ты. Аѳина« — говоритъ Ахиллъ, — *»всегда приходишь съ загадочными планами; а теперь, какова опять цѣль твоего прихода?«* Такое же »повтореніе«, стало быть, — *присоединеніе* новаго къ чему то прежнему, — я усматриваю и въ русскомъ *»вотъ тоже отвѣтъ!«*, и въ греческомъ *»τι ποτε καὶ λέγομεν«*, и вообще въ »восклицательномъ« *καί*.

Быть можетъ, я былъ относительно »восклицательнаго« *καί* неправъ. Быть можетъ, его *дѣйствительно* слѣдуетъ толковать такъ, какъ поддается толкованію слово *αὐτὲ* въ II. α 202. Тогда, конечно, »восклицательное« *καί* было бы

»утвердительнымъ«, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы уже утвердительное значеніе слова *καί* принять за *основное*. Ибо изъ утвердительнаго значенія легко вывести »присоединительное«, какъ доказываетъ *яснѣе всего* русское »да«, но отъ »присоединительнаго« значенія перейти къ утвердительному врядъ ли — возможно.

За »первоначально« — утвердительное (а не за »присоединительное«) я принимаю слово *τε*, такъ что *последній* оттънокъ, т. е. »присоединительный«, я считаю *развившимся* изъ перваго.*)

Чтобы *оба* слова, — и *καί*, и *τε*, — были первоначально присоединительными, этому *трудно* повѣрить. Зачѣмъ языку вырабатывать *два* слова съ одинаковымъ значеніемъ? Провозглашать именно *τε*, а не *καί*, за первоначально-утвердительное заставляетъ меня *прежде всего* *compositum οἶός τε*. Какъ извѣстно, вмѣсто *οἶός τε*, въ смыслѣ *способный*, употребляется простое *οἶός* (Хен. Мемог. II. 9. 3:

*) Чтобы отвѣтить на вопросъ, который впервые поднять былъ нами на стр. 469, а затѣмъ столь часто *вновь* былъ возбуждаемъ (ср. стр. 491 и др.), мы укажемъ на *τε*, присоединяемое къ *относительнымъ* словамъ (или формальнымъ именамъ, какъ *ὅς*, или нѣкъ »нарѣчійемъ«, какъ *ὅς*, *ἐπει*). Какое нибудь *θηρὸς ἀκούσας*, *ὅς τε ἐρχεται δι' ὄρεσσι* значить: услышавъ звѣря, — *то* же (*соотносительное* слово, на которое *опирается* *ὅς*), о которомъ *также* и (= *τε*) слѣдуетъ сказать, что онъ . . . Такъ, по нашему, слѣдуетъ толковать и *ὥστε*, не только, когда оно встрѣчается въ его болѣе *общемъ* значеніи (*κατ' οἶκον οἰκουροῦν ὥστε παρθῖνοι* — Soph. Oed. C 344 = какъ и дѣвцы), но и въ случаяхъ употребленія его съ *спеціальнымъ*, такъ называемымъ *consecutiv'нымъ* оттънкомъ (въ сущности, этотъ »спеціальный« оттънокъ является чѣмъ то, вытекающимъ изъ *контекста*, — чѣмъ то, что *опредѣляется* смысломъ того *соотносительнаго* слова, на которое *относительное* *ὥς* *опирается*). На »consecutiv'ное« *ὥστε* мы приведемъ *два* примѣра (различіе ихъ усмотритъ самъ читатель): *τόσον δ' ἔχουσ τόλης πρόσωπον, ὥστε τὰς τῆς στήθας ἴκον*; (Soph. Oed. г. 533) = *степень* (*τόσον*) твоей смѣлости и (*τε*) твое прибытіе въ мой домъ *соотвѣтствуютъ* другъ другу (словомъ *соотвѣтствуютъ* я хотѣлъ выразить самую *correlativ'ность* соотносительнаго и относительнаго словъ = такъ ты дерзокъ, какъ и пришелъ). — *οὐ τηλίκος εἰμί, ὥστε δημότορι πάντα πιδέσθαι* (Od. ρ 21) = мой возрастъ (*τηλίκος*) и (*τε*) послушность во всемъ не соотвѣтствуютъ другъ другу = нѣтъ того, чтобы мой возрастъ былъ таковымъ, какъ (бываетъ) и *относительно* (*πιδέσθαι* есть вещный *простираемый*) послушанія во всемъ. — Ипотактический характеръ предложенія, въ которыхъ встрѣчаются сами *относительныя* слова, принимающія къ себѣ *τε*, ставить наше *τε* *посредию* между *καί* »просто-присоединительнымъ« и между »*καί* *соотвѣствія*«, такъ что не знаешь, съ *какимъ* изъ нихъ его лучше сопоставить.

οὐ γὰρ ἦν οἶος ἀπὸ παντὸς κερδᾶναι). Я не вижу въ те. присоединяющемся къ οἶος, рѣшительно ничего, что оправдывало бы его появленiе, кромѣ *утвердительнаго* оттѣнка *). Да и какой «присоединительный» оттѣнокъ слова те мыслимъ въ compositivъ ἦτε, употребляющемся, какъ извѣстно, рядомъ съ *простымъ* «утвердительнымъ ἦ.**) Если я не ошибаюсь, то те присоединяется къ прочимъ утвердительнымъ частямъ, перечисленнымъ на стр. 489, съ оттѣнкомъ *полноты* (οἶος те = способный *вполнѣ*).

Остается разобрать слово ἔτι. Принять ли его за «частицу», или за «нарвчiа»? Для «частицы» оно, по *внѣшнему* своему виду, не отличается особенною *краткостью*, а его *значенiе* слишкомъ обособляется отъ значенiя другихъ частицъ (оно очень сходится по значенiю съ русскимъ *еще*: не связано ли оно съ нимъ и этимологически?). Правда, ἔτι (какъ и русское *еще* = кромѣ того) употребляется для прибавленiя чего нибудь одного къ чему нибудь другому (обыкновенно, впрочемъ, встрѣчается въ такихъ случаяхъ не *простое* ἔτι, а ἔτι δέ) и въ этомъ отношенiи примыкаетъ къ частицѣ καί. Но на значенiе «прибавленiя», кажется, слѣдуетъ здѣсь смотрѣть какъ на ослабленiе другого, первоначальнаго значенiя, которое мы опредѣляемъ какъ указанiе на *продолженiе* извѣстнаго состоянiя (ἔτι μοι μένος ἔμπειρόν ἐστιν = *все еще* у меня . . .; *отрицанiе* такого «продолженiя» достигается черезъ οὐκέτι: οὐκέτι ὄρω = *я больше не вижу*). Какъ извѣстно, ἔτι приставляется часто

*) Въ οἶος, принимающемъ значенiе *способный*, я вижу остатокъ того первоначальнаго, *неотносительнаго* значенiя темы *ya*, на которое мною указано на стр. 441; οὐχ οἶος κερδᾶναι, по моему, значить: онъ не таковъ, чтобы извлекать выгоду. А можетъ быть, и *это* οἶος слѣдуетъ принимать за «относительное, опирающееся на *соотносительное*»? Можетъ быть, сразу οὐχ οἶος κερδᾶναι слѣдуетъ толковать въ смыслѣ «онъ не таковъ (τοιοῦτος), какимъ (οἶος) бы ему нужно быть, чтобы извлекать выгоду»? Тогда бы, конечно, те при οἶος объяснялось аналогiею словъ δε те, ὅστε (ср. стр. 507), и все οἶος те не *юдило*сь бы для той цѣли, для которой я имъ воспользовался.

**) Если οἶος те не годится какъ аргументъ для нашего утвержденiя относительно те, то навѣрно годится ἦ τε. Сравни II, р 236 (νήπιος, ἦ τε πολλὰ μιν ἐπ' αὐτῷ θυμὸν ἀπύρρα), Od. v 194 (ποῦ δὲ τῶ οἱ γενεῆ καὶ πατρὸς ἄφουρα; δὺμοροσ; ἦ τε τοῦκε δέμας βασιλῆε ἀνακτε) и т. д.

къ сравнительнымъ степенямъ (*πολλὸν ἔτι ἀλκιμώτερος*), приче́мъ сама сравнительная степень переменяетъ это »продолженіе состоянія« въ *усиленіе* его. Быть можетъ, въ *ἔτι* слѣдуетъ считать не »прибавленіе« ослабленіемъ »продолженія«, а »продолженіе« — метафорой »прибавленія«? Едва ли; тогда бы и *καὶ* метафоризировалось по направленію слова *ἔτι*, особенно когда оно въ развитіи своего значенія пошло такъ далеко. Нѣтъ ли въ *ἔτι* того »падежнаго« окончанія, какое замѣчается въ словѣ *ἄρτι*? Но гдѣ же тогда этимологическая *тема* этого »падежа? Трудно на это отвѣтить. Сопоставленіе греческаго *ἔτι* съ латинскимъ *et — etiam* — очень заманчиво*), но какъ часто уже сбывало этимологовъ случайное созвучіе словъ! Самое существенное доказательство того, что *ἔτι* не есть »частица«, а »нарѣчіе«, мы видимъ въ *compositō* *ἑλοῖτι***). Разъ *ἔτι* соединяется съ такимъ предлогомъ, какъ *εἰς*, то оно не можетъ быть частицею а должно быть »нарѣчіемъ«, а *ἑλοῖτι* является по отношенію къ нему »нарѣчіемъ« *сложнымъ*. Между *ἔτι* и *ἑλοῖτι* мы должны усматривать такое же отношеніе, какое было между *ἀνθις* и *εἰσαῦθις*. *Ἀνθις* было »падежемъ«, а *εἰσαῦθις* — предоговымъ *оборотомъ*, въ которомъ *εἰς* своимъ значеніемъ *примыкало* къ этому падежу. То же самое мы видимъ въ *ἑλοῖτι*: *ἔτι* могло быть принято за обозначеніе *точки* («еще» можетъ получить значеніе *до сихъ поръ*), а *εἰς*, какъ предлогъ, *направляетъ* къ этой точкѣ.

Мы *кончили* разборъ »частицъ«. (Если и остались неразобранными нѣкоторыя *composita*, въ которыя »частицы« входятъ какъ *части* ихъ, то нетрудно будетъ самому чи-

*) См. Brugmann Grundr. I. 276.

**) Не такими выгодными аргументами для нашей цѣли представляются *composita* *πρόβῃ* и *ἔξῃ*. Ни въ *πρόβῃ*, ни въ *ἔξῃ* мы не видимъ, чтобы само *ἔτι*, какъ »падежъ«, *зависело* отъ предлога. *Πρόβῃ* является простымъ накопленіемъ (*πρόβῃ* — вдобавокъ еще) *синонимовъ* (семасіологическая *тавтологія*), а въ *ἔξῃ*, появляющемся съ падежемъ, зависящимъ исключительно отъ *ἔξ* (*ἔξῃ πατρῶν* — Od α 245 — еще съ отцовъ; *ἔξῃ τοῦ* — II. ι 106 — еще съ того времени) слово *ἔτι*, собственно, даже не дѣетъ повода *привлекать* его въ *compositum* съ *ἔξ*; оно чувствуется здѣсь *самостоятельнымъ* и все »ἐκ πατρῶν« и »ἐκ τοῦ« составляетъ къ нему *синтаксическое сказуемое*.

тателю опредѣлить ихъ значеніе на основаніи объясненій, данныхъ нами о самихъ «частяхъ»). «Частицы» у насъ сталкивались постоянно съ «нарѣчіями». Если тѣ и другія имѣли вездѣ отношеніе къ синтаксическимъ сказуемымъ, то это не есть ихъ общее *χαρακτηριστικόν*, отличающее ихъ отъ прочихъ частей рѣчи. Съ одной стороны, мы видѣли, что и появленіе *живыхъ* надежей, принадлежащихъ «именамъ» (πομίνα), связано съ синтаксически сказуемыми, а съ другой — нетрудно будетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго, что «нарѣчіе» очень часто не имѣетъ ровно *никакого* дѣла съ синтаксическимъ сказуемымъ, а просто служитъ сямасіологическимъ дополненіемъ *другой* части рѣчи. Впрочемъ, нашъ интересъ не въ томъ, чтобы опредѣлять границу между «частичами» и «нарѣчіями» съ одной, и между остальными частями рѣчи съ другой стороны; насъ интересуеетъ опредѣленіе различія между самими «частичами» и «нарѣчіями». По этому вопросу можно сказать слѣдующее.

1. «Частица» *всегда* имѣетъ отношеніе *только* къ синтаксическому сказуемому*); «нарѣчіе», какъ должно быть выяснено *впоследствии*, можетъ быть связано *не только* съ синтаксическимъ сказуемымъ, но и съ такими же, какъ оно, частями рѣчи.

2. «Нарѣчіе» есть *надежь*, въ то время какъ въ «частицѣ» о надежѣ нѣтъ и помину. Намъ скажутъ, что *наши* частицы, т. е. тѣ слова, которыя мы объявили за частицы, остались безъ надежей только лишь потому, что мы въ нихъ надежей отыскать *не умѣли*. На это мы отвѣчаемъ:

3. «Частицъ» — немного. Это — одна вопросительная (*ῥί*), двѣ отрицательныхъ (*οὐ-μή*), одна положительная (*γαί*), нѣсколько «квалитативно-утвердительныхъ» (*μήν δῆ, γέ, περ, ὅτι* и . . . *τέ***)) и одна соединительная (*καί*). Онѣ выведены

*) Сопоставь стр. 492, подстрочное примѣчаніе.

***) Быть можетъ, этихъ «квалитативно-утвердительныхъ» частицъ у насъ — много? Не знаю. Знаю только, что онѣ *нужны*. Относясь къ синтаксическому сказуемому, онѣ *тоже* имѣютъ дѣло съ «сужденіемъ», какъ его имѣли наклоненія. Хотя мы на стр. 176 говорили, что въ синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ нѣчто одно лишь «относится» къ чему то другому, но на стр. 366. выяснилось, что синтаксическое подлежащее есть, какъ

изъ насущной потребности языка и представляюгъ въ этомъ отношеніи отдѣльную, законченную систему». Конечно, всѣ онѣ могутъ быть замѣнены какими нибудь *матеріальными* словами (я говорю *словами* вообще, а не одними *именами*; о терминѣ *матеріальный* см. стр. 196.), или цѣлыми оборотами: вмѣсто *я и ты* можно сказать *я совместно съ тобою*, вмѣсто *яаі* — *диологій* или *фрмі* и т. д. Но не въ этомъ дѣло. Тотъ, кто упрекнулъ бы насъ въ неумѣніи отыскать въ нашихъ *частицахъ* падежи, понятно, ничего подобнаго въ виду не имѣетъ. Не думаетъ онъ также о какомъ нибудь *вопросительномъ, отрицательномъ, положительномъ, качественномъ-утвердительномъ и соединительномъ* падежѣ (хотя, какъ говоритъ Дельбрюкъ, вопросъ о падежахъ еще не законченъ, по существованію *такихъ* падежей *никто* предполагать не станетъ), а требуетъ, чтобы мы указали на какія нибудь *мѣстоименія*, которыя въ *вещномъ простирательномъ* или какомъ нибудь *другомъ* *окаменѣломъ* падежѣ, въ силу значенія самой ихъ этимологической *темы* могли бы выразить вопросъ, отрицаніе, соединеніе и т. д. Но гдѣ же эти мѣстоименія?

Въ томъ то и вопросъ, гдѣ *взять* эти мѣстоименія? Отрицательныхъ мѣстоименій *совсѣмъ* нѣтъ, а что касается остальныхъ, то мы ими *занимались* въ шестомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія, выводя ихъ *также* изъ насущной потребности языка. Всѣ они тамъ имѣли свое *опредѣленное* начало, свой *известный* путь развитія, и ни *одно* изъ нихъ, ни въ своемъ началѣ, ни на пути своего развитія не встрѣчается ни съ однимъ изъ тѣхъ значеній, которыя мы на-

---

бы, *сложное ъу*, и синтаксическое сказуемое —, какъ бы, *сложный* признакъ, а какъ *таковой* оно, конечно, можетъ быть *не только* «отнесено» къ синтаксическому подлежащему, но *прямо* такъ «присуждаемо» ему. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о присужденіи въ *познавательномъ* смыслѣ (сравни стр. 96), какъ и признаковыя слова въ ономастическихъ предложеніяхъ могли быть присуждаемы своимъ *названіямъ* предметовъ только въ *познавательномъ* смыслѣ (сопоставь стр. 181-2), и въ атомъ случаѣ, казалось бы, такой рядъ отгѣнковъ какъ *вполнѣ* (те), *испрямленно* (дѣ), *точно* (пер), *по крайней мѣрѣ* (зе), *пожалуй* (мѣ), *впрямую* (не это ли — значеніе слова *Фіу*?) представляетъ такую же лѣстницу «*качественности*», какую мы выставили относительно наклоненій на стр. 95., и въ которой, кажется, нѣтъ ничего ни лишняго, ни недостающаго.

ходимъ въ «частицахъ». Требовать для «*частицъ*» мѣстоименныхъ темъ значило бы предполагать наряду съ мѣстоименіями, имѣющими свою *непосредственную* задачу, еще другія мѣстоименія, которыя, за отсутствіемъ своихъ собственныхъ функций, исполняли бы функціи чужія. Мы понимаемъ, что какое нибудь *πως* (= окаменѣлый падежъ отъ *мѣстоименной* темы = «нарѣчіе»), обозначающее *кажъ-нибудь* (собственно: «*отправляясь* отъ чего нибудь, какъ своей *этической* почвы», ибо *πως* есть *удалительный* падежъ), могло съ своимъ *модальнымъ* оттѣнкомъ (сравни фразу «это какъ-нибудь сдѣлается») перейти и въ оттѣнокъ *квалитативный* (*οὐ μὲν πως* = *положимъ*, что это *какъ то* не такъ);*) мы сами прежде смѣшивали модальность съ «квалитативностью» (сопоставь стр. 95), но что этого смѣшивать *нельзя*, — что языкъ «первоначально» могъ въ квалитативности усматривать нѣчто *одно*, а въ модальности — нѣчто совершенно *другое*, и только *впоследствии*, изъ желанія *упростить* свои средства, переносилъ и *могъ* переносить модальность на квалитативность, это намъ стало яснымъ только теперь.

Да, «частицы» *нужно* признавать какъ *отдѣльную* часть рѣчи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою болѣе подходящаго *термина* для этой *отдѣльной* части рѣчи. Самъ терминъ «частица» (*particula*) не выходитъ изъ того *родоваго* понятія, которое относится ко *всѣмъ λέξεις одинаково*, развѣ только тѣмъ, что, будучи «*уменьшительнымъ*» къ слову *часть* (разумѣй — часть *рѣчи*), выставляетъ об-

*) Я понимаю, что какое нибудь *πως*, обозначающее почему-то просторъ, или нѣчто пропсходить (я говорю «*почему то*»; ибо *πως-οὐ* являются *родовыми* падежами, а *родовой* падежъ, какъ *таковой*, этого просторового значенія въ нихъ *не вмѣстить*), можетъ получить и *модальное* значеніе (= *кажъ-нибудь*) и съ этимъ модальнымъ значеніемъ можетъ не только перейти въ роль *квалитативнаго* слова (такъ и модальное *αὐ* перешло въ квалитативное; ср. стр. 131), но и *соединиться* съ *настоящимъ* квалитативнымъ *словомъ* въ *составителъ*, какъ это мы видимъ въ словѣ *διππως* (= ужъ *непремѣнно* какъ-нибудь = ужъ *непремѣнно* какъ то; сравни стр. 446.). — Этому замѣтку мы и *отпачемъ* на вопросъ, возбужденный на стр. 503. Что *«квалитативное* *δι* (въ словѣ *ἑδίη*), наоборотъ, могло перейти въ *временное* слово, — мы видѣли на стр. 501.

нимаемая имъ λέξεις какъ нѣчто *незначительное*, конечно, — незначительное по внѣшнему *виду*, а не по *задачѣ* въ языкѣ. Термины σύνδεσμοι, ἄρθρα, ἐπιρρήματα еще менѣе годятся, чѣмъ терминъ *частицы*. Останемся при *этомъ* терминѣ.

Такъ какъ частицы постоянно сталкивались съ «нарѣчіемъ», то непосредственно послѣ нихъ придется подвергнуть окончательному разбору и *эту* часть рѣчи. Такой ходъ изслѣдованія, впрочемъ, былъ нами намѣченъ еще въ концѣ *шестого* отдѣла.

«Нарѣчіе» оказывается *последнимъ* членомъ въ ряду частей рѣчи. Остальные члены этого ряда суть: глаголь, матеріальная *простая* существительное и признаковое, *формальная* существительное и признаковое, *глагольное* признаковое, глагольное *имя*, *счетная* часть рѣчи (ею пользуется языкъ и въ качествѣ *признакового* имени, когда мы не заняты *счисленіемъ*), предлогъ и частица. А гдѣ же «союзъ»? «Союза» *нѣтъ*. То, что называютъ «союзомъ *придаточныхъ* предложений» (какое нибудь εἰ, ὅτε, ὥς, ὅπως), оказывается *относительнымъ «нарѣчіемъ»*, опирающимся на *соотносительное* слово (кто видитъ въ словѣ εἰ «союзъ», тотъ долженъ бы принимать за «союзъ» и *относительное* ὅς, такъ какъ съ него *тоже* начинаются синтаксически *подчиненныя* предложения), а «союзы *главныхъ* предложений» (да однихъ ли «главныхъ», и однихъ ли «предложений»? — развѣ какое нибудь ἀλλά или καί должно *непремѣнно* связывать *предложенія*? — и *непремѣнно* *главныя*?) превратились у насъ то въ частицы, то въ «нарѣчія».

Что такое «нарѣчіе»? Первые отвѣты на этотъ вопросъ выйдутъ у насъ на подобіе тѣхъ, какіе давали Сократу его ученики, — не впадать, но что же дѣлать? Сократу такіе отвѣты были нужны, и онъ умѣлъ ими пользоваться для дѣла.

Слова ἀγκάς, γυνῆ, λάξ, κουρίξ, ὀδάξ, πύξ, вотъ — «нарѣчія». Это — тѣ же существительныя (ἀγκών, γόνυ, σάξ, κόρη, ὀδοῦς и существительное, отъ котораго произошло признаковое πικρός), только *надежи* ихъ *этимологически* не поддаются опредѣленію; они въ *открытомъ* для насъ

языкъ, какъ *живые* падежи именъ существительныхъ, не практикуются, они «окаменѣли». Приведеніе ихъ въ этимологическую связь съ *глагольными* темами или «корнями», какъ то дѣлаютъ этимологи *) (для *λάξ* устанавливают глагольную тему *ολαχ*, усматривая въ ней значеніе *бить*, для *γνύξ* — тему *γνύγ*, сравнивая ее съ нѣмецкимъ *knicken*, *ὀδάξ* приводятъ въ связь съ глаголомъ *δάσσω*), не имѣтъ для насъ непосредственнаго интереса. Мы уже не говоримъ о томъ, что самъ глаголь, какъ *часть рѣчи*, и даже глагольное имя, какъ *часть рѣчи*, не могутъ служить *родоначальниками* какихъ бы то ни было «нарѣчій». Глаголь, какъ выраженіе *цѣлой рѣчи*, не можетъ вообще произвести никакого падежа, а «окаменѣлаго» и подавно, глагольное же имя, это «выдѣленіе въ особое слово того *а*, которое попало у насъ въ глагольную синтаксическую схему *а* → *б*» (см. стр. 201), само обязано своею ролью падежа лишь *синтаксическому* положенію (ср. стр. 200), а потому «окаменѣлаго» падежа *тоже* не произведетъ. Родоначальниками приведенныхъ въ *настоящемъ* пунктѣ «нарѣчій» являются, какъ уже сказано, — да и *могутъ* ими быть, — *только* существительныя. *Значеніемъ* своимъ наши «нарѣчія» напоминаютъ *творительный* падежъ ихъ «родоначальниковъ» (славянскія *плшмя*, *коѣто* представляютъ собою *тоже* нѣчто въ *этомъ* родѣ). Они имѣютъ всѣ *одно* окончаніе ξ (единственное и множественное числа въ немъ, конечно, уже не дифференцированы: *ὀδάξ* значитъ *зубами*, а *πύξ* въ одномъ контекстѣ обозначаетъ *кулакомъ*, а въ другомъ — *кулаками*); мы готовы думать, что и *ἀγκάς* образовано вмѣсто *ἀγκάξ*, и что появленію ξ въ окончаніи помѣшало присутствіе гортаннаго звука въ *другомъ* мѣстѣ этого слова (сравни *διδάσσω* вмѣсто *διδάξω*).**)

*) См. Ebeling Lex. Hom.

**) Иначе Delbrück Grundr. III. 569: Ferner halte ich es mit J. Schmidt für wahrscheinlich, dass das homerische *ἀγκάς* nichts anderes sei, als *ἀγκάσι*, ein Loc. pl. zu *ἀγκών*. Ebenso sind vermuthlich *πύξ* und *λάξ* aufzufassen, nach denen sich *γνύξ* und *ὀδάξ* gerichtet haben werden. Dem Vocal nach *ferner* liegt *κουρίξ*. Мы, какъ сказано, видимъ въ выраженіяхъ *ἀγκάς ἐλάσσο θυγατέρα*, *λάξ προράξ*, *ἐρυσάν μιν κουρίξ*, *ὀδάξ ἔλον οὐδας* и т. д. *только* творительные падежи.

Слова *πρῶτον*, въ смыслѣ *сперва*, и *τελευταῖον*, въ смыслѣ *наконецъ* (*ἔδοξε πρῶτον εἰς Χῖον αὐτοῖς πλεῖν*), слова *μέγα* и *πολύ*, въ смыслѣ *очень* (*μέγ' ἠδικήθη*), вотъ — «нарѣчія». Хотя слова *πρῶτον*, *τελευταῖον*, *μέγα* и *πολύ*, какъ *падежи*, вполне раскрыты не только этимологически, но и синтаксически (все это — вещные *простираемые* простыхъ признаковыхъ именъ), но нераскрытою остается ихъ *субстантивность*, — субстантивность ихъ именно какъ косвенныхъ падежей, и съ этой стороны они являются *тоже* «окаменѣlostями». Это — не та субстантивность, на которую въ *признаковыхъ* словахъ мы указывали на стр. 194-5: если какое-нибудь *ἀγαθόν-κακόν* въ самомъ *именительномъ* падежѣ могло обозначать не только «благое» — «злое», но и «благо» — «зло», то «нарѣчіе» *πρῶτον* получило значеніе «съ самаго начала» (= «съ перваго начала» = «первоначально» = «съ перваго момента»), а «нарѣчіе» *μέγα* — «въ высокой степени» (слова *моментъ* и *степень* суть имена *существительныя*) благодаря тому *косвенному падежу*, въ которомъ они поставлены. Если слово *καλός* обозначаетъ «красивый», а *καλῶς* «красивымъ образомъ или способомъ», то чѣмъ, какъ не косвеннымъ *падежемъ*, внесень сюда этотъ «образъ» и «способъ», и благодаря чему, какъ не косвенному падежу, субстантивировалось это слово? Какъ это случилось, — что сдѣлало этотъ косвенный падежъ способнымъ субстантивировать слово, это — то и *остается* нераскрытымъ и даетъ право назвать наши слова «падежными *окаменѣlostями*».

Мы слышимъ возраженіе. Отчего, — скажутъ намъ, — слово *πρῶτον*, указывая и въ *именительномъ*, и во всякомъ другомъ падежѣ на «первое» какъ на *признакъ* чего нибудь, не могло въ то же время, *совершенно* по аналогіи слова *ἀγαθόν*, обозначать и въ *именительномъ* падежѣ самую, если такъ можно выразигься. «первоту» (= *начало* = *первый моментъ*)? — отчего оно не могло прямо отъ *именительнаго* падежа перейти съ этимъ значеніемъ въ тотъ вещный *простираемый*, за который мы принимаемъ *наше πρῶτον*? — наконецъ, къ чему же толковать наше *πρῶτον* *непремѣнно*

въ смыслѣ *вещнаго* падежа? — не могло ли бы оно быть истолковано въ смыслѣ падежа *именительнаго*, такъ чтобы «буквальный» переводъ фразы *δέδουμένον ἢ αὐτοῖς πρῶτον εἰς Χίον πλεῖν* былъ: ими рѣшено было, *первое*, — поплыть въ Хіосъ? Если это такъ, если особенно *последній* пунктъ приведеннаго возраженія — вѣренъ, то, конечно, нечего было бы принимать наше *πρῶτον* даже за «нарѣчіе». Но всему этому мѣшаютъ примѣры въ родѣ *πέπεισμαι τοῦθ' ἰκανὸν προλαβεῖν τὴν πρώτην* (Dem. 3. 2).

Наше *πρῶτον*, несомнѣнно, должно быть такимъ же падежемъ, какъ и *τὴν πρώτην*, т. е. *вещнымъ*, а не именительнымъ. Это — *прежде* всего. Затѣмъ мы спросимъ: въ чемъ же *вообще* заключается разница между нашимъ *πρῶτον* и приведеннымъ *τὴν πρώτην*? Только въ *родѣ*. *Замѣчательно* это употребленіе женскаго рода въ греческомъ языкѣ! Говорятъ въ этихъ случаяхъ, — они, какъ извѣстно, не составляютъ рѣдкость (сравни *ταύτη* = этимъ способомъ, *ἐκ νέης** = снова и т. д.), — о какомъ то «подразумѣваніи» *существительныхъ* женскаго рода, но это представляется намъ неправильнымъ. Русскій языкъ, съ своими «на-пропалую», «въ-разсыпную» (сравни чешское *po té* = *послѣ этой* вмѣсто *послѣ этого*) ясно указываетъ на склонность — въ извѣстныхъ случаяхъ *просто* замѣнять *средній* родъ признаковыхъ словъ женскимъ. Какіе это случаи? Это — случаи *отнесенія* признакового слова къ какому нибудь *общему* понятію, не то что не находящему, а не *ищущему* своего *собственнаго* выраженія. Это бываетъ *прежде* всего въ *среднемъ* родѣ признаковыхъ словъ *множественнаго* числа: *αἰσχρὰ ποιεῖς* указываетъ на некрасивыя *вещи*, на некрасивыя *поступки*, на некрасивое *ничто* или, какъ мы по русски *проще* выражаемся (въ смыслѣ *собираательною*), на «некрасивое».**) Къ этимъ то случаямъ

*) *ἐκ νέης* нужно принять за *сложное* «нарѣчіе», какимъ было на стр. 495 *ἀπαθής* и *ἐξαιτίας*.

**) Этому замѣткою слѣдуетъ пополнить наше разсужденіе, помѣщенное на стр. 194-5 въ подстрочномъ примѣчаніи, а также сопоставить ее съ объясненіемъ по поводу эпитетическаго *ὀ* на стр. 439-40.

и привлекаются иногда въ славянскомъ и, какъ оказывается, въ греческомъ языкѣ, признаковыя *женскаго* рода (впрочемъ, это «иногда» ограничено *единственнымъ* числомъ). Такое привлеченіе признаковыхъ *женскаго* рода къ *данной* роли представляется намъ *естественнымъ*, и къ выраженію «въ-разсыпную» и т. п. не только никакого существительнаго, которое бы «подразумѣвалось», не придумываешь, но и придумывать его нечего. Средній родъ не есть «родъ» (ср. стр. 162), и если языкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *дѣйствительно* считался *только* съ «родами» (есть языки, которые во *всѣхъ* случаяхъ обходятся *безъ* средняго рода), то, понятно, приходилось ставить *женскій* родъ на низшую ступень сравнительно съ мужескимъ и пользоваться имъ въ случаѣ отнесенія *признаковыхъ* словъ къ такимъ «общимъ» понятіямъ, которыя въ *другихъ* случаяхъ, сами не получая *никакого* выраженія, вызывали появленіе *средняго* рода этихъ признаковыхъ словъ.

Итакъ, по нашему толкованію, *прѡτή*, появляющееся во фразѣ *πέλεισμα τοῦθ' ἰκαοὺν προλαβεῖν τὴν πρῶτην*, точно также какъ русское *разсыпная*, является признаковымъ словомъ къ общему понятію, не получившему, однако, собственнаго выраженія. Да и кто станетъ въ женскомъ родѣ *прѡτή*, въ его именительномъ падежѣ, искать «обозначеніе самой *первоты*»? А разъ его не ищутъ въ *прѡτή*, то нечего добиваться его и въ именительномъ падежѣ *средняго* рода *прѡτων*, т. е. нечего его добиваться въ *томъ* именительномъ падежѣ, *вещный* падежъ котораго, *наравнѣ* съ *прѡτή*, *дѣйствительно* обозначаетъ «первоту» (ибо *прѡτων* *плеῖν* и *τὴν* *прѡτην* *προλαβεῖν* только и можетъ быть понимаемо въ смыслѣ *сначала*), однако обозначаетъ ее въ силу своей *собственной* способности, дальше не *поддающейся* раскрытію, а потому и *заставившей* насъ принять формы *прѡτων* и *τὴν* *прѡτην* за «нарѣчія». Что слово *прѡτην* приняло къ себѣ *ὁ-ή-τό*, — надъ этимъ задумываться нечего. И вмѣсто *прѡτων* можно было сказать *τὸ* *прѡτων*, какъ и вмѣсто *τελευταῖον* говорятъ *τὸ* *τελευταῖον* и т. д. Слово *τὸ* въ данномъ случаѣ является «раздѣлитель-

нымъ» (ср. выше стр. 437—8) и вполне причлещиваетъ вещному падежу какъ совершенно *сознающему*; повторяемъ, *πρῶτον, μέγα* и т. д. причислены нами къ «нарѣчіямъ» не по невозможности опредѣлить (какъ этимологически, такъ и синтаксически) ихъ *падежъ*, а изъ за ихъ *субстантивности*.

Слѣдуютъ слова *ἀνασταδόν, ἀναφανδόν, διακριδόν, σχεδόν, μίγδα* и т. п. И это все — «нарѣчія». Задаютъ себѣ вопросъ, происходятъ ли они отъ *существительныхъ*, или *признаковыхъ* именъ, и рѣшеніе этого вопроса клонится то въ ту, то въ другую сторону*). Подобные вопросы и ихъ рѣшенія, конечно, имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія «мѣста нахожденія» нашего разряда словъ. но не имѣютъ *рѣшительно* никакого отношенія къ опредѣленію его какъ *части рѣчи*. Происходятъ ли «нарѣчія» отъ *признаковыхъ* словъ, или отъ *существительныхъ*, сами они *всегда* являются *существительными*. Мы только что убѣдились, что какое нибудь *μέγα*, а вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ словъ, какъ *φανερῶτατα, βέλτιον* и т. д., хотя по внѣшнему своему виду совершенно *сходятся* съ *признаковыми* словами (во фразѣ *ὄντ пишеть хорошо слово «хорошо» ясно* выступаетъ какъ *вещный* падежъ отъ *признаковаго* слова *хорошъ-а-о***), однако ихъ *субстантивность*, притомъ *субстантивность* не въ смыслѣ разъясненій

*) Delbrück Grundr. III. 606: Während die Entstehung der altindischen Absolute auf *am* aus neutralen Abstractis sicher, die Entstehung der griechischen Formen *δην* (имѣются въ виду слова *ἐπιλήδην, ἐπιστροφάδην, κλήδην, κρούδην* и т. д.) aus femininischen Abstractis sehr wahrscheinlich ist, kann man hinsichtlich der Formen auf *δον* und *δα* zweifeln, ob sie aus Substantivis oder Adjectivis hervorgegangen sind. Mir erscheint das Erstere wegen der Analogie der Bildungen auf *am, δην* und *τιν* wahrscheinlicher.

**) Въ греческомъ языкѣ, склонномъ больше, чѣмъ русскій языкъ къ внутреннему объекту (ср. стр. 372), мы могли бы сказать *μεγάλην ἀδικίαν ἡδικήθη*. Выпустивъ *ἀδικίαν*, получаемъ *μέγ' ἡδικήθη*. Пока мы *μέγα*, въ *данной* фразѣ, чувствуемъ «признаковымъ» словомъ, относящимся къ общему понятію, не имѣющему собственнаго выраженія, — пока мы *μέγα* чувствуемъ въ смыслѣ какого нбудь *μέγα τι*, до тѣхъ поръ не теряется сознание «внутренняго объекта». Но стоитъ отрѣшиться отъ слова *τι*, какъ исчезаетъ сознание «внутренняго объекта», и на сцену выступаетъ, притомъ вполне *ясно*, вещный простирательный: онъ былъ обиженъ, причѣмъ эта обида *простирается* на «великую» *степень*.

на стр. 194—5, а субстантивность, внесенная въ нихъ самимъ косвеннымъ падежемъ*), дѣлаетъ ихъ «нарѣчіями».

Да «нарѣчія» можно опредѣлить какъ «окаменѣлые» косвенные падежи, или *произведенные* отъ именъ существительныхъ (какъ *χοριξ* и др.), или имѣющіе *сами по себѣ* субстантивный характеръ. Это опредѣленіе примѣнимо не только къ «нарѣчіямъ», только что нами разобраннымъ, но и къ тѣмъ, на которыя мы натакивались, когда отыскивали *частицы*. *Ἄρα* обозначало «въ связи** (съ этимъ), *εἰ-εἶτα* — «въ какомъ случаѣ — въ такомъ случаѣ», *ἄν* — «какимъ нибудь образомъ», *ἐπιτις* — «во всякомъ случаѣ,***) *ὁμοῦς* и *ἄμα* — «одинаковымъ образомъ» (въ одинаковое

*) — и именно косвеннымъ падежемъ; *именительный* падежъ сюда не подходитъ. Если бы мы сюда внесли *именительный* падежъ, то въ немъ субстантивность «нарѣчій» превратится въ субстантивность, разъясненную на стр. 194—95. Говоря вообще, трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь «нарѣчіе» было *именительнымъ* падежемъ, да еще «окаменѣлымъ». Дельбрюкъ (Grundr. III. 627) приводитъ нѣкоторые якобы «окаменѣлые» *именительные* падежи, правда греческаго ни одного. Какъ выглядятъ эти «окаменѣлые» *именительные* падежи, — самъ Дельбрюкъ, впрочемъ, относится къ нимъ довольно осторожно, — видно изъ того, что въ числѣ ихъ приводится русское *правда*, въ примѣрѣ «*она, правда, дорого да любю*», хотя, — замѣчаетъ Дельбрюкъ, — это *правда* eher eine Partikel, als eine Adverbium genannt werden kann. Конечно, *правда* не есть «нарѣчіе». Но и — не «Partikel». *Правда* есть *ономатическое предложеніе*, какимъ было слово «*пора*», и другія на стр. 175. Въ немъ мы высказываемся о «предметѣ» (о мысли), выраженномъ *другимъ* предложеніемъ, въ которое само *правда* вставляется среди «паузъ».

**) Однако, — скажетъ читатель, — выраженіе «въ связи» не есть косвенный падежъ *существительнаго*, а есть предлоговый оборотъ. По этому вопросу мы отсылаемъ возражающаго къ стр. 355: и предлоговый оборотъ можно въ *известныхъ* случаяхъ трактовать какъ косвенный падежъ. Въ *данномъ* случаѣ *тѣмъ болѣе* нельзя смотрѣть на предлоговый оборотъ какъ на что нибудь особенное, такъ какъ косвенные падежи «нарѣчій» во *всякомъ* случаѣ ни качественно (они — гораздо фразеологичнѣе, чѣмъ косвенные падежи «неокаменѣлые», т. е. больше приспособляются своимъ значеніемъ къ *известной* конструкціи фразы), ни *количественно* (надобно полагать, что ихъ гораздо *болѣе* шести) не сходится съ живыми падежами *именъ* существительныхъ. По этому только и остается во *многихъ* случаяхъ метафразировать ихъ при помощи предлоговъ, которые въ *этомъ* отношеніи, за неимѣніемъ другихъ средствъ, являются необходимыми замѣстителями самихъ падежей въ ихъ качественной обособленности и количественномъ излишествѣ.

***) Въ словѣ *ἐπιτις* я вижу то же замѣненіе и «видоизмѣненіе» косвеннаго падежа, на которое мы только что указывали въ русскомъ выраженіи «въ связи». По этому «видоизмѣненію» мы назвали выше «нарѣчіе» *ἐπιτις* *сложнымъ* «нарѣчіемъ».

время), тои было само по себѣ именемъ существительнымъ, и хотя въ словахъ ἔτε — ἀλλά — πότεια трудно было проникнуть въ ихъ несомнѣнный вещный простирательный, тѣмъ не менѣе и въ немъ выражено нѣчто похожее на «каковымъ способомъ — другимъ способомъ — какимъ изъ двухъ способомъ» (объ ὅτι мы здѣсь не упоминаемъ, считая достаточнымъ сказаннаго на стр. 491; кромѣ того ὅτι является само по себѣ существительнымъ), что же касается, наконецъ, словъ οὖν — αὖ — ἔτι, то къ нимъ, правда, русскія существительныя подобрать трудно, но . . . . . Всякій косвенный падежъ (да и не только косвенный) — мыслимъ исключительно либо въ существительныхъ именахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ), либо въ признаковыхъ словахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ). ἔτι — αὖ — οὖν мы принимаемъ за падежи. Падежами признаковыхъ именъ они быть не могутъ; ибо тогда они должны бы были еще отнесены къ какому нибудь существительному, находящемуся гдѣ то помимо самихъ словъ ἔτι — αὖ — οὖν. Такъ какъ къ нимъ существительнаго, или даже «общаго понятія, не имѣющаго собственнаго выраженія» никто искать не станетъ, то имъ только и остается быть субстантивными косвенными падежами или вообще «существительными». Это соображеніе примѣнимо ко всякому «нарѣчію», при толкованіи котораго нѣтъ подъ рукою русскаго «существительнаго». Ни въ одномъ «нарѣчіи» не приходится искать «согласуемаго съ нимъ» существительнаго помимо него. Обыкновенно различаютъ «нарѣчія» мѣста, времени, образа дѣйствія или способа,*) причинами. Нельзя сказать, чтобы этотъ рядъ различій былъ

*) Такъ и вышеприведенныя «нарѣчія» на *δου* и *δα* обозначаютъ способъ. Такъ, *αὐθόρ* обозначаетъ: такимъ способомъ, что нѣчто придерживается (= *ἔχεται*) другого (= приблизительно = почти = «такъ сказать»). Однако, не противорѣчимъ ли мы себѣ? Мы утверждали выше, что глаголь не можетъ быть родоначальникомъ «нарѣчія», а теперь упоминаемъ о какомъ то *ἔχεται*. Да, но черезъ *ἔχεται* мы лишь толкуемъ значеніе слова *αὐθόρ*. Выяснить его какъ substantiv'ный окаменѣлый косвенный падежъ мы его, конечно, не могли бы ни черезъ глаголь *ἔχεται*, ни черезъ глагольное имя *ἔχουσαι* или *ἔχων*, а черезъ какое нибудь, хотя бы и предполагаемое только, признаковое или существительное слово, правда, «происходящее отъ одного корня» съ глаголомъ *ἔχουσαι* и съ глагольнымъ именемъ *ἔχων*.

полонъ. Ввести въ него полноту отказываемся и мы (это — задача *особая, крупная*, и разрѣшеніе ея зависитъ въ очень многихъ случаяхъ отъ бѣльшаго, сравнительно съ теперешнимъ состояніемъ науки, пониманія *этимологии* этого разряда словъ). Но, во всякомъ случаѣ, и въ этомъ *неполномъ* рядѣ различій — «нарѣчія» отиѣчены какъ *существительныя*. Разсуждающіе о «нарѣчіяхъ» *мѣста, времени* и пр. ииѣютъ въ виду, конечно, выраженіе въ «нарѣчіи» не мѣста и времени какъ *общихъ* понятій, а *какого нибудь* мѣста и *какого нибудь* времени. А разъ ближайшее опредѣленіе общаго понятія и *само* общее понятіе выражены въ *одномъ* словѣ. — разъ ближайшее опредѣленіе *общаго* понятія мѣста и *само* понятіе мѣста выражено «нарѣчіемъ» (и *ѐв* могло указывать на мѣсто, но само *общее* понятіе мѣста, равно какъ и ближайшее его опредѣленіе выражено въ *другомъ* словѣ, съ которымъ *ѐв* соединяется; сравни фразу *въ полѣ*), то «нарѣчіе» должно быть тою частью рѣчи, къ которой относится прежде всего это *общее* понятіе, т. е. *существительнымъ*.

Заняться ли намъ теперь методическимъ установленіемъ «*мѣста нахожденія*» нашего разряда словъ, въ смыслѣ производства его отъ *другихъ* частей рѣчи? Это мнѣ представляется излишнимъ. То, что въ результатѣ получилось бы отъ подробнаго изслѣдованія «нарѣчій» въ *этомъ* направленіи, — извѣстно и по частямъ было *сообщаемо* нами. «Нарѣчія» происходятъ: 1. отъ существительныхъ, какъ *матеріальныхъ* (*γυνή*), такъ и *формальныхъ* (*οὐτως*); 2. отъ признаковыхъ, какъ *матеріальныхъ* *простыхъ* (*μέγα, πόλις*; сюда входятъ и «нарѣчія», происходящія отъ *счетной* части рѣчи, *) въ родѣ *ἐπτάκις* или *ἑπτάχα* и т. д.), такъ и *матеріальныхъ* *ликольныхъ* (*ἡμελημένως, ἀρκούντως*), а также, конечно, *формальныхъ* (*ποσόνδε* = *пастолько*). У насъ подъ рукою — полный списокъ *омировскихъ* «нарѣчій», извлеченный изъ Ebeling'a Lex. Nom. Подробный разборъ этого списка по поставленному выше вопросу повелъ бы, однако,

*) Ср. стр. 206 и 354, въ особенности *подстрочныя* примѣчанія.

не къ нахожденію чего нибудь новаго сравнительно съ только что сообщеннымъ, а лишь къ постояннымъ недоумѣніямъ какъ относительно того, производить ли такое или иное »нарѣчіе« отъ *существительнаго* слова, или отъ слова *признаковаго*, такъ и относительно этимологизированія »нарѣчій« вообще, а эти недоумѣнія — не только въ *очень* многихъ случаяхъ неразрѣшимы, но и не заключаютъ въ себѣ *непосредственнаго* интереса для насъ. По этому, сообщимъ изъ упомянутаго списка лишь то, что имѣетъ отношеніе опять таки болѣе къ опредѣленію »нарѣчія« какъ *части рѣчи*.

Какъ слово *εὖ* есть несомнѣнное »нарѣчіе« (вещный падежъ отъ признаковаго *ἔυς-ἔύ*), такъ, казалось бы, слѣдуетъ причислить къ »нарѣчіямъ« и противоположное по значенію *δυσ* (насчетъ *этимологіи* слова *δυσ* трудно что нибудь сказать). *Δυς*, впрочемъ, употребляется только въ *compositis*ахъ, тогда какъ *εὖ* встрѣчается и въ *compositis*ахъ (*εὐδαιμον*), и самостоятельно (*εὖ ἔχει*). Что это за *composita*? Это — не »составныя съ предлогами слова« въ родѣ *ἐπαίνεω* и пр., въ которыхъ предлогъ переставалъ быть предлогомъ (см. стр. 340) и служилъ лишь для »оттѣненія значенія« самого *αἰνέω* (см. стр. 333), но и не тѣ ономасториматическія *composita* въ родѣ *διμοιουρούς* и пр. (см. стр. 383), въ первой части которыхъ надежная форма этимологически не выдержана. Это — *composita*, въ которыхъ *εὖ* (*εὐτρέπις*), а слѣдовательно, надо думать, и *δυσ* (*δυσπρέπις*) сохранили сполна свой *внѣшній* видъ (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *διμοιουρούς* и пр.), а также и свое значеніе какъ »нарѣчія« (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *ἐπαίνεω* и пр.). »Нарѣчія«, т. е. субстантивные окаменѣлые косвенные падежи (иначе: косвенные *всевозможныя* оттѣнковъ падежи именъ *существительныхъ*), должны синтаксическимъ дополнять собою *прежде* всего *признаковыя* слова, включая сюда и *глаголы* (ср. стр. 409). Эту роль на дѣлѣ и исполняютъ слова *εὖ* и *δυσ* въ »*compositis*ахъ« (*εὐσεβεῖν* = въ хорошемъ *смыслѣ* проявлять τὸ σεβεσθαι: *δυσσεβεῖν* = въ дурномъ *смыслѣ* проявлять τὸ σεβεσθαι). Конечно, нѣкоторая *фразеологичность* словъ *εὖ*

и *δύς* (т. е. сочетаніе ихъ лишь съ *извѣстными* словами, даже такое, что *безъ* нихъ эти слова не появляются: такъ, простаго *πρεπής* не произносятся, а произносятся или *εὐπρεπής*, или *δυσπρεπής*), *этимологическая* приспособленность къ *нимъ* того слова, съ которыми они сочетаются (*простое* слово появляется въ видѣ *δαίμωνιος*, а въ сочетаніи съ *εὐ* или съ *δύς* выходитъ *εὐδαίμων-δυσδαίμων*), производство отъ нихъ и сочетающихся съ ними словъ *новыхъ λέξεις* (отъ *εὐγενής* образовано *εὐγένεια*), — все это заставляетъ насъ принимать *δύς* *вездѣ*, а *εὐ* въ тѣхъ случаяхъ, когда оно *подходитъ* подъ перечисленныя здѣсь условія, за *части* чего то *цѣлаго* т. е. за *части compositiv'овъ*. Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ: или ихъ *нельзя* трактовать какъ *отдѣльныя* слова, а тогда имъ въ частяхъ рѣчи *совсѣмъ* нѣтъ мѣста, или это — *отдѣльныя слова*, а тогда ихъ нужно причислить къ «нарѣчіямъ». *) За «нарѣчіе», встрѣчающееся *тоже* только въ *compositiv'ахъ*. мы принимаемъ и *ἀρι* **) (*ἀριπρεπής* и т. п.).

ὄφρα-τόφρα суть два опирающіяся другъ на друга «нарѣчія» (одно изъ нихъ — относительное, а другое — соотнositельное). Относительность и соотнositельность, конечно, выражены въ *первой* части этихъ словъ (появленію *густого* придыханія въ началѣ слова *ὄφρα* мѣшаетъ *придыхательное φ* въ *серединѣ* слова), а что касается *второй* ихъ части, то очень можетъ быть, что въ ней слѣдуетъ усматривать особое «нарѣчіе» *λέρα-ν*. ***) Тогда бы все *ὄφρα-τόφρα* представляло собою *compositum* и обозначало бы: до какого «зарубежья» --- до такого «зарубежья».

*) Все это разсужденіе, конечно, вызвано словомъ *εὐ*, которое часто употребляется и не въ *compositiv'ахъ*.

**) *ἀρι* наши *этимологи* связываютъ съ *признаковымъ* словомъ *ἀρίων-ἀριος* (Prellwitz Wörterb. sub voce *ἀρι*). Если мы *δύς* и *ἀρι* принимаемъ за «нарѣчія», то послѣдовательность требуетъ и отрицательное *ἀ-ἀν-να-νη* принять за особое слово, причисливъ его, наряду съ *οὐ-μή*, къ отрицательнымъ *частицамъ*. Конечно, разница между нимъ и *οὐ-μή* будетъ та, что оно предназначено языкомъ *исключительно* для *compositiv'овъ*.

***) Что подъ *вліяніемъ ѣ* *аспирируется* сосѣдній звукъ (въ данномъ случаѣ — звукъ *π*), это — *тезисъ*, постоянно повторяемый нашими *этимологами*. Prellwitz, впрочемъ (Wörterb. sub voce *ὄφρα*), усматриваетъ въ *ὄφρα* тотъ же корень, отъ котораго происходитъ и *φίρω*.

Что касается слова *iva*, то этимологи о немъ спорять, но всё такъ или иначе приводятъ его въ связь съ *формальными* именами. Бругманъ (Grundr. II. 770) считаетъ его за *instrumentalis* отъ того же корня, отъ котораго происходитъ латинское *is*, славянское *ego* — *ему* и греческое *μν*. У Омпра, какъ извѣстно, оно постоянно встрѣчается въ смыслѣ простороваго *идь*. Что оно могло сдѣлаться и модальнымъ, выяснено на словѣ *που* на стр. 512. Какъ модальное, оно, конечно, могло встрѣчаться и въ *finalныхъ* контекстахъ (сравни объясненіе слова *ὅπως* на стр. 136).

Слова *εἰως* (*εἰως, ἦρος, ἦμος*) — *τέως* (*τεῖως, τῆρος, τῆμος*) — этимологически не *достаточно* ясны*). Случаи ихъ *употребленія* сводятся къ значенію «до какихъ предѣловъ — до такихъ предѣловъ». Такимъ образомъ, это — опирающіяся другъ на друга «нарѣчія», изъ которыхъ одно — относительное, а другое — соотносительное. Извѣстны — примѣры въ родѣ II. μ 141: *οἱ δ' ἦτοι εἰως μὲν Ἀχαιοὺς ὄρνυον* (= пока = до поры — до времени). Мы видимъ здѣсь слѣды еще *самостоятельнаго*, *неотносительнаго* употребленія темы *ya* (см. стр. 441). Впрочемъ, можетъ быть, что и *это εἰως* есть *относительное* (= до тѣхъ поръ, пока), опирающееся на невыраженное *соотносительное* слово и не имѣющее дальнѣйшаго *продолженія* въ рѣчи (ср. стр. 446-7). Извѣстно также, что *εἰως*, — но тогда уже *непрежненно* въ *неотносительномъ* смыслѣ, — дополняется

*) Prellwitz Wörterb.: *εως* = altindisches *yāvat* = uraltes Neutrum zu *yāvant* = wie weit reichend, gebildet aus Relativum *ya* (= *δε*) und dem Suffix *vent* = *wos* (= *versehen mit; χαρίεις* — *formosus*). Кстати, *ad vocem reichend*. Слово *reichend*, употребленное Prellwitz'омъ для выясненія значенія «нарѣчія» *εως*, оказывается словомъ *признаковымъ* (признаковымъ *малольнымъ*). Мирится ли это съ нашимъ утвержденіемъ, будто «нарѣчія» суть *существительныя*? Отвѣчаемъ: Весьма часто косвенные падежи *существительныхъ*, дополняя собою *признаковыя* слова, превращаются въ *признаки* самихъ тѣхъ «предметовъ», къ которымъ *дополняющія* или *признаковыя* слова *относятся*. На стр. 349, изъ фразы «эта работа сдѣлана топоромъ» выведена нами фраза «это — работа *топорная*». Положимъ, во фразѣ «это — работа топорная» *исчезло* само *признаковое* слово, которое раньше дополнялось творительнымъ падежемъ *существительнаго*. Грекъ, *оставляя* *признаковое* слово, можетъ превратить косвенный падежъ *существительнаго* (*respective* — «нарѣчіе») въ «*согласующееся*» слово. Извѣстны ея выраженія *ἔξηλθε θυραῖος, ἐφῆσται ἰσὸν ἡμέρα, τριταῖος ἦλθε* (= пришелъ на третій день) и т. д.

родовымъ падежемъ: ἕως τριῶν πλοίων ἡ λειτουργία ἔστω (Dem. 18. 106 = до предѣловъ трехъ судовъ *). Появленіе родового падежа здѣсь напоминаетъ намъ примѣры: πόθεν γῆς (= изъ какого мѣста земли); πηνίκα τῆς ἡμέρας (= въ какое время дня); ἱκανῶς ἐπιστήμης (= въ достаточной степени, или въ достаточномъ количествѣ знаній), καλῶς πολέμου καθίστασθαι (= находиться въ прекрасной стадіи войны); πῶς ἔχεις δόξης (каковъ видъ твоего мнѣнія); ἡ τάξις εἶχεν ἀριστα σωμάτων (= въ строю было лучшее состояніе «тѣла») и т. д. Этотъ родовой падежъ — вполне понятенъ: «нарѣчія», какъ *существительныя*, должны прежде всего дополняться родовымъ падежемъ (сравни стр. 383).

Совершенно по пути слова ἕως пошли слова ἄχρι и μέχρι: ἀρχι τινός — μέχρι τινός; ἐκέλευσε περιμένειν ἄχρις ἂν σχολάσῃ (Xen. Anab. II. 3. 2) — μέχρι δ' ἂν ἐγὼ ἦχω αἰ σπονδαὶ μόνων (Xen. Anab. II. 3. 24). Этимъ мы не хотимъ утверждать, что «нарѣчія» **) ἄχρι и μέχρι этимологически связаны съ *формальными* именами ***) (какъ то является, несомненнымъ, несмотря на нѣкоторыя затрудненія въ частностяхъ, относительно словъ ἕως — τέως. Это отсутствіе связи словъ ἄχρι и μέχρι съ формальными именами, и въ то же время употребленіе ихъ въ роли *относительныхъ* «нарѣчій», только лишній разъ доказываетъ, что «относительная» роль словъ не была въ первоначальномъ планѣ у творцовъ языка, а что она развилась лишь *впоследствии*—

*) — собственно, выходя отъ «первоначальною» значенія темы *υα* (см. стр. 442), слѣдуетъ переводить «до тождественности съ тремя судами», а вышеприведенное до поры — до времени приходится замѣнить толкованіемъ «до тождественности (въ данномъ случаѣ до тождественности, относящейся къ времени) съ тѣмъ синтаксическимъ сказуемымъ, къ которому *ἕως* относится». Такъ и на стр. 508. слово οἶος, если оно — «относительное», обозначало: онъ тождествененъ, по своимъ качествамъ, съ тѣмъ, чтобы то-то глѣзть = онъ, по своимъ качествамъ, соответствуетъ тому, чтобы то-то глѣзть.

**) Если *ἕως* принято за «нарѣчіе», то имъ должно быть непременно и *ἄχρι* — *μέχρι* (ср. стр. 317).

***) Насколько запутана этимологія словъ *ἄχρι* — *μέχρι* — видно у Ebeling'a Lex. Nom. — Prellwitz (Wörterb.) въ словѣ *μέχρι* усматриваетъ даже *μετ-χρη* (*μετά* — *χρη*; *daraus* *ἄχρι*).

ствѣи, какъ развилось лишь въ послѣдствіи самое *чувство* потребности подчинять синтаксически одно выраженіе другому; иначе для «относительности» были бы созданы *особыя* слова, и языкъ не прибѣгалъ бы даже къ такимъ «нарѣчіямъ», которыя, если мы выше не ошиблись, не имѣютъ *никакого* этимологическаго отношенія къ *обыкновеннымъ* относительнымъ словамъ.

Что касается слова *нѣн*, то это, думаемъ мы, — *вещный падежъ*, — такой же *вещный падежъ*, какимъ было *оѣн* (ср. стр. 446). Этимологически оно соотвѣтствуетъ латинскому *нис*. Появленіе въ окончаніи *латинскаго* слова звука *с*, напоминающаго собою форму *hips*, прямо показываетъ, что въ *hips*, а слѣдовательно и въ греческомъ *нѣн*, мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *формальнаго* имени. Какого? Трудно на это отвѣтить. Очень можетъ быть, что языкъ, для указанія на *временное* отношеніе, счелъ нужнымъ создать *особую* «формальную» тему. *Нѣн* обозначаетъ «въ настоящее время». Если *нѣн* указываетъ на переходъ къ *новому* (*нѣн дѣ* = а *теперь*, чтобы перейти къ *новому*); если оно обозначаетъ иногда «слѣдствіе» (*теперь*, послѣ всего сказаннаго, можно утверждать то-то); если оно принимаетъ на себя роль «утвердительнаго» нарѣчія*) (и *русское* выраженіе «по настоящему» указываетъ не на *время*, а на *дѣйствительность***), то это все — вполнѣ понятныя метафоры одного и того же «*первоначальнаго*» значенія.

Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса о «мѣстѣ *нагожденія*» нарѣчій мы раньше отказывались. Въ общемъ, — говорили мы, — это «мѣсто *нахожденія*» — извѣстно и сообщено, а *подробности* его опредѣленія ввели бы насъ въ непреодолимая, нашего дѣла непосредственно *не касающіяся* затрудненія. Не сообщили мы только *одного* по данному вопросу. Оказывается, что родоначальниками «на-

*) Я, именно «нарѣчія», а не частицы; сравни сказанное о *мала-мъ* «нарѣчіяхъ» на стр. 512.

**) Во всѣхъ этихъ метафорическихъ значеніяхъ оно можетъ дойти до «ослабленнаго» (относительно ударенія и степени *выразительности* значенія) *нѣн* и *нѣ*.

рѣчій «служать и *предлоги*. Остановимся на этихъ «нарѣчіяхъ», конечно, опять таки больше изъ-за опредѣленія «нарѣчій» какъ *части рѣчи*. Изъ омировскаго словаря относятся сюда слѣдующія слова.

Прῶν (вещный падежъ *женскаго* рода; см. стр. 517-7), *прῶί, прῶίᾶ, ἀπόπρωθι - ἀπόπρωθεν**), *прῶσσω - прῶσσωί***), *прῶσθεν - прῶσσοθεν*. Въ эту группу «нарѣчій» мы относимъ и *прῖν* и *пᾶρος* (*пᾶροιθεν - пропᾶροιθεν*), хотя отнесение ихъ сюда оправдывается больше одинаковостью ихъ *значенія*, и трудно настаивать на ихъ *этимологической* связи съ предлогомъ *прῶ*.

Ἐχτός, ἔχτοθι, ἔχτοθεν, ἔχτοσθεν, ἔχτοσε, ἔξω.

Ἀντίον-ἀντία, ἄντα, ἀντιν, ἀναντα-εἰδαντα-ἐναντα-пᾶραντα. ***)

Ἐνδοx, ἐνδοθεν, ἐνδοθι, ἐνθα, ἐνθάδε, ἐνθεν, ἐνθενδε, ἐνταῦθα-ἐντεῦθεν, †) ἐντός.

*) Въ сущности, *ἀπόπρωθι - ἀπόπρωθεν* произошло не отъ *прῶσσω*, а отъ комбинированнаго *ἀποπρῶ*, — комбинированнаго аналогично словамъ *παρέξ, ἐπέξ* и др. (см. стр. 249 подстрочное примѣчаніе).

***) Brugmann (Grundr. I. 191) возводитъ *прῶσσω* къ *прῶσιw* и черезъ *прῶσιw* къ предлогу *прῶс*. Curtius (Grundz. 284) приводитъ въ связь и *прῶσσω* и *пῶρw* къ предлогу *прῶ*. Frellwitz (Wörterb.), отличая *пῶρw* отъ *прῶσσω*, первое находитъ связаннымъ съ словомъ *пῶρw*, а второе возводитъ, какъ Бруманъ, къ *прῶс*. По моему, значенія словъ *прῶσσω* (*пῶρw* есть только этимологически *видоизмѣненное прῶσσω*) и *прῶс* — такъ далеки другъ отъ друга, что трудно согласиться съ Бругманомъ. Не находится ли *прῶσθεν* и *прῶσσω* въ такомъ этимологическомъ отношеніи къ *прῶ*, какъ *δπῶσθεν* и *δπῶσσω* — къ *δπ[θw]*?

***) Усматривать ли намъ въ *ἀναντα-εἰδαντα-ἐναντα-пᾶραντα* сложныя «нарѣчія», какъ мы ихъ усматривали въ *εἰδανθις* и *εἰδανθις* (тогда бы *ἀντα* представляло собою косвенный падежъ, *зависимый* отъ предлоговъ *ἀνά-ἐν-εἰς-παρά* = на обращенную ко мнѣ сторону, въ обращенную ко мнѣ сторону, обходя обращенную ко мнѣ сторону), или предлоги *ἀνά* и пр. только «*усиливаютъ*» и «*видоизмѣняютъ*», какъ *первая* часть *compositiv*овъ, значеніе *второй* ихъ части (последнее мы видѣли выше въ *ἀπόπρωθεν*, на стр. 509 въ *ἐξέτι*, а на стр. 333-40 въ очень многихъ «составныхъ съ предлогами словахъ»)? Трудно здѣсь рѣшиться на что-нибудь *опредѣленное*. Окончательное значеніе самихъ *ἀναντα-εἰδαντα* и пр. допускать и тотъ, и другой процессъ композиціи.

†) *ἐνταῦθα* и *ἐντεῦθεν* представляютъ собою *несомнѣннымъ composita*, причемъ въ *ἐνταῦθα* мы должны видѣть «*сложное нарѣчіе*» (= въ этомъ мѣстѣ), а въ *ἐντεῦθεν* предлогъ *ἐν* только лишь «*видоизмѣняетъ*» значеніе *второй* части *compositiv*а (= отсюда, *изнутри*). Въ сущности, они не относятся даже сюда; это, собственно, — «нарѣчія» отъ формальнаго имени *οἴκος-αἰτη-τοῦτο*.

ἔϊω, ἄνω, κάτω (образованы, какъ ἔξω).

Ἐφύπερθεν-καθύπερθεν.

Μεταξύ и μέσφα (?).*)

Ἐπιθαλα.

Сюда же мы отнесемъ и ὀπίσσω, ὀπι(σ)θεν, κατόπισθεν, μετόπισθεν, ἐξόπισθεν, ὄψε. Этимологія этой группы словъ — очень темна (см. Ebeling Lex. Nom.), и основываться на ней не приходится. Замѣчательно то, что въ греческомъ языкѣ не отыскивается никакого *собственного* предлога, который бы указывалъ на направленіе, противоположное направленію предлога πρό. Русскій языкъ имѣетъ свое »за« (за кѣмъ = *sзади* когонибудь). греческій же языкъ, употребляя наряду съ предлогомъ πρό »нарѣчіе« πρόσθεν-ἔμπροσθεν, въ *противоположномъ* направленіи располагаетъ только »нарѣчіями« ὀπίσθεν, κατόπισθεν и т. д. Отнесеніемъ этихъ »нарѣчій« въ одну группу съ »нарѣчіями« ἐντός, ἐκτός, εἴσω и пр. мы хотѣли дать надлежащее выраженіе тому предположенію, что, быть можетъ, и эти »нарѣчія« имѣютъ родоначальникомъ какойнибудь, — однако, вышедшій уже изъ употребленія, — предлогъ, соотвѣтствовавшій русскому за.**)

Таковы — »нарѣчія«, происходящія отъ *предлоговъ*. Какъ видно, всѣ они имѣютъ или мѣстное, или временное значеніе, что имъ вполне приличествуетъ, такъ какъ сами *предлоги* первоначально были придуманы для обозначенія всевозможныхъ мѣстныхъ и (заодно съ этимъ) временныхъ отношеній. Нельзя сказать, что предлоги превращаются въ

*) Curtius Grundz. 332: Ob μέσφα zu μέσος oder zu μετά gehört, ist nicht zu entscheiden. Если бы μέσφα было связано этимологически съ μετά, то, конечно, μέσφ' ἦνός ἡγεμενείης (II. 9 508) обозначало бы: до соседства съ заремъ.

**) Не знаю, что дѣлать съ ἄφ и ἄφαρ. Слово ἄφ Бругманомъ (Grundz. II. 589) отождествлено съ латинскимъ abs-ab. Тогда бы это былъ *предлогъ*, и странно было бы, почему ἄφ никогда не дополняется падежемъ. Я склоняюсь болѣе къ мнѣнію Düntzer'a (Neue Jahrbücher für Philologie 1869 стр. 489), отождествляющаго его съ »нарѣчіемъ« ἀφ. Что же касается слова ἄφαρ, то мнѣнія относительно его происхожденія — разнообразны. Если я *помню* слово ἄφαρ, то оно есть *составителъ* изъ предлога ἀπό и »нарѣчія« φара: ἄφαρ значить »отсюда (ἀπό) въ связи« = отсюда дальше (вслѣдъ за тѣмъ = сейчасъ).

»нарѣчія« непосредственно. Они при этомъ, такъ сказать, должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, и, такимъ образомъ, и здѣсь, въ сущности, »нарѣчія« въ своемъ образованіи не уклоняются отъ первоначальнаго высказаннаго нами положенія, по которому родонаачальниками »нарѣчій« могутъ быть только или существительныя, или *признаковыя* слова: если *ἐν* обозначало *въ* (русское *въ*, вотъ-настоящій предлогъ, а не *внутри*; слово *внутри* есть уже »нарѣчіе«, притомъ сложное; ср. наше разсужденіе по поводу слова *около* на стр. 233), то *ἐντός* обозначаетъ »во внутреннемъ (признаковое слово!) мѣстѣ«. *) Если *ἐν*, — русское *въ*, — искало, для оправданія своего появленія въ рѣчи, какого-нибудь обозначенія предмета, притомъ въ такомъ его падежѣ, который бы своимъ спеціальнымъ значеніемъ такъ или иначе не только соотвѣтствовалъ значенію предлога (ср. стр. 265), но и помогалъ самому предлогу въ установленіи его значенія, **) то слово *ἐντός*, при его значеніи во внутреннемъ мѣстѣ, представляетъ собою нѣчто болѣе законченное, — такъ же законченное, какъ выраженіе »въ комнатѣ«. При этомъ, конечно, не исключается возможность искать дальнѣйшаго отвѣта на вопросъ »во внутреннемъ мѣстѣ чего?«, точно также какъ не исключается возможность искать дальнѣйшаго отвѣта на вопросъ »въ комнатѣ чей?«. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается черезъ симасіологическое дополненіе *существительнымъ*, т. е. черезъ *родовой* падежъ.

Да, всѣ приведенныя »нарѣчія«, которыя произошли отъ предлоговъ, или совсѣмъ не дополняются падежами,

*) Конечно, слово *внутреннемъ* представляетъ собою *логическое опредѣленіе* по отношенію къ слову *мѣстѣ*, а какъ логическое опредѣленіе, оно въ соединеніи съ самимъ »опредѣляемымъ« служитъ для обозначенія предмета, составляя съ нимъ, какъ бы, одно слово (ср. стр. 189), а потому и можетъ быть замѣнено однимъ словомъ, разумѣется *существительнымъ*, хотя бы и »окаменѣлымъ« (во внутреннемъ мѣстѣ = »въ внутри«).

**) Къ самому *ἐν* данное замѣчаніе не имѣетъ отношенія, но русское »въ«, точно также какъ и много греческихъ предлоговъ, находитъ поддержку въ падежахъ при установленіи его собственной значенія (*въ школу* значить одно, а *въ школѣ* — другое). На это, впрочемъ, постоянно указывалось въ *исчертомъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

а если дополняются, то — *родовымъ* падежомъ (*ὅψε τῆς φρασ, ἐντός τινος* и пр.). И если бы у насъ не было другого мотива различать предлоги отъ «нарѣчій», то и этого мотива вполне достаточно для того, чтобы *отказаться* отъ мысли о «нарѣчности» предлоговъ, — по крайней мѣрѣ въ *принципѣ*. «Нарѣчія», какъ *существительныя*, дополняются *родовымъ* падежомъ, а предлоги — разными падежами. А потому *не могутъ* быть «нарѣчіями»: *ἐν, εἰς, σύν, μετά, πρός, παρά, κατά, ἀνά, ἀμφί, περί, ἐπί, ὑπέρ, ὑπό, διά*. *Данный* мотивъ не мѣшаетъ быть «нарѣчіями» только словамъ *ἐξ, ἀπό, πρό* и *ἀντί*, приче́мъ, конечно, ту *genitiv'ную* форму, которую мы при *ἐξ* и *ἀπό* толковали въ смыслѣ *удалительнаго* падежа, пришлось бы принять за *родовой* падежъ. Но, разъ мы признаемъ предлоги въ *принципѣ*, то *ἐξ, ἀπό* и *πρό* являются такими необходимыми звеньями въ рядѣ *симасіологическихъ* отгѣнковъ, достигаемыхъ другими, *несомнѣнными* съ *данной* точки зрѣнія предлогами, что безъ нихъ *какъ* предлоговъ обойтись нельзя было. Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *εἰς*, не образовать предлога *ἐξ*? Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *ἐπί*, не образовать предлога *ἀπό*? Какъ могъ языкъ, образовавшій столько предлоговъ для болѣе *детальныхъ* отгѣнковъ, не образовать предлога для такого *примитивнаго* отгѣнка, какой выраженъ въ словѣ *πρό* (раньше мы высказали предположеніе, что въ греческомъ языкѣ существовалъ предлогъ и для противоположнаго слову *πρό* отгѣнка; этотъ предлогъ могъ, конечно, впоследствии исчезнуть въ силу стремленія языка *сократить* свои средства). Единственное слово, о которомъ съ *данной* точки зрѣнія можно спорить, «нарѣчіе» ли оно, или предлогъ, это — слово *ἀντί* (его отгѣнокъ — довольно сложный). Мы, имѣя въ виду то обстоятельство, что *ἀντί*, наравнѣ съ предлогами, вошло въ *composita*, перечисленныя на стр. 330–340 («нарѣчія» не вошли бы въ такія *composita*), считаемъ и *ἀντί* за предлогъ.*)

*) Къ сожалѣнію, и эта точка зрѣнія не даетъ намъ никакого ключа къ разрѣшенію вопроса о «нарѣчности» или «нарѣчности» словъ *ἀντί, ἀπέναντι*

А слово *ἔμα*? Его мы объявили за «нарѣчіе»,*) а между темъ оно дополняется, по *нашему* толкованію, *личнымъ* падежемъ. Только что мы говорили, что «нарѣчія», происходящія отъ предлоговъ, должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, чтобы *сдѣлаться* «нарѣчіями». И «нарѣчія», происходящія непосредственно отъ *признаковыхъ* словъ, *таются* въ *первой* своей половинѣ *признаковыми* словами. Если *ἔμα* обозначаетъ «въ одинаковое время», и *ἔμ' ἡοῖ κινουμένη*, сообразно съ этимъ, слѣдуетъ толковать черезъ *въ одинаковое съ появленіемъ зари время*, то отъ какой части слова *ἔμα* зависитъ личный падежъ? — отъ *признаковой*, или отъ *субстантивной*? Конечно, отъ *признаковой*, и въ этомъ смыслѣ мало ли какимъ падежемъ можетъ дополняться даже «нарѣчіе». Сравни: *ἔξοχον ἠρώεσσι* (П. 483 = выдающимся *среди такихъ то лицъ* способомъ; *личный* падежъ); *ἔνυτῷ ἀρεστῶς ὠρχέετο* (Herod. 6. 129 = *равняющимся ему* способомъ; *личный* падежъ) и т. д. Могутъ встрѣтиться и *предлоговые* обороты: *ἐννοικῶς εἰς τινα* (*мировымъ къ кому* способомъ) и пр.

Вотъ все, что мы могли сказать о «нарѣчіи». Само слово «нарѣчіе» есть переводъ греческаго *ἐπίρρημα* и латинскаго *adverbium*. Терминомъ *ἐπίρρημα* греки хотѣли обозначить, что обнимаемая имъ часть рѣчи по смыслу принадлежитъ къ глаголу, т. е. синтаксисологически дополняетъ глаголъ (*ἐπίρρημα δυνάμει ἐστὶ ἡήματος ἐπιθετικῆ ὑπεταξίς* — Apoll. Dysc. de construct. I. 18). Такимъ образомъ, если слово *ἔμα* мы переводимъ черезъ *глаголь*, то *ἐπίρρημα* должно бы быть переведено черезъ слово «*приглаголіе*». Конечно, «нарѣчіе» на дѣлѣ оказывается вовсе не *приглаголіемъ*, а *субстантивною окаменельностью* и ко-

ἔμα (см. стр. 317). Для предлоговъ они представляются намъ слишкомъ *личными*. Слово *ὡς* (*ὡς βασιλέα* = малорусское *до царя*) по данному мотиву *вызывается предлогомъ*.

*) Delbrück Grundr. III. 629-31: Aus dem Griechischen sind eine Anzahl von Formen auf α zu nennen, von denen man nicht weiss, ob sie dem *casus pluralis* oder dem *Instrumental singularis* angehören. Затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ цѣлый списокъ словъ въ родѣ *ὄμα*, *βάμα*, *θάμα*; въ числѣ поставлено и *ἔμα*.

*свеннымъ надежемъ, дополняющимъ собою всякое при-
знаковое слово, включая сюда и глаголь, а въ другихъ
случаяхъ относящихся и къ цѣлому синтаксическому ска-
зуемому, какъ то можетъ случиться и съ живыми падежами
существительныхъ.*

»Все это — хорошо, только одно — непонятно и требуетъ объясненія« — сказалъ бы Платоновскій Сократъ. »Что значить *окаменѣлость*? Не то ли было задачею всего нашего изслѣдованія, чтобы всякое слово, всякая его форма получили надлежащее свое *значеніе*, чтобы это значеніе *живо* было понимаемо въ той его роли, какую оно исполняетъ въ рѣчи. какъ выраженіи мысли, чтобы тамъ, гдѣ слово или форма *удалились* отъ своего первоначальнаго положенія въ языкѣ и черезъ то нѣсколько были затуманены. было раскрыто это ихъ первоначальное положеніе и *также* было понимаемо *живо* не только *само*, но и все *дальнѣйшее* развитіе словъ и формъ, т. е. вся *исторія* ихъ жизни. — весь *переходъ* отъ первичнаго ихъ состоянія къ послѣдующимъ и послѣднему, словомъ, — чтобы нигдѣ »окаменѣлостей« *не было*, а теперь онѣ вдругъ появляются въ качествѣ какого то выручающаго средства, доказывающаго, если не непослѣдовательность, то во всякомъ случаѣ *незаконченность* нашей теоріи? Съ другой стороны, если мы признаемъ окаменѣлыя существительныя, то не слѣдуетъ ли признавать и окаменѣлыя глаголы? Если *тои* у насъ было объявлено за »окаменѣлое« существительное, между прочимъ, потому, что при употребленіи его рѣчь не считается съ *числомъ* слушателей, къ которымъ мы обращаемся, то не слѣдуетъ ли принять за »окаменѣлыя глаголы« слова *ѣде, фѣде, їде*, русскія *пусть, пускай, пожалуй, знай, вѣдь, небось*. которыя *также* употребляются не только безъ отношенія къ самому *числу* собесѣдниковъ, но и, — это можно сказать и о словѣ *тои*, — *вообще* безъ отношенія къ собесѣдникамъ?«

Сократъ — правъ. И не будь у насъ этихъ »окаменѣлостей«, то число частей рѣчи *сократится*. Тогда придется различать только глаголы, существительныя *слов*

признаковыя слова, счетную часть рѣчи *внѣ* связной рѣчи (счетъ не есть *рѣчь*). — въ *связной* рѣчи и она войдетъ въ признаковыя слова, — а затѣмъ, въ качествѣ болѣе *служебныхъ* частей рѣчи, — предлоги и частицы. Но безъ «окаменѣлостей» *пока* обойтись нельзя. »О нихъ придется поразсудить когда нибудь въ другой разъ«, — такъ закончилъ бы Платонъ свой діалогъ, если бы его Сократъ былъ въ недоумѣніи. Такъ заканчиваемъ и мы.

Да, о «нарѣчіяхъ» придется поразсудить въ другой разъ, но когда? Чтобы «нарѣчія», чтобы «окаменѣлости» исчезли, для этого придется еще *много* потрудиться этимологамъ, но непремѣнно въ союзѣ съ симасіологами, иначе легко потерять *почву* подъ ногами. Интересно бы напр. узнать, насколько въ какомъ нибудь *ἐξάυτις* или *ἐπις*, — насколько въ *сложныхъ* нарѣчіяхъ падежи соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ шести косвеннымъ падежамъ именъ, и нѣтъ ли въ сложныхъ «нарѣчіяхъ» какихъ нибудь *новыхъ* падежей, быть можетъ, своимъ значеніемъ *больше* соотвѣтствующихъ значенію самихъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются? . . . . .

УКАЗАТЕЛЬ

греческихъ текстовъ, приведенныхъ въ изслѣдованіи.*)

Aeschylus (смотри изданіе: Aeschyli tragoediae ex recensione Porsoni passim refecta a G. Dindorfio, Lipsiae 1850)

				стр.
Persae	vers.	351,	изданія стр.	97 459
"	"	721	" "	108 506
Persae	"	1022	" "	118 366
Supplices	"	682	" "	144 322
Choëphori	"	352	" "	226 322

Apollonii Alexandrini (Dyscoli) de constructione orationis libri quatuor ex recensione Imm. Bekkeri, Berolini 1817.

Книга	I.	глава	3,	изданія стр.	9.5-8 . . . . . 158—9
"	"	"	"	"	9.16-19 257
"	"	"	"	"	12.13-16 158
"	"	"	"	"	13—18 158
"	"	"	"	"	18.6-7 531
"	"	"	8	"	30.19—31.7 88
"	"	"	30	"	62.12-14 263
"	"	"	37	"	75.12-19 203
"	II.	"	3	"	98.25—99.3 417
"	"	"	5	"	101.14-18 90
"	"	"	7	"	104.8—105.2 416
"	III.	"	7	"	214.5-8 208
"	"	"	28	"	264.9-18**) 135
"	"	"	32	"	285.9-26 401
"	"	"	32	"	283—290 257
"	III.	"	32	"	290—294 263

*) Такъ какъ во время печатанія книги не было у меня подъ рукой самихъ текстовъ, то цитаты приведены не вездѣ съ надлежащею точностью. Конечно, несоблюденіе точности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ касается лишь второстепенныхъ вопросовъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ тому, что цитатою должно быть подтверждено. Въ случаяхъ, гдѣ въ изслѣдованіи цитата неправильно помѣчена, я прибѣгаю въ настоящемъ указателѣ къ курсиву, или къ скобкѣ для исправленія допущенной въ изслѣдованіи ошибки.

**) Въ изслѣдованіи сказано *καὶ τοῦτοις ὁμοία* вмѣсто *καὶ τὰ τοῦτοις ὁμοία*.

Apollonii Rhodii Argonautica IV. 1328 . . . . . стр. 290

Aristophanes (смотри издание: Aristophanis comoediae, edidit Th. Bergk, Lipsiae 1852).

Equites vers. 661, издания стр. I.	75	. . . . .	291
" " 1274 " " "	98	. . . . .	381
Nubes " 153 " " "	119	. . . . .	157
Aves " 1269 " " II.	54	. . . . .	157
Plutus " 457 " " "	297	. . . . .	381

B. A. = Bekkeri (Immanuelis) **Anecdota graeca**, Berolini 1814—21.

Voluminis II. pag. 636.4-7	. . . . .	258
" " " 639.30-31	. . . . .	202
" " " 861.27—862.2	. . . . .	165
" " " 862'6	. . . . .	164
" " " 862.17-20	. . . . .	263
" " " 862.25-30	. . . . .	257
" " " 891.29—892.2	. . . . .	123
" III. " 1274.29	. . . . .	88

Demosthenes

III. (Ὀλυνθιακός á) 2	. . . . .	516
XI. (πρὸς τὴν ἐπιστολήν)	11	323
XVIII. (περὶ τοῦ στεφάνου)	13	284
" " " "	55	310
" " " "	71	446
Demosth. " " "	105	329
" " " "	106	524
XVIII. " " "	131	476
" " " "	193	311
XIX. (περὶ παραπροσβείας)	49	474
" " " "	243	309
" " " "	320	480-1
XXI. (κατὰ Μειδίου)	119	291
XXII. (κατ' Ἀνδροτίανος)	72	291
XXIII. (κατ' Ἀριστοκράτους)	182	261
XXIX. (πρὸς Ἄφοβον)	26	291
XXXII. (πρὸς Ζηνόθεμιν)	28	338
LVII. (πρὸς Εὐβολίδην)	17	261
LVIII. (κατὰ Θεοκρίνου)	56	138

Euripides (смотри издание: Euripidis tragoediae superstites et deperditarum fragmenta ex recensione Aug. Nauckii, Lipsiae 1854-69.)

	vers.	57, изданиѣ	стр.	I.	7.	стр.
Alcestis						261
"	"	563	"	"	23	329
Bacchae	"	18	"	"	91	385
"	"	1051	"	"	124	335
"	"	1364	"	"	134	324
Hecuba	"	513	"	"	156	308
Electra	"	1231	"	"	280	325
Hercules furens	"	465	"	"	338	325
Iphig. Aulid.	"	1176	"	"	II. 42	309
" Taurica	"	92	"	"	65	408
" "	"	377	"	"	73	495
" "	"	388	"	"	74	366
Jon	"	391	"	"	125	398
Medea	"	73	"	"	197	487
"	"	733	"	"	218	457
Orestes	"	338	"	"	258	333
"	"	363	"	"	259	366
Troades	"	562	"	"	364	322
Phoenissae	"	17	"	"	398	366
"	"	330	"	"	408	333
"	"	362	"	"	409	261
"	"	1131	"	"	435	312

Herodotus.

	стр.		стр.
I. 75	261	V. 49	333
" 87	381	" 74	333
II. 15	184	" 83	492
" 145	297	VI. 20	323
" 169	384	" 129	531
III. 20	323	" 139*)	389
" 41	331	VII. 61	305-6
" 99	486	" 75	319
" 127	481	" 101	308
IV. 53	400	" 121	497
" 68	446	VIII. 30**)	298
" 101	301	" 53	287
" 122	297	" 67	319
" 151	381	IX. 31	298
V. 46	338	" 71	444-5

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν* вмѣсто *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν*.

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἕξοντο* вмѣсто *ἕξοντο*.

стр.

Hesiodus, Theogonia, recensuit Joh. Flach, Lipsiae 1878.
versus 848*) 302

Homerus.

		стр.			стр.					
<i>Ilias</i>	α	15	. . . . .	300	<i>Ilias</i>	δ	303	. . . . .	357	
"	"	38	. . . . .	359	"	"	325	. . . . .	357	
"	"	133	. . . . .	494	"	"	452	. . . . .	360	
"	"	137	. . . . .	500	"	"	493	. . . . .	306	
"	"	151	. . . . .	359	"	ϵ	16	. . . . .	314	
"	"	202	. . . . .	506	"	"	28	. . . . .	361	
"	"	262	. . . . .	134	"	"	41	. . . . .	360	
"	"	382	. . . . .	309	"	"	57	. . . . .	360	
"	"	418	. . . . .	389	"	"	107	. . . . .	361	
"	"	436	. . . . .	320	"	"	162	. . . . .	461	
"	"	452	. . . . .	359	"	"	219	. . . . .	361	
"	β	57	. . . . .	315	"	"	307	. . . . .	320	
"	"	142	. . . . .	254(9)	"	"	320	. . . . .	443	
"	"	151	. . . . .	380	"	"	606	. . . . .	359	
"	"	250	. . . . .	301	"	"	794	. . . . .	361	
"	"	292	. . . . .	308	"	ζ	450	. . . . .	448	
"	"	297	. . . . .	497	"	(ζ)	456	. . . . .	261	
"	"	305	. . . . .	302	"	"	478	. . . . .	359	
"	"	363	. . . . .	357	"	"	491	. . . . .	380	
"	"	366	. . . . .	295	"	"	507	. . . . .	382	
"	"	480	. . . . .	358	"	"	510	. . . . .	357	
"	"	483	. . . . .	531	"	"	η	163	. . . . .	311
"	"	699	. . . . .	249	"	"	366	. . . . .	357	
"	(β)	720	. . . . .	359	"	"	425	. . . . .	249	
"	"	794	. . . . .	360(2)	"	θ	41	. . . . .	361	
"	"	839	. . . . .	308	"	"	54	. . . . .	308	
"	γ	48	. . . . .	333	"	"	85	. . . . .	320	
"	"	184	. . . . .	329	"	"	136	. . . . .	361	
"	"	217	. . . . .	291	<i>Ilias</i>	"	240	. . . . .	309	
"	"	338	. . . . .	365	"	"	259	. . . . .	360	
"	"	368	. . . . .	360	"	"	290	. . . . .	359	
"	"	432	. . . . .	495	"	"	300	. . . . .	360	
"	δ	113	. . . . .	333	"	"	309	. . . . .	360	
"	"	287	. . . . .	359	"	"	441	. . . . .	300	
"	"	297	. . . . .	361	"	"	474	. . . . .	361	

*) Въ изслѣдованіи напечатано *ἀμφὶ τ' κύματα* вмѣсто *ἀμφὶ τε κύματα*.

		стр.			стр.
Иlias	ϑ	477	.	.	248
"	"	508	.	.	528
"	"	565	.	.	361
"	ι	58	.	.	364
"	"	106	.	.	509
"	"	214	.	.	379
"	"	218	.	.	382
"	"	352	.	.	252
"	"	384	.	.	361
"	"	510-11	.	.	407
"	"	572	.	.	360
"	"	618	.	.	364
"	(ι)	682	.	.	364
"	κ	30	.	.	361
"	"	80	.	.	336
"	"	151	.	.	319
"	"	156	.	.	361
"	"	185	.	.	360
"	"	207	.	.	461
"	"	257	.	.	361
"	"	261	.	.	361
"	"	347	.	.	360
"	"	398	.	.	425
"	"	458	.	.	360
"	"	496	.	.	361
"	"	532	.	.	379
"	λ	44	.	.	360
"	"	350	.	.	365
"	"	351	.	.	360
"	"	374	.	.	360
"	"	448	.	.	360
"	"	474	.	.	365
"	"	493	.	.	360
"	"	699	.	.	359
"	μ	91	.	.	361
"	"	119	.	.	361
"	"	135	.	.	357
"	"	141	.	.	524
"	"	153	.	.	357
"	"	195	.	.	249
"	"	225	.	.	361
"	"	256	.	.	357
Иlias	μ	274	.	.	380
"	"	302	.	.	361
"	"	367	.	.	359
"	ν	23	.	.	361
"	"	42	.	.	361
"	"	168	.	.	358
"	"	308-9	.	.	361
"	"	374	.	.	302
"	"	585	.	.	360
"	"	587	.	.	320
"	"	588	.	.	360
"	"	700	.	.	357
"	(ξ)	1	.	.	497
"	"	112	.	.	364
"	"	150	.	.	360
"	"	214	.	.	360
"	"	318	.	.	357
"	"	352	.	.	300
"	ο	3	.	.	361
"	"	267	.	.	357
"	"	313	.	.	360
"	"	580	.	.	360
"	"	614	.	.	361
"	"	658	.	.	380
"	"	665	.	.	313
"	π	139	.	.	365
"	"	188	.	.	249
"	"	246	.	.	360
"	"	281	.	.	361
"	"	406	.	.	314
"	"	487	.	.	358
"	"	508	.	.	379
"	(π)	511-2	.	.	386
"	"	677	.	.	287
"	"	686	.	.	464
"	"	734	.	.	359
"	"	762	.	.	365
"	"	773	.	.	360
"	"	811	.	.	361
"	"	826	.	.	359
"	ρ	42	.	.	461
"	"	91	.	.	249

	стр.		стр.
Πίας ρ 101	360	Πίας ψ 147	361
" " 157	329	" " 169	241
" " 236	508	" " 315	364
" " 477	357	" " 347	360
" " 696	359	" " 397	359
" σ 14	359	" " 518	361
" " 177	300	" " 593	336
" " 305	361	" " 640	361
" " 341	359	" " 776	310
" " 374	305	" ω 193	319
" " 477	359	" " 264	382
" " 562	318	" " 268	360
" τ 110	252	" (ω) 284	361
" " 118	249	" " 296	477
" " 174	425	" " 335	385
" " 255	361	" " 576	361
" " 271	133	" " 600	364
" " 323	358	" " 804	326
" " 362	320	Odyssea α 175	460
" " 376*)	358	" " 251	448
" " 404	361	" " 402	425
" υ 140	361	" " 403	359
" " 143	359	" β 2	360
" " 279	314	" " 107	490
" η 113	360	Odyssea η 262	443
" " 295	358	" γ 110	357
" " 367	359	" " 146	491
" " 439	364	" " 281	252
" " 501	359	" " 353	361
" ζ 22	361	" " 405	360
" " 56	329	" " 409	357
" " 80	359	" " 476	382
" " 107	357	Odyssea δ 18	449
" " 139	365	" " 86	242
" " 170	378	" " 192	425
" " 189	365	" " 307	360
" " 284	360	" " 407	364
" ψ 7	361	" " 533	360
" " 100	287	" " 611	448
" " 130	361	" " 624	305

*) Въ изследованіи напечатано αιπόλω вмѣсто οιοπόλω.

	стр.		стр.
Odyssea δ 636	320	Odyssea κ 248	359
" " 654	449	" λ 128	300
" " 705	359	" " 577	309
" " 712	460	" " 607	361
" ε 59	361	" μ 24	364
" " 152	360	" " 45*)	358-9
" " 196	249	" " 156**)	419
" " 245	309	" " 210	359
" " 415	269	" " 246	364
" " 433	361	" " 382	134
" ζ 6	364	" " 414	360
" " 31	364	" ν 74	361
" " 57	95	" ξ 79***)	319
" " 119	458	" " 134	360
" " 122	324	" " 253	389
" (ς) 163	271	" " 266	364
" η 126	340	" " 364	306
" " 169	360	" " 498	361
" (η) 222	364	" ο 47	382
" " 288	308	" " 148	361
" " 347	320	" " 219	382
" θ 67	320(60)	" " 283	361
" " 105	360	" " 396	364
" " 245	509	" " 545	148
" " 279	358	" " 552	360
" " 293	323	" π 140	252
" ι 28	425	" " 145	361
" " 102	379	" " 270	364
" " 132	319	" " 381	142
" " 224	379	" ρ 4	365
" " 234	323	" " 21	507
" " 252	458	" " 193	380
" " 330	291	" " 354	157
" " 406	359	" " 435	364
" " 408	359	" σ 57	359
" " 476	359	" " 101	320
" κ 68	269	" " 156	359
" " 170	313	" τ 37	496-7

*) Место Od. μ 45 въ изслѣдованіи неправильно повторено на стр. 361 и должно быть оттуда вычеркнуто.

**) Въ изслѣдованіи сказано ἀλευσάμενοι вмѣсто ἀλευόμενοι.

***) Въ изслѣдованіи напечатано ἕξον вмѣсто ἕξον.

	стр.		стр.
Odyssea τ 389	360	Odyssea φ 315	357
" " 472	359	" " 371	364
" " 480	359	" χ 11	379
" " 482	449	" " 93	360
" υ 37	501	" ψ 67	448
" " 94	361	" ω 83	360
" " 194	508	" " 376	471
" " 349	359	" " 437*)	142

Isacus.

	стр.
<i>Isacus</i> III. (<i>Πύρρος</i>) 37	284
" IX. (<i>Ἀστυφίλος</i>) 28	398
Lycurgus <i>κατὰ Λεωκράτους</i> 1	293
Lysias III. (<i>πρὸς Σίμωνα</i>) 44	378
IV. (<i>περὶ τραύματος</i>) 20	261
XXV. (<i>δῆμον καταλύσεως ἀπολογία</i>) 27	315
Nicomachus Gerasinus (vide <i>Theologumena arithmeticae</i> , edidit Fr. Astius, Lipsiae 1817) pag. 69—70	412-13
Pheracrates : Chironis fragm. VII. (vide <i>Fragmenta comicorum graecorum</i> , collegit et disposuit Aug. Meineke, Vol. II., pars 1, pag. 338)	288
Pindari Olympia VII. vers. 91	381
" XII. " 20	491
Plato (смотри издание: <i>Platonis opera recognoverunt Baite- rus, Orellius, Winckelmannus, Turici 1839</i>).	
Apologia Socratis I. 17b, издания стр. 11	299
" " " 27d " " 15	481
" " " 39e " " 21	313
Phaedo I. 76c, издания стр. 39	308
" " 106d " " 53	480
Theaetetus " 142a " " 69	297
" " 147c " " 72	329
" " 179a " " 87	305
" " 189e-190a " " 93	77
Sophista " 245d " " 121	414
" " 250a-c " " 124	160-1
" " 262e " " 131	415
" " 263e " " 131	457
" " 264d " " 132	414
Euthydemus " 303c " " 150	382

*) Въ изслѣдованіи напечатано φθίωσι вмѣсто φθίωσι.

		издания	стр.	стр.
Protagoras	I.	309b,	153	458
"	"	312b	155	459
"	"	317a	157	469
"	"	317d	157	134
"	"	319b	158	481
"	"	336d	165	261
Cratylus	"	399a	193	284
"	"	426d-427c	206	28-9
"	"	429d	207	480
Gorgias	"	448a	213	382
"	"	455a	217	506
"	"	456b	218	330
"	"	476c	228	95
"	"	488a *)	233	293
"	"	490c	234	306
"	"	510d	245	481
"	"	522b	250	328
Philebus	II.	16c-e **)	264	86-7
"	"	18e	265	457
"	"	20d	266	456
"	"	23c	266	455
"	"	29c	271	459
Alcibiades	II.	138a	331	456
Lysis	"	218c	369	329
Menexenus	"	242e	381	305
"	"	245a	382	358
"	"	246d	382	396
"	"	247b	382	405
Civitas	III.	398a	451	291
"	V.	470b	480	308
"	VII.	532b	504	323
"	VIII.	546d	509	499
"	IX.	581e	523	476
"	X.	607a	534	366
Leges	I.	631a	544	291
"	VIII.	832d	633	392
"	"	839d	636	313
Leges	X.	897b	662	385

*) Въ изслѣдованіи сказано *τὸν βίον ἑμαυτοῦ* вмѣсто *τὸν βίον τὸν ἑμαυτοῦ*.

***) Въ изслѣдованіи пропушено въ самомъ началѣ цитаты слово *δοδοίς* (*θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους δοδοίς* п т. л.)

				стр.
Critias	III.	120a,	издания стр. 749	291
Convivium	"	207b	" " 784	313
"	"	214b	" " 787	310
"	"	222c	" " 791	310
Phaedrus	"	259a	" " 807	304
Sophocles (смотри издание: Sophoclis tragoediae, edidit				
Aug. Nauck, Berolini 1867).				
Ajax	vers.	581,	издания стр. 23	261
"	"	805	" " 30	322
"	"	828	" " 31	306
"	"	835	" " 31	500
"	"	1253	" " 44	497
Electra	"	14	" " 54	371
"	"	1303	" " 96	261
"	"	1433	" " 100	291
Oedipus rex,	vers.	218,	издания стр. 114	408
"	"	221	" " 114	487
"	"	236	" " 114	382
"	"	415	" " 120	308
"	"	533	" " 123	507
"	"	730	" " 129	269
"	"	889	" " 134	474
"	"	1000	" " 138	322
Antigone	vers.	35	" " 162	284
"	"	55*)	" " 163	293
"	"	77	" " 163	371
"	"	134	" " 165	309
"	"	518	" " 178	320
"	"	611	" " 181	470
"	"	760	" " 186	298
"	"	1122	" " 197	275
"	"	1240	" " 201	306
Trachinaie	"	150	" " 215	261
"	"	524	" " 227	276
"	"	802	" " 236	141
"	"	1018	" " 244	249
"	"	1115	" " 247	497
"	"	1167	" " 249	329
Philoctetes	"	1303	" " 298	398
Oedipus Coloneus,	vers.	3,	издания стр. 310	293
"	"	102	" " 313	299

*) Въ изслѣдованіи напечатано *ἀλοκτοροῦντε* вмѣсто *αὐτοκτοροῦντε*.

	изданія	стр.	стр.
Oedipus Coloneus, vers. 343,	изданія	стр. 322	507
" " " 418	" "	324	496
" " " 759	" "	337	388
" " " 913	" "	343	329
" " " 997	" "	345	331
" " " 1027	" "	346	408
" " " 1158	" "	351	276
Theognis (Poetae lyrici Bergk) vers. 821			334

Thucydides.

	стр.	стр.
I. 9·1	432-3	II. 49·7
" 10·3	444	" 90·6
" 17	308	III. 10·3
" 93·2*)	339	" 113·6
" 127·1	299	IV. 47·3
" 138·5	382	V. 18·10
II. 44·1	378	VI. 18·1
" 49·3	147	VII. 87·6

Xenophon.

	стр.		стр.
Expositio Cyri I. 1·7	398	Institutio Cyri I. 3·12	310
" " " 2·3	338	" " II. 2·3	157
" " " 2·11	261	" " VI. 1·45	445
" " " 3·3	138	" " VII. 1·12	297
" " " 6·2	398	" " " 4·3	310
" " " 6·6	261	" " " 4·9	309
" " " 9·8	485	" " VIII. 3·1	308
" " " 10·10	494	" " " 4·14	429
" " II. 3·2	525	" " " 6·22	305
" " " 3·24	525	" " VIII. 7·13	250
" " " 5·22	309	Memorabilia I. 1·13	480
" " III. 1·12	308	" " 2·39	487
" " IV. 3·11	152	" " 4·14	284
" " " 6·3	430	" " II. 2·8	311
" " " 6·14	495	" " 3·4	323
" " " 7·16	132	" " 3·9	480
" " " 8·11	309	" " 9·4	507-8
" " V. 2·16	292	" " III. 6·16	458-9
" " " 4·13	313	Memorabilia III. 10·1	330
" " " 10·2	276	" " 13·3	400
" " VII. 7·11	287	Oeconomicus caput III. 11	382
Institutio Cyri I 3·11	393		

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐπιτροπᾶς ὄψενοι* вмѣсто *ἐπιτροπᾶς βρένοι*.

М. Сперанскій.

ЗАМѢТКИ О РУКОПИСЯХЪ

БЪЛГРАДСКИХЪ И СОФІЙСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

МОСКВА

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА

1898.

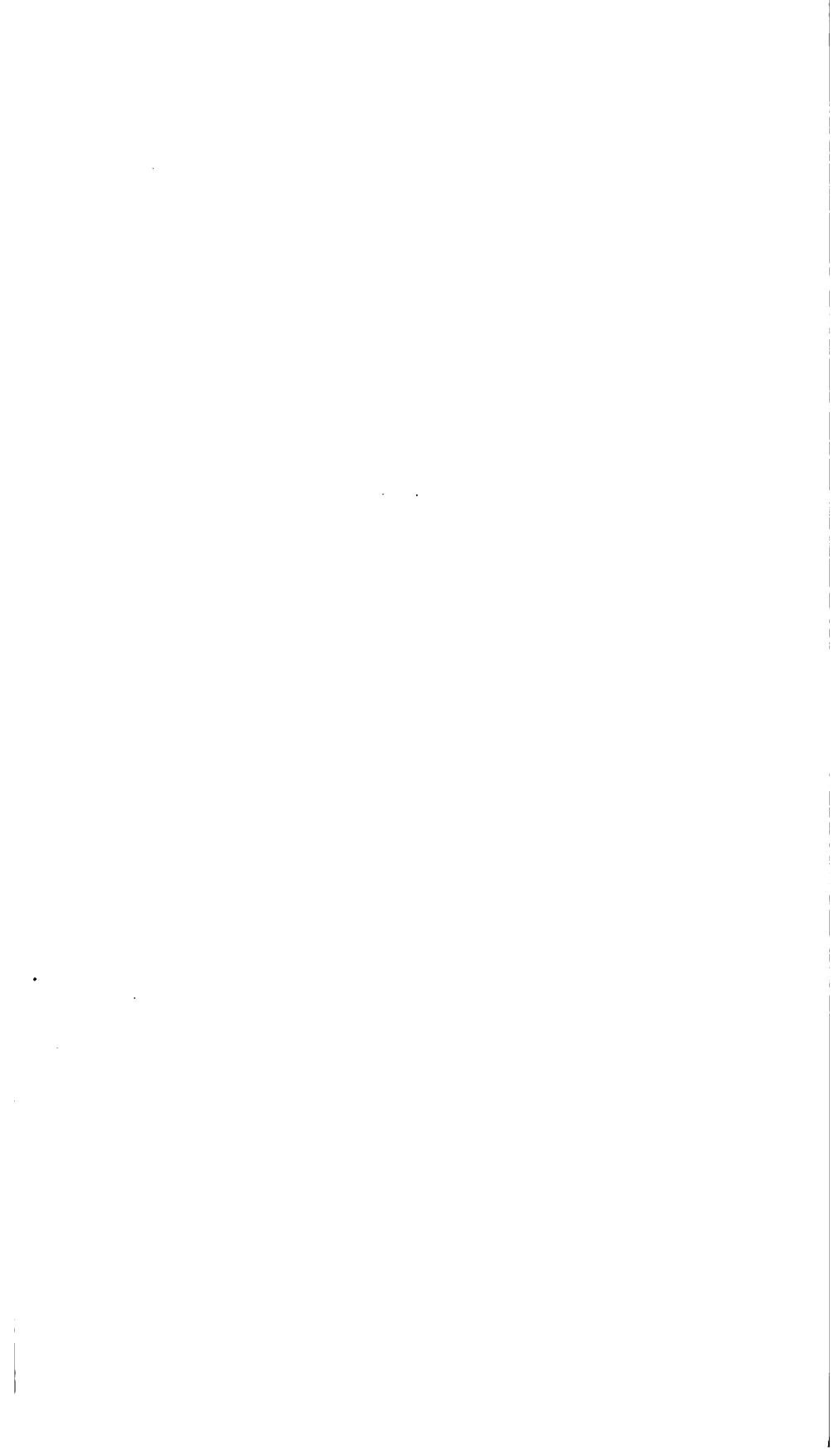
Печатано по опредѣленію конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко 12-го Апрѣля 1898 г.

Директоръ *Ф. Гельке.*

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Паримейники	4
Ветхозавѣтныя книги 1558 года	20
Евангелія	31
Сборникъ бѣлградскій № 104	42
Слово о Теофанѣ корчмарицѣ	48, 57
Слово о Соломонѣ и его женѣ	59, 67
Повѣсть о Царѣградѣ	74
Молитва отъ непріятеля	81
Слово св. Анастасіи	82
Молитва Сисинія	83
Синодикъ царя Бориса	84
Списокъ отреченныхъ книгъ	86

ЗАМѢТКИ О РУКОПИСЯХЪ БЪЛГРАДСКИХЪ И СОФІЙСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

Воспользовавшись вакаціоннымъ временемъ лѣтомъ 1897 года, я предпринялъ поѣздку по юго-славянству. Цѣлю этой поѣздки, между прочимъ, были занятія рукописнымъ и печатнымъ матеріаломъ въ библіотекахъ Сербіи и Болгаріи. Особенно привлекала мое вниманіе Народная библіотека въ Бѣлградѣ, съ которой я былъ уже нѣсколько знакомъ раньше и богатства которой могъ уже оцѣнить въ прошлую поѣздку въ Сербію. Это—самая богатая изъ всѣхъ юго-славянскихъ библіотекъ, но такъ же, какъ и остальные, мало разработанная: мѣстные ученые, занятые иными научными вопросами, преимущественно мѣстнаго характера, мало интересуются вопросами по старой общей юго-славянской и русской литературѣ, если не считать трудовъ Ст. Новаковича, Н. Дучича и болѣе старыхъ ученыхъ, теперь уже скончавшихся, Янка Шафарика, Ю. Даничича и др.; богатое собраніе рукописей, до 600 номеровъ ¹⁾, не имѣетъ даже сноснаго каталога: инвентарная опись въ теченіе многихъ лѣтъ велась библіотекарями и по разному плану и разнаго достоинства, смотря по знаніямъ и интересу библіотекарей, въ общемъ представляя довольно порядочную смѣсь и цѣлѣй рядъ недомолвокъ и прямо ошибокъ ²⁾. Такимъ образомъ, главными, такъ сказать, потре-

¹⁾ Последній изъ отмѣченныхъ мной въ записной книгѣ номеръ 590-й.

²⁾ Теперь, съ назначеніемъ на должность втораго библіотекаря Г. С. Джорджевича, ученика И. В. Ягича, дѣло пойдетъ, надо надѣяться, лучше.

бителями рукописнаго матеріала общаго характера являются заѣзжіе ученые, преимущественно русскіе, которые, дѣйствительно, находятъ тамъ не мало всякій для себя интереснаго матеріала. Къ числу этихъ „потребителей“ принадлежу и я. Въ прошлую поѣздку собрано было мною не мало матеріала по интересующимъ меня вопросамъ, но еще больше осталось намѣченнаго, чего изслѣдовать я не имѣлъ времени. Цѣлью вторичнаго посѣщенія и было дополнить, насколько возможно было въ короткое время, проведенное мною въ Бѣлградѣ (въ общемъ около 1 $\frac{1}{2}$ мѣсяца), то, что начато было раньше. Поэтому, въ своемъ отчетѣ я считаю себя въ правѣ привлечь частью и тѣ матеріалы, которые собраны были раньше. Другая бѣлградская библіотека—это библіотека Академіи наукъ, унаслѣдовавшая собраніе рукописей и книгъ отъ прекратившаго свое существованіе Сербскаго Ученаго Дружества. Коллекція въ послѣднее время немного увеличилась собраніемъ рукописей и бумагъ Вука Караджича: это—жалкіе остатки того собранія Вука, которое легло въ основу берлинскаго собранія славянскихъ рукописей, довольно уже извѣстнаго въ наукѣ. Главный же интересъ въ этомъ приобрѣтеніи составляетъ переписка Вука Караджича, дающая, даже при бѣгломъ осмотрѣ, много интереснаго для исторіи нашихъ научныхъ сношеній съ славянствомъ за нынѣшнее столѣтіе.

Вторымъ пунктомъ, гдѣ я сосредоточилъ свои занятія, была библіотека Софіи. Свѣдѣнія о ней впервые, болѣе или менѣе обстоятельныя, даны въ отчетѣ о путешествіи по Болгаріи *Θ. И. Успенскаго* ¹⁾. Всего здѣсь по рукописному каталогу числится около 300 №№, но рукописей здѣсь гораздо меньше: старопечатныя книги и рукописи помѣщены подъ общую нумерацію; каталогъ еще меньше внушаетъ довѣрія, нежели бѣлградскій. Несмотря на недавнее время возникновенія софійской библіотеки, ей уже удалось собрать довольно много цѣннаго: достаточно упомянуть про извлеченные уже

¹⁾ Византійскій временникъ, IV, вып. 1—2, стр. 26—36; въ извлеченіи: „Български прѣгледъ“, 1897, VII, 131 и сл.

П. А. Лавровымъ оттуда матеріалы ¹⁾, про синодикъ царя Борила, поступившій послѣ смерти Палаузова въ бібліотеку ²⁾, небезынтересные матеріалы были извлечены и мною.

Есть въ Болгаріи еще публичная бібліотека, обладающая собраніемъ рукописей—это въ Пловдивѣ (Филипполѣ), но по отношенію къ ней пришлось ограничиться тѣми немногими свѣдѣніями, которыя сообщаетъ въ своемъ отчетѣ О. И. Успенскій, несмотря на предпринятую мною поѣздки туда ³⁾. Считаю долгомъ своимъ упомянуть объ этомъ, для предупрежденія подобной же неудачи съ другими учеными, кому вздумается посѣтить эту бібліотеку: несмотря на торжественно висѣвшую на дверяхъ бібліотеки надпись, что „*библиотека отворена*“, оказалось, что рукописями заниматься нельзя: г. директоръ бібліотеки уѣхалъ въ отпускъ, заперъ шкафъ съ рукописями, взялъ съ собою ключъ, забывъ передать его своему „поддиректору“. Какъ понять это? Или это правда: въ такомъ случаѣ—не бесполезное указаніе на порядки. Или же это своего рода „переживаніе“, котораго примѣры часты въ Болгаріи до сихъ поръ,—страхъ и уклончивость, унаслѣдованная вѣками, передъ „чужакомъ“, недоувѣріе къ нему? Во всякомъ случаѣ фактъ печальный, особенно для этого чужака, проѣхавшаго не одну сотню верстъ только для того, чтобы полюбоваться на корешки рукописей, сквозь стекло шкафа въ директорскомъ кабинетѣ! Какъ бы то ни было, отсутствіе въ моемъ отчетѣ свѣдѣній о пловдивскихъ рукописяхъ находитъ себѣ объясненіе въ этомъ фактѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ обзорѣнію матеріаловъ, считаю нужнымъ присовокупить нѣсколько словъ о планѣ отчета: я держусь по возможности плана простого описанія рукописей, находя, что и такой перечень матеріала, заключающагося въ рукописяхъ, мною пересмотрѣнныхъ, хотя не вездѣ изучен-

1) Поученіе воеводы Нѣгоя (Чтенія Общ. ист. и др. 1896 г. № 4), евангеліе Θомы (см. мои Апокрѣ. Евангелія, стр. 128).

2) Готовится къ изданію цѣлкомъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Константинопольскаго археолог. института; см. отчетъ О. И. Успенскаго (выше).

3) Это было въ послѣднихъ числахъ іюля.

нихъ детально, можетъ быть не лишнимъ въ смыслѣ простаго указанія. При этомъ наиболѣе важные и интересные тексты привожу или вполнѣ, или въ выпискахъ, сопровождая ихъ замѣчаніями. Начинаю съ Бѣлграда, съ Народной библіотеки.

I.

Въ 1894 году вышли первые два выпуска Григоровичева *Паримейника*, изданные Р. Ө. Брандтомъ. Тогда же самый подборъ текстовъ, принятыхъ въ изданіе Р. Ө. Брандтомъ, возбудилъ мое вниманіе; не вполнѣ удовлетворилъ меня и способъ изданія самого текста: въ ряду 14 рукописей, принятыхъ издателемъ въ первомъ выпускѣ, было только двѣ рукописи, не-русскихъ (болгарскій основной текстъ, и болгарскій же Лобковскій паримейникъ) и ни одной сербской. Во второмъ выпускѣ приняты въ число вариантовъ мои, сдѣланныя въ первую поѣздку, выписки изъ сербскаго текста бѣлградской библіотеки; но выписки эти были сдѣланы случайно и по объему ничтожны (всего три париміи)¹⁾. Такимъ образомъ, изданіе Брандта давало матеріалъ для исторіи текста на болгарской и на русской почвѣ; желательно было получить кое-какіе факты для этой исторіи и въ сербской письменности: это бы расширило наши свѣдѣнія о судьбѣ паримейнаго текста на югѣ славянства. Поэтому теперь пересмотрѣны мною были паримейники бѣлградской библіотеки, сличены съ изданными выпусками Григоровичева въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было возможно. При этомъ сличеніи получены были не лишеныя интереса наблюденія. Такихъ паримейниковъ въ Народной библіотекѣ нашлось три: №№ 300, 86 и 162; первые два на пергаментѣ, третій на бумагѣ.

Первый изъ нихъ представляетъ жалкіе остатки нѣкогда великолѣпной рукописи: тонкій бѣлый пергаментъ въ большой

¹⁾ См. введеніе ко II выпуску. Пользуюсь случаемъ исправить ошибку, въ которую я, по своей оплошности, ввелъ издателя: „бѣлградскій“ паримейникъ изданія носить не 86 №, а 300-ый; подъ № 86 въ библіотекѣ хранится другая паримейникъ.

листь, крупнѣйшій, красивый уставъ (буквы приблизительно въ 8 мм.) въ 2 столбца по 20 строкъ на страницѣ, заглавныя буквы чтеній—тератологическаго характера съ контурами, нѣзццо нарисованными то киноварью, то синей краской, то чернилами, часто расцвѣченныя тѣми же красками, иногда оставшіяся безъ раскраски; незначительное число сокращеній (чаще другихъ встрѣчается— $\hat{r}o - \hat{c}e^{ro} |$), и то въ концѣ строкъ, рѣдкость выносныхъ надъ строкой буквъ—все это говоритъ за относительную древность и роскошь рукописи. Въ пользу того же говорятъ и другія палеографическія черты рукописи: а) отсутствіе, почти полное, надстрочныхъ знаковъ: точка (она только и встрѣчается) находится только надъ w; б) повсемѣстное употребленіе и: і встрѣчается рѣдко и исключительно въ концѣ строки; в) ѣ надъ строкой не возвышается, л средней петли ниже строки не опускаетъ, титло имѣетъ видъ прямой черты —, покрывка (надъ выносной буквой) всегда $\hat{\ };$ знакъ препинанія—точка на высотѣ немного выше половины буквы; въ концѣ чтенія :: $\smile$ г) буквы м, ю и к имѣютъ типъ древній (перемычка почти посрединѣ буквы); тотъ же типъ имѣютъ буквы: ч (у, съ округлой верхней частью), з (угловатое, съ нижнимъ небольшимъ, приставнымъ хвостикомъ), ы (съ соединительной чертой между обѣими частями буквы); д) предлогъ „отъ“ часто пишется, какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, полностью: ѡтъ, ѡтъврзоше се. Съ другой стороны, въ графикѣ есть черты, которыя, можетъ быть, составляютъ индивидуальность рукописи, а, можетъ быть, частью отраженіе особой школы писцовъ сербскихъ; такъ мы встрѣчаемъ уже 8 вв. оу въ срединѣ строки; это, можетъ быть, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ короткой строкѣ столбца (отъ 13 до 15 буквъ) при крупномъ письмѣ заранѣе легко было вычитать мѣсто для каждой буквы; этимъ же объясняются начертанія: Т (высокаго т), связныя начертанія т + и, т + в, встрѣчающіяся только въ концѣ строки. Другую особенность начертаній составляетъ необыкновенная толщина тѣхъ частей буквы, которыя пишутся обычно съ утолщеніемъ, и тонкость

тонкихъ штриховъ буквы ¹⁾; это составляетъ весьма характерную особенность рукописи, хотя не единственный случай въ сербской графикѣ ²⁾. Всѣ эти черты, взятыя вмѣстѣ, заставляютъ меня теперь считать рукопись болѣе древней, нежели прежде: я бы безъ колебанія счелъ ее одной изъ рѣдкихъ сербскихъ рукописей конца XIII вѣка. Этому не противорѣчить, какъ увидимъ, ни языкъ рукописи, ни ее составъ. Къ сожалѣнію, эта великолѣпная рукопись сохранилась въ самомъ жалкомъ видѣ: начало и конецъ ее исчезли, въ значительной части сохранились только клочки пергамина у корешка, края рукописи обгорѣли или истлѣли, такъ что въ значительной части болѣе сохранившихся листовъ уцѣлѣлъ только одинъ (внутренній) столбецъ; оба столбца сохранились едва въ четверти рукописи, въ ее срединѣ. Такимъ образомъ, текстъ паримейника № 300 (назову его *A*) сохранился очень плохо.

Языкъ рукописи представляетъ, подобно письму, рядъ особенностей, указывающихъ также на древность текста и рукописи; отмѣчаю нѣкоторыя:

1) глухой (ь) употребляется замѣчательно правильно: пропусковъ глухого почти нѣтъ, онъ всегда на мѣстѣ:

а) въ суффиксахъ: оустьна, источьникъ, весьна, праведьна, животьникъ, чювьствитя, равьнѣ, (исьмь), ѡрюжьници, старьци, гнѣвьнъ, небесьната, законопрѣстоупьныхъ, законопрѣстюпникъ, ковьчегъ, ара-ратьскихъ, ѡконьце; б) въ предлогахъ: въкоупѣ, сьмѣрю, сьмѣтютьсе, възненавидѣникъ; в) въ корняхъ: вьсѣчьскага, кьнези, вьса, зьлага, изьми; г) въ окончаніяхъ: вьзвеселитьсе, подвижитьсе, оужаснютьсе и т. д. (см. б.).

б) Но за то изрѣдка, какъ и въ древнѣйшихъ текстахъ, находимъ развитіе глухого въ чистый и при томъ о вмѣсто прежняго з: ѡстанокъ (л. 148) ³⁾, собравьшихьсе ⁴⁾.

¹⁾ Исключеніе составляетъ ш, которое все пишется тонко, но все-таки толще, нежели тонкіе штрихи другихъ буквъ.

²⁾ Та же черта въ нѣкоторыхъ отрывкахъ и листахъ сербскаго письма Верковича (часть ихъ въ Бѣлградѣ, нѣсколько клочковъ въ Историческомъ музее, въ Москвѣ).

³⁾ Такъ читается и въ Болонской псалтири (см. Miklosich. Lex. s. v.) и

в) п=ѣ: оучинѣю, изьбавлѣють, наставлѣють, прославлѣю. Это явление, хорошо известное изъ старославянскихъ памятниковъ, встрѣчается часто и въ среднеболгарскихъ, именно въ подобномъ же сочетаніи (послѣ н и л) ¹⁾. Но рядомъ встрѣчается и—вьсѣкъ.

г) Въмѣсто оу, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно соответствуетъ старо-славянскому ѡ, находимъ ю: рюка (обычно), бюдють, сюдь, тьлю (асс. зг.), сущимь хюдогомь, пюти, вынню (аог.), имють, законопрѣступьники, шрюжьници, оужаснютьсе и т. д. Подобное же явление (графическое?) бросается въ глаза въ древнемъ (XII в.) Мирославовомъ евангеліи, гдѣ оно, повидимому, распространено еще болѣе ²⁾.

д) Отмѣтимъ также формы: благодѣть, погыбѣль.

е) Наконецъ, не лишена значенія форма: движѣщингасе, гдѣ мы можемъ подозрѣвать указаніе на ѡ вм. ѡ.

Эти послѣдніи черты, а также до известной степени указанныя подъ б) и в) съ вѣроятностью могутъ указывать, что оригиналомъ № 300 былъ, посредственно или непосредственно, текстъ болгарскій.

По чтеніямъ описываемый текстъ, какъ увидимъ, принадлежитъ также къ древнѣйшей группѣ, представителемъ которой въ изданіи паримейника является Григоровичевъ.

Вторая рукопись—№ 86, поступившая въ бібліотеку отъ Верковича. Это—отрывки, на пергаментѣ въ небольшую четвертку, на 35 листахъ; пергаментъ плохой, весь въ дырахъ; въ срединѣ рукописи часть листовъ пропала; тетрадки рукописи состоятъ то изъ 8-ми, то изъ 6-ти листовъ, л. 7-ой обрѣзанъ, почему остался только клочекъ его. На л. 17-мъ вверху, осталась помѣта дѣ. Письмо—плохой уставъ, по 21

Григоровичевъ паримейникъ (Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз., стр. 36).

¹⁾ Опять эта форма известна изъ болгарскихъ памятниковъ: собранн, сохъ-прѣсникъ; Лавровъ, у. с., стр. 36.

²⁾ Лавровъ, у. с., стр. 69. То же находимъ и въ Мирославовомъ сербскомъ текстѣ (Споменик Сръпске Акад. XX, стр. VI).

³⁾ Споменик Сръпске Акад. XX, стр. VII.

строкъ на страницѣ, съ простыми кинноварными начальными буквами и заглавіями. Рукопись относится къ XIV в., можетъ быть, даже къ концу его.

Графика рукописа, въ общемъ неустойчивая, небрежная, представляетъ слѣдующія не безынтересныя черты:

а) Глухой пропускается весьма часто, но часто замѣняется онъ паеркомъ, который имѣетъ видъ придыханія [˙] и примѣняется двояко: или онъ, дѣйствительно, стоитъ вмѣсто глухого, какъ видно изъ сопоставленія такихъ формъ, какъ: животънъ (1) и животноѣ (1); лишєн (5, въ концѣ строки), познаѣмъ (л. 8) и ѣдинъ (2), изъ формъ: шестисѣтнокъ, ѿтворзакѹтсе, ковчегъ, вса, всакоѹ, (1) възетсе, мнѹжашесе, пѣтиць, все, все (1 об.) праведни (3 об.) и т. д.; или же этотъ значекъ стоитъ тамъ, гдѣ глухого быть не можетъ; эти случаи въ значительной степени довольно однообразны: землѣ (1, 1 об.), землѣ (л. 2, 6), нѣмь (л. 2) — възвратетсе (6 об.), хлѣби (л. 1), плѣти (1 л. bis, 1 об.) каплетъ (6 л.; рядомъ: каплетъ — 6 об.). Что обозначаетъ во второмъ случаѣ этотъ значекъ, сказать трудно; если въ примѣрахъ землѣ и т. д. можно видѣть здѣсь указаніе на мягкость л (что, какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ текстахъ, напр., Изборникѣ 1073 г., обозначалось иногда прибавкой къ буквѣ крючка: л, л), то въ плѣти и т. д. объясненіе это не приложимо; оно носитъ видъ, будто при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, вторая отмѣчается значкомъ, который никакого, кромѣ графическаго, значенія не имѣетъ; въ примѣрѣ нѣмь (въ сочетаніи: с нѣмь) этотъ значекъ, повидимому, стоитъ не на мѣстѣ, если судить по начертанію: с вами (л. 9 об.), т.-е. онъ относится къ предлогу.

б) Этотъ же значекъ стоитъ на начальной гласной и на второй изъ двухъ встрѣтившихся гласныхъ: прикѣтъ, плѣтнѹ юже (10 об.), лице (3 об.); иногда онъ замѣняется точкой: ноѣви, звѣриѣ, и (л. 1); но тотъ же значекъ находится на оу, ы не зависимо отъ ихъ положенія: движуѹщнѣсе, вѣхоу (л. 1 об.), нѣнѣхъ (2), прѣсмѣкающнѣсе (1) и т. д.

Языкъ списка особенностей, отклоненій отъ обычнаго

сербскаго не представляетъ, хотя изрѣдка проскальзываютъ болгаризмы: ѡзь възвнже завѣтъ мой (л. 9 об.). Обращаютъ на себя вниманіе формы: Ѡ мена, чтоть (вм. чтоуть) (л. 16).

Изъ старыхъ формъ чаще другихъ попадается довольно обычное въ сербскихъ текстахъ окончаніе дат. ед. оумоу: ѡвльшумоуѣсе (л. 18), полагаюцумоу (л. 8).

По составу текстъ представляетъ особенности.

Послѣдняя рукопись, № 162, точно также—отрывокъ, на 42 листахъ, красиваго полууставнаго (почти уставнаго) письма въ два столбца въ листъ, по 30 строкъ на страницѣ; рукопись на плотной, толстой бумагѣ, съ клеймомъ начала XV в.; въ графикѣ отмѣтимъ: ѣ=є, преимущественно въ началѣ словъ и послѣ гласной, хотя это ѣ въ этомъ случаѣ и необязательно, путаясь съ простымъ; Ѡ (очное о—въ словѣ Ѡчима л. 17а). Языкъ никакихъ особенностей не представляетъ. Составъ же значительно отклоняется отъ обычнаго: слѣдуя въ общемъ расположеніи древнѣйшему тексту (л. 1-й соотв. изданію Р. Θ. Брандта II, 169) списокъ между париміями вставляетъ цѣлый рядъ указаній и ирмосовъ со стихирами; напр., послѣ чтенія (Брандтъ II, 171, 30) находимъ такую вставку:

Тѡ скоро прѣваріетъ ны ще
 въ тѣ пѣ. вѣ. стихолѣ. къ
 гоу ѣга скръвѣ. на гѣ
 възвѣ. постави стѣ. і. и по
 юмь. самогласноу. глѣ. дѣ.
 Нѣна врѣме блгопріе
 тно. нѣна днѣ спсѣніа
 въ мнѣжствѣ мѣти
 твоѣ. и врѣме безако
 нѣи моихъ шѣльгчи
 ѣднѣ члѣколюбѣ. вѣ
 и мѣничи. дѣ. на рѣдѣ. гла
 соу. и въ минси. і. еднѣ
 двѣ. слѣ. пѣни. кѣ іуана

противоу дню на рѣдоу
 гл̄соу. и нн̄га. б̄. а̄. тогоже
 гл̄са. въ ѡ. прѣ. париміе
 и прочаа слоуба прѣже
 сщ̄енна. аще ли не воу
 деть прѣжесщ̄енна
 гл̄н. на гн̄ възв̄а на гл̄
 ѡ. и поємь. г̄. м̄ниче
 и въ миню. г̄. сл̄а. покѡи
 въ ѡ. и нн̄га. б̄о. тогоже гл̄а
 настйвно. самогл̄сноу
 дню. повторившѣ. и м̄ни
 сл̄а и нн̄га. б̄о. ѡпоу. аплы
 прѣци м̄нци и прочаа
 Сице съврышаѣтсе слоуба
 вѣрны. на всаки пѣ. ѡ пѣа
 в. нѣлю. даже до пѣка. ѣ.
 нѣле. или творимь прѣ
 жесщ̄енноу. или нн̄
 прѣ. гл̄. а̄. м̄ль твою
 гл̄. поженѣтме въсе дни жи
 ѣ. трыпе потрыпѣхъ г̄а и оу.
 ѡ бытіа чтеніе (л. 1 об.; ср. Брандта II, 172).

Въ такомъ родѣ идутъ вставки (изъ тріоди постной) и далѣе.

Обращаюсь къ составу разсматриваемыхъ отрывковъ. Въ основу кладу паримейникъ Григоровича. Къ сожалѣнію, разсматриваемые списки даютъ мало кусковъ, параллельныхъ изданнымъ: только № 300 могъ быть сличенъ на болѣе или менѣе большемъ пространствѣ съ изданіемъ (я сличилъ куски, болѣе или менѣе сохранившіеся, на пространствѣ 9 паримій, соотвѣтствующихъ стр. 147—178 печатнаго текста, т.-е. до конца второго выпуска); остальные же два списка представляютъ тѣ части паримейника, которыя еще не вошли въ

изданіе, исключая № 162, который въ началѣ даетъ только три париміи изъ вошедшихъ въ изданіе (стр. 168—178); въ свою очередь, между № 86 и 162 оказалось также только 5 паремій одинаковыхъ (именно на л. 1—6 № 86=27 d.—30 d. № 162). Но и при такихъ условіяхъ можно было судить по небольшимъ сравненіямъ объ отношеніяхъ текстовъ другъ къ другу.

Текстъ № 300 на пространствѣ упомянутыхъ девяти паримій въ *общемъ* представляетъ чтенія того же типа, что и Григоровичевъ, въ *частностяхъ* же даетъ къ нему варианты. Варианты эти позволяютъ не только опредѣлить различіе между этимъ текстомъ и Григоровичевымъ, но также и принадлежность его къ отдѣльной группѣ. Такой группой я счелъ бы тексты, представителемъ которыхъ въ изданіи Р. Θ. Брандта является Лобковский паримейникъ. Этотъ послѣдній довольно послѣдовательно даетъ отклоненія отъ Григоровичева, но не одинъ онъ: въ этихъ случаяхъ его сопровождаютъ другіе списки, чаще другихъ Захарьинскій (1271 г. Импер. Публ. библ. О. п. 1, № 13), который часто только вдвоемъ съ Лобковскимъ даетъ варианты къ Григоровичеву, тогда какъ остальные съ нимъ совпадаютъ. (См. изданіе, стр. 153, строка 26, 154, 7—8; 158, 27; 160, 13; 161, 19; 170, 12; 175, 31 и др.), Стефановскій (XIV в. Рум. муз. № 303; см. 148, 7—8; 149, 16; 151, 4; 152, 14, 15, 16; 153, 20 и т. д.), рѣже другихъ Офонасьевскій (Рум. муз., № 302—1370 г.), Перфирьевскій (Ундольскаго—Рум. муз. № 1207—1378 г.). Во всякомъ случаѣ безъ колебанія можно зачислить въ одну группу, отдѣльную отъ Григоровичева, Лобковский и Захарьинскій тексты. Представляютъ эти тексты, правда, много общаго съ остальными паримейниками, давая съ ними аналогичныя отклоненія отъ типа Григоровичева, но все-таки число этихъ отклоненій не такъ велико, какъ въ Лобковскомъ текстѣ. Это позволяетъ предполагать нѣсколько версій паримійнаго текста, образовавшихся путемъ отклоненія отъ первоначальнаго, къ которому Григоровичевъ типъ, въ

силу своей древности, могъ бы быть ближайшимъ; затѣмъ возникаетъ, вѣроятно, типъ Лобковскій, который влияетъ на другія копіи текста Григоровичева типа, снабжая ихъ вариантами къ этому. Судя даже по весьма неполному пока изданію Григоровичева паримейника (особенно скудно и неудачно освѣщенному греческимъ текстомъ)¹⁾, можно намѣтить (конечно, предположительно) образованіе типа Лобковского текста: не есть ли онъ результатъ свѣрки старшаго перевода вновь съ греческимъ текстомъ? По крайней мѣрѣ, на это наводятъ такіе примѣры:

1) *Григорович.* и нарекаѣтъ имя мое (15, 13—14) = *καλέσουσι τὸ ὄνομα αὐτοῦ.*

Лобковск. и нареѣтъ имя мое (*ibid.* вар.) = *καλέσεται τὸ ὄνομα αὐτοῦ* (чтеніе Севастьяновскаго пар. IX—X в.).

2) *Григорович.* има идѣщема и глѣщема (26—27) = *αὐτῶν πορευομένων καὶ λαλούντων.*

Лобковск. има идѣщема идѣста и глѣста = *αὐτῶν πορευομένων ἐπορεύοντο καὶ ἐλάλουν.* (*ibid.*, вар.).

3) *Григорович.* и обратитѣся плзѣ твоѣ к тебѣ (28, 21) = *ἐπί σοι* или *σοί.*

Лобковск. и обратитѣся плзѣ твоѣ вѣ тебѣ = *ἐν σοι* (*ibid.*, вар.).

4) *Григорович.* и не слышасте (91, 2) = *οὐχ ὑπηρεύετε.*

Лобковск. не послушасте (*ibid.*, вар.) = *οὐχ ὑπηρεύατε.*

5) *Григорович.* и смиратѣся (103, 4) = *ταπεινωθήονται.*

Лобковск. и смиритъ сѧ (*ibid.*, вар.) = *ταπεινωθήσεται.*

6) *Григорович.* вземѣшимъ (149, 15) = *αἶροντες.*

Лобковск. вз. ѿ него (*ibid.*, вар.) = *αἶρ. ἀπ' αὐτοῦ*²⁾.

1) Такимъ неудачнымъ примѣненіемъ я счелъ бы привлеченіе греческаго московскаго изданія 1821 г. и *библии* Гольмса: подобно евангелію, и ветхозавѣтный текстъ представляетъ въ паримейныхъ чтеніяхъ свои особенности сравнительно съ полнымъ; а переводъ, навѣрное, дѣланъ съ готоваго паримейнаго текста. Привлеченіе новопечатной славянской библии и выдѣленнаго изъ нея и согласованнаго съ ней новопечатнаго паримейника я счелъ бы своего рода *embigmas de richesse*, балластомъ для изданія и безъ того сложнаго. Указанное отличіе паримейнаго текста отъ полнаго библейскаго см. въ примѣчаніяхъ къ изданію стр., 7, 7; 8, 10; 13, 14; 15, 13; 22, 17; 28, 14, 21 и т. д.

2) Такъ и въ А, Оѳ.

Подобныя отклоненія въ связи съ греческими вариантами представляютъ и другіе списки, отнесенныя къ той же группѣ; считать ли эти отклоненія за продолженіе развитія текстовъ путемъ послѣдовательныхъ свѣрокъ съ греческими текстами, или видѣть въ нихъ отклоненія *одной* sprawy съ греческимъ, сохраненныя этими текстами и не сохраненныя Лобковскимъ, — рѣшить вопросъ этотъ трудно за недостаткомъ матеріала; это разрѣшеніе тѣмъ труднѣе, что остальные списки — русскіе. Конечно, а ргіогі можно исправленія, объясняемыя греческими вариантами, относить къ юго - славянской порѣ, такъ какъ намъ ничего неизвѣстно о справѣ паримейника на русской почвѣ, но заключать что - либо а silentio, во всякомъ случаѣ, рискованно, основываясь только на общемъ положеніи о движеніи литературы съ юга славянства на русскую почву, тѣмъ болѣе что ничего мы не знаемъ о справѣ книгъ и на югѣ вплоть до второй половины или третьей четверти XIV в. и на югѣ ¹⁾). Въ какую бы сторону мы ни рѣшали вопросъ, взглядъ нашъ на Лобковскій паримейникъ, болгарскій XIII—XIV в., остается тотъ же: онъ показываетъ ясно, что какая то справа славянскаго перевода съ греческимъ на югѣ славянства была. Къ этой-то группѣ относится и разбираемый текстъ XIII в. сербскій, показывающій, что эта справа старше времени Лобковского текста, если она проникла и въ болгарскіе списки и въ сербскіе. Дѣйствительно, въ разночтеніяхъ нашъ текстъ въ массѣ случаевъ совпадаетъ съ Лобковскимъ тамъ, гдѣ этотъ отклоняется отъ Григоровичева, при чемъ нерѣдко сербскій текстъ XIII в. поддерживаетъ одинокіе варианты Лобковского, иногда же всей группы съ Лобковскимъ во главѣ. Вотъ случаи перваго рода:

Григ. (149,14) мзды ради—А. мита ради = *Лобк.*

„ (151,2) и — „ а = *Лобк.*

---

¹⁾ Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи относительно юга славянства мы въ лучшемъ положеніи: sprawy евангельскаго текста, судя по изслѣдованіямъ его (напр., Воскресенскаго), мы должны предполагать и ранѣе евангелиевской эпохи.

- Григ.* (155,11) затѣзаетьса — *Лобк.* затезаютьсе = *Лобк.* (затѣзаетьса).
- „ (158,20) гнѣз глѣщѣ — „ гѣ глѣоща = *Лобк.* (гѣла глѣща).
- „ (160,15) лѣт. рл. (130) — „ лѣт сѣ (230) = *Лобк.*
- „ (160,17) днѣи Адамоу — „ д. Адамовѣхъ = *Лобк.*
- „ (167,20) — — „ а се = *Лобк.* (проч. опуск.).
- „ (169,22) — ') — „ Фалькеа = *Лобков.* (остальн. Факен).
- „ (171,28) трѣдѣз — „ труды = *Лобк.*
- „ (174,17) вѣса днѣи — „ вѣсь днѣнь = *Лобк.*
- „ (174,21—22) ѣкоже — „ кѣкоже = *Лобк.*
- „ (176,9—10) взвѣжет — „ вѣврѣжетъ = *Лобк.*
- „ (177,16) алѣчѣщѣ — „ тыцю = *Лобк.*

Второго рода случаи, т.-е. когда нашъ текстъ даетъ соотвѣтствіе не только Лобковскому, но и другимъ, аналогичнымъ съ этимъ послѣднимъ, довольно много; такъ, только съ Лобковскимъ и Захарьинскимъ, который, по скольку можно судить по вариантамъ въ изданіи, близокъ къ Лобковскому, находимъ:

- (153,26) прѣлнваютьсе (*Григ.* пролѣятьса).
- (154,7—8) прѣдѣ бо сють („ прѣдѣ ш. в. сѣтъ).
- (158,27) ѡчима видѣть („ видѣтъ очима).
- (159,13) има („ емѣ) ²⁾.
- (161,19) и житѣ („ житѣ же).
- (170,12) ромелишѣвъ („ рѣмеле(о)въ).
- (175,31) такоже („ егда).

Съ цѣлой группой Лобковского текста, отклоняясь отъ Григоровичева, нашъ паримейникъ читаетъ ³⁾:

- 148,7—8 доброу злюкѣ а злюю доброу — *Лобк. Зах. Стеф.* (*Григ.* злоу доброу и добру зло).
- 149,16 сѣгоретъ — *Лобк. Зах. Стеф. Перф.* (*Григ.* сѣжежетьса).

¹⁾ Григор. въ этихъ мѣстахъ отсутствуетъ.

²⁾ Объясняется изъ греческихъ вариантовъ: *αὐτοῦ* и *αὐτῶν*.

³⁾ При названіи списковъ принимаю сокращенія, принятые въ изданіи Григоровичева текста.

- 171,₂₂ имате—Лобк. Ляп. (Григ. имете).
 — 23 проси—Лобк. и остальные (Григ. испроси).
 — 24 твоего—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Ляп.
 — 25 просити—Лобк. и остальные (Григ. взпросити).
 — 28 то—Лоб. Зах. Стеф. Ляп. (Григ. и).
- 172,₂ кгда начеше—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. (Григор. взнегда взчаша).
- 173,₁₁ Ъполи—Лобк. и остальные (Григ. Плоди).
 — 12 вындѣхю—Лобк. Зах. Стеф. (Григ. взхождахъ).
 — 14 ти—Лобк. Зах. Стеф. Перф. (Григ. шни же).
 — 16 на земли—Лобк. и остальные (Григ. по земли).
 — 16 всѣхъ ктерь—Лобк. Зах. Стеф. Оф. (Григ. всѣхъ).
- 175,₂₉ и швечи же га — Лобк. Перф. Оф. Тих. (Григор. и шжжжели же).
 — 2 заповѣдъ законнага—Лобк. Стеф. Перф. (Григ. заповѣди законуу).
 — 2 пють животнь — Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. Ляп. (Григ. пѣтис животуу).
- 176,₆ оуловленъ — Лобк. и остальные (Григ. оуделѣнъ).
 — 11 на оугли ѡгньны—Лобк. Зах. Оф. (Григ. на ѡгъзъ).
 — 13 злы — Лобк. Стеф. (Григ. зломъ).
- 177,₁₆ аще ли выпадеть — Лобк. Зах. Перф. Оф. Ляп. Тих. (Григ. Аще бо выпадаеть).
 — 18—19 скоудоту — Лобк. Зах. Стеф. (Григ. шкъдѣнне).

Выписанные варианты достаточно характеризуют текст № 300 по отношенію къ Лобковскому и его группѣ, сравнительно съ Григоровичевымъ, помѣщая его въ семью текстовъ опредѣленной выше группы. Но варианты же помогаютъ опредѣлить отношенія разбираемаго текста и внутри данной группы къ отдѣльнымъ ея представителямъ. Не опредѣляя въ подробностяхъ этихъ отношеній, ограничусь указаніемъ на отношеніе его къ Лобковскому; здѣсь мы видимъ, что рассматриваемый текстъ дополняетъ и подтверждаетъ взглядъ на Лобковскій текстъ, какъ мы его можемъ характеризовать на основаніи изданія проф. Брандта; а именно: если Лоб-

ковскій текстъ, отклоняясь отъ Григоровичева и другихъ текстовъ своей группы, представляетъ эти чтенія, какъ индивидуальныя, то сербскій текстъ, совпадая въ этихъ отклоненіяхъ съ другими Лобковской группы, указываетъ, что въ этихъ случаяхъ или Лобковскій даетъ чтеніе старшее, или, дѣйствительно, индивидуальное, а главное, что измѣненія текста, находимыя въ сербскомъ и поддерживаемыя остальными текстами Лобковской группы, возникли не на русской, а еще на юго-славянской почвѣ; они не составляютъ индивидуальности и сербскаго текста № 300, такъ какъ находятъ себѣ поддержку и въ русскихъ, гдѣ эти особенности сохранились изъ юго-славянскаго оригинала и въ другомъ сербскомъ (№ 162). Это позволяетъ предполагать переходъ на русскую почву паримейника, насколько онъ извѣстенъ по русскимъ старшимъ рукописямъ, уже послѣ той sprawy, какую представляетъ группа Лобковская, и даже послѣ того развитія текста, котораго достигъ онъ въ сербскомъ текстѣ. Время этой стадіи развитія, а равно и перехода на русскую почву датируется приблизительно временемъ не позже XIII в., къ которому относится списокъ № 300, и не позже 1271 года, къ которому относятся старшій русскій списокъ (Захарьинскій), который въ общемъ не даромъ ближе другихъ и къ Лобковскому, и къ сербскому. Вотъ подобныя чтенія, устанавливающія связь между русскими и юго-славянскими списками, въ разбираемомъ отрывкѣ:

154, ₁ вюдетъ ти свои=Зах. Стеф. Перф. Оф. (Лобк.=Григ. бѣдѣтъ ти твои).

— 5 сеи=Перф. Оф. Ляп. (Лобк.=Григ. еи).

— 8 мѹжа=Перф. Оф. (Лобк.=Григ. мѹжѹ).

155, ₁₈ сѣсансе=Зах. Стеф. Перф. (Григ.=Лобк. сѣсени сѣ).

159, ₂₈ оуслышетъ=Перф. Стеф. Оф. (Лобк.=Григ. слышѣтъ).

161, ₂₁ ситовѹ=Зах. Стеф. Перф. Оф. Тих. (Лобк.=Григ. ситовѣхѹ).

— 24—25 кносовѹ = Зах. Стеф. Перф. Оф. Тих. (Лобк.= Григор. еносовѣхѹ).

- 162,29—30 жить=тѣ же (Лобк.=Григ. И жѣтъ).
— 30—31 [лѣ̄. з̄. сѣтъ и л̄] ¹⁾=Зах. Стеф. Перф. Ляп. Тях.
(Лобк.=Григ. ѿ̄. л̄. лѣ̄).
164,11 спасансе=Зах. Стеф. Оф. Ляп. (Лобк. сп̄сешисл) ²⁾.
— 15 въздрѣми = Зах. Стеф. Перф. Оф. (въздрѣми) (Лобк.
въздрѣмлѣи).
— 17 ѿ̄ клепце=Оф. (Стеф. Зах. Перф.) (Лобк. ѿ̄ клепчл).
— 17 Бюди=Зах. Оф. Стеф. Перф. (Лобк. Иди).
165,23 или=Перф. Ляп. (Лобк. ли).
166, 7 кгда же=Перф. Оф. Ляп. (Лобк. когда).
— 8 мало же сѣдиши=Зах. Стеф. Перф. Ляп. (Лобк. мало
оубо спиши).
167,20 съставлѣкътѣ=Зах. Стеф. Оф. (Лобк. ставлѣеть).
— 4 праведню=Зах. Перф. Оф. Ляп. (Лобк. праведнѣн).
168,10 твоюкѣ=Зах. Стеф. Оф. Ляп. (Лобк. своета?).
— 19 Ахаза=Зах. Стеф. Ляп. (Лобк. Ахазовы).
169,21 Расонь=Зах. (Лобк. Расонь).
— 5 колеблетсе=Ляп. (Лобк.=Григор. двигнетъ сл).
170,7—8 гнаафешва=Стеф. (Лобк.=Григор. гнафешва).
173,14 сп̄ли=Зах. (Лобк.=Григ. исполи).

Наконецъ, остается указать тѣ различія сербскаго списка, которыя не находятъ себѣ параллели въ иныхъ спискахъ, и которыя, по скольку они не оправдаются неизслѣдованными списками, надо будетъ признать индивидуальностью № 300:

- 148 — 149 опущено приводимое Григор., Лобковскимъ и остальными: а сладкое горко.
155,14 безоумиѣ своѣ (всѣ только: безоумиѣ).
— 14—15 своѣмоу другоу (—свои другъ).
159,31 вюдѣтъ жителіѣ (вѣдетъ жителѣ).
161,22 лѣтъ .р̄. ч̄ (.п̄. лѣ̄).
162,26 клинаниѣ (каннановѣхъ).

¹⁾ По Захарьинскому.

²⁾ Въ Григоров. между л. 28 и 29 не достаетъ листовъ; въ изданіи пропускъ восполненъ по Лобковскому.

163,22 ѿ. сътъ и ѿ ѿ. (.ѿ. съ. ѿ. ѿ.).

164,12 на свои друугъ (за свои друугъ).

169, 6 Иасоувъ (Асоувъ).

Такимъ образомъ, пересмотрѣнные разночтенія бѣлградскаго списка XIII в. дополняютъ наши свѣдѣнія по исторіи текста паримейника, если не крупными фактами, то болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями; во всякомъ случаѣ, списокъ № 300 долженъ занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для этой исторіи; поэтому, весьма было бы желательно, чтобы издатель паримейника ввелъ его въ число своихъ вариантовъ.

Не малый интересъ съ той же точки зрѣнія — исторіи текста — представляетъ и второй изъ бѣлградскихъ списковъ, № 86. Въ этомъ отрывкѣ сохранились слѣдующія париміи:

л. 1. Въ четвергъ 3-й нед. поста, вечерня (отъ Бытія, VII, 11—24)=№ 162, 27d.

л. 2. Въ четвергъ 3-й нед. поста, утрена (Притчъ X, 1—22)=№ 162, 28с.

л. 3 об. Пятница 3-й нед. поста, утрена (Исаиі XIII, 2—13)=№ 162, 32а.

л. 5. Пятница 3-й нед. поста, утрена (Бытія VIII, 4—21)=№ 162, 33а—b.

л. 6. Пятница 3-й нед. поста, утрена (Притчъ X, 31, 32; XI, 1—12)=№ 162, 33d.

Далѣе, передъ листомъ 8, пропускъ одного листа; на л. 8 конецъ переміи (Понед. 4-й нед., вечеръ)..... тью кзыкомъ бѣлвникъ же на главѣ полагаюшоумюу. дѣлакъ бѣгата ницѣтъ бѣлти бѣги. искоушаго зла зло постигнѣтъ... оуста же права избавѣтсе.... (Притчъ XI, 26—31, XII, 1—6).

л. 8 об. Вторникъ, утрена 4-й нед. поста (Исаиі XXV, 1—9).

л. 9 об. Вторникъ, вечерня 4-й нед. поста (Бытія IX, 8—17).

л. 10 об. Вторникъ, вечерня 4-й нед. поста (Притчъ XII, 8—22).

л. 11 об. Среда, утренняя 4-й нед. поста (Исаиѣ XXVI, 21; XXVII, 1—9).

Послѣ этого недостаетъ одного листа; на л. 12 конецъ париміи (среда, веч. 4-й нед., Быт. IX, 23—X, 1): и возложиста. на шбѣ рамѣ свои. идоста шпаки. и покроста наготову шца своего... сиже соуть житиѣ снѡвъ нокевъ. сѣмь хамъ и афѣтъ и родишесѣ имь снѡве по потопѣ.

л. 12 об. Среда 4-й нед. поста (Притчѣ XII, 23—28; XIII, 1—8).

л. 13 об. Четвергъ 4-й нед. поста, утренняя (Исаиѣ XXVIII, 14—22).

л. 14 об. Четвергъ 4-й нед. поста, вечерняя (Бытіѣ X, 32; XI, 1—9).

л. 15. Четвергъ 4-й нед. поста, вечерняя (Притчѣ XIII, 20—26; XIV, 1—6).

л. 16. Пятница 4-й нед. поста, утренняя (Исаиѣ XXIX, 13—23).

л. 17. Пятница 4-й нед. поста, вечерняя (Бытіѣ XII, 1—7).

л. 18. Пятница 4-й нед. поста, вечерняя (Притчѣ XIV, 15—26).

л. 19. Понедѣльникъ 5-й нед. поста, утренняя (Исаиѣ XXXVII, 33—38; XXXVIII, 1—6).

л. 20. Понедѣльникъ 5-й нед. поста, вечерняя (Бытіѣ XIII, 12—18).

л. 20 об. Понедѣльникъ 5-й нед. поста, вечерняя (Притчѣ XIV, 27—35; XV, 1—4).

л. 21 об. Вторникъ 5-й нед. поста, утренняя (Исаиѣ XL, 18—31).

л. 23. Вторникъ 5-й нед. поста, вечерняя (Бытіѣ XV, 1—15).

л. 24. " " " " " (Притчѣ XV, 7—20).

Париміѣ обрывается словами: добри же безоумльвьствоуютъ выноу. лоуче мало честь бо га... (Притчѣ XV, 16); между л. 24 и 25 листа не достаетъ; на л. 25 конецъ пареміи на среду 5 нед. поста, утренняя (Исаиѣ XLI, 10—14): се съ тобою ксьмь.

НЕ БЛАДИ АЗЪ ВО КСЬМЬ С ТОВОЮ. И БѢ ТВОИ ОУКРѢПЛЕН ТЄ... АЗЪ
КСЬМЬ ПОМОЧЬ ТЄБѢ ГЛѢТЬ ГЬ. ИЗБАВААКИ ТЄ СТИ ИЗЛѢВЬ.

л. 25 об. Среда 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XVII,
1—9).

л. 26. Среда 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XV, 20—
33; XVI, 1—9).

л. 27. Четвергъ 5-й нед. поста, утренняя (Исаиі XLII,
5—16).

л. 28. Четвергъ 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XVIII,
20—33).

л. 29. Четвергъ 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XVI,
17—33; XVII, 1—17).

Пармія безъ конца, вслѣдствіе пропажи листка между
л. 30 и 31; обрывается словами: послѣдніа же ихъ зреть въ
дно адоу мужь въ троудѣхъ троужаѣтсе. Л. 30 начинается: дахъ
нбо. азъ всѣ... (залито и выцвѣло: не читается) повѣдахъ. азъ
возвнгохъ съ правдою ѿре. и вси поути кго правн... не посты-
дѣтсе не посрамлаютсе до вѣка. глѣть гь вседръжитель — чтеніе
на пятницу 5 нед., утренняя (Исаиі XLV, 13—17).

л. 30 об. Пятница 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XXII,
1—18).

л. 32. Пятница 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XVII,
17—28; XVIII, 1—5).

л. 33 об. Понедѣльникъ 6-й нед. поста, утренняя (Исаиі
XLVIII, 17—22; XLIX, 1—4).

л. 35. Понедѣльникъ 6-й нед. поста, вечерня (Бытія
XXVII, 1—41).

Пармія обрывается на словахъ: и дасть..... (стерлось;
не читается) же ствари (л. 35 об.); этими словами кончается
рукопись.

Эти парміи не находятся еще въ изданіи Григоровичева
паримейника въ его первыхъ двухъ выпускахъ; поэтому опредѣ-
лить точно отношеніе № 86 къ этому и другимъ, вошедшимъ въ
изданіе, пока не представляется невозможнымъ; приблизительно
же опредѣляются эти отношенія черезъ № 162 бѣлградской

же библиотеки, такъ какъ этотъ послѣдній списокъ, какъ увидимъ изъ его обзора, довольно близокъ къ Лобковской группѣ; съ описываемымъ же, № 86-мъ, онъ имѣетъ общихъ пять чтеній (они отмѣчены выше). Въ этихъ предѣлахъ можно себѣ представить особенности № 86; а особенностей этихъ настолько много, что о № 86 приходится говорить, какъ объ особенной какой-то редакціи текста, возникшей, можетъ быть ¹⁾, путемъ радикальной справки стараго текста той группы, которую мы отличаемъ въ Лобковскомъ пар. сравнительно съ Григоровичевымъ. Для примѣра приведу цѣликомъ (строка въ строку и буква въ букву) первую изъ сохранившихся въ списокѣ паримію съ разночтеніями къ ней изъ № 162.

Ѱ бѣ. чѣ. а.

Бѣ въ шестисѣтнокъ лѣ. въ живо
тѣ ноковѣ. втораго мѣа. въ
из. ¹⁾ мѣа. въ днѣ ²⁾ Ѱврьзаюѣсе ³⁾
вси источники вѣзны ⁴⁾ и хлѣ
ви нѣныкѣ Ѱврьзошесе. и бѣ дѣжѣ
на земли .м. днѣ и .м. ноши.
и ⁵⁾ въ сѣ днѣ ⁶⁾ вѣниде ною. симъ хамъ
и апеть ⁷⁾. и ⁸⁾ снѣови нокови. и жена ною
ва. и три жени снѣовѣ ѣго с нимъ въ
ковчегѣ. и вси звѣрикѣ ⁹⁾ нарѣ ¹⁰⁾
и вси скоти народъ ¹¹⁾. и всакъ
гадъ двнзакѣсе по землѣ ¹²⁾ и всака
птица ¹³⁾ народъ ¹⁴⁾ и вѣндоу ¹⁵⁾ къ ною
ви въ ковчегѣ. дѣюк. двѣюк. Ѱ вѣса(ко)
къ плѣти въ неже ѣ дхѣ животнѣ
и вхѣдещекѣ ¹⁶⁾ моужьски поль и же
нскѣ. Ѱ всакоу плѣти вѣнидоше ¹⁷⁾
къ нокови ¹⁸⁾ такоже заповѣда гѣ бѣ.
л. 1 об. .мокви. и затвори гѣ бѣ вѣнеоуду ¹⁹⁾

¹⁾ Говорю: „можетъ быть“, не зная, въ какомъ отношеніи стоятъ № 86 къ старшему тексту—Григоровичеву.

ꙗго ковчегъ. ꙗ въ потопь .м̄. дн̄и
 ꙗ .м̄. ношн̄и на земл̄и ²⁰⁾ ꙗ оумн̄
 жисе вода ꙗ възетсе ²¹⁾ ковчегъ. и
 възетсе ²²⁾ ꙗ землѣ. ꙗ ѡдържаше и ²³⁾
 вода. ꙗ множашесе ²⁴⁾ на земл̄и зѣ
 ло ²⁵⁾. ꙗ ношашесе ²⁶⁾ ковчегъ връху
 воды ²⁷⁾ вода же ѡдържаше зѣло
 на земл̄и. ꙗ покри ѡсе горн̄ высо
 киѣ. ꙗже вѣху ²⁸⁾ подь нвѣсьмь.
 ѿ. лавть връху ²⁹⁾ възнѣ се ³⁰⁾ вода
 и покри ѡсе горн̄ высокиѣ ³¹⁾ ꙗ ѱ
 мрѣть всака плѣть дви
 жоуцигасе ³²⁾ по земл̄и. пт̄и
 цѣ ꙗ звѣрь ꙗ скоть ³³⁾ и всаки
 гады прѣсмькающисе ³⁴⁾ по зе
 мли. и всаки члѣкъ ꙗ всачьска
 га ³⁵⁾ ꙗлико имать дьханиѣ жи
 вотноѣ. ꙗ все ꙗлико вѣху ³⁶⁾
 соуци ³⁷⁾ оумрѣть ³⁸⁾. ꙗ потрѣви
 се ѡсе возвиженіѣ ³⁹⁾ ꙗже въ ⁴⁰⁾
 л. 2. на лицѣ всѣхъ земл̄и. ꙗ члѣка до ⁴¹⁾
 скота ꙗ гады и пт̄ицѣ нвн̄ихъ.
 и потрѣвишесе ꙗ землѣ. ꙗ ѡста
 ꙗдинь ноѣ ⁴²⁾ ꙗ соуци ⁴³⁾ с нимь въ
 ковчезѣ. ꙗ възнесесе ⁴⁴⁾ вода надь
 землею ⁴⁵⁾ .рн̄. дн̄ей ⁴⁶⁾ ::

Варианты изъ № 162 (л. 27d — 28b): 1) въ седм̄и и
 двадесети мѣа; 2) *добавл.* тыи; 3) развѣрзошесе; 4) безнѣ; 5) *нѣтъ*;
 6) въ дн̄ь тыи; 7) афеѡ; 8) *нѣтъ*; 9) *добавл.* земл̄ьнии; 10) по
 родоу; 11) по родоу; 12) ꙗ вси гади прѣсмькающисе и движа
 ющисе на земл̄и по родоу; 13) *добавл.* перната; 14) перната;
 15) видѣ; 16) ѡсходѣша; 17) видѣ; 18) въ ковчегъ; 19) ѡз
 вьноу; 20) по земл̄и; 21) възетъ; 22) възвысисе; 23) *нѣтъ*;
 24) оумножашесе; 25) зѣло на земл̄и; 26) възвышашесе; 27) на
 водою; 28) вѣше; 29) *нѣтъ*; 30) възвысисе; 31) *нѣтъ*; 32) дви-

закъмаа; 33) птицъ и скотовъ и звѣрей; 34) движелѣи; 35) вѣсе; 36) вса ѣлика вѣше; 37) на соуши; 38) оуморѣше; 39) всако съзаніе; 40) ѣже вѣше; 41) даже до; 42) ноѣ ѣдинь; 43) и иже; 44) и възвысисе; 45) по землі; 46) днѣи .рѣи.

Изъ приведенныхъ варьянтовъ обращаютъ на себя вниманіе тѣ, которые съ большой вѣроятностью можно счесть не случайностью, не разницей списковъ по времени ихъ написанія, а редакціонными различіями, проходящими чрезъ чтеніе систематически; таковы, напр., 10, 11, 12 (по родоу—народу), 20 (по землі—на землі), 22, 30 (възвысисе—възѣтсе), 39 (съзаніе—възвѣженіе), 43 (и иже—соуши) и т. д. Наконецъ, въ № 162 объемъ пареміи больше, нежели въ № 86: за послѣдними словами № 86 въ № 162 читаемъ: и помену бѣ нога. и все звѣре и все скоти и все птице и все гадови. и вса ѣлика вѣше съ нымъ въ коѣчезѣ. и наведе бѣ дхъ на землю и прѣста вода. и затворишесе источници безнѣ. и хлѣби нѣнык. и съласе дѣжъ съ нѣсе и выдаашесе вода. исхѣдеція ѿ землѣ. и оумалашесе вода по .рѣи. днѣхъ (Быт. VIII, 1—3).

Если мы возьмемъ слѣдующую паримію (Притчъ X, 1—22), то увидимъ тоже соотношеніе; для наглядности выпи-сываю только различія.

№ 86.	№ 162.
избавить	избавляють
заморить	оуморить
праведныхъ	праведного
погибнеть	ѿвратить
смѣрять	смѣрають
встанливыхъ ѿбогашаютьсе	моужествныхъ ѿбогатеѣсе
безоумнаго же слоугоу приметъ	не моудромоу же слоугоу по- тѣвоукъ.
спсѣтсе	спсѣ се
снѣ разоумивъ	снѣ разоумнъ
жетѣвъ	въ жетвоу
снѣ законопрѣстоупнъ	снѣ беззаконнъ
нечѣстиваго	нечѣстивыхъ

покрієть	шставєть
праведникъ съ похвалами	праведнаго съ похвалою
и мужь	имє же
шровени	покрвєнїи же
шстрьпѣакъ	запинає
ходить	шштвоуютъ
не оутантсе	познанъ боудєть
скрѣвь	печаль
не швинюуете	съ дръзновєннїемъ
смѣряєть	съмирєннїє творить
животнѣ	жизны
възнєнавїдѣннїє	нєнавїсть
се же не выпрѣки глѣцє	вьсе же не любовьрѣцу
износить	прїноситъ
мужа срѣдна	мужа грѣшна
не шпасиваго	вєзшчїваго
стоужєннїє	стєжанїє
нєчѣстивыѣхъ пагоуба	нємощнїхъ нїцєта
поути животннїє	поути жїзньннїє
блудить	прѣльщаєть
кєтви	оукорнннїє
вєзоумнї	нєсмѣслннїє
разоумнѣ боудєть	разоумнѣ боудєши
срѣцє же нєчѣстїваго нєчєзнєть	срѣцє же нєчѣстївыѣхъ потрѣбїтсє
оумѣютъ	вѣдєть
и вєзумнїхъ вѣ нїцєтѣ конча-	нєсмѣслннїи же вѣ лїшенїи скон-
ютсє	чаютсє
шбѣацаєть	богатить
нє имать приложитсє	нє приложитсє
печаль	скрѣвь

Въ остальныхъ аналогичныхъ паримьяхъ находимъ тоже отличіе въ передачѣ одинаковыхъ выраженій греческаго оригинала различными словами, тоже различіе въ чтеніяхъ, объясняемое, можетъ быть, вариантами въ самомъ оригиналѣ. Ясно, мы имѣемъ дѣло съ какой-то справой текста, справой

довольно древней, судя по времени, къ которому относится № 86 (XIV—XV в.). Лексическія особенности этого списка не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія; самостоятельность его въ этомъ отношеніи напоминаетъ нѣсколько отношеніе Саввиной книги къ остальнымъ евангельскимъ текстамъ; конечно, только напоминаетъ, но едва ли можетъ быть сочтена параллельнымъ явленіемъ; во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ извѣстныхъ списковъ паримейника не представляетъ такого отклоненія отъ общаго типа, какъ № 86. Въ этомъ, думается, значеніе его для будущаго историка паримейнаго текста.

Послѣдній изъ бѣлградскихъ списковъ—№ 162—уже не представляетъ въ чтеніяхъ такихъ отличій, подходя болѣе или менѣе къ обычному типу, если исключить длинныя указанія (изъ тріоды), о которыхъ была рѣчь выше. По составу, это—также отрывокъ. Начинается онъ съ отрывка паримія на утреню пятницы 2-й недѣли поста (Исаіи VII, 1) ¹⁾ по изд. Р. Θ. Брандта, II, 169, 1. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ изданному тексту до самаго конца этого текста, но только на пространствѣ двухъ паремій: дальнѣйшее еще не вошло въ изданіе:

л. 12а. Понедѣльникъ 3 недѣли поста, утренняя (Исаіи VIII, 13—22; IX, 1—7).

л. 13а—b. Понедѣльникъ 3 недѣли поста, вечерня (Бытія VI, 9—22).

л. 13d. Понедѣльникъ 3 недѣли поста, вечерня (Притчъ VIII, 1—21).

л. 17b. Вторникъ 3-й недѣли поста, утренняя (Исаіи IX, 9—21; X, 1—4).

л. 18с. Вторникъ 3-й недѣли поста, вечерня (Бытія VII, 1—5).

л. 18d. Вторникъ 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ VIII, 32—36; IX, 1—11).

л. 22b. Среда 3-й нед. поста, утренняя (Исаіи X, 12—20).

---

¹⁾ Начинается съ того мѣста, гдѣ, послѣ пропуска, начинается и текстъ Григоровичева пар. (л. 29—33).

л. 23b. Среда 3-й нед. поста, вечерня (Бытія VII, 6—9).

л. 23с. Среда 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ IX, 12—18).

л. 26d. Четвергъ 3-й недѣли поста, утрена (Исаи XI, 10—11; XII, 1—2).

л. 27d. Четвергъ 3-й недѣли поста, вечерня (Бытія VII, 11—24; VIII, 1—3).

л. 28с. Четвергъ 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ X, 1—22).

л. 32d. Пятница 3-й недѣли поста, утрена (Исаи XIII, 2—13).

л. 33d. Пятница 3-й недѣли поста, вечерня (Бытія VIII, 4—21).

л. 33d. Пятница 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ X, 31—32; XI, 1—12).

л. 34с. Суббота 3-й недѣли поста, утрена ¹⁾.

л. 40a. Суббота крестопоклонной недѣли, вечерня (Бытія XII, 1—7).

л. 40с. Суббота крестопоклонной недѣли, вечерня (Притчъ XIV, 15—26).

Это послѣдняя пармія отрывка — Привожу разночтенія этого списка съ печатнымъ изданіемъ пр. Брандта, отгѣчая (въ скобкахъ) списки, съ которыми разночтеніе № 162 совпадаетъ; въ первомъ столбцѣ текстъ Григоровичева пар., во второмъ разбираемаго.

169, 2 И вѣста вѣи — И възвѣстите (Ляп.).

— 3 Арамъ — Араамъ (Лобк. Ляп. Бѣлгр.) ²⁾

— 4 ѣкоже — имже шобразомъ (Ляп.).

— 5 авнигетъ сѣ — колѣблетсе (Ляп.).

— 6 штавакнзи ³⁾ — штаваши (Ляп.).

170, 7 взиниѣего — горинааго (Ляп.).

— 8 сѣхрани сѣ — сѣхрани (Ляп. Оф. Стеф.).

¹⁾ Пармія нѣтъ: пропускъ въ рукописи листовъ.

²⁾ Обозначаю такъ бѣлградскій № 300.

³⁾ Принимаю конъектуру Р. Брандта.

- 170,10 ѿ двою дрѣвою, главнѣма коурѣцима съ има — ѿ шбою
 главню дыжешнхсе снх (Ляп. Зах. Оф. Стеф.) ¹⁾.
 — 13 зълз — лоукавь ²⁾.
 171,19 погзвлетъ — погывнеть (Ляп. Лобк. Стеф. Оф. Перф.).
 — 22 имете — иматѣ (Лобк. Ляп.).
 — 23 Ахазови — ахазоу (Зах.).
 — 23 испроси — проси (всѣ).
 — 24 оу Гѣ бѣ своего — ѿ гѣ бѣ твогго (Ляп.).
 — 25 въпросити — просити (всѣ).
 — 26 слзшите — слыши (Ляп.).
 — 28 како Гѣи даете трѣдъ — како трѣдъ даете гоу (Ляп.).
 172, 4 по земли — на земли (Ляп. Зах. Оф. Стеф. Перф.
 Бѣлгр.).
 173, 7 ѿ — опущено (Ляп. Лобк. Оф. Стеф. Перф.).
 — 10 пльти — пльть (Ляп.).
 — 11 Споли — сполини (Ляп.).
 — 11 по земли въ тѣмъ дѣи — на земли въ дѣи шни (Ляп.
 Бѣлгр.).
 — 14 исполи — сполины же (Ляп.).
 — 16 члвчзскы по земли — члкомъ на земли (Ляп.).
 174,19 иже — ѣгоже (всѣ, кромѣ Ляп.).
 — 20 ѿ лица земли — ѿ землѣ (Ляп.).
 — 20 до скота — даже и до скота (Ляп.).
 — 20—21 до птицъ — даже до птицъ (Ляп.).
 — 22—23 прѣдъ Бѣгомъ — прѣдъ Гѣмъ (Ляп. Бѣлгр.).
 — 27 ѿврззи — ѿрини.
 175,29 шжжжели же — оѣложи к (Ляп.).
 — 30—31 бѣдетъ — да бѣудеть (Ляп.).
 — 31 егда — кгда же (Ляп. Оф. Перф.).
 — 2 заповѣди — заповѣдь (Ляп. Лобк. Зах. Оф. Перф.).
 — 2 пѣтне животоу — гоуть живѣтнъ (Ляп. Зах. Бѣлгр.,
 ср. Лобк.).
 — 3 наказанню — и наказаніе (Перф. Ляп. Лобк. Бѣлгр.).

¹⁾ Совпадаетъ съ греч. τῶν δαλῶν τῶν καπνιομένων τούτων.

²⁾ Чтеніе принято современнымъ печатнымъ текстомъ.

- 175,⁵⁻⁶ да не оудоблѣтъ ти похоть тоуждеж доброты — да не повѣднѣтъ (=Ляп.) тебѣ доброты желаниѣ.
- 176, 6 ни оуделѣвиз — нѣн же (=Ляп.) оуоловлень (всѣ).
- 8 люводѣицѣ — блудници.
- 9 честны — чьстнымы (Ляп. Оф.).
- 11 съжежетъ — съжет ли (Ляп. Оф. Перф. Стеф. Тих.).
- 11 или настѣпнѣтъ кто на ѡгль — или настѣпнѣтъ кто на оуѣглиѣ ѡгньны (Лобк. Перф. Ляп.).
- 177,¹⁵ аще впадетъ кто крады — аще имоуть кого крадоуца (Ляп.).
- 16 дшѣ — дшоу свою (Перф.).
- 16 впадетъ — выпдетъ (Ляп. Зах. Оф. Перф. Тих.).
- 22—23 пощадѣ — пощедитъ (Ляп. Зах. Оф. Перф. Лобк. Стеф. Тих.).
- 23 не оулажетъ же — ни измѣнитъ (Ляп. Зах. Лобк. Оф. Стеф. Перф. Бѣлгр.).
- 178,²⁵ дарзи — дарѣми (Ляп. Оф. Стеф. Лобк.).

Изъ приведенныхъ разночтеній видимъ, что разбираемый списокъ по чтеніямъ ближе всѣхъ стоитъ къ Ляпуновскому (1511 года), и вмѣстѣ съ нимъ даетъ рядъ сближеній съ современнымъ печатнымъ правленнымъ текстомъ, т. е. онъ вмѣстѣ съ Ляпуновскимъ принадлежитъ къ той поздней версїи, которая легла въ основу печатнаго изданія; съ другой стороны, онъ показываетъ, что и русское печатное изданіе связано съ юго-славянскою поздней справою текста. Эта связь подкрѣпляется еще нѣсколькими примѣрами, гдѣ сербскій текстъ совпадаетъ съ современнымъ печатнымъ, отклоняясь отъ Ляпуновскаго и прочихъ; таковы:

- 174,²⁷ Снѣ, храни законы (=печ.) — храни снѣ законѣ (Григор. и остальн.)
- 176, 7 вѣждама (=печ.) — вѣкомѣ (Григор. и проч.)
- 177,²⁰ безъчьстик (=печ.) — досаждениѣ (Григор. и проч.)

Какъ видимъ, даже поверхностное изслѣдованіе сербскихъ списковъ, каково приведенное выше, дало рядъ не лишенихъ интереса чертъ для исторїи паримейнаго славянскаго текста. Полагаю, что болѣе полное изслѣдованіе еще болѣе

въ началѣ и концѣ тетрадей, помѣты), писецъ, начиная съ Царствъ, начинаетъ вновь счетъ тетрадей, а не продолжаетъ прежній. Послѣ книги Руфь—отдѣльная записъ, какъ въ концѣ рукописи: *Сіе книги бытіа нѣбу и земли.... и въ тѣи днь їзѣдоша ѡпрѣснѣкы носеще.* (тетр., лѣ, листъ 5). На слѣдующемъ листѣ, оставленномъ пустымъ, рисунокъ: кругъ, въ немъ рука съ цвѣткомъ; около руки записъ: *четырѣми врѣна крѣ лѣтѣ вѣнчѣа—в лѣтѣ заче—(7065—1557) ¹⁾*. Въ кругѣ записи: *лѣто - маѣа в сѣ-пролѣтѣе зѣма (крестъ-на-крестъ)* Направо вверху вѣн круга изображение (символическое) солнца съ подписью: *слнѣце въ ѡблѣстѣ днѣи:—налѣво—луна съ подписью: лѣтѣ и звѣзды въ ѡблѣстѣ нѣ.* Наконецъ, ниже круга налѣво: *зачелѡ вѣсна пролѣтѣе глѣтсе.* Въ слѣдующихъ книгахъ Царствъ мелкимъ письмомъ въ самомъ текстѣ и на поляхъ замѣтки-толкованія, съ частыми ссылками на Симмаха и др. (Симѣ же глѣтъ). То же самое мы находимъ въ Григоровичевомъ спискѣ Восьмикнижія (Рум. муз., № 1684) и въ отдѣльномъ спискѣ Царствъ Новороссійскаго у-а (М. Г. Покруженко, у. с., стр. 41). Къ этимъ краткимъ бѣглымъ замѣткамъ можно добавить, какъ индивидуальность рукописи, замѣтки писца; такъ, въ книгѣ Судей (тетр. кѣ, лист. 4), пропущены гл. II, 20—IV, 8; для нихъ оставлены пустыми два листа, почему и записано: *здѣ ѡ кѣта (въ концѣ текста гл. II, 20, постановленъ крестикъ) два листа сѣт изгинѣла ѡ книгѣ. сѣдинскон і сѣта шрѣщетъ да се взпншѣтъ.* Правописание списка тоже, что въ Григоровичевомъ, т.-е. уже подъ вліяніемъ реформы Константина философа (Костеньскаго), т. е. съ надстрочными значками и удареніями на болгарскій манеръ, съ *з* въ предлогахъ и т. д. Во всякомъ случаѣ подобныя списки, какъ встрѣчающіеся не часто, заслуживаютъ вниманія; поэтому и нашъ списокъ.

Новозавѣтные тексты—главн. обр. евангельскіе—изобилуютъ въ бѣлградской библіотекѣ: если Г. А. Воскресенскій

¹⁾ Или 7060—1552, если *е* не относится къ цифрѣ, а къ окончанію прилаг. числительнаго.

насчиталъ въ ней 32 списка ¹⁾, то мнѣ пришлось отмѣтить и частью пересмотрѣть болѣе 40 текстовъ. Цѣлью пересмотра нѣкоторыхъ списковъ было дополнить матеріалъ для исторіи евангельскаго текста, собранный въ изслѣдованіи проф. Воскресенскаго; кромѣ дополненія матеріаломъ, трудъ проф. Воскресенскаго нуждается и въ провѣркѣ, такъ какъ многое оказывается или голословнымъ, или—главное—не опѣненнымъ филологически. Въ этомъ пришлось убѣдиться, просматривая (по порученію Академіи Наукъ) трудъ почтеннаго изслѣдователя. Имѣя въ виду въ иномъ мѣстѣ воспользоваться собранными наблюденіями, ограничусь здѣсь только немногими указаніями, которыя могутъ представлять интересъ сами по себѣ и не имѣютъ мѣста въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ мнѣ приходилось касаться, изучая и разбирая „Характеристическія черты ев. отъ Марка.“ Пересматривая преимущественно поздніе (XV—XVI в.) списки евангелія, какъ наиболѣе важные для уясненія слабо разработаннаго у Г. А. Воскресенскаго вопроса о нашей четвертой редакціи евангелія, именно по связи ея съ т. н. тръновскими и ресавскими изводами, я не могъ оставить безъ вниманія и старые списки: эти послѣдніе дають любопытный матеріалъ для исторіи языка и палеографіи. На этихъ старыхъ спискахъ я и остановлюсь здѣсь.

№ 69. Отрывки на пергаминѣ, 46 л., евангелія—апракоса XIII в.; писаны небрежнымъ уставомъ по 22 строки на страницѣ. Краткія замѣтки о составѣ и языкѣ этого отрывка сдѣланы Г. А. Воскресенскимъ (Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ, Спб. 1882, стр. 51). По редакціи текстъ слѣдуетъ отнести къ первой, принимаемой Г. А. Воскресенскимъ ²⁾. Главный интересъ отрывокъ представляетъ своими формами.

Дополняю замѣтки о нихъ Г. А. Воскресенскаго. Текстъ болгарскій; помимо общераспространенной смѣны ѿ и ѡ, въ немъ находимъ:

¹⁾ Характерическія черты ев. отъ Марка (М. 1898), стр. 60.

²⁾ Характеристическія черты четырехъ редакцій св. Марка.

1) оу вм. ѡ: глѣхоу (3 pl.) 21 об., выпрашахоу 22; азь пию 22 об., крѣпоусѣ 22 об., вѣлоу 21 об., трѣплоу 21 об. Ср. П. А. Лаврова, Обзоръ звуковыхъ и формальн. особенностей болгарск. языка. М. 1893, стр. 22).

2) є вм. ѡ: придоше (3 pl.) 19 об., чедо 19 об., сѣдеще 19 об., глѣ (part. praes.) 21 об., теще (part. praes.) 21 об., видеть (3 pl.) 21, начешѣ (3 pl.) 23. (Ср. Лавровъ, у. с., стр. 29).

3) є вм. ѣ: нема 20, 21, немиє 20 об., в силе 21 (Ср. Лавровъ, 65).

4) ѣ вм. ѡ: грѣди 22, проужавѣ 21 об. (Лавровъ, 30).

5) Весьма частое употребленіе ѣ вм. є: мѣжду 20, къ нѣмоу 19 об., на морѣ (асс.) 20, вѣсь 20 об., всѣ (sg. neutr.) 20 об., вѣлоу 21 об., привѣдошѣ 20, изидѣ 20, 21, изба-влѣніє 23. Особнякомъ стоитъ форма: мнѣ=мене (ассис.), 20 об. (два раза).

6) Обоюдная смѣна ѡ и з: имѣще 21 (Ср. Воскресенскій, 51), въздѣхнѣ 20 (Ср. Лавровъ, 17).

7) Смягченіе и несмягченіе губныхъ плавнымъ +j: шсла-бѣнь 19 об. и шслабѣноу 20 (Ср. Лавровъ, 96).

8) Твердость л (Лавровъ, 102—103): славлахѣ 20, ди влахѣсѣ 20 об..

9) Рядомъ съ обычнымъ ѡ вм. ѡ (ѡзыка 22, сѣ (сѣ) 20 об.) находимъ странное: мѣ вм. мѡ 21, и єзика 20 (Ср. Лавровъ, 31).

10) Взаимная смѣна ы и и не часта: слншать 20 об., немиє 20 об., єзика 20.

11) Обращаютъ на себя необъяснимыя для меня формы съ ѡ вм. є органическаго: глѣшѣ 19 об., сѣлѣшѣ 19 об., начешѣ 23 (3 л. ед. ч.), глѣтѣ 21 (=глѣте), прокопавшѣ (=вѣше) 19 об..

12) Крімъ указаннаго Г. А. Воскресенскимъ: невѣрствїи 21 об. (съ о вм. ю), можно отмѣтить: вѣроящомоу 21 об., гдѣ видимъ, сверхъ о=ю, замѣну оу черезъ ю (Ср. Лавровъ, 117).

Въ виду интереса по языку описываемаго отрывка при-

вожу изъ него небольшое чтеніе для образца (л. 19 и об.) (Марка I, 35—44).

Ѡ мр̄. гла .зѠ.

Въ врѣ Ѡ. въставъ ісь

изиде въ поустое мѣсто мѣтвъ дѣлаше

и глаше симонь ¹⁾ иже въ хлѣ с нимь. и шврѣ .

тшѣ ²⁾ глашѣ ємоу. тако всѣи ищѣтъ тебе. и

гла имъ идемь ³⁾ въ ближнѣя всѣи ⁴⁾ и гра

да и тоу проповѣ. на се бо изидохъ. и бѣ прѣ-

повѣдаѣ на сыннищѣ ихъ. въ всѣи гали-

леи. всѣи изгонѣ ⁵⁾. и приде къ немуу про-

кажении мѣтвъ и. и на колѣноу пѣе ⁶⁾. и гла

ємоу. тако аще хоцеши гѣ. можеши мѣ

ты ⁷⁾ изчистити. ісь же мѣрдовавъ. про-

стръ рѣжѣ и коснѣ и. и гла ємоу хоцѣ

исчисти ти ⁸⁾ сѣ. и рече ⁹⁾ ємоу абие ѡти-

де проказа Ѡ него. исчистисѣ и чѣтъ бѣ

и запрѣшашѣ ¹⁰⁾ ємѣ изгна и. и гла ємѣ блю-

ди никомуже ничесоже не рѣци. нь шѣ

покажисѣ ¹¹⁾ єрѣшви. и принеси за ѡчище-

ние твое. ꙗкоже повѣлѣ монси. въ свѣ-

тельство имь.

№ 63. Полный апракосъ, болгарскаго письма, XII—XIII в. Эта рукопись отмѣчена Г. А. Воскресенскимъ (Слав. рук., 50—51) и подробно разобрана В. И. Ламанскимъ (О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, Спб. 1864 г., стр. 2—19). При характеристикѣ языка В. И. Ламанскимъ осталась не замѣченной одна, не лишенная значенія черта,—прибавка евфоническаго *ѡ* въ началѣ слова: вѣжемь, вѣжи, вм. ѡжемь, ѡжи (Марка V, 3 и 4). Не лишена интереса и форма втораго л. ед. ч.: движешъ (л. 64 об.).

¹⁾ Ошибка: слѣд. гласъ (Галицкое гласъ — Воскр., 108). ²⁾ т. е. шврѣтшѣ. ³⁾ т. е. идѣмъ. ⁴⁾ т. е. къ(в)си. ⁵⁾ т. е. изгона. ⁶⁾ падма (Мар. Ев. и пр.). ⁷⁾ Натъ ни въ одномъ спискѣ. ⁸⁾ Длшнее. ⁹⁾ т. е. речешов. ¹⁰⁾ запрѣшѣ (Мар. и др.). ¹¹⁾ т. е. сѣ (сѣ).

№ 426. Отрывки ¹⁾ изъ *четвероевангелія*, сербскаго, половины XIV в., въ 4^о на пергаминѣ, по 18 строкъ на страницѣ. Рукопись сильно пострадала отъ времени, лишившись начала и значительной своей части; кромѣ того, листы въ массѣ внизу объѣдены. Сохранились только: Маттея ев., начиная съ XIII, 6, Маркъ съ I гл. по начало 24 стиха VIII гл.

Письмо отличается архаичностью приемовъ и оригинальностью въ заставкахъ: передъ евангеліемъ отъ Марка и его главами (числомъ 47) витая заставка изъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ жгутовъ; передъ самымъ евангеліемъ заставка изъ круговъ съ киноварнымъ простымъ заглавіемъ, прокрытымъ желтой краской, такая же простая киноварная заглавная буква, покрытая желтымъ цвѣтомъ—архаичный приемъ (см. Е. Θ. Карскій Изъ лекцій по славянской палеографіи. Варшава 1897, стр. 56).

По чтеніямъ текстъ долженъ быть отнесенъ къ первой редакціи, при чемъ онъ важенъ тѣмъ, что замѣчательно близко стоитъ къ Галицкому евангелію, представляя т. о. до извѣстной степени ту промежуточную редакцію, которая была еще на югѣ славянства (въ Болгаріи) и дала начало тому типу, который на русской почвѣ представленъ Галицкимъ текстомъ. Привлеченіе этого текста, замѣчательнаго по архаичности, внесло бы болѣе точности въ изслѣдованіе Г. А. Воскресенскаго о редакціяхъ евангелія.

Текстъ отличается обиліемъ древнихъ полныхъ формъ, правильностью ихъ употребленія: крыщаахоусе, слоужаахоу, ѡставлааше,—галилскааго, нечистымъ, вишнааго (Mr. V, 7), бѣсноѡмоу (Mr. V, 16); но супина уже не замѣтно. Встрѣчаются краткія формы прилагательныхъ: нечистомъ, неоумвенѣма (Mr. VII, 2). Съ другой стороны пробиваются уже и діалектическія (сербскія) формы въ видѣ смѣшенія ы и и: илни, митарь, пастира ²⁾ (Mr. VI, 34), — караблы, (Mr. V, 21), гоугнывь (VII, 32), зѣмлы (VIII, 6); хотя мягкость и твер-

¹⁾ Поступили въ библіотеку въ 1890 г. черезъ Ст. Новаковича, купившаго ихъ въ Константинополѣ за 100 франковъ, какъ отмѣчено въ каталогѣ.

²⁾ Сюда же относится: разграбты (III, 27), при чемъ надъ ы поставлено і.

дость р и л чувствуется (творнаме), но кое-гдѣ видимъ уже отвердѣніе мягкаго плавнаго: творахуу, постира, даже: пристоуплз ¹⁾ (ср. выше).

Встрѣчаемъ уже сербское, часто находимое позднѣе, удвоеніе гласнаго прѣглагоуу (Мр. V 21); случайно проскользнула уже форма: су нега (Мр. V, 9).

№ 92. Четвероевангеліе босанское XIV в., то самое, изъ котораго Ю. Даничичъ подвелъ различіенія къ Никольскому ев. въ своемъ изданіи. Въ общихъ чертахъ оно имъ и описано; у Воскресенскаго отмѣчено въ его „Характерическихъ чертахъ“ (стр. 20; обозн. А, 11.). Снимокъ, приложенный къ изданію Даничича, даетъ удовлетворительное представленіе объ оригиналѣ; только, сравнительно съ нимъ, онъ грубѣе передаетъ начертанія, нѣсколько ослабляя тѣмъ впечатлѣніе, которое оставляютъ босанскіе старые тексты, отличающіеся тонкостью, изяществомъ своего мелкаго письма. Текстъ № 92 рассмотрѣнной преимущественно со стороны графики, отчасти языка, какъ типичный представитель босанскихъ старыхъ текстовъ, какъ извѣстно, составляющихъ особую группу въ палеографическомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи языка, сохраняя съ одной стороны архаичность чтеній, съ другой свободнѣе, нежели другія рукописи, давая заступъ живому говору.

Въ палеографическомъ отношеніи эта группа представляетъ весьма рѣзкія отличія отъ рукописей не-босанскихъ, сохраняя нѣкоторые приемы графики глаголическихъ рукописей. По составу также босанскій текстъ евангелія можетъ быть выдѣленъ въ особую группу: всѣ списки (Никольское ев., № 92, Гильфердинга, Хвалова рук., Сречковича и др.)—четвероевангелія (небольшаго формата): апракосовъ босанскаго письма мы не знаемъ. Можетъ быть, эти всѣ евангелія, съ ихъ особенностями въ чтеніяхъ, надо отнести, какъ показываетъ Хвалова рукопись (Болонская), къ богомилскимъ босанскимъ.

Вотъ какія особенности въ формахъ мною замѣчены въ ев. № 92:

¹⁾ Мр. I. 31; ѣ читается совершенно ясно: остатокъ оригинала?

а) смѣшеніе п и ф: филать 77 об., фити 13, — камѣпа 29, 31 об., носипь 36, парисѣне 35, 36. Сравни двѣ выдержки: не вѣста се чего простыца можета ли фити чашѸ юже имамъ азъ фити или крыщенне еже азъ крещаяюсе кръститисе глѣста емѸ можевъ в глѣ има чашѸ мою исфмѣта (л. 13);—и: питє Ѡ не вси се естъ кровь моѸ новаго завѣта пролѣваема за многє вѣ Ѡданнє грѣховъ. глѸ же вамъ тако не имамъ пити юже Ѡ сего плода лозьнаго до того днє е҃га пию с вами вѣ црѣтви о҃ца моего (л. 29 об.).

б) Широкое употребленіе л вм. глухаго, хотя и не проходящее послѣдовательно: мисалью 19, пришалца 20 об., црѣквиню, црѣквинимъ, дльжань 20 об., двари 26, 36, болань 28, таанань 26, дансь 33 об., вѣрань 26 об. (туть же: вѣрьнь), исповинань 34, вьназь (вьньзь) 35, вась (вьсь) 30, пришалъ 31, сыналъ 31 об., льстаць 36 и т. д.

в) Смѣшеніе ы и и, такъ какъ оба эти звука давно уже слились въ живой рѣчи: едынъ 20, рабина 32.

г) Смѣшеніе и и ѣ, какъ отраженіе различнаго произношенія старо-славянскаго ѣ; босняки стоятъ ближе къ и-кавказамъ: дивн (дѣвы) 28, дигашє 32, ѣзри (=ѣ, которое и написано на верху въ видѣ крестика) 39 об., сѣднѣше 32;—мѣра, мѣрѣ (мира, мирѣ) 27 об., 28 об., дѣвѣн (дивни) 39 об., достовнъ 39, събѣраю 27.

д) Народныя формы: боудє 28 об., ѡдри 31.

Эту группу явленій я отнесъ бы къ числу тѣхъ отклоненій отъ старославянскаго типа, которыя вызваны мѣстными условіями. Совершенно аналогичныя черты представляетъ и Никольское ев., и другія, упомянутыя выше. Къ этимъ чертамъ до навѣстной степени можно отнести формы съ твердымъ гласнымъ вмѣсто мягкаго послѣ плавнаго: нижнаго, земла 35, хотя надъ и и л стоятъ значекъ въ родѣ паерка: быть можеть, указаніе на мягкость этихъ согласныхъ? Въ формахъ: рлєнна 32, пустынѸ 39 об.—такого обозначенія мягкости и не видимъ.

Какъ смотрѣть на ѣ вм. я, совершенно отсутствующаго

въ графикѣ? Это — характерная черта босанскихъ рукописей, общая съ древнѣйшими глаголическими текстами (Маринское ев.); причина этого кроется, повидимому, въ звуковыхъ особенностяхъ ѣ: ѣко, сѣднѣше.

Переходя къ графикѣ рукописи, мы въ № 92, какъ и въ другихъ босанскихъ, замѣчаемъ сравнительно съ современными имъ и старшими сербскими текстами слѣдующее:

а) Отсутствіе, почти полное, к, которое всюду замѣнено є, ничѣмъ не отличающимся отъ простаго. Обыкновенныя же сербскія рукописи, даже въ довольно позднее время (XV—XV в.) отличаются этой чуткостью къ твердости и мягкости е, тогда какъ остальные, русскія и болгарскія, рано утрачиваютъ эту чуткость, по крайней мѣрѣ, на письмѣ. Здѣсь босанскіе тексты опять сближаются или съ болгарскими (по тексту), или съ глаголическими; послѣдніе даже не имѣютъ особаго знака для к.

б) Подобно немногимъ древнѣйшимъ кирилловскимъ и глаголическимъ, и босанскіе тексты не знаютъ системы надстрочныхъ значковъ (точекъ, придыханій, при встрѣчѣ гласныхъ, на гласной въ началѣ слова). Въ этомъ случаѣ босанскіе тексты опять ближе къ глаголической традиціи: древнѣйшіе кирилловскіе (Остром. Ев.; тексты XI в.) уже выработали въ зависимости отъ греческихъ образцовъ, систему, хотя несложную.

в) Сокращенія (титла, выносныя буквы) въ босанскихъ спискахъ такъ же рѣдки, какъ въ другихъ рукописяхъ XI, XII в.; чаще другихъ находимъ ҃ (напр., б҃ѣ), ҃ (напр., є҃а, т҃а). Здѣсь опять, повидимому, имѣемъ дѣло съ консерватизмомъ, сохраненіемъ древней традиціи, которой держатся и глаголическіе тексты.

г) Паеркъ ҃ встрѣчается, какъ и въ древнѣйшихъ текстахъ, крайне рѣдко, но, повидимому, кромѣ своего прямого значенія — замѣны глухого — онъ имѣетъ и иное, вполне едва ли опредѣлимое: если въ словахъ: о҃нь 27 об., ско҃нча 28, можно считать значекъ ҃ паеркомъ, то нельзя ему придавать такого же значенія въ такихъ случаяхъ: с҃транна 28, д҃ра҃гис, г҃лав҃ 28 об., в҃ѣчн҃ 28, быв҃ш҃ 28 об., дн҃ню 28 и т. п.

Нѣчто подобное мы уже видѣли въ рукоп. № 86, описанной выше.

д) Весьма характерно въ босанскихъ рукописяхъ употребленіе ѓ (=Ѹ) и оу. Отдавая предпочтеніе первому, босанская рукопись поступаетъ почти обратно установившейся въ другихъ рукописяхъ традиціи: въ этихъ послѣднихъ оу принято за правило, ѓ какъ его замѣна въ концѣ строкъ, въ случаѣ недостатка мѣста; тогда какъ прочія рукописи, поэтому, избѣгаютъ Ѹ въ началѣ слова даже въ позднее время, когда оу и Ѹ безразлично употребляютъ внутри слова, босанская рукопись предпочитаетъ ѓ въ началѣ слова, допуская оу внутри слова. Въ началѣ слова находимъ оу (и то не какъ правило) преимущественно тогда, когда это слово сливается на письмѣ съ предыдущимъ: вьоускрѣшени 18 об., неоудовь 20, даоучита 13 об. (хотя иѸзреть 24). Во всякомъ случаѣ для № 92 и прочихъ босанскихъ текстовъ надо признать Ѹ (точнѣе ѓ) нормальнымъ, а оу отклоненіемъ отъ этой нормы. Гдѣ искать объясненія этого явленія, сказать трудно. Можетъ быть, небольшой форматъ рукописей, мелкость шрифта, вліяніе греческихъ текстовъ (обычно предпочитающихъ Ѹ) привели къ болѣе экономному ѓ, вытѣснявшему менѣе экономное въ отношеніи мѣста оу? Въ такомъ случаѣ, почему этой тенденціи мы не видимъ въ другомъ отношеніи, напр., въ увеличеніи числа надстрочныхъ буквъ? Этотъ послѣдній приѣмъ стоитъ въ прямой связи съ экономіей мѣста. Можетъ быть и то, что въ этомъ, въ связи съ другими особенностями, надо искать отзвукъ вліянія графики глаголическихъ текстовъ, отъ которыхъ иногда непосредственно идутъ босанскіе тексты (Никольское евангеліе)? Глаголическіе тексты знаютъ только *одно* начертаніе для звука у и притомъ въ обѣихъ своихъ частяхъ слитое въ одно начертаніе, а не два рядомъ стоящихъ о-у: ср. оу и ѿ, къ которому Ѹ ближе по цѣльности.

е) Особенно въ босанскихъ текстахъ бросается въ глаза способъ переноса слова съ одной строки на другую: тогда

какъ обычно кирилловскія рукописи стараются переносить цѣлый слогъ, при чемъ избѣгаютъ переноса одной буквы или слога изъ согласной съ глухимъ, босанскіе тексты совершенно въ этомъ отношеніи не стѣсняются, руководясь только простымъ соображеніемъ заполнения строки и разсѣкая слово на части независимо отъ цѣльности слога или слова. Такіе случаи попадаются массами на каждой страницѣ; напр., л. 11 (лицев. ст.): имѣт-и, слышав-ь же, своим-ь, ѿбѣсноє, ѿдоб-ѣ, цѣрѣство, слышавъш-є же, г-люще, в-ыти; л. 11 об.: є-мѣ, ѿб-о, и-мь, ш-ьше, колѣн-ома, м-єнє, пр-иметь, наст-и, св-ои; еще случаи: н-є (12), м-оего, (13 об.), призва-авъ (13 об.), р-ицѣте (17 об.),

Опять здѣсь напрашивается параллель босанскихъ текстовъ съ глаголическими, которые также свободно относятся къ переносу части слова съ строки на строку; возьмемъ на удачу примѣры изъ Маріинскаго евангелія: о-вѣкъ (303,27)¹⁾, и-родъ (303,26), нє-мь (304,10), пила-тѣ (304,17) є-моу (305,2), а-ште (305,14), оуби-тѣ (305,17), є-го (307,20), є-стѣ (309,20) и т. д. При всемъ томъ, надо замѣтить, что въ босанскомъ текстѣ эта особенность нѣсколько утрирована: въ Мар. ев. такихъ разсѣченій, въ родѣ пр-иметь, мѣ не встрѣтилось²⁾.

Такимъ образомъ, графика босанскихъ текстовъ можетъ дать любопытную картину для исторіи развитія славянскаго письма, можетъ быть, уяснить отношеніе между кириллицей и глаголицей, если не въ первоначальную, во всякомъ случаѣ, въ древнюю пору развитія этого письма.

№ 509. Отрывки—разрозненные листы—рукописи XIV в. болгарскаго письма. Мѣстами рукопись стерта, и по стертому писано уже иной рукой и при томъ сербомъ частью, частью же болгариниомъ. По составу это—отрывки евангелія и апостола вмѣстѣ. Основное письмо крупное, вторичное—мелкое,

¹⁾ Страница и строка—по изданію И. В. Ягича.

²⁾ Но въ Гршковичевомъ, глаголическомъ апостолѣ XII в. (Starine, XXVI, 14 слѣд.) находимъ: єя-оего (I, 27), ка-и(ы)вѣху (II, 2), кѣч-аху (II, 5), испи-вѣ (III, 10), испи-вѣ (III, 18), рѣч-є (IV, 9), др-ажинє (IV, 22), є-є (V, 17), филп-ѣ (VI, 11) и т. д.

оба довольно грубы; заставки и заглавныя буквы зеленой и красной краской сдѣланы весьма грубо, но оригинальнаго тератологическаго характера. Интересъ представляетъ языкъ и графика.

Послѣдняя даетъ слѣдующія особенности:

а) Весьма часто встрѣчается а вм. ѡ: приближитиса хотащимь, има (л. 2); князы (3), са (3 об.), обращеть (19), любашимь, троуждающоуса (10), творать (10 об.), зован та (20). Интересна при этомъ невыдержанность правописанія: тогда какъ а пестритъ во всей рукописи, на двухъ листахъ ея, 16 и 17, не встрѣчается а ни разу, хотя письмо той же руки, что и остальной текстъ.

б) Не рѣдко ои въ смыслѣ оу или ю: коплаѡ (л. 1), юже (л. 6 об.), чодеса (6 об.), шчи (шчию) (10), погобыти (11), анькори (17 об.). Это смѣшеніе оу и ю напоминаетъ аналогичный случай, отмѣченный нами въ пармейникѣ № 300, въ сербскихъ строкахъ разсматриваемой рукописи: встанють (л. 1 об.).

в) Встрѣчаемъ з (=s): въ мнозѣ (2), прозѣль (11), врѣзисл (12 об.).

г) По мѣстамъ всюду вм. ш находимъ ѿ или даже ѿѿ, но еще не въ смыслѣ „очнаго“ письма, а только какъ „слогодѣлительное“ (терминъ А. Х. Востокова): ѿдесноѡ, ѿѿбою (л. 3), ѿбразь (3 об.); находимъ даже ѿ=оу; впрочемъ на л. 7—8, рядомъ съ ѿ, встрѣчаемъ и ѿ.

д) изъ сокращеній особенно любимы писцомъ л+ю, слитыя вмѣстѣ, и р+ѣ (ѣ), которыя встрѣчаются часто и въ срединѣ строкъ.

е) На л. 20 об. находимъ: ѡсалмѣхъ.

Въ языкѣ на ряду съ обычными особенностями болгарскаго текста находимъ:

а) Весьма частое смѣшеніе и и ы: бѣды (impreg.) (1), възлюбѣ (2), вѣроваты (2), бѣти (=бити), гасты (4, 11), любѣ (10), съблосты, скровыща (10 об.), погобыти (11), истыноѡ (15), чѣсты (части) (18 об.), ниѣлты, ѡпоусты, дръжаты, простыви (20).

б) При общемъ отсутствіи *к*, замѣненномъ простымъ *є*, находимъ кое-гдѣ *к* рядомъ съ *є*: *кѣ*, *кго* (рядомъ: *єго*), *прѣ-
ываекъ* (11).

в) Встрѣчается сокращеніе *икѣ*, преимущественно въ окон-
чаніи, въ *к*: *прѣкмь* *вм.* *прикмь* (20), *коньчанкѣ*, *вскрѣшенкѣ* (18),
супванкѣ (20 об.).

г) *ь* нерѣдко развивается въ чистое *є*: *честнѣкѣ* (20), *при-
скрѣбень* (рядомъ—*прискрѣбна*) (20 об.), *иѣчесо* (3).

д) Случаи *ь* *вм.* *ѣ*: въ *дрогьѣмъ* *сѣботѣ* (11), *имьщомоу* (11).

е) *ѣ* *вм.* *є*: *брѣмѣна* (10 об.), *имѣнемь* (16 об.).

Изъ отдѣльныхъ формъ стоитъ отмѣтить: *створилѣ* (3 *plur.*,
л. 1), *ѣ* *манась* (1); *не* *раздаавь*, *рабѣе* (*vocat.*), *рабо-ть* (4),
възидѣ (*aor.*) (10), *свѣдѣтелова* (*imperf.*, 2 *sg.*; 18 об.), ко-
торого (*gen. sg.*) (20).

Въ лексическомъ отношеніи не безынтересны: *талантъ*
твоѣ (*асс. sg.*—женск. рода) *при*: *єдинь* *талантъ* (4), *исклю-
чимаго* *раба* (4), *моудить* (4 об.) и *зamoудѣти* (16) ¹⁾—одно въ
евангельскомъ, другое въ апостольскомъ чтеніи, — *тепень* (*вм.*
биенъ) (4 об.) ²⁾.

II.

Изъ другихъ рукописей бѣлградской Народной библіотеки,
за недостаткомъ мѣста въ настоящемъ отчетѣ, остановлюсь
на немногихъ и прежде всего на замѣчательной рукописи
№ 104. Это одна изъ интереснѣйшихъ рукописей въ области
старой литературы: сборникъ начала XV в. ³⁾ сербскаго
письма, содержащій въ себѣ подборъ рѣдкихъ и важныхъ
произведеній старой литературы; многія изъ этихъ произве-
деній, извѣстныя и по инымъ спискамъ, являются здѣсь въ
въ особыхъ редакціяхъ. Эта рукопись и раньше обращала на
себя вниманіе ученыхъ ислѣдователей: главнымъ образомъ,

1) См. Воскресенскій, Характер. черты ев.

2) Воскресенскій, у. с.

3) Или конца XIV в., къ которому относятъ ее Ст. Новаковичъ въ сво-
ихъ трудахъ, ниже упоминаемыхъ мною.

извлекалъ изъ нея матеріалы проф. Ст. Новаковичъ, который воспользовался текстами нашей рукописи въ вариантахъ къ мученію Георгія, мученію Андрея и Матѳея ¹⁾, къ житію Алексѣя Божьяго челоуѣка ²⁾; изъ нея онъ издалъ цѣликомъ Мученіе св. Петки, большое житіе Василія Новаго ³⁾, наконецъ, описалъ всю рукопись по статьямъ (хотя, къ сожалѣнію, не привелъ начальныхъ словъ статей, что, несомнѣнно, было бы важно во многихъ отношеніяхъ) ⁴⁾. Изъ этой же рукописи по моей копіи издалъ И. В. Ягичъ „Слово отъ Палее о Адамѣ и о Евзѣ, отъ зачала и до свѣршенія ⁵⁾. Наконецъ, В. М. Истринъ, въ своемъ отчетѣ о путешествіи (Ж. М. Н. П. 1896 г. № 6) привелъ нѣсколько выписокъ изъ статей объ Авраамѣ, Давидѣ и Соломонѣ по этой рукописи.

Мною въ прежнюю поѣздку было составлено подробное описаніе рукописи (теперь являющееся почти излишнимъ, послѣ краткаго описанія Новаковича), былъ выписанъ рядъ статей: всѣ апокрифическія мученія апостоловъ (могущія составить своего рода Acta apostolorum apocrypha въ славянскихъ текстахъ) ⁶⁾, нѣсколько статей разнообразнаго содержанія (о Теофанѣ, Соломонѣ, слово Іоанна экзарха и др.); другія сравнены съ изданіями. Въ эту поѣздку матеріалъ провѣренъ и дополненъ. На основаніи этого-то матеріала дополняю свѣдѣнія о рукописи и издаю нѣкоторыя изъ статей, оставляя самую крупную часть — мученія апостоловъ — до болѣе удобнаго случая. Издаваемые статьи снабжаю нѣсколькими замѣтками, исправляющими и дополняющими литературу издаваемыхъ текстовъ.

¹⁾ Starine, VIII, 36 сл.; въ Споменихъ Серб. Акад., XXIX, 46, Ст. Новаковичъ упоминаетъ также и про апокр. дѣяніе *Θωμ*; это ошибочно: текста дѣяній *Θωμ* въ № 104 нѣтъ.

²⁾ Примери книжености... изд. 2 (1885), стр. 401.

³⁾ Споменик Српске Кр. Академ., XXIX (1895), 28 и сл., 64 и слѣд.

⁴⁾ Ibid., стр. 46—48.

⁵⁾ Slavische Beiträge zu den biblischen Apocryphen. I. Die altkirchenslavischen Texte des Adambuches (Denkschr. d. Wiener Akad. B. XLII (1893), см. стр. 2 и сл.).

⁶⁾ Ихъ свѣдѣвало бы по сравненіи съ иными издаты.

Свѣдѣнія о рукописи, данныя Ст. Новаковичемъ (Споменик, XXIX), исчерпывая ея содержанія, нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и исправленіяхъ въ отношеніи палеографическомъ и филологическомъ. Рукопись, дѣйствительно, принадлежитъ къ „знаменитымъ“ не только по содержанію (стр. 46, Споменик), но и по внѣшнему виду: рукописи бумажныя съ пергаменными листами, первымъ и послѣднимъ въ тетрадахъ (quaternio), принадлежать къ рѣдкостямъ и представляютъ древнѣйшіе бумажные экземпляры между славянскими. Опредѣленіе времени № 104 должно зависѣть отъ бумаги: въ ней есть знакъ—сѣкира,—относящійся къ 1395 году ¹⁾. Всего въ рукописи 296 л., начала и конца сборника нѣтъ. Въ рукописи есть записи древнѣе тѣхъ, которыя привели Новаковичъ и Ковачевичъ ²⁾; именно на л. 178 об. вдоль наружнаго поля (при статьѣ о Макаріи, „яже обрѣтется близь рая“): + сина слова писа грѣшни никвлиць тко нхъ прочти (єа?) да рече бѣ да прости николица ѿ дѣвнѣи и телксий болезни; + сина слова писа грѣшни сергіє (?) ѿнагностъ сирѣчьтьць — въ лѣтѣ 732.г (7063 — 1554) мѣца носѣрнѣа днѣ. 1. Обѣ записи писаны разными руками.

Что касается языка, то, приглядываясь къ нему, мы видимъ, что большинство статей (имѣю въ виду тѣ, которыя мною были изучены), несмотря на сербскую графику, сохранили слѣды своего болгарскаго происхожденія — фактъ не безъинтересный для исторіи текстовъ, вошедшихъ въ сборникъ. Наглядное доказательство тому на л. 202, гдѣ находимъ *среди текста* нѣсколько строкъ иной руки ³⁾, нежели остальное (эта рука, опять-таки всякій разъ по нѣскольку строкъ и словъ, проскальзываетъ и въ другихъ мѣстахъ): эта рука ясно принадлежитъ или болгарину, или иному писцу, копировавшему болгарскую рукопись (послѣднее вѣроятнѣе,

1) Двѣ равнодостои (л. 50 и л. 256). *Piekosiński, Średniowieczne znaki wodne* (Крак. 1893), № 413.

2) Гласник Српског Уч. Др. LVI, 328; Новаковичъ, о. с. р. 45, 46.

3) Она крупнѣе и небрежнѣе обычной.

въ бѣлградской рукописи. Такъ, главы 17—25 бѣлградской рукописи соотвѣтствуютъ гл. 7—20 тиквешской рукописи:

л. 48. Слово ш тефани крѣмарци=Тикв. гл. 7 (л. 10—13).

л. 49 об. Сл. св. григориа бѣгословца ѿ иѿанна, въпросъ ш крѣтъ чѣнымъ (Нач. Адамъ бѣше видомъ прѣ двѣрми ранским...). См. Тихонравова, Пам. отр. лит. I, 308 и сл. или Гласник српског Уч. Др. LXIII, 54 слѣд.; редакція ближе къ изд. въ Гласникѣ.

л. 51. Слово за два разбойника, како зачехоусе и распехоусе на прѣтѣмъ дрѣвѣ крѣтѣмъ шѣтъ странъ господа нашего иѿсуса хѣ. (Нач. Вгда высть рождество господа нашего иѿ хѣ. кѣгда иѿзы иродъ младеице—продолженіе предыдущей статьи).

л. 51. Слово ѿ палежъ ш адамѣ и ѿ еѿзѣ... (издано И. В. Ягичемъ, см. Slav. Beiträge zu den biblischen Apokryphen, Wien. 1893, 518 и д.).

л. 57. Слово проведѣнаго аѿраамъ, ш въсен жити его (Авраамъ родисе, г, тисоуще, и въ третник, р, по адамѣ. бѣше бо снѣ єдиногъ вѣроующаго въ идолы)=Тикв. гл. 14 (л. 29—30; изд. Начовъ, стр. 20).

л. 58. Слѣ, како сѣаа тронца прѣде въ домъ аѿраамовъ (Авраамъ имѣаше въ сѣци своѣмъ гостолоубство и не хотѣше гати въ домоу своємъ, аще не придетъ гость)=Тикв. гл. 16 (л. 33—35; изд. Начовъ, стр. 23 и сл.).

л. 60. Се кѣ за исака (Тако съхрани авраамъ сѣаа своєго исака ѿ гл. лѣтъ рѣ гь аврааму помни сѣаа своєго исака—Продолженіе предыдущей статьи)=Тикв. гл. 18 (л. 35—37; изд. Начовъ, стр. 24—25).

л. 60 об. Слово ѿ двѣдѣ прѣрцѣ, како зачетсе и како выцѣрнсе и житикъ его (Въ дѣни шны бѣше моужь иѿсен имѣаше бжтво въ сѣци своємъ)=Тикв. гл. 8 (л. 13—14; изд. Начовъ, стр. 9).

л. 62. Слово ш соломонѣ како бѣ (Давидъ цѣрь имѣаше сѣаа прѣмѣдраго соломона)=Тикв. гл. 19 (л. 37—40; Начовъ, стр. 25). Ср. Тихонравова, Пам. отр. лит., I, 79 сл.; текстъ лучше, нежели у Н. С. Тихонравова.

л. 68. Прѣобѣнаго ѿца нашего еѿрема. Слово ш прѣкраснѣмъ

иисифъ (Бѣе аѳраамовъ, бѣе исаковъ, бѣе инаковъ)=Тикв. гл. 20 (л. 40—40; Начовъ, стр. 27).

Это сопоставленіе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что мы имѣемъ въ перечисленныхъ частяхъ слѣдъ какого-то старшаго сборника, часть котораго послужила ядромъ для бѣлградской и тиквешской рукописи. Если можно допустить нѣкоторую внутреннюю связь между статьями, начиная съ слова о крестномъ древѣ и кончая словомъ о Соломонѣ, (вѣчто въ родѣ палейнаго разсказа или т. н. слова попа Іереміа)¹⁾, представляя себѣ ихъ чѣмъ-либо въ родѣ цикла и поэтому допускаемая возможность передачи ихъ *вмѣстѣ* изъ одного списка въ другой или изъ одного сборника въ другой, то присутствіе разсказа о Теофанѣ корчмарицѣ при циклѣ объ Авраамѣ и его потомкахъ едва ли допустило бы подобное объясненіе; но едва ли можетъ быть и случайнымъ только совпаденіе въ двухъ спискахъ: такое сочетаніе въ двухъ аналогичныхъ группахъ словъ повѣстей библейскихъ и византійско-болгарской сказки о Теофанѣ можетъ быть объясняемо, вѣроятнѣе всего, тѣмъ, что подобное сочетаніе было уже дано въ общемъ источникѣ. Въ этомъ же послѣднемъ, конечно, оно могло быть и случайно: доказательствъ для иного объясненія мы не имѣемъ.

Что касается характера статей по ихъ содержанію въ бѣлградскомъ сборникѣ, то здѣсь обращаетъ на себя вниманіе, между прочими, одна ихъ особенность, а именно: большинство ихъ (по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя были мною разсмотрѣны)²⁾ представляетъ особыя редакціи, отличныя отъ

1) Конечно, не столь стройное, объединяемое только хронологіей изложеніе библейской исторіи.

2) Имено: 1) начальная статья — выписка изъ разныхъ статей; 2) Откровеніе ап. Павла (л. 7 об.); 3) дѣянія апокрифическія (Маттея и Андрея, Марка, Луки, Маттея (одного), Филиппа); 4) Слово о крестномъ древѣ; 5) Книга алаавитъ; 6) Слово на воздвигненіе креста; 7) Видѣніе Исаи; 8) Статья о Соломонѣ; 9) Слово въ честь прр. Или; 10) Слово объ Авраамѣ и св. Троицѣ; 11) Исповѣданіе Еввы; 12) Теофана корчмарица. Слова эти помѣщены въ разныхъ мѣстахъ сборника; поэтому общія ихъ особенности могутъ быть относимы ко всему сборнику, не только къ его отдѣльнымъ статьямъ.

обычныхъ: это или передѣлки уже славянскихъ старшихъ текстовъ, или же иные переводы, нежели намъ извѣстны. Оставляя въ сторонѣ пока часть статей, изданіе и анализъ которыхъ выходили бы за предѣлы краткаго отчета о собранныхъ матеріалахъ, остановлюсь только на двухъ статьяхъ небольшого объема, которыя, по незначительности объема ихъ, могутъ быть изданы теперь же: на сказаніи о Теофанѣ и на сказаніи о Соломонѣ.

Первая изъ этихъ печатаемыхъ ниже статей — Слово штефани крьчмарници, како цѣа фоукоу погоуби и братію его на єдиноу ношь — несомнѣнно, принадлежитъ пока къ рѣдкостямъ въ старославянской литературѣ не только потому, что встрѣчается не часто, но и потому, что подобныя сказочныя произведенія сами рѣдки въ общемъ ходѣ нашей старой литературы. Интересъ представляетъ списокъ изъ № 104 бѣлгр. и потому, что онъ долженъ быть сочтенъ старшимъ изъ извѣстныхъ; а извѣстно ихъ всего только два, кромѣ бѣлградскаго: болгарскій текстъ, найденный, изслѣдованный и изданный П. А. Сырку, относится ко второй половинѣ XVI или самому началу XVII в. ¹⁾, сербскій текстъ тиквешской рукописи, найденный и изданный Н. А. Начовымъ, не старше XVII вѣка ²⁾. Теперь имѣемъ текстъ начала XV-го, если не конца XIV в., при томъ ясно восходящій къ первоначальному (для него) тексту болгарскому. Сравнивая текстъ бѣлградскій съ обоими ранѣе извѣстными, мы замѣтимъ съ перваго же раза, что текстъ этотъ кратче ихъ. Эта сравнительная краткость можетъ быть объяснена двояко: или бѣлград. текстъ есть сокращеніе болѣе полнаго старшаго текста, совпадающаго по объему съ болгаро-румынскимъ (Сырку) или сербскимъ (тиквешскимъ) и, такимъ образомъ, указываетъ на существованіе старшаго текста болѣе полнаго, нежели текстъ

¹⁾ П. А. Сырку. Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ (Спб. 1883), стр. I—II.

²⁾ Сборникъ за народни умиротворенія, VIII (1892), 48, самый текстъ — *ibid.*, p. 8—9.

XIV—XV в.; или же въ этой краткости можно видѣть черту первоначальнаго текста, т. е. считать текстъ Сырку и тиквешскій распространеніемъ оригинала первоначальнаго текста. Какое изъ предположеній вѣроятнѣе, можно рѣшить на основаніи болѣе подробнаго анализа текстовъ. Рѣшеніе же этого вопроса тѣмъ важнѣе, что бѣлградскій текстъ, относясь къ XIV — XV в. и ясно указывая на свое происхожденіе отъ болгарскаго списка болѣе древняго, стоитъ весьма близко къ самому оригиналу повѣсти, явившемуся, какъ предполагаетъ П. Сырку, въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка ¹⁾. Какъ текстъ древній и по времени близкій къ порѣ возникновенія повѣсти въ самой Византіи, а стало быть, еще болѣе близкій къ славянскому (болгарскому) первоначальному ея переводу или пересказу, бѣлградскій текстъ могъ сохранить нѣкоторыя черты первоначальнаго текста, уже утраченныя текстами поздними, старшій изъ коихъ, кромѣ того, страдаетъ пропускомъ (Сырку, стр. 113) и, по мнѣнію издателя (тамъ же, стр. II), подвергся не только фонетическому, но и лексическому вліянію чужой среды—малорусской и румынской. Наконецъ, разборъ бѣлградскаго текста вноситъ нѣкоторыя не лишеныя значенія для исторіи текста поправки къ изслѣдованію Сырку.

Русскую стихію въ спискѣ повѣсти, имъ изданной, Сырку видитъ въ словахъ: хыстіѣ (фраза: егда бы кто хыстіѣ или ннѣми вещьми нальсьѣ на нѣ) и коверз (фраза: покри пропасть с(а) коверомь) ²⁾. Въ тиквешскомъ текстѣ, принадлежащемъ къ той же редакціи, что и текстъ Сырку, читается: егда би то (кто?) хитростію или зловомь наельсе на нѣ (стр. 8), а во второмъ случаѣ просто пропускъ: и покри пропасть (стр. 9). Бѣлградскій текстъ читаетъ: да би кто воинскою или хрьлостію наельсе нхъ. Во второмъ случаѣ: пропасть покри съ цолемь. Легко представить себѣ изъ этого сопоставленія, что было въ первоначальномъ текстѣ: малоупотребительное хрьлость (=arg;

¹⁾ П. А. Сырку, у. с. стр. 110.

²⁾ Стр. 111 и 113 (ср. стр. II).

сюда же прилаг. *хрълъ* — *citus*, *propetans* (Miklosich, Lex., 1098—99), *celer* (Даничичъ, Рјечник, III, 435) было замѣнено болѣе знакомымъ *хъростію*, тѣмъ болѣе, что отъ этого измѣненія не страдалъ особенно смыслъ, измѣняя незначительно и несущественно характеристику военной доблести Фоки и его братьевъ; *хърстія* же, ясно, приходится считать просто опиской вм. *хъростія*. Во второмъ случаѣ рѣшить, что было въ первоначальномъ текстѣ, трудно въ виду непонятнаго мнѣ слова *цоль*. Во всякомъ случаѣ, считать выраженіе *коверъ* руссизмомъ въ болгарскомъ текстѣ я не рѣшился бы, въ виду существованія этого слова въ языкѣ чешскомъ (*koberes*) и польскомъ (*kobiegzes*) ¹⁾. При несомнѣнной общности основнаго текста у всѣхъ трехъ разбираемыхъ (это видно наглядно изъ цѣлаго ряда случаевъ текстуальнаго совпаденія, часто даже въ мелочахъ) можно при сравненіи текстовъ отмѣтить различія между текстомъ Сырку и тиквешскимъ съ одной стороны и бѣлградскимъ съ другой: эти различія можно подѣлить на двѣ группы: различія редакціоннаго свойства и различія отъ первоначальнаго текста къ спискамъ, т.-е. такія, гдѣ одни списки сохранили первоначальное или болѣе первоначальное чтеніе, другіе же его уже измѣнили. Эти послѣднія исправляютъ взаимно искаженія и, стало-быть, могутъ исправить и тѣ недостатки, которые замѣчаются въ изслѣдованіи Сырку, имѣвшаго единственный и далеко не вездѣ исправный текстъ, что повлекло за собой ошибки и неясности въ переводѣ и пониманіи текста (стр. 3—4). Начнемъ со второй группы различій.

1) Бѣлградскій текстъ читаетъ отвѣтъ Фоки на просьбу бояръ и духовенства такъ: *рече* (Фока) къ нимъ съ заклетіемъ: тако ми сотвори ми насъ и всю вселеную... Тиквешскій и текстъ Сырку опускаютъ слова: съ заклетіемъ, которыя, конечно, легко могли подразумеваться изъ формулы клятвы:

---

¹⁾ Въ современномъ болгарскомъ и сербскомъ для слова *коверъ* употребляются турецкія слова: *черга*, *губеръ*, *килимъ*—*хилимъ*; ссть образованія: *простирачъ*, *веленацъ*, *шареница*.

тако ми. Но, несомнѣнно, что эти слова были первоначально въ текстѣ: на нихъ указываетъ дальнѣйшая во всѣхъ текстахъ фраза: Тогда царь помисли на срѣци своємъ и оубоасе заклетіа (бѣлгр.); слова — оубоасе заклетіа — ясно, объясняются изъ предыдущаго съ заклетіемъ въ нашемъ текстѣ, тогда какъ въ тиквешскомъ и т. Сырку они понятны только тогда, когда мы будемъ подразумѣвать ихъ изъ — тако ми. Сырку, переводя это мѣсто, не понялъ его; нашъ текстъ его не ввелъ бы въ ошибку. Не обративши вниманія на только что указанный параллелизмъ приведенныхъ мѣстъ, онъ переводитъ: „клянусь (= тако ми) Сотворившимъ меня Царемъ (sic! царемъ?) и всю вселенную... Царь, узнавъ, чего они желаютъ (просятъ?), и убоившись *заговора* (заклетіа?), сдѣлалъ маленькіе башмаки...“ Не зачѣмъ было прибѣгать къ искусственному переводу заклетіа — заговоромъ: дѣло просто: царь убоился своей клятвы (рече съ заклетіемъ), т.-е. убоился нарушить клятву. Заклетіа значить — *ἀνάθημα, ὄρκος* (Miklosich, Lex., 211), и никогда не — „заговоръ“ (conspiratio, conjuratio).

2) Несомнѣнно, бѣлградскій текстъ сохранилъ вмѣстѣ съ тиквешскимъ черту древняго оригинала своего, употребивъ форму множ. числа: събравшимъсе болгаромъ и кнеземъ и воکمъ и потрнархомъ.... (събравшимъсе болгаремъ и кнеземъ и велмоужамъ и патрнарси (sic)). Въ текстѣ Сырку уже единственное число: събравшимъса болѣромъ и кназемъ и велможемъ и патрнархъ, хотя ниже: тоу сннидошъса патрнархѣ (тоже тикв.; бѣлгр. опускаетъ). Множественное число здѣсь объясняется тѣми чертами народной эпической поэзіи, элементы которой „отражаются ярко въ повѣсти“ (стр. 3 у П. А. Сырку). Это обычный оборотъ въ народной поэзіи юго-славянской. Въ сербскихъ пѣсняхъ (юначескихъ) фигурируютъ обычно не одинъ, а четыре патрнарха; напр., они окружаютъ царя Константина:

За ним сједи дванаест владика

И четири патрнарје.

(Вук. II², 85).

Марко Кралевичъ славить свою „славу“ (Егорьевъ день):

У Марка су многе узавници:

Двѣста попа, триста калуђера,

И дванаест српскијех владика

И четири старе потријаре.

(Тамъ же, 400).

3) Когда найдена была Теофана, то бояре и прочіе при-ведоше ю къ царю, глаголюще се ксть намъ господжа (бѣлгр.); Тикв. и С. вторую фразу опускаютъ, но ее нельзя считать дополненіемъ въ бѣлгр. спискѣ. Здѣсь опять выдержана стройность и соразмѣрность въ построеніи, какъ и въ первомъ примѣрѣ: отдавая калиги (башмаки), царь говоритъ: да гдѣ примоутсе калигнѣ, то приведѣте (соотв. и приведоше ю къ царю): хоцетъ быти вамъ царица (въ тикв. и Сырку: то и боудеть мнѣ царица)

4) Чудесный мечъ Фоки характеризуется у Сырку такъ: мечъ царевъ, еже плаваше желѣзо его тако вода. Это испорченное выраженіе Сырку перевелъ совершенно произвольно: „мечъ царевъ, желѣзо котораго плавало въ водѣ“; еже относиться къ слову мечъ не можетъ; тако вода не=въ водѣ. Не лучше текстъ и тикв.: мчы царевъ, иже плаваше мчы тако вода. Нашъ текстъ даетъ совершенно ясное и правильное чтеніе: это — мчы плавающъ скрозѣ желѣзо тако и крозѣ воду, т.-е. мечъ, такъ же легко разрубающій желѣзо, какъ и воду; или: такъ же легко проникающій сквозъ желѣзо, какъ и сквозъ воду. Это, ясно, сказочный мечъ — кладенецъ, для котораго не существуетъ препятствій; только такимъ мечемъ могъ быть разрубленъ непобѣдимый богатырь Фока, какъ это видно изъ характеристики его въ началѣ повѣсти. Ясно теперь, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ мотивомъ плаванія желѣза (плаваніе желѣза, металла имѣетъ въ сказкахъ и былинахъ совершенно иной смыслъ, нежели здѣсь должно имѣть въ примѣненіи къ чудеснымъ свойствамъ меча; ср. золотые жеребья Садко, напр.), о которомъ, не объясняя, впрочемъ, его, говоритъ П. Сырку (стр. 94, 101), а съ инымъ, дѣйствительно, сказочнымъ

мотивомъ, примѣняемымъ къ мечу-кладенцу въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ.

Этихъ четырехъ примѣровъ, повидимому, достаточно, чтобы судить о важности бѣлградскаго текста для возстановленія первообраза славяно-болгарскаго пересказа. Остается добавить, что бѣлградскій текстъ полный, тогда какъ текстъ Сырку страдаетъ пропускомъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ былъ уже раньше возмѣщенъ тиквешской рукописью, по тексту принадлежащей къ одной редакціи съ текстомъ Сырку. Бѣлградскій же текстъ принадлежитъ къ иной редакціи. Сравнительно съ обоими изданными, онъ нѣсколько иначе располагаетъ матеріалъ; это расположеніе имѣетъ за собой нѣкоторыя преимущества, если принять во вниманіе общій характеръ всей повѣсти. Историческая повѣсть о Фокѣ и его братьяхъ проникнута житійнымъ духомъ: богатыри, Фока съ братьями, представлены святыми: ихъ „святыхъ“ тѣлеса издають великое благоуханіе, не хотятъ изыти изъ пропасти, куда они были брошены Теофаной, пока (я такъ понимаю связь послѣднихъ фразъ) не была размыкана Теофана; при жизни Фока ведетъ жизнь дѣвственника и аскета, умерщвляя свою плоть, тайно совершая свой подвигъ, (постель царская стоитъ только людей ради, а царь отдыхаетъ на острыхъ камняхъ), читаетъ псалтирь постоянно всѣ ночи; когда Теофана намекаетъ ему, что де чръшна твоа оузрѣла ксть, врѣме и тебѣ зовати и т. д., онъ отвѣчаетъ ей: что намъ боудеть о томъ, то ксть блазнь свѣтоу, собирается посѣтить Іерусалимъ, чтобы вернувшись постричься и постричь жену и т. д. Такимъ образомъ, въ началѣ мы ожидаемъ, какъ то находимъ въ житіяхъ, общей характеристики Фоки именно въ отношеніи святости. Также характеризуются и братья Фоки: они боголюбивы, проводятъ ночи безъ сна за псалтирю. Въ тиквешской рукописи и у Сырку этого обычнаго житійнаго *exordium*'а не находимъ: рассказывается только о храбрости Фоки и его братьевъ, и ничѣмъ не предупреждается рассказъ о томъ, какъ бояре и духовенство предлагаютъ

Фокѣ вступить въ бракъ, а о братьяхъ Фоки и ихъ святости ничего въ повѣсти не сказано; только послѣ, въ всякой послѣдовательности, въ *средины* эпизода вставленъ рассказъ о подвижничествѣ Фоки; эта вставка расколола на двое сплошной эпизодъ: Фока женится на Теофанѣ, но не прикасается къ ней (надо полагать, тогда Теофана была еще несовершеннолѣтней); когда же Теофана выросла и стала красавицей, Фока предлагаетъ ей отказаться отъ супружеской жизни и постричься; отсюда козни и злодѣйство развратной Теофаны. Эпизодъ о подвижничествѣ Фоки нарушилъ теченіе рассказа и совершенно не вяжется съ предыдущимъ: онъ не на мѣстѣ. Въ бѣлградскомъ же—помѣщеніемъ рассказа о подвижничествѣ въ началѣ (имъ заканчивается характеристика Фоки) и прибавленіемъ свѣдѣній о братьяхъ Фоки достигнута и цѣльность упомянутаго эпизода и логическое осмысленіе конца рассказа о „святыхъ“ тѣлесахъ убиенныхъ; такимъ образомъ, слова: *шнн вси .Ѣ. братен бѣхоу бѣолюбнви... и всюу ноцѣ непрѣстайно поаше*, въ бѣлградскомъ текстѣ болѣе у мѣста, — можетъ быть, указаніе на первоначальный порядокъ размѣщенія матеріала въ повѣсти. Конечно, рѣшить это положительно трудно; но во всякомъ случаѣ указанное различіе должно быть редакціоннымъ. Къ числу подобныхъ же редакціонныхъ отличій надо отнести сравнительную краткость бѣлградскаго текста: въ немъ прямо есть механическіе пропуски тѣхъ мѣстъ, которыя трудно счесть въ тикв. и С. не первоначальными; таковъ, напр., пропускъ указанія на Никоидію, родину Теофаны; вмѣсто послѣдовательнаго рассказа о долговременныхъ поискахъ за невѣстой находимъ два почти слова:

Въ текстъ Сырку.

Бѣлградск.

<p>шнн же (бояре и духовенство) и поемше калигик и не шбрѣ- вземше калигъ, обыдоша вса хоры и градовы и (не) приаша- са нигде. Вгда прѣдоша въ Ни-</p>	<p>и поемше калигик и не шбрѣ- тоше нигдеже да примутсе. пришедше же къ единой кръчма- рици; имѣаше едино дѣте имс-</p>
--	---

комидія, обрѣтеса дзши нѣкія немь Фѣфану. и тоу прик-
кръчимарица. има ен Фѣшфана, хоусе калигнѣ.
и тоу прѣшшася калигѣ.

Такой же характеръ носятъ и иные пропуски, напр.,
фраза: уни (братья Фоки) мнѣще некон ксть гласъ (тѣв., С.)
какъ мотивъ, почему братья шли на зовъ царя (ср. въ на-
чалѣ повѣсти по т. Сырку).

Пропускомъ объясняется и фраза: ю (видѣше ю — ꙗкопастъ)
плноу мура плавающюу и хотѣху ихъ (т.-е. тѣлеса Фоки и
братьевъ) изсти. Если мотивъ о томъ, что тѣла Фоки и
братьевъ плавали въ источенномъ ими мврѣ, и могъ принад-
лежать подлиннику (отъ тѣлесъ исходило благоуханіе), то
ихъ не понятно, если мы не будемъ подразумѣвать пропуска
фразы: видѣше ста тѣлеса, или чего-либо подобнаго.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ Бѣлградскомъ имѣ-
емъ мы болѣе краткую редакцію, нежели въ остальныхъ;
въ какомъ отношеніи стоитъ она къ болѣе полной редакціи,
т.-е. есть ли она сокращеніе, довольно древнее, первоначальной,
сохраненной, по отношенію къ объему, двумя дру-
гими списками, или наоборотъ: представляетъ ли болѣе пол-
ная редакція распространеніе бѣлградскаго текста,—сказать
трудно. Несомнѣнно одно, что нѣкоторыя лишнія противъ
бѣлградскаго мѣста въ другихъ спискахъ необходимо отнести
на счетъ подлинника, какъ это мы видѣли. Съ другой сто-
роны, характеръ сокращенія носитъ не только статья о Фокѣ
въ нашемъ сборникѣ, но и другія статьи, какъ это мы уви-
димъ ниже. Поэтому весьма вѣроятно предположеніе, что
составитель бѣлградскаго сборника имѣлъ передъ собой ори-
гиналъ съ болѣе полными редакціями статей (а въ числѣ ихъ
и повѣсть о Фокѣ), но съ сокращеніями и передѣлками пере-
писывалъ, составляя свой сборникъ; такое отношеніе рисуется,
напр., для упомянутыхъ выше апокрифическихъ дѣяній апо-
столовъ.

Еще нѣсколько замѣчаній. Не безынтересны послѣднія
строки бѣлградскаго текста: видите ли, братіе, какъ вѣхъ моу-

жей жены погубляютъ. Этихъ словъ нѣтъ въ тикв. и у Сырку. Статья бѣлградскаго сборника стоитъ внѣ связи по содержанию съ предыдущей и послѣдующей: впереди—Слово Іоанна Златоустаго на Богоявленіе, за повѣстью—Григорія Богослова о крестномъ древѣ. Въ этой прибавкѣ нельзя ли видѣть отраженія взгляда писавшаго повѣсть о Фокѣ на значеніе ея въ ряду другихъ, извѣстныхъ ему, но не вошедшихъ въ сборникъ? Никифоръ Фока выставленъ, какъ жертва „женской злобы“, какъ доказательство того, какое зло есть жена. Таковъ смыслъ приписки. А если это такъ, то Фока, а вмѣстѣ съ нимъ и повѣсть о немъ, входятъ въ число лицъ, погибшихъ отъ женской злобы, и словъ и поученій, трактующихъ о женской злобѣ, т.-е. вмѣстѣ съ Сампсономъ, погубленномъ Далидой, Давидомъ, Соломономъ, соблазненными женщинами, и т. д., каковы, напр., слова о женахъ, приписываемыя Златоусту (на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи), разсѣяанныя въ большомъ количествѣ въ нашихъ и юго-славянскихъ рукописяхъ, какова статья „О святыхъ мужахъ, иже отъ женъ пострадаша“, гдѣ въ числѣ прочихъ и указано: *Θεοφῶς φόκῳ ἡρῶα καὶ ὅσα ἄλλα ἔχουσιν ἅπαντες ἅμα καὶ ἐν τῷ αἰὶνῷ ἡμῶν πογύβη* ¹⁾). Подобныя слова находятся въ тиквешской рукописи: „Слово І. З., како 5 женъ весь свѣтъ погубише“, „Слово о Сампсонѣ“, „Слово о св. Іліи, како бѣжа отъ жени“ (л. 6—10); непосредственно за ними идетъ „Слово о царѣ Фокѣ“.

Наконецъ, можетъ быть, не лишено значенія то обстоятельство, что намѣчается нѣсколько одинаковыхъ статей въ сборникѣ, по которому печаталъ рассказъ о Фокѣ П. А. Сырку, и въ тиквешской рукописи: 1) Слово о Давидѣ, 2) Разумникъ, 3) Слово о Измаилѣ, 4) Слово премудраго Іосифа; изъ нихъ оказались и въ бѣлградской (кромѣ сказанія о Фокѣ) статьи № 1 и 3. Такимъ образомъ, опять мы имѣ-

¹⁾ Цѣликомъ напечатана мной въ „Рукописяхъ П. І. Шафарика“. (М. 1894) по сборн. № 12 (см. стр. 49).

емъ передъ собой слѣдъ какой-то группы статей, входившихъ, можетъ быть, въ сборникъ, служившій общимъ источникомъ для сборника Сырку, бѣлградскаго и тиквешскаго.

Издаю текстъ по бѣлградской рукописи вполнѣ.

Слово ш тѣфани кръчмарници. како цѣа фѣукуу погоуби и братію
ѣго на ѣдиноу ношь. бѣви ѿ.

(л. 48). Въ шна врѣмена бѣше цѣрь фѣука. и имѣаше ѿ братен своихъ. бѣху бо вси храбри зѣло. и шѣходѣху вѣсоу землю. кѣда гдѣ наситили се быху полема. и не шѣртаху да би кто воинскою или хрълостію наклѣсе ихъ. Они бо фѣ. ходѣху ишоуще рать. не поѣмаху съ собою никогоже. шни бо храбростію все цѣре и все кзыкы разбиваху. шни вси фѣ. братен бѣху бѣлюбиви въ ноши безъ сна пѣбываху. вѣсега славеше въ псалтири. царь фѣука кѣга хотѣаше спати, имѣаше въ полатѣ своѣи послано каменіе тако ѿ ножь шстро. тоу бо бѣ томоу поконше. ѿ вѣсоу ношь непрѣстайно погаше. събравшмсе болгаромъ и кнеземъ ѿ вокемъ и патриархомъ и придоме къ цѣрю фѣуцѣ и глаше кѣмоу помлѣуи нѣ гѣ помлѣуи нѣ. ѣдино прошеніе оу тебе просимъ дан намъ того гѣ. тако во ихъ вндѣ цѣрь великою радостію глѣху. рѣ къ нимъ съ заклетіемъ. тако мн сътвориши нѣ ѿ вѣсоу вѣселеноую. дамъ прошеніе ваше. тога къ нѣмоу рѣше. тако кѣси добръ къ всен твоѣн дръжавѣ. да би имѣль цѣрцоу да ны вѣселимсе ш томъ. поне (л. 48^a)— же би сътворишь сѣновы цѣтвати. выноу до вѣка нѣ цѣтѣ! добраго плода твоѣго не шскоудѣло би. Тога цѣрь помисли на срѣци своѣемъ. и оубоѣсе заклетіа. ѿ сътвори калигнѣ велико тѣсны и малы. и рѣ къ нимъ поимѣте калигнѣ. да гдѣ примѣутсе калигнѣ. то приведѣте. хоцеть быти вамъ цѣрца. и поѣмше калигнѣ ѿ не шѣрѣтоше нигдеже да примѣутсе. пришѣше же къ ѣдинои кръчмарници. имѣаше ѣдино дѣте именовъ фѣфанѣу. и тоу приѣхѣуесе калигнѣ. И тоу сѣнидохѣуесе кнезы и воинъ. и поѣмше фѣфанѣу съ радостію ѿ съ честію. привѣдоше ю къ цѣрю глѣюще се кѣ намъ гѣга. цѣрь же фѣука вѣнчасе с нею люди ради. нь не примѣсисе к неи. кѣга възрѣсте фѣфана. тога рѣ къ цѣрю. гѣ чрѣшнѣ твоѣа

оузрѣла ꙗ, вѣрме ѿ тебе зобати. и гавлька твоѣе гавлани доспѣла ꙗ. ѿ рѣ црѣ къ ѳефанѣ. ѳефано что намъ боудеть ш томъ. то ꙗ влазнъ свѣтсу. нь потрѣпи мало ѿ азъ (пондоу?) на ѿрѣмь ѿ покло-
 нюсе за мене и за тебе. ѿ кѣа възвращоусе сътвориоу тебе въ
 єдинонь монастыри ѿгоумницоу. а азъ въ другомъ боудоу. ѿ дше-
 наше спсѣвѣ. Тога проклетата ѳефана ѿно на срѣци помысли. и
 зли мисли помысли. призва єдинго рава и шдвои єго и рѣ ш
 цимиски. ѿн же рѣ се азъ гѣе. шна же рѣ ємоу аще сътвориши
 хотѣниє мое, велико добро сътвориоу ти. цимиски же не разоумѣ
 ш чимъ ємоу глѣеть. и поємши єго въ таниѣ и рѣ ємоу. ѿн же
 велико обоваѣсе, и рѣ не сътвориоу то гѣоу моємоу. не рци ми
 второє. ѳефана же рече. сътвори миѣ мое хѣтѣниє не вонсе, и
 азъ сътвориоу тебе цара. цимиски же шѣвѣже.... ¹⁾ паче и трепе-
 щаше. ѳефана же оукрашившисе прихожаше всега на ложикъ єго.
 цимиски всега шѣвѣгоуѣше скрѣбещи. шна же всега влазнѣаше єго. та-
 коже и слѣгсе съ нѣю. цимиски всега съ плачемъ глѣше, ш горѣ (sic)
 миѣ манкомста (?) ²⁾ что сътвориоу себѣ. ѳефана же глѣше ємоу. мальчи
 цимиски. азъ тебе приве (л. 49) доу и погоубиши єго. ѿ ты прии(ме)-
 ши ³⁾ црѣтво. имѣаше во црѣ мечъ плавающъ скѣзѣ желѣзо тако и
 кѣзѣ водоу. поємше ѳефана мечъ црѣвь и даде цимискѣю. и приве
 цимискига. въ таницоу црѣвоу. и рѣ ємоу оудри и не вонсе. црѣ фоука
 стоєщи непрѣстанно поаше псалтирь. млѣещисе бѣоу. цимиски приде
 съзады ѿ оударн. црѣ мечемъ. и расѣче єго мечемъ. црѣ тако
 дрѣжаше псалтирь. врьже и изви ємоу главоу. и шба оумрѣста.
 тога тефана. съ двѣма дѣвицьма. поємше (вѣ же пропасть посрѣ
 полате црѣве. покриена и закована) и врьже тоу црѣ. пропасть
 покри съ цолемъ (?). и посла рава и рѣ. тако глѣеть црѣ призовете
 братню мою. нѣщо ꙗ врьза работа црѣва. и приходєхоу по єдино-
 моу. и нѣ вѣдѣхоу во нищо. кѣа кои въ полатоу влазѣше. тога
 ѳефана съ двѣма дѣвицьма. шбємахоу єго тако любеще и приво-
 дѣхоу єго на пропасть. шнь стоупаше мнѣше постыламо кєсть. про-
 пааше вноутрь. такоже и всоу братню єго погоуби. цимискига
 скритъ проклетата ѳефана. до свѣта инога моужа шврєте. и степса

1) гавига. 2) кѣмо дѣни, секѣ. (тѣвеш.). 3) Взятое въ скобки вырвано.

кго црѣ. и прибра все болѣры и рече слышите вы вси мали и велици. црѣ фоука гнѣ вашъ а мон моужь възеть братию свою. и выниде въ корабь и ѡтиде въ іеѣлмь. мнѣ даде сего моужа. а вамь гна. да сдрьжить црѣво дондеже шнь придетъ. И вси болгаре възмльвихоу глѡще и плачюще. и распустихоу по морю испитоюще и не шѣртоше. кѣда ви кто вѣдѣль ш немь. прибращесе пакы въ цѣриградъ и рѣше повѣѣть намь ѳеѳано. камо гнѣ нашъ съ брати своими. шна бо все кдино глѣше. Исходѣше бо (во)на блгоѡханига ѡ стѣхъ тѣлесь, и покрываше ѡсь гра(дъ) ѡ вси бо не разумѣахоу ѡкоу кѣ вонга. Ёдина ѡ дѣ(виць по)вѣсть...¹⁾ и събращесе болгаре и кнезы и патриарси (л. 49^в) и ѡкрыхоу пропасть, (и) видѣхоу ю плнюу мурѣ плавающоу. и хотѣхоу нхъ изети. нь пакы не възхотѣхоу стѣа тѣлеса изыти изъ рова. проклетон ѳеѳанѣ расточихоу чѣва по градуу. видите ли братие каковѣхъ моужен жены погоубляють. боу же нашемуу слѣ и чьсть ѡсега::

Слѣдующая статья, на которую я хотѣлъ бы обратить вниманіе въ № 104 бѣлградской библиотеки, это—Слово ш соломонѣ како бѣ (л. 62—64). О ней сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній В. М. Истринъ въ упомянутомъ выше своемъ отчетѣ; имъ же отмѣчена та же статья по рукописи № 80 софійской библиотеки. Привлекаю къ сравненію и послѣдній текстъ. Текстъ этой повѣсти изъ цикла Соломоновскихъ сказаній въ редакціи, довольно близкой къ софійскому и бѣлградскому, напечатанъ уже былъ по русской рукописи (Погод. библ. =Имп. Публ. библ. № 1606, XVII в.) А. Н. Веселовскимъ (Разысканія въ области духовнаго стиха, V, 76 и слѣд., 143—147); ему же извѣстенъ былъ и болгарскій текстъ пловдивской библиотеки XVI в. (по копіи П. А. Сырку; см. стр. 89). Сколько можно видѣть изъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго (см. Соломонъ и Кятоврасъ и Разысканія, V), И. Н. Жданова (Былевой эпосъ), рассматриваемая нами версія легенды

¹⁾ стерлось.

должна быть отдѣляема по происхожденію отъ той группы легендъ, которыя вошли въ Толковую Палею (изд. у А. Н. Пыпина (Пам. стар. рус. лит. III) и Н. С. Тихонравова (Памятники отр. лит. II)), и ходили отдѣльно въ русской письменности. Этотъ типъ Соломоновой легенды не чуждъ и русской письменности, какъ показываетъ текстъ Погодина № 1606. (Веселовскій, Разысканія, V, 143). Но его скорѣе слѣдуетъ признать юго-славянскимъ по преимуществу. Несмотря на общность первоначальнаго источника „Слова о Соломонѣ, како бысть“ съ русскими текстами Палеи и отдѣльными (у Тихонравова и Пыпина), необходимо предполагать различіе ихъ по ближайшему оригиналу, т.-е. для русскихъ компиляцій нельзя первоисточникъ видѣть въ томъ юго-славянскомъ текстѣ, который представляютъ тексты бѣлградскій и софійскій: можно отмѣтить разницу въ подробностяхъ самой легенды, объясняющуюся вариантами въ этой легендѣ еще на чужеземной почвѣ. Не зная текста этой легенды греческаго (такой текстъ скорѣе всего можно считать оригиналомъ нашихъ), мы, конечно, должны пока ограничиться предположеніями, только болѣе или менѣе вѣроятными.

1) Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ нашихъ разсказахъ о Соломонѣ и его женѣ, по бѣлградскому и софійскому тексту, это мотивировка похищенія жены у Соломона: русскія повѣсти оставляютъ причину увоза Соломоновой жены открытой, объясняя просто: или, Китоврасъ „вразіимъ совѣтомъ разъярись, хотя видѣти у себя Соломонову жену“ (Пыпинъ, 59), или, „по нѣкоемъ времени пріѣхавше во градъ Іерусалимъ послы отъ царя нѣкоего кораблемъ къ царицѣ Соломонихѣ, чтобы ей втай обманомъ согласившись купно съ нею увезти къ царю своему“ (Тихонравовъ, Лѣтописи, IV, II, 143), или, наконецъ, совершенно неожиданно объясняютъ кражу жены мстью Соломону со стороны Пору: женившись Соломонъ пишетъ Пору: „въ прошломъ де лѣтъ былъ я въ твоемъ царствѣ, и съ царицею твоею пребылъ и перстень съ правыя руки снялъ любимой золотой“ (Пыпинъ,

66). Далѣ же оказывается, что Поръ царицы не имѣтъ, ранѣ же ничего о поведеніи Соломона въ такомъ направленіи не говорится. Начало бѣлградской и софійской повѣсти объясняетъ это, рассказывая о походахъ Соломона до женитьбы. Нѣчто подобное должны мы предполагать и въ той версіи, которая вошла въ составъ сложнаго русскаго рассказа (у Пыпина). Но нашъ рассказъ по софійской или бѣлградской рукописи точно также не лишенъ недостатка: почему именно кипрскій царь является мстителемъ, общая замѣтка — „такъ твореше вьсемь царемь и ругашесе имь“ — не объясняетъ, объясняетъ же удѣлѣвшій отрывокъ въ русскомъ текстѣ (письмо Соломона), гдѣ, съ другой стороны, утрачено то, что должно было мотивировать письмо; такимъ образомъ, „юго-славянская“ и „русская“ легенды, восходя къ одному источнику, различно воспользовались его деталями. Русская легенда съ именемъ Китовраса ничего не знаетъ о мотивахъ увоза жены, кромѣ эпического мотива — страсти Китовраса. Но когда-то мотивъ, близкій къ юго-славянскому по мысли, былъ и въ палейной легендѣ: палейный рассказъ о судахъ Соломона знаетъ о женолюбіи Соломона, о его связяхъ съ „чужими“ женами, и очень нескладно, внѣшнимъ образомъ (просто ставя рядомъ), склеиваетъ рассказъ о женолюбіи Соломона, которое легенда не одобряетъ, съ рассказомъ о его судахъ, говорящихъ несомнѣнно въ похвалу ему: „и тѣхъ (женъ иноземныхъ; предшествуетъ ихъ перечень и укоръ Соломону) приложися любити, и бысть ему женъ вдовиць 700 и хотей 300, а книгъ баше у Соломона царя 8 тысячъ, якоже рече писаніе...“ (Пыпинъ, 55); ясно, къ перечню цифровому механически присоединенъ другой перечень того же характера.

2) „Русскія“ сказанія не знаютъ царя кипрскаго: имъ извѣстенъ Китоврасъ ¹⁾, Поръ, наконецъ, „нѣкій царь“.

¹⁾ Повтому условно называю ту легенду объ увозѣ жены Соломона, гдѣ похитителемъ является Китоврасъ, „Китоврасовской“; ту же, гдѣ эту роль играетъ Поръ, — „Поровской“; легенду же о мудромъ Китоврасѣ и Соломонѣ — „Палейной“, какъ извѣстную изъ Палей Толковой.

3) Въ легендѣ о Порѣ и Соломонѣ приманка, соблазнившая жену Соломона, — рукавицы; далѣе Порѣ ведетъ уже борьбу открыто: онъ черезъ посла съ насмѣшкою извѣщаетъ о томъ, что уже у него жена Соломонова, самого Соломона (Пыпинъ, 67); въ легендѣ Китоврасовской—приманкою служить порфира; мотива хвастовства Пора нѣтъ. Въ „югославянской“ легендѣ, какъ и поздней Китоврасовской—украшенная порфира соблазняетъ жену Соломона, но въ ней есть и рукавицы, какъ въ поздней Китоврасовской (Тихонравовъ, Лѣтописи, стр. 144), но какъ средство убѣдиться въ тождественности Китоврасовой царицы съ женою Соломона (у нея прожжена рука, что посолъ и замѣчаетъ, когда царица мѣняетъ перчатки); но за то въ ней нѣтъ перваго мотива—съ порфирою. Такимъ образомъ, по составу старшая Китоврасовская легенда ближе, нежели Поровская, подходитъ къ югославянской, тогда какъ въ другомъ Поровская легенда даетъ точки соприкосновенія съ „югославянскою“ тамъ, гдѣ ихъ не имѣетъ поздняя Китоврасовская.

4) „Русскія“ легенды (Китоврасовская и Поровская) въ заключеніи сказанія описываютъ отлично отъ „югославянской“ смерть Китовраса: его съ женою и ребенкомъ (или волхвомъ) вѣшаютъ въ петли, приготовленныя для Соломона (Пыпинъ, 61; Тихонравовъ, 121), чѣмъ достигнута симметричность разсказа. „Югославянская“ легенда излагаетъ иначе: кипрскому царю Соломонъ пускаетъ кровь, а царицу велитъ размыкать конями. Отраженіе этого мотива есть и въ русской легендѣ, одна изъ версій которой соединяетъ оба мотива: царя велитъ Соломонъ повѣсить въ золотой петлѣ, его сотрудниковъ — въ лычаной и мочальной, а жену привязываетъ къ коню (Тихонравовъ, 153).

Эти сопоставленія позволяютъ предположить: что иноземная легенда существовала въ двухъ версіяхъ, и что отъ этихъ версій пошли двѣ легенды славянскія: одна уцѣлѣла на югѣ славянства, другая перешла на Русь и получила популярность здѣсь. Что именно и „русская“ легенда ведетъ свое начало съ юга,

можно заключить изъ того, что индексъ юго-славянскій XIV в. (Погодинскій) имѣеть уже въ виду Китоврасовскую легенду: „О Соломонѣ царѣ и Китоврасѣ басни и кощуну“ (Тихо-нравовъ, Памятн. отреч. лит., введеііе, III) ¹⁾. Впрочемъ, неясное выраженіе индекса допускаетъ нѣсколько толкованій: если подразумѣвать подъ баснями и кощунами о Соломонѣ и Китоврасѣ именно рассказъ о *похищеніи жены* Китоврасомъ, тогда указаніе индекса можетъ служить доказательствомъ существованія и на югѣ, и при томъ въ XIV в., Китоврасовской легенды (ср. А. Н. Веселовскаго, Соломонъ и Китоврасъ, стр. 223—225; ср. стр. 212); но возможно подъ словами индекса понимать только тотъ палейный рассказъ о Китоврасѣ, въ которомъ онъ еще не является похитителемъ (см. Веселовскаго, у. с., стр. 209—212); въ такомъ случаѣ индексъ не будетъ для насъ доказательствомъ, если мы не предположимъ, что палейный рассказъ о Китоврасѣ есть только *часть* болѣе обширнаго, гдѣ вторую часть составлялъ эпизодъ о похищеніи жены Соломона (Пыпинъ, Очеркъ, 107, 113; Веселовскій, 225), и что оба эпизода рассказаны уже въ первичной легендѣ, служившей источникомъ палейной и Китоврасовской, какъ это видно изъ нѣмецкихъ сказаній о Соломонѣ и Морольфѣ. Насколько подобное предположеніе вѣроятно, сказать трудно: Китоврасовская легенда не знаетъ эпизода палейнаго; его не знаетъ и юго-славянская: разумѣется, подобное предположеніе имѣеть въ виду не первичную легенду вообще, а легенду первичную для славянскихъ текстовъ, т.-е., если основная легенда и давала сочетаніе двухъ интересующихъ насъ мотивовъ, то тѣ легенды, которыя были источникомъ славянскихъ, могли его раздѣлять. Косвенно существованіе легендъ съ однимъ изъ указанныхъ мотивовъ подтверждаетъ Поровская легенда, представляющая версію Китоврасовской, и наша „юго-славянская“, ничего не знающія о вѣщемъ человѣкѣ Китоврасѣ, а знающая его,

---

¹⁾ Ср. *Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 212.

только какъ похитителя жены Соломона. Но оба изслѣдователя, Пыпинъ и Веселовскій, правы, предполагая соединеніе обоихъ мотивовъ въ первичной легендѣ; славянская легенда—или точнѣе—ея оригиналъ есть уже вторичное явленіе, т.-е. расщепленіе первичной. „двухъ-мотивной“ легенды на двѣ, давшія начало отдѣльнымъ повѣстямъ на славянской почвѣ. Полагаю такъ потому, что слѣды первой части „двухъ-мотивной“ легенды сохраняются въ различныхъ версіяхъ Китоврасовской легенды, т.-е. Поровской и „юго-славянской“: въ первой, помимо имени, застрялъ такой образъ Китовраса, который, хотя и не оправдывается послѣдующимъ разсказомъ (о вѣщихъ свойствахъ Китовраса рѣчи нѣтъ), но восходитъ къ тому вѣщему Китоврасу, который фигурировалъ въ первичной легендѣ, въ легендѣ о Соломонѣ и Морольфѣ: „во градѣ Лукордѣ царствуя царь Китоврасъ; обычай же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи *обращашеся звъремъ Китоврасомъ* и царствуетъ надъ звѣрьми“ (Пыпинъ, 59). Въ этой же версіи можно услѣдить отзвукъ того же хитроумнаго Китовраса, что и въ палейной легендѣ; часть образа вѣщаго Китовраса перенесена на его слугу: тогда какъ въ Поровской легендѣ является добытчикомъ царя княженецкій слуга (Пыпинъ, 67), гость Паша (Тихоновъ, 148), въ Китоврасовской исполнитель царскаго замысла—*волхвъ*, въ „юго-славянской“—*исполнѣ*. Такимъ образомъ, для славянской литературы мы можемъ предположить *два* легенды изъ Соломоно-Китоврасовскаго цикла: 1) легенду о Китоврасѣ, мудрецѣ, вѣщемъ, сохраненную Палеєю, и 2) легенду о Китоврасѣ — похитителѣ жены Соломона; эта послѣдняя восходитъ къ разнымъ вариантамъ одного изъ двухъ первоначальныхъ мотивовъ: а) съ именемъ Китовраса, б) съ именемъ Пора, в) съ именемъ Кипрскаго царя (легенда безъ имени царя - похитителя (нѣкій царь) — позднѣйшая, уже утратившая имя Китовраса или Пора). Если понимать упоминаніе болгарскаго (Погодинскаго) индекса XIV в. въ *общемъ* смыслѣ указанія на всякія легенды—басни и кощунны—о Со-

ломонѣ, куда, какъ *частное* явленіе входятъ, сказанія и о Китоврасѣ, то индексъ будетъ указывать существованіе не позднѣе XIV в. Соломоновскихъ легендъ вообще и Китоврасовской въ частности. Но нѣтъ надобности прибѣгать къ такому толкованію фразы индекса: юго-славянскій—бѣлградскій—сербскій текстъ, восходящій къ болгарскому (какъ показываетъ языкъ списка), доказываетъ существованіе на югѣ славянства Соломоновской легенды о похищеніи жены уже въ XIV в.: къ этому вѣку относится списокъ. Но была ли извѣстна на югѣ „Китоврасовская“ легенда? Могъ ли индексъ, упоминая Китовраса, имѣть ее, а не „палейнаго“ Китовраса, въ виду? Вопросъ не рѣшается неопредѣленнымъ указаніемъ индекса, какъ это мы видѣли, разъ мы допускаемъ *параллельное* существованіе двухъ легендъ, хотя и восходящихъ къ одной первичной „двух-мотивной“, но не на славянской почвѣ. Имя Китовраса извѣстно только въ русскихъ легендахъ (Веселовскій, стр. 219—220). Конечно, предполагая à priori юго-славянское происхожденіе, какъ палейнаго разсказа, такъ и Китоврасовскаго, можно рѣшить вопросъ въ положительную сторону, т.-е. считать оба разсказа возникшими на югѣ, затѣмъ затерявшимися или до сихъ поръ не найденными, или же затертыми (въ отношеніи къ Китоврасовской легендѣ) разсказомъ въ иной редакціи, которая читается въ софійскомъ и бѣлградскомъ спискахъ.

Юго-славянская (сербская) сказка о Соломонѣ и его женѣ (см. Српске народne приповijetke, Вука Караджича, (Беч. 1853), стр. 196 — 198; перепечатка у Веселовскаго, стр. 243—244) при рѣшеніи этого вопроса помочь не можетъ: она доказываетъ только существованіе на югѣ славянства Соломоновой легенды, именно разсказа объ увозѣ его жены (въ чемъ теперь уже нѣтъ надобности, разъ мы знаемъ о существованіи бѣлградскаго и софійскаго текста), но, какъ народный разсказъ, она уже утратила тѣ типичныя черты, которыя отличаютъ различныя версіи этой легенды. Если на первый взглядъ начало сказки сходится съ Китоврасовской

легендой въ томъ, что не знаетъ мотива увоза жены (какъ месть за прежнее дерзкое поведеніе Соломона), подобно текстамъ Пыпина (59) или Тихонравова (143, 147), то едва ли это сходство можетъ доказывать, что сказка произошла именно отъ Китоврасовской легенды: это сходство объясняется общимъ характеромъ сказки, которая въ устахъ народа обезличиваетъ мотивъ; на пути къ переходу письменнаго памятника въ народную устную легенду стоятъ и оба текста Тихонравова, какъ показываетъ ихъ полукнижный полународный языкъ. Въ остальномъ же сербская сказка можетъ быть поставлена въ связь съ юго-славянской (бѣлградской и софійской) версіей, что вполне естественно, хотя въ виду того, что сказка сохраняетъ только *общую* схему разсказа, общую и Китоврасовской, и Поровской и юго-славянской версіи, трудно точно и опредѣленно связать её съ послѣдней. Одна подробность, которой нѣтъ въ Китоврасовской легендѣ, но есть въ юго-славянской, пожалуй, сближаетъ сказку съ этой послѣдней: выдавши Соломона похитителю, жена говоритъ: „иди сад одмах к њему у собу те га посиједи, али се немој шалити да и што почнеш с њим говорити, јер ако га пустиш само једну ријеч да проговори, превариће те“ (Царь не удержался, и Соломонъ, дѣйствительно, перехитрилъ его). Это соотвѣтствуетъ въ бѣлградскомъ: „ничто не рци ему нь погуби его... аще выглаголещи с нимъ, онъ тебе погубить“. Правда, въ „русской“ легендѣ (III-я у Тихонравова) сказано также: „Не дай ему говорить трехъ словъ, убей его, да не умудрить тя“ (ср. соф.: аще ли ти речеть до 4 речи, въ истину онъ тебѣ погубить). Но текстъ этотъ, какъ мы видѣли, и въ отношеніи развязки стоитъ особнякомъ отъ прочихъ, сближаясь съ юго-славянскимъ; наконецъ, онъ опять-таки безыменный (вмѣсто Китовраса, „наличный царь“). Это сближеніе даетъ нѣкоторый шансъ въ пользу юго-славянскаго текста, какъ источника, передъ Китоврасовскимъ, если этотъ и былъ когда-либо извѣстенъ на югѣ.

Издавая ниже софійскій и бѣлградскій тексты, въ каче-

ствѣ источника сербскихъ сказокъ, и ограничиваясь только вышеприведенными соображеніями относительно его, сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ о самихъ текстахъ. Бѣлградскій текстъ, хотя и болѣе древній, представляетъ уже мѣстами механическое сокращеніе, подобно повѣсти о Теофанѣ и Фокѣ, изъ болѣе полнаго, сохраненнаго въ этихъ мѣстахъ въ позднемъ софійскомъ спискѣ. Этотъ послѣдній совпадаетъ съ русскимъ спискомъ этой версіи Соломоновой легенды, изданнымъ А. Н. Веселовскимъ (Разысканія, V, 143); это видно изъ сопоставленія съ нимъ софійскаго и бѣлградскаго. Къ этому послѣднему прибавляю нѣсколько разночтеній изъ пловдивскаго списка по цитатамъ у Веселовскаго, обозначая его черезъ С. Что касается языка списка бѣлградскаго, то и онъ, подобно тексту сказанія о Теофанѣ, восходитъ къ болгарскому прототипу (см. выше), къ которому восходитъ также и софійскій.

Бѣлградскій текстъ

№ 104 (л. 62—64).

Слово, ш соломонѣ како бы.
блѣви ѿ.

(л. 62). Давидъ црѣ имѣаше сѣна прѣмудраго соломона. и имѣаше лѣпотоу великоу. оу ино-го цра гдѣ чюташе црцоу лѣпотоу имѣ(юшоу) соломонъ мудростию строгашесе тако кѣдины воинникъ... (хо)жаше блѣдоугаше с ными. и възымаше блѣгъ ѿ (л. 62*) ныхъ. Бѣга хожаше въ землю свою, тога припоущаше имъ и исповѣдаше имъ како да кѣ всѣмъ на пороуганикѣ. и всѣмъ црѣмъ тако сѣтвори. шѣць юго дѣдъ рѣ ш сѣоу соломоне. почто

Софійскій текстъ

№ 80 (л. 38—45 об.).

Слово ш прѣмудра соломона и ш женѣ его.

Бѣше соломѣ црѣ прѣмудри. сѣнь двѣа цра и прѣрка гнѣ. и шѣлаше всею землю. имаше велѣа дела въ сѣбѣ. хожаше тако кѣдинъ прѣвѣ строюшисе. къ всемъ црѣ и блюдоваше съ женами црѣвѣми. и възымаше велѣгъ ѿ црцоу. и еѣа ѿхожаше въ свою землю. пѣщаше имъ блѣгъ. иже възымаше имъ ѿ жени. и тако твореше всемъ црѣ. и рѣгашесе иѣ. двѣ рѣ. ѿ соломѣне поими сѣтѣ женѣ. не твори тако. соломѣ рѣ аще не

не поимеши себѣ женоу. соломонъ рѣ ш аще не обрѣщюу женоу краснѣишоу всего свѣта како ксмы и азъ не възмоу. дѣдъ же рѣ красна жена ꙗко вражнѣ игралице, и вражен прѣстоль. такоже изшврѣте соломонъ себѣ женоу, и имѣаше лѣпотоу великоу. и видѣвъ дѣдъ рѣ снѣ жена велика скандала възвигнетъ. соломонъ рѣ како да възвигнетъ скандалоу. азъ ѿ всѣхъ црѣи великъ ксмы и помоудръ. и гдѣ боли мене шврещетсе. и много люблагаше кѣ ¹⁾.

Црѣ купрьскы тако слыша ш соломонѣ рѣчи, възель ꙗко женоу. и рѣ аще кто шврещетсе да приведеть мнѣ женоу соломоновоу, дамъ кѣмоу имѣннѣ многа. ѣдинъ исполнишь рѣ кѣмоу, дан мнѣ каменикъ бесцѣнно и бисерь и злато, и даде кѣмоу, и сѣтвори маитию. и принесе въ землю соломона црѣ ²⁾. и продаваше маитию. кто же видѣше маитию глѣхоу снѣ маитнѣ намъ не на приликоу ꙗко. тѣкмо црѣоу ꙗко и пришьше повѣдахоу црѣи и рѣше. гдѣже ѣдинъ коупеникъ прода-

шврѣщѣ довороте моеи приликѣ, инѣ не поимѣ. и шврѣте женѣ. въсего сѣта лепешоу. и ꙗко приведе ю въ домъ свои и виде ю дѣвѣ црѣи и рѣ соломонѣ. въ истинѣ снѣ лѣпота много скандалѣ далѣ оучинитъ. и рѣ соломонѣ гдѣ шврѣщеть подобра ѿ мене. азъ есѣ црѣемъ црѣи. азъ мѣдрѣ ѿ всего сѣта азъ лѣиши. дѣдъ рѣ ш снѣ соломонѣ кака лепота нѣ прилична къ людемѣ. то дела неприлична сѣтворитъ.

Чоу црѣи купрьскы тако поель кѣ женѣ соломонѣ и сѣзва въсе црѣе свое и рѣ. кой ѿ вѣа можеть сѣвѣ да възмѣ женѣ соломонѣ. дамъ емоу иманѣ много и шврѣтесе ѣдинъ исполнишь. и възеть многоцѣнное каменѣ. и бисерь и злато иже члѣкы оумъ не можеть сѣмислитѣ и принесе въ землю соломонѣ. и продаваше ю тако ѣдинъ кѣпещ. вѣси видевши чѣжѣхѣсе. и поведахѣ црѣици ѿ свите. црѣца рѣ, приведете мнѣ его само. да вѣжѣ его. и призвахѣ его, и въпроси его рѣ что ꙗко томоу цена. исполнишь рѣ къ црѣи ѿ госпоже не пѣбаеть то тѣвѣ кѣпити чѣмѣ ме въпрашаешѣ. црѣца рѣ что тако глѣши братѣ. исполнишь рѣче. то въ нашѣи землѣи и робинѣи носеть. црѣца рѣ да ꙗко таково рѣхо ра-

1) Сравни начало Софійскаго текста; съ нимъ совпадаетъ текстъ С.

2) Въ С. короче: и „обрѣтеея исполнишь ѣдинъ и възеть многоцѣнное каменѣ и бисерь... и принесе въ землю Соломонову“ (Веселовскій, 91).

вать мантию ѿ каменна драгаго многа, нѣ иномоу на потрѣвоу тѣмлю црѣвоу ти. црѣца посла принести мантию. и видѣ црѣца и оужасесе и рѣ что ѣ томоу цѣна. коупць рѣ ш гѣе не прилично ѣ то тебѣ роухо носити, понеже въ земли гѣа мокого равы и штроци тако носеть. црѣца рѣ ѣга раби тако носеть црѣца ваша како ¹⁾ носить. исполнинь рѣ црѣ нашъ црѣцоу не имать понеже не шбрѣтактсе красотѣ юго протнвию. нѣ ѣга въпрошакиши ме гѣе азъ исповѣмъ тебѣ. Оуготовано ѣ полатик да ѣга хошетъ прити црѣца црѣа нашего, съ звѣздами нѣными хошетъ играти. тогда црѣца рѣ хотѣль ли би мене възети ²⁾. исполнинь рѣ ш гѣе тако слышала ѣ ш красотѣ твоюй, того ради послала ѣ мене к тебѣ(ѣ) понеже того ради и твои красотѣ подовакт ѿ него (ра) (л. 63) доватисе. црѣца рѣ како мене привель би къ нѣмоу. исполнинь рѣ азъ тебе приведу. и рѣ оукради црѣковнык

вини носеть. да црѣца вашего црѣа, какво рѣхо носить. исполнинь рѣ. нашъ црѣ црѣцѣ не имать. понеже не шбрѣтаеть того века соте(sic) ѣ прманка нѣ аще пометь црѣцѣ. оуготовиль ѣ полатѣ да съ звѣздами играть. црѣца въ танне рѣ, да хотели би мене възети. нѣ истинѣ ш твоен красотѣ веселиль се би. а ти ш тогове възеть. и рѣ емѣ како да приведешѣ мене къ нѣмоу. шнѣ же рѣ ѣи оукради клоучн црѣкѣны и даи хи(sic) мене. шна же оукраде клоучн и да хи(sic) емѣ. исполнинь да ѣи биліе. ѣ оумреть. и поведаше соломонѣ, соломонь почѣдѣе. что бистѣ црѣцѣ напрасна сѣмрѣть. и рѣ соломонь прожезете еи дланы да не сѣтворить дело еже ми шѣ рѣ дѣдѣ. такоже и прожегоше. тога рѣ соломонь въложите ю въ гробнѣцѣ и вънеоуду рѣце и шставите да ѣга же прихожоу да поглядѣю, понеже драга ми вѣше. ѣ прииде исполнинь въ ноши. и зеть ю и напоить ю биліе и шживе. и вънесе ю въ корабѣ. и дасть ю црѣцѣ кѣпрѣскомоу. и црѣ сню сѣтвори женѣ. Соломонѣ рѣ въ истинноу ми рѣ шѣ мон дѣдѣ. шбидоше всѣо землю и не шбрѣтоше ю. и прииде чѣлкѣ и поведѣа емѣ. соломонѣ рѣ како да

¹⁾ „Каково рухо“—С.

²⁾ Эпизодъ читается въ С.: „повеже не обрѣтаеть тоговѣ красотѣ прилика, нѣ аще пойметъ царицу, уготоваль есть полату да съ звѣздами играть. Царица въ тайнѣ рече ему: Да хотѣль ли бы менѣ възети?“ (Веселовскій, 90).

ключе и дан (и)хъ мнѣ, шна дасть юмоу ключе. тогда исполнишь дасть ки забитно билие, и швьоумрѣть. тоу съврашесе цѣрик и кнезы, и дивншесе како цѣрца съмрѣть приеъть. соломонъ рече не бжѣтвна ѣ съмрѣ (sic) кю. еда како ль(ка)вство творить, такоже рѣ прѣже шѣ мон двѣ. повелѣ ражѣши желѣзо и прожегохоу ки длани, шна же бѣше тако и мрѣтва. соломонъ плачущисе рѣ вьложите ю вь гробънице. и шставите ки роукоу вьнеоудоу. да кѣга вьхожоу вь цѣрквь да зроу кю понеже люблахъ ю. и тако сътворише. исполнишь вь ноци пришь швьрзе цѣрѣвь, и покъмъ цѣрцоу и положи ю вь корабь и приведе къ цѣрю купрьскомоу и покъть себѣ женоу. попове же цѣрковны видѣше гробницу испражненоу. и повѣдаше соломону. тоу снндохоусе цѣрик и кнезы дившесе. двѣдъ цѣрь рѣ съвыше се глы мою. вь многы дни распытоваше да оувѣсть како пошла ѣ.

Нѣкто повѣда соломону и рѣ приде цѣрца къ цѣрю купрьскомоу имоуши лѣпотоу великоу кѣда то ѣ. и посла соломонъ кдиноу раба видѣти. и пакы сътвори роукавице каменнемъ безцѣннымъ, бѣхоу во безыцѣнны. едѣнь

ю видѣмь. то ли мѣ ѣ жена. едѣнь члкъ сътвори рѣкавици ш каменѣа многого и шнде вь кнѣирь продаваше ихъ. и цѣра призва его кѣпити рѣкавици. и еѣга вьзлагаше на рѣце свое и тоѣга виде члкъ жѣженѣ железѣ на рѣкѣ ею и позна ю. и приде и поведа соломѣноу. Соломонъ вьстожи великой и приѣра добрихъ мужѣихъ, рѣ. вьвроуженѣ. и вьведе ихъ вь землю кипрьскоу творѣщисе тако того цѣра людие сѣ. и постави е соломѣнь при граде еже наречесе сеафѣ. Соломонъ нарѣсе гѣ странии братъ вьнде вь гра цѣрѣвьнь гра бѣше. цѣрца виде ис полатѣ соломона и позна его. и посла призватѣ его. и еѣга вьнде къ неи и вьпросѣ его цѣрца, что зѣ хощеши. Соломонъ рѣ ти знаешѣ колнко любовь имѣ с тобою. да зрѣши лица твоего оумзрѣ. а воемз своимз бѣ (sic) рѣкль критѣсе. и почнѣвите влѣзь гра. да еѣга оуслишѣте троубѣ тѣ да шврѣшетесе. Цѣрца ськри соломѣоуна. Еѣга приде цѣрь вь полатѣ къ цѣрци и емъ цѣрцоу за плѣщѣ и вьзиграсе съ нею, цѣрца рѣ да вѣ ведель соломѣнь гѣ играешѣ съ мною, что ви тѣ рекль. Цѣрь рѣ что бѣ мнѣ рекльз соломѣоунз аще и великъ ѣ цѣрь, нз братз ми ѣ. понеже азъ вь

рабѣ сѣтвори поуть въ землю купрьскоу. и въспродава роукавице. людие видѣше и повѣдаше цѣри, и цѣца призва юго с роукавицами. изымши роуцѣ свои и постави роукавице на ныхъ. члѣкъ видѣвъ вѣлѣгы роучныя кже ѿ желѣза, и приде къ солломоу и повѣда юмоу истинно. Солломонъ избра добриѣ воѣ и. и покѣтъ съ собою. и сѣтворншесе тако ѿ цѣра купрьска соут. и вынидоху въ землю кипрьскоу. близоу тѣхъ ѿставитъ, рекъ имъ поѣдете тоу строующесе тако ѿ того цѣра воик соут. Еѣа чююте троубоу троубещи тоу бръзанте прити, до третнаго троубенна тоу да шбрѣщете. солломонъ сѣтвори се тако и страны. цѣръ вънеоуду хоѣаше видѣ цѣца с по (л. 63^а) латен и позна юго. и посла призывати юго. покѣмше юго въ тинноу рѣ юмоу гдѣ здѣ възелсе юси. солломонъ рѣ како знаѣши велнку любовь имѣлъ юсмъ и тебѣ. не могохъ трѣпѣти и придохъ да блудоуше твоего шбраза оумроу. такоже и въ полатѣ скры юго. и пришѣ купрьскы цѣръ възыгра съ црею. тоѣа цѣца рѣ аще те би видѣлъ солломонъ гдѣ играѣши съ мною что ти би реклъ. цѣръ рѣ что ми би реклъ азъ цѣръ юсмъ шнь цѣръ

свою землю есамъ. азъ тебѣ ратию не възель есамъ, нь ти сама блуда ради дошла юси. тоѣа цѣца рѣ хоѣеши ли да веди солломона. цѣръ рѣ ш лоуда жено что глѣши. солломоунь (sic) есъ цѣръ цѣрѣ гѣ зѣ шбрѣщете шна рѣ аще ти повемъ солломсна нишо къ немѣ не глѣ нь погѣби его. аще ли ти рѣтѣ до .д. речи въ истинѣ шнь тебѣ погѣбитъ. цѣръ рѣ ш жена лоуда. гѣ солломѣнь пронде поле. плѣна сѣтъ лоудѣ а ти глѣши. Шна же извѣ солломоуна и поведа его единоглѣно выпѣаше. нишо къ немѣ не глѣ нь погѣвы юго. цѣръ рѣ. здраво ли еси солломѣне. Солломоунь рѣ зѣраво есамъ нь зѣраво ли ти естъ жена. цѣръ рѣ солломѣне кѣа бы кто дошелъ въ домъ твоѣ и прѣже би женѣ твою позѣравѣлъ что бы юмѣ сѣворѣлъ. солломѣнь рѣ метнѣлъ го вѣхъ въ тѣмнѣцѣ да лежитъ .г. днѣ тоѣа въвѣргоше его въ тѣмнѣцѣ. и по трѣхъ днѣ изеть его цѣръ и сѣтвори сѣдѣще. и выпроси его рѣ и рѣ (sic) ш солломѣне солломѣнь рѣ юи глѣ. цѣръ рѣ. сѣдѣи еѣа цѣръ цѣра оуфатѣтъ что мѣ сѣворѣтъ. Солломѣнь рѣ погѣбитъ его. нь мѣю ти се цѣроу аще и въ рѣкъ ти есамъ нь цѣръ юсамъ. азъ женѣ ради погѣвохъ. да не погѣвы мене въ тан

їє. шнь братъ їє мнѣ понеже шва цѣа ксва. азь тебе ратию не възель ксмь. ты сама по блѣдоу дошла кси. тоѣа цѣа рѣ хощеш ли да видиши соломона. цѣрѣ рѣ кде соломонь, что глѣши, шна же рѣ аще повѣмъ тебѣ соломона, ничто не рѣци кмоу нь погоуби кго. И изведши соломона и поведаше кго. рѣ аще възглѣши с нимъ шнь тебе погоубить. видѣ цѣрѣ соломона възчюдисе велико, и рѣ зѣраво ли кси соломене. Голомонь рѣ зѣраво ли кси ты здраво ли к и жена твоя. цѣрѣ рѣ. ш соломене аще кто придетъ въ домъ твои и позѣравствоуютъ тебе ш женѣ твоки, соуди что хощеш кмоу сѣтворити. соломонь рѣ. вложила го выхъ да боудеть .г., дни въ тѣмници. и пакы изелъ выхъ кго да що моу соудъ покажетъ. такоже кмоу сѣтворихоу. и прѣбы. и изведе кго къ цѣрю и рѣ кмоу соломене кгда цѣрѣ цѣа оуметь что моу соудить. соломонь рѣ погоубить кго. цѣрѣ рѣ каковоу сѣмѣрть хощеш да ти дамъ. Голомонь рѣ молю ти се брате мои, оучини мѣкненіе мое ш сѣмь понеже азь за женоу мою хошоу погивноути. азь великъ ксмь цѣрѣ никто не хоцетъ вѣрвати азь погивноуль ксмь.

не понеже нѣкто же можетъ оувѣсты, како соломоѣ погивль їє. нѣ изведи мене на поле и швѣси мене на дѣбѣ велице како да всакъ вѣднѣ такъ соломоунь погивъ їє. цѣрѣ постави кго на колесныцы и повезохъ соломѣна на поле. насметасе соломонь и выпроси кго цѣрѣ и рѣ почто насметасе. Голомоѣ рѣ. гѣ чѣмъ се гѣ коло на на (sic) коло всѣда а шбое оу кала. цѣрѣ выпросі кго рѣ гдѣ їє твоя премѣдрость еже имѣши. и соломоунъ рѣ мога премѣдрость шшла їє въ сѣмѣрть. понеже еѣа чѣкѣ гладень їє не имать нѣкою мѣдрость. нь мислитъ да се нагастъ. да и мене жалость шдоле, да за жалость погивнѣ. еѣа привезохъ кго въ дребѣ, соломонь рѣ. дан мне брате тѣрѣбу да по(тѣрѣ)бѣмъ на сѣмѣрть. понеже (.....*) фѣотореніе мое їє да ми есть драго. даше емѣ тѣрѣбѣ шсмоглану. и възлезе на дѣбе и потѣрѣвы .г. и чѣхъ вое кго и придохъ спешно. и кхъ цѣа и цѣцѣ. Голомонь рѣ видѣ те ли како коло на коло всѣдае. цѣрѣ рѣ. гѣ дажѣ мне слатькою сѣмѣрть. и тако пѣсты емѣ кровь въ все жѣли. и оумѣреть слатько. цѣрѣоу свеза

*) Не разобрано.

нѣ изведи мене на полкѣ и повѣси мене на доубоу великомѣ. да всакъ видить мене и да не глѣеть ино нѣ да вѣроуетъ ш сѣмрѣти можн. тога црѣ рѣ сѣтвороу то. и повелѣтъ възложише и на кола, и пондохоу на полкѣ. тогда солломонь насмнѣавсе велико. црѣ рѣ ш солломоне не азъ тебе на сѣмрѣть вѣдоу а ти се смѣеши. со (л. 64) ломонь рѣ. чюжѣоу се како коло на коло възсѣда. ш рѣчи тон црѣ почюднсе. и привѣдше его къ доубѣ великоу. солломонь рѣ гн азъ хоцоу погивноути. даи мнѣ троубоу да потроубаю на сѣмрѣти, понеже наука ми ѣ и ѣ строеннне шца моужо. и црѣ даде юмоу троубоу. Солломонь потроуби прѣвоѣ и воикъ его чювше шседлаше си конѣ. въ второкъ троублени въздохоу. въ третнне троублѣ блѣ (sic) прнспѣхоу воикѣ, гдѣ дръжеть солломона и оукше цра и все слоугы его избыше. солломонь рѣ сего ради глѣхъ азъ како коло на коло възсѣда. солломонь даде царю сладкоу сѣмрѣть. и поустн юмоу кровь въ все жнлы и оумрѣть. царнцоу свѣза фарнѣмъ за шпашн ¹⁾). Солломонь прѣкѣтъ црѣтво его. боу же ншѣ::

фаріамъ за нозе и растрѣзахѣ ю. Солломонь прѣ възъ землю кѣпрѣскою. Бѣоу же нашѣмѣ слава въ векѣ векѣ амнн.

¹⁾ Въ С.: „Царь рече: Ей, Господи, даждь ми сладкую смерть! И тако пусти ему кровь на всехъ жилахъ его и умрѣ сладко. А царнцоу свѣза фаріамъ за новѣ и растрѣзаху ею“ (Веселовскій, 95).

Ш.

Изъ другихъ, собранныхъ мною матеріаловъ сообщаю только немногое, то, что показалось болѣе интереснымъ. Прежде всего останавливаюсь на № 306 (XVII в.) Народной библиотеки Бѣлграда; на л. 169 и сл. помѣщена повѣсть ѿ сзѣданіи цѣригѣа въ вѣзантій вмѣстѣ съ повѣстью о паденіи Царя-града. Это—та самая повѣсть, которая вошла въ Воскресенскую лѣтопись (П. с. р. л., т. VIII, стр. 128—144), издана была покойнымъ арх. Леонидомъ (Пам. Общ. Люб. Др. Писъм., LXII) по русскому списку ¹⁾. О сербскихъ спискахъ, именно о спискѣ по рукоп. П. I. Шафарика, № 10, говорилъ еще I. Иречекъ (Гласник Српског Ученога Друштва, XL, 132 и слѣд.), который предполагалъ уже русское происхождение сербскаго текста ²⁾. Болгарскіе тексты подвергнуты были анализу Л. Милетичемъ (Сборникъ за народни умиротворенія наука и книжнина, XIII, 399 слѣд.), пришедшимъ къ подобнымъ же результатамъ для этихъ текстовъ. Упоминалъ объ этомъ отношеніи между юго-славянскими текстами и русскими и я въ „Вступительной лекціи“ (стр. 27). Пересмотрѣвъ еще разъ списки сербскіе, я теперь окончательно пришелъ къ выводу, что тѣ сербскіе тексты, которые мы знаемъ, несомнѣнно, писаны съ русскихъ списковъ.

Существованіе юго-славянскихъ текстовъ статьи предполагалъ еще А. Н. Пыпинъ (Очеркъ, 214), при чемъ указывалъ, что „существованіе сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе было доставлено намъ уже въ готовомъ славянскомъ *переводѣ*“. Такимъ образомъ, онъ предполагаетъ греческій оригиналъ для нашего сказанія. Въ ту же сторону склоняется и И. В. Ягичъ въ своей краткой замѣткѣ (Archiv für sl. Ph. XI, 157), предполагая, что

¹⁾ Ранѣе И. И. Срезневскій изложилъ эту повѣсть (Уч. Зап. II Отд. И. А. Н., кн. I, 99—137, или отдѣльно).

²⁾ «Рукописи П. I. Шафарика», стр. 41.

греческій оригиналь могъ быть принесевъ какимъ-нибудь бѣглымъ грекомъ, и находилъ необходимымъ привлечь къ дѣлу юго-славянскіе рассказы о паденіи Царя-града. Къ сожалѣнію, болѣе точныхъ указаній ни Пыпинъ, ни Ягичъ не даютъ. Не беря на себя окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи повѣсти, предлагаю только матеріалъ для рѣшенія его, именно: небольшой анализъ юго-славянскихъ текстовъ (тѣхъ „довольно старыхъ“, о которыхъ говоритъ А. Н. Пыпинъ, я не знаю, если не считать таковымъ текстъ Шафарика, писанный послѣ 1619 г.) ¹⁾ и нѣсколько соображеній объ отношеніи повѣсти о взятіи Царя-града къ другимъ подобнымъ повѣстямъ „воинскаго характера“, лѣтописнымъ сказаніямъ аналогичнаго характера.

Анализъ юго-славянскихъ списковъ Повѣсти приводитъ къ слѣдующему: 1) они буквально совпадаютъ съ русскими (у Леонида и въ Воскресенской лѣтописи), ясно этимъ указывая общность своего происхожденія съ ними; 2) языкъ списковъ, главнымъ образомъ словоупотребленіе, показываетъ, что сербскіе тексты, намъ извѣстные, произошли отъ русскаго текста. Вотъ нѣсколько такихъ указаній.

Нѣкоторыя формы, невозможныя въ юго-славянскомъ, точнѣе въ сербскомъ спискѣ, объясняются изъ русскаго языка, каковы: стѣю софѣю (171 об.), съ рус. ѣ=є вм. правильнаго и; гръкы (174 об.),—им. п. мн. ч., возможный только при русской формѣ, вм. гръци; колоколи (175)—полногласная форма (списокъ Леонида сохранилъ книжную форму— „кляколь“); взрѣгани (176) вм. органи. возможная только при русской формѣ съ евфоническимъ *o* (ср. Mikl. Lex. 514) ²⁾; ждаху прѣстѣпѣ (176 об.)—русскій родит. падежъ; молехѣ се—съ є вм. ѣа (или а), замѣнявшимъ собою ѣ=ѣа русскаго текста; оу неи (180)—рус. форма род. пад.; борехѣсе (188) съ є вм. ѣа=ѣа (см. выше); прѣстѣпѣ (193 об.) съ ѣ вм. и, какъ въ рус-

¹⁾ См. „Рукоп. Шафарика“, стр. 45.

²⁾ Тамъ же форма „въ варьганъ“, взятая изъ разсматриваемой повѣсти по списку Шаф. № 10 (1619 г.).

скихъ сѣв. говорахъ; змѣи (171)—вм: змѣи¹⁾. Въ подборѣ словъ и оборотовъ находимъ цѣлый рядъ такихъ, которые были мыслимы только въ русскомъ текстѣ: православный црѣмъ кѡнстантиѡвизновичемъ (Шаф. Ивановичемъ) (174)—отчество, употребленное по-русски; сербское обычное прозвище, теперь кончающееся на h (напр., Јовановић), въ смыслѣ фамиліи, писалось въ рукописяхъ или съ h, или же съ окончаніемъ къ; въ докончаніи (174)=т.-е. въ миру—терминъ русскій, обычный въ грамотахъ, которыя и называются „докончательными“ (Срезневскій, Словарь, 693; докончаніе — мирный договоръ); площади (171) слово неизвѣстное въ сербскомъ, а только въ русскомъ; пѣшки (175 и passim) въ смыслѣ русскомъ, а не сербскомъ (=ружье), пищам (175 и passim), большій (180 и passim)—въ см. великій (magnus, ingens), а не сравнит. степени—извѣстное только изъ русскаго: изъ большее пѣшки (180), большѣ пѣшкѣ (196) изъ большіе пѣшки (185 об. bis) и т. д.; бѣчки съ смѣлою (183 об.) въ русскомъ значеніи (серб. — игла; бочка—по-сербски—буре или барило, каца); ѡбрѣчми (183; серб. лучац), башта (185 об., т.-е. башня) въ серб. имѣеть совершенно иное значеніе (pater; см. Даничича, Рјечник I, 30); зелѣ (183), зеленникъ (180)—въ этомъ смыслѣ (порохъ, казенная часть орудія) въ сербскомъ неизвѣстны (серб. ба-рут — турецк. сл.)

Обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько ошибокъ въ текстѣ, которыя объясняются скорѣе всего тѣмъ, что писецъ не всегда точно понималъ свой оригиналъ; такъ, онъ пишетъ: иѣдеже ѡ всѣ мѣрна побѣда (169 об.), т.-е. одно слово (всѣмирная, какъ у Леонида) раздѣлилъ на два; мѣжѣ двѣю мѡрѣ чръмнаго ѡ бѣлаго (176 об.), вм. чрънаго (какъ въ русск.), т.-е. не понялъ слова (ср. серб. црн); также неудачно раздѣляетъ онъ: сѣ дно хлѣмнѣ (170 об.—т.-е. седмохолмный), илѣ менѣ галатскомѣ (181 об., т.-е. ѡ лимену, т.-е. гавани,

¹⁾ Подобныя же формы отиѣчены были мною въ «Рукоп. Шафарика», стр. 43. — Сюда можно прибавить формы: крѣпчѣ (182) вм. крѣпим, цркска (198), напастѣй род. мн. съ ѣ (193).

заливу), њз њзлѣти (ядро) њ оудѣри (196 об., т.-е. на излѣтѣ ударило).

Всѣ эти черты, кажется, не оставляют сомнѣнiя, что сербскiе тексты повѣсти, по крайней мѣрѣ тѣ, которые мы знаемъ, идутъ отъ русскаго источника, съ чѣмъ вполне согласенъ и ихъ сравнительно позднее время—не ранее XVII в., когда теченiе русское замѣчается и въ другихъ памятникахъ сербскихъ (см. „Вступительную лекцiю“, 30).

Если мы такъ и смотримъ на сербскiе (и болгарскiе, судя по статьѣ Л. Милетича) тексты, то все-таки вопросъ о *происхожденiи* самой повѣсти остается открытымъ: какъ явилась въ русской литературѣ эта повѣсть: есть ли она переводъ, сдѣланный въ Москвѣ съ греческаго разсказа самовидца (или вообще въ Россiи), или принесена уже въ переводѣ югославянскомъ въ Россiю, откуда она вновь перекочевала на югъ? или же эта повѣсть, хотя бы на основанiи иноземнаго источника (устнаго или письменнаго) *составлена* въ Россiи? Несомнѣнно одно, что материалъ повѣсти могъ дать въ томъ или другомъ видѣ человекъ, близко знавшiй, если не непосредственно участвовавшiй въ событiи. Всматриваясь же въ характеръ, стиль повѣсти, мы замѣтимъ не безынтересную черту: повѣсть въ этомъ отношенiи не стоитъ одиноко, входя въ кругъ, такъ называемыхъ, „воинскихъ“ повѣстей, отличающихся своимъ особымъ колоритомъ, своеобразными приѣмами въ описанiяхъ военныхъ, боевыхъ событiй. Рядъ этихъ повѣстей начинается весьма рано—съ Слова о полку Игоревѣ и передѣлки сказанiя Юсифа Флавiя о взятiи Иерусалима Титомъ (изъ „Иудейской войны“), кончая сказанiемъ о взятiи Казани и Азовскимъ взятiемъ. Съ другой стороны, здѣсь намѣчается связь въ приѣмахъ съ обычными лѣтописными разсказами о военныхъ событiяхъ, съ тѣми повѣстями, гдѣ идетъ рѣчь о нашихъ отношенiяхъ къ иновѣрнымъ, главнымъ образомъ татарамъ. Въ этого рода памятникахъ вырабатывается до известной степени своя терминологiя, свои эпитеты. Отраженiе всего этого можно видѣть до известной степени и въ нашей

повѣсти. Не имѣя возможности изложить здѣсь съ достаточною полнотою матеріалъ сравненія, приведу хотя немногое.

1) Иновѣрцы, то, что къ нимъ относится, носятъ постоянныя эпитеты: бессерменскій (знаменіе безсерменское—змій, 171), окаанный (окаанномъ магметъ—186), безбожный (безбожніи тѣрци 176 об.; безбожный магметъ—178), безвѣрный (окаанныи безвѣрніи же и лукавы—Магометъ,—178 об.), звѣрообразный, злонаправный (звѣрообразни — Магометъ — 178, злонаправны магметъ—186 об.). Все это—тѣ эпитеты, которыми награждаютъ и у насъ повѣсти татаръ, иногда литву, азиатскихъ насельниковъ: ср. въ Сказаніи о Владимірской иконѣ ¹⁾: и Штоле вогорѣса окаяны (Темиръ Аксакъ); хотя итти противъ безбожна (Темиръ Аксака); избави... Ш окаяна и безбожна и словѣрна темира аксака црл, Шшествіе окаяна и зловѣрна темира аксака црл. Въ разсказѣ летописи о нашествіи Батыя (П. с. р. л., I, 196—199): „подоша безбожніи Татарове на Сить“ въ Сказаніи о Дмитріи Іоанновичѣ: „Безбожный зловѣрный Мамай“ (Сахаровъ, Сказанія рус. нар., I, IV, стр. 63). Въ Сказаніи о Куликовской битвѣ (П. с. р. л., VI, 90 и сл.) князь Дмитрій въ молитвѣ проситъ благословенія „поити противу окааннаго сыродда Мамаа“; точно также царь Константинъ молится Богородицѣ: не дан же дѣланіа твоего въ поношеніе сыроддцемъ симъ (л. 195). „Бесерменскій“—обычная передача слова „магометанскій“ (см. Срезневскаго, Словарь, 71—72) въ русскихъ памятникахъ.

2) Борьба съ невѣрными въ нашихъ русскихъ повѣстяхъ есть борьба „за вѣру православную христіанскую, за церкви Божія“ (напр., въ Нашествіи Батыя, Мамаевомъ побоищѣ), за эту вѣру кладутъ свои головы бойцы (см. Срезневскаго, Словарь, 542—Мамаево побоище). То же и у насъ: днь, говоритъ Константинъ, приде чѣ прославити бѣ и прѣчѣдью єго мѣрь и нашѣ православию христіанскую вѣру. мѣжайтесе

¹⁾ Цитирую по изданію въ Библиогр. мат. А. Н. Попова, XV—XIX (М. 1889), стр. 15 и слѣд., «Бѣлорусскій сборникъ».

и не ѡслабляйте въ тѣхъ ни ѡпайте надежду кладуще главы свои за православною вѣрѣ хрѣіанскую и за стѣе цркви (л. 186 об.).

3) Описанія битвъ носятъ типическій характеръ, одинаковый и у насъ, и въ русскихъ „воинскихъ“ повѣстяхъ. Вотъ нѣсколько такихъ сценъ: и бы сѣча великаа злаа и прѣоужасна. ѡ пѣшчанаго бога и пищальнаго стѣкѣ и ѡ звѣкѣ звоннаго и ѡ гласовъ и всплей и кричанія ѡ обоѣ людеѣ ѡ трѣскоти ѡрѣжіа такожде и ѡ плача и рыданія грааскѣ людеѣ и женъ и дѣтей іако и землан колебатісе. и не бѣ слышати дрѣгъ дрѣга что глѣеть. бы грѣмъ велим ѡ множаства ѡгна и стрѣланія пѣшкъ и пищалей ѡ ѡбоѣ странъ дымное кѣреніе сзгѣстнѣсе покрн градь и войнство всѣе. іако не видѣти дрѣгъ дрѣга с кѣм се бысть. иза зѣлнаго рааи вззѣвѣха многы оумрѣти. и сѣчѣхѣсе на взѣвѣхъ странѣ грааа. доидеже нѣщнаа тма и раздѣли (л. 177—177^а).

пѣхѣ во тѣрпіа обоѣ странѣ іако снопы сз заврала, крѣвз и тѣчаше іако рѣкы (л. 181).

и бѣ страішно видѣти ѡбоѣ дрѣзѣсти и крѣпѣсти (л. 186).

и бы сѣча веліа іако страішно и жестѣоко бѣ видѣти обоѣ дрѣзѣсти и мѣжства (194 об.).

и бы сѣча примрачна занк стрѣлы и помрачнше свѣтз (л. 195 об.—196).

Для сравненія—битва Александра Невскаго на Чудскомъ озерѣ (П. с. р. к., V, 181) въ 1272 году: „И бысть ту сѣча зла и велика, Нѣмцамъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якоже морю померзшу двинутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо все кровію“.

Битва на Куликовомъ полѣ (П. с. р. л., VI, 90—96): „я бысть сѣча велика и брань крѣпка и трусь великъ зѣло... Біющимся же имъ отъ шестого часа до девятого, — и проліяся кровь акы дождевая туча обоихъ“...

Изъ Іосифа Флавія въ русскомъ пересказѣ: „и отъ толстоты праха другъ друга не знающе вертахуся около акы слѣпші, другъ друга рѣзяху“; параллель изъ лѣтописи: „отъ

множества праха не знати ни конника ни пѣшцы. И тако бишася крѣпко“¹⁾).

Оттуда же: „сняшася, и въ томъ же снятїи невозможно разсудити или знати, кто съ кимъ бїется“²⁾).

Оттуда же: „и бысть видѣти ломъ копѣйный и скреже-танїе мечное и щиты искицани“³⁾).

Сравненїя битвы съ жатвою, убитыхъ со снопами и т. д. извѣстны намъ уже изъ Слова о полку Игоревѣ. Эти типическія описанїя битвъ, повидимому, явились какъ принадлежность такъ называемыхъ „воинскихъ“ повѣстей (я далекъ отъ того, чтобы связывать ихъ съ какою-либо опредѣленною школою литературною, тѣмъ болѣе съ „дружинною“ поэзіей, какъ то дѣлаетъ Е. В. Барсовъ). Параллели такого рода (которыя можно бы продолжить и еще далѣе) отъ оригинальныхъ произведенїй или переводныхъ, но переработанныхъ, могутъ, мнѣ кажется, бросить нѣкоторый свѣтъ и на происхожденїе повѣсти о взятїи Царя-града: нѣтъ особой надобности считать ее переводною съ повѣсти греческой, которая составлена на основанїи наблюденїй очевидца: наша славянская повѣсть могла быть составлена и въ Россїи, хотя бы на основанїи иноземнаго источника, по образцу типическихъ повѣстей военнаго характера. Поводъ же къ составленїю подобной повѣсти въ Россїи вполне ясенъ: хорошо извѣстно значенїе этого событїя, паденїя греческаго царства въ русской жизни, ставившагося въ связь не только съ началомъ кончины міра (сказанїя Андрея Юродиваго, Меѳодїа патарскаго), но и съ идеей о первостепенномъ значенїи Россїи въ дѣлѣ православнаго христіанства (Москва—третїй Римъ). Поэтому, авторъ не только объяснилъ судьбу Царя-града: да съюстся изъа прѣѣже рѣннаа о градѣ сѣмъ при кѣстантїнѣ велицѣ цѣри (имѣется въ виду извѣстная надпись на гробѣ его, и столкованная Геннадїемъ патр.⁴⁾ и лѣтѣ прѣмѣдрѣ (извѣстное пророчество,

¹⁾ Взято изъ „Слова о полку Игоревѣ“, изслѣд. Е. В. Барсова, I, 236.

²⁾ Барсовъ, 235.

³⁾ Тамъ же, 241.

⁴⁾ Издана не разъ; послѣднїй разъ въ статьѣ Л. Милетича, стр. 452—453.

приписываемое Льву императору) и мѣѳѳдіи єпѣкѣ пѣтрѣскы (его сказаніе о послѣднихъ временахъ), но и вмѣсто „русаго рода“ подставилъ „русскій родъ“, которому суждено побѣдить сыновъ Измаила и возстановить св. Софію.

IV.

Закончу настоящую часть отчета нѣсколькими выписками изъ рукописей, откладывая остальной матеріалъ до другого раза.

№ 555 рукоп. бѣлградской Народн. библіотеки XVIII в., босанскаго письма; изъ нея выписываю *Молитву отъ непріятеля и супротивника на суду*: „Стану на аеру и опашусе поясомъ прѣсвѣтіе дѣви Маріе и узму мачъ Господань въ рудѣ свои и прѣсвѣтлюю мльнію, и прѣсеку езикъ непріателемъ моимъ отъ мене, да не возмогутъ на ме зла глаголати, ни зла садѣяти. Господи Ісусе Христе, како си избавио Сосану отъ крива свѣдоцства и Ионну пророка отъ чрѣва кутова, тако и мене избави отъ непріатель моихъ. Господи Ісусе Христе, како сѣи избавио Петра и Павла отъ узе тамне, тако и ме избави отъ непріатель моихъ. Господи Ісусе Христе, како си заградно уста 7 лавомъ, тако да си заградѣтъ уста непріателемъ моимъ отъ мене, да не могутъ на ме зла глаголати, ни зла садѣяти, вѣвѣкіи вѣкомъ аминь.

Господи Ісусе Христе, како се ubezумише 6 воинъ кои стрежаху Господа нашего І. Х., тако да се ubezуметь непріатели мои отъ мене, да не возмогутъ на ме зла глаголати, ни зла садѣяти, вѣ векии вѣкомъ аминь.

Весь сборникъ состоитъ изъ заговоровъ; въ началѣ Колядникъ, за нимъ: Молитва Петра и Павла отъ нечистаго духа и „назора“, св. Григорія на разрѣшеніе отравы, злыхъ чаръ, молитва отъ червей, отъ зуба, молитва, когда хоцещи итти къ царю или судіямъ, молитва отъ змія, пса или волка, молитва отъ „дне“ человѣку, печать Соломона, отъ запора водѣ, сказаніе о 12 пятнидахъ, молитва Зосимы пчеламъ.

№ 558. Сборникъ 1752 г. босанскаго письма. Здѣсь любо-

пытно (л. 158) компилятивное, повидимому, *Слово свете Анастасіе*, содержащее какое-то видѣніе, до сихъ поръ мнѣ не встрѣчавшееся. Привожу его начало: „Приде свети Михаил и вазее свету Анастасію на крила своя отъ земли на небеса, а с неба у рай Пречиста(и?), рече нов (?) анђели, зри оком и паметии умом своим: хођу те врати(ти) с небеса на землю. И рече анђел: зри, света, покажи ми на престолу нанже (?) бог, над ними облак, пред ними анђели мнози и беше оган велии, не моглоше се от свете светлости зрети, али анђели закриваю крили своим лица своя (за криле руке чловече), и виде Авраама са множаством младенца, ту свети Илия яко огань, ту 4 лица различна: ѧ телче, ѥ орле, ѧ лавов, ѧ человек, ту анђели служе Пресветому по два држе крила друга на другу вапняше: светъ, светъ, светъ, Господь Богъ Саваот, исплни небо и землю слави свое. Осана во вишни! Ест дубок колько же і он пред женитбом ями ками велик и метни га и лети: 3̄ā: 4̄: лета, пакн же стани на пучини тогда Бог лоза (?) елжене (?) иманиту мужу преко негa мост прва широко: 1̄ч: дана преде на среду яко леви прст на краю яко оцро мача, приде множество душа, стану по светому мосту, придопе анђели ва бел мат свнлски, зовут праве гласом лубнием носеще пред ним цвиеи благоур(х?)ано и пояду за нима одесную ни не лица ни ветра негова крста снае яко слунце види се слово писати глаголи анђели сим душам: ви мой прави мирно сваким суседам...“

Ясно, что текстъ страшно испорченъ, съ трудомъ можетъ быть прочтенъ и понятъ. Одно можно сказать, что приведенный текстъ стоитъ въ связи съ духовными стихами о страшномъ судѣ, въ которыхъ упоминается мость, по которому идуть души, тонкій, какъ остріе меча.

Передъ словомъ св. Анастасіи (олицетвореніе воскресенія мертвыхъ? *ἀνάστασις*?) какое-то сказаніе о второмъ пришествіи: „Сказаніе отъ конца сего света, како хоће бити пред судомъ 17 дніи знаменна и чудеса, то ест щини изъ и жидовьски книга...“

Въ началѣ рукописи приведена азбука, гдѣ въ числѣ буквъ послѣ ю приведена: э-с; это, можетъ быть, глаголическое ээ?

№ 27. Академич. библ. (бывш. Ученаго Дружества) сборникъ начала XIX столѣтія. Здѣсь, кромѣ трепетника ¹⁾, сна Богородицы, епистолиі о недѣлѣ, помѣщается рядъ духовныхъ виршъ, повидимому, писанныхъ съ русскаго, напр.

Письмъ о рождеству христову.

Егда прійде конецъ вѣка,
Богъ отъ Дѣвы родися,
Спасти хотя человѣка,
За презѣлну свою благость
Воспріялъ есть нашу слабость...

и т. д.

На л. 24 — *Молитва святаго Сысона*, которую привожу вполнѣ: „Вистъ воинъ святіи Сысонъ, и явися ему ангель Господни и рече: „возстани, святи Сысоне, и поиди (къ) сестриі твоеи Мелентіи, понеже бо родила 6 деце и все дьяволь изе и будетъ 7-го изести. Тебѣ сотвори Господь ловца дьяволь“. Востани святи Сысоне и поиди (къ) сестри Мелентіи; баше Мелентіа затворила врата и желѣзомъ оковала и оловомъ затопила баше, себѣ рану (т.-е. храну-пищу) за 3 лѣта прибавила и приведе себѣ дѣвиць на послуженіе, дондеже возраститъ отроча жеа. Тогда явися святи Сысонъ: „отвори врата, сестро моя Мелентію, азъ есамъ братъ твои Сысонъ“. Она же рече јему: „Брате мои Сысоне, не могу ти отворити врата, понеже бо есамъ родила 6 деце, и вся дьяволь изель, оне (т. - е. хоѣ) и ово 7-мо изести“. Он же рече: „не боисе, сестро моя Мелентію, азъ есамъ ловаць, дьяволь не можетъ са сакрити от мене, азъ его обрещу“. Тогда Мелентіа послуша его и отвори врата, и тогда сотворися дьяволь в зерно жита и прилѣпися...”

¹⁾ Не перечисляю собранныхъ текстовъ трепетниковъ, имѣя въ виду отдѣльное по нимъ изслѣдованіе.

На этомъ обрывается текстъ, оставшійся недописаннымъ. Литературная исторія этого текста изложена у М. И. Соколова въ его „Матеріалахъ“ (Извѣстія Института, XI).

V.

Изъ рукописей софійской бібліотеки, несомнѣнно, первое мѣсто принадлежитъ знаменитому синодику царя Борила. Въ виду изданія этого памятника по копии (фотографической?) и изслѣдованія, приготовляемыхъ М. Ю. Попруженкомъ ¹⁾, ограничусь только однимъ замѣчаніемъ о времени рукописи. Единственнымъ надежнымъ даннымъ при опредѣленіи времени написанія, можетъ служить бумага, ея филиграни. Писана рукопись на сборной бумагѣ; водяные знаки, снятые мною съ полною точностью, показываютъ, что ранѣе самого конца XIV в. рукопись быть писана не могла: между знаками, относящимися (по Пѣкосинскому) къ разнымъ годамъ XIV в. (1353, 1360) есть одинъ лукъ — который относится къ 1393 году, такъ что рукопись относить ко времени раньше этого года нельзя; это — *terminus post quem*. Съ другой стороны „многая лѣта“ (л. 83^a—84) провозглашаются *Евѣиміѹ прѣощенномѹ архієпѣпѹ вѣоспѣнаго великагоу граѹ трѣнова ѿ възсмѹ възгаромѹ патриархѹ*. Евфимій же лишился патриаршества въ 1393 году; въ томъ же году умеръ Іоаннъ Шишманъ III, которому, какъ живому, въ синодикѣ также провозглашаются „многая лѣта“. Такимъ образомъ эти данныя позволяютъ отнести рукопись точно къ 1393 году, если только опредѣленіе года бумаги съ лукомъ вѣрно сдѣлано Пѣкосинскимъ.

Изъ другихъ рукописей заслуживаетъ вниманія сборникъ № 62, болгарскій, XVIII в.; часть его писана въ 1750 г., какъ свидѣтельствуемъ запись на л. 154 об.: оу враца въ домѣ димо николови синѣ въ лето *ѿл. ѿ. ѿ. азъ іосіѿъ*.

Содержитъ этотъ сборникъ рядъ пересказовъ на народномъ языкѣ словъ и житій святыхъ.

¹⁾ Текстъ уже вышелъ во II т. Извѣстій Русскаго Института, въ Константинополѣ.

л. 1. I. Златоуста на вторую недѣлю поста. Нач.: Видесте ли въ мимошадшою неделю сиречь въ прѣва недѣля показасе стѣ постъ.

л. 16. I. Златоуста: ради дворе и змию и ради житіе века сего суетнаго.— Потребно есть и то да знаеме ꙗже начела показа бгъ пастирѣ.

л. 29. Слово: боитьсе врагъ ꙗже смиреніе.— Беше некои богати члвкъ въ египатске страни, гимеяше едина дащеръ.

л. 30. О третьемъ вселенскомъ соборѣ.

л. 32 об. Мученіе Минодоры, Митроды и „Фодори“.

л. 66 об. 84. Мѣа маѣа въ ѣа днъ стго и вѣликаго цара и равноапѣла Костьдина.

л. 86. Житіе папы Сильвестра.

л. 104. Житіе прор. Или.

л. 130. Житіе Амвросія Медиоланскаго.

л. 154 об. Житіе Θεодосія пустынно-жителя.

л. 176 об. Ноября 13-го. Житіе I. Златоуста, „нищолюбива“.

л. 271 об. Житіе Петра и Павла; въ житіи ссылки на лѣтописцевъ *Гѣа* и *Зеферѣа*.

л. 301 об. Житіе ап. Андрея.

л. 325 об. Житіе ап. Ѡмы.

л. 327. I. Златоуста слово на великій четвергъ.

л. 341. Поученіе при началѣ дѣла.

Особенность статей этого сборника, помимо народнаго языка и свободнаго отношенія къ старому тексту, представляютъ введенія общаго характера, которыми составитель сборника пользуется для поученій, часто ничего общаго съ самымъ житіемъ, которое онъ излагаетъ, не имѣющими. Такими введеніями снабжены сказаніе о Константинѣ Великомъ, житіе Или, Амвросія, Петра и Павла. Наиболѣе интересно введеніе къ житію прор. Или: оно разсуждаетъ на тему, что ученіе слушать полезно, но не всякое, а только хорошее, отъ добраго писанія; распространяется о нравахъ добраго учителя. Въ разсужденіе о добромъ и зломъ писанія вста-

влена замѣтка любопытная для исторіи статьи о книгахъ ложныхъ и для самыхъ этихъ ложныхъ, отреченныхъ книгъ. Привожу ее цѣликомъ: надо слушать доброе ученіе „понеже имать и *лжзавни книги* и хулни речи имуть отъ якоже имать некои книги и нарицаютсе *карътанови* книги, и въ нихъ пишеть ради Христа: егда беше мало отроче, ходеше по зарн слъначни и с пола носеше вода, и теглеше дрѣво и станеше подлго. Такова и тимъ подобно сказуеть и ради светому Троицу и како порасте Христось и на рождво Христово и на распетие. Такови рече еретици говорятъ, а не црѣковни наши учителя: и открьвеніе богородично, и видение апостола Павла, и открьвеніе светому Георгію, и открьвеніе Аврамово, и открьвеніе Іоанна Богослова (и нетая, иже ю четеме у црѣкви, нъ другою, иже глаголетъ: услыши Іоанне) и некои лажать (рѣч. лежать) и говорятъ, како паднала книга отъ небеса, ради света недела, и слово ради света Теодора, и друго слово говорятъ, како да естъ писалъ Іаковъ, братъ божиі на рождество Христово, и друго слово, како да естъ писалъ Іоаннъ Богословъ на успеніе богородично, и ради зачетіе светому Георгію и како мучи го царъ Діоклитіанъ и други три царіе и други многи лажави книги имать. И кои учителя любятъ право да учать, не хоцуть да четуть на такива лажавни книги ни да ги изъгорить, якоже повелевають свети оци 3. сабора въ ѿ глава“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой своеобразную редакцію статьи о книгахъ ложныхъ. Своеобразность и достоинство этой статьи заключается въ томъ, что составитель ея, подобно редактору болгарскаго индекса въ номоканонѣ XIV в. (Погодинскій), заносилъ названія апокрифовъ на основаніи личнаго знакомства съ ними, что отражается, напр., на замѣткѣ его объ евангелии Өомы, гдѣ онъ отмѣтилъ три чуда, какъ они читаются въ юго-славянскихъ текстахъ (каковъ № 68 софійской бібліотеки ¹⁾ поздней редак-

¹⁾ О немъ см. въ моихъ „Апокрифич. ев.“ стр. 128—31.

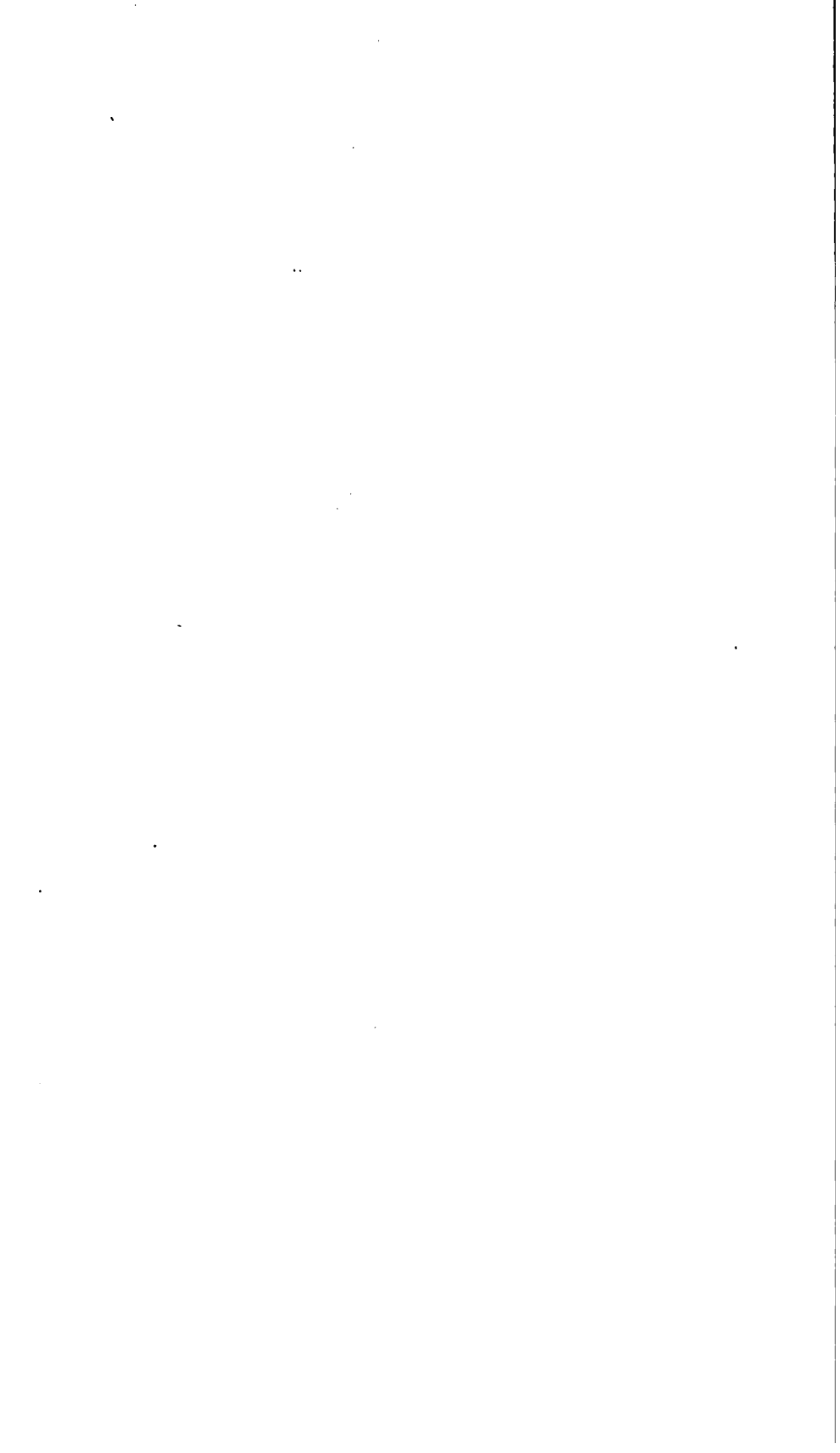
ціи ¹⁾ и происшедшихъ отъ нея малорусскихъ. Крімъ того, обращаютъ на себя вниманіе заголовки нѣкоторыхъ статей у автора: обыкновенное „Хожденіе по мукамъ Богородицы“ носить названіе „Откровенія“, что соотвѣтствуетъ первоначальному названію апокрифа: *Ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου...* (Lambecii, Commentarii, V, 634). Откуда взялъ это заглавіе авторъ индекса? Въ противоположность нашимъ индексамъ, отмѣчающимъ Первоевангеліе Іакова (*Ἰακώβου ἱστορία*) глоссой: „Іакова нѣкоего евреянина, а не апостола“, болгарскій индексъ прямо указываетъ на то, что есть въ самомъ апокрифѣ, который, дѣйствительно, приписывается Іакову, брату Господню: *Ἱστορία Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοῦ θεοῦ...* (Апокр. ев., стр. 9). Индексъ правильно различаетъ каноническій апокалипсисъ Іоанна отъ апокрифическаго, отмѣчая послѣдній той же глоссой, что и въ нашихъ индексахъ („слыши, праведный Іоанне“). Но въ то же время разсматриваемый даетъ указаніе на такіе тексты, которые до сихъ поръ не попадались въ спискахъ ложныхъ книгъ: это—Слово І. Богослова на успеніе Богородицы, Откровеніе Георгіево, Зачатіе св. Георгія. Первый текстъ извѣстенъ давно въ славянской литературѣ ²⁾, что же представляютъ два остальные, намъ неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ этотъ, хотя и поздній, индексъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователя нашихъ ложныхъ и отреченныхъ книгъ.

---

¹⁾ Эпизодъ о „зарѣ“ не извѣстенъ старымъ текстамъ.

²⁾ См. А. Попова, Библиогр. Мат. II.

Содержаніе неофіціальнихъ отдѣловъ I-XVI томовъ Извѣстій Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

I ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. *П. И. Люперсольскаго*.—Философскіе этюды А. А. Козлова. Критическій очеркъ *Н. Я. Грота*.—Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія. *А. С. Будиловича*.—О землѣ Половецкой. *Н. Я. Аристова*.—Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ. *Н. А. Лавровскаго*.—Изслѣдованія въ области греческаго мѣстоименія. *А. В. Добіаша*.

II ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Своднѣнія, какъ предметъ научнаго анализа. *Н. Я. Грота*.—Нѣсколько поправокъ къ тексту Горация. *Г. Э. Земера*.—Первобытныя славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 1. *А. С. Будиловича*.

III ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Дипломатическія сношенія и борьба Императора Александра I съ Наполеономъ. *П. И. Люперсольскаго*.—Состояніе образованія въ Россіи въ царствованіе Александра I. *Н. Я. Аристова*.—Гимназія высшихъ наукъ Князя Безбородко въ Нѣживѣ (1820—1832 г.). *Н. А. Лавровскаго*.—Рѣчь М. Туллія Цицерона о консульскихъ провинціяхъ. *Р. А. Фохта*.—Патмосскія схоліи къ Демосену. *П. В. Никитина*.—Первобытныя Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. I, 2. *А. С. Будиловича*.

IV ТОМЪ. Вып. I. (Ц. 75 к.)

Заговоръ графовъ Петра Зринскаго и Франца Франкована. *А. С. Будиловича*.—Историко-литературный разборъ поэмы Ивана Гундулича „Османъ“. *Р. Ф. Брандта*.—Еще нѣсколько замѣтокъ о трудныхъ мѣстахъ у Горация. *Г. Э. Земера*.

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій. I. (Историческій отдѣлъ). *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адрианова.*—Психологія чувствованій. II. (Теоретическій отдѣлъ). *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Θ. Брандта.*

VI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Давровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченыхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Земера.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. Лексикологическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ панирусномъ спискѣ Алеманова Парвенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. *И. А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Земера.*—Выстія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Музима-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для бібліографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шущерна о жизни и дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ

словъ. *Р. Θ. Брандта*.—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова*.—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова*.—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—Синтаксисъ Аполлонія Дисвола. II. *А. В. Добіаша*.—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича*. Переводъ *Н. В. Шлякова*, подъ редакцію *Р. Брандта*. I. (Старославянскій языкъ.)

IX ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Землера*.—*P. Terenti Afrī Eunuchus*, съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля*.—*M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia*. Текстъ съ объясненіями. II. *А. Адриано*.—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича*. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. II (Языки ново-славянскій, болгарскій и сербскій).

X ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова*.—*P. Terenti Afrī Eunuchus*. II. *А. М. Фогеля*.—*Миклошичъ* Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. III—IV. (Языки русскій, чешскій и польскій).—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Θ. Карскаго*.

XI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова*.—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И Соколова*.—*Миклошичъ*. Сравн. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Θ. Брандта*. V (Языки верхне-лужицкій и нижнелужицкій).—*Titī Livii ad urbe condita lib. XXX*, съ объясненіями. *А. М. Фогеля*.—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, *Я. Денисова*. *Н. Ф. Фоккова*.

XII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребническаго*.—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова*.—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. И. Лилева*.—Матеріалы для исторіи раскола на

Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. *М. И. Дилеева.*—
Материалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. (I). *Е. В. Пытухова.*

XIII ТОМЪ. (Ц. 2 р.)

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша.*—
О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*—
Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Дилеева.*—Материалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пытухова.*

XIV ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

Замѣтки по греческому синтаксису (Очеркъ синасіологіи глагола). *А. В. Добіаша.*—*M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute*, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Дилеева.*

XV ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пытухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист.-фил. Института Князя Безбородко (1875—95.).—Замѣтка о библиотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библиотекѣ Института. *Е. В. Пытухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу (по подлинникамъ, съ присоединеніемъ 4 писемъ Прокоповича къ Гоголю и 2 фототипич. снимковъ) *Е. В. Пытухова.*—О картинной галлерей Института. *И. Г. Турцевича.*—Нѣжянѣ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*—Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культь Весты въ др. Римѣ (продолж.) *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. Θ. Карскаго.*—С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Мифологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—*И. А. Левницкій.* (Некрологъ). *М. Н. Бережкова.*—Опытъ синасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софіискій библиотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

104874/2 - 5

Цѣна 3 руб. 50 коп.

3 2044 072 697 949

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
CANCELLED

